

История

БАШКОРТОСТАНА

*с древнейших времен
до 60-х годов XIX в.*

История

БАШКОРТОСТАНА.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

История
БАШКОРТОСТАНА
*с древнейших времен
до 60-х годов XIX в.*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
Х. Ф. УСМАНОВ

УФА
«КИТАП»
1996

ББК 63.3(2 Рос. Баш.)
И 90

Рукопись книги утверждена к печати ученым советом Института истории, языка и литературы УНЦ РАН и публикуется в авторской редакции.

Редколлегия книги:

Х. Ф. Усманов (ответственный редактор),
И. М. Гвоздикова (зам. ответ. редактора),
Р. Г. Кузеев, А. Х. Пшеничнюк, З. Г. Ураксин

Рецензенты:

Н. М. Кулбахтин, С. Ф. Касимов,
Ю. А. Узигов

И 90 История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века — Уфа: Китап, 1996.—520 с.: ил.

ISBN 5-295-01490-8

В книге дано систематизированное изложение истории Башкортостана от появления человека в крае до падения крепостного права. На основе новейших исследований, архивных и опубликованных источников показаны жизнь древнего населения Южного Урала, формирование башкирского народа, его хозяйство и культура, присоединение Башкирии к Русскому государству, превращение ее в многонациональный край, социально-экономические отношения в регионе в XVI—первой половине XIX в. Большое внимание уделено изучению освободительного движения и культуры народов Башкортостана.

Расчитана на историков, преподавателей, краеведов, студентов, также на всех, кто интересуется историей родного края.

0503020901—69
И М 121 (03)—96 99—96

ББК 63.3(2 Рос. Баш.)

ISBN 5-295-01490-8

© Коллектив авторов, 1996

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга охватывает историю Башкортостана от появления человека в крае до падения крепостного права.

Первые следы человека, обнаруженные на Южном Урале, относятся к далекому прошлому, получившему название каменный век. Многие тысячелетия древние люди обживали суровый край, пользуясь каменными орудиями, постоянно совершенствуя их. Во II тысячелетии до н. э. они освоили металлургию бронзы, а в VIII—VII вв. до н. э. вступили в эпоху раннего железа. Присваивающие формы хозяйства постепенно уступают место земледелию и скотоводству.

Находясь на стыке Европы и Азии, Южный Урал соединял судьбы многих племен и народов. Здесь формировался башкирский народ из местных и пришлых племен, постепенно определилась его территория. Башкиры занимали обширные приуральские, южные, зауральские степи и лесостепи, а также горно-лесные районы, богатые различными минеральными ресурсами.

Длительное время основным занятием башкир являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Они знали первобытнообщинный строй, патриархально-феодальные отношения. У них возникли племенные объединения. В XI—XIII вв. башкиры испытывали влияние Булгарского государства, а затем оказались в составе Золотой Орды. С распадом последней башкиры подпали под власть Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств. На чужеземный гнет население отвечало самоотверженной борьбой за свободу и независимость.

В середине XVI в. Башкирия добровольно вошла в состав Русского государства. Постепенно край стал многонациональным. Обилие плодородных земель привлекало сюда русских, татарских, чувашских, марийских, мордовских, удмуртских, украинских и других крестьян из центральных, приволжских и западных районов страны. Контакты местного населения с пришлым благоприятствовали хозяйственному и культурному развитию Башкортостана. Начался процесс перехода башкир к оседлому образу жизни. В крае расширялось земледелие, росли промыслы и торговля, возникли города и промышленность. Во второй половине XVIII в. получила широкую известность южноуральская металлургия, основанная на труде русских мастеровых и рабочих людей.

С присоединением к России в Башкирию проник развитый феодализм, который сосуществовал с патриархально-феодальными отношениями у башкир. Разнообразились формы эксплуатации населения. Но крепостной труд применялся мало. Лишь со второй половины XVIII в. он стал определяющим на горных заводах и части помещичьих имений. Основная масса местного и пришлого населения несла феодальные повинности в пользу государства. В первой половине XIX в. башкиры, татары и некоторые другие народы находились в военном сословии.

Царское правительство систематически отнимало у башкир земли, нарушив условия принятия ими русского подданства. Захваченные земли использовались для правительственной, помещичьей и горнозаводской колонизации края. Башкирские земли расхищались также помещиками, купцами, промышленниками и чиновниками.

Колонизаторская политика царизма, растущий феодальный гнет, национальное угнетение нерусских народов, религиозные гонения вызывали массовое недовольство. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в крае происходит ряд восстаний, в которых наряду с башкирами участвует прошлое население. Башкирия стала одним из основных районов Крестьянской войны 1773—1775 гг. На

борьбу поднялись русские крестьяне, казаки, заводские мастеровые и работные люди, башкиры, татары, чуваша и другие народы края.

В первой половине XIX в., в условиях кризиса феодально-крепостнической системы, вызванного разложением феодальных отношений и развитием капиталистического уклада, социальные противоречия обострились. Борьба многонационального крестьянства и горнозаводских рабочих Башкирии представляла составную часть развернувшегося в стране антифеодального движения, которое явилось одной из основных причин отмены царским правительством крепостного права в России.

Хозяйственные связи, совместная борьба против внешних врагов и феодально-крепостнического гнета способствовали зарождению и укреплению дружбы между башкирами, русскими, татарами и другими народами.

За свою многовековую историю башкиры и другие народы края создали богатую материальную и духовную культуру.

* * *

Первая попытка систематического изложения дооктябрьской истории Башкортостана была предпринята в 50-х годах XX в. Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1956 г. вышла в свет первая часть первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР», охватывающая историю края с древнейших времен до конца XVIII в. При ее подготовке большую работу проводили сотрудники Института истории СССР АН СССР во главе с профессором Устюговым Н. В. В 1959 г. была опубликована вторая часть первого тома «Очерков», посвященная истории народов Башкортостана с начала XIX в. до Февральской буржуазно-демократической революции.

Том I «Очерков по истории Башкирской АССР» готовился в условиях, когда только еще начиналось планомерное изучение прошлого края. Исторической литературы было мало. Большинство проблем впервые разрабатывалось авторами тома. Поэтому вопросы излагались неодинаково полно и аргументированно. Тем не менее читатель получил представление об основных этапах истории Башкортостана.

В 50—60-х годах заметно активизируются исследования по отдельным направлениям истории края.

Систематически стали проводиться археологические раскопки. Раньше ими занимались от случая к случаю отдельные энтузиасты. Первые раскопки на территории Башкирии были произведены во второй половине XIX в. краеведами Р. Г. Игнатьевым и Ф. Д. Нефедовым. В начале XX в. исследования вели археологи В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдинг, а в 20—40-х годах — краеведы М. И. Касьянов, М. С. Смирнов и М. Ф. Чуко, археологи А. В. Шмидт, П. Д. Дмитриев и К. В. Сальников. В ходе работ выявлены и изучены некоторые памятники бронзового и железного веков¹. Но публикаций было мало². В последние десятилетия исследования ведутся археологами Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Башкирского государственного университета, Башкирского государственного педагогического института, Института археологии РАН и т. д. Более весомы результаты поисков.

В крае открыты памятники каменного века. Г. Н. Матюшин изучил палеолитическую стоянку Мысовая (Абзелюловский р-н), материалы которой позволили ис-

¹ *Игнатьев Р. Г.* Чертово городище в окрестностях г. Уфы // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868; *Он же.* Курганы и городища Оренбургского края // Труды I Археологического съезда в Москве. М., 1871; *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 г. МАВГР. М., 1899; Т. III. *Гольмстен В. В.* Могильник близ г. Уфы. ТОУАК. Оренбург, 1912; *Шмидт А. В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук // Хозяйство Башкирии. Уфа, 1929. № 8—9.

² См.: *Васюткин С. М.* История археологического изучения Башкирии в дореволюционное время // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. 2; *Он же.* Археологические исследования в Башкирии в советское время (1917—1945 гг.). Там же. Уфа, 1975. Вып. 3.

следователям удревнить заселение Урала¹. Следы позднего палеолита обнаружены в ряде пещер Южного Урала². Среди них особенно выделяется пещера Шульган-Таш (Каповая). На ее стенах сохранились уникальные палеолитические рисунки, в изучение которых большой вклад внес О. Н. Бадер³.

Г. Н. Матюшиным открыты и исследованы целая серия памятников мезолита в Абзелиловском и Учалинском районах, в Приуралье⁴. Им раскопаны также памятники неолита и энеолита⁵. Неолитические стоянки Южного Урала нашли отражение в исследованиях Л. Я. Крижевской⁶.

Эпоха бронзы привлекала большее внимание исследователей. На Южном Урале открыты памятники нескольких археологических культур — абашевской, срубной, андроновской (алакульской), межовской. Они не были сугубо «южноуральским явлением», а простирались далеко за пределы края. Одним из первых исследователей этих культур был К. В. Сальников, обобщивший свои многолетние изыскания в монографии «Очерки древней истории Южного Урала» (М., 1967). Им специально изучалось становление древней металлургии в крае⁷.

В дальнейшем исследователи стали обращаться к отдельным культурам. В. С. Горбунов изучал памятники абашевской культуры⁸, Ю. А. Морозов — памятники срубной культуры⁹, М. Ф. Обьденнов — памятники межовских племен¹⁰ и т. д. Новые исследования заметно дополнили знания по эпохе бронзы.

Накоплен значительный археологический материал по эпохе раннего железа. Установлено, что на Южном Урале сложились тогда две крупные хозяйственно-культурные общности. В северных лесных и лесостепных местностях жили оседлые скотоводческо-земледельческие угорские племена ананьинской, затем кара-абызской, пьяноборской культур — потомки местного населения предыдущей эпохи. В южных степных и частично лесостепных районах обитали пришлые ираноязычные кочевые племена савроматов, позднее сарматов.

Все эти разнообразные культуры явились объектом изучения. В работах А. В. Збруевой и А. Х. Халикова рассматривается ананьинская культура¹¹. А. Х. Пшеничник многие годы посвятил изучению кара-абызской культуры¹². Памятники пьяноборской культуры исследовали В. Ф. Генинг, Б. Б. Агеев¹³.

¹ Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты на Южном Урале // Краткие сообщения Института археологии АН СССР (КСИА). М., 1973. Вып. 136; *Он же*. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Приуралья. Уфа, 1978.

² Бибииков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // СА. 1950. Вып. 12.

³ Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.

⁴ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

⁵ *Он же*. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала // Материалы по хозяйству, общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981; *Он же*. Энеолит Южного Урала. М., 1982.

⁶ Крижевская Л. Я. Кремнеобработывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1960. № 79; *Она же*. Неолит Южного Урала. Л., 1968.

⁷ Сальников К. В. Из истории древней металлургии на Южном Урале: металлургия абашевских племен // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1.

⁸ Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.

⁹ Морозов Ю. А. Срубные памятники Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982; *Он же*. Тавлыканоовское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983; *Он же*. Поселения срубной культуры Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.

¹⁰ Обьденнов М. Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.

¹¹ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. 1952. № 30; Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977.

¹² Пшеничник А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры // Археология и этнография Башкирии (АЭБ). Уфа, 1973. Т. V; *Он же*. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

¹³ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. 1970. Вып. 10; Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1984.

Значительна литература по древним кочевникам Южного Урала. Савроматов и их потомков сарматов знали античные ученые, в частности Геродот¹. С 50-х годов XX в. активно ведется раскопка сарматских памятников. Вышел в свет ряд исследований². В них представлены все этапы сарматской культуры, дана характеристика кочевого хозяйства, показаны общественные отношения.

По эпохе Великого переселения народов трудно представить жизнь в южноуральских степях. Здесь почти не обнаружены археологические материалы, хотя через степи постоянно передвигались кочевники с востока на запад. Лесостепные и лесные местности продолжали оставаться районом обитания оседлых скотоводческо-земледельческих угорских племен. Исследователями выявлены и изучены памятники мазунинской, бахмутинской, именьковской, турбаслинской культур³. Правда, в вопросах происхождения и этнической принадлежности отдельных культур не все еще ясно.

Разноречивые мнения существуют о носителях кушнаренковской и караякуповской культур края, датируемых VI—IX вв. н. э. Ряд исследователей считает их уграми и самодийцами⁴. Е. А. Халикова, В. А. Иванов отождествляют караякуповские племена с древними мадьярами⁵.

По мнению Н. А. Мажитова, население кушнаренковской и караякуповской культур было тюркоязычным и представляло древних башкир. «Кушнаренковско-караякуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса на Южном Урале», — пишет он⁶. Это положение подкрепляется и расширяется в новых исследованиях автора⁷. В книге Н. Мажитова, А. Султановой «История Башкортостана с древнейших времен до XVI века» (Уфа, 1994) начало этногенеза башкир на Южном Урале отодвинуто на период раннего железа. По их словам, здесь с VII—VI вв. и до III—II вв. до н. э. среди сако-массагетских племен существовал этнос с древнетюркским языком, сыгравший важную роль в формировании башкирского народа. Таким образом, происхождение древних башкир авторы связывают с местными племенами. В то же время Н. А. Мажитов признает участие в этногенезе башкир в IX—XIV вв. пришедших кочевых племен.

Иной точки зрения придерживается Р. Г. Кузеев, изучивший происхождение и формирование башкирского народа по шежере (генеалогические летописи племен и родов), народным преданиям, легендам, письменным источникам. Он считает, что древнебашкирские племена формировались в Восточном и Центральном

¹ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.

² Смирнов К. Ф. Савроматы: Ранняя история и культура савроматов. М., 1964; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974; Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1984; Васильев И. Б. Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА. 1973. № 4.

³ Мажитов Н. А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959; Он же. Бахмутинская культура. М., 1969; Он же. Южный Урал VII—XIV вв. М., 1977; Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981; Иванов В. А., Останина Т. И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.

⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. ...; Матвеева Г. И. Памятники караякуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975; Казаков Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981; Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

⁵ Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. № 3; Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII—XIV вв. н. э. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990.

⁶ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 183.

⁷ Он же. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981; Он же. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988; Он же. Южный Урал в VII—XIV вв. Автореф. дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988.

Казахстане, затем они кочевали в степях Приаралья (VII—VIII вв.), откуда в конце VIII—IX в. перебрались на Южный Урал¹. По мнению исследователя, в дальнейшем активное участие в этногенезе башкир принимали местные угрофинские и пришлые тюркские племена, в особенности кыпчаки, заселившие край в XIII—XIV вв.

Многокомпонентность происхождения башкирского этноса отмечал раньше С. И. Руденко. Он писал, что «не может быть речи о едином типе, характерном для всех башкир. Народ этот образовался... в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных, племен»².

Этногенезом башкир интересовался А. Валиди. Изучив труды древних и средневековых авторов, тюркские и иранские предания, он допускает возможность проживания в I в. н. э. предков башкирских племен Гэйнэ, Табын, «Борач (Буржан-Барач + ан)» на их «нынешних землях, а также прилегающих к ним западных и южных территориях», пишет о пребывании другой части отдаленных предков башкир в Прииртыше и Алтае, Средней Азии, Приаралье и на Северном Кавказе, об образовании башкирского этноса на Южном Урале. На основании записок Ибн-Фадлана (X в.) автор указывает, что «жившие на Уральских горах башкиры соседствовали на юге по Могажарским горам с огузами, по Яику — с печенегами, на западе по рекам Сок и Черемсан — с булгарами»³.

Происхождение и сложение башкирского народа рассматривалось на научной сессии по этногенезу башкир в 1969 г. и на Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг., состоявшейся в Уфе в 1980 г. В докладах ставились важные вопросы этногенеза башкир по археологическим, этнографическим, антропологическим, лингвистическим и другим материалам⁴.

Тем не менее по проблеме этногенеза башкир много еще неясностей и противоречий. Это сказалось и в данной книге.

По X—XIV вв. археологических исследований по Южному Уралу мало. К указанным выше работам Н. А. Мажитова можно добавить лишь книгу В. А. Иванова и В. А. Кригера⁵. Имеющийся пробел затрудняет изучение хозяйства и культуры населения края до татаро-монгольского нашествия и в период Золотой Орды.

В этих условиях важную роль играют редкие письменные источники, фольклорный и этнографический материал, научная литература. На базе их Р. Г. Кузеев изучил хозяйство и общественные отношения у башкир в X—XVI вв.⁶ Общая и региональная литература позволяет проследить политическое устройство башкир.

Внимание историков привлекало присоединение Башкирии к Русскому государству. А. Н. Усманов, изучив сообщения средневековых авторов, летописи и сказания, башкирские шежере, труды различных исследователей, пришел к выводу о добровольном принятии башкирами русского подданства⁷. По мнению автора и других историков, этот акт имел важное значение для развития производительных сил и культуры края, хотя он и не освободил башкир от социального и нацио-

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

² Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.

³ Ахметзакы Валиди Туган. История башкир. История тюрков и татар. Уфа, 1994 (на башк. яз.).

⁴ Материалы научной сессии по этногенезу башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971; Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Уфа, 1980. Подробнее об исследованиях по этногенезу башкир см.: Бикбулатов Н. В. Об изучении проблемы происхождения и этнической истории башкирского народа // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982.

⁵ Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.). М., 1988.

⁶ Кузеев Р. Г. Указ. соч.; Он же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

⁷ Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949; Он же. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; Он же. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

нального гнета¹. Эти положения получили дальнейшее развитие на научных конференциях, посвященных 400-летию и 425-летию добровольного присоединения Башкортостана к России².

С XVII в. заметно расширяется источниковая база истории края. Ведущее положение занимают документы на русском языке, исходящие от представителей местных и центральных властей. Башкортостаном постепенно стали интересоваться русские ученые. В трудах П. И. Рычкова, первого крупного исследователя края, нашли отражение природные богатства, население, хозяйство, история Башкирии³.

Большой вклад в изучение края внесли академические экспедиции, проведенные в 1769—1771 гг. под руководством П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька, И. Г. Георги, Н. П. Рычкова. В их путевых записках содержатся ценные сведения и наблюдения о природе Башкортостана, населении, хозяйстве, торговле, социальных отношениях, быте, народных обычаях⁴.

В XIX в. круг исследователей Башкирии заметно расширился. В связи с развитием капиталистических отношений многих привлекали природные ресурсы. Другие исследователи, в частности И. Жуковский, Я. В. Ханьков, В. М. Черемшанский, В. А. Новиков, В. Н. Витевский, А. И. Добросмыслов, М. Бикчурин, интересовались географией, экономикой, историей, культурой⁵.

Но основательное изучение истории Башкортостана периода феодализма началось в советское время. В 30—50-х годах усилились московских, ленинградских и уфимских историков, в особенности Н. Ф. Демидовой и А. П. Чулошникова, были подготовлены и изданы сборники документов по истории Башкирии XVII—XVIII вв. в четырех томах⁶. В них представлен обширный материал о населении, скотоводстве, земледелии, промышленности, торговле, социальных отношениях и классовой борьбе. На основе этих сборников и других выявленных документов исследованы важнейшие вопросы истории края.

Изучалась колонизация Башкирии. В начале 30-х годов М. К. Любавский работал по теме «Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII — первой половине XIX вв.». Собранный им богатый фактический материал хранится

¹ Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982; Кузев Р. Г. и Юлдашбаев Б. Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957.

² 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958; Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

³ Рычков П. И. Топография Оренбургская или Полное географическое описание Оренбургской губернии. Ч. 1—2. СПб., 1762; Он же. История Оренбургская. Оренбург, 1896; подробнее см.: Матвиевский П. Е., Ефремов А. Ф. Петр Иванович Рычков (1712—1777). М., 1991.

⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. 1—3. СПб., 1773—1788; Лепехин И. И. Записки путешествия. СПб., 1821; Он же. Продолжение записок путешествия. СПб., 1822; Фальк И. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI—VII. СПб., 1824—1825; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1—2. СПб., 1799; Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

⁵ Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. СПб., 1832; Он же. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Уфа, 1832; Ханьков Я. В. Географическое обозрение Оренбургского края // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Т. I. Отд. II. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859; Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография. Казань, 1889—1897. Т. 1—5. Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VIII; Бикчурин М. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов. Казань, 1859.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. М., Л., 1936. Ч. I; М., Л., 1949. Т. III; М., 1956. Т. IV, Ч. 1, 2; М., 1960. Т. V.

в рукописном отделе Российской государственной библиотеки. В 1971 г. Н. Ф. Демидова опубликовала «Отводную книгу» по Уфе, охватывающую 1591—1629 годы¹. В ней имеются сведения о появлении в Уфе первых государевых служилых людей, об отводе им земельных угодий.

С. М. Васильев исследовал формирование и социально-экономическое положение пришлого тептяро-бобыльского населения края². В ряде работ освещается русская крестьянская колонизация Зауральской Башкирии³. Историю русской крестьянской колонизации Южного Урала в XVII — первой половине XIX в. изучал Ю. М. Тарасов⁴. В его работах показываются причины стихийного переселения крестьян на Южный Урал, районы их выхода, а также вклад русских земледельцев в социально-экономическое и культурное развитие края. Р. Г. Буканову и М. Д. Машину интересно строительство крепостей в крае, заселение их служилыми людьми и создание Оренбургского казачьего войска⁵.

В монографии У. Х. Рахматуллина нашли отражение различные формы колонизации Башкортостана⁶. Рассмотрев земельные отношения в крае, автор прослеживает правительственную, помещичью, горнозаводскую и стихийную крестьянскую колонизацию, показывает устройство пришедших людей, их национальный состав, сословное деление, повинности и платежи. По мнению исследователя, заселение края пришлым многонациональным населением имело важное значение для развития земледелия, промыслов и горнозаводской промышленности.

Значительное внимание уделялось изучению хозяйства. Эта проблема интересовала Т. Б. Бельскую и Н. Ф. Демидову⁷. Она нашла отражение в первой и второй частях первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР».

Р. Г. Кузеев исследовал хозяйство башкир в XVII — первой половине XIX в. По его мнению, в начале этого периода основой башкирского хозяйства являлось полукочевое, а местами кочевое скотоводство. В лесных и горно-лесных волостях оно сочеталось с охотой и бортничеством, в некоторых районах севера и северо-запада края — с земледелием. В дальнейшем хлебопашество среди башкир заметно расширилось. К середине XIX в. третья часть их занималась земледелием, четвертая часть — смешанным хозяйством (скотоводство и земледелие), около половины — полукочевым скотоводством⁸. Процесс перехода башкир от полукочевого скотоводства к оседлому земледелию изучали А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов, А. З. Асфандияров, Р. З. Янгузин, И. Г. Акманов⁹.

¹ Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

² Васильев С. М. Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII в. (тептяро-бобыльское население). Диссертация канд. истор. наук. М., 1951; *Он же*. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII — начале XVIII вв. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

³ Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958. Таллин, 1959; *Он же*. Основные черты русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Челябинск, 1966.

⁴ Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в XVII—XVIII вв. // Учен. зап. Казанев. гос. ун-та, 1968. Т. 95; *Он же*. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984.

⁵ Буканова Р. Г. Закамская черта XVII века. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Уфа, 1981; *Она же*. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск. 1982. Вып. 2; Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

⁶ Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. М., 1988.

⁷ Бельская Т. Б. Земельные отношения в Башкирии в XVII в. Диссертация канд. ист. наук. М., 1950; Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

⁸ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 64—97.

⁹ Усманов А. Н. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971; Усманов Х. Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVII—

Пришлое крестьянское население края занималось земледелием. Но его хозяйство мало привлекало внимание историков. Имеются исследования лишь по государственным крестьянам XVIII — первой половины XIX в.¹ Немного литературы и по помещичьему хозяйству².

Интерес исследователей вызвала горнозаводская промышленность. В трудах С. Г. Струмилина, Н. И. Павленко всесторонне изучены возникновение и развитие металлургии в России, в том числе на Урале и в Башкирии³. Медеплавильная промышленность края нашла отражение в работе А. В. Черноухова⁴. Р. З. Мударисов исследовал развитие горнозаводской промышленности Башкирии в первой половине XIX в.⁵. Возникновение и деятельность отдельных южноуральских заводов, родословные их владельцев прослеживаются в историко-краеведческих очерках Г. Ф. Гудкова и З. И. Гудковой⁶.

В исследованиях по истории горнозаводской промышленности обычно рассматривается и вопрос о ее кадрах. Но имеются и специальные работы, посвященные этому вопросу. П. А. Вагина изучила формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в середине XVIII в.⁷. В работах В. Я. Кривоногова рассматривается применение наемного труда в горнозаводской промышленности Урала в XVIII — первой половине XIX в.⁸. А. С. Черкасова исследовала процесс формирования категории мастеровых и работных людей в XVIII в., их численность и социальный облик, а также положение приписных крестьян⁹.

Появились работы по истории городов. В обобщающей работе Л. Е. Иофы приведены сведения из истории Уфы, Бирска, Челябинска, Оренбурга, Верхнеуральска, Орска, Троицка¹⁰. Вышла в свет «История Уфы»¹¹. В этом капитальном

XIX вв. Уфа, 1973; *Асфандияров А. З.* Хозяйство Башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974; *Бикбулатов Н. В.* *Мурзабулатов М. В.* Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976; *Бикбулатов Н. В.* Система земледелия башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979; *Мурзабулатов М. В.* Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX — начале XX в. // Там же; *Янгусин Р. З.* Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989; *Акмапов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.

¹ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1; М., 1958. Т. II; *Демина Т. А.* Государственные крестьяне Исетской провинции в 30—80-х годах XVIII в. Диссертация канд. ист. наук. М., 1975; *Шайхисламов Р. Б.* Государственные крестьяне Башкирии в первой половине XIX века. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1990.

² *Зобов Ю. С.* Проникновение товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство Оренбургской губернии в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974; *Он же.* К вопросу о формах эксплуатации помещичьих крестьян Оренбургской губернии (1-я половина XIX в.) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев. 1975. Вып. V.

³ *Струмилин С. Г.* Черная металлургия в России и СССР. М., 1935; *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М., 1953; *Он же.* История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводладельцы. М., 1962.

⁴ *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России XVII—XIX вв. Свердловск, 1988.

⁵ *Мударисов Р. З.* Развитие горнозаводской промышленности Южного Урала в первой половине XIX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1987.

⁶ *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX вев. Уфа, 1985. Ч. I; Уфа, 1993. Ч. 2.

⁷ *Вагина П. А.* Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60-х годах XVIII в. // Истор. записки. 1954. Т. 47.

⁸ *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959; *Он же.* Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860) // Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Свердловск, 1964.

⁹ *Черкасова А. С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985; *Она же.* Численность и размещение приписных крестьян в России во второй половине XVIII в. // Историческая география России XVIII в. М., 1981. Ч. 1.

¹⁰ *Иофа Л. Е.* Города Урала. М., 1951.

¹¹ История Уфы. Уфа, 1976; 2-е изд. Уфа, 1981.

исследовании подробно излагается история основания города, его развитие, показано место в экономической, политической и культурной жизни края. Изучена история Оренбурга¹. Некоторый материал о прошлом городов содержат работы, посвященные Бирску, Белебю, Стерлитамаку².

Существенные результаты достигнуты в разработке истории социальных отношений. По мнению А. П. Чулошникова, в XVII—XVIII вв. башкиры имели сложившееся феодальное общество³. Учитывая сильные пережитки родового строя у башкир, ряд исследователей, в частности Н. В. Устюгов, характеризует их общественные отношения в XVII в. как патриархально-феодальные⁴. С ним солидарен И. Г. Акманов⁵. Н. Ф. Демидова считает феодальные отношения у башкир в XVIII в. «характерными для перехода феодального общества от кочевого скотоводства к оседлому земледелию». По ее словам, эта окончательно не оформившаяся переходная форма отношений противостояла более развитым формам позднего феодализма, проникшего в Башкирию вместе с русским населением⁶.

Историки признают феодальный характер эксплуатации башкирских масс со стороны государства — верховного собственника земли. Однако повинности их в пользу феодального государства изучены слабо. Лишь по первой половине XIX в. имеется специальная работа, посвященная этому вопросу⁷.

Социальные отношения среди пришлого населения в XVII—XVIII вв. не стали предметом специальных исследований. Они затронуты в первом томе «Очерков по истории Башкирской АССР» и в ряде других работ⁸. По первой половине XIX в. литературы несколько больше⁹.

Тем не менее нет еще полной ясности в социальных отношениях в крае в период феодализма. Нуждается в фундаментальном изучении общественный строй башкир, помещичья деревня, эксплуатация феодальным государством трудовых масс коренного и пришлого населения, кризис феодально-крепостнической системы.

Народы Башкирии принимали активное участие в Отечественной войне 1812 г. Это освещается во второй части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» и в специальных работах¹⁰.

Значительна литература по истории освободительного движения в XVII — первой половине XVIII вв. Изучались причины и ход восстаний, их значение. В 30—40-х годах в работах А. П. Чулошникова, В. И. Лебедева, Н. В. Устюгова движения башкир рассматривались как составная часть общей борьбы трудящихся страны против угнетения¹¹. В середине 50-х годов Н. В. Устюгов и В. И. Лебедев пересмотрели эту оценку и охарактеризовали башкирские восстания как феодальные, ан-

¹ Дорозеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988; Оренбург. Челябинск, 1993.

² Бирск. Уфа, 1965; Белебей. Уфа, 1970; Белорецк, Уфа, 1965; Стерлитамак. Уфа, 1966.

³ Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 20.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 92.

⁵ Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 149.

⁶ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 40.

⁷ Асфандияров А. З. Башкирия в период кантонного управления. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Уфа, 1969.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Демидова Н. Ф. Указ. соч.; Тарасов Ю. М. Указ. соч.; Акманов И. Г. Указ. соч.

⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959; Дружинин Н. М. Указ. соч.; Зобов Ю. С. Указ. соч.; Шайхисламов Р. Б. Указ. соч.; Тарасов Ю. М. Указ. соч.; Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983.

¹⁰ Раимов Р. М. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1943; Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964; Асфандияров А. З. «Любезные вы мои...» Уфа, 1992.

¹¹ Чулошников А. П. Указ. соч.; Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. // Исторические записки. 1937. № 1; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24; Он же. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М., 1950.

тинародные, реакционные движения¹. Данная концепция вызвала серьезные возражения. В 60—70-х годах З. И. Сираев, С. Н. Нигматуллин, И. Г. Акманов выдвинули положение о прогрессивном значении башкирских восстаний, которые, по их мнению, являлись широкими народными движениями, направленными против феодального и национального гнета². Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в монографии И. Г. Акманова³.

Ряд работ посвящен участию народов Башкирии в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева⁴. В связи с 200-летием Крестьянской войны в Уфе состоялась Всесоюзная научная конференция, материалы которой были изданы отдельной книгой⁵. Доклады и статьи посвящены идеологии повстанцев, участию в восстании башкир, татар, удмуртов, казахов, калмыков, чувашей, которые вместе с русскими крестьянами, работными людьми и казаками выступили против общего врага. Опубликован сборник документов об участии населения края в Крестьянской войне⁶. Вышли из печати исторические очерки о жизни и борьбе сподвижников Е. И. Пугачева из представителей местных народов⁷. И. М. Гвоздиков осуществила источниковедческое исследование материалов следственного дела национального героя башкирского народа Салавата Юлаева, что позволило уточнить его биографию и роль в повстанческом движении⁸.

Изучено народное восстание 1834—1835 гг., его причины, характер, действующие силы, борьба крестьянских масс против феодального, национального и колониального гнета накануне отмены крепостного права⁹.

Усилилось внимание исследователей к истории культуры, прежде всего материальной. Изучены пахотные орудия, транспорт, домашняя утварь башкир¹⁰. В некоторых работах нашли отражение башкирские поселения, их планировка, архитектура жилищ, культовых зданий, мемориальных сооружений¹¹. Этнографов

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1.

² Сираев З. И. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв. // Из истории Башкирии. Уфа, 1963; Ч. II. Нигматуллин С. Н. О характере башкирского восстания 1735—1740 гг. // Там же; Акманов И. Г. Предпосылки башкирского восстания 1704—1711 гг. // Там же.

³ Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в.

⁴ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. Л., 1966; Т. 3. Л., 1970; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М., 1980; Н. М. Кулбахтин. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Учебное пособие. Уфа, 1984.

⁵ Народы в Крестьянской войне 1773—1775 годов. Уфа, 1977.

⁶ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975.

⁷ Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974; Салават Юлаев. К 200-летию со дня рождения. Уфа, 1952; Усманов А. Н. Кинзя Арсланов — выдающийся сподвижник Пугачева // Исторические записки. 1967. № 71; Сидоров В. По следам Салавата. Уфа, 1988.

⁸ Гвоздиков И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982; Уфа, 1984 (на башк. яз.).

⁹ Нигматуллин С. Н. Восстание 1834—1835 гг. в Башкирии. Диссерт. канд. ист. наук. Уфа, 1938; Очерки истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2; Давлетбаев Б. С. Указ. соч., Он же. Жалобы башкир и припущенников как форма антифеодального протеста // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI — начале XX в. Уфа, 1992; Гвоздиков И. М. Оренбургская политическая ссылка на дворянском этапе освободительного движения в России. // Там же.

¹⁰ Бикбулатов Н. В. Пахотные орудия башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979; Муллагулов М. Г. Вьючно-верховой транспорт у юго-восточных башкир (конец XIX — начало XX в.) // Там же; Шитова С. Н. Утварь из кожи у башкир. Там же; Она же. Башкирская деревянная утварь // Там же.

¹¹ Калмуллин Б. Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978; Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984.

интересовали также декоративно-прикладное искусство, одежда и пища башкир¹.

Собран богатый фольклорный материал. На его базе в 50—60-х годах появились крупные публикации². В 1972—1985 гг. вышел в свет на родном языке восемнадцатитомный научный свод «Башкирское народное творчество». С конца 80-х годов началось издание башкирского фольклорного собрания в переводе на русский язык. Из запланированных 12 томов увидели свет 7. Эти публикации дают своеобразное отражение истории края, особенно по XI—XVI вв. Ценным историческим источником являются опубликованные в 1960 г. Р. Г. Кузеевым «Башкирские шежере», содержащие редкие сведения из истории племен и родов.

Проводились исследования по истории литературы. Ею интересовались татарские, башкирские и другие литературоведы, ибо длительное время тюркская литература была общей для ряда тюркоязычных народов. А. И. Харисов изучил башкирскую литературу XVIII—XIX вв.³ В монографии Г. Б. Хусаинова поиски идут в глубь веков⁴. Вышли в свет обобщающие работы по истории татарской и башкирской литератур⁵. Филологов интересовала также история языка⁶.

О Башкортостане писали русские писатели. Их произведения сосредоточены в сборнике, подготовленном М. Г. Рахимкуловым⁷.

История Башкирии древнего и феодального периодов нашла отражение в первом томе учебного пособия «История Урала» (Пермь, 1963) и в «Кратком очерке истории Челябинской области» (Челябинск, 1965). Недавно вышел в свет фундаментальный обобщающий труд «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., 1989). В нем содержатся материалы по важнейшим вопросам истории Башкортостана. Особенно богаты тексты, посвященные возникновению и развитию горнозаводской промышленности.

Подробный перечень литературы и опубликованных источников по истории Башкирии первобытнообщинного и феодального периодов дан в «Библиографическом указателе по истории Башкирской АССР», часть I (Уфа, 1988).

Настоящая книга написана на основе имеющейся литературы, опубликованных источников и материалов, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Уфы, Оренбурга и Свердловска. Не все проблемы истории края освещены в ней с достаточной полнотой. Тем не менее авторский коллектив надеется, что его труд поможет читателю расширить знания по истории родного Башкортостана.

* * *

Книга подготовлена авторским коллективом:

Введение — Х. Ф. Усманов.

Глава I — Г. Н. Матюшин (§ 1), И. Б. Васильев, А. В. Выборнов (§ 2).

¹ Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979; Шитова С. Н. Народная одежда башкир // АЭБ. Уфа, 1968; Она же. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография башкир. Уфа, 1976; Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в.

² Башкирские народные сказки. Уфа, 1941; Русское народное творчество в Башкирии. Уфа, 1957 и др.

³ Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века). Уфа, 1973.

⁴ Хусаинов Гайса. Голоса веков. Уфа, 1984 (на башк. яз.).

⁵ История татарской литературы. Казань, 1984. Т. 1; Казань, 1985. Т. II. (на тат. яз.); История башкирской литературы. Уфа, 1990. Т. I; Уфа, 1990. Т. II. (на башк. яз.).

⁶ Киекбаев Дж. Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка. Уфа, 1966 (на башк. яз.); Закиев М. З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков // Советская тюркология. 1975. № 5; Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986; Ишбердин Э. Ф., Халикова Р. Х., Галляутдинов И. Г., Уракин З. Г. Очерки истории башкирского литературного языка. М., 1989.

⁷ Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1.

Глава II — Ю. А. Морозов (§ 1), А. Х. Пшеничнюк (§ 2), Б. Б. Агеев (§ 3).

Глава III — В. А. Иванов.

Глава IV — В. А. Иванов (§ 1 — текст о формировании башкирского этноса, § 3 — тексты о родоплеменной и социальной структуре башкир, § 4), Р. М. Юсупов (§ 1 — текст об антропологическом типе населения), Э. Ф. Ишбердин (§ 1 — текст о языке башкир), Н. В. Бикбулатов (§ 1 — текст об этнониме «башкорт», § 2, § 3 — текст о семье).

Глава V — А. Н. Усманов.

Глава VI — Н. В. Бикбулатов (§ 1, 2), Ф. А. Надршина (§ 3 — текст об устном народном творчестве), Л. Н. Лебединский (§ 3 — текст о музыкальном фольклоре), Л. И. Нагаева (§ 3 — текст о народной хореографии), Р. Х. Халикова (§ 4 — текст о письменности), Г. Б. Хусаинов (§ 4 — текст о литературе).

Глава VII — У. Х. Рахматуллин (§ 1, 3), И. М. Гвоздиков (§ 1), И. Г. Акманов (§ 2, 4).

Глава VIII — И. Г. Акманов.

Глава IX — У. Х. Рахматуллин.

Глава X — И. М. Гвоздиков.

Глава XI — Н. Н. Моисеева (§ 1), А. З. Асфандияров (§ 2, 5), Ф. А. Шакурова (§ 3), Р. З. Мударисов (§ 4).

Глава XII — Б. С. Давлетбаев (§ 1, 3, 4 — тексты о движении в помещицкой и удельной деревне, о волнениях государственных крестьян), Р. З. Мударисов (§ 4 — текст о борьбе горнозаводского населения), И. М. Гвоздиков (§ 2).

Глава XIII — С. Н. Шитова (§ 1), М. Н. Фархшатов (§ 2), Р. Р. Кутушев (§ 3), Ф. А. Надршина (§ 4 — текст о народном творчестве), Л. И. Нагаева (§ 4 — текст о народной хореографии), Р. Х. Халикова (§ 4 — текст о письменности), Г. Б. Хусаинов (§ 4 — текст о литературе), М. Г. Рахимкулов (§ 5 — текст о Башкирии в русской литературе), С. В. Волков-Кривуша, М. Н. Фархшатов (§ 5 — текст о театре).

Заключение — Х. Ф. Усманов.

Именной и географический указатели — О. Х. Ихсанова.

Руководитель авторского коллектива — Х. Ф. Усманов.

§ 1. Древнейшее население Южного Урала

История Урала неотделима от общечеловеческой истории. Ранняя часть ее, история первобытного общества, по материалам, служившим основным сырьем для изготовления орудий труда, делится на каменный, бронзовый и ранний железный века.

Самый длительный период истории человека — каменный век. В соответствии с совершенствованием техники обработки камня, развитием человека, его материальной и духовной культуры каменный век археологи подразделяют на 3 крупные хронологические эпохи: палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век), неолит (новокаменный век).

Палеолит. Эта эпоха занимает время от возникновения человека (более 2,5 млн. лет назад) до XII—X тысячелетия до н. э. По последним данным научных исследований, наиболее достоверной прародиной человека считается Восточная и Южная Африка. Именно там обнаружены древнейшие орудия человека, представляющие собой оббитые с одного края куски камня и гальки. Они получили название чопперов и чоппингов (от английского слова «chop» — ударять, рубить).

Первые достоверные следы человека на территории бывшего СССР обнаружены в Таджикистане (стоянка Кара-Тау), Закарпатье (Королево) и на Кавказе (Азых). Они датируются временем около 500—600 тыс. лет назад.

В эпоху похолодания значительная

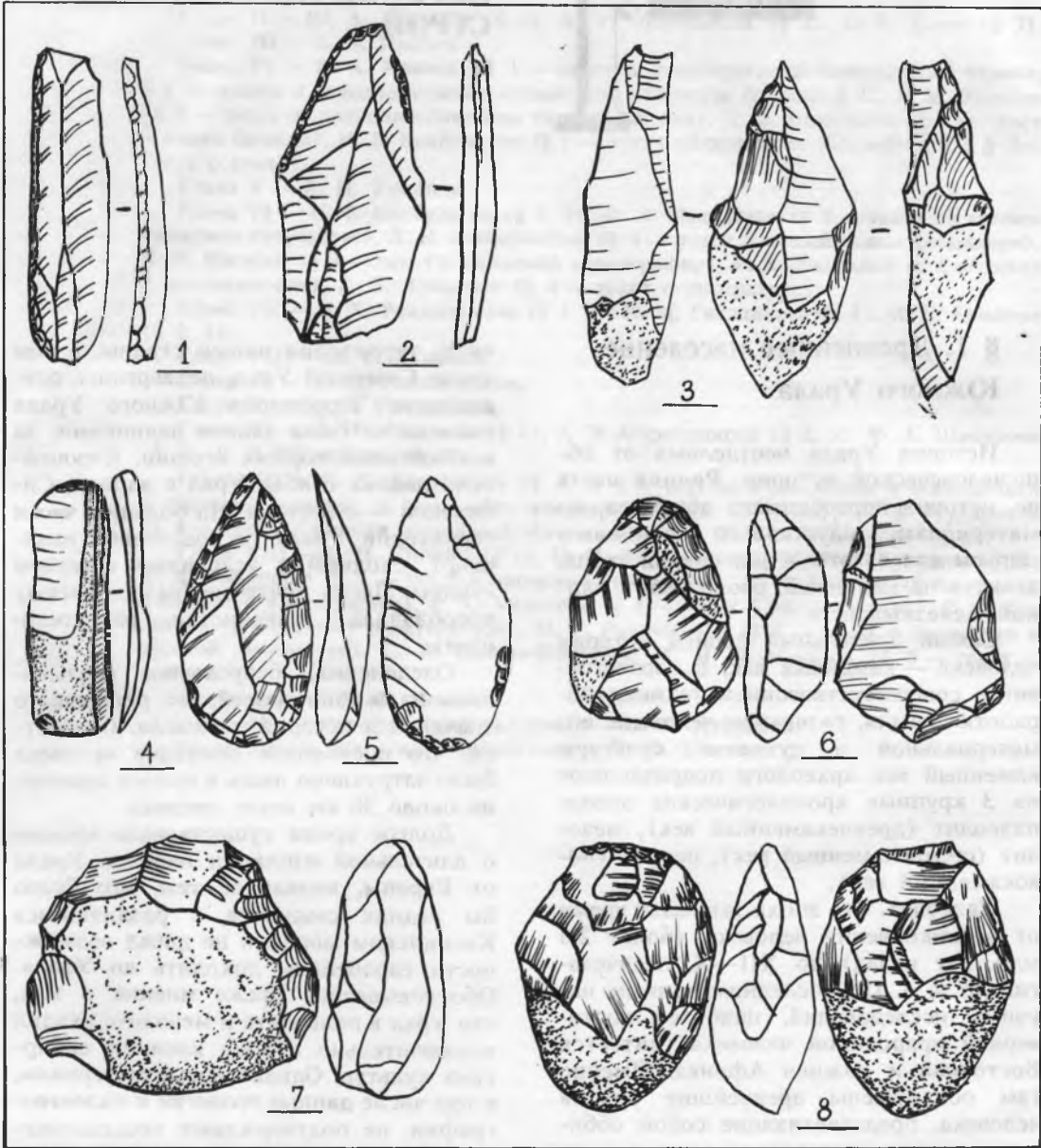
часть территории нашей страны, в том числе Северный Урал, подверглись оледенению. Территория Южного Урала никогда не была занята ледниками, за исключением горных вершин. Европейский ледник огибал Урал с запада, Сибирский — с востока. На большей части территории Урала господствовал ландшафт, сходный с условиями северной тундры. Лесов почти не было, повсюду преобладала травянистая растительность.

Оледенения, безусловно, сказывались на жизни людей, но решающего значения в истории не имели. Считается, что постоянное обитание человека было затруднено лишь в полосе примерно около 30 км возле ледника.

Долгое время существовало мнение о длительной изоляции народов Урала от Европы, вызванное тем, что будто бы ледник смыкался с разлившимся Каспийским морем и не давал возможности европейцам доходить до Урала. Обосновывалось также мнение о том, что Урал в палеолите и мезолите входил исключительно в зону влияния сибирских культур. Однако новые материалы, в том числе данные геологии и палеогеографии, не подтверждают предположения об изолированности Урала от Европы в каменном веке¹.

Первобытные люди питались готовыми продуктами природы, собирали дикорастущие злаки, плоды, ягоды, гри-

¹ Матюшин Г. Н. О «сибирском» характере палеолита Урала // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов. Якутск, 1982. С. 62—64.

Каменные орудия эпохи палеолита.

Пещеры Шульган-Таш (Каповая) (1, 2), Смеловская II (4), Стоянки Горново (3), Мысовая (5—8): 1, 2, 4—Сколы пластины с ретушью, 3 — резец, 5 — остроконечник, 6 — нуклеус, 7 — чоппинг-рубило, 8 — бифас-рубило

бы, моллюсков, охотились на диких животных. Они научились добывать огонь, изготавливали примитивные орудия охоты и собирательства. Трудовая деятельность играла важнейшую роль в развитии человека. Начальным этапом общественной организации людей явля-

лась праобщина (первобытное человеческое стадо). Совместно легче было добывать пищу, защищаться от зверей. В праобщине все предметы потребления и средства производства находились в собственности коллектива, возникло половозрастное разделение труда. Ста-

бильное объединение обеспечивало передачу опыта от поколения к поколению.

Достоверные следы поселения человека эпохи раннего (нижнего) палеолита на Урале найдены пока лишь на стоянке Мысовая (Урта-Тюбе) на восточном склоне Уральских гор (Абзелиловский район Башкортостана). Стоянка расположена на западном берегу оз. Карабалыкты. Здесь на длинном мысу между скал обнаружены остатки стойбища ашельского и мустьерского времени. Древнепалеолитические люди устроили в расщелине скал жилище, перекрытое, видимо, сверху шкурами. Часть орудий, найденных на стоянке, покрыта обильной патиной и по своему облику сходна с ашельскими. Наиболее характерными среди них являются ручные рубила и рубилообразные орудия, изготовленные из массивных желваков темно-серой яшмы. Длина орудий — от 100 до 120 мм при ширине от 120 до 60 мм. Другая группа каменных изделий имела меньшую патину. Это типичные для среднего палеолита (раннее мустье) остроконечники, скребла, проколки и другие орудия. На некоторых ранних орудиях имеются следы поздней обработки.

Остатки культурного слоя позволяют предположить, что стоянка Мысовая заселялась четырежды. Первый раз — (ашель) около 200—110 тыс. лет назад, второй раз — после длительного перерыва, в течение которого орудия лежали на поверхности и покрывались обильной патиной, около 75—40 тыс. лет назад, в эпоху мустье, третий раз — примерно 10—12 тыс. лет назад, в эпоху мезолита. В четвертый раз стоянка была заселена в эпоху неолита¹.

Среднепалеолитические орудия найдены также при раскопках стоянки Айдос на р. Уфа (в Караидельском районе)² и стоянки Муллино на р. Ик (Туймазинский район). В Муллино на глубине 3 м в глине были обнаружены мустьерские остроконечники, черепаховидные нуклеусы (камни-ядрища) и другие орудия, причем многие из них обработаны с двух сторон, как и орудия

Мысовой. Сам слой среднепалеолитического времени сохранился здесь плохо, но орудия довольно выразительны и часть их найдена в древнем слое. Находки орудий мустьерского времени известны и севернее. Еще в 1939 г. в Пермской области на р. Чусовой у д. Остров были найдены рубильце, скребло и два отщепы (стоянка Пещерный Лог)³. В 1973 г. при осмотре этого места были обнаружены кости мамонта и вместе с ними орудия типа рубил, остроконечников и скребел мустьерского облика.

Останков человека раннепалеолитического и среднепалеолитического времени на Урале пока не найдено. Судя по тому, что вся территория умеренной Евразии была в это время заселена неандертальцами, можно предполагать, что они и были первоначальными обитателями Урала. Неандерталец имел покатый лоб с мощными надбровными дугами, низкий свод черепной коробки, массивные челюсти, крупные зубы, невысокий рост (150—160 см), большую физическую силу.

Ко времени заселения Урала человек накопил большой опыт. Он научился изготавливать теплую одежду из шкур животных, устраивать жилища, используя для этого пещеры, расщелины, камни, кости животных, ветки. Без этого люди не могли бы существовать в суровых климатических условиях.

Основным источником пищи являлась охота. Появление постоянных долговременных жилищ такого типа, как выдолбленное в расщелине на стоянке Мысовой, свидетельствует о том, что человек уже настолько успешно охотился, что мог подолгу жить на одном мес-

¹ Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты // Краткие сообщения института археологии АН СССР (КСИА). М., 1973. Вып. 136. С. 67—76.; Цейтлин С. М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тюбе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 27—31.

² Матюшин Г. Н. Памятники каменного века на территории БАССР // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 17—29.

³ Талицкий М. В. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 41—42.

Каповая пещера. Палеолитическая настенная живопись. Изображения мамонтов, лошадей, носорога

те. Изготовление орудий из определенного типа яшмы на Мысовой говорит о хорошем знании древним населением Урала свойств камня. При обилии различных сортов яшм на Южном Урале палеолитический человек для изготовления орудий использовал лишь серую полосчатую яшму. Ни одного ашельского и мустьерского орудия не сделано из других пород камня.

Неандерталец знал повадки животных и организовывал охоту по определенным правилам. В остатках костров найдены кости северных оленей, лошадей, горных козлов, слонов, шерстистых носорогов, мамонтов, бизонов, туров. Для охоты на них использовались не только каменные орудия, но и костяные и деревянные копыя. Так, на стоянке Сунгирь (Владимирская обл.) найдены двухметровые копыя, изготовленные из бивней мамонтов¹.

У неандертальцев уже прослеживаются зачатки верований в загробную жизнь. Так, они впервые в истории стали хоронить своих умерших сородичей. Одно из древнейших погребений неандертальцев было исследовано впервые А. П. Окладниковым в гроте Тешик-Таш в Средней Азии в 30-е годы. Могила мальчика была обложена по кругу рогами козла. В 1924 г. в пещере Киик-Коба в Крыму найдены погребения двух неандертальцев — мужчины и годовалого ребенка².

Найдены следы культа животных. Например, в пещере Драхенлох в Альпах обнаружен кубический ящик из

¹ Бадер О. Н. Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978. С. 34—35.

² Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979. С. 152—153.

каменной, внутри которого лежало семь черепов медведя. Сверху он был закрыт большим плоским камнем. Вокруг ящика в нишах находились еще шесть черепов медведя¹. В Регурдю, на юге Франции, в прямоугольной яме были найдены кости более двадцати медведей². Морды их всюду были повернуты в одну сторону, к входу в пещеру. Возможно, на Урале в эпоху палеолита также существовал культ медведя, который сохранился здесь вплоть до XIX в. Во всяком случае, в мезолите встречаются изображения медведей на медвежьей же кости (стоянка Давлеканово), тщательно отполированные клыки медведя (стоянка Муллино)³.

К началу позднего палеолита, около 35—40 тыс. лет тому назад, неандертальцы трансформируются в современный вид человека (*homo Sapiens*). С завершением формирования человека завершилось становление человеческого общества. Брачные связи перестали быть неупорядоченными. Праобщина превращается в род (экзогамный коллектив кровных родственников), который можно рассматривать как сформировавшуюся первобытную общину.

Поздний палеолит совпал с последним этапом оледенения, происходившим примерно между 24 и 10 тысячами лет назад. Тогда большая часть Урала, за исключением высокогорных районов, не была покрыта ледником. Он остановился в Большеземельской тундре. В эту эпоху, особенно в конце ледникового периода, численность населения Урала заметно выросла. Сюда проникают люди с юга, из областей восточного Прикаспия. Причиной переселения, видимо, было изменение природных условий в конце ледниковья. Около 13 тысяч лет назад началось резкое повышение температуры на всей планете. Это привело к довольно быстрому таянию ледника на севере, а районы Прикаспия, где не было лесов и господствовала травянистая растительность, подверглись, видимо, засухам. В результате часть населения Прикаспия двинулись на север вслед за мигрирующими в поисках свежей травы стадами животных.

Позднепалеолитическими являются стоянки на Среднем и Южном Урале — Талицкого на Чусовой⁴, Гари II⁵, Черноземье⁶ в Среднем Зауралье, Ильмурино⁷, Горново⁸ в Приуралье. Следы позднего палеолита обнаружены и в горных районах Южного Урала. Еще в 1937—1939 гг. ряд позднепалеолитических местонахождений был открыт в пещерах по р. Юрюзань⁹. В 1969—1972 гг. следы человека каменного века были встречены в пещерах Казырбаково Сабакай III (Дуванский район) и др.¹⁰ К сожалению, остатков материальной культуры эпохи каменного века в пещерах Урала найдено немного. Сохранились пережженные угольки, расколотые кости животных и очень редко — изделия из камня. Все они настолько невыразительны, что не дают основания сказать что-либо определенное о характере палеолитической культуры горного Урала.

Особое место среди палеолитических памятников страны занимает пещера Шульган-Таш (Каповая). Пещера находится в Бурзянском районе Башкортостана, в глухой горно-лесной местности, на правом берегу р. Белой. С давних пор пещера привлекала внимание насе-

¹ Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 144.

² Там же. С. 156—157.

³ Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 194, 258, табл. 117.

⁴ Талицкий М. В. Островская палеолитическая стоянка... С. 41.

⁵ Сериков Ю. Б., Арефьев В. А. Работы на территории Зауралья // Археологические открытия (АО) 1973 года. М., 1974. С. 174.

⁶ Петрин В. Т. Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноземье II на Среднем Иртыше // Из истории Сибири. Томск, 1974. С. 13.

⁷ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. С. 30.

⁸ Шокуров А. П., Бадер О. Н. Палеолитическое местонахождение на р. Белой. // Вопросы геологии восточной окраины русской платформы и Южного Урала. Уфа, 1960. Вып. 5. С. 139—144.

⁹ Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. // СА, 1950. Вып. 12. С. 66—105.

¹⁰ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. С. 145.

ления как уникальный памятник природы. Но особую известность она приобрела после открытия в 1959 г. зоологом Башкирского государственного заповедника А. В. Рюминым настенной живописи палеолитического времени. В результате многолетних комплексных исследований Института археологии АН СССР (ныне РАН) под руководством О. Н. Бадера выявлено несколько групп древних рисунков, датирующихся, примерно, 20—15 тыс. лет до н. э. На рисунках, выполненных красной краской (охрой), изображены мамонты, лошади, носороги. Часть рисунков представляет собой геометрические фигуры в виде треугольников, трапеций, лесенок¹.

Основным источником пищи в эпоху позднего палеолита оставалась охота на крупных животных. На всех позднепалеолитических стоянках встречаются кости мамонта, бизона, северного оленя и других животных так называемого «мамонтового» фаунистического комплекса. На первом месте в этом «удивительно выдержанном», по словам зоологов, комплексе животных, существовавшем от Северного Китая до Испании, от Баренцева моря до Ирана, находились два гигантских вымерших зверя — мамонт и носорог. Кости мамонта тысячами встречаются на позднепалеолитических памятниках. Изображения его преобладают среди рисунков пещеры Шульган-Таш. Почти полный скелет мамонта найден экспедицией Института геологии Башкирского филиала АН СССР под руководством В. Л. Яхимович в 1965 г. на р. Орв в Краснокамском районе БАССР. Мамонты были превосходно приспособлены к суровым природным условиям того времени. Толстый слой подкожного жира и густая шерсть надежно защищали их от холода. На заливных лугах они находили обильную пищу в виде сочной зеленой травы. По подсчетам исследователей, за день один мамонт поглощал до 100 кг растительной пищи. Зимой, как полагают зоологи, мамонты могли добывать корм из-под снега, разгребая его бивнями.

Современником мамонта и «вечным спутником» его был волосатый или шерстистый носорог. Его мы также можем представлять по рисункам пещеры Шульган-Таш и костям, найденным на позднепалеолитических стоянках. Рядом с мамонтами и носорогами в степях и тундре паслись табуны северных оленей и стада диких лошадей. Здесь же в причудливом смешении встречались животные глубокой Арктики и центральноазиатских пустынь, горных областей и степных пространств: песец и антилопа-сайгак, снежный барс и благородный олень-марал и т. д.

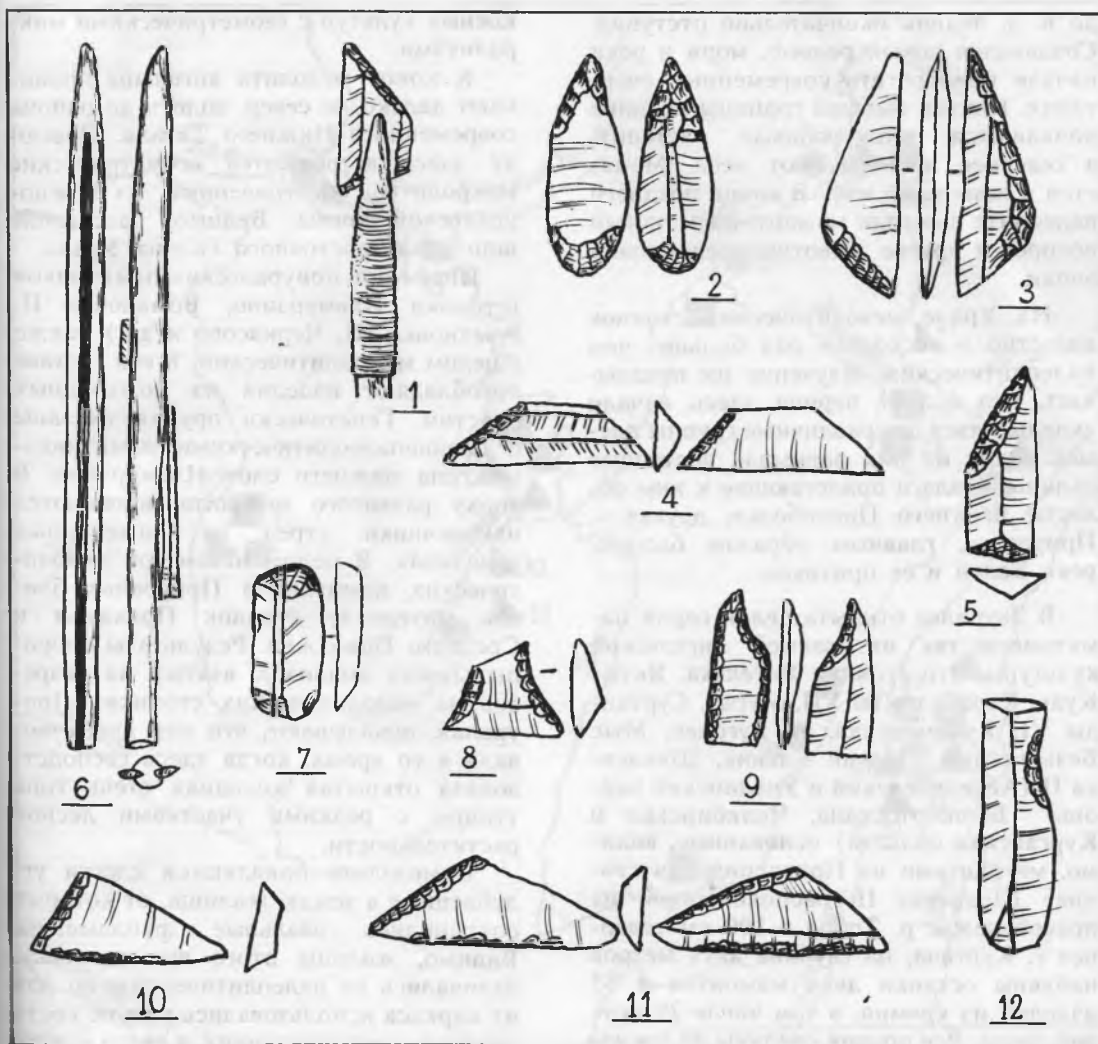
По расположению палеолитических стоянок на краю крутых оврагов, скал, высоких обрывистых берегов рек, можно говорить о том, что охота была коллективной, загонной. Шкура и кости убитых животных, главным образом, мамонта, как показывают остатки поселений позднепалеолитического человека, шли на строительство жилищ.

Останков позднепалеолитического человека на Урале пока не найдено, но они хорошо изучены в других районах Восточной Европы. Особенно широко известны погребения человека на стоянке Сунгирь под г. Владимиром, исследованные О. Н. Бадером. Здесь удалось проследить и элементы одежды палеолитического человека. Она представляла собой сшитый из меха, наподобие комбинезона, костюм, состоящий из брюк, украшенных нашивками бус из раковин и клыков хищников, и меховой куртки. На груди погребенных располагалось несколько рядов бус, вырезанных из бивня мамонта².

В позднем палеолите формируется новая техника изготовления орудий — пластинчатая. Вместо оббивки камня со всех сторон теперь из специально подобранного и оббитого особым образом куска — ядрища (нуклеуса) скальвались (отщеплялись) тонкие и очень острые узкие пластинки, которые потом использовались в качестве ножей, либо

¹ Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.

² Палеолит СССР. М., 1984. С. 233.

Каменные изделия эпохи мезолита. Стоянки Янгелька (1, 3, 4, 5, 8, 10, 11), Мушта (2), Сюнь II (6), Романовка II (7), Сурганды (9), Каза (12); 1, 2 — наконечники стрел, 3, 4, 8, 10, 11 — геометрические микролиты, 5, 9 — острия, 6 — вкладышевый нож, 7 — скребок, 12 — пластина с выемкой

с помощью небольшой подработки (ретуши) превращались в различные вкладыши для ножей, скреблей, серпов и других режущих орудий. Получила развитие обработка кости, из которой делали рукоятки, мотыги, гарпуны, иглы, шилья, копыя.

Мезолит (от XII—X до V тысячелетия до н. э.). Многие орудия позднего палеолита получили дальнейшее развитие в эпоху мезолита. Улучшается техника изготовления ножевидных плас-

тин, появляются стандартизированные вкладыши — геометрические микролиты. Стандартизация позволила унифицировать и упростить изготовление орудий, особенно наконечников стрел. Лук и стрела — крупнейшее изобретение мезолита. Наряду с тонкими и легкими орудиями возникли массивные каменные орудия (макролиты), явившиеся предшественниками топоров.

Изменились природно-географические условия. Около VIII тысячелетия

до н. э. ледник окончательно отступил. Создавался новый рельеф, моря и реки начали приобретать современные очертания. Южнее бывшей границы ледника появляются теплолюбивые растения, а севернее произрастают леса. Меняется и животный мир. В конце позднего палеолита вымерли мамонт, шерстистый носорог и другие животные ледниковой эпохи.

На Урале мезолитических стоянок известно в несколько раз больше, чем палеолитических. Изучение их показывает, что в этот период здесь начали складываться две различные группы племен. Одна из них занимала восточные склоны Урала и прилегающие к ним области Верхнего Приоболжья, другая — Приуралье, главным образом бассейна реки Белой и ее притоков.

В Зауралье открыта целая серия памятников так называемой янгельской культуры. Это стоянки Янгелька, Якты-Куль, Карабалыкты VII, Мурат, Суртанды VI, Кусимовская, Б. Бугодак, Мыс Безымянный, Долгий Ельник, Шикаевка II (Абзелиловский и Учалинский районы Башкортостана, Челябинская и Курганская области) основанные, видимо, мигрантами из Прикаспия. На стоянке Шикаевка II, расположенной на правом берегу р. Тобол в 100 км севернее г. Кургана, на глубине двух метров найдены останки двух мамонтов и 35 изделий из кремня, в том числе 29 орудий труда. Все орудия сделаны из южноуральской яшмы и большей частью состоят из мелких, узких и очень острых пластинок геометрической формы в виде трапеций и треугольников. По геологическим данным стоянка датируется XI—X тысячелетиями до н. э.¹ Следовательно, на Урале мезолитическая культура появилась еще в ледниковое время. На стоянке Янгелька, находившейся у оз. Чебаркуль², обнаружено жилище мезолитического времени и более семи тысяч микролитических орудий. Материальная культура памятников янгельского типа имеет близкое сходство с поздним палеолитом и мезолитом Южного Прикаспия и примыкает к обширной области

южных культур с геометрическими микролитами.

К концу мезолита янгельцы проникают далеко на север, вплоть до района современного Нижнего Тагила. Повсюду здесь встречаются геометрические микролиты, изготовленные из южноуральской яшмы. Видимо, расселение шло вдоль восточного склона Урала.

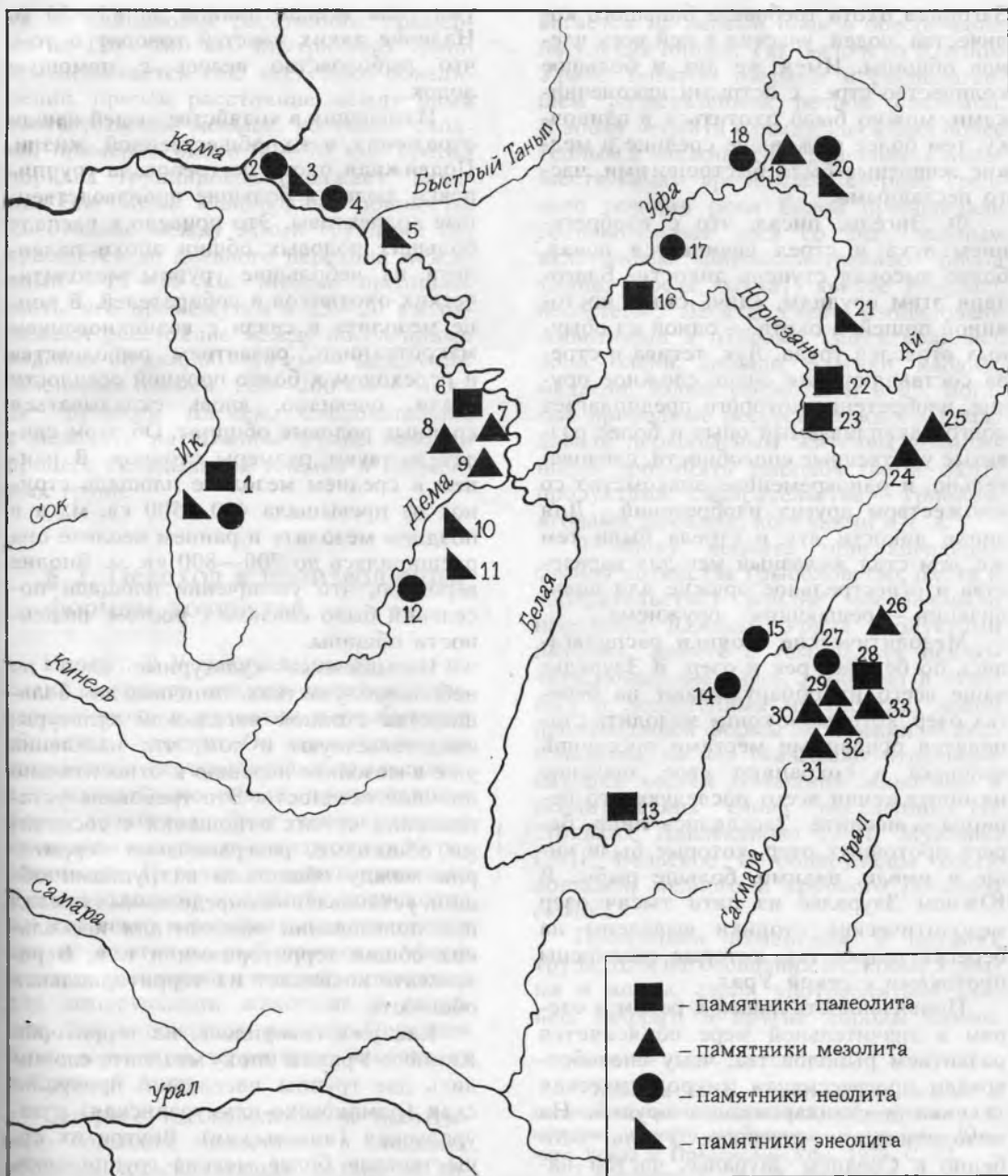
Инвентарь приуральских памятников (стоянки Ильмурзино, Романовка II, Романовка III, Черкасово и др.) также в целом микролитический. В его составе преобладают изделия из ножевидных пластин. Генетически орудия связаны с позднепалеолитическими памятниками типа нижнего слоя Ильмурзино. В эпоху развитого мезолита появляются наконечники стрел на ножевидных пластинах. В целом инвентарь мезолитических памятников Приуралья близок материалу стоянок Прикамья и Среднего Поволжья. Результаты споропыльцевых анализов, взятых из разрезов на мезолитических стоянках Приуралья, показывают, что они существовали в то время, когда здесь господствовала открытая холодная степь типа тундры с редкими участками лесной растительности.

В мезолите появляются слегка углубленные в землю жилища, от которых сохранились овальные фундаменты. Видимо, жилища этого времени мало отличались от палеолитических, но для их каркаса использовались уже не кости крупных млекопитающих, а ветки и жерди, на которые натягивались шкуры животных. Средствами передвижения служили лодки, лыжи и сани, остатки их найдены при раскопках торфяниковых стоянок на Среднем Урале.

В эпоху мезолита значительное развитие получила индивидуальная охота.

¹ Петрин В. Т., Генинг В. Ф. Работа палеолитического отряда в дер. Шикаевка // АО 1971 года. М., 1972. С. 196; Беспрозванный Е. М., Крутских Н. А., Петрин В. Т. Работа Курганского отряда. АО 1972 года. М., 1973. С. 157—158; Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979. С. 65.

² Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. С. 95.

Карта I. Расположение основных памятников эпохи камня на Южном Урале

1 — Мулино; 2 — Сауз II; 3 — Старо-Нагаево; 4 — Кюнь; 5 — Старо-Буртюково; 6 — Горново; 7 — Ильмурино; 8 — Романовка II; 9 — Романовка III; 10 — Кара-Якупово; 11 — Чишиминское; 12 — Давлеканово; 13 — Каповая; 14 — Бельская; 15 — Кага; 16 — Айдос; 17 — Усть-Юрюзанская; 18 — Усть-Айская; 19 — Черкасово; 20 — Средняя Ока; 21 — Месягутово; 22 — Казырбаково; 23 — Сабакай III; 24 — Мыс Безымянный; 25 — Долгий Ельчик II; 26 — Мурат; 27 — Карабалыкты V; 28 — Мысовая; 29 — Карабалыкты VII; 30 — Якты-Куль; 31 — Янгелька; 32 — Суртанды VI; 33 — Кусимовская

Загонная охота требовала большого количества людей, участия в ней всех членов общины. Имея же лук и большое количество стрел с острыми наконечниками, можно было охотиться в одиночку, тем более выжившие средние и мелкие животные были быстроногими, часто нестадными.

Ф. Энгельс писал, что с изобретением лука и стрел начинается новая, более высокая ступень дикости. Благодаря этим орудиям, «дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из обычных отраслей труда. Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений... Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации — решающим оружием»¹.

Мезолитические стоянки располагались по берегам рек и озер. В Зауралье чаще всего их обнаруживают на берегах озер, которые к концу мезолита становятся основными местами поселений человека и сохраняют свое значение на протяжении всего последующего периода — неолита. Заселялись лишь берега проточных озер, которые были чище и имели, видимо, больше рыбы. В Южном Зауралье из пяти тысяч озер мезолитические стоянки выявлены на берегах только тех, которые соединены протоками с рекой Урал.

Привязанность людей к рекам и озерам в значительной мере объясняется развитием рыболовства, чему способствовали прогрессивная микролитическая техника и стандартизация орудий. На мезолитических стоянках Урала, особенно в Среднем Зауралье, частой находкой являются рыболовные орудия: гарпуны, узкие, тонкие и длинные иглобидные наконечники стрел и другие. Обнаружены грузила от сетей. Они довольно крупные и массивные, сделаны, большей частью, из крупных галек или желваков камня. По заключению специалистов, грузила прикреплялись к се-

тям типа невода длиной до 45—50 м. Наличие таких снастей говорит о том, что рыболовство велось с помощью лодок.

Изменения в хозяйстве людей нашли отражения в их общественной жизни. Подвижная охота не требовала группировки людей в большие производственные коллективы. Это привело к распаду больших родовых общин эпохи палеолита на небольшие группы мезолитических охотников и собирателей. В конце мезолита в связи с возникновением макротехники, развитием рыболовства и переходом к более прочной оседлости стали, очевидно, вновь складываться крупные родовые общины. Об этом свидетельствуют размеры стоянок. В раннем и среднем мезолите площадь стоянок не превышала 400—500 кв. м., а в позднем мезолите и раннем неолите она расширилась до 700—800 кв. м. Вполне вероятно, что увеличение площади поселений было связано с ростом численности общины.

Насыщенные культурные слои на небольших участках, типичные для большинства стоянок янгельской культуры, свидетельствуют о том, что население уже в мезолите перешло к относительно прочной оседлости. Это требовало установления четких отношений с соседними общинами, разграничения территории между общинами и группами общин, установления определенных правил при пользовании общими для нескольких общин территориями и т. п. В результате возникает их территориальная общность.

Как уже говорилось, на территории Южного Урала в эпоху мезолита сложились две группы населения: приуральская (романовско-ильмурзинская) и зауральская (янгельская). Внутри их существовали более мелкие группировки. В южной части Приуралья можно выделить четыре такие группировки, в Зауралье — по меньшей мере, восемь. Они, как правило, удалены друг от друга поч-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 28—30.

ти на одинаковые расстояния, примерно на 120—200 км. Внутри этих групп прослеживается еще несколько объединений, причем расстояние между ними соответственно меньше, но также сходно, примерно около 60—70 км. Третий порядок группировок отражает, видимо, еще более малолюдные общности. Расстояние между этими группами сокращается до дневного перехода между ними — 15—20 км. Можно предположить, что промежутки в 15—20 км отражают расстояние между поселениями родовых общин, 60—70 км — между поселениями племен, 120—200 км — между группами племен. Следовательно, в мезолите на Южном Урале начался процесс складывания племен и племенных групп.

§ 2. Переход к производящим формам хозяйства

Неолит. В V тысячелетии до н. э. на смену мезолиту пришла новая историческая эпоха в развитии первобытного общества — неолит. Он характеризуется появлением скотоводства и земледелия, т. е. качественно новых, производящих форм хозяйства. Этот скачок многие археологи называют «неолитической революцией». Переход от присваивающего к производящему хозяйству происходил прежде всего в регионах, где наметился кризис охотничье-рыболовческих форм ведения экономики и имелись пригодные для domestikации животные и растения. Это в основном районы Передней Азии, возможно, территории Закавказья и Средней Азии.

Севернее, где население не испытывало большого недостатка в пищевых ресурсах, присваивающее хозяйство делает, по сравнению с эпохой мезолита, значительный шаг вперед. Это выразилось, в частности, в изменении соотношения охоты и рыболовства в жизнеобеспечении людей. Если в эпоху мезолита доминирующую роль играла охота, то с наступлением неолита рыболовство становится массовым промыслом и выд-

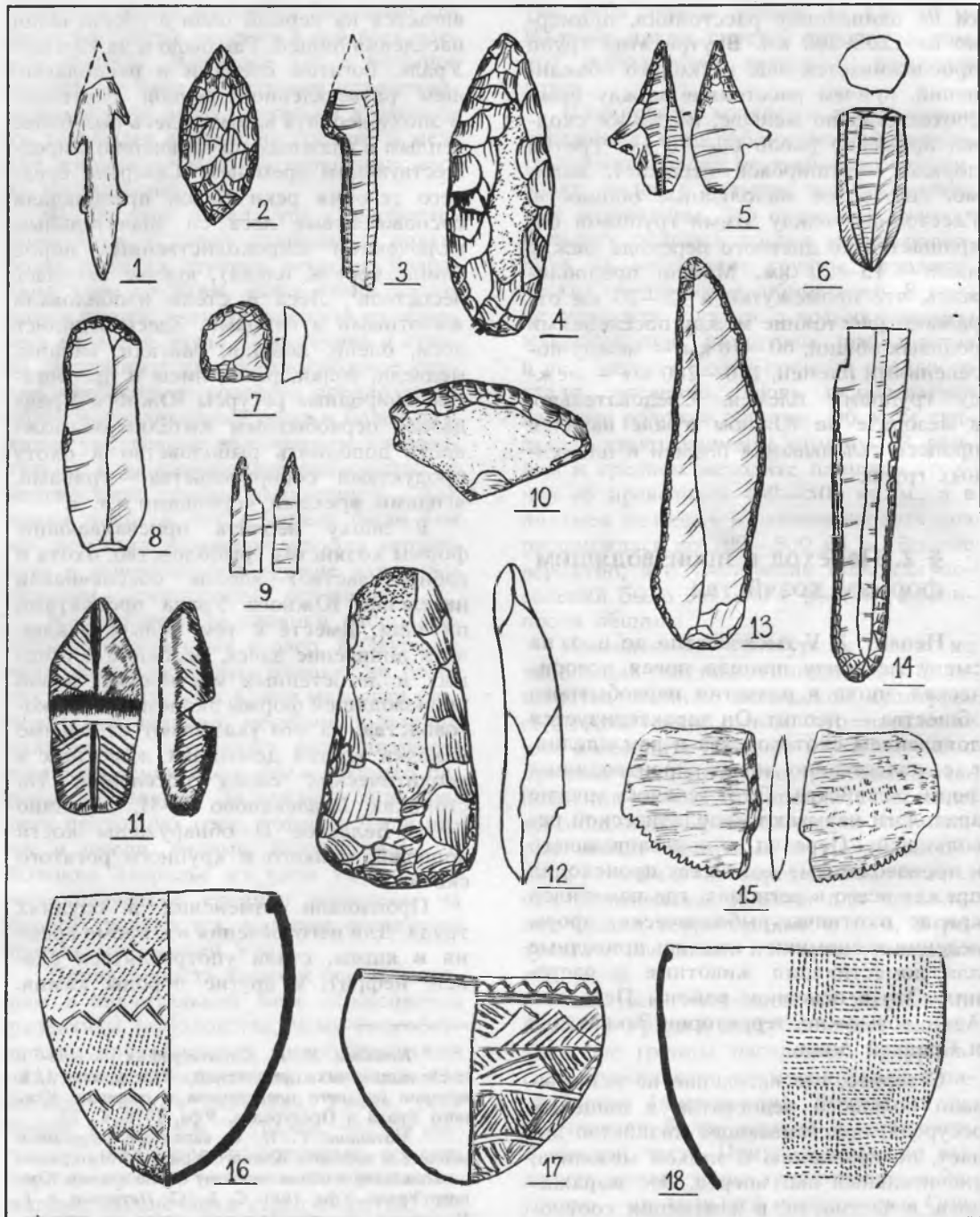
вигается на первый план в обеспечении населения пищей. Так было и на Южном Урале, богатом озерами и располагавшем разветвленной речной системой. В эпоху неолита климат здесь был более теплым и влажным по сравнению с предшествующим временем. Севернее среднего течения реки Белой преобладали сосново-еловые леса со значительным включением широколиственных пород (липа, береза, ольха), южнее тянулась лесостепь¹. Леса и степи изобиловали животными и птицами. Здесь водились лоси, олени, лошади, сайгаки, кабаны, медведи, волки, рыси, лисы и пр. Богатые природные ресурсы Южного Урала давали первобытным жителям возможность дополнять рыболовство и охоту продуктами собирательства — грибами, ягодами, орехами, кореньями и т. д.

В эпоху неолита присваивающие формы хозяйства (рыболовство, охота и собирательство) вполне обеспечивали население Южного Урала продуктами питания. Вместе с тем нельзя исключить появление здесь, особенно в степных и лесостепных местностях, новой производящей формы экономики — скотоводства, на что указывают отдельные находки костей домашних животных в неолитических слоях поселений. На стоянках Давлеканово I—II, Муллино I—II, Бельское II обнаружены кости лошадей, мелкого и крупного рогатого скота².

Произошли изменения в орудиях труда. Для изготовления их, кроме кремня и яшмы, стали употребляться сланец, нефрит, и другие породы камня.

¹ Немкова В. К. Стратиграфия позднего и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978. С. 32.

² Матюшин Г. Н. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала. // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 3—17; Петренко А. Г. Появление животноводческих основ на территории Среднего Поволжья и Предуралья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тезисы докладов...). Оренбург, 1986. С. 12; Моргунова Н. Л. Хозяйство населения Волго-Уральской и Самарской культур. // Там же. С. 13—14.

Орудия и сосуды эпохи неолита. Стоянки Давлеканово (1), Суртанды VIII (2, 11, 12), Средняя Ока (3, 6, 7, 13, 14, 17), Мурат (4, 10), Усть-Айская (5, 15), Месягутово (8), Старо-Буртюково (9, 18), Муллино (16): 1 — костяной гарпун, 2—4 — наконечники стрел и копий, 5, 9 — проколки, 6 — нуклеус, 7, 8 — скребки, 10, 13, 14 — ножи, 11 — шлифовальник с орнаментом, 12 — топор, 15 — зубчатый штамп, 16—18 глиняные сосуды

Появились шахты по добыче сырья, мастерские по изготовлению орудий, новая техника обработки материалов (шлифование, пиление, сверление) и ретуширования орудий. Техника отжимной ретуши достигает своего расцвета. С возникновением шлифования и сверления человек изобретает одно из важнейших орудий труда — топор с отверстием для насаживания на рукоять. При помощи топора легче было построить жилище, сделать изгородь, закол для рыбной ловли, выдолбить лодку и т. д. Усовершенствовались лук и стрела. Широкое распространение получили рыболовные сети, верши, появились охотничьи силки, капканы, самострелы и т. д. Возникло ткачество.

В неолите люди овладели гончарным делом. В результате облегчилось хранение и приготовление пищи.

Развитие производительных сил сказалось на общественных отношениях. В эпоху неолита совершился переход к позднему этапу первобытнообщинного строя, который подготовил становление раннеклассового общества. Родовая община заметно укрупнилась. Она состояла из парных семей. Как и раньше, внутриобщинное разделение труда имело прежде всего половозрастной характер. Индивидуальной охотой и рыболовством занимались мужчины, собирательством — женщины. При коллективной же охоте и рыбной ловле участвовали все члены общины, включая детей. Земледелием и скотоводством занимались мужчины и женщины, но их обязанности были строго регламентированы. Женщины воспитывали детей, готовили пищу, а мужчины изготавливали орудия труда.

Земля находилась в собственности рода, семьи имели право пользоваться отдельными участками. В личном владении состояли оружие, индивидуальные охотничьи и рыболовные снасти, одежда, домашняя утварь. Охотничья и рыболовческая добыча распределялась между всеми общинниками, скот и земледельческая продукция находились в распоряжении семьи. Началось формирование семейной собственности.

В неолите большое значение приобрел межобщинный и межплеменной обмен. Это способствовало расширению ассортимента керамических изделий, орудий труда.

Южный Урал в эпоху неолита входил в две культурные области: камскую и зауральскую. Камская неолитическая культура, расцвет которой приходится на IV тысячелетие до н. э., охватывает территорию Прикамья и прилегающие районы, в том числе низовье р. Белой (стоянки Сауз, Кюнь в Краснокамском районе Башкортостана) и местности у рек Ик (стоянка Муллино в Туймазинском районе) и Дема (стоянка Давлеканово). Отдельные памятники камского типа известны на реках Ай и Юрюзань (Усть-Айская и Усть-Юрюзанская)¹.

Памятники камской культуры представляют собой временные стоянки сезонного типа, а также долговременные поселения с жилищами, кремневыми мастерскими и погребениями. На Давлекановском поселении обнаружены остатки жилища прямоугольной формы. По центральной продольной оси жилища располагались очаги, вокруг которых обнаружены кости рыб и животных. Под одним из очагов обнаружено погребение взрослого мужчины, лежащего скорченно на правом боку головой на северо-запад. Сверху погребенный был слегка присыпан красной охрой. Около него найдены скребки, ножевидные пластины, черепки неолитического сосуда. Реконструкция черепа погребенного М. М. Герасимовым показывает, что это был европеоид с налетом монголоидности².

Для керамики камской неолитической культуры характерен зубчатый орнамент. Преобладают узоры в виде горизонтальных рядов наклонных оттисков длинного штампа, вертикальный

¹ Выборнов А. А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1984. С. 8—9.

² Матюшин Т. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале // СА. № 4. 1970. С. 164—166.

зигзаг, «плетенка», «косая решетка». Интересен способ нанесения узора, когда мастер, не отрывая инструмента от поверхности сосуда, передвигал его под углом — штамп как-будто «шагал», и получалась «шагающая» гребенка.

Каменная индустрия базировалась на местном окременелом известняке и валуне. В неолите падает удельный вес ножевидных пластин, на смену им приходят отщепы. Все в большей мере развивается ретушь с двух сторон изделия, что и давало возможность изготовления более прочных, совершенных и разнообразных по форме орудий. Среди них — скребки на пластинах и отщепах, проколки, скобели, ножи, резцы, наконечники стрел, комбинированные орудия, ножи на кремневых плитках.

В устье реки Юрюзань, в Караидельском районе Башкортостана, исследована кремнеобрабатывающая мастерская. Здесь обнаружено большое количество заготовок, полуфабрикаты различных орудий, деревообрабатывающие инструменты: топоры, тесла, долота¹.

Памятники неолита Южного Приуралья имеют некоторое своеобразие по сравнению с материалами камской культуры Прикамья. Различие определялось, видимо, некоторым территориальным удалением, а также различающимися мезолитическими подосновами сложения этих групп памятников. Если неолит Верхнего и Среднего Прикамья складывался на основе типично лесной камской мезолитической культуры, то в Приуралье определенную роль в его генезисе сыграли лесостепные культуры типа романовско-ильмурзинской и устькамской.

В Южном Зауралье неолитические памятники размещены по берегам озер. Для поселений характерно обилие находок. Известны и жилищные постройки. Так, на поселении Мысовое на оз. Карабалыкты обнаружены остатки жилища прямоугольной формы площадью около 70 кв. м полуземляночного типа с выходом на озеро². Две стены постройки выдолблены в каменистом основании, а две другие укреплены камнем. По центру жилища и около его выхода

располагались очаги. Между ними была сооружена кладка из камня. На верхней поверхности некоторых камней видны следы многочисленных ударов, выщербины, что предполагает использование их в качестве наковален при первичной и вторичной обработке кремневого сырья. Это подтверждается и находками заготовок нуклеусов и отщепов. В жилой части помещения обнаружены законченные орудия и посуда.

Своеобразной чертой зауральского неолита является устройство кремнеобрабатывающих мастерских непосредственно на поселении. Примером может служить стоянка Карабалыкты V (Абзелиловский район), где в скальном основании был устроен котлован жилища, в котором обнаружено большое количество находок³. Помимо керамики, здесь найдены инструменты: резцы, скребки, проколки, сверла, скобели, ножи, наконечники стрел, топоры, тесла. На первый взгляд, это обычное поселение, но концентрация около 13 тыс. кремневых изделий и отходов производства внутри жилого помещения площадью всего около 80 кв. м. наводит на мысль о наличии здесь производственного процесса, сходного с кремнеобрабатывающей мастерской. Это подтверждается и находками большого числа заготовок орудий.

Керамика неолитических стоянок Южного Зауралья, наряду с песком, имеет в глиняном тесте значительную примесь талька, от чего внешняя поверхность сосудов приобрела своеобразный «блестящий» оттенок. По форме это были полуйцевидные сосуды с цилиндрическим верхом и острым или ок-

¹ Крижевская Л. Я. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии // *Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)*. М.; Л., 1960. № 79. С. 239—280.

² Матюжин Г. Н. Мезолитические и неолитические комплексы поселения Мысового на Южном Урале // *СА*, 1973. № 4. С. 143—159.

³ Он же. Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // *Восточная Европа в эпоху камня и бронзы*. М., 1976.— С. 37—56.

руглым дном. Узоры покрывали почти всю наружную поверхность сосудов. Для нанесения рисунков использовался зубчатый штамп, палочка. Проведенные по поверхности сосудов заостренной или округлой палочкой прочерки давали своеобразный волнистый орнамент, что и составляет специфику зауральской неолитической посуды. В другой группе керамики узор также наносился палочкой, но в «отступающей» манере, в результате чего получались соединенные между собой линии наколов овальной или подквадратной формы. Схемы узоров, в зависимости от техники нанесения орнамента, заметно различаются. Так, для фрагментов, украшенных в технике накола и прочерка, присущи простые композиции: горизонтальные ряды волнистых и прямых линий. Зубчатым штампом изображались вертикальный зигзаг, ряды наклонных линий, «шагающая гребенка» и т. д.

Каменная индустрия зауральского населения базировалась на высококачественном кремне, сланце, туффите, халцедоне, яшме и других породах камня. Ассортимент орудий довольно многообразен. Имелись скребки на пластинах и отщепях различных конфигураций, много было проколов, резцов, острий, сверл, скобелей. Ножи представлены двумя основными типами. Одни из них изготовлены из крупных продольных сколов и обработаны по прямому краю односторонней ретушью, заготовкой для других служила кремневая плитка, край которой путем двусторонней ретуши превращали в саблевидное рабочее лезвие. Наконечники стрел листовидной, ромбической и иволистной формы сделаны, в основном, с помощью двусторонней ретуши. Интересным типом изделий являются так называемые «утюжки» из талька, камня или глины. Это предметы тупоовальной формы с глубоким поперечным желобком. Их точное назначение до сих пор неясно. Некоторые исследователи предполагают их использование для полирования и выпрямления древков стрел, другие допускают применение их в качестве маховика лучков-сверл

для добывания огня путем сверления.

Неолитическое население Зауралья поддерживало контакты с племенами соседних регионов. Находки яшмовых изделий известны вплоть до полуострова Ямал. Отдельные группы зауральского населения проникали на западный склон Урала. Этому способствовали реки Белая, Уфа и др., берущие свое начало в горной части Башкирии. В верховьях р. Белой известны памятники Кага, Бельская (Белорецкий район), где присутствует типичная для Зауралья посуда с примесью талька в глиняном тесте и волнистопрочерченным орнаментом¹. Аналогичная керамика встречается в памятниках бассейна р. Уфы и ее притоков Ай и Юрюзань². На Усть-Айской и Усть-Юрюзанской стоянках Приуралья обнаружены изделия из зауральской яшмы³. Подобные предметы найдены также на стоянках в низовьях р. Белой (Бачкитау II).

Энеолит. Характерным признаком этой эпохи является появление медных орудий. Их было еще мало, преобладали по-прежнему каменные орудия. Первоначально использовалась самородная медь. С помощью механической обработки выковывали из нее ножи, шилья, рыболовные крючки и другие предметы. Затем была освоена технология выплавки меди из руды.

На первом этапе энеолита существенных изменений природно-климатических условий не произошло, второй же его этап совпал с началом суббореала (III тысячелетие до н. э.), когда климат становится более теплым и сухим. В это время на Урале лесостепная территория расширяется на север вплоть до р. Камы. Однако кардинальных изменений не происходит, т. к. климат менялся медленно, и население, видимо, вполне при-

¹ Матюшин Г. Н. Новые неолитические памятники Башкирии // КСИА. М., 1962. № 92. С. 91—96.

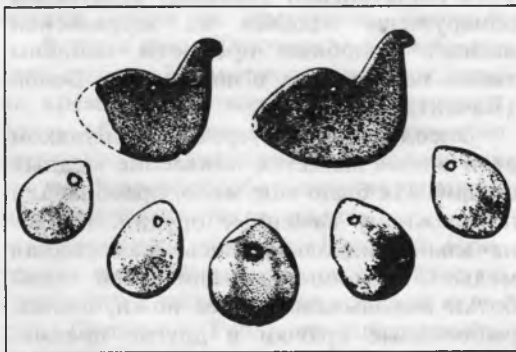
² Морозов Ю. А. Новые данные по стратиграфии и хронологии памятников неолита и энеолита Предуралья // КСИА. № 181. 1985. С. 123.

³ Крижевская Л. И. Неолит Южного Урала. Л., 1968. С. 72.

способливалось к новым условиям жизни.

Получили развитие земледелие и скотоводство. Основной социальной ячейкой населения оставалась родовая община. Усилились межплеменные связи и обмен.

Как и в предшествующую неолитическую эпоху, в культурном плане территория Южного Урала подразделялась на две области: приуральскую и зауральскую. К западу от Урала обитали племена так называемой агидельской культуры¹. При исследовании стоянок Сауз II в низовьях р. Белой, Муллино на р. Ик, Давлеканово и др. собраны большие коллекции керамики, кремневого, костяного и иного инвентаря.

Сланцевые подвески из неолитического могильника у д. Кара-Якупово

Керамика характеризуется горшковидными сосудами с примесью шамота и толченой раковины в глиняном тесте. Своеобразной чертой значительной части сосудов является воротничковое утолщение на внешней части венчика, под которым наносился горизонтальный поясок ямочных вдавлений. Орнаментальные композиции, нанесенные средне- и крупнозубчатым штампом, представлены вертикальным зигзагом, «шагающей гребенкой», треугольниками, плетенкой, косой решеткой, наклонными рядами. Кремневый инвентарь включал концевые скребки на крупных пластинах и массивных сколах, пластинчатые ножи, сверла, остря, наконечники стрел, тесла, костяные изделия — рыболовные крючки, гарпуны, пешни, остря.

В одном из жилищ стоянки Сауз в устье р. Белой обнаружено около 500 кусочков медной руды. В жилищах встречаются и изделия из меди: шилья, проволока, копьё с разомкнутой втулкой. Спектральный анализ показал, что для изготовления этих орудий использовались медистые песчаники Предуралья².

На Караякуповской стоянке (Чишминский район) выявлен могильник неолитического времени. В могильных ямах простой конструкции лежали на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, костяки взрослых людей. Рядом с погребенными обнаружены керамика, кремневые изделия и более 30 подвесок из зеленого сланца каплевидной формы с отверстиями для подвешивания. Найдены также бусины из раковины.

Одним из основных компонентов в сложении неолитического населения Приуралья было аборигенное население камской неолитической культуры. Это прослеживается в сохранении основных форм сосудов, примесей в глиняном тесте, характере орнаментации и т. д. В то же время ощущается довольно значительное воздействие или прямое проникновение населения из бассейнов р. Самары, Кинеля и, возможно, среднего течения р. Урал.

Агидельская группа памятников охватывает лесостепные районы Приуралья и тяготеет к южному, лесостепному и степному кругу восточно-европейских культур, занимавшему обширную территорию Волго-Урала, Северного Прикаспия и Северного Причерноморья. Это свидетельствует о развитии в неолите контактов между населением разных местностей.

Севернее агидельской группы расположены памятники так называемой но-

¹ Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 188; Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 11.

² Выборнов А. А., Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 3—21.

воилюнской культуры, характерной для лесного Прикамья¹. Наиболее исследованным памятником этого типа в Южном Приуралье является Старо-Нагаевская стоянка и могильник в низовьях р. Белой². Керамика памятника характеризуется толстостенными сосудами с примесью шамота в глиняном тесте, открытым верхом, округлым или уплощенным дном. Орнамент и узоры продолжают камские позднеэолитические традиции. Кремневый инвентарь состоит из пластин с ретушью, скребковидных орудий и наконечников стрел. Обнаружены каменные каплевидные подвески со сверлинами для подвешивания, костяная подвеска и пешневидное орудие.

Во второй половине III тыс. до н. э. на основе новоилюнской культуры сложилась новая эолитическая культура, получившая название гаринско-борской. Памятники этой культуры сосредоточены, главным образом, в Верхнем и Среднем Прикамье. Самые южные памятники этого типа захватывают лесные и лесостепные районы Южного Приуралья³. На исследованных поселениях прослежены остатки жилищ квадратной формы средних размеров, соединенных между собой переходами и имевшими выход к водоему. По центральной оси жилища располагались очаги. Судя по расположению столбовых ям, жилища имели каркасную конструкцию.

Глиняная посуда, в отличие от более ранних периодов, орнаментировалась не по всей поверхности, а лишь в верхней части. Преобладают среднезубчатый и крупнозубчатый штампы. Схемы узоров довольно просты — это наклонные ряды отпечатков штампа, горизонтальный и вертикальный зигзаги, ряды насечек и т. д. По форме сосуды прямостенные с уплощенным дном.

В кремневом инвентаре преобладают изделия из отщепов. Среди орудий представлены концевые и дублированные скребки, саблевидные и прямолезвийные ножи, наконечники стрел листовидной, миндалевидной и треугольной форм. Встречаются шлифованные рубящие орудия в виде тесел и долот.

Уже в раннем эеоолите в степных и лесостепных районах Приуралья племена агидельского типа имели сложившееся скотоводческое хозяйство. В северных районах, где доминировали племена ново-илюнской и сменившей ее гаринско-борской культур, наблюдается некоторое отставание в развитии производящего хозяйства. Наличие на поселениях этих культур лишь единичных костей лошади и крупного рогатого скота свидетельствует о незначительном удельном весе скотоводства и полном доминировании традиционных способов жизнеобеспечения — рыболовства и охоты.

В Зауралье обнаружена целая серия стоянок эеоолитического возраста, расположенных по берегам озер. Хорошо изучено поселение Суртанды VIII (Абзелиловский район). Здесь имелось несколько жилищ наземного типа и одна постройка в виде землянки. Между постройками была оставлена ровная каменная площадка, служившая, очевидно, загоном для скота. В двух постройках находилось большое количество наковален, нуклеусов, отходов производства, заготовок каменных орудий. Видимо, это были мастерские по обработке кремня.

Для керамики суртандинской культуры характерна примесь талька в глиняном тесте. Сосуды прямостенные или слегка расширенные в верхней части, дном в основном круглые, изредка уплощены. Орнамент наносился по всей поверхности сосуда, но в отличие от предшествующего, неолитического вре-

¹ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М., 1961. С. 189—196; Выборнов А. А. Флажковый комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 50—63.

² Стоколос В. С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 22—43.

³ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА, № 99. М., 1961. С. 180—185; Выборнов А. А., Овчинникова Н. В. Итоги изучения поселения Сауз II // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 33—52.

мени, появляются разреженные зоны. Среди композиций представлены разнообразные фигуры, заполненные оттисками зубчатого штампа: треугольники, ромбы, усеченные пирамиды, сетка, ломаные линии, вертикальные лесенки, ленты «шагающей гребенки». Имеются изображения водоплавающих птиц.

Каменная индустрия основывалась на кремне и яшме. В отличие от раннего времени почти полностью исчезает техника изготовления ножевидных пластин. Большинство орудий изготавливалось из отщепов. Среди инструментов представлены концевые и боковые округлые скребки, двусторонне обработанные ножи листовидной и саблевидной формы, наконечники стрел листовидной формы и с усеченным основанием или с выемкой в основании. Имелись рубящие орудия (тесла, топоры) клиновидной и подтреугольной формы, которые изготавливались с помощью двусторонней оббивки, либо шлифования.

Изредка встречаются медные изделия: проволока, шилья, слитки, пластины, стержень. Как показал анализ, все они изготовлены из «чистой» меди, полученной в местных рудниках Таш-Казган (Учалинский район) и Бакр-Узяк в 50 км от Магнитогорска.

Хозяйство суртандинцев было комплексным. Судя по многочисленным

находкам костей домашних животных, основой его было скотоводство. Видимо, сохраняли определенное значение рыболовство и охота.

Происхождение суртандинской культуры связывается с местным поздненеолитическим населением. В своем развитии суртандинские племена активно взаимодействовали с энеолитическим населением западных районов. На это указывают находки глиняной посуды с примесью талька и типично «суртандинским» орнаментом на поселениях бассейна рек Ай и Юрюзань. Отдельные группы зауральского населения проникали, видимо, и далее на запад и юго-запад, о чем опять-таки свидетельствует суртандинская керамика, найденная на энеолитических поселениях низовьев р. Белой и в бассейне р. Самары. Материалы суртандинской культуры обнаруживают значительное сходство с памятниками южных и юго-восточных районов. Эта близость позволяет говорить о существовании в энеолитическую эпоху единой историко-культурной общности, охватывающей обширную территорию лесостепного Зауралья и Северного Казахстана. Определенные культурные контакты суртандинские племена поддерживали и с населением лесного Прикамья.

§ 1. Скотоводческо-земледельческие племена эпохи бронзы

Становление металлургии. Во II тысячелетии до н. э. на Южном Урале была освоена металлургия бронзы, представляющая собой сплав меди и различных присадок (олово, мышьяк, сурьма, свинец). Бронза выгодно отличается от меди, так как она тверже и прочнее, имеет более низкую температуру плавления, красивый золотистый цвет. Из бронзы изготавливались орудия труда (серпы, секачи, ножи, проколки, топоры, клинья, рыболовные крючки), оружие, украшения (височные подвески, бусы, браслеты и пр.). Однако длительное время бронза не могла полностью заменить изделий из камня, которые продолжали использоваться на протяжении всего бронзового века.

Одними из наиболее вероятных древних меднорудных разработок в крае можно назвать Каргалинское месторождение (Оренбургская область) и месторождения в бассейнах рек Демы, Ик (Бижбулякский, Альшеевский, Туймазинский районы Башкортостана)¹. Значительное количество древних рудников зафиксировано вдоль восточного склона Урала от северных границ Казахстана до Нижнего Тагила². Подобные рудники обнаружены также близ с. Нижний Сардык (Туймазинский район)³.

Чаще всего медь и бронзу выплавляли вблизи от мест разработки, но иногда руду перевозили на поселения, отстоявшие далеко от рудников. Вы-

плавка металла из окисленных руд производилась в печах, представлявших собой неглубокие ямы, обложенные вертикально поставленными каменными плитами. Одна такая печь обнаружена на поселении эпохи бронзы у деревни Верхнее Тавлыкаево⁴. (Баймакский район). Перед плавкой руду дробили каменными молотами, отбирали куски с большим содержанием меди и вместе с присадками закладывали их слоями с древесным углем в печь. После окончания плавки на дне печи образовывался слиток металла.

Самые ранние печи были без принудительного дутья, видимо, огонь раздувался ветром. Поэтому древние плавильни, как правило, располагались на крутых берегах рек, оврагов или сооружались на вершинах гор. Со временем было изобретено принудительное дутье, позволившее значительно повысить температуру в печи. Химический и спектральный анализ бронзовых изделий показывает, что древние металлурги при примитивной технологии добивались оптимальных соотношений в металле олова и меди.

Вначале медные и бронзовые орудия изготавливались с помощьюковки, затем основную роль стало играть литье.

¹ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. С. 48.

² Там же. С. 37.

³ Шокуров А. П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии. М., 1970. № 97. С. 160.

⁴ Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 24.

Отливка изделий производилась в глиняных или каменных формах, остатки которых часто встречаются в поселениях. Древние мастера владели также приемами чеканки, тиснения.

Представление о металлообрабатывающих мастерских эпохи бронзы можно составить по хорошо исследованному поселению Мосоловка в Воронежской области. Здесь на окраине древнего поселка обнаружены производственные помещения бронзолитейщиков, расположенные в полуземлянках. В них находилось большое количество обломков и целых литейных форм для отливки топоров, серпов и серповидных изделий, тесел и ножей, встречались бронзовые капли и сплески, обломки ошлакованной керамики, плавильные чаши с носиком для разлива металла, найдены массивные каменные молоты, песты, наковальни и готовая продукция¹.

На Южном Урале такие бронзообрабатывающие мастерские не выявлены, но на многих исследованных памятниках эпохи бронзы обнаружены остатки медеплавильного производства. На Аитовском поселении (Бижбулякский р-н) в жилищах найдены куски шлака, песты для дробления руды, сплески меди, фрагменты плавильных чаш с ошлакованными краями, обломки и целые бронзовые изделия. Аналогичные находки встречаются на Исмагиловском (Белебеевский р-н), Абдуловском (Ермекеевский р-н), Казангуловском (Давлекановский р-н), I Береговском (Мелеузовский р-н), Чишминском (Кармаскалинский р-н) и других поселениях в Башкирии.

Следует заметить, что находки бронзовых изделий на поселениях эпохи бронзы довольно редки. Очевидно, металлом тогда дорожили и сломанные предметы не выбрасывали, а пускали на переплавку. Тем не менее, клады бронзовых орудий встречаются. В конце XIX в. под Уфой, около д. Миловка, было обнаружено 6 серпов, топор и тесло. В начале 50-х гг. в Стерлибашевском районе у д. Новый Ибракай найдено 5 серпов и топор, в 70-х гг. обнаружено еще 2 топора, а в 1982 г. около д. Бахчи

этого же района обнаружено 10 серпов, тесло и медный слиток весом около 2 кг. В 1970 г. клад из 13 бронзовых серпов найден в д. Абзаково Баймакского района².

Для изготовления украшений уральские абашевские и срубные племена нередко использовали серебро, свинец, золото. Из серебра изготовляли некоторые спиральные височные колечки. Тонким золотым листом обтягивались бронзовые браслеты, кольца и височные подвески. Из свинца изготовлен один из браслетов Мало-Кизильского поселения близ г. Магнитогорска³.

Для бронзового века характерен сухой и теплый климат. В этот период на Южном Урале сложилось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Анализ остеологического материала многочисленных поселений показывает преобладание в стаде крупного рогатого скота и лошадей. Мелкого рогатого скота было меньше, а кости свиньи обнаружены всего лишь на нескольких поселениях Приуралья и в незначительном количестве. Скотоводство было пастушеским, придомным, со стойловым содержанием животных в зимнее время. На некоторых поселениях выявлены следы больших деревянных сооружений, являвшихся, по-видимому, остатками зимних загонов⁴. Скотоводство давало не только продукты питания (мясо и молоко), но и сырье для изготовления одежды и обуви: шкуры, шерсть. На-

¹ Пряхин А. Д., Сагайдак В. И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры // СА, 1975, № 2. С. 176—186.

² Изнагъев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа. 1883. С. 354; Ахмеров Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии // КСИИМК, 1955. Вып. 59. С. 81—90; Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 197; Обыденнов М. Ф. Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века Южного Урала и Поволжья. Уфа, 1989. С. 86.

³ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 56.

⁴ Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 26—28.

ходки остатков тканей и пряслиц указывают на развитие ткачества.

Важную роль в хозяйстве, наряду со скотоводством, играло земледелие. Многочисленные находки серпов, тесел — наглядное подтверждение этому. Некоторые исследователи не без основания предполагают наличие в этот период пашенного земледелия с использованием в качестве тягловой силы волов¹. Возделывались пшеница, ячмень, просо, горох, бобы.

Находки на ряде поселений костей диких животных (в основном пушных) и костей рыб свидетельствуют о занятиях охотой и рыболовством. Собираательство в этот период играло незначительную роль в жизни людей, хотя в летнее время могло давать некоторую долю продуктов.

В хозяйстве широко использовалась керамическая посуда. Ее изготавливали ручной лепкой без гончарного круга. Известны два способа формовки сосудов: спиральное наращивание валиков и вытягивание из целого комка глины. Чаще использовался второй способ. Перед обжигом сосуда зачастую покрывались орнаментом. Наиболее характерным для южноуральских памятников эпохи бронзы является геометрический орнамент, нанесенный зубчатом и гладким штампом или палочкой. Сочетание орнаментальных композиций создает своеобразный узор, характерный для различных археологических культур².

Развито было костерезное дело. Костяные орудия труда применялись в кожевенном и гончарном производстве; кость шла на поделку конской сбруи и украшений, широко использовалась при изготовлении различных державок и рукояток бронзовых орудий³.

Племена эпохи бронзы предпочитали селиться вдоль рек на низких береговых террасах, где имелся хороший подход к воде и было безопасно во время весенних разливов, обычно у широкой поймы, плодородные земли которой использовались в летние месяцы для посева хлебов и пастбы скота. Для зимнего выпаса использовались высокие береговые участки, с которых

иногда сдувался снежный покров и обнажалась сухая трава. Именно поэтому удобные террасы вдоль рек долго не пустовали, на смену одним племенам приходили другие. Этим, в основном, объясняется многослойность поселений эпохи бронзы.

В эпоху бронзы появились сухопутные транспортные средства — повозки и колесницы, в которые запрягали лошадей и быков. В Челябинской области в петровском и синташтинском могильниках обнаружены колесницы, а также останки взнузданных лошадей с характерными костяными дисковидными псалиями⁴. Детали узды, изготовленные из кости (псалий, тройник-распределитель уздечных ремней), найдены на Чишминском (Кармаскалинский р-н), Аитовском (Бижбулякский р-н), Казангуловском (Давлекановский р-н) срубных поселениях⁵. Нередко эти детали украшены резьбой и представляют художественную ценность.

Сухопутные транспортные средства способствовали развитию обмена. Для Южного Урала характерно наличие устойчивого обмена, начиная уже с эпохи позднего неолита. Интенсивность обмена усиливается в эпоху энеолита, и особенно бронзы, когда Урал становится

¹ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 41.

² Сальников К. В. Указ. соч. Рис. 9—13, 25—29, 43—50, 55, 57—62.

³ Морозов Ю. А. Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала // Материалы по хозяйственному и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 57—67.

⁴ Генциг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА, 1977. № 4. С. 66.

⁵ Горбунов В. С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 33; Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры. С. 34; Морозов Ю. А., Рутто Н. Г. Чишминское поселение срубной культуры на реке Уршак // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века Южного Урала и Поволжья. Уфа, 1989. С. 82; Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии // СА. 1975. № 2. С. 254.

одним из крупнейших центров добычи меднорудного сырья. Уральский металл широко распространяется в Поволжье и Северное Причерноморье, вытесняя из восточно-европейских степей кавказскую бронзу. В то же время на Урал попадали бронзовые изделия из Средиземноморья. Об этом свидетельствуют находки в могильниках у деревень Новые Ябалаклы и Петряево (Чишминский район) украшений из бронзы и кости с криволинейным — волютным орнаментом в виде сегнера колес с изогнутыми лучами, присущими критомикенской культуре. Подобные орнаментальные мотивы украшают золотые бляхи, пластины и керамику из Микенских гробниц Греции¹.

Материалы некоторых поселений дают основание предполагать, что в этот период выделяются отдельные специалисты или целые семьи, занимающиеся определенным промыслом. Часть продукции шла на нужды общины, а излишки могли идти для обмена на продукты и изделия соседних общин. Вполне возможно, что появляющаяся в конце эпохи бронзы социальная прослойка мастеров способствовала разрушению внутренней связи общин и ускорила процесс выделения из среды скотоводов и земледельцев ремесленной прослойки.

Население Южного Урала в эпоху бронзы не было однородным. Здесь контактировались несколько больших этнокультурных объединений (археологических культур) — абашевская, петровско-синташтинская, срубная, алакульская, межовская. Причем ни одна из этих культур не распространялась по всей территории края в силу различных природных условий и в то же время не была только «южноуральским явлением». Территория современной Башкирии являлась лишь частью обширных этнокультурных объединений. Так, памятники абашевской культуры встречаются в лесостепных районах от Дона на западе до Зауралья на востоке; поселения и могильники срубной культуры известны от районов Южного Зауралья до Поднепровья. Племена алакульской культуры обитали в основном к востоку

от Урала, но влияние их распространялось далеко на запад. По обе стороны Уральских гор обитали племена межовской культуры.

Население названных выше племенных объединений имело много общего в материальной культуре. Эта общность определялась единым скотоводческо-земледельческим направлением хозяйства, сходным образом жизни, общностью происхождения — единой индоиранской основой. В то же время каждой из этих культур свойственно и значительное своеобразие, проявляющееся в погребальном обряде, формах жилищ, материальной культуре.

Абашевские племена. Во второй четверти II тысячелетия до н. э. обширная территория Южного Урала, Поволжья и Дона была заселена родственными по происхождению и общности исторических судеб племенами, оставившими яркую и самобытную культуру, получившую условное название абашевская. Выделению ее послужили проведенные в 1925 г. раскопки нескольких курганов у с. Абашево на территории Чувашии². На Южном Урале впервые памятники абашевской культуры были исследованы в 50-х гг. уральским археологом К. В. Сальниковым³. В настоящее время на территории Башкирии известно более 60 поселений и могильников абашевской культуры⁴.

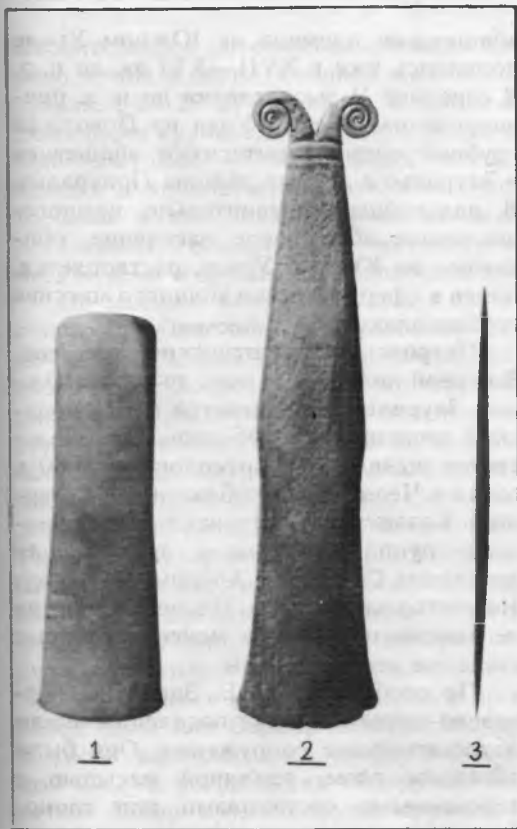
Рудные богатства Южного Урала способствовали сложению здесь крупного очага металлургии. Спектральный анализ бронзовых изделий, шлаков и руд показал, что абашевцы использовали два источника сырья: медистые песчаники Южного Урала и месторождение Таш-Казган (Учалинский р-н).

¹ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 47—50.

² Смолин В. Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике. (Очерки археологических раскопок в 1925 году). Чебоксары, 1928. С. 3.

³ Сальников К. В. Указ. соч. С. 17—146.

⁴ Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986. С. 21—51.

Бронзовые орудия труда. Абашевская культура: 1, 2 — тесла, 3 — шило; срубная культура: 4 — топор, 5 — серп

Следы плавки, литья и кузнечных производств встречаются почти во всех поселениях абашевцев Южного Урала. Нередки находки кусочков руды, обломков ошлакованных сосудов — тиглей, медного шлака и других остатков металлургического производства. Свидетельством высокого развития металлургии у абашевцев служат разнообразные бронзовые изделия, находимые в могильниках и на поселениях. Трудно назвать другие племена бронзового века, которые имели бы столь богатый набор украшений и орудий¹.

Значительное своеобразие и яркость абашевской культуре придает керамика. По своим формам, и особенно орнаментации, она заметно отличается от всех южноуральских и поволжских культур. Как правило, это невысокие остросереберные или колоколовидные со-

суды с характерным отогнутым венчиком. В глиняном тесте обильная примесь толченых речных раковин. Поверхность украшена нарядным орнаментом в виде треугольников, ромбов, меандров, волнистых желобков².

Погребальные сооружения абашевцев представляют собой небольшие земляные насыпи высотой до 1 м. Нередко основания курганов обкладывались каменными плитами или огораживались вертикально поставленными столбами. Захоронения совершались в простых

¹ Сальников К. В. Указ. соч. С. 22—42. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 220—226.

² Он же. Очерки древней истории... С. 17—91; Горбунов В. С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. С. 29.

могильных ямах. В ряде случаев стены ям обкладывали каменными плитами или деревом. Погребенных укладывали скорченно на боку или на спине, чаще с подогнутыми ногами. В могилу клали пищу, орудия труда, украшения¹.

Бронзовое оружие. Синташтинский могильник: 1 — наконечник копья, 2 — топор, 3 — наконечник дротика

О происхождении абашевского населения существует ряд гипотез. Одни исследователи полагают, что культура сложилась на западе и лишь в середине II тысячелетия до н. э. абашевцы появляются на Южном Урале. Есть мнение, что абашевская культура образовалась на основе развития южноуральских неолитических племен, которые уже были знакомы со скотоводством, примитивным земледелием и знанием технологии получения меди. Новейшие материалы позволяют говорить о том, что

абашевские племена на Южном Урале появились уже в XVII—XVI вв. до н. э. В середине II тысячелетия до н. э. пришедшие на Южный Урал из Поволжья срубные племена вытесняют абашевцев в Зауралье и лесные районы Приуралья. В дальнейшем сравнительно немногочисленное абашевское население, обитавшее на Южном Урале, растворяется, попав в сферу влияния мощного массива срубно-алакульских племен².

Петровско-синташтинские племена. В первой половине II тыс. до н. э. в Южном Зауралье складывается протогородская цивилизация. Об этом свидетельствует выявленная археологами в 80-х годах в Челябинской области и в Северном Казахстане петровско-синташтинская группа памятников, включающая поселения Синташта, Аркаим, Петровку, Новоникольское и др. Изучение их еще не завершено. Тем не менее некоторые сведения опубликованы.

По сообщению Г. Б. Зданович, петровско-синташтинские поселения имели оборонительные сооружения. Они были обведены рвом, земляной насыпью с деревянными частоколами или глинобитными стенами по принципу замкнутой круговой обороны. Площадь поселений составляла от 0,6 до 3 гектаров³.

Поселения-крепости представляли собой ранние «города». Они, видимо, создавались по заранее продуманному плану, при четкой разметке местности. В них хорошо выделяются жилые и хозяйственные комплексы, места общих сборов и ритуальных действий, городские коммуникации. Жилища располагались по кругу двумя рядами с выходом в сторону центральной площади.

¹ Сальников К. В. Там же. С. 22—40, 94—100; Горбунов В. С. Там же. С. 18—34.

² Горбунов В. С. Хронологическая интерпретация абашевских памятников в бассейне р. Белой // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977; С. 51—62. Он же. Абашевская культура Южного Приуралья. С. 74.

³ Зданович Г. Б. Древнейшее поселение городского типа на Южном Урале // 7-е Бирюковские чтения. Челябинск, 1987; Он же. Аркаим // Рифей. Челябинск, 1990.

Строительным материалом служили дерево, глина и дерн. Площадь жилищ составляла от 25 до 130 кв. м. В Аркаиме дома были крупнее, от 100 до 200 кв. м. Они состояли из нескольких жилых комнат и хозяйственных отсеков с погребями и колодцами. Почти во всех поселениях обнаружены металлургические печи и орудия металлообработки.

По мнению исследователей, в поселениях-городах обитали земледельческо-скотоводческие племена индоиранского происхождения. Свои могильники они располагали вдали от поселка на берегу реки. Многие детали погребального обряда петровско-синташтинских племен находят объяснение в свете индоиранских литературных памятников Ригведы, Атхарваведы и др.¹ Умершие захоронены скорченно на боку или на спине с поднятыми коленями. В изголовье погребенного стоят два-три сосуда. В могилу положены также части тел жертвенных животных: череп и ноги коня, быка или барана. Иногда сосуды и кости располагались сверху могильной ямы. В погребениях обнаружен богатый набор орудий труда, оружия и украшений. В петровских погребениях зафиксированы следы огненных ритуалов в виде угля и пепла в могилах, насыпи, остатков очистительных костров на перекрытии могилы.²

В Синташтинском могильнике найдены два жертвенных комплекса, где в два ряда мордами друг другу лежали четыре бычьих, шесть конских и две бараньих головы, а между ними находились кости ног этих животных. Около некоторых могил обнаружены захоронения от двух до семи лошадей, причем лежали они взнузданные как в упряжке. Как отмечается в гимне Ригведы, эти кони должны были везти своего хозяина на небо.³

В Петровском, Синташтинском и других могильниках выявлены захоронения колесниц. В одних случаях их помещали в могилу со снятыми колесами, а в других делали на дне ямы специальные канавы для колес, которые имели диаметр 90—100 см⁴.

В поселениях обнаружено большое

количество фрагментов керамической посуды. Среди реконструированных сосудов выделяются отдельные типы, похожие на абашевские и раннесрубные. Это дает основание предполагать, что в XVII—XVI вв. до н. э. носители петровско-синташтинской группы памятников имели контакты с абашевскими и раннесрубными племенами Южного Урала. К середине II тысячелетия до н. э. по каким-то причинам петровско-синташтинское население покидает южно-уральские степи.

Срубные племена. Открытие памятников этой культуры связано с именем известного русского археолога В. А. Городцова, впервые исследовавшего в начале XIX в. в бассейне Северного Донца скорченные костяки, захороненные в грунтовых ямах, стенки которых были укреплены бревенчатым срубом.

Формирование раннесрубных племен происходило в лесостепном Поволжье, откуда они расселились на запад, вплоть до Дуная, и на восток. На Южном Урале срубная культура появилась в сложившемся виде в середине II тысячелетия до н. э. В настоящее время в степных и лесостепных районах Башкортостана известно более 400 памятников срубной культуры⁵. Столь плотное заселение региона объясняется благоприятными природными условиями для ведения скотоводческо-земледельческо-го хозяйства.

Заселив огромную территорию в степной и лесостепной зонах Восточной Европы, где число известных поселений

¹ Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 74—99.

² Там же; Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И. Могильник эпохи бронзы на реке Синташа // Археологические открытия 1974 года. 1975. С. 144—147.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Морозов Ю. А. Срубные памятники Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 3—12; Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Периодизация срубной культуры Приуралья. Куйбышев, 1985. С. 95; Морозов Ю. А. Поселения срубной культуры Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С. 36.

Глиняные сосуды. Срубная культура.

и могильников исчисляется тысячами, носители срубной культуры сохранили удивительное единство материальной культуры. Это особенно хорошо заметно на примере погребального обряда и почти полной идентичности форм и орнамента сосудов. Лепная посуда изготовлялась ручным способом, без гончарного круга. Стенки сосудов изнутри и снаружи тщательно выравнивались пучком травы, гребенчатым штампом или мягким предметом. Поверхность, чаще его верхняя часть, украшалась орнаментом в виде горизонтальных рядов наколов, насечек, ломаных линий, ромбов или треугольников, нанесенных гребенчатым штампом¹.

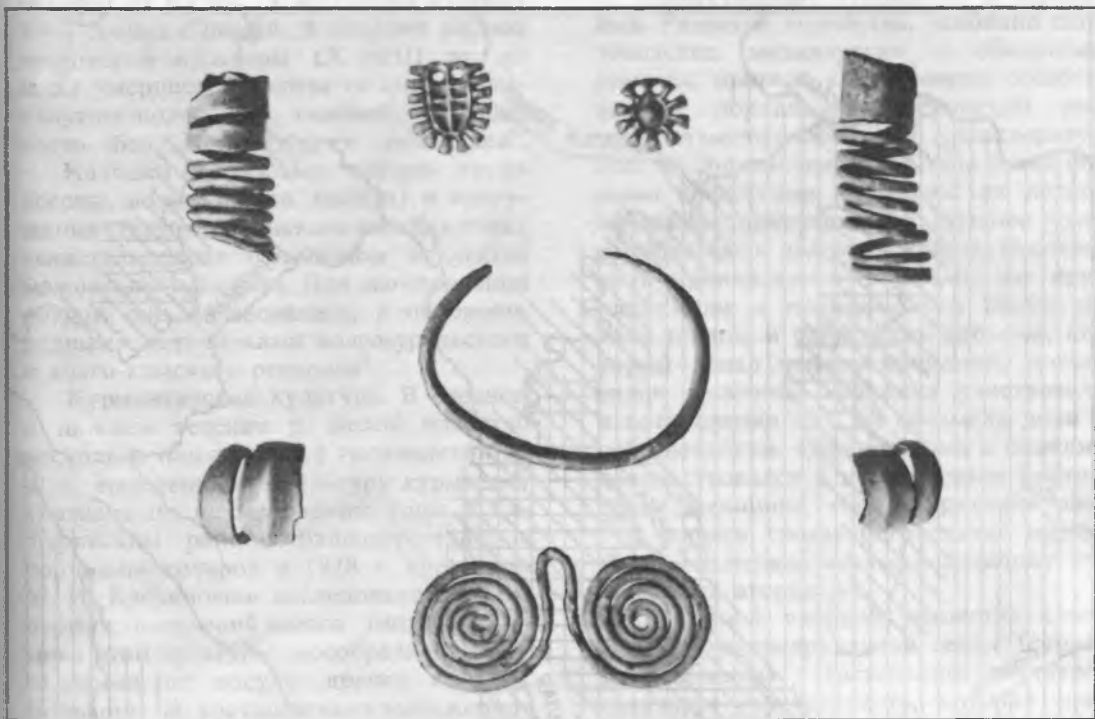
Жилища срубных племен состояли из бревенчатых сооружений в виде срубов или каркасных секций с рядом столбов по периметру. Их устройство можно представить на примере жилища Тавлыкаевского поселения (Баймакский район). В нем пол жилищной камеры несколько понижался к центру, где рас-

полагался очаг. У одной из стен находился колодец, дно которого было укреплено камнем и деревом. Возле противоположной стены была вырыта дренажная яма, а рядом две хозяйственные ямы, используемые для хранения продуктов. К жилищу примыкало помещение для домашнего скота. Расположение опорных столбов внутри жилища указывает на уплощенную конструкцию крыши с одним или двумя скатами. Площадь жилища составляла около 200 кв. м.²

Своих соплеменников срубники хоронили под курганами, которые сооружались вблизи поселений на возвышенных участках. В могиле, часто обложен-

¹ Сальников К. В. Очерки древней истории... С. 148—209; Морозов Ю. А. Могильники эпохи бронзы у села Верхнетавлыкаево // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. 1984. С. 117—135.

² Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры. С. 19—40.

Украшения из бронзы. Абашевская культура: 1 — подвески, 2 — ажурные нашивки, 3 — браслет

ной деревом, умершего укладывали на левый бок с подогнутыми руками и ногами, головой на север. Рядом с умершим ставили горшки с пищей, иногда клали куски мяса. В некоторые могилы помещали орудия труда, украшения. Сверху могила перекрывалась плахами или жердями, нередко берестой. Погребальное сооружение в какой-то степени напоминало жилища живых сородичей.

К концу II тысячелетия до н. э. значительная часть срубного населения покидает лесостепные районы Южного Урала. Возможно, это было обусловлено климатическими колебаниями.

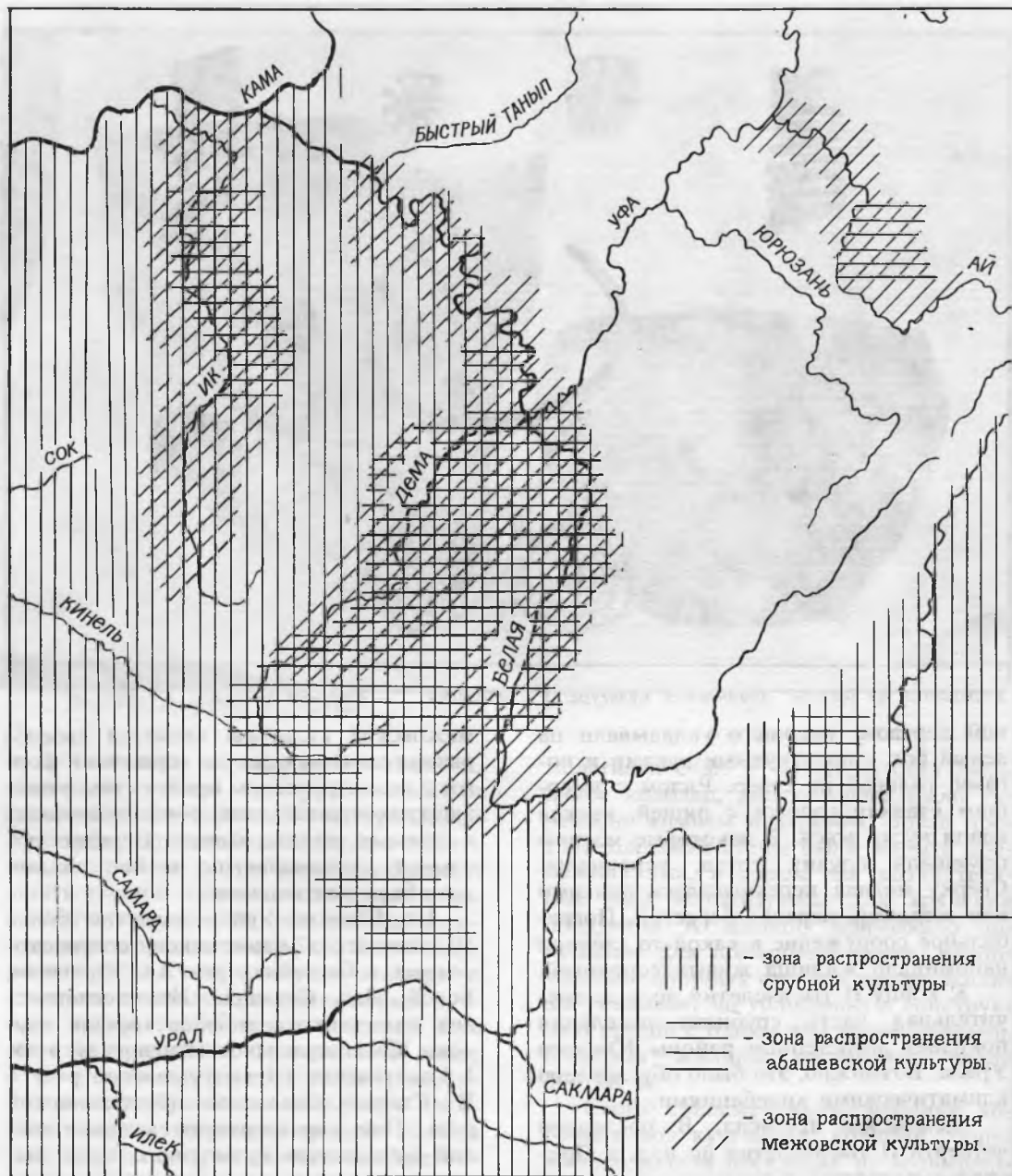
Межовские племена. В последней четверти II тысячелетия до н. э. в Приуралье появляются племена межовской культуры, получившие название по первому исследованному в 1953 г. памятнику у д. Межовка на реке Багаряк на севере Челябинской области. Происхождение их связывают с продвижением зауральского, предположительно, угроязычного населения, обитавшего в лесных районах. Отличительной чертой

межовской культуры является своеобразная глиняная посуда горшечной формы с геометрическим орнаментом в виде заштрихованных лент, ромбов, ломаных и прямых линий, елочек. Нередко орнамент дополнялся по шейке рядами желобков или валиков¹.

На Южном Урале известно более 50 межовских памятников, сосредоточенных в бассейнах рек Ай, Юрюзани, Белой, Ика, Сакмары. Из поселенческих памятников наиболее хорошо изучены Юкаликулевское (Кигинский р-н), I Ахметовское (Чекмагушевский р-н) и II Старо-Кабановское (Калтасинский р-н). Они характеризуются значительной мощностью культурного слоя, наличием остатков жилых построек в виде полуземлянок площадью от 100 до 200 кв. м.²

¹ Обьеденнов М. Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986. С. 77—80, рис. 2, 3.

² Збруева А. В. и Тихонов Б. Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 82—102.

Карта 2. Расположение археологических культур эпохи бронзы на Южном Урале

Погребальный обряд межовцев хорошо известен по 108 захоронениям из 8 могильников. Лучше исследованными из них являются I Красногорский (Мелеузовский р-н Башкортостана) и Такталачукский (Актанышский р-н Татар-

стана). Захоронения производились под курганами небольших размеров. Для ранних памятников XII—X вв. до н. э. характерно обычное для большинства племен эпохи бронзы положение покойника — скорченное на боку, но

головой на восток. У изголовья ставили 1—2 сосуда с пищей. В поздний период межовской культуры (X—VIII вв. до н. э.) умерших хоронили на спине в вытянутом положении, головой на запад, часто без погребального инвентаря¹.

Находки бронзовых орудий труда (серпы, ножи, долота, косари) и вооружения (кинжалы, наконечники копий) свидетельствуют о высоком искусстве межовских мастеров. Для изготовления орудий они пользовались, в основном, рудными источниками волго-уральского и волго-камского регионов².

Курмантауская культура. В среднем и нижнем течении р. Белой известно несколько памятников I тысячелетия до н. э., выделенных в культуру курмантау (названа по наименованию горы в Гафурийском районе Башкортостана, у подножия которой в 1928 г. краеведом М. И. Касьяновым исследовано одно из первых поселений этого типа). Керамика этой культуры своеобразна и легко отличима от посуды других культур. Большинство сосудов имеет выраженное горло и плечики, раздутое тулово, круглое или уплощенное дно, в тесте примесь толченых раковин. Орнамент на горле и плечиках сосудов представлял собой ряды горизонтальной или вертикальной елочки, ямок и насечек в виде «флажков». Обращает на себя внимание насыщенность культурного слоя изделиями из кремня, куда входят наконечники стрел, скребки, ножи, проколки. Но и обработка металла стояла высоко, о чем свидетельствуют находки орудий труда и украшений.

Основными видами хозяйственной деятельности, как и у племен эпохи бронзы предыдущего времени, оставались скотоводство и земледелие.

Ряд исследователей связывает появление курмантауской культуры в низовьях Белой с продвижением на эту территорию так называемых приказанских племен, обитавших в бассейне р. Камы. В дальнейшем племена межовского, курмантауского и приказанского поселений послужили основой в сложении финно-угорской ананьинской общности эпохи раннего железа³.

Общественные отношения и верования. Развитие хозяйства, особенно скотоводства, металлургии и общинных ремесел, привело к изменению общественных порядков. Материнский род уступил место отцовскому. Характеризуя это, Ф. Энгельс писал: «Стада были новыми средствами промысла; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который давал теперь промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе...»⁴.

Основной ячейкой общества стала большая патриархальная семья (семейная община). Постепенно возникает семейная собственность, которая подрывает основы первобытнообщинного строя. В руках глав семей и родоплеменной знати начинает сосредоточиваться богатство. Имущественную и социальную дифференциацию усиливали войны и военная добыча, львиная часть которой доставалась вождям.

О разложении родового строя свидетельствуют могильники, где наряду с бедными захоронениями рядовых общинников встречаются богатые захоронения. На таких крупных могильниках эпохи бронзы как Синташта, Петровка (Челябинская область), Старые Ябалакты, Петряево (Чишминский р-н Башкортостана), Старо-Яппарово (Давлекановский р-н) есть сложные по устройству курганные могильные сооружения, на возведение которых требовались зна-

¹ *Обыденнов М. Ф.* Поздний бронзовый век... С. 17—24.

² *Он же.* Указ. соч. С. 40—46.

³ *Сальников К. В.* Очерки древней истории... С. 375—391.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 162.

чительные затраты труда. Видимо, они принадлежали главам семей, родоплеменным вождям и служителям культа. Представляют также интерес немногочисленные женские захоронения с богато украшенными головными уборами, отражающими их высокое социальное положение¹.

Наличие социальной градации у скотоводческо-земледельческих племен Евразийских степей эпохи бронзы подтверждают письменные источники древнейших индоиранцев — Авеста и Ригведа. Согласно описаниям, древнейшее общество индоиранцев делилось на три социальные группы — жрецов, военную знать и свободное население².

Мировоззрение населения эпохи бронзы определялось уровнем развития хозяйства и тесно переплеталось с социальной структурой общества. Жизнь древнего скотовода всецело зависела от природы, поэтому человек одухотворял ее силы. С большой наглядностью прослеживается в погребальном обряде обожествление солнца и огня. Особое место занимал культ мертвых. Вера в бессмертие умерших сородичей, в существование потустороннего мира превращала похороны в сложный и пышный ритуал, где соблюдались обычаи и правила родовой общины. Умершему сооружали могилу, которая имитировала жилище. Рядом с умершим ставили горшок с пищей, клали украшения, оружие, орудия труда. В погребальных комплексах отмечается наличие костей конечностей и черепа лошади, а конь в религиозных представлениях индоиранцев являлся символом Солнца. Таким образом, посредством отдельных предметов — символов и системы особых действий люди пытались влиять на духов, заручиться их поддержкой.

Рост производительных сил в эпоху бронзы вызвал изменения не только в хозяйственной и общественной жизни населения, но и способствовал усилению межплеменных общений. Наиболее регулярные и тесные связи существовали между абашевскими и синташтинско-петровскими племенами, а позднее между носителями срубной культуры и ала-

кульским населением, занимавшим территорию Северного Казахстана и лесостепные районы Челябинской области. Этому способствовали общее мировоззрение, единый хозяйственный уклад, пользование одними медно-рудными источниками.

В начале I тысячелетия до н. э. южноуральские племена эпохи бронзы, входившие в состав Евразийских степных обществ, являлись тем культурным пластом, на основе которого происходило формирование культур раннего железного века.

§ 2. Ранний железный век. Древние кочевники на Южном Урале

Освоение железа. В VIII—VII вв. до н. э. начинается эпоха раннего железа, охватывающая период более тысячи лет, вплоть до III—IV вв. н. э. Освоение металлургии железа способствовало резкому повышению производительности труда, что, в свою очередь, повлекло за собой большие изменения во всех областях жизни древнего населения. «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях; расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один

¹ Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев. 1985. С. 101, 115.

² Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 74—99; Она же. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 23—37.

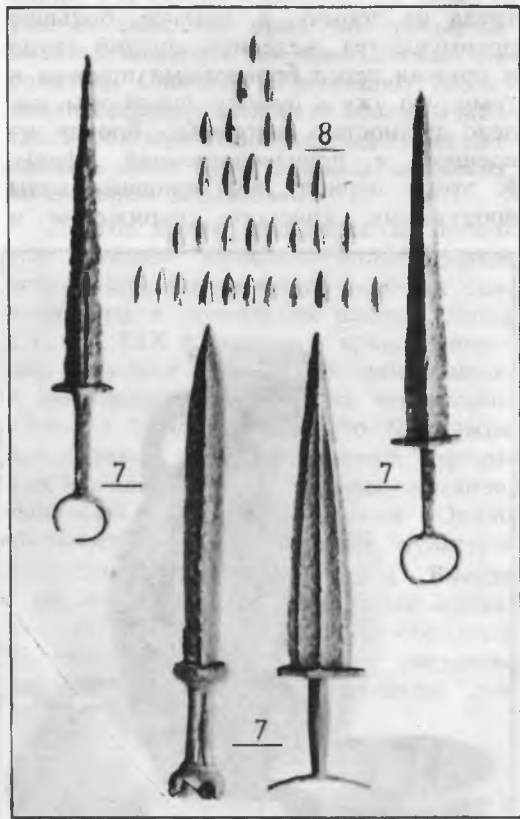
камень, ни один из других известных тогда металлов»¹.

Период раннего железа насыщен целым рядом крупнейших событий в жизни человека. Нарушаются прежние экономические и этнокультурные связи. Племенные объединения эпохи бронзы распадаются, происходит перегруппировка племен, формирование новых этнокультурных объединений.

Ранний железный век — это период становления и развития на огромной территории степной полосы Евразии новой формы хозяйства — кочевого скотоводства, период создания на Кавказе и в Средней Азии первых государственных образований. Это время расцвета и падения античных рабовладельческих государств Греции и Рима, создания мощных кочевых объединений ски-

Оружие древних кочевников. Сарматская культура: 1—3 — железные мечи; 4, 5 — железные наконечники копий; 6—8 — бронзовые наконечники стрел; 7 — железные кинжалы

фов, саков, сарматов, гуннов, период многочисленных завоевательных походов, стремительного возвышения и столь же быстрого падения «первобытных империй». В то же время для подавляющего большинства населения Европы и Азии, в т. ч. Южного Урала, это была эпоха первобытнообщинного строя, его активного разложения, имущественной

и социальной дифференциации населения.

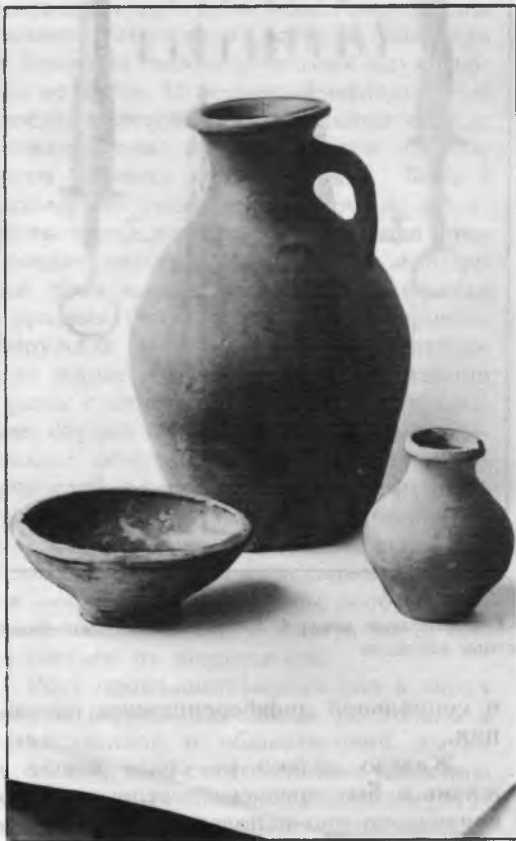
Железо далеко не сразу вошло в жизнь и быт древнего населения. Первоначально оно использовалось для из-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.

готовления лишь некоторых видов оружия (мечи, кинжалы) и орудий труда (ножи, шилья). Большая же часть вооружения и орудий труда, не говоря уже об украшениях, еще длительное время отливалась из бронзы. Технология выплавки железа (кричный способ) была сложной, трудоемкой, на первых порах и малопродуктивной¹. Однако широкое распространение железорудных месторождений и незначительные затраты труда на добычу, а, главное, большие преимущества железных орудий труда и оружия перед бронзовыми привели к тому, что уже к рубежу нашей эры железо полностью вытеснило бронзу из военной и производственной сферы. К этому периоду все основные виды вооружения, конского снаряжения и

орудия труда стали изготавливаться из железа.

В эпоху раннего железа на территории Южного Урала, соответственно физико-географическим условиям, складываются два основных хозяйственно-культурных типа: в северных лесных и лесостепных районах формируется культура оседлых скотоводческо-земледельческих племен — потомков местного финно-угорского населения эпохи бронзы, южные степные и, частично, лесостепные районы становятся местом кочевания многочисленных ирано-язычных племен. Такое различие основ хозяйственного уклада и, соответственно, этнокультурного состава древнего населения Южного Урала сохраняется и позднее.

Гончарная посуда и бронзовый котёл. Сарматская культура. II Чумаровские, Бишунгаровские, Перелочанские курганы.

¹ Граков Б. Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977. С. 9—13.

Древние кочевники на Южном Урале. В эпоху раннего железного века степи Нижнего Поволжья и Южного Урала были заселены кочевыми племенами савроматов и их потомков сарматов. Они являлись составной частью обширного, преимущественно ирано-язычного, кочевого мира Великого пояса степей, простиравшегося на несколько тысяч километров от Забайкалья на востоке до Дуная на западе. Однотипное скотоводческое направление хозяйства, кочевой подвижный образ жизни, частые военные столкновения способствовали интенсивным культурным и этническим контактам племен этого огромного региона. Несмотря на определенное своеобразие отдельных территориальных племенных объединений (археологических культур), проявляющееся в особенностях погребального обряда и материальной культуры, в целом образ жизни, социально-экономический уклад их были относительно одинаковы.

В развитии савромато-сарматской культуры выделяются четыре этапа, получившие названия самостоятельных археологических культур: савроматская — VIII—IV вв. до н. э., раннесарматская (прохоровская) — IV—II вв. до н. э., среднесарматская (суловская) — I в. до н. э. — II в. н. э., позднесарматская — II—IV вв. н. э.¹ Генетическая преемственность этих культур не оспаривается, но это не исключает отдельных иноплеменных включений на разных этапах развития сарматской культуры. Так, например, исследователями установлено, что в формировании раннесарматской (прохоровской) культуры Южного Урала активное участие приняли оседлые племена лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири, о чем красноречиво свидетельствует керамический материал. Глиняная посуда с примесью талька в тесте и своеобразным резным орнаментом из прохоровских захоронений очень близка керамике из могильников и поселений раннего железного века Зауралья и Западной Сибири². Определенную роль в сложении культуры поздних сарматов сыграли, по-видимому, племена Средней

Азии³. В памятниках Башкирии встречаются привозная гончарная посуда среднеазиатского происхождения, а также некоторые детали погребального обряда⁴.

Савроматы и сарматы были хорошо известны античным ученым. Довольно подробное описание савроматов имеется у древнегреческого историка V в. до н. э. Геродота. Говоря о соседях скифов, он писал: «За рекою Танаисом (р. Дон) — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера (Азовское море), на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев»⁵.

Долгое время свидетельства античных авторов являлись единственным источником по изучению истории савроматских и сарматских племен. Лишь в конце XIX в. начались археологические раскопки сарматских памятников. К настоящему времени на территории Южного Урала и Нижнего Поволжья исследованы сотни памятников, курганных могильников и отдельных курганов, выявлены тысячи погребений. Около 60 памятников сарматской культуры исследовано на юге Башкирии⁶. Вместе с письменными свидетельствами античных авторов богатые и разнообразные материалы археологических раскопок являются надежным источником для

¹ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100—121.

² Смирнов К. Ф. Савроматы: Ранняя история и культура савроматов. М., 1964. С. 286—290; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 29—38.

³ Скрипкин А. С. К вопросу о происхождении позднесарматской культуры // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринты докладов и сообщений. Уфа, 1976. С. 28—30.

⁴ Пшеничник А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 131.

⁵ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 193.

⁶ Пшеничник А. Х. Указ. соч. С. 7.

освещения истории и культуры сарматских племен.

Границы расселения сарматских племен, как и подавляющего большинства кочевников вообще, были подвижными. Относительное постоянство наблюдалось лишь на севере и востоке. Северная граница определялась природно-климатическими условиями, зоной лесов, на востоке в течение всего периода сарматской культуры она проходила по восточному склону Уральских гор. На ранних этапах сарматской истории западные пределы их кочевий ограничивались р. Дон. Но уже с IV в. до н. э., на раннесарматском (прохоровском) этапе, началась активная экспансия сарматских племен на запад, приведшая в конечном счете к полному завоеванию скифов Северного Причерноморья.

На этой обширной территории культура сарматов не представляла полного единства. На ее облике сказывались направление и характер связей с соседними племенными и государственными объединениями, а также различия условий обитания.

В памятниках южной части Башкирии в той или иной мере представлены все этапы сарматской культуры. По основным признакам они аналогичны синхронным памятникам степей Оренбуржья, юга Челябинской области и Западного Казахстана и объединяются учеными в особый Самаро-Уральский вариант единой сарматской культуры.

Легенда о происхождении савроматов, переданная нам Геродотом, гласит, что они произошли от брака скифских юношей и воинственных женщин «амазонок» и что «савроматы говорят поскифски, но исстари неправильно»¹. Уже эти свидетельства указывают на этническое и языковое родство скифов и сарматов. Ираноязычность скифов и сарматов была доказана в XIX в. на основе анализа собственных имен и некоторых других слов скифов и сарматов из сочинений античных авторов².

Сарматская культура генетически связана со срубной и андроновской культурами эпохи бронзы, о чем убедительно свидетельствуют археологические и ан-

тропологические данные³. Процесс формирования сарматской культуры был довольно сложным и продолжительным и, вероятно, не на всей территории Волго-Уральских степей протекал одновременно. Возможно этим объясняется чрезвычайная малочисленность памятников VIII—VII вв. до н. э., периода становления савроматского кочевого общества. На всей территории Южного Урала выявлено не более десятка памятников этого времени⁴.

В Башкортостане известен только один памятник этого периода, расположенный близ д. Елбулак-Тамак в верховьях р. Демы, и несколько случайных находок савроматского оружия⁵. Этот факт указывает на то, что южные районы Башкирии, а возможно и южноуральские степи вообще, в VIII—VII вв. до н. э. не были еще прочно освоены сарматскими племенами. Это произошло, видимо, лишь в VI в. до н. э., о чем свидетельствует появление многочисленных курганных могильников в степных и, частично, лесостепных районах Южного Урала.

На юге Башкирии сарматские памятники сконцентрированы в двух районах: к западу от Уральских гор, по левобережью Белой, и по восточному склону Уральских гор, в долинах рек Сакмары, Таналыка, Большого Кизила. Уральские горы не являлись непреодолимой преградой для сарматских племен. Материальная культура памятников со всей очевидностью указывает на тесные контакты между зауральскими и приуральскими племенами. В то же время обеим группам присуще и определенное своеобразие, обусловленное различиями природно-климатических условий, а также направлением этнокультурных и экономических контактов. Сарматские

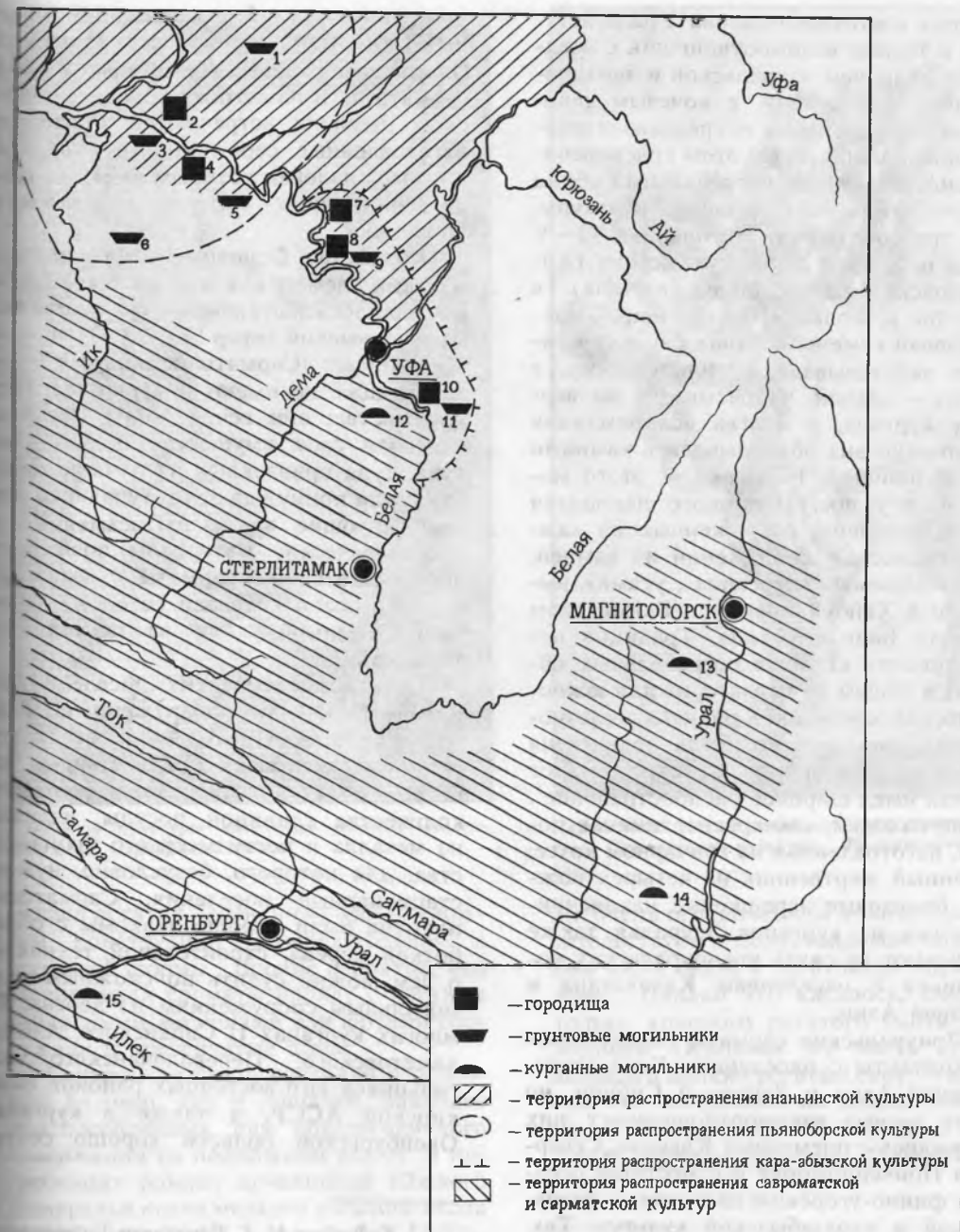
¹ Геродот. Указ. соч. С. 215—216.

² Смирнов К. Ф. Указ. соч. С. 189.

³ Там же. С. 174—188.

⁴ Кореняко В. А. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 38—51.

⁵ Пшеничник А. Х. Указ. соч. С. 8—9.

Карта 3. Археологические культуры эпохи раннего железа на Южном Урале

1 — Могильник Таш-Елга; 2 — Ново-Кабановское городище; 3 — Юлдашевский могильник; 4 — Аначеевское городище; 5 — III Кушумовский могильник; 6 — Камышлы-Тамакский могильник; 7 — Бирское городище; 8 — Биктимировское городище; 9 — I—III Биктимировские могильники; 10 — Шиповское городище; 11 — Шиповский могильник; 12 — Старые Кишки; 13 — Альмухаметово; 14 — Переловчан; 15 — Филипповка

племена восточного склона Урала вступали в тесные взаимоотношения с оседлым населением зауральской и западно-сибирской лесостепи, с кочевым сако-массагетским миром и среднеазиатскими цивилизациями. Об этом красноречиво свидетельствуют погребальный обряд и предметы материальной культуры. Так, при сооружении могильника VI—V вв. до н. э. близ д. Альмухаметово (Абзелиловский район Башкортостана), в бассейне р. Большой Кизил широко использован камень. В одних случаях камнями забутовывали могильную яму, в других — камень набрасывался на вершину кургана, а иногда вся земляная насыпь кургана обкладывалась камнями в виде панциря. Недалеко от этого могильника у пос. Целинного находятся курганы сплошь сооруженные из камней. Несколько сооружений из камней, так называемых «курганов с усами», выявлено в Хайбуллинском и Баймакском районах Башкортостана. Традиция использования камня в погребальных обрядах в общем не характерна для южноуральских кочевников раннего железного века, она, видимо, была привнесена сакскими племенами, у которых этот обычай имел широкое распространение¹. Такие находки, как красноглиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, каменный жертвенник на четырех ножках, бронзовые черешковые наконечники стрел из курганов Зауралья также указывают на связь южноуральских кочевников с населением Казахстана и Средней Азии.

Приуральские сарматы поддерживали контакты с населением Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири, но более тесные взаимоотношения у них сложились с племенами Кавказа, Северного Причерноморья и с местным оседлым финно-угорским населением ананьинской и кара-абызской культур. Так, среди керамического материала Старо-Кишишкинского и Бишунгаровского могильников раннесарматского времени (Кармаскалинский район Башкортостана) имеется целая серия сосудов с примесью толченых раковин в тесте. Использование ракушек для обезжирива-

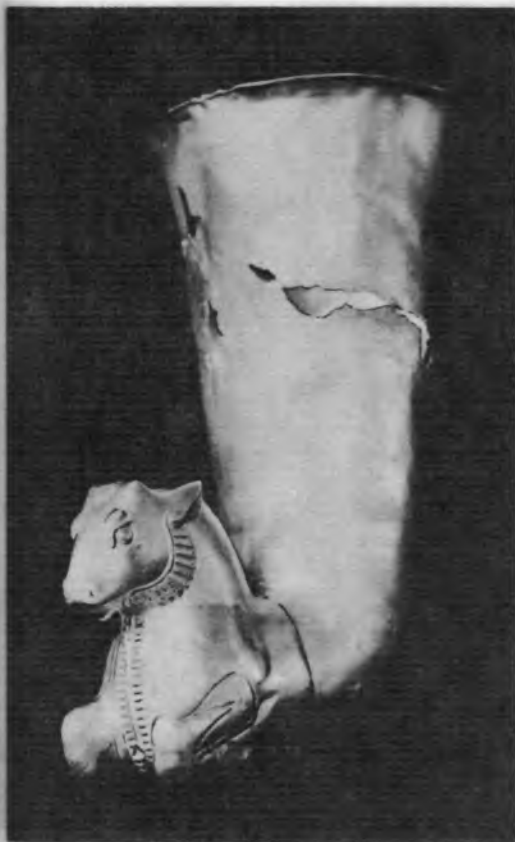
ния глины — глубокая традиция местных оседлых финно-угорских племен. Она, видимо, и была заимствована у них сарматами. В памятниках среднесарматского периода встречаются тщательно изготовленные сероглиняные кувшины, прямые аналогии которым имеются среди синхронных материалов Нижнего Поволжья.

Хозяйство. Основным занятием сарматских племен, как и кочевников вообще, являлось экстенсивное скотоводство. Древнеримский автор I в. н. э. Помпоний Мела писал: «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевоза свое имущество и богатство туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги»². Письменные и археологические материалы позволяют предполагать, что сарматы с весны до поздней осени кочевали со своими стадами, а зимой жили на постоянных зимовках.

Остатков сарматских поселений на Южном Урале не обнаружено, но они, видимо, были. На сезонную оседлость сарматов указывает присутствие в их погребальных памятниках большого количества глиняной посуды, изделий из металла и кости местного производства, для которого, безусловно, нужны стационарные поселения. Сарматские племена были хорошо знакомы с обработкой дерева, строительной техникой, о чем можно судить по сложным надмогильным сооружениям из дерева. Во многих курганах II Сибайского, Альмухаметовского, Переволочанского могильников юго-восточных районов Башкирской АССР, а также в курганах Оренбургской области хорошо сохра-

¹ *Кадырбаев М. К.* Памятники Тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 307—311; *Акишев К. А., Кушаев А. Г.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1966. С. 74—76, 236—246.

² Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Составитель В. В. Латышев // ВДИ. 1949. № 1. С. 283.

Предметы культуры населения раннего железного века. Серебряный ритон

нились остатки деревянных камер сложной конструкции четырехугольной и шатровой формы¹. Вполне вероятно, что на зимниках сарматы наряду с легкими каркасными жилищами или юртами соорудили и бревенчатые дома.

Сарматское стадо состояло в основном из овец, коз и лошадей, наиболее приспособленных для круглогодичного содержания на подножном корму. В погребениях ранних кочевников Южного Приуралья кости мелкого рогатого скота составляют 75,6%, лошадей — 16,9%, крупного рогатого скота — 5,2%², — это соотношение костей может служить в известной мере показателем состава сарматского стада.

Наличие у сарматских племен постоянных зимников, а также присутствие в их стаде крупного рогатого скота, хотя

Деревянная фигура оленя, оббитая золотым листом. Сарматская культура. Филипповские курганы

и в очень ограниченном количестве, свидетельствует о полустойловом содержании части скота с заготовкой кормов на зиму³. Однако это касалось, очевидно, только крупного рогатого скота и молодняка. Основная же часть стада — лошади и мелкий рогатый скот — круглогодично находились на подножном корму. В этом отношении сарматы, как и другие кочевые племена, полностью за-

¹ Пшеничнюк А. Х. Указ. соч. С. 90—91; Смирнов К. Ф. Указ. соч. С. 85—88.

² Железчиков Б. Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 5.

³ Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964. № 3. С. 57.

Золотая подставка. Там же.

висели от природно-климатических условий. Часто повторяющиеся в евразийских степях засухи и джуты наносили огромный ущерб стадам, являлись сущим бедствием для кочевников. Иногда в неблагоприятные годы кочевнико-скотоводы почти полностью теряли стада, восстановление их длилось до пяти лет¹.

Места расположения сарматских зимовок нам неизвестны, поэтому трудно установить маршруты перекочевок и их протяженность. На основании концентрации курганных могильников и этнографических данных можно предположить, что радиус кочевания южноуральских сармат, особенно в ранние периоды, был сравнительно невелик, порядка 250—400 км². В то же время не исключено, что отдельные группы сармат могли перекочевывать на довольно

большие расстояния от Южного Урала до Приаралья. Примером тому служит погребение с типично южноуральскими сарматскими вещами, обнаруженное на плато Устюрт³. Названный путь перекочевок хорошо прослеживается на материалах поздних кочевников⁴.

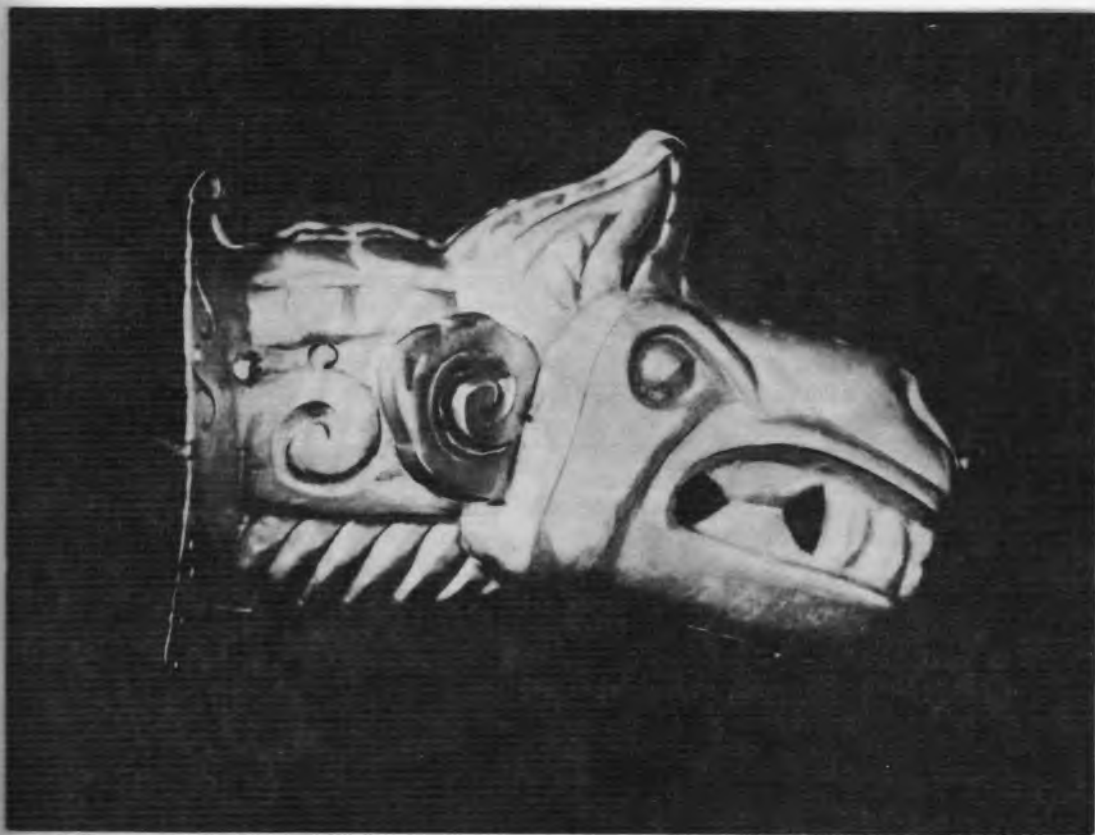
Маршруты перекочевок не могли быть постоянными на протяжении всей истории сарматских племен. Во многом они диктовались конкретными природно-климатическими условиями, т. е. со-

¹ Железчиков Б. Ф. Указ. соч. С. 8.

² Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства... С. 55.

³ Ягодин В. Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА. Вып. 154. 1978. С. 83—89.

⁴ Кузеев Р. Г. Урало-аральские этнические связи в конце I тыс. н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. 4. Уфа. 1971. С. 21—23.

Золотая ручка сосуда в виде головы верблюда. Там же.

стоянием травяного покрова на той или иной территории. Засухи, увлажнения, джугты заставляли кочевников отказываться от традиционных маршрутов. Вполне вероятно, что именно этими обстоятельствами объясняется неравномерность в концентрации сарматских памятников различных периодов на территории Южного Урала. Так, подавляющее большинство курганных могильников VI—IV вв. до н. э. сосредоточено на юго-востоке Башкортостана и в восточных районах Оренбургской области. Примерно в IV—III вв. до н. э. все известные здесь могильники перестают функционировать, что, по мнению исследователей, свидетельствует об отливе населения на запад¹.

Следует указать на два крупных (Бишунгаровский и Старо-Киешинский) могильники, расположенных несколько южнее г. Уфы в Кармаскалинском рай-

оне. Оба памятника сооружены в лесостепном районе, севернее основных районов обитания сарматских племен и охватывают как раз тот хронологический отрезок времени, III—II вв. до н. э., который уже не представлен в зауральских курганах. Вполне допустимо, что эти памятники являлись одним из центральных некрополей южноуральских сармат этого периода. К тому же времени относится небольшой курганный могильник у дер. Базитамак, в устье р. Белой, примерно в 150 км севернее основной сарматской территории². Про-

¹ Мошкова М. Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени // МИА. М., 1972. № 153. С. 72; Железчиков Б. Ф. Указ. соч. С. 8.

² Васильев И. Б. Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА. 1973. № 4. С. 249—251.

Золотая ручка сосуда в виде головы лошади. Там же.

движение сармат так далеко на север, в лесные районы, объясняется, по-видимому, ухудшением климатических условий, наступлением засухи.

На рубеже нашей эры, в среднесарматское время население южноуральских степей было малочисленным и следов его культуры немного. Несколько больше памятников, относящихся к позднесарматскому периоду (II—IV в. н. э.). С V вплоть до VIII в. н. э. вновь наступает почти полное запустение южноуральских степей. Такая неравномерность и волнообразность в распределении памятников кочевников в территориальном и хронологическом отношении отражает, видимо, резкие демографические колебания в южноуральских степях, которые зависели в значительной степени от конкретных природно-климатических условий.

Имеется немало оснований предполагать наличие у сарматских племен примитивного земледелия, которое играло подсобную роль¹. Находки в могилах костей диких животных (лось, олень, косуля, кабан, медведь, волк, лисица) и птиц (утка, гусь)², изображения их («звериный стиль») свидетельствуют о занятиях охотой, хотя она носила вспомогательный характер.

Важное место в жизни древних народов занимали домашние промыслы — изготовление глиняной посуды, кожевенное дело, прядение и ткачество, обработка дерева, кости, камня и т. д.

Особо следует упомянуть керамическую посуду, характеризующуюся большим разнообразием форм и разме-

¹ Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства... С. 57—58.

² Там же. С. 58.

ров. Подавляющее большинство ее ручной лепки и кострового обжига. У савромат в ходу были грубосформованные плоскородонные горшки, чаще вытянутых пропорций, как правило, без орнамента или бедно украшенные небрежными вдавлениями. Глиняная посуда прохоровцев (ранних сармат) отличалась многообразием типов как по форме и орнаменту, так и по функциональному назначению. Большую часть ее составляли сосуды с примесью мелкоистолченного талька в тесте и богатой резной орнаментацией в виде различных треугольников, зигзагов, насечек, гирлянд. Широкое распространение имели также различные ритуальные сосудики в виде чашечек, плошек, горшочков. На среднесарматском этапе обычными были небольшие горшки без орнамента и узкогорлые кувшины с одной ручкой. Примерно такая же маловыразительная посуда употреблялась и позднесарматским населением. Незначительную часть посуды красного цвета, изготовленную на гончарном круге и выделяющуюся тщательностью формовки, составлял импорт из среднеазиатских государств, в частности, из Хорезма.

Широкое развитие у сарматских племен получила металлургия бронзы и железа. Есть основания полагать, что все основные виды оружия, предметы украшений, орудия труда производились самими сарматами, а не появились у них в результате обмена, как утверждают некоторые исследователи. Существование сарматской металлургии подтверждается своеобразием форм оружия и других предметов, зачастую характерных только для сарматских племен и не встречаемых в памятниках иных культур.

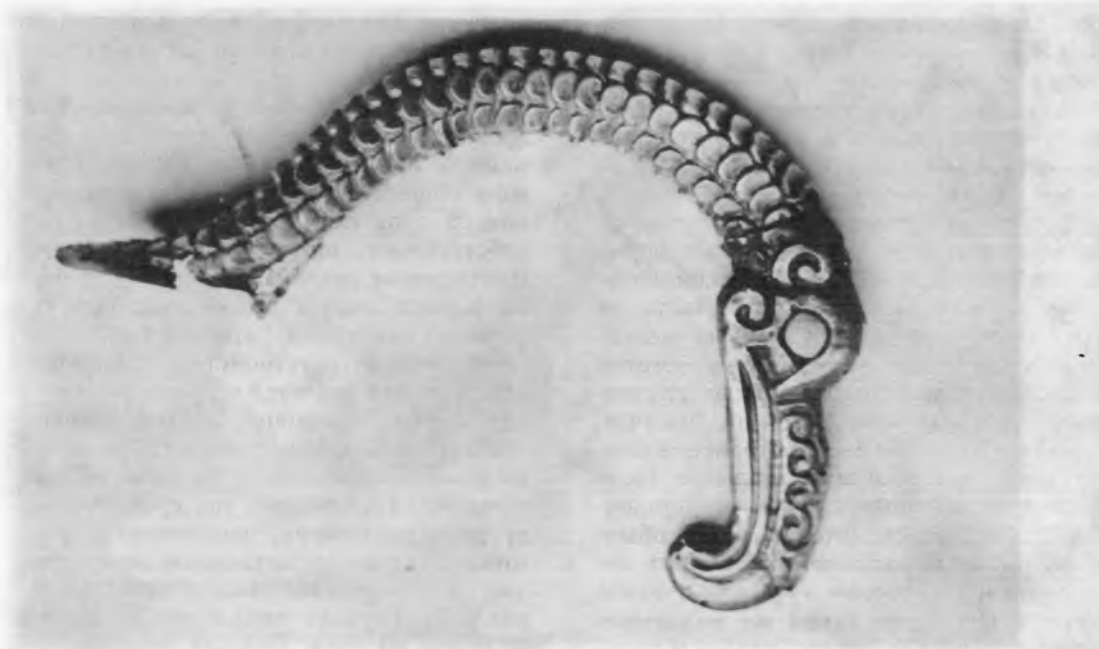
Общественные отношения. Сарматские племена находились на стадии разложения родоплеменного строя. В эпоху раннего железа резко усиливается процесс имущественной и социальной дифференциации. Легкая отчуждаемость скота и частые военные набеги способствовали быстрому обогащению родоплеменной верхушки, являвшейся, видимо, одновременно и военной аристо-

кратией. В савроматское время появляются огромные курганы со сложными надмогильными сооружениями, богатством сопровождающего инвентаря, отражающие процесс выделения родоплеменной и военной аристократии кочевого общества, начало классовобразования. В этот период возникает частная собственность на скот и орудия труда. Интенсивное разложение родового строя на ранних этапах сопровождалось наличием некоторых архаических черт общественного устройства. Наиболее яркой из них является «гинекократия» — пережитки матриархальных отношений¹. О воинственности савроматских женщин — «амазонок», особом их положении в обществе, по сравнению с другими племенами, неоднократно упоминают античные источники, подтверждается это и археологическими материалами. Геродот писал, что амазонки стреляли из лука, бросали дротики, ездили верхом, участвовали в войнах наравне с мужчинами. И ни одна девушка не выходила замуж, пока не убьет врага. Другой древнегреческий автор Псевдо-Гиппократ также отмечал, что девушки-савроматки активно упражнялись в военном деле и охоте и выходили замуж лишь после того, как убьют трех неприятелей².

В погребальных памятниках особое положение женщины на ранних этапах сарматской истории (савроматская и прохоровская культуры) прослеживается в том, что часто центральное место в кургане занимает женское захоронение. Нередко женские захоронения сопровождаются вооружением и предметами конского снаряжения. Женщины у савроматских племен отправляли религиозные обряды, являлись жрицами. На это указывают находки в богатых женских могилах каменных алтарей-жертвенников, имевших культовое назначение, являвшихся сугубо жреческими атрибутами.

¹ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. С. 120—125.

² Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 201.

Золотая ручка сосуда в виде головы грифона. Там же.

Важное место в жизни сарматских племен занимали войны и военная организация. Их воинственность и походы неоднократно упоминаются в античных источниках. Савроматы участвовали на стороне скифов в войне с персидским царем Дарием. Начиная с IV в. до н. э. сарматы совершали далекие походы на запад, покорили скифов Северного Причерноморья, проникали в Крым и на Кавказ.

Воинственность сармат наглядно видна и на археологическом материале. Предметы вооружения и конского снаряжения занимают основное место среди сопровождающего инвентаря сарматских могил.

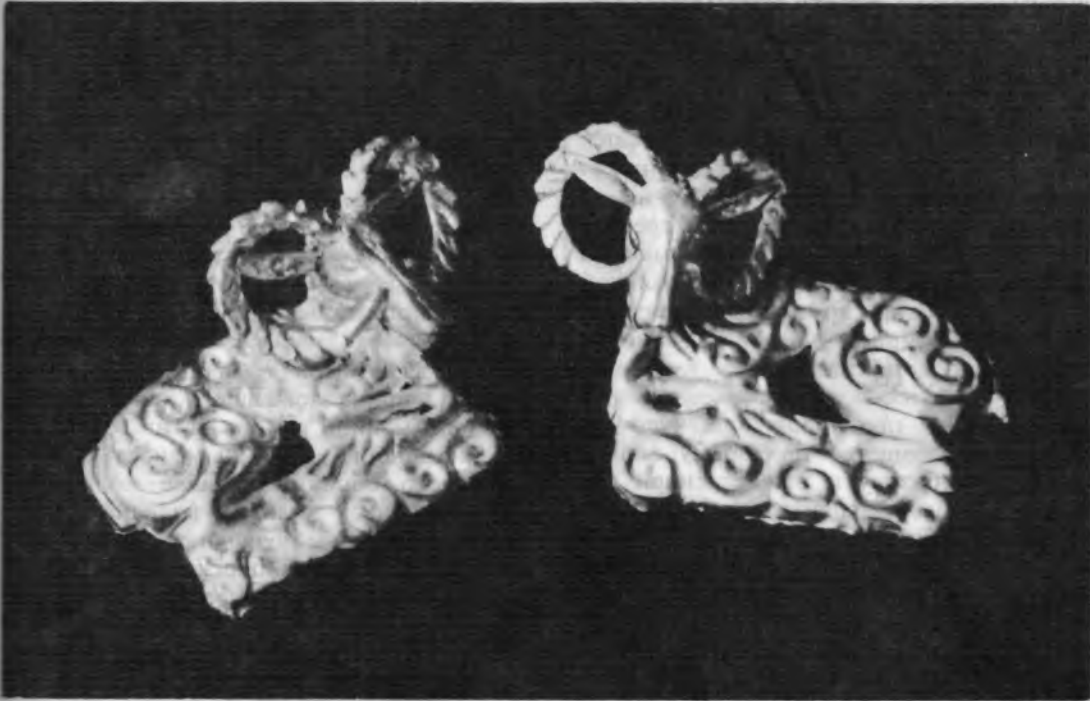
Основным оружием сармат являлся лук со стрелами. Практически каждое взрослое мужское захоронение сопровождается стрелами. Луки не сохранились. Судя по наконечникам стрел, они были того же типа, что и скифские сложные луки небольших размеров, изображения которых представлены на некоторых предметах скифского искусства. Наконечники стрел в савроматский и раннесарматский периоды отливались

из бронзы. Это трехлопастные, реже трехгранные наконечники со втулкой, в которую вставлялись камышовые или деревянные древки. Вариации форм стрел довольно многочисленны, они различаются в зависимости от размеров, пропорций головок и втулок, лопастей и граней. В III—II вв. до н. э. бронзовые втульчатые наконечники стрел начинают постепенно вытесняться черешковыми стрелами, изготовленными из железа. Они также трехлопастные, небольших размеров. Такая форма стрел бытовала на протяжении всего средне- и позднесарматского времени. К концу позднесарматского периода изменения коснулись лишь размеров стрел: головки наконечников стали больше, массивнее.

Вторым видом оружия у сарматских племен являлись мечи и кинжалы. На савроматском этапе это были короткие железные мечи-акинаки скифского типа, приспособленные в основном для рукопашного пешего боя. Уже в этот период начинают применяться длинные обоюдоострые мечи, которые получают широкое распространение на раннесар-

матской стадии. Это мечи так называемого прохоровского типа — с серповидным навершием и прямым брусковидным перекрестием. Такие мечи предназначались для конного боя. Встречаются они в могилах не часто. Ими вооружена была, по-видимому, лишь родоплеменная верхушка, военные вожди со своими дружинами¹. Широко использовались железные кинжалы, имевшие ту же форму, что и мечи.

В среднесарматскую эпоху были распространены мечи с кольцевым навершием, как правило, небольших размеров. На позднесарматском этапе вновь преобладают длинные двулезвийные мечи. На ранней стадии сарматской культуры изредка применялись длинные копья с массивными железными наконечниками. Предполагается, что, как и длинные мечи, они использовались в конном бою.

Золотые накладки в виде фигуры архара — горного козла. Там же.

О большой роли оружия в повседневной жизни мужского сарматского населения, об их вооруженности можно судить по могиле воинов, исследованной в одном из курганов V в. до н. э. близ г. Сибая. В коллективной могиле одновременно было захоронено трое взрослых мужчин, положенных рядом друг с другом на камышовую подстилку. Вполне вероятно, что это были воины, погибшие в бою. В области грудной клетки одного из них обнаружены наконечники стрел. Рядом с погребенными, несколько в стороне, лежали остатки 3 кожаных колчанов, в каждом из кото-

рых находилось около ста стрел. Все воины были вооружены железными двулезвийными мечами-акинаками длиной 40—60 см. Возле мужчин лежали массивные железные наконечники копий с остатками древков. Никаких украшений в могиле не обнаружено. Найдено лишь несколько стеклянных бусин возле рукоятей мечей, служивших украшением оружия. В могиле найдено два железных крючка, костяные проколка и ложечка, которые, судя по их положению,

¹ Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 213.

также имели какое-то отношение к оружию. Такой вещевой набор довольно богатого, во всяком случае, не рядового захоронения свидетельствует о том, что главным для воина-кочевника являлось оружие и конь. Украшениям же не придавалось большого значения. Вероятно, это могила воинов-дружинников.

Стратегия и тактика сармат в воинских предприятиях была, видимо, в принципе такой же, как и у скифов и других кочевых племен — неожиданные нападения конной лавой, с обстрелом противника тучей стрел, концентрированные удары отборной конницы, вооруженной длинными мечами и копьями¹. Высоко боеспособным было и пешее войско, вооруженное луками и кинжалами. Военные походы дружинников являлись одним из основных средств быстрого обогащения родоплеменной верхушки, имущественной и социальной дифференциации сарматского общества.

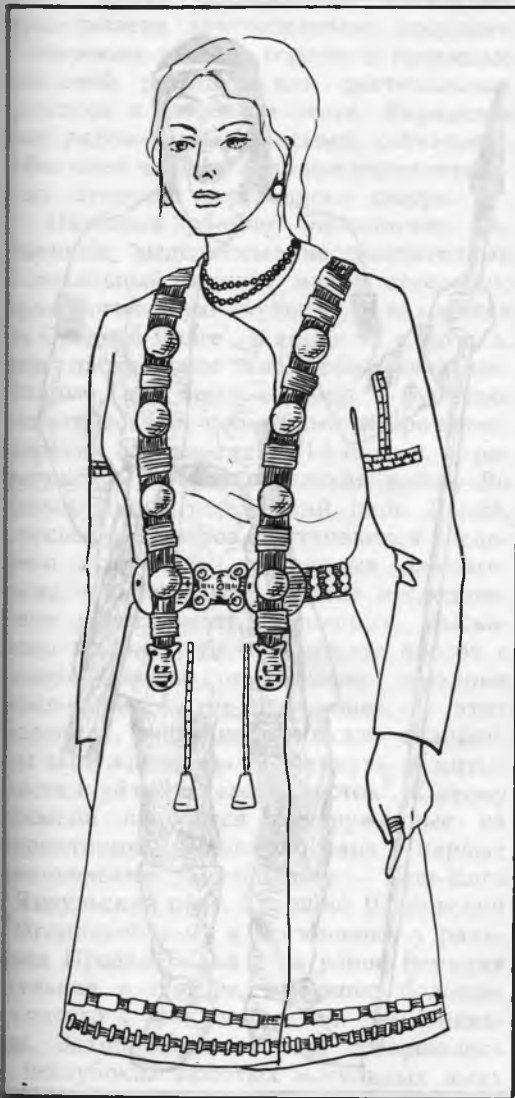
К. Ф. Смирнов на основе анализа савроматских и синхронных им материалов сакских и скифских памятников высказал предположение, что савроматское общество по своему экономическому базису и общественной организации было значительно примитивнее скифского. Основным аргументом для обоснования отсталости савромато-сарматских племен по сравнению с соседними кочевыми объединениями — скифами на западе и саками и усунями на востоке — послужила относительная «бедность» сарматских захоронений, отсутствие огромных курганов со сложными надмогильными сооружениями и богатством сопровождающего инвентаря, таких, как «Солоха», «Чертомлык», «Толстая могила» и другие скифские курганы, таких, как сакский курган «Иссык», ослепляющие блеском золота.

Среди исследованных сарматских памятников действительно до недавнего времени не было таких курганов, которые могли бы сравниться со скифскими и сакскими «царскими» курганами. Однако курганы больших размеров известны в степях Южного Урала с давних пор. Одним из таких памятников явля-

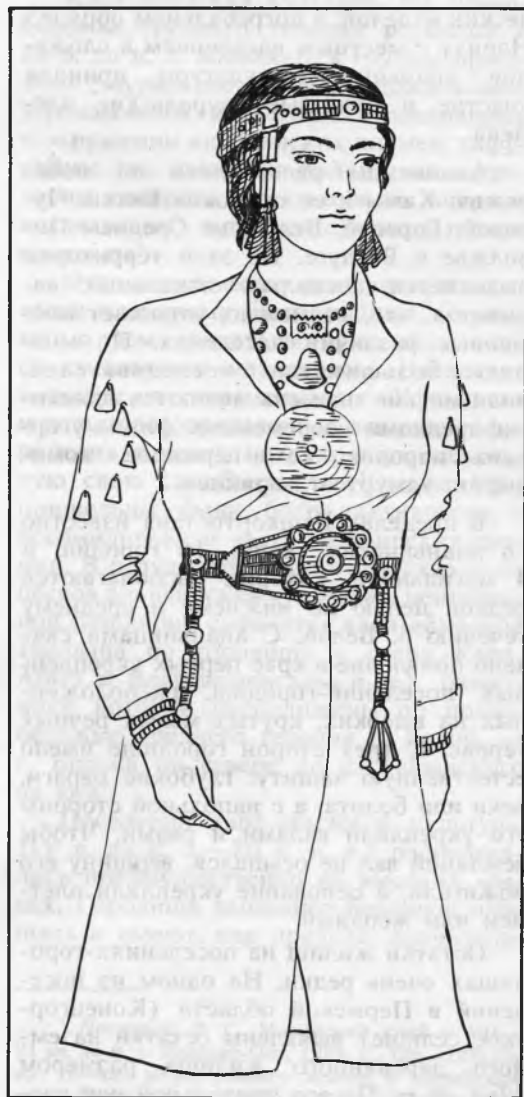
ется курганный могильник у с. Филипповки в Илекском районе Оренбургской области. На могильнике насчитывалось 25 земляных курганов разных размеров. Самые большие из них имеют высоту 6—7 метров и диаметр 75—100 м. Особый интерес представляет исследованный в 1988 г. центральный курган могильника, самый крупный в группе, высотой более 7 м. Под курганом оказалась огромная могильная яма круглой формы диаметром 20 м, глубиной немногим более 2 м. С юга в могилу вел длинный коридорообразный вход, ступенчато спускавшийся на дно. Над могилой было возведено очень мощное деревянное сооружение шатрообразной формы. Могила неоднократно подвергалась ограблению. Несмотря на это удалось собрать богатую коллекцию разнообразного материала, главным образом ювелирных изделий из золота и серебра, выполненных в высокохудожественном так называемом «зверином» стиле. Это была усыпальница знатной семьи, принадлежавшей, по-видимому, родоплеменной аристократии.

Пышность и грандиозность погребального обряда, большое количество великолепных золотых изделий с полным основанием позволяют отнести этот курган к разряду «царских». По своему богатству он не уступает самым знаменитым скифским и сакским курганам. На западе Уральской области, территория которой также в эпоху раннего железа была заселена сарматскими племенами, известны курганы, высота которых достигает 16—18 м. Есть все основания ожидать под этими курганами открытия таких же богатых захоронений. Таким образом, археологические источники со всей очевидностью свидетельствуют, что уровень развития всех кочевых обществ раннего железного века евразийских степей был примерно одинаков.

¹ Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 212—213.

Реконструкция костюма женщины. Кара-абызская культура. I Биктимировский могильник

Реконструкция костюма женщины. Пьяноборская культура. Могильник Ныргында II

§ 3. Оседлые скотоводческо-земледельческие племена эпохи раннего железа

Ананьинская культура. Севернее кочевых сарматов, в лесной и лесостепной зонах Южного Урала, жили оседлые скотоводческо-земледельческие племена. В VIII в. до н. э. в лесной полосе Вол-

го-Камья на основе культур эпохи поздней бронзы сформировалась ананьинская культура (по могильнику у дер. Ананьино близ г. Елабуги Татарстана), просуществовавшая до III в. до н. э. Генетическая связь ананьинцев с предшествующими племенами прослеживается в формах и элементах орнамента глиняной посуды, в конструкции жилищ, в формах костяных и металли-

ческих изделий, в погребальном обряде¹. Наряду с местным населением в сложении ананьинской культуры приняли участие и пришлые зауральские племена.

Ананьинцы расселились по побережью Камы и ее притоков Вятки, Чусовой, Гаревой, Белой, на Среднем Поволжье и Ветлуге. На этой территории выделяется несколько локальных вариантов, что, возможно, отражает племенные различия населения. По мнению большинства исследователей, ананьинские племена являются далекими предками современных финно-угорских народов: коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов, марийцев.

В пределах Башкортостана известно 16 ананьинских селищ, 16 городищ и 4 могильника, которые располагаются редкой цепью по нижнему и среднему течению р. Белой. С ананьинцами связано появление в крае первых укрепленных поселений-городищ, расположенных на высоких, крутых мысах речных террас. С трех сторон городище имело естественную защиту: глубокие овраги, реки или болота, а с напольной стороны его укрепляли валами и рвами. Чтобы земляной вал не осыпался, вершину его обжигали, а основание укрепляли плетнем или жердями.

Остатки жилищ на поселениях-городищах очень редки. На одном из поселений в Пермской области (Концегорское селище) выявлены остатки наземного деревянного жилища размером 42х4—6 м. По его продольной оси располагались девять очагов. В этом коллективном доме могло проживать одновременно несколько родственных семей². Строили ананьинцы дома и меньших размеров, площадью 40—85 кв. м. Такие жилища зафиксированы на поселениях Курган, I Казанка (Татарстан). При их сооружении вырывались удлиненные котлованы глубиной 30—40 см, с наружной стороны которых вкапывались столбы, в пазы их вставлялись бревна. Возможно, что дома имели беспотолочное двускатное перекрытие. По продольной оси жилища на земляном полу

Реконструкция костюма мужчины. Пильноборская культура

располагалось несколько очагов³, обычно это были простые костры.

¹ Халиков А. Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Учен. зап. Перм. ун-та, 1967. № 148. С. 7—28; Халикова Е. А. Второй Полянский могильник // Там же. С. 116—132.

² Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. М., 1952. № 30. С. 27, 148, 209.

³ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977. С. 12—13.

Керамика ананьинских поселений представлена круглодонными сосудами с широким низким горлом с примесью толченой ракушки или растительных остатков в глиняном тесте. Украшены они рядом ямок и косыми, сетчатыми, а большей частью, линиями горизонтальных оттисков веревочного шнура.

Наиболее ранние ананьинские памятники, выделяемые исследователями в локальный вариант или в отдельную археологическую культуру, находятся на Средней Волге¹. В конце VI в. до н. э. они прекращают свое существование. Видимо, это было связано с бурными политическими событиями в причерноморских степях, где в 514 г. до н. э. разыгралась скифо-персидская война. Во время войны персидский царь Дарий, преследуя скифов, остановился недалеко от земель, заселенных фиссагетами, под которыми многие исследователи усматривают ананьинцев. Высказано мнение, что при обходе персов с севера скифы опустошили западные земли фиссагетов-ананьинцев. В этих условиях, очевидно, волжские ананьинцы вынуждены были покинуть обжитые места и уйти на север и восток². К этому времени относятся обнаруженные на территории Башкортостана первые ананьинские могильники — Таш-Елга (Янаульский р-н), Старший Шиповский (Иглинский р-н) и могильники у разъезда Правая Белая и на улице Верхняя Аульская в г. Уфе, имеющие большое сходство с нижекамскими памятниками. Захоронения на них совершались в неглубоких простых могильных ямах прямоугольной формы, в которых погребенные лежали вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь состоит из сосудов, бронзовых гривен, бронзовых втульчатых наконечников копий с прорезным пером, бронзовых втульчатых топоров-кельтов, различных бронзовых украшений и изредка бронзовых клевцов.

При своем движении в районы нижнего и среднего течения р. Белой ананьинцы оттеснили, а местами смешались с малочисленными курмантаускими племенами³.

Кара-абызская культура. На правобережье среднего течения р. Белой в IV в. до н. э. появляются группы пришлого зауральского, предположительно, угроязычного населения. Поселившись в окружении ананьинских племен, гафурейцы (по названию района, на территории которого памятники их впервые исследованы) вступают с ними в тесные контакты⁴.

Отношения между пришлыми и местными племенами были, видимо, мирными, о чем свидетельствуют поселения со смешанным материалом. Население к северу от современного г. Уфы, хотя и испытало определенное влияние гафурейских племен, но сохранило некоторую свою самобытность. Южнее Уфы пришельцы были более активными и ассимилировали часть ананьинских племен. В результате этих этнических процессов ананьинская культура в центральной Башкирии сменяется кара-абызской (названа по городищу у озера Кара-Абыз в Благовещенском р-не), памятники которой расположены по правобережью среднего течения р. Белой, от г. Бирска на севере до с. Табынского на юге⁵.

Поселения кара-абызской культуры (IV в. до н. э.—III в. н. э.) располагались преимущественно на высоких мысах. Городища занимают большую площадь и имеют, как правило, значитель-

¹ Патрушев В. С. Марийский край в VII—VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984. С. 186—188; *Он же*. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1986. С. 112—117; Халиков А. Х. Указ. соч. С. 5—6, 74.

² Халиков А. Х. Указ. соч. С. 258.

³ Иванов В. А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 73—76; Пшеничник А. Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Там же. С. 103.

⁴ Пшеничник А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. III. С. 232; *Он же*. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э.—III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 126—127.

⁵ Пшеничник А. Х. Кара-абызская культура. С. 168.

ную мощь культурного слоя. Самым большим по площади является II Охлебининское городище — Ак-Таш (с. Охлебинино Иглинского р-на Башкортостана), площадь которого составляет более 200 тыс. кв. м. Культурные слои поселений богато насыщены керамикой, костями животных и другими находками. Остатки жилищ на них не обнаружены. Керамика круглодонная, чашевидной или горшковидной формы, содержит в глине примесь дресвы, песка и толченой раковины. Орнамент расположен по верхней части сосудов и состоит из ряда крупных ямок, глубоких насечек или вдавлений. Иногда этот узор дополнен отпечатками гребенчатого штампа или насечек¹.

Могильники кара-абызской культуры являются крупнейшими в Волго-Камском регионе. Так, Охлебининский могильник занимает площадь около 50 тыс. кв. м, Новый Уфимский (г. Уфа) — не менее 140 тыс. кв. м, Шиповский грунтовый — примерно 64 тыс. кв. м. Судя по произведенным подсчетам, только на Охлебининском могильнике захоронено не менее 10 тыс. человек².

Захоронения на могильниках, как и в ананьинской культуре, совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной формы. Исключение составляют погребения Охлебининского могильника, на котором могилы вдоль стенок обложены крупными камнями. Для мужских погребений кара-абызской культуры характерны предметы вооружения и конского снаряжения, для женских — предметы украшений. В могилах часты сосуды и кости животных (конечности овец и свиней). В женских погребениях с рубежа нашей эры пояса лежат на костяке или рядом с ним, а нагрудные украшения находятся в ногах³.

На основании материала Охлебининского и II Биктимировского могильников (Бирский р-н) был реконструирован костюм кара-абызской женщины. О материале и форме головного убора данных не имеется, но можно отметить, что к нему или прямо к волосам прикреплялись височные кольца. На шею надевалось несколько низок бус, иногда и

бронзовая гривна. Богато украшалась верхняя одежда. На плечи, рукава пришивались различные бронзовые обоймочки, пронизки и мелкие выпуклые круглые бляшки. От плеч к поясу в виде «портупей» спускались широкие кожаные ремни, покрытые гофрированными пластинками вперемежку с круглыми бляшками, которые оканчивались трапециевидными подвесками или бляхами с изображением животных. Поверх одежды носился широкий кожаный пояс, украшенный бронзовыми накладками с изображением зверей и одной-двумя крупными круглыми бляхами. К поясу крепились различные подвески. Низ одежды был обшит ремнем с обоймами и круглыми бляшками⁴. Остатков обуви не сохранилось.

Пьяноборская культура (II в. до н. э.—III в. н. э.). На Средней Каме сформировалась пьяноборская культура, являвшаяся качественно новым этапом в развитии местного прикамского населения. Несмотря на генетическую связь пьяноборской и ананьинской культур, памятники IV—III вв. до н. э. здесь отсутствуют. Пьяноборская культура сосредоточивалась в районе среднего течения р. Камы и ее притоков Ик, Сюни, Белой до широты г. Бирска. На этой сравнительно небольшой территории известно 32 могильника, более 120 поселений и многочисленные местонахождения кладов.

Пьяноборские укрепленные поселения отличаются от кара-абызских малыми размерами. Если в ананьинское время городища укреплялись только одним валом и рвом, то на пьяноборских городищах нередко было по три

¹ Пшеничник А. Х. Указ. соч. С. 198—203.

² Он же. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 93—94.

³ Он же. Кара-абызская культура. С. 178.

⁴ Он же. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II Уфа, 1964. С. 223, 225. Он же. Кара-абызская культура. С. 184.

вала и рва, а иногда сооружался кольцевой вал и ров по периметру поселения. Широкие раскопки городища Чеганда II (Удмуртия) дали возможность восстановить планировку поселения. В нем было 20—25 домов, которые располагались вдоль двух улиц шириной 15—20 м, вытянутых от вала к концу мыса. В одном ряду дома располагались под углом к направлению улицы и ступенчато по отношению друг к другу. Расстояние между жилищами одного ряда было около 10—15 м, размеры домов колебались от 49 до 58 кв. м. Внутреннее устройство жилищ довольно простое. Слева от входа находились деревянные нары. Такие же нары были у стены противоположной входу. По средней линии жилища находились два очага, которые представляют открытые кострища, обставленные кругом камнями. Конструкция их довольно удобна для приготовления пищи, а камни долго сохраняли тепло костра. Стены жилищ состояли из бревенчатого сруба в 7—8 венцов. Крыши, видимо, были двускатные, крытые берестой и корой. Вне жилища находились ямы-кладовки для хранения продуктов и кострища, используемые в летнее время¹.

Могильники пьяноборской культуры небольшие, содержат по 300—400 захоронений. Таковы полностью исследованные III Кушулевский (Дюртюлинский р-н), Ново-Сасыкульский (Бакалинский р-н), Юлдашевский (Илишевский р-н) и другие могильники. Орудия труда и сосуды в погребениях встречаются редко. Вещи в могилах лежат так, как они носились при жизни. Видимо, под влиянием кара-абызского населения в некоторых погребениях пояса были уложены вытянуто рядом с умершим, либо положены на него или у ног.

Судя по материалу III Кушулевского могильника (Дюртюлинский р-н), могильника Чеганда II (Удмуртия) и другим, пьяноборский женский наряд отличался от кара-абызского. Головной убор пьяноборских женщин состоял, видимо, из платка, поверх которого надевалась налобная повязка². Носили

они и кожаные шапочки. К налобным повязкам и шапочкам прикреплялись височные подвески со спиральной или конической трубицей, круглые бляшки и ажурно-прорезные накладки. В качестве шейных украшений использовались ожерелья стеклянных бус, бронзовых подвесок и пронизок, а иногда и бронзовые гривны. Составной частью одежды были нагрудники, украшенные стеклянными бусами, бляшками и ажурно-прорезными подвесками. К верхней одежде прикреплялись большие круглые и прямоугольные бляхи, арочные подвески. Поверх одежды носился кожаный пояс, украшенный прямоугольными бронзовыми накладками с двумя рядами треугольных вдавлений и массивной эполетообразной застежкой, которая является самым характерным предметом пьяноборской культуры и редко встречается за ее пределами. Застежка представляла собой крупную бляху с выпуклыми полугорошинами и веревочным орнаментом по кругу. К этой бляхе припаивались имитирующие веревочные шнуры длинные стержни с трапециевидной пластинкой и крючком в конце. Население носило кожаную обувь, которая у щиколоток стягивалась ремнем и застегивалась на пряжку. Иногда обувь украшалась плоскими и выпуклыми круглыми бляшками.

Хозяйство. Оседлые скотоводческо-земледельческие племена Южного Урала имели комплексное хозяйство. Основу его составляли скотоводство и земледелие, подсобную роль играли охота и рыболовство.

Плодородные черноземные и оподзоленные почвы по нижнему и среднему течению рек Белой, Буй, Ик и Сюнь благоприятны для развития земледелия. Однако в эпоху раннего железа, по мнению исследователей, в Прикамье исчезает пашенное земледелие, извест-

¹ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 19—22.

² Он же. Указ. соч. С. 141—169.

ное племенам эпохи бронзы¹. Под посевы обрабатывались расчищенные из-под леса участки и целина. Лес рубили бронзовыми и железными топорами — кельтами, для вскапывания земли применялись деревянные копалки, некоторые из которых имели роговые и металлические наконечники. В качестве тягловой силы использовались домашние животные. Население возделывало пшеницу-двузернянку, рожь, ячмень, овес, просо и коноплю. Это подтверждается находками семян конопли в Ананьинском могильнике и злаков в одном из раскопанных жилищ Осинского городища (Пермская обл.)². На территории Башкирии остатки пшеницы-полбы, хранившейся в глиняном сосуде, найдены на Ново-Кабановском городище (Краснокамский р-н)³. Уборка урожая производилась железными жатвенными ножами и, возможно, примитивными косами. Хранилось зерно в горшках и хозяйственных ямах, часто встречаемых при исследовании поселений. Помол зерна производился на ручных каменных зернотерках и в ступах. Несмотря на отсутствие плужного земледелия, широкий ассортимент выращиваемых культурных растений свидетельствует о наличии старопашотных почв и существовании различных систем земледелия⁴ (подсечная, переложная и др.).

Важную роль в хозяйстве оседлых племен играло скотоводство. По отдельным районам состав стада был различным. В центральной части Южного Урала преобладали овцы, козы и лошади, которые могли добывать корм из-под снега, незначительный процент составляли крупный рогатый скот и свиньи⁵. В северных районах в стаде преобладали свиньи, меньше было лошадей и крупного рогатого скота. Разведение овец играло незначительную роль⁶. Основной формой ведения скотоводства был вольный выпас. Однако в суровых и снежных зимних условиях домашние животные не могли содержаться на одном подножном корме. Заготовка же корма на зиму примитивными орудиями было делом трудным. Обилие костей молодняка на поселениях показывает, что жи-

вотные забивались осенью или в начале зимы, когда кончался подножный корм. Для воспроизводства стада оставляли небольшое количество животных, для которых ножами и топорами заготавливали сено, древесный и веточный корм.

Скотоводство давало мясную и молочную пищу, шерсть и шкуры, которые шли на изготовление одежды, обуви и утепление жилищ. Лошади использовались для верховой езды и перевозки грузов, что подтверждается находками железных удиц и украшений сбруи в погребениях того времени.

Окружающие леса создавали благоприятные условия для охоты. Основным оружием были лук и стрелы с бронзовыми, железными и костяными наконечниками, на крупных зверей охотились копьями. Охота была важным подспорьем в пополнении запасов продуктов. Немалое значение имела и добыча ценных мехов. Так, на Биктимировском городище (Бирский р-н) среди костей диких животных кости пушных зверей составляли 92%, на II Охлебининском (Иглинский р-н) — 86%. Особенно развита была охота на бобра, кости которого на обоих городищах составляют около 80% всех костей диких животных. Кроме пушных зверей (бобр, заяц, лиса, барсук, выдра, куница) на поселениях встречаются кости лося, кабана, косули, сайгака, медведя, волка, рыси, изредка водоплавающей птицы⁷.

Население занималось ловлей рыбы, сбором речных съедобных моллюсков. О занятии рыболовством свидетельствуют находки костяных наконечников

¹ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 44.

² Геннинг В. Ф. Указ. соч. С. 97; Краснов Ю. А. Указ. соч. С. 16—19.

³ Иванов В. А. У подножия Рифейских гор. Уфа, 1982. С. 38.

⁴ Краснов Ю. А. Указ. соч. С. 57.

⁵ Пшеничник А. Х. Кара-абызская культура. С. 212.

⁶ Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. С. 129.

⁷ Пшеничник А. Х. Указ. соч. С. 214.

гарпунов и острог на Касьяновском (Гафурийский р-н) и Ново-Кабановском (Краснокамский р-н) городищах, костей осетровых рыб и сома на II Охлебининском городище. Бронзовые рыболовные крючки встречены в двух погребениях Ново-Сасыкульского могильника (Бакалинский р-н)¹.

Важное место в жизни оседлых племен занимала металлургия бронзы и железа. Древнейшая на Урале домница для варки железа обнаружена на городище Чеганда I (Удмуртия). Она представляла двухкамерную яму, одна часть которой служила печью, где происходила плавка железа, а другая была предтопочным пространством, откуда через сопло подводилось искусственное дутье. За одну варку такая домница производила крицу (железа) в 1—2 кг². Обломки сопла от домниц найдены на селище Курман-Тау (Гафурийский р-н)³ и Охлебининском могильнике. Куски бронзовых и железных шлаков встречены на Юлдашевском, Трикольском (Серенькино) городищах (Илишевский р-н) и Курмантауском селище.

Из железа выделывали различные предметы. Для этого широко применялось литье. Полученный в печах металл плавил в тиглях и льячкой разливали в глиняные или каменные литейные формы. Обломки тиглей, льячек и литейных форм найдены на Аначевском (Илишевский р-н Башкортостана), Ново-Кабановском (Краснокамский р-н), Тра-Тауском (Краснокамский р-н) городищах. Семь литейных форм, одна из них для отливки топора-кельта, обнаружены на Касьяновском городище (Гафурийский р-н)⁴. Высоко развита была техника изготовления бронзовых предметов. Древние мастера в совершенстве владели техникой плоского, объемного, полого литья, отливкой со вставкой отдельных готовых деталей из железа и меди, гравировкой и техникой зерни. Унификация вещей внутри культур и высокая техника их изготовления свидетельствуют о существовании специалистов-ремесленников, изготовлявших украшения и вооружение.

Население занималось ткачеством. Сырьем для пряжи служили шерсть и растительные волокна (конопля). Прядение производилось веретенами, на которые для равномерного вращения насаживали пряслицу из глины и камня⁵.

Выделывались шкуры домашних животных и пушных зверей. Из шкур шили одежду и обувь, при изготовлении которых пользовались костяными проколками и железными шильями. Значительная часть выделанных шкур предназначалась для обмена. Находки на поселениях костяных кочедыков свидетельствуют о плетении лаптей.

Развито было скоторезное дело. Из кости животных изготовлялись различные украшения, наконечники стрел, гарпуны, рукояти ножей, шильев и т. д. Часто костяные изделия полировались и украшались разными узорами.

Земледельческо-скотоводческие племена поддерживали тесные связи с южными кочевниками, которые в обмен на пушнину поставляли им первоклассное по тому времени оружие: сложные луки, кинжалы-акинаки, мечи и предметы конского снаряжения. Через сарматов они получали из античных городов-государств Причерноморья бусы из стекла, египетский фаянс и другие изделия.

Кочевники внесли значительный вклад в развитие культуры оседлых племен. Так, ананьинцы, как и скифы, устанавливали на могилах родовых и племенных вождей стелы. Судя по изображенным на них фигурам, ананьинцы носили остроконечную, похожую на башлык шапку со спускающимися концами, короткий кафтан, который подпоясывался ремнем, штаны и мягкие сапоги. Костюм воина-ананьинца полностью идентичен скифской одежде, известной по изображениям на серебряном сосуде

¹ Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 117.

² Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 99—101.

³ Юсупов Г. В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 63.

⁴ Там же.

⁵ Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 108.

из кургана Куль-Оба и на золотом гребне из кургана Солоха¹. На некоторых стелах волжских ананьинцев изображены атрибуты власти: топоры, кинжалы-акинаки².

Общественное устройство. В раннем железном веке скотоводческо-земледельческое население находилось на последней стадии родового строя. В ананьинскую эпоху род выступает как единый хозяйственный коллектив, состоящий из нескольких больших патриархальных семей, обитавших в одном коллективном доме или в нескольких рядом расположенных домах. Численность рода в Прикамье была невелика и не превышала 40—50 человек³. Несмотря на то, что род представлял собой единый хозяйственный коллектив, внутри него шел дальнейший процесс имущественного и социального расслоения. Погребения родовых вождей и знати на могильниках выделяются богатством инвентаря, в котором часты привозные предметы. Могилы воинов отличаются от погребений рядовых членов рода, содержащих скромный инвентарь, наличием предметов вооружения. Уже ананьинскому обществу были известны патриархальные рабы, которые хоронились на родовых кладбищах без вещей⁴.

Ананьинские племена во время военной опасности объединялись в кратковременные союзы⁵, которые возглавлялись вождями экономически и политически сильных родов или племен. Постепенно значительная доля военной добычи и обмена стала сосредотачиваться в руках родовой знати, которая стремилась закрепить свою власть над рядовыми членами рода и в мирное время. Это стремление наглядно проявляется в установлении на могилах стел с изображениями атрибутов власти: кинжалов, топоров⁶.

В конце первого тысячелетия до нашей эры в Прикамье формируются постоянные союзы племен. Этому способствовало вытеснение бронзовых орудий труда и вооружения железными, приведшее к росту производительных сил и концентрации населения на небольших территориях⁷, а также постоянная

угроза набегов воинственных сарматов, отношения с которыми были не всегда мирными. Жертвами этих набегов, видимо, являются обезглавленные коллективные захоронения на Ново-Сасыкульском могильнике (Бакалинский р-н), расположенном на границе с сарматскими кочевьями.

По среднему течению р. Белой сложился многочисленный союз карабызских племен. Все население объединения было сосредоточено вокруг четырех пунктов, на каждом из которых обитало не менее 10—15 родов⁸. Близость кочевых сарматских племен способствовала развитию обмена и обогащению родо-племенной знати, ярким доказательством этого является крупный клад золотых вещей с Охлебининского городища. В целом же, несмотря на имущественную дифференциацию, родовые отношения оставались довольно устойчивыми.

На рубеже нашей эры формируется пьяноборский союз племен. Население этого объединения обитало на небольших родовых поселениях, группировавшихся около крупных городищ. Группы поселений отделялись друг от друга свободными пространствами⁹.

В пьяноборском союзе наблюдается сильное имущественное расслоение как среди родов, так и в самих родах. Выделяются богатством погребального инвентаря Камышлы-Тамакский (Бакалинский р-н) и Юдашевский (Илишев-

¹ Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 213, 217.

² Халиков А. Х. Указ. соч. С. 94—95, 179—181.

³ Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 116—117.

⁴ Збруева А. В. Указ. соч. С. 147—163.

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Халиков А. Х. Стелы с изображениями оружия раннего железного века // СА. № 3. 1963. С. 184—185.

⁷ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. С. 6, 109; Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 135—138.

⁸ Пшеничниук А. Х. Некоторые вопросы общественного развития... С. 95—96.

⁹ Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 101—109.

ский р-н) могильники. Однако и на них значительную долю составляют могилы рядовых общинников без вещей¹. Род в это время распадается на отдельные большие патриархальные семьи, которые становятся основной производительной силой общества — происходит их экономическое обособление. Численность большой семьи составляла 17—23 человека. Имущественное положение больших семей в роду было неодинаковым, выделяются экономически сильные семьи, представители которых являлись предводителями в войнах, а в мирное время составляли родовую и племенную знать. На могильниках наиболее богатые погребения располагаются в одной семейной группе, в остальных — преобладают захоронения со скромным инвентарем или без него. Погребения знати находятся обычно в центре богатых большесемейных групп².

Верования и искусство. У скотоводческо-земледельческих племен существовали сложные представления о жизни и смерти. По их представлению смерть была переходом в загробный мир. Считалось, что умершему там потребуются необходимые вещи. Поэтому в могилу помещали предметы, принадлежавшие покойнику: орудия труда, оружие, украшения, глиняные сосуды с пищей. У большинства племен существовало представление о том, что переход из страны живых в страну мертвых осуществляется по реке «смерти». Поэтому почти все могильники располагаются вдоль рек, умершие у ананьинского и части кара-абызского населения уложены в могилах ногами к реке³. Существовал у лесных племен и культ предков. В память об умерших приносились в жертву животные, на могильниках устраивались погребальные тризны и поминки. Значительная роль в погребальном обряде у ананьинцев отводилась огню⁴. Подсыпка в могилы горящих углей из жертвенного костра, сильный огонь, разведенный над одним из погребений Таш-Елгинского могильника (Янаульский р-н), в результате которого почва вокруг него и костяк оказались обожженными⁵, свидетельствуют о вере

ананьинцев в очистительную силу огня. В пережиточной форме культ огня фиксируется в более позднее время и у пьяноборского населения, хотя он уже не играл такой роли как у ананьинцев.

Земледельческо-скотоводческие племена поклонялись солнцу, олицетворявшему живую природу. Многочисленные изображения солнца в виде диска с лучами или многолепестковой розетки часты на бронзовых зеркалах, бляшках и глиняных пряслицах⁶. Почиталось женское божество. Свидетельством этого служат находки на ананьинско-пьяноборских поселениях антропоморфных глиняных статуэток. По всей вероятности, они изображают покровительницу домашнего очага⁷.

Нередки находки на ананьинских и кара-абызских памятниках изображений хищных зверей и фантастических птиц. Видимо, они являлись тотемами предков или родоначальников, которые с течением времени превратились в символы рода или племени, стали объектами поклонения и почитания и должны были придать их обладателю силу, ловкость, зоркость и меткость⁸. Очевидно, этим объясняются находки клевцов и секир с зооморфными фигурами, которые также, как и топоры, являлись знаками власти.

Широкое развитие получил культ медведя. Иногда медведь изображался в жертвенной позе: с головой, положенной между передними лапами. Отголоски культа медведя сохранились

¹ Агеев Б. Б. Погребальный обряд населения Западного Приуралья в эпоху раннего железа (реконструкция общественного строя финно-угорского населения на рубеже н. э. // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1976. С. 80.

² Он же. К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 138—145.

³ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. С. 88; Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура. С. 225.

⁴ Збруева А. В. Указ. соч. С. 126; Халиков А. Х. Указ. соч. С. 92.

⁵ Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 23.

⁶ Збруева А. В. Указ. соч. С. 131.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 134, 136.

у ряда народов Урала (коми, удмуртов) до XIX в. Население одухотворяло различные силы природы, воду, рощи, горы и растения.

Предметы с зооморфными изображениями освещают не только религиозные воззрения, но и являются прекрасными образцами «звериного стиля», позволяющими судить о высоком по тому времени уровне искусства. «Звериный» стиль был распространен в эпоху раннего железа на обширной территории Евразии. Однако прикамское население создало особый стиль, отличающийся от скифо-сибирского. Ведущими образами его являются местные животные и звери: лоси, лошади, медведи и др.¹ Для раннего этапа развития этого стиля характерны объемные и реалистические фигуры птиц на клевцах и секирах, на вершинах кинжалов, медведей — на поясных застежках у ананьинцев и карабызцев. В последние века первого тысячелетия до нашей эры в зверином стиле наблюдался процесс стилизации.

Образы животных утрачивают реальные черты и они воспроизведены схематично.

Одновременно со «звериным» стилем в искусстве оседлого населения существовал и другой стиль — геометрический с орнаментом из прямых резных линий, кружков, треугольников, ромбов, концентрических кругов и спиралей. На ранних этапах железного века украшения с геометрическим орнаментом отличались в формах. На рубеже первого тысячелетия они штамповались или собирались из тонких колец и пластин. Широкое распространение геометрический стиль в искусстве получил у пьаноборского населения, в меньшей степени он был развит у ананьинских и карабызских племен.

Таким образом, в эпоху раннего железа произошли важные сдвиги в жизни древнего человека.

¹ Збруева А. В. Указ. соч. С. 141.

§ 1. Южный Урал в эпоху Великого переселения народов

В IV—V вв. н. э. в этнокультурной карте Евразии происходят резкие изменения, вызванные массовым движением на запад кочевых скотоводческих племен, основное ядро которых составляли вышедшие из степей Центральной Азии племена гуннов или хуннов. Это движение положило конец многовековому господству в восточноевропейских степях индо-иранских кочевых племен и явилось началом не менее длительного движения на запад тюркоязычных кочевников¹.

Крупный и мощный союз кочевых племен хуннов сложился в III в. до н. э. в степях Монголии и Забайкалья. В середине I в. н. э., в результате внутренних противоречий и серии неудачных войн с Китаем, этот союз распался на две державы: Южную и Северную. Южные хунну сразу же приняли подданство китайской империи Хань, а северные хунну еще в течение целого столетия оказывали ожесточенное сопротивление натиску ханьских войск и своих бывших подданных — кочевых племен сяньби². Потерпев в 155—166 гг. н. э. ряд сокрушительных поражений от сяньби, северные хунну двинулись в далекий поход на запад. В этом походе участвовало все население со своими стадами, семьями и с огромным количеством боеспособных всадников — мужчин и молодых (незамужних) женщин. Участие в войнах было неотъемлемым правом и обязанностью каждого свободного члена кочевого общества. Та-

кое положение характерно для общества, находящегося на стадии военной демократии. Основу его составляли социально-политические объединения — союзы племен. Возглавлялись они, как правило, наиболее сильными и активными представителями влиятельных богатых родов, принадлежавших обязательно к тому объединению, которое начало нашествие³.

В конце I в. н. э. китайские исторические хроники отмечают расселение хунну в Северном Приаралье и Прикаспии, после чего на протяжении более чем двух веков о них не упоминают. Европейским же историкам хунну становятся известны только в 70-х гг. IV в. По свидетельству римского писателя того времени Аммиана Марцелина, хунну внезапно вторглись в степи Причерноморья, разгромили живших там остготовов и, преследуя их, вышли к восточным, дунайским границам Римской империи.

Через степи Урало-Поволжья хунну прошли довольно стремительно, вытеснив или вобрав в себя последние немногочисленные группы позднесарматских племен, и, практически, не оставив археологических следов своего пребывания в этом регионе. На территории степного Приуралья и Нижнего Поволжья известны только восемь погребений кочевников, входивших в хуннский союз племен. После хуннского нашествия

¹ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10.

² Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 18—19.

³ Там же. С. 14.

вия, почти до конца I тысячелетия н. э., степи Южного Урала оставались незаселенными.

Мазунинская культура. Лесостепные и лесные районы Приуралья в первой половине I тысячелетия н. э. продолжали оставаться областью расселения оседлых, скотоводческо-земледельческих племен финно-угорского этноса. Бассейн среднего течения р. Камы от ее правых притоков Ижа и Сивы на западе до среднего течения р. Быстрый Танып и по р. Белой до современного города Бирска на юго-востоке занимали племена мазунинской археологической культуры*, сложившейся в III в. н. э. на базе пьяноборской культуры эпохи раннего железа. Большинство мазунинских укрепленных поселений — городищ (60 из известных ныне 91) расположены по берегам Камы и Белой. Площадь их в основном не превышает 10 тыс. кв. м., хотя известны и более крупные городища, площадью до 35 тыс. кв. м. Последние отличаются мощным культурным слоем, указывающим на то, что это были постоянно обитаемые поселки нескольких родов. Небольшие городища (до I тыс. кв. м.) со слабым культурным слоем служили, вероятно, убежищами на случай военной опасности¹.

Продолжая традиции финно-угорских племен эпохи раннего железа, мазунинское население устраивало свои городища на высоких мысах, защищенных с трех сторон глубокими оврагами. С напольной стороны рыли ров и насыпали от одного до трех валов. Некоторые мазунинские городища устраивались на месте прежних городищ эпохи раннего железа.

Во время раскопок Постольского городища в Удмуртии выявлены остатки мазунинского жилища. Это был бревенчатый дом, высотой в 8—10 венцов, с двускатной крышей, опиравшейся на слезы из жердей, и выходом с южной, торцовой, стороны. Обогревалось жилище двумя очагами, расположенными вдоль восточной стенки, а у противоположной стенки, слева от входа, выявлены следы дощатых нар. Маленькое волоковое оконце, пробитое в вос-

точной стене, пропускало в жилище узкий пучок света, падавшего, прежде всего, на деревянного идола — хранителя дома, стоявшего возле нар. Мусор, зола из очагов частью выбрасывались за порог, а частью сваливались в ямы, вырытые тут же, в земляном полу жилища².

Основу экономики мазунинских племен составляли подсечно-огневое и мотыжное земледелие в сочетании с отгонным скотоводством и охотой³.

Материальная и духовная культура мазунинских племен продолжали традиционную линию развития культуры оседлых прикамско-приуральских племен эпохи раннего железного века. На примере погребального обряда эта генетическая преемственность прослеживается особенно наглядно. Все мазунинские могильники расположены по берегам рек, на высоких местах, умерших укладывали в узкие прямоугольные могилы глубиной до 115—120 см, вытянуто на спине, головой на север с сезонными, вероятно, отклонениями к западу и востоку. Могилы располагались рядами вдоль края берега, никаких внешних признаков могил до настоящего времени не сохранилось. Судя по обильным остаткам дерева, умерших хоронили в дощатых гробах или заворачивали в луб.

Характерная особенность мазунинских погребений — жертвенные комплексы, состоящие, как правило, из набора женских украшений, уложенных в берестяную коробочку или туесок, и положенных у изголовья, и обычай укладывать пояса в развернутом виде рядом с погребенным или на его теле.

* Названа по могильнику, исследованному в 1954—1956 гг. в окрестностях с. Мазунино Камбарского района Удмуртии.

¹ Иванов В. А., Останина Т. И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 105.

² Там же. С. 117—118.

³ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967. С. 44—46.

Оба эти элемента мазунинского погребального обряда своими корнями уходят в обычаи ананьинских и кара-абызских племен. Генетическая связь между мазунинскими племенами и местными оседлыми племенами эпохи раннего железа подтверждается также и результатами краниологических исследований¹.

Географическая среда обитания и уровень социально-экономического развития наложили свой отпечаток на характер и содержание религиозных верований мазунинских племен. Вера в загробную жизнь, как продолжение жизни земной, почитание воды и огня, животных (медведь, конь), водоплавающих птиц (лебедь, утка), деревьев, как покровителей рода, вера в духов леса, воды, поля² и т. д. — вот те элементы духовной жизни финно-угров Прикамья и Приуралья, реконструируемые всем комплексом археологических и этнографических данных.

Время становления и расцвета мазунинской культуры в Приуралье — это время зарождения в недрах родовой организации новой социальной ячейки — патронимии, представляющей собой группу патриархальных семей, связанных общностью хозяйства, общественных организаций и мировоззрения³. Уровень экономического развития мазунинских племен, в основе которого лежало подсечное земледелие, где требовался труд всех членов общества, и трудно было получить излишний, товарный продукт, не способствовал общественному расслоению между патронимиями. Это прослеживается на материале мазунинских могильников, отличающихся от памятников предшествующей эпохи удивительной «стандартизацией» сопровождающего погребенных набора вещей: лук со стрелами, короткий копье с железным наконечником, нож у мужчин, медные или бронзовые личные украшения у женщин. Набор оружия из мужских погребений в равной степени мог использоваться на войне и на охоте. Погребения родовой или племенной знати — старейшин, вождей, дружинников, которые отличались бы

богатством сопровождающих вещей или сложностью погребального обряда, в мазунинских могильниках не выделяются⁴.

Консервации общественных отношений у оседлых финно-угорских племен Прикамья и Приуралья способствовала, вероятно, и общая ситуация в соседних степных районах. В это время основная масса сарматских племен уходит из Урало-Волжских степей на запад, что значительно ослабляет угрозу набега степняков для приуральских финно-угров. У них не возникает необходимости создавать и содержать специальные дружины профессиональных воинов — этого неперемennого атрибута всех обществ, вступивших в стадию распада родовых отношений и классовообразования.

Таким образом, в середине I тысячелетия н. э. оседлые племена лесного и лесостепного Приуралья в своем социальном развитии продолжали оставаться на уровне родового строя.

Бахмутинская культура. В V в. н. э. в культуре мазунинских племен происходит ряд внутренних изменений, природа и причины которых до конца еще не ясны. Изменяется облик глиняной посуды, появляются новые типы женских украшений, новые черты в погребальном обряде. По могильнику, исследованному в 1911 г. возле д. Бахмутино (Нуримановский р-н), эта новая археологическая культура получила название бахмутинской.

В вопросе о происхождении и этнической принадлежности носителей бахмутинской культуры существует ряд неясностей. С одной стороны, прослеживается явное сходство бахмутинской глиняной посуды, женских украшений

¹ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. С. 54.

² Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971. С. 125—130.

³ Генинг В. Ф. Мазунинская культура. С. 38—39.

⁴ Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. С. 69—82.

и характерных элементов погребального обряда с предшествующими мазунинскими. Не случайно в археологической литературе долгое время подвергалась сомнению сама идея разделения этих двух культур¹. С другой стороны, кроме заметных различий в культуре мазунинского и бахмутинского населения, наблюдается несовпадение территорий их расселения. Западная граница распространения памятников бахмутинской культуры проходит по низовьям рек Сюнь и Быстрый Танып, восточная — по правобережью р. Уфы².

Почти одновременно с формированием и развитием бахмутинской культуры, являющейся, как уже указывалось выше, продолжением местных прикамско-приуральских этнокультурных традиций, в Приуралье приходят небольшие группы кочевников, судя по облику материальной культуры, еще до появления в регионе имевших тесные контакты с племенами гуннского объединения. Одними из первых на рубеже IV—V вв. в Приуралье появляются этнокультурные группы, оставившие здесь курганные могильники харинско-тураевского типа*. Именно они приносят в регион многие элементы гуннской материальной культуры, получившие затем широкое распространение среди местного финно-угорского населения: поясные наборы, состоящие из разнообразных бронзовых и серебряных пряжек и накладок, мечи, золотые украшения, инкрустированные вставками из цветного стекла или полудрагоценных камней³.

Этническая принадлежность Харинско-тураевских племен очень проблематична. По мнению некоторых исследователей, именно эти племена выступают в арабских письменных источниках под общим именем буртас⁴. Однако преемственность, выявленная между памятниками харинского типа в Прикамье и следующими за ними по времени памятниками ломоватовской культуры (VI—IX вв.), финно-угорская этнокультурная принадлежность которых сейчас установлена, позволяет видеть в племенах, оставивших в Приуралье

памятники харинско-тураевского типа, одну из групп западносибирских угров⁵, перекочевавших сюда в эпоху Великого переселения народов.

Двигаясь в Приуралье, в основном по поймам рек, текущих со стороны степи (Ик, Сюнь), пришельцы обогнули с запада Бугульминско-Белебеевскую возвышенность и в Южном Прикамье и в низовьях Белой столкнулись с местным мазунинским населением. В результате основная масса мазунинских племен отошла восточнее, на территорию современной Башкирии, где затем и трансформировалась в бахмутинскую археологическую культуру, а часть пришлого населения через освобожденные районы поднялась вверх по Каме в леса Среднего Прикамья.

В силу своей малочисленности, а также устойчивости этнокультурных традиций местного прикамско-приуральского населения пришлые группы не могли оказать существенного воздействия на этнический состав оседлого населения региона и очень быстро были ассимилированы местными финно-угорскими племенами.

В то время, когда в Бельско-Уфимском междуречье развивалась сложившаяся на местной финно-угорской основе бахмутинская культура, по правобережью среднего течения р. Белой, в предгорных районах Южного Урала, обитали отдельные небольшие группы оседлого земледельческо-скотоводческого населения именьдяшевской культу-

¹ Генинг В. Ф. Мазунинская культура. С. 54—57; Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1969. С. 74—83.

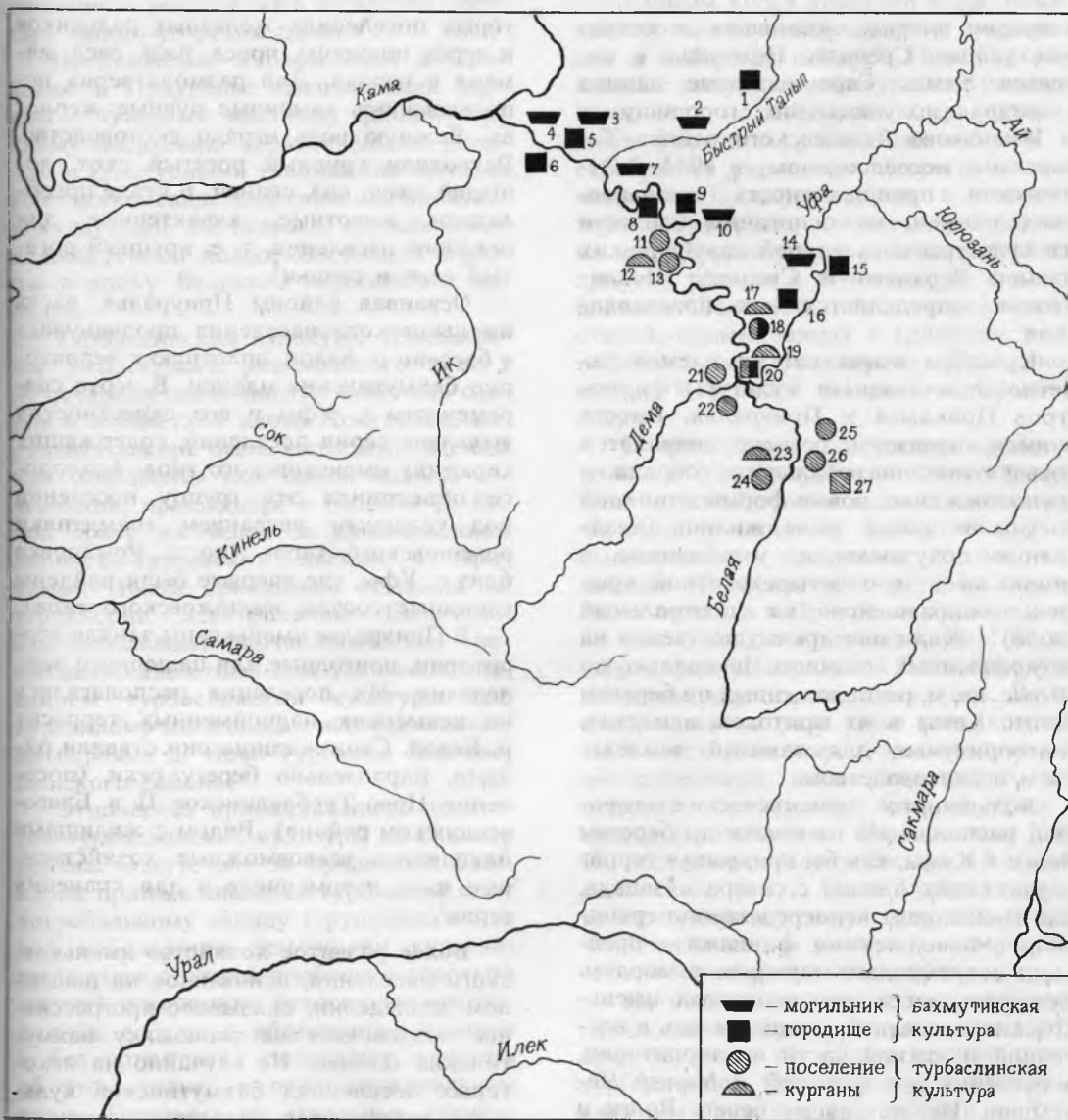
² Иванов В. А., Останина Т. И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме. С. 126.

* Названы так по первым памятникам, исследованным возле с. Тураево в Татарстане и с. Харино в Пермской области.

³ Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 105. Рис. 32.

⁴ Он же. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 292.

⁵ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 133—144.

Карта 4. Памятники бахмутинской и турбаслинской культур на Южном Урале (V—VI вв. н. э.)

1 — Кансиарское городище; 2 — Кара-Тамакский могильник; 3 — Старо-Муштинский могильник; 4 — Старо-Кабановский могильник; 5 — городище Какры-Куль; 6 — Юлдашевское (Петер-Тау) городище; 7 — Ангасякский могильник; 8 — Казакларовское городище; 9 — Бирское городище; 10 — Бирский могильник; 11 — Матвеевское поселение; 12 — Кушнаренокский могильник; 13 — Кушнаренокское поселение; 14 — Бахмутинский могильник; 15 — городище Чандар; 16 — городище Варья; 17 — Ново-Турбаслинские курганы; 18 — Ново-Турбаслинское поселение; 19 — Дежневские курганы; 20 — городище Уфа II; 21 — Романовские курганы; 22 — Миловское поселение; 23 — Шареевский могильник; 24 — Улукулевское поселение; 25 — Кумырлинское поселение; 26 — Устинское поселение; 27 — Имендяшевское городище

ры (названной так по Имендяшевскому городищу в Гафурийском районе), сложившейся в III в. н. э. из потомков местных племен эпохи раннего железного века¹.

Именьковская культура. Западными соседями финно-угорских племен При-

камья и Приуралья в V в. н. э. становятся оседлые земледельческо-скотоводческие племена именьковской культуры,

¹ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. С. 245.

довольно плотно заселившие лесостепные районы Среднего Поволжья и низовьев Камы. Свое название данная культура получила по городу у с. Именьково Лаишевского района Татарстана, исследованному в 1954 г. Этническая принадлежность именьковских племен, на основании близости их культуры с культурой зарубинецких племен Верхнего и Среднего Поднепровья, определяется как праславянская¹.

Культура именьковских племен заметно отличалась от культуры финно-угров Прикамья и Приуралья. Вместе с именьковцами в регионе появляется новый тип погребального обряда — трупосожжение, новые формы глиняной посуды и новые типы жилищ (квадратные полуземлянки, углубленные в землю на 1 м, с четырехскатной крышей, опирающейся на центральный столб)². Жили они преимущественно на неукрепленных селищах площадью до 20 тыс. кв. м, расположенных по берегам Волги, Камы и их притоков, в местах, благоприятных для занятий земледелием и скотоводством.

Большинство именьковских городищ расположено на мысах по берегам Волги и Камы, как бы прикрывая территорию своих племен с севера и запада, где именьковцы непосредственно граничили с поволжскими финнами — предками современных марийцев и мордвы. Основная масса неукрепленных именьковских поселений располагалась в восточной и южной части их территории, в бассейне рек Большой и Малый Черемшан, Ик, по левому берегу Волги и Нижней Камы³. Здесь им не грозила реальная опасность вражеского набега: склоны Бугульминской возвышенности отделяли территорию именьковских племен от южноуральской степи, где могли появляться кочевники, а мазунинское население Нижней Белой, возможно, не без участия именьковцев, было оттеснено на восток, в междуречье Белой и Уфы.

Основой экономики именьковского населения было пашенное земледелие, что подтверждается находками на неко-

торых поселениях железных ральников и зерен пшеницы, проса, ржи, овса, ячменя и гороха. Для размола зерна использовались каменные ручные жернова. Важную роль играло скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз, свиней. В стаде преобладали животные, характерные для оседлого населения, т. е. крупный рогатый скот и свиньи⁴.

Осваивая районы Приуралья, часть именьковского населения продвинулась в бассейн р. Белой, вплотную к территории бахмутинских племен. В черте современного г. Уфы и его окрестностях выявлена серия поселений, содержащих керамику именьковского типа. Археологи объединили эту группу поселений под условным названием «памятники романовского типа» (по д. Романовка близ г. Уфы, где впервые были найдены глиняные сосуды именьковского типа).

В Приуралье именьковцы заняли территории, пригодные для пашенного земледелия. Их поселения располагались на невысоких надпойменных террасах р. Белой. Свои жилища они ставили рядами, параллельно берегу реки (поселение Ново-Турбаслинское II в Благовещенском районе). Рядом с жилищами находились всевозможные хозяйственные ямы, в том числе и для хранения зерна⁵.

Более развитое хозяйство именьковского населения, основанное на пашенном земледелии, оказывало прогрессивное воздействие на экономику бахмутинских племен. Не случайно на некоторых поселениях бахмутинской культуры встречаются железные серпы и каменные жернова, косвенным образом свидетельствующие о проникновении

¹ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 58—70.

² Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1—32. М., 1967. С. 14.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 137, рис. 18.5.

пашенного земледелия в хозяйство местных финно-угорских племен¹.

Продвижение и расселение в Прикамье и Приуралье именьковских племен с чуждыми местному финно-угорскому населению хозяйственным укладом и культурными традициями явилось еще одним свидетельством сложной этнокультурной обстановки, сложившейся в лесостепной полосе Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.

Турбаслинская культура. Именьковцы («памятники романовского типа») не оставили сколь-нибудь заметных следов в этнической карте Приуралья, поскольку вскоре были вытеснены отсюда или поглощены еще одной волной кочевников, пришедших в бассейн р. Белой сразу же вслед за продвижением харинско-тураевских племен в Прикамье. Новые пришельцы оставили на территории Центральной Башкирии многочисленные археологические памятники, известные под условным названием турбаслинской культуры (по курганному могильнику, исследованному на окраине д. Ново-Турбаслы Благовещенского района)².

Этническая принадлежность носителей турбаслинской культуры до сих пор неясна. Отсутствие за пределами Башкирии прямых аналогий турбаслинскому погребальному обряду (труположение под небольшими земляными курганами, в ямах с нишей-подбоем в короткой стенке) и керамике (массивные круглодонные сосуды с яйцевидным туловом и без орнамента) позволяют говорить об этом только в предположительном плане. Опираясь на отдельные элементы культуры турбаслинского населения, исследователи пытаются объяснить ее появление в Приуралье приходом сюда туркизированных угров или потомков ираноязычных кочевников — сармат и саков³.

Культура пришлого турбаслинского населения заметно отличалась от культуры бахмутинских и именьковских племен. С приходом турбаслинцев в Приуралье распространяются подкурганное захоронения, обычай помещать вместе

с покойным куски конского мяса, появляются новые типы женских украшений и наборных поясов⁴. Пояса, украшенные вычурными фигурными накладками (так называемыми «геральдическими формами»), сложные золотые и серебряные украшения (серьги, колты, медальоны), выполненные в технике зерни и ажурного плетения, указывают на тесные культурные контакты турбаслинских племен с кочевниками южных районов Великого пояса евразийских степей, примыкающих к границам раннефеодальных государств Причерноморья, Северного Кавказа и Средней Азии.

С приходом в лесостепные районы Южного Урала турбаслинцы сталкиваются с устойчивыми оседло-земледельческими традициями бахмутинского и именьковского населения. У нас нет данных об образе жизни турбаслинцев до их прихода в Приуралье (традиционно они считаются кочевниками), но на территории Центральной Башкирии они известны как оседлое население. Вероятно, здесь сыграли свою роль контакты с местными оседло-земледельческими племенами, но не исключено, что оседлый образ жизни был не чужд и самим турбаслинцам. На городище Уфа II, поселениях Улукулевском (Кармаскалинский р-н), Ново-Турбаслинском найдены серпы, топоры, жернова, свидетельствующие о развитом земледельческом хозяйстве этих племен⁵.

На основании имеющегося археологического материала трудно составить представление об общественном строе турбаслинцев. Захоронения в сложных каменных склепах (погребения на территории г. Уфы), богатые наборы золо-

¹ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 136.

² Он же. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 114—142.

³ Генинг В. Ф. Южное Приуралье... С. 278; Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981. С. 25.

⁴ Степи Евразии... С. 23.

⁵ Ищеригов П. Ф., Мажитов Н. А. Городище Уфа II // АЭБ, 1962. Т. I. С. 145.

тых украшений свидетельствуют об определенном экономическом и социальном расслоении носителей турбаслинской культуры. Но пока невозможно проследить выделения на экономической основе внутри турбаслинских родов отдельных патриархальных семей. Можно только предполагать, что бахмутинские, именьковские и турбаслинские племена, находясь в одних и тех же природных условиях лесостепного Приуралья, практикуя один и тот же тип хозяйства, в основе которого лежало земледелие и пастушеское скотоводство, находились на одной стадии общественного развития. Внутри этих племен начинают выделяться более богатые роды. Это можно проследить на материалах могильников, различающихся богатством и бедностью положенных в могилы вместе с умершими вещей¹.

Таким образом, гуннское нашествие, хотя и не затронуло непосредственно оседлого населения Южного Урала, но способствовало вовлечению его в ход этноисторических процессов, происходивших в то время в Евразии. Сдвинутые со своих мест гуннами кочевые и полукочевые племена степей и лесостепей Евразии, отходя в южно-уральские леса, вступали в культурные и этнические контакты с местным финно-угорским населением, приносили в его среду новые элементы материальной культуры и новые хозяйственные навыки, под воздействием местной природно-географической и этнокультурной среды меняли свой тип хозяйства и образ жизни. Все это и создавало этнокультурную пестроту, нашедшую свое выражение в обилии разнотипных и узколокализованных археологических памятников V—VII вв., выявленных на территории Южного Урала.

§ 2. Полукочевые племена Южноуральской лесостепи

Кушнаренковская культура. На рубеже VI—VII вв. в Приуралье появляются пришлые племена, оставившие на территории современного Башкортостана, Прикамской Удмуртии и в восточ-

ных районах Татарстана памятники так называемого кушнаренковского типа (по первому исследованному в 1959 г. памятнику-селищу на окраине с. Кушнаренково на левом берегу р. Белой)².

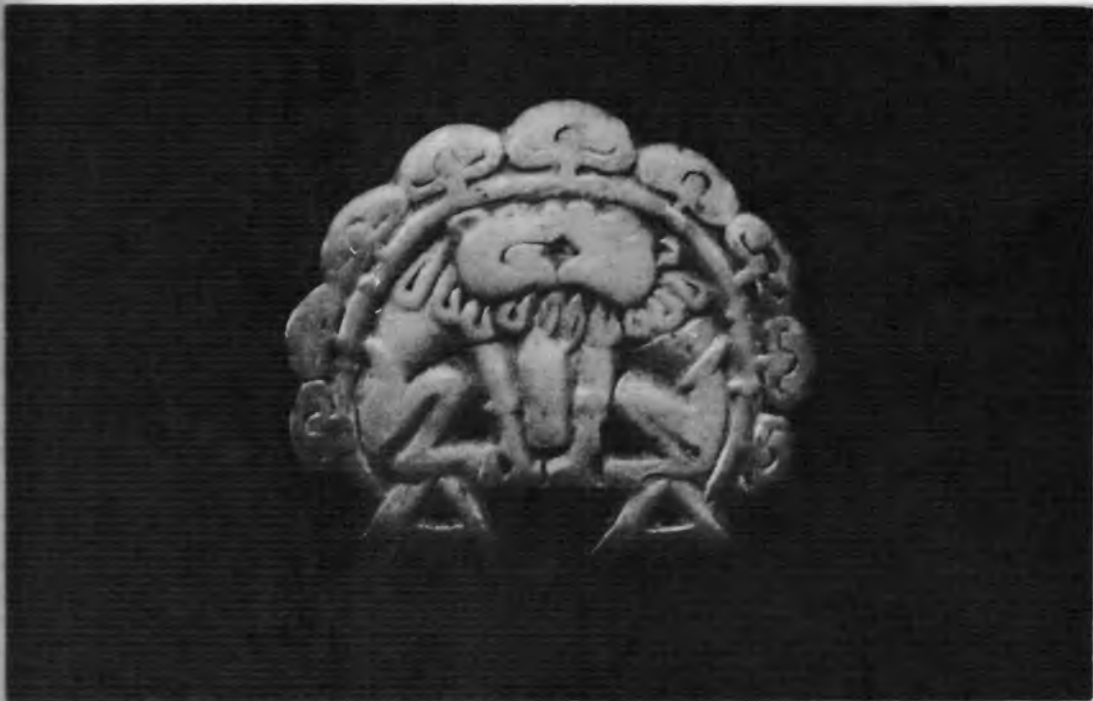
Характерными признаками кушнаренковской культуры, отличающими ее от предшествующих археологических культур Приуралья и Прикамья, являются лепные тонкостенные глиняные горшки или кувшины с шаровидным или яйцевидным туловом, плоским или круглым дном. Они были вылеплены вручную из хорошо перемешанной глины с примесью мелкого песка и украшены изящным резным орнаментом в виде горизонтальных линий, перемежающихся с мелкой косой сеткой, полулунницами или косыми оттисками мелкозубчатого штампа. Памятники содержат новые типы украшений, среди которых особо выделяются наборные пояса, украшенные бронзовыми или серебряными «геральдическими» накладками в виде щитов, якорьков, ласточкиных хвостов и др. Своеобразием отличается и погребальный обряд. Захоронения совершались под небольшими земляными курганами, по 1—2 могилы, в простых неглубоких прямоугольных ямах, куда умершего укладывали головой на север, северо-запад или запад. В насыпях над могилами часто встречаются ритуальные захоронения частей конской туши (череп, кости ног)³.

Немногочисленные кушнаренковские группы, очевидно, вполне уживались с местным приуральским населением, хотя и не смешивались с ним. Об их расселении в непосредственном соседстве с турбаслинцами и бахмутинцами свидетельствуют отдельные погребения кушнаренковского типа на турбаслинских и бахмутинских могильниках: Ново-Турбаслинском, Шареевском (Кар-

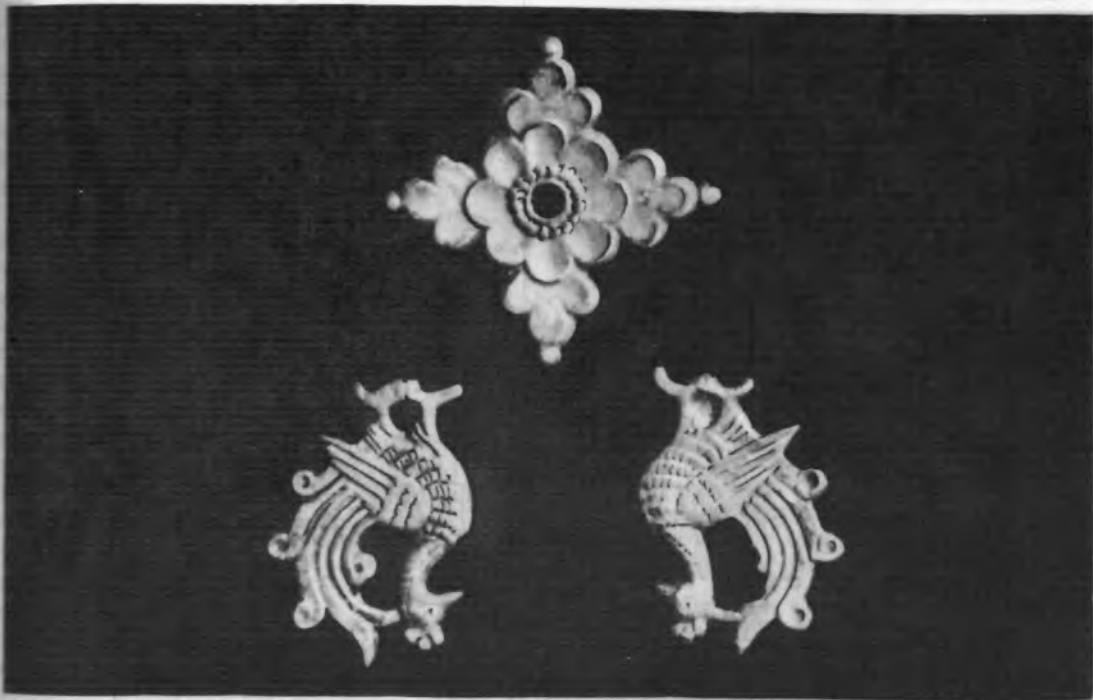
¹ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 98—99.

² Генинг В. Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI—VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

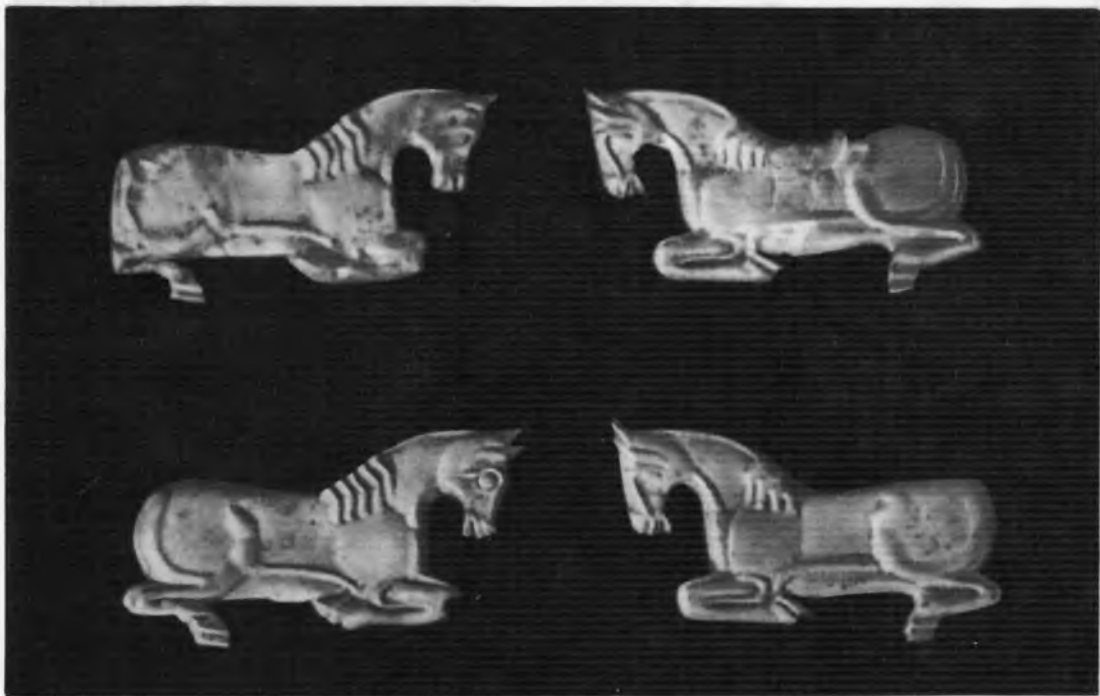
³ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981. С. 21, 24 и др.

Предметы украшения VIII—IX вв. н. э. Серебряная накладка — Бекешевские курганы

Серебряные накладки — Старо-Халиловские курганы

Серебряные накладки — Хусаиновские курганы

Серебряные накладки. Ишимбаевский могильник

Реконструкция костюма приуральских племен IX в. (по материалам Бекешевского, Стерлитамакского, Больше-Тиганского могильников)

маскалинский р-н Башкортостана), Кушнаренковском, Бирском. Селились кушнаренковцы и вдоль восточных границ территории, занятой именьковскими племенами (I Благодатское, Кузубаевское, Верхнеутчанское, Варзиятинское городища в устье р. Иж на территории современной Удмуртской республики)¹. Основная территория расселения кушнаренковцев в конце VI — начале VII вв. локализуется в низовьях рек Белой и Ика, где найдено большинство их памятников, в том числе и наиболее крупные могильники: Маняжский в Красномском р-не Башкортостана, Тактачукский в устье р. Ик — на территории Татарстана². Но археологические следы их пребывания известны и в предгорных и горно-лесных районах Южного Урала (Ибраевский, Береговский, Красногорский могильники в Мелеузовском р-не, Лагеревский могильник в Салаватском р-не Башкортостана)³.

Последние из перечисленных памятников являются, очевидно, своеобразными вехами, отмечающими путь продвижения носителей кушнаренковской культуры в Приуралье из лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири, где известны аналогичные кушнаренковским археологические памятники (могильник Гра-Ултры в Челябинской области, поселения и могильники молчановского типа на р. Тавде)⁴.

Характер взаимоотношений пришельцев с местными оседлыми племенами лесостепного Приуралья во многом остается неясным. Археологические источники не дают надежных свидетельств об их этнокультурном взаимодействии и взаимоассимиляции, кроме нескольких сосудов из Бирского могильника, которые, будучи кушнаренковскими по формам и орнаменту, явно изготовлены по технологии и параметрам турбаслинских керамистов.

Но те же источники показывают, что во второй половине VIII в. лесостепные районы Приуралья в бассейне среднего течения р. Белой, горные долины Южного Урала и лесостепное Зауралье были заселены еще одной группой западносибирских племен, хотя

и родственных, но отнюдь не тождественных кушнаренковским. В современной науке культура этих племен известна под названием караякуповской.

Караякуповские племена. Свое название культура получила по городищу у с. Кара-Якупово в Чишминском районе Башкортостана, на р. Деме, исследованному в 1962 и 1967 гг.⁵ По своим характерным признакам караякуповская культура близка кушнаренковской. Здесь такие же захоронения под земляными курганами, содержащими одну-три, а иногда и более могил, преобладание западной и северо-западной ориентировки умерших, наличие ритуальных захоронений частей конской туши в насыпи кургана или могиле, остатки ритуальной пищи (кости животных и глиняные сосуды) в могилах, сходные элементы присутствуют и в орнаментике кушнаренковских и караякуповских сосудов. В целом общие элементы культуры обуславливают высокий показатель типологического сходства кушнаренковских и караякуповских памятников, а это, в свою очередь, наглядно свидетельствует об этногенетическом родстве их носителей⁶.

¹ Казанцева О. А., Ютина Т. К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 110—129.

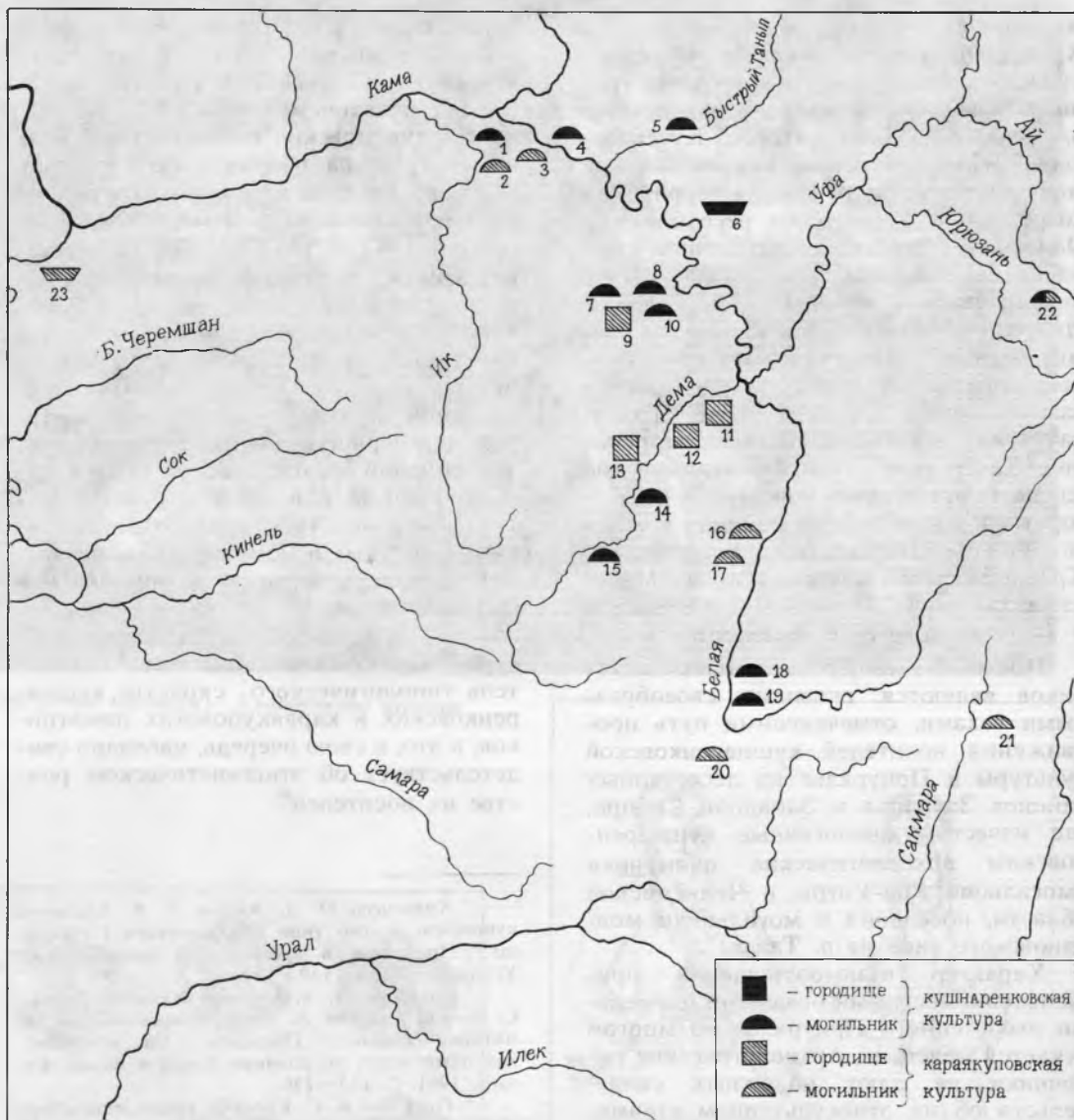
² Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... С. 5—17; Казаков Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 115—126.

³ Горбунов В. С. Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... С. 18—24.

⁴ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 165—168.

⁵ Матвеева Г. И. Памятники караякуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975. С. 13—22.

⁶ Иванов В. А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 108—112; Он же. Magna Hungaria — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 53—64.

Карта 5. Памятники кушнаренковской и караякуповской культур на Южном Урале (VII—IX вв. н. э.)

1 — Такталачукский могильник; 2 — Изимский могильник; 3 — Чимшинский могильник; 4 — Старо-Янзигитовский курган; 5 — Мянжский могильник; 6 — Вирский могильник; 7 — Ново-Биккинский курган; 8 — Буларский курган; 9 — Старо-Калмашевское городище; 10 — Синташтамакские курганы; 11 — Талпыковское городище; 12 — Кара-Якуповское городище; 13 — Чукраклинское городище; 14 — Ибраевские курганы; 15 — Тулбаевские курганы; 16 — Стерлитамакский (Левашовский) могильник; 17 — Ишимбайское погребение; 18 — Красногорский курган; 19 — Береговой курган; 20 — курган Ямаш-Тай; 21 — Бекешевские курганы; 22 — Лагеревские курганы; 23 — Больше-Тиганский могильник

Появление караякуповских племен Приуралья по времени совпало с приходом в Волго-Камский регион ранних болгар, переселившихся сюда из степей Северного Кавказа после сокрушительного похода арабского полководца Марвана на Хазарию в 737 г.¹ Занимая пер-

воначально небольшую территорию по берегам Волги в районе устья р. Камы, болгары встретились здесь с финно-

¹ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 52—53.

угорскими племенами — носителями лешоватовско-поломской археологической культуры, спустившимися в низовья Камы из лесных районов Верхнего и Среднего Прикамья. В результате тесного этнокультурного взаимодействия прикамских финно-угров и пришлых болгар в Волго-Камье складывается раннеболгарский этнос, в составе которого прикамско-приуральский финно-угорский компонент представляется явно доминирующим.

Раннеболгарские и финно-угорские племена нижней Камы объективно явились тем препятствием, которое оградило территорию расселения носителей караякуповской культуры бассейном среднего течения р. Белой и предгорными районами Южного Урала. Археологические памятники показывают, что на Южном Урале караякуповцы вели полукочевой образ жизни. Они имели относительно устойчивые границы расселения, крупные стационарные могильники (Лагеревский, Старо-Халиловский в Салаватском, Хусаиновский в Абзелиловском р-нах Башкортостана, Больше-Тиганский в Алексеевском р-не Татарстана) и немногочисленные городища сезонного типа с тонким культурным слоем (Кара-Якуповское, Чукраклинское в Чишминском р-не, Таптыковское в Уфимском р-не)¹. Причем все известные караякуповские городища находились на западных границах караякуповской территории, прикрывая ее со стороны волжских болгар.

На Кара-Якуповском и других городищах найдены материалы, свидетельствующие о занятии носителей этой культуры скотоводством и земледелием: кости лошадей, овец, крупного рогатого скота, зерна полбы и каменные жернова. Встречаются глиняные грузила для сетей и железные рыболовные крючки, указывающие на занятия рыболовством. Знали караякуповцы также металлургию бронзы и железа, о чем говорят находки криц, шлаков, глиняных тиглей для плавки металла и льячек².

Полукочевой образ жизни уже сам по себе является предпосылкой к распаду военно-демократического строя у

кочевников и постепенному их переходу к классовому обществу³. Данные археологии определенно указывают на имущественное и социальное расслоение носителей караякуповской культуры. В их могильниках часто встречаются погребения, в том числе и детские, содержащие богатые наборы вещей: пояса, украшенные серебряными накладками, роскошная конская сбруя, серебряная посуда, оружие и доспехи (кольчуги). Все это свидетельствует о том, что у караякуповцев все мужчины, начиная с подросткового возраста, были воинами. Однако среди мужских и женских погребений довольно часты захоронения с более скромным инвентарем, где нет ни серебряных украшений, ни богатого оружия.

Взаимоотношения между караякуповскими племенами и соседними булгарами были, видимо, сложными. Вся совокупность археологических материалов указывает на то, что отношения эти строились преимущественно на основе конфронтации, поскольку единственным элементом культуры, являющимся общим для раннебулгарского и караякуповского населения, выступают предметы вооружения (боевые топоры, наконечники стрел, сабли) и принадлежности конской сбруи. То есть, те элементы, которые чаще всего выступают не в качестве объекта купли-продажи, а как военный трофей. На территории Приуралья не встречаются болгарская керамика и типично болгарские украшения, при их широком распространении на памятниках лесного Прикамья конца I и начала II тысячелетий н. э.⁴ И напротив, в караякуповских погребальных комплексах в больших количествах обнаружены женские украшения, свидетельствующие о тесных культурных связях караякупов-

¹ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 36.

² Матвеева Г. И. Указ. соч. С. 20—21.

³ Плетнева С. А. Указ. соч. С. 38—41.

⁴ Белафин А. М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 125—130.

ского населения с ломоватовско-поломскими племенами Прикамья: шумящие височные подвески, подвески-ложечки, ажурные трапезиевидные подвески, проноски, браслеты и многое другое. В свою очередь, вполне вероятно, что многочисленные поясные наборы «тюркских типов» в ломоватовско-поломских погребениях есть результат контактов прикамских племен с населением лесостепного Приуралья.

Об этнокультурной принадлежности носителей кушнаренковской и караякуповской культур лесостепного Приуралья у современных исследователей единого мнения не существует. В. Ф. Генинг, один из первых исследователей рассматриваемых культур, на основании сходства в орнаментации кушнаренковской и караякуповской керамики с керамикой памятников I тысячелетия н. э. в Приобье и Прииртыше, генетическую основу кушнаренковской и караякуповской культур находит именно в этих памятниках, оставленных, по его мнению, самодийцами¹.

В. А. Могильников, опираясь на сходство кушнаренковской и караякуповской керамики с керамикой потчевашской и бакальской культур в лесном и лесостепном Приобье (культур древнеугорских), выдвигает точку зрения об угорской принадлежности кушнаренковцев и караякуповцев². В этом его поддерживает Г. И. Матвеева³.

Е. А. Халикова, оперируя результатами сравнительно-типологического анализа погребального обряда караякуповских могильников и исследованного ею Больше-Тиганского могильника в Алексеевском районе Татарстана, пришла к выводу об угорской (древнеугорской) принадлежности кушнаренковцев и караякуповцев и о тождестве их территории с этногеографическим понятием «Великая или Древняя Венгрия» в средневековых письменных источниках⁴. Впоследствии эту точку зрения развили в своих работах А. Х. Халиков, Р. Г. Кузеев, В. А. Иванов⁵. Выводы названных авторов опираются в основном на высокую степень типологического сходства караякуповских могильников

с Больше-Тиганским могильником, погребальный обряд которого полностью идентичен обряду древнеугорских могильников конца IX—X вв. на Дунае: Башхалом, Банов, Кишзомбор, Сабольч-Вонтатопарт и др. Кроме того, могильники кушнаренковского и караякуповского типов обнаруживают высокий коэффициент типологического сходства с древнеугорскими могильниками Западной Сибири — молчановскими и потчевашскими⁶, а ареал их распространения в значительной степени совпадает с ареалом угорских субстратных топонимов, выявленных в Баймакском, Мелеузовском, Гафурийском, Нуримановском, Уфимском, Бирском, Илишевском и др. районах Башкортостана⁷.

Иной точки зрения на этническую принадлежность кушнаренковской и караякуповской культур придерживается Н. А. Мажитов. В своих первых работах, посвященных этой проблеме, исследователь рассматривал кушнаренковскую керамику, как разновидность турбаслинской и, соответственно, трак-

¹ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 270—274.

² Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 154—156; Он же. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 20—28.

³ Матвеева Г. И. Указ. соч. С. 22.

⁴ Халикова Е. А. Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. № 7; Она же. Раннеугорские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // С. А. 1976. № 3.

⁵ Халиков А. Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984; Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья. Препринт доклада. Уфа, 1983. С. 7—10.

⁶ Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII—XIV вв. н. э. // Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1990. С. 32.

⁷ Хисаметдинова Ф. Г. Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

повал этническую принадлежность ее создателей через призму их этногенетического родства с турбаслинцами, которых он считает древними тюрками, генетически связанными с гунно-сарматскими племенами южноуральских степей¹. Позже автор принял точку зрения сторонников самостоятельного существования кушнаренковской и караякуповской культур. Объединив их в одну культуру — караякуповскую, он стал трактовать их как древнебашкирские², отмечая их южносибирское происхождение и генетическое родство с бакальской культурой бассейна нижнего Тобола и Исети³. Вместе с тем, многочисленные находки поясных наборов «тюркских» типов в караякуповских погребениях наводят Н. А. Мажитова на мысль о прямом родственном отношении южноуральских племен к алтае-сибирским тюркам, на чьих каменных изваяниях изображены такие же пояса⁴.

Пересмотрев хронологию средневековых древностей Южного Урала, в результате чего памятники караякуповской культуры стали датироваться IX—X вв. н. э.⁵, Н. А. Мажитов приходит к выводу о тождестве носителей этой культуры с древними башкирами, встреченными арабским путешественником начала X в. Ахмедом ибн-Фадланом в степях Заволжья и Южного Приуралья⁶.

Судя по археологическим материалам, памятники караякуповской культуры прекращают свое существование на территории Башкортостана в середине—второй половине IX в., то есть, именно в то время, когда, по сообщениям средневековой венгерской хроники, древние венгры — мадьяры — форсировали с востока Волгу и двинулись в свой далекий поход на запад по Восточной Европе в поисках «новой родины»⁷. Следовательно, и этот факт тоже может быть расценен как свидетельство угорской (древнемадьярской?) принадлежности носителей караякуповской культуры.

Тем не менее, горно-лесные и предгорные лесостепные районы Южного Урала по-прежнему продолжали оста-

ваться в сфере этнокультурного воздействия полукочевых угорских племен Зауралья и Западной Сибири. В X в. на территории современного Башкортостана появляются племена, оставившие здесь курганные могильники, в погребальном обряде которых, с одной стороны, отчетливо прослеживаются черты, характерные для предшествующего кушнаренковского и караякуповского населения⁸, а с другой — типологически связывающие их с синхронными могильниками лесных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири: юдинского, макушинского и петрогромского типов. Это — земляные курганы с несколькими одновременными захоронениями, ритуальные захоронения конской шкуры в насыпи кургана, глиняные сосуды и кости жертвенных животных в изголовье могилы и т. д. (Муракаевский могильник в Абзелиловском, Мрясимовский в Караидельском, Каранаевский в Дуванском, Бакалинский в Бураевском районах). Отличительным признаком этих могильников являются лепные глиняные сосуды, украшенные орнаментом в виде горизонтальных оттисков крученого шнура и зубчато-гребенчатого штампа. Наиболее близкую аналогию этим сосудам представляет

¹ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. С. 70.

² Он же. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973. С. 152—170.

³ Он же. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 179—180.

⁴ Там же. С. 181; Он же. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. С. 130.

⁵ Он же. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 16—28; Он же. Южный Урал в IX — начале X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 80.

⁶ Он же. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 99.

⁷ Эрдели И. Извлечения из хроники Венгерского Анонима // ВАУ. Вып. 7. Свердловск-Ижевск, 1967. С. 174.

⁸ Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII—XIV вв. С. 34.

керамика памятников так называемого петрогромского типа, исследованных по восточным склонам Северного Урала, в верховьях рек Туры и Тавды. Указанные памятники, равно как и памятники с гребенчато-шнуровой керамикой в Прикамье и Приуралье, исследователи связывают с зауральскими уграми¹.

В X в. часть угорских племен, обитавших в лесостепных районах Западной Сибири, входила в состав Кимакского каганата — сложного по своему этническому составу полукочевнического государства, западные границы которого достигали юго-восточных склонов Южного Урала². Видимо, в процессе распада каганата в конце X — начале XI вв. часть угров по уже проторенной дороге уходит на запад, в Приуралье, и занимает территорию, освободившуюся к тому времени после ухода караякуповских племен.

В XII в. угры заселяют северо-восточные окраины Волжской Болгарии, где они фиксируются по памятникам так называемого чияликского типа (по селищу у с. Чиялик в Актанышском р-не Татарстана), содержащим характерную керамику со шнуровым и зубчатого-гребенчатым орнаментом. Основным районом распространения угорских памятников чияликского типа являлось тогда Камско—Бельско—Икское междуречье. В XIII—XIV вв. чияликское население постепенно расширяет ареал своего обитания. Небольшие коллекции шнуровой чияликской керамики собраны на городищах в окрестностях Уфы: Кара-Абызском, Уфимском (Чертовом), Охлебининском. В бассейне нижнего и среднего течения р. Белой известны могильники чияликского типа (Такталачукский и I Азметьевский в Актанышском р-не Татарстана, Кушулевский и Казакларовский в Дюртюлинском р-не Башкортостана и др.), датированные XIII—XIV вв., в погребальном обряде которых наблюдается сочетание мусульманских признаков с пережитками угорских погребальных традиций³. Очевидно, эти угры и были теми «венграми», которых встретил венгерский монах Юлиан, посетивший в 1236 г. По-

волжье и Приуралье с целью розыска своих соплеменников на востоке⁴.

§ 3. Кочевники в степях Южного Приуралья и Заволжья

Печенеги. Во второй половине IX в. через степи Южного Приуралья и Заволжья проходит волна тюркоязычных кочевников — печенегов, вытесненных из Средней Азии и Приаралья в результате длительных войн между крупными кочевническими объединениями печенегов («кангары», «баджинаки», «баджгарды») с одной стороны и огузами, кимаками и карлуками — с другой⁵. Потерпев ряд сокрушительных поражений в войнах за право обладания оазисами Сырдарьи и Северного Приаралья, печенеги стремительно откатываются на запад. Еще в VIII — начале IX в. они кочевали где-то на востоке Средней Азии, в Семиречье⁶, а уже в 875 г. русские летописи сообщают о первых столкновениях киевских князей с печенегами в южнорусских степях⁷. Пройдя за столь короткий срок огромное расстоя-

¹ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. С. 177—179; Казаков Е. П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.

² Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 42—93.

³ Гарустович Г. Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников западной и центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 130—139.

⁴ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 80—81.

⁵ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в. по Р. Х.). Пер. и комм. А. Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 134.

⁶ Аладжанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 127.

⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 306.

печенеги не оставили никаких археологически фиксируемых следов на пути своего продвижения. Это объясняется тем, что весь огромный массив печенежских племен находился в постоянном движении (стадия всеобщего или таборного кочевания), не имея четко фиксированных и как-то регламентированных границ кочевания¹.

К концу IX в. печенеги и родственные им племена становятся фактическими хозяевами степей Восточной Европы. По свидетельству средневековых авторов, подкрепленному результатами археологических исследований, часть печенегов кочевала от низовьев Днестра до Дона (до хазарской крепости Саркел) ², другая часть их, куда входили и башкирские племена (башкирды или башгарды), обитала в степях Заволжья и Южного Приуралья. Печенегов, кочевавших на берегах оз. Шалкар (Челкар) в Западном Казахстане, встретил в 922 г. Ибн-Фадлан во время своего путешествия в Волжскую Булгарию³. К востоку от болгар и живших на Нижней Волге хазар помещают печенегов и другие авторы первой половины X в. (Абу-Долейф, Худуд-ал-Алам)⁴.

В результате целенаправленных археологических исследований в Урало-Волжском регионе выявлены несколько десятков курганов, по своему погребальному обряду и составу сопровождающего инвентаря повторяющих памятники печенегов в южнорусских степях. Это — могилы под небольшими земляными насыпями или «впущенные» в насыпи более ранних курганов, устроенные в простых прямоугольных неглубоких ямах. Скелет человека, как правило, лежит на дне могилы вытянуто на спине, головой на запад, юго-запад или восток. Слева от него на дне могилы или над ним, на насыпи могилы, находятся череп и кости ног лошади, уложенные в анатомическом порядке. Из вещей чаще всего встречается оружие, детали конской сбруи, остатки богато украшенных поясов и глиняные сосуды⁵.

Эти памятники занимают, в основном, северные районы волго-уральских степей: по бассейну р. Самары на терри-

тории Куйбышевской области (Преполовенковский, Покровский, Волчанский и другие курганы), на севере Оренбургской области (Колычевские курганы, курганы на Алебастровой горе), в Саратовской и на севере Волгоградской областей, то есть, именно в тех пределах, где очерчивали границы расселения заволжских печенегов средневековые авторы, называвшие, в частности, Жигули «Печенежскими горами»⁶.

Таким образом, в начале X в. на территории Евразийских степей складываются два этнополитических объединения печенежских племен: Западная Печенегия — от Днестра до Нижнего Дона и Заволжская Печенегия — от Волги и Жигулевских гор до предгорий Южного Урала. Оба эти объединения существовали одновременно и состояли из близкородственных в этнокультурном отношении племен, на что указывает типологическое сходство печенежских курганов к западу и востоку от Волги. Европейские и заволжские печенеги вели один и тот же тип хозяйства — кочевое скотоводство, разводя овец, лошадей, крупный рогатый скот и торгуя им⁷.

Этническое родство и один и тот же хозяйственно-культурный тип предполагают, что печенежские племена Евразии в X—XI вв. стояли на одном

¹ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 24—25.

² Константин Багрянородный. Об управлении государством // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 91. С. 20.

³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130.

⁴ Пантусов Н. Н. Сведения арабских географов о Средней Азии // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. Казань, 1909. Т. XXV. Вып. 5. С. 125—126; Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 542—543.

⁵ Кригер В. А. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 127.

⁶ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М., 1958. С. 154.

⁷ С. 187.

уровне социального развития. Судя по данным Константина Багрянородного, печенеги в это время находились на стадии зарождения раннефеодальных отношений. Они делились на восемь «округов» или племен, каждое из которых состояло из пяти родов. Возглавляли племена «великие князья» или ханы, выбиравшиеся на племенных советах, в которые входила вся разбогатевшая родовая верхушка. Во главе родов находились «меньшие князья» или тарханы¹.

Печенежские ханы по сути своей оставались еще военными вождями племен. Во время походов или войн власть их становилась безграничной. Ханы сосредоточивали в своих руках огромные богатства, что, в свою очередь, вело к превращению ханской власти в наследственную. Причем наследование власти осуществлялось не по прямой линии, а племянником или двоюродным братом². Естественно, что узурпация власти одним родом вызывала резкое недовольство у аристократии других родов. На этой почве возникали междоусобицы, ведущие к расколу и без того непрочного печенежского союза племен³.

Во время войн печенеги захватывали пленных, большинство из которых продавали, поскольку внутри печенежского общества рабы практически не использовались, за исключением, может быть, женщин-невольниц. Кроме того, как сообщает арабский средневековый автор ал-Бекри, печенеги часто предлагали своим пленникам остаться у них на правах полусвободного «вассала»⁴.

Политическое положение печенегов было неодинаковым. Если западные печенеги, начиная со второй половины IX в., полностью определяли ход политической и этнической истории в степях Восточной Европы, то заволжские печенеги, как считают исследователи, на первых порах своего пребывания в степях Урало-Поволжья входили на правах вассалов в политическую систему государства огузов («державы огузских ябгу»). Основанием для такого вывода явились замечания Ибн-Фадлана о бедности заволжских печенегов относи-

тельно соседствующих с ними огузов⁵ и рассказ Константина Багрянородного о части печенегов, живущих среди огузов и носящих укороченные кафтаны с обрезанными рукавами, как знак того, что «они отрезаны от своих сородичей и соплеменников»⁶. Однако другие авторы X — первой половины XI вв. сообщают о заволжских печенегах совсем иные сведения, согласно которым последние предстают как народ воинственный, богатый, а главное — независимый. «Они завистливы и часто ведут войны между собою... Они нас известили, что их земля простирается к северу до владений славян* и что дани никому не платят», — писал Абу-Долеф⁷. По словам Гардизи, эти «печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия, они носят серебряные поясы»⁸. «Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки», — заметил Джайхани⁹.

Эти высказывания находят подтверждение в материалах печенежских курганов Урало-Поволжья (наличие поясов, украшенных серебряными накладками, обилие оружия и конского снаряжения). Это свидетельствует о том, что заволжские печенеги представляли собой особую группу евразийских печенегов, находящуюся на одном уровне

¹ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 16.

² Плетнева С. А. Указ. соч. С. 192.

³ Там же. С. 193.

⁴ Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. 1. С. 60.

⁵ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 130.

⁶ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 16.

* Под славянами здесь имеются в виду волжские булгары.

⁷ Пантусов Н. Н. Указ. соч. С. 125—126.

⁸ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897. С. 119—120.

⁹ Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази // Труды сектора востоковедения АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 214.

социально-экономического развития с печенегами южнорусских степей, хорошо известных по данным русских летописей и европейских хроник.

Огузы. Вслед за печенегами в степи Южного Приуралья и Заволжья приходят давние их противники — огузы. В настоящее время в регионе известны более 40 огузских захоронений X—XI вв., характерными признаками которых являются преобладание впускных погребений в насыпях более ранних курганов, могилы, перекрытые короткими досками или плашками, шкура коня, уложенная на это перекрытие и паличие в составе сопровождающего вещевого комплекса бронзовых подвесок в виде стилизованных фигурок птиц и копоушек с плоской ажурной рукояткой¹. Сосредоточены эти памятники в основном в южных районах Оренбургской области (Увак, Кумакский), а также в Актюбинской (Болгарка I), Уральской (на горе Сантас, Кара-Су I), Волгоградской (Быково I, Чинин, Рахинка, Киляковка, Заплавное и другие) и Астраханской (дюна Лапас) областях, что полностью соответствует территории расселения огузов по данным письменных источников X—XI вв. (Истахри, Масуди, «Худуд-ал-Алем») ².

Огузские племена Южного Приуралья и Заволжья составляли западную периферию «державы огузских ябгу» — обширного, но довольно рыхлого по своей административно-политической структуре государства, сложившегося в конце IX — начале X в. Центр его располагался в низовьях Сырдарьи, где находилась и столица — город Янгикент с резиденцией верховного правителя — джабгу или ябгу³. Вокруг этого города обитали оседлые или полuosедлые скотоводческо-земледельческие группы огузского населения, тогда как на периферии государства, в том числе в степном Заволжье и Южном Приуралье господствовал кочевой скотоводческий тип хозяйства.

По своей политической и социальной природе «держава огузских ябгу» в IX — X вв. была государством переходного (от дофеодального к раннефеодально-

му) типа. Хотя ябгу являлся верховным правителем огузов, но реальная власть на местах находилась в руках племенных вождей — коль-эркинов, которые одновременно считались наместниками ябгу. Коль-эркины составляли совет родо-племенной знати, контролировавший власть ябгу и верховного предводителя огузского войска — сьубаши⁴. В своей деятельности на местах коль-эркины должны были ориентироваться на совет старейшин и свободных воинов. «Дела их решаются советом между ними, — писал Ибн-Фадлан. — Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись»⁵. В огузском героическом эпосе «Книга моего деда Коркута» советы старейшин (беков) постоянно фигурируют как верховный орган для принятия всех важных решений⁶.

Социальная иерархия огузского общества формировалась по тем же принципам, что и у печенегов. Военная знать наиболее сильного племени (уруга) выдвигала своего представителя на пост правителя (ябгу) для всего огузского союза племен (огузского иля). Все остальные уруги или присоединялись к правящему племени, или начинали междоусобную борьбу за власть, бывало, «что все они враждовали друг с другом, совершая набеги друг на друга, захватывали друг друга в плен»⁷.

Таким образом, огузы и печенеги в период их расселения в степях Южного Приуралья и Заволжья находились на одном уровне социально-экономического развития, который можно

¹ Кригер В. А. Указ. соч. С. 126.

² Материалы по истории туркмен и Туркмени. М.; Л. 1939. Т. 1. С. 166, 168, 210.

³ Агаджанов С. Г. Указ. соч. С. 132—134.

⁴ Там же. С. 139—146.

⁵ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 125.

⁶ Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.

⁷ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 56.

охарактеризовать как переходную стадию от военно-демократического строя к раннефеодальному.

Заволжские и приуральские огузы, обладая известной автономией в политической системе государства огузских ябгу, проводили самостоятельную политику взаимоотношений с ближайшими соседями по региону. На западе это были хазары, на которых огузы совершали набеги зимой, переходя по льду Волгу¹, а в 965 г. огузская конница вместе с киевским князем Святославом участвовала в разгроме Хазарского каганата². В союзе с князем Владимиром заволжские огузы, в русских летописях именованные торками, в 985 г. ходили походом на волжских болгар³.

Труднее реконструировать характер взаимоотношений огузов с их северными соседями — заволжскими печенегами. С одной стороны, печенеги, безусловно, находились в сфере политического влияния огузского государства, хотя в письменных источниках это никак не отражено, но с другой — имеющийся археологический материал свидетельствует о том, что огузы и печенеги в Урало-Волжском регионе в X—XI вв. продолжали устойчиво сохранять свое этнокультурное своеобразие, не смешиваясь ни территориально, ни этнически.

Территориальные границы огузской степи в Заволжье и Приуралье («Дешти-Огуз») проходили по левобережью Нижней Волги, верховьям рек Узеней и нижнему течению р. Илек в Оренбургской области. Севернее этой линии кочевали печенеги, доходя до южных отрогов Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В X в. часть заволжских печенегов появляется в пределах Волжской Булгарии. Следы их пребывания здесь зафиксированы в керамическом материале поселений X—XI вв. южных районов Волжской Булгарии (плоскодонные лепные горшки, украшенные защипами по венчику)⁴. Не исключено, что это переселение части печенегов и их оседание на раннебулгарских поселениях было вызвано нажимом со стороны заволжских огузов.

В степях Южного Приуралья и Заволжья севернее печенегов кочевали древнебашкирские племена. О них речь пойдет в следующей главе.

¹ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 131.

² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 252.

³ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. С. 84.

⁴ Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Булгарии. М., 1984. С. 216—219.

ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. БАШКИРСКИЕ ПЛЕМЕНА В X-XV ВВ.

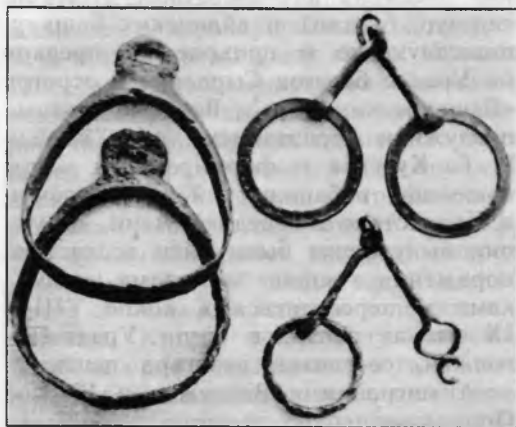
§ 1. Происхождение башкир

Формирование башкирского этноса.

Самые ранние письменные свидетельства о древних башкирах в степях Приуралья относятся к X в., ко времени прибытия в Волжскую Булгарию большого посольства от багдадского халифа Муктадира, секретарем которого являлся Ибн-Фадлан, оставивший подробное описание своего путешествия. По свидетельству Ибн-Фадлана, весной 922 г. на подходе к южным пределам тогдашней Волжской Булгарии, после переправы через р. Кондурчу (у Ибн-Фадлана — Кюнджюлю) на территории современной Самарской области, багдадское посольство встретилось с башкирами, «вопало «в страну народа из числа тюрков, называемого башкиры»¹.

Древние башкиры попали в поле зрения средневековых восточных авторов значительно раньше. Первое их упоминание связано с именем арабского купца и путешественника Саллама ат-Тарджумана, совершившего в 842—843 гг. поездку на восток через волго-уральские степи. Правда, существуют две версии рассказа Саллама ат-Тарджумана о его путешествии на восток. В более ранней, изложенной в книге арабского автора IX в. Ибн-Хордадбеха «Книга путей и стран», башкиры не упоминаются вообще². В другой же, поздней версии, принадлежащей перу известного географа середины XII в. Ал-Идриси, говорится о том, что Саллам ат-Тарджуман, покинув Хазарию и двигаясь на восток от Волги через 27 дней пути достиг «пределов страны Башкир»³. Учитывая, что конечной

целью путешествия арабского купца являлись поиски легендарной «стены Гога и Магога», под которой исследователи подразумевают Великую Китайскую стену⁴, Р. Г. Кузеев предположил и доказал, что маршрут Саллама ат-Тарджумана пролегал через степи Приуралья, где он, судя по указанному времени пути от Волги, и нашел «страну башкир»⁵.

Стремена и удила кочевников X—XI вв.

Пребывание древних башкир в IX в. в Средней Азии подтверждается различ-

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130.

² Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 129—130.

³ Пантусов И. П. Как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии. Казань, 1909. С. 96.

⁴ Ибн-Хордадбех. Указ. соч. С. 43—46.

⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 136.

ными письменными, топонимическими и фольклорными свидетельствами. Это, прежде всего, названная в книге Ибн-Хордадбега местность Ал-Вашджирд, расположенная на Вахше, жители которой в 826—827 гг. платили налог (харадж) правителю Хорасана¹. Далее — это упомянутые средневековыми авторами (Ал-Бируни, Ал-Бакуви) «горы Башкорт», расположенные, как показывает Р. Г. Кузеев, недалеко от Термеза, в верховьях Амударьи². Широко известно также прямое указание историка X в. Ал-Масуди о многолетних войнах в первой половине IX в. между кочевниками огузо-кимакского объединения и племенами «баджинаков» (печенегов), «баджгардов» и «наукарда» за обладание степными пастбищами вокруг «моря Джурджан» (Аральского)³. И, наконец, в монографии Р. Г. Кузеева приводятся указания на этногенетические предания юго-восточных (усерган, тангаур, бурзян) и айлинских башкир, повествующие о приходе их предков на Урал с берегов Сырдарьи и отрогов «Башкуртских гор»⁴. Все эти данные послужили основанием для вывода Р. Г. Кузеева о формировании части вошедших в башкирский этнос племен в Казахстане и Средней Азии, откуда они вынуждены были уйти вследствие поражения в войнах с огузами и кимаками и переселиться в конце VIII—IX вв. на запад, в степи Урало-Поволжья, составляя авангард печенежской миграции в Заволжье и Южное Приуралье⁵.

Ибн-Фадлан и Ал-Масуди постоянно указывают на территориальное соседство древних башкир и печенегов. Р. Г. Кузеев установил детальное совпадение башкирских родовых тамг с печенежскими знаками (тамгами) на кирпичиках и других изделиях из города Саркела — Белой Вежи на Дону и пришел к выводу об этническом родстве древних башкир и печенегов⁶.

Как составная часть печенежского союза племен, древние башкиры вместе с печенегами-кенгересами-кангарами в VII в., очевидно, входили во «владение Кангюй», занимавшее, по данным

средневековых китайских хроник, степи к северу от Давани (Ферганы) по правобережью среднего течения Сырдарьи⁷. Именно в этих местах происходили столкновения алтайских тюрков с кенгересами (печенегами) во время тюркского похода за р. Йенчу (Сырдарью), зафиксированные в надписи в честь тюркского кагана Кюль-Тегина (ум. в 731—732 гг.)⁸. Здесь же, в бассейне Зеравшана, помещает территорию «владельческого дома Кан — отрасли Кангюйского Дома» китайская хроника VII в. «История Северных Дворов»⁹. Отсюда понятным становится и местонахождение «Башкуртских гор» в верховьях Амударьи, и местность «Вашджирд» (Башджирт) на Зеравшане.

В первой половине IX в. на эту территорию с северо-востока и севера давят огузские племена, в результате чего печенеги и их союзники, в том числе древние башкиры, откочевывают к берегам Аральского моря и далее на запад. Следствием этой миграции явилось расселение печенегов и части древнебашкирских племен в степях Причерноморья и современной Украины (Европейская Печенегия), о чем имеются вполне определенные указания в сочинениях Ал-Масуди и других средневековых авторов арабского востока (Ал-Димашки, Абу-л-Фида, Ал-Бакуви)¹⁰.

Другая, большая часть древних башкир откочевала на север, к границам

¹ Ибн-Хордадбех. Указ. соч. С. 68.

² Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 426.

³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 127, 148.

⁴ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 129, 198.

⁵ Там же. С. 425—427, 432.

⁶ Там же. С. 432—433.

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 150.

⁸ Малов С. Е. Памятники среднетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 41.

⁹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 271, 280.

¹⁰ Гаркави А. Я. Указ. соч. С. 148; Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста, арабского писателя начала X века // ЖМНП. СПб., 1868. Ч. 140. С. 669—670.

Волго-Уральской лесостепи и составила северную этнокультурную периферию Заволжской Печенегии. Являясь органической частью заволжских печенегов, башкиры IX—XI вв. ни своим образом жизни, ни культурой, по-видимому, не отличались от печенегов, а потому выделить собственно древнебашкирские археологические памятники для этого периода в Урало-Волжском регионе пока не представляется возможным. Соответственно, и территория древнебашкирских кочевий должна определяться в пределах границ Заволжской Печенегии, т. е. от левобережья Волги в современных Самарской и Саратовской областях на западе до южных предгорьев Урала на востоке, от верховьев рек Узены и западной излучины р. Урал на юге до северных границ южных степных районов Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

Появление печенегов и их союзников древних башкир в степях Заволжья и Южного Приуралья датируется второй половиной IX в. Правда, Р. Г. Кузеевым высказана точка зрения о более раннем, в VII—IX вв., расселении древнебашкирских племен в Нижнем Поволжье и западнее, в Приазовье. В данном случае речь идет о кочевниках-бурджанах, идентифицируемых исследователем с башкирами-бурзянами¹. Но из опубликованных в последние годы трудов арабских географов Ал-Хваризми и Ал-Фаргани (середина IX в.) следует, что этим этнонимом средневековые авторы называли дунайских болгар, указывая точные координаты их обитания². Следовательно, отождествление бурджан с башкирами-бурзянами нуждается в дополнительных, более детальных, этимологических подтверждениях.

По мнению Р. Г. Кузеева, основным районом первоначального расселения древних башкир в Приуралье была территория Бугульминско-Белебеевской возвышенности, от левобережья р. Белой на севере и востоке до левых волжских притоков — на западе, с прилегающими с юга степями по берегам Самары, Иргиза, Камелика и Каралыка. Основанием для такого предположения

служат распространенные на западе и юго-западе современного Башкортостана башкирские гидронимы и исторические предания башкир, в которых верховья Демы, долины Ика, Кинели и их притоков считаются районами старинных башкирских кочевий³.

Аналогичную точку зрения относительно территории расселения древних башкир в X—XI вв. высказывает Н. А. Мажитов, опираясь при этом на результаты проведенного им текстологического анализа записок Ибн-Фадлана и составленной в середине XII в. географической карты Идриси. Правда, в отличие от Р. Г. Кузеева, автор считает, что территория Древней Башкирии охватывала и лесостепные районы Южного Зауралья, где известны памятники караякуповской культуры, носителями которой, по мнению Н. А. Мажитова, являлись древние башкиры⁴.

Об этнокультурной принадлежности носителей караякуповской культуры речь шла в предыдущей главе. Что же касается Бугульминско-Белебеевской возвышенности, как центра консолидации древнебашкирских племен, то этот вывод не представляется бесспорным, поскольку ее физико-географические условия (сильно изрезанный рельеф, 40—60-сантиметровый снежный покров в течение 160—180 дней в году)⁵ достаточно сложны для ведения кочевого хозяйства. Кроме того, Бугульминско-Белебеевская возвышенность была покрыта лесными массивами, значительная часть которых сохранилась даже в XIX в.⁶ Не случайно на этой возвышенности, несмотря на ее плотное археоло-

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 151.

² Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988. С. 48, 106, 130.

³ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 435—438.

⁴ Мажитов Н. А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних укров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 88—100.

⁵ Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах. Урал. М., 1968. С. 38.

⁶ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 274. Рис. 3.

гическое изучение, практически не известны памятники средневековых кочевых племен.

Наиболее вероятной территорией «Древней Башкирии» должны быть степь и юг лесостепи Заволжья и Южного Приуралья между Волгой, Самарой, Уралом, южными отрогами Уральских гор, а также Бугульминско-Белебеевская возвышенность. Последнюю древние башкиры, очевидно, использовали как летние пастбища-джейляу, к зиме уходя на юг, в степи. Границы этой территории согласуются с данными арабских авторов X в. (Истахри, Ибн-Хаукал), по сведениям которых, во второй половине X в. башкиры жили южнее булгар, в «недоступных лесах» (с точки зрения арабских географов, волгоуральская лесостепь, конечно, представлялась «недоступным лесом»)¹.

В Приуралье усилилось формирование древнебашкирской этнической общности. Консолидирующую роль в этом играли бурзяне, усергане, тангауры, тамьяне, байляре и другие пришлые башкирские племена². Древнебашкирская общность формировалась из многих этнических образований при ведущем этноязыковом влиянии башкир и получила их этноним.

Важнейшим компонентом древнебашкирской этнической общности исследователи считают местные угрофинские племена, а также болгаромадьярские группы, населявшие восточные окраины Волжской Булгарии. В X — начале XIII вв. восточные и юго-восточные границы последней проходили по рекам Шешма и Б. Черемшан, то есть, в непосредственной близости от территории расселения древних башкир³. В это же время сюда из низовьев Белой проникают полукочевые племена, оставившие в восточных районах современного Татарстана многочисленные поселения и могильники с керамикой, украшенной шнуровым и гребенчатым орнаментом (т. н. «чияликского типа»). По своей этнической принадлежности и происхождению эти племена были тесно связаны с зауральскими уграми — ближайшими родственниками

древних мадьяр⁴. В ряде антропологических исследований отмечается участие в формировании башкирского этноса местных потомков ираноязычных сарматских племен⁵.

В середине XI в. в степях Урало-Волжского региона появляется новая волна азиатских кочевников — кыпчаков (половцев), которые к этому времени вышли из сферы кимако-кыпчакского этнополитического объединения и всей своей массой двинулись на запад⁶.

Следуя извечной кочевой традиции, кыпчаки-половцы изгоняют или уничтожают всех возможных соперников за обладание степными пастбищами, оказавшихся на их пути. В степях Урало-Поволжья всю тяжесть натиска кыпчаков приняли на себя огузы, заволжские печенеги и союзные с ними башкиры. Под ударами завоевателей печенеги (а с ними, вероятно, и какая-то часть древних башкир) и огузы уходят на запад и рассеиваются по степям Восточной Европы. В конце XI в. большая часть печенегов вступает в вассальную зависимость к киевским князьям и образует под Киевом, в бассейне р. Рось, новое этнокультурное объединение — союз Черных Клобуков⁷. Не исключено, что в формировании этого объединения принимали участие и отдельные груп-

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 28.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 439.

³ Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 10. Рис. 1.

⁴ Казаков Е. П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых керамических памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 70.

⁵ Акимов М. С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и гелогеография. М., 1974. С. 88—95; Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Препринт доклада. Уфа, 1991.

⁶ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1962. С. 29—30.

⁷ Она же. Древности Черных Клобуков // САИ. М., 1973. Вып. Е1—19. С. 24.

Реконструкция вооружения кочевников XIII—XIV вв. (по материалам курганов Южного Приуралья)

пы ушедших с печенегами древних башкир. Часть заволжско-приуральских кочевников отступает в пределы Волжской Булгарии. На ее поселениях второй половины X—XI вв. встречаются многочисленные находки глиняной посуды так называемого огузо-печенежского типа.

Первая волна кыпчакской (половецкой) миграции, очевидно, не могла оказать решающего воздействия на формирование этнического облика древних башкир, поскольку сами кыпчаки (половцы) в степях Урало-Поволжья долго не задержались и в основной своей массе ушли далее на запад (в настоящее время в Заволжье и степном Приуралье известно не более 30 кочевнических погребений конца XI — начала XIII вв.)¹. Поэтому имеются все основания предполагать, что период со второй половины XI до середины XIII вв. в этнической истории древних башкир знаменуется преобладанием их этно-

культурных контактов с местными приуральскими угро-финскими племенами — наследниками бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской, караякуповской культур, а также местными потомками поздних сарматов. Эти племена в качестве самостоятельных образований или отдельными группами вливались в состав башкир, восприняв их язык, многие черты культуры и хозяйства. В свою очередь местные племена сами оказывали влияние на башкир. Это прослеживается в материальной культуре башкир (угорские женские затылочные украшения, тип вышивки на налобных повязках, вилообразный орнамент, иранские (сарматские) приталенные короткие кафтаны, узкие штаны, катаные по-

¹ Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М., 1988. С. 29.

лусферические шляпы и т. д.)¹, топонимии (угорские топонимы типа Магаш, Юрмаш, Нэгэш, Мэйгэшле, иранские — Ашказар, Кашкук, Сарматау и т. д.)², этнонимии (угорские Юрматы, Юрми, Тархан, Кесе, Имес, Юламан)³ и языке (распространение финно-угорских и иранских языковых элементов на территории расселения башкир)⁴.

Усиление угро-финского этнического компонента в составе древних башкир, очевидно, способствовало отождествлению в трудах средневековых европейских авторов башкир с венграми, а башкирского языка с венгерским⁵.

Большое хозяйственное и культурное влияние местных приуральских племен на формирующийся башкирский этнос позволяет Н. А. Мажитову рассматривать его «как прямой наследник культуры бахмутинских, турбаслинских и ранних караякуповских племен Южного Урала...»⁶.

В 30-х годах XIII в. монголо-татарское нашествие на Восточную Европу привело в движение массы кочевников. Разгромленные кыпчаки (половцы) рассеялись в евразийских степях и соседних с севера районах. Большая масса кыпчаков направилась в Южные Приуралье и Зауралье⁷. По словам Абу-л-Гази, «Джучи с преданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и-Кипчак. Кыпчакский народ собрался и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (башкирам — *Ред.*). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков»⁸.

Миграция кыпчаков в Приуралье и Зауралье, постепенно ослабевая, продолжалась и позже, до конца XIV в. Она была следствием жесткой административной политики золотоордынских ханов, которая в степях Восточной Европы выразилась в истреблении половецко-кыпчакской родо-племенной знати⁹, в перекраивании этнической карты региона в соответствии с политическими задачами вновь создаваемого государства.

Кыпчакская миграция в Приуралье

и Зауралье шла по трем направлениям и была разнородной в этнокультурном плане. С юго-запада, со стороны Нижнего Поволжья двигались кочевые племена, представлявшие собой конгломерат, основу которого составляли половецко-печенежские группы Черноклобуцкого союза, переселившиеся из Поднепровья в Нижнее Поволжье под давлением золотоордынских ханов¹⁰. Судя по результатам сравнительно-типологического анализа археологических памятников, именно этими группами были оставлены на территории Саратовского и Самарского Заволжья курганы XIII—XIV вв., отличающиеся наличием могил усложненной конструкции (специальная ступенка слева от человека, на которой уложены череп и кости ног коня), отсутствием гробов и колод и распространением восточной ориентировки погребенных¹¹. В Приуралье эти

¹ *Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. С. 241—244; *Васильев В. И., Шитова С. Н.* Башкиро-самодийские взаимосвязи // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 18—40; *Шитова С. Н.* Башкиры: этнические связи. Рукопись. С. 370.

² *Хисаметдинова Ф. Г.* Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988; *Усанова М. Г.* Топонимия бассейна реки Сакмары. Автореф. дис. канд. фил. наук. Уфа, 1990.

³ *Кузеев Р. Г.* К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 247.

⁴ *Миржанова С. Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971. С. 282—286.

⁵ *Рубрук В.* Указ. соч. С. 50. 101; *Карпини П.* История монголов. СПб., 1911. С. 119.

⁶ *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 1988. С. 27.

⁷ *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. С. 55—67.

⁸ *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. С. 464.

⁹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 27—28.

¹⁰ *Он же.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 152—153.

¹¹ *Иванов В. А., Кригер В. А.* Указ. соч. С. 60—61.

Бронзовые зеркала золотоордынского времени (XIII—XIV вв.). Из Покровских курганов (Оренбургская область)

племена смешались с башкирами катаяцами и сальютами, чьи кочевья в XIII—XIV вв. простирались по долинам рек Дема, Чермасан, Ик вплоть до р. Самары¹. Примечательно, что впоследствии у катаяцких и сальютских башкир широкое хождение имело предание о пребывании их предков до переселения на Урал в степях северного Кавказа и Причерноморья², то есть там, где в X—XI вв. кочевали печенеги, а в XII—начале XIII в. — половцы.

С юга, со стороны Волго-Уральского степного междуречья, подкочевывают кыпчацкие группы, состоявшие из нижне-волжских половцев «саксинов», живших в Поволжье еще до монголо-татарского нашествия³. Для них были характерны захоронения под земляными курганами, преимущественно в простых прямоугольных могильных ямах, перекрытых досками, опиравшимися на специальные приступки — заплечики, помещение покойного в дощатый гроб или колоду и захоронения под курганом целого остова коня, уложенного в отдельную яму. Типологически эти курганы объединены в так называемую царев-

скую группу Нижнего Поволжья и западную группу курганов Южного Приуралья⁴. Здесь с половцами — «саксинями» смешались пришедшие во время монголо-татарского нашествия кочевые группы, входившие до того в состав Кимако-кыпчацкого этногенетического объединения с центром на Иртыше. В этническом составе племен этого объединения исследователи выделяют заметный монгольский компонент (племена байандур, татар, эймюр)⁵, который, очевидно, и наложил свой отпечаток на формирование этнического облика минских башкир, чьи кочевья в XIV в. находились в южной части Бельско-

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Карта № 9.

² Там же. С. 234.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 149—150.

⁴ Иванов В. А., Кригер В. А. Указ. соч. С. 47, 60.

⁵ Ахинжанов С. М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1976. С. 89.

Уфимского междуречья и по долинам рек Дема и Уршак¹.

Третье направление кыпчакской миграции на Южный Урал шло с востока и юго-востока, со стороны Казахстана и Прииртышья. В предгорьях Южного Урала, в Зауралье, на востоке Оренбургской и на юге Челябинской областей эти племена оставили курганы XIII—XIV вв., сооруженные с применением камня. Характерными их признаками являются также северная ориентировка погребенных, перекрытие могилы деревом и помещение в могилу слева от человека целой туши вкозуданного и оседланного коня². Подобные обряды и надмогильные сооружения, традиционные для средневекового Алтая, в IX—X вв. были широко распространены также среди кимако-кыпчакских племен Верхнего Прииртышья³.

В этническом плане кочевники, оставившие на Южном Урале курганы с каменными насыпями, по-видимому, были связаны с одной из групп, составлявших центр кимако-кыпчакского этнополитического объединения на Иртыше — яньмо-йемеками (кимаками). На Южном Урале эти племена определили впоследствии этнический облик башкир-табынцев, в языке и культуре которых явственно прослеживается присутствие восточно-тюркского и монгольского этнических компонентов. По мнению Р. Г. Кузеева, табынцы являются одними из наиболее ярких носителей центральноазиатских черт в составе башкир⁴, о чем свидетельствуют древние предания и легенды табынцев, рассказывающие о том, что родиной их предков был Алтай, монгольские термины для обозначения родов и родовых подразделений⁵ и наибольшая плотность монгольских заимствований в лексическом составе языка зауральских башкир⁶, районы расселения которых совпадают с районами распространения каменных курганов (кимако-кыпчакских) XIII—XIV вв.

Таким образом, в XIII—XIV вв. территория степной и лесостепной полосы Приуралья и Зауралья была заселена кыпчаками. Они составляли часть многочисленных кыпчакских племен,

участвовавших в этногенезе тюркоязычных народов Поволжья, Средней Азии, Казахстана.

В Приуралье и Зауралье кыпчаки вступили в этнические связи с древнебашкирскими племенами. В ходе их активного взаимодействия вызрели характерные башкирскому народу этнокультурные признаки. Формирующемуся этносу кыпчаки передали многие черты, объединяющие башкир с тюркскими народами Средней Азии и Казахстана, а башкирские племена — специфику, которая отличает башкир от тех народов и сближает их с Волго-Камским этническим миром⁷. Очевидно, в XIII—XIV вв. завершилась ассимиляция в башкирской среде местных финно-угорских племен, булгаро-мадьярских и ираноязычных групп.

В период кыпчакской миграции башкирские племена находятся в активном движении, обусловленном этническими, социально-экономическими и политическими причинами⁸. Одни из них направляются с юго-запада и запада на север, в леса, другие — на восток, в горно-лесные районы. Например, катайцы и территориально связанные с ними гайна-тарханы, балыкчинцы и другие отходят за р. Белую и расселяются по Таныпу, левобережью Камы, достигая северной излучины р. Уфы, Бисерты и верховьев Чусовой. Минские

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 302; Он же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1979. С. 170.

² Иванов В. А., Кригер В. А. Указ. соч. С. 45—47.

³ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 29—36; Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115—246.

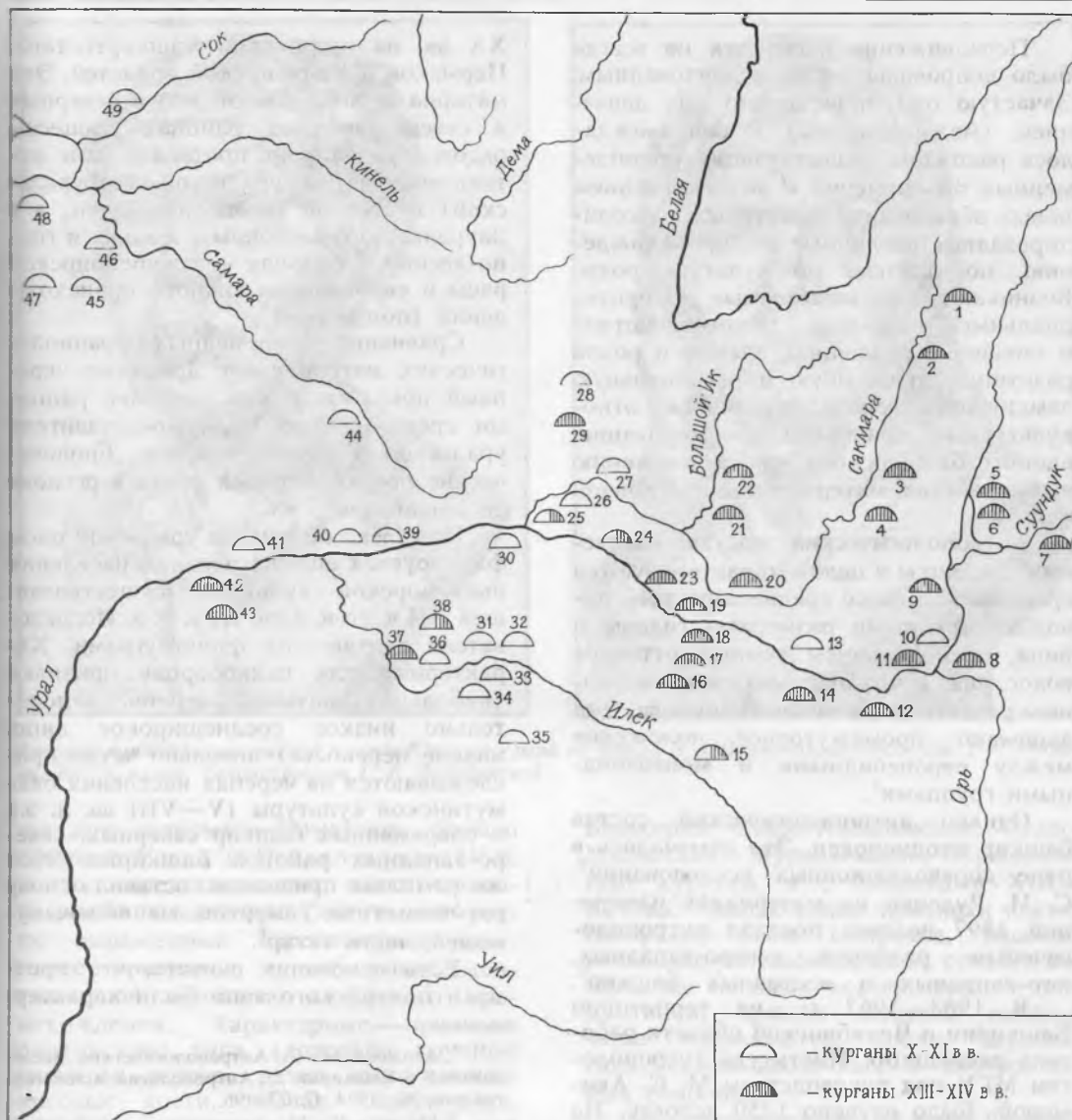
⁴ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 170.

⁵ Он же. Происхождение башкирского народа. С. 254, 257.

⁶ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. С. 164—165, 206—210; Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986. С. 30—31.

⁷ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 170.

⁸ Там же.

Карта 6. Курганы кочевников X—XIV вв. на Южном Урале (башкиры, печенеги, кыпчаки и др.).

1 — Ишкульовские; 2 — Тавлыкаевский; 3 — Ивановские IV; 4 — Юлдыбаевские; 5 — у пос. Большевик; 6 — Покровские; 7 — Урус-Кискен; 8 — Ново-Кумакские; 9 — Коллакский; 10 — «Близнецы»; 11 — Хабарный; 12 — Худай-Берген; 13 — Бриенский; 14 — у пос. Урал; 15 — Жаман-Каргала; 16 — Карагачский; 17 — Урга-Буртя; 18 — Жаманталап; 19 — Алабайтал; 20 — Тлявгуловские; 21 — Андриевский; 22 — Башкир-Беркуговские; 23 — Новочеркасские VII; 24 — Каменно-Озерновские; 25 — Алебастровая гора; 26 — Башкирское Стоило; 27 — Буранный; 28 — Колычевский; 29 — Имангуловский; 30 — Ханская могила; 31 — Мертаевцовский; 32 — Илецкая защита; 33 — Тамар-Уткуль; 34 — Увак; 35 — Картаульская волость; 36 — Пчельник; 37 — Ливевский; 38 — Ак-Булак; 39 — Яман; 40 — Красный Яр; 41 — Рубежинский; 42 — Алебастрово; 43 — Федоровский; 44 — Сорочинский; 45 — Покровский; 46 — Волчанский; 47 — Александровский; 48 — Кировский; 49 — Васильевский

и табынские роды передвигаются в центральные районы современного Башкортостана¹, и т. д. Башкиры прочно занимают зауральские степи. Все это привело к расширению территории Башкирии. К концу XIV в. она охватывает

весь Южный Урал с прилегающими с запада, юга и востока обширными лесостепными и степными равнинами.

¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 171.

Передвижение населения не всегда было добровольным и организованным. Зачастую оно происходило под давлением (междоусобицы) и сопровождалось распадом существующих родоплеменных объединений и возникновением новых образований, в которых консолидировались различные по происхождению, но близкие по культуре роды. Возникают так называемые «территориальные» племена. Взаимодействие и смешение различных племен и родов разрушило племенную и региональную замкнутость, вело к нивелировке этнокультурных признаков, формированию единого башкирского этноса, сложению его хозяйства, материальной и духовной культуры.

Антропологический состав населения. Башкиры в целом характеризуются средним или ниже среднего ростом, довольно крупными размерами головы и лица, преобладанием темных оттенков волос, глаз и кожных покровов, умеренным развитием волосяного покрова. Они занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными группами¹.

Однако антропологический состав башкир неоднороден. Это отмечалось в ряде дореволюционных исследований². С. И. Руденко на материалах измерений 1897 человек показал антропологические различия северо-западных, юго-западных и восточных башкир³.

В 1963—1967 гг. на территории Башкирии и Челябинской области работала экспедиция Института антропологии МГУ под руководством М. С. Акимовой. Было изучено 1250 человек. На основе этих материалов М. С. Акимова выделила среди современных башкир 4 антропологических типа: субуральский, южносибирский, светлый европеоидный и понтийский. Первый и третий типы чаще встречаются на северо-западе и севере края, южносибирский тип — на северо-востоке и особенно в Зауралье. Признаки понтийского типа фиксируются в юго-восточных и горнолесных районах, а также у башкир бассейна р. Дема⁴.

К аналогичным выводам пришел и автор, изучив 687 черепов XVIII — начала

XX вв. на территории Башкортостана, Пермской и Челябинской областей. Эти материалы показывают, что в северных и северо-западных районах процессы расогенеза башкир протекали при активном участии уральской (субуральской) и светлой европеоидной рас, а в Зауралье, юго-восточных, южных и горнолесных районах — южносибирской расы и европеоидов южного происхождения (понтийцев)⁵.

Сравнение современных краниологических материалов с древними черепами показывает, что наиболее ранними среди башкир были представители уральской и понтийской рас, биологические предки которых осели в регионе до нашей эры.

Комплекс признаков уральской расы фиксируется еще на черепках населения пьяноборской культуры, существовавшей с II в. до н. э. по III в. н. э. Исследователи считают их финно-уграми. Характерные для пьяноборцев признаки (небольшие размеры черепа, относительно низкое среднеширокое лицо, низкое переносье) довольно четко прослеживаются на черепках населения бахмутинской культуры (V—VIII вв. н. э.) и современных башкир северных, северо-западных районов Башкирии. Этот же комплекс признаков составил основу расового типа удмуртов, марийцев, чувашей, части татар⁶.

Есть основания считать, что признаки понтийского типа были характер-

¹ Акимова М. С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и география. М., 1974. С. 77—96.

² Малиев Н. М. Антропологический очерк башкир // Труды Общества естественных наук при Казанском университете. Казань, 1876. Т. 5. Вып. 5; Назаров П. С. Башкиры о башкирцах // Современник. 1863. Т. 2; Никольский Д. П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899; Абрамов А. Н. Башкиры // Русский антропологический журнал. 1907. № 3—4.

³ Руденко С. И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. // Записки РГО по отделению этнографии. 1916. Т. 43. Вып. 1.

⁴ Акимова М. С. Указ. соч. С. 77—85.

⁵ Юсупов Р. М. Краниология башкир. Л., 1989; Он же. Материалы к краниологии башкир. Уфа, 1989.

⁶ Акимова М. С. Указ. соч.; Она же. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Расовый тип населения лесной полосы Южного Урала на рубеже н. э. Пьяноборская культура. 1 — женщина, 2 — мужчина. Реконструкция Г. В. Лебединской

ны для савромато-сарматских племен Южного Урала (VII в. до н. э. — IV в. н. э.), представлявших часть ираноязычного населения. Они имели резко выраженный европеоидный комплекс признаков с небольшой монголоидной примесью алтайского происхождения. Характерные признаки понтийского типа (довольно крупные размеры черепа, резко выступающие носовые кости, темная пигментация, волнистые темные волосы) в той или иной степени проявляются у населения конца I тысячелетия н. э., представленного сериями черепов из Бекешевских курганов (Баймакский р-н), и у современных южных, юго-восточных горно-лесных башкир¹.

Появление комплекса признаков смешанной монголоидно-европеоидной южносибирской расы в антропологическом составе башкир относится к более позднему периоду. Его можно связать с тюркскими кочевниками IX—XII вв., оставшими на северо-востоке

Башкирии Старо-Халиловские, Старо-Мусинские, Муракаевские, Мрясимовские курганы, и с кыпчаками XIII—XIV вв.² Характерные признаки южносибирской расы (широкое, высокое, несколько уплощенное лицо, среднее выступание носовых костей, темная пигментация, прямые жесткие волосы) чаще встречаются среди зауральских, северо-восточных и юго-восточных башкир.

На антропологической карте Средней Азии и Казахстана они наиболее широко распространены среди казахов, киргизов и алтайцев. В отличие от этих

¹ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья; Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Препринт доклада. Уфа, 1991.

² Ефимова С. Г. К краниологии средневековых кочевников Южного Урала // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа, 1990. С. 98—106; Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала. С. 11—26.

Расовый тип населения степной части Южного Урала в VII в. до н. э. Гумаровский могильник. Реконструкция Т. С. Балугевоу.

Расовый тип населения степной части Южного Урала в III—II вв. до н. э. Старо-Киичикинский могильник. Реконструкция Г. В. Лебединской

народов у башкир в основе южносибирского расового типа преобладает европеоидный компонент¹.

Таким образом, до IX в. н. э. Южный Урал был заселен европеоидным населением, представленным на севере и северо-западе края местной уральской расой, а на юге и юго-востоке — понтийцами. С этими расами вступили в контакт кочевые тюрки, прибывшие на Южный Урал в конце первого и начале второго тысячелетия. Формирующемуся башкирскому этносу местные племена передали европеоидный компонент, а пришлые кочевые племена — комплекс признаков южносибирского, памиро-ферганского и других антропологических типов. В отличие от представителей уральской и понтийской рас, имеющих четкую территориальную локализацию, антропологические особенности расового типа пришлых кочевников присутствуют во всех изученных группах современных башкир, правда в различной

степени. Монголоидный компонент особенно заметен среди зауральских и юго-восточных башкир. Видимо, в их этногенезе большую роль сыграли пришлые племена, в частности кыпчаки.

Расовый состав башкир отражает основные этапы формирования их антропологического состава, который сложился на Южном Урале в результате длительной и неоднократной метисации пришлого и местного населения. Сочетание в одном этносе нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение, является результатом сложных расовогенетических процессов, протекавших в регионе с глубокой древности до современности.

Язык. Великий ученый XI в. Махмуд Кашгари язык башкир наряду с языками киргизов, кыпчаков, огузов, ягма, тухси и других относил к числу «настоя-

¹ Акимова М. С. Антропологические исследования в Башкирии. С. 85—91.

Уральская раса. Фото из книги: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978

щих тюркских» языков¹. По мнению советского тюрколога Н. А. Баскакова, башкирский язык входит в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков².

По своим лексическим и фонетико-грамматическим показателям башкирский язык наиболее близок с татарским. Преобладающая часть словарного состава этих языков состоит из общих лексических единиц. По ряду показателей башкирский язык сближается с казахским, каракалпакским, ногайским, киргизским, алтайским, карачаево-балкарским и другими языками кыпчакской группы тюркских языков. В то же время ему присущи специфические черты, обусловленные смешением разноплеменных языков в период его формирования и определенной изолированностью башкир от других тюркских народов в силу природно-территориальных условий.

Лексика башкирского языка являет-

Понтийский расовый тип как вариант индосредиземноморской расы. Фото из той же книги

ся общетюркской в своей основе. Ф. С. Фасеев определяет в нем, как и в татарском языке, до 70—85% общетюркского корневого фонда³. Вместе с тем в башкирском языке имеются древнейшие лексические пласты иранского происхождения, носящие, видимо, субстратный характер. Эти лексические единицы башкирским языком освоены и усвоены в такой степени, что подчас трудно их отличить от собственно башкирских слов. К древнейшим иранизмам можно отнести, например, слова кыяр (огурец), камыр (тесто), такта (доска), быяла (стекло), бакта (шерсть — линька), hike (нары), шиш-

¹ Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону лугатит турк). Перевод С. Муталлибова. Ташкент, 1960. Т. 1. С. 66.

² Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1969. С. 230, 282—291.

³ Фасеев Ф. С. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики татарского языка // Вопросы татарского языка и литературы. Казань, 1969. Вып. 4. С. 46.

мә (родник, ручей) и др. Кроме иранизов-субстратов в башкирском языке имеются более поздние пласты прямых и опосредствованных заимствований из иранских языков. Одни из них проникли в язык вследствие живого общения, другие — через разнообразную литературу. К поздним заимствованиям относятся, например, слова тахет (престол), идара (управление), дәфтәр (тетрадь), дәрес (урок), фәрештә (ангел), йәһәннәм (преисподняя), гөнаһ (грех), дүшәмбе (понедельник), шаршамбы (среда), зиндан (тюрьма) и др.

В башкирской лексике встречается значительный финно-угорский субстрат, ставший неотъемлемой частью активного словарного запаса языка. К нему, например, можно отнести слова матур (красивый), мышы (лось), болан (олень), кәрәз (соты), һәндәрә (полати), мөндәр (подушка), йөк (воз, поклажа, ноша), көлтә (сноп), кәртә (изгородь), шаян (лукавый), сумар (клецки), сүре (шпилька) и т. д.

В составе башкирских топонимов имеются многочисленные субстратные форманты финно-угорского происхождения. К ним, например, относятся топонимические названия с формантами без, биз, бигәш, ва, варащ, вәрәш, вас, вашаш, егән, изәш, кәл, кәтеүеш, кондорш, мағаш, мар, мэйгәш, нарыш, нарыс, тор, төй, шакшы, ыйык, ык, әри, әр, әйек и др.¹

Словарь башкирского языка содержит большое количество общих с монгольскими языками слов. Среди них выделяются слова, общие для монгольского и для всех или подавляющего большинства тюркских языков, а также слова, общие для монгольского и башкирского или еще некоторых тюркских языков. Происхождение слов первой группы (кара — черный, мал — скот, богатство, бул — быть, күк — синий, тәңре — небо, бог, көс — сила и др.) можно объяснить генетическим родством алтайских языков или древнейшими тюрко-монгольскими контактами. Слова же второй группы (нөгәр — воин, шафер, бурбай — икры ног, конан — трехлетний жеребец, һаралыйн — бекас, дүнәжен — четырехлетняя кобы-

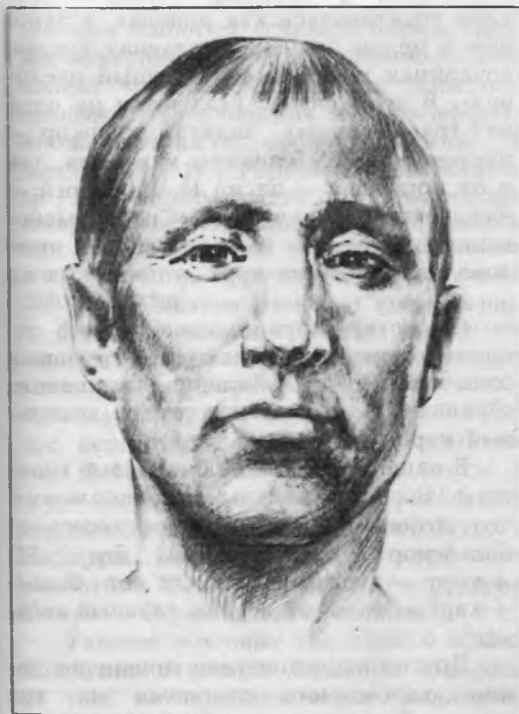
ла, аймак — род и др.) по всем признакам являются поздними заимствованиями из монгольских языков. Эти слова проникли в башкирский язык вследствие участия монгольского этнического компонента в этногенезе башкир.

Башкиры общались со славянскими народами еще до присоединения к Русскому государству. Видимо, с тех времен бытуют в башкирском языке русские слова, полностью усвоенные, претерпевшие фонетические изменения согласно закономерностям башкирского языка: бүрәнә (бревно), арыш (рожь), ысмала или һумала (смола), һалам (солома), мейес (печка), мискә (бочка), дөгет (деготь), бизрә (ведро), көршәк (горшок), комак (крыса) и др.

В словарном составе башкирского языка имеются арабские слова, проникшие через литературу после принятия башкирами ислама. В новых условиях эти слова претерпевали существенные структурные и семантические изменения. Вот некоторые из них: халык (народ), китап (книга), әзәбиәт (литература), дәрежә (степень), зиһен (память), заман (время, эпоха), ғүмер (жизнь), ғәйрәт (энергия), фекер (мысль, мнение), тәжрибә (опыт), ижад (творчество), яуап (ответ) и др.

Фонетический строй башкирского языка обладает признаками, отличающими его от других тюркских языков, а также от близкородственного татарского языка. К этим признакам относятся: употребление вместо общетюркского звука *з*, а в отдельных случаях и *д* межзубного звонкого спиранта *з*; употребление вместо общетюркского звука *с*, а в отдельных случаях и *з* в зависимости от позиций в слове или гортанного придыхательного *һ*, или межзубного глухого спиранта *с*; замещение общетюркского аффриката *ч* во всех позициях слова переднеязычным спирантом *с*; по сравнению с другими кыпчакскими языками преимуществен-

¹ Словарь топонимов Башкирской АССР. Под редакцией Т. М. Гарипова, А. А. Камалова, З. Г. Ураксина. Уфа, 1980. С. 4.

Южносибирский расовый тип. Фото из той же книги

ное употребление в начале слова звука *й* вместо *ж* (или *ж* татарского языка); преимущественное употребление в начале слова звука *б*; сохранение в отдельных говорах диссимилятивных звуковых сочетаний *лт*, *нт*, *мт*, *мк*, *нк*, *нк*, отсутствующих теперь почти во всех тюркских языках, но сохранившихся в языке отдельных сибирских тюрков и зафиксированных в орхон-енисейских письменных памятниках V—VIII вв. и др.

Для грамматического строя говоров башкирского языка характерны остатки звательной и уподобительной форм, употребляющиеся в основном с терминами родства (атый — отец — зват., атас или атакас — похожий на отца; апый — сестричка — зват., апас или апакас — похожая на сестру); почти полное исчезновение причастий на -мыш/-меш и употребление вместо них показателей -ган/-гән; преимущественное употребление инфинитива на -(ы) рға/-(е)ргә по сравнению с другими его формами (-мак/-мәк, -маға/-мәғә,

Памиро-ферганский расовый тип. Фото из той же книги

ыуға/-еүгә, -галы/-гәле и т. д.); преимущественное употребление в восточном диалекте повелительного наклонения на -ың/-ең вместо нулевого показателя южного диалекта и т. д.

Хотя по основным своим лексико-грамматическим и фонетическим признакам башкирский язык относится к кыпчакским языкам, в нем имеются и общие моменты с огузскими языками (употребление слов с начальным *й*, наличие слов с начальным *д*, общность туркменского языка по звукам *з*, *с* с демским и другими говорами и т. д.). Специфическими свойствами своего консонантизма, некоторыми древнейшими пластами и реликтовыми явлениями лексики башкирский язык сближается с хакасским, тувинским, якутским и другими языками восточнохуннской ветви тюркских языков, а также с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. На наш взгляд, правильно отмечает Р. Г. Кузеев, что невозможно объяснить специфические признаки башкирского консонантизма лишь этнокультурными свя-

зьями и влиянием, здесь отражаются процессы этногенетического характера, охватывающие многовековую историю далеких предков башкир¹.

Общеалтайские начала, собственно тюркская основа, иранский, финно-угорский и, возможно, славянский субстрат, широкие контакты с болгарским, огузскими, монгольскими, арабскими и другими языками — вот те основные вехи, которые оставили в башкирском языке наиболее значительные следы, сделавшие его самобытным среди других тюркских языков. Эти же условия привели к образованию восточного, южного и северо-западного диалектов башкирского разговорного языка и их говоров. Диалекты и говоры башкирского языка отличаются друг от друга своеобразным фонетическим строем, самобытной лексикой, а в отдельных случаях грамматическими показателями и синтаксическими конструкциями.

Этноним башкорт. В литературе существуют различные точки зрения о возникновении названия башкорт. По преданию самих башкир, когда-то «из Бухары вышли миссионеры для распространения мусульманской веры. Они были в недоумении — в какую страну отправиться, потому что везде, куда ни оглянешь, были кафры (неверные). Тут им явился волк и повел их на Уральские горы, где жили предки башкир... в язычестве. Оттого и получили они название башкурт — или волчья голова»². Позднее появился другой вариант легенды, согласно которому мифический волк выступал в качестве предводителя не миссионеров, а самих башкир, которые в поисках благодатных земель для заселения на пути из Бухары (по некоторым версиям, из Алтая или Аральского моря) встретили волка и с его помощью нашли современную родину на Урале. При этом значение этнонима переводилось как «главный волк», «волк — вожак», что более соответствовало строю башкирского языка³. Такое толкование названия башкорт стало популярным не только в народе, но также среди исследователей⁴.

Не менее популярной была версия, согласно которой конечная часть слова

корт трактовалась как «пчела», а этноним в целом значении «главная пчела», «пчелиная матка» или «главный пчеловод». В этом случае указывали на одно из традиционных занятий башкир — пчеловодство⁵. «Башкиры как сами, так и от ногайцев, — писал И. Г. Георги, — называются башкуртами. Сие наименование значит, по их толкованию, пчеловодца (от слова курт — пчела), а по ногайскому главного волка»⁶.

Существует предположение, что этноним башкорт происходит от башка отдельный + йорт жилище, становище, страна — т. е. отдельная страна, отдельный народ⁷.

В наше время появились новые гипотезы. Были высказаны предположения, что этноним башкорт происходит от биш + курт пять волков, боз/буз + курт — сивый волк или от баш + курт — главный старик, главный аксакал⁸.

Другие исследователи пошли по линии расчленения этнонима на три части: баш + кор + т, башк(а) + ар + т, баш + огур + т и т. д. А. Н. Усманов и А. Г. Бишиев, как и большинство исследователей, компонент баш переводят как «голова», «главный», — кор — как «круг, нечто расположенное по кругу, совещание равных людей, сидящих по

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 478.

² Назаров. Заметки башкира о башкирах // Современник. СПб., 1863. Т. 99. С. 57.

³ Кузеев Р. Г. К этнической истории Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 232.

⁴ Филоненко В. М. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 5. С. 168.

⁵ Алекторов А. Е. Башкиры (этнографический очерк) // Оренбургский листок. 1885. № 46—52; Мрясов С. Башкорт // Башкорт аймагы. Уфа, 1926. № 2.

⁶ Георги И. Описание всех в Российском государстве народов. СПб., 1776. Ч. 2. С. 85.

⁷ Алекторов А. Е. Указ. соч.

⁸ Кузеев Р. Г. Этническая история башкир с конца 1 тыс. н. э. до XIX в. // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 104; Он же. Происхождение башкирского народа. С. 448—449; Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкирские родо-племенные названия и их алтайские параллели // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 220.

кругу; племя, община». В этом случае этноним означает «главное племя, главное объединение родов и племен», а компонент -т- объясняется как заимствованный из монгольских языков аффикс множественности, собирательности¹. В версии Ф. И. Гордеева (башк(а) + ар + т) этноним имеет значение «люди, живущие по реке Башка или Башкау», при этом конечный -т- показатель множественности, заимствованный из иранских языков².

Н. А. Баскаков отвергает предположения, связывающие происхождение этнонима башкорт со словами «волк», «пчела», «старик», «племя». Как наиболее вероятную он приводит этимологию Д. Немета: башкурт < беш (пять) + огур (название племени огуров) + венгерское окончание — д Беш(о)гурд > Башгурд, Башкурд — пять огуров; по аналогии: Он — Огур «десять огуров», Токуз — Огуз «девять огузов»³.

Таковы основные гипотезы о происхождении этнонима башкорт. Ни одна из них не представляется достаточно убедительной. Это наталкивает исследователей на новые поиски.

Этноним башкорт начинает появляться в арабских источниках с IX в. С самого начала он был универсальным собственным именем башкир, так именовали себя они сами, так называли их соседи.

Трудно судить, насколько были близки между собой древние башкирские племена в культурном и языковом отношении ко времени возникновения этнонима башкорт. Общеизвестны сложный антропологический и этнический состав башкир, заметны культурно-бытовые и диалектные различия между территориально-этническими группами, сохранившиеся до нашего времени. Нет сомнения в том, что такие различия должны были иметь место и в глубоком прошлом, на начальных этапах формирования народа. В то же время для языка и культурных традиций башкир по самым существенным признакам характерны цельность и органическое единство, возникшее еще в древности. Очевидно, уровень культурно-бытовой и языковой интеграции (консолидации)

древних башкирских племен был достаточно высок, что явилось основой их формирования в единый этнос.

Однако культурно-бытовая и языковая близость сама по себе еще не приводит к формированию этнического самосознания и возникновению общего этнонима, хотя является достаточной базой для них. Для того, чтобы этнос начал функционировать как целостный организм со своим именем и другими атрибутами, необходимы дополнительные сплачивающие факторы. В случае с башкирами таким фактором, очевидно, явилось возникновение у них военно-политического объединения.

Средневековые авторы Ибн-Фадлан, Масуди и другие рисуют башкир IX — начала X в. как организованную военную силу, часто довольно грозную, опасную⁴. В свете этих данных предположение о наличии военно-политической организации у башкир вполне допустимо. Что касается этнонима башкорт, то по всей вероятности, первоначально это было имя предводителя военно-политического объединения башкир и только затем перешло к самому объединению, которое стало ядром формирующегося народа.

Память о том, что у них был предводитель, от имени которого пошло название народа, была жива среди башкир еще в XVIII в. и зафиксирована В. Н. Татищевым. «Они же сами, — писал он, — сие имя производят от начального их мурзы Башкир...»⁵. В последующие времена это предание исчезло. Видимо, оно переродилось в мифологическую леген-

¹ Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. С. 56; Бишиев А. Г. Еще раз об этнониме башкорт // Проблема общности алтайских языков. С. 221—222.

² Гордеев Ф. И. О происхождении этнонима «башкир» // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 314—317.

³ Баскаков Н. А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13—18.

⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 136; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956. С. 130—131.

⁵ Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 402.

ду о волке-путеводителе или слилось с уже существовавшими преданиями.

Возникает вопрос, известно ли тюркской антропониимии имя Башкорт. Антропониим Башкорт, Башкортбай встречается у узбеков¹. Это имя носил известный турецкий писатель Башкурт Жеуэт Фехми (1905—1971 гг.). Русские летописи упоминают половецкого хана XI в. — Башкърта². К XIII—XIV вв. относится имя мамлюка Башгирда, который «имел пристрастие к арабскому языку»³. По всей вероятности, такое имя изредка встречалось и у башкир, но впоследствии исчезло вместе с окончательным внедрением этнонима. Антропониим башкорт огузского корня, в башкирском именной форме ему соответствует большая группа имен с компонентом буре «волк». Появление этнонима башкорт свидетельствует об активных огузо-башкирских историко-культурных, возможно, и этнических связях в прошлом.

Попытка установить личность исторического персонажа, имя которого стало названием башкирского народа, была предпринята более ста лет назад. В 1870 г. один неизвестный автор полагал, что этноним башкир происходит «от имени половецкого хана Башкурта, который был тестем Святослава Владимировича»⁴. Приводя эту цитату, В. М. Филоненко писал: «Действительно, Башкурд, Башкорд или Башкард был половецкий князь 12 в. В 1151 г. в сражении князя Юрия Долгорукого с князем Изяславом Мстиславичем при р. Рут был убит князь Владимир Завадович Черниговский, жена его бежала к половцам и вышла замуж за их хана Башкорда»⁵. Однако этой версии В. М. Филоненко не придавал большого значения, видимо, считая маловероятной связь между именем половецкого вельможи XII в. и названием башкир, получившем известность 2—3-мя столетиями раньше на территории, весьма отдаленной от места описываемых событий. Впрочем и сообщение В. Н. Татищева о начальном мурзе Башкир прошло незамеченным.

Заслуживает внимания сообщение

Гардизи о военачальнике Башгирде, которому исследователи тоже не придавали должного значения. «Башгирд был из высших чинов хазар, — читаем мы у него. — Он расположился между хазарами и кимаками с 2000 всадников. Хазарский хакан послал к Башгирду человека с предложением вытеснить саклаба»⁶. Гардизи жил в XI в. По мнению Р. Г. Кузеева, его сообщение отражает эпоху более раннюю, когда башкиры кочевали к востоку от хазар и к западу от кимаков, т. е. где-то в степях Прикаспия и Приаралья⁷. Б. Н. Заходер пишет, что Гардизи использованы источники начала X в. (Ибн-Русте, Ибн-Фадлан) и более ранние⁸. Упомянутый предводитель 2000 всадников, очевидно, и был той реальной личностью, от имени которой берет начало этноним башкорт.

Приведенные строки Гардизи перекликаются с данными Истахри и ал-Балхи — авторов X в. Первый говорит, что у башкир 2000 мужчин (не всадников), а у второго автора это число относится ко всем башкирам, живущим близ булгар⁹. Хотя эти авторы жили раньше Гардизи, но их сообщения, видимо, отражают те изменения, которые произошли в положении башкир к X в.: у обоих речь идет не о предводителе, а о народе, который был под властью булгар. Этноним башкорт, очевидно, возник в IX в., когда башкирские племена кочевали в Средней Азии.

¹ Бегматов Э. Кеше номлари хакида // Общественные науки в Узбекистане. 1965. № 7. С. 54—56.

² ПСРЛ. Т. 1. С. 395; Т. IX. С. 213.

³ Булатов А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // АЭБ. Т. IV. С. 325.

⁴ Филоненко В. М. Указ. соч. С. 167.

⁵ Там же.

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 135.

⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 135.

⁸ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о восточной Европе // Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. С. 69—74.

⁹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 105, 598.

§ 2. Хозяйство

На Южном Урале башкиры составляли органическую часть тюркоязычного кочевого мира евразийских степей. Это обстоятельство на несколько столетий определило хозяйственно-культурный тип башкирского общества и его социальную структуру.

Скотоводство. Письменные источники X—XIV вв. характеризуют башкирские племена как кочевников-скотоводов. По словам Ибн-Фадлана, кочевали они поблизости от камских булгар и печенегов¹. В 1253 г. В. Рубрук отмечал, что башкиры — «пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стране (земле Паскатира — *Ред.*), нет более никакого города»². Кочевниками знает башкир и автор середины XIV в. Ибн-Фадлах аль-Омари³.

Стадо состояло из лошадей, овец, коз и крупного рогатого скота. Основную роль в хозяйстве играла лошадь. Конское мясо и жир, кумыс из кобыльего молока занимали значительное место в пищевом рационе башкир. Из конской шкуры они изготавливали разнообразную утварь, колчаны, щиты, сбрую и пр. Конь был рабочей силой, транспортным средством. Вся жизнь кочевника проходила верхом на лошади, в этом не составляли исключения и женщины. Без лошадей было бы невозможно круглогодичное содержание других видов скота на подножном корму. Привыкшие к тебеневке, лошади плотными рядами шли по зимним пастбищам, методично разбивая твердый снег ударами копыт и освобождая траву от снежного покрова. Вслед за ними по проложенному следу шли овцы, козы, крупный рогатый скот. Сбиваясь в косяки во главе с жеребцом-вожаком, лошади были способны к самозащите от нападения волков, помогали пастухам охранять и другой скот.

Важное значение в хозяйстве башкир имели овцы. Баранина ценилась ими наравне с кониной, шкуры овец шли на пошив одежды. Овечья шерсть являлась

ценным сырьем для войлоков, паласов и сукна. В небольшом количестве башкиры держали коз.

Крупного рогатого скота было мало, ибо он был плохо приспособлен к зимней тебеневке. И все же молочные продукты занимали заметное место в кухне башкир. Топленое масло, сыр, красный творог заготавливали на зиму, из кислого молока делали напиток айран. Говяжье мясо употреблялось в пищу, но оно ценилось ниже, чем конина и баранина. В южноуральских степях изредка встречались верблюды, также малоприспособленные к тебеневке.

Древняя территория Башкирии, расположенная на дубравно-березовой лесостепи Бугульминско-Белебеевской возвышенности и разнотравно-злаковой степи Заволжья и Приуралья, обладала вполне достаточным для кочевников экологическим потенциалом. На плоских вершинах и пологих склонах увалов Бугульминско-Белебеевской возвышенности, где растительный покров в многочисленных ложбинах, лощинах, оврагах и западинах отличается большой продуктивностью из-за близости грунтовых и скопления талых вод, было удобно пастись скотом летом. По мере высыхания растительности на возвышенных участках и склонах, сокращения стока и полного пересыхания рек, что на этой территории происходит довольно часто⁴, кочевники уходили на юг, в степи.

Для зимних пастбищ обычно выбирали участки с высокой и густой травой, кустарниками, зарослями камыша, чтобы скотина могла насытиться, разгребая снег. Естественно, что Бугульминско-Белебеевская возвышенность с ее 40—60-сантиметровым снежным покровом, сохраняющимся 160—180 дней в

¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 41.

² В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 101.

³ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 53.

⁴ Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Учен. зап. БГУ. т. XVI. Уфа, 1964. С. 72.

году, и засыпанными снегом оврагами и ложбинами вокруг пересыхающих летом рек¹ являлась наименее благоприятным районом для зимовок кочевников. Поэтому зимовать башкиры уходили в степь, в заросшие камышом поймы Урала и Самары, или еще южнее, в прикаспийские и приаральские степи, где снежный покров тонок и ложится позже, а весна наступает раньше. Туда же направлялись зауральские башкиры. Именно эти пастбища, в песках и на солонцах, где летом выпас не был возможен из-за отсутствия воды, чаще всего и использовались кочевниками в зимнее время, когда снег заменял воду². Весной башкиры направлялись обратно на свои летние кочевья.

С XI в., когда приаральские и северные прикаспийские степи были заняты кыпчакскими (половецкими) племенами, зимние кочевки для башкир в эти районы оказались невозможными или ограниченными. Это вынуждает часть приуральских башкир двинуться на север в леса и на восток — в горные долины Южного Урала. Монголо-татарское нашествие и образование Золотой Орды ускорили этот процесс, вытесняя башкир с удобных для скотоводства степных и лесостепных районов Приуралья. Очевидно, позднее, в горно-лесной район направилась и часть зауральских башкир с востока³.

Новые условия потребовали перестройки хозяйства. В лесных и горно-лесных местностях летом башкиры кочевали на горных и лесных пастбищах, а зимой оставались на постоянных зимовьях, табуны же отгоняли под присмотром пастухов на склоны гор, на возвышенности для тебеневки. В зимовьях проводили зиму старики, женщины и часть взрослого мужского населения, которая обеспечивала уход за жеребями кобылицами и стельными коровами, принимала приплод. Здесь летом создавался определенный запас сена, поблизости имелись зимние пастбища. Во второй половине зимы, когда снежный покров достигает наибольшей толщины, скотину кормили также древесной корой, для чего вырубали де-

ревья, часть из них свозили к зимним загонам, а другую оставляли на месте для скотины, находящейся на вольном содержании. Там, где была возможность, башкиры отгоняли стада в степи.

Оставшиеся в приуральских степях башкиры продолжали кочевать по соседству с пришлыми племенами, в частности с ногайцами. Но и здесь возникли зимовья, стали заготавливать корма на зиму. Так было и в Зауралье. Маршруты перекочевков заметно сократились. И все же летом кочевники уходили за сотни верст от своих зимовий. К XVI в. зимние кочевки во многих местах прекратились. Лишь в Зауралье и самарских степях башкиры кочевали круглый год, перегоняя стада на восток, вплоть до Тобола, или на юг, в Волго-Яицкое междуречье⁴.

Охота. В ходе эволюции кочевого скотоводства в полукошечное постепенно возрастал удельный вес охоты. В X—XIII вв. у башкир преобладали, очевидно, характерные для степных кочевников облава «гоном» и охота с помощью ловчих птиц. Облавная охота верхом на лошадях устраивалась большей частью в осеннее время, когда группы людей, охватывая широкие пространства, выискивали волков, лисиц и зайцев, стреляли в них из лука, или, догнав на коне, убивали их плетьюми, палицами и кистенями.

Об охоте часто говорится в башкирских эпических сказаниях. «Карабай имел у себя множество скота..., иногда, собравшись с жителями своего коша, ездил в степь киргизскую ловить и бить зверей»⁵. «Кони их самые лучшие по

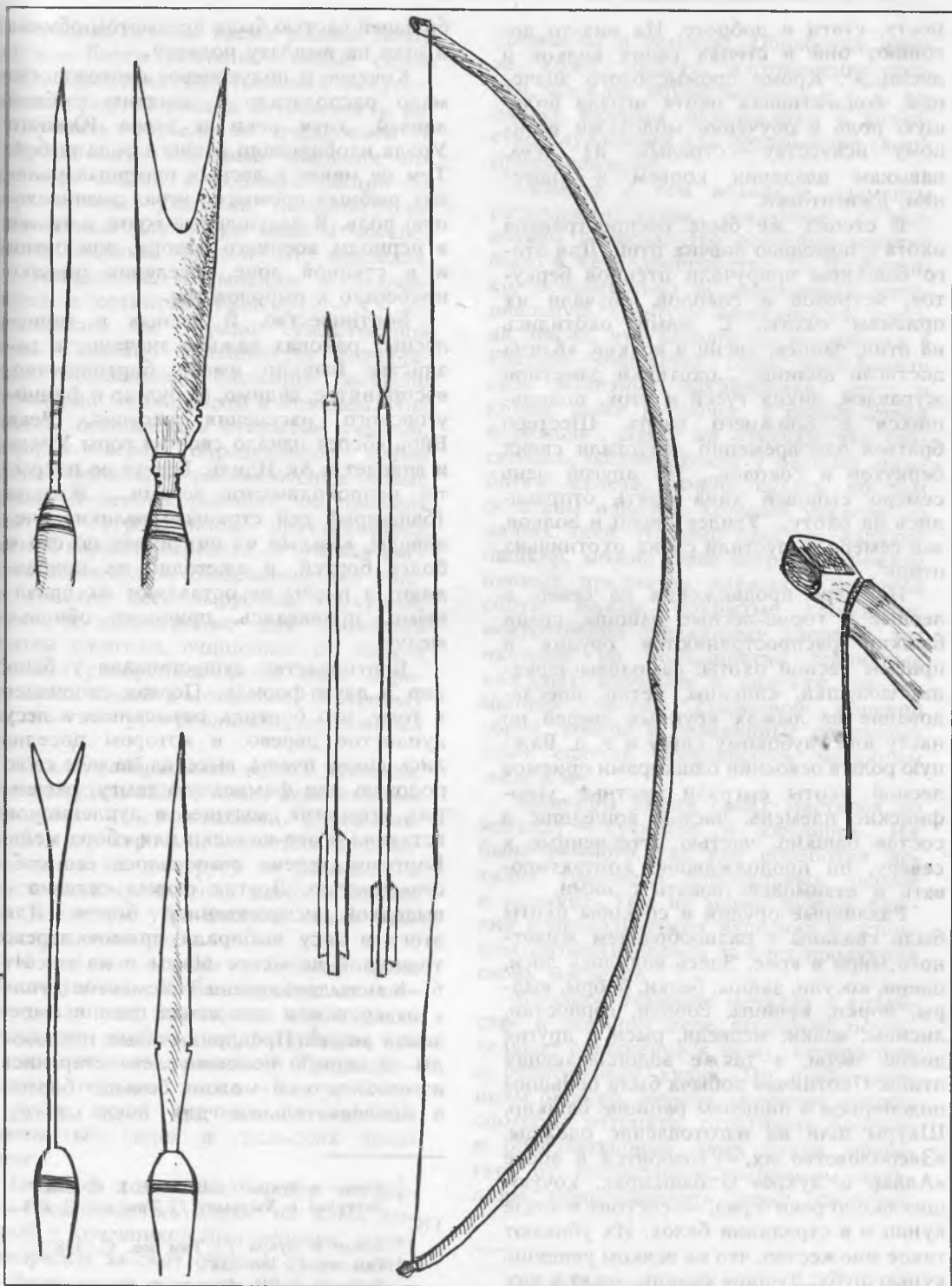
¹ Физико-географическое районирование Башкирской АССР. С. 72; Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах. Урал. М., 1968. С. 38.

² Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984. С. 48.

³ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 54—56.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Куз-Курпач // БНТ. Уфа, 1987. Т. 1. С. 267.

Башкирский лук (йәйә), стрелы (ук)

росту, стати и доброте. На них-то догоняют они в степях своих волков и лисиц...»¹. Кроме промыслового значения, коллективная охота играла большую роль в обучении молодежи военному искусству — стрельбе из лука, навыкам владения копьем и кистенем, джигитовке.

В степях же была распространена охота с помощью ловчих птиц. Для этого башкиры приручали птенцов беркутов, ястребов и соколов, обучали их приемам охоты. С ними охотились на птиц, зайцев, лисиц и волков. «Когда достигли долины, ...охотники заметили журавлей, диких гусей и уток, поднимающихся с ближнего озера. Шестеро братьев одновременно запустили своих беркутов и соколов... На другой день семеро сыновей хана опять отправились на охоту... Увидев лисиц и волков, все семеро выпустили своих охотничьих птиц»².

По мере продвижения на север, в лесные и горно-лесные районы, среди башкир распространяются орудия и приемы лесной охоты: самоловы-черканы, ловушки, капканы, петли, преследование на лыжах крупных зверей по насту или глубокому снегу и т. д. Важную роль в освоении башкирами приемов лесной охоты сыграли местные угрофинские племена, частью вошедшие в состав башкир, частью оттесненные к северу, но продолжавшие контактировать и взаимодействовать с ними.

Различные орудия и способы охоты были связаны с разнообразием животного мира в крае. Здесь водились лоси, олени, косули, зайцы, белки, бобры, выдры, норки, куницы, соболи, горностаи, лисицы, волки, медведи, рыси и другие дикие звери, а также водоплавающая птица. Охотничья добыча была большим подспорьем в пищевом рационе башкир. Шкуры шли на изготовление одежды. «Звероловство их, — говорится в эпосе «Алдар и Зухра» о башкирах, кочующих около реки Урал, — состоит в ловле куниц и в стрельбании белок. Их убивают такое множество, что на всяком увидишь кунью шубу. Лучшие куницы ловят у них в роде Гайнинском»³. Пушные меха

большой частью были предметом обмена и шли на выплату податей.

Кочевое и полукочевое скотоводство мало располагало к занятию рыбной ловлей, хотя реки и озера Южного Урала изобиловали разного рода рыбой. Тем не менее в лесных и горных районах рыбный промысел играл значительную роль. В засушливые годы, а также в периоды военного разора, эпизоотии и в степной зоне население широко прибегало к рыболовству.

Бортничество. В лесных и горно-лесных районах важное значение в хозяйстве башкир имело бортничество, воспринятое, видимо, от болгар и финно-угорского населения региона. Река Бирь «берет начало свое из горы Урала и впадает в Ак-Идиль. Берега ее покрыты непроходимыми лесами... Жители [башкиры] сей страны — великие пчеловоды, каждый из них имеет по сто и более бортей, и ежегодно их прибавляют, а пчелы не оставляют их праздными, прививаясь, приносят обильно меду»⁴.

Бортничество существовало у башкир в двух формах. Первая сводилась к тому, что бортник разыскивал в лесу дуплистое дерево, в котором поселились дикие пчелы, высекал на нем свою родовую или фамильную тамгу, расширял отверстие, ведущее в дупленицу и вставлял в нее колодки для сбора меда. Бортевое дерево становилось его собственностью. Другая форма связана с выделкой искусственной борти. Для этого в лесу выбирали прямое дерево толщиной не менее 60 см и на высоте 6—8 м выдалбливали объемистое дупло с отверстиями для входа пчел и вырезания меда⁵. Предприимчивые пчеловоды за первую половину лета старались изготовить как можно больше бортей в привлекательных для пчел местах.

¹ Алдар и Зухра // БНТ. т. I. С. 388.

² Заятуляк и Хыухылу // Там же. С. 178—179.

³ Алдар и Зухра // Там же. С. 388.

⁴ Там же. С. 386—387.

⁵ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 97—100.

В середине лета во время рояния почти во все борти вселялись новые семьи пчел. Практика изготовления искусственных бортей давала возможность регулировать расселение пчелосемей и сосредоточить бортевые владения отдельных людей и родовых общин на ограниченных участках, наиболее благоприятных для сбора меда и обеспечения охраны бортей от медведей.

Земледелие. По мнению исследователей, в хозяйстве башкир X—XV вв. земледелие не играло существенной роли. Подобно большинству евразийских кочевников, башкиры засевали небольшие поля просом и ячменем. Под посевы осваивались открытые участки, которые через определенное время забрасывались, и распахивались новые земли. В лесных районах, по примеру местных угро-финнов, практиковался лесной вариант перелога — огневая система земледелия. Выбранный для пашни участок леса вырубали, верхушки, ветки и непригодные для хозяйства стволы сжигали, очищенное от леса и обильно удобренное золой поле обрабатывали сохой и мотыгами. В степных местностях употреблялся деревянный плуг.

Сеяли, разбрасывая зерна с лукошка, семена заделывали в почву деревянными боронами и сучковатыми деревьями. Хлеб жали серпами, молотили лошадьми, гоняя их по кругу по равномерно расстеленному на току хлебу. Позднее под влиянием угро-финнов стали распространяться цепи.

И все же посевы у башкир были незначительны. В башкирских эпических сказаниях земледелие как отрасль хозяйства вообще не фигурирует, за исключением воспоминаний Тандысы — главной героини эпоса «Конгур-Буга» о сборе дикой гречихи по склонам каменистых сопок в уральских предгорьях¹.

Основой хозяйства башкир оставалось скотоводство. Спрос на хлеб, который у кочевников был невелик, удовлетворялся за счет обмена с соседями.

Ремесло и торговля. Значительное развитие у башкир получили домашние

промыслы и ремесло. Обработка дерева, кожи, шерсти, изготовление тканей, одежды, обуви, войлока и т. д. являлись важным дополнением в хозяйстве, служившим для потребления самих производителей.

Вместе с тем возникли элементы разделения труда, связанные с развитием ремесла. Это особенно заметно было в металлообработке. С. И. Руденко, основательно исследовавший материальную культуру башкирского народа, писал, что задолго до вхождения в Россию «башкиры сами выделяли себе железные наконечники стрел и копий, ножи и прочее, а впоследствии и ружья»². Далее он отмечал, что «насколько высоко стояла у башкир обработка железа, можно судить по тем остаткам изделий, которые уцелели до наших дней. Помимо простых изделий башкир, можно было встретить немало ценных предметов оружия и конской сбруи. Бляхи, покрытые сложными, искусственно сделанными узорами, мы находим на большинстве старинных кожаных колчанов и налучий, на ременных частях старинной конской сбруи, иногда и деревянные седельные луки сплошь покрывались чеканным железом»³.

Башкиры имели своих мастеров по металлу — кузнецов и ювелиров. Их было немного, так как обработка металла требовала специальных знаний и навыков. Тем не менее нужды башкир в металлических изделиях в основном удовлетворялись за счет продукции своих мастеров.

Большое значение металла в хозяйстве и военном деле породило почтительное отношение к нему, переросшее в религиозный культ. По представлениям башкир, железо, особенно острое, способно отгонять, отпугивать болезни и болезнетворных злых духов, оберегать от несчастий. Серебряным изделиям приписывались иные свойства;

¹ Конгур-Буга // БНТ. Т. 1. С. 216.

² Руденко С. И. Указ. соч. С. 136.

³ Там же. С. 136—137.

к примеру, женщинам при доении кобылиц и коров полагалось надевать серебряные браслеты, это защищало от порчи и молоко, и животное, и саму женщину. Вообще белый металл пользовался особым почитанием у башкир и других родственных с ними тюркских кочевников. Серебряной чешуей, подвесками и бляшками обильно украшали женские нагрудники, головные уборы. Заметно меньше места занимало в ремеслах и обиходе башкир золото.

Культ металла получил отражение в системе личных имен у башкир. Компоненты тимер «железо, железный», алтын «золото, золотой», көмөш «серебро, серебряный» встречаются как в мужских, так и женских именах (Тимербай, Тимербика, Байтимер, Биктимер, Алтынбай, Алтынбика, Көмөшбай, Көмөшбика). Имена, в основе которых лежит слово булат, давались только мужчинам — Булат, Тимербулат, Байбулат, Бикбулат.

Металлообработка башкир базировалась на местном сырье. В процессе заселения и хозяйственного освоения Южного Урала происходило выявление и разработка рудных месторождений.

Следы былой осведомленности народа о рудных местах и добычи ископаемых металлов сохранились в многочисленных топонимах, таких, как Тимертау «железная гора», Тимеркая «железная скала», Бакыртау «медная гора», Бакырлы «Медная» (о горе), Алтын «Золотая» (гора), Алтынсай «Золотая речка», Көмөш айыры «Серебряный ручей», Кургашай «Свинцовая» (гора), Кургашы / Кургашты «Свинцовая» (речка) и др. В Архангельском районе три притока одной речки именуется Кургашы. По преданиям, здесь добывали свинец и отливали пули и дробь для ружей.

Из дерева башкиры изготавливали орудия труда, деревянные части оружия (лук, стрелы, копьё), сбруи, транспортных средств, различного рода сосуды и предметы бытового обихода. Довольно широко применяли дерево как строительный материал при сооружении жилища, загонов для скота, ис-

пользовались также кора, береста, лоза.

Со степными скотоводческими традициями были связаны ремесла по обработке животного сырья. Башкиры выделывали кожу, меха, войлок. Меха и кожа шли на изготовление одежды, обуви, воинского и охотничьего снаряжения, сбруи. Колчаны, налучья, тебеньки седел, различные футляры и сумы орнаментировались тисненым орнаментом, металлическими накладками. Войлок украшался вышивкой, аппликацией с узорами в технике вдавливания.

Получило распространение ткачество. Наиболее древний ткацкий станок был без рамы, имел примитивные ниточки в виде палочки с волосными петлями, с помощью которых можно было чередовать четные и нечетные нити основы. Позднее возник стан с двумя ремизками, попеременно поднимающимися и опускающимися с помощью педалей. На станах, имевших несколько разновидностей, из растительной (конопля, крапива) и шерстяной пряжи ткали холст, грубое сукно, паласы. Небольшое распространение имело ворсовое ковроделие.

Хозяйство башкир в основном было натуральным. Тем не менее они поддерживали торговые связи с Волжской Булгарией, Средней Азией, Ближним Востоком. В обмен на скот, пушнину, мед приобретали хлопчатобумажные и шелковые ткани, оружие, украшения, восточные сладости, а также цветные камни, кораллы, жемчуг, раковины, применявшиеся при изготовлении у себя женских украшений. Разумеется, дорогие восточные товары были доступны лишь зажиточной верхушке, феодализирующейся родоплеменной знати.

§ 3. Общественные отношения

Родоплеменная структура у башкир была многоступенчатой: родовое подразделение, род, племя.

Родовое подразделение (ара, аймак, насель) состояло из близкородственных семей, потомков (кроме жен) од-

ного общего предка по мужской линии, имело общее название, единую тамгу. Члены подразделения совместно пользовались принадлежавшей им частью земельной вотчины, селились в зимовьях (позднее в деревнях) компактно, отдельным аулом или обособленной улицей в деревне, кочевали вместе, образуя единую пастбищно-кочевую группу или общину, пасли скот в совместных табунах и стадах, помогали друг другу в хозяйстве, участвовали в организации свадеб, похорон и т. д. По мере разрастания отдельные семьи превращались в родовые подразделения и получали название по имени одного из предков.

Род (тюба, аймак) представлял собой совокупность нескольких родовых подразделений, находившихся между собой в отношениях родства. Нередко в состав рода вливались семейно-родственные группы из других башкирских родов и племен или вообще из иной этнической среды. Род имел общее название, единую тамгу, которая модифицировалась по родовым подразделениям и семьям, являлся совместным владельцем родовой земельной вотчины. Члены родовой общины расселялись компактно на общей территории. Из состава разросшегося рода обособлялся дочерний род с выделением занятых им земель в самостоятельную родовую вотчину. Со временем иерархическая соподчиненность основных и дочерних родов стиралась, все они имели одинаковый статус и функции в составе племени¹.

Несколько родов объединялись в племя (уру, иль). Состав башкирских племен был различным. Например, племена бурзян, тангаур, усерган состояли из родственных родов, ибо сложились в ходе естественного развития и сегментации материнских родов. В племенах кыпчак, катая, ай вокруг мощных основных родов группировались неродственные им, но связанные с ними рядом исторических и политических факторов родовые подразделения. Племена танып, в значительной степени табын представляли союз самостоятельных

по этническому происхождению родовых организаций, отколовшихся от разных племен и объединившихся в условиях Башкирии в силу различных обстоятельств. Сальют, сынрян, упей и другие племена не имели внутренней родовой структуры, но по своему происхождению были самостоятельными этническими образованиями. Племена имели свое название, тамгу, племенную территорию, разделенную на родовые вотчины².

Таким образом, башкирские племена и роды в большинстве случаев не были генетическими организациями, лишь родовое подразделение объединяло родственные семьи. Родо-племенная структура башкир уже задолго до XIII в. не выражала сущность родового строя. Шел процесс его разложения и складывания классового общества среди башкир.

Семья. Низшей ячейкой башкирского общества и его основной хозяйственной единицей была семья. В ходе разложения родового строя у башкир стали выделяться брачные пары с детьми (малые семьи), имеющие некоторую автономию и бытовую обособленность. В то же время параллельно функционировали большие патриархальные семьи, в состав которых входило несколько брачных пар с детьми. Все взрослые мужчины в них находились в отношениях кровного родства. Семейная община включала и женщин добрачного возраста — дочерей, племянниц и сестер, а также жен взрослых членов семьи.

Патриархальную семью возглавлял мужчина, обычно самый старший; исключение составляли случаи, когда он уступал главенство младшему из родственников (следующему за ним старшему) или по болезни, или в силу выдающихся способностей второго кандидата. Наследование семейной власти происходило по старому родовому принципу от брата к брату, от дяди к пле-

¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 118, 120, 126—127.

² Там же. С. 122.

мяннику. Позже, по мере укрепления семейно-наследственных отношений, главенство в семье все больше переходило от отца к сыну.

Стада и табуны были во владении большой патриархальной семьи; ими распоряжался глава семьи. В то же время в пользовании семейных пар и отдельных членов семьи находились верховые лошади и часть молочного скота. Скот, полученный в приданое, считался собственностью женщины. Ей принадлежали ее личные вещи, украшения и утварь. Это имущество переходило к дочерям. Семейные пары обычно жили в отдельном помещении — юрте, избе или аласыке, могли иметь свой котел, но раз в день, обычно к вечеру, вся семейная община собиралась на общую трапезу.

Таким образом, большая патриархальная семья башкир не представляла монолитного целого: входящие в ее состав брачные пары внешне имели видимость отдельных семей, хотя полной хозяйственной самостоятельностью не обладали. В этом она заметно отличалась от семейных общин классических земледельческих народов, у которых возникающие семейные (брачные) пары экономически почти целиком растворялись в большой семье. По мере разрастания большесемейной общины происходила ее сегментация; на базе одной возникали 2—3 и более родственных между собой патриархальных семей. Вероятно, случались также выделы малых семей, но очень скоро они в свою очередь перерастали в большие семьи со сложной структурой. Параллельное существование и противоборство патриархальной семейной общины и зарождающейся малой семьи, постепенное становление и утверждение последней составляет содержание всей истории семейных отношений у башкир в X—XV вв. Процесс этот продолжался и позднее.

В большой патриархальной семье многие термины родства имели классификационное значение. Не было индивидуального термина для обозначения матери. Мать, ее старшие сестры и тет-

ки, мать матери, то есть все женщины старше матери в ауле при обращении к ним назывались одинаково «матерью». Также и отец, его старшие братья и дядья, отец отца, то есть все мужчины старше отца и он сам обозначались одним термином «отец». Обращаясь к младшим родственникам, каждый человек называл «сыном» или «дочерью» как собственных детей, так же дочерей и сыновей всех родственников младше себя. На вершине класса «отцов» и «матерей» находились «старший (большой) отец», «старшая (большая) мать» — именно таков смысл современных терминов для деда и бабушки. По древней традиции, идущей со времен общинно-родового строя, сохранялось различие отцовской и материнской линий родства.

По мере становления малой семьи, возрастания ее хозяйственной самостоятельности возникают индивидуальные термины для обозначения родителей. Вероятно, малая семья, состоящая из родителей и их детей, реже включающая также деда и бабуку, в XIII—XV вв. превращается в основную форму семейной ячейки, а патриархальная семья, становясь все более раздробленной и распылчатой, утрачивая экономические функции, трансформировалась в семейно-родственные группы.

В большесемейной общине наряду с принципом наследования по старшинству (от старшего брата к младшему, от дяди к племяннику) действовал принцип «от отца к сыну», «от родителей к детям». В этом заключалось одно из острых противоречий общества, переживающего переходное состояние от родового строя к классовому. Оно разъедало и раннеклассовые общества. Родители, прежде всего отец, стремились свое имущество и свой социальный статус передать детям, но права детей очень долгое время шли после таких же прав у братьев отца. Даже когда был введен принцип наследования по прямой линии (родители — дети), общество в этом случае пошло по старому традиционному пути — на первом месте оказались права старшего сына. Тот по-

порядок, согласно которому в вопросах наследования преимущественным правом пользуется старший сын, называется майоратом. Другой порядок, когда преимущество имеет младший сын, носит название минорат.

На начальных порах, безусловно, преобладал майорат, и младший сын нередко оставался лишенным отцовского наследства, на положении бесправного и зависимого члена семьи и общества. Положение это нашло яркое отражение в фольклоре: в основе многих эпических и сказочных сюжетов лежит идея защиты несправедливо обиженного и притесняемого младшего сына (брата). Лишь постепенно, по мере утверждения индивидуальной малой семьи, расширялось распространение миноратного принципа наследования. В таких семьях отец еще при жизни должен был наделять домом и хозяйством старших детей, а то, что оставалось при нем — семейный очаг, скот и имущество — доставалось младшему сыну. Повторяясь из поколения в поколение, это стало твердым правилом. Распространение минората у большинства тюркских народов говорит о раннем его возникновении.

Однако минорат и майорат сосуществовали параллельно на протяжении длительного времени. Между ними были разграничены сферы функционирования: майорат был связан с наследованием общественного статуса, власти, главенства в большой семье, в то время как минорат соблюдался исключительно в малой семье. С принятием ислама постепенно начал распространяться мусульманский порядок наследования, установленный шариадом. Однако шариатные нормы действовали не в чистом ортодоксальном виде, а трансформируясь под влиянием народных обычаев. Мусульманским новшеством стало наследование по завещанию.

Брак у башкир был экзогамный. В древности строго запрещались браки внутри рода. С разложением рода экзогамной единицей стала аульская община. В больших селениях, в которых жили выходцы из различных родопле-

менных или иноэтничных общностей, экзогамия соблюдалась в рамках одного или нескольких родственных аймаков (тюб, ара).

Внутри племени браки совершались свободно, не запрещались брачные связи и за пределами племени. Более того, среди родоплеменной знати (биев, батыров и тарханов) считалось предпочтительнее брать жен из другого племени или народа. В фольклоре очень часты сюжеты, отражающие межэтнические, чаще башкирско-казахские брачные связи. Этим путем племенные вожди стремились установить союз с соседями, усилить военное могущество и расширить влияние. И все же межэтнические браки были редки, мешали языковые и религиозные барьеры, и каждый народ, в том числе и башкиры, оставался в основном эндогамным. Эндогамия башкир была нарушена исламом, который утверждал единство всех мусульман. Ислам способствовал расширению брачных связей между башкирами, ногайцами, казаками и особенно с татарами и мишарями. Браки с представителями финноугорских народов, которые были довольно частым явлением на начальных этапах освоения башкирами Южного Урала, с принятием ислама стали совершаться реже и сопровождались переходом иноплеменного брачного партнера (обычно жены) в мусульманство.

У башкир издревле существовало многоженство. Ислам узаконил и именем пророка освятил многоженство, лишь ограничив число законных жен до четырех. Количество же наложниц шариадом не было ограничено. Однако большинство народа стихийно придерживалось единобрачия, а наложничество и многоженство, будучи привилегией феодализирующейся родоплеменной знати, являлись одним из основных источников обеспечения семьи рабочей силой: жены, особенно младшие, наложницы и их дети были в положении зависимых людей и эксплуатировались нещадно.

Сохранялись архаические обычаи, возникшие еще в эпоху родового об-

щества, среди которых особого внимания заслуживают так называемый левират и сорорат. По обычаю левирата, если умирал взрослый мужчина, на его вдове должен был жениться его брат, и это было для него, как и для вдовы, не только правом, но и обязанностью. У башкир и большинства тюркских народов левират распространялся только на младших братьев и младших племянников. Вместе с вдовой к нему переходили дети умершего, его имущество. Он как бы заступал на место старшего брата, дяди, становился его наследником. Таким образом, левират был одновременно и нормой брака и одним из приемов наследования. Он органически вытекал из древней традиции родового общества «от старшего к младшему», «от брата к брату».

Сорорат обычно сопутствует левирату, выступая как бы его дополнением, продолжением; по этому обычаю, в случае смерти жены мужчина женился на её сестре, как правило, на младшей. У башкир и здесь наблюдалась особенность — вместо младшей сестры умершей могла фигурировать младшая племянница.

Социальная структура. В письменных источниках не отражена социальная структура башкирского общества на ранних этапах его развития. Некоторые сведения содержат башкирские шежере — родословные, а также произведения башкирского устного народного творчества, зародившиеся в период перехода от родового строя к феодальным отношениям. Сопоставление этих данных с материалами исторической этнографии башкир и других, близких им в этнокультурном плане народов степной Евразии, позволяет в общих чертах охарактеризовать социальную жизнь башкирских племен.

В X—XII вв. башкирское общество находилось в стадии глубокого разложения родового строя и зарождения феодальных отношений. Родоплеменной территорией башкиры владели на основе общинной собственности, скот же находился в собственности индивидуальных семей. Второе обстоятельство вело к

имущественной дифференциации, к появлению фактического неравенства между членами рода. Одни семьи имели больше скота, другие меньше. Особенно выделялась родоплеменная знать, владевшая крупными стадами скота.

Во главе рода и родового подразделения стояли бии — вожди. Отдельные бии сосредоточивали власть в племени или даже в нескольких племенах. В любое время бий мог собрать боевую дружину из сородичей, а во время войн и набегов являлся военным предводителем. В рассматриваемое время власть биев, очевидно, стала наследственной. В фольклорных и этнографических материалах, относящихся к XII—XV вв., нет никаких намеков на выборность родоплеменных вождей. Генеалогия, например, усерган начинается с легендарного бия Ток-Саба (XII в.), все потомки которого до XVI в. были биями¹.

В своих действиях бий опирался на народное собрание (йыйын) и совет старейшин (королтай). Народное собрание было наиболее древним органом самоуправления башкирских племен, решению его подлежали вопросы, связанные с жизнью племени в целом: войны и мира, уточнения границ родоплеменных территорий и другие. Собрания завершались празднествами, на которых устраивались байги (бэйгэ), то есть состязания по борьбе, скачке и джигитовке, стрельбе из лука. Совет старейшин мирным путем улаживал возникавшие между родами трения, вражду, споры, решал вопросы, связанные с порядком перекочевков, и т. д. Однако строгого разграничения функций между народным собранием и советом старейшин не было. По мере усиления родоплеменной знати народное собрание теряло свое значение как органа власти и постепенно превращалось в обыкновенное празднество, устраиваемое в определенное время года.

В XIII—XV вв. разложение родовых отношений продолжалось. В эпических произведениях «Акбузат», «Алпамыша»,

¹ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 94.

«Кузыкурпяс и Маянхылу» и других постоянно фигурируют бедные пастухи и табунщики, пасущие скот у биев и хавов¹. Да и среди состоятельных сородичей выделялись более богатые семьи. «Отец мой, как из всех богатейший, велел поймать для угощения шесть кобылиц, а отцы моих товарищей каждый привел по две», — говорится в эпосе «Алдар и Зухра»².

Башкирское общество знало патриархальное рабство. Часть пленных, захваченных во время набегов или межплеменной борьбы, использовалась родоплеменной знатью для обслуживания скота и других целей. «Меня называли прежде и аксакалом и Бием, — говорится в рассказе «Последний из Сартаева рода»... Стада мои паслись под надзором одного главного кытуса (пастуха), которого я поставил башлыком (старшим) над остальными. Он был из народа джунгар, ...взят мною в ясыр (плен)»³. Однако в целом рабский труд не нашел широкого применения в башкирском обществе. Да и рабы с течением времени становились равноправными членами рода. Большинство пленных башкиры продавали в Болгарию, в среднеазиатские и восточные страны.

Имущественная дифференциация, выделение из среды общинников экономически сильной родоплеменной знати и наличие, хотя и в неравной форме, рабства вели к разрушению башкирского рода. Народное собрание окончательно потеряло свое значение органа народной власти. Совет старейшин постепенно превратился в орган родоплеменной знати, которая узурпировала всю власть в племенах. Изменилось содержание и других родовых институтов. Раньше в быту башкир большое место занимала кровная месть (карымта). «Члены рода, — писал Ф. Энгельс, — обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и особенно содействие при мщении за ущерб, нанесенный чужими... Если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной мстью»⁴. В условиях разложения родового строя кровная месть все больше уступает

место экономической мести (барымта). Как за убитого члена рода, так и за причиненный экономический ущерб теперь требовалось материальное возмещение. В случае отказа противника сделать это устраивался набег с целью захвата скота, имущества, рабов. Организаторами нападений на соседние племена и народы выступали родоплеменные вожди, которые за счет грабежа умножали свои богатства.

Башкирская родо-племенная знать, пользуясь политической властью, постепенно узурпирует земельные права общины, по-своему распоряжается пастбищными угодьями. Так нарождается и укрепляется башкирская феодальная верхушка. В нее, кроме биев, входили батыры — военные предводители и тарханы. Институт тарханства, видимо, возник в Башкирии в XIII в. Золотоордынские, а позднее ногайские и казанские ханы раздавали поступившей к ним на службу родоплеменной аристократии башкир тарханные грамоты с земельными и иными привилегиями.

Следует заметить, что в башкирском обществе не была оформлена феодальная собственность на землю, кроме случаев получения тарханных грамот. Наследственной передачи земельных угодий не существовало. Наследовалась власть и как ее атрибут — потенциальная привилегия распоряжаться родоплеменными вотчинами, находившимися в общинной собственности.

Основой башкирского общества были рядовые общинники — мелкие собственники скота, права и личная свобода которых постоянно урезывались феодальной верхушкой. Они подвергались многочисленным поборам, обязаны были выступать в набегах и походах, помогать в хозяйстве феодальной знати, которая внешне выступала в прежней

¹ БНТ. Т. 1. Уфа, 1987. С. 135, 237, 253—257.

² Там же. С. 360.

³ БНТ. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 173.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е, изд. Т. 21. С. 89.

роли родоплеменных вождей, прикрывалась идеологией «родового единства», взаимопомощи и покровительства сородичам.

С монголо-татарским нашествием наверху сословно-иерархической лестницы башкирского общества оказались золотоордынские феодалы-завоеватели. Верховным собственником земель номинально был хан, в пользу которого с подвластного населения собирался ясак. Территория Башкирии была роздана ханом родственникам и приближенным, находившимся в вассальной зависимости от хана и занимавшими то или иное положение в военной системе ханства. Башкирские бии были в вассальной зависимости от наместников хана, но сами в свою очередь выступали сюзеренами по отношению к мелким владельцам. Таким образом, военно-феодальный характер внутренней структуры Золотой Орды определил и социально-экономическую жизнь башкирского общества.

Углубляющийся процесс феодализации, громоздкая иерархия эксплуататоров из числа завоевателей и собственной знати сочетались в башкирском обществе с еще прочными устоями патриархально-общинного уклада.

§ 4. Политическое устройство

В сфере военно-политического влияния Булгарского государства. У башкир время от времени возникали племенные союзы, но они не были прочными и часто распадались в силу внутренней межплеменной борьбы. В XI—начале XIII вв. западные районы Башкирии частично находились в сфере военно-политического влияния Волжской Булгарии — первого раннефеодального государства на территории Волго-Уральского региона.

Восточная граница Булгарии проходила по р. Зай, южная — по Самарской Луке, западная — по р. Сура¹. Основная масса болгарского населения концентрировалась по берегам Волги и нижней Камы, где располагались города

Болгар — столица государства, Биляр, Сувар, Джукетау, Ошель.

Основу хозяйства болгар составляли земледелие и мясо-молочное скотоводство. Они пахали плугом, сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес. В лесных районах были распространены пушная охота и бортничество. Города славились ремеслом. Были развиты металлургическое, кузнечное, бронзово-литейное, ювелирное, кожевенное, косторезное, гончарное производства². Булгары вели оживленную торговлю с Средней Азией, Ближним Востоком, Русью и с другими соседними регионами.

Сложилось феодальные отношения. По сообщениям Ибн-Фадлана и Ибн-Русте, в пользу болгарских правителей с каждого двора взыскивались подати в виде соболиных шкур или лошадей; существовали пошлины за провоз товара из других стран, специальные налоги на свадьбу, проведение пира³ и т. д. Население привлекалось к сооружению многочисленных и сложных оборонительных линий, защищавших территорию Волжской Булгарии с запада, юга и востока⁴. Кроме того, закабаленные крестьяне несли повинности в пользу феодалов.

Трудно сказать, какие отношения существовали между Булгарским государством и соседними с ним башкирскими племенами. Во всяком случае последние признавали его военно-политическое преобладание в своих районах и даже временами платили ему дань⁵.

¹ Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань, 1975. С. 33—34; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 62.

² Халиков А. Х. Указ. соч. С. 68—69; Краснов Ю. А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 218—224.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 72—73.

⁴ Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 28—29.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 22.

В связи с осложнением отношений с Русью в начале XII в. столица Булгарии была перенесена в глубь страны, в бассейн р. Малый Черемшан. Ею стал город Биляр. Перенесение политического центра государства на восток, ближе к границам кочевого мира степного и лесостепного Приуралья, способствовало усилению военно-политического и культурного влияния Волжской Булгарии на своих восточных соседей. На рубеже XII—XIII вв. болгарские поселения появляются в низовьях р. Белой, а болгарские военные форпосты («сторожевые») выдвигаются далеко в глубь приуральской степи, на левый берег среднего течения р. Урал (Яик).

Под властью Золотой Орды. Башкирия оказалась на пути монголо-татарского нашествия в Восточную Европу. Первые стычки происходили в 1229 г., когда войска Субедея и Кукдая сбили болгарские сторожевые заставы с берегов Яика, напали на нижеволжских половцев¹. Это были разведывательные походы завоевателей. Получив подкрепление, монгольские войска в 1230 г. сконцентрировались у р. Яик и оттуда двинулись в степи Приуралья и Заволжья. Они захватили южные районы Волжской Булгарии, но дальше продвинуться не могли. Сказывались военное и фортификационное искусство болгар, постоянные удары половцев с юга и башкир с севера².

В 1235 г. на большом курултае, созданном ханом Угедеем, было решено покорить Булгарию, Дешт-и-Кыпчак и русские княжества. Под предводительством хана Батия, внука Чингисхана, объединенные монголо-татарские войска осенью 1236 г. разгромили болгарское государство. Лаврентьевская летопись рассказывает: «В лето 6744 (1236 г.—*Ред.*) ...тое же осени приидоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный великий город Болгарский, и избиша оружием от старца и до унаго и до суцаго младенца, и взяша товаров множество, а город их пожогша огнем, и всю землю их плениша»³. Археологические раскопки показывают, что столица го-

сударства — г. Биляр была разрушена и сожжена дотла. Среди развалин кирпичных зданий встречаются многочисленные остатки человеческих костей, погребенных под упавшими стенами и крышами домов. Такая же участь постигла другие города, укрепленные замки, села⁴. Покорился и Дешт-и-Кыпчак.

Одновременно были подавлены основные очаги сопротивления башкир в Приуралье, большая их часть откочевывает на восток, в горно-лесные районы Южного Урала и в Зауралье⁵.

Осенью и зимой 1237 г. войска Батия через земли мордвы и марийцев начинают свой опустошительный поход по княжествам Владимиро-Суздальской Руси, а войска Менгу и Гуюк-хана идут «облавою» по степям Нижней Волги и Дона⁶. Народы Поволжья продолжали упорно сопротивляться завоевателям. В 1238—1239 гг. в тылу монгольских войск поднялись на борьбу против поработителей болгарские князья Баян и Джикю, в Нижнем Поволжье восстали кыпчаки во главе с Бачманом⁷. Восстания были жестоко подавлены. Отряды разгромленных кыпчаков укрылись на севере, в лесах Приуралья, где они слились с башкирами и образовали род бушман-кыпчаков⁸.

Монгольское нашествие, явившееся тяжелейшей катастрофой для завоеванных стран, сопровождалось разрушением производительных сил и массовым истреблением людей. В Башкирии сильных боев, очевидно, не было. И все же

¹ Полное Собрание Русских Летописей (ПСРЛ). 2-е изд. Л., 1927. Т. 1. Ч. I. Вып. 2. С. 453.

² Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 70.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. С. 42.

⁴ Халиков А. Х. Указ. соч. С. 87.

⁵ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 147, 151.

⁶ Каргалов В. В. Указ. соч. С. 70—72.

⁷ Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 38.

⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 179.

монголы опустошили многие кочевья, захватили пленных и скот.

Башкирия вошла в состав образованного монголами огромного государства — Золотая Орда, простиравшегося от Алтая до Дуная. На севере она включала в себя предгорья Карпат, территории южнее Харькова, верховья Дона, бывшее Булгарское ханство, Башкирию, на юге — Крым, Северный Кавказ, Среднюю Азию¹. Русские княжества не входили в состав Золотой Орды, но платили ей дань.

Центром Золотой Орды был сначала г. Сарай-Бату, основанный ханом Батыем (недалеко от современной Астрахани). Позднее, в начале XIV в., столицу перенесли в г. Сарай-Берке, построенный братом Батыем Берке-ханом на одном из рукавов Волги (вблизи нынешнего Волгограда).

Золотая Орда формально считалась частью единой монгольской империи, но фактически была самостоятельным государством. Она делилась на три улуса. Восточные районы и Среднюю Азию (Кок Орда или Синяя Орда) Батый отдал своему брату Орде, степи от Южного Урала до р. Тобол, от р. Яик до Сары-Су — младшему брату Шайбану. Половецкие степи, Поволжье и Приуралье находились под властью дома Батыев².

Земли башкирских племен оказались разделенными между двумя улусами: западные и центральные районы Башкирии вошли в улус дома Батыев, а степи юго-восточной (зауральской) Башкирии стали достоянием Шайбанидов. Такое деление впоследствии заметно сказалось на формировании этнокультурного и языкового состава башкир.

Политика завоевателей в покоренных областях Средней Азии и Восточной Европы определялась естественно-географическими и хозяйственными условиями. В Волжской Булгарии, Крыму, Хорезме и других оседлых регионах монголо-татары не вмешивались в хозяйственную жизнь населения, управляли им через местную знать. Поэтому, несмотря на страшные потрясения

во время нашествия, общественные системы этих регионов сохранились в своей основе, что облегчало восстановление разрушенных производительных сил³. Это объясняется не особой лояльностью завоевателей к оседлым народам, а невозможностью применить к ним те формы и методы феодальной эксплуатации, которые были характерны для кочевого общества монголов.

Иные отношения сложились у монголов с кочевым населением Великого пояса евразийских степей. В Дешт-и-Кыпчак феодалы-завоеватели предпочитали властвовать сами. Половецкая (кыпчакская) аристократия была частично уничтожена или продана в рабство, многих угнали в Центральную Азию еще в первые годы нашествия⁴. Начиная с середины XIII столетия, в письменных источниках не встречается упоминаний о половецких ханах, а в степях исчезают богатые половецкие захоронения, обычай установки над курганами каменных изваяний.

В то же время монголы, составлявшие меньшинство населения Золотой Орды, со временем сами растворились в массе покоренных народов, в первую очередь кыпчаков. Эль-Омари отмечает, что после покорения Дешт-и-Кыпчака монголы смешались и породнились с кыпчаками, восприняв их культуру и даже язык⁵.

Золотая Орда была раннефеодальным государством. Ее ханы являлись прямыми потомками Чингисхана. В окружении хана, кроме родственников (сыновей, братьев, племянников, дядей по отцу) находились крупные феодалы — беги, нойоны, эмиры, которые на-

¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 35—44.

² Федоров-Давыдов Г. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 57—58; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 164; Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч. М., 1968. Т. 5. С. 134.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 26.

⁴ Там же. С. 27—28, 41—42.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Часть первая... С. 44.

ряду с царевичами командовали войсковыми соединениями, назначались правителями (наместниками) областей или улусов. Количество последних постепенно увеличивалось. Они были во всех покоренных землях, в том числе и в Башкирии. Монгольская феодальная знать управляла подвластными землями через местных феодалов.

Покоренное население было обложено тяжелыми податями и повинностями. В пользу ханского двора кочевники, в том числе башкиры, платили «купчур» — налог с пастбищ и скота в размере 1 головы с каждых 100 голов скота¹. Независимо от социального положения, они также обязаны были «давать императору... кобыл, чтобы он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно, и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что они захотят и сколько хотят. Также и личность их они располагают во всем, как им будет благоугодно»².

В лесных районах население поставляло ханскому двору пушнину. Причем облагался «каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец»³. Каждый плательщик обязан был давать «одну шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну шкуру черного хорька и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба»⁴.

Взиманием податей занимались ханские сборщики — даруги, которым помогали вооруженной силой баскаки, осуществлявшие военный контроль над коренным населением. Зачастую сбор платежей отдавался на откуп тем же баскакам или местным феодалам. Откупщики не ограничивались взиманием податей в ханскую казну. Бесконтрольно распоряжаясь подвластным населением, они облагали его платежами и в свою пользу и беспощадно взыскивали их.

Особенно тяжелой была воинская повинность. Население участвовало в

военных походах и карательных экспедициях ордынских ханов, поставляя из 10 семей одного воина, который надолго отрывался от производительного труда. По строжайшему установлению, данному еще Чингисханом, каждый воин в походе должен был иметь два коня, лук и три больших колчана со стрелами, топор и веревки, копьё, щит, инструмент для ремонта и заточки оружия⁵. Приобретение их было связано с большими расходами для каждой семьи.

Население обязано было предоставлять проезжающим ханским послам, гонцам и чиновникам транспорт, жилище, продовольствие. При значительных расстояниях между населенными пунктами и кочевьями подводная повинность была чрезвычайно обременительной.

Тяжелые последствия монгольского нашествия постепенно преодолевались. Ведущую роль в хозяйстве Золотой Орды играло кочевое и полукочевое скотоводство, в оседлых районах возродилось земледелие. В Поволжье возникла золотоордынская городская культура, развивались ремесло и торговля.

Городская культура не затронула Башкирию. На ее территории в настоящее время известны только три городища, датированных золотоордынским временем: Кара-Абыз у г. Благовещенска, Уфимское (Чертово) на территории г. Уфы и Турналинское в Салаватском районе Башкортостана. По своим размерам они являлись не городами, а небольшими крепостями. Башкиры продолжали оставаться скотоводами, пчеловодами и охотниками, сеяли мало, вели кочевой и полукочевой образ жизни. Кочевнические традиции особенно устойчивы были среди зауральских башкирских племен, вошед-

¹ Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256—1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 244.

² Карпини П. История монголов. Перевод Малеина. СПб., 1911. С. 23—24.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 35.

ших в состав улуса Шайбана, являвшегося по сути своей кочевой ордой.

В конце XIII в., в связи с ростом производительных сил и развитием городов, среди кочевой аристократии Поволжья, экономически тесно связанной с городскими ремесленными и торговыми центрами, появилось стремление к усилению централизованной ханской власти. Проводниками этих тенденций выступали феодалы, заинтересованные в расширении торговых связей с мусульманским Ираном и Хорезмом. Именно эти круги ордынской знати активно поддерживали политику единодержавия, проводимую вначале ханом Токтой (1297—1312), а затем — Узбеком (1312—1342). В основе этой политики лежала идея автоматической передачи ханской власти от отца к сыну, развитие городской культуры и мусульманизация государства. Оппозицию составляли сторонники сохранения прежних порядков, при которых хан избирался на курултае всех членов ханского рода.

Победа Токты и Узбека привела к утверждению самодержавной власти в Золотой Орде. Значение курултае было сведено на нет. Дела государства решал теперь не съезд родичей, а хан с его административным аппаратом¹.

С целью укрепления централизованной власти хан Узбек проводил решительную и ускоренную исламизацию Золотой Орды. В первую очередь это затронуло территорию собственно ханского домена, где ислам имел давние и прочные корни еще со времен Волжской Булгарии. В XIV—XV вв. в Южном Приуралье появляются мусульманские памятники — мавзолеи Хусейнбека, Тура-хана в Чишминском районе Башкортостана, Бэндэбикэ — в Кугарчинском районе². Этими веками датируются большинство известных в низовьях р. Белой мусульманских могильников, в погребальном обряде которых сохраняются пережитки языческой обрядности финно-угорских племен Прикамья (чепецкая и родановская археологические культуры)³. Принятие ислама угорскими племенами бельсифимского междуречья нашло отраже-

ние в преданиях башкир — уфа-табынцев, своим происхождением тесно связанных с этими племенами⁴.

Однако кочевое население Золотой Орды восприняло ислам отнюдь не сразу. Археологические исследования в степях Южного Приуралья показывают, что еще в середине XIV в. многие кочевники продолжали придерживаться традиционных языческих погребальных обрядов: захоронения под каменными курганами с набором вещей и тущей коня в могиле (Юлдыбаевские, Ишкуловские, Покровские, Тлягуловские, Андреевский, Башкир-Беркутовские и другие курганы)⁵. Сказывались удаленность этих мест от городских центров с их мечетями и духовенством, а также оппозиция кочевых феодалов единодержавию.

Централизованная ханская власть, продержавшаяся в Золотой Орде почти полвека, не смогла сломить сепаратистские тенденции крупных ордынских феодалов, заложенные в самой сути улусной системы административного деления государства, объединявшего земли с различным хозяйственным укладом. Став во главе улуса, каждый феодал чувствовал себя независимым от ханской власти, начинал тяготиться ею. Централизованная власть не затрагивала улусную систему, ограничиваясь заменой время от времени наиболее строптивых наместников более покладистыми. Непокойно было и в ближайшем окружении хана. После устранения степных аристократов от управления государством среди группировок столичной знати началась борьба за ограничение ханской власти. Дворцовые

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 103—104.

² Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973. С. 175—180.

³ Гарустович Г. Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних утроб на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 137.

⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 347—348.

⁵ Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. С. 29.

эмиры устраивают перевороты с целью возведения на престол своих ставленников, которые обладали бы минимальной самостоятельностью и считались с ними. Перевороты, следовавшие друг за другом, сопровождалась резней среди придворной знати и претендентов на ханский престол. Так продолжалось почти двадцать лет. Политическая смута и раздоры в столице подрывают авторитет центральной власти, вызывают сокращение ремесленного производства и торговли в городах.

В условиях кризиса власти в центре усиливается кочевая аристократия, поскольку в степи складываются более благоприятные условия для сохранения твердой ханской власти. Государство раскалывается на три части: Поволжье, раздираемое кровавой борьбой между претендентами на ханский трон; Западные степи и Причерноморье, контролируемые темником Мамаем, правящим через подставных ханов — марионеток; Заволжье и Приуралье (улус Шайбана), тесно связанное с ханами и эмирами Кок-Орды. Аристократия как западного, так и восточного крыла Золотой Орды активно вмешивается в борьбу за сарайский трон. Верх берут ханы Кок-Орды. Один из них, Тохтамыш, при поддержке среднеазиатского эмира Тимура захватывает верховную власть в Золотой Орде (1376—1391 гг.), восстанавливает ее прежние границы, проводит денежную реформу, вступает в союз с египетскими мамлюками.

Самостоятельная политика Тохтамыша отнюдь не отвечала интересам Тимура, считавшего его своей послушной марионеткой. Он начинает поход против Тохтамыша, основные события которого происходили в Башкирии. По сообщению среднеазиатского историка XV в. Шериф-ад-Дина Йезди, в мае 1391 г. огромная армия Тимура, пройдя через степи Центрального Казахстана, форсировала р. Тобол, а затем по до-

лине р. Яика вышла к р. Самара, оттуда направилась к р. Ик, где стала укрепленным лагерем и начала готовиться к решающему сражению с армией Тохтамыша¹.

В ходе движения и остановок своих войск Тимур во все стороны рассылал боевые отряды — «облавы». Одна из таких «облав», как повествует об этом башкирская легенда «Последний из Сартаева рода», вторглась на территорию этого рода. Башкиры во главе с бием Джальком оказали решительное сопротивление, но численный перевес был на стороне завоевателей. Башкирское ополчение, куда «кликнули всех мужчин, которые могли владеть буздыканом и клычем», потерпело поражение; остатки его продолжили партизанскую войну в тылу тимуровских войск².

18 июня на р. Кундурча (Самарская область) произошло крупное сражение между армиями Тимура и Тохтамыша. Войска Тохтамыша были разгромлены. Это явилось началом конца Золотой Орды как единого государства. Попытка Едигея в начале XV в. сохранить хотя бы видимость государственного единства на деле обернулась бесконечной цепью дворцовых интриг. После смерти Едигея Золотая Орда распалась на множество самостоятельных государств. Башкирия была расчленена между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами.

В ослаблении и распаде Золотой Орды важную роль играли борьба коренных народов, в том числе башкир, против монголо-татарского ига, разгром русских орды Мамаю на Куликовом поле в 1380 г.

¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 162—164.

² Последний из Сартаева рода // БНТ. Уфа, 1987. Т. 2. С. 173—179.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

§ 1. Башкортостан под властью Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств

Хозяйство и социальные отношения. После распада Золотой Орды башкирские земли были расчленены между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами, образовавшимися в первой половине XV в.

Башкиры кочевали по обеим сторонам южной части Уральского хребта, между реками Волгой, Камой, Тоболом, верхним и средним течением Яика (Урала). Эти земли были богаты полезными ископаемыми и лесными массивами, обширными степями и полноводными реками. Западные склоны Южного Урала почти до р. Белой были одеты хвойными и лиственными лесами, в которые вкраплены значительные полосы степей с тучным черноземом. Густые леса покрывали и южные районы Башкирии. Долины рек Белой, Уфы, Демы, Стерли, Ашкадара, Чермасана, Ика, Таныпа, Миасса, Исети, Ая, Сима были богаты лугами, перемежавшимися участками лиственных лесов. Большая часть Башкирии, особенно Зауралье, представляла собой ковыльную степь с обширными выпасами для скота. Исключительно богатым и разнообразным был животный мир Башкирии.

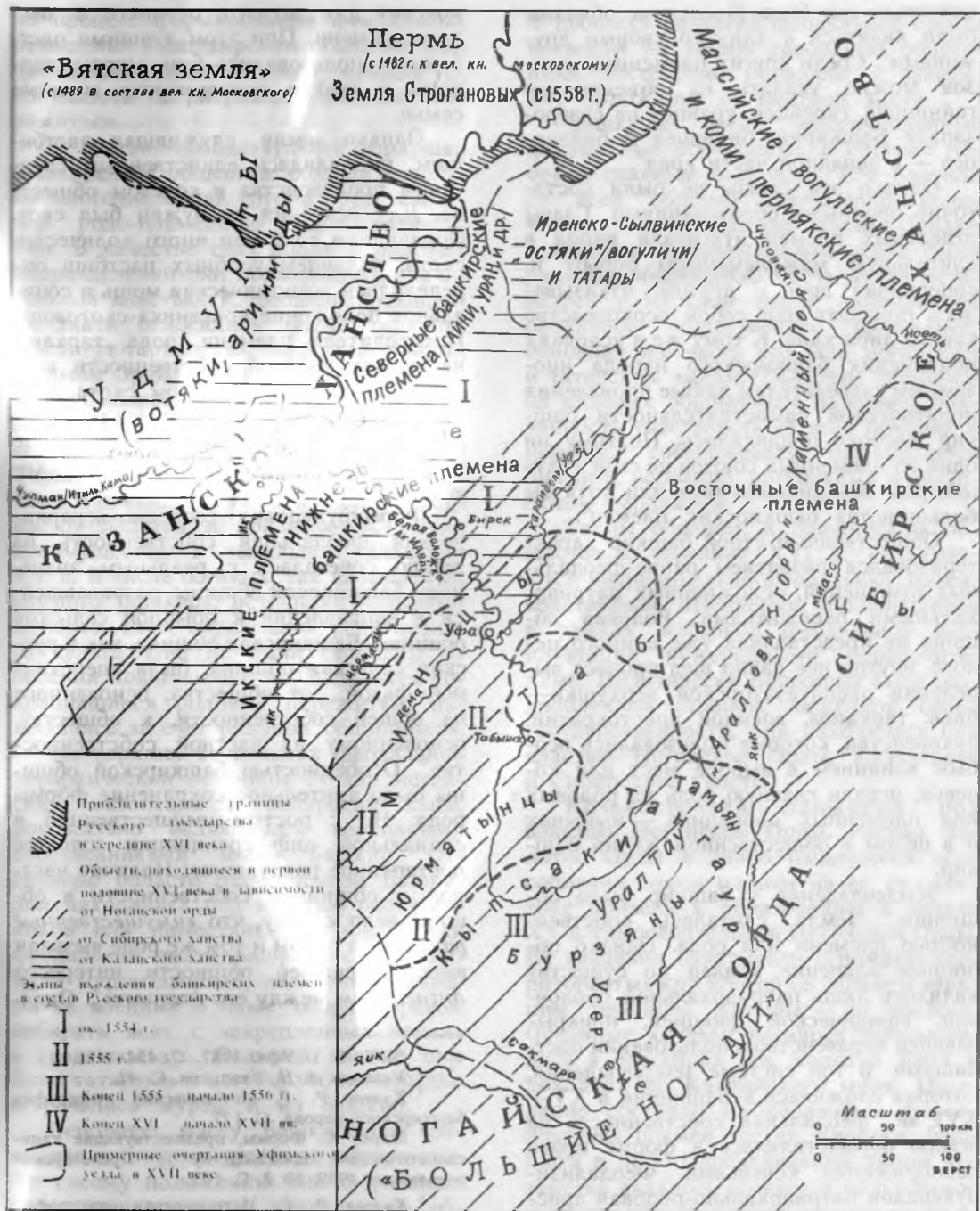
Экономический базис башкирского общества составляло кочевое и полукочевое скотоводство. Эта форма хозяйства требовала обширных пастбищных просторов, способных прокормить скот не только летом, но и в зимнее время, так как кормов заготавливалось

мало и скотоводство в значительной степени зависело от природной стихии. Башкиры разводили лошадей и овец, в небольшом количестве коз, крупный рогатый скот и верблюдов.

Большое хозяйственное значение имели охота, рыболовство, бортничество. Своим верховным властителям башкиры платили ясак шкурками пушных зверей — куниц, лисиц, бобров, соболей. Меха и медом они вели обменную торговлю со своими соседями. Лишь северо-западные башкиры, находившиеся в непосредственном соприкосновении с оседлым земледельческим населением в районе нижнего течения р. Белой (Белой Воложки) и Камы, знали земледелие, но о его размерах сведений не сохранилось.

В рассматриваемый период башкиры состояли из племен, мало взаимосвязанных между собой. В процессе консолидации в единую башкирскую народность на территории Башкирии создавались племенные союзы, носившие характер военно-политических объединений. Такой союз существовал в юго-восточной Башкирии. В него входили племена бурзян, усерган, кыпсак, тамьян и тангаур¹. Об этом племенном союзе сохранились предания, бытующие в народе по сей день. В эпосе «Кусьяк-бий» рассказывается, что упомянутые племена, предводительствуемые биями, были объединены главой союза, которого эпос называет ханом. В нужный момент хан собирал на совет под-

¹ Урманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 42.

Карта № 7. Присоединение Башкирии к русскому государству

чиненных ему биев. Последние обязаны были являться к хану со своими дружинами¹. Среди других племенных союзов можно указать на объединение гайнинцев, гарейцев, уранцев на северо-западе Башкирии, биярцев и байларцев — в западной части края².

Однако эти союзы не были достаточно прочными образованиями. Главы отдельных племен втягивали народ в длительную межплеменную борьбу и, соперничая друг с другом, отказывались признать над собой верховенство какого-либо хана. К тому же в условиях подчинения башкирского народа иноземным завоевателям любые проявления политической самостоятельности башкир жестоко подавлялись. Поэтому ни один из племенных союзов не смог стать центром объединения всех или хотя бы большинства башкирских племен³.

Общественный строй башкир характеризовался развитием ранне-феодальных отношений, осложненных патриархальными пережитками. Родовая община не представляла уже единого целого, внутри нее давно шел процесс выделения эксплуататорской верхушки — биев, тарханов, военной аристократии, духовенства, которые пользовались особым влиянием в выборе мест для кочевья, играли главную роль на родовых или племенных собраниях — йыйынах и в целом в общественной жизни башкир.

Землевладение у башкир было общинное. Земля считалась собственностью племени или рода. Однако общинное владение землей по существу являлось лишь патриархальной оболочкой, юридической фикцией, прикрывающей неравенство в пользовании пастбищами. В той системе землевладения, которая сложилась в Башкирии в XV—XVI вв., феодальная собственность на землю осуществлялась в форме права распоряжения кочевьями. Феодализирующаяся патриархально-родовая аристократия узурпировала земельные и другие экономические права башкирской общины, выступала распорядителем пастбищ; по усмотрению феодальной знати общинникам отводились районы

кочевья для летнего, осеннего и зимнего времени. При этом лучшими пастбищами пользовались бии, мурзы, тарханы и другие экономически мощные семьи.

Однако земля, служившая пастбищем, не являлась единственным средством производства в кочевом обществе. Для освоения ее нужен был скот. Обладанием того или иного количества скота, наличием удобных пастбищ определялась экономическая мощь и социальное положение кочевника-скотовода. Предводители племени, рода, тарханы на правах частной собственности владели большим количеством скота. Как писал К. Маркс, у пастушеских народов земля имела реальное значение прежде всего для тех, кто владел скотом⁴.

Формирующаяся сословно-иерархическая феодальная собственность на землю сочеталась с реальным значением башкирской общины, развивавшейся в направлении к обычной сельской общине⁵. Башкирская община, как и русская сельская община, была «переходной фазой... от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»⁶. Особенностью башкирской общины было длительное сохранение формы рода. Но с ростом имущественной и социальной дифференциации шло её постепенное разрушение. Наличие частной и общинной собственности в общине вело к тому, что «имущественные различия в одном и том же роде вызвали вместо прежней общности интересов антагонизм между его членами»⁷. Одна-

¹ БНТ. Т. 1. Уфа, 1987. С. 434—491.

² Усманов А. Н. Указ. соч. С. 42.

³ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 177.

⁴ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Пролетарская революция, 1939. № 3. С. 165.

⁵ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 176.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 419.

⁷ Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Л., 1941. Т. 9. С. 153—154.

В процесс формирования феодальных отношений в башкирском обществе шел чрезвычайно медленно, чему мешала устойчивость патриархально-родовых пережитков.

В состав господствующей верхушки башкирского общества входила довольно многочисленная группа представителей родо-племенной аристократии — бии. В качестве глав родов и родовых подразделений они пользовались значительной властью. К феодализирующейся знати относились также тарханы. Институт тарханства, введенный ханами Золотой Орды, был унаследован Казанским, Сибирским и другими татарскими ханствами. Тарханскими ярлыками за верную службу жаловались и башкиры. Тарханы пользовались большими льготами и привилегиями: они были свободны от податей и повинностей, имели преимущества в земельном владении и т. д. В числе богатых, так называемых «лучших башкир», источники называют батыров, баев, служителей религиозного культа. Они не были свободны от несения повинностей, но, используя сохранившиеся родовые пережитки, наживались за счет рядовых общинников.

На верхних ступеньках феодальной иерархической лестницы стояли ногайский, казанский и сибирский ханы, номинально являющиеся верховными собственниками земли башкир. Отдельные области расчлененной Башкирии находились под властью родственников или наместников ханов. Среди феодальной знати видное место занимали мурзы-дворяне, наделенные ханами за военные и иные заслуги правом собирать ясак с закрепленных земель в свою пользу¹. Большею частью они были татарами и ногайцами, но изредка встречались мурзы и из башкир.

Основную массу башкирского общества составляли рядовые общинники. По своему положению они формально были равноправными владельцами общинных земель и других угодий, но фактически в выборе мест для кочевки, необходимых для содержания и прокормления скота, были зависимы от биев, тарханов, батыров и других богачей.

В процессе развития феодальной собственности на землю свободные общинники постепенно попадали в зависимое положение от местной знати.

Башкиры несли многочисленные феодальные повинности. В системе поборов главным был ясак. Его платили со всей общины соразмерно количеству занимаемой ею земли. Однако основными плательщиками ясака были рядовые общинники. Часть ясака оставалась у местной знати, занимающей различное общественное положение, основная же часть его шла ногайским и татарским ханам. Тяжелым бременем на рядовых общинников ложилась обязанность участвовать во всех походах и набегах, совершаемых башкирскими биями и, особенно, ногайскими и татарскими феодалами.

Таким образом, в башкирском обществе к середине XVI в. складываются патриархально-феодальные производственные отношения, находившиеся в рамках жестокой феодальной эксплуатации чужеродными поработителями. Политически Башкирия была раздробленной страной, лишенной своей государственности, она находилась под властью Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств.

Юго-восточная Башкирия под властью Ногайской Орды. Распад Золотой Орды и давно начавшееся обособление союза племен на ее юго-востоке привели к образованию в начале XV в. самостоятельной Ногайской Орды. Ее владения охватывали огромную территорию между Волгой на западе и верхним течением Иртыша — на востоке. Основные кочевья ногайцев располагались в бассейнах рек Волги и Яика и доходили до Каспийского моря. Население состояло из различных тюркоязычных племен (ногаи, кипчаки, башкиры и др.). Определяющим типом хозяйства являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Торговые отношения были

¹ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань. 1978. С. 116.

развиты слабо. По свидетельству современников, «ногайцы не употребляют денег, но меняют скот на одежду и другие необходимые вещи»¹.

Ногайцы кочевали большими группами, что объяснялось необходимостью обороны от нападения неприятеля, так как неожиданные набеги друг на друга среди кочевников были обычным явлением. Естественно поэтому, что ногайцы имели довольно сложную военно-политическую организацию. При организации набегов на соседние государства, а также для защиты своих кочевий от внешних вторжений они могли выставить до 200—300 тысяч всадников².

В первой половине XVI в. Ногайская Орда делилась на три крупных феодальных владения — орды. Территория самой большой орды находилась между Волгой и Яиком. Центром ее был г. Сарайчик, расположенный на р. Яик. Здесь же было местопребывание главного князя всей Ногайской Орды. Кочевья второй орды находились между Волгой и Кумой, а владения третьей орды охватывали Зауралье и часть Сибири.

Для политической организации Ногайской Орды характерна феодально-иерархическая система. Во главе орды стоял главный князь. Ему подчинялись все мурзы или ханы, управлявшие на вассальных правах отдельными областями, в т. ч. Башкирией. В состав феодальной верхушки входили советники князя — карачи, служилые феодалы — уланы и другие группы «лучших людей». В башкирских шежере и некоторых других источниках и князья, и более мелкие феодальные владетели называются ханами. Подавляющую массу населения составляли эксплуатируемые феодальной знатью рядовые кочевники.

Политическая власть в Ногайской Орде никогда не была достаточно прочно централизованной. Крупные феодалы стремились к обособленности и независимости от князя. Междоусобная борьба почти не прекращалась, особенно ожесточенной она была в середине XVI века. Несмотря на непрочное внутреннее устройство и экономическую слабость,

Ногайская Орда играла большую роль политической жизни народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. С ней не могли не считаться соседние ханства, а также Русское государство.

В истории башкирского народа Ногайская Орда оставила глубокий след, так как большая часть Башкирии в течение длительного времени находилась под ее властью. Источников, освещающих башкиро-ногайские отношения, сохранилось мало. К ним относятся несколько шежере, памятников башкирского фольклора, записи рассказов башкирских старшин, сделанные в 30—40-х гг. XVIII в. На основании свидетельств старшин Алдара Исекеева и Кидряса Муллакаева и других материалов события периода ногайского владычества в Башкирии довольно подробно изложены в работе П. И. Рычкова «История Оренбургская», написанной в середине XVIII в.³

Одними из первых ногайских феодалов, господствовавших в Башкирии, были мурза (или хан) Басман и его брат Тюря-хан. В последней четверти XV в. ставка Басмана находилась в устье р. Сакмары, неподалеку от современного г. Оренбурга, и носила название Актюба (Белый стан). Басману подчинялись башкирские племена южной и юго-восточной Башкирии. По сообщению Кидряса Муллакаева, кибитки Басмана «кочевкою располагались вверх и вниз по Яику и по другим степным рекам, а именно по Берде, по Сакмаре, по Салмышу, по Юшатыре, по Оре, по Таналыку, по Кизилу и по прочим рекам. А зимою оные кибитки, переходя Уральские горы, кочевали по рекам Белой, Соколе, Ашкадару, Куганаку, по Шкадру и по Деме, где места лесистые и теплые»⁴.

¹ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках: Очерки из истории края и его колонизации. М., 1877. С. 170.

² Там же. С. 136.

³ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896.

⁴ Там же. С. 69.

Земли по нижней Деме, центральная часть Башкирии попали под власть Тюря-хана, который «жил на самом том месте, где ныне город Уфа», а владения его начинались «от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Карлесану [Кармасану], по Чермасану, по Кующе, по Базе, по Сюну и вверх по Аю рекам»¹. Ставка хана находилась на крутом берегу реки Уфы, получившем впоследствии название «Чертово городище». По сообщению Р. Г. Игнатьева, ханы «жили на городище, а их подданные в нынешней Уфе, в гористой части нынешнего города, и теперь называемой старым городом»².

В подчинении у Басмана и Тюри были различные ногайские владетели из числа мурз и других феодалов. В результате бесконечных раздоров и междоусобиц, выливавшихся в жестокие войны между ногайскими феодалами, ханы Басман и Тюря были убиты и «над всеми ногайцами владетелем учинился» мурза Алтакар. Во власти Алтакара оказалась вся южная и центральная часть Башкирии.

С появлением на арене другого сильного претендента на власть — Акназар-Салтана, «который был от поколения тутошних старинных ханов»³, борьба вспыхнула с новой силой. Она продолжалась несколько десятилетий и закончилась, по-видимому, не ранее начала второй четверти XVI в. победой Акназар-Салтана. Источники характеризуют Акназара как сильнейшего владетеля, который «многие города под власть свою покорил, и дань с них собирал»⁴.

После смерти Акназара башкирскими землями в течение семи лет владел хан Измаил, а затем сын Акназара хан Ахмет-Гирей. Башкирские шежере называют Ахмет-Гирея последним главным ногайским мурзой в Башкирии⁵. По другим источникам последним ногайским наместником был Баба-Тукляс. Имея в виду ставку ногайских ханов, располагавшуюся на территории Уфы, П. И. Рычков писал: «последний владетель сего города был Ногайский хан

именем Тюря-Бабату-Клюсов (Тюря-Баба-Тукляс — *Ред.*)»⁶.

Ссылаясь на повествование Кидряса Муллакаева, П. И. Рычков дает картину бедствий и лишений башкирского народа, эксплуатируемого ногайскими феодалами. Рассказывая о времени правления Акназара, он сообщал, что хан «всячески их изнурял и в бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал, и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владеть, таже и чрез реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, приуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице»⁷.

Власть ногайских феодалов поддерживалась жестоким террором и насилием. Это был тяжелый период в жизни башкирского народа. Узурпация лучших пастбищных территорий, взимание ничем не регламентированного ясака с охоты и бортничества и других налогов, междоусобица различных феодальных групп, сопровождавшаяся угоном людей и разрушением кочевий, наносили хозяйству башкир непоправимый урон.

Западная и северо-западная Башкирия под властью Казанского ханства. Во второй четверти XV в. вследствие феодального дробления Золотой Орды образовалось Казанское ханство, которое занимало значительную часть Поволжья и Приуралья. Территория ханства, как и владения Ногайской Орды и Сибирского ханства, не имели твердо очерченных границ. Восточная граница ханства проходила приблизительно по рекам Вятке и Каме, выше

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 69.

² Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отд. V. С. 336.

³ Рычков П. И. Указ. соч. С. 69.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 372—373.

⁷ Он же. История Оренбургская. С. 69.

устья р. Белой (Белой Воложки). Временами власть казанских ханов распространялась и на территорию бассейна р. Белой до впадения в нее р. Уфы. Например, в начале XVI в. в центре Башкирии хозяйничал казанский князь Кара-Килимбет, известный тем, что хан Мухаммед-Эмин посылал его с дипломатическими поручениями в Москву. Позднее ногайский хан Акназар, власть которого распространялась на центральную часть Башкирии, вторгся в пределы Казанского ханства и подчинил себе западную Башкирию¹.

Население ханства в этническом отношении было весьма пестрым. По словам князя А. М. Курбского, неоднократно посещавшего Казанский край, «кроме Татарска языка, в том царстве 5 различных языков: Мордовский, Чувашеский, Черемисский, Воитецкий, або Арский, пятый Башкирский»².

Основой экономики было сельскохозяйственное производство, прежде всего земледелие. Часть населения вела скотоводческое хозяйство. Удобное географическое положение Казанского ханства способствовало развитию торговли. С конца XV в. столица ханства г. Казань, через которую шли водные и пешие караванные пути, становится центром транзитной торговли между Русским государством и странами Востока³.

Верховным собственником земли было феодальное государство. Правители раздавали земли феодалам на условиях наследственного взимания податей с крестьян. Особую категорию феодальной земельной собственности составляли вакфные земли, принадлежавшие мусульманскому духовенству⁴. Татарские феодалы (князья, ханы, эмиры, мурзы и другие), а также феодально-патриархальная знать других народов Поволжья и Приуралья подвергали жестокой эксплуатации зависимое население ханства. Только в пользу главного хана взималось свыше 10 разнообразных поборов⁵. Ясачное население выполняло многочисленные повинности, отдавало своим господам и мусульманскому духовенству продукты земле-

делия, животноводства, бортничества, платило натуральную подать пушнина. Взиманием ясака и других налогов занимался огромный аппарат специальных сборщиков, которые под страхом судебной расправы и физических наказаний принуждали трудовые массы к выполнению полного объема повинностей.

Башкирскими племенами и родами, подчинявшимися Казанскому ханству, управляли назначаемые ханами представители титулованной знати. Этих наместников из числа татарских князей и мурз башкирские шежере называют ханами. Так, шежере кара-табынского аймака рассказывает, что «кара-табын, оставив прежние места, перекочевал к реке Чулман» (р. Кама). Башкиры расселились в бассейне р. Быстрый Танып и оказались в подчинении у казанского хана Чуртмака⁶.

Казанские ханы жаловали местных феодалов за службу ярлыками на татарское ханство. Но если башкирская кочевая знать получала некоторые привилегии от казанских правителей, то основная масса башкир подвергалась постоянному грабежу и притеснениям со стороны татарских феодалов. Башкиры платили в ханскую казну ясак пушниной и медом. Наместники и другие ставленники хана не только собирали налоги, следили за выполнением трудовых и воинских повинностей, но и сами «кормили» и обогащались за счет местного

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 69; Филоненко В. И. Башкиры; Подданство башкир России. Башкирские предания и исторические известия об этом подданстве // Вестник Оренб. учебного округа. Уфа, 1913, № 6. Отд. 3. С. 204.

² Курбский А. М. Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 31.

³ История СССР. Первая серия: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. Т. 2. С. 168—169.

⁴ Там же.

⁵ Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1925. № 1—2. С. 31—33.

⁶ Мирасов С. Башкирские шежере // Башкорт аймагы. Уфа, 1927. № 4. С. 6.

населения. Башкиры обязаны были снаряжать за свой счет отряды в ханские войска, поставлять туда лошадей.

Длительную, почти не прекращающуюся борьбу вело Казанское ханство со своим западным соседом — усиливающимся Русским государством. Иногда военные действия разворачивались на территории Башкирии. В 1468 г. московский великий князь Иван III отправил войско под начальством воевод И. Руно и И. Звенцева к берегам Камы. Поход русских полков был успешным. Татарские отряды, привыкшие внезапно нападать на чужие земли, оказались не вполне способными оборонять свою территорию. Они бежали и «хотели скрыться на Белоложской земле». Преследовавшие их русские полки также «поворотили Камюю к Белой Воложке». Продвигаясь по р. Белой, уже на земле башкир, русские войска настигли «вооруженных казанцев» и нанесли им поражение¹. Источники свидетельствуют о неоднократных столкновениях русских отрядов с татарскими в районах, прилегающих к Каме, и в последующие годы, о чем хорошо было известно камским, бельским, икским, таныпским башкирам. Они воочию убеждались в силе и могуществе русского оружия.

Северо-восточная (зауральская) Башкирия под властью Сибирского ханства. Одним из самостоятельных политических образований, возникших в первой половине XV в., после распада Золотой Орды, было Сибирское ханство. Его территория простиралась от Урала до р. Иртыш. Центром ханства сначала был г. Чимга-Тура (Тюмень), а в начале XVI в. все большее значение приобретает крупный торговый центр, расположенный у впадения р. Тобол в Иртыш, г. Кашлык или Искер, который и стал новой столицей ханства. Территория Сибирского ханства делилась на множество мелких владений — улусов.

Население состояло из сибирских татар, ногайцев, башкир, хантов, манси и других народов. Главными занятиями жителей было кочевое скотоводство, охота на пушного зверя, рыболовство. Западная Сибирь была районом актив-

ных торговых связей. Здесь вдоль Иртыша, пересекая Барабинские степи, шел старый караванный путь из Средней Азии через Урал на Каму, в Среднее Поволжье².

Основную массу населения составляли ясачные, так называемые «черные» люди. Феодалная верхушка и родовая знать фактически были хозяевами районов кочевий и охотничьих угодий.

В конце XV в., в период правления хана Ибака-Ибрагима, представителя династии Шейбанидов, Сибирское ханство становится относительно сильным и влиятельным феодальным государственным объединением. Ибак был в союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем, Казанским ханством и Ногайской ордой, установил связи с Русским государством. Но сибирским ханам не удалось объединить все более или менее самостоятельные и слабо связанные между собой владения в единое крепкое государство. Феодалные усобицы, непрерывная борьба и соперничество за сибирский престол между бухарскими Шейбанидами и местными беками рода Тайбуги были причинами политической слабости ханства, отрицательно влияли на развитие производительных сил в крае.

В состав Сибирского ханства входили башкирские земли по восточным склонам Урала, в бассейнах рек Исети, Миасса, Уя, где проживали племена, роды и аймаки айлинцев, табынцев, мякотинцев, сынрянцев, салжаутцев, катайцев, тамьянцев. Сведений об их положении в исторических источниках очень мало. К тому же в сибирских летописях и других русских письменных памятниках башкир не всегда отличали от татар и ногайцев и чаще всего всех называли «татарами».

П. И. Рычков, изучивший много разнообразных материалов по истории

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. II. Т. VI. Стб. 12.

² Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 72—136.

Башкирии, писал, что иноземные захватчики притесняли и разоряли башкир еще в период Золотой Орды, а после ее распада «в таком бедном состоянии достались они сперва Казанским и Сибирским ханам, которые их еще в большее разорение привели и несносными податями обложили»¹. Сибирский ясак был чрезвычайно обременительным, поскольку взимался не с используемых угодий, а с каждой души мужского пола. Кроме того, башкиры и другие поработанные народы ханства облагались дополнительными налогами и повинностями в пользу ханов и беков, различных владетелей, а также сборщиков налогов.

Спасаясь от гнета, некоторые башкирские аймаки вынуждены были покидать родные места и бежать на западную сторону Урала, хотя и там их ждала не лучшая доля. По свидетельствам шежере племени табын, во второй половине XV в. чимгатурские (тюменские) ханы взяли курс на полное подчинение своей власти табынцев и их биев. Одни табынские аймаки покорились, другие откочевали в центральную часть Башкирии, где поселились на землях племени мин².

Таким образом, во второй половине XV — первой половине XVI вв. башкиры находились под властью трех государственных образований. На Башкирию была распространена система феодальной эксплуатации, сложившаяся в Ногайской Орде, Казанском и Сибирском ханствах. Многочисленные повинности в пользу своих и чужеземных феодалов, бесконечные междоусобные войны пагубно отражались на экономике и культуре башкир.

§ 2. Присоединение Башкортостана к Русскому государству

Падение Казанского и Астраханского ханств. В конце XV — начале XVI вв. складывается мощное централизованное Российское государство. «Изумленная Европа,— писал К. Маркс,— в начале

правления Ивана [III] едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь московита»³.

Международное положение Русского государства в первой половине XVI в. было весьма сложным. С запада и северо-запада угрожали Ливонский орден и Швеция, не спокойно было на юге и востоке. Султанская Турция, завоевавшая огромные территории от Малой Азии до Гибралтара, начинает претендовать на господство в Восточной Европе. Свою политику турецкие феодалы оправдывали идеей «единства мусульманского юрта». Реакционная сущность этой идеи заключалась в том, что она проповедовала объединение всех народов, исповедующих мусульманскую религию, под единой политической властью турецкого султана. Свои завоевательские планы Турция строила в расчете на создание антироссийского блока из Крымского, Казанского, Астраханского ханств и Ногайской Орды.

Для раскрытия планов Турции весьма характерным является обращение турецкого султана к одному из влиятельных мурз Ногайской Орды, будущему князю Исмаилу, относящееся к пятидесятому году XVI в. «Вы, ногайцы, ведь знаете,— писал султан,— что в Крыму теперь посажен мною царь: как ему велю, он так и поступает. Из Астрахани ко мне присылали просить царя, и я собираюсь скоро послать его им; Киргиз-Кайсаки также просят у меня царя, и я намерен им послать его из Крыму. Пока я и в Казань пришлю царя, ты, Исмаил, оказал бы мне большое одолжение, если б на по-

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 58.

² Уметбаев М. Ядкар (Памятки). Казань, 1897. С. 51—53.

³ Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 6—7.

мощь Казани послал своих людей»¹. За поддержку казанских феодалов протурецкой ориентации султан обещал поставить ногайского мурзу «царем в Азове»².

Особые надежды турецкие султаны возлагали на Казанское ханство, находившееся в непосредственном соседстве с Россией. К тому же в Казани во главе ханско-феодальной верхушки стояли ставленники Турции из династии крымских ханов — Гиреев. Казанское ханство представляло серьезное препятствие на пути дальнейшего развития Русского государства, не давая ему возможности вести активную внешнюю политику на западе. Кроме того, набеги на русские земли с востока и юга, опустошение деревень и городов, массовый увод в плен населения приносили огромные ущербы и неисчислимы бедствия русскому народу. В 1571 г. в Казанском ханстве было более 100 тыс. русских пленных. Угнанных людей продавали в рабство на рынках Крыма, Средней Азии, Северной Африки, заставляли переходить в мусульманскую веру³.

Интересы обороны и дальнейшего развития Русского государства требовали принятия решительных мер против Казанского ханства и одновременно активизации борьбы за присоединение народов Поволжья к России. Военный конфликт с Казанью становится неизбежным и потому, что Казанское ханство было ключевым пунктом на жизненно важном для России волжском торговом пути со странами Средней Азии, Кавказа, Передней Азии.

К середине XVI в. правительство Ивана IV стало на путь активной дипломатической и вооруженной борьбы против Казанского ханства. Эта борьба облегчалась тем, что среди многих народностей Среднего Поволжья началось движение за освобождение из-под власти хана и присоединение к России. В конце 1546 г. чуваша, марийцы и мордва, проживавшие на «Горной стороне» (правобережье Волги), отправили в Москву посольство с просьбой о покровительстве Русского государства и защите их от казанских феодалов. «Горные люди» получили от царя «жалованную грамоту»,

временно облегчившую им платеж ясака, и приняли участие в военных действиях против Казани⁴. Движение горных марийцев и чувашей за присоединение к России нашло отклик среди жителей Арской стороны, которые восстали против крымцев, властвовавших в Казани, и потребовали, чтобы они подчинились московскому царю Ивану IV⁵.

Попытки московского правительства разрешить казанский вопрос мирным путем не дали положительных результатов. Тем не менее в процессе присоединения Казани к России наметились вполне реальные сдвиги. Основание в 1551 г. при впадении Свияги в Волгу г. Свияжска, переход населения правобережья Волги на сторону Москвы, блокада границ Казанского ханства способствовали росту числа сторонников Москвы среди казанских феодалов, вступивших в борьбу со сторонниками ориентации на Крым. Все это значительно облегчало задачу окончательной ликвидации Казанского ханства.

В июне 1552 г. во главе 150-тысячной армии со 150 пушками и инженерными приспособлениями Иван IV выступил в поход. Однако в этот момент Русскому государству предстояла решительная борьба не с одной Казанью. Нужно было бороться с целой антирусской коалицией, возглавляемой Турцией. У крымского хана Девлет-Гирея, руководимого турецким султаном, была предварительная договоренность с казанским ханом Ядигаром и ногайским главным князем Юсуфом о нападении с двух сторон на русские земли⁶. Иван IV предвидел возможность такой акции и принял необходимые меры для предотвращения нападения ногайцев и крымцев.

¹ Перетяткович Г. Указ. соч. С. 196—197.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 3-е изд. СПб., 1873. Кн. 2. Т. VI. С. 91—92.

³ История СССР. Первая серия. М., 1966. Т. 2. С. 167.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. СПб., 1904. С. 165.

⁵ Там же.

⁶ Перетяткович Г. Указ. соч. С. 204.

13 августа русские войска под предводительством Ивана IV подошли к Свияжску, 16-18 августа они переправились через Волгу и двинулись к Казани. Прежде чем приступить к военным действиям, Иван IV предложил казанцам сдаться, но хан Ядигар ответил категорическим отказом. К 25 августа Казань была окружена кольцом осады. Ожесточенная борьба за город продолжалась до начала октября. 2 октября 1552 г. Казань штурмом была взята русскими войсками. С этого момента самостоятельное существование Казанского ханства прекратилось и Иван IV к своему титулу добавил «царь Казанский». Народы Поволжья, в том числе татары, вошли в состав Русского государства.

Поражение Казанского ханства было обусловлено рядом причин. К середине XVI в. оно потеряло свое самостоятельное политическое значение и могло существовать лишь при поддержке его крымскими и турецкими феодалами. Межфеодалная усобица, постоянные войны разоряли народные массы и не давали возможности развитию производительных сил края.

Падение Казанского ханства предопределило судьбу и Астраханского ханства. В августе 1556 г. силою оружия Астрахань была присоединена к России. Россия стала господствовать на всем протяжении волжского торгового пути. Завоевание Казанского и Астраханского ханств ускорило переход Ногайской Орды в вассальную зависимость от Москвы. Свое подчинение Русскому государству ногайцы объяснили так: «чья будет Астрахань, Волга и Яик,— того будет и вся Ногайская орда»¹.

Вхождение западной Башкирии в состав Русского государства. В результате успешной внешней политики русского правительства на Востоке, падения Казанского и Астраханского ханств и признания Ногайской Ордой своей зависимости от Москвы были созданы реальные условия для присоединения Башкирии к России.

Башкиры воочию могли убедиться в могуществе Русского государства. Победа его над Казанским ханством произ-

вела на них огромное впечатление. Дата падения Казани служила как бы исходным моментом для нового летоисчисления. Например, в ряде шежере даты важнейших событий отмечаются не ссылкой на тот или иной год, а указанием на определенное количество лет, которое прошло после взятия Казани русскими.

Однако было бы неправильным сводить дело только к военной мощи России, хотя это, безусловно, оказало значительное влияние на решение башкир принять русское подданство. Часть башкир уже с XII в. общалась с русскими, поддерживала с ними торговые связи. В начале XII в. «выходцы из Новгорода заняли соседнюю с Башкирией страну, Вятскую. Реки Вятка, Кама и Белая служили новгородцам естественными путями для сношения с теми народами, которые около них жили»². В последней четверти XV в., в связи с овладением Русским государством областью Великой Перми, переходом в Зауралье и продвижением его к землям Сибирского ханства, население северной и отчасти северо-восточной Башкирии оказалось в непосредственном соседстве с теми землями и областями, которые находились в подчинении или сфере влияния Русского государства. Это вело к установлению непосредственных контактов между башкирами и русскими, в процессе которых башкиры становились свидетелями хозяйственных успехов русского населения. Башкирам, несомненно, было известно также и то, что именно русский народ был ведущей и решающей силой в борьбе поработенных народов против ордынского ига. Поэтому вполне понятно тяготение башкир, подвергавшихся жестокой эксплуатации и опустошительным набегам со стороны казанских, ногайских и сибирских феодалов, к русскому народу и стремление получить покровительство могущественного Русского государства.

¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 620.

² Филоненко В. И. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. № 7—8. Отд. III. С. 225.

Эти устремления башкирского народа совпадали с внешнеполитическими целями московского правительства. Окончательно освободиться от власти иноземных ханов башкирскому народу помогла и осторожная, дальновидная политика Ивана IV.

После взятия Казани среди московских бояр не было единства относительно методов окончательного покорения народов Казанского ханства. Бояре настаивали на том, чтобы Иван IV остался зимовать в Казани и вооруженной силой довершил покорение всего края, «до конца выгубил бы воинство басурманское». Но царь не прислушался к голосу представителей феодальной знати. Рассчитывая, что башкиры и другие народы (мордва, чуваша, марийцы, удмурты), изнуренные своими властителями и разоренные бесконечными феодальными распрями, сами придут к нему, Иван IV решил оставить Казань и вернуться в Москву. Прежде чем отправиться в столицу, царь разослал «по всем улусом черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю, не бояся ничего; а кто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним казанским царям»¹.

Народы Поволжья, привлеченные обещаниями царских грамот, увидели выход из создавшегося положения в присоединении к Русскому государству. Первыми на царский призыв откликнулись арские люди (удмурты), затем луговые марийцы. Они изъявили готовность принять русское подданство и платить ясак.

Однако процесс присоединения народов Поволжья к России затянулся на несколько лет. Зимой 1552 г. татарские феодалы, пытавшиеся восстановить прежнее ханство, поднялись на борьбу против Русского государства. Это движение, поддержанное частью марийских и чувашских феодалов, продолжалось, то угасая, то вновь разрастаясь, до весны 1557 г. О непосредственном участии башкир в восстании никаких сведений в источниках нет. Так, Никоновская и Львовская летописи довольно подробно

описывают ход военных действий на территории бывшего Казанского ханства. Но в числе непокорных народов, с которыми сражались русские полки, башкиры не упоминаются².

Район восстания ограничивался правым берегом Камы и не затрагивал территорию западных башкир. Поэтому царские войска, посланные на подавление движения, доходили до пределов Башкирии, но не вторгались на землю башкирских племен. Князь А. М. Курбский, принимавший непосредственное участие в военных действиях, отмечал: «...а предние полки наши гоняху за ними [мятежниками] аж за Уржум и Мешь реку, за лесе великие, а отгуду аж до Башкирска языка». Из сообщения Курбского следует, что «предние полки» дошли «до башкирского языка», но не вступили на территорию башкир, а напротив, вернулись обратно в Казань и «оттуду начала усмирятися и покорятися Казанская земля цареви нашему»³.

Русские войска действовали на территории Казанского края, не переходя башкирской границы. Вместо войск к башкирам, по словам шежере, «были направлены послы с грамотами, [которые] известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи»⁴. О мирных дипломатических акциях в отношении Башкирии писал и Н. М. Карамзин: «Иоанн в сию несчастную землю, наполненную пеплом и могилами, послал стряпчего, Семена Ярцова, с объявлением, что ужасы ратные миновались, и что народы ее могут благоденствовать в тишине, как верные подданные белого царя»⁵. Политика правительства Ивана IV по отношению к башкирам оказалась верной. Положение их было таково, что принятие поддан-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. С. 221.

² Там же. С. 229—230, 238—239, 262—266 и др.; Там же. Т. XX. Ч. 2. С. 540—547, 552—554.

³ Курбский А. М. Царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Указ. соч. С. 40.

⁴ Башкирские шежере. С. 33, 117.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 8. С. 135.

ства Русского государства стало неизбежным. После взятия русскими войсками Казани в различных частях Башкирии обострилась борьба с ногайскими и татарскими мурзами, которых поддерживала часть башкирских феодалов. В основе этой борьбы лежало стремление башкирского народа освободиться от многовекового гнета чужеземных ханов.

Шежере сохранили много известий о решении башкир различных племен по получении грамот Ивана IV ехать к «белому царю» с просьбой о подданстве. На башкир не могли не произвести глубокого впечатления царские грамоты, щедро обещавшие мир и спокойствие, сохранение старых обычаев и местной религии, устранение ханского произвола и установление небольшого ясака. Но в условиях политической раздробленности Башкирии присоединение к Русскому государству не могло произойти единым актом. Процесс этот растянулся на несколько лет. Главную роль в решении исторической судьбы своего народа сыграли башкирские племена и племенные объединения, которые после падения Казанского ханства и в ходе борьбы против татарских и ногайских феодалов выступили самостоятельно, с позиций племенного суверенитета¹.

Первыми приняли подданство Русского государства западные башкирские племена, входившие ранее в Казанское ханство. Документов, по которым можно было бы точно датировать присоединение западных башкир, не сохранилось. Это событие произошло, видимо, некоторое время спустя после взятия Казани, так как московское правительство, занятое подавлением движения в Казанском крае, не могло до 1554 г. активно осуществлять свою политику в Башкирии. Можно предположить, что западные башкирские племена вошли в состав России примерно в течение 1554 — начала 1555 гг.

Оформление принятия русского подданства башкирами происходило в Казани. Русское правительство представлял казанский наместник царя, а от башкир приезжали посольства во главе с биями. Согласно преданию, сохранившемуся до

наших дней в Янаульском районе Башкортостана, «от башкир племени Гайни в Казань, к наместнику русского царя ездил послом Айзуак-бий — один из родоплеменных вождей гайнинцев»². Предание утверждает, что из Казани Айзуак привез грамоту о принятии башкир-гайнинцев в подданство русского царя.

Для оформления русского подданства в Казань ездили также представители башкирских племен уран, буляр, байлар, ирыхты, кара-табын, танып. Впоследствии потомки этих башкир в документе, составленном в 1709 г., писали: «И как де был в Казани Шигалей царь и в Тобольском Кучюм царь, и у них под раментом служили и ясаки платили из давних лет деды и отцы их, и те деды и отцы их владели в Уфинском уезде вотчинами». А после покорения Казанского ханства, отмечалось далее в челобитной, русскому царю «деды и отцы их поклонились без спору и без войны и, приехав из своей воли, покорились»³.

О добровольном присоединении к России и получении башкирами жалованных грамот говорится и в хронике Кидраса Муллакаева, опубликованной П. И. Рычковым: «...не только те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще малолюдны и в крайнем убожестве жили, а именно — за Камюю рекою и около Белой Волошки (которая ныне Белою рекою названа), им, башкирцам подтверждены, но сверх того и другими многими, на которых они ныне жительствуют, пожалованы, как это свидетельствуют и жалованные грамоты, которые у многих поныне имеются»⁴. В источниках часто встречается указание на то, что «добропорядочное обращение» русских властей с народами Поволжья и за-

¹ Кузеев Р. Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 10—11.

² Кузеев Р., Юлдашбаев Б. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957. С. 51.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 259.

⁴ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 3—4.

падными башкирами и льготы в ясаке побудили башкир других племен послать своих представителей к царю Ивану Васильевичу с челобитием о принятии в подданство. В них особо подчеркивалось упорядочение и облегчение налогового обложения для новых подданных России.

Присоединение племен центральной и южной Башкирии. Вслед за западными башкирами подданство Русского государства приняли племена центральной и южной Башкирии. Но если западные башкирские племена с падением Казани получили возможность свободного выбора нового сюзерена и через некоторое время получили подданство Русского государства, то башкиры, которые находились под властью ногайских мурз и князей, не сразу освободились от их господства. Положение осложнялось тем, что башкирские племена подчинялись разным, нередко враждующим между собой ногайским феодалам, вовлекались в их междоусобную борьбу. Это затрудняло объединение башкирских племен для борьбы со своими поработителями.

В середине XVI в. Ногайская Орда переживала процесс распада, от главной орды отходили подчиненные ей улусы. Среди ногайских мурз появились сторонники как Русского государства, так и Крымского ханства. Русское правительство не раз посылало послов к ногайцам, пытаясь склонить их на сторону Москвы. В результате длительной дипломатической борьбы князь Исмаил, возглавлявший Большую Орду, в 1557 г. признал себя вассалом Русского государства. В этом сказались не только гибкость и настойчивость московских дипломатов, но и растущая сила русского оружия. Другая часть ногайцев, мурзы которых были тесно связаны с Крымом, перешла через Волгу и образовала в Прикубанье особую орду, впоследствии получившую название Малой ногайской орды.

Орда быстро теряла свое могущество. Положение Большой Орды усугублялось еще и тем, что в 1554 г. стихийные бедствия привели к сильному голоду в Поволжье и Приуралье, результаты кото-

рого были катастрофичны. Засуха, чума, голод, свирепствовавшие в течение ряда лет, привели к гибели десятков тысяч людей. «Такого мора никогда не видели в этих странах», — записал английский путешественник Дженкинсон¹.

В напряженной обстановке борьбы с ногайцами, упорно цеплявшимися за сохранение своей власти над башкирами, в 1555 г. в состав Русского государства вошли башкиры племен мин. Они занимали обширную территорию по долине реки Демы. Северные границы их земель доходили до среднего течения реки Белой с охватом ее правой (горной) стороны и низовьев реки Уфы. К югу территория минцев простиралась почти до верховьев рек Демы и Уршака, а на западе — до истоков рек Кармасан, Чермасан, Усень и Ик.

За несколько лет до падения Казани минцы подчинялись ногайскому хану Тюря-Баба-Туклясу, ставка которого располагалась на территории современной Уфы, а также ногайским мурзам Аксак-Килембету и Кара-Килембету. В связи с успешным продвижением русских на Восток и казанскими событиями хан и его мурзы бежали на Кубань. Они пытались силой увести с собой подвластных им башкир, однако натолкнулись на упорное сопротивление.

Борьбу минских башкир против ногайских властителей возглавил башкирский бий Канзафар. Источники характеризуют его как смелого и волевого предводителя. В одном из шежере говорится, что Канзафар, «хотя был весьма молод, но сказал, что не надобно оставлять свою землю»². «Мы если уйдем отсюда, — зывал он к соплеменникам, — не сможем жить; где мы найдем землю, как эта [?]»³. Минцы единодушно ответили своему предводителю: «О, Канзафар-бий, если умрем, [то] здесь, если будем жить [тоже] здесь, [иначе] и бедные, и

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 169.

² Юматов В. Древние предания башкирцев Чубиминской волости // Оренбургские губернские ведомости, 1848. № 7, часть неофициальная.

³ Башкирские шежере. С. 52.

богатые не сможем прожить. Живы будем [или] погибнем, доверимся богу»¹.

Ногайским мурзам не удалось увести с собой всех минцев. С ними ушла лишь незначительная часть башкир. В шежере сообщается: «С Канзафари-бием остались три человека. Один Чублюк — родственник Канзафари; [еще] Урман, Туман. Караман с Урманом были родными братьями. Этот Караман ушел с Килметом. Сын Карамана Тенэй остался здесь». В числе оставшихся упоминается также имя Акмана, «происходившего из мурз». «И эти пять человек, каждый [из них] был знатного рода», то есть были родовыми старейшинами у башкир². Подобные сведения приводятся и в других источниках. Ногайские мурзы, озлобленные отказом башкир следовать за ними, перед своим уходом грабили их, угоняли скот, отбирали жен и детей. «Ногайцы разорили вконец оставшихся башкир»³.

Следует заметить, что не все ногайцы одновременно ушли из Башкирии, часть их еще несколько лет оставалась на старых местах. После откочевки ногайских мурз Килембетов в Башкирии появился некий султан Букей, который хотел утвердить свою власть над башкирами-минцами. Но к этому времени минцы вступили в более тесное общение со своими соседями — западными башкирами и русскими. Поэтому с новым «султаном» справились быстро: Букей поймали и передали русским властям⁴.

Таким образом, в результате успешной борьбы минцев с ногайскими мурзами создалась благоприятная обстановка для обращения к Ивану IV с просьбой о подданстве. Минские башкиры, «слыша о взятии русскими Казани и о справедливых поступках с покорившимися», направили посольство к русскому царю⁵. В связи с этим утверждением шежере следует уточнить два момента в процессе оформления русского подданства башкирских племен. Во всех башкирских шежере говорится, что представители племен ездили в Москву к царю Ивану IV. В действительности, башкирских послов принимали в Казани наместники царя, которые и вели переговоры о добровольном присоединении башкир к Рос-

сии. Решения наместника воспринимались башкирами как решения самого царя. Этим и объясняются утверждения шежере о поездке башкирских посольств к Ивану Грозному. Позднее, при уточнении взаимоотношений с русским правительством, для получения от царя жалованных грамот на землю башкиры ездили в Москву.

Поездка посольства минских башкир в Казань состоялась в 961 г. гиджры, что соответствует 1554—1555 гг. В шежере «Урдас-бий с тысячью воинами» записано: «...Казань была взята царем Иваном. После чего [башкиры] подчинились царю. Это было в девятьсот шестьдесят первом году». Послы отправились в Казань «за отсутствием удобных путей сообщения на лыжах». Русским правительством башкирские послы были приняты «очень милостиво». В числе послов минских башкир были бий Канзафар, Чублюк, Урман и Туман⁶. Царь, по утверждению шежере, узнав от послов «чем изобильна земля их, обложил башкирцев легким ясаком, — кого лисицей, кого куницей, а кого медом и пожаловал землями»⁷. Кроме платежа ясака в царскую казну, башкиры должны были за свой счет нести военную службу.

Вслед за минцами русское подданство приняли их восточные соседи — башкиры племени юрматы. Они занимали значительную территорию в центре Башкирии — в бассейне среднего течения реки Белой и ее притоков — Куганак, Ашкадар, Стерли, Зилима, Селеука, Тибрюка, Тора — до Нугуша. Юрматынское племя состояло из четырех родов, объединенных под предводительством племенного вождя. Переселявшиеся на Кубань ногайцы принуждали

¹ Башкирские шежере. С. 52.

² Там же.

³ Юматов В. Указ. соч. С. 46.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 62.

⁵ Там же.

⁶ НА УНЦ РАН. Рукописный фонд. А—213. Л. 66—67.

⁷ Юматов В. Указ. соч. С. 46.

юрматынцев следовать за ними, говорили им о суровости зимы в Башкирии, запугивали башкир русскими. По «сравнению [даже] с холодом [опаснее] продвижение с севера неверных русских», — говорили ногайские мурзы¹. Но предводитель юрматынцев бий Бурнак призывал башкир не покидать родной земли. Все юрматынцы поддержали его, а ногайцы во главе с мурзой Ядкарсом ушли на Кубань. Однако юрматынцы освободились большой ценой: их хозяйство было вконец разорено ногайцами. Шежере характеризуют сложившееся положение кратко, но весьма выразительно: «Юрматынцы остались пешими»².

Юрматынцы, долго терпевшие гнет ногайских мурз, по свидетельствам шежере, откликнулись на призыв Ивана IV и без колебания решили принять подданство Русского государства. «После того, как Татигас стал бием, — говорится в шежере «О подданстве белому царю», — в год мыши, второго гакаряба* русские взяли город Казань. После этого царем стал белый бий. Белый бий в разные стороны разослал послов с письмами: пусть никто не убегает, не скрывается, каждый свою религию соблюдает»³. С просьбой присоединить их земли к России в Казань к наместнику царя ездило посольство юрматынцев во главе с бием Татигасом. «После того, как послы ездили и известили [о грамоте царя] в 961 году, я, Татигас, взяв с собой представителей трех родов с Азнаем, Ильчектимером, Карамышем, вместе ходили в Казань, где преклонили голову белому царю»⁴. Посольство было принято со всеми почестями: «Татигасу белый царь пожаловал чин мурзы, Азная, Ильчектимера, Кармыша сделал старшинами». Удовлетворена была важная просьба юрматынских послов о закреплении за ними «земли бежавшего ногайского улуса... по Уркушу, Нугушу, Тубангасу, Кугушу, с притоками с обеих сторон реки Белой, с полями, горами». Земли эти перешли к юрматынцам «с условием платежа ясака из ста куниц»⁵.

Вернувшись домой, послы объявили всем о результатах своей поездки в Казань. Когда бий Татигас спросил у соб-

равшегося на йыйын народа: принимаются ли эти условия и согласен ли народ быть в подданстве русского царя, «все люди ответили: мы согласны всей душой и принимаем»⁶. Это сообщение шежере является важным свидетельством того, что вхождение юрматынцев в состав России было результатом всеобщего волеизъявления башкир этого племени. С присоединением к Русскому государству миңцы и юрматынцы значительно продвинулись на юг, заняв территорию бежавших ногайцев.

Следующим крупным этапом было вхождение в состав России одновременно группы юго-восточных племен: бурзян, кыпсак, тамьян и усерган. Их племенной союз занимал обширную территорию на Южном Урале, восточная и южная границы которой шли примерно от современного Верхнеуральска по течению реки Урал до ее поворота на юг, западнее Оренбурга. Северные границы тянулись по верхнему течению реки Белой до ее поворота на север. Долина реки Нугуш от верховьев до устья также входила в состав земель этих племен.

Накануне принятия русского подданства племена бурзян, кыпсак, тамьян и усерган были подчинены жестоким правителям — ногайскому мурзе Бусаю (в некоторых источниках — Бурсай) и бию Ақтулушу. Ослабление Ногайской Орды, доброжелательное отношение русского правительства к башкирам, вхождение северо-западных племен в состав Русского государства позволили башкирам юго-восточных племен открыто подняться против своих угнетателей.

В результате выступления четырех башкирских племен власть ногайских мурз была сломлена. «Когда невыносимы стали несчастья и угнетение, отсутствие

¹ Башкирские шежере. С. 32.

² *Мирасов С.* Указ. соч. С. 4.

* Год мыши в данном случае соответствует 1552 г. Фарсидское название месяца гакаряб соответствует октябрю.

³ *Мирасов С.* Указ. соч. С. 4.

⁴ Там же. С. 4—5.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же.

справедливости и многочисленные поборы, которые одни башкиры испытывали от Бурсай-хана, другие — от этого ногайского мурзы или его бия Актулуша, — сообщается в шежере, — мы схватили Бурсай-хана и его бия Актулуша и доставили их хану России Ивану Васильевичу¹. В другом источнике о тех же событиях сказано: «Бусай-хан и Актулуш-мурза впоследствии были пойманы башкирами и представлены в руки русской власти в г. Казань, где и сложили на плахе свои головы»².

В обстановке острой борьбы с ногайскими властителями башкиры четырех племен выбрали представителей и послали в Казань с челобитьем о принятии в русское подданство. Об этом сохранилось много известий в шежере, грамотах и челобитных. Большинство шежере свидетельствует, что поездка состоялась спустя три года после падения Казанского ханства. «Терпя притеснения от своего хана Бусая и его бия Ак-Тулуша, — сообщает одно из них, — выбрали из своей среды четырех биев и послали к нему [русскому царю] просить принять их в свое подданство на следующих условиях: платить ясак из меда, куницы, бобра, выдры и жить на своей земле, как жили прежде»³. В другом шежере юго-восточных башкир говорится, что великий «царь Иван Васильевич Грозный, начиная с 1547 года, приходил вместе с русским войском брать город Казань. После многих сражений при татарском хане Ядкаре 2 октября 1552 года Иван Грозный окончательно взял [город] в свои руки. После этого башкиры четырех племен... к востоку от Казани... послали к этому царю Ивану одинаково знатных людей. Он сам желал их прибытия... От племени усерган [был] князь Бикбау, ...от племени бурзян — князь Искеби, ...от племени кыпсак — князь Мушавали Каракузьяк, ...от племени тамьян — князь Шагали Шакман... Башкир ... приняли в русское подданство с [условием] верной службы [царю]»⁴.

Это было не позднее конца 1555 — начала 1556 г. Ближайшим следствием присоединения юго-восточных башкирских племен к Русскому государству

явилось получение ими от царя Ивана I жалованных грамот на владение землями. Предводители всех четырех племен, входившие в состав посольства, «по указу великого государя и по принятии в подданство жалованы тарханами»⁵.

В 1556 г. в Казань направили посольства и другие племена и родовые группы, населявшие центральную и восточную Башкирию. К их числу, в частности, относились табынцы. Родовые группы — аймаки и тыбы — этого крупнейшего башкирского племени расселялись по разным местностям Башкирии. По сведениям шежере Кси-Табынского рода, накануне и в период вхождения в состав России прибельских табынцев возглавлял бий Курпяс, который в 1556 г. от имени своих соплеменников ездил в Казань к наместнику царя Ивана Васильевича, чтобы «приклонить голову», то есть принять подданство России⁶.

В конце 1556 или начале 1557 гг. поданными России стали башкиры другого крупного племени — кудейцы, территория которых охватывала северо-восточную горно-лесную часть Башкирии⁷. По их преданиям, послы кудейцев добирались в Казань к Ивану Грозному «частью на лошадях, а частью (например, из Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда зимою) на лыжах, прямою лесною дорогою, с запасом припасов за спинами». Послы были встречены русскими боярами радушно. Их произвели в мурзы и бии и щедро наградили⁸.

В течение 1556 г. и начала 1557 г. в составе русского государства оказалась

¹ Кузеев Р., Юлдашбаев Б. Указ. соч. С. 59.

² Бикбов. Башкурды // Оренбургская газета. 1889. № 773.

³ Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898. Вып. 4. С. 48.

⁴ Башкирские шежере. С. 73.

⁵ Там же. С. 73. РГАДА. Ф. 1324. Д. 18. Л. 5 об.

⁶ Уметбаев М. Ядкар. Казань, 1897. С. 51—54.

⁷ Урманов А. Н. Указ. соч. С. 153—154.

⁸ Ремезов Н. В. Землевладение в Уфимской губернии // Записки имп. русского географического общества. По отделению статистики. СПб., 1889. Т. 6. С. 103—104.

почти вся территория Башкирии, кроме северо-восточной зауральской части. Следует отметить, что попытки установить точные даты принятия русского подданства каждым племенем в отдельности не всегда приводят к успеху, поскольку прямых источников, исходивших из правительственных учреждений, не сохранилось, а башкирские шежере, включавшие сведения о самом факте вхождения различных племён в состав Русского государства, мало внимания уделяют хронологии событий. И все же шежере в целом позволяют установить не только сам факт добровольного вхождения башкир в состав России, но и примерные даты совершения этого исторического акта. Весной 1557 г. процесс вхождения башкир в состав Русского государства в основном завершился, что подтверждается как сведениями башкирских шежере, так и сообщениями русских летописей. В Никоновской летописи под 1557 г. передается сообщение казанского воеводы П. И. Шуйского в Москву, в котором говорится, что в мае этого года «башкиры пришли, добив челом, и ясак заплатили»¹. Выражение летописи «добив челом» означает окончательное признание башкирами власти Русского государства. Это признание было подкреплено платежом ясака, что уже являлось вполне реальным знаком подданства. В дальнейшем башкиры в Москве получили от Ивана IV жалованные грамоты, закреплявшие вотчинное владение теми землями, которые они занимали.

Обстановка, обусловившая историческую закономерность добровольного присоединения башкирских племен к России, настолько назрела, что вхождение всей европейской части Башкирии в состав Русского государства произошло в исторически короткий срок², начиная с момента падения Казанского ханства и до середины 1557 года.

Принятие русского подданства северо-восточными (зауральскими) башкирами. Вхождение северо-восточных башкирских племен в состав России непосредственно связано с присоединением к Русскому государству Западной Сиби-

ри. В середине XVI в. присоединение огромных зауральских пространств становится одной из важнейших задач внешней политики России. Интерес к Сибири обуславливался как возросшими экономическими потребностями государства, так и интересами безопасности его восточных границ. После падения Казани Россия оказалась в непосредственном соседстве с Сибирским ханством, куда входили зауральские башкиры. В 1555 г. хан Едигар (из рода Тайбуги) признал себя вассалом русского государя, но сменивший его представитель династии Шейбанидов хан Кучум разорвал даннические отношения после жестокого удара, нанесенного Москве в 1581 г. крымским ханом Давлет-Гиреем. На восточных рубежах страны сложилась напряженная обстановка.

Под постоянной угрозой вторжения со стороны Сибирского ханства была и основная часть Башкирии, вошедшая в состав России. Не случайно правительство мотивировало необходимость защиты башкир от хана Кучума. На вопрос послов князя Ногайской Орды Уруса: «Для чего русский царь на Самаре и Белой города ставит?», — представители московской власти ответили: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставить, что беглой из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанской уезд в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцов, почел был имати»³. Кучум и его вассалы организовывали набеги на русские поселения, грабили торговых людей и сборщиков ясака. По сообщениям летописей, в составе отрядов Кучума, совершивших крупные походы в Прикамье и на Западный Урал в 1572 и 1581 гг., были и башкиры, которые еще не приняли русского

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. С. 282.

² Кузеев Р. Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края. С. 11.

³ Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1872. Т. X. С. 19—20.

подданства. Возможно, они участвовали в набегах сибирского хана по его принуждению¹.

Политика Кучума и возросшие экономические потребности Русского государства убедили Москву в необходимости активной борьбы против Сибирского ханства. Первый серьезный удар по Сибирскому ханству был нанесен казачьим атаманом Ермаком, отряд которого после многочисленных боев с войсками Кучума 26 октября 1582 г. занял столицу Кучума Кашлык (Искер). Часть населения Сибирского ханства начала переходить на сторону Ермака. Положение Кучума стало критическим, он оставил свою столицу и скрылся в степях. Однако сибирский хан мог еще собраться с силами и в любой момент напасть на ослабевший в ходе сражений немногочисленный отряд казаков. Ермак обратился в Москву к Ивану IV за помощью. Но несмотря на воинское подкрепление, Ермаку не удалось закрепить победу. В августе 1585 г. он попал в засаду и погиб, а остатки его дружины покинули Сибирь. К осени 1585 г. власть в ханстве вновь перешла Кучуму.

В конце XVI в. русское правительство приступило к более прочному освоению Сибири, создавая там укрепленные опорные пункты — города-остроги с военными гарнизонами и содействуя переселению в Сибирь крестьян из центральных областей страны. В 1586—1587 гг. в самом центре Сибирского ханства были построены город Тюмень и острожек Тобольск, а в 1598 г. на р. Туре в Западной Сибири возникла крепость Верхотурье, которая стала официальными «воротами в Сибирь».

По свидетельству сибирских летописей уже в 1582 г. население Сибири стало принимать русское подданство². В лице русских служилых людей и казаков народы Сибири видели защитников от грабежа и эксплуатации со стороны татарских феодалов и соседних феодальных государств.

Сведений о времени и процессе вхождения зауральских башкир в состав Русского государства в сохранившихся источниках крайне мало. Летописные сооб-

щения о принятии русского подданства сибирскими народностями содержат лишь косвенные данные о башкирах. Они дают основание предположить, что башкиры, живущие в верховьях рек Миасса, Исети, Ая и Уфы (башкирские племена катая, кувакан, кудей и некоторые другие) начали принимать русское подданство с осени 1585 г. Этому способствовала близость их кочевий к территории башкирских племен, находившихся под властью Русского государства, а также то, что местопребывание сибирских владетелей было в стороне от башкирских земель, и они не могли держать башкир под постоянным контролем. Наконец, обоснованность высказанного предположения подтверждается и тем, что в 90-е годы башкиры племен катая, айлы и других подвергались нападениям со стороны отрядов Кучумовичей, которые называли этих башкир «изменниками»³.

В распространении и утверждении своей власти среди народностей Сибири русское правительство добилось весьма серьезных успехов в 1586 г. Строгановская летопись так повествует об этих событиях: «По умирении бесурманского их языка и по укромлении нечистивого царя Кучума и думчаго его Карачи, и по покорении... многих бесурманских язык [ов], прилежащих в тех странах, тех всех по их вере воеводы Иван Мансуров да Данило Чюлков к шерти их привели и аманатов у них взяли в том, что им впредь на него государя царя и на ево государевы Сибирския и Пермския города войною не ходить ни самим, ни детей, ни внучат своих не посылать и никакими деле войны не всчинать и во всем ему государю царю править, и радеть и ясак давати без перемены по вся годы, каков им государев ясак в мочь будет, и тот ясак посылати к Москве в Новгородскую четверть своими людьми»⁴.

¹ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 161—164.

² Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 45, 285—286, 332—333.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л. 1941. Кн. II. Приложения. №№ 76, 94, 120.

⁴ Сибирские летописи. С. 91—92.

Строгановская летопись (Спасский список) называет реки, по которым жили народности, принявшие русское подданство в 1586 г.: «...по Каме и по Чюсовой, и по Усве и по Сылве. и по Яйве и по Обве, и по Инве, и по Косве и по иным рекам»¹. В районе этих рек жили также и башкиры, которые, как известно по сохранившимся источникам, участвовали в набегах хана Кучума в 1572 и 1581 гг. на русские поселения в Пермском крае. Значит вместе с другими народностями указанного края и башкиры в 1586 г. вошли в состав Русского государства. В том же году приняли русское подданство и остальные башкиры, ранее находившиеся под властью Сибирского ханства. Исключение составляли лишь отдельные группы башкир табынцев, сынрянцев и мякотинцев, которые оставались приверженцами Кучума и его сыновей².

Северо-восточные башкиры, как и другие народности Сибири, сразу стали платить поголовную натуральную подать — ясак в казну русского правительства. Местом сбора ясака были Уфа и Верхотурье. Впоследствии ясак возили в Тобольск или Чердынь. Под 1586 г. в Сибирской летописи указано, что «повелением государевым государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси, и с тех бусурмен ясашные зборы начаша збираться по городам от воевод, где те языцы живяху в разных местех, в Чердынь и на Уфу и на Верхотурье и по иным городам сибирским, где те языцы окрест живуще близ городов»³.

Таким образом, в середине 80-х годов русское правительство добилось серьезных успехов в распространении своей власти среди народностей Западной Сибири. Но завершению процесса присоединения их к России продолжал препятствовать хан Кучум, который кочевал в южной части своего бывшего ханства. Он совершал опустошительные набеги на селения русских и других народов Сибири, появляясь иногда в окрестностях Гобольска.

Для борьбы с Кучумом и окончательного его разгрома важное значение имело продвижение русских от Тобольска

вверх по Иртышу. Правительством было принято решение «города ставить вверх Иртыша, на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльняе, чтоб пашню завести, и Кучума царя истеснить»⁴. Следует заметить, что в экспедиции под предводительством А. Елецкого, перед которой стояла задача осуществить указанное решение, вместе с русскими ратными людьми участвовали и уфимские башкиры. В царском наказе Елецкому имеются такие сведения о комплектовании экспедиционного отряда: «Да из Казани и с Уфы послано полем в Тобольский город... татар Казанских и Свяжских 100 человек, башкирцев 300 человек, да к ним 4 человека детей боярских, по сту по человеку»⁵. Город Тара, основанный в 1594 г., служил форпостом в борьбе с Кучумом и надолго оставался самым южным укреплением по Иртышу. Отсюда тарские воеводы в 1595, 1596 и 1598 гг. устраивали походы в глубь степи.

4 апреля 1598 г. тарский воевода А. Воейков выступил с отрядом к берегам Оби, где со своими приближенными и отрядом в 500 чел. находился хан Кучум. 20 августа Воейков напал на ханский стан. Бой продолжался с «солнечного восхода» до полудня⁶. Кучум потерпел полное поражение, после чего ушел в Среднюю Азию.

Таким образом, борьба Русского государства за присоединение Западной Сибири привела к окончательному падению Сибирского ханства. Разноплеменное население Западной Сибири вошло в состав России. Но полная безопасность границ страны еще не была достигнута. Сыновья, внуки и правнуки последнего сибирского хана на протяжении всего XVII века, даже в первой половине

¹ Сибирские летописи. С. 45.

² Миллер Г.-Ф. Указ. соч. Кн. II. Приложение. № 23. С. 165—168.

³ Сибирские летописи. С. 45.

⁴ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. М.; Л. 1937. Кн. I. Приложения, № 13. С. 354.

⁵ Там же. С. 359.

⁶ Там же. С. 502; Акты исторические. Т. II. СПб., 1841. Док. № 1, 2, 4, 7, 10—23.

XVIII в., не расставались с мечтой о возрождении ханства.

После смерти Кучума его старший сын Алей провозгласил себя ханом. В немногочисленных улусах кучумовичей Алей «меж себя называют царем»¹. Сами по себе кучумовичи не были опасны, ибо не располагали сколько-нибудь значительными силами. Гораздо опаснее было то, что кучумовичи превратились в своеобразный центр антирусских сил на юге Сибири. В своей борьбе с подданными России они находили союзников среди ногайцев, а также калмыков, прикочевавших в Сибирь в начале XVII в.². Алею удалось удержать при себе и группу башкир-табынцев, сырянцев и мякотинцев³. Кочевья кучумовичей находились преимущественно в верховьях Ишима, Иртыша и Тобола, но иногда доходили до Яика⁴. Кучумовичи подстрекали местное население против русских, используя его недовольство гнетом и злоупотреблениями сибирской администрации, совершали набеги на пограничные районы России, мстили тем сибирским народам, которые стали подданными Русского государства.

Попытки воевод Тобольска, Тюмени и Уфы с помощью дипломатических переговоров склонить кучумовичей к принятию русского подданства не увенчались успехом. Поэтому сибирские воеводы вынуждены были прибегнуть к военным действиям. В августе 1608 г. в сражении с русским отрядом, посланным из Тюмени, царевич Алей потерпел поражение и попал в плен⁵. С того времени в стане кучумовичей башкир не осталось. Мякотинцы, по-видимому, ушли от кучумовичей еще до разгрома Алея и оказались в числе башкир, принявших русское подданство. Отошли от кучумовичей и сырянцы. Правда, они не сразу признали над собой власть русского государя и некоторое время платили ясак ногайским мурзам. Но в 20-х гг. XVII в. источники называют их среди жителей Верхотурского уезда, плативших подати в царскую казну. На этом завершилось вхождение зауральских башкир в состав Русского государства.

§ 3. Значение присоединения Башкортостана к России

Характер и условия принятия башкирами подданства Русского государства. Башкиры приняли русское подданство по своему волеизъявлению, добровольно. Это диктовалось сложившейся в тот период исторической обстановкой, когда башкирский народ вел борьбу против своих властителей — татарских ханов и ногайских мурз. Западные башкиры не поддержали Казанское ханство во время решительного наступления на него русских войск, ибо в лице хана они видели поработителя и угнетателя. По той же причине основная масса южных и юго-восточных башкир воспротивилась требованиям ногайских феодалов уйти с ними за пределы родного края и поднялась на борьбу за освобождение от их господства. Башкирский народ надеялся на помощь со стороны Русского государства и стремился к объединению с сильным и дружественным соседом.

О добровольном характере присоединения Башкирии к Русскому государству свидетельствуют не только шежере. События и факты, связанные с этим знаменательным событием, нашли отражение во многих исторических источниках более позднего происхождения.

Добровольность подданства башкиры всегда подчеркивали в прошениях на имя царей и к местной администрации. Так, во время восстания 1735—1740 гг. башкиры Сибирской дороги Юсуп Арыков и другие, жалуясь на притеснения и злоупотребления властей, писали: «...мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды великому государю в подданство пришли своими волями, оставя своих ханов, и великие государи нас содержали по нашей воле, а не под саблею, и даны

¹ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. Кн. II. Приложение. № 23. С. 167.

² Там же. № 23. С. 29; № 25. С. 169.

³ Там же. Приложения. № 23. С. 167.

⁴ Там же. № 54. С. 26.

⁵ Там же. Приложения № 131. С. 243.

нам земли, за которые положены на нас ясаки...»¹.

В наказах башкир в Уложенную комиссию 1767 г. также обращалось внимание царской администрации на добровольный характер вхождения Башкирии в состав России². И позже, выступая против расхищения вотчинных земель, башкиры ссылались на добровольное подданство России. Даже в начале XX в. с трибуны I Государственной Думы депутат от башкир Ш. Ш. Сыртланов особо выделил, что башкиры «не завоеванный народ»³.

В процессе добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству активное участие приняли местные бии. Это особенно отчетливо видно на примере принятия подданства минцами, юрматынцами и объединенной группой племен юго-восточной Башкирии. Среди глав посольств, направленных на переговоры с царем и его администрацией, были такие влиятельные бии, как Канзафар, Татигас, Азнай, Кармыш (Кармыш), Бикбау, Мушавали Каракузяк, Искеби, Шагали Шакман, Курпяс.

Условия, на которых московский царь принимал под свою власть башкир, вполне устраивали большинство башкирских феодалов, так как они сразу получали определенные экономические выгоды. Например, жалованные грамоты царя на вотчинное владение землей давали им возможность по своему усмотрению распоряжаться земельными угодьями, а тарханские грамоты освобождали их от платежа ясака. Значительная часть башкирских феодалов быстро нашла общий язык с царскими властями в выработке единой политики по отношению к трудовым массам башкир. Поэтому, говоря о присоединении Башкирии к России, следует подчеркнуть его социальную сущность, заключающуюся в том, что башкирские феодалы, решившись на такой смелый шаг, как добровольное признание над собой власти русского царя, преследовали также свои классовые интересы.

Не все башкирские феодалы выступали за принятие русского подданства, были и противники. Одни из них оста-

вили Башкирию и откочевали вместе с ногайскими мурзами на Кубань или за Яик, а другие, оставаясь на родине, вынуждены были мириться с совершившимся актом. Однако число таких феодалов было сравнительно невелико, и они не смогли повести за собой народные массы.

Несмотря на то, что инициатива принятия русского подданства нередко исходила от феодалов, присоединение Башкирии к Русскому государству отвечало интересам всего башкирского народа. Многие шежере сообщают, что вопрос о принятии подданства Русского государства решался на народных собраниях башкирских племен.

Добровольному характеру присоединения Башкирии к Русскому государству соответствовали и те условия, на которые согласились обе стороны при оформлении подданства. Включая башкир в число своих подданных, Русское государство брало на себя защиту их от разорительных набегов и грабежей со стороны соседних племен и народов, от попыток кочевых ханов подчинить башкир своему господству, а также гарантировало земельные права башкир, признав за их общинами вотчинное право на занимаемые ими земли. Башкиры обязывались платить ясак, нести военную службу за свой счет. Московское правительство обещало не вмешиваться во внутреннее управление башкир, не притеснять мусульманскую религию, соблюдать обычаи и обряды местного населения.

Условия принятия башкирами русского подданства нашли отражение в башкирских шежере и других источниках. «Все мы, — говорится в шежере племен усерган, тамьян, кыпсак и бурзян, —

¹ Асфандияров А. З. Башкирские источники XVI—XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб, 1906. Т. 2. С. 291.

уплатили... наш ясак в городе Казани, и царь Иван Васильевич обещал другими повинностями... не причинять башкирскому народу страданий. Составили указную ... грамоту, [в которой] особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию, и чтобы мы ... стали нести искреннюю службу»¹. В «Материалах по истории башкирского народа», составленных на основе шежере и русских источников, Бикбов писал: «Иоанн Грозный принял башкир под свою высокую руку, милостиво обещал им охранить их и землю их от притеснений и захватов соседних народов и дать полную свободу исповедания башкирами религии ислама. Представители же башкирского народа торжественно поклялись по обряду своей веры перед царем как за себя, так и за народ и других потомков, обещая служить царю и русскому престолу верой и правдой, подчиняясь русским законам и предначертаниям нового своего правительства, если таковые не будут идти вразрез с постановлениями ислама. Башкиры были обязаны вносить легкую подать: «ясак» медом, звериными шкурами или, взамен того, деньгами, которые они должны были вносить казанским воеводам»².

В «Исторической записке о местности прежней Уфимской провинции...» неизвестного автора отмечаются те же условия принятия русского подданства. «После покорения Казани,— указано в ней,— башкиры вступили добровольно в русское подданство, с условием, что они, по-прежнему, должны оставаться полными владельцами земель, и чтобы русское правительство всегда охраняло их земельные права, как от самовольных завладений внутри их вотчины, так и извне от набегов на нее ногаев и киргиз-кайсаков»³.

Получение царских жалованных грамот на владение землей на вотчинных правах каждым племенем или родовой группой, разделение всех угодий между родами и письменное закрепление его результатов в так называемых «Казанской» или «Московской» книгах позво-

лили в какой-то мере урегулировать вопрос о землевладении. Это имело большое значение, поскольку накануне принятия русского подданства земельные дела башкир находились в запущенном состоянии. Причиной тому было не только углубление процесса феодализации внутри башкирского общества, что вело к ломке старых земельных порядков и общинного начала в земельном пользовании. Значительные земельные площади были отобраны у башкир казанскими и ногайскими владельцами, да и междоусобная борьба мурз и биев сильно осложняла земельные отношения в крае.

Большое значение в решении земельного вопроса имело объявление московского правительства о возвращении башкирам земель, захваченных у них татарскими и ногайскими феодалами. Сведения об этом сохранились в некоторых шежере. Так, шежере юрматынцев указывает, что «земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, низайше попросив, взяли [себе]»⁴. Это было одним из реальных положительных результатов принятия русского подданства. В условиях борьбы против Казанского, Астраханского и Сибирского ханств Иван IV вынужден был считаться с интересами народов, которые добровольно шли под власть московского царя. К тому же башкиры обязывались нести военную службу и, следовательно, Русское государство приобретало необходимую для охраны восточных рубежей страны конницу. Поэтому правительство Ивана IV и предоставило башкирам различные льготы, которые не получал ни один из ранее присоединившихся к России народов.

Подлинники выданных башкирам жалованных грамот не сохранились, хотя П. И. Рычков в середине XVIII в. писал, что эти грамоты «у многих поныне

¹ Башкирские шежере. С. 79.

² Бикбов. Башкурды. Материалы по истории башкирского народа//Оренбургская газета. 1899. № 773.

³ Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867. С. 1—2.

⁴ Башкирские шежере. С. 33.

имеются»¹. И позднее исследователи отмечали, что некоторые грамоты сохранились у башкир вплоть до конца XIX в. «Действительно, — писал Д. Н. Соколов, — уже от 1557 г. дошла до нас жалованная грамота башкирам одной волости и нет оснований полагать, что она была первою и единственною в своем роде. Напротив, все последующие цари в ответ на челобитные башкир не отрицали пожалования им на земли прав владения»². Автор упомянутых выше «Исторических записок» сообщает о грамоте башкирам-гайнинцам, полученной при присоединении к России. Просьбы башкир о правах на землю «русским правительством приняты и закреплены грамотою царя Иоанна Грозного 1557 года, данную владельческому колену уфимских башкир Гайнинской волости Осинской дороги. Грамоту 1557 года, со всеми вотчинными правами этого владельческого колена башкир на уральские земли, подтвердил и царь Феодор Иоаннович»³.

Копии или изложение содержания грамот, полученных при Иване Грозном, встречаются в архивных документах и шежере. Царские грамоты впоследствии, при возникновении споров по земельным вопросам, представлялись башкирами-вотчинниками в различные правительственные учреждения. Можно привести немало примеров того, как в XVIII в. башкиры в одиночку и коллективно в своих челобитных или других письменных обращениях к властям ссылались на грамоты Ивана Грозного и последующих царей. Например, башкиры Гирейской волости Казанской дороги Алмет Аднагулов и Мясюгут Тятимов «с товарищ» в мае 1728 г. писали в Коллегию иностранных дел: «В прошлых давних годех по взятии Казанского царства Уфимского уезда башкирцы и другие иноверцы пришли под протекции Российскую со владением по дорогам и по волостям вотчин своих и всяких угодьев и с платежем ясака, которой значит в окладных ясашных книгах в Уфимской канцелярии имянно»⁴.

В документальных источниках с полной определенностью говорится о полученных башкирами вотчинных правах

на землю. В 1767 г. башкиры Уфимской провинции в наказе Уложенной комиссии заявили: «Имеются у нашего башкирского народа вотчинные земли со всеми при них угодьями, состоящие во владении издревле, как еще наш башкирский народ находился под властью ногайских ханов, а потом при государе царе, великом князе Иоанне Васильевиче самопроизвольно покорился под высокославную Российскую державу и скипетр и оставлен при прежних своих выгодах и владениях. Потом из нашего башкирского народа... те свои вотчинные земли утвердили и от Российской е. и. в. державы грамотами». Ссылаясь на эти грамоты, башкиры просили, чтобы Екатерина II «повелеть соизволила те наши земли с угодьи, издревле во владении прапрадедов наших состоящие, подтвердить за ними во владении по грамотам»⁵.

В 1823 г. башкиры 9-го кантона подали прошение военному губернатору П. К. Эссену по спорному делу с казаками Уральского казачьего войска, доказывая свое право на владение землей между реками Малым и Большим Узеньями в Саратовском уезде. Они опирались в своей жалобе на имевшиеся у них копии царских грамот от 1554—1555 гг. и 1695 г., выданных им в 1790 г. из 2-го департамента Оренбургской палаты суда и расправы⁶. В прошении говорилось: «Предки наши из древних лет за прилежность и подданство под державу России по трехлетнем взятии города Казани по жалованным грамотам все милостивейше великими царями и великими князьями жалованы землями, лежащими по разным местам и урочищам, в том числе и Саратовского уезда в луговой стороне

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 4.

² Соколов Д. Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. М., 1916. С. 86.

³ Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. С. 2.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. С. 130.

⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. I. Д. 109. Ч. XI. Л. 220—221.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. I. Оп. I. Д. 432а. Л. 18.

по рекам Большому и Малому Узеньям...»¹. Разбирая споры между башкирами и казаками, бузулукский уездный судья сообщал в оренбургское губернское правление, что «междоусобные распри» тянутся с 1765 г., и он «наклонял их всеми благонамеренными способами к миролюбивой жизни и проведению во владениях полюбовной черты, однако ж башкирцы на сие не согласились», так как земли «почитают им принадлежащими, каковую принадлежность представили в копиях грамоты»².

В XVII в. в связи с размежеванием земель между отдельными башкирскими племенами и родами жалованные грамоты Ивана IV подтверждались верховными властями. Значение этих документов в земельных отношениях башкир было велико. Несмотря на общинное землепользование, владельцы грамот по своему усмотрению распоряжались земельными угодьями: продавали, сдавали в аренду или припускали «чужеродцев». «Подлинными грамотами и другими документами башкиры весьма дорожили и хранят их, как зеницу ока», — писал собиратель этих материалов во второй половине XIX в. Бикбов³. Жалованные грамоты имели для башкир не только экономическое, но и политическое значение, так как, опираясь на них, они впоследствии упорно боролись за неприкосновенность своих вотчинных земель.

Важным условием принятия русского подданства была уплата башкирами в казну натуральной подати — ясака. Он имел двойное значение. С одной стороны, ясак подтверждал подданство и феодальную обязанность башкир перед государством, а с другой — символизировал их вотчинное право на земли, право, юридически признанное за ними главной государством.

При разборе спорных дел по земельному вопросу в случае отсутствия жалованной грамоты башкиры ссылались на факт платежа ими ясака за определенный земельный участок. В наказе башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию 1767 г. говорилось: «Из нашего башкирского народа, некоторые те свои вотчинные земли утвердили и от Рос-

сийской е. и. в. державы грамотами, а другие, не имея в том владении оных..., и поднесь невозбранно владеют по ясачным книгам со всеми при тех землях угодьями»⁴.

Убеждение башкир в том, что уплата ясака являлась гарантией их прав на владение землей, наиболее ярко выражено в челобитной башкир Осинской, Казанской, Сибирской и Ногайской дорог царям Ивану и Петру Алексеевичам в 1694 году. Они утверждали, что их «пращурь и прадеды, и деды, и отцы» владели в Уфимском уезде вотчинными землями — лесами, рыбными ловлями, бобровыми гонами, звериными ловлями и другими угодьями, жалованными им «великими государями», но «на те их старинные вотчины у прадедов, и дедов и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясачной книги». Башкиры просили правительство оберегать их вотчинные права от пришлого населения. И в данном случае тот факт, что башкиры были зарегистрированы в ясачной книге, являлся достаточным основанием для того, чтобы власти стали на сторону просителей⁵.

В отношении сбора ясака московское правительство проводило осторожную политику, оно не стало сразу облагать башкир тяжелой податью. Это подчеркивается многими документальными источниками. Так, в 1735 г. башкирские старшины Алдар Исекеев и Таймас Шаимов представили начальнику Оренбургской экспедиции И. К. Кирилову материалы, содержавшие сведения о том, что после падения Казани башкиры, «усмотря порядочные россиян поступки с казанским народом, и что только настоящий ясак с них берут, а не так от прежних ханов посылаемые мурзы, больше себя богатели и народ разоряли, при-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 46.

² Там же. Л. 53.

³ Бикбов. Указ. соч.

⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 221.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 82.

шли сами в подданство Российское при нем же царе Иване Васильевиче¹.

Освобождение от прежнего тяжелого ясачного гнета в какой-то степени облегчало положение башкир. П. И. Рычков, ссылаясь на шежере Кидраса Муллакаева, отмечал, что «по вступлении в Российское подданство на них, башкирцах», ясак был «с лучшим учреждением и со всякою льготою»². Однако некоторое облегчение в платеже ясака было временной политикой московского правительства.

На башкир возлагалась охрана юго-восточных границ страны от нападений соседних кочевых феодалов. Башкирская конница в составе русских войск должна была принимать участие в войнах, которые вело Русское государство. Шежере указывают на участие башкир в начавшейся в 1558 г. Ливонской войне, в боевых операциях против Крымского ханства. В одном из шежере говорится, что царь «Иван Васильевич призвал на помощь башкир», и они «Азау (Азов) воевали»³. Как указывалось выше, в конце XVI в. башкиры участвовали в военной экспедиции московского правительства против сибирского хана Кучума.

Предусматривались и другие государственные повинности. Таким образом, условия, на которых башкиры получили русское подданство и вотчинные права на земли, были нелегкими. Но сложившееся в это время устойчивое политическое положение в Башкирии, ставшей частью Русского государства, упорядочение уплаты натуральной подати — ясака, регламентирование других повинностей принесли некоторое облегчение трудовым массам башкирского народа.

Условия принятия башкирами русского подданства вполне отвечали насущным потребностям Русского централизованного государства. Присоединением Казани и Астрахани отнюдь не исчерпывались его внешнеполитические задачи на Востоке. Для московского правительства важно было превратить Поволжье и Приуралье в опорные пункты для проведения военно-политических и торгово-экономических мероприятий в

отношении Казахстана, Средней Азии и Сибири.

Царское правительство стремилось создать надежную социальную опору среди патриархально-феодальной верхушки башкирского общества, предоставляя ей разные льготы. Сюда относились награждение местной знати тарханскими грамотами, званиями мурз, освобождающими ее от уплаты ясака и т. д. Принимались и другие меры для обеспечения верности новых подданных Русскому государству. Был введен институт аманатства (заложенчества). Правительство Ивана IV требовало от башкир присылать в Казань, а затем в Москву аманатов из знатных и влиятельных лиц. Так, первым аманатом от племени усерган был «потомок Мюйтенбия (современника Чигис-хана) — Сурабан-бий»⁴. Институт аманатства существовал долго. Время от времени башкиры обращались к царскому правительству с прошениями об отмене практики посылки заложников⁵. Однако эти просьбы не были удовлетворены. Правда, аманаты чаще всего брались в период башкирских восстаний или с появлением каких-либо признаков непокорности властям.

Значение присоединения Башкирии к России. Вхождение в состав Русского государства было прогрессивным событием в истории Башкирии. Оно знаменовало переломный момент в судьбах башкирского народа. «Россия,— писал Ф. Энгельс в письме к К. Марксу,— действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир

¹ РГБ. ОР. Ф. 222. Кн. XII. Л. 4.

² Рычков П. И. История Оренбургская. С. 69.

³ Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренб. уч. архивной комиссии. Оренбург. 1898. Вып. 4. С. 48, 60.

⁴ Бикбов. Указ. соч.; Башкирские шежере. С. 78, 80.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 126—127.

и татар»¹. С середины XVI в. историю Башкирии уже нельзя рассматривать вне связи с историей России.

Принятие подданства Русского государства положило конец жестокому господству ногайских, казанских и сибирских ханов, покончило с политической раздробленностью края и бесконечными феодальными войнами, оградив тем самым производительные силы Башкирии от дальнейшего разрушения.

Движение за присоединение Башкирии к Русскому государству было массовым. Это важное событие в жизни башкирского народа обсуждалось на народных собраниях — йыйынах, где выносились решения о принятии русского подданства и одобрялась деятельность башкирских посольств в Казани и Москве. Башкирская патриархально-феодалная верхушка в своем большинстве также приняла присягу на верность русскому царю. Русское государство стало надежным гарантом башкирских земель от любых агрессивных внешних нападений и грабительских набегов кочевых феодалов.

Прогрессивное значение присоединения Башкирии к Русскому государству сказалось на развитии экономики и культуры края. Башкиры первыми из кочевых и полукочевых народов с патриархально-феодалным общественным строем вошли в состав России и вступили в хозяйственное и культурное взаимодействие с более передовым обществом. Это способствовало развитию в крае земледелия, кустарно-промысловых занятий, а позднее и промышленности. Башкирское хозяйство постепенно втягивалось в общегосударственный оборот, что имело важное значение для разрушения его патриархальной замкнутости и развития в крае феодальных отношений.

Нахождение в пределах единого государства благоприятствовало этническим, культурным и хозяйственным связям между башкирскими племенами и тем самым способствовало их объединению. К концу XVI в. завершился многовековой и сложный процесс формирования башкирской народности. Вошедшие в нее племена имели территориальную, эконо-

мическую, языковую и культурную общность, осознавали принадлежность к своему народу, признавали его самоназвание.

В составе Русского государства башкирский народ получил возможность для сближения с другими народами. В край шли русские, татарские, марийские, чувашские, удмуртские крестьяне, бежавшие от феодально-крепостнической эксплуатации. Общение их с башкирами способствовало установлению межэтнических хозяйственно-культурных связей, росту дружеских отношений между трудовыми массами. Наиболее значительным влиянием на хозяйственные и торговые занятия, культурно-бытовой уклад башкирского народа было влияние со стороны русского крестьянства. Установление и укрепление дружбы между башкирским и русским народами явилось одним из главнейших итогов объединения Башкирии с Россией. Она стала фундаментом всех прогрессивных перемен в жизни края².

Присоединение Башкирии, как и народов Поволжья, имело важное значение для укрепления Русского государства и облегчило его борьбу с внешней опасностью. С включением башкирских земель территория России расширилась более чем на 30 млн. десятин. Использование природных богатств Башкирии, безусловно, способствовало дальнейшему развитию экономики страны. Башкирское подданство давало русскому правительству возможность организовать оборону восточных границ при помощи башкирской конницы.

С падением Казанского и Астраханского ханств и присоединением Башкирии произошло заметное оживление в сношениях России со Средней Азией и Казахстаном. Через Башкирию пролегал один из основных сухопутных торговых путей в страны Востока. Планомерное

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

² Кузеев Р. Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края. С. 12—13.

укрепление государственных позиций в Башкирии превратило ее в плацдарм для проведения восточной политики России.

Говоря о безусловном прогрессивном значении присоединения Башкирии к Русскому государству, нельзя не отметить и другую сторону этого исторического акта. Войдя в состав Русского многонационального государства, башкирский народ не освободился от угнетения и эксплуатации. Все ужасы режима феодально-крепостнической России вместе с другими народами испытал и башкирский народ. Под покровом царизма выросал гнет и собственной башкирской патриархально-феодальной верхушки, которая стремилась объединиться с пра-

вляющим классом Русского государства, чтобы усилить свою власть над трудовыми массами башкирского народа.

Феодальная эксплуатация, провокационная политика царизма по разжиганию межнациональной розни, произвол местной администрации тормозили прогрессивный процесс хозяйственно-культурного сближения народов, населявших Башкирию, тяжело отзывались на положении податных сословий. Однако общение трудовых масс различных национальностей и этнических групп расширяло сферу взаимопонимания, сплачивало их в борьбе против всяких форм эксплуатации, за социальную справедливость.

§ 1. Материальная культура

По материальной культуре башкир на ранних этапах их истории не имеется письменных источников, пока не выявлены и археологические материалы. Это вынуждает обратиться к ретроспективному сравнительно-историческому анализу традиционных форм материальной культуры, сохранявшихся в XVIII — начале XX в. Такой анализ включает выявление различных историко-типологических комплексов, определение приблизительного времени их возникновения и бытования, нахождение параллелей у других народов, родственных с башкирами или исторически соприкасавшихся с ними, определение географии распространения (ареалов) изучаемых явлений. Все это дает ключ к пониманию времени и места их возникновения, дальнейшего распространения и эволюции.

Жилища и поселения. Основным типом жилища башкир-кочевников была переносная войлочная юрта (тирмэ). Внешне она напоминает полусферическую фигуру, покрытую войлоками. Стены юрты высотой около 170—180 см составлялись из решетчатых щитов, изготовленных из слегка изогнутых деревянных планок. Щиты скреплялись между собой волосяными веревками и образовывали замкнутый круг. Каркас крыши состоял из жердочек, насаженных верхними концами в купольный круг и соединенных внизу с выступающими концами решеток стен, которые по верхнему краю стягивались узким полотнищем, сотканым в ковровой или паласной технике. Стены и крыша юрты покрывались

войлоками. Наверху оставлялось отверстие, служащее одновременно в качестве окна и дымохода. Юрта имела двустворчатые дощатые двери, иногда закрывалась циновкой или войлоком. Диаметр средней юрты составлял 5—6 метров.

Благодаря высоким теплоизоляционным свойствам войлока, юрта одинаково надежно защищала и от холода, и от летней жары. Для обогрева и приготовления пищи в непогоду и зимнее время в середине юрты разводили очаг, над которым подвешивали котел.

Состоятельные семьи имели по 2 и более юрт. В почетной, или гостевой, юрте (ак тирмэ), крытой белыми войлоками, жил глава семьи или кочевой группы с женой, в хозяйственной (черной) — молодые члены семьи, дети и работники. Здесь же хранились разного рода припасы, утварь. В гостевой юрте стены завешивали паласами, вышивками, одеждой, земляной пол устилала кошмами и коврами. В ней с правой стороны от входа занавесом отделяли хозяйственную или женскую половину, откуда подавали кушанья и напитки во время трапезы.

Другим типом жилища был бревенчатый срубный дом. В северной части Башкирии, в лесных и горных районах, особенно там, где продолжали жить ассимилированные башкирами племена местного происхождения, бревенчатый дом являлся преобладающим. Срубные постройки постепенно, по мере перехода к полуседлости, появились и у кочевников, которые ставили их на зимниках, а кое-где, в первую очередь в долинах горных рек, также и на местах летних кочевий.

Войлочные юрты на летовке. Фото М. Дьюлы. 1909 г.

Бревенчатая башкирская изба в начальных порах во многом повторяла, особенно в интерьере, обстановку войлочной юрты. В ней сооружали большие нары, чего не было в юрте, но убранство нар было таким же, как и почетной половины юрты: их сплошь застилали кошами и паласами, на одном конце на особых подставках складывали горкой постельные принадлежности, узорные войлоки и паласы и перетягивали узорной лентой. Печи еще не было, ее заменял своеобразный глинобитный камин (сыуал) с жердевым каркасом и прямым дымоходом. На небольшие окна натягивали брюшину (карындык), бычий пузырь (кыуык), через который едва проникал солнечный свет.

В степной части башкиры строили глинобитные и, реже, пластиковые (из дерна) дома. В качестве подсобного помещения, где готовили пищу и хранили продукты, сооружали аласык из луба, тына или плетня. На летовках такие постройки для многих являлись основным жилищем. Довольно широко был распростра-

нен конусообразный шалаш, составленный из прислоненных друг к другу толстых жердей. На кратковременных стоянках, особенно во время больших сборищ и празднеств, делали двускатные шалаши и наклонные заслоны (сыгт).

Таким образом, жилые помещения башкир были разнообразны. В этом сказалось разнообразие природных условий края и то обстоятельство, что в процессе сложения башкирского этноса в его состав вошли различные этнические образования (племена, группы племен), каждое со своими культурными навыками и традициями.

Скот находился в основном под открытым небом, на летних и зимних пастбищах. Для той части скота, который необходимо было иметь при жилище, делались жердевые загоны и сараи. Новорожденный молодняк, а иногда и ослабевших маток (овцы, коровы) пока не окрепнут, содержали в жилом доме.

Формы поселений всецело зависели от структуры социальной организации и хозяйственно-бытового уклада. Башкирские аулы представляли, как правило,

Разборка юрты. Фото С. И. Руденко. 1906 г.

Юрты тюркского (а) и монгольского (б) типа. Фото С. И. Руденко. 1906 г.

Мавзолей Тура-хана

поселения кочевых групп, которые состояли из родственных семей, объединенных вокруг одного состоятельного хозяина и зависимых от него экономически. Кочевая группа включала также выходцев из других родов, оказавшихся в той или иной форме зависимости от главы группы. Поэтому население аула (кочевая группа) и родовое подразделение не были тождественны.

В условиях кочевой жизни каждый аул имел несколько мест поселений. Зимние поселения отличались от весенне-летних и осенних наличием более капитальных жилых построек и помещений для скота. В них создавались также запасы продовольствия и корма. Надо сказать, поскольку к зимникам сгонялся не весь скот, а лишь рабочие лошади и маточное поголовье, часть населения проводила зиму при стадах и табунах на отдаленных пастбищах с непродуктивным скотом и молодняком.

С переходом к оседлости постоянные аулы, как правило, возникали на

местах зимников. Это был естественный процесс, так как и прежде в зимниках проходил наиболее продолжительный период жизни населения в году и они располагались в местах, удобных для жизни и хозяйственной деятельности аула.

С проникновением ислама в Башкирии стали сооружаться здания культового (мечети) и мемориального (кэшэн) назначения. Древних мечетей не сохранилось, видимо, с самого начала они строились из дерева. Дошедшие до нас мавзолеи относятся к XIV—XV в. Из них первоначальный облик сохранило Кэшэнэ, известное в литературе под названиями «Мавзолей Тура-хан», «Дом суда». Он находится близ деревни Нижнее Тирмэ в Чишминском районе, на старом башкирском кладбище. В 300 м к югу от Кэшэнэ стоял еще один мавзолей меньших размеров, от которого остались лишь развалины.

Мавзолей Тура-хана представляет собой сооружение из грубообработанных

Традиционный глинобитный камин (сыуал). Фото М. Дьюлы. 1909 г.

каменей. Основание его квадратное (6,6 м × 6,6 м), толщина стен 1,1 м, высота от пола до купола 3,3 м. Стены через tromпы внутри переходят в восьмигранник, завершающийся двойным (полусферическим внутри и пирамидальным снаружи) куполом. Главный (восточный) фасад оформлен в виде портала со стрельчатой аркой небольшого подъема. С внешней стороны арки сохранилась ниша, в которой, по рассказам жителей, была орнаментальная вставка. На южном и западном фасадах — небольшие полуциркульные окна. Весь облик здания производит впечатление необыкновенной прочности и монументальности¹.

Аналогичную архитектуру имел Мавзолей Хусейн-Бека, расположенный на кладбище Акзират на окраине железнодорожной станции Чишмы, отличавшийся лишь сравнительно большими размерами (площадь основания 8,4 м × 8,4 м). Здание было реставрировано в 1911 г. с большими искажениями. Эпитафия на могиле свидетельствует, что в мавзолее был похоронен «Хаджи Хусейн-бек сын Омар-бека из Туркестана», скончавший-

ся в 740 г. хиджры, или в 1339 г. по нашему летоисчислению². Существует мнение, что Хусейн-бек был миссионером, прибывшим из Средней Азии для распространения мусульманства среди башкир. Мнение это основано на преданиях, бытовавших среди местного населения в XVIII—XIX вв. и, видимо, на том факте, что погребенный назван хаджи, то есть человеком, совершавшим паломничество в Мекку. Г. В. Юсуповым высказана мысль, что Хусейн-бек являлся выходцем из Волжской Булгарии, и мавзолеей он относит к числу болгарских памятников XIV в.³

Однако эти мнения недостаточно убедительны. Вряд ли местные башкиры могли похоронить с такими необычными почестями чужеземного проповедника религии. К тому же надписи имени погребенного предшествует эпитет «справедливый (аль-гадель) в своих решениях предначертаниях (аль-аркам), применимый более к лицам, облеченным властью, чем к проповедникам. Трудно также полагать, что те, по чьему велению отправился Хусейн-бек с миссией, были в состоянии построить ему мавзолеей в Башкирии. Скорее всего Хусейн-бек был светским лицом или сочетал в себе верховный сан и светские полномочия и играл важную роль в общественной жизни народа. В любом случае, мавзолеей Хусейн-бека, как и два других мавзолеей, расположенные в центре Башкирии, являются памятниками башкирского зодчества XIV в., свидетельствующими об общественно-культурных традициях той эпохи.

По архитектурно-планировочным особенностям, мавзолеей Хусейн-бека и Тура-хана Б. Г. Калимуллин относит к типу портално-купольных мемориалов, получивших распространение в Казахстане начиная со второй половины XII в. По материалу и способу кладки он свя-

¹ Калимуллин Б. Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978. С. 111—115; Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960. С. 119.

² Юсупов Г. В. Указ. соч. С. 118.

³ Там же. С. 119—122.

Кожаные сосуды для кумыса — *ботлок*

зывает их со строительными традициями Волжской Булгарии и северо-восточной Руси¹.

Конструктивно близок к описанным мавзолей Бэндэбикэ у дер. Максютово в Кугарчинском районе Башкортостана. И здесь квадратное основание переходит в восьмигранник и купольное покрытие. Здание обрушилось и на его месте образовался большой курган. Согласно преданию, Бэндэбикэ была родоначальницей племени (ил анаһы), благодаря мудрости и решительному характеру пользовалась большим уважением и почитанием народа, обладала даром предвидения; по другой версии, она являлась женой героя эпических сказаний и легенд Ерэнсэ-сэсэнэ. После смерти ее похоронили, как она завещала при жизни, в ее доме, построенном из кирпича. В результате раскопок, произведенных в 1968—1969 гг., в центре помещения была обнаружена могила, в которой погребена сравнительно молодая женщина, страдавшая болезнью

шейного отдела позвоночника. Исследователь памятника Н. А. Мажитов датирует его XIV—XV веками и сближает с подобными сооружениями Средней Азии и Казахстана².

Пища. В соответствии с укладом хозяйства основу пищевого рациона большей части башкир составляли мясные и и молочные продукты. Удельный вес мяса в пище был велик летом и осенью. В этот период его потребляли в свежем виде, а на зиму и весну мясо замораживали, на лето — вялили и коптили. Особым лакомством считались казы — вяленые колбасы из конского жира и мяса.

Из коровьего молока делали сливки и сметану, масло, различные виды творога, сыр, кислое молоко, простоквашу, айран. Корот, красный творог и топленое масло заготавливали впрок. Большую роль

¹ Калимуллин Б. Г. Указ. соч. С. 114—121.

² Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973. С. 176—179.

Муртай

в жизни башкир играл целебный напиток из кобыльего молока — кумыс, который тоже заготавливали на зиму путем замораживания. Традиционным праздничным блюдом башкир являлось мясное кушанье с бульоном бишбармак.

У башкир сложилась и земледельческая кухня¹. Видимо, к глубокой старине восходит традиция потреблять зерна в целльно-каленном виде (курмас). К древнейшим блюдам относится күжә—род супа из целых зерен ячменя, полбы или пшеницы. Каленые зерна дробили в ступах или размалывали в каменных жерновах, получалась мукообразная масса талкан, который брали с собой в дальний путь и ели, размешивая водой или молоком. Каши из пшена, ячменной, полбяной и пшеничной крупы являлись гостевым блюдом. Для торжественных случаев и при приеме почетных гостей готовили особое кушанье из муки на сметане (саламай, зумэлэ). Хлеб пекли из пресного теста, обычно в виде лепешек в золе. О древности использования злаков в пищу говорит широкое распространение в прошлом напитка буза, приготавливаемого из проросших зерен. Однако удельный вес пищевых блюд из зла-

Башкунэк

ков, из-за незначительных масштабов земледелия, был невелик. Расширение их ассортимента и возрастание роли в народной кухне происходили вместе с развитием земледелия.

В пищевой рацион башкир входили продукты охоты. Они потребляли мясо многих обитающих в крае диких животных и зверей, птиц, а также рыбу.

Довольно рано проник в Башкирию чай. В процессе торговли и обмена с южными краями привозили, правда в небольших количествах, сладости и фрукты. Значительное место среди сладких блюд занимал мед. Как и топленое масло, мед применялся для консервирования ягод и плодов. Башкиры собирали клубнику, смородину, землянику, черемуху, вишню, костянику, бруснику, клюкву и другие ягоды, часть из них сушили, другую консервировали в масле и меде, а из клубники, земляники и смородины делали пастилу (как).

¹ Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Злаки в повседневной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979. С. 78—125.

Весной башкиры пили березовый сок. Было принято снимать камбий — мякоть вновь образовавшейся древесины — у березы, осины и некоторых других деревьев. Из трав в пищу шли дикий лук, чеснок, особой популярностью пользовалась луковица сараны, которую заготавливали также впрок. Листья клубники, вишни, душицу использовали вместо чая. Потребление диких плодов, ягод, трав и различных кореньев особенно возрастало в голодные годы. В такие годы использовали также кору различных деревьев, желуди.

Как видим, хозяйственные навыки и благоприятные природные условия позволяли башкирам иметь широкий ассортимент разнообразных кушаний и напитков. И все же уделом многих было недоедание. Причиной тому являлись имущественное неравенство, постоянно усиливающийся феодальный гнет рядовых общинников. Поборы в пользу своих правителей и иноземных ханов, набеги соседних народов, междоусобицы и вражда между «своими» биями ложились тяжелым бременем на плечи народа. Настоящей бедой оборачивались периодически повторяющиеся засухи и джуты.

Бытовая утварь. Условия кочевой жизни требовали и удобную для перевозки утварь. Наиболее подходящим для изготовления сосудов и посуды материалом башкиры считали шкуры скота. Как и другие кочевники, они умели снимать шкуру животных без разрезов по линии ног и живота. Из такой шкуры делали

большие сосуды для хранения запасов кумыса и кислого молока. Были и меньшие сосуды. Из кожи задних ног лошади изготовляли большие бутылеобразные сосуды (ботлок, дөмбэй), из шкуры передних ног — меньшие бутылки (куллык, куллас, муртай). Впрочем, ботлок и муртай различались не столько по размерам, сколько по форме, а величина каждого вида сосуда зависела от возраста животного. Кожа головы лошади шла на изготовление сосуда в виде ведерка (баш күнәк) с расширяющимся днищем, употреблявшегося для дойки кобылиц. Из кожи шеи делали низкую кадушку (көрәгә) для подачи гостям кумыса и бузы. Кожаные сосуды, благодаря прочности и легкости, были удобны для перевозки жидких продуктов вьюком на лошадях.

Судя по находкам из курганных могильников, в употреблении у кочевников-скотоводов могла быть керамическая посуда. Однако в условиях Южного Урала более широкое распространение получила утварь из дерева и древесных материалов — цельнодолбленные кадушки, бочата, чаши различных размеров, ковши, а также туюски, сумки из бересты и луба. На кадушках и чашах выемчатой и рельефной резьбой наносили узоры, близкие к орнаменту керамических сосудов. С особой тщательностью орнаментировали посуду для кумыса, а резные ковши и чаши, украшенные сложными узорными фигурами, представляли высокохудожественные произведения народного мастерства. В навыках изготовления и декоративного оформления деревянной утвари наблюдается переплетение художественных традиций местного населения края и пришлых племен, свидетельствующее о культурно-этнических контактах и смешении их в процессе формирования башкирского народа.

§ 2. Народные знания и религиозные верования

Народные знания. На многовековом опыте практической деятельности и наблюдениях над природными явлениями у древних башкир сложились определен-

Деревянные резные сосуды для кумыса — кадка и ковш

ные знания об окружающем мире, которые использовались в хозяйственных целях. Представления о закономерностях смены времен года и связанных с нею изменениях погодных условий способствовали формированию годичного цикла хозяйственной жизни с ритмичным чередованием весенне-летних, осенних и зимних работ, планомерным использованием пастбищ в зависимости от состояния трав и рельефа местности. Башкиры знали питательные, лечебные качества многих трав, различали ядовитые.

Был накоплен опыт по разведению животных. Скотоводы могли регулировать периоды случки и массового отела животных, который приурочивали обычно к весне и началу лета, чтобы молодняк до зимы успел достаточно окрепнуть. Опытные пастухи и чабаны помогали маткам в случаях тяжелых родов, умели выправлять вывихи суставов, лечить раны с помощью трав и гнилушек, останавливать кровь, готовить различные настои от кишечных и иных заболеваний. Аналогичные приемы применялись в народной медицине¹. Существовала определенная категория людей (имсе, багыны, баксы), которые наряду с применением лекарственных трав, физиотерапии, хирургии, «лечили» болезни также всякого рода заговорами, приемами магии. Башкиры знали целебные свойства соленых озер, грязей. Одно из озер в Челябинском Зауралье носит название Озеро-лекарь (Бакшигуль). Такие же свойства приписывались некоторым речкам и родникам.

Летосчисление башкир, как и у других тюркских народов, основывалось на двенадцатилетнем животном цикле, который состоял из годов мыши, коровы, барса, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки, свиньи². С каждым годом цикла были связаны определенные приметы и поверья. Например, в год зайца ожидалось много благ, в год змеи — засуха, в год овцы — обильные дожди и т. д.³ Башкирский животный цикл совпадает с древнетюркским календарем, приводимым в сочинении М. Кашгари (XI век). Исключение составляет год дракона, которому у

М. Кашгари соответствует год крокодила⁴.

Год делился на 12 месяцев, начало его приходилось на весну. Наименования дней недели, дошедшие до нас и употребляемые в современном башкирском литературном языке, иранского происхождения, и связаны с небесными телами солнечной системы: Солнцем, Луной, Марсом, Меркурием, Юпитером, Венерой и Сатурном⁵.

С принятием ислама начал действовать у башкир мусульманский календарь, с началом летосчисления с года хиджры (622 г.) — переселения пророка Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину. Мусульманский год состоит из 12 лунных месяцев, он на 11 суток короче солнечного года и каждый следующий год начинается на столько же времени раньше предыдущего. Месяцы хиджры не совпадают с сезонами года и поэтому в практической деятельности башкиры, как и соседние мусульманские народы, пользовались зодиакальным сирийско-арабским солнечным календарем. Оба счета времени продолжали функционировать и после присоединения Башкирии к Русскому государству, параллельно с русско-христианским календарем.

Башкиры пользовались десятичной системой счета. Наименования всех чисел до 10-ти, десятков, а также понятия «сто» и «тысяча» — исконно тюркские. Существовала метрология, тесно связанная с хозяйственно-бытовым укладом народа и отражавшая его особенности. Мерой расстояния (длины, высоты) служили сакрым (верста), азым

¹ Гумаров В. З. Башкирская народная медицина. Уфа, 1986.

² Самойлович А. Н. К вопросу о двенадцатигодичном животном цикле у турецких народов // Восточные записки Ленинградского института живых восточных языков. Л., 1927. Т. I. С. 151—154.

³ Щербак А. М. Сал-наме // Письменные памятники Востока: Историко-филол. исследования: Ежегодник, 1971. М., 1974. С. 181—182; Как возник мусаль // БНТ. Т. 2. С. 36—37.

⁴ Махмуд Кошгарий. Девону лугатит. турк. Ташкент, 1960. Т. I. С. 338.

⁵ Щербак А. М. Указ. соч. С. 178—179.

(шаг), карыш (вершок), ая (величина, равная ширине четырех пальцев, ладони), иле (ширина пальца), колас (пространство, равное длине растянутых рук). Большие расстояния измерялись днями пути верхом. Сыпучие и жидкие вещества измерялись сосудами разной величины и формы: хаба (большой кожаный сосуд), муртай, туҫтак, күнәк, силәк, тәпән (кожаные и деревянные сосуды меньших размеров). Имелись свои единицы измерения для посевов, собранного сена, а также для пряжи, ниток, ткани и т. д.

Эквивалентом при обмене служили меха, были в обращении и деньги, проникавшие из Волжской Булгарии, Средней Азии и Золотой Орды.

Календарь, система счета, метрология, деньги, хозяйственные навыки свидетельствуют о культурных связях башкир с народами и племенами Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Сибири.

Мировоззрение, религиозные верования. Центральное место в космогонических представлениях башкир занимало солнце, которое часто встречается в традиционных жанрах фольклора и рисуется как одухотворенное существо. Почти таким же почитаемым у древних башкир пользовалась луна. По виду, состоянию солнца и, особенно, луны они делали прогнозы на погоду. В виде живых существ представлялись им звезды. Земля, думали древние башкиры, «держится на огромном быке и большой щуке, и будто движения этого быка вызывают землетрясения»¹.

Для мировоззрения башкир, в котором положительны реалистические представления и наблюдения перемешались с мифологическими, религиозными в своей основе, воззрениями, было характерно одухотворение предметов и явлений природы, наделение их сверхъестественной силой, а также свойствами, присущими человеку. Деревья и камни, земля и вода, как и человек, испытывают боль, обиду и гнев, могут отомстить за себя и за ближних, нанести вред человеку или оказать благодеяние. Птицы и животные рассматривались как существа

разумные, способные разговаривать между собой, относящиеся к людям по-разному, сообразно своей природе и в зависимости от поведения людей. Поэтому башкиры вели себя по отношению ко всему окружающему с большой осмотрительностью, стараясь не вызывать гнева и недовольства природной стихии, зверей и птиц, а наоборот, заручиться их расположением и поддержкой. Отсюда всякого рода действия магического характера, жертвоприношения.

Древние башкиры полагали, что реки и озера, леса и горы, а также огонь, ветер, дождь имеют своих хозяев — духов. По словам Ибн-Фадлана, кое-кто из башкир говорил, что «у него двенадцать господинов: у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый больший из них. Однако он объединяется со всеми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ»².

Наличие верховного божества Тэнре, отождествляемого с небом, свидетельствует о том, что у башкир в X в. шел процесс трансформации древних языческих представлений в монотеистическую религию. Однако этот процесс не только у башкир, но и у других тюркских народов, не получил завершения и остановился на стадии шаманизма, основные черты которого проявлялись в вере в добрых и злых духов, культ предков и животных. По представлениям верующих, шаман являлся фигурой, стоящей между людьми и духами, способной вступить в непосредственную связь с духами, влиять на них во время сеансов камлания, понуждать их отступить от злых намерений или оказать людям то или

¹ *Надршина Ф. А.* Исторические корни башкирских легенд и преданий // Башкирский фольклор: исследования последних лет. Уфа, 1986. С. 19.

² *Ковалевский А. П.* Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 131.

иное содействие. У башкир шаманами были баксы, күрәзә. С приходом ислама шаманство как самостоятельная религиозная система постепенно отмирает¹.

Верования башкир были многослойными, синкретичными. Духи-хозяева и небесное божество танре сосуществовали в них с более ранними тотемистическими представлениями. Следует выделить среди последних культ медведя и волка. Оба эти культа имели широкое распространение среди народов Евразии, обладали основными признаками тотемистических культов, но отношение к этим зверям всюду было разное. По отношению к медведю у башкир, как и у многих народов Евразии, особенно Сибири, идея кровного родства между ним и людьми проведена последовательно. В легендах, сказках и бытовых рассказах медведь не только уподобляется человеку, но и изображается как человек, в силу каких-то обстоятельств оказавшийся в облике зверя. Народные предания медведю приписывают разум и нравственные качества, свойственные человеку. В представлениях башкир волк выступает как олицетворение ловкости, силы и мужества, качеств, почитаемых людьми. Примечательна легенда о том, что далеких предков башкир на современную родину привел волк, который сразу исчез, как только башкиры добрались до Южного Урала². Однако необходимо отметить, что уже в древности культ этих зверей не мешал народу бороться против их хищнических повадок.

Сохранились свидетельства о почитании башкирами других зверей, птиц и некоторых деревьев. Ибн-Фадлан сообщает: «Мы видели, как (одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбам, (третья) группа поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они (некогда) вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они (враги) обратили их (башкир) в бегство и что журавли закричали сзади них (врагов), так что они испугались и сами были обращены в бегство, ... и поэтому они (башкиры) поклоняются журавлям и говорят: «Это (журавль) наш господин, так как обратил в бегство наших врагов»,

и поэтому они поклоняются им (и теперь)»³. Несомненно, речь идет здесь о племенных культах тотемистического порядка.

Птичий пантеон башкир был шире, чем это описано Ибн-Фадланом. Священной, а потому неприкосновенной птицей почитался лебедь (аккош). Перелетая над аулом, лебедь оповещал о наступлении голода, джута⁴. Многие поверья и обряды связаны с культом кукушки, ворона, грача. Следы некогда существовавшего поклонения грачам отразились в весеннем празднестве карга-туй (грачиный праздник). Еще в XVIII—XIX вв. во время празднества совершались моления в честь умерших родственников, справлялись поминки, делались жертвоприношения. Отсюда нетрудно понять, что в древности культ грачей был связан одновременно с пробуждением природы, знаменующим начало года, и культом предков. В представлениях башкир того времени, как и у многих других народов, с оживлением природы на какое-то время воскрешали и души умерших предков; будучи связаны таким образом с природной стихией, они могли оказать на нее влияние, делать ее благосклонной к людям или, наоборот, вызывать засуху, неурожай, другие стихийные бедствия. Отсюда стремление задобрить предков, шумные поминки, обильная трапеза, состязания и увеселения. Грачи выступали в этих обрядах как существа, связанные с духами предков, с силами временно умирающей и воскрешающей природы. Поэтому не полагалось разорять гнезда грачей, особенно на кладбищенских рощах, потреблять в пищу грачиные яйца и мясо. Большим почитанием у башкир пользовались беркут

¹ Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 24.

² Кузеев Р. Г. К этнической истории Башкирии // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 232.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 66—67.

⁴ Нәзәршина Ф. Халык хәтерә. Өфө, 1986. 92 б.

и сокол, игравшие важную роль при охоте на водоплавающую птицу и зверей.

Кочевничество, основанное на разведении лошадей, породило культ коня. И в жизни, и в фольклоре конь был ближайшим другом, помощником и соратником человека, его основным богатством. Он стал символом быстроты, силы и выносливости, преданности. Мифология наделила коня человеческим разумом и даром речи. Конь продолжал верно служить человеку и после смерти. Знатных людей хоронили с конем.

Исходя из собственного практического опыта и «по своему образу и подобию» башкиры строили «идеальный» мир божеств и духов, наделяя их теми же проблемами, которые были присущи им самим, а больше — преимуществами, которых сами были лишены. Среди демонических существ выделялись һыу эйһе (водяной дух), йорт эйһе (домовой), шүрәле, ярымтык (существа, близкие лешему в верованиях русских), би-сура, албаҫты, убыр (кровожадные духи умерших зловредных людей). Со временем эти представления претерпели заметное влияние ислама и его идеологии, переплелись с теми демоническими образами, которые пришли с Востока вместе с ираноязычной и арабской литературой. В облике, особенно в повадках домовых, водяных, леших и др. появились черты, сближающие или даже объединяющие их с мусульманским иблисом, джином, персонаж этих духов обогатился образами дивов, пери и мало чем отличающихся от них ангелов и архангелов.

Ислам начал проникать в башкирское общество в X—XI вв. через болгарских и среднеазиатских купцов и миссионеров. Одного из башкир, принявшего ислам, встретил в 922 г. Ибн-Фадлан². Видимо, он был не единственным мусульманином среди башкир. В распространении ислама несомненную роль играли вначале Волжская Булгария, а затем Золотая Орда, официально перешедшая в XIV в. в лоно мусульманства. Но не меньшее значение имели торговые и культурные связи башкир с Средней Азией, в первую очередь, с Древним Хо-

резмом, которые с принятием и внедрением мусульманства получили дальнейшее развитие. Очевидно, в XIV в. ислам стал господствующей религией в Башкирии, о чем свидетельствуют упоминавшиеся в предыдущих разделах мавзолее и мусульманские захоронения. Новая религия прежде всего проникла в среду феодализирующейся башкирской знати, которая видела в ней средство для подчинения народных масс.

Сравнительно быстрому утверждению ислама способствовало то, что башкирское общество X—XIV вв. в основном было подготовлено к принятию монотеистической религии классового общества. С одной стороны, происходило становление и развитие феодальных отношений, правда, сильно переплетенных с атрибутами патриархального общества. С другой стороны, сама эволюция народных верований и религиозного мировоззрения шла по линии формирования монотеизма.

Мусульманское духовенство вело борьбу с доисламскими верованиями и обрядами, стремилось вытеснить «языческие» божества. Постепенно башкиры стали почитателями единого аллаха и его последнего пророка Мухаммеда, священной книги мусульман Корана, а в жизни и поведении стали придерживаться правил шариата. Однако древние верования и обряды, духи и божества не исчезли, они были лишь оттеснены и стали жить параллельно с мусульманскими обрядами и праздниками, пророками, ангелами и злыми демонами. Произошло синкретическое скрещивание новой веры и ее обрядности с местными обычаями и обрядами. Более того, шариат — свод мусульманских законов и правил, — включает в себя и адаты — нормы обычного права³. Противоречия между ними не всегда решались в пользу шариатных норм. В частности, конина осталась одним из основных видов

¹ Руденко С. И. Башкиры. М.; Л., 1955. С. 314.

² Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 130.

³ Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 4.

пищи башкир, хотя шариат не рекомендует ее потребление. Не придерживались башкиры, как и казахи, узбеки и татары, многих брачных запретов, руководствовались больше местными обычаями при разделе имущества и наследовании¹. Поэтому мусульманство у каждого из исповедующих его народов, в том числе и у башкир, обрело местные особенности, отличающие его от ортодоксального ислама арабов времени его возникновения (VII в.).

§ 3. Народное творчество

Устное народное творчество. Башкиры создали богатый фольклор, связанный с ранним периодом их истории. В произведениях устного народного творчества художественно отражены воззрения древних башкир на природу, их житейская мудрость, психология, нравственные идеалы, социальные чаяния и творческая фантазия народа. Жанровый состав башкирского устного народного творчества разнообразен: сказки, эпические сказания, легенды, предания, загадки, пословицы, песни (обрядовые, эпические и лирические), байты и другие.

Сказочная проза включает в себя сказки о животных, сказки богатырские, волшебные и бытовые. Наряду с фантастическими элементами в них нашли отражение многие стороны реальной жизни, идеалы и мечты народа, его борьба против грозных сил природы и социальной несправедливости. Наиболее древними являются сказки о животных. Многие из них возникли в период родового общества и отражают, с одной стороны, страх и бессилие человека перед миром животных, поклонение им, а с другой, — стремление его познать и управлять силами природы. Сказочные образы животных создавались на основе наблюдений человека над жизнью и повадками животных. Впоследствии сказки о животных переосмысливались и начинали звучать аллегорически, как сатира на представителей господствующих классов и на людские пороки, что и стало одной из причин долговечности этих сказок.

Широко распространены были волшебные сказки, которые построены на элементах художественной условности (участие в действии фантастических существ, чудесное рождение героя, всевозможные мифические превращения человека в животных и, наоборот, одушевление природы). Происхождение волшебной сказки связано с разрушением родового строя и зарождением классового общества. Многие сюжеты и образы сказок этого типа изобилуют мифологическими воззрениями, однако главное их назначение — изображение реальной жизни человека, показ социальной несправедливости. Герои волшебных сказок делятся на положительные и отрицательных. Конфликты между силами добра и зла заканчиваются, как правило, победой положительного героя и его чудесных помощников (конь тулпар, птица — самригуш). Носителями зла выступают дэв, мяскяй (мáскэй — ведьма-людоедка, баба-яга), юха, аждаха, иногда — хан, царь («Свекровь-убир и несчастная сноха», «Семь девушек», «Юха» и др.)².

Значительный пласт в сказочном репертуаре составляют богатырские сказки, где «героика выражена, как и в эпосе, в отважных деяниях могучего человека, хотя события происходят не в определенной эпохальной обстановке, а в некотором царстве, некотором государстве»³. Типичный герой башкирской богатырской сказки — Акъял-батыр, обладавший необыкновенной силой и выносливостью. «Мальчик рос быстро. За день вырастал на месяц, а за месяц — на целый год и в семь лет превратился в батыра. Ему нипочем были и медведь, и волк..., легко настигал оленей и диких коз. Приводил их домой, и те становились ручными»⁴. Оказавшись в подзем-

¹ Бикбулатов Н. В. Шариат и обычай в наследовании и разделе имущества у башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 29—46.

² БНТ. Сказки. Уфа, 1976. Кн. 1. С. 6, 182, 200, 264 (на башк. яз.).

³ Бараг Л. Г., Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки // БНТ. Уфа, 1988. Т. 3. С. 6.

⁴ Акъял-батыр // БНТ. Т. 3. С. 82.

ном мире, где люди страдали от мифического чудовища — дэва, Акъял-батыр убивает дэва и дарует всем свободу. В этом эпизоде выражена извечная мечта народа о вольной, счастливой жизни. Развитие бытовой сказки, зародившейся также в недрах родового строя, относится к более позднему времени. Простые по композиции, небольшие по объёму, созданные в реалистическом, часто в сатирико-юмористическом стиле, они имеют ярко выраженную социальную окраску¹. Если главные герои волшебных и богатырских сказок ведут тяжёлую борьбу и побеждают врагов в основном благодаря своей доброте, богатырской силе, герои бытовых сказок чаще действуют хитростью, смекалкой, находчивостью. Таковы популярные герои башкирских сказок Таз (Плешивый) и Алдар (Врун). Прозвища и неказистый облик этих сказочных героев не вызывают антипатии к ним и по существу являются лишь художественным приемом, как бы унижающим героя вначале с тем, чтобы подчеркнуть необычайность совершаемых им в дальнейшем подвигов, недоступных другим².

Сказки всех типов изобилуют историко-этнографическими реалиями. В них находят отражение формы хозяйствования (охота, скотоводство, различные виды домашнего труда), условия социальной жизни, различного рода конфликты. Основным направлением сказок является борьба человека за свои права, за свое место в жизни, утверждение идеи социальной справедливости.

Значительную часть духовной культуры башкир составляет эпос, включающий такие жанровые разновидности, как кубаир — песнь-прославление, хикаят — рассказ, повествование, повесть; кисса — рассказ, сказание, история романтического содержания, наполненная невероятными приключениями и драматическими ситуациями³. Сюжеты кисса восходят к литературным источникам, широко распространенным на Востоке.

Для башкирского эпоса характерно сочетание прозаического и стихотворного повествования. По свидетельству исследователей, декламация или пение

стихотворной части эпоса сопровождались игрой на курае и домбре⁴. Создателями и хранителями эпического наследия были сэсэнны — люди, наделенные ярким поэтическим талантом, исключительной памятью, мудростью. В течение столетий они поддерживали и развивали традицию импровизаторства. Известными хранителями эпической памяти древних башкир были сэсэнны Габит Аргынбаев (1856—1926), Хамит Альмухаметов (1861—1923), Мухаметша Бурангулов (1888—1966).

В основе эпоса лежит художественное отражение прошлого народа в формах героической идеализации. Персонажи древних кубаиров и сказаний — батыры (богатыри) изображаются как герои, совершающие благородные деяния и подвиги. Лейтмотивом большинства эпических произведений является борьба героя во имя интересов и чаяний своего народа.

Башкирский эпос, как и эпическое творчество других народов, зарождается в эпоху разложения первобытнообщинного строя и достигает своего совершенства в эпоху феодализма⁵. В начале XX в. были зафиксированы бытовавшие среди башкир крупные произведения с оригинальными сюжетами: «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», сказания о животных «Кара-юрга» («Воронной иноходец»), «Акхак-кола» («Хромой Саврасый»), «Конгур-буга» («Бурый бык») и др. В 1981 г. впервые обнаружен эпос «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков». В то же время в народе

¹ Барга Л. Г., Сулейманов А. М. Башкирские бытовые сказки и их разновидности // БНТ. Уфа, 1990. Т. 5. С. 6.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 71.

³ Зарипов Н. Т., Сагитов М. М. Башкирский народный эпос // БНТ. Уфа, 1987. Т. 1. С. 16.

⁴ Вильданов Г. Исследования в области литературы тюркских народов и их закономерности // Башкорт аймағы. 1926. № 2 (на башк. яз.); Бурангулов М. Творцы фольклора // Башкирская народная поэзия (на башк. яз.) — НА УНЦ РАН, Ф. 3. Оп. 12. Д. 445. Л. 2—5.

⁵ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970. С. 47.

широко распространены также сюжеты, общие для фольклора других тюркских народов («Алпамыша и Барсынхылу», «Кузыкурпяс и Маянхылу» и другие).

Древнейшими эпическими памятниками являются кубаиры, в исторической основе которых лежат мифологические воззрения предков башкир. Совокупность представлений о мироздании, о жизни и смерти, добре и зле отражены в кубаирах согласно художественной природе героического, отчасти сказочного эпоса. В эпических сюжетах события происходят в сказочно-фантастическом мире, где герои-богатыри, наделенные сверхчеловеческой силой, борются с дэвами, змеями и другими демоническими существами.

Отражением мифологического мирозерцания являются характерные для многих тюркских и монгольских народов представления о трехъярусном мире — небесном, земном, подземном или подводном¹. Очеловечивание природы (антропоморфизм) особенно характерно для эпоса «Урал-батыр». Планеты Солнце и Луна изображены там как жены небесного царя — Самрау. А его дочери Айхылу и Хумай могут менять свой облик и превращаться в птиц или в прекрасных девушек. Мотив обратимости персонажей присутствует также в сказаниях «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу».

Эпически крупно, через действия главного героя раскрываются представления народа о добре и зле. Так, обладающий титанической силой Урал-батыр, преодолевая невероятные трудности, уничтожает дэвов и змей, добывает «живую воду» для того, чтобы победить смерть во имя вечного существования человека и природы. Урал не выпил сам добытую им «живую воду», а разбрызгал ее вокруг себя, и иссохшая природа ожила, зазеленела и стала бессмертной. Как известно, понятия «живая вода», «живой родник» связаны с мифологическими воззрениями многих народов, в том числе тюркских. В подвиге героя башкирского эпоса высвечиваются глубинные пласты первобытного мышления — понятия о покровителях и духах природы. Урал-батыр, победивший

смерть ценой своей жизни, является одним из величайших образов башкирского фольклора, стоящих в одном ряду с классическими фольклорными героями — древнегреческим Прометеем и вавилонским Гильгамешем².

Свое богатырское призвание освободить людей от злых сил осуществляют и герои эпических сказаний «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу». Герой эпоса «Акбузат» Хаубан отправляется в подводное царство не только за невестой, но и с целью добыть священного крылатого коня Акбузата и алмазный меч своего прадеда Урал-батыра, без которых невозможны богатырские подвиги эпического героя. С помощью Акбузата Хаубан побеждает падишаха подводного царства Шульгена, уничтожает дэвов и Кахкаху — чудовищного зверя, проглатывающего людей. Вызывает искреннее восхищение красноречие сэсэнов, их поэтическое мастерство, особенно в описании Акбузата и подвигов батыра.

Эпические сказания «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу» включают культурные пласты разных исторических эпох. Богатый архаический фольклорный материал, который лежит в основе их сюжетов, в значительной мере дополнен представлениями, которые соответствуют более поздним ступеням общественного развития (образы деспотических ханов и борьба эпического героя в защиту обездоленных и др.)³.

Большой научно-познавательный и художественный интерес представляют сказания, относящиеся к раннефеодальному периоду истории башкир: «Алпамыша», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра», «Кусяк-бий». Все они «ратуют за объединение разрозненных племен, зовут к единению, чтобы совместными усилиями защитить и отсто-

¹ Зарипов Н. Т., Сагитов М. М. Указ. соч. С. 19.

² Харисов А. И. Башкирская народная поэзия // БНТ. Уфа, 1954. Т. 1. С. 18 (на башк. яз.); Петросян А. А. История народа и его эпос. М., 1982. С. 34.

³ Мирбадалева А. С. Башкирский народный эпос // Башкирский народный эпос. М., 1971. С. 29—33.

ть независимость общей родины от иноземных захватчиков»¹. Осуждает межплеменные распри и захватнические войны, призывает к миру и согласию между народами, между человеком и природой кубаир «Узак-тузак — последний из рода балабашняков»². В этом произведении запечатлена трагическая история гибели древних кочевников, обитателей долин реки Калки и степей Приазовья, известных в истории под названием печенегов (башняков). Своей высокой художественностью, характером стиха, идеей о вечности жизни кубаир перекликается с «Урал-батыром». В «Балабашняке» древние мотивы, и прежде всего воззрения, связанные с культом природы (Ер-һыу), нашли особенно яркое выражение.

Многовековая борьба башкир против золотоордынских ханов отражена в эпических сказаниях «Идукай и Мурадым»³, «Мэрген и Маянхылу»⁴. Наполнены глубоким содержанием сюжеты, в которых повествуется о борьбе башкирских племен против угнетения и произвола казанских и ногайских ханов («Ек Мэрген», «Хикаят о Мамай-хане» и др.)⁵. Для эпоса этого периода характерно усиление социально-исторических мотивов. Тема защиты Родины, избавления народа и страны от завоевателя становится главной. Действия эпических героев направлены не на преодоление мифических сил, а преимущественно на борьбу с иноземными поработителями. Новую художественную окраску получили и образы батыров.

Древнейшей частью несказочного башкирского фольклора являются космогонические и этиологические легенды, топонимические и этногенетические предания. Космогонические легенды сохранили черты древних мифологических представлений о «связях» звезд и планет с животными и людьми земного происхождения. Например, пятна на Луне — это вечно гонящиеся друг за другом косуля и волк (в других вариантах — девушка с коромыслом); созвездие Большая Медведица (Етегән) — семь волков или же семь девушек-красавиц, которые при виде царя дэвов в испуге прыгнули

на вершину горы и оказались на Небе («Два зверя на Луне», «Луна и Зухра», «Большая Медведица»)». Полярную звезду называли железным колом («Тимер казык»), а две соседние с ней звезды — лошадами (Бузат, Сарат), привязанными к железному колу. Волки из созвездия Большой Медведицы не могут догнать лошадей, так как с рассветом и лошади и волки должны исчезнуть⁷. Аналогичные представления имеются у многих тюрко-монгольских народов. Основанием для рождения подобных мифов служили наблюдения за видимым движением небесных тел, как бы стремящихся догнать друг друга⁸. В этих мотивах своеобразно отразились и взгляды скотоводческих народов, в том числе башкирского.

Для космогонических легенд характерна антропоморфная трактовка образов небесных светил. Так, в легенде, записанной в прошлом веке от мензелинских башкир уфимским краеведом М. В. Лоссиевским повествуется: «Одна красивая башкирская девушка с ведрами на коромысле отправилась в лунный вечер за водой. Вечер был так тих и прекрасен, месяц светил так ясно, что девушка невольно залюбовалась его блестящим видом. «Какой сильный этот месяц, — подумалось ей, — и верно добрый: так весело смотрит с неба, как будто улыбается!». В таких думах девушка подошла к источнику и, зачерпнув в ведра воды, заметила на берегу вымытую огромную кость, должно полагать, батыра, потому кому же, как не батыру, должна принадлежать эта ножная кость? Какой однако большой батыр был, — воскликнула она и, взглянув на месяц, как бы невольно

¹ Зарипов Н. Т., Сагитов М. М. Указ. соч. С. 24.

² БНТ. Т. 1. С. 239—247.

³ Агидель, 1989, № 1. С. 19—74 (на башк. яз.).

⁴ БНТ. Эпос. Уфа, 1982. Кн. 3. С. 45—57 (на башк. яз.).

⁵ Там же. С. 63—66, 44—45.

⁶ БНТ. Уфа, 1987. Т. 2. С. 30—36.

⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 63. Д. 56. Л. 13—14.

⁸ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. IV. С. 135.

продолжала, — если бы у меня был такой муж, как месяц, я непременно родила бы ему такого же батыра. И месяцу очень понравилась эта девушка, и он взял ее к себе — и теперь она стоит с ведрами и коромыслом¹. Данный архаический сюжет имеет параллели в фольклоре многих народов мира.

Существовали легенды об утках-демиургах, сотворивших некогда землю из песчинок, глины, ила, добытых ими со дна моря². В башкирском фольклоре известны образы утки и селезня, выступающих как духи-хозяева горного озера (легенда «Югомаш-тау») ³. Представления о создании земли птицами встречаются в мифологии монгольских, скандинавских и ряда тюркских народов. Возникновение подобных легенд обуславливалось древним образным мышлением, связанным с трудовой деятельностью людей эпохи родового строя.

Значительное место в бытующей и поныне народной несказочной прозе занимают топонимические предания и легенды. Древнейший их пласт составляют легенды, восходящие к мифологическим представлениям. Так, по легенде, записанной в д. Турат (Илясово) Хайбуллинского района, название косогора Турат произошло оттого, что там будто бы похоронен крылатый конь-тулпар. По легенде «Караидель», родник Караидель забил из-под земли в том месте, где могучий крылатый конь ударил копытом⁴. В топонимических легендах, как и в космогонических, природа поэтически одушевляется. Реки разговаривают, спрят, сердятся, ревнуют («Агидель и Яик»), «Агидель и Караидель», «Калым Урала», «Большой и Малый Инзер») ⁵.

Своеобразны старинные предания, в которых рассказывается о происхождении племен, родов и их названий, а также об историко-культурных связях башкир с другими народами. Самый древний мировоззренческий пласт образуют легенды-предания о родоначальниках башкирских племен. Первопредками родов выступают Волк («Потомство волков»), Медведь («Происхождение от медведя»), Конь («Тарпан человечесий»), Лебедь («Племя Юрматы») и демоноло-

гические существа — черт («Род шайтанов»), Шурале-леший («Род потомков шурале») ⁶.

Исторические предания башкир отражают многие реальные события общественного значения в народном осмыслении. Память народа сохранила и донесла до нас отзвуки трагической эпохи в судьбах многих народов, в том числе и башкирского, — эпохи монголо-татарского нашествия. Народные рассказы описывают нашествие монголов как вторжение на благодатную землю мирно живущих людей «черной жестокой рати», уничтожающей на своем пути все живое, все священное. Они запечатлели имена батыров, которые встали на защиту родной земли и погибли в неравном бою (Биксура, Акман-Токман) ⁷. Предание, записанное в середине прошлого века В. С. Юматовым от башкир племени мин, изображает события времен владычества ногайских мурз. Оно донесло до нас дух давно минувшей эпохи: «Началась между Килембетами война; множество народа погибло. Наконец, сделалось землетрясение, земля кричала, говорят башкиры...» ⁸.

К жанрам фольклора, возникшим в глубокой древности, относится загадка. Вначале она была связана с верованиями первобытных людей, носила обрядовую функцию, а затем с изменением общественно-исторических условий постепенно приобрела педагогическое значение и развлекательную функцию.

В загадках народ создает поэтический образ того, что его окружает: предметов, явлений, людей, животных и т. д. В отличие от других жанров, они поэтизируют конкретные, самые обыкновенные, но близкие и необходимые чело-

¹ Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. Т. II. С. 106—107.

² БНТ. Т. 2. С. 30.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 57—58, 75.

⁵ Там же. С. 76—78.

⁶ Там же. С. 103—106, 110—115, 117.

⁷ Там же. С. 166—169.

⁸ Оренбургские губернские ведомости, 1848.

веку вещи реальной действительности. В основе большинства загадок лежит метафора, т. е. перенесение значения по сходству. Объект для сопоставления, сравнений народ выбирает из среды, близкой к своему быту и согласно своему художественно-поэтическому вкусу.

Огромное количество «загадочных» метафор связано с образами животных, с которыми люди постоянно соприкасались. Вот один характерный пример:

*«На Белой реке — Агидели лихой
жеребец*

Подает голос через Урал.

На Сакмаре-реке рыжая кобылица

Не сходит с гребня горы»¹.

Это загадка о громе. Гром метаморфически изображен как лихой необъезженный жеребец, а молния — как рыжая кобылица.

Образность, гармония звуков, ритмичность, свойственные загадкам с древних времен, способствовали их сохранению на протяжении веков.

На ранних стадиях общественного развития вырабатывались определенные правила человеческого общежития, морально-этические понятия и нормы общества, которые оформлялись в виде пословичных суждений, выполнявших роль неписаных законов и правил. В каждой пословице выражена непреложная истина, которая была проверена наблюдениями и опытом многих поколений. Поэтому пословичный материал в целом может служить достоверным источником изучения жизни народа и позволяет судить о том, как и почему народные трудовые массы осуждали или высоко оценивали то или иное общественное явление.

Историко-сравнительный анализ пословиц позволяет выделить целый ряд изречений, отражающих домусульманские религиозные воззрения башкир. Например, пословицы-приметы «Ворон каркает — к несчастью», «Клекочет ворон — уйдет благополучие» восходят, вероятно, к древним мифологическим представлениям. С ними же связаны, видимо, изречения: «Лес — уши, поле — глаза», «Увидевший ноги у змеи будет счастливым», «Улетит журавль — уйдет благополу-

чие», «Огонь и вода в руках тэнгри»² и др. В соответствии с жизненным опытом и религиозным миропониманием башкиры объясняли окружавший их мир.

Пословицы об общественном и хозяйственно-бытовом укладе башкир отражают различные стадии их исторического развития. Обычаи и традиции башкир в период родового строя выражены в пословицах: «У одинокого и лук может потеряться, а в обществе не потеряется даже стрела», «У того, кто с родом, и стрела не потеряется». О кровной мести говорят пословицы «Кровь за кровь», «Мсть (даже) отца убьет»³.

Сохранилось много пословиц и изречений, относящихся к ранне-феодальному периоду истории башкир. Это прежде всего пословицы о ханах и биях, о народной ненависти к ним: «Не ходи к бию — сам за тобой придет, не ходи к хану — сам за твоим добром придет», «Путь хана покрыт кровью». «Когда ханов много — много войн, когда биев много — много ссор». Отдаленным эхом феодальных междоусобиц звучат пословицы: «Сегодня братья родные — завтра враги кровные», «Ходивший на сражение долю получил, струсивший — себя погубил»⁴.

Однако следует подчеркнуть, что пословиц, у которых более или менее определенно выступает хронологическая основа, сравнительно немного. В силу своей необыкновенной смысловой емкости пословицы обычно переходят из одной эпохи в другую, и зачастую бывает трудно определить время их возникновения.

Музыкальный фольклор. Башкиры располагали довольно развитой народной музыкой. В ней центральное место принадлежит песне, преимущественно в ее сольном исполнении певцами или инструменталистами.

¹ БНТ. Загадки. Уфа, 1980. С. 40 (на башк. яз.).

² БНТ. Пословицы и поговорки. Уфа, 1980. С. 12, 430, 434 (на башк. яз.).

³ Там же. С. 92, 120, 339, 306.

⁴ Там же. С. 98, 106, 125.

Башкирские национальные музыкальные инструменты немногочисленны, но своеобразны. Наиболее распространен древний самобытный музыкальный инструмент курай. Легко изготавливаемый самими исполнителями кураистами из полого внутри стебля зонтичного растения (русское название «дыгель», или «дудник»), в большом количестве растущего на территории Башкирии, курай сопровождал башкирскому народу на протяжении всей его многовековой истории. Помимо простоты изготовления, популярности курая содействовала поэтичность и эпическая возвышенность его звучания, дальняя слышимость его звука на открытом воздухе.

Курай — древний музыкальный инструмент, разновидность прямой флейты, возникновение которой наука связывает с эпохой палеолита. Строй курая указывает на то, что мелодическая культура башкирской народной песни была богатой также и в отдаленной древности.

Другой распространенный в прошлом в башкирском народном быту музыкальный инструмент — кубыз (кумыз), деревянный или металлический губной варган (русское название «зубанка»). Археология связывает распространение губных варганов с эпохой позднего неолита.

Кубыз — инструмент небольшого размера, с еле слышным звуком. Благодаря этому он был в прошлом инструментом главным образом башкирской женщины. Специфические условия, в которых находилась женщина-башкирка после распространения в Башкирии ислама, вызвали подобное использование кубыза. Лишенная мужского общества, отделенная от него в быту, не имея права ни громко говорить, ни петь, башкирская женщина тем не менее должна была искать пути к выражению своих чувств в музыке. Тихое и нежное звучание кубыза едва слышно: под его звуки можно тихо петь и бесшумно танцевать. С другой стороны, кубыз настолько мал, что хранение его (или мгновенная утайка) не представляет трудностей. Так надолго, вплоть до Октябрьской революции, утвердилось общественное назначение

кубыза как музыкального инструмента женщин и детей.

С кураем и кубызом связано так называемое остигатное двухголосье¹. Это говорит о том, что зачаточные формы многоголосья восходят к далекому прошлому, хотя башкирская народная музыка веками развивалась почти только в качестве мелодической культуры сольной традиции. Все русские ученые и местные краеведы, соприкасавшиеся с башкирской музыкой, указывали на ее напевность, мелодичность, глубину и в то же время на отсутствие в ней многоголосья (вторы, хоров и ансамблей). Сольная традиция исполнения с ее тяготением к виртуозности и импровизации господствовала в башкирской народной музыке почти до советского времени.

В хозяйственной жизни башкир большое место занимала охота. Башкир-охотник, не имея огнестрельного оружия, мог поражать зверя или птицу стрелой из лука, камнем из пращи или метательным копьем. Для этого он должен был либо, оставаясь незамеченным, близко подползти к зверю или дичи, либо же подманить их к себе. Отсюда у башкир в древности была выработана своеобразная охотничья практика — подражание голосам животных, а также крикам и пересвистываниям птиц. У отдельных виртуозов, владевших подобными охотничьими приемами, это подражание перерастало в своеобразное искусство, отголоски которого встречаются и поныне. В 90-х годах XIX в. С. Г. Рыбаков встретил в башкирской деревне мастера «петь по-птичьему», который по просьбе исследователя «стал издавать в высшей степени странные своеобразные звуки полузакрытого характера; эти звуки действительно были похожи на что-то птичье, но вместе с тем ясно слышалась мелодия... Это лебединое курлыкание слушалось прямо с удовольствием: так это было необычайно, искусно и вместе с тем приятно... Затем он изобразил, как

¹ В исполнении на этих двух инструментах наряду с основной мелодией в нижнем регистре звучит постоянно тянущийся (остинатный) звук.

воркуют голуби, как поет какая-то птица, кажется стрепет, и все это было очень своеобразно и правдоподобно»¹.

Охотничьи приемы подражания горлом всевозможным крикам и пересвистам явились той базой, на которой в древности развивалось в быту башкир такое своеобразное явление, как узляу (өзләү) — редко встречаемое искусство певца-исполнителя, добивающегося двухголосья с помощью тянущегося в нижнем регистре остигатного звука и одновременно — особого тембра мелодии, звучащей в верхнем регистре.

В соответствии с характером жизни в древности у башкир широко были развиты изобразительные, программные пьесы для курае. Каждая из этих музыкальных пьес наряду с определенной мелодией имела и свою сопутствующую музыке легенду, часто представляющую самостоятельное художественное произведение. В легенде к пьесе «Поющий журавль» («Сыңрау торна»), которую слышал еще Ибн-Фадлан в первой четверти X в., журавли предстают то предвестниками добра, то несчастья. По мотивам этой древней легенды и музыкальной пьесы в советское время написан башкирский национальный балет «Журавлиная песнь». В другой легенде — «Вороненок» («Бала карға») — рассказывается о том, как старый ворон вырастил в своем гнезде ребенка, лишённого родителей в годину войн, разорения и бед.

Часть подобных программных музыкальных пьес исполняется не только на курае, но и с поэтическим текстом. Таковы, например, песни «Перепелка» («Бүзәнә»), «Буренушка» («Куңыр буға»), «Хромой конь» («Ажһак кола») и др.

Исключительное значение лошади в жизни башкир, особенно ее роль в походах и войнах, породило множество песен и инструментальных пьес о коне. В подавляющем большинстве их преобладает быстрое движение и характерные ритмы, при помощи которых воспроизведен ритм бега коня. Некоторые из пьес имеют словесные тексты, а также сопровождаются программно-изобразитель-

ным танцем, в котором также легко можно усмотреть подражание бегу коня и телодвижениям джигита во время верховой езды. Описание исполнения самой популярной из этого цикла пьесы — «Воронной иноходец» («Кара юрга»), — сопровождавшейся пением и танцем, дано позднее, в XVIII в., академиком И. И. Лепехиным. В припеве этой песни четко выражен ритм бега коня.

Старый башкирский обычай не допускал брака между людьми одного и того же рода. Поэтому девушку выдавали замуж за человека из дальних мест. Отъезд из родного дома в дальний аул вызывал у невесты душевное страдание, а свадьба превращалась в глубокую драму: соблазненные калымом (выкупом за невесту) родители нередко выдавали дочь за богатого старика, имевшего уже несколько жен. На такой брак девушка могла реагировать только традиционной обрядовой песней — сенгляу (предсвадебные причитания, или плач), повсеместно распространенной в прошлом в быту башкир. Поэтому сенгляу, обращенная к родителям и родственникам, звучала как голос протеста, выражавший не только личное горе вступающей в брак девушки, но и скорбь башкирской женщины вообще.

В течение веков напевы сенгляу существенных изменений не претерпели. Это объясняется узко обрядовой функцией сенгляу и традиционной однообразностью их драматического содержания. Ярко выраженный квартовый лад, часто подчеркнутый качанием голоса между нижним и верхним опорными звуками, звуковысотная и общая интонационная ограниченность напевов — таковы характерные черты, свидетельствующие о древности происхождения напевов сенгляу. Музыкальные интонации, постепенно отлившиеся в определенные мелодические формулы напевов сенгляу, выросли непосредственно из плача, всхлипывания, во время которых произносились слова жалобы и протеста. Сен-

¹ Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман. СПб., 1897. С. 241—242.

гляу следует рассматривать как отголосок одного из видов древнего синкретического искусства: музыкальная интонация и слова слиты в нем как некое единое целое, а сама форма, вырастая из определенного действия (оплакивания, жалобы, причитания), как бы предполагает воссоздание этого действия в целях полноты впечатления.

Народная хореография. Особенности хозяйственной жизни и быта башкир, образное восприятие ими окружающей природы, древние верования и обряды их нашли отражение в хореографическом искусстве. Тематика танцев была разнообразной: охотничьи, воинственные, трудовые, свадебные и пр.

Как в мужском, так и женском танцах прослеживается подражательная основа плясовых движений. В мужских охотничье-воинственных танцах исполнители подражали топоту конских копыт, моментам объезды, джигитовки, скачек, иноходи, бегу, различным движениям коня и поведению всадника. Степные боевые традиции кочевников закрепили в народной хореографии башкир воинственность, скульптурность поз, фиксированные жесты, мужественную осанку.

Воинственные танцы были неотъемлемой частью празднеств йыйын, майзан, на которых состязались лучшие певцы, танцоры, музыканты, сказители-сэсны. Талантливые сказители и пели, и танцевали, рассказывая собравшимся эпические произведения или легенды. Исполнители эпохи посредством песнеплясок передавали молодым историю своего рода, образно описывая подвиги, борьбу и смерть различных героев. Еще в 70-х гг. XVIII в. подобные синкретические действия наблюдал И. И. Лепехин¹.

В женских плясках изображались различные трудовые процессы: дойка кобылиц, сбор ягод, обработка шерсти, прядение, наматывание нити в клубок, сбивание масла, приготовление кумыса. Исполняя руками различные движения, женщины одновременно притопывали, мелко перебирая ногами. В женских тан-

цах дробы исполнялись более мягко, без прыжков.

Наиболее развитыми формами в башкирской хореографии были одиночные танцы: охотничьи, воинственные, эпические (хунарсы — охотник, кара юрга — вороной иноходец, акнак кола — хромой конь), трудовые (орсок иләу — прядение, көтөүсе — пастух), свадебные (йыуаса — гостинец, киленсәк — невестка, айыу туны — медвежья шуба), игровые (кыззар бейеүе — девичий танец, еңгәйзәр бейеүе — женский танец). Широко были распространены и дуэтные танцы — соревнования, исполнявшиеся на праздниках и свадьбах (каршы бейеү — лицом к лицу), танцы трио (өс таған — треножник, өс мөйөш — три угла, өс бүкән — три пня).

Основой построения коллективных танцев являлся чаще всего замкнутый круг, в котором исполнители держались за руки (түнәрәк уйыны — круговой танец, тула баһыу — изготовление сукна, сылбыр — цепь). Бытовали также линейные пляски (кара-каршы — лицом к лицу, киндер тукмау — смягчение тканины). Танцы имели четкую структуру: на первую половину мелодии исполнялись движения по кругу против хода солнца, на вторую — различные дробы.

На этих движениях были основаны и обрядовые пляски, связанные с языческими верованиями башкир. Обряды *албасты кыуыу* — изгнание злого духа албасты, *шайтан уйыны* — чертова игратанец, *кот койоу* — лечение от испуга, *биртек* — лечение поясницы сопровождались пляской или отдельными танцевальными движениями. Магическую роль при изгнании болезней имели круговые обходы больного бесогонителем (күрәзә), громкий топот, стук о металлические предметы, удары плетками, пропитанными конским потом, песни-заклинания. Обряд лечения от испуга сопровождался круговым ходом вокруг больного

¹ Лепехин И. И. Продолжение записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. С. 114.

■ песней-призывом к духам умерших предков — харнау¹.

Отражением культа птиц были такие пляски, как карга буткаһы — грачиная каша, кәкүк — кукушка, кор уйыны — глухарина игра, күгәрсен — голубь; плясовые игры: аккош — лебедь, инә кош — мать-птица, сәмрегош — мифическая птица сәмре. Все они исполнялись в составе различных обрядов и празднеств.

В обрядовых плясках нашла отражение мечта человека о победе над злом, болезнями, стихийными бедствиями. В этом смысле древнее народное искусство служило активной, преображающей силой. В плясках, соотносящихся с древними тотемистическими и анимистическими верованиями, мать-птица или священная птица сәмре всегда побеждают злых духов (убыр, мәскәй, аждаһа). В шаманско-знахарских обрядах изгнания злых духов (албаһты, мәнғон) из тела больного также отразилась вера в силу и могущество человека.

Среди обрядовых плясок большое место занимают свадебные танцы (йыуаға сығыу — сбор дикого лука, һыу юлы — показ дороги к воде, азаккы уйын — последние девичьи пляски на свадьбе. В них отражены мотивы соперничества роднящихся сторон, уважительное отношение к новому члену рода — молодой невестке, и в целом комплекс этических и эстетических представлений, связанных с мировоззрением народа и играющих важную роль в жизни общества.

§ 4. Письменный язык и литература

Письменность. Корни литературного языка и письменности башкир, как и у других тюркских народов, восходят к письменному языку древнетюркских памятников. К XI—XII вв. он вбирает в свой состав элементы языка болгар, огузов, кыпчаков, а также арабо-персидские заимствования, проникшие в Поволжье и Приуралье с принятием ислама. Чер-

ты преобразованного литературного языка, которым пользовались болгары, башкиры и другие, наиболее ярко проявились в поэме «Кисса-и Юсуф» Кул-Гали.

В Золотой Орде монгольский язык не получил сколько-нибудь значительного распространения. После ассимиляции монголов местным населением основным языком Золотой Орды становится тюркский (кыпчакский). На кыпчакской основе дальнейшее развитие получил тюркский литературный язык. На нем вели деловую переписку, создавали научную и художественную литературу. Правда, до хана Узбека языком документов и дипломатии оставался монгольский². Тюркский литературный язык был общим для тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Урала, включая башкир. «Феодализм, — писал Д. С. Лихачев, — развивает письменные языки, объединяющие ряд стран, ряд этнических образований. Но этим дело не ограничивается: эти письменные наднациональные языки существуют на основе такой наднациональной, общей для ряда стран культуры, типичной чертой которой является ее связь с религией»³. Памятники тюркского (кыпчакского) языка отличаются диалектной пестротой.

Усиление феодальной раздробленности привело к формированию региональных литературных языков. В недрах тюркского литературного языка складывается общий для татар и башкир письменный литературный язык тюрки Урало-Поволжья. В основу графики тюрки Урало-Поволжья положен арабский алфавит. Характерными памятниками

¹ Салтыков И. В. Башкирские народные песни // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. Вып. 1. С. 261.

² Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 9.

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1973. С. 40.

⁴ Закиев М. З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков // Советская тюркология, 1975. № 5. С. 10.

этого языка являются ярлыки золотоордынских ханов Тохтамышша и Темир-Кутлуга, художественные произведения «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Гулистан» С. Сарай и т. д.

Будучи ответвлением общего конгломератного тюркского литературного языка, тюрки Урало-Поволжья впитал караханидско-уйгурскую, хорезмско-золотоордынскую и восточно-тюркскую типологии¹. Он испытал также влияние языка устного народного творчества формирующихся башкирского и татарского народов. И все же тюрки Урало-Поволжья отличался от разговорного языка, имел большой пласт фонетических, лексических и грамматических элементов, характерных для языка древнетюркских памятников, изобилуя арабо-персидскими заимствованиями. Этот своеобразный «интернациональный» фонд и близость разговорных языков башкир и татар послужили тем основанием, что каждый из этих народов пользовался тюрки как своим письменным литературным языком, развивал его.

Литература. Ранние этапы письменного художественного слова башкирского народа протекали под влиянием культуры Волжской Булгарии. Вполне правомерно предполагать, что башкиры посещали ее города, жили в них, обучались, знакомились с литературой, распространяли ее среди соплеменников. Да и болгары, особенно духовные и торговые люди, способствовали, очевидно, распространению литературы в башкирских кочевьях. Башкиры не только читали болгарскую литературу, но постепенно сами стали участвовать в ее развитии.

Характерным образцом литературы болгарского периода является созданная в XIII в. романтическая поэма «Кисса-и Юсуф» Кул Гали, посвященная поиску справедливого общества, показу чистой, беззаветной любви. Она несет общечеловеческие, гуманистические идеи борьбы добра и зла, характеризуется религиозно-дидактическим толкованием событий, традиционным сюжетом, устойчивыми формами образности и стилистики.

Личность автора поэмы неизвестна. Существуют различные версии. Изучив шежере (родословную) своего рода, Тажетдин Ялсигул связывает Кул Гали с айлинскими башкирами, показывает его их родоначальником². Но так или иначе, он был высокообразованным художником-мыслителем, а его творение «Кисса-и Юсуф» являлось продуктом развитой для своего времени городской культуры Булгарского государства.

«Кисса-и Юсуф» получила широкое распространение среди башкирского населения. На территории Башкирии найдены более 70 списков поэмы и записаны фольклористами 50 ее башкирских народных версий³. Идеи и образы поэмы Кул Гали прослеживаются в башкирской поэзии XVII—XX вв. «Многие лирические рисунки, приемы поэтического воплощения, укоренившиеся в дореволюционной и современной татарской и башкирской поэзии, берут начало от этой поэмы» — писал литературовед А. И. Харисов⁴.

В XIII—XIV вв. на обширной территории Золотой Орды развивалась так называемая кыпчакская (тюркская) литература. Ее памятники были общими для татар, башкир, узбеков, казахов, ногайцев и других тюркоязычных народов. Связывающим их звеном наряду с наднациональным письменным литературным языком являлась религия ислам, которая определяла характер мусульманской культуры ряда народов, в том числе башкирского.

Наиболее характерными произведениями этого периода были дастаны «Хосров и Ширин» (1341—1342) Кутба, «Мухаббат-наме» (1353—1354) Хорезми, «Джумджума солтан» (1369—1370) Хисама Кятиба, «Китаби бит тюрки Гульстан» (1391—1392) Саифа Сарай и

¹ *Насилов В. М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма // Вопросы языкознания, 1971. № 1. С. 104—105.*

² *Тажетдин Ялсигул. Таварих-и Булгария. Рукописный фонд ИИЯЛ УНЦ РАН. 2 аз. С. 4—5.*

³ *«Кисса-и-Юсуф» Кул Гали. Уфа, 1989. С. 11, 26.*

⁴ *Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 1973. С. 175.*

другие. В них отражается ряд характерных для башкир географических и бытовых реалий, язык имеет много общего с башкирским разговорным языком, наблюдаются сюжетные и традиционно-поэтические аналогии с башкирским народным эпосом «Заятуляк» и «Кузыкурпес». Рукописи произведений Кятиба до сих пор встречаются у башкир.

В религиозно-героических дастанах из серии «Али-батыр», «Кисекбаш», «Кисса-и Ибрагим», «Кисса-и Сакам», «Кисса-и Фаттахетдин», относящихся к географической литературе, сочетаются религиозные и светские мотивы, героика нередко переплетается с приключенческими и фантастическими элементами. По своей поэтике и стилю эти произведения близки к башкирским волшебным сказкам и народному эпосу. Рукописи дастанов получили широкое распространение среди башкир.

Кыпчакская литература развивалась в различных регионах Золотой Орды (Урало-Поволжье, Хорезм, Крым) и даже за ее пределами. В Мамлюкском Египте литературой занимались отдельные представители болгар, кыпчаков и других тюркских народов. Среди поэтов там были и выходцы из башкир, в частности, Гильметдин Санджар аль — Башкорди, Насретдин ан-Насри¹.

После распада Золотой Орды четче выделяется тюрко-язычная литература Урало-Поволжья. Крупнейшим ее представителем был поэт Мухаммедьяр — автор «Тухвай Мардан» («Дар мужам», 1539), «Нури Содур» («Светоч сердец», 1542). Эти поэмы носят назидательный характер. В них автор воспеваает справедливость, благодеяние и милосердие, выдержку, смелость и мужество, бичует зло, насилие и пороки. Рукописи поэм Мухаммедьяра сохранились и среди башкир. Литература на тюрки Урало-Поволжья была для них общей с татарами. В регионе продолжали распространяться произведения узбекских, азербайджанских, туркменских и других тюркоязычных поэтов. Среди татар и башкир широкую известность получил турецкий поэт Уммикамал (XV в.), в произведе-

ниях которого религиозно-мистические мотивы сочетались со светскими.

Как в болгарский и золотоордынский периоды, так и в период Казанского ханства и Ногайской Орды в Урало-Поволжье проникала арабская и персидская литература. Особенно большой любовью пользовались произведения Фирдоуси, Низами, Саади, Руми, Джамии, Навои и других восточных классиков. Их читали в оригинале и в переводе на язык тюрки. Например, книга Джалалетдина Руми «Маснави», переведенная на тюрки на рубеже XV—XVI вв., сохранилась у башкир в списках до начала XIX в.

Поэты Урало-Поволжья подражали восточной литературе, использовали ее отдельные сюжеты и мотивы. Путем вольного перевода были созданы местные варианты восточных произведений «Калила и Димна», «Бахтиар-наме», «Сорок везиров», «Латиф Ходжи Насретдин» и др. В прозе получили развитие восточные жанры — хикаят (рассказ, повесть), саяхатнаме (путевые заметки), кисса (маленькая повесть).

Характерной особенностью литературы Урало-Поволжья была ее связь с фольклором. Близкая по форме народному эпосу историческая повесть «Последний из сартаева рода» повествует о героической борьбе и гибели одного башкирского рода во время жестокой схватки между полчищами Тимура и золотоордынского хана Тохтамышша². Наличие в повести ряда исторических имен и реалий (Тимур, его атабеки, мурзы, башкирские беи, деревня Кара Абыз, мавзолей Хусейн-Бека) придает ей историческую достоверность.

Единая по своей системе тюркоязычная литература Урало-Поволжья пока еще не дифференцировалась или очень слабо дифференцировалась на самостоятельные национальные литературы. В ней преобладали черты абстрактного

¹ Харисов А. И. Указ. соч. С. 177—180.

² БНТ. Т. 2. С. 173—179.

традиционализма восточных литератур, общие мотивы и сюжеты.

Национальные литературы в Урало-Поволжье — явления более позднего времени. Правда, зачатки дифферен-

циации татарской национальной литературы появляются в период Казанского ханства, а башкирской национальной литературы — после присоединения Башкирии к Русскому государству.

§ 1. Административное устройство. Колонизация края

Управление. После присоединения к Русскому государству Башкирия вошла в состав Казанского воеводства, которое в 60-х годах XVI в. было преобразовано в Казанский уезд. В Казани принимались и фиксировались ясачные платежи башкир, отсюда направлялись в башкирские волости наряды на службу. Казанские воеводы «давали на оброк» монастырям, купцам и богатым крестьянам рыбные ловли, «бортные ухояи», «бобровые гоны» и другие угодья на территории Башкирии.

Отсутствие в Башкирии административных центров и постоянных воинских сил затрудняло управление обширным краем и защиту населения от постоянных вторжений соседних кочевых племенных объединений, не подвластных царю. Ногайские мурзы и князья продолжали взимать ясаk с башкир; не оставляли виды на свое господство над населением края сибирские владыки. У башкир не было достаточных сил, чтобы самостоятельно противостоять притязаниям завоевателей. Все это заставило правительство приступить к строительству в Башкирии городов и крепостей.

В 1574 г. на Уфимском полуострове было возведено укрепленное поселение, которое в 1586 г. получило статус города под названием Уфа¹. Согласно свидетельствам преданий и шежере, на строительстве города в Башкирии настояли местные жители². Свою заинтересованность в сооружении Уфы они объясняли тем, что доставка ясака в отдаленный го-

род Казань стала для плательщиков изнурительной повинностью. Башкиры хотели иметь административный центр непосредственно в «башкирских жилищах». Они не возражали и против размещения в Башкирии военного гарнизона, видя в нем защиту от непрерывных набегов кочевых группировок.

Основание города сыграло большую роль в истории Башкирии. Оно устранило опасность восстановления господства сибирских и других кочевых властителей над башкирами, укрепило позиции Русского государства в крае, способствовало расширению его влияния на Востоке³. В 1586 г. ногайский князь Урус упрекал царя в том, что тот «поставил» город «на Уфе... для лиха и недружбы...», чтобы мне Урису с башкирдов и с остяков дани никакия не имати⁴. В возведении города Уфы ногайский князь увидел окончательное закрепление власти царя над башкирами, которых он все еще считал своими подданными.

¹ История Уфы. Уфа. 1976. С. 20—21, 23.

² Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 371, 372; Пекер А. Очерки Уфы // Вестник императорского Русского Географического Общества. СПб., 1860. Ч. 29. С. 179; Игнатьев Р. Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии / Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. II. С. 3; Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898. Вып. IV. С. 48.

³ История Уфы. С. 28.

⁴ Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1872. Т. X. № 5. С. 19, 20.

Уфимский Кремль в XVII—XVIII вв. (Реконструкция). История Уфы, 1976

В 1586 г. в Уфу с отрядом стрельцов прибыл первый царский воевода Михаил Нагой¹. Он привез с собой также группу служилых людей для комплектования административного аппарата. С этого времени подавляющая часть Башкирии была включена в состав нового Уфимского уезда, башкирские волости, расположенные в верховьях реки Уфы, в бассейне рек Чусовой, Исеть, Миасс подчинялись другим административным центрам России. Башкиры «верхнеуфинских волостей» возили ясак вначале в город Чердынь, а затем до середины XVIII в. подчинялись воеводам Верхотурского уезда². Зауральская Башкирия была подведомственна тюменским и тобольским воеводам. Гарнизоны и гражданское население крепостей Закамской оборонительной черты, возведенной в XVII в. для защиты юго-восточных границ государства, а также жители прилегающих к этим крепостям селений, находились под началом воевод Казанского уезда³.

В Башкирии была учреждена воеводская форма управления. Воеводы являлись прямыми представителями верховной власти в крае. Они возглавляли основное учреждение местного управления — Уфимскую приказную избу. В

распоряжении воеводы находились служилые люди и военные гарнизоны уезда. В составе должностных лиц органов местного управления были подьячие (штатные и площадные). Воеводе подчинялись приказные и выборные служилые люди. К приказным людям относились толмачи, сборщики налогов, приказчики различных служб, стрелецкие головы и сотники, к выборным — сборщики таможенных кабацких налогов и пошлин, а также целовальники «конские», «табачные» и др. Самые важные звенья аппарата управления краем комплектовались из русских дворян и служилых людей. Делопроизводство велось на русском языке.

Воеводу в Уфе меняли через каждые год-два. Отслуживший срок царский ставленник отзывался, а на его место присылали другого. Лишь М. Нагой воеводствовал в уезде с небольшими пере-

¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 436; История Уфы. С. 25.

² Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 69—73, 76—77.

³ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 128.

вами более десяти лет¹. Функции и действия воеводы по управлению краем определялись положениями наказа, которым снабжался каждый из них при отправке на место службы².

Воевода вместе с аппаратом управления являлся проводником политической линии царского правительства в Башкирии. Здесь оно искало опору в феодализирующейся и феодальной верхушке населения, предоставляя ей различные льготы. Уже жалованные грамоты башкирским племенам на их земли были ориентированы на поддержку господствующих кругов, поскольку они обладали фактическим правом распоряжения общинными пастбищами. Правительство привлекало башкирскую знать к службе по охране восточных границ государства, а также в дипломатических сношениях с соседними кочевыми народами. За эту службу некоторые из них награждались тарханскими грамотами, освобождавшими от ясачных платежей и дававшими значительные экономические привилегии, получали денежное и другие пожалования. Постепенно знать обособлялась от основной массы ясачного населения и становилась верным оплотом царского правительства в колонизационном и военном отношении³.

Воевода был наделен широкими военными, административными, фискальными, судебными, полицейскими, а также дипломатическими полномочиями. Он являлся командиром гарнизонных войск. В ходе подавления башкирских восстаний воеводы выступали организаторами карательных операций.

Уфимские, верхотурские, тюменские, тобольские и казанские воеводы обязаны были держать связь друг с другом, сообщать об обстановке в уездах, объединять усилия для подавления сопротивления эксплуатируемых слоев населения, а также для предотвращения внешней угрозы со стороны степных кочевых феодалов.

В течение второй половины XVI в. и почти всего XVII в. соседями башкир на юго-восточной границе были кочевые сибирские татары. Царевичи Кучумовичи-сыновья, внуки и правнуки последне-

го сибирского хана Кучума были враждебно настроены к Русскому государству, совершали опустошительные набеги на русские селения и башкирские волости, захватывали пленных, угоняли скот, грабили имущество. Воспользовавшись тем, что часть восточных башкир, недовольных политикой царского правительства, перешла под покровительство Кучумовичей, царевичи стали претендовать на подчинение себе всех башкир. Только после того, как казацкие отряды оттеснили сибирских татар от границ Башкирии, число набегов Кучумовичей значительно уменьшилось.

Во второй половине XVI в. южными соседями башкир были ногайские улусы, господствующая верхушка которых не расставалась с надеждой вернуть свою власть над башкирами. Но в первые десятилетия XVII в. ногайцы были разбиты передовыми отрядами прикочевавших на Южный Урал калмыков и оттеснены от границ Башкирии. С этого времени началась многолетняя напряженная борьба за кочевья между башкирами и калмыками. Калмыцкие феодалы стремились захватить занятые башкирами пастбища и кочевья, но встречали упорное сопротивление башкир⁴. Только к концу XVII в. активность калмыков заметно снижается в связи с уходом значительной их части на восток. Новыми соседями на южных и юго-восточных границах Башкирии стали казахи, также претендовавшие на часть башкирских кочевий.

Уфимские воеводы постоянно следили за действиями калмыцких, ногайских, казахских «воинских людей», устраивали погони за совершавшими набеги ко-

¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 436, 486, 494, 504, 513; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974. С. 86, 98, 116, 132, 151, 175; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 341.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 38. Кн. 132. Л. 121—122, 126; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 31—33.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. I. Ч. I. С. 82.

⁴ Там же. Т. I. Ч. I. С. 105.

чевниками, предпринимали крупные походы против них. В 1635 г. соединенные русские и башкирские отряды разбили под Уфой сибирских царевичей Аблая и Тевкеля. Зимой 1643—1644 гг. крупный отряд, состоявший из русских и башкир, разгромил калмыцкие улусы¹.

Воевода и другие должностные лица занимались сооружением и перестройкой оборонительных укреплений и казенных зданий в Уфе и крепостях уезда, обеспечением хранения хлебных запасов, боеприпасов и вооружения, казенного имущества, следили за содержанием дорог и мостов. Важнейшей функцией уфимского воеводы было наделение поместьями детей боярских и монастырей, а также предоставление земельных наделов служилым людям «по прибору», дворцовым и государственным крестьянам, посадским жителям, казакам, служилым татарам и мишарям².

Воеводская администрация контролировала «исправление государевой пашни», казенных оброчных статей, отдавала на откуп таможенные, кабацкие и другие сборы. К оброчным статьям относились передаваемые в оброчное владение рыбные ловли, сенокосы, леса, «бобровые гоны», «бортные ухожаи», мельницы, перевозки, мельничные места и другие угодья.

На западе и северо-западе Башкирии в XVII — начале XVIII вв. угодья передавались «на оброк» воеводами Казанского уезда, откуда регулярно присылались и сборщики налогов³.

Уфимский воевода выдавал разрешение купцам и торговцам из соседних уездов, Казахстана и Средней Азии на въезд в город и в уезд для торговли, а жителям Уфимского уезда — на отъезд для торговли в других районах страны.

Сбор налогов и феодальных платежей являлся одной из главнейших забот воеводского аппарата управления. Ясачные сборы с башкирского, тептярского, бобыльского и другого населения производились по «окладным ясачным книгам». Воеводе было подсудно все население Башкирии⁴. В 1728 г. башкиры четырех дорог писали, что у них «понеже как зачался город Уфа... из давних лет

всегда был... судьбою... один воевода». Часть дел, в том числе земельных, имущественных и бракоразводных, башкиры разбирали на своих третейских судах.

Воеводы выполняли также дипломатические поручения. В течение XVII в. они принимали в Уфе послов соседних феодальных объединений. От имени царя воевода снаряжал посольства к их тайшам, ханам, султанам и князьям.

Утверждая в Башкирии воеводское управление, возводя на ее территории крепости с военными гарнизонами, царское правительство преследовало главную цель — укрепление в крае позиций феодально-крепостнического государства. С одной стороны, воеводская система управления была показателем превращения Башкирии в составную часть Русского государства, а с другой — введение общероссийской формы управления с делопроизводством на русском языке и отсутствие специального учреждения по управлению башкирами свидетельствовало об игнорировании национальных особенностей населения края.

Общее управление Башкирией осуществлялось московским Приказом Казанского дворца, обладавшим широкими полномочиями в решении административных, военно-организационных, финансовых, судебных вопросов. К компетенции центрального приказа относились натуральные сборы с нерусского населения Урала и Поволжья, контроль за со-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 105—106.

² Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92—1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 259—351.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 82, 103, 106; Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 220.

⁴ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. С. 231.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 123.

ставлением ясачных книг¹. Зауральская часть Башкирии, входившая в состав Тобольского уезда, подчинялась Сибирскому приказу.

В начале XVIII в. приказная и воеводская система управления в стране была заменена губернской. По именному, опубликованному из Ближней канцелярии указу от 18 декабря 1708 г., в России было образовано 8 губерний. Уфимский уезд был переименован в Уфимскую провинцию и включен в состав Казанской губернии. В 1728 г. Уфимская провинция была передана в ведение Сената². Зауральская часть Башкирии оставалась по-прежнему в составе Тобольского уезда Сибирской губернии.

Уфимский уезд делился на четыре административно-территориальные единицы — Казанскую, Осинскую, Ногайскую и Сибирскую дороги. Западные районы входили в состав Казанской дороги, центр и южная часть Башкирии составляли Ногайскую дорогу, восточные земли — Сибирскую дорогу и, наконец, в Осинскую дорогу входили земли по правобережью реки Белой, которые тянулись узкой полосой на север от Уфы к р. Каме. Дороги в Башкирии, как и в Казанском уезде, возникли, по-видимому, из дорог как транспортно-географических понятий и постепенно превратились в административные понятия³.

Каждая дорога делилась на волости, образованные на основе традиционных племенных и родовых организаций башкир. После присоединения Башкирии к Русскому государству правительство стало рассматривать башкирский род или башкирское племя и занимаемую ими территорию как административно-территориальную единицу — волость.

Численность башкирских волостей в Уфимском уезде во второй половине XVI—XVII вв. установить невозможно. По документам за первую половину XVIII в. на территории Ногайской дороги было около 30, Сибирской — 23—25, Казанской — 15—17, Осинской — 4—5 волостей, всего около 70—75 волостей⁴. Количество волостей имело тенденцию к возрастанию. Увеличение их численности происходило главным образом

вследствие дробления крупных волостей, имевших деления на тюбы или аймаки. Образование новой волости следовало, как правило, за разделом земли внутри волости между аймаками или тюбами. Например, Минская волость разделилась на одиннадцать новых волостей, Бурзьянская — на три⁵ и т. д.

В основе дробления башкирских волостей лежала форма землепользования. Те тюбы или аймаки, которые отдельно владели изолированной территорией внутри волости, со временем начинали функционировать как самостоятельные башкирские волости. Распад волости на ряд мелких и разделы земли внутри волости закреплялись, как правило, грамотами⁶. Но некоторые волости не фиксировали в местных учреждениях произведенные разделы территории.

Во главе волости стоял староста, а в «верхнеуфинских» башкирских волостях и в Белокатайской волости — сотник⁷. Старосты и сотники, на которых опиралась воеводская администрация, пользовались в своих волостях огромным влиянием и властью. Они оказывали содействие воеводской избе при ясачных, таможенных и других сборах с населения волости, играли решающую роль при распределении земельных угодий, раскладке феодальных повинностей внутри общины, припуске пришлого населения на общинные земли, распределении меж-

¹ Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 58.

² Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. С. 214.

³ Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 62.

⁴ Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII в. Уфа, 1981. С. 12.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 83; Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 42—43.

⁶ Демидова Н. Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI—XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 269.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1941. Т. 2. № 14. С. 158, 167; РИБ. Т. 2. № 99. С. 274, 275; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 69, 71, 72, 85, 107.

ду общинниками денег, полученных с припущенников и оброчников, производили «мирские сборы» внутри общины, содержали волостную казну, участвовали в третейских (шариатских) судах, которые рассматривали земельные, имущественные и бракоразводные дела. Власть башкирских сотников и старост служила основанием для злоупотреблений и обогащения их за счет эксплуатации рядовых общинников¹.

Во второй половине XVI — первой трети XVIII вв. вопросы своей общественной жизни башкиры рассматривали на народных собраниях — йыйынах. Правительство постепенно ограничивало их право собираться на йыйыны. Именным указом от 11 февраля 1736 г. башкирам разрешалось «съезжаться к речке Чесноковке» на собрания представителей всех четырех дорог всего на один день в году².

Колонизация Башкирии. В целях укрепления своих позиций правительство строило на территории Башкирии военные поселения. В конце XVI—XVII вв. здесь, кроме Уфы, возникли Мензелинск, Оса, Соловарный городок (Табынск), Бирск и другие укрепленные пункты. В 1651—1656 гг. на западных границах Башкирии была построена Закамская оборонительная линия. Она состояла из крепостей Белый Яр, Ерыклинск, Тининск, Билярск, Новошешминск, Кучуевск и Заинск³. Мензелинск, Соловарный городок и крепости Закамской линии возводились сразу как военные укрепления, Оса и Бирск были превращены в крепости на базе ранее возникших дворцовых селений⁴. Правительство поддерживало русских первопроходцев в строительстве острогов в Зауральской Башкирии. С 1650 по 1689 гг. здесь выросли Усть-Миасский, Исетский, Мехонский, Шадринский, Терсятский, Масленский, Колчеданский, Бешкильский, Красногорский, Ингалинский, Арамильский, Средне-Миасский, Чумляцкий, Белоярский, Верхне-Миасский, Бродо-Калмацкий, Багарятский и Новопесчанский укрепленные остроги⁵. Впоследствии многие из них превратились в слободы.

В начале XVIII в. на реке Самаре возникла крепость Алексеевск, на реке Сок — Сергиевск⁶. Всего во второй половине XVI — первой трети XVIII в. в Башкирии было возведено более 30 городов, крепостей, слобод и острогов.

Первыми жителями крепостей Башкирии и города Уфы были в основном русские служилые люди. Гражданское население складывалось постепенно и оставалось малочисленным. Основная часть гарнизонного войска уезда состояла из детей боярских и служилых людей «по прибору» (стрельцы, пушкاري, воротники, затинщики и другие). Как говорилось выше, первые стрелецкие сотни с детьми боярскими прибыли в Уфу с воеводой в 1586 г.⁷ В 1593 г. общее количество служилых людей «по прибору» в городе не превышало 200 человек⁸. Позднее их ряды пополнялись новыми партиями «новоприборных стрельцов». К 30-м годам XVII в. в Уфе насчитывалось около 300 служилых людей⁹. В конце 60-х гг. XVII в. стрельцы были расквартированы также в Бирске и Табынске. Военное население проживало на территории Башкирии вместе с семьями. В 80-х гг. формируется Уфимское городовое казачье войско. В 1711 г. стрельцы и часть казаков Уфимской провинции были переведены в Казань. Оставшиеся казаки продолжали нести городовую службу¹⁰. При разборе служилых людей

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. С. 83—84.

² ПСЗ. Т. 9, № 6890.

³ Буканова Р. Г. Заселение крепостей закамской черты в XVII веке // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып. 2. С. 16.

⁴ Дмитриев А. А. Пермская летопись. Первый период. Пермь, 1881. С. 117; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 109, 112.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 95; Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984. С. 39.

⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 109, 112.

⁷ Разрядная книга. 1475—1598. С. 390.

⁸ Текст «Отводной книги по Уфе». С. 255, 265, 266.

⁹ Книги разрядные. СПб., 1855. Т. II. С. 192; Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. 2. С. 235.

¹⁰ История Уфы. С. 40, 41, 52, 53.

«по прибору» многие из них были зачислены в уфимские драгуны.

В XVI в. в составе гарнизонного войска было и нерусское крещеное население. Со временем эта часть служилых людей слилась с детьми боярскими. Ряды уфимских дворян пополнились фамилиями Ураковы, Уржумцевы, Ахметовы, Сокуровы, Курчевеы, Киржацкие, Тевкелевы, Тогонаевы¹. В крепостях Закамской черты в дополнение к наличному гарнизонному войску в середине XVII в. было размещено 252 человека из смоленской и полоцкой шляхты². Их потомки были зачислены позднее в драгуны и ландмилицию.

Общее количество военнослужилого населения Уфимского уезда неизвестно. По ведомости 1700 г. всех людей дворянского звания насчитывалось здесь 179 душ м. п.³. В 20-х годах XVIII в. в Уфе проживало 5723 человека обоёго пола, в том числе 1146 служилых людей. В других крепостях Уфимской провинции насчитывалось 3239 служилых людей⁴.

Еще в первой половине XVII в. из Казанского уезда в Башкирию был направлен правительством небольшой отряд мишарей и служилых татар. Поселившись с семьями на башкирских землях, они продолжили нести «государеву службу». Позже переселение мишарей и служилых татар велось по разрешению местных властей. Согласно переписи 1722 г., в Уфимской провинции числилось более 2200 мишарей и служилых татар м. п.⁵.

С конца XVII в. в Башкирию с юга стали проникать яицкие казаки. В районе нижнего течения реки Сакмары они основали казачий городок Сакмарск. По данным П. И. Рычкова, к 1725 г. в нем насчитывалось служилых казаков до 500 душ м. п.⁶. В 30-е гг. в связи с формированием Оренбургского казачьего войска жившие на Сакмаре яицкие казаки несли службу вместе с этим войском.

Постепенно формировалось крестьянское население Башкирии. Сюда стихийно шли переселенцы из центральных, средневолжских и прикамских районов, из Западной Сибири. Уход их с мест прежнего жительства был связан

с малоземельем и усилением феодальной эксплуатации.

В конце XVI — начале XVII вв. возле Уфы появились дворцовые селения: Новая слобода, деревни Кадомцево и Максимова⁷. Затем количество дворцовых сел увеличилось. Значительная часть их приходилась на Осинскую дорогу. В первой половине XVII в. здесь существовали починок Каргинский, села Богородское, Красный Яр, Покровское, деревни Осиновка, Буруново, Ярославово, Баженово, Юрмаш, Старые и Новые Аतिकеевы⁸. На земле башкир Шамшадинской и Калнинской волостей выросла деревня Бирь, основанная пришлыми дворцовыми крестьянами и бобылями Осинского ведомства. Согласно данным переписи 1647 г. в ней насчитывалось 28 крестьянских и бобыльских дворов⁹. Позднее деревня стала селом Архангельским, а затем пригородом Бирск. Рядом с Бирском существовали дворцовые деревни Добрынино и Красноярская. В дальнейшем дворцовые селения принимали новых переселенцев и, в свою очередь, выделяли из своей среды людей для образования новых (дочерних) сел и деревень. К их числу относилось дворцовое село Рождественское («Печенкино тож»)¹⁰.

Вторым районом расселения дворцовых крестьян была северо-западная Башкирия, куда шли крестьяне Поволжья. В 1626 г. на левом берегу Камы

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 115. Л. 22, 67.

² Акты исторические и юридические и древняя царская грамоты, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859. Т. 1. С. 58, 59.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 1317. Л. 1—10.

⁴ Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI—первой половине XVIII в. С. 9.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 5545.

⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 37.

⁷ Текст «Отводной книги по Уфе». С. 270, 271, 288, 289, 294, 295.

⁸ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 604. Л. 22; Д. 921. Л. 1, 33; Д. 945. Л. 64; Д. 2299. Л. 10, 13; Д. 2316. Л. 1. 11. 15; Текст «Отводной книги по Уфе». С. 334, 335.

⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 115. Т. IV. Л. 55, 56.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 2. Д. 2316. Л. 16, 20, 22.

при впадении в нее реки Чалны крестьянин Казанского уезда Федор Попов основал починок Чалны (или Челны), который затем вырос в большое дворцовое село. Вокруг него образовались другие поселения дворцовых крестьян. В 1646 г. в этом районе насчитывалось уже 8 сел и деревень и несколько починок с 349 дворами крестьян и бобылей¹. Освоив прилегавшие к Каме пространства, переселенцы поднимались вверх вдоль рек Зай и Ик. К середине XVII в. здесь возникли села Латкинское («Масленный мыс тож») и Большие Шилны, а также деревни Нижние Куваты, Орловка и Мазино².

В дворцовых селах оседали также крестьяне других разрядов (бывшие черносошные, монастырские, помещичьи крестьяне, бобыли, захребетники, половники и др.), которые сливались с дворцовыми крестьянами. В результате постоянного притока земледельцев в дворцовые селения сложились самостоятельные дворцовые волости. В 1724 г. в четырех дворцовых волостях Уфимской провинции насчитывалось около 30 деревень и несколько сел. В них проживало 3472 души м. п. крестьян: в Дуванейской волости — 512 человек, Бирской — 895, Каракулинской — 1857, Богородской — 208 человек³.

На западе и северо-западе Башкирии казанская администрация раздавала переселенцам на «оброк» и «из ясака» казенные земельные угодья, которые чаще всего оказывались башкирскими. В результате здесь сложились разряды оброчных и ясачных крестьян. Количество их неизвестно. Об этом можно судить лишь по косвенным данным. Например, в середине XVII в. на территории Иланской волости было зарегистрировано селение ясачных удмуртов, Дуванейской волости — несколько деревень ясачных крестьян, Байлярской волости — 13 деревень оброчных крестьян⁴, Уранской волости — более 40 деревень оброчных и ясачных крестьян⁵. На волостных землях гайнинских, кушинских и сызгинских башкир существовало 15 оброчных деревень. К концу XVII в. во владениях башкир Саралиминской и

Байлярской волостей имелось более 60 ясачных крестьянских деревень⁶. В Булярской, Елдякской, Киргизской и Шамшадинской волостях — 24 оброчные деревни⁷.

В Башкирии часть переселенцев становилась государственными крестьянами. В начале 20-х годов XVIII в. на севере Уфимской провинции существовало 6 деревень государственных крестьян⁸. Особенно много государственных крестьян было в Зауральской Башкирии, где они основывали укрепленные остроги и слободы. В 1695 г. в 9 острогах и слободах по рекам Исети, Тече и Миассу насчитывалось 1417 дворов с крестьянским и казачьим населением в 4615 душ м. п.⁹ В результате переселений к концу XVII в. была заселена значительная часть нынешних территорий Челябинской, Свердловской и Курганской областей.

В XVII — первой трети XVIII вв. в Башкирию шли и бобыли. В 20-х годах XVIII в. в Уфимской провинции на бобыльском и тептярском ясаках находилось 2239 дворов с 5783 душами м. п. Из них почти 70% жили в пределах Осинской и Казанской дорог¹⁰.

В связи с пожалованиями монастырям и дворянам земельных угодий в крае появились монастырские и помещичьи крестьяне. Если дворцовые, оброчные, ясачные, государственные кре-

¹ Буканова Р. Г. Из истории заселения Уфимского уезда в первой половине XVII века (до сооружения Закамской черты). Воронеж, 1979. Рукопись депонирована в ИНИОН. Деп. № 4423. С. 11, 12.

² РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1010. Л. 20, 23, 32, 58; Д. 1089. Ч. 1. Л. 363; Д. 2488. Л. 35.

³ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. С. 64.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 361. Л. 2; Д. 468. Л. 4. 7, 8; Ф. 1324. Оп. 1. Д. 755. Л. 34, 36; Д. 942. Л. 2, 33; Д. 1006. Л. 23; Д. 2304. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. 1173. Д. 207. Л. 2—4; Д. 361. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 109. Л. 1—9; Ф. 1324. Оп. 1. Спорные дела. Д. 1089. Ч. II. Л. 1339—1381.

⁷ Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1304. Л. 2—6; Д. 1325. Л. 2—4, 23—24.

⁸ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 64.

⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 95.

¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3790. Л. 102—279.

стьяне и бобыли прибывали в Башкирию самовольно, то монастыри и помещики переселяли своих крестьян принудительно.

В 50-х гг. XVII в. вблизи Уфы возникли монастырские села Вознесенское («Чесноковка тож») и Монастырские Дуваней, а на западе Башкирии — деревня Елтемир¹. В Зауралье в начале XVIII в. Далматовскому монастырю принадлежало 13 деревень².

По переписи 1647 г. в Уфимском уезде существовало 87 помещичьих деревень. Все они выросли около Уфы, за исключением сел помещика Крылова, находившихся на севере Башкирии по реке Тулве. Во всех помещичьих деревнях насчитывалось 684 крестьянских и бобыльских дворов с 1730 душами м. п.³ В конце XVII — начале XVIII вв. количество помещичьих крестьян в Башкирии сократилось. Это было связано с временным прекращением пожалования уфимским дворянам крепостных людей. В 1718 г. общее количество крепостных крестьян в Уфимском уезде составляло всего 687 душ м. п.⁴.

Состав пришлого крестьянского населения был многонациональным. Помещичьи, монастырские, дворцовые и государственные крестьяне состояли в основном из русского населения, ясачные и оброчные крестьяне и бобыли — из татар, мишарей, марийцев, чувашей, удмуртов, русских, мордвы. Например, в 1722 г. в Уфимской провинции среди бобылей татар было 2467 душ м. п., марийцев — 2339, чувашей — 481, удмуртов — 434, мордвы — 9 душ м. п.⁵ и т. д.

В Башкирии селились также ногайцы, казахи, узбеки, каракалпаки, туркмены, таджики, уйгуры, калмыки.

Численность коренного и пришлого населения Башкирии в рассматриваемое время остается недостаточно ясной. Одни авторы считают, что в начале XVIII в. башкир насчитывалось примерно 60—100 тыс. человек⁶. Р. Г. Кузеев определяет количество башкир в 1725—1726 гг. в 260 тыс. человек⁷. Имеются и другие высказывания⁸. По мнению редколлегии, ближе к истине суждения Р. Г. Кузеева, ибо мощные башкирские восстания пер-

вой половины XVIII в. предполагают участие в них значительных людских масс. Что же касается пришлого населения Башкирии, то его численность в начале XVIII в., видимо, не превышала 50—60 тыс. человек.

В результате самовольного и принудительного переселения в течение XVII — первой трети XVIII вв. в Башкирии сложились все основные слои феодального населения Российского государства: мелкопоместные дворяне, представители православного духовенства, мелкие служилые люди, белопоместные казаки, посадские жители, помещичьи, дворцовые, монастырские, ясачные и государственные крестьяне, бобыли и другие. В количественном отношении преобладало крестьянское и бобыльское население. В течение указанного времени пришлое население заселило в основном крайний восток, север и северо-запад края. Крестьянами были заняты территории, прилегавшие к городу Уфе, пригородам Мензелинску, Бирску и др.

Приток небашкирского населения имел важное значение для развития экономики и культуры края. Ускорился процесс перехода башкир к оседлому земледелию. Башкиры заимствовали у русских и нерусских пришлых земледельцев сельскохозяйственные орудия, учились у них приемам обработки почвы, посевам хлеба, уборке урожая и переработке продуктов зернового хозяйства⁹.

¹ РГАДА. Ф. 1324. Д. 755. Л. 17; Д. 1024, Л. 4.

² Сергеев Ю. Н. Церковно-монастырское землевладение в Башкирии (конец XVI — середина XVIII вв.) // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI — начале XX вв. Уфа, 1990. С. 26.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 115. Т. IV. Л. 46—63.

⁴ Там же. Л. 70—73.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3790. Л. 5—434.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 87; Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. С. 24.

⁷ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 218—226, 260.

⁸ Акманов И. Г. Указ. соч. С. 8.

⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 97.

§ 2. Хозяйство

Экономика башкирского населения. Основным занятием башкир являлось полукочевое скотоводство. Важное хозяйственное значение имели охота, бортничество, рыболовство. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., сказано: «А усть реки Белья Воложки вверх и по реке на Уфе, по обеим сторонам и до Оральтовы горы и далее, все живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много»¹. В челобитных башкир всех четырех дорог на имя царей от 1661/62 и 1694 гг. также указано, что их главными занятиями являются полукочевое скотоводство, бортничество, охота².

Большой интерес представляют свидетельства представителей царской администрации о хозяйстве башкир, относящиеся к 30—40 гг. XVIII в. Хорошо знавший Башкирию и жизнь ее населения П. И. Рычков писал: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, но токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев... Главная экономия уездных обывателей, особливо ж башкирцов, состоит в конских заводах, в содержании скота и бортных пчел»³. Подобная характеристика башкирского хозяйства содержится и в материалах вице-губернатора Оренбургской губернии П. Д. Аксакова. Башкиры «пахать не охотники, — писал он, — а большая часть довольствуется мясом и крупую, молоком... и пьют ис кобыльи и коровья [молока] квашеной называемой кумыз»⁴.

Кунгурский бургомистр Юхнев, побывавший в 1725—1726 гг. по поручению начальника горных заводов Урала В. И. Геннина в большинстве волостей Башкирии с целью выяснения численности населения, оставил описание хозяйственной деятельности башкир по дорогам. По его словам, башкиры Ногайской дороги «не пашут, хотя и довольно пахотной земли есть, сенных угодей много ж, также скота и зверей довольно... Едят лошадиное мясо и пьют из молока зделан-

ное питье, також де у них есть мед и воску довольно...»⁵. О хозяйстве башкир Сибирской дороги он писал: «Сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ечень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют и хлеба не дядят, но только лошадиное мясо, а пьют кумис, которое питье зделано из лошадинова молока... Скота довольно, а имянно: верблюдов, лошадей, коров, овец»⁶. Башкир Казанской дороги Юхнев характеризовал следующим образом: «Пахотной земли и сенных покосов довольно имеют. Они сеют рожь и всякой хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют двory хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много»⁷. О занятиях жителей Осинской дороги он сообщает, что «живут башкирцы все в домах... Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские. Скота у них не так много, как у протчих, сена косят много... Меду и воску довольно»⁸.

Так, на севере и северо-западе Башкирии заметным стало земледелие. И все же ведущей отраслью башкирского хозяйства оставалось скотоводство.

Башкиры разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, небольшое количество верблюдов. Основная масса скота круглый год находилась на подножном корме. Постепенно расширялось сенокосение. Об этом свидетель-

¹ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 139, 182.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 142; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 82—83.

³ Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. I. С. 201—202. СПб., 1762. Ч. 2. С. 216.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. III. С. 527.

⁵ Там же. Т. III. С. 486—487.

⁶ Там же. С. 486.

⁷ Там же. С. 487.

⁸ Там же.

ствуют документы XVII — первой половины XVIII вв. Так, по данным сорока различных документов, относящимся к 11 волостям Ногайской дороги, сенокосение имело место в Минской, Табынской, Меркит-Минской, Чубиминской, Сартминской, Илкейминской, Бешаулминской, Кумрук-Табынской и Бурзянской волостях. В то же время в близлежащих Курпеч-Табынской и Кульминской волостях сенокосение не прослеживается¹. По Сибирской дороге аналогичные материалы сохранились по 13 волостям, из них в 10 население занималось сенокосением². О распространении сенокосения среди башкир Ногайской и Сибирской дорог говорят и материалы восстания 1735—1740 гг. С апреля 1737 г. по июнь 1740 г. на территории Ногайской дороги карательными войсками было сожжено 4743 стога сена, на Сибирской дороге — 134 стога³. По Казанской дороге документальные сведения имеются по 12 волостям, в 11 из них налицо сенокосение⁴. По Осинской дороге сведений мало. Но и они показывают, что уже в первой половине XVII в. башкиры косили сено. Правда, по документам начала XVIII в. в Ирехтинской волости сенокосение не просматривается⁵.

Таким образом, в подавляющем большинстве волостей жители косили траву, но сено заготавливалось не для всего скота. Характеризуя способ содержания скота у башкир Сибирской и Ногайской дорог, Юхнев писал: «...сена летом готовит токмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегут к войне зимой малое число, а большия стада лошадей и протчего скота ходят зимою в степи без сена и очень от голоду худы, понеже они питаютца всю зиму травой сухой, выкапывая копытом ис под снегу»⁶. Примерно так же описывал скотоводство у башкир и П. И. Рычков: «Башкирцы, как зимою, так и летом все свои табуны содержат на степи, токмо для немногих лошадей, которых башкирцы в зимнее время для езды употребляют, заготавлиют они сено»⁷. Рост сенокосения положительно сказывался на развитии башкирского скотоводства.

Важную роль в хозяйстве башкир

продолжало играть бортничество. В описаниях башкирских вотчин, содержащихся в челобитных, припускных записях и других материалах, часто встречаются указания на «бортные леса», «бортные ужожи», занятие населения бортничеством⁸. Уплата жителями натурального налога с бортных угодий⁹ — лучший показатель места этой отрасли хозяйства в экономике башкир. Вице-губернатор П. Д. Аксаков писал о башкирах, что «...нажива их лутчая или промысел во пчелах»¹⁰. П. И. Рычков также отмечал, что «...бортовых пчел преможество в Башкирии... Башкирцы, у которых лесные места, от сих бортовых пчел получают себе великий доход и в размножении оных так искусны, что много таких, из которых у одного по несколько тысяч бортовых деревьев имеется»¹¹. Борты находились в частной собственности. Их покупали, продавали, закладывали.

Значительное место в хозяйственной жизни башкир занимала охота. Широко был распространен промысел на зайцев, лисиц, куниц, норок, бобров, лосей, диких коз, рысей, волков, медведей, а также на разнообразную дичь. Охота могла быть индивидуальной и коллективной. Коллективно охотились на волков. П. И.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 19, 21, 90, 836, 1047, 1092, 1306; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 127—132.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 209; Т. III. С. 19, 63—64, 65, 68, 77, 133, 152, 238, 291, 300, 366.

³ Там же. Ч. I. С. 434.

⁴ Там же. Т. III. С. 17, 18, 27, 28, 38, 137, 141, 144—145, 147, 154, 155, 156—157, 160—161, 171, 172, 178, 179, 180; РГАДА. Ф. 1173. Д. 17, 56, 72, 299, 1242, 1333.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Д. 109; Труды Перм. уч. арх. комиссии. Вып. 3. Пермь, 1896. С. 83—84.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 486.

⁷ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. I. С. 293.

⁸ РГАДА. Ф. 1173. Д. 13, 19, 21, 56, 72, 109, 299, 305, 342, 379, 451, 797, 1045, 1234, 1306; Ф. 248. Кн. 132.

⁹ Там же. Ф. 248. Кн. 1138. Л. 482; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 82—83; Т. 3. С. 556.

¹⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 527.

¹¹ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. I. С. 298.

Рычков отмечал, что «...волков в Башкирии весьма мало, ибо башкиры для бережения конских своих табунов, усмотря их, совокупно и всякими образы убивать и искоренять стараются»¹. Большими группами, насчитывающими свыше 100 человек, башкиры ездили в дальние охотничьи угодья — за р. Тобол, Иртыш, Ишим на востоке, в низовья р. Самары, за р. Иргиз, Узень на западе².

Вспомогательное значение у башкир имели рыболовство и собирательство (сбор хмеля, сараны, ягод и т. д.).

Во второй половине XVI — первой трети XVIII в. все большее место в хозяйстве башкирского населения занимает земледелие. На Ногайской дороге это наблюдается прежде всего в волостях, расположенных вблизи Уфы и Соловарного городка. Пашенные угодья в Минской волости зафиксированы документами за 30, 70, 80 и 90-е годы XVII в.³. Их данные подтверждаются свидетельствами очевидцев. В мае 1675 г. служилый человек Рукавишников, посланный из Уфы по волостям Ногайской дороги с извещением о предстоящем походе в Крым, сообщал, что «башкирцы от пашни отделяваются вновь, а иные де еще пашут, лошади де у них худы»⁴. В том же году уфимские служилые люди Я. Кинишемцев и И. Гречкин, побывав в ряде волостей южнее Соловарного городка, известили воеводу: «А той де Ногайской дороги все башкирцы пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят»⁵. В то же время в документах тех лет нет сведений о пашне в Табынской, Кипчакской, Тангаурской, Бурзянской и Тамьянской волостях⁶. По документам первой половины XVIII в. земледелие существовало у башкир Минской, Бешаульской, Табынской, Кумрук-Табынской волостей. Пашня не зафиксирована лишь по Кульминской волости⁷.

Наличие земледелия в центральных и южных волостях Ногайской дороги четко прослеживается по материалам, относящимся к периоду восстания 1735—1740 гг. В середине августа 1737 г. майор Останков со своим отрядом направился в районы рек Ика и Сакмары,

куда, по его данным, башкиры «прикочевали хлеб снимать и сено косить»⁸. Эта территория принадлежала башкирам Кипчакской и Усерганской волостей; следовательно, они в той или иной мере занимались земледелием. Важные сведения содержатся в донесениях генерала Л. Я. Соймонова от 5 августа и 26 сентября 1740 г. Карательские отряды, действовавшие в бассейнах р. Белой (примерно от Табынска до верховьев реки), Сакмары, М. и Б. Инзера, Авзяна, Б. и М. Кизылов, верховьях Яика, Ая и Юрюзани, то есть в районах Юрматынской, Дуван-Табынской, Тамьянской, Гирей-Кипчакской, Карагай-Кипчакской, Бурзянской, Тангаурской, Кубелякской, Телевской волостей Ногайской дороги и Тюбелякской, Куваканской, Кара-Табынской волостей Сибирской дороги, с июля по сентябрь 1740 г. сожгли 537 деревень с 3899 дворами, 3207 хозяйственных построек, потоптали и сожгли 1394 загона всякого хлеба. На один двор приходилось 0,36 загона или 0,18 десятины уничтоженного посева. При всей условности этой цифры ясно, что земледелие в этих местах существовало, хотя и в небольших размерах. По 797 загонам сожженного хлеба ячмень составлял 66%, яровая рожь — 23%, полба — 5%, овес — 4%, пшеница — 0,9%⁹.

На Сибирской дороге в 40—80-х годах XVII в. пашни существовали лишь

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. I. С. 284.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 125, 126, 203—204, 209—210; РГАДА. Ф. 1173. Д. 1312; Архив ПФИИР. Ф. 110. Карт. 5. № 35.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 23, 90; Ф. 248. Кн. 132. Л. 30—31, 113; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 76—78, 127—132.

⁴ Архив ПФИИР. Ф. 110. Карт. 5. № 35.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 204.

⁶ РГАДА. Ф. 1173. Д. 905, 553, 1039, 1368, 638, 1200, 1351.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 23, 26, 36, 46, 60, 90, 116, 161, 166, 185, 219, 220, 265, 277, 284, 287, 292, 298, 322, 358, 379, 389, 391, 462.

⁸ Там же. Ч. I. С. 333.

⁹ Там же. С. 448—459, 464—476.

Таныпской, Кубовской и Салжаутской волостях¹. В первой половине XVIII в. картина несколько меняется. Земледелие отчетливо прослеживается в Айлинской, Елдякской, Унларской, Кыр-Унларской, Кудейской, Кыр-Кудейской, Кушинской, Кайпанской, Катайской, Салжаутской, Терсятской и Сырнянской волостях². Обращает на себя внимание то, что в ряде волостей земледелием занимались довольно серьезно, хлеб перечисляется среди основных продуктов питания. Накануне возобновления восстания в 1708 г. до властей доходили известия о том, что айские башкиры «всякие к военному случаю хлебные запасы и сыры изготовляли». В 1740 г. жители Барын-Табынской волости покупали хлеб у айлинцев³. В 1711 г. кунгурский крестьянин М. Д. Чернышев построил башкиру дер. Кейгазы Сибирской дороги Сатлыку Кузееву водяную мельницу. Через 2 года хозяин нанял мельником кунгурского жителя Г. А. Белкова и взял в работники на 5 лет мари Никиту Мырсакова. Последний обязался выполнять земледельческие работы и ежегодно сеять хозяину на его переложной земле 5 полос озимого и 5 полос ярового хлеба. В 1715 г. башкир Сызгинской волости Иликей Бикбаев занял у уфимского поручика М. Г. Жукова 70 руб. и обязался через год поставить ему «350 четверух ржи сухой доброй в таможенную базарную меру... в своих стругах». В 1717 г. мари Б. Федоров обязался до выплаты взятых в долг 10 руб. жить у Иликея и на «...полях ево пашню пахать и хлеб сеять по 8 загонов на год, в т. ч. 4 загона ржи, 2 овса, 2 ячменю ево, Иликеевыми, семьяны»⁴. В 1709 г. в середине июля башкиры Катайской, Салжаутской, Терсятской и Сырнянской волостей беспокоились, что «...ныне пора страдная, хлеб жать и сено косить, опасаемся царевича»⁵. Но в то же время в отдельных волостях, например, Балыкчинской, Кара-Тавлинской пашен еще не было⁶.

Заметных успехов достигло земледелие на Казанской и Осинской дорогах. В описаниях башкирских вотчин Байлярской, Енейской, Гирейской, Иланской, Киргизской, Елдякской, Шамша-

динской и Тышкы-Иланской волостей Казанской дороги, проведенных в первой половине XVII в., земледелие зафиксировано лишь в Енейской волости⁷. Но уже в 70-х гг. в большинстве этих волостей прослеживается хлебопашество. Источники сообщают и о наличии в некоторых волостях мельниц, например, в Гирейской и Каршинской. Пашни не видно лишь в материалах Булярской и Шемшадинской волостей⁸. Дальнейшие сдвиги в развитии земледелия у башкир Казанской дороги относятся к первой половине XVIII в. По имеющимся сведениям, в подавляющем большинстве волостей имелись пашни⁹. В 1741 г. башкиры Казанской дороги продали казне 384 четверти яровых семян овса, ячменя, проса¹⁰.

По Осинской дороге описания вотчинных земель за XVII в. относятся к Гайнинской, Уранской и Урман-Гирейской волостям. В начале 40-х гг. башкир Гайнинской волости А. Янмурзин переехал в Кушинскую волость Сибирской дороги, где продолжал привычные свои занятия — «пашню пашет, сено косит»¹¹. С начала XVII в. вплоть до конца XVIII в. башкиры Гайнинской волости жаловались на захват их земель Стро-

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 5, 327, 362, 1033, 1199, 1234.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 271; Там же. Т. III. С. 29—30, 54, 64—65, 68, 77, 134, 152, 153, 156, 158—160, 167, 192, 238, 325—326, 366—367.

³ Там же. Ч. I. С. 399; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1674. Л. 1.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 78, 90—91, 134, 156.

⁵ Там же. Ч. I. С. 271.

⁶ Там же. Т. III. С. 148, 240, 264.

⁷ РГАДА. Ф. 1173. Д. 72, 137, 305, 326, 1324; Ф. 248. Кн. 132. Л. 47—67.

⁸ Там же. Д. 56, 79, 110, 496, 794, 896, 954, 1242; Ф. 248. Кн. 132. Л. 3—10, 67—68, 114—116, 93—94.

⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 127—132, 277; Т. III. С. 35, 49, 51, 57, 73, 74, 92, 94, 97—98, 111, 123, 124, 126—127, 130, 137, 141, 147, 155—157, 160—161, 172, 178, 180 и т. д.

¹⁰ Там же. Т. III. С. 508—511.

¹¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 109. Л. 5, 7.

гановыми. Из их челобитных видно, что уже в первой половине XVII в. гайнинцы занимались земледелием¹. В 70—80-х гг. они продавали излишки хлеба в Соликамске. Однако в документах имеются сведения и другого характера. В 1653 г. жители Уранской и Урман-Гирейской, в 1690 г. — Урман-Гирейской и Гирейской волостей вели земельные тяжбы. При описании их земельных угодий перечислялись только бобровые гоны, бортовые леса и рыбные ловли². Отсюда можно заключить, если не об отсутствии пашни, то о ее второстепенном значении в хозяйстве башкир этих волостей. За первую половину XVIII в. сведения о пашнях имеются по Гайнинской, Уранской и Ирехтинской волостям³. В 1741 г. жители Осинской дороги обещали властям поставить 242 четверти семян яровых культур, в том числе татары, мари, чуваша и удмурты — 147 четвертей, башкиры Ирехтинской и Уранской волостей — 95 четвертей⁴. По имеющимся материалам трудно определенно сказать о том, что преобладало у башкир Осинской дороги — земледелие или скотоводство. Возможно, что в первой трети XVIII в. башкиры-осинцы земледелием занимались больше, чем жители других дорог.

Таким образом, развитие земледелия является характерной чертой башкирской экономики XVII — первой трети XVIII веков. Однако роль земледелия в жизни башкир разных волостей не была одинаковой. Хлебопашество было более развито в северной, северо-западной и отчасти центральной (вблизи Уфы) Башкирии. Если в первой трети XVIII в. земледелие на Осинской и в некоторых северо-восточных волостях Казанской дорог играло не меньшую роль, чем скотоводство, то на территории Ногайской, Сибирской и большинства волостей Казанской дорог оно имело вспомогательное значение. С развитием земледелия росло количество оседлых башкирских деревень.

О ремесле башкир в XVII — первой половине XVIII в. сохранились лишь отрывочные сведения. В условиях господства натурального хозяйства каж-

дая семья сама себя обеспечивала необходимыми орудиями производства, предметами быта, одежды и обуви. Основным сырьем для производства изделий служили кожа, шерсть, крапива, конопля, дерево. Особенно развитой у башкир была обработка кожи и шерсти, из которых они изготовляли разнообразную одежду, обувь и головные уборы, кожаную посуду различного назначения, валяли войлоки и войлочные покрывала для юрт, делали колчаны для стрел, упряжь и сбрую. Конские волосы и жилы использовались для изготовления прочных веревок и ниток. Башкиры ткали сукно из шерсти, холст из крапивы и пеньки. Из дерева они изготовляли посуду и другую бытовую утварь, ручные мельницы, ступы, оружие (лук, стрелы, сукмары, деревянную часть копья), различные приспособления для охоты, борти и жилища (основы юрт и срубные дома и клетки в постоянных деревнях) и т. д. По мере усиления роли земледелия помимо небольших мельниц-мутовок начинается строительство мельниц с большими водяными колесами. В первое время эти мельницы строили русские, татары и другие пришлые крестьяне, а с первой половины XVIII в. их начали строить и башкиры.

Башкиры издавна были знакомы с металлами. Но на развитие кузнечного ремесла отрицательное влияние оказала запретительная политика царизма. Опасаясь вооруженных выступлений, правительство с конца XVI в. запрещало ясачному населению страны, в том числе башкирам, иметь кузницы, а также продавать им панцири, шлемы и сабли. Железные изделия, необходимые в быту, отпускались в готовом виде под контролем местных воевод⁵. Эти запреты

¹ Труды Пермской уч. архивной комиссии. Пермь, 1896. Вып. 3. С. 81—87; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 79.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 443.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 54—55, 132—134, 272, 340—341, 473—475, 478—479, 499—500.

⁴ Там же. С. 510—511.

⁵ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 33.

подтверждались в 1675 и 1702 годах. 11 февраля 1736 г. был принят специальный указ «О запрещении иметь в Уфимском уезде и в башкирских селениях кузницы»¹. Башкиры скрытно от властей занимались кузнечным делом. О выплавке башкирами дер. Максимова Ногайской дороги чугуна и железа заявил в 1736 г. на допросе абыз Махмут Медедин. В 40-х гг. XVIII в. изготовлением изделий из металла занимался башкир Енейской волости Юсуп Болтин². О наличии обработки железа у башкир свидетельствует и то, что их стрелы и копья были снабжены железными наконечниками. Башкиры умели обрабатывать и серебро. Известно, в частности, что в 40-х годах XVIII в. жители Айлинской волости разрабатывали серебряную руду³.

Башкиры добывали каменную соль из илецких месторождений, которые они считали своей землей. Они полностью обеспечивали себя этой солью до принятия указа 1754 г. и частично даже продавали ее⁴.

Хозяйство пришлого населения. Основными районами хозяйственного освоения русским, татарским, мишарским, чувашским, марийским, удмуртским, мордовским населением были северо-западные, центральные (район Уфы) и зауральские волости Башкирии. Как крестьяне, так и жители крепостей и городов занимались главным образом земледелием. Сеяли рожь, овес, пшеницу, ячмень, полбу, просо, коноплю и лен.

Наиболее распространенным пахотным орудием была соха. Местами население, преимущественно татарское, пользовалось тяжелым деревянным плугом, но постепенно и оно привыкало к сохе. В полеводстве применялись трехпольная и переложная системы. Трехполье преобладало у русских, переложная система — у татар и мишарей⁵. В первой половине XVIII в. в крестьянских хозяйствах встречались огороды, где сажали капусту, морковь, свеклу, огурцы, репу и др. овощи⁶.

Важное место в экономике пришлого населения занимало животноводство. Они содержали лошадей, крупный рога-

тый скот, овец, коз, отчасти свиней. Татары и мишари имели больше скота, чем русские, чуваша, мари, удмурты и мордва. В отличие от башкир пришлое население зимой практиковало стойловое содержание скота. Летом и осенью мишари, татары, чуваша, мари и мордва по примеру коренных жителей выгоняли свой скот на пастбище без пастухов.

Преобладающая часть сельскохозяйственного производства приходилась на крестьянское хозяйство. Помещичьи и монастырские имения были малочисленны и мелки, не играли существенной роли в экономике края.

Заметным подспорьем в хозяйстве являлось пчеловодство, охота и рыбная ловля. В крупных населенных пунктах, особенно в Уфе, начинает развиваться ремесло. Наибольшее распространение получили кузнечное, кожевенное, сапожное, портняжное, плотницкое, столярное, мыловаренное, красильное и др. промыслы⁷.

Важным событием в хозяйственной жизни Башкирии явилось появление горных заводов, послужившее качественным скачком в развитии производительных сил края. Еще в конце XVII в. внимание правительства привлекли богатые месторождения железных и медных руд Урала. Глава Сибирского приказа думный дьяк А. А. Виниус, сообщая в 1697 г. царю Петру I о находке руд на Урале, просил прислать мастеров для

¹ Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т. IV, № 252; ПСЗ. Т. 9, № 6887.

² Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 32—33.

³ Там же.

⁴ Рычков П. И. Описание илецкой соли // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1772. Ч. XX. С. 29.

⁵ Он же. Ответы на экономические вопросы // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Ч. VII. С. 139—141.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ История Уфы. С. 45; Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения Башкирии в первой четверти XVIII в. С. 34—35.

определения их качества и подыскания мест для строительства заводов¹. Правительство, нуждающееся в оружии в связи с напряженной внешнеполитической обстановкой на юге и севере страны, откликнулось незамедлительно. На Урале развернулось строительство заводов.

Горнозаводское строительство захватило и Башкирию. Инициатива здесь принадлежала казне. Ею на территории Сибирской дороги у реки Исети были построены в 1700—1701 гг. Каменский (нижний) железодельный, в 1702—1704 гг. — Уктусский медно-железный заводы². В Салжаутской волости в 1723—1724 гг. строится Полевской медеплавильный, в середине 30-х гг. — Сысертский и Полевской железодельные заводы³. На Осинской дороге в Гайнинской волости в 1735 г. был построен Юговской медеплавильный завод. Вслед за казенными возникли частновладельческие заводы. Известный промышленник А. Н. Демидов в 1732—1734 гг. на территории Айлинской волости Сибирской дороги построил Ревдинский, в 1735—1736 гг. в Гайнинской волости — Бымовский медеплавильный заводы⁴. В Байлярской волости Казанской дороги в 1732 г. купец Н. Небогатов основал Шилвинский медеплавильный завод⁵. Таким образом, до середины 30-х гг. XVIII в. в башкирских волостях появилось 9 железодельных и медеплавильных заводов.

При определении мест для заводов правительственные чиновники и горнозаводчики широко прибегали к помощи рудознатцев башкир, которые показывали рудные места. Большую роль в становлении уральской металлургии сыграли тульские, каширские, подмосковные заводы, поставлявшие новым заводам оборудование и квалифицированных мастеров⁶.

Торговля. Развитие производительных сил в крае, наметившееся общественное и территориальное разделение труда между скотоводами и земледельцами, начало процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, постепенное превращение крепостей в города — все

это способствовало развитию обмена и торговли.

Документальные источники свидетельствуют о существовании товарного обращения между башкирскими волостями и дворами. В 1681 г. башкиры Балкчинской волости Сибирской дороги писали в челобитной, что «...торгуют де они своею братею и покупая друг у другу мед и воск и лисицы и всякой мелкой товар». В другой челобитной, составленной в 1728 г. от имени жителей четырех дорог, сказано, что они друг другу продают «...лисицы, куниц, волков, лошадей и протчей скотины», но у них «...никаких торгов и ярмонок нет»⁷. Для совершення обмена и торговли башкиры использовали йыйыны (съезды), особенно йыйыны в масштабах целой дороги и всего уезда⁸. Размеры внутрибашкирской торговли постепенно возрастали. Не случайно в конце XVII в. казна обложила ее пошлиной. В башкирские волости стали посылаться так называемые кочующие целовальники, которые выявляли факты торговли и собирали пошлины⁹.

Довольно развитой была торговля башкир с крестьянами-переселенцами и населением соседних уездов, которые

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. Уфа, 1956. С. 154; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 260.

² Маргынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948. С. 5, 6.

³ Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 462—465, 507—508; Маргынов М. Н. Указ. соч. С. 56—57.

⁴ Кашицев Д. А. История металлургии Урала. Т. I. М.; Л., 1939. С. 280; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.: Л., 1949. Т. I. С. 80, 186—187, 198, 224; Маргынов М. Н. Указ. соч. С. 125; Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г. М.; Л., 1937. С. 82, 156.

⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 576.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 15—16; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 124.

⁸ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 36.

⁹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 160—161; РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 86—87 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 124.

оставляли им хлеб и ремесленные изделия. С конца XVI в. имеются сведения о приезде в башкирские волости русских и татарских торговцев из Уфы, Тюмени и других мест. В 1600 г. тюменский воевода писал в Уфу: «А я, господине, тюменским служивым и волостным татарам по государеву указу позволил ездить на Уфу и в Уфинский уезд в волости со всяким товаром»¹. В начале 30-х гг. XVII в. башкиры Уфимской волости Верхотурского уезда извещали воеводу, что «...к ним де приезжают торговать осенью тюменские и Туринсково острогу русские люди и татаровя, и казанские и уфинские татарова ж, и черемиса с мяхкую рухлядь выкупают»². В 1675 г. уфимские служилые люди Кинишемцев и Гречкин ездили «...в Уфимский уезд по Ногайской дороге в башкирские волости с товаренком»³. О частых поездках уфимских торговцев по башкирским волостям писал И. К. Кирилов в 1735 г.: «Здешний народ всяк к себе в жилища дожидаются купцов, кои ездят и мены товаров и лошадей имеют по деревням». Он же отмечал, что у башкир лошадей можно купить «...без ярмонки сколько тысяч потребно»⁴. П. И. Рычков также отмечал, что башкиры в основном продают лошадей, а также пушнину, бортевой мед и воск, которые скупают русские купцы и казанские татары и «для продажи в разные места отвозят немалое число»⁵.

Из сохранившихся описаний жизни и быта башкир видно, что при изготовлении одежды они пользовались такими тканями русского производства, как сукна красного и белого цветов, китайка. Несмотря на запрещение, башкиры имели ручное огнестрельное оружие, которое, видимо, покупали тайно у русских купцов⁶.

Торговля в Башкирии в основном находилась в руках русских и татарских купцов. Но были торговцы и из самих башкир. Для обмена своих традиционных продуктов башкиры, наряду с Уфой, крепостями и крупными селениями Уфимского уезда, ездили в Соликамск, Кунгур, Тюмень, сибирские слободы и остроги. В 1600 г. воевода Тюмени писал

уфимскому воеводе, чтобы он велел башкирам «...со всякими товары и с лошадьми на Тюмень торговать ездить безстрашно»⁷. Башкиры Гайнинской волости Осинской дороги в 1680 г. сообщали в челобитной, что «...ездят де они к Соли Камской и в иные города и возят с собою продавать» хмель, воск, скот, хлеб, меха бобров, куниц, лисиц и других зверей⁸. В челобитной торговцев из башкир Кильмухамета и Калмаккуль, написанной в конце 70-х гг. XVII в., говорится, что «...заимывают де у них их братья башкирцы, которые скудные, в заем деньги, а за те деньги платят им воском и медом и всякими товары, и они де с теми товары и с своими, которые добудут в своих вотчинах, на ярманки ездят и в Казань и на Уфу...»⁹. Подобные случаи займа денег башкирами друг у друга нередки. По данным источников первой половины XVIII в., занимались крупными суммами от 4 до 40 р., в одном случае даже 140 р., притом деньги давались на срок от 3—4 недель до полугода¹⁰. Вполне возможно, что должники расплачивались продуктами.

Башкиры торговали также с яицкими казаками. В 1708 г. житель Ногайской дороги Куразман ездил на Яик «...для торгового промыслу». В 1732 г. башкиры Иланской волости Казанской дороги продавали хлеб в Яицком городке¹¹. Существовали торговые связи с казаками и каракалпаками¹².

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 153.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 204.

⁴ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 36, 37.

⁵ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. I. С. 330.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Док. № 64, 95, 134, 169, 175, 179, 181, 199.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. Ч. I. С. 126.

¹⁰ Там же. Т. III. С. 13, 15, 40, 67, 81, 107.

¹¹ Там же. Ч. I. С. 405—406; Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 37.

¹² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 108—122, 196—197, 233—234, 348—349.

Появление купцов из башкир подметили и представители местной царской администрации. А. И. Тевкелев, один из руководителей Оренбургской экспедиции, в 1734 г. писал о башкирах: «...многие из них имеют купечество, торгуют всякими российскими товарами»¹. Необходимо отметить активное участие в торговле башкирских феодалов. Не случайно в документах с просьбами об освобождении от таможенных пошлин стоят их подписи².

Таким образом, за два века, с середины XVI до середины XVIII вв., в хозяйстве Башкирии произошли значительные перемены. В начале изучаемого периода население, состоящее из одних только коренных жителей — башкир, занималось главным образом полукочевым скотоводством, бортничеством и охотой. Развитие производительных сил шло медленно. Устойчивая политическая обстановка после присоединения к Российскому государству и накопление производственного опыта способствовали дальнейшему совершенствованию башкирского хозяйства. Важное значение для развития производительных сил края имело появление в Башкирии земледельческого населения из центральных районов страны и Поволжья. Процесс хозяйственного взаимодействия между полукочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами привел к существенным сдвигам в экономике края. Башкиры все больше занимались обработкой земель, перенимая у пришлого населения земледельческие культуры, технику и навыки. Они совершенствовали также свои скотоводческие занятия путем увеличения сенокосения. Пришлое население, продолжая заниматься земледелием, расширяло скотоводческое хозяйство, втягивалось в занятия бортничеством и охотой. А все это положительно влияло на уровень хозяйства тех и других. Не менее важным следствием означенного процесса было усиление торговых связей как внутри края между скотоводами и земледельцами, так и вне его — между Башкирией и другими районами страны. Башкирское хозяйство медленно, но все же втягивалось в обще-

государственный оборот, что имело определяющее значение для разрушения его патриархальной замкнутости³.

§ 3. Развитие феодальных отношений

Башкирское общество. После присоединения к Русскому государству продолжалась феодализация башкирского общества. Являясь монопольным собственником всей земли в крае, Русское государство передало во владение башкирским племенам и родам занимаемые ими земли и закрепило это грамотами.

По данным шежере, еще правительство Ивана IV послало «в башкирские жилища переписчиков», которые произвели учет земельных владений. Они побывали в каждом башкирском роде, описали «по урочищам» их владения и определили ясак, подлежащий взиманию с общинников. С того времени в уездных и центральных административных учреждениях и в обиходе башкирский род с занимаемой им территорией называли башкирской волостью, а плательщиков ясака — ясачными башкирами. Позднее и башкирская община, владевшая определенной площадью, в документах стала называться волостью, а общинное землевладение получило наименование волостного землевладения.

Представив башкирским племенам и родам вотчинное право на занимаемые ими земли, государство оставило за собой монопольное право вмешиваться в их земельные дела. Оно систематически изымало башкирские земли под крепости, города, слободы, заводы, для раздачи монастырям, дворянству и служилым людям, наделяния государственных и дворцовых крестьян. Вотчинное право

¹ Материалы по истории России. Т. I. Оренбург, 1900. С. 104.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 75—76, 84.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 81.

башкир на волостные земли носило ограниченный характер¹.

Башкирское волостное землевладение имело общинную основу. Земли закреплялись за всеми жителями башкирского рода, племени, либо их подразделений в общее владение всех жителей общины. Правительство не подразделяло их на привилегированную верхушку — биев, тарханов, мурз, князей и т. д. — и на повинностную ясачную часть населения, как это осуществлялось, например, в отношении народов Среднего Поволжья. Владельцем волостной земли являлась башкирская община. Наряду с владениями отдельных волостей имели место владения общие для двух, трех и более башкирских волостей (охотничьи и прочие угодья)². Каждый член общины имел право на пользование волостной землей. Последняя обычно не делилась между общинниками, но они имели свои «жеребьи» или «повытье» в общеволостных угодьях. Очевидно, понятия «жеребье» и «повытье» не означали закрепленный участок, а применялись для определения доли участия общинника во владении неразделенной волостной землей. В то же время в общине существовало частное пользование пашнями, борями и прочими угодьями, к которым был приложен индивидуальный труд³.

Общинная собственность на землю не препятствовала развитию феодальных отношений. Фактически волостными землями распоряжалась башкирская феодально-патриархальная верхушка. Феодальная собственность на землю при господстве кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства выступала не открыто, а сильно завуалированная пережитками патриархально-родового быта⁴. Отсутствие юридически оформленной частной земельной собственности не мешало существованию у башкир феодальной земельной собственности⁵.

В полукочевом обществе феодальная собственность на землю осуществлялась в форме права распоряжения кочевьями. Право собственности на землю получало реализацию посредством владения скотом⁶. Скот у башкир находился в частной собственности. На этой почве в полу-

кочевом обществе обозначилось достаточно глубокое имущественное неравенство. Патриархально-феодальная башкирская знать владела большими стадами скота. Применяя открытое насилие и используя патриархально-родовые обычаи, она захватывала лучшие пастбища, присваивала себе право отводить районы для кочевков другим членам общины. Так складывалась феодальная собственность на землю, которая приобрела форму распоряжения кочевьями⁷. Рядовые общинники попадали в зависимое положение, в обществе возникли элементы и внеэкономического принуждения. Общественные отношения у башкир во второй половине XVI — первой трети XVIII вв. были патриархально-феодальными⁸.

Верхний слой башкирского общества состоял из биев, князей, тарханов, старост и других «лучших людей», а также представителей мусульманского духовенства. После присоединения Башкирии к России правительство жаловало биев в князья и мурзы⁹. Они несли военную службу государю и не числились

¹ Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII вв. Уфа, 1981. С. 47—48.

² Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. С. 42.

³ Там же. С. 42—43; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 394.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 91.

⁵ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 41.

⁶ Устюгов Н. В. О характере башкирских востанов XVII — первой половины XVIII вв. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 96—97.

⁷ Демидова Н. Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI—XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 266, 269.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 92; Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. С. 40; Устюгов Н. В. О характере башкирских востанов XVII — первой половины XVIII вв. С. 98.

⁹ Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII вв. С. 47—48.

в разряде ясачных людей. Начиная с XVIII в. упоминаний о князьях не встречается. Очевидно, они слились с тарханами, составлявшими основную часть башкирской феодально-патриархальной верхушки. Следует заметить, что практику пожалования тарханства продолжало и русское правительство. Звание тархана получали старосты и другие «лучшие люди» за военные заслуги (охрана границ Башкирии, участие в дальних походах). По далеко не полным данным, в 1646 г. в Уфимском уезде насчитывалось более 130 башкирских князей и тарханов, в 1661 г. — 187. В 1735 г. было взято на учет 773 башкирских тархана¹.

Тарханы имели большие привилегии, которые предоставлялись им наследственно или лично. Они могли занять и пользоваться любыми участками волостной земли, кроме бортных угодий и бобровых гонов, находившихся во владении отдельных семей. Рядовые общинники не смели сопротивляться действиям тарханов по распоряжению волостными землями². По свидетельству начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова, «тархан везде волен между своею братьею: пашню пахать, сено косить, скот и лошадей пасть, в водах рыбу ловить. И никто ему в том не спорит, хотя б прежде и владел такими угодыми»³. Тарханы были освобождены от налогов, ясака и подводной повинности. На них лежала обязанность нести военную службу, которую они воспринимали как почетную повинность. Их включали в состав дипломатических миссий правительства, направившихся в Казахстан и Среднюю Азию.

К разряду феодализирующей верхушки общества относились старосты и сотники, наделенные административно-управленческой и судебной властью в волостях. Во главе небольших воинских формирований башкир стояли сотники. На должности старост и сотников попадали, как правило, наиболее влиятельные и богатые башкиры, в т. ч. бии, тарханы, батыры. Следовательно, богатство и власть оказывались сосредоточенными в одних и тех же руках. Это обстоятель-

ство усиливало господствующее положение старост и сотников в обществе и открывало для них возможность наживаться за счет общины.

Развитие феодальных отношений среди башкир имело свои особенности. В рассматриваемое время рядовые башкиры и феодально-патриархальная верхушка общества пребывали в составе одной и той же общины, были связаны общинными отношениями. Формально представители башкирских господствующих слоев считались членами общины, но фактически они стояли над общиной⁴.

Рядовые общинники, ведя самостоятельное хозяйство, подчинялись воле тарханов и старост, которым принадлежало право распоряжения волостными землями. Из-за всевозможных поборов и других причин они зачастую теряли скот и попадали в долговую кабалу к собственным и пришлым богачам. Обнищавшие башкиры выталкивались из общины и становились туснаками. Уфимский воевода Н. А. Вельяминов сообщал в 1635 г., что некоторые башкиры из-за непосильных платежей и сборов «жен де своих и детей в туснаки позакладывали»⁵. Положение туснаков в башкирском обществе было близко к положению рабов. Туснаки принудительно работали на богатых башкир, их продавали и покупали. В 30-х годах XVIII в. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов писал о туснаках, что «множество таких иноверцов у башкирцов и других иноверцов же живут», и башкиры и «другие иноверцы» «работою их богатятся и усиливаются»⁶. Правительство запрещало

¹ Акманов И. Г. Указ. соч. С. 45.

² Там же. С. 44; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 128, 129; Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 48.

³ Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. I. С. 20.

⁴ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 46.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 133.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 491.

старостам, тарханам, богатым башкирам брать людей в заклад¹ и иметь крепостных людей. Тем самым оно стремилось ослабить позиции башкирской феодализирующейся верхушки.

Башкирское общество знало и рабов-ясыров, ими становились в основном пленные. Богатые башкиры принуждали их работать в своем хозяйстве или сбывали в Казахстан и Среднюю Азию. Несмотря на существование работорговли, ясыры не представляли устойчивой социальной группы среди башкир.

Для феодальных отношений в башкирском обществе были характерны пережитки родового быта и родовых отношений, маскировка феодальных отношений и феодальной эксплуатации родовыми институтами. Богатые башкиры использовали в своих интересах такие старинные обычаи, как подмога в страдную пору, аш — помощь во время голода, сауна, то есть отдача скота на выпас бедным, которые пользовались его молоком в течение лета, а затем возвращали скот феодалу вместе с приплодом и определенным количеством молочных продуктов. Как сауна, так и помощь давали возможность богачу держать в экономической зависимости рядовых членов общины. Таким образом, использование патриархально-родовых пережитков превращалось в разновидность феодальной эксплуатации трудовых масс².

К числу натуральных повинностей рядовых общинников относился уход за скотом богатых башкир, работа в их хозяйстве. Тарханы и старосты осуществляли прямые поборы с общинников скотом и медом, наживались за счет сдачи башкирских вотчинных земель в аренду, присваивая оброчные деньги. Богачи занимались ростовщичеством, раздавали деньги под работу, превращали обедневших башкир в зависимых людей. Например, в Минской волости Ногайской дороги башкир Уразгильда Ивашкин с братом в 1706 г. взяли у башкира Аиттера Исенбетова в долг 9 руб., обязавшись «накосить 300 копен сена доброго..., в копны згрести... и в стоги

сметать, и в стогах отвести то сено на срок Троицын день...»³. В 1711 г. в Гайнинской волости Осинской дороги Ногайбика Бимашева за взятые в долг у старосты Абдуллы Тленчева 10 руб. отдала ему в дворяные свою дочь Кызгичи, которая должна была «жить у него, Абдуллы, и у жены его и детей во дворе его, и всякую домовую работу работать»⁴. Подобных примеров много. Наряду с эксплуатацией закабаленных людей богатые башкиры прибегали к найму⁵.

Башкиры несли различные феодальные повинности в пользу государства. Они платили казне ясак, который первоначально взимался натурой. В Казань, а с 1586 г. в Уфу доставляли шкуры лисиц, бобров, выдр, волков, куниц, белок, соболей, а также мед. К началу XVIII в. из натуральных сборов стали выпадать из-за истребления наиболее ценные виды зверей: бобры, выдры, соболи и, частично, лисицы. Натуральный ясак постепенно заменялся денежной платой по рыночной цене пушнины: куница оценивалась в 40 коп., лисица — 75 коп., бобер — 1 руб. 50 коп., батман (8 пуд.) меда — 1 руб.⁶ и т. д. Плательщики натурального и денежного ясака именовались ясачными башкирами.

Ясак взимался с каждого башкирского двора, за исключением старост и мусульманского духовенства. В ясачную книгу уезда вносилось имя главы дворохозяйства, который и являлся плательщиком — ясачным башкиром. В 1629 г. в уфимских уездных ясачных книгах числилось всего 888 ясачных башкир-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 133.

² Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 40, 53, 55; Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 100; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 94.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 133.

⁴ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 55.

⁵ Там же.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. I. С. 392.

ских дворов¹. В это число не попали те башкиры, которые возили ясак в Верхотурье и другие административные центры государства. В 1631—1632 гг. в Уфимском уезде проводилась перепись башкирского населения, в ходе которой ясаком были охвачены многие безьясачные дворы. В 1633 г. ясак стали взимать уже с 2217 башкирских дворов уезда². Позднее ясачные книги пополнялись именами новых плательщиков в основном за счет сыновей и племянников, отделившихся от отцов и дядей. В начале 30-х годов XVIII в. в ясаке числилось 6188 башкирских дворов. В 1734 г. ясачную книгу Уфимского уезда дополнили именами еще 1096 плательщиков. С этого времени ясак взимался уже с 7284 башкирских дворов³. В это число не входили зауральские башкиры, которые до образования Исетской провинции не числились в учетных ясачных книгах царской администрации. В 1745 г. в Уфимской и Исетской провинциях в ясаке было «налицо 10895 дворов»⁴.

На башкирах лежали подводная повинность, ямская гоньба, содержание в исправности дорог и перевозов. Если ясак и другие платежи не могли взиматься, хотя бы формально, выше установленных размеров, то подводная и ямская службы не были нормированы и обходились трудовым массой дорого.

Обременительной была военная повинность. Башкиры несли сторожевую службу в Уфимском уезде и за его пределами, сопровождали царских дипломатов к сибирским татарам, калмыкам, казахам, каракалпакам и другим народам. Башкирские конные отряды принимали участие в Крымском и Азовском походах конца XVII в., в Шведском походе в начале XVIII в. и др.⁵.

Все виды военной службы отправлялись на средства населения волости. Башкирская община всем миром (волостью) обеспечивала каждого воина снаряжением, вооружением, лошадьми, продовольствием. Только во время походов башкирские воины получали от государства денежное и хлебное довольствие.

Таким образом, в составе Российско-

го государства трудовые массы башкир попали под двойной гнет феодально-крепостнического государства и собственных господствующих слоев.

Пришлое население на башкирских волостных землях. По мере притока земледельческого населения из центральных районов страны и Среднего Поволжья возникали новые формы земельных отношений в крае. Значительная часть пришлого населения Уфимского уезда вела хозяйство на землях башкирских волостей. К их числу относились ясачные татары, чуваша, мари, мордва, удмурты, служилые татары и мишари. Последние имели право, в силу своей сословной принадлежности, получать земельные наделы от казны, но тем не менее угождая, необходимые для ведения крестьянского земледельческого и скотоводческого хозяйства, служилые татары и мишари предпочитали брать у башкир в долгосрочную аренду или «в коротом» (припуск) и поселяться на территории башкирской волости. Переселенцев, устроившихся на башкирских волостных землях, независимо от их этнической и сословной принадлежности, стали называть припущенниками. Припущенники оседали на башкирских землях по договору с вотчинниками, т. е. припуску, представлявшему разновидность арендного соглашения. Договор о припуске составлялся как в устной, так и письменной форме. Припуск позволял крестьянам без ведома уездной и дворцовой администрации, помещичьих и монастырских управителей завести в Башкирии свое хозяйство. Припущенниками становились и башкиры, по разным причинам потерявшие вотчинное право

¹ Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. С. 192.

² Новиков В. И. Очерки колонизации башкирского края // Историческая библиотека. СПб., 1878. № 12. Отд. 3. С. 57.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 430.

⁴ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 218.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 99.

на землю, покинувшие свои волости (участие в восстаниях, захват земель казной и заводами и т. д.).

Плата за припуск и за последующее пользование волостными землями, устанавливаемая между вотчинниками и припущенниками, была намного легче феодальных повинностей, лежавших на помещичьих, монастырских и других феодально зависимых крестьянах. Поэтому к припуску прибегала значительная часть переселенцев.

Припущенники беспрепятственно пользовались полученными в аренду земельными участками. Договоры о припуске разрешали «всякими угоды владеть», «зверя всякова побивать, и птицу и рыбу ловить, и хмель щипать», «в той нашей вотчине», «в черном лесу ходить с нами [вотчинниками] вопче, борти делать и дупленицы искать, и всякова зверя побивать, и на речках мутовки мельницы делать и сена косить, и пашня пахать», «построитца в той нашей вотчине им [припущенникам] деревнею», «в той нашей [башкирской] вотчине пашня пахать и лубья снимать и дрова рубить, и сено косить, построить... мельницу»¹. Одним словом, согласно положениям договора каждый припущенник имел право пользоваться всеми выделенными в аренду участками волостной территории.

Кроме припущенников в XVII — первой трети XVIII вв. на волостных землях вела хозяйство часть крестьянского и бобьельского населения, поселившегося там явочным порядком. Поселение пришлых людей на волостных землях без согласия башкир-вотчинников вело к постоянным земельным спорам и столкновениям между ними. Самовольные поселенцы становились припущенниками только после урегулирования отношений с вотчинниками и составления припускного договора.

Припущенники селились на башкирских землях на различных условиях. Наиболее распространенными из них были соучастие припущенника в платеже волостного ясака, выполнение лежавших на вотчинниках натуральных повинностей в пользу казны, частичное, либо

полное переложение на припущенников ямской и подводной повинности, выплата вотчинникам единовременной договорной и ежегодной оброчной суммы деньгами и т. д.

Припускная зависимость крестьян от башкир-вотчинников не выходила за рамки обычной арендной зависимости. Однако были и отклонения. Арендаторы зачастую попадали в зависимость от башкирских феодалов, которые использовали их в качестве рабочей силы. Старшина Дуванской волости Мендиар Аркаев сообщал в 1736 г. начальнику Оренбургской экспедиции В. Н. Татищеву, что у них ни одной копны сена не поставлено и ставить некому. По его словам, раньше сено косили мишари, ясачные татары и мари, а «ныне при них таких народов нет», ибо «припущенники во время восстания... в своем большинстве поддерживали царское правительство и получили за это право «безоброчно жить на башкирских землях»². Имеются сведения о ясачных татарах, «которые живут по разным местам или у башкир из найма и за долги служат»³. Чуваш Казанского уезда Бектемир Нурсаев рассказывал в 1737 г. представителям местной администрации, что он года четыре находился «в работе» у башкира Исмаила, но, не получив никакой платы за работу, убежал от него⁴.

Среди припущенников также шел процесс классообразования. Богачи (мурзы, старосты, бай) эксплуатировали трудовые массы припущенников. Татарские и мишарские мурзы, которые сохраняли свое привилегированное положение, использовали припуск для покупки или захвата башкирских земель. Наладив хозяйство на новых местах, они совместно с башкирскими феодалами эксплуатировали беднейшую часть пришлого и коренного населения. Так, в 30-х гг. XVIII в. на мишарского старосту Сибир-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 11, 18, 24, 30, 37 и др.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 131.

³ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 60.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 137.

ской дороги Муслюма Аширова работали Биккinya Бектемиров, Шарып Килеев, Бектемир Уразаев, на Казанской дороге татарин дер. Калтаево Уразмет Баймашев держал двух работников¹. В Табынской волости Ногайской дороги башкиры Айбика Муратова и Сюндюк Кикпашев в 1738 г. заняли у татарина Рахмангула Кильмякова 10 руб. на один год. В обеспечение кредита первая заложила своего сына Аиткула, второй — дочь Тотагушу². Эксплуататоры имелись и среди представителей других народов. Например, в 1721 г. на Осинской дороге мари Акбас Аказин вместе со своей сестрой Токсолтанай заняли у богато мари Курманая Актермышева 37 руб. для уплаты своих долгов, обязавшись в течение 10 лет работать в его хозяйстве³.

Таким образом, башкирские феодалы и богатые припущенники широко использовали в своих хозяйствах труд кабально зависимых от них людей и наемных работников.

Припущенники строились на башкирских землях отдельными селениями или непосредственно в деревнях вотчинников. По неполным данным, в начале 30-х гг. XVIII в. в Башкирии припущенники жили в более чем 200 деревнях⁴.

Башкиры сдавали в аренду и отдельные промысловые угодья, например, рыбные ловли, лесные участки, бобровые гоны. К таким формам кортомления прибегали в основном те арендаторы, которые уже имели надельные или поместные земли — дворцовые, государственные (ясачные), монастырские и помещичьи крестьяне Уфимского уезда, а также пограничных селений соседних уездов, военнoслужилые люди, дети боярские, посадские жители, купцы, представители православного духовенства, монастыри. Кортомщики этого разряда, как и арендаторы, поселившиеся на башкирских землях, именовались припущенниками. Они заключали письменные или устные договоры на аренду отдельных угодий.

В состав башкирских припущенников входили представители различных феодально-зависимых сословий. Наиболее многочисленную часть переселенцев-

кортомщиков составляли бобыли. Основная масса их прибыла в Башкирию со своим бобыльским ясаком, т. е. будучи бобылями в местах выхода. Незначительная часть бобылей попала в это сословие в Уфимском уезде из числа «гулящих людей» и других категорий крестьян.

Бобыли вели крестьянское хозяйство на арендованных башкирских землях, платили казне бобыльский ясак и несли другие повинности. Они обязаны были поставлять в Уфу строительные материалы, давать подводы и провожатых, работать на строительстве и ремонте казенных мельниц, Табынского солеварного городка⁵. Кроме государственных бобылей в Башкирии встречалось небольшое количество помещичьих, монастырских и дворцовых бобылей. Они не были припущенниками башкир, пользовались землями своих феодалов и несли повинности в их пользу.

В 1674 г. в Уфимском уезде бобыльский ясак взимался с 2571 души м. п.⁶ В 1722 г. в Уфимской провинции числилось 2239 дворов казенных бобылей-припущенников, из них 1546 (70%) дворов располагалось в северо-западной части Башкирии. Этнический состав бобылей был неоднородным. По данным того же 1722 г., среди бобылей числилось марийцев — 1035 дворов, татар — 893, чувашей — 189, удмуртов — 100, «новокрещенных» (чувашей, удмуртов, мари, татар и мордвы) — 20, и мордвы — 2 двора⁷.

Из среды припущенников постепенно образовалось сословие тептярей, извест-

¹ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 61.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 137.

³ Там же.

⁴ Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 83—158.

⁵ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. С. 225—226; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 128.

⁶ Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 206, 207, 208.

⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3790. 101—434.

ных только в Башкирии. По мнению ряда авторов, возникновение слова «тептярь» связано с персидским словом «дэфтэр», что означает «запись», «договор»¹. Тептяри заключали с башкирами-вотчинниками письменные условия, в которых определялось количество полученных в аренду угодий и размер повинностей². Но это утверждение вызывает возражение. Тептяри обосновывались не только на башкирских вотчинных землях, но и на казенных и собственных, причем без припускных записей³. Возможно, словом «дэфтэр» назывались воеводские «окладные ясачные книги», куда включалась часть башкирских припущенников, которые, очевидно, и получили название тептяри.

По другой версии, термин тептярь произошел от слова тибеу, тибелеу, типтереу, типтер. Башкир, не имевший возможности нести феодальные повинности за свое сословие, выходил сам или насильно выталкивался (тибелә) из общины. Он терял вотчинное право на землю, свою сословную принадлежность и становился тептяром. Со временем, особенно в XVIII в., в состав тептярей влились переселенцы из татар, мари, чувашей, удмуртов, вышедших из своих общин и порвавших связь со своими прежними сословиями⁴ (ясачным, служилым, бобыльским).

Существование разных точек зрения о происхождении тептярей свидетельствует о необходимости более тщательного изучения данного вопроса. Тем не менее ясно, что тептяри являлись социальной группой разного этнического происхождения.

В первое время феодальные повинности тептярей были сравнительно легкими. Они платили казне тептярский окладной ясак. В отличие от бобылей-припущенников, тептяри были свободны от выполнения каких-либо натуральных повинностей в пользу государства. Поэтому привлечение тептярей к отбыванию бобыльских повинностей вызывало протесты с их стороны.

В 1722 г. в Уфимской провинции тептярский ясак платили 234 двора, имевших 642 души м. п., из которых 431 чело-

век были татарами, 132 — мари, 77 — чувашами. Всего припущенников, плативших бобыльский и тептярский ясаки, насчитывалось 2473 двора с 6425 душами м. п.⁵ При переписи 1734 г. были выявлены и обложены тептярским ясаком еще 3847 дворов припущенников⁶. В дальнейшем тептяро-бобыльское население росло еще быстрее. Пополнение шло за счет переселенцев.

Несмотря на пользование башкирскими землями, тептяри, как и бобыли, являлись казенными людьми и несли феодальные повинности в пользу государства.

Сохранившиеся источники не позволяют определить численность мишарей и служилых татар. Живя на башкирских волостных землях в качестве припущенников, они также находились в личной зависимости от государства, несли военную службу, составляя особое феодальное сословие.

Итак, в пределах башкирской волости вели хозяйство представители не только разных народов, но и разных сословий: башкиры-вотчинники, бобыли, тептяри, мишари, служилые татары. При аренде башкирских земель, составлении припускного договора с вотчинниками, а следовательно, и при формировании деревни в волости сословный принцип не соблюдался. Как правило, в одном селе собиравались представители нескольких сословий. Однако при отправлениях феодальных повинностей, сборах феодальных платежей и при выполнении «мирских» дел функционировали разные, отличные друг от друга общины: башкир-

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 94; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3. С. 391; Ахмаров Г. Н. Тептяри и их происхождение. Казань, 1907. С. 9—10, 26.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 97.

³ Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в. Уфа, 1989. С. 33—34.

⁴ Там же.

⁵ РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3790. Л. 101—434.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 430.

ская, тептярская, бобыльская, мишарская, служило-татарская.

Припущенники сообща владели коротменными землями, которые распределялись между арендаторами по их взаимному соглашению. Так, в 1718 г. служилые татары дер. Сюндюково Сибирской дороги составили «полюбовную меж себя» запись по поводу арендованных у башкир Унларской волости земель. Они условились, что «пахотною землю и санными покосы и другими угодыми владеть... з деревенскими жителями, по прежнему владению, как владели до нынешнего 718-го году по разделу... И впредь что кому надлежит пахать земли вновь и другим употреблятьца..., как было напредь по жеребьям, кто как владел и сколько обще»¹.

Помещичьи, монастырские, казенные и другие владения. С конца XVI в. в Башкирии государство стало наделять землями представителей господствующего класса — детей боярских, мелких служилых людей (стрельцы, пушкарники, воротники, казаки всех разрядов и другие), посадское и купеческое население и духовенство. В 30-х годах XVIII в. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов писал, что «только при начатке поселения города Уфы взяты у башкирцев Минского рода земли к городу, вокруг верст по 30-ти, по 20-ти, а инде больше и меньше, и розданы в поместье дворянам и конным казакам..., так же поселены 2 пригородка, Бирск да Табынск подле Усолья»². С ростом населения Уфы, острожков и городков уезда расширялись земельные владения их жителей. Сверх пожалованных за службу угодий светские и духовные феодалы домогались у казны новых земельных участков. Однако правительство сдерживало подобные притязания. Лишь иногда отличившимся на службе дворянам жаловались дополнительные поместные земли.

По социальному составу служилые люди Уфимского уезда не были однородными. Из их среды выделялись дети боярские, приравненные к дворянам. Дворянскими привилегиями была наделена

и верхушка шляхты, несшая службу в крепостях и городках Закамской оборонительной линии, часть служилых людей по новокрещенскому списку (татары и др.) и конных казаков. Они положили начало уфимскому, мензелинскому, бирскому дворянству.

Дворянское землевладение в уезде состояло из небольших поместий. В 1700 г. из числившихся в Уфе 162 дворян и детей боярских 79 имели от 250 до 480 четвертей* поместной земли, а 83 — от 500 до 1000 четвертей пашенной земли и сколько-то сенокоса³. В 70-х гг. XVII в. была наделена поместьями служившая в закамских крепостях смоленская и полоцкая шляхта. Каждый служилый получил от 60 до 150 четвертей пашенной земли. В 60-х гг. того же века мишарские феодалы получили от 100 до 130 четвертей поместной земли, а служилые татары — по 60 четвертей пашенной земли⁴. Крупное дворянское землевладение отсутствовало в Уфимском уезде вплоть до 40-х годов XVIII в. Исключения составляли сравнительно крупные владения помещика П. Нармацкого по левобережью реки Чусовой и строгановские вотчины, вклинившиеся в Башкирию с северо-востока.

Крестьяне переселялись дворянами из внутренних губерний или жаловались им правительством в крае. И все же крепостных было немного. В 20-х гг. XVIII в. в Уфимском уезде из учтенных 140 дворян 68 вообще не имели крепостных, 43 имели от 1 до 5 душ, 23 — от 6 до 14, 9 — от 15 до 30 душ. Лишь помещик П. Нармацкий владел 107 крестьянами. Недостаток рабочих рук

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 177.

² Там же. С. 493.

* Четверть составляла примерно 0,5 дес. земли.

³ Акманов И. Г. Указ. соч. С. 67.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 656, 696, 1093; Текст «Отводной книги по Уфе». С. 261—267; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 115. Л. 547—548; Там же. Д. 108. Л. 158—160; Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. С. 210—214.

вынуждал дворян прибегать к найму, выдаче денег в долг под отработки¹ и т. д.

Социальное положение рядовых служилых людей (стрельцов, затинщиков, воротников, казаков рядового состава и др.) отличалось от положения их вершущей части. Они наделялись правительством землями не каждый в отдельности, а в общее владение служилых людей данной крепости или пригородка. Многими угодьями (лесами, пастбищами, сенокосами и др.) мелкие служилые люди пользовались сообща. Они не имели права приобретать крепостных крестьян. Это обстоятельство уже в XVII в. сближало мелких служилых людей «по прибору» с казенными (будущими государственными) крестьянами. При разборе служилых людей «старых служб» и «по прибору» часть из них была зачислена в солдаты, другая осталась вне службы. Постепенно они оказались приравненными к государственным крестьянам, а впоследствии слились с ними.

Правительство жаловало земли нескольшим монастырям: уфимским Успенскому и Христорождественскому, Чалнинскому Богородицкому, Илбахтин Рождественскому, Далматов Успенскому. У первых четырех земли было мало. Далматов же монастырь, находившийся в Зауралье, получил 160 тыс. дес. С целью расширения своих владений монастыри прибегали к насильственному захвату земельных угодий и рыбных ловель у башкир. Монастыри из Казанского уезда и Центральной России снимали в Башкирии казенные земли «из оброка», особенно привлекали их богатые рыбные ловли (озера, реки)². Земли заселялись крестьянами, которые платили монастырям ренту деньгами и продуктами, отрабатывали в их хозяйстве.

Дворцовые крестьяне находились на натуральном и денежном оброке в пользу царской семьи. Феодальные повинности государственных и ясачных крестьян состояли из работы на казенной пашне, натурального и денежного оброка, подводной, почтовой и других повинностей.

В 20-х гг. XVIII в. ясачные, государственные, дворцовые, монастырские и

помещичьи крестьяне края были обложены подушной податью, рекрутской и другими повинностями в пользу государства. При этом феодальные повинности крестьян помещикам и ведомствам сохранялись.

Таким образом, в Башкирии сосуществовали различные формы феодальных отношений. Несмотря на заметные социальные сдвиги, в башкирском обществе по-прежнему господствовали присущие кочевым и полукочевым народам патриархально-феодальные отношения, сильные были пережитки родового строя; отношения же между башкирским обществом и государством были феодальными. Русское население переживало стадию позднего феодализма. Близки к нему по характеру производственных отношений были татары и мишари. Марийцы, чуваша, мордва, удмурты в зависимости от условий поселения на новых землях оказывались либо в сфере патриархально-феодальных отношений, либо в сфере позднего феодализма, а зачастую одновременно испытывали обе сферы.

Феодалы состояли из башкирской, татарской и мишарской знати, русских помещиков, монастырей, двorca и самого феодального государства. К феодальноэксплуатируемой части населения относились рядовые башкиры, мишари, служилые татары, мелкие служилые люди, ясачные крестьяне, тептярское и бобыльское население, помещичьи, монастырские, дворцовые и государственные крестьяне.

§ 4. Народные движения

Недовольство башкир политикой царизма. Одним из главных условий добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству было согласие

¹ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой трети XVIII в. С. 64—65.

² Сергеев Ю. Н. Церковно-монастырское землевладение в Башкирии (конец XVI — середина XVIII вв.) // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI — начале XX вв. Уфа, 1990. С. 21—27.

правительства сохранить вотчинное право башкир на их земли. В течение XVII — первой трети XVIII вв. оно неоднократно заверяло башкир в своей верности провозглашенному принципу. Об этом говорилось в Соборном Уложении 1649 г., а также в наказах и грамотах царских властей в 1664, 1682, 1694, 1734 гг.¹

Однако свое обещание правительство не сдержало. Вскоре после присоединения Башкирии оно стало строить города и крепости для организации управления, укрепления своих военно-политических позиций и усиления обороноспособности края. Если на основании Уфы было получено согласие башкирского народа и башкиры даже участвовали в строительстве города, то с конца XVI в. положение меняется. В Башкирии возникает много крепостей, но при их строительстве правительство уже не интересовалось мнением башкир. К началу XVIII в. в крае насчитывался 31 укрепленный пункт². Царские власти заселяли города и крепости дворянами и другими разрядами служилых людей, наделяли их землей за счет башкирских вотчин. С разрешения властей в Зауралье на башкирских землях строили остроги и слободы и заводы пашни беломестные казаки. Башкирские земли отводились также монастырям, дворцу, казне. На рубеже XVII—XVIII вв. началось изъятие башкирских земель под заводы. Кроме того, правительство практиковало отдачу на откуп и оброк башкирских рыбных ловель, бортных угодий, перевозов, мельничных мест. В роли откупщиков и оброчников выступали купцы, монастыри, служилые люди.

Дворяне и другие служилые люди, духовные феодалы и купцы не довольствовались отведенными землями и самовольно расширяли свои владения. Таким образом, в XVII — начале XVIII вв. феодальное государство, не отказываясь от формального признания вотчинных прав башкир, на деле проводило политику постепенного захвата их земель. «Законное» и «незаконное» присвоения земель вызывали массу челобитных башкир. В конце XVII в. была подана правительству челобитная от имени башкир

всех четырех дорог, явившаяся выражением общего протеста башкирского народа земельной политике властей.

Вызывали недовольство многочисленные повинности. Башкирские общинники, за исключением тарханов, платили в казну ясак, размер которого зависел от величины земельных владений³. Наряду с ним существовал дополнительный поземельный налог, который платили с особо выгодных земельных угодий — с бортных деревьев, бобровых гонов, рыбных ловель. Башкиры платили и кое-какие налоги. Время от времени правительство повышало размеры налогов. Это имело место в середине 30-х гг. XVII в., в 1704 и 1734 гг.⁴

В условиях натурального хозяйства ясак являлся тяжелой повинностью для рядового башкира. Усиление обременительности налогов способствовало порядку его взимания с населения. Сборщики ясака, назначаемые, как правило, из дворян, допускали большие злоупотребления, вплоть до насилий и грабежей. Башкиры постоянно жаловались на тяжесть поземельных и других налогов, на произвол сборщиков, просили отменить институт «кочующих целовальников»⁵.

Обременительными для населения были военная служба, почтовая и подводная повинности.

Серьезное беспокойство башкир вызывало негативное отношение прави-

¹ ПСЗ. Т. I. № 1; Т. 9, № 6581; РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 19, 93 об.; Кн. 821. Л. 400—401; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 82—83; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 106—107.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 569, 612; Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 109, 112, 158—178; Дмитриев А. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации // Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8. С. 42—46.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 110, 111.

⁴ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 34—35; РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—4.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 69—73, 422—425; РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 33—34.

тельства к мусульманской религии. С середины XVII в. оно стало предпринимать определенные шаги по христианизации башкир. В 1680 и 1681 гг. правительство неоднократно обращалось к мусульманскому населению страны с призывом перейти в христианство. Воеводы на местах должны были «мурз и татар и других иноверцов к крещению призывать» и регулярно извещать власти о ходе кампании. Указ правительства от 16 мая 1681 г. по существу провозгласил принцип насильственной христианизации: за отказ креститься нерусские феодалы теряли свои земли, а рядовые массы превращались в крепостных¹. Вслед за Средним Поволжьем власти начали готовиться к реализации положений указа и в Башкирии. В ноябре 1681 г. церковный Собор поднял вопрос о борьбе с «инаковерующими» по всей стране и усилении христианизации. 27 ноября 1681 г. принимается решение о создании в Уфе самостоятельной епархии во главе с епископом². В начале XVIII в. власти вновь вернулись к политике христианизации. Башкиры жаловались, что их хотели заставить строить мечети по образцу христианских церквей, а религиозные обряды приблизить к христианским. В XVII—начале XVIII вв. попытки христианизации не удалось, но они настораживали башкир и обостряли обстановку в крае.

Вся реальная власть в Башкирии находилась в руках царских воевод, которые широко использовали такие методы управления, как «разделяй и властвуй», натравливание одного народа на другой. Для обеспечения спокойствия в крае администрация от каждой дороги брала определенное количество жителей, преимущественно из богатых и влиятельных семей, в качестве заложников (аманатов) и держала их в городах и крепостях в т. н. аманатских дворах, которые были по существу тюрьмами.

Большие злоупотребления своим положением со стороны воевод и приказных людей вызывали постоянные жалобы населения. Нередкие случаи досрочного смещения с постов уфимских воевод лишний раз свидетельствуют о том,

что произвол и насилия были обычным явлением в деятельности местных властей. С поста воеводы в 1664 г. был уволен князь А. М. Волконский, в 1682 г. — князь А. Коркодинов, в 1708 г. — Л. Аристов³.

Наконец, следует отметить, что власти в управлении и суде игнорировали башкирский язык. Делопроизводство велось только на русском языке, что вызывало дополнительные трудности и расходы в отстаивании башкирами своих прав. Все эти явления вели к обострению социальных и национальных противоречий в крае, создавали предпосылки для открытого выступления трудовых масс башкирского народа против феодального и национального угнетения.

Восстание 1662—1664 гг. В борьбе против земельной и налоговой политики правительства, национальных притеснений, произвола местных властей башкиры использовали различные формы социального протеста — от подачи челобитных до вооруженных выступлений⁴. Так, в 1581 г. башкиры Казанской и Осинской дорог совместно с татарами, манси и удмуртами разорjali новые поселения Строгановых на Каме. Известно также участие башкир в восстании в Среднем Поволжье в 1616 г.⁵ Башкиры

¹ ПСЗ. Т. 2. № 823, 867; Акты исторические (далее — АИ). СПб., 1842. Т. 5. № 75; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою Комиссиею (далее — ДАИ). СПб., 1862. Т. 8. № 89.

² Архив ПФИРИ. Ф. 28. Карт. 29. № 7; ПСЗ. Т. 2. № 898.

³ Пекарский П. П. Известия об уфимских дворянах Пекарских // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 301; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 279.

⁴ Акманов И. Г. Восстание 1662—1664 гг. — первое массовое движение башкир // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX вв. Уфа, 1981. С. 50—53.

⁵ Пермская летопись. Первый период. Пермь, 1881. С. 98; Второй период. Пермь, 1882. С. 68, 69; Чулошников А. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 24.

были застрельщиками народных выступлений в 1645 г. под Мензелинском¹.

Непосредственным поводом к восстанию 1662—1664 гг. явилось содействие царского правительства калмыцким феодалам в захвате земель в юго-западной Башкирии. Правительство было важно закрепить недавно вошедших в состав России калмыков, использовать их конницу в военных действиях против Крымского ханства. Поэтому в начале 60-х годов оно запретило башкирам нападать на калмыцкие улусы, лишив их права отстаивать свои кочевья².

Восстание началось в Зауральской Башкирии. Во второй половине июля 1662 года отряд под предводительством Сары Мергена, состоявший из 600 башкир, мари и татар, напал на Катайский острог и Далматов монастырь. Восставшие совершили несколько приступов, но взять хорошо укрепленные поселения не сумели. Разорив окрестные деревни, повстанцы вернулись к озеру Иртяш, где оставались их семьи³.

В первых числах августа повстанцы напали на остроги и слободы, расположенные по рекам Исеть, Чусовая и Пышма. Движение становилось массовым. 11 августа восставшие заняли Мурзинскую слободу и «церковь божию» и государевы анбары совсем сожгли, в середине сентября захватили Белослудскую и Усть-Ирбитскую слободы. 23 сентября они подошли к Ирбитской слободе. Но в это время против них выступил отряд, состоящий из 150 солдат и «охочих» людей. Воевода Туринска послал еще 150 человек. Под напором карательных отрядов восставшие отступили⁴.

Другим регионом борьбы стала южная часть Кунгурского уезда. Во второй половине июля отряды башкир Сибирской и Осинской дорог напали на крепости, монастыри и села уезда. К ним присоединились кунгурские, вятские и уржумские татары. В конце месяца восставшие осадили и приступом овладели Кунгуром. Они заняли и разорили также Степановский острог, Воздвиженскую и Рождественскую пустыни, монастырские села и деревни на р. Сылва. Из крупных населенных пунктов района

уцелел только Спасский монастырь, где и укрылось окрестное население. Источники говорят об использовании восставшими в этом районе пушек⁵.

Между названными районами повстанческой борьбы были, по-видимому, определенные связи. Имеются сведения, что еще до начала восстания посланцы Сары Мергена побывали на севере Башкирии, призывая население к выступлению. Кроме того, вряд ли было случайным то, что движение в Кунгурском уезде началось вслед за выступлением зауральских повстанцев.

О ходе восстания на территории Казанской и Ногайской дорог в 1662 г. сохранились лишь общие сведения. В обращении уфимского воеводы стольника А. М. Волконского к восставшим говорится: «...в прошлом во 170-м году от вас, ото всех дорог башкирцов, учинилась измена и всякое воровство, Уфимской и Казанской уезды повоевали, церкви божьи обругали и пожгли, и села, и деревни, и хлеб, и сена пожгли ж, и людей побили и в полон поимали». Известно также, что восставшие действовали под Уфой, заняли и разорили дворцовое село Архангельское на р. Бирь⁶. Во главе повстанцев, по-видимому, стояли Гаур Акбулатов и Улекей, по прозвищу Кривой.

Обеспокоенное размахом народного движения в Башкирии царское правительство приняло спешные меры для

¹ Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 12; Новиков В. А. Указ. соч. С. 13.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 161—163, 170—173, 188—193; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 49, 55, 61; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 81, 105.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 161—163.

⁴ Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884. С. 679, 683, 695—699; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 73.

⁵ Пермская летопись. Третий период. С. 679, 683, 688, 692; Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 73.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 175, 184—185; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 112. Л. 96.

борьбы с повстанцами. Было отдано распоряжение о переброске в Башкирию значительных воинских сил из Тобольского уезда и Казанской губернии.

В помощь гарнизонам сибирских острогов и слобод из Тюмени в район восстания были направлены отряды стрельцов и рейтаров. Осенью 1662 г. из Тобольска выступили пехотный и драгунский полки под командованием полковника Полуэктова. Узнав об этом, основная масса восставших оставила район сибирских слобод и отступила в горы. Но все же Полуэктову удалось настичь повстанцев около озера Иртяш. В ходе боя двух повстанцев взяли в плен, «а иных изменников многих побили». Каратели разорили окрестные башкирские деревни¹.

Действия команды Полуэктова не привели к прекращению народного движения в этом районе. Но среди повстанцев наметился раскол. Часть из них во главе с Сары Мергеном стояла за продолжение борьбы. Сары Мерген обратился за помощью к калмыцкому тайше Тайчину. Но калмыки не поддержали зауральских башкир. Некоторые повстанцы стали склоняться к переговорам с властями. Узнав об этом, тобольский воевода направил к ним своих послов. Несколько «лучших» башкир в свою очередь побывали в Тобольске. Переговоры шли до марта 1663 г., но реальных результатов не дали. Дело не дошло до принесения повинной.

Общее руководство борьбой с восстанием правительство возложило на князя Ф. Ф. Волконского, одного из казанских воевод. Одновременно был смнен уфимский воевода. Им стал помощник Ф. Ф. Волконского стольник А. М. Волконский. Карательные войска подошли к Мензелинску, а затем направились в Уфу. Командование обращалось к восставшим с призывом принести повинную. Первыми приехали те башкирские феодалы, которые хотя и не участвовали в борьбе, но решили еще раз выразить свою верность властям. Так поступил один из крупных феодалов Ногайской дороги тархан Ишмухамет Давлетбаев, который по призыву Ф. Ф. Волконского

приехал в Мензелинск и получил от воеводы наставление способствовать скорейшему подчинению восставших башкир царским властям. Во время продвижения войск к Уфе к Волконскому пришла с повинной часть повстанцев Казанской и Ногайской дорог. В Уфе воеводы казнили предводителей восстания «Гоурка да Улекейка Кривова с товарищи», выданных верными правительству представителями башкирской феодальной верхушки. По требованию властей башкиры вынуждены были дать в Уфу в заложники 40 человек «добрых людей»². Поздней осенью 1662 г. из Уфы были организованы карательные экспедиции в Кыр-Кудейскую, Айскую и Балыкчинскую волости Сибирской дороги, жители которых не принесли повинной. Но поход не достиг цели³.

К борьбе с восстанием правительство привлекло и воеводу Астрахани князя Г. С. Черкасского. Он также обращался к повстанцам с призывом о повинности. В ноябре 1662 г. его посланцы добрались до Уфы и создали 300 представителей различных волостей для переговоров. Собравшиеся башкиры решили прекратить борьбу и составили челобитную на имя царя⁴.

В итоге обстановка в Башкирии несколько разрядилась. Но полного успокоения еще не было. Решая продолжить восстание, повстанцы искали союзников. Башкиры Сибирской дороги укрепляли связи с нерусскими народами Зауралья. Кроме того, они установили контакт с царевичем Кучуком, правнуком сибирского хана Кучума. Претендуя на земли бывшего Сибирского ханства, Кучумовичи искали только случая, чтобы организовать антирусские выступления. Восстание в Башкирии, с их точки зрения,

¹ Пермская летопись. Третий период. С. 693; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 159—163.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 164, 189—193.

³ Там же. С. 184—185.

⁴ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 85—87.

было как нельзя кстати. В движении 1662 г. они не принимали участия. Но в начале 1663 г. один из них — царевич Кучук появился в лагере повстанцев Сибирской дороги после смерти их предводителя Сары Мергена.

Известно, что сибирские царевичи, в том числе и Кучук, не представляли серьезную силу в военном отношении. Зачем же тогда он был нужен восставшим? Последние пытались, по-видимому, использовать царевича как фигуру, вокруг которой можно было объединить нерусские народы Зауралья в борьбе против царизма. Неслучайно они параллельно вели переговоры и с калмыками, чтобы получить от них более существенную помощь.

Искали союзников и жители Казанской и Ногайской дорог. Они установили связи с калмыцкими тайшами Дайчином и Аюкой¹.

Активные действия возобновились весной 1663 года. Вновь первыми выступили жители Сибирской и Осинской дорог. Они нападали на крепости, села и деревни Уфимского и Соликамского уездов. К ним присоединились манси, жившие по р. Чусовая, и группа русских людей из Верхотурья. Верхотурский стрелец И. Громыхалов привозил повстанцам порох и свинец из города, «покупая из рядов». А. И. Аникиев «с товарищи», по словам кунгурского воеводы, участвовали в подготовке восстания². В западных волостях Сибирской дороги повстанческое движение возглавляли айские башкиры Азнагул Урускулов и Бекзян Токтамышев, в зауральских волостях — Урасланбек Баккин.

Летом 1663 г. борьба развернулась по всему Зауралю. Во второй половине июня восставшие заняли ряд сел и деревень по р. Режь, затем напали на Арамашевскую слободу. Здесь повстанцев, по свидетельству очевидцев, было «с тысячу и больше». Против них выступила команда рейтар и солдат во главе с майором Сниттером, а также отряд крестьян, возглавляемый настоятелем Невьянского монастыря. Но в трех верстах от слободы каратели были окружены восставшими. 3 июля повстанцы осадили

Невьянский острог. В этой обстановке в район восстания тобольские власти вновь направили значительные воинские силы под командованием Полуэктова и подполковника В. Бланка³.

Осенью борьба развернулась в окрестностях озера Ирбит и бассейна р. Ирбит. В начале октября восставшие напали на Киргинскую, Ирбитскую и Усть-Ирбитскую слободы, на ближайšie села и деревни. На выручку к ним выступила команда Полуэктова. Но восставшие нанесли карателям серьезное поражение. В ходе ожесточенного сражения команда потеряла свыше 30 человек убитыми; многие, в том числе полковник Полуэктов, были ранены⁴.

Весной 1663 г. возобновилось восстание на Ногайской и Казанской дорогах. К нему примкнули и те башкирские феодалы и «лучшие люди» во главе с тарханом Ишмухаметом Давлетбаевым, которые в 1662 г. были на стороне властей. Кроме того, восставших башкир поддержали калмыки. Движение развернулось в центре Башкирии, вблизи Уфы, под Мензелинском и другими крепостями Закамской линии.

Временами повстанцы Казанской и Ногайской дорог выступали вместе. Так, осенью 1663 г. часть восставших Казанской дороги действовала на территории Ногайской дороги⁵. Предпринимались попытки организовать совместные операции отрядов всех четырех дорог. Так, на осень 1663 г. был задуман объединенный поход на Уфу. Повстанцы Зауралья в первой половине ноября должны были приехать в район среднего течения р. Белой и соединиться с башкирами Ногайской и Казанской дорог. Однако по неизвестным причинам зауральские башкиры в условленное место не приехали.

¹ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 г. С. 82, 90—91.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 163, 183—186.

³ Пермская летопись. Третий период. С. 699—702.

⁴ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 6. Л. 204 об.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 164—173.

Прождав их несколько дней, повстанцы Ногайской дороги решили начать переговоры с воеводой, который обещал им прощение за участие в восстании и различные уступки. Переговоры продолжались около месяца. В итоге башкиры Ногайской дороги прекратили борьбу и обратились к царю с челобитной о прощении. В Москве башкирские послы были приняты царем Алексеем Михайловичем. В конце февраля 1664 г. они с царской грамотой вернулись в Башкирию¹.

На Казанской же дороге восстание продолжалось. В конце октября — начале ноября 1663 г. крупные силы повстанцев находились в районе Мензелинска. Наряду с башкирами, здесь были и калмыки. Уфимский воевода в своем обращении к повстанцам Казанской дороги так характеризовал ход борьбы: «...ваша братья молодые люди воруют, под Мензелинск и в Казанской же уезд и ыные места изгоном приходят, и людей побивают, и в полон емлют, и всякое воровство делают»². Обращает на себя внимание подчеркивание воеводой активности именно рядовых башкир («молодые люди»). Предводителями восставших были Атыгеш Токалов, Килей Таникеев, Менен Сартов.

Опасаясь перенесения восстания в Казанский край, казанский воевода князь С. Г. Куракин 22 ноября направил сотенного голову Д. А. Аристова с отрядом для охраны перевозов через Каму. Власти неоднократно обращались к повстанцам Казанской дороги с призывами прекратить восстание и начать переговоры³. Но эти призывы долго оставались безрезультатными. О времени прекращения борьбы и начале переговоров сведений не имеется.

Во время переговоров с представителями царской администрации башкирам удалось добиться удовлетворения некоторых своих требований. По их жалобам на злоупотребления властью был уволен уфимский воевода А. М. Волконский. Еще более существенной была уступка по земельному вопросу. В наказе новому воеводе стольнику Ф. И. Сомову власти еще раз официально подтвердили

вотчинное право башкир на их земли, обязали воеводу рассмотреть все жалобы башкир по земельному вопросу и удовлетворить их претензии. Правительство обещало также покончить с насилиями и грабежами при сборе ясака⁴.

В Зауралье борьба не прекращалась. Ранней весной 1664 г. тобольский воевода организовал карательную экспедицию в башкирские волости Сибирской дороги. Крупные военные силы под командованием Полуэктова с середины марта до середины мая громили башкирские деревни, расправлялись с жителями, уничтожали скот и имущество. В это тяжелое для повстанцев время сибирские царевичи не пришли к ним на помощь, хотя царевич Кучук имел под рукой отряд из 300 человек, а рядом кочевали его братья Чучалей и Асан⁵.

Поход Полуэктова был серьезным ударом по повстанческому движению. Тем не менее он не достиг цели. Летом 1664 г. восстание возобновилось. В июне вновь начались нападения небольших групп повстанцев на села и деревни сибирских слобод. В июле башкиры совместно с манси и сибирскими татарами действовали в бассейне р. Нейвы. Они захватили Невьянский монастырь, разорили ряд селений. Есть также сведения о нападении на Краснопольскую и Мурзинскую слободы. В середине сентября отряды восставших появились в районе среднего течения р. Исеть. Они напали на Беляковскую слободу, заняли окрестные села и деревни. Повстанцы окружили Мехонский острог и сделали несколько приступов к нему. На помощь к осажденным спешила команда Полуэктова. Восставшие отступили за р. Исеть⁶ и в октябре 1664 г. прекратили

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 164—173, 182—183, 188—193.

² Там же. С. 176—177.

³ Пермская летопись. Третий период. С. 170; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 176—177, 181—183, 188—193.

⁴ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. С. 105—107.

⁵ Там же. С. 104—105.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 193—194; Пермская летопись. Третий период. С. 781.

активные действия. Видимо, в это время между башкирами и царевичем Кучуком произошел разрыв, и царевич со своим немногочисленным отрядом ушел из Башкирии. Повстанцы приняли предложение тобольского воеводы о переговорах. Зимой или весной 1665 г. их представители побывали в Тобольске. Борьба прекратилась¹.

Восстание 1662—1664 гг. было первым массовым антифеодальным выступлением башкирского народа. Оно охватило обширную территорию от среднего течения р. Исеть до р. Камы, от верховьев р. Яика до бассейна рек Ирбит и Чусовой. В отдельные периоды восставших поддерживали трудовые массы татар, мари, манси. Некоторое участие в восстании приняли калмыки и сибирские царевичи. Если последние использовались только для объединения повстанцев, то калмыки помогали башкирам в проведении ряда боевых операций. Однако и те и другие не сыграли заметной роли в восстании, их участие не привело к изменению характера движения. Материалов, свидетельствующих об отказе башкир в ходе восстания от русского подданства и их намерениях перейти под власть калмыцких тайшей или сибирских царевичей, нет.

Восстание 1681—1684 гг. Временные уступки властей не устранили главных причин недовольства народных масс. Продолжающийся захват башкирских земель, фискальный гнет, злоупотребления местных властей создавали предпосылки для нового вооруженного выступления. В начале 80-х гг. царское правительство взяло курс на дальнейшую христианизацию мусульман Среднего Поволжья и Приуралья². В ответ башкиры взяли за оружие.

Состояние источников позволяет лишь в самых общих чертах обрисовать начало восстания. Весной 1681 г. в ряде мест Башкирии создаются повстанческие отряды. Сохранились некоторые сведения об установлении связей в конце июня—начале июля между жителями Ногайской и Сибирской дорог³. Объединенные отряды повстанцев в августе

1681 г. приступили к активным действиям в центре Башкирии.

Массовое движение в крае началось весной 1682 г. В начале апреля отряды восставших обрушились на закамские крепости. Восставшие подошли также к р. Каме. Запылали монастыри и церкви, помещицы и дворцовые села, основанные на башкирских землях. Повстанцы заняли село Пьяный бор. Борьба шла также за Камой, в пределах Енейской волости. Восставшие осадили дворцовое село Каракулино⁴.

Районом интенсивного движения была Осинская дорога. Основной удар повстанцы направили на Кунгур и близлежащие крепости. Местные власти были в панике: «Кунгур де город в осаде от мордвы, и от башкирцев, и татар. Кунгурские де крестьяне все в городе, а у Строгановых на Сылве Кишерский острожек в осаде же, и на Чусовой прикащики со всем крестьяны в острожках живут, из деревни все выехали в острожки»⁵.

Было беспокойно на западе и в центре Башкирии. Восставшие напали на Самару. В середине мая повстанцы появились в окрестностях Уфы. Принадлежавшие уфимским дворянам села и деревни вокруг города были заняты восставшими. Уфа оказалась в осаде и подвергалась неоднократным приступам повстанцев⁶. Предводителем восставших на этом этапе движения был Сеит. На основании некоторых косвенных материалов можно предположить, что

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 196—198.

² ПСЗ. Т. 2. № 867, 898; АИ. Т. 5. С. 108—118; ДАИ. Т. 8. С. 310, 311.

³ Архив ПФИРИ. Ф. 28. Карг. 29. № 14.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 112. Л. 152; Пекарский П. П. Известия об уфимских дворянах Пекарских. С. 301.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 206.

⁶ Архив ПФИРИ. Колл. 122. Т. 5. № 4; Ф. 28. Карг. 29. № 9; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 74.

Сеит был духовным лицом и феодалом¹.

Воеводы Уфы и Казани обратились в Москву за помощью. В середине мая 1682 г. правительство приняло решение направить против повстанцев крупные воинские силы в составе отрядов московских и городовых дворян и нескольких конных и пеших полков нового строя. Возглавить их поручалось казанскому воеводе П. В. Шереметеву (Меньшому). В помощь ему были назначены посланные из Москвы окольныйничий князь Д. А. Барятинский и стольник князь П. И. Барятинский².

В конце мая Барятинские выехали из Москвы в Казань. Но выделенные войска собирались к району восстания медленно. В значительной степени этому способствовало начавшееся в Москве восстание, во время которого стрельцы и солдаты вышли из повиновения. Тем временем уфимский воевода Коркодинов, собрав местные воинские силы, выступил против повстанцев. В начале июня в районе между закамскими крепостями в р. Ик состоялось крупное сражение. Предводитель восстания Сеит был ранен. Общий исход сражения не совсем ясен. Известно, что обе стороны понесли потери³.

Стягивая к Башкирии войска, правительство одновременно пыталось покончить с восстанием мирным путем. 8 июля 1682 г. правительство от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей обратилось к башкирам с грамотой. В ней власти официально отказывались от политики насильственной христианизации населения края, обещали прощение восставшим и разные «милости»⁴. Это внесло определенный раскол в ряды повстанцев. Часть из них прекратила борьбу и обратилась к правительству с челобитной, составленной от имени жителей четырех дорог, и выборные башкиры Кучук Юлаев «с товарищами» повезли ее в Москву⁵. К компромиссу с властями склонялась, в первую очередь, верхушка башкирского общества. Тархан Ногайской дороги Ишмухамет Давлетбаев предложил свои услуги уфимскому воеводе для организации подавления восстания⁶.

Другая группа восставших во главе с Сеитом не шла на соглашение с властями и продолжала борьбу. К ним присоединились отряды калмыков, к которым восставшие обратились за помощью. В начале июля калмыцкие отряды появились в районе рек Ик и Сунь Казанской дороги. Повстанцы возобновили нападения на закамские крепости. 27 июля они подвергли осаде Мензелинск⁷. Восставшие заняли большое село Николо-Березовку и несколько деревень в северо-западной части Башкирии. В августе-октябре активные действия развернулись на Ногайской дороге. Восставшие вновь подошли к Уфе. Вместе с башкирами здесь были калмыки под предводительством тайши Замсы⁸.

Новый подъем восстания в западной и центральной Башкирии вызвал волнения в Зауралье. Необходимо отметить, что восстание здесь началось вопреки сопротивлению части «лучших» башкир Катайской волости во главе с Аллагулом, которые в июле установили связи со своими единомышленниками Ногайской дороги — группой тархана Ишмухамета Давлетбаева. Но Аллагул «с товарищи» не сумели помешать выступлению зауральских башкир и направились в Колчеданский острог для переговоров с приказчиком⁹.

Движение в Зауралье развернулось на обширной территории от Чусовой до

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. I. С. 88; Фахретдинов Р. История башкир. Казань, 1925. С. 57.

² Архив ПФИРИ. Колл. 122. Т. 5. № 4; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 29.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 207—208.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 37—38 об.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 207—208; РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 80—81.

⁶ ДАИ. Т. 10. № 25. С. 70; Архив ПФИРИ. Ф. 29. Карт. 29. № 9.

⁷ Там же. С. 69, 70; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32. Л. 29; ДАИ. Т. 5. № 87. С. 138.

⁸ Там же. № 25. С. 70.

⁹ Архив ПФИРИ. Ф. 28. Карт. 29. № 9; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 36.

среднего течения р. Исеть. Первыми подверглись нападению Уткинская и Чузовская слободы. Вскоре повстанцы овладели Уткинской слободой¹. Значительный отряд восставших находился на р. Сergyа, притоке р. Уфы. Приказчики Аятской, Арамильской, Мурзинской и других слобод принимали все меры к отражению удара со стороны повстанцев. Другой отряд с верховьев р. Ай стал двигаться в сторону р. Исеть. Сильному приступу подвергся Колчеданский острог. После его захвата восставшие окружили Китайский острог².

В этой обстановке власти приняли экстренные меры. Из Тобольска в район восстания был направлен двухтысячный отряд во главе с дворянином Ф. Волковым. В конце августа—начале сентября в верховьях р. Яик состоялось крупное сражение. Но сведений о его результатах в источниках не обнаружено³.

Продолжение массового движения, появление в Башкирии калмыцких отрядов серьезно осложнило борьбу карателей с повстанцами. Уфимский воевода не имел достаточных сил, чтобы перейти к наступлению против объединенных отрядов башкир и калмыков. Сформированное в Казани войско, насчитывавшее 5478 человек, главный воевода Шереметев считал недостаточным для похода в Башкирию и просил правительство выделить дополнительные силы. Эта просьба не могла быть удовлетворена, ибо московские стрелецкие полки отказались выполнить приказ о походе в Башкирию⁴. В 1682 г. власти так и не сумели организовать крупные операции против восставших.

Правительство решило расстроить союз башкир с калмыками и поодиночке расправиться с ними. К переговорам с калмыцкими феодалами во главе с Аюкой приступил астраханский воевода. Подарками и обещаниями в начале 1683 г. ему удалось добиться от калмыков полного отказа от дальнейшей поддержки восстания башкир⁵.

Башкирских повстанцев пытались успокоить обещаниями прощения и уступок. Казанские и уфимские воеводы не раз обращались к башкирам с подобны-

ми предложениями. В правительственной грамоте от октября 1682 г. официально осуждалась политика захвата башкирских земель. Был снят с поста уфимский воевода Коркодинов, а на его место поставлен московский окольный князь Д. А. Барятинский⁶. Это были новые существенные уступки восставшим народным массам.

Но несмотря на все меры по успокоению края, весной 1683 г. движение возобновилось. Оно началось на территории Ногайской дороги. Повстанцами был взят и сожжен Вознесенский монастырь. Затем они пошли на приступ к Соловарному городку. Но в это время туда прибыл отряд из Уфы. После нескольких сражений повстанцы вынуждены были уйти в степь⁷.

На Казанской дороге восставшие нападали на закамские крепости. Особенно упорные бои были за Билярск. Слобода была сожжена, но крепость устояла. В этих сражениях башкир поддерживали отдельные калмыцкие отряды. Но основные силы калмыков в движении 1683 г. уже не участвовали⁸.

К середине июня в районе Мензелинска правительство сосредоточило значительные воинские силы под командованием казанского воеводы князя Ю. С. Урусова. В конце месяца каратели перешли в наступление. В ряде сражений около Мензелинска и соседних крепостей повстанцы понесли серьезные поражения⁹. Осенью 1683 г. на большей части Башкирии восстание было пода-

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 29.

² Там же.

³ Там же. Ф. 28. Карт. 29. № 9.

⁴ ДАИ. Т. 10. № 25; Акты Археологической экспедиции. СПб., 1836. Т. 4. № 262.

⁵ ПСЗ. Т. 2. № 990.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 132. Л. 19, 93; Пекарский П. П. Указ. соч. С. 301.

⁷ Модестов Н. Н. Село Табынское и Вознесенская пустынь // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 31. С. 55.

⁸ ДАИ. Т. 10. № 80. С. 362.

⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 74. ДАИ. Т. 10. № 80. С. 359—360; Лобов Н. Г. Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1911. С. 5.

лено. Правда, повстанцы пытались продолжать борьбу в Зауралье. Но наступление карательных сил и обострение отношений между башкирами и появившимися здесь калмыцкими отрядами помешали осуществлению этих намерений.

В 1684 г. волнения продолжались. Отдельные повстанческие отряды летом собирались напасть на Уфу, но им преградил дорогу отряд уфимского дворянина В. И. Лопатина. Решающее сражение состоялось у брода через р. Уфу, у села Богородского. Конкретных данных о ходе битвы не сохранилось¹. После этого сражения восстание резко пошло на убыль.

Второе башкирское восстание, продолжавшееся с перерывами около четырех лет, было направлено против феодального и национального гнета. Его главной движущей силой были рядовые общинники. Феодальная верхушка и «лучшие» башкиры отошли от восстания сразу же после отказа властей от политики насильственной христианизации в крае. В движение, начатое башкирами, включились также трудовые массы татар, мишарей, мари, чувашей. Важной была, особенно в военном отношении, поддержка восставших со стороны калмыцких отрядов, хотя они участвовали лишь в определенные периоды движения.

Правительство не сумело быстро подавить восстание вооруженным путем. Это объяснялось сложной социально-политической обстановкой в центре страны, отвлечением значительных воинских сил на подавление восстания в Москве и других местах, а также широким размахом народного движения в Башкирии.

Восстание 1704—1711 гг. Резкое усиление налогового гнета в стране в начале XVIII в. коснулось и Башкирии. Наиболее ярко это проявилось в деятельности «прибыльщиков», направленных из Москвы летом 1704 г. Они привезли в Уфу грамоту Приказа Казанского дворца об изъятии в казну наиболее крупных рыбных ловель, обложении населения дополнительными сборами, проведении переписи населения и ряда мер, затрагивающих религиозные чувства мусульман.

Созванные в Уфу выборные от башкир отказались выполнить эти требования, заявив, что они являются незаконными, принятыми без ведома царя. Отстаивая свои интересы, башкиры ссылались на прежние грамоты: «...в прошлых де годах присланы к ним великого государя грамоты, что всяких поборов вновь не накладывать, и вотчин не отымать, и их веры не нарушить до окончания жительства»². Выборные избили «прибыльщиков», отняли у них ненавистную грамоту и разорвали ее. Так началось одно из самых крупных восстаний в Башкирии.

С целью усмирения населения власти направили в Башкирию войска. В феврале 1705 г. шесть полков солдат и драгун под командованием комиссара А. Сергеева для запугивания башкир проследовали через Мензелинск и Уфу до Солварного городка³.

Вернувшись в Уфу, Сергеев созвал выборных от башкир всех четырех дорог и потребовал с башкир 20 тыс. лошадей для нужд армии, по 5 тыс. с каждой дороги. Получив отказ, Сергеев жестоко расправился с выборными. От побоев и издевательств несколько человек умерло, другие получили тяжелые увечья. Под угрозой смерти выборные вынуждены были заявить о своем согласии отдать по 1300 лошадей с каждой дороги. Сбор «обещанных» лошадей превратился в настоящей грабег населения со стороны офицеров и солдат⁴.

В ответ башкиры отказались платить налоги и повиноваться местным властям. Весной 1705 г. население ряда волостей Казанской и Ногайской дорог начало вооруженную борьбу. Повстанцы Казанской дороги во главе с Дюмеем Ишкеевым действовали в районе закамских крепостей, сражались с отрядами карателей. Башкиры Ногайской дороги во гла-

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 108. Л. 149 об.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 108—122, 258—268; Архив ПФИРИ. Ф. 83. Карт. 2. № 213.

³ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. 1706 г. Л. 5об., 6.

⁴ Там же. Л. 6—9, 13; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 108—122.

ве с Иманом батыром нападали на Соловарный городок¹.

В это время народные волнения охватили Среднее Поволжье, а в Астрахани началось восстание. Башкиры были осведомлены об этом, сочувствовали повстанцам Астрахани². В такой сложной обстановке правительство решило успокоить восставших башкир обещанием уступок. Петр I поручил фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, направленному для подавления восстания в Астрахань, «усмотреть, буде бы что положено на них [башкир] в тягость, их своею государевою милостью обнадежить»³. Во время остановки в Казани в декабре 1705 г. фельдмаршал освободил из тюрьмы башкир, арестованных Сергеевым, сменил уфимского воеводу. Затем он начал переговоры с башкирами и предложил им обратиться к царю с челобитной. Восемь выборных от башкир вместе с Дюмеем Ишкеевым повезли в Москву челобитную о своих нуждах. В итоге произошло некоторое ослабление напряженности в крае, но полного успокоения не было.

Весной 1706 г. восстание вспыхнуло с новой силой. Отряды башкир-повстанцев Казанской дороги возобновили действия вблизи закамских крепостей и по р. Каме. Повстанцы Ногайской дороги действовали в окрестностях Самары и Саратова. Отряд Имана батыра сражался в районе Соловарного городка. Летом 1706 г. началось движение на территории Сибирской дороги. Жители ее северных волостей стали нападать на села и деревни Кунгурского уезда.

В марте 1706 г. было подавлено восстание в Астрахани. Не переросло в восстание волнение населения Среднего Поволжья. Это в значительной степени определило отношение правительства к требованиям восставшего башкирского народа. По велению Петра I башкирские челобитчики 18 июля 1706 г. под конвоем были отправлены в Казань к коменданту Н. А. Кудрявцеву «для подлинного розыску». По приговору казанских властей Дюмеем Ишкеев был повешен, остальные брошены в тюрьму⁴.

Так завершился первый период восстания.

С осени 1706 по осень 1707 г. открытых выступлений в крае не было. Но жестокая расправа с челобитчиками вызвала всеобщее возмущение в Башкирии. Готовясь к возобновлению борьбы, башкиры обратились за помощью к Крыму и Турции. Однако последние не поддержали повстанцев. Посланец восставших башкир по имени Мурат установил лишь связи с некоторыми народами Северного Кавказа⁵.

Массовая вооруженная борьба развернулась осенью 1707 года. Отряд повстанцев Ногайской и Казанской дорог под предводительством тархана Алдара Исянгильдина и батыра Кусюма Тюлекеева в конце октября — начале ноября около Соловарного городка разгромил отправленный из Уфы усиленный полк. После такого крупного успеха повстанческое движение охватило всю Башкирию. В него включились татары, мари, чуваша, мишари. Посланные из Казани два регулярных полка не смогли справиться с восстанием.

К декабрю Уфа, закамские крепости и другие укрепленные пункты оказались в осаде. Повстанцам удалось взять Зайнск. В начале 1708 г. восставшие перешли р. Каму и развернули действия на территории Казанского уезда. Начались бои за Каракулино, Елабугу и Сарапул. Башкиры Осинской дороги действовали в окрестностях Осы, жители ряда волостей Сибирской дороги — южнее Кунгура⁶. Среди нерусского населения Казанского края произошел раскол: трудовые массы присоединились к восстанию, а феодальная верхушка осталась верна царизму. В составе правитель-

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 5. Л. 240—242; Ф. 77. Д. 3. Л. 104.

² Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 243. Ф. 6. Д. 17. Л. 147 об.

³ Там же. Ф. 77. Д. 3. Л. 148 об.

⁴ Архив ПФИРИ. Ф. 83. Карт. 6. № 91.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 238—243.

⁶ Там же. Ч. I. С. 212—216. 229—230. РГАДА. Ф. 214. Оп 5 (д). Д. 297, 1413.

женных команд они сражались против повстанцев¹.

В конце января — начале февраля 1703 г. крупные силы восставших повели наступление на Казань. В середине февраля они находились в 30—40 верстах от города².

Правительство направило на подавление восстания 5 регулярных полков, мобилизовало дворян Среднего Поволжья. Во главе этих сил был поставлен князь П. И. Хованский. Петр I обратился к калмыкам, яицким казакам, русским крестьянам, чтобы они выступили против повстанцев, обещая скот, имущество и пленных в качестве добычи³.

Выделенные правительством войска собирались медленно. Поэтому П. И. Хованский, обещая уступки от царского имени, склонил повстанцев к переговорам. Переговоры оказались безрезультатными, но власти выиграли время. Продвижение повстанцев к Казани было приостановлено. В Казани было сосредоточено около 9 тыс. солдат и драгун. Во главе этих сил Хованский 22 февраля выступил в поход. Под напором царских полков восставшие вынуждены были отступить за Каму.

17 марта Хованский с войсками прибыл в Елабугу и возобновил переговоры с восставшими. С повинной пришли жители нескольких западных волостей Казанской дороги. Большинство повстанцев продолжало восстание. Отряды повстанцев Ногайской дороги в мае захватили Соловарный городок. Восставшие Казанской дороги сражались в районе Биярская и Сергиевска. Упорные бои шли в Кунгурском уезде. В это время в вооруженную борьбу включились башкиры зауральских волостей Сибирской дороги. Они нападали на Чумлякскую, Чусовую и Уткинскую слободы, заняли несколько сел и деревень⁴.

Начавшееся осенью 1707 г. крестьянско-казацкое восстание под предводительством К. А. Булавина охватило значительную территорию юго-восточных и южных районов страны. Историки единодушно признают существование связей между восставшими булавинцами и башкирами⁵. Один из отрядов под пред-

водительством И. Некрасова в середине мая 1708 г. был направлен для захвата Саратова. Одновременно башкиры активизировали свои действия в районах, прилегающих к Самаре и Саратову. Это можно рассматривать как попытку сторон объединиться для совместной борьбы против феодального государства. Но поражение Некрасова под Саратовом сорвало намеченные планы.

В конце мая полки Хованского переправились через Каму. Это вынудило башкирских повстанцев принести повинную. П. И. Хованский от имени правительства обещал всем участникам восстания прощение и «обнадежил государственной милостью» снять новые налоги, рассмотреть их жалобы на казанскую и уфимскую администрации. Башкиры согласились прекратить борьбу, платить ясак и другие подати по старому складу, исполнять подводную повинность⁶. Правительство подтвердило свои уступки. Летом 1708 г. в Башкирии наступило спокойствие.

Но уже осенью среди башкир началось брожение, переросшее в 1709 г. в вооруженную борьбу. Возобновление восстания объясняется тем, что власти выполнили не все обещания, данные повстанцам. Вопреки заверениям не обременять башкир новыми повинностями, летом 1708 г. с них потребовали 1000 че-

¹ Письма и бумаги Петра I. Пг. 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 628—629; РГАДА. Ф. 248. Кн. 101. Л. 584—588.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 216—217, 222—224.

³ РГАДА. Ф. 119. Карт. 28. Д. 1. Л. 1; Письма и бумаги Петра I. Т. 7. Вып. 1. С. 611; Булавинское восстание. М., 1935. С. 404.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 243—246; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 260, 261; Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. 1. № 80.

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. Т. 15. С. 175; Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. // Исторические записки. 1937. Т. I. С. 90; Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. М., 1962. С. 7.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 285—298.

людей для службы в Петербурге¹. Во время переговоров с Хованским повстанцы жаловались на злоупотребления и жестокость со стороны казанского коменданта Н. Кудрявцева, комиссаров А. Сергеева и С. Вараксина, уфимского воеводы Л. Аристова, командира драгунского полка С. Аристова и требовали наказания их. Однако названные лица не были привлечены к ответственности и оставались на своих местах².

Подавление Булавинского восстания позволило сосредоточить в Казани значительные воинские силы. В случае необходимости они быстро могли быть переправлены в Башкирию. Казанский губернатор П. М. Апраксин обратился к башкирской феодальной верхушке со специальными письмами, в которых призвал сохранять верность, обещая за это царскую милость. На призыв губернатора откликнулось большинство башкирских феодалов³. Но восстание не утихло.

Предводители восставших Алдар Исянгильдин и Уракай Юлдашбаев обратились за помощью к каракалпакам. Каракалпакский хан обещал поддержку, и ранней весной 1709 г. его племянник в сопровождении 50 человек приехал в Башкирию. Среди населения распространился слух, что летом прибудет каракалпакский хан с 10-тысячным войском⁴. К сожалению, сохранившиеся документальные сведения не позволяют объяснить, на каких условиях последний соглашался поддержать башкир.

В начале апреля 4 тысячи башкир Ногайской дороги во главе с Алдаром и представителем каракалпакского хана направились в Зауралье. У озера Чебаркуль они соединились с повстанцами Сибирской дороги. Силы восставших возросли до 8 тысяч человек. Во второй половине месяца повстанцы напали на Чумлякскую и Белоярскую слободы, заняли метрополище село Воскресенское. В мае движение охватило все Зауралье. Восставшие и подошедший к ним отряд каракалпаков в течение всего лета нападали на остроги, слободы, монастыри, заводы и села, расположенные в бассейнах рр. Исеть, Миасс и Теча. Кроме того,

повстанцы действовали в южной части Кунгурского уезда. На помощь гарнизонам острогов и слобод в апреле тобольские власти направили Сибирский драгунский полк, а в мае — команду полковника Толбузина. С восставшими сражались и отряды крестьянской «вольницы», организованные приказчиками слобод⁵.

Осенью борьба продолжалась с ослабевающей силой. Не повлиял на ее размах и отъезд каракалпаков. Башкирские отряды уже действовали на р. Тобол. Их нападению подверглись Иковская, Усть-Суерская слободы и Царево Городище. Движение приостановилось лишь в декабре в связи с наступившими холодами.

В марте—апреле 1710 г. власти организовали карательную экспедицию в башкирские волости. Полковник Парфентьев доносил, что он с «ратными людьми» поиск над ворами учинил, тех башкирцов побил, в полон взял, юрты разорил⁶. Но в мае восстание возобновилось. В движении 1710 г. башкиры действовали одни. По неизвестной причине союз между ними и каракалпаками расстроился.

Борьба вновь охватила значительную территорию башкирского Зауралья, в частности, верхнее и среднее течение р. Исеть, бассейны р. Миасс и Теча. Повстанцы по-прежнему нападали на укрепленные пункты, сражались с воинскими командами, разоряли деревни. В конце июля калмыцкий хан послал против повстанцев пятитысячный отряд. Под напором объединенных карательных сил осенью 1710 г. восставшие вы-

¹ Письма и бумаги Петра I. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. II. С. 889.

² Там же. Архив ФПИРИ. Ф. 83. Карт. 9. С. 997. № 118.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 252—256, 258—268.

⁴ Там же. С. 258—268; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1674. Л. 2—3.

⁵ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. I. № 89, 93; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 275, 279.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1857. Л. 15 об.

уждены были прекратить борьбу. Они принесли повинную, отдали аманатов¹.

Но и это не означало еще полного завершения восстания. Летом 1711 г. башкиры Ногайской и Казанской дорог сделали попытку организовать поход на Уфу. Несколько крупных отрядов пошло к городу². О сражениях под городом сведений не сохранилось. Осенью в крае наступило спокойствие.

Инициаторами и основными движущими силами восстания 1704—1711 гг. являлись рядовые башкиры. Их поддерживали татары, мари, чувашы, мишари, удмурты и мордва. Позиция башкирских феодалов была противоречивой. В 1704—1706 гг. большинство из них ограничилось неповиновением местным властям, пытаясь добиться уступок от царизма путем подачи челобитных. Лишь расправа над выборными из башкир вынудила феодалов взяться за оружие. Но в 1709—1710 гг. большинство феодалов открыто перешло на сторону царизма. На отдельных этапах восстания фигурировали ханы: в ставке повстанцев в феврале 1707 г. за хана выдавали, по-видимому, башкира Ногайской дороги Хазия Аккускарова³; летом 1709 г. среди восставших находился родственник каракалпакского хана. В первом случае «хан» нужен был как фигура, вокруг которой легче было объединить массы; во втором случае — для получения военной помощи от каракалпакского хана. Быстрое исчезновение этих «ханов» лишний раз свидетельствует об их тактической роли.

Требования восставших наиболее четко были изложены во время переговоров с Хованским в феврале 1708 г. На вопрос последнего, почему они восстали, повстанцы ответили: «...наперед де сего к нему великому государю к Москве на прибыльщиков о всяких своих нуждах посылали они свою братью ясачных людей челобитчиков и те де их челобитчики были переиманы и биты кнутием, а иные перевешаны, а отповеди им никакие не учинено. И чтоб де великий государь пожаловал их, велел с них башкирцев, и татар, и с вотяков, и с черемисы для их скудности новонакладную на них при-

биль снять, и они башкирцы и татары отступят и пойдут в дома свои и раззоренья никакого чинить не будут»⁴. Не отделение от России, а ослабление феодального и национального гнета — вот какова была цель восстания.

Восстание было подавлено, но повстанцы добились удовлетворения ряда своих требований.

* * *

Башкирские восстания XVII — начала XVIII вв., вызванные усилением феодального и национального гнета, охватили огромную территорию от Тобола до Волги, от среднего течения Яика до Камы. Основной движущей силой восстаний были трудовые массы башкир. Часть башкирских феодалов, недовольная отдельными сторонами политики царизма, также участвовала в народных движениях. Однако их участие в восстаниях не было последовательным. Они первыми оставляли ряды повстанцев, шли на компромиссы с властями, участвовали в подавлении народного движения. В башкирских восстаниях приняли участие и трудовые массы татар, мари, чувашей, мишарей, удмуртов и мордвы, проживавшие на территории Уфимского, Кунгурского и, частично, Казанского уездов.

Основными формами борьбы являлись нападения на крепости и другие опорные пункты царизма в крае, сражения с воинскими командами, расправа над дворянами и представителями администрации, разорения их сел, угон скота. Правда, от действия восставших страдали и русские крестьяне. Несмотря на объективные и субъективные причины, затрудняющие взаимопонимание рядовых башкир и русских крестьян, движения не были направлены против всех рус-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5 (д). Д. 1857. Л. 15—16; Д. 2006. Л. 1; ПСЗ. Т. 4. № 2229.

² РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 16. Л. 159.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 222; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 167—180.

⁴ Материалы по истории... Ч. I. С. 215—216.

ских. Даже во время восстаний между башкирами и русскими крестьянами края сохранялись в целом мирные отношения. Не случайно во время восстания 1662—1664 гг. простые русские люди помогли башкирским повстанцам, а башкиры в 1705—1706 гг. сочувствовали восставшим астраханцам; во время третьей Крестьянской войны между башкирскими повстанцами и булавинцами были установлены связи и делались практические шаги к совместной борьбе против общего врага — феодального государства.

Восстания были широкими движениями башкирских трудовых масс, являвшихся носителями общей для всех крестьян периода феодализма идеологии. Их борьбе были свойственны такие слабости крестьянских движений средневековья, как стихийность, локальность, неорганизованность, наивный монархизм. Вот почему башкиры относительно легко шли на переговоры с властями, верили в возможность хороших царей, ханов, надеялись на них, обращались к ним за помощью, выдвигали самозванных ханов. В ходе восстаний башкиры не добивались отделения от России (на что указывается в ряде работ¹). Они боролись за социальное и национальное освобождение в составе Российского государства. Связи повстанцев с соседними ханствами и выдвижение ханов из

собственной среды вызваны логикой борьбы. В первом случае восставшие пытались получить военную помощь, во втором — ханы играли символическую роль: вокруг них легче было объединить разрозненные массы.

Массовый характер борьбы, упорство повстанцев, а также особенности присоединения края к Русскому государству и недостаточно прочные позиции властей в Башкирии вынуждали правительство пойти на существенные уступки восставшему народу.

Восстания XVII — начала XVIII вв. являлись народными движениями, местными проявлениями протеста против общего усиления гнета в стране, составной частью антифеодальной борьбы, развернувшейся во многих других районах. Хронологически они совпадали с такими открытыми формами классово-народной борьбы, как восстания 1662, 1682 гг. в Москве, волнения крестьян в Белгородском, Ярославском и Ростовском уездах в начале 80-х гг., народные движения в Астрахани и ее пригородах в 1705—1706 гг., Крестьянская война 1707—1709 гг. под предводительством К. А. Булавина.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 116, 123, 163.

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В БАШКОРТОСТАНЕ. БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА В 30—50-х ГОДАХ XVIII в.

§ 1. Оренбургская экспедиция (1734—1744 гг.)

Пересмотр политики правительства в Башкирии. Организация Оренбургской экспедиции была вызвана крупными социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в Российской империи в первой трети XVIII в. Экономическая жизнь страны характеризовалась ростом производительных сил, вызванным прежде всего развитием мануфактурного производства, расширением товарно-денежных отношений, распространением земледелия на вновь осваиваемые окраины государства. Наряду с дальнейшим укреплением феодальных порядков шел процесс генезиса капиталистических отношений, становления зарождавшейся буржуазии. В результате реформ Петра I вырос большой бюрократический государственный аппарат в центре и на местах. В эти годы Россия вела активную внешнюю политику с целью обеспечения своих экономических и политических интересов на северо-западных и юго-восточных границах. Все это внесло большие перемены в жизнь народов страны. Однако политика самодержавно-крепостнического государства осуществлялась чисто феодальными методами и вела к дальнейшему росту эксплуатации трудовых масс.

Новые процессы постепенно захватывали и юго-восточную окраину России. Назревшие внутренние и внешнеполитические задачи требовали пересмотра политики правительства в Башкирии, перехода к широкому хозяйственному

освоению этого обширного региона страны. Еще в начале 20-х гг. XVIII в., после окончания Северной войны, Петр I «изволил особливое попечение иметь... своевольный башкирский народ на вечное время обуздать» и превратить Башкирию в плацдарм для наступления на Казахстан и Среднюю Азию¹. Затем эти соображения получили более детальную разработку в проектах начальника Главного правления Сибирских и Казанских казенных заводов В. Н. Татищева и казанского губернатора А. П. Волюнского². Представленный в 1734 г. правительству проект обер-секретаря Сената И. К. Кирилова являлся синтезом и дальнейшим развитием перечисленных выше планов³.

В своей основной части проект Кирилова касался установления широких связей России с Казахстаном и Средней Азией. Вслед за принятием в 1731 г. российского подданства одним из трех государственных образований казахов — Младшим жузом — царское правительство предприняло ряд практических шагов по упрочению там своего влияния, укреплению и развитию русско-казахских отношений, в которых были заинтересованы обе стороны.

Большое внимание в проекте уделялось Башкирии. И. К. Кирилов обращал внимание на необходимость укрепления позиций правительства в крае с тем, чтобы предотвратить башкирские восстания,

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 4.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 304—306; Т. III. С. 481—483.

³ Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. I. С. 11—12, 26—29, 34—35, 42.

и одновременно выдвинул план по организации интенсивного использования природных богатств Башкирии. Для реализации поставленных задач предлагалась целая система мероприятий, включавшая основание города на р. Орь, укрепление юго-восточной пограничной линии, привлечение башкир к постоянной воинской службе по охране границ, колонизацию Башкирии земледельческим и торгово-промышленным населением из центральных районов России.

Кириловым было определено место Оренбургской крепости в пограничном башкиро-казахском районе. Она должна была стать одним из опорных пунктов наступления на Казахстан и Среднюю Азию и центром военного окружения Башкирии. Помимо стратегического значения Оренбургу отводилась роль крупного торгового центра. Предполагалось, что торговым караванам из восточных стран, при предоставлении льгот русскому и иностранному купечеству, будет выгоднее ездить для покупки русских товаров сюда, а не в Бухару¹.

Проект И. К. Кирилова носил сложный и противоречивый характер. Намечаемые в нем мероприятия, с одной стороны, объективно вели к прогрессу, способствовали развитию производительных сил края, с другой стороны, они означали резкое усиление феодального и национального гнета в Башкирии, так как их осуществление неминуемо вело к изъятию значительной части башкирских земель под крепости, заводы, деревни пришлого земледельческого населения, увеличению повинностей, установлению постоянного контроля царской администрации над башкирским населением.

Резолюцией императрицы Анны Ивановны от 1 мая 1734 г. предложения И. К. Кирилова были одобрены. Основные положения «Проекта» получили дальнейшее развитие в разработанной правительством «Инструкции стат. советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье р. Орь»². Кирилову поручалось сформировать и возглавить Оренбургскую экспедицию. В помощники ему был определен пере-

водчик Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев, пожалованный в связи с этим назначением в полковники. Экспедиция была наделена широкими правами политического и военного характера.

Основание Оренбурга и крепостей. 15 июня 1734 г. экспедиция выехала из Петербурга и через Москву и Казань направилась в Уфу, куда прибыла 10 ноября. В ее состав входило 130 военных, морских, горных и других специалистов и служителей и несколько регулярных рот. В Уфе Экспедиция находилась около 7 месяцев. Весь этот период был наполнен напряженной деятельностью Кирилова и его помощников по подготовке похода на р. Орь. Не исключая возможности сопротивления со стороны башкир, Кирилов старался завоевать расположение башкирской феодальной верхушки. Он выдавал указы, подтверждающие тарханские права, и призвал всех тарханов участвовать в походе к южным границам Башкирии. Особое внимание было обращено на продовольственное обеспечение Экспедиции. В феврале — марте 1735 г. в верховьях р. Яик на земле башкир Кара-Табынской волости Сибирской дороги посланные из Уфы 2 роты солдат основали Верхояицкую крепость (ныне г. Верхнеуральск), ставшую основной продовольственной базой для снабжения воинских частей³. Сюда подвозился провиант из исетских и сибирских слобод.

Весной 1735 г. в составе экспедиционных войск было 16 регулярных рот и около тысячи башкир, мишарей и служилых татар. В начале лета Экспедиция двинулась к р. Орь. Это послужило поводом к выступлению башкир, протестовавших против основания нового города и постройки крепостей на территории Башкирии. Вскоре восстание охватило

¹ Материалы по истории России. Т. I. С. 19—28, 37—38, 44—48; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 143—144.

² Материалы по истории России. Т. I. С. 48—49; ПСЗ. Т. 9. № 6576, 6584.

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1524. Л. 10, 60; Кн. 1131. Л. 110—123, 148, 151—152.

зесь край. Это внесло серьезные изменения в первоначальные планы Экспедиции. В создавшейся ситуации экспедиционный отряд Кирилова продолжил путь и 6 августа подошел к устью р. Ор. Здесь на границе Башкирии с Казахстаном 15 августа началось строительство деревянной крепости, а 31 августа в торжественной обстановке Кирилов заложил каменную крепость — город Оренбург. Оставив в городе гарнизон, Кирилов и Тевкелев с основными силами Экспедиции выступили на подавление восстания. Строительство крепости было законсервировано¹.

После смерти Кирилова в 1737 г. его преемником стал В. Н. Татищев, а Оренбургская экспедиция стала именоваться комиссией. В августе 1738 г. Татищев осмотрел город и пришел к выводу, что место для него выбрано неудачно. Действительно, Оренбург оказался далеко оторванным от русских поселений, затоплялся во время разливов Ори и Яика, поблизости не было строительного леса.

По предложению В. Н. Татищева 20 августа 1739 г. правительство приняло решение о переносе Оренбурга на новое место — примерно на 180 верст ниже по р. Яик, в урочище Красная Гора. В августе 1741 г. на этом месте был заложен новый Оренбург. Первый Оренбург был переименован в Орскую крепость².

15 октября 1742 г. императрица Елизавета Петровна утвердила решение Сената, принятое по представлению нового начальника Оренбургской комиссии тайного советника И. И. Неплюева, о третьем переносе Оренбурга на место Бердской крепости, в район наибольшего сближения рек Яика и Сакмары³. 19 апреля 1743 г. состоялась торжественная закладка города-крепости Оренбурга. Сооружаемый земляной вал вокруг крепости имел 10 бастионов и 2 полубастиона. В отличие от первого Оренбурга основные здания (гостиный двор, таможня, гауптвахта и другие строения) сооружались из камня. Город строили солдаты из гарнизонных и ландмилицких полков, казаки, тептяри, бобыли, башкиры, ми-

шари⁴. Переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Ураков писал в 1746 г., что башкиры и другие нерусские народы края «каждый год не меньше 5000 человек употребляются для строения города Оренбурга и для содержания форпостов»⁵. Оренбург быстро рос, превращаясь в крупный экономический и торговый центр страны.

Наряду со строительством Оренбурга не менее важной задачей Оренбургской экспедиции было возведение крепостей. По указу от 11 февраля 1736 г. главный начальник Экспедиции получил право самостоятельно решать вопрос о количестве и местах расположения новых крепостей: «О строении вновь городов для свободного к Оренбургу проезда караванов и обозов и лучшего содержания башкир и бухарских сторон в надлежащем подданства чинить Вам по своему рассмотрению»⁶. Крепости стали сооружаться с первых месяцев приезда Экспедиции в Башкирию, но с началом восстания строительство крепостей пошло значительно более быстрыми темпами.

В 1735—1736 гг. вслед за первым Оренбургом были построены или заложены в различных районах Башкирии 26 крепостей, в том числе Елдякская, Красноуфимская, Нагайбакская, Чебаркульская, Челябинская, Миасская, Уйская, Губерлинская, Верхнеозерная, Красносамарская, Борская, Бузулукская и другие⁷. К концу 40-х годов

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 16, 17.

² Там же. С. 40, 41; ПСЗ. Т. 10. № 7876.

³ ПСЗ. Т. 11. № 8630.

⁴ Рычков П. И. Указ. соч. С. 68—70; Мильков Ф. Н., П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953. С. 138—140.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 557.

⁶ ПСЗ. Т. 9. № 6890.

⁷ Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 2. С. 25—98, 119—149, 183—191; Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв. М., 1960. С. 106—107, 112, 122—123; Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 45—49.

на Южном Урале появилась разветвленная система укрепленных крепостных линий, включавшая Самарскую, Сакмарскую, Нижнеяицкую, Верхнеяицкую, Исетскую и Уйско-Тобольскую линии, на которых расположилась 41 крепость и 39 форпостов и редутов. Строительство крепостей отвечало внутренним и внешнеполитическим интересам феодального государства, укреплению его позиций в Башкирии и Казахстане, проникновению влияния России в Среднюю Азию, налаживанию торговли со странами Востока. Быстрое сооружение большинства крепостных укреплений было вызвано стремлением царизма быстрее покончить с башкирским восстанием. Крепости служили опорными пунктами борьбы с повстанцами, базами по снабжению правительственных войск боеприпасами и продовольствием. В то же время цепь укрепленных поселений оградила население Башкирии от набегов степных кочевников, открывая широкие возможности для хозяйственного освоения края¹.

К строительству крепостей правительство привлекло регулярные войска. Вместе с ними строили и заселяли крепости яицкие, сибирские, уфимские казаки, беглые и ссыльные русские крестьяне, башкиры, тептяри, бобыли, уфимские новокрепченые, оставшиеся солдаты и офицеры, «служилые люди прежних служб». Власть приняла ряд специальных решений по привлечению на казацкую службу людей разных социальных групп.

Значительную часть казаков, несших службу в крепостях, составляли крестьяне. Когда началось массовое возведение крепостей, власти перестали заниматься возвращением беглых в места их выхода. В 1736 г. Кирилов добился принятия указа, разрешавшего принимать на службу в крепостях даже беглых крепостных крестьян. Помещиков удовлетворили тем, что их беглых крепостных крестьян засчитывали за рекрутов. Правда, в 1739 г. правительство запретило впредь селить в крепостях русских крестьян из центральных районов, а помещичьи крестьяне подлежали возвра-

щению к хозяевам². Но это требование фактически не было реализовано. Руководители Оренбургской комиссии неоднократно высказывались против возврата беглых крестьян помещикам, поскольку это привело бы к сокращению численности гарнизонов крепостей и земельного населения в Зауральской Башкирии. По официальным данным, в 1741 г. из 5154 человек, записанных в оренбургских крепостях «в регулярную, нерегулярную и другие тамошние службы» крестьян разных разрядов было 3678. По указу от 27 июня 1744 г. все это население было оставлено «вечно в сем состоянии при крепостях»³. За короткий срок правительство сумело основать и заселить Оренбург и множество крепостей. По линии крепостей быстро увеличивалось русское, татарское и другое население. К середине 50-х гг. XVIII в. в крепостях размещалось, по данным П. И. Рычкова, не менее 15 тыс. драгун, солдат и казаков, не считая их жен и детей⁴.

Одной из важных задач Экспедиции было налаживание восточной торговли, превращение Оренбурга в новый центр торговли России со странами Востока. Оренбург должен был также содействовать оживлению торговли в Башкирии, служить, в частности, местом обмена русских товаров на башкирских и казахских лошадей⁵. Еще до основания самого города, 7 июня 1734 г. правительством была утверждена «Привилегия городу Оренбургу», которая представляет собою по существу уникальное явление в истории торгового законодательства России в XVIII в. «Привилегия...» провозгласила широкие торгово-хозяйственные льготы поселившимся в Оренбурге купцам, ремесленникам, разночинцам, независимо от национальности и вероисповедания. Было разрешено всем желающим, кроме беглых с государст-

¹ Машин М. Д. Указ. соч. С. 48—50.

² ПСЗ. Т. 9. № 6893; Т. 10. № 7876.

³ Там же. Т. 12. № 9006.

⁴ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 25—191.

⁵ ПСЗ. Т. 9. № 6576.

венной службы и крестьян, записанных в подушный оклад, особенно «купечеству, мастеровым, разночинцам, иностранным людям европейских государств, купцам и художникам», башкирам, казахам, каракалпакам, «приезжим купцам из стран Азии и иным всякого звания и веры приходиться, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышлять». Им бесплатно предоставлялась земля под дворы и хозяйственные помещения, были обещаны городское самоуправление, свобода вероисповедания, освобождение от постоев, беспощливая торговля на 3 года и другие льготы¹. В 1736 г. срок беспощлиной торговли был увеличен на 6 лет². О внимании властей к развитию торговли свидетельствует строительство в 1738 г. в первом Оренбурге менового двора. В третьем Оренбурге в центре города в числе первых зданий был возведен гостинный двор, за городом — мезовой двор для летней и осенней торговли с азиатскими купцами³. Принимались и другие меры. В 1744 г. правительство разрешило 200 казанским торговцам из татар во главе с Сеитом Хаялиным поселиться под Оренбургом особой слободой, получившей название Сеитовской или Каргалинской⁴.

Систематическая торговля в Оренбурге началась уже с 1738 г. В августе здесь состоялась ярмарка, на которую съехались русские, ташкентские, хивинские купцы и казахи. Первый оренбургский караван в Среднюю Азию был сформирован в 1738 г. Он повез товары на сумму в 20 тыс. рублей. Однако вблизи Ташкента караван был разграблен. В 1739 г. были наряжены два каравана. Их постигла та же участь, но основную часть товаров удалось отыскать и вернуть. Эти сложности не остановили караванную торговлю⁵. В 1738 г. казенные доходы с оренбургской торговли составили 1375 руб., в 1740 г. — 4313 руб., в 1745 г. — 10719 руб.⁶ Это свидетельствовало о постепенном превращении Оренбурга в новый центр русской торговли с Востоком.

Горнозаводское строительство и расширение земледелия. Деятельность Оренбургской экспедиции дала новый

толчок развитию горного дела в крае. Правительственная инструкция от 18 мая 1734 г. обязывала главного командира вести разведку металлов и минералов в Башкирии и приступить к их разработке. В ней также указывалось на важность организации добычи и доставки к Оренбургу илецкой соли⁷. Ряд общих установок правительства по горному делу создавал условия для реализации этих задач. Принятый в 1739 г. Берг-регламент, подтвердив основные положения Берг-привилегии 1719 г. об уплате вознаграждения за обнаружение руд и праве каждого жителя заниматься горным делом, провозгласил намерение правительства передать в частные руки казенные предприятия, притом заводчикам были обещаны государственные ссуды⁸. Поддержкой горного дела в крае было правительственное разрешение заводчикам из купцов покупать крепостных крестьян, а также приписывание к их заводам государственных крестьян.

Кирилов энергично взялся за претворение в жизнь намеченных планов. В дополнение к имеющимся в составе Экспедиции специалистам по горному делу он по приезду в Уфу вызвал из Екатеринбурга горного офицера, штейгеров и других служителей. Уже в ходе продвижения Экспедиции к устью р. Орь специалисты вели разведку полезных ископаемых. В одном из первых донесений в Кабинет Кирилов восторженно сообщал, что «от 445 верст до Ори реки ехали по горам... сплошь по благонадежным

¹ ПСЗ. Т. 9. № 6584.

² Там же. № 6889.

³ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1762. С. 318; Ч. 2. СПб., 1762. С. 17—19.

⁴ ПСЗ. Т. 12, № 8893; Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 28.

⁵ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 319; *Он же*. История Оренбургская. С. 42; ПСЗ. 1. Т. 10, № 7885, 8011.

⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 1. С. 321.

⁷ ПСЗ. Т. 9, № 6576.

⁸ Там же. Т. 10, № 7766.

медным и серебряным и минеральным признакам и надобным камням,... каменя порфир, яшма, мрамор и иные разных видов...»¹. Кроме того, для выявления месторождений полезных ископаемых Кирилов привлек башкир, которые «рудные камни и признаки objevлять стали, а многие из платы и возкою на завод промышлять возохотились»². Экспедиция провела большие картографические и геолого-поисковые работы и накопила большой материал о горных богатствах Башкирии. Подробное описание руд и минералов края было дано участником Экспедиции П. И. Рычковым в его книге «Топография Оренбургская».

Собранные сведения помогли развешиванию горнозаводского строительства в Башкирии. В начале 1736 г. Кирилов обратился к правительству с предложением основать 3 казенных завода. Вскоре разрешение поступило. В течение 1736 и начала 1737 гг. по распоряжению Кирилова в 10 верстах от Табынской крепости был возведен Воскресенский медеплавильный завод. Но восстание и смерть Кирилова помешали приступить к выпуску продукции. Завод был разрушен восставшими³. Несмотря на трудности, связанные с восстанием башкир, строительство заводов продолжалось. А. Н. Демидов на территории Гайнинской волости Осинской дороги основывает Бымовский (1735—1736 гг.) и Ашاپский (1744 г.) медеплавильные заводы. В 1744 г. Воскресенский завод на льготных условиях был продан симбирскому купцу И. Г. Твердышеву, который восстановил его в 1745 г. в 90 верстах от прежнего места, на территории Тамьянской волости⁴.

Оренбургская экспедиция уделяла внимание и вопросам развития земледелия в крае. Незамедлительно нужно было решать вопрос об обеспечении продовольствием и фуражом служителей Экспедиции, гарнизоны крепостей, заводское население, торговцев и ремесленников. Товарного хлеба в Башкирии в 30-х гг. XVIII в. не было. Доставка его из соседних районов обходилась дорого и была связана с большими трудностями. С целью расширения пашни и организа-

ции производства хлеба И. К. Кирилов и его преемники всячески поощряли переселение в Башкирию русских крестьян. К занятию земледелием привлекалось все население крепостей, включая и военные гарнизоны. В 1739 г. солдатам ландмилицких полков были розданы лошади для заведения пашни. Затраченные деньги высчитывали из жалованья солдат в течение 3—4 лет⁵. Одним из основных резервов пополнения рядов земледельцев власти считали отставных солдат, драгун, казаков, а также ссыльных людей. В 1741 г. Кабинет утвердил представление Сената об отпуске 10 тыс. рублей на расходы, связанные с поселением в различных районах Башкирии отставных солдат и драгун⁶. В 1740 г. при Оренбургской комиссии «для порядочного поселения и содержания купечества и служилых казаков и для произведения казенной и партикулярной пашни при новых крепостях» была учреждена специальная контора экономии⁷.

Местная администрация заботилась о снабжении земледельцев семенным зерном. Так, в 1742 г. начальник Оренбургской комиссии генерал-лейтенант Л. Я. Соймонов организовал перевозку казенного семенного хлеба из Уфы в Сакмарский городок. По просьбе Соймонова башкирские и татарские старшины обещали поставить в крепости 910 четвертей семенного хлеба⁸.

Все эти правительственные мероприятия в конечном итоге содействовали развитию производительных сил в крае, улучшению жизненных условий мест-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 497—498; Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 221.

² Рычков П. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 221, 226.

³ Там же. Ч. I. С. 222.

⁴ ПСЗ. Т. 12, № 8921; Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. I. С. 272—273.

⁵ Там же. Т. 10, № 7876.

⁶ Там же. Т. 11, № 8368.

⁷ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 45.
⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 508—511.

ного населения, вовлечению Башкирии в общую хозяйственную жизнь страны, способствовали культурному общению между русским и башкирским народами¹. В то же время деятельность Оренбургской экспедиции знаменовала собой переход к новому этапу политики феодально-крепостнического государства в отношении башкирского народа. Прежде всего это коснулось земельного вопроса.

Массовое изъятие башкирских земель, усиление феодального и национального гнета. В ходе строительства крепостей и заводов у башкир были отняты огромные площади вотчинных земель. Вокруг каждой крепости на расстоянии 10—12 верст отводились земли переселенцам². При этом переселявшиеся в Башкирию отставные офицеры получали от 50 до 100 четвертей земли, отставные солдаты, драгуны и матросы — от 20 до 30 четвертей, мишарские старшины — по 200 четвертей, а рядовые мишари — 50 четвертей³.

Во время восстания 1735—1740 гг. правительству удалось привлечь на свою сторону часть башкирских припущенников. За это мишари получили в вечное и безоборочное владение занятые ими башкирские земли, а тептяри и бобыли были освобождены от платежа оброка вотчинникам⁴.

Указом от 11 февраля 1736 г. была разрешена продажа башкирских земель дворянам, офицерам, мишарям и тем самым созданы условия для быстрого роста поместного землевладения в крае.

Размеры земельных участков, покупаемых русскими дворянами и офицерами, в законодательном порядке не определялись и не ограничивались. Как происходила «покупка» земли, хорошо видно из следующего примера. Весной 1738 г. переводчик Оренбургской комиссии Р. Уразлин схватил башкира Илкей-Минской волости Урсаю Баскунова, приехавшего в Уфу, и вынудил дать поступную запись на часть волостной земли. Затем в Уфимской провинциальной канцелярии оформили документ об уступке Урсаем «с товарищи» земель «в вечное владение» Уразлину и его родственникам. В 1741 г. Уразлин незаконно аре-

стовал Урсаю и 10 башкир его волости, привез в Мензелинск и, грозя ссылкой, заставил их подтвердить перед воеводой, что они продали ему свою землю за занятые якобы у него 200 руб. В 1743 г. Урсай и его товарищи осмелились пожаловаться уфимскому вице-губернатору П. Д. Аксакову на незаконные действия Уразлина, но удовлетворения не получили⁵. Таких примеров было много. Десятки тысяч десятин башкирских земель скупили и арендовали за бесценок горнозаводчики.

Правительственные указы по-прежнему признавали вотчинное право башкир на землю, но в то же время они были нацелены на рост феодальной собственности в Башкирии, увеличение поместного землевладения, т. е. расширение экономической и социальной базы феодально-крепостнического государства.

Точных сведений о количестве изъятых в 30—50-х гг. XVIII в. башкирских земель не имеется. Но оно исчислялось миллионами десятин. Земельные захваты вызывали массовое недовольство башкир. Основное содержание их челобитных, поданных властям в Москве и в Уфе, составляют жалобы на захват земель. Нередко башкиры жаловались на представителей местной администрации, которые, составляя подложные документы, содействовали богатым покупателям в незаконном приобретении земли⁶. Когда же башкиры узнали об организации Оренбургской экспедиции, о намерении властей основать Оренбург и другие крепости на башкирских землях, они взялись за оружие.

В середине 30-х гг. резко усилилась феодальная эксплуатация башкир со стороны государства. В соответствии с

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 145.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 502.

³ ПСЗ. Т. 9. № 6890; Т. 11. № 8623.

⁴ Там же. № 6890.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 389—391, 513—514.

⁶ Там же. Ч. I. С. 124—127, 133; РГАДА. Ф. 248. Кн. 821. Л. 400.

указом Сената от 5 июня 1734 г. был пересмотрен башкирский ясачный оклад. Средняя сумма ясака повысилась с 25 до 28,2 коп. с плательщика¹. С башкир взимались также подъемные деньги, таможенные, конские и свадебные пошлины. Башкиры привлекались на строительство крепостных линий, с возведением которых военная служба для них стала постоянной обязанностью.

В 1742 г. И. И. Неплюев и уфимский вице-губернатор П. Д. Аксаков обязали башкир ежегодно наряжать на службу по 2000 человек, а при чрезвычайных обстоятельствах — по 2500².

В счет подводной гоньбы башкиры перевозили строительные материалы для возведения крепостей, продовольствие и другие казенные грузы. Они поставляли также лошадей и подводы для разъездов царских чиновников и офицеров. Руководители Оренбургской экспедиции высказывались за введение подушной подати с башкир. И лишь начавшееся в 1735 г. восстание заставило их воздержаться от этой меры³.

Деятельность Оренбургской экспедиции сопровождалась вопиющим произволом в отношении коренных жителей. Башкиры жаловались на произвол, грабежи и взяточничество полковников А. И. Тевкелева, И. Бардукевича, капитана Жидкова, генерала Л. Я. Соймонова, уфимского воеводы С. В. Шемякина, полицеймейстера М. Жукова, переводчиков Р. Уразлина, Ш. Енайдарова и других представителей администрации и командиров карательных отрядов⁴. Еще до прекращения восстания правительство вынуждено было предать суду некоторых из них, в частности Шемякина, Жукова, Жидкова⁵.

Негативным было отношение правительства к религии коренного населения. С 20-х гг. XVIII в. царизм активизировал христианизацию нерусских народов Среднего Поволжья. Только в 1741—1747 гг. было крещено 234 620 мусульман и язычников⁶. С началом деятельности Оренбургской экспедиции политика по укреплению идеологических позиций правительства с помощью православной церкви постепенно охватывает

и Башкирию. Прежде всего под контроль была взята деятельность мусульманского духовенства. По указу от 11 февраля 1736 г. численность представителей высшего мусульманского духовенства в Башкирии — ахунов — сокращалась до 4, по 1 на каждую дорогу. Ахуны обязаны были сообщать местной администрации «о всяких худых делах» верующих и «никого из других вер в свою веру не приводить». Серьезным ударом по мусульманской религии и духовенству было решение «без указов мечетей и школ не строить»⁷. В 1744 г. указом Сената запрещалось строительство мечетей в Уфимской провинции⁸.

В ходе борьбы с восстанием 1735—1740 гг. захваченных во время карательных экспедиций детей и жен участников восстания раздавали офицерам, солдатам, местным чиновникам и принудительно крестили. Кроме того, было немало случаев, когда голодающие башкиры продавали своих детей и родственников уфимским купцам и другим богатым, которые сразу же подвергали их крещению. По данным П. И. Рычкова, в 1735—1740 гг. было роздано 9182 человека из семей башкирских повстанцев для поселения во внутренних районах России. Все это население было обращено в христианство⁹. Как видно, борьбу с восстанием власти умело использо-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 431.

² Там же. С. 604.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 151.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Кн. 1236. Л. 58—59 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 515—517, 521—525, 540—541, 544—552.

⁵ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 34; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 374.

⁶ ПСЗ. Т. 11. № 8236, 8792, 8664; Т. 12. № 8978; Малов Е. О Новокрещенской конторе. Казань, 1878. С. 44, 58, 61, 103, 203.

⁷ Там же. Т. 9. № 6890.

⁸ Там же. Т. 12. № 8875.

⁹ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 56; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 550, 554.

вали для реализации планов христианизации башкир.

Перестройка управления краем. С 1735 по 1744 г. Башкирия находилась в подчинении Оренбургской экспедиции (с 1737 г. — комиссии). В 1735—1741 гг. часть функций по управлению краем выполняла Башкирская комиссия, созданная в августе 1735 г. для содействия властям в подавлении восстания. В ее функции входил также контроль за выполнением населением различных государственных повинностей. С целью более тесного охвата башкир царским административным аппаратом на территории Зауральской Башкирии в 1737 г. была создана Исетская провинция, состоявшая из трех дистриктов (уездов): Исетского, Шадринского и Окуневского. Административный центр провинции сначала находился в Чебаркульской крепости, затем в Теченской слободе и, наконец, в Челябинске¹. Воеводы Уфимской и Исетской провинций подчинялись начальнику Оренбургской комиссии. В 1740—1744 гг., в связи с усложнением административных задач, Уфимская провинция возглавлялась вице-губернатором.

В управлении населением стали применяться жесткие приемы, сопровождаемые грубым насилием, вмешательством во внутреннее самоуправление башкир, разжиганием вражды между народами края. В ходе подавления восстания 1735—1740 гг. было убито в боях, казнено, сослано в ссылку и вывезено в крепостное рабство в центральные уезды, по неполным данным, свыше 40 тыс. башкир². В последующие годы, вплоть до середины 40-х гг., в Башкирии сохранялась напряженная обстановка. Под видом розыска не пришедших в повиновение повстанцев и возвращении потерянного в годы восстания имущества местные власти насильничали и грабили население. По словам уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова, возвращавшихся из казахских степей участников восстания башкирские старшины отсылали к «командирам, которые иных казнили, других ссылали в ссылку ж»³, хотя

по правительственным указам все они подлежали прощению.

Наряду с наказанием башкир за участие в восстании указанные меры преследовали цель уменьшения численности коренного населения. Этому способствовала и ежегодная пограничная служба башкир, которая, по запискам начальника Экспедиции Кирилова, должна была привести к сокращению мужского населения и общей рождаемости: «жены без плода останутца, а кого убьют, тот и вовсе не возвратитца»⁴. К тому же политика правительства, направленная на усиление притока в Башкирию земледельческого крестьянства, внесла значительные перемены в соотношение численности коренного и пришлого населения в пользу последнего.

Другим средством ослабления башкир было противопоставление их пришлому нерусскому населению — мишарям, татарам, чувашам, мари и другим. Указом от 11 февраля 1736 г. башкирам запрещались браки с казанскими татарами. Еще при составлении проекта об организации Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов, учитывая определенные противоречия между башкирами, казахами и калмыками, считал возможным использовать их: «...буде же бы один который из них народ поднялся, то легче другим усмирять, без посылки российских полков». Политика натравливания одного народа на другой получила конкретное применение в ходе подавления восстания 1735—1740 гг. А решение правительства о передаче башкирским припущенникам — мишарям, тептярям и бобылям вотчинных земель и отмене уплаты оброка ее владельцам — привело к резкому ухудшению отношений между ними и башкирами.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 150.

² Рычков П. И. История Оренбургская. С. 56; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 406—407; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 376, 433—435, 448—460, 464—476.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 529.

⁴ Там же. С. 494.

Царизм активно вмешивался во внутренние отношения башкирского общества, окончательно подчинил их контролю местных органов власти. Проект административных реформ был разработан Кириловым, а затем дополнен его преемниками¹. С целью ограничения местного самоуправления указом от 11 февраля 1736 г. запрещались общенародные съезды — йыйыны. Не желая давать башкирам лишний повод для недовольства, власти разрешили им собираться на общенародный йыйын один раз в году: «...оставить обыкновенный мирской сбор о семине* один день съезжаться к речке Чесноковка и тогда о нуждах мирских советовать и письменно бить челом»². Но уже на следующий год правительство повелело начальнику Оренбургской комиссии В. Н. Татищеву изыскать всевозможные способы, чтобы «тот их мирской сбор вовсе отставить». Организаторы йыйына обязаны были ознакомить воеводу с перечнем вопросов, намеченных для обсуждения, и получить его разрешение. Обязательным было присутствие на йыйыне офицера с несколькими солдатами и казаками³.

В 1739 г. правительство запретило башкирам подавать челобитные властям от имени всего народа. Они могли обращаться с прошениями только от населения одной волости, и лишь в крайнем случае — «от всякой дороги»⁴.

Существенной частью проводимой перестройки управления явилась замена старост старшинами. По указу от 11 февраля 1736 г. в восставших волостях прежние наследственные старосты заменялись выборными старшинами. На деле старшины назначались, так как воеводы сами определяли старшину из числа кандидатов, представленных волостью. Старшины управляли волостью 1 год. В 1739 г. старшинские должности были введены во всех волостях. Помощниками старшины назначались сотники и писари. С 1741 г. на каждую дорогу определялся главный старшина, которому подчинялись волостные старшины. Обязанности старшин и их помощников были изложены в ряде инструкций, составленных И. К. Кириловым и его преемниками

совместно с уфимскими воеводами. Старшины и их помощники в присутствии воеводы приносили присягу верности властям. Они обязаны были следить за исполнением всех указов и повелений администрации, содержать население в послушании и ежемесячно доносить в провинциальную канцелярию об обстановке в волости. Помимо полицейского надзора старшины отвечали за своевременную выплату налогов и несение натуральных повинностей⁵.

Новым в структуре волостной администрации было появление должности писаря. Их функции были определены в тексте присяги, составленном вице-губернатором П. Д. Аксаковым. Наряду с ведением письменных дел у старшин и ответственностью за дела в волости на писарей был возложен тайный надзор за деятельностью старшин и сотников⁶.

В начале 40-х гг. в Башкирии насчитывалось свыше 100 старшин⁷. В результате перестройки существенно изменилась роль и место правителя башкирской волости. Если прежние старосты обладали некоторой независимостью в решении волостных дел, то функции старшин были в значительной мере ограничены. Особенно это сказалось на правах в области судопроизводства. Старшины могли разбирать только незначительные преступления. Вместе со своими помощниками, сотниками и писарями старшины составили низовое звено местной царской администрации. Вводя институт старшинства, власти получили возмож-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 146, 148.

* Четверг седьмой недели после пасхи.

² ПСЗ. Т. 9. № 6890.

³ ПСЗ. Т. 10. № 7228.

⁴ Там же. № 7798.

⁵ ПСЗ. Т. 9. № 6890; Т. 10. № 7876; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 515, 522, 536, 542—543, 559; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 770—777; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3. С. 417—419.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 542—543.

⁷ Там же. С. 521—525, 528—529, 536—541.

ность контролировать положение дел во всех башкирских волостях. А ущемление администрацией прав старшин последние компенсировали за счет эксплуатации рядовых общинников.

Сведения о произволе и грабежах башкирских старшин поражали даже провинциальную администрацию. Вице-губернатор Аксаков отмечал, что старшины «гщились, продолжая разными образами лихоимственно раззоряя их, грабить, клеветав противностью и все пожитки забирая себе; по которым клеветам, веря им, многих казнили безвинных, не следуя и не разсматривая и не приемля никаких их оправданей, посылали всылки, жен и детей раздавали и продавали, пожитки брав себе...»¹. Это свидетельство о произволе старшин подтверждается и челобитными башкир. В частности, в них сообщалось о действиях старшины Каршинской волости Казанской дороги Шарипа Мрякова, который под видом сборов на мирские нужды незаконно брал у населения волости деньги, скот и разное имущество, заставлял рядовых башкир и мишарей работать в своем хозяйстве, самовольно распоряжался землей волости и оброчными деньгами².

Административная реформа, проведенная в 30—40-х гг. XVIII в., способствовала укреплению в Башкирии самодержавно-бюрократического аппарата, внесла большие перемены в жизнь коренного населения и привела к дальнейшему усилению феодального и национального угнетения. Основные контуры политики царизма в Башкирии достаточно отчетливо проявились уже в организации Оренбургской экспедиции, в ее первых мероприятиях. Поэтому приезд Экспедиции, начало ее деятельности в крае вызвали массовое недовольство, переросшее в восстание.

§ 2. Башкирское восстание 1735—1740 гг.

Активная колониальная политика царизма осуществлялась в условиях резкого недовольства башкир. Опасаясь

сопротивления с их стороны, власти скрывали от башкир цели Оренбургской экспедиции. Но слухи об основании нового города на юге Башкирии серьезно встревожили коренное население. По утверждению участника Экспедиции П. И. Рычкова, башкиры опасались, что «всеми их землями хотят завладеть, и того бы ради всеми силами противиться и город Оренбург строить не давать, толкуя, что из-за того им никакой воли не будет»³.

Представители волостей всех четырех дорог на ряде йыйынов (советов) в конце 1734 и весной 1735 г. приняли решение помешать основанию города на р. Орь. В конце мая — начале июня 1735 г. около 500 башкир Ногайской и Казанской дорог во главе с башкирами Юрматынской волости Ногайской дороги Кильмяком Нурушевым и Тамьянкой волости Казанской дороги Акаем Кусюмовым собрались под Уфой и направили двух представителей в город с известием о том, что они приехали «для слушания указа». Собравшиеся пытались получить разъяснение от властей о целях Экспедиции. Но власти не собирались согласовывать свои мероприятия с башкирами. Послы были избиты и брошены в тюрьму. Тогда башкиры послали в Уфу новых представителей с просьбой о выдаче паспортов для поездки в столицу с челобитной. Но посланцев ожидал еще более жестокий прием: один из них был убит, другой высечен кнутом, брошен в тюрьму⁴. Эти действия властей еще более обострили обстановку в крае. Башкиры восстали.

Движение 1735—1736 гг. 15 июня 1735 г. команда И. К. Кирилова, насчитывавшая более трех тысяч человек с 33 пушками, направилась к р. Орь. В кон-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 528—529.

² Там же. С. 503—507, 517—521, 522—525.

³ Жуковский П. В. Дополнения к «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова // Труды Оренб. уч. арх. комиссии. Оренбург, 1916. Вып. 33. С. 102—103.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 30—31; Д. 43. Л. 830—831.

це месяца она достигла урочища Бугульчан, в том месте, где р. Белая делает крутой поворот к северу¹.

Узнав о выступлении Кирилова, башкиры приступили к формированию вооруженных отрядов. Население 11 волостей Ногайской дороги создало крупный отряд под предводительством Кильмяка Нурушева. Отряд шел следом за командой Кирилова, блокируя его связь с Уфой. К концу июня башкиры Казанской дороги сформировали 3 крупных отряда под предводительством Акая Кусюмова, Улифа Тохтарова и Тевеня².

В это время в волостях Казанской и Ногайской дорог разворачивается открытая борьба между повстанцами и сторонниками властей. Широкие массы общинников стояли за восстание, остававшиеся верными властям тарханы, «лучшие» башкиры и муллы оказались в изоляции. Избегая народного гнева, они старались укрыться с семьями в городах и крепостях. Так, сотник Казанской дороги Надыр Уразметов и мулла Ахмет обратились к коменданту Шешминской крепости полковнику И. Н. Татищеву с просьбой о предоставлении убежища³. В июле повстанцами был схвачен и убит мулла Енейской волости Казанской дороги Апас Тетеев, служивший конфиденентом-осведомителем мензелинских властей и пославший на службу к Кирилову своего сына⁴. Известно, что из записавшихся в команду Кирилова свыше 770 башкирских тарханов в походе на р. Орь участвовало лишь 160 человек. Некоторые из них сами отказались от похода, но большинство тарханов не посмели присоединиться к Экспедиции под давлением оставших народных масс. Несколько тарханов, направлявшихся к Кирилову, попали в руки повстанцев. Ход событий в крае, разногласия и борьба между самими башкирами свидетельствовали о том, что разворачивающееся движение с самого начала носило социальный характер.

19 июня с Закамской линии в Уфу прибыл Вологодский драгунский полк. 24 июня 5 рот вологодцев и несколько десятков уфимских дворян и казаков, всего около 700 человек, с несколькими

пушками, выступили из города и направились на помощь команде Кирилова⁵. Повстанцы Ногайской дороги решили помешать соединению вологодских рот с Кириловым. 1 июля трехтысячный отряд под предводительством Кильмяка Нурушева на 160-й версте от Уфы, южнее горы Зирган, напал на вологодцев. Застигнутая врасплох команда понесла большие потери. Сражения между повстанцами и вологодцами с перерывами продолжались до 6 июля. Башкиры держали драгун в осаде, не давая им возможности продвигаться вперед. Кирилов вынужден был приостановить движение своего корпуса и выслать на помощь ротам Вологодского полка сильную команду. 6 июля Кильмяк вынужден был снять осаду с драгун и отступить. Правда, 9 июля правительственная команда вновь подверглась нападению со стороны повстанцев, но вологодцам удалось прорваться и соединиться с основными силами Экспедиции. В сражениях с ротами Вологодского полка приняли участие башкиры 14 волостей Ногайской дороги, 7 волостей Казанской и нескольких волостей Осинской дорог. Башкир-повстанцев поддерживали татары, часть мишарей и чуваш⁶. Хотя восставшим не удалось приостановить поход Кирилова к р. Орь, они серьезно помешали ему и вооруженной борьбой выразили свое недовольство политикой царизма в Башкирии.

Летом 1735 г. массовое движение охватило многие районы Ногайской дороги. Вблизи Уфы, на территории Минской и Кульминской волостей, были

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1236. Л. 34—35.

² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 6. 9—11; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 837.

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 169. Л. 110, 113.

⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2. Л. 116 об., 120; Ч. 3. Л. 57.

⁵ Там же. Д. 61. Ч. 2. Л. 29.

⁶ Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской уч. арх. ком. Оренбург, 1900. Вып. 8. С. 3—104; Акманов И. Г. Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735—1740 гг. // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. 2. С. 130—139.

созданы повстанческие отряды, которые расправлялись с верными властям башкирами и мишарями и разоряли их дома и деревни. Нападению восставших подверглись также деревни русских дворян под Уфой. Башкиры Юрматынской, Меркитской, Табынской, Кси-Табынской волостей направляли свои удары против новопостроенной Табынской крепости. 9—10 июля они напали на Табынск и разорили там соляные варницы¹.

Такая же обстановка сложилась на территории Казанской и Осинской дорог. Формировались повстанческие отряды, шла борьба между повстанцами и сторонниками властей. В состав повстанческих отрядов, кроме башкир, входили представители других нерусских народов края. Пленный повстанец татарин Арслан говорил во время допроса, что «согласились» с башкирами «...в том злом намерении Казанского уезду татары 14 деревень»².

В середине июля, по-видимому, в Юрматынской волости Ногайской дороги состоялся совет представителей восставших Казанской, Осинской и Ногайской дорог. Было решено продолжать борьбу, определены районы действий отдельных повстанческих отрядов. Обращалось также внимание на вовлечение в движение новых сил, в том числе татар, чувашей, мари и удмуртов³.

В июле—августе 1735 г. восстание охватило всю европейскую часть Башкирии. Особой активностью были отмечены действия повстанцев вблизи Уфы, Табынска и других крепостей. Жители ряда волостей Ногайской и Казанской дорог во главе с Тевяком, Ишалеем Кайдалиным, Азнакаем Явгийдиным, «человек с 1000 и больше» нападали на аулы верных властям башкир, татар и мишарей⁴. В середине сентября восставшие совершили нападение на аул старосты Каршинской волости Шарипа Мрякова и сотника Ибака Умирова⁵.

В западной Башкирии совместно действовали повстанцы из башкир, татар, чувашей, мари и мордвы. С середины июля свои основные удары они направляли против гарнизонов новой и старой линий Закамских крепостей. В конце

июля большой отряд восставших под предводительством Акая Кусюмова подошел к Мензелинску. Город подвергся нескольким приступам, но устоял. Повстанцы также штурмовали Новошешминск, Заинск, Кичуевск⁶. В августе они действовали в Прикамье, разоряли дворцовые и монастырские села и деревни.

Еще в июне И. К. Кирилов послал в зауральские русские крепости распоряжение о заготовке провианта и отправке его к устью р. Ори. В начале августа повстанческий отряд под предводительством башкира Киргиз-Табынской волости батыра Юсупа Арыкова и башкира Тюбелясской волости Сибирской дороги Баюраса Енурусова в 30 верстах от Верхнеяицкой крепости напал на продовольственный обоз, шедший из Теченской слободы в Оренбург. Повстанцы окружили обоз и не пропускали его к крепости. Одновременно в осаде оказался и Верхояицк⁷. И лишь прибытие на помощь осажденным сибирского драгунского полка под командованием полковника Арсеньева и отправленного Кириловым специального отряда, состоящего из нескольких казанских рот и «довольного числа нерегулярных людей», вынудило повстанцев отступить⁸.

Экспедиция направилась дальше на юг и 15 августа у устья р. Орь заложила город Оренбург (современный город Орск)⁹. В начале сентября Кирилов во

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 16. 36; Ч. 5. Л. 25, 33.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 38. Л. 43—44.

³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 35 об.; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 832, 838.

⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 5. Л. 73, 68; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 87—89.

⁵ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 88, 94, 102.

⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2. Л. 26; Ч. 3. Л. 45, 48; Ч. IV. Л. 46—47; Ч. V. Л. 85; РГАДА. Ф. 248. Кн. 169. Л. 581—582.

⁷ Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 2. С. 132, 134; ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 291—294; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 73.

⁸ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 16.

⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 174.

главе значительных воинских сил выступил к Уфе на подавление народного движения.

В сентябре крупные силы восставших под предводительством Кильмяка и Акая сосредоточились под Уфой. В отряде было, по одним данным, 2000, по другим — 3000 человек. Они захватили монастырское село Вознесенское, а также ряд мишарских, татарских и башкирских деревень, жители которых не присоединились к восставшим. Возможно, повстанцы далее намеревались напасть на Уфу, о чем велись разговоры еще в июле. Но в это время они узнали, что из Оренбурга в Уфу направляется Кирилов с командой, и отступили к югу.

В первое время местные власти не имели достаточных сил для подавления восстания. Основные силы Экспедиции во главе с Кириловым были заняты закладкой Оренбурга. В Уфе и других крепостях команд было мало и они не решались на открытое выступление против повстанцев.

О начале восстания в столице узнали в конце июля. 13 августа 1735 г. на пост главного командира всеми вооруженными силами в Башкирии был назначен генерал-лейтенант А. И. Румянцев, облеченный чрезвычайными полномочиями. В его распоряжение выделялись три регулярных полка, 500 яицких казаков, 3000 калмыков¹. 24 августа Кабинет получил первые донесения от Кирилова после начала восстания, где говорилось, что потери войск невелики, скоро Экспедиция дойдет до р. Орь и приступит к строительству города. 31 августа правительство еще раз вернулось к рассмотрению вопроса об Экспедиции. Кирилову было указано, что «того строения оставлять не подлежит»². Итак, правительство окончательно санкционировало основание г. Оренбурга, несмотря на вооруженный протест башкирского народа, не желавшего примириться с дальнейшими массовыми изъятиями их земель.

19 сентября Румянцев прибыл в Мензелинск и обратился к восставшим с универсалом. Он предложил прекратить борьбу и начать переговоры. На призыв генерала в конце сентября откликнулись

жители ряда западных волостей Казанской дороги³. Но большинство восставших во главе с Кильмяком и Акаем продолжали борьбу.

В начале сентября в районы повстанческого движения направил войска Кирилов. Приступив к реализации своего плана жестокой расправы с повстанцами и подавления восстания вооруженным путем, в Сакмарском городке он совершил «суд» над 9 пленными повстанцами: одного посадил на кол, второго четвертовал, пятерых повесил, двух повстанцев оставил в живых «для очной ставки»⁴. Затем каратели вторглись в башкирские волости. Кирилов намеревался в первую очередь расправиться с жителями Юрматынской и Тамьянской волостей, которые выдвинули главных предводителей восстания Кильмяка и Акая. За 10 дней команда Кирилова razорила 21 башкирский аул. Это было лишь началом широких карательных операций.

В Зауралье усмирением восставших занимался отряд Тевкелева, посланный Кириловым для организации нового хлебного обоза и отправки его в Оренбург. 6 октября Кирилов получил распоряжение Румянцева, в котором предписывалось приводить башкир в повиновение «добрым порядком, не употребляя оружия». Кирилов вынужден был приостановить намеченные карательные операции. Тевкелев в конце октября выехал в Уфу.

Помогали властям в борьбе с повстанцами и «верные» башкирские феодалы. 160 «лучших» башкир служили в команде Кирилова. С их помощью глава экспедиции поддерживал связь с Уфой через территорию, контролируемую повстанцами. Многие феодалы, оставаясь в своих волостях, выполняли роль осведомителей властей. Кроме того,

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 212—214.

² Там же. Кн. 169. Л. 215, 241—242; Кн. 1131. Л. 210.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 75—76, 79; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 304.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 84, 105.

они вели среди восставших агитацию, призывая к отходу от восстания. Некоторые из них организовывали нападения на аулы восставших, ловили отдельных повстанцев.

2 октября, когда Кирилов подошел к р. Ашкадар, восставшие напали на него. По словам Кирилова, повстанцы «провожали идущих с ним команду 4 дня», пытаясь преградить ей путь к Уфе. Однако солдатам и драгунам с помощью огнестрельного оружия и артиллерии удалось отразить нападение¹.

После неудачных сражений с командой Кирилова основная масса восставших во главе с Кильмяком и Акаем приняла предложение Румянцева о переговорах. На своем йыйыне башкиры составили челобитную, в которой протестовали против строительства в крае крепостей и церквей, жаловались на жестокость обращения Кирилова и Тевкелева, насилия со стороны башкирской феодальной верхушки. Они просили правительство отозвать Оренбургскую экспедицию. Челобитную подписали представители 27 волостей Казанской, Ногайской и Сибирской дорог². Осенью 1735 г. в европейской части Башкирии наступило затишье, но в Зауралье обстановка продолжала оставаться сложной.

2 декабря из Теченской слободы в Оренбург выступил второй продовольственный обоз под охраной трех рот солдат и драгун, 150 чувашей, татар, крестьян и «верных» башкир. Отправление хлеба в южную часть Башкирии лишней раз убеждало повстанцев в том, что власти не отказались от строительства крепостей. На ряде советов башкиры Сибирской дороги приняли решение о массовом выступлении. 22 декабря, когда обоз находился в 60 верстах от Верхояицка, повстанцы «человек с 1000 и больше» напали на него и остановили. Сибирский драгунский полк, направленный на выручку обоза, под напором крупных сил повстанцев вынужден был отступить³. Вышедшая в начале января 1736 г. из Бирска команда Тевкелева не сумела пробиться в Зауралье. Восставшие разогнали и команду «верных» башкир, пытавшихся помочь отряду, сопро-

вождавшему обоз. В этой обстановке начальник обоза прапорщик Гладышев принял требование восставших возвратиться в Теченскую слободу⁴.

Это было значительным успехом повстанцев. Они оставили без продовольствия гарнизоны Верхояицка и Оренбурга. Затем повстанческие отряды начали борьбу за ликвидацию этих крепостей. В конце января 1736 г. крупные силы восставших во главе с Юсупом Арыковым окружили Верхояицк и вынудили войска оставить крепость⁵. Одновременно с этими акциями восставшие расправлялись с «верными» башкирами, мишарями, чувашами, разоряли их деревни. Повстанцев-башкир поддерживала часть татар и других нерусских жителей Сибирской дороги⁶.

В середине января повстанцы получили сведения о приближении команды Тевкелева и приступили к формированию крупных отрядов. Во главе повстанческих сил стояли Юсуп Арыков и башкир Кудейской волости Тюлькучура Алдагулов. Они готовились к нападению на Тевкелева в горных проходах на границе Балыкчинской и Мурзаларской волостей. Но этот план пришлось изменить. 19 января команда Тевкелева достигла дер. Сеянтусы Балыкчинской волости. Узнав о намерениях повстанцев и о поддержке последних жителями деревни, Тевкелев жестоко расправился с башкирами. По словам очевидца событий П. И. Рычкова, около «1000 человек с женами и детьми их в этой деревне перестрелено и от драгун штыками, а от верных башкир и мешеряков копиями переколото; сверх того 105 человек собраны

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 325—327, 333; Кн. 1134. Л. 31; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 83—84; Д. 43. Л. 839.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1236. Л. 57—59.

³ Там же. Кн. 1525. Л. 25, 44, 342; Кн. 1133. Л. 224; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 193, 212, 249, 250.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 217.

⁵ Там же. Д. 40. Л. 450—451.

⁶ Там же. Д. 39. Л. 238, 257; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1525. Л. 70.

были в один амбар и тут огнем сожжены»¹.

После Сеянтусы Тевкелев применял свой «опыт» расправы повсеместно. В середине февраля к нему подошла команда полковника Мартакова. За короткий срок каратели разорили и сожгли 51 деревню, убили свыше 2 тыс. взрослых и детей из Балыкчинской, Унларской, Карт-Таныпской и других волостей Сибирской дороги².

Весть об этих злодеяниях вызвала всеобщее возмущение в крае. На зверства карателей восставшие Зауралья отвечали массовыми операциями против царских команд, «верных» башкир, мишарей и других сторонников властей. Борьба в Зауралье приобрела ожесточенный характер. Около дер. Богдан Коши повстанцы уничтожили драгунскую роту во главе с поручиком. Несколько ожесточенных сражений навязали они команде Тевкелева³. Отряд Тюлькучуры, насчитывавший свыше четырех тысяч человек, действовал под Уфой. 14 февраля Тюлькучура разбил команду, состоявшую из 450 солдат, дворян и казаков, уничтожив при этом свыше 100 карателей⁴.

Массовое движение в Зауралье, крупные успехи повстанцев встревожили главного командира. Он требовал от полковников Тевкелева, Мартакова и Арсеньева решительных действий против восставших. С 1 февраля 1736 г. общее руководство по подавлению восстания в Зауралье А. И. Румянцев возложил на начальника Главного правления Казанских и Сибирских казенных заводов В. Н. Татищева. Одновременно Румянцев обратился к сибирскому губернатору с просьбой о содействии Татищеву⁵.

Опасаясь возобновления восстания в европейской части Башкирии, Румянцев обратился в Кабинет с просьбой выделить дополнительно 2—3 регулярных полка⁶. Изменилось его отношение и к способам успокоения повстанцев. Главный командир не только решил подавить восстание военной силой, но и одобрил приемы жестокой расправы с повстанцами Тевкелева и рекомендовал другим

командирам следовать примеру этого карателя.

Известия о размахе восстания в Зауралье были умело использованы находившимся в это время в столице Кириловым для того, чтобы убедить правительство в том, что единственным путем решения башкирского вопроса является военное подавление народного движения. Составленный Кириловым и одобренный Румянцевым проект мероприятий по подавлению восстания и дальнейшей деятельности Оренбургской экспедиции лег в основу правительственного указа от 11 февраля 1736 г.

Большое внимание в указе было уделено мерам по быстрейшему «умиротворению» края и наказанию его участников. Но главное его предназначение было в том, чтобы впредь не допустить восстаний в Башкирии, ликвидировать всякую возможность сопротивления башкир политике царизма. Для достижения этой цели предусматривалось проведение в жизнь различных мероприятий военного, политического и экономического характера. Необходимо особо подчеркнуть, что указ провозгласил линию на ослабление башкирского народа путем уменьшения его численности и широкой колонизации Башкирии. Он открыл дорогу для «законного» перехода башкирских земель в руки дворянства и других представителей господствующего класса страны, явился официальным оформлением этой новой, открыто угнетательской политики царизма в крае⁷.

16 февраля 1736 г. был принят новый указ, которым правительство официально провозгласило курс на самое жестокое подавление восстания. В соответствии с указом против восставших были

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 20.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 640—641; Рычков П. И. История Оренбургская. С. 20.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 259.

⁴ Там же. Л. 262—263; Рычков П. И. История Оренбургская. С. 21.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 579; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 232.

⁶ Там же.

⁷ ПСЗ. Т. 9. № 6890.

направлены регулярные части, отряды казаков и крестьян общей численностью в 22 тыс. чел.¹

В марте военное командование приступило к реализации намеченных планов. Отряд В. Н. Татищева выступил из Теченской слободы по направлению к оз. Чебаркуль, разоряя и сжигая по пути деревни повстанцев. Основав Чебаркульскую крепость, Татищев вернулся на свою базу. В ходе этой операции, с 13 марта по 8 мая, по неполным данным, было убито 384 повстанца, взято в плен 162 человека, сожжено 90 деревень, отогнано и переколото 1247 лошадей, 850 голов крупного рогатого скота².

На территории Ногайской дороги с 24 марта по 20 мая карательные операции вели воинские части под командованием Кирилова. На юге свирепствовал объединенный отряд яицких казаков и драгун под общей командой майора Останкова. В итоге 1658 повстанцев было убито, 360 — взято в плен, разорено и сожжено 313 башкирских деревень³.

С повстанцами Казанской и Ногайской дорог, укрывшимися в бассейне р. Дема, расправлялся генерал Румянцев. По его донесениям, было убито 1000 чел., сожжено около 100 деревень⁴.

Всего в результате действий карателей в марте—мае 1736 г. восставшие потеряли убитыми 3042 человека, было сожжено 503 деревни. Подобную жестокость со стороны царского правительства башкирские массы испытали впервые. Каратели нанесли тяжелый удар по народному движению. Но, как показало будущее, власти не достигли желаемых целей.

Весной 1736 г. восстание возобновилось. Первыми выступили башкиры Сибирской дороги. С середины мая большие отряды восставших действовали в обширном районе бассейнов рр. Исеть, Миасс и Теча. Временами они доходили до окрестностей Царева городища на р. Тоболе. Повстанцы осаждали и штурмовали слободы, остроги и заводы, разоряли села и деревни вокруг них, угоняли скот. Так, в мае нападению подверглись

Утяцкая и Крутихинская слободы, Окуневский острог, Полевский завод и др.⁵

Это массовое движение продолжалось до конца июня. Основную движущую силу составляли рядовые башкиры. В движении участвовала и часть башкирских феодалов. Но многие представители феодальной верхушки выступали на стороне властей. В. Н. Татищев утверждал, что «лучшие» башкиры, «особливо богатые, в паче старики умные» к восстанию не пристали, «разве по нужде в обществе находились»⁶. Во главе движения по-прежнему стоял Юсуп Арыков. Предводителями повстанцев близких к сибирским слободам волостей были батыр Кутукай, Исянгул Мамбетов, Сабан Севергулов и др.

В отличие от борьбы предыдущего года, в ходе движения 1736 г. повстанцы Зауралья, наряду с нападениями на крепости и сражениями с царскими отрядами, разоряли русские села и деревни. Это было вызвано не враждой к русским крестьянам, а явилось своеобразным ответом на жестокости команд Тевкелева, Арсеньева и отрядов «вольницы». По данным источников, нападению восставших подверглись 5 слобод, 2 села, 32 деревни, где было убито 152 русских крестьянина, ранено 67, взято в плен — 12, угнана 1141 лошадь. Восставшие нанесли чувствительный урон населению сибирских слобод, но этот ущерб значительно уступает потерям башкир Сибирской дороги во время карательных операций Арсеньева, Тевелева и отрядов «вольницы».

Весной 1736 г. широкое движение развернулось на территории северо-западных волостей Сибирской дороги, а также на Осинской дороге. В конце марта — начале апреля 1736 г. здесь начали

¹ Материалы по истории России. Т. 2. С. 199.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 315—326.

³ Там же. Л. 353, 422.

⁴ Там же. Л. 333.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 135. Л. 573; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 63. Л. 111, 130, 133; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 375, 396, 397.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 563.

формироваться повстанческие отряды. Один из них, состоявший из 1000 человек, был скомплектован в Кудейской волости, другой — из 500 человек — в Дуванской волости¹. Восставшие башкиры и присоединившиеся к ним кунгурские татары разорили 15 марийских, чувашских и мишарских деревень². В начале июня отряд Тюлькучуры Алдагулова напал на команду «верных» башкир Унларской волости во главе с Якупом Чинмурзиным, затем на мишарей из команды Муслюма Кудабердина. От полного разгрома последних спас лишь приход отряда капитана Голчина. В конце месяца отряд Тюлькучуры вновь перешел р. Уфу, где разорил аулы «верных» башкир, мишарей, татар и мари Осинской дороги³.

В середине июня 1736 г. крупные силы повстанцев действовали севернее Осы и доходили до владений Строгановых. Они разгромили отряд «осинских обывателей, человек с 800 с ружьем» и заставили отступить с потерями отряд «вольницы», состоявший из 1500 крестьян. Вся Осинская дорога оказалась охваченной борьбой⁴. В середине июня отряд Тюлькучуры около крепости Красный Яр нанес поражение команде полковника Мартакова⁵. Вернувшись в Зауралье, Тюлькучура намеревался напасть на команду Тевкелева. Известно, что он с 1000 человек поехал к Чебаркульской крепости, но сведений о сражении с Тевкелевым не имеется.

Крупной акцией повстанцев Ногайской дороги было нападение на обоз, отправленный ранней весной 1736 г. из Табынска в Оренбург. Узнав, что в мае Кирилов с командой выступил из Уфы к Оренбургу, повстанческие отряды окружили правительственные войска и всячески мешали их продвижению. В середине июня около 8 тыс. повстанцев съехалось в Юрматынскую волость⁶. На своих советах они отвергли предложение Румянцева о принесении повинной и приняли решение напасть на лагерь главного командира, расположенный по р. Ик, и освободить содержащихся там под караулом активных участников движения, среди которых был и Акай Кусю-

мов⁷. С этой целью во второй половине июня восставшие во главе с Кильмяком Нурушевым со среднего течения р. Белой подошли к бассейну р. Ик. Ночью 29 июня они напали на двухтысячную команду Румянцева и нанесли карателям тяжелейший урон: 180 чел. было убито, свыше 60 ранено⁸. Восставшим не удалось разгромить правительственные войска и освободить Акаю с товарищами. Однако эта смелая операция, одна из самых крупных в ходе движения 1736 г., подняла боевой дух повстанцев и явилась как бы сигналом к развертыванию массовой борьбы по всей территории европейской части края.

Повстанцы напали на царские команды, стали угрожать Мензелинску и закамским крепостям. С трудом Румянцев осуществлял связь со своей базой — Мензелинском. Восставшие Казанской дороги расправлялись с «верными» башкирами и татарами. Характеризуя обстановку в Башкирии в августе 1736 г., Румянцев доносил в Кабинет, что повстанцы «многих доброжелательных и знатных башкир побили, дома их без остатку разорили»⁹.

Перепуганные размахом народного движения правительственные войска летом 1736 г. перешли в решительное наступление. 13 июня из Екатеринбурга против восставших выступила команда во главе с В. Н. Татищевым. В ней было 1678 солдат, рабочих людей заводов, мишарей и татар. В конце июня команда прибыла к озеру Кызылташ. Татищев направил к восставшим специальную грамоту, в которой призывал придти с повинной, а в случае отказа грозил

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1133. Л. 266 об.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 433—434.

³ Там же. Л. 423—424.

⁴ Там же. Д. 43. Л. 616.

⁵ Там же. Д. 40. Л. 505—506, 569, 572.

⁶ Там же. Д. 43. Л. 840.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 195.

⁸ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 28.

⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 556, 464, 466.

карательным походом. Чтобы заставить восставших прекратить борьбу, он широко использовал обещания, подкуп и угрозы. Серьезную помощь ему в этом оказывали «верные» башкирские феодалы. После некоторого колебания в июле-августе принесли повинную башкиры ближних к сибирским слободам волостей во главе с их предводителем Кутукаем¹.

На Ногайской дороге «усмирением» повстанцев занимался Кирилов. В конце июля южнее Табынска его команда разорила 29 башкирских деревень. Летом 1736 г. по распоряжению Кирилова на территории дороги было основано 6 крепостей².

После нападения башкир на лагерь Румянцева в соответствии с указом от 6 августа правительство направило против восставших дополнительные военные силы, в числе которых был астраханский гарнизонный драгунский полк. 27 сентября в Башкирию были отправлены еще два драгунских полка³. В это же время произошла смена главного командира правительственных войск: вместо Румянцева на эту должность был назначен бригадир М. С. Хрущев. 5 сентября Хрущев прибыл в Мензелинск⁴.

Когда башкиры узнали о приезде нового командира, у них появилась надежда на достижение соглашения с ним. От имени повстанцев в середине сентября с письмом к Хрущеву обратился Кильмяк Нурушев. Он просил отвести все карательные отряды, действовавшие в Башкирии. В конце месяца Кильмяк и Султанмурат вновь обратились к Хрущеву с письмом, в котором добивались прощения повстанцев по-старому, т. е. без уплаты штрафных лошадей и личной явки для присяги в команды⁵. Однако надежды восставших не оправдались. Правда, сразу по приезде Хрущев выпустил универсал, в котором призвал повстанцев принести повинную. Но в его универсале не содержалось никаких уступок восставшим массам⁶. Поэтому его обращение было встречено холодно, башкиры не спешили с повинной.

Восставшие и их предводители понимали, что продолжать борьбу становится все труднее, чем дальше, тем яснее чувствовалось неравенство сил. Власти к тому же не шли ни на какие уступки. В этой обстановке повстанцы для продолжения сопротивления пытались найти союзников. После сражения с командой Румянцева они послали своих представителей к казахам Средней Орды с просьбой о помощи. Но с самого начала восстания Кирилов и другие командиры натравливали ханов и феодалов Малой и Средней Орд на башкир, не жалея при этом ни подарков, ни обещаний. Казахские ханы не только отказались поддержать башкир, но и через некоторое время внезапно напали на Ногайскую дорогу и нанесли жителям южной Башкирии серьезный урон⁷.

Бригадир М. С. Хрущев усилил свои команды, сформировав два дополнительных отряда. «Верным» башкирским феодалам было велено «ловить воров», разорять их деревни. Хрущев обратился к Татищеву с письмом, чтобы тот активизировал борьбу с повстанцами Зауралья⁸. Как и его предшественники, Хрущев беспощадно расправлялся с восставшими и их семьями. Со времени его приезда до середины декабря самым жестоким истязаниям — колесованию, подвешиванию за ребра — были подвергнуты десятки захваченных в плен повстанцев, 144 человека сосланы на каторжные работы в Остзею, 505 женщин и детей розданы дворянам с условием поселения в центральных районах страны⁹. За это

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 406—409, 536, 560—565.

² Рычков П. И. История Оренбургская. С. 25—26; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 863—864.

³ Материалы по истории России. Т. 2. С. 253—254.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 701, 838, 839.

⁵ Там же. 914 об.; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 665.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 622—623.

⁷ Там же. Л. 842.

⁸ Там же. Д. 40. Л. 631; Д. 43. Л. 750.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 987.

же время с башкир собирали, по неполным данным, 2000 штрафных лошадей¹.

Военные мероприятия властей ослабили повстанцев. К тому же во многих волостях вследствие уничтожения карателями скота начался голод. Поэтому осенью 1736 г. массовое движение на Казанской, Ногайской и Сибирской дорогах прекратилось. В начале сентября 1736 г. с повинной пришли 2403 человека. Однако покорились не все. На Казанской дороге повстанцы сгруппировались вокруг Султанмурата Дюсхева и Абдуллы Акаева — сына Акая Кусюмова — и действовали на юго-западной окраине Башкирии, в верховьях рр. Кинель и Ток². Отказывались принести повинную часть восставших Ногайской дороги во главе с Кильмяком. Они настаивали на том, чтобы были прощены за участие в восстании без взимания штрафных лошадей и личной явки участников движения для присяги³. Продолжали сопротивляться властям башкиры Кудейской, Айлинской и других волостей Сибирской дороги, которые действовали под предводительством Тюлькучуры Алдагулова и Бепени Трупбердина⁴. Но в целом движение шло на спад.

В условиях войны с Турцией правительство потребовало от командиров скорейшего прекращения движения в Башкирии. Состоявшееся в декабре 1736 г. в Мензелинске совещание Хрущева и Кирилова решило организовать весной следующего года карательную экспедицию против повстанцев Ногайской и Сибирской дорог. В походе должны были участвовать регулярные и ландмилицкие полки, казаки и мобилизованные крестьяне, всего свыше 18 тыс. человек. Решение командиров было одобрено правительством⁵.

С самого начала восстания власти уделяли особое внимание поимке предводителей, считая, что это приведет к прекращению борьбы. К концу 1736 г. в руках властей оказалось большинство предводителей повстанцев Казанской дороги во главе с Акаем Кусюмовым, организатор борьбы в Зауралье батыр Юсуп Арыков и многие другие. В феврале 1737 г. приехал в Табынск с повинной

Кильмяк Нурушев. Оттуда его под конвоем направили в Уфу, далее в Мензелинск⁶. Не совсем ясны причины его прихода с повинной. Возможно, что он, учитывая неравенство сил, пытался добиться уступок путем подачи челобитной.

Восстание было обезглавлено. Командование войсками и местные власти считали, что дело идет к полному спокойствию. Чтобы закрепить успех, в соответствии с секретным указом Кабинета, было решено казнить нескольких организаторов борьбы. 28 февраля 1737 г. по распоряжению Татищева был колесован Сабан Севергулов, четвертован Бокшурга Назаров, обезглавлен Исянгул Мамбетов⁷. Не менее ужасную казнь заготовил Хрущев для других восьмерых предводителей восстания, в том числе для Кильмяка и Акая: каратели собирались посадить их на кол. Но в связи с новым назначением и отъездом из Башкирии Хрущев не успел осуществить задуманное⁸.

Движение 1737—1738 гг. Продолжение деятельности Оренбургской экспедиции, жестокое подавление движения 1735—1736 гг., тяжелые условия принесения повинной участниками восстания, а также насилия со стороны «верных» башкирских феодалов — все это привело к новому подъему восстания. Голод в башкирских волостях, явившийся следствием деятельности карательных экспедиций, еще более обострил обстановку в крае и толкал массы к борьбе.

Первыми выступили жители Сибирской дороги.

На втором этапе восстания усили-

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 781.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 819, 924.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 759.

⁴ Там же. Л. 650—651.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 3—12; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 865.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 874, 876, 887.

⁷ Там же. Л. 871—873.

⁸ Там же. Л. 828; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 228 об.

вается раскол внутри башкирского общества. Большинство представителей феодальной верхушки открыто вступали в борьбу против повстанцев, участвовали в карательных операциях правительственных войск. Повстанцы беспощадно расправлялись с «верными» тарханами, ахунами и другими «доброжелательными» к властям башкирами. С апреля 1737 г. отряды под предводительством Тюлькучуры Алдагулова, Мандара Карабаева, Бепени Трупбердина громили команды «верных» башкирских феодалов Таймаса Шаимова, Кузяша Рахмангулова и других¹. Во второй половине июля повстанцы под предводительством Бепени Трупбердина и Аллазиангула Кутлугузина стали нападать на сибирские остроги и слободы, где укрывались «верные» башкиры и мишари.

В июне в борьбу вступили жители Осинской дороги. К ним на помощь с Сибирской дороги подошли отряды во главе с Тюлькучурой, Мандаром и Бепеней. Повстанцы расправлялись с «верными» башкирами, мишарями, чувашами. Они подвергли осаде Богдановскую крепость, нападали на правительственные отряды².

Активные действия восставших Сибирской и Осинской дорог продолжались до конца сентября 1737 г. Борьба охватила обширную территорию от р. Тобола до Осы и Кунгура.

Взялись за оружие и жители Казанской и Ногайской дорог. С конца апреля восставшие под предводительством Ситбая Алкалина, батыра Кусяпа Султангулова и Рысая Игимбетова вели борьбу с «верными» башкирами, мишарями и татарами. Так, были разорены деревни тарханов Бардегула Глевкеева и Алдара Исянгильдина, «лучших» башкир Абдрака, Рабая и других. Восставшие совершали нападения на Табынск и другие крепости³. В июле повстанцы Ногайской дороги во главе с Кусяпом совершили поход в пределы Казанской дороги и, объединившись с местными жителями, разорили «верного» башкира Надыра Уразметова и других сторонников правительства. Наиболее крупной операцией восставших было нападение тысячного

отряда Кусяпа на лагерь генерала Соимонова⁴.

Весной 1737 г. башкиры вновь обратились за помощью к казахам. Повстанцы нуждались в военной поддержке и спокойном тыле во время восстания. Кроме того, они рассчитывали найти у казахов убежище в случае организации властями карательных походов. Хан Младшего жуза Абулхаир не только отказал повстанцам в помощи, но и запретил им искать убежище в его владениях. Не поддержали башкир и феодалы Среднего жуза. Правда, отдельные из них, например, султан Барак, обещали послать войско, но своего слова они не сдержали. Более того, осенью 1738 г. казахские феодалы по призыву царского правительства приняли участие в подавлении восстания. Иное было отношение к башкирским повстанцам рядовых казахов. Под влиянием восстания в Башкирии среди них начинается брожение. Несмотря на запрещение своих ханов и султанов, простые казахи осенью 1737 г. приняли некоторое участие в восстании. В сентябре несколько казахских отрядов с ногайскими башкирами действовали в бассейне р. Демы и в окрестностях Уфы⁵.

Смена командиров Башкирской комиссии и Оренбургской экспедиции весной 1737 г. несколько замедлила организацию карательных походов. Поэтому в первое время после начала восстания с повстанцами вели борьбу лишь отряды «верных» башкир и мишарей. Затем против восставших выступили казаки и отряды крестьянской «вольницы», возникшей в поддержку карателей.

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 976—977, 1005.

² Там же. Л. 1010—1026.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 327, 334, 335; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 69, 71.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 335; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 72.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 327, 339—340, 345.

Новый начальник Оренбургской экспедиции тайный советник В. Н. Татищев и командир Башкирской комиссии генерал-майор Л. Я. Соймонов решили окружить Башкирию воинскими частями и перейти к решительному наступлению на повстанцев. В июле 1737 г. Татищев и Соймонов провели в Мензелинске совещание представителей местных властей, где, по выражению П. И. Рычкова, «не только к прекращению башкирских замешаний постановлен к поискам надлежащий план, но и к содержанию башкирского народа в надлежащем послушании довольныя учреждения учинены»¹. В борьбу с восстанием они вовлекли и казахских феодалов.

Царским властям удалось добиться отхода от восстания татар, чувашей, удмуртов, мари, мордвы, которые на первом этапе движения сражались вместе с башкирами. Они умело использовали определенные противоречия между пришлым населением и коренными жителями по земельному вопросу. За участие в подавлении восстания правительство обещало пришлому нерусскому населению занимаемые им башкирские земли. В указе от 11 февраля 1736 г. специально подчеркивалось: «Служилым мещерякам от башкирцев быть отделенным и за их верность и службы земли и угоды те, коими они по найму у башкирцев владели, ... те дать им вечно и безоброчно... Застарелых тептярей и бобылей от башкирского послушания отрешить и за претерпенное их разорение от воров башкирцев оброков им платить не велеть»². В указах от 17 марта 1738 и 20 августа 1739 гг. правительство еще раз подтвердило свое решение³.

Осенью 1737 г. повстанцы вынуждены были прекратить активные действия и начать переговоры. Они добивались, чтобы власти отпустили на свободу Кильмяка, Акая и других арестованных предводителей и не требовали штрафных лошадей⁴. Но командиры не шли ни на какие уступки, и осенние переговоры не привели к успокоению края.

В январе 1738 г. движение возобновилось. Башкиры Сибирской дороги, создав крупные отряды, разоряли «вер-

ных» башкир и мишарей. В феврале в борьбу включились осинские башкиры. Они также выступали против «верных» башкир и мишарей. В апреле-мае повстанцы Сибирской дороги нападали на Чебаркульскую, Челябинскую и Красноуфимскую крепости и на Ревдинский завод. В июне произошло несколько сражений восставших с командой полковника Арсеньева, состоявшей из 2500 человек. Арсеньев вынужден был отступить. В конце месяца повстанцы вели тяжелые бои с командой майора Люткина, направленного Соймоновым из Табынска⁵. Действовали и другие карательные команды. Хотя карателям не удалось справиться с движением, в начале июля борьба в Зауралье несколько ослабла.

Неуступчивостью командиров были недовольны башкиры Ногайской дороги. Однако их выступление сильно запоздало из-за вмешательства в дела восставших казахских феодалов во главе с Абулхаиром. С августа 1737 г. Абулхаир стал посылать на Ногайскую дорогу вооруженные отряды и требовать у башкир принесения повинной, а в декабре сам приехал в Башкирию⁶. Увидев нежелание повстанцев следовать его призывам, Абулхаир начал лавировать между ними и царской администрацией. Командирам он обещал успокоить восставших, а последних заверял, что добьется для них уступок от властей. На самом же деле никаких уступок он не добился, а своими обещаниями лишь отвлекал башкир от борьбы⁷. Кроме того, доверившись Абул-

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 30.

² ПСЗ. Т. 9. № 6890.

³ ПСЗ. Т. 10. № 7542, 7876.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 349—350; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 85.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 360—361, 369—372. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 113—114.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 348—349.

⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 1292; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 360—361; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 97.

хаиру, отдельные предводители восставших попали в руки властей. Так случилось с одним из активнейших деятелей восстания на Ногайской дороге Кусяпом Султангуловым, казненным по распоряжению Татищева в сентябре 1738 г.¹

Восстание на Ногайской дороге возобновилось лишь в апреле 1738 г. Вблизи Уфы повстанцы нападали на деревни «верных» башкир и уфимских дворян. Отдельные выступления восставших в 1738 г. прослеживаются и в волостях Казанской дороги². Но начавшаяся в Приуралье борьба не превратилась в широкое движение. Основной причиной этого были карательные мероприятия властей. 10 мая из Мензелинска против восставших выступили войска под командованием генерала Соймонова. 19 июня Соймонов прибыл в Табынск, расположенный в центре Ногайской дороги. С июля по осень 1738 г. его команды сожгли 32 деревни, убили в боях, казнили, сослали на каторгу и раздали в крепостное рабство 881 человека³. Предводители восставших Сеитбай Алкалин и Рысабай Игембетов вынуждены были принести повинную.

Активные действия повстанцев прекратились и в Зауралье. В середине августа прибыли в Табынск к Соймонову с повинной предводители восставших Сибирской дороги Мандар Карабаев, Тюлькучура Алдагулов и Юлдаш Суярембетов. Часть повстанцев во главе с Бепеней Трупбердиным и Алланзиангулой Кутлугузным пыталась продолжить борьбу, обратилась за помощью к казакам Среднего жуза. Ничего не получив, в сентябре 1738 г. Бепеня и Алланзиангул принесли повинную⁴. Осенью 1738 г. завершился второй этап восстания в Башкирии.

Движение 1739—1740 гг. Характеризуя обстановку в крае после разгрома повстанцев, начальник Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев писал в Кабинет: «...две опаснейшие — Казанская и Ногайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а протчия — Осинская и Сибирская дороги — хотя не столько людей пропало, однако ж у всех лошади и скот пропали, деревни поз-

жены, и, не имея пропитания, многие з голоду померли»⁵. Татищев высказывал уверенность в том, что башкиры вряд ли сумеют снова поднять восстание.

В этой обстановке власти решили произвести всеобщую перепись населения в Башкирии, ибо без нее невозможно было приступить к осуществлению намеченных в указе от 11 февраля 1736 г. и в ряде решений мероприятий, направленных на дальнейший захват башкирских земель, усиление налогового бремени и установление в крае еще более сурового режима эксплуатации трудовых масс. Общее руководство проведением переписи возлагалось на генерала Соймонова, так как Татищев отправился в Петербург с докладом.

Перепись началась в январе 1739 г. На все дороги были направлены офицеры с солдатами и казаками для переписи населения волостей. Башкиры довольно верно расценили цель этого мероприятия и оказали решительное сопротивление его проведению. В марте 1739 г. на Сибирской дороге на ряде съездов были приняты решения об отказе от переписи и саботировании распоряжений властей. Поручик Черкасов, приехавший для проведения переписи, был изгнан из пределов дороги⁶. Башкиры Зауралья обратились к Соймонову с требованием выдать им паспорт для поездки в Петербург с челобитной. Подобная картина наблюдалась и на Ногайской дороге. Перепись была сорвана. Недовольные башкиры объединились вокруг Сеитбая Алкалина и Рысабая

¹ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 116.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 370—371.

³ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 110—114; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 1400—1401, 1420—1421.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 1429, 1435; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 114.

⁵ НА УНЦ РАН. Ф. 3 Оп. 12. Д. 46. Л. 1467—1468.

⁶ Там же. Л. 1472—1476, 1485, 1491—1492, 1531, 1557.

Игембетова. Думая о возобновлении борьбы, они обратились за помощью к казахам Среднего жуза¹.

Получив известия о сопротивлении башкир переписи и их подготовке к новому выступлению, 5 мая 1739 г. Кабинет принял решение о прекращении переписи. Башкирским челобитчикам было позволено приехать в столицу². Это решение правительства несколько разрядило обстановку в крае, но не привело к полному успокоению. Башкиры были недовольны продолжавшимся сбором штрафных лошадей с участников движения 1737—1738 гг. С этой целью по Сибирской дороге разъезжали команды капитана Стрижевского и переводчика Романа Уразлина, по Ногайской — команда капитана Кублицкого. Правительственные отряды и присоединившиеся к ним «верные» башкиры и мишари открыто грабили население, вызывая всеобщее возмущение. В августе 1739 г. отряд Тюлькучуры Алдагулова предпринял попытку уничтожить команды Стрижевского и Уразлина. Но она оказалась неудачной. Отряд был окружен и разбит, а сам Тюлькучура схвачен и выдан Соймонову³.

Летом и осенью 1739 г. башкирам не удалось начать широкое движение. Это объяснялось тем, что повстанцы понесли большие потери в ходе борьбы 1737—1738 гг., погибли или были казнены многие предводители. Не могла не сказаться также и известная усталость масс.

В этих условиях для возобновления восстания нужен был какой-то особый толчок. Инициативная группа башкир решила выдвинуть хана как знамя борьбы и попытаться объединить вокруг него недовольных. Для этого выбрали рядового башкира Юрматынской волости Ногайской дороги Миндигула Юлаева, назвав его ханом Карасакалом. Миндигул был незаурядной личностью. Очевидец событий П. И. Рычков писал, что Миндигул Юлаев «...говорил умно, увлекательно и доказательно, жизнь вел безукоризненную, был религиозен до фанатизма. Все это давало Карасакалу право на общее уважение»⁴. Он был грамотным, хорошо знал арабский и многие тюрк-

ские языки. Немаловажное значение для его авторитета было то, что Миндигул побывал в Мекке и Медине, священных местах мусульман, и звался хаджа⁵.

Материалов о жизни и деятельности Миндигула до восстания сохранилось мало. Известно только, что он жил в работниках в разных аулах Барын-Табынской и Кара-Табынской волостей Сибирской дороги. В 1739 г. несколько раз ездил к казахам для выкупа пленных, совершал частные поездки по волостям Сибирской дороги, неоднократно встречался с Алланзиангулом Кутлугузиным, Мандаром Карабаевым и другими предводителями будущего восстания⁶.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Миндигул Юлаев не был игрушкой в руках группы башкир. Он сам являлся одним из организаторов народного выступления. Принимая решение о возобновлении вооруженной борьбы, башкиры рассчитывали на новые уступки со стороны правительства. Никаких материалов, свидетельствующих об их стремлении выйти из состава России и создать самостоятельное ханство, нет. Нецелесообразность и нереальность этой задачи они, видимо, хорошо понимали. Один из организаторов нового подъема восстания Алланзиангул Кутлугузин во время допроса говорил, что он и другие недовольные башкиры провозглашали «со общего согласия» Миндигула ханом с целью поднять восстание»⁷. Пленные повстанцы Азнабай Тлягулов и другие также показали на допросах, что борьба началась «от глав-

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 1511, 1515, 1523—1524, 1546. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 374.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 243—245.

³ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. С. 136—137.

⁴ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 50.

⁵ Игнатьев Р. Г. Карасакал, лжехан Башкирии // Труды науч. общ. изуч. быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2. С. 42.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 395, 399.

⁷ Там же. С. 395.

ных воров и зачинщиков бунта» Алланзиангула, Аиткула, Мандара, Исламгула, которые «разглашения в Башкирии во все волости живущим по Сибирской дороге приносили и к бунту склоняли более тем, что сыскали бы себе сами хана»¹.

Миндигул Юлаев был назван ханом Султан-Гиреем, сыном джунгарского хана, который в изгнании носил имя Карасакала. Очевидно, Миндигул был провозглашен ханом в начале 1740 г. С целью привлечения народных масс к продолжению борьбы распространялись слухи о том, что у хана много приверженцев не только в Джунгарии, но и в казахских степях, что его 82-тысячное войско находится у Астраханского моря². На первых порах это способствовало активизации борьбы, ускоряло переход колеблющихся в ряды повстанцев.

С конца января 1740 г. Миндигул со своими сторонниками стал открыто ездить по волостям Сибирской дороги и собирать силы для выступления. В феврале восставшие начали активные действия. Они расправлялись с представителями властей и «верными» башкирскими и мишарскими феодалами. По призыву Уразлина против восставших выступили башкирские феодалы Кузяш Рахмангулов, Мендиар Аркаев, Шиганай Бурчаков и другие, но справиться с восставшими не могли³. К середине марта восстание охватило значительную часть территории Сибирской дороги. Команда Уразлина вынуждена была оттуда бежать⁴.

Во второй половине марта генерал Соймонов направил против восставших крупные силы. С востока на повстанцев наступали команды полковника Арсеньева и подполковника Павлуцкого, с севера, из Красноуфимска, — подполковника Путятина, с запада, из Табынска, — капитана Кублицкого. Кроме того, были мобилизованы «верные» башкирские феодалы, мишари и татары Сибирской, Ногайской и Казанской дорог. Чтобы быть ближе к району восстания, 22 марта Соймонов прибыл из Мензелинска в Уфу⁵.

В ходе нескольких сражений на территории Сибирской дороги восставшие понесли большие потери и в конце марта отступили в горы. 1 апреля команда «верных» башкир во главе с Кузяшем Рахмангуловым и Зайсаном Карабашевым разбила отряд Алланзиангула Кутлугузина. Сам Алланзиангул попал в плен. Это было тяжелым ударом по восстанию⁶.

Миндигул со своим отрядом переместился на территорию Ногайской дороги, где к нему присоединились местные башкиры. Первые удары восставших были направлены против «верных» башкирских феодалов. Они нанесли поражение крупному отряду Булата Зиликеева. Миндигул с успехом отразил нападение гнавшихся за ним с Сибирской дороги команд Кузяша Рахмангулова. К середине апреля движение охватило всю юго-восточную часть Ногайской дороги. В повстанческих отрядах сражалось свыше 1500 человек. Видными предводителями борьбы стали башкиры Катайской волости Тлевкей Улатемиров и Дуван-Табынской волости — Султан Арасланбеков. Они были пожалованы Миндигулом в князья. Некоторые повстанцы стали есаулами⁷.

В конце апреля отряд Миндигула вернулся на Сибирскую дорогу. С этим было связано возобновление активных действий повстанцев в Зауралье. В начале мая отряд Миндигула, состоявший из 200 человек, разорил деревню «верного» тархана Баима Кидряева. Затем восставшие напали на команду Уразлина, который вновь оказался в Зауралье. Повстан-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 392, 398.

² Там же. С. 395; *Игнатъев Р. Г.* Указ. соч. С. 41—42; *Рычков П. И.* История Оренбургская. С. 50.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 379—382, 385.

⁴ Там же. С. 389—391.

⁵ Там же. С. 401—403; *Рычков П. И.* История Оренбургская. С. 44.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 395.

⁷ Там же. С. 423—424.

цы блокировали дороги к Верхояицкой крепости, выставив «караул воров-башкирцов 100 человек для того, чтобы от российских войск с письмами не пропускали»¹. Отряды башкир Куваканской, Айлинской и других волостей во главе с Азнабаем напали на «верных» башкир Кыр-Кудейской и Булекей-Кудейской волостей. Были разорены дома тархана Исмагила Мундурова и многих «верных» башкир и мишарей, живших по рр. Сим и Юрюзань².

Быстро росла численность повстанцев Зауралья. В середине мая пленный участник восстания Бурагул Емекеев показал, что только к отряду Миндигула Юлаева «пристало воров башкирцев немалое число и егда прибудет с Сибирской дороги с 600 человек, то будет всех в собрании воров башкирцов 3000»³.

С середины мая власти повели решительное наступление на восставших. В карательных операциях непосредственно участвовали свыше 7 тысяч солдат, драгун, казаков, мобилизованных крестьян, «верных» башкир и мишарей. Остальные войска в составе 11312 человек стояли в различных городах и крепостях Башкирии и обеспечивали спокойствие в крае⁴.

Основные силы повстанцев во главе с Миндигулом и другими предводителями отступили на юг. В конце мая они находились в бассейне р. Кызыл. Не совсем ясно, почему повстанцы шли именно в этот район. Возможно, предводители повстанческих отрядов собирались сосредоточить здесь крупные силы и дать отпор карателям.

Примерно 20 мая на р. Кызыл состоялось ожесточенное сражение между восставшими и командой подполковника Павлуцкого. В разгаре боя на помощь к Павлуцкому подошла команда секунд-майора Языкова. Несмотря на отчаянное сопротивление, повстанцы были разбиты. Они потеряли убитыми 400 человек.

23 мая Павлуцкий и Языков на р. Яик напали на полуротарысчный отряд Миндигула Юлаева. Большинство повстанцев успело переправиться через Яик. Оставшиеся на левом берегу реки

150 человек были убиты карателями. В тот же день сюда подошла сильная команда капитана Кублицкого, шедшая с боями из Табынска. Переправившись через Яик, правительственные войска продолжали преследовать повстанцев.

3 июня каратели прибыли к р. Тобол и переправились через нее. В 110 верстах от Тобола команда Павлуцкого настигла отряд Миндигула. В ходе сражения восставшие потеряли убитыми свыше 300 человек. Среди них были видные предводители восстания Мандар Карабаев, Ярмухамет Хаджиев, Исламгул Юлдашев. Остатки отряда во главе с раненым Миндигулом Юлаевым сумели уйти в казахские степи⁵.

С середины июня и до конца сентября царские войска осуществляли операции по уничтожению повстанцев, укрывшихся в трудно доступных горах и лесах Сибирской и Ногайской дорог. Истреблению подлежали не только бывшие повстанцы, но и члены их семей, независимо от возраста и пола. Скот и имущество отбирались, а деревни и посевы сжигались. Особенно зверствовали команды полковника Арсеньева, подполковников Павлуцкого и Путятин, секунд-майора Языкова, капитана Кублицкого, входившие в корпус командира Башкирской комиссии генерала Соймонова. Не отставали от них и отряды из корпуса начальника Оренбургской экспедиции генерала Урусова, насчитывавшие 5878 человек.

С целью оставить у башкир «потомственный страх» Урусов собрал под Оренбургом около 6 тыс. повстанцев и членов их семей и 25 августа 1740 г. организовал публичную экзекуцию и казнь башкир: 5 человек были посажены на кол, 11 — подвешены за ребра, 85 — по-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 419—431.

² Там же. С. 404—405.

³ Там же. С. 424.

⁴ Там же. С. 431—433.

⁵ Там же. С. 429—430.

⁶ Там же. С. 438—439.

⁷ Там же. Ч. I. С. 431—433, 436—459; Рычков П. И. История Оренбургская. С. 45.

вешены, 21 — обезглавлен. Затем всех свидетелей этой расправы погнали в Сакмарский городок, где 17 сентября повторили публичную казнь. Здесь погибло 170 человек. Жен и детей казенных роздали в крепостное рабство участникам карательных экспедиций. Кроме того, у 301 человека отрезали уши и носы¹.

Восстание было подавлено с необычайной жестокостью. По неполным данным, в 1739—1740 гг. погибло в боях, было казнено, сослано на каторжные работы, роздано для поселения в центральных уездах страны свыше 16 тыс. башкир обоего пола. В это число не входят те башкиры, которым удалось уйти в казахские степи, а также умершие от голода. Велик был и материальный урон. Лишь с июня по сентябрь 1740 г. в восставших волостях Сибирской и Ногайской дорог каратели сожгли 725 деревень, уничтожили заготовленное сено, убранный и неубранный хлеб, отобрали 5298 лошадей, 5736 коров и т.²

* * *

Восстание 1735—1740 гг. явилось самым крупным выступлением башкирских масс в XVII—первой половине XVIII вв. Оно было вызвано усилением колониального, феодального и национального гнета царизма, наиболее ярко выразившегося в деятельности Оренбургской экспедиции. Движение развернулось на огромной территории от р. Тобол до р. Камы, от среднего течения р. Яик до Кунгура. Основной движущей силой восстания были рядовые башкирские общинники, которые выступали инициаторами вооруженной борьбы и составляли основную боевую силу на всех этапах движения. Среди башкирских феодалов не было единства. Одни из них, преимущественно крупные феодалы, будучи в союзе с царизмом, содействовали реализации мероприятий Оренбургской экспедиции и помогали властям в подавлении народной борьбы, но большая часть, представлявшая мелких и средних феодалов, участвовала в восстании. Трудовые массы татар, мари, чувашей, удмуртов и мишарей в начале вос-

стания активно поддерживали башкирских повстанцев. Мишарские и татарские феодалы стояли на стороне царизма и участвовали в подавлении восстания. Через них царизму удалось натравить часть пришлого нерусского трудового населения, особенно мишарей, на восставших башкир.

Большинство предводителей восстания вышли из рядовых башкир и мелких феодалов. Основными формами борьбы восставших были сражения с царскими командами и отрядами «верных» местных феодалов и крестьянской «вольницей», осады и захват крепостей, слобод и деревень. Важным для правильного понимания форм и методов борьбы является тот факт, что, начав восстание, повстанцы преследовали конкретную цель — помешать строительству Оренбурга и других крепостей, добиться отзыва Экспедиции. Этим и определялась их тактика в первые месяцы восстания: не нападение на правительственные команды, а стремление помешать их продвижению и требование вернуться к пунктам, откуда они вышли. Вот почему, имея возможность разгромить вологодские роты или захватить продовольственные обозы, шедшие из сибирских слобод в Верхояцк и Оренбург, восставшие лишь останавливали их и добивались возвращения. Более решительно они выступали против «верных» башкирских, мишарских и татарских феодалов, считая их инициаторами организации Экспедиции: расправлялись с ними, разоряли их деревни, отнимали имущество и скот. Когда же царские команды и отряды «вольницы», состоявшие из русских крестьян, перешли к жестокому расправам с повстанцами и их семьями, восставшие в ответ на это отошли от прежней тактики и повели истребительную войну против всех карателей, дворян, представителей царской администрации,

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 50—55.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 419—430, 433—435, 447—460.

а также стали нападать и разорять русские села и деревни.

Необходимо отметить, что башкиры, поднимая восстание, пытались как-то легализовать, придать ему «законный» характер. С этой целью они использовали грамоты Ивана Грозного, жалованные их предкам при вхождении в состав Российского государства. Строительство крепостей и другие мероприятия Оренбургской экспедиции повстанцы оценивали как одностороннее нарушение правительством собственных грамот, а восстание — отстаиванием условий присоединения Башкирии к России. Эта идея прямо или косвенно присутствовала во многих повстанческих документах. Особенно ярко она выражена в письме восставших Сибирской дороги В. Н. Татищеву от 2 августа 1736 г. В нем выражена твердая решимость башкир до конца отстаивать свои права, вести вооруженную борьбу до тех пор, пока власти не пойдут на уступки¹.

Несмотря на вооруженное выступление 1735—1736 гг., правительство не отказалось от мероприятий Оренбургской экспедиции. Кроме того, оно взяло курс на подавление движения «огнем и мечом», установило более жесткие условия прощения за участие в восстании. Все это привело к еще большему обострению отношений повстанцев с властями. Восставшие в своих челобитных стали добиваться от властей не только отзыва Экспедиции, но и отмены карательных операций. Власти отказались пойти на какие-либо уступки. В этой обстановке башкиры направили своих посланцев к казахам.

Единственной целью переговоров повстанцев с казахами являлось получение военной поддержки. Казахские ханы и султаны, правда, пытались подчинить башкир своей власти, используя их тяжелое положение. Одни султаны требовали, чтобы башкиры признали их власть и семьями перешли жить в их владения, другие же хотели навязать башкирам в качестве правителей своих родственников. Однако эти притязания были отвергнуты большинством башкирских повстанцев, несмотря на склон-

ность отдельных групп феодалов, возможно, по тактическим соображениям, принять условия казахов. Следовательно, подобные связи башкир с казахами нельзя квалифицировать, как это делают отдельные историки, как стремление повстанцев отделиться от русского подданства и перейти под власть казахских ханов, и утверждать, что восставшие имели программу отделения от России². Казахская поддержка нужна была повстанцам для того, чтобы заставить правительство пойти на уступки.

Восставшие боролись против феодального государства, его мероприятий, русского дворянства, воевод и приказной администрации, а также против собственных эксплуататоров — башкирских, мишарских и татарских феодалов. Восстание не было направлено против русского народа, нет никаких оснований рассматривать его как движение за отрыв Башкирии от России. Оно явилось вооруженным протестом трудовых масс края против усиления феодального и национального гнета.

Царское правительство подавило восстание с исключительной жесткостью. Тем не менее борьба и жертвы были не напрасны. Башкирские массы своей героической борьбой вынудили царизм отказаться от планов обложения их подушной податью и лишения вотчинных прав на землю.

§ 3. Восстание тептярей и бобылей в 1747 г.

Налоговая политика царизма, направленная на унификацию и повышение размера государственных повинностей, введение в стране подушной подати привели во второй четверти XVIII в. к ухудшению правового и экономического положения трудовых масс. Одновременно

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 503—504.

² Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1740 гг. С. 141—142; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 171.

правительство принимало все более суровые меры против бегства крестьян в Башкирию, Сибирь и другие районы страны. В начале 20-х годов были сделаны попытки положить в подушный оклад все тептяро-бобыльское население Башкирии. Но недовольство этими изменениями среди пришлого населения нарастало, а затем башкирское восстание 1735—1740 гг. вынудили правительство отсрочить введение нового налога¹. Вновь к этому вопросу оно вернулось в середине 40-х годов.

21 июня 1745 г. Сенат предложил Оренбургскому губернатору иметь «расказание... о положении тептярей и бобылей в подушной оклад, или в такой платеж, который бы был не меньше подушного, чтобы тем иноверские побег из других уездов в Башкирию вовсе пресечь»². Местная администрация высказалась за введение подушного обложения тептярей и бобылей, несмотря на то, что последние с трудом несли и прежние подати, о чем свидетельствовало накопление недоимок в сумме 33 765 руб. Оренбургский губернатор рекомендовал обложить тептярей и бобылей податью в размере 80 коп. с души мужского пола и сохранить прежнюю трудовую повинность — ежегодно на летнее время наряжать в Оренбург и другие крепости на строительные работы по 700 человек. Относительно мишарей было предложено, чтоб их «в такой ясак положить, какой башкирцы платят, что им ни тягости, ни обиды быть не может, то есть по 25 коп. з двора». Все эти предложения оренбургской администрации были утверждены Сенатом 22 мая 1747 г.³

Принятое решение вызвало резкое недовольство среди населения, ибо подати с тептярей и бобылей увеличивались в несколько раз, а мишари были обложены налогом, который они раньше не платили. Среди недовольных началось брожение.

Тептяри и бобыли отказывались платить подушную подать, ссылаясь на то, что она наложена на них местной администрацией без ведома правительства. В ряде мест тептяри и бобыли перешли к активным действиям. В середине июля

1747 г. в дер. Мелегес Сибирской дороги, где собрались представители окрестных татарских, чувашских и марийских деревень, приехал из Уфы вахмистр Моисеев и объявил указ о введении подушной подати. Собравшиеся заявили об отказе платить по новому окладу, напали на представителей местной власти, избили их плетьюми и посадили под караул. Среди арестованных были сотник Бахметов, писарь Ембердин, казак Порошин, старшина Сююш Абзяков. Вахмистра Моисеева выгнали из деревни и предупредили, что если он вновь явится к ним с требованием подушной подати, то они его убьют⁴. 18 июля восставшие составили челобитную на имя исполняющего обязанности уфимского воеводы полковника Люткина, в которой еще раз выразили свой отказ платить новый налог и просили паспорт для поездки в Петербург с жалобой. В этом выступлении, наряду с населением дер. Мелегес, участвовали жители деревень Нимислярово, Бедеево, Обдеево, Шиды, Енасеево, Байгильдино и Укарлино. Наибольшую активность в описанных событиях проявили татары Исмагил Исхаков, Мурза Карабашев, мари Кинзетбай Ильбарисов, Имперт Телебаев, чуваш Черетбай Катикеев⁵.

Примерно в это же время состоялось выступление тептярей и бобылей Осинской дороги. Около 300 татар и мари из деревень Алтынбаево, Казово, Сухоязы, Тазларово, Тагаево во главе с мари Нуркой Борисовым собрались в дер. Тагаево и единодушно высказались за отказ платить новый налог. Они решили созвать съезд представителей всего тептяро-бобыльского населения края на р. Чесноковке под Уфой, там, где устраивались

¹ ПСЗ. Т. 7. № 4535; Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 422—423.

² Рычков П. И. История Оренбургская. С. 84.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 432.

⁴ Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 426—427.

⁵ Там же. С. 429; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 187—188.

все башкирские съезды, чтобы сообща добиваться отмены подушной подати. В Уфу были посланы выборные с тем, чтобы потребовать у воеводы паспорт для «поездки в столицу». В некоторых деревнях Осинской дороги восставшие расправлялись с представителями местной администрации. Уфимский дворянин Пекарский, посланный туда для наблюдения за сбором подушной подати, доносил, что тептяри и бобыли из команды старшины Кильмета Иделева избили сотника Айгильду, заявляя при этом, что они не хотят платить новый налог. Жители Осинской дороги установили связи с тептярами и бобылями Сибирской дороги. В частности, их представители приезжали в дер. Мелегес и агитировали местное население послать своих представителей на съезд на р. Чесноковку¹.

В августе волнения продолжались. Брожение охватило значительную часть тептяро-бобыльского населения. Правда, большинство их открыто еще не выступало, но под разными предлогами отказывалось платить подушную подать. Так, решительным отказом ответили тептяри и бобыли Сибирской дороги на все попытки уфимского переводчика Шафея Яныдырова разъяснить им новое положение. «Ты-де нас разговорами обманываешь, — повторяли они, — мы-де ничего не боимся и, не боясь противимся... и возьми-де ты привезенный с тобой указ обратно и поезжай, как приехал, не зван, с честью, а ежели-де более станешь разговаривать, то-де поедешь от нас весьма нечестно»².

Постепенно к народному движению стали примыкать отдельные группы мишарей. Мишари команды Сулеймана Деваева с Осинской дороги «учинили сборище и оказались противными» распоряжениям властей о введении ясачного сбора. Мишар Осинской дороги Абдул Люсюеллеев распространял слухи о том, что кроме ясака с каждой «дороги» будут взяты «по 1000 лошадей, по 80 молодых людей, по 80 девок», а также провиант — крупой и солью. По его инициативе у местного сотника были отняты собранные им ясачные деньги и возвращены населению³.

Весть о волнениях среди тептярей и бобылей серьезно встревожила губернскую и провинциальную администрацию. К тому же она опасалась, как бы начавшееся волнение не поддержали башкиры. Был разработан план экстренных мероприятий по подавлению волнений. В Башкирию был срочно направлен майор Кублицкий с отрядом в 550 чел. А вслед за ним оренбургский губернатор И. И. Неплюев отправил из Оренбурга в Уфу генерал-майора Штокмана во главе войска, насчитывавшего 1750 человек. В случае необходимости губернатор намеревался выслать на помощь Штокману 1500 яицких казаков и регулярный драгунский полк. Одновременно подполковнику Бахметову было приказано сконцентрировать в Уйской и Уклы-Карагайской крепостях драгунский полк и мишарские команды и держать их в боевой готовности. Неплюев обратился к тептяро-бобыльскому населению с призывом сохранять спокойствие. Опытные чиновники Оренбургской губернской канцелярии были направлены в Уфу, Осу и Челябинск в качестве советников. На борьбу с восставшими крестьянами выступили отряды верных правительству мишарских и башкирских старшин. Уфимский воевода через своих доверенных лиц выяснял настроение башкир, нет ли у них «согласия с теми тептярями и бобылями»⁴.

Тептяри и бобыли Сибирской дороги вели себя довольно пассивно, заняв выжидательную позицию. И с приближением войск к охваченным восстанием районам властям удалось добиться подчинения тептяро-бобыльского населения правительственным распоряжениям о новых налогах.

Против тептярей, бобылей и мишарей Осинской и Казанской дорог из Уфы

¹ Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 427—431.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 189.

³ Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 432.

⁴ Там же. С. 428—433; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 190.

был направлен отряд майора Кублицкого. Когда он прибыл в г. Бирск, то мишари и часть татар, чувашей и мари согласились платить новые налоги. Но погорились не все недовольные. Около 400 вооруженных повстанцев вступили в сражение с правительственным отрядом. Несмотря на упорство, восставшие потерпели поражение. В ходе сражения было убито и утонуло в р. Танып 70 человек, 100 человек попали в руки солдат.

Значительное количество воинских частей, направленных губернскими властями против восставших, парализовало силы последних, не успевших еще сколько-нибудь соорганизоваться, и привело к прекращению народного движения. Власти жестоко расправились с восставшими. Организаторы сопротивления татарин Муртаза Нурмешов, мари Нурка Борисов, удмурты Сабан Ураев и Сенька Семенов, мишар Абдул Люсюеллеев были «нещадно» биты кнутом и сосланы на пожизненную каторгу в Рогервик. Многих захваченных в плен отправили на каторжные работы, других после физического наказания отдали старшинам на поруки¹.

Восстание 1747 г. явилось протестом трудовых масс татар, мари, чувашей, удмуртов и части мишарей не только против усиления гнета со стороны феодального государства, но и против своих притеснителей, эксплуататоров из числа феодализирующейся верхушки местного общества. Оно было типичным антифеодальным выступлением, в котором проявились такие слабые стороны крестьянских движений, как неорганизованность, стихийность, локальность. Недовольные ростом феодальной эксплуатации тептяри и бобыли выбрали довольно пассивные формы протеста. Их сопротивление ограничилось, в основном, отказом платить новые налоги и намерениями жаловаться верховной власти на произвол местных администраторов.

Быстрому поражению волнения тептярей, бобылей и мишарей способствовало и то, что оно не было поддержано башкирами. Последние не взяли в руки оружие прежде всего потому, что указ

о налогах их не коснулся. К тому же, башкирский народ еще не оправился от удара, нанесенного ему царизмом в ходе подавления восстания 1735—1740 гг. Определенное безразличие башкир к волнению 1747 г. объясняется в известной мере и отрицательной позицией, занятой частью тептярей и бобылей по отношению к башкирскому восстанию 30-х годов. Все это показывает, что царизм не только провозгласил политику «разделяй и властвуй». Она была реальной силой и серьезно мешала взаимопониманию трудовых масс различных народов края.

§ 4. Восстание в Башкортостане в 1755—1756 гг.

Причины восстания. Восстания 1735—1740 гг. и 1747 г. не изменили курса политики царского правительства в отношении Башкирии, начатого организацией Оренбургской экспедиции и принятием указа от 11 февраля 1736 г. Продолжалось массовое изъятие башкирских земель под крепости и заводы. Только в 1742—1745 гг. было возведено 18 крепостей и множество форпостов и редутов между ними, в том числе третий Оренбург, большие и мелкие крепости по Уралу, Самаре, Ую, Миассу и другим рекам.

В 40-х гг. возобновилось прерванное восстанием строительство заводов. К середине 50-х гг. на территории Башкирии было возведено 20 новых заводов, из них девять (Авзяно-Петровские, Архангельский, Богоявленский, Вознесенский, Каноникольский, Покровский, Преображенский) — на землях башкир Ногайской дороги.

Если исходить из минимальных норм земельных отводов каждой крепости (10—12 верст в окружности), то лишь укрепления, появившиеся при И. И. Неплюеве, заняли от 560 до 810 тыс. дес. уго-

¹ Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 428—433; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 190.

дий. Еще больше земли ушло под заводские хозяйства. По указу Бергколлегии от 13 марта 1744 г. каждый завод мог претендовать на земельные угодья по 50 верст в окружности¹. Заводчики, часто обходя законы и прибегая к подкупу и мошенничеству, за бесценок арендовали или покупали у башкир волостные земли. Так, Нязе-Петровский завод купил у жителей Катайской вол. Сибирской дороги 70 тыс. дес. за 30 руб., т. е. по 0,3 коп. за десятину². Всего под 20 новых заводов отошло около 2,5 млн. дес. земельных угодий башкир.

При поддержке властей развертывается дворянская и массовая крестьянская колонизация края, что также привело к скупке иногда за бесценок части башкирских земель.

В условиях, когда основным занятием башкир продолжало оставаться полукочевое скотоводство, изъятие таких огромных площадей нанесло чувствительный урон башкирскому хозяйству и благосостоянию народа. Вот почему возведение крепостей и заводов вызывало сильнейшее недовольство башкир. И не случайно, именно население Ногайской дороги, где в 40—50-е годы было построено большинство крепостей и заводов, выступило инициатором и основной силой начавшегося в 1755 г. движения.

Исключительно обременительными были феодальные повинности. Башкир по-прежнему привлекали на строительство Оренбурга и крепостей. Отягчалась военная служба. В 1746 г. переводчик Уфимской провинциальной канцелярии К. Ураков писал: «Ныне называемая оренбургская линия от Яицкого городка до Сибири, содержана была ими башкирцами, и до разорения внутрь соседних неприятелей, киргизцов, калмык не допускали»³. В 40-х годах завершилось строительство Уйской линии, протянувшейся от Верхнеяицкой крепости до Звериноголовской на 770 верст, а в 1752 г. были выстроены 9 крепостей и 53 редута Ново-Ишимской линии, соединившей Уйскую линию со строящейся Иртышской линией. Несение службы на них ложилось дополнительной повинностью на башкир и мишарей. Только

на Ново-Ишимской линии вместе с регулярными войсками и казаками служили 2518 башкир⁴.

Вводились новые повинности. В 1735 г. было установлено регулярное почтовое сообщение между Уфой и центром страны, а в 1752 г. между Оренбургом и Казанью. Кроме того, Уфа и Оренбург были связаны системой почтовых станов со всеми крупными крепостями губернии. Содержание почтовых станов с 1751 г. возлагалось на башкир. Эта служба оказалась гораздо тяжелее по сравнению с прежней подводной гоньбой. Генерал-майор А. И. Тевкелев в 1756 г. писал, что почтовые станы «по всей де Башкирии... приходят им башкирцам, в великий кошт, понеже-де один тракт, состоящий от Оренбурга к Зелаирской крепости», обходится до 5 тысяч руб. в год⁵.

Тептяро-бобыльское население несло тяжелую трудовую повинность. Мишари, тептяри и бобыли не хотели примириться с налоговым обложением, утвержденным в 1747 году.

Правительство осуществило в Башкирии налоговую реформу. Указом Сената от 16 марта 1754 г. ясак с башкир, мишарей и служилых татар Оренбургской губернии был снят. Их обязали покупать соль из казны по 35 коп. за пуд, запретив бесплатно пользоваться солью из местных источников, как они делали до сих пор⁶. Решение правительства вызвало взрыв возмущения населения, так как покупка соли обходилась почти в 6 раз дороже, чем уплата ясака⁷. К тому же соляные месторождения, которые башкиры считали своей собственностью,

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 145—147.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 209.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 553.

⁴ История Казахской ССР. Т. 3. Алма-Ата, 1979. С. 48.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 439—440.

⁶ ПСЗ. Т. 14. № 10198.

⁷ Там же. № 10097, 10198.

в связи с введением казенной монополии на соль отошли в распоряжение государства. Не менее важным было и то, что для башкир ясак служил гарантией их вотчинных прав на землю, а его отмену они восприняли как ликвидацию своих владельческих прав.

Недовольство подогревалось и слухами о предстоящем переводе нерусского населения Башкирии в подушный оклад и введении рекрутской повинности.

Правительство и церковники вели активную политику христианизации нерусского населения края. Правда, в Башкирии в отличие от Среднего Поволжья мечети не были разрушены, но население не могло не тревожить то, что мечети оставались лишь «впредь до указа». Губернатору и воеводам вменялось в обязанность строго следить за тем, чтобы новокрещенные не отпадали обратно в свою веру, а самим новокрещеным за возвращение к прежней религии грозила смертная казнь¹. В 1738 г. в Екатеринбурге по приказу В. Н. Татищева в присутствии новокрещенных башкир за обратный переход в мусульманство был заживо сожжен захваченный в плен повстанец башкир Айлинской волости Сибирской дороги Тойгильда Жуляков². В 1740 г. за подобную «вину» был казнен новокрещенный казак Табынской крепости Роман Исаев³. Эти изуверские поступки быстро становились известными населению края, создавали настроение недовольства и неуверенности. Царская администрация держала под своим контролем деятельность мусульманского духовенства. Ахуны и муллы были ответственны за соблюдение закона о запрете строить новые мечети и школы⁴.

Представители местной администрации безудержно злоупотребляли своей властью. Не в меньшей степени трудовые массы нерусского населения края страдали от своеволия башкирских, мишарских и татарских старшин, сотников, писарей. Картина разнузданного произвола и насилия в Башкирии ярко обрисована в письме муллы Батырши к императрице Елизавете Петровне, написанном 4 ноября 1755 г.: Угнетение «начальников, находящихся в крепостях, — писал он, —

перешло все границы, народ отчаялся в том, чтобы ездить в крепости за судебным решением и правосудием... Например, во времена 2-х князей, пребывавших в качестве начальников в Уфе и Челябинске, истцы и обвиняемые, ездившие к ним, кончали дела: некоторые — за 10, некоторые — за 30, а некоторые — за 50 рублей. Дела, которые можно закончить в один день, они с целью обогатиться затягивали на месяц, а дела, которые можно кончить в месяц — на год. Также и некоторые волостные старшины, совершая безграничные злодеяния, ели народное добро*, пьянствовали, рубили людей шашкой, отрубали [им] руки и чинили подобные этому неисчислимые жестокости. Однако люди власти, когда [от них] требовали решения, не обращали правосудия против этих злодеев». Далее в обращении к императрице говорится о притеснениях местных жителей со стороны проезжающих через волости офицеров и чиновников. Подчеркивая безысходность положения трудовых масс края, автор писал: «Во всех краях и участках злодеяния перешли все границы. У несчастного населения не осталось возможности добиться справедливого суда, [на который] можно было бы положиться и [которому] можно было бы доверять»⁵.

Все это вызывало острое недовольство масс башкир, мишарей, татар и других народов края. Наряду с рядовыми общинниками была встревожена и часть феодально-патриархальной верхушки и мусульманского духовенства. Духовенство особенно сильно задевало вмешательство местной администрации в религиозные дела, запрещение строить ме-

¹ ПСЗ. Т. 11. № 8664; Т. 12. № 8875.

² Чупин Н. К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. // Русская старина. 1878. № 10. Т. 23. С. 309—313.

³ ПСЗ. Т. 11. № 8125.

⁴ ПСЗ. Т. 9. № 6890.

* Выражение, означающее: с народа брали взятки.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Л., 1940. Т. II. Корректурa сборника документов. — НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 19.

чети, христианизация и другие притеснения.

Ход восстания. Весной 1754 г. башкиры стали готовиться к восстанию. Его инициаторами выступили рядовые башкиры-общинники Бурзянской волости Ногайской дороги. Их поддержало население южных волостей дороги. Были установлены связи с жителями Сибирской и Осинской дорог. Собирались включиться в борьбу рядовые мишари и татары края. Бурзянцы обратились за помощью к казакам Среднего жуза и получили обещание поддержать их. По отдельным сведениям можно предположить, что были установлены связи и с казанскими татарами¹.

Слухи о готовящемся восстании распространились по всей Башкирии. Они взбудоражили и часть мусульманского духовенства во главе с муллой Абдуллой Алеевым и его учениками. Абдулла Алеев (Губайдулла Галиев), по прозвищу Батырша, происходил из мишарей д. Карыш Сибирской дороги, был известен как один из образованных и уважаемых мулл Башкирии. Он много ездил по краю по религиозным делам и хорошо знал положение населения, его недовольство политикой правительства и притеснениями со стороны местных богачей.

В марте 1755 г. Батырша получил известие о решении башкир Ногайской дороги выступить в конце мая². При подготовке к выступлению башкиры-ногайцы решили, видимо, использовать известность Батырши с целью расширения рядов своих сторонников, за счет жителей северо-западной части Башкирии. Ободренный этим Батырша написал воззвание к мусульманскому населению края. В нем указывалось на тяжелое положение трудовых масс нерусского населения, разоблачалась политика царизма, эксплуатация и произвол местной феодально-патриархальной верхушки. Автор подчеркивал, что основной целью правительственной политики в крае является христианизация, руссификация и ассимиляция мусульман и призывал их к борьбе против самодержавия. Выражаясь словами воззвания, Батырша зовет население на священную

войну против неверных — русских. Но под неверными здесь подразумеваются русские должностные лица, помещики и прочие колонизаторы. Батырша отрицательно относится и к верным правительству местным старшинам. Он призывает нерусское население выступить против угнетателей, за уничтожение в Башкирии инонациональной власти. Воззвание Батырши является идеологическим обоснованием и программой национально-освободительного восстания в крае. В нем был определен и срок начала выступления — 3 июля 1755 г.³

15 мая 1755 г. жители Бурзянской волости во главе с рядовыми башкирами Джиланом Иткулом и Худайбердой расправились с начальником горно-испытательской партии Брагиным и его помощниками. Незадолго до этого Брагин был направлен из Петербурга в южные волости Ногайской дороги «для отыскания и разработки цветных камней». За короткий срок пребывания в Башкирии своими злоупотреблениями, грабежом и насилиями он успел вызвать ненависть башкир. 18 мая восставшие разорили Сапсаульскую ямскую станцию Исетского тракта. Одновременно они нападали на проезжавших чиновников и воинские команды. Узнав о начале восстания, прекратили обслуживание почтовых станций Исетского тракта башкиры, исполнявшие подводную повинность. Весь тракт, ведущий из Оренбурга в Челябинск, практически перестал функционировать.

Но восстание не получило дальнейшего развития. Старшинская верхушка, испугавшись размаха народного движения, выступила за прекращение борьбы. В этой обстановке наиболее активные повстанцы, опасаясь репрессий властей, ушли с семьями в казахские степи.

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 204, 247, 256; Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 32, 35; Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. С. 69, 70.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51 а. Л. 34.

³ Там же. Д. 52 а. Л. 13—19.

Губернская администрация приняла срочные меры по подавлению восстания. 22 мая в Бурзянскую волость прибыла карательная команда во главе с подполковником Исаковым. Несколько позднее туда же были направлены 1300 солдат и казаков во главе с оренбургским комендантом бригадиром Бахметевым¹. В помощь им были мобилизованы «верные» башкирские старшины со своими командами. Исакову стали помогать и те башкирские старшины, которые знали о готовившемся восстании и обещали участвовать в нем. Среди них были отряды старшины Усерганской волости Кувата Кинзегулова, башкирских феодалов Тамьянской волости Баима Тархана и Махмута Зиянгулова.

Карательные команды последовательно исполняли предписание губернатора «для показания злодеям чувства, а другим иноверцам страху... в жилищах их корень их находить и искоренять, не жалея ничего, что бы от них не осталось, а которые тому воровскому збирищу другие подозрительны явятся, тех, забирая, под крепким караулом скованных сюда [в Оренбург] присылать»². Репрессии приняли массовый характер. Жители Бурзянской волости укрывались в соседних волостях или бежали к казакам.

Власти решили закрепить свой успех. С этой целью в центре Бурзянской волости была основана Зилаирская крепость. Вместо арестованных башкирских старшин и сотников на эти должности назначались верные правительству мишари.

Мероприятия местной администрации вызывали возмущение башкир. Несмотря на неудачное начало восстания, они намеревались продолжать борьбу. Бурзянцы, укрывшиеся у казахов, переходили р. Яик и совершали нападения на царские команды. Оставшиеся в Башкирии сторонники восстания вели агитацию среди жителей соседних волостей.

В начале августа башкиры Бурзянской волости возобновили вооруженную борьбу. Они расправились с вновь назначенными старшиной Абдуллой Вагапом и его помощниками. 9 августа вос-

ставшие напали на Вознесенский медеплавильный завод, отогнали часть заводских лошадей, в ряде мест подожгли леса, принадлежавшие заводчикам. Бурзянцев поддержали жители Тангаурской, Усерганской, Бушман-Кипчакской, Чанким-Кипчакской, Сувун-Кипчакской, Карагай-Кипчакской, Гирей-Кипчакской, Тамьянской и Катайской волостей. Повстанцы нападали на почтовые станции, действовавшие и строящиеся заводы, на правительственные команды и крепости, сжигали дрова, заготовленные для заводов³.

В тот же день башкиры окружили Преображенский медеплавильный завод, убили и ранили в ходе перестрелки около 50 человек, сожгли заводские дрова и уголь. Активно действовали повстанческие отряды башкир Бушман-Кипчакской, Чанким-Кипчакской и Сувун-Кипчакской волостей. 12 августа они подошли к Вознесенскому заводу и захватили табун заводских лошадей, а через несколько дней разорили Ташлинский рудник. 15 августа повстанческий отряд под предводительством Кучукбая сжег Покровский завод. 18 августа в 30 верстах от Зилаирской крепости отряд Кучукбая окружил и истребил шедшую на Авзяно-Петровский завод команду капитана Шкапского в составе роты драгун и 50 казаков. Сами восставшие потеряли в сражении 40 человек, среди них был и Кучукбай. Гибель одного из предводителей повстанцев была большим ударом для восстания в районе⁴.

В это время начинается массовый уход населения восставших волостей за Яик, к казахам. Повстанцы уходили с семьями и со скотом. Первыми уехали жители Бурзянской волости, «человек

¹ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Вып. V. С. 860; Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С. 71—72.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 196.

³ Там же. С. 196—197.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 74—79, 83, 214—215; Чулошников А. П. Указ. соч. С. 79—84.

с 1000, с женами и детьми и кошами». 11 августа тронулись башкиры Тангаурской волости, затем чанким-кипчаццы, бушман-кипчаццы, сувун-кипчаццы, усерганцы. Бегство в казахские степи продолжалось в течение всей осени 1755 года.

Уход за Яик не означал прекращения восстания. Оставив на новом месте свои семьи и скот, повстанцы возвращались в Башкирию и продолжали борьбу. В начале сентября они вновь напали на Преображенский завод, убили и ранили свыше 20 заводских людей, сожгли заготовленные дрова и уголь, угнали лошадей. В начале октября отряд восставших из 100 человек внезапным нападением пытался захватить Каноникольский завод, но вынужден был отступить. Через несколько дней повстанцы предприняли новую попытку овладеть заводом. В конце октября нападение повторилось¹. В 20-х числах октября восставшие действовали под Вознесенским и Авзяно-Петровским заводами. Не сумев захватить заводы, они нападали на людей, выходивших с заводов, угоняли скот².

Восставшие башкиры расправлялись и с собственными богачами-эксплуататорами, казнили их, разоряли хозяйство. Они долго преследовали «знатного» старшину Шерипа Мрякова, известного своими злодеяниями и вымогательствами. Последнему удалось скрыться за стенами Каноникольского завода.

Активные действия повстанцев в юго-восточной Башкирии продолжались до конца 1755 года. Сохранившиеся источники не дают точных сведений о количестве восставших на Ногайской дороге. По приблизительным данным, в казахских степях пытались найти убежище 50 тыс. башкир-повстанцев. Это число включает в себя и женщин и детей³.

Другой повстанческий район охватывал несколько волостей Осинской и Сибирской дорог. Особую активность проявили башкиры Гайнинской волости Осинской дороги, которые в июне—июле 1755 г. неоднократно давали знать Батырше о своей готовности к выступлению. Когда в августе стало известно о

возобновлении восстания на Ногайской дороге, гайнинцы вновь приехали к Батырше с предложением начать борьбу. Последний направил в Гайнинскую волость нескольких своих учеников. Используя их приезд, башкир деревни Тюнгак Гайнинской волости Чурагул Минлибаев повел открытую агитацию за восстание и сформировал повстанческий отряд из жителей деревень Тюнгак, Барды, Султанаево, Сарашево, Аклушево, Башапово. Одновременно поднялись башкиры дер. Кызыл Яр, возглавляемые рядовыми общинниками Акбашем Андрушевым и Мустаем Теребердиным. Они убили своего старшину Абдука Козагулова. 27 августа в Кызыл Яр с отрядом прибыл Чурагул Минлибаев. Он намеревался объединиться с местными повстанцами и идти к Батырше Алееву, чтобы поднять восстание на Осинской и Сибирской дорогах.

Несмотря на неудачу, повстанческий отряд башкир Гайнинской волости направился в дер. Карыш Сибирской дороги к Батырше Алееву. Они прибыли в Карыш 2 или 3 сентября, но Батыршу там уже не застали. Поиски его в окрестных лесах не дали результатов, и гайнинцы повернули обратно.

В конце августа Батырша находился в Карыше и ожидал прибытия восставших из Гайнинской волости. Но на рассвете 1 сентября он, забрав семью и учеников, ушел в лес. Жители Карыша и окрестных аулов были готовы восстать по первому его призыву, и когда Батырша направлялся в лес, к нему подошли около 150 вооруженных людей. Они ждали указаний Батырши. Однако последний не решился на открытое выступление, и стихийно сформировавшийся было отряд распался⁴.

Между тем обстановка в этом районе благоприятствовала восстанию. Широ-

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 113. 116.

² Там же. Л. 135—136.

³ Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. V. С. 872.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 238—246; Чулошников А. П. Указ. соч. С. 84—88.

кие массы башкир, мишарей и татар были готовы подняться на борьбу. Край был свободен от правительственных войск, так как все воинские силы губернии были стянуты к юго-восточной части Башкирии. Туда же направлялись команды верных властям башкир и мишарей. Но стихийная вспышка не переросла в крупное движение.

Постигшая сторонников выступления неудача объясняется рядом причин. Значительная часть феодалов — старшины и богатое мусульманское духовенство — была настроена против восстания. Не было должного единства между повстанцами башкирами, мишарями и татарами. Не последнюю роль сыграли колебание и нерешительность Батырши и его помощников, их боязнь народного движения.

Таким образом, в 1755 г. борьба народных масс Башкирии вылилась в три вспышки активного протеста, одновременных и не связанных между собой. Восставшие направили свой гнев против местной администрации, отдельных представителей старшинской верхушки, а также против заводов¹.

Весной и летом 1756 г. наблюдались отдельные активные выступления. Небольшие отряды восставших появлялись вблизи крепостей и заводов, нападали на проезжавших купцов, на мастеровых и работных людей горных заводов². Но главные силы повстанцев были направлены против казахов, которые по наущению русского правительства и своих ханов и султанов нанесли им удар в спину.

Поражение восстания. Царское правительство было обеспокоено развертыванием повстанческой борьбы в Башкирии, реальной угрозой вовлечения в восстание народов Среднего Поволжья. В 1755 г. Россия готовилась к войне с Пруссией. В этой обстановке возможность большого восстания на Урале и в Поволжье заставила правительство принять энергичные меры к быстрейшему подавлению народного движения в Башкирии. Деятельным проводником карательной политики царских властей стал оренбургский губернатор И. И. Неплюев.

К началу восстания в губернии было около 25 тыс. солдат, драгун и казаков. В августе 1755 г. Сенат по просьбе Неплюева дополнительно выделил 3 драгунских полка, 3 тыс. донских казаков и 5 тыс. казанских служилых мурз и татар. Осенью карательные части насчитывали свыше 36 тыс. чел.³. В борьбе с восставшими приняли участие отряды верных правительству мишарских и башкирских старшин. Каратели наводнили восставшие волости, изолировав их от остальной Башкирии. Усилена была охрана заводов. Дополнительные воинские отряды были направлены в крепости по Яику, чтобы помешать бегству башкир в казахские степи.

Оренбургские власти террором и репрессиями стремились запугать восставших, добиться их покорности. В августе 1755 г. Неплюев приказал командирам карательных отрядов не отягощать себя «забраением бунтовщиков... ибо де от того лишь людям задолжение и казенной убыток..., чтоб с ними по бунтовщицким их поступкам поступали, яко с злодеями, не щадя их живота, но только оставляя по малому числу для языков»⁴. Это полностью развязало руки командирам карательных частей, которые стали расправляться с башкирами, не разбирая, где участники, а где верные властям. Они брали под караул по малейшему подозрению в связях с восставшими или намерении уйти за Яик.

В результате карательных акций «во всей-де Башкирии все затряслись»⁵. Башкиры, по свидетельству старшины Кувата Кинзегулова, «стали между собою весьма... толковать, не зная, что с собою и делать... Почему все и взволновались положа, чтоб в спасение своего живота итти им в Киргизскую Орду»⁶. Население юго-восточных волостей мас-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 198.

² Чулошников А. П. Указ. соч. С. 98—99. 102—106.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 227.

⁵ Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 396.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 201.

сами покидало места своего жительства, устремлялось в горы и леса, уходило в казахские степи. Десятками и сотнями погибали они в стычках с царскими войсками, особенно при переходе через Яик.

Правительство приняло меры на случай распространения восстания на соседние районы. В Казанской и Сибирской губерниях были приведены в боевую готовность свыше 21 тыс. солдат, драгун и казаков. Часть полков была придвинута к границам с Башкирией¹.

Для успокоения недовольных масс царские власти прибегли к мерам «идеологического» воздействия: 14 августа 1755 г. оренбургский губернатор обратился к башкирам с призывом прекратить восстание, обещая за это прощение². 1 сентября был опубликован правительственный указ к башкирам. От имени императрицы Елизаветы Петровны восставшим было предложено прекратить борьбу и принести повинную, за что оно «...генеральное в том всемиловитвейшее прощение, без всякого за вины их истязания». В противном случае правительство грозило башкирам суровой расправой и лишением вотчинных земель. Рассчитывая внести раскол в ряды повстанцев, власти заявляли о передаче имущества неповинующихся «бунтовщиков» «верным» башкирам³.

В борьбе с восстанием центральные и местные власти особенно широко использовали политику натравливания одного народа на другой. В первые же дни восстания Неплюев обратился к мишарям и татарам со специальным указом, где призывал их выступить против восставших башкир, стремившихся, якобы, обратить это население края «в рабство». Он не остановился даже перед распространением подложных обращений на языке тюрки, составленных им от имени оренбургского ахуна Ибрагима. В них утверждалось, что высшее мусульманское духовенство осуждает восстание и требует от повстанцев принести повинную. Подобные мероприятия не остались без последствий. Мишари, тептяри и бобыли, по словам Неплюева, «с такою ревностью против башкирцев вступили, какой только желать возможно было,

а знатные старшины от себя отправили для сыскания возмутителей людей, которые их и в лицо знали»⁴. Даже с учетом известной доли преувеличения губернатором успехов своей деятельности, нельзя не признать, что многие мишари и татары, склонявшиеся накануне к поддержке восстания, стали орудием в руках властей.

Политика натравливания народов друг на друга нашла свое выражение и в принятии мер в интересах казанских татар. 26 сентября 1755 г. был опубликован указ императрицы, адресованный служилым и ясачным мурзам и татарам, в котором их призывали сохранять спокойствие и выдавать властям «согласников башкир». Направляемым против восставших башкир татарам было обещано жалованье за 2 месяца вперед по норме донских казаков, а также захваченное у «бунтовщиков» имущество и пленные: «что во время их поиска над ворами башкирцами добыч из их башкирского имения, також и взято в плен малолетние и женской пол им... мурзам и татарам в пользу оставляется»⁵.

Одновременно правительство заявило о существенных уступках мусульманскому населению Казанской губернии. Сенат удовлетворил давнюю челобитную служилых мурз и татар о возвращении их в ведение Казанской адмиралтейской канторы. С мусульманского населения была снята недоимка подушного налога за прошлые годы в сумме 250 тыс. руб., начисленного на него за новокрещенных. Татар-мусульман освободили от дополнительной поставки рекрут. Было прекращено также насильственное переселение некрещеных татар из их деревень при появлении в них новокрещенных дворов. Слишком рьяно проводившие политику христианизации казанский

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51 а. Л. 115—116.

² Сенатский архив. СПб., 1901. Т. IX. С. 411.

³ Там же.

⁴ Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893. С. 152, 154.

⁵ ПСЗ. Т. 14. № 10469; Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 5. С. 869.

архиепископ Лука Конашевич и тобольский митрополит Сильвестр Гловацкий были переведены в другие районы. Сенатским указом от 23 августа 1756 г. муртамане Казанской, Нижегородской, Сибирской губерний получили разрешение строить мечети¹. Эти мероприятия позволяли властям не только сохранить спокойствие в Среднем Поволжье, но и использовать казанских татар в подавлении восстания в Башкирии.

Наиболее широко политику «разделяй и властвуй» царское правительство применяло в отношениях между башкирами и казахами. Как отмечалось, на плане своего выступления башкиры установили связи с казахами, обещавшими поддержать восстание. После майского выступления часть повстанцев Бурзянской волости, спасаясь от карателей, укрылась у казахов младшего жуза. В августе в связи с усилением репрессий царских карателей, началось массовое бегство восставших и членов их семей в казахские степи. Казахи не только не предоставили убежище восставшим, но и участвовали в совместных рейдах на территорию Башкирии.

Чтобы окончательно пресечь народное движение в Башкирии, оренбургский губернатор с согласия правительства решил расстроить наметившийся союз башкир с казахами. Он предложил казахским хану и феодалам ограбить башкирских повстанцев, отобрать у них все имущество и скот, а самих выдать карателям. При этом власти не скупилась на подкуп и обещания. Сенат направил к казахам специальную делегацию во главе с генерал-майором А. И. Тевкелевым. Ей было выделено 10 тыс. руб. для подарков хану, султанам и другим феодалам. Чтобы склонить рядовых казахов к измене, им обещали по кафтану за каждого выданного башкира². Хан Младшего жуза Нуралы и его приближенные первыми приступили к выполнению «рекомендаций» Неплюева.

По получении сведений о том, что некоторые казахские роды продолжают поддерживать башкирских повстанцев и укрывают их, Нуралы организовал военный поход и силой увел находив-

шихся там башкир. Его примеру последовали султаны Среднего жуза. Казахские феодалы грабили башкир, отбирая у них скот и имущество. Часть башкир они продали на невольничьих рынках Средней Азии.

Казахам разрешено было оставлять себе жен и детей башкир, а мужчин казахи выгоняли к Яику. Неплюев, «желая же еще более вражду между сими народами вкоренить», отдал приказ пропускать башкир через границу домой, предвидя, что они не успокоятся и собравшись с силами пойдут против казахов, чтобы вернуть свои семьи³. Расчет оказался верным.

В создавшейся ситуации башкирские повстанцы вынуждены были думать не о продолжении восстания, а об освобождении своих родственников, жен и детей, а также захваченного скота и имущества. С начала 1756 г. нападения башкир на казахов приобрели широкий размах. Столкновения сопровождались многочисленными жертвами с обеих сторон. Провокационная политика царизма принесла свои плоды: вчерашние союзники превратились во врагов. «Сие происшествие, — цинично констатировал Неплюев, — положило таковую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»⁴.

Общее успокоение в Башкирии наступило летом 1756 г. Но поимка и наказание восставших начались уже осенью 1755 г. Официально не было вынесено ни одного смертного приговора. Но это мало что меняло, обещания властей о прощении восставших остались на бумаге. Множество повстанцев было убито в стычках с карательными командами, столкновениях с казахами, погибло под

¹ ПСЗ. Т. 14. № 10597; Сенатский архив. Т. IX. С. 438—441; Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 5. С. 868—870; Чулошников А. П. Указ. соч. С. 88—91.

² Чулошников А. П. Указ. соч. С. 96; На УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51. Л. 167, 170, 171.

³ Записки Ивана Ивановича Неплюева. С. 159—161; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 201.

⁴ Там же.

пытками в застенках Оренбурга, Уфы и других крепостей. Немало повстанцев и членов их семей затерялось в казахских степях. Часть участников восстания была отдана в солдаты и матросы, а негодные к службе отправлены на каторжные работы в Рогервик. Наказаниям подверглись также жены, дети и родственники повстанцев¹.

8 августа 1756 г. в дер. Азяк Осинской дороги мишарским старшиной Сулейманом Деваевым был пойман Батырша. Под усиленным конвоем его доставили в Оренбург, а оттуда в Петербург. В декабре 1758 г. был вынесен приговор по его делу. Батырша был жестоко избит кнутом и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Находясь в тюрьме, Батырша написал подробное письмо-показание на имя императрицы, в котором пытался объяснить обстановку, приведшую к восстанию. По его словам, недовольство населения было вызвано прежде всего активизацией политики христианизации, ущемлением мусульманской религии и духовенства. В письме показано и тяжелое положение трудовых масс нерусских народов накануне восстания. 24 июля 1762 г. Батырша, видимо, предпринял попытку бежать из крепости. Он убил четырех охранников, но и сам был найден убитым².

Основными причинами поражения восстания были стихийность, локальность действий, слабая организованность повстанцев, отсутствие ясных целей борьбы. Немаловажную роль сыграло предательство старшин, отошедших от восстания или даже перебежавших в стан карателей, непоследовательность и колебания мусульманского духовенства.

Восстание 1755—1756 гг. явилось ответом народных масс на расхищение башкирских земель, новую налоговую политику правительства, различные притеснения со стороны царских властей и собственных богачей. Восставшие поддержали призыв Батырши к освободительной войне против самодержавия. Батырша является идеологом национально-освободительного восстания, хо-

тя ему не удалось возглавить борьбу, стать вождем движения.

Отряды восставших нападали на карательные команды, осаждали крепости и заводы, расправлялись с дворянами, представителями местной администрации, своими старшинами. Вместе с тем были случаи нападения на русских заводских людей. Не понимая их феодально-зависимое положение, башкиры переносили на них свою ненависть к заводам и заводчикам, от которых терпели много обид и притеснений. В отличие от предыдущих движений восставшие в широком масштабе прибегали к такой пассивной форме протеста, как массовый уход в казахские степи.

Власти жестоко расправлялись с повстанцами, тысячи башкир были арестованы и осуждены. В то же время правительство не хотело раздражать дошедших до отчаяния башкир и заявило об отмене наказания всем добровольно возвращающимся из Казахстана. Сроки возвращения башкир на родину продлевались в течение 10 лет³.

Борьба народных масс заставила правительство пойти на ряд уступок. Было восстановлено право башкир обращаться с прошениями непосредственно к царям. В редконаселенных районах юго-востока Башкирии были упразднены почтовые станы, на тяжесть содержания которых жаловались коренные жители. Башкиры и мишари были освобождены от перевозки казенного леса в Оренбург. Власти обещали упорядочить управление башкирами, покончить с самовольными захватами их земель. В сентябре 1759 г. Сенат в ответ на челобитную представителей башкир определил: «...впредь оному башкирскому народу отнюдь никому никаких обид и разорений не чинить, и в угодьях их насильством не селиться, и от того всего их, башкирцов, не токмо защищать, но притом показывать им и

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 202—212; Чулошников А. П. Указ. соч. С. 106—108.

² Там же. Л. 315—316.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 202.

всякую благосклонность и надлежащее по указом охранение¹. Кроме того, как уже говорилось, восстание в Башкирии заставило правительство отказаться от насильственной христианизации в Поволжье и пойти на ряд мер, облегчающих положение татар-мусульман.

Выступления народных масс в

30—50-х гг. XVIII в. были важными событиями в истории антифеодальной, национально-освободительной борьбы башкирского и других народов края.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 26, 439—443.

§ 1. Административные преобразования. Дальнейшее заселение края.

Реформы управления и суда. В 1744 г. на территории Башкирии была образована Оренбургская губерния в составе Оренбургской, Уфимской и Исетской провинций¹. Уфимская провинция включала территорию бывшего Уфимского уезда. Здесь находились города Уфа, Бирск и Мензелинск. К Оренбургской провинции были приписаны Сергиевский уезд, г. Оренбург, крепости, редуты и другие пункты, попадавшие в зону пограничных укрепленных линий. Она окаймляла широкой полосой Уфимскую провинцию с юго-запада и юго-востока. Зауральская Башкирия вошла в состав Исетской провинции.

Губернией управлял губернатор, который размещался в г. Оренбурге. Первым оренбургским губернатором был назначен И. И. Неплюев. Он и его преемники пользовались широкой военной и гражданской властью. В ведении губернатора находились расквартированные на территории губернии войска, он координировал действия губернских и провинциальных учреждений, распоряжался денежными поступлениями. Свои функции губернатор осуществлял с помощью губернской канцелярии, которая объединяла полицейскую, судебную, финансовую, вотчинную и другие службы.

Во главе провинций находились воеводы с подчиненными им провинциальными канцеляриями. В городах края

действовали магистраты, выполнявшие преимущественно судебные функции, а также полицеймейстеры, которые обязаны были обеспечить «спокойствие», пожарную безопасность и т. д.

После подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. правительство Екатерины II с целью усиления местной власти решило провести новую административную реформу. 7 ноября 1775 г. были приняты «Учреждения для управления губернией Всероссийской империи»². Согласно «Учреждениям», в стране увеличивалось число губерний (наместничеств), провинции упразднялись, губернии (наместничества) делились на уезды.

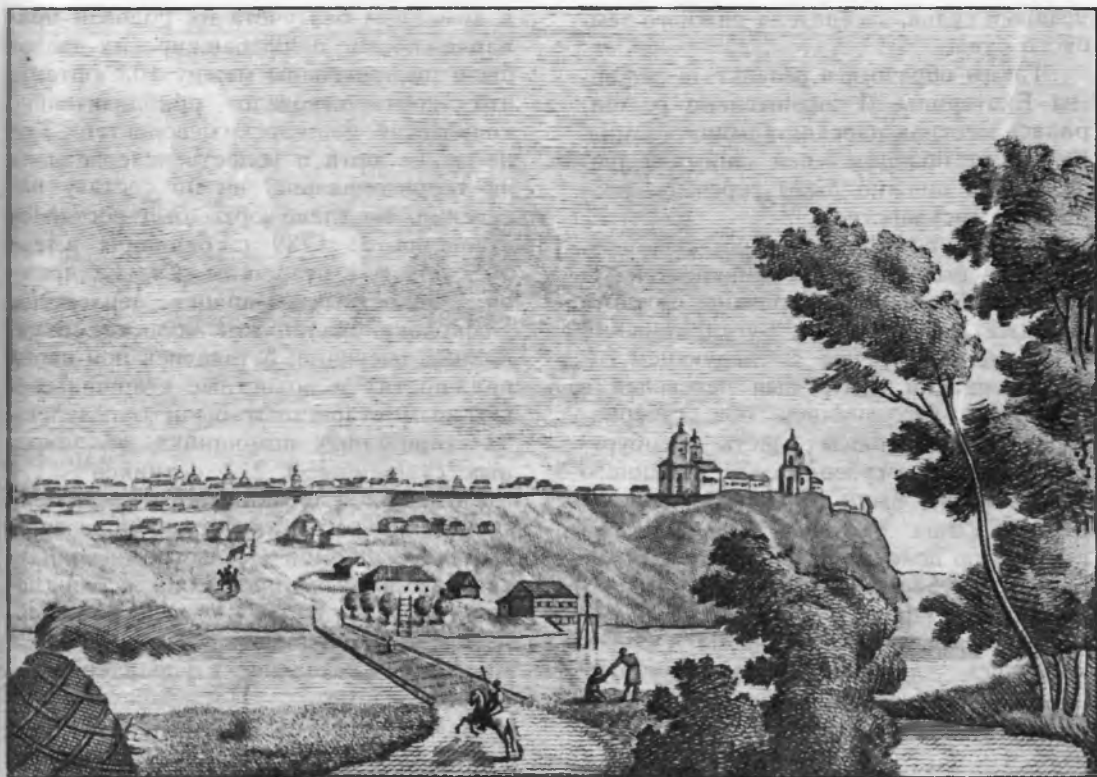
Реформа коснулась и Башкирии. 23 декабря 1781 г. вместо прежней Оренбургской губернии было учреждено Уфимское наместничество, которое состояло из двух областей. Оренбургская область делилась на Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский, Сергиевский и Троицкий уезды, а Уфимская — на Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский, Стерлитамакский и Челябинский уезды³. Центр наместничества находился в г. Уфе.

В наместничестве военная власть была отделена от гражданской. Главой местной администрации являлся наместник или генерал-губернатор, на-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 14.

² ПСЗ. Т. 20. № 14392.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. Уфа, 1956. С. 254—255; ПСЗ. Т. 21. № 15307.

Вид на Оренбург с левого берега Урала. С гравюры нач. XIX в.

деленный чрезвычайными полномочиями. Ему подчинялись войска, полиция, население, несущее воинскую повинность: башкиры, служилые татары, мишари, казаки и пр. При наместнике действовало наместническое правление.

Должность губернатора сохранилась. Он управлял гражданским населением и подчинялся наместнику. Основным административным учреждением являлось губернское правление. Были и другие учреждения. Приказ общественного призрения опекал работу школ, медицинских и благотворительных учреждений, работных и смирительных домов. Казенная палата ведала финансовыми делами, распоряжалась казенными землями, предприятиями, подрядами, винными откупами. Ему непосредственно подчинялись государственные, ясачные, экономические, дворцовые крестьяне, тептяри и бобыли.

Были созданы суды. Они носили сословный характер. Дела дворян рассматривались в верхнем земском суде, горожан — в губернском магистрате, крестьян, тептярей и бобылей — в верхней расправе. Существовала должность губернского прокурора. Была создана управа благочения во главе с полицеймейстером или обер-комендантом.

В уездах были образованы нижние земские суды, выполнявшие полицейские и судебные функции. Земский исправник (капитан-исправник) возглавлял уездную полицию, контролировал уплату налогов и податей, выполнение натуральных повинностей, осуществлял надзор за торговлей, состоянием дорог и т. д. Финансами занималось уездное казначейство. В уездах стали действовать дворянские собрания. На них избирались уездный предводитель дворянства, земский исправник,

уездный судья, заседатели нижнего земского суда.

Таким образом, в результате реформы Екатерины II значительно расширилась местная царская администрация. Ключевые позиции в ней занимали дворяне. Это должно было укрепить феодальное государство.

С 1796 г. Уфимское наместничество стало именоваться Оренбургской губернией. Были ликвидированы области, а также Белебеевский, Бугурусланский и Сергиевский уезды. В следующем году губернский центр был переведен в Оренбург. Сохранились оба губернатора. В дальнейшем власть оренбургского генерал-губернатора (военного губернатора) была распространена на ряд соседних регионов. Гражданский губернатор действовал в пределах Оренбургской губернии. Его резиденция находилась в Уфе.

Реформы второй половины XVIII в. коснулись главным образом губернского и уездного управлений. Крестьянское самоуправление не было затронуто.

Самоуправление башкир оставалось волостным. Во главе волостей стояли старшины. На должность они подбирались чиновниками местных государственных учреждений и затем утверждались губернатором. Старшины распоряжались волостными землями, производили различные «мирские» сборы с населения, разбирали внутриволостные дела, могли принимать участие в третейских судах. Им помогали сотники и писари.

Действия башкирских старшин, сотников и писарей контролировались и опекались местной администрацией. Волостное самоуправление являлось придатком к местной правительственной администрации, ибо по отношению к башкирским волостям все губернские, провинциальные и уездные учреждения являлись распорядительными.

В 1789 г. уфимский наместник О. А. Игельстром предпринял административную реформу местного значения. Не уничтожая волостные учреждения, он разделил башкир по юртам

и командам без учета их родовой принадлежности. 20908 башкирских дворов были распределены между 103 юртами, что соответствовало приблизительно количеству башкирских волостей. Тем не менее юрта и волость не совпадали ни территориально, ни по составу населения. Во главе юрты был поставлен старшина. С 1789 г. башкиры имели 103 юртовых старшины. Судьба прежних волостных старшин неизвестна. Поскольку башкирские волости сохранялись, очевидно, оставались при своих должностях и волостные старшины. К юртовым старшинам были определены 52 старшинных помощника, 63 походных старшины и 213 сотников¹.

Мишари и служилые татары имели собственное общинное самоуправление. Однако реформой Игельстрома мишарские дворы приписаны к башкирским юртам². В 1797 г. генерал-губернатор «по службе взял» башкирское и мишарское население в управление военного ведомства. «По домостроительству и тяжёбым делам» это население оставалось в ведении губернского гражданского ведомства³.

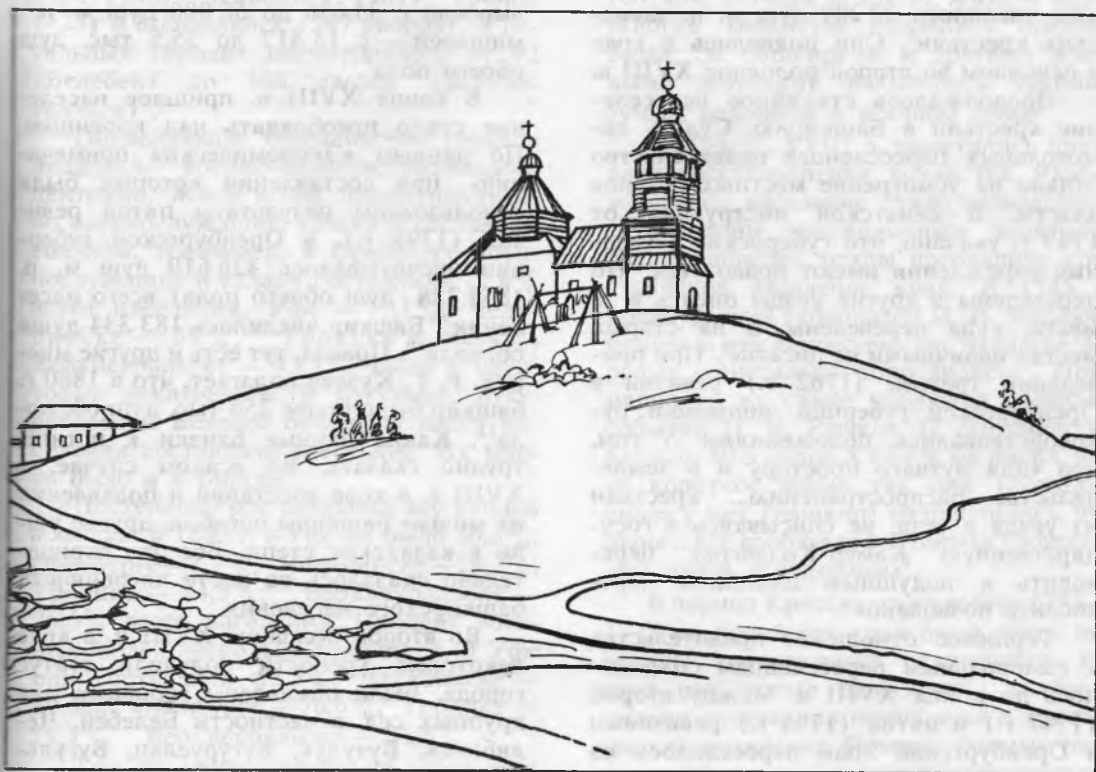
Общинное самоуправление было характерно тептяро-бобыльскому населению Башкирии, помещичьим, государственным, ясачным, дворцовым и экономическим (бывшим монастырским) крестьянам. Во главе общины стояли выборные старосты или старшины, которые подчинялись губернским и уездным властям, помещикам, дворцовому или экономическому управителям. Кроме того, в крестьянских общинах функционировали должности сотских и десятских, замещаемые общинниками. Они выполняли главным образом полицейские обязанности.

Рост населения. Во второй половине XVIII в. колонизация Башкирии продолжалась. На юге и юго-востоке Оренбургской губернии возводились все но-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 569.

² Там же.

³ Там же. С. 579.

Орская крепость. Рисунок В. А. Жуковского. 1837.

вые крепости и редуты, а возле них возникали деревни, слободы. Жителями этих поселений были в основном военные люди: казаки, солдаты, офицеры. В 1781 г. военного и полувоенного населения числилось 14587 душ м. п., а в 1800 г.—31633 души м. п.¹

В связи с созданием губернских и уездных учреждений в крае выросла численность чиновников. Сюда все больше прибывали дворяне со своими семьями, пополняя ряды старожилых феодальных господ. Одновременно росло количество помещичьих владений и крепостного населения, принудительно переселяемого помещиками из внутренних губерний. В 1767 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 462 души м. п. дворян и 21 842 души м. п. крепостных крестьян; в конце XVIII в. их стало соответственно 776 и 34 143 души м. п.²

В Башкирию переводили купленных во внутренних губерниях крестьян горнозаводчики. Так, например, в начале 60-х годов XVIII в. горнопромышленник Е. Н. Демидов купил в Казанском, Калужском и Алексинском уездах 1930 душ м. п. крепостных и переселил их на Авзяно-Петровские заводы. Н. Н. Демидов приобрел в Калужском, Нижегородском, Тверском, Симбирском и Галицком уездах 822 души м. п. крестьян и перевел их на Каслинский и Кыштымский заводы. Н. Е. Иноземцев купил в Галицком уезде 163 души м. п. крестьян и поселил их на Иштерьяковском заводе³. В 1800 г. в Башкирии

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 380, 387.

² Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 10, 12; Т. V. С. 390.

³ Там же. 2. С. 218, 219, 246, 249.

уже числилось 23 289 душ м. п. заводских крестьян¹. Они появились в крае в основном во второй половине XVIII в.

Продолжалось стихийное переселение крестьян в Башкирию. Судьбу самовольных переселенцев правительство отдало на усмотрение местных органов власти. В сенатской инструкции от 1743 г. указано, что губернские и уездные учреждения имеют право «тех, что переведены в другие уезды писать в те места, куда переведены, а на старых местах наличными не писать»². При проведении третьей (1762 г.) ревизии в Оренбургской губернии чиновники руководствовались положениями о том, что «для лутчаго простору и в земледельстве распространению... крестьян из уезда в уезд, не списываясь в государственную Камер-Коллегию, переводить и подушным платежом перечислить позволено»³.

Терпимое отношение правительства к самовольным переселенцам сохранилось до конца XVIII в. Между второй (1747 г.) и пятой (1795 г.) ревизиями в Оренбургский край переселилось из Воронежской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Пермской губерний более 94 тыс. душ м. п. крестьян. Из них русские составляли 30 тыс. душ м. п., татары — 20 тыс., мордва — 19 тыс., чувашаи — 18,5 тыс., «крещеные иноверцы» (мордва, марийцы, чувашаи, татары, удмурты и др.) — более 7 тыс. душ м. п.⁴ Основная масса этих переселенцев осела на западе, юго-западе и в центре края и пополнила ряды ясачных, экономических, дворцовых, государственных крестьян.

Интенсивно заселялась Зауральская Башкирия. В 1747 г. там в двух острогах, семи слободах и 103 деревнях числилось крестьян 11 581 душа м. п.⁵ В конце XVIII в. в Зауральской Башкирии количество крестьян, главным образом государственных, достигло 39,4 тыс. душ м. п. Среди них 81,9% составляли русские⁶.

Значительно увеличилась численность и других категорий населения. В 1767—1800 гг. в Оренбургской губернии количество тептярей и бобылей

выросло с 33 656 до 50 000 душ м. п.⁷, мишарей — с 15 517 до 35,5 тыс. душ обоого пола⁸.

В конце XVIII в. пришлое население стало преобладать над коренным. По данным «Экономических примечаний», при составлении которых были использованы результаты пятой ревизии (1795 г.), в Оренбургской губернии насчитывалось 426 619 душ м. п. (853 228 душ обоого пола) всего населения⁹. Башкир числилось 183 334 души об. пола¹⁰. Правда, тут есть и другие мнения. Р. Г. Кузеев полагает, что в 1800 г. башкир было более 250 тыс. душ об. пола¹¹. Какие данные близки к истине, трудно сказать. Во всяком случае, в XVIII в. в ходе восстаний и подавления их многие башкиры погибли, другие ушли в казахские степи. Все это отрицательно сказалось на росте численности башкирского населения.

Во второй половине XVIII в. в крае некоторые крепости получили статус города. Были объявлены городами ряд крупных сел, в частности Белебей, Челябинск, Бузулук, Бугуруслан, Бугульма и другие. В 80-х гг. XVIII в. в Уфимском наместничестве насчитывалось 13 городов. Среди них сравнительно крупными были Оренбург (1552 двора),

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 390.

² ПСЗ. Т. 7. № 4733.

³ РГАДА. Ландратские книги и ревизские сказки. Ф. 350. Кн. 4653. Л. 135.

⁴ Там же. Экономические примечания. Ф. 1355. Д. 926.

⁵ Там же. Дела Правительствующего Сената и Оренбургской губернии. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 151. Л. 259, 261.

⁶ Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959. С. 38.

⁷ РГАДА. Экономические примечания. Ф. 1355. Д. 926.

⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 11, 14; Т. V. С. 379, 381, 382, 387, 388.

⁹ Рахматуллин У. X. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 187.

¹⁰ РГАДА. Экономические примечания. Ф. 1355. Д. 926.

¹¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 260.

Уфа (900), Челябинск (461), Троицк (425) и Мензелинск (397 дворов). В остальных городах насчитывалось от 92 (Белебей) до 300 дворов (Верхнеуральск)¹.

Подавляющее большинство городов являлись военно-административными центрами. Жили в них преимущественно военнослужащие, казаки и отставные солдаты. Например, в Оренбурге военнослужащие и казаки составляли 77,8% всего населения, Уфе — 71,1%, Челябинске — 69%, Троицке — 92,4%, Верхнеуральске — 93,3%. Были и некоторые исключения. В Бугульме, Бугуруслане и Белебее основную массу населения составляли крестьяне. Их много было и в Бирске².

Постепенно рос удельный вес купцов и мещан. В 1800 г. в Уфе их было 30,3%, Оренбурге — 7,7%, Челябинске — 29,2%, Троицке — 14,5%, Верхнеуральске — 36,6% всего населения. Процент военных людей несколько понизился. В Уфе они составляли 52,3%, Челябинске — 60,6%, Оренбурге — 76,6%, Троицке — 55,5%, Верхнеуральске — 36,6%³.

Тем не менее города не стали еще торгово-ремесленными центрами. В них большинство населения было тесно связано с сельским хозяйством. Сенаторы М. Г. Спиридов и И. В. Лопухин отмечали, что «здешней губернии большею частью и городские жители имеют хлебопашество и скотоводство, изготовляют заблаговременно все нужное для своего содержания»⁴.

§ 2. Сельское хозяйство и промыслы

Скотоводство и земледелие. В ходе восстаний и карательных экспедиций второй четверти XVIII в. сильно пострадало башкирское хозяйство. Были сожжены многие сотни деревень, в течение нескольких лет ежегодно уничтожались большие площади посевов, сотни тысяч стогов заготовленного сена. Население лишилось значительной части скота. Тяжелые последствия военных действий испытали служилые татары, мишари,

тептяри, бобыли и другие жители края. Многие хозяйства оказались покинутыми. За башкирами и другими ясачными жителями накопились крупные суммы недоимок в ясачном сборе⁵.

В 40-х гг. XVIII в. наметились признаки восстановления хозяйства. Разбегавшееся население стало возвращаться к своим традиционным занятиям. Вновь набирает темпы прерванное крестьянское заселение края. В 1745 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев отмечал, что «инородческие здешние народы» «генерально поправились»⁶. Примерно то же самое наблюдал очевидец событий П. И. Рычков. О скотоводстве башкир 40-х годов XVIII в. он писал, что «в короткое время так они (лошади) снова у них (башкир) разплодились, что ныне... все вообще стали оными (лошадьми) опять достаточны»⁷.

В период Крестьянской войны 1773—1775 гг. хозяйству края были вновь нанесены значительные разрушения. На этот раз, кроме башкирских селений, сильно пострадали помещичьи и крестьянские хозяйства. Помимо прямых разрушений на крестьян легли дополнительные расходы. Карательные отряды обеспечивались продовольствием и фуражом за счет населения Башкирии.

В последней четверти XVIII в. восстановление разрушенного хозяйства шло более болезненно и медленно, нежели

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 257—258.

² Там же. С. 258.

³ Там же.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 595.

⁵ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 218.

⁶ Усманов А. Н. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII века // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 26.

⁷ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, в рассуждении Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Ч. 7. С. 168.

в 40-х годах XVIII в. Это признавалось местными властями. В 1782 г. уфимский наместник И. В. Якоби докладывал императрице, что «все башкирцы, расстроившись после последнего смятения, не могут и поныне исправить своего разорения и состоят в самой бедности»¹. С большим трудом поправлялось хозяйство помещиков и крестьян. Предводитель уфимских дворян Н. Булгаков в 1800 г. писал: помещики и крестьяне «во время бывшее в здешнем краю замешательство 1773-го и 1774-го годов претерпели все совершенное разорение лишением всего скота и имущества, а почему и не могут до днесь распространить своего хозяйства до настоящей степени»².

Во второй половине XVIII в. основой хозяйства башкир оставалось полукошечное скотоводство. Это достаточно убедительно отмечено очевидцами. В своих записках конца 1760-х годов об Уфимской провинции академик Фальк заметил: «Сии страны населены... также башкирцами и мещеряками, занимавшимися скотоводством»³. В 1764 г. в Уфимской провинциальной канцелярии отмечали отсутствие земледелия у башкир, прилежавших к Нагайбакской крепости⁴. В 1763 г. башкиры Ногайской дороги в лице своих старшин заявили оренбургскому губернатору Д. В. Волкову, что они «для хлебопашества земель... довольно и пространно и скота достаточно» имеют, только «пашни пахать много не навывкли»⁵. Существенное преобладание скотоводства над остальными отраслями хозяйства у башкир не было преодолено к концу XVIII в. Это видно из наблюдений оренбургского губернатора И. О. Куриса и других чиновников. В 1800 г. Курис писал, что башкиры губернии «составляя 79719 душ» м. п. «занимают обширные свои владения почти единою токмо по их древнему обычаю летнею кочевкою с праздною в прочем, питаюсь лишь от скотоводства»⁶. По словам сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина, «башкирцы земель почти вовсе не обрабатывают и хлебопашеством не занимаются»⁷.

Тем не менее, во второй половине XVIII в. среди башкир Осинской и Казанской дорог усилилась тяга к хлебопашеству. Они постепенно переходят к оседлому образу жизни, стойловому содержанию скота с заготовкой сена и соломы на зимний период.

В то же время на юге, востоке и в центре края среди башкир было мало «прилежных земледельцев». Большинство их относилось к разряду полукошечных скотоводов, слабо занимавшихся хлебопашеством. Но и здесь появились признаки перехода башкир к оседлости и земледелию⁸. По сообщению П. И. Рычкова, башкиры «привыкли уже косить траву и довольно заготавливают сена, чего у них прежде было весьма мало». Далее он продолжал: «Есть же между ими и такие, которые сами собою к пашне охотятся, и для собственной своей потребности не большой сев хлеба заводят, а особливо те, кои живут ближе к Уфе, и к тем жителям, где издавна было и есть земледелие»⁹. Таким образом, П. И. Рычков характеризует башкир как население, постепенно приобщавшееся к земледелию. Об этом же заявляли башкиры в 1767 г. в наказе в Уложенную комиссию: «С немало ж уже времени «баш-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 259.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 402.

³ Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией наук. СПб., 1823. Т. IV. С. 257.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 60.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 586.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 599.

⁸ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию // АЭБ. Уфа, 1968. Т. III. С. 296, 297.

⁹ Рычков П. И. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Ч. 7. С. 6. (см. также: Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г. Уфа, 1873. Ч. 2. С. 133, 134).

бирский народ стал выкаты к хлебопашеству»¹.

В наметившемся процессе постепенного «выкаты» башкир в хлебопашество определенную роль, видимо, сыграла и политика правительства. Длительное время губернаторы и другие административные лица «увещевали» башкирских старшин принять меры для того, чтобы население подчиненных им волостей «заводило» и «умножало» посевы хлеба². В свою очередь, башкирские старшины доводили эти советы до общинников. В 1763 г. старшины Ногайской дороги писали губернатору Д. В. Волкову о том, что «слыша от Вашего превосходительства о хлебопашестве милостивое ваше наставление» и «мудрое увещевание, весьма возрадовались и по возвращению в дома наши не только одним живущим обще с нами обывателями, но и в близости нас находящим посторонним людям оное ваше милостивое наставление объявили»³. Трудно определить эффективность и прямые результаты «увещеваний». Характерно, что в январе 1770 г. губернатор И. А. Рейнсдорп констатировал небывалые успехи земледелия среди башкир. Он доносил императрице Екатерине II, что «с начала учреждения Оренбургского [края] никогда больше паханно и сеяно от них [башкир] не было, как в нынешнем годе», да и «случившейся сего году во всех местах худой урожай» у башкир «не уменьшил» ревность к хлебопашеству⁴.

О начавшемся процессе приобщения башкир Ногайской дороги к земледелию писал академик И. И. Лепехин, посетивший Башкирию в 1770 г. По его словам, башкиры, живущие по реке Белой в районе Табынска, «начинают вникать в хлебопашество», «год от году рачительнее становятся к пашне»⁵. Академик П. С. Паллас, побывавший в том же году в Башкирии, тоже наблюдал значительную приверженность к земледелию башкир Ногайской дороги. Как он заметил, башкиры деревни Кубаул (Кубово) под Уфой «сделались порядочными земледельцами и уже в состоянии вывозить хлеб свой в город на про-

дажу»⁶. Но жителей других башкирских деревень Ногайской дороги путешественник не относил к числу «порядочных земледельцев».

В число «порядочных земледельцев» включил И. И. Лепехин и многих башкир Сибирской дороги. По его наблюдениям, «башкирцы на Ае переродились. Они столь же хороши хлебопашцы, как их соседи»⁷. Аналогичные наблюдения о некоторых башкирах Сибирской дороги сделал П. С. Паллас. Он писал, что кудейские башкиры «так много пашни засевают, что на заводы продавать могут»⁸. А другие башкиры, поселившиеся по реке Уфе, «все весьма к земледелию привыкли». Далее, направляясь к окрестностям реки Танып, П. С. Паллас обнаружил башкир, имевших «довольство... от землепашества»⁹.

Трудно определить размах и глубину постепенного приобщения башкир к земледелию в этот период, а также место хлебопашества в их хозяйстве. Очевидно, тенденция к увеличению доли земледельческих занятий коренного населения сохранилась в течение всей второй половины XVIII в. Об этом свидетельствует мнение уфимского наместника генерал-майора А. А. Пеутлинга. В 1790 г. он доносил в Сенат, что «башкирский народ нынешнего году паче прежних прилежал к хлебопашеству и домашней экономии, что с крайним старанием убирал хлеб с полей и запас

¹ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 57.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 396.

³ Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 44.

⁴ Там же. С. 478.

⁵ Дневные записи путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. С. 35.

⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. II. Кн. I. С. 26.

⁷ Лепехин И. И. Указ. соч. С. 243.

⁸ Паллас П. С. Указ. соч. С. 41.

⁹ Он же. Указ. соч. СПб., 1788. Ч. III. С. 21.

себя сеном и другим, потребным на зимнее время»¹.

Однако казна и горные заводы не могли закупать хлеб в башкирских деревнях: товарного хлеба там не бывало. Земледелие среди башкир намного уступало хлебопашеству русских, мордовских и других крестьян.

В целом хозяйственное развитие башкир во второй половине XVIII в. определялось более интенсивным, чем прежде, распространением хлебопашества. В этот период усилились районные различия в занятиях коренного населения. На северо-западе и севере края земледелие постепенно уравнивалось со скотоводством. Местами оно завоевало небольшое преимущество над остальными отраслями хозяйства, хотя там же встречалось немало башкирских дворов, не занимавшихся или слабо занимавшихся хлебопашеством.

В восточной Башкирии коренные жители занимались главным образом полукочевым скотоводством. Вместе с тем и здесь, хотя и не повсеместно, они постепенно приобщились к земледелию. Рядом с селениями, засевавшими изрядное количество хлеба, существовали и такие, в которых жители собственных посевов не имели². Изменения коснулись также хозяйства башкирского населения юго-западных, южных и центральных районов Башкирии. Но процесс этот, как и в других районах края, происходил неравномерно.

Пришлое население занималось сельским хозяйством. Даже жители городов сеяли хлеб, держали скот. В 1800 г. сенаторы М. Г. Спиридов и И. В. Лопухин, обследовавшие Оренбургскую губернию, отмечали, что «в здешней губернии не только деревенские, но большей частью и городские жители имеют хлебопашество и скотоводство»³. Тем не менее степень приобщенности населения Башкирии к земледелию и скотоводству была далеко не одинаковой, так как ее населяли народы с разным образом жизни. Одни из них более занимались скотоводством, нежели земледелием, другие успешно сочетали земледелие со скотоводством, третьи были за-

няты преимущественно хлебопашеством и т. д. Сословная принадлежность индивида во многом зависела от степени причастности его к земледельческим занятиям.

Наибольшее количество хлеба выращивалось в хозяйствах крестьян. Оренбургская казенная палата к числу «добрых хлебопашцев», «кои довольное хлебопашество производить могли», относила прежде всего русских крестьян и приравнивала к ним мордовских, марийских, чувашских и удмуртских земледельцев. В 1800 г. чиновники палаты писали, что «разсуждении обрабатывания земли лутчее трудолюбие открывают российский люди, а по них мордвы, черемисы и вотяки»⁴. Это наблюдение губернского учреждения было принято сенаторами М. Г. Спиридовым и И. В. Лопухиным. Перечисляя «здешней губернии разных народов» и людей «разных званий» они отметили, что из них «наилучше обрабатывают землю русские, а по них мордва, черемисы и вотяки»⁵. По сведениям губернских учреждений, во второй половине XVIII в. казна и заводы губернии ежегодно заготавливали нужное количество хлеба в хозяйствах русских, мордовских, чувашских, марийских и удмуртских крестьян, а также в помещичьих хозяйствах. Остальное население края, хотя и занималось хлебопашеством, не участвовало в ежегодном пополнении казенных и заводских амбаров зерном, ибо оно производило хлеб в основном для собственного потребления.

Татарское, тептярское и мишарское население Башкирии отнесено Оренбургской казенной палатой к числу жителей, занимавшихся более скотоводством, чем земледелием. По ее наблюдениям «татары же, тептяри и мещеряки на обрабатывание земли мало себя упот-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 259.

² Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 300.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 595.

⁴ Там же. С. 396.

⁵ Там же. С. 598.

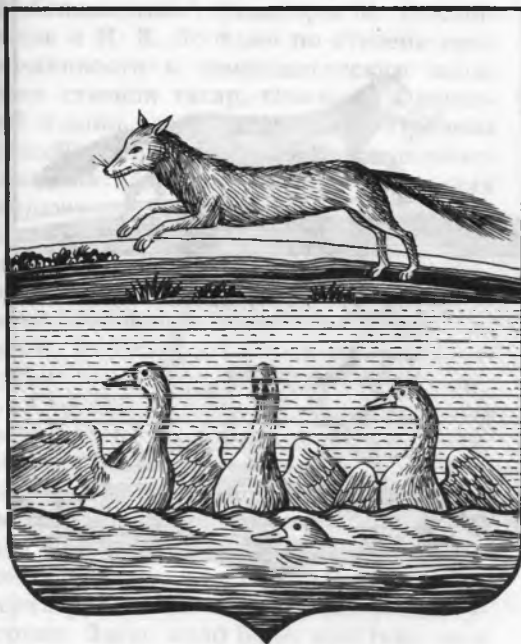

Гербы городов Уфимского наместничества, утвержденные сенатом в 1782 г. ПСЗ — I. Т. 21.

Уфа

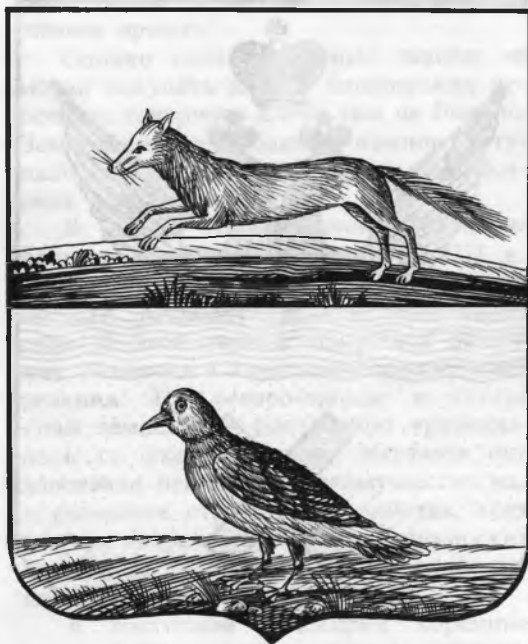
Оренбург

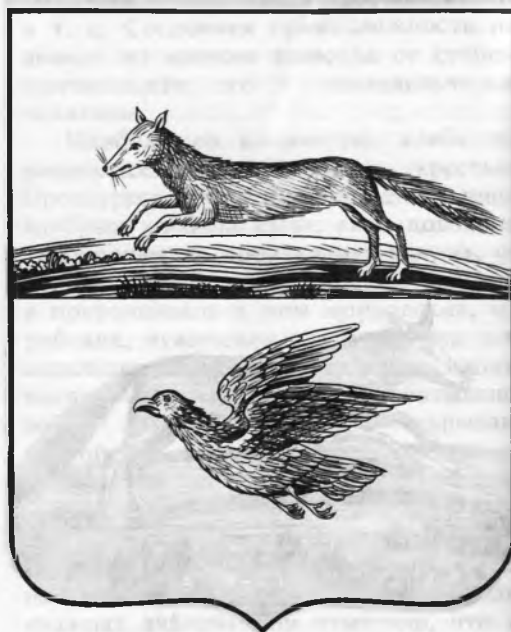
Стерлитамак

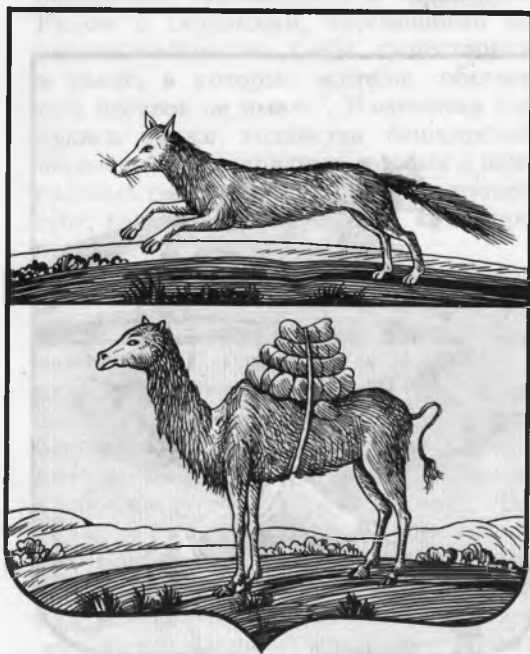
Белебей

Бирск

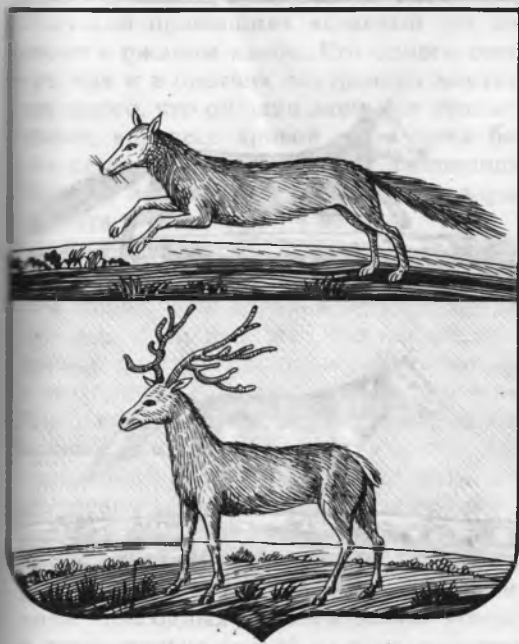
Мензелинск

Челябинск

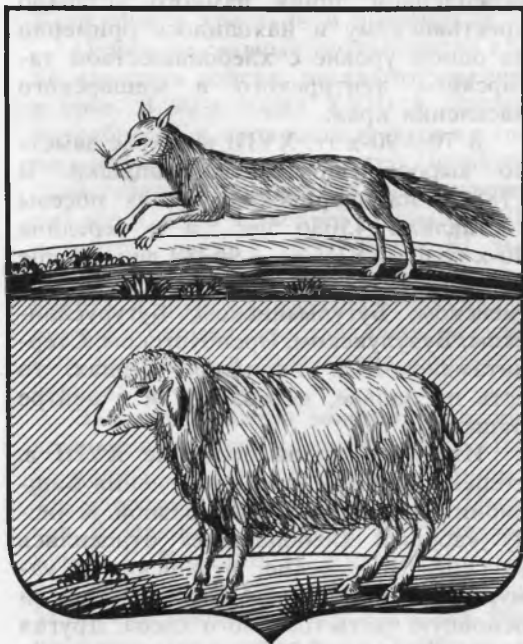
Верхнеуральск

Бузулук

ребляют» «по обычаю их более обращенному на скотоводство, нежели на хлебопашество»¹. Сенаторы М. Г. Спиридов и И. В. Лопухин по степени приверженности к земледельческим занятиям ставили татар, тептярей и мишарей в один ряд с башкирами². Причина низкой оценки значения земледельческих занятий этих категорий населения заключалась в чрезвычайно слабой товарности их земледельческого хозяйства. В течение длительного времени правительство и другие заготовители хлеба не могли изымать провиант у татар, тептярей, мишарей и башкир ни путем покупок, ни в виде прямых обложений.

Хлебопашеством и скотоводством занимались военнослужилые и полувойенные жители крепостей и городов, а также отставные от службы солдаты и казаки Оренбургской укрепленной линии, которая проходила широкой полосой через Бузулукский, Оренбургский, Верхнеуральский и Троицкий уезды губернии. Здесь мало было крестьян «кои бы довольно хлебопашество производить могли»³. Военные и полувойенные

Бугуруслан

жители городов и крепостей, по мнению Оренбургской казенной палаты, сеяли хлеб только «на свои расходы» или «для одного своего пропитания»⁴, то есть товарного хлеба у них не имелось. Причем не все городские жители в равной мере занимались земледелием. «Хлебопашество производилось» в основном отставными военными и «определенными на поселение», т. е. завербованными людьми. На их долю приходилось 91,16% всех посевных площадей, обрабатываемых жителями городов и крепостей губернии⁵. Более других хлебопашеством занималось население восточных слобод и крепостей.

В целом земледелие военных, полувойенных и отставных от службы жителей крепостей и городов Оренбургской

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 396.

² Там же. С. 599.

³ Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 79.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 66—79.

укрепленной линии намного уступало крестьянскому и находилось примерно на одном уровне с хлебопашеством татарского, тептярского и мишарского населения края.

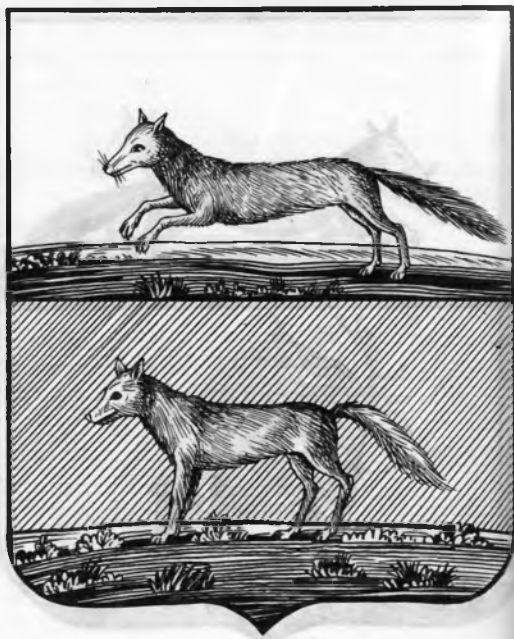
В 70—90-х гг. XVIII в. в крае заметно выросли помещичьи запашки. В 1788 г. на дворянских землях посевы составляли 45086 дес., а в середине 90-х годов XVIII в. — 96389 дес. Свыше 90% этих посевов находилось в Сергиевском, Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском, Оренбургском, Стерлитамакском и Уфимском уездах, то есть на западе, юго-западе и в центре Башкирии¹.

Итак, во второй половине XVIII в. степень приобщенности населения Башкирии к земледелию была разной. К числу «добрых хлебопашцев» относились русские, мордовские, чувашские и удмуртские крестьяне, которые давали основную часть товарного хлеба. Другая часть населения Башкирии занималась хлебопашеством исключительно «для одного своего пропитания». Это были татары, тептяри, мишари, башкиры, военные и полувоенные жители городов и крепостей. Сколько они сеяли, трудно сказать. Их посевы властями не учитывались, поскольку они не производили товарного хлеба.

В 1767 г. в Оренбургской губернии под посевами находилось (без посевов башкир, татар, тептярей, мишарей, военных и полувоенных людей) 133347 дес., в 1794 г. — 895181 дес. земли². Таким образом, за 27 лет посевы «добрых хлебопашцев» и дворян увеличились в 6, 7 раза.

По районам распаханность земель была неравномерной и находилась в прямой зависимости от расселения «добрых хлебопашцев». В 1767 г. из 133352 дес. посевов в губернии 47,08% (62782 дес.) приходилось на сравнительно небольшую по территории Исетскую провинцию, где была сосредоточена большая часть русских государственных крестьян, 42,02% (56046 дес.) на Уфимскую и 10,89% (14524 дес.) на Оренбургскую провинции³.

В дальнейшем посевные площади

Сергиевск

увеличиваются на западе, северо-западе, юго-западе и в центре края, куда направляется основная масса переселенцев. В 1794 г. на Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Сергиевский, Мензелинский, Бирский, Белебеевский, Уфимский уезды приходилось 88,11% всех посевов в губернии⁴. На юге и юго-востоке, за исключением Челябинского уезда, хлеба сеяли мало⁵.

Основной зерновой культурой в крае была озимая рожь. Ее посевы занимали по отдельным местам от 32 до 40% всей посевой площади⁶. Сеяли также овес, пшеницу, ячмень, полбу, просо, гречиху, ядрицу, горох, коноплю и лен. По

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 425—429, 438—441, 456—463, 478—487.

² Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 83—89, 403—487.

³ Там же. С. 83—85.

⁴ Там же. Т. V. С. 462—487.

⁵ Там же. С. 396, 599.

⁶ Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 83—89; Т. V. С. 407—429, 442—487.

словам П. И. Рычкова, в Уфимской и Исетской провинциях «главный сев состоит в ржаном хлебе. Его одного сеют тут, как и в прочих внутренних местах, так много, что он один занимает столько земли, как весь яровой сев», «овса более сеют, нежели пшеницы, а пшеницы больше, нежели ячменя. Полба и ядрица хотя и сеется, но не везде»¹.

В полеводстве применялись трехпольная и залежная системы. П. И. Рычков писал, что «прилежнейшие земледельцы, особливо же Российские, все пашни свои на три поля разделяют, из коих одно все бывает озимое, то есть, под ржаным севом; другое такое ж под яровым или вешним севом; а третье, кое называется пар, остается праздным для утучаения земли к предбудущему севу»². Однако жесткий трехпольный севооборот, очевидно, не был явлением широко распространенным. Пользуясь изобилием пригодных к земледелию угодий и сравнительно легкой их доступностью, многие земледельцы применяли залежную систему. Они засеивали «новину» в течение 10—12 лет, а затем покидали «выпаханные» поля на 10—12 лет и вновь принимались пахать целинные («новину») земли или «отдохнувшие» залежи. Местное башкирское, а также тептяро-бобыльское, татарское и мишарское население придерживалось этой же системы севооборота. Согласно наблюдениям П. С. Палласа, башкиры «на новине сеют оне два года ячмень, два года овес, два года озимую рожь, еще один или два года яровое, а после принимаются опять за новую степь»³. Поля не удобрялись.

Основными орудиями вспашки полей оставались соха и татарский сабан или плуг. Последний был тяжелым и неуклюжим. Им поднимали целину и залежи, впрягая по 6 лошадей. В остальное время пахали сохой.

С расширением земледелия в крае увеличивалось производство собственного хлеба. Это позволило правительству уменьшить завоз в Башкирию зерна из Казанской и Сибирской губерний. Начиная с 60-х годов XVIII в. значительная часть потребного для местных

нужд хлеба заготавливалась внутри Башкирии у крестьян и помещиков.

Одним из главных потребителей хлеба являлись войска, расквартированные в крае. В 90-х годах XVIII в. годовая потребность в провианте и фураже гарнизонов городов и крепостей Оренбургской губернии составляла 54221 четверти* муки, 4998 четвертей крупы и 21789 четвертей овса, а всего более 81 тыс. четвертей⁴. Большая часть этого провианта и фуража ежегодно закупалась внутри губернии и поставлялась на гужевых подводах в хранилища соответствующих крепостей.

Заготовкой хлеба занималось особое военное ведомство — комиссариат. Привлекались и гражданские скупщики. Так, дворяне М. Тимашев, И. И. Пыхачев, В. Иглин, А. Ваталин, Н. Приезжев, купцы Г. Корелин, И. Кутлин, И. Старков, крепостные крестьяне Аким Петров, Матвей Иванов и Петр Васильев подрядились поставить в г. Оренбург на 1798 г. 15800 четвертей муки, 1377 четвертей крупы и 1500 четвертей овса, то есть почти весь годовой провиант гарнизона⁵. В том же году в амбары Уфы подряжено было закупить и доставить 5811 четвертей муки, 503 четверти крупы и 1376 четвертей овса. Здесь подрядчиками вызвались купцы В. Шишковский, И. Корелин и помещик Н. Приезжев⁶.

Крупными потребителями хлеба были горные и винокуренные заводы Урала и Приуралья. Хлеб продавался также на местных базарах, а из близлежащих

¹ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, в разсуждении Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Ч. 7. С. 118.

² Рычков П. И. Указ. соч. С. 118.

³ Паллас П. С. Указ. соч. С. 65.

* Старая русская мера объема сыпучих тел, содержащая в себе около 210 литров. Вес четверти овса составлял в среднем 5 пудов 20 фунтов и более, ячменя — 6 п. 20 ф., ржи — 8 п. 10 ф., пшеницы — 8 п. 30 ф. и более.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52а. Л. 6—16.

⁵ Там же. Л. 6—10.

⁶ Там же. Л. 10—11.

к рекам Белой и Каме местностей поступал на пристани.

Промыслы. Население, особенно башкирское, продолжало заниматься бортничеством, охотой и рыбной ловлей. Развивались промыслы, связанные с переработкой продуктов земледелия и скотоводства.

Широкое развитие получило мукомольное дело. В 60-х гг. XVIII в. в Оренбургской губернии действовало 1699 водяных и ветряных мельниц, в т. ч. в Оренбургской провинции 127, Уфимской — 785, Исетской — 787¹. В дальнейшем, по мере расширения земледелия, количество мельниц увеличивалось. В конце XVIII в. в Оренбургской губернии насчитывалось 2269 водяных и ветряных мельниц². Они принадлежали русским, татарским, чувашским, мордовским крестьянам, башкирам, казакам, священникам, купцам и помещикам.

Распространены были кожевенный, овчинный, шерстобитный, портняжный, красильный, шорный, гончарный и другие промыслы, носившие преимущественно домашний характер. Ими занимались как башкиры, так и пришлое крестьянское население и казаки.

Продолжало существовать кузнечное дело. Но не все народы края могли им открыто заниматься. Все еще действовал указ от 11 февраля 1736 г., запретивший башкирам иметь кузницы. В 60-х гг. XVIII в. в Исетской провинции действовало 320, Уфимской — 84 кузницы³. В 50—60-х гг. XVIII в. мощная кузнечная база создается при горных заводах. Она удовлетворяла потребности не только самих предприятий, но и спрос населения края. В оставшиеся три десятилетия XVIII в. рост количества кузниц в Башкирии не наблюдается.

Во второй половине XVIII в. резко возрастает роль извозного промысла. Строительство городов, крепостей и горных заводов, доставка им стройматериалов, топлива и продовольствия требовали огромное количество подвод. Много подвод употребляли горные заводы для доставки на производство руды,

древесного угля, глины, извести и других материалов, а также для транспортировки готовой продукции к пристаням. Зачастую приходилось возить руду и металлы на 50—70 и даже на 250 — верст. Извозом занималось преимущественно башкирское и тептяро-бобыльское население.

По мере развития извозного промысла росло производство колес, телег, саней и других снастей гужевого транспорта. Ряды плотников пополнялись за счет крестьян и башкир.

§ 3. Промышленность и торговля

Промышленность. До 40-х годов XVIII в. горнозаводское строительство в крае не приняло широкого размаха. Перед частными предпринимателями правительство ставило серьезные препятствия в строительстве и эксплуатации горных предприятий. Возведенные же казенные заводы работали неритмично и были убыточны.

В 1744 г. Берг-коллегия и оренбургский губернатор И. И. Неплюев разработали совместное «определение» по строительству и эксплуатации горных предприятий в Башкирии. Согласно «определению», все казенные заводы края передавались в распоряжение частных предпринимателей. Им разрешалось арендовать и покупать у башкир и других владельцев рудные месторождения, леса и другие земельные угодья для возведения заводов. Частные заводчики освобождались от «десятинного платежа» на 4 года, получали право продавать на рынках России «вольною це-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 105, 106, 108, 111—123.

² РГАДА. Экономические примечания. Ф. 1355. Д. 931, 941, 933, 934, 936, 939, 1105, 1136, 1873, 1875, 1877, 1880, 1882, 1885, 1888.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. II. С. 106—108, 123—125, 568—570. Сведений по Оренбургской провинции не обнаружено.

Кузница на Уральском заводе. Гравюра Дегейна. XVIII в.

ною» до 90% продукции¹. Сенатским указом от 13 октября 1753 г. было заявлено «во всей Оренбургской губернии казенных железных и медных заводов Берг-коллегии не заводить, а велеть их размножить одним партикулярным людям»².

С изменением промышленной политики царизма в горнозаводскую промышленность края устремился купеческий капитал. В 1747, 1749 гг. были возведены Нязе-Петровский железодельный завод купца П. Осокина и Каслинский железодельный завод купцов П. Ремнина и Я. Коробкова³.

В 50-х гг. XVIII в. горнозаводское строительство в Башкирии ускорилось. Были пущены в ход Архангельский (1754 г.) купца Г. Красильникова, Благовещенский (1757) купца М. Мясникова, Богословский (1759) купца Г. Глазова, Богоявленский (1752) и Верхоторский (1759) купцов И. Твердышева и И. Мясникова, Каноникольский (1753)

купцов Мосоловых, Троицкий верхний (1754), Троицкий нижний (1761), Усень-Ивановский (1761) купцов Осокиных, Шермяитский (1761) купца А. И. Глебова и др. медеплавильные заводы⁴.

Появились новые чугуноплавильные и железодельные заводы. Вступили в строй Авзяно-Петровский верхний (1755) и Авзяно-Петровский нижний (1756) графа П. Шувалова и К. Матвеева, Усть-Катавский (1758), Катав-Ивановский (1759), Юрюзань-Иванов-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 143, 147.

² ПСЗ. Т. 13. № 10141.

³ Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г. М.; Л., 1937. С. 82, 156, 199, 373, 378, 395; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 573—574.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 435, 221—229, 232, 270—288, 576—579; История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 572—576.

Литейщик

ский (1760), Симский (1761), Белорецкий (1762) купцов И. Твердышева и И. Мясникова, Златоустовский (1761) и Уфалейский (1761) купцов Мосоловых, Кыштымский верхний (1757), Кыштымский нижний (1757), Кагинский (1769) Е. Н. Демидова, Саткинский (1758) барона А. С. Строганова и другие чугуноплавильные и железоделательные заводы¹.

Таким образом, в 50—60-х гг. XVIII в. Башкирия покрывается густой сетью горных заводов. Они выросли в основном на северо-востоке и востоке Оренбургской губернии в верховьях рек Белой и Уфы, на их притоках, а также на среднем течении реки Белой. Большое количество заводов действовало в бассейне рек Тулва, Ирень, Сылва, Исеть и Миасс. Свыше десятка частных медеплавильных заводов находилось на западе Башкирии, на реках Кичуй, Шаран, Сок, Ик, Сюнь и других.

Заводы строились преимущественно на арендованных и купленных за бесценок башкирских землях. Немало было случаев прямого захвата их горнозаводчиками.

Одновременно со строительством новых заводов реконструировались ранее возведенные предприятия. В 60-е годы XVIII в. ряд заводов был расширен, они обогатились дополнительными домнами, печами, горнами, кузницами, молотовыми и передельными цехами. Это привело к увеличению мощности действовавших предприятий и росту выпуска продукции.

Во время Крестьянской войны 1773—1775 гг. многие горные заводы края были сожжены, другие подверглись разрушению и прекратили действие. Восстанавливались они крайне медленно и болезненно. Часть разрушенных предприятий не работала десятилетиями. Новое заводостроительство приостановилось. Закрывались некоторые действующие предприятия. В 1775 г. в Оренбургской губернии не работало 13, а в 1778 г. — 8 заводов².

К концу 70-х гг. XVIII в. несколько активизировалось заводское строительство. В 1777 г. вступили в строй Узьянский железоделательный завод Е. Н. Демидова и Миасский медеплавильный завод Л. И. Лугинина, в 1779 г. — Минский медеплавильный завод И. Твердышева и И. Мясникова. Последние в 1784 г. пустили в ход Миньярский железоделательный завод. В 1788 г. дал продукцию Кусинский железоделательный завод Лугининых, а в 1790 г. — Атигский железоделательный завод купца М. Губина³.

Медленные темпы горнозаводского строительства в последней четверти XVIII в. были связаны с большой плотностью заводов в крае. Уже к середине

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 247—248, 261—263, 271—272, 274—275, 303—310, 318—319, 576—579; История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 572—576.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 514—517.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. С. 207; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 187, 596; Павленко Н. И. К истории южно-уральской металлургии в XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 187.

Кузнец

60-х гг. XVIII в. обнаружилось, что строительство новых металлургических предприятий наносит серьезный ущерб действующим. Поэтому оренбургский губернатор А. Рейнсдорп ставил в 1775 г. перед Сенатом вопрос «о нестроении в Оренбургской губернии вновь заводов»¹.

К 1776 г. на территории Оренбургской губернии насчитывалось 35 действующих медеплавильных и железоделательных заводов², а в 1781 г. здесь выдавали продукцию 38 предприятий (21 медеплавильный и 17 железоделательных)³. На рубеже XVIII—XIX вв. действовали те же 38 металлургических заводов⁴. Так сложилась горнозаводская промышленность в Башкирии.

Горные заводы работали на местной руде. В конце XVIII в. в Оренбургской губернии 15 медеплавильных заводов монополизировали 2832 рудника, а 13 железоделательным предприятиям принадлежало 697 рудников. По остальным заводам сведений не имеется⁵. Руду до-

ставляли на заводы как из ближних, так и из самых дальних рудников, отстоявших от предприятий на сотни верст. Много руды вывозили из Башкирии предприятия Пермской губернии⁶.

Основной продукцией горных заводов Башкирии являлись медь, чугун, железо. Производство их было крайне неравномерным по годам. Так, 15 медеплавильными заводами Оренбургской губернии было выплавлено в 1776 г. 7 429 пуд. меди, в 1781—64 952, в 1785 г.—70 669, в 1790 г.—61 836, в 1795 г.—50 698, в 1799 г.—52 731 пуд.⁷ Если сравнить эти данные с общероссийскими, то оказывается, что в 1785 г. 15 медеплавильных заводов края дали 40,23% меди, выплавленной по стране (175 631 пуд.), в 1790 г.—39,57% (по стране 156 244 пуд.), в 1795 г.—56,57% (по стране 89 615 пуд.)⁸.

Черного металла производилось значительно больше. В Оренбургской губернии в 1781 г. было выплавлено чугуна 931 964 пуда, в 1785 г.—1 132 358, в 1790 г.—1 193 272, в 1794 г.—1 143 802, в 1799 г.—1 584 416 пудов⁹. Автор не располагает обобщенными сведениями о количестве выделанного в губернии железа. Во всяком случае оно составляло 60—65% от произведенного чугуна.

На горных заводах существовала металлообработка. Делались железные скобяные изделия, металлические части орудий пахоты и боронования, косы, серпы, топоры, ножи, гвозди, металлическая посуда (блюда, бочонки, ведра,

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 512.

² Там же. С. 510—512.

³ Там же. С. 514—517, 667—672.

⁴ Там же. С. 514—517, 528—541, 667—672.

⁵ Там же. Т. V. С. 536—541.

⁶ Там же. С. 522.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 519—523, 667—672.

⁸ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 462.

⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 519—523, 667—672.

котлы, кастрюли, подносы, самовары, сковороды, чайники и т. д.).

Металлы продавались казне, которая большую часть уральского железа направляла на экспорт, главным образом в Англию. Основным потребителем меди был Екатеринбургский монетный двор. На производство денег расходовалось более половины производимой на Урале меди. Остальная часть ее шла на различные изделия, особенно в посудодельное производство. Металлические изделия поступали на внутренний рынок¹.

Металлургия Башкирии развивалась как органическая часть промышленности Урала и Российского государства. Она принадлежала русским промышленникам и основывалась на труде русских мастеровых людей, горнозаводских и приписанных к заводам крестьян. На добычу руды, рубку леса, жжение угля, перевозку грузов и другие вспомогательные работы привлекалось башкирское и тептяро-бобыльское население. Из рядов башкир не выдвинулись предприниматели, приказчики и другие причастные к управлению заводами чины. В качестве владельцев рудных мест, территорий заводских строений и лесных массивов, т. е. одного из главных условий действия металлургических предприятий, башкиры-вотчинники оказались на положении ущемленных и притесняемых обладателей земель.

К концу XVIII в. горнозаводская промышленность Башкирии, как и всего Урала, стала испытывать трудности, связанные с недостатком разведанных рудных месторождений и водных энергетических запасов. Неблагоприятное влияние на отрасль оказало уменьшение спроса на русский металл со стороны английского рынка. В целом мануфактурное производство исчерпало свои возможности в металлургии. Прогресс мог быть достигнут лишь на пути технического развития.

В 50-х гг. XVIII в. были сделаны первые попытки начать разработку нефти в Башкирии. Однако предпринимателям Надыру Уразметову и его сыну Юсупу не удалось пустить в действие

нефтяной завод в районе реки Кармалы Казанской дороги².

Некоторые изменения произошли в добыче илецкой соли. Если раньше башкиры сами занимались этим делом, то с 1754 г. разработка соли была взята в казенное ведомство, т. е. монополизирована государством. Население, включая коренное, обязано было покупать соль у казны. Добыча соли производилась трудом ссыльных и бродяг, присылаемых из других губерний. В конце XVIII. на соледобыче было занято 119 ссыльных и 66 бродяг. Выработкой каменной соли и ее транспортировкой в местные хранилища занимались 43 солеруба. Остальные рабочие использовались на подсобных работах. Солерубы получали за свой труд по 1—2 коп. с пуда добытой соли, конным работникам платили по 12 коп. в день. Ссыльные находились на казенном содержании³.

Добытая илецкая соль через казенные магазины поступала в продажу внутри Уфимского наместничества, а также отправлялась в Казанскую и Нижегородскую губернии.

Во второй половине XVIII в. в Башкирии началась промышленная рубка леса. Много леса потребляли города и крепости на строительство и топливо. На горных заводах лес шел на изготовление древесного угля — основного топлива для медеплавильных и чугуноплавильных печей и домен, на сооружение плотин и производственных помещений. В связи с широкими строительными работами в городах, крепостях и на горных заводах сооружались вододействующие лесопильные заводы.

Развивалось производство поташа. Его получали из древесной золы и ис-

¹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 274—275.

² Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. I. С. 270—271; Тимергазин К. Р. Очерки по истории башкирской нефти. Уфа, 1956. С. 13.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 261—262.

пользовали при изготовлении стекла, красок, выделке кож и т. д. К концу XVIII в. в Оренбургской губернии действовали 54 поташных завода, принадлежавших промышленникам, помещикам, башкирам¹.

На берегах рек Белой, Уфы, Камы и их притоков появились пристани и речное судостроение. На выстроенных артелями плотников баржах и других судах весной сплавлялись металлы и изделия из них, соль, поташ и другие грузы в приволжские рынки.

Во второй половине XVIII в. в городах и крепостях Башкирии начали возводить каменные и кирпичные здания. Большое количество кирпича и камней потребляли горные заводы. В связи с этим резко увеличивается производство кирпича. В 90-х гг. XVIII в. в Оренбургской губернии действовали свыше 80 кирпичных заводов. Примерно в конце 80-х годов открылись 2 стекольных завода братьев Токаревых. Все эти заводы принадлежали купцам и крестьянам.

Появились предприятия по переработке земледельческих и животноводческих продуктов. В конце XVIII в. в Оренбургской губернии действовали 21 винокурный, 18 салотопенных, 37 кожевенных и овчинных заводов. Винокурные заводы принадлежали помещикам и основывались преимущественно на крепостном труде. Салотопенными, кожевенными и овчинными предприятиями владели купцы и крестьяне, которые использовали наемную рабочую силу. В крае функционировали небольшие мыловаренные заводы и одно шляпное предприятие².

Торговля. Развитие земледелия, ремесла и промышленности способствовало усилению торговли в крае. В крупных селах, слободах и городах появились еженедельные базары и торжки, куда съезжались со своим хлебом и ремесленными изделиями жители близлежащих деревень. Там же торговали местные купцы и мелкие «кочующие» торговцы. Распространена была продажа крестьянами хлеба на горных заводах

и пристанях местным жителям и экипажам пловущих судов.

Постепенно возникают сезонные ярмарки в Оренбурге, Троицке, Сеитовской слободе, Челябинске, Уфе, Мензелинске, Бирске, Белебее, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Уральске и других крупных населенных пунктах. На ярмарки собирались местные торговцы, ремесленники, крестьяне и другие жители края, а также купцы из соседних губерний и Средней Азии, скотоводы из Казахстана, Западной Сибири и Нижнего Поволжья. Купцы и другие богатые жители Башкирии регулярно посещали знаменитые Ирбитскую и Макарьевскую (Нижегородскую) ярмарки.

Башкиры торговали скотом, особенно лошадьми, продуктами скотоводства, бортного пчеловодства, охоты, лесными материалами и изделиями³. На северо-западе края они продавали также хлеб. На базарах продукты сельского хозяйства (овес, ячмень, просо, мясо, сало) и лошадей предлагали тептяри и бобыли, мишари и служилые татары⁴.

Во внутренней торговле активно участвовали крестьяне, военное и полувоеенное население. Крестьяне торговали в основном хлебом и ремесленными изделиями. Наибольшее количество хлеба во второй половине XVIII в. предлагали крестьяне зауральской Башкирии. Они вывозили зерно в соседние сибирские города и на заводы Урала. Много хлеба поставляли на рынок крестьяне Бузулукского, Бугульминского, Мензелинского и других уездов. Так, мензелинские и бугульминские крестьяне продавали свои припасы на местных торгах и на пристанях Камы. Бирские крестьяне доставляли свой хлеб на железодо-

¹ РГАДА. Экономические примечания. Д. 931, 933, 934, 936, 939, 941, 1136, 1873, 1875, 1877, 1880, 1882, 1885, 1888.

² Там же. Д. 933, 934, 936, 1136, 1875, 1882, 1885, 1888; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 518.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 488.

⁴ Там же. С. 486, 487.

лательные, медеплавильные и винокурные заводы¹. Были и другие потребители. Много крестьянского и помещичьего хлеба закупала казна для войск, расквартированных в крае.

Количество товарного хлеба постоянно росло. В 1791 г. в Оренбургской губернии была взыскана торговая пошлина с 1 047 311 четвертей разного хлеба². Хлеб становился важной статьей внутренней торговли Башкирии. Однако торговля хлебом не была свободной от феодальных пут. Она сдерживалась монополией скупщиков, стоявших между продавцом хлеба и его потребителем. Высокие таможенные пошлины также препятствовали увеличению товарного хлеба.

Горные заводы предлагали на рынках орудия труда, посуду и другие металлические изделия.

Заметное развитие получила внешняя торговля. Во второй половине XVIII в. города Оренбург и Троицк определились как крупные пункты торговли с казахами и среднеазиатскими торговцами. На меновых дворах этих городов российские купцы продавали хлеб, пушнину, изделия промышленности (кроме оружия), а покупали казахский и калмыцкий скот, среднеазиатские шелковые и хлопчатобумажные ткани, рис, хлопок, пряности. Нередко они вели посредническую торговлю: вначале меняли свои товары на скот (лошадей, рогатый скот, овец, пушнину), затем обмененный скот продавали здесь же на деньги. В 1770 г. оренбургский губернатор А. Рейнсдорп охарактеризовал торговлю с казахами и среднеазиатскими купцами следующим образом: «Баланс оренбургского торгу всегда в пользу российских подданных склоняется. Бухарской и хивинской купец выменивает у них на свои продукты английские сукна, кошениль или канцелярное семя, медь, железо и тому подобное. Киргизец, который караваны их провожает до Оренбурга, берет от них же товары и еще всякие сукна, камки, штофы, галуны и множество разных мелочей, отдавая им за оное лошадей, рогатую скотину, овец и разной пушной

товар, что все на том же почти месте продают они (русские купцы) за наличные деньги. Итак, каждой национальной, то есть русской купец отъезжает в свой дом всегда с тройною прибылью и с потребным ему остатком сыровых бухарских продуктов и таких товаров, кои в России почитаются весьма надобными ж»³.

На меновых дворах Оренбурга и Троицка торговали как местные торговцы, в том числе татары Сеитовской слободы (Каргалы), так и приезжие из внутренних губерний русские купцы. Последние располагали большими капиталами и держали обмен с казахами и среднеазиатскими купцами под контролем. После завершения торговых операций они уезжали обратно в свои города, не неся в пользу Оренбурга и Троицка никаких расходов. По словам оренбургского губернатора А. Рейнсдорпа, «приезжающие купцы... со здешними (оренбургскими) гражданами имеют во всем одинакия выгоды, а притом ни постоянными, ни другими городскими исправлениями не обязаны, то охотнее принимают они чрез 2 или 3 тысячи верст повсягдно сюда приезжать и отъезжать, нежелъ здесь селиться и умножать число граждан оренбургских, подвергая себя всем тем затруднениям, которое имеет ныне поселенное в Оренбурге купечество»⁴.

Местные торговцы не располагали большими капиталами и не могли совершать крупные ростовщические операции. Оренбургский губернатор А. Рейнсдорп писал, что «после того как приезжающая сюда из других мест купцы, окончив свои торги, обратно в дома свои отъедут, то здешним жителям на

¹ Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. М., 1984. С. 79.

² Он же. Указ. соч. С. 79; В указанное число не попал хлеб, проданный помещиками, так как они были свободны от таможенных сборов.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 481—482.

⁴ Там же. С. 475.

звороты свои и небольшого числа денег за 10 процентов занять бывает не у кого; отчего многие торгов и промыслов своих распространять не в состоянии»¹. Губернатор добивался у правительства разрешения на выдачу губернских денег предпринимателям в рост. Это была попытка наладить в крае нечто вроде банковского дела.

§ 4. Социальные отношения

Помещичья деревня. Во второй половине XVIII в. Башкирия составляла органическую часть единого российского позднефеодального общества. Господствующее общественное положение в России занимало дворянство. Оно продолжало численно расти в Башкирии. За вторую половину XVIII в. здесь образовалось более 150 новых дворянских владений².

Пополнение местного дворянства шло за счет офицеров воинских частей, расквартированных в крае. За службу они получали поместья, а со временем уходили в отставку. На их места в части назначались вновь прибывшие дворяне³. Состав дворянства расширялся также за счет верхушки Оренбургского казачьего войска и верхнего слоя губернских и уездных чиновников, которые наделялись за службу поместными землями.

Помещики увеличивали свои владения за счет покупки и захвата башкирских вотчинных земельных угодий. Среди них появились крупные землевладельцы. В Башкирии приобрели поместья такие крупные российские вельможи, как Воронцовы, Обуховы, Останковы, Языковы и другие. К концу столетия в Оренбургской губернии дворянам принадлежало 2,5 млн. дес. земли⁴.

Дворянство пользовалось большими привилегиями. В 1785 г. «Жалованной грамотой дворянству» было подтверждено монопольное право дворян на владение землей и крестьянами, широкие привилегии заниматься торговлей и промышленностью, заводить предприятия по переработке продуктов сельского

хозяйства и т. д. Дворяне, как и раньше, освобождались от подушной подати и всех других налогов и платежей, от рекрутской, постоянной, дорожной и других повинностей.

Вместе с распространением помещичьего землевладения в Башкирии расширялась крепостническая форма эксплуатации.

Помещичьи крестьяне несли владельцам натуральные повинности. Господские земли обрабатывались барщинным трудом. Согласно обследованиям сенаторов М. Спиридова и И. Лопухина, в конце XVIII в. в крае все помещики имели «своих крестьян на пашне»⁵. Каждое крестьянское тягло* обрабатывало на помещика 2 дес. под озимый (ржаной) и 2 дес. под яровой хлеб, а всего 4 дес. земли, заседало ее, убирало хлеб. Кроме того крепостные на своих подводах доставляли барину сено, дрова, вывозили господский хлеб и животноводческие продукты на рынок и т. д.

На барщине крестьяне работали 3 дня в неделю. Помещики обычно делили их на 2 равные группы, которые поочередно работали в господском хозяйстве. В свободное от барской работы время крепостные трудились на своих наделах. Имели место и другие распорядки отбывания барщины. При выполнении извозных работ, в том числе при вывозе хлеба на рынок, помещик требовал от каждого тягла по две подводы, а из двух работников брал одного⁶.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 478.

² Новиков В. А. Сборник материалов по истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 45.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 455.

⁴ РГАДА. Экономические примечания. Ф. 1355. Д. 935, 936, 938, 940, 1106, 1113, 1136, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1882, 1884, 1886. Подсчет произведен автором.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 599.

* Крестьянское тягло включало в среднем 2,5—3 души м. п. Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 г. в Башкирии. М., 1983. С. 15.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 599.

Основные черты барщинного хозяйства получили характеристику в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». По его словам, в эпоху крепостного права сущность помещичьей хозяйственной системы «состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт...»¹ Он давал крестьянам средства к жизни, а помещикам — рабочие руки. «Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. «Надел» крестьянина служил, таким образом, в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»². Эта характеристика полностью соответствует барщинному хозяйству Башкирии во второй половине XVIII в.

В Башкирии помещичья собственность на землю реализовывалась и в некрепостнических формах. Нередко крепостники сдавали свои поместные земли в долгосрочную аренду крестьянам. Например, в Уфимском уезде в 1781 г. поручик Каловский сдал свою «родовую» землю дворцовым крестьянам Юрмашского починка Семену, Ивану и Дмитрию Пеговым, Григорию и Василию Ерыкалиным на 35 лет за

50 руб. Согласно договору, арендаторы имели право на тех угодьях пашню пахать, сено косить, а для городьбы жерди и колья рубить³. Они не превращались в крепостных Каловского. Условия арендного договора не предусматривали передачу крестьян-арендаторов в собственность крепостника.

Встречались случаи, когда помещики разрешали крестьянам, не являвшимся их крепостными, селиться на своих поместных владениях из «припуска» и вести хозяйство за арендную плату. Так в 60-х гг. XVIII в. прапорщик Кублицкий припустил на свое поместье ясачных чувашей, прибывших из Свяжского уезда в количестве 23 душ м. п. Майор Бестужев поселил на своих владениях 33 души м. п. чувашей из Свяжского и Чебоксарского уездов, прапорщик Уразлин — 19 душ м. п. служилых татар из Свяжского уезда и 58 душ м. п. чувашей из Казанского, Свяжского и Чебоксарского уездов, помещики Гладышевы — 34 души м. п. чувашей с землями из Симбирского, Свяжского, Чебоксарского и Цивильского уездов⁴. Всем припущенникам разрешалось иметь крестьянский двор и вести хозяйство на господских землях за арендную плату. В конце XVIII в. в Оренбургской губернии во владениях помещиков на правах припущенников числилось 19 крестьянских селений⁵.

Так же как аренда, припуск ставил припущенника в земельную зависимость от собственника. Но она не перерастала в крепостную форму зависимости. Припускные условия не предусматривали перемещение припущенника от одного собственника к другому. Так же как арендатор, припущенник оставался во власти того собственника, которому он

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 183.

² Там же. С. 183—184.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 123.

⁴ РГАДА. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Кн. 3795. Лл. 20—23, 27—29; Кн. 3798. Лл. 16—19, 20—23, 59—63, 128—130, 346—348.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 395.

принадлежал до припуска, а, следовательно, оставался в рядах того феодального сословия, к которому он принадлежал до припуска. Например, перечисленные выше ясачные чуваши Свяжского, Чебоксарского, Казанского, Цыпильского и Симбирского уездов, став припущенниками помещиков Башкирии, не превратились в их крепостных, а оставались в категории ясачных крестьян. Точно так же служилые татары-припущенники оставались в рядах служилого населения губернии. По существу, припуск на поместные земли являлся разновидностью свободной аренды земли у помещика. Отличие припуска заключалось в том, что эта форма арендных отношений предполагала переселение арендатора на поместную землю, в то время как при обычной аренде оно было не обязательно.

Помещики, представляя господствующий слой общества, занимали, как правило, места в административных, полицейских и судебных органах. Они широко пользовались своим служебным положением для закабаления и прямого принуждения тех людей, которые не являлись их крепостными. Так, чиновник Роман Уразлин принуждал башкир Каршинской волости работать на своем кожевенном заводе в течение месяца и бил их жестокими побоями¹. Помещик А. Тевкелев «завладел» государственными «ясашными людьми по неправым отдам², а других побрал самовольно собою во крестьянство дворов больше 200 с казанскими» и из них «великие деревни поселил»³. Чиновники Шафей Еназаров и Роман Уразлин, действуя совместно с другими должностными лицами, «обобрали... Уфинского уезду башкирцов и протчих иноверцев»⁴.

После секуляризации в 1764 г. церковно-монастырских земель бывшие монастырские крестьяне перешли в распоряжение экономического ведомства и несли феодальные повинности в пользу государства. Дворцовые крестьяне (с 1797 г. удельные) эксплуатировались дворцовым (удельным) ведомством.

Горнозаводское население. Еще одна линия развития феодальных отноше-

ний в Башкирии проходила под властью горнозаводского землевладения. Примерно с 40-х годов XVIII в. здесь прекращают существование казенные горные заводы, строились и работали исключительно частные предприятия. Владели ими либо дворяне, либо купцы. Первые из них располагали широкими привилегиями, могли приобрести в собственность неограниченное количество крестьян и земельных угодий, беспрепятственно строить и эксплуатировать горные предприятия. Купцы имели право лишь на найм работников. Каждая покупка на крестьян и мастеровых людей осуществлялась лишь с разрешения Берг-коллегии. Поэтому купцы-заводостроители стремились приобрести дворянские привилегии.

Согласно законодательству о заводском строительстве, предприниматели, наладившие горнопромышленное дело, жаловались привилегиями в отношении пользования рудными месторождениями. Получившему такую привилегию или «жалованную грамоту» заводчику отводилась в каждом месте, где будет найдена руда, земля в размере «250 сажень долготы, 250 сажень ширины»⁵. Например, в 1748 и 1753 гг. предприниматели И. Б. Твердышев и И. С. Мясников получили под свои горные заводы 482 «медных рудника» площадью 200 на 50 сажений каждый. Они находились в южной части Башкирии по рекам Сакмара, Верхний и Средний Каргалы, Карамалы (Кармалы), Салмыш, Янгиз, Ашик Темир, Кумбет (Курбет), Юшатыр, Токус Темир, Абиулган, Кургаза, Казлаир (Кузлаир), Замзя (Санзе), Миниус, Нижняя, Средняя и Верхняя Чибилы (Чибилны), Ик, Ташлы и другим речкам на башкирских

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 544.

² По подложным документам.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 546.

⁴ Там же. С. 545, 548.

⁵ ПСЗ. Т. 5. № 3464; Т. 10. № 7766.

землях¹. Всего на башкирских землях было отведено горнозаводчикам более трех тысяч рудников с правом бесплатного вывоза руды. В отдельных волостях башкиры открывали собственные рудники. Они добывали руду и доставляли ее на заводы «своим коштом» за плату².

В тех случаях, когда завод сооружался на дворцовых, синодальных, монастырских и помещичьих землях, горнозаводчик обязан был отдавать владельцу земли тридцать вторую долю своей прибыли³.

Заводовладельцы широко пользовались правом покупки и аренды земельных угодий у башкир, помещиков и других землевладельцев. К концу XVIII в. ими было куплено и арендовано в 40 волостях Оренбургской губернии более трех миллионов десятин башкирских земель⁴. Горнозаводчики превратились в крупнейших землевладельцев края.

Заводская земельная собственность, несмотря на некоторые ограничения, стояла близко к земельной собственности помещиков и, очевидно, должна рассматриваться как ее разновидность. Являясь земельными собственниками, заводчики переселяли в свои владения приобретенных крестьян, которые представляли основной источник формирования кадров мастеровых и работных людей, обслуживавших заводы и рудники. Первые выполняли квалифицированную цеховую работу и имели звание по мастерству. Их обучали преимущественно на Средне-Уральских заводах. «Работной человек» приготавливал «заводские припасы»⁵. По данным 1759 г. на заводах Южного Урала постоянно находилось в работе 4139 крепостных, из них 1350 были мастеровыми⁶. Остальные использовались на вспомогательных заводских работах (заготовка руды, древесного угля, перевозка грузов и т. д.).

Переселенных людей заводчиков наделяли небольшими участками земли под усадьбу, огороды и сенокосы. Они содержали домашний скот, местами сеяли хлеб.

За предоставленные земли масте-

ровые и работные люди должны были выполнять заводские работы, причем часть из них (преимущественно вспомогательные) «безденежно». Основные заводские работы оплачивались. Существовали окладное годовое жалование, повременная и сдельная оплата труда⁷.

Горнозаводские крестьяне не были свободны в личностном отношении. Заводовладелец одновременно являлся землевладельцем и душевладельцем, т. е. феодалом, который эксплуатировал труд крепостных.

С целью обеспечения предприятий рабочей силой горнозаводчики домогались приписки к заводам государственных и дворцовых крестьян. Казна удовлетворяла их просьбы. В 60—70-х гг. XVIII в. к заводам края были приписаны десятки тысяч государственных и дворцовых крестьян Оренбургской, Казанской и других губерний. Они выполняли значительную часть вспомогательных заводских работ, отрабатывая подушную подать. Часть приписных крестьян была переселена на заводские земли и вошла в состав мастеровых и работных людей. Например, в 1754 г. к двум строящимся Авзяно-Петровским заводам П. И. Шувалова приписали 5411 душ м. п. крестьян. Из них 937 душ в 1755—1759 гг. было переселено на заводы⁸.

По социальному составу мастеровые и работные люди не были однородны. Среди них имелись «лучшие» и «скудные» люди. К лучшим относились заводские служащие, квалифицированные мастера и представители торгово-предпринимательской прослойки (тор-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. I. С. 85, 89, 90.

² Там же. Ч. 2. С. 335—338.

³ Там же. С. 147, 585—588.

⁴ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 97—99, 121—122.

⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 312.

⁶ Там же. С. 316.

⁷ Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 147—149.

⁸ Там же. С. 98—99

говцы, подрядчики, владельцы мелких промышленных заведений и т. д.). «Скудными» были малооплачиваемые неквалифицированные работники заводов¹.

Торгово-предпринимательской деятельностью чаще всего занимались люди, привлекавшиеся на вспомогательные работы. Для выполнения заводских работ они нанимали вместо себя работников. К тому же некоторые виды вспомогательных работ были сезонными. Выполнив их, человек мог заниматься своим делом. Удельный вес торгово-предпринимательской прослойки был значительным. На Златоустовском заводе она достигала 15% населения².

На горных заводах многие работы производились, особенно в период их строительства и на начальных стадиях действия, наемным трудом. Например, И. Б. Твердышев и И. С. Мясников построили свои «медные и железные заводы вольнонимаемыми работными людьми». До 1758 г. их предприятия действовали, «нанимая тех работных людей по пашпортам в Казанской и Нижегородской губерниях в разных жителях»³. Так поступали и другие заводовладельцы.

Однако наемный труд не являлся тогда стабильным и надежным источником обеспечения заводов рабочей силой. Нередко заводовладельцы встречали противодействия при наймах работников. Те же И. Твердышев и И. Мясников не смогли в 1757 г. использовать труд нанятых их приказчиками в Нижегородской губернии дворцовых крестьян в количестве 135 человек. Договор о найме самовольно расторгли дворцовые управители и распустили нанятых работников по домам⁴.

Принудительный труд был гарантированным и более дешевым. Поэтому горнозаводчики предпочитали его перед наемным. Тем не менее вольнонаемный труд сохранялся. Горные заводы привлекали в широких масштабах башкир, тептярей, бобылей и ясачных крестьян к подвозке руды, строительного материала и на другие работы.

Заводовладельцы сдавали часть зе-

мельных угодий в аренду крестьянам или припускали их на заводские земли за определенную плату. Но аренда и припуск не влияли на социально-сословное положение арендаторов и припущенников. Они не попадали в личную зависимость от заводовладельцев. Собственник заводских земель не распоряжался личностью арендаторов и припущенников.

Башкирское общество. Произошли некоторые изменения в социальной структуре башкир. После бурных событий 30—50-х годов XVIII в. правительство с целью ослабления башкирских феодалов прекратило выдачу им грамот на тарханство. Одновременно лишились части своих привилегий ранее титулованные тарханы⁵. Тем не менее, они, обладая большим количеством скота и другими богатствами, продолжали оказывать экономическое и политическое влияние на башкир. К тарханам призывали феодалы из верхушки мусульманского духовенства.

Наиболее многочисленный слой башкирских феодалов состоял из старшин и их помощников. Они назначались губернской администрацией из числа влиятельных богатых башкир, в т. ч. тарханов. В руках старшин находилась административная и полицейская власть в волостях, они распределяли общинные земли, отвечали за своевременную выплату налогов и несение натуральных повинностей общинниками, принимали участие в Третьейских судах. Все это укрепляло положение старшин в обществе.

Башкирские феодалы располагали большим количеством скота. В 1763 г. состоятельные башкиры Ногайской дороги писали оренбургскому губернатору Д. Волкову, что «скота достаточно име-

¹ Черкасова А. С. Указ. соч. С. 135—136.

² Там же; История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 320.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 348—349.

⁴ Там же. С. 348.

⁵ Там же. Ч. I. С. 4.

ем», что «из нас же у многих по 200 и по 300 лошадей и по 100-у коров, также по немалому числу овец имеется»¹. Крупными стадами скота владела башкирская феодальная верхушка Сибирской дороги. По наблюдениям П. С. Палласа, «нередко здесь можно сыскать владельцев, кои по несколько сот лошадей имеют, а есть и такие, коих богатство в сем от двух до четырех тысяч лошадей простирается»². Значительным количеством скота распоряжались богатые башкиры Казанской и Осинской дорог.

В связи с постепенным переходом башкир к оседлости и земледелию, углублением процесса феодализации среди тарханов и старшин усиливается стремление к приобретению земельных угодий в собственность. Так, в Каршинской волости Казанской дороги старшина Шарип Мряков купил у башкир дер. Касаево «в вечное владение» пашенные и другие угодия³. Вслед за этим он «припустился» в другую общину той же волости с правом «поселитца деревнею», «пашню пахать, сено косить, рыбу ловить»⁴. Такие примеры встречались и в других местах. И все же частное землевладение не получило широкого распространения среди коренных жителей края.

Башкирские земли, как и раньше, находились в общинной собственности. Но это не препятствовало феодалам распоряжаться ими по своему усмотрению. Они захватывали лучшие пастбища для своего многочисленного скота, за взятки продавали и сдавали в аренду общинные земли пришлому населению. Рядовые общинники пользовались теми угодьями, которые отводили им старшины и тарханы. Таким образом, под общинной собственностью на землю прикрывалась земельная собственность башкирских феодалов.

Непосредственные производители, будучи равноправными совладельцами общинной земли, находились в угнетенном положении, несли в пользу феодалов отработочную и продуктовую ренты⁵. Правда, они не фиксируются в документах как узаконенные повинности.

К традиционным формам эксплуатации, как өмэ, аш, сауун и другие патриархально-родовые обычаи, прибавились новые способы угнетения общинников. Среди них особенно выделялись самовольные поборы феодалов с подвластного населения, долговая кабала и т. д. Например, башкир дер. Зюбеирово Бирского уезда Акай Зубеиоров являлся кредитором 25 человек, которым ссудил более 700 руб.⁶ Феодалы злоупотребляли властью, допускали произвол и насилие по отношению к общинникам и припущенникам⁷. Все это тяжело отражалось на хозяйстве общинников, вело их к разорению. Отдельные башкиры, не имея средств, продавали своих детей и жен в рабство, отдавали детей в работники, закладывали вотчинные земли⁸.

Продажа башкирами своих детей и жен была разрешена еще в 40-х годах XVIII в. В 1779 г. оренбургский губернатор И. Рейнсдорп наложил запрет на продажу и закладывание «детей башкирцов» в Исетской провинции⁹. Однако определение губернатора не остановило процесс. В 1785 г. Уфимское наместническое правление констатировало, что

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 44.

² Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1783. Ч. 2. Кн. 2. С. 95—96.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 343.

⁴ Там же. С. 345, 401.

⁵ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 53; Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII в. Уфа, 1981. С. 54, 55; Акманов И. Г., Кульшарипов М. М. Социально-экономические последствия присоединения Башкирии к Русскому государству. // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 34.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 558—559.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 15, 59, 235, 542, 543, 555.

⁹ Там же. С. 549.

«некоторые башкирцы от голоду детей... своих продают за малую цену», а те, кто не имеет «случая детей своих продавать и нечем вывести для продажи, от голоду, а паче в зимние времена, помирают»¹. Очевидно, такие случаи были не единичны. Наместническое правление ставило перед правительством вопрос о целесообразности «детей у неимущих башкирцов на казенные деньги покупать или на казенный провиант менять»².

Потребность в деньгах вынуждала башкир выполнять различные работы на горных заводах Урала. За плату они добывали руду, рубили лес, жгли древесный уголь, доставляли на своих подводах на предприятия руды³, уголь, дрова, глину, песок, камни и другие материалы. Общинники рядились заготавливать и доставлять строительные материалы состоятельным жителям городов Башкирии⁴. Бедные башкиры нанимались на работу к богатым башкирам, мишарям, казакам, купцам⁵.

Имущественные различия между общинниками углублялись, усиливая феодализацию башкирского общества.

Башкиры продолжали нести феодальные повинности в пользу государства. Основной их повинностью была военная служба. Они охраняли Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии, участвовали в Семилетней войне 1756—1763 гг., в походах русских войск во время турецкой, польской и шведской кампаний. Служба сильно отягчилась. Если в 60-х годах на Оренбургскую линию башкиры ежегодно выставляли одного воина с восьми дворов, то в 80-х годах стали посылать одного воина с трех дворов. В 1797 г. на линии находилось 5520 башкир⁶. На службу они обязаны были являться на коне с вооружением и запасом продовольствия. Лишь с 1790 г. на Оренбургской линии башкиры стали получать казенное продовольствие, которое в 1797 г. было заменено денежным жалованьем по рублю на человека в месяц⁷. Тяжелыми были почтовая и подводная повинности башкир.

Припущенники и другие пришлые крестьяне. Несмотря на различные формы землепользования, эти категории

населения находились в феодальной зависимости от государства. Служилые татары и мишари несли военную службу и денежную повинность в пользу государства. С 1747 г. они платили казне с двора 25-копеечный ясак, который в 1754 г. был снят⁸. С этого времени для них основной повинностью оставалась военная служба, отправляемая совместно с башкирами.

Служилые татары и мишари Башкирии, в отличие от их средневожских сородичей, не располагали, за малым исключением, поместьями. Они вели хозяйство на арендованных у башкир землях. Как указывалось выше, указом от 11 февраля 1736 г. было повелено передать мишарям, выступившим во время восстания 1735—1740 гг. на стороне правительства, в вечное безоброчное владение арендованные ими земли у башкир — участников восстания. По указу же от 1 сентября 1755 г., башкиры — участники восстания, явившиеся с повинной, прощались и получали обратно прежние свои земли⁹. Все это породило путаницу и бесконечные земельные споры между башкирами-вотчинниками и мишарями. В результате, многие мишари, как и служилые татары, продолжали пользоваться башкирскими волостными землями из припуска¹⁰.

Наиболее крупную часть припущенников составляло тептяро-бобыльское население, состоявшее из татар, чувашей, мари, башкир, удмуртов, реже мор-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 555.

² Там же.

³ Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 595, 597.

⁴ Там же. Т. V. С. 65, 69.

⁵ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 134.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. С. 268.

⁷ Там же.

⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 433.

⁹ Усманов Х. Ф. Размежевание башкирских дач между вотчинниками и припущенниками по правилам 10 февраля 1869 г. // Из истории сельского хозяйства Башкирии. Уфа, 1976. С. 25.

¹⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 40—43, 51—53; Т. V. С. 391—393.

двы и русских. С 1747 г. на тептярях и бобылях лежала 80-копеечная подушная подать государству. Рекрут они не поставляли. В 1787—1789 гг. тептяри и бобыли платили казне «равный с государственными крестьянами оклад», то есть по три рубля с души мужского пола. В 1790 г. новый подушный оклад был отменен¹. Людей этого разряда вернули к 80-копеечному окладу. В том же году на тептяро-бобыльское население накладывается повинность формировать и содержать за свой счет один пятисотенный казачий полк, а в 1798 г. к нему прибавляется второй полк².

На тептярях и бобылях лежали натуральные феодальные повинности. Ежегодно они снаряжали людей в города, крепости, на казенные строительные и ремонтные работы. Посылали одного человека с каждых трех-восьми дворов. Единовременно снаряжалось 800—1000 человек. Тептяри и бобыли несли повинность по перевозке казенной соли до соляных пристаней, по охране соляных складов³. По словам П. И. Рычкова, на перевозке соли из Илецкой защиты до Ашкардарской пристани ежегодно было занято 1200 тептярей и бобылей⁴. Обременительность этих повинностей признал даже оренбургский губернатор И. Рейнсдорп. «От таковой соляной комиссии (тептяри и бобыли) приходят в крайнее изнеможение, — писал он. — Если люди употреблялись прежде сего только некоторые месяцы..., а ныне во весь год заставляют их возить соль, дрова, рубить бревна и другия разныя исправлять работы. Теряют чрез то по большей части лошадей, которые они из домов своих приводят и отвлекают знатное число прилежных земледельцев от приходящего уже в цветущее состояние хлебопашества»⁵. Тептяро-бобыльское население отбывало также подводную и почтовую повинности⁶.

Тептяри и бобыли не имели своих земельных наделов. Они вели хозяйство на арендованных башкирских землях. Хотя указом от 11 февраля 1736 г. тептяри и бобыли были освобождены от платежа оброка башкирам-вотчинникам, во второй половине XVIII в. многие

из них продолжали платить арендную плату.

Ясачные и государственные крестьяне (русские, татары, чуваша, мари, удмурты, мордва) вели хозяйство на землях, отведенных казной. Они размещались преимущественно на западе края и в Зауралье. В 1764 г. к государственным крестьянам были приравнены монастырские крестьяне, получившие название экономических. По социально-сословному положению к государственным крестьянам близко стояли однодворцы Западной Башкирии, ряды которых пополнялись за счет отставных солдат и матросов.

Ясачные и государственные крестьяне несли повинности казне. Все они поставляли рекрут, платили подушную подать, равную 70 коп. с души м. п., а с 1794 года — одному рублю. Кроме того, ясачные и государственные крестьяне платили казне оброчные деньги за надельные земли. Оброк равнялся 40 коп. с души м. п., с 1760 г. — одному рублю, с 1768 г. — двум рублям, а с 1783 г. — трем рублям⁷.

Часть ясачных и государственных крестьян вносила оброк натурой. Так, в Исетской провинции до 1783 г. они поставляли оброк хлебом. Казна ежегодно получала от них до 13 707 четвертей ржи и столько же овса⁸. Собранный хлеб поступал в склады гарнизонов Оренбургской линии.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 581.

² Там же. С. 581—582.

³ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 322—323; *Ташкин С. Ф.* Инородцы Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Инородцы Поволжско-Приуральского края. Оренбург, 1821. Вып. I. С. 212; *Очерки по истории Башкирской АССР.* Т. I. Ч. I. С. 217—218.

⁴ *Рычков П. И.* Описание илецкой соли // Труды Вольного экономического общества. СПб. 1772. Ч. XX. С. 36—37.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. I. С. 398.

⁶ Там же. Ч. 2. С. 18.

⁷ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2. С. 676.

⁸ *Тарасов Ю. М.* Указ. соч. С. 63—64.

На ясачных и государственных крестьянах лежали и другие феодальные повинности. Наиболее тяжелыми из них были заводские работы приписных крестьян. Обычно «из государевых волостей» допускалось приписывать к заводской домне одного работника мужского пола от 100—150 наличных крестьянских дворов, а к заводскому молоту — одного работника от 30 дворов. На деле Берг-коллегия игнорировала установленные правительством нормы приписки и отводила крестьян к горным предприятиям «целыми волостями». Особенно высокий удельный вес приписных крестьян был в Зауральской Башкирии. В 1763 г. указом Сената приписка к заводам крестьян Исетской провинции была приостановлена¹.

Приписанные к заводам государственные и ясачные крестьяне попадали под власть горнозаводчика. Однако лежащие на них феодальные платежи не снимались. Приписная зависимость принимала форму обязанности крестьянина принудительно «заработать» на заводских работах деньги на феодальные платежи государству.

Часть нерусских ясачных и государственных крестьян, помимо казенных земельных наделов, пользовалась башкирскими землями из припуска. Их называли припущенниками.

На оренбургских казаках лежала сторожевая служба на пограничной линии и гарнизонная в городах и крепостях, различные натуральные повинности (фортификационные работы, ремонт дорог, конвоирование почты и т. д.). Все они наделялись казенной землей вокруг крепостей, а некоторые получали от государства денежное довольствие. В 1755 г. в штате Оренбургского казачьего войска состояло 1099 жалованных, постоянно находившихся на службе казаков, 703 маложалованных (получали жалование только на свою военную справу) и 3080 безжалованных казаков².

Во второй половине XVIII в. среди припущенников и других пришлых крестьян углубляется имущественное неравенство. Татарские и мишарские князья и мурзы, как и башкирские феодалы,

эксплуатировали трудовые массы. Усиливалась зажиточная часть пришлых крестьян. Богатые служилые татары, мишари, тептяри и бобыли, ясачные и государственные крестьяне, казаки расширяют свое землепользование, увеличивают поголовье скота и посевы, эксплуатируют чужой труд. Их продукция все больше поступает на рынок, способствуя проникновению товарно-денежных отношений в деревню. Они занимались торговлей и ростовщичеством, открывали различные промысловые заведения, выступали подрядчиками.

В то же время росла неимущая прослойка деревни. Из-за непосильности феодальных повинностей малосостоятельные крестьяне все чаще лишались земельных угодий, скота. Нужда заставляла их занимать в долг деньги у помещиков, заводчиков, богатых крестьян, башкир, казаков «на собственные нужды», «для платежа ясака» и других платежей с условием отработать в хозяйствах кредиторов и т. д.

Имущественное неравенство постепенно перерастает в социальное расслоение. Этому благоприятствовали доступность к аренде и покупке башкирских, казенных и помещичьих земель, относительная свобода распоряжения земельными угодьями в государственной и прочей деревне. Тем не менее крестьянство оставалось низшим податным сословием феодального общества.

Были и другие сословия. В городах и крупных селах, кроме военных и полуговарных людей, проживали купцы, мещане, разночинцы и др. В крае торговлей занимались преимущественно купцы 3-й гильдии и торговцы, не попавшие в купеческое сословие. Среди последних особенно выделялись «торговые татары», проживавшие в Оренбурге, селах Каргалы, Чебенки и др.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 366—367.

² Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 79—80, 97, 99, 101, 105.

Купцы, торговые татары, мелкие торговцы и предприниматели поддерживали связь с земледелием. Некоторые из них имели казенные наделы, но большинство вело хозяйство на арендованных башкирских землях. Почти все они являлись припущенниками либо башкир-вотчинников, либо помещиков и горно-заводчиков.

Таким образом, население края было многосословным. На каждом сословии, за исключением дворянства и духовенства, лежали свойственные только ему повинности душевладельцам и государству. Социальные отношения в Башкирии во второй половине XVIII в. были феодальными.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1773-1775 ГГ. ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е.И.ПУГАЧЕВА НА ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА

§ 1. Начало Крестьянской войны. Боевые действия в Башкортостане на первом этапе народного движения (17 сентября 1773— март 1774 гг.)

Причины восстания. Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева была самым мощным вооруженным выступлением трудовых масс феодальной России против режима крепостнической эксплуатации и политического бесправия. Она охватила обширную территорию на юго-востоке страны (Оренбургскую, Сибирскую, Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую, Астраханскую губернии), где проживало 2 млн. 900 тыс. жителей мужского пола, в своей массе состоящие из крестьян различных категорий и национальностей¹. Восстание было следствием углубления кризисных ситуаций в социально-экономической жизни страны, сопровождавшихся усилением феодального и национального угнетения трудовых масс и обострением классовых отношений.

Глубокий антагонизм угнетенного населения страны и господствующей верхушки проявлялся в разнообразных формах классовых выступлений трудящихся масс. Кульминацией народной борьбы стало выступление Пугачева, быстро переросшее в широкую крестьянскую войну. Основные события ее разворачивались на Южном Урале. Причины этому следует искать в социально-экономической и политической истории края.

К началу Крестьянской войны многонациональное население Башкирии имело двухсотлетний опыт совместного проживания, совместного труда и борьбы. В ходе вольной крестьянской, правительственной и частновладельческой колонизации происходило хозяйственно-бытовое сближение народов разных национальностей и этнических групп, складывалось их взаимопонимание, укреплялась дружба между народами.

Абсолютное большинство населения края составляли башкиры, мишари, служилые татары, казаки, нечастновладельческие категории крестьянства. Помещичье землевладение не получило широкого распространения. В роли непосредственного эксплуататора трудовых масс выступало само государство. Олицетворением феодального гнета были представители аппарата абсолютистского крепостнического государства, начиная от губернатора и командиров воинских гарнизонов и кончая служителями провинциальных и воеводских канцелярий. Ведущей формой эксплуатации нечастновладельческого крестьянства, нерусских народов, казачества Южного Урала была централизованная рента, представляющая собой совокупность податей и натуральных повинностей в пользу государства².

¹ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971. С. 83—102.

² Назаров В. Д., Рахматуллин М. А. Факторы и формы совместной борьбы народов России в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (к постановке проблемы) // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1977. С. 35.

Усиление позиций феодально-крепостнического государства в Башкирии в середине XVIII в. особенно заметно проявилось в его земельной и финансовой политике. В связи с возведением разветвленной системы крепостных линий и хозяйственным освоением края были насильственно отторжены казны, расхищены помещиками и заводладельцами огромные земельные территории у башкир. Это вело к обострению пастбищно-земельной тесноты башкирского полукочевого хозяйства. Башкирское и тептяро-бобыльское население остро реагировало на усиление фискального гнета (введение в 1747 г. подушной подати с тептяро-бобыльского населения и замена в 1754 г. башкирского ясака принудительной покупкой соли по фиксированной цене).

Для яицких и оренбургских казаков, башкир, мишарей, служилых татар обременительным было выполнение военных потребностей государства. Гарнизонная, сторожевая и пикетная службы, участие в военных походах были связаны с большими материальными затратами на снаряжение и с длительным отрывом от хозяйства основной рабочей силы.

Возрастание феодального гнета проявлялось и в ограничении личных и имущественных прав крестьянства. Особенно тяжелым было положение работных людей и приписных крестьян уральских заводов, страдавших от крепостнических условий труда, натурально-денежных повинностей, жестокого режима жизни, произвола и физических истязаний со стороны заводладельцев.

Во второй половине XVIII в. с общим расширением крепостной юрисдикции ухудшались социально-политические условия жизни трудового народа. Деятельность Оренбургской экспедиции, организация в 1744 г. Оренбургской губернии привели к созданию большого чиновничье-бюрократического аппарата управления и суда. Все сферы жизнедеятельности населения оказались под контролем абсолютистского государства в лице его местных представителей. Политика правительства была направлена

на ограничение и притеснение судебных прав государственных крестьян, особенно из среды мусульманского и языческого населения, ограничения во внутренней социально-политической жизни башкирского общества и казачества. Нерусское мусульманское и русское старообрядческое население было недовольно правительственной вероисповедальной политикой.

Сословно-крепостническое бесправие и эксплуатация трудящихся вызывали социальный протест народных масс. Классовая борьба трудового народа страны во второй четверти XVIII в. и в годы, непосредственно предшествующие Крестьянской войне, выливается в ряд крупных восстаний, охвативших до 250 тысяч помещичьих, монастырских, горнозаводских крестьян. Особенной остротой и стойкостью характеризовались крупные волнения на Авзяно-Петровских, Каслинском, Кыштымских и других заводах Оренбургской губернии, восстание крестьян Далматовского монастыря. Башкирские восстания 1735—1740 гг. и 1755 г., направленные против феодального и национального гнета, способствовали приобретению опыта борьбы с эксплуататорскими верхами. В январе 1772 г. трудовая часть яицких казаков подняла вооруженное восстание, направленное в защиту ряда привилегий казачества, в том числе за восстановление прав войскового круга как высшего органа самоуправления.

В ходе этих восстаний появились зачатки социальной солидарности между трудовыми массами различных национальностей, приведшие к их совместной борьбе в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Усиление феодального и национального гнета в отношении трудовых масс Южного Урала определило их массовое участие в повстанческом движении, несмотря на правовые, социальные, этнические и религиозные различия, отступавшие зачастую на второй план перед общими целями борьбы. Интересы всех социальных сил, составлявших антифеодальный лагерь—крестьянства, приписных крестьян и работных людей

уральских заводов, нерусских народов, казачества, в целом совпадали.

Скопление на Южном Урале «бунтующих сил», т. е. трудовых масс, недавно вырвавшихся из-под крепостной неволи или еще не испытавших феодальный гнет в его наиболее грубой и тяжелой форме, наличие условий, создающих возможность совместных выступлений широких народных масс разных национальностей, с одной стороны, и наступление крепостничества, усиление феодальной эксплуатации государства в отношении податного населения, с другой стороны, — способствовало превращению этого края в очаг, где вспыхнуло Пугачевское восстание¹.

Зачинателями Крестьянской войны 1773—1775 гг. выступили яицкие казаки. Одним из главных условий превращения народного движения в крестьянскую войну было участие на стороне восставших значительной военной силы, способной внести в ряды повстанцев известную военную организованность, решить ряд принципиально важных вопросов повстанческого характера. Именно такую роль в Пугачевском восстании взяли на себя казаки Яицкого, а затем и Оренбургского войск. Однако казачество уже на стадии подготовки восстания ориентировалось на поддержку его крестьянством. Предводитель народной войны Е. И. Пугачев говорил накануне восстания, что «он с войском следовать будет в Русь, которая-де вся к нему пристанет»².

Несмотря на значительный вклад казачества в организацию восстания, его главной движущей силой было крестьянство. Как и в годы Великой крестьянской войны в Германии, в период Пугачевского движения «борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета»³. Участие в восстании широких масс крестьянства, его интересы, его место в общенациональном процессе превращали народное движение в общенациональную крестьянскую войну, придавали ей антикре-

постническую, антидворянскую направленность⁴.

Бердский повстанческий центр. Началом Крестьянской войны 1773—1775 гг. считается 17 сентября, когда Е. И. Пугачев обнарудовал свой первый манифест казакам Яицкого войска, где жаловал их старинными казачьими вольностями и привилегиями, а затем с отрядом в 60 человек выступил в поход к административному центру войска — Яицкому городку.

Предводитель последней Крестьянской войны в России Емельян Иванович Пугачев был выходцем из обедневшей донской казачьей семьи. Он имел хорошую военную подготовку. С 17 лет Пугачев на казачьей службе, участвовал в Семилетней войне 1756—1763 гг., а в 1768—1770 гг. — во второй русско-турецкой войне. За отвагу при штурме крепости Бендеры получил звание хорунжего (младший казачий офицерский чин). В 1771 г. был отпущен по болезни домой. Не добившись отставки, Пугачев перешел на положение «беглого казака». Он много походил по стране, был и за ее рубежами. Жил среди терских казаков, в селениях раскольников-старообрядцев под Черниговом и Гомелем, затем среди заволжских старообрядцев на р. Иргиз и наконец — в Яицком городке. В 1772 г. за подговор яицких казаков к бегству на Кубань Пугачев был схвачен и брошен в казанскую тюрьму, по приговору Сената осужден на каторжные работы в Пелым. Но в мае 1773 г. Пугачеву удалось бежать из казанской тюрьмы. Он вернулся на Яик и с группой казаков в августе — первой поло-

¹ *Белявский М. Т.* Первый этап Крестьянской войны 1773—1775 гг. и его особенности // История СССР. 1975. № 1, С. 61.

² Протокол показаний М. А. Кожевникова на допросе 11 сентября 1773 г. в Яицкой комендантской канцелярии // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17-ти т. М.; Л., 1940. Т. 9. Кн. 2. С. 694.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 364.

⁴ *Белявский М. Т.* Некоторые итоги изучения идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России // Вестник МГУ. Сер. 8. История, 1978. № 3. С. 20.

вине сентября обсуждал вопросы предстоящего вооруженного восстания. Казаки оценили ум, решительность, энергичность Пугачева, его находчивость, умение разбираться в событиях и людях, организаторские способности. С их согласия Пугачев принял на себя имя «императора Петра Федоровича», свергнутого с престола в результате дворцового переворота, и стал во главе повстанцев. Самозванчество Пугачева — «народного заступника царя Петра III» было рассчитано на самую широкую поддержку народа, вынашивавшего навивную идею борьбы за воцарение справедливого монарха.

18 сентября первый пугачевский отряд подошел к Яицкому городку. Встреченные артиллерийской стрельбой повстанцы не решились на штурм крепости. Отряд был малочисленным и не имел ни одной пушки. Пугачев принял решение идти по Яицкой крепостной линии к Оренбургу. По пути движения повстанцев крепости сдавались одна за другой, а казаки, солдаты, башкиры, татары, калмыки пополняли отряд Пугачева. 5 октября повстанцы блокировали Оренбург. Главные силы Пугачева, насчитывавшие 2500 бойцов при 20 пушках, расположились в 5 верстах от города в Бердской слободе. С этого дня начался отсчет шестимесячной осады Оренбурга — административного центра обширного края, одной из сильнейших крепостей России.

Повстанческие документы не дают ответа на вопрос о причинах стремления пугачевцев перед походом в центр страны захватить Оренбург. Можно предположить, что, приступая к осаде города, Пугачев и его окружение пошли на удовлетворение требований казаков, башкир, казахов, для которых Оренбург и губернская администрация были олицетворением гнета и насилия феодально-крепостнического государства¹. С другой стороны, предводитель восстания, видимо, надеялся, овладев Оренбургом, обеспечить себе надежный тыл и собрать здесь многочисленное хорошо вооруженное войско для захвата Казани, Москвы и Петербурга².

Хотя пугачевцам не удалось взять Оренбург, оформившийся здесь Бердский повстанческий центр сыграл значительную роль в организации и расширении повстанческого движения. Фактически под его властью в течение полугодия находилась значительная часть Оренбургской губернии. Отсюда вышло 67 манифестов и указов Е. И. Пугачева, десятки указов повстанческой Военной коллегии к казакам, башкирам, русским и нерусским крестьянам, мастеровым и работным людям южноуральских заводов, в которых в той или иной степени нашли отражение экономические, политические, национальные, религиозные требования угнетенных масс. Уже в начальный период Пугачевского восстания определился его антифеодальный характер.

С первых дней восстания повстанцы повели письменную и устную агитацию среди населения Южного Урала. Активное распространение пугачевских воззваний сыграло решающую роль в быстром разрывании восстания. Трудовой народ рассматривал провозглашенные в этих документах вольности и льготы как освобождение от присяги прежним властям, ликвидацию старой администрации, освобождение от различных форм феодальной зависимости. Действия восставших масс шли значительно дальше тех положений, которые содержались в ранних указах и манифестах. Они отказывались подчиняться властям, прекращали работу на заводах, переставали платить налоги и исполнять другие повинности в пользу своих хозяев и государства³.

Обращения повстанческого центра, призывы к трудовому люду бороться за свою свободу получили живой отклик среди социальных низов населения края.

¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 418—422; Д. 1233. Л. 438; РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 35; Ф. 349. Д. 7183. Л. 187 об.; Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 415—416.

² Пугачевщина. Т. 2. С. 188.

³ Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М., 1980. С. 57—58, 276—277.

К концу года на службу «Петру III» — Пугачеву в Бердский лагерь прибыло до 25 тыс. повстанцев, было доставлено 86 пушек¹. В ноябре 1773 г. Пугачев создал здесь Государственную Военную коллегию — высший военно-политический и административный центр восстания, внесший определенные организационные начала в боевые действия повстанцев и деятельность местных повстанческих органов управления на освобожденных территориях.

Военная коллегия много внимания уделяла формированию Главного повстанческого войска, проведению боевых операций, нацеленных на овладение Оренбургом, Яицким городком и другими крупными административными центрами и крепостями. Основную ударную силу народной армии составляла казачья и башкирская конница. И хотя часть башкир, прибывших в Берду в первые месяцы восстания, Пугачев разослал по разным волостям «для возмущения башкирцов» и других народов, в его ставке в ноябре — декабре было не менее 5 тыс. башкирских конников, а позднее численность их возросла до десяти тысяч².

С Бердским центром связан первый этап повстанческой деятельности одного из выдающихся предводителей народной борьбы на Урале башкира Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дороги Салавата Юлаева. С 11—12 ноября до начала декабря 1773 г. он участвовал в сражениях против оренбургских войск, проявив при этом такое умение и мужество, что Пугачев присвоил девятнадцатилетнему Салавату чин полковника и сделал его своим эмиссаром в отдаленном Красноуфимско-Кунгурском повстанческом районе.

С 5 октября 1773 г. по 23 марта 1774 г. пугачевцы, применяя различную военную тактику, безуспешно пытались овладеть Оренбургом. 9 крупных сражений с войсками оренбургского гарнизона, кончавшихся, как правило, поражением последних и их бегством с поля боя за спасительные крепостные стены, штурмы города, почти ежедневные перестрелки и сражения с высылаемыми из Оренбурга командами вынудили гу-

бернатора принять решение не выпускать свой гарнизон на открытое сражение, а ждать помощи от правительственных войск. Тогда повстанцы перешли к блокаде Оренбурга, чтобы «пресекши всякий проезд и провоз в него, через голод принудить его к сдаче»³. Все дороги, ведущие к Оренбургу, охранялись, почта перехватывалась и в Берде знали о передвижении карательных войск из центра страны и из Сибирской губернии.

Первые известия о восстании в Оренбургской губернии принес в Петербург рапорт губернатора И. А. Рейнсдорпа лишь 14 октября, почти через месяц с начала повстанческого движения. События на Яике вызвали сильное беспокойство Екатерины II и ее правительства. Только в октябре и ноябре Государственный Совет 12 раз обсуждал «пугачевские дела»⁴. Власти приняли ряд практических мер по военному подавлению восстания и пресечению пугачевской агитации. К Оренбургу были посланы карательные войска во главе с генерал-майором В. А. Каром. Екатерина II считала, что нескольких регулярных частей, подкрепленных башкирской конницей и поселенными в Казанской губернии отставными солдатами, будет достаточно, чтобы разбить пугачевцев и «тем все злоумышление прекратить»⁵.

Башкиры и другие нерусские народы края в Крестьянской войне. В октябре оренбургский губернатор разослал указы

¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 388—389; М.; Л. 1931. С. 214.

² РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 194; Пугачевщина. Т. 2. С. 134; Исторический архив. 1960. № 1. С. 166—167; Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сб. документов. Уфа, 1975. С. 53 (далее: Крестьянская война); Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 117.

³ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17-ти т. М.; Л., 1938. Т. 9. Кн. 1. С. 222.

⁴ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I. Ч. I. Ст. 437—444.

⁵ Русский вестник. 1869. Т. 81. С. 387.

о сформировании 5-тысячного отряда из башкир и мишарей Уфимской и Исетской провинций¹. Но башкирские формирования не спешили на соединение с карательными силами правительства. Благодаря широкой письменной и устной агитации, проводимой эмиссарами Пугачева, население Башкирии быстро узнало и о лозунгах восстания, и о первых успехах повстанческих отрядов.

Широкое распространение получили именные указы Пугачева на языке тюрки, адресованные башкирам. Учитывая их недовольство политикой царской администрации, на борьбу с которой башкиры неоднократно поднимались с оружием в руках, предводитель восстания обещал им за верную службу вновь объявленному «Петру III» пожаловать их волей, землей, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и посевами, жалованьем, солью, свинцом и порохом, свободой вероисповедания². В этих обращениях учитывались специфические нужды башкир, страдавших от захвата их земель заводчиками и помещиками, от притеснений со стороны местных властей, от многих повинностей государству, самой тяжелой из которых была военно-сторожевая служба. Свидетельством внимания к нуждам башкир было пожалование их солью. В указах нашли отражение требования социальных низов нерусских народностей Башкирии, выраженные в призывах освободить находящиеся «в невольности» у местных богачей-баев³.

По всем волостям Башкирии в октябре распространялись и указы главного полковника повстанцев башкирского старшины Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дороги Кинзи Арсланова. К сожалению, большинство этих документов не сохранилось, но о силе воздействия обращений Кинзи на народные массы можно судить по их оценке генералом Каром. В донесении Сенату от 31 октября 1773 г. он писал, что опасается, как бы башкирские отряды не перешли к повстанцам, ибо от «Кинзи Арсланова чрез разсеяние во всю Башкирию злодейских возмутительных писем», башкиры «в великой колеблемости

находятца и по сие время приходом к регулярным камандам медлют»⁴.

В ответ на пугачевские призывы первыми к повстанцам присоединились башкиры ближайших к р. Яику волостей, затем на их сторону стали переходить отряды, сформированные для проведения карательных операций. И все же в октябре 1773 г. основная масса башкир, мишарей, татар и других народностей Башкирии, находясь в «генеральном колебании», еще не решалась открыто поддержать восстание. В конце октября к месту сбора команд Уфимской провинции — к Стерлитамакской пристани подошло 2355 башкир, а исетский воевода отправил к коменданту Верхояицкой крепости 2 тысячи башкир⁵.

Собранные отряды стали объектами усиленной агитации со стороны пугачевцев. В ноябре к повстанцам присоединилось подавляющее большинство башкирских команд, прибывших для помощи подошедшим правительственным войскам. Поводом к этому послужили успешные боевые действия пугачевцев.

В боях 7—9 ноября высланный из Берды отряд под предводительством пугачевских атаманов яицких казаков А. А. Овчинникова и И. Н. Зарубина у д. Юзеево нанес поражение войску генерала Кара. Опасаясь окружения, Кар вынужден был спешно отступить к Бугульме. Это была крупная победа повстанцев. Их отряд, состоявший из 2 тысяч казаков, башкир и заводских кре-

¹ Крестьянская война. С. 36.

² Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений (далее: Документы ставки Е. И. Пугачева). М., 1975. С. 25—28; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Изд-во ЛГУ. 1966. Т. 2. С. 135—139.

³ Забиров В. Новые источники об участии националов в Пугачевщине // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 37; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 140—142.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 13 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 149; Ф. 6. Д. 504. ч. 1. Л. 6.

стьян, заставил бежать многоопытного генерала¹.

Через несколько дней после разгрома корпуса В. А. Кара, 13 ноября, под Оренбургом пугачевцам удалось захватить в плен вторую группу правительственных войск — отряд полковника П. М. Чернышева, состоявший из 1200 чел. и с ними 15 орудий.

Эти события не могли не сказаться на позиции башкирских отрядов, сформированных как кавалерийские части правительственных войск. 10 ноября к отряду Овчинникова и Зарубина присоединилась значительная часть стерлитамакского отряда (1200 чел.) под предводительством башкирского старшины Кыркули-Минской вол. Ногайской дороги Алибая Мурзагулова, а через неделю часть отряда увел в Берду походный башкирский старшина Тамьянской вол. этой же дороги Качкын Самаров².

Однако в корпусе генерал-майора Ф. Ю. Фреймана, взявшего на себя после отъезда Кара командование правительственными войсками, еще оставалось 1236 башкир и мишарей или 40% всего числа корпуса³. В конце ноября к ним присоединился срочно переброшенный из Польши башкирский отряд из 726 человек⁴. В район дислокации правительственных войск из Берды был послан отряд Качкына Самарова. Результатом его действий был переход на сторону повстанцев 1700 башкир⁵.

7 декабря исетский воевода А. П. Веревкин доносил в Сенат, что собранные им башкиро-мишарские команды «из разных мест от воинских команд в разные ж времена бежали»⁶. Не смогли развернуть действия по подавлению восстания и вошедшие в провинцию из Сибирской губернии войска под командованием генерал-поручика И. А. Деколлонга. Надежды правительства на быстрое «укрошение возмущения» в Оренбургской губернии и снятие осады Оренбурга рухнули.

Таким образом, мобилизация башкир привела к неожиданным для местной администрации результатам: собранные ею вооруженные команды в подавляю-

щем большинстве перешли на сторону повстанцев. Власти фактически помогли восставшим в кратчайшее время пополнить повстанческое войско такой мощной боевой силой, какой была башкирская конница. А основная масса башкир и других народов края в ноябре включилась «в генеральный бунт», и Башкирия до конца Крестьянской войны становится одним из основных районов интенсивного народного движения.

Довольно полные сведения об участии в восстании башкир и других нерусских народов дают документы местной администрации, составленные по запросу губернатора в конце 1774 года. По ведомости Исетской провинциальной канцелярии, к участникам Крестьянской войны были причислены башкиры всех 3174 дворов тринадцати волостей; мишари из 165 дворов; ясачное население из татар, мари, удмуртов (648 душ м. п.). «Непричастными к бунту» названы 2 башкирских, 6 мишарских, 3 татарских старшины, несколько сотников и рядовых — всего 52 человека. В Уфимской провинции из жителей 14092 башкирских, 2352 мишарских дворов и 180 дворов служилых татар, а также из 37416 душ м. п. ясачных татар, мари, удмуртов, чувашей и других нерусских народов не приняли участия в восстании башкиры из 54 дворов, 1170 ясачных татар, да 15 человек из числа башкиро-мишарской старшинской верхушки⁷.

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 1. Л. 199—200; Пугачевщина. Т. 3. С. 209; Красный архив. 1935. № 1(68). С. 166; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 171—180.

² Крестьянская война. С. 300; Пугачевщина. Т. 2. С. 134; РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 124, 211, 337; Ч. 5. Л. 47—48.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 1. Л. 204.

⁴ РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 16—17; РГАДА. Ф. 1100. Д. 5. Л. 68.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 1. Л. 183.

⁷ Там же. Ф. 1274. Д. 196. Л. 317; Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. V. С. 533—588, 590, 592, 594, 596—597, 601—602. Количественные данные о татарском, марийском, чувашском, удмуртском населении даны по сведениям на 1762 г.

Как видно, подавляющая часть нерусского населения Башкирии была вовлечена в восстание. Каждый двор мог выставить по 2—3 воина, а это означает, что повстанческое войско получило во время Крестьянской войны не менее 100 тысяч воинов из нерусских народов Башкирии, в том числе около 50 тысяч из башкир.

К числу участников восстания местная администрация отнесла и почти всю старшинскую верхушку башкир и других народов Уфимской и Исетской провинций. Хотя численный состав этой группы населения, включавшей волостных старшин (113 башкирских, 18 мишарских, 42 старшины других народов), их помощников, походных старшин, сотников, есаулов, хорунжих, старшинских писарей, отставных старшин, тарханов, представителей духовенства и др., не превышал тысячи человек, ее социально-экономическое и духовное влияние на рядовых общинников было значительным.

Отношение старшинской верхушки к восстанию определялось рядом моментов. С одной стороны, она была заинтересована в поддержке правительства, ибо в условиях роста социального неравенства власть давала ей возможность обогащаться за счет рядовых общинников методами внеэкономического принуждения. С другой стороны, среди старшин накапливалось недовольство политикой правительства. Отмена выборности старшин, назначение их губернатором, а прочих чинов — воеводами, полное их подчинение губернской и провинциальным канцеляриям с одновременной ликвидацией права наследования старшинской должности, — все это вело к тому, что старшины превратились в последнее, низшее, звено административного аппарата. На их имущественном положении не могло не сказаться отчуждение земельных, лесных и пастбищных угодий под крепости, заводы и поселения служилых людей и заводских крестьян. Вызывало недовольство притеснение мусульманской религии. Старшинская верхушка вынуждена была учитывать и настроение рядовых масс, подняв-

шихся на борьбу за свое освобождение.

Среди старшин выявились три группы, стоявшие на различных позициях по отношению к повстанческому движению. Первая из них сохранила верность правительству. По названным выше ведомостям Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий, из 173 старшин были открыто враждебно настроены к восстанию только 22 (9 башкирских, 10 мишарских и 3 татарских)¹. Считалось также, что все старшины ясачных татар, удмуртов, мари поддержали повстанцев. Однако эти сведения недостаточно полны и точны. Ведомости составлялись спешно в конце 1774 — начале 1775 г., когда многие обстоятельства поведения отдельных старшин, их помощников, ахунов и прочих не были известны начальству. Уже позднее выяснилось, что мишарский старшина Ногайской дороги Ишмухамет Сулейманов в ноябре 1773 г. по пути с Сибирской линии был схвачен повстанцами и сидел в чесноковской тюрьме до подхода к Уфе правительственных войск². До присоединения к карательным частям прятался от повстанцев мишарский старшина той же дороги Муксин Абдусаламов. За отказ подчиниться повстанцам был казнен башкирский старшина Сунларской вол. Сибирской дороги Халиль Якупов³. Правящий старшинскую должность в Чирлинской волости Исетской провинции Аязбай Кызылов с частью своей команды оставался в стороне от восстания и был использован воеводой Веревкиным для охраны дороги от Челябинска к Кыштымскому заводу⁴.

Документы властей и учреждений называют и других представителей старшинской верхушки, которым удалось избежать напора восставших масс и про-

¹ Материалы по истории СССР. Вып. V. С. 573—580, 600—602.

² РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 284. Л. 133, 134 об.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 443. Л. 5.

⁴ Плотников Г. Далматовский монастырь в 1773 и 1774 гг. или в Пугачевский бунт // ЧОИДР. Кн. 1. М., 1859. С. 21.

должить службу местным властям. Это башкирские походные старшины Утяган Нурмухаметов и Аднагул Авязбакуев, башкирские сотники Абдулзялиль Султанов, Шарыпкул Каипкулов, Абдул Сырметев, мишарские сотники Абдул-мазит Ахмеров, Бахтияр Янышев, сотники служивых татар Рахмангул Рахмангулов, Чурагул Уразметев и др.¹ Нет никаких сведений, подтверждающих участие в Крестьянской войне ахуна Исетской провинции депутата Уложенной комиссии 1767 г. Абдуллы Мулюмова Даушева. Зато известно, что он был в плену у повстанческого полковника Салавата Юлаева и доносил Деколонгу о том, что оставался «верным», несмотря на то, что пугачевский атаман И. Н. Грязнов дважды писал ему и 5 раз присылал агитаторов².

Рассматриваемая группа старшины была тесно связана с царскими властями. Она служила опорой администрации в проведении правительственной политики социально-экономического и национального угнетения трудовых масс, участвовала в подавлении народных волнений. За «подданческую верность» она получала всевозможные подачки от властей в виде денежных вознаграждений, выгодных постов и поручений, наконец, одобрительных подтверждений их «деятельности» в указах, которые старшинская верхушка использовала для престожа, как средство для возвышения над рядовыми общинниками для собственного дальнейшего обогащения, для грабежа и притеснения трудового люда. В дни Пугачевского восстания эта часть старшин выступила открытым союзником правительства. Своим активным участием в карательных акциях правительственных войск она стремилась пробить брешь в сословной замкнутости русского дворянства, получить офицерские чины, а затем и дворянские привилегии.

Вторая, основная группа старшины в той или иной степени приняла участие в восстании. Здесь были лица, недовольные политикой правительства, направленной на ущемление их прав и хозяйственных интересов, обойденные ми-

лостями губернских и провинциальных властей. Размах народного движения, первые военные успехи пугачевцев, разглашение ложных известий о взятии Оренбурга, Уфы и других крупных центров порождали у этой части старшинской верхушки иллюзии быстрого окончания восстания и возможности использовать даруемые «Петром III» — Пугачевым вольности в соответствии со своими интересами. На первом этапе Крестьянской войны они проявили активность в формировании повстанческих отрядов и даже на правах командиров команд возглавляли эти отряды. Но с приходом в Башкирию весной 1774 г. карательных сил, из 16 башкирских старшин и сотников, получивших от Пугачева звание полковника, семеро изменили повстанцам.

Ряд старшин включился в повстанческую борьбу с целью использовать военное положение для грабежа населения. Примером могут служить действия четырех башкирских старшин и пяти старшин ясачных татар Ногайской и Казанской дорог на территории западной Башкирии. Уже в ноябре 1773 г. в Берду поступили жалобы на притеснения и разорение хозяйств со стороны прикрывавшихся повстанческими призывами отрядов этих старшин во главе со старшиной Кара-Табынской вол. Кидрясем Муллакаевым. Повстанческие власти в лице полковников Караная Мратова и Нигматуллы Бакирова, атамана В. И. Торнова сурово расправлялись с грабителями. Наказание плетью, штрафование и смертные казни, к которым они прибегали, вызвали ненависть старшин и развращенных легкой добычей членов их команд. С приближением карательных войск они в начале апреля 1774 г. предательски захва-

¹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 1, 2; Ф. 6. Д. 592. Л. 498—500; Д. 507. Ч. 4. Л. 210—215; Д. 627. Ч. 2. Л. 378—379; Ч. 11. Л. 17; Крестьянская война. С. 51, 251, 375.

² ГАОО. Ф. 3. Д. 141. Л. 132—133; Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. С. 62.

тили в плен В. И. Торнова и доставили к начальнику воинской команды. И тот, «почтя сей... поступок за знак их раскаяния, распустил всех с билетами», свидетельствующими о верности правительственным властям¹. В дальнейшем они влились в ряды карателей, чтобы уберечь награбленное имущество и продемонстрировать свою лояльность к властям.

Были и такие старшины, которые участвовали в восстании под давлением повстанцев. По словам главнокомандующего правительственными войсками А. И. Бибикова, большинство старшин «отнюдь сему неустройству несогласны, но силою и страхом смерти от прельщенных злодеями понуждаются»². Да и сами муллы, купцы, старшины, разбогатевшие крестьяне объясняли позже свое вынужденное участие в восстании тем, что «деревни их совсем состоят» в руках повстанцев «и противитца они ничем им не могут, а оказывают во всем себя послушными и спасают живот свой»³.

В целом можно констатировать, что в первые месяцы Крестьянской войны старшинская верхушка второй группы не была вольна в выборе и в большинстве случаев вынуждена была учитывать настроение рядовых масс. Отсюда ее непостоянство и колебания. Примкнув к повстанцам под давлением восставшего народа или с корыстными целями, встав, по воинским правилам, во главе своих команд, или, по крайней мере, не выражая противодействия пугачевцам в условиях успехов восставших, старшины, а за ними и другие представители богатой верхушки местного населения по мере наступления карательных войск торопились отойти от восстания. Одни из них занимали нейтральную позицию, другие помогали царским властям в подавлении Крестьянской войны.

И лишь третья небольшая группа старшинской верхушки с самого начала и до конца сохраняла верность восстанию. Среди них особенно выделялись старшины из восточных районов, где башкирское полукочевое хозяйство наи-

более страдало от изъятия огромных земельных площадей под заводы и линии крепостей. Это наглядно видно на таком примере. Среди 39 башкир, удостоенных звания повстанческого полковника, было 16 волостных старшин, 1 походный старшина и 2 сотника. Из последних 19 полковников в рядах восставших сражались вплоть до захвата в плен 9 человек, из них трое были с Сибирской дороги, четверо — с Ногайской, двое — из Исетской провинции.

Таким образом, в Башкирии состав восставших был сложным. В антифеодальном лагере вместе с трудовыми массами оказались и представители феодализирующейся старшинской верхушки, высшее мусульманское духовенство.

Башкиры и казаки составляли наиболее боеспособную часть повстанческого войска. Их военная организация помогала в объединении сил восставших, вносила известную организованность при комплектовании крестьянских повстанческих отрядов. Среди башкир-повстанцев были вернувшиеся из Польши 2700 воинов, хорошо вооруженных и получивших опыт в крупных военных операциях русской армии⁴. Успехам повстанцев в первые месяцы восстания во многом способствовало превосходство их боевых сил в кавалерии.

Оценивая обстановку, сложившуюся на Южном Урале в конце 1773 г., генерал-аншеф А. И. Бибиков сообщал в Сенат 5 января 1774 г., что «от башкирской стороны получаютя ежедневные известия» о захвате пугачевцами селений, казачьих крепостей и заводов, причем «чернь от страху злодеям не противится, а иногда и добровольно к ним навстречу посылает»⁵.

Башкиры участвовали во всех операциях Главного повстанческого войска,

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 30 об.—34.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 98.

³ Там же. Ф. 20. Д. 1231. Л. 343.

⁴ Там же. Д. 954. Л. 66, 90—91; Д. 1231. Л. 2—3.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 68.

снабжали отряды восставших продовольствием, лошадьми, фуражом, несли сторожевую службу на дорогах, перехватывая правительственную почту и наблюдая за передвижением карательных отрядов. С указами Е. И. Пугачева и Кинзи Арсланова, полученными в Берде, они разъезжали по деревням Уфимской, Исетской, Пермской, Казанской и других провинций, призывая народ к восстанию, создавая там местные боевые отряды, оказывая помощь в учреждении и работе новых повстанческих властей.

Заводы Южного Урала в восстании.

Вести о восстании на Яике и появлении там императора «Петра III» — Пугачева вызвали брожение и волнения среди заводского населения края. В это время на 39 заводах Оренбургской губернии работало около 39 тыс. человек, в том числе 17479 крепостных, переселенных из центральных губерний, 17103 государственных крестьян и, по неполным данным, 4400 вольнонаемных¹.

Повстанческий центр придавал исключительное значение заводам и как резерву людской силы, необходимой для пополнения повстанческого войска, и как материальной базе восстания, ибо на заводах имелись значительные запасы оружия, боеприпасов и продовольствия, крупные денежные суммы. В октябре 1773 г. Пугачев обратился с указами к крестьянам, мастерам и работным людям Авзяно-Петровского, Кано-Никольского, Воскресенского, Белорецкого заводов «со обещанием им вольности и всяких крестьянских выгод с требованием, чтоб шли все в службу»².

Первым к восстанию присоединилось население ближайших к Оренбургу Воскресенского, Верхоторского, Покровского медеплавильных заводов и рудников³. Вскоре в числе восставших оказались Верхний и Нижний Авзяно-Петровские, Кухтурский, Кагинский железодельные заводы, составлявшие единый производственный комплекс. 22 октября сюда прибыл отряд из 8 казаков и 30 башкир во главе с одним из видных вожakov Крестьянской войны атаманом А. Т. Соколовым-Хлопушей⁴. Перед

собранным заводским людом был зачитан пугачевский указ, «а как во оном написаны были все крестьянские выгоды, то крестьяна закричали: «Рады ему, государю, послужить!», и выbralось охотников к Пугачеву в службу 500 человек»⁵. Так же восторженно встречали башкиро-казачьи повстанческие отряды на Преображенском, Каноникольском, Богоявленском медеплавильных, Вознесенском, Симском, Катавских, Юрюзанском железодельных и других заводах⁶. В течение октября и ноября в восстание добровольно включились 33 завода.

Позднее, в конце декабря 1773 г. — январе 1774 г. повстанческая власть была учреждена на заводах Исетской провинции, удаленных от главного центра восстания. В середине декабря выборные от крестьян Саткинского завода ездили на Юрюзанский завод за копией с манифеста Пугачева, а потом направились к пугачевскому полковнику башкирскому старшине Юлаю Азналину с рапортом об «усердственном повиновании... Третьему императору Петру Федоровичу», а 450 вольнонаемных крестьян-чувашей Златоустовского завода вступили в тайный сговор с башкирским повстанческим отрядом «о вспоможении» в случае атаки завода. С появлением здесь в последней декаде декабря отрядов повстанческого атамана табын-

¹ Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 328—334.

² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 30—31; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 4. С. 117; Овчинников Р. В. Указ. соч. С. 175—179.

³ Крестьянская война. С. 38, 124; Пугачевщина. Т. 2. С. 268; РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 1. Л. 49—51; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 241—243.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 4. Л. 30; Ч. 6. Л. 34 об., 35; Ч. 7. Л. 23, 25—28, 78—93, 104—110, 116—117, 123—128; Ч. 9. Л. 274—278; Д. 507. Ч. 3. Л. 537—538; Ч. 4. Л. 610—612.

⁵ Красный архив. 1935. № 68. С. 165.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 2. Л. 276 об.—277; Ч. 13. Л. 105 об., Д. 507. Ч. 5. Л. 147—148; Д. 627. Ч. 10. Л. 378, 404; Крестьянская война. С. 61.

ского казака И. С. Кузнецова и следом за ним отряда пугачевского полковника симбирского купца И. Н. Грязнова все четырехтысячное население Златоустовского и Саткинского заводов официально присягнуло «Петру III» — Пугачеву¹. До конца января 1774 г. повстанческим движением были охвачены все заводы Южного Урала².

Характерной особенностью вовлечения горнозаводского населения губернии в восстание было непосредственное участие в этом процессе повстанческих отрядов, состоявших в основном из башкир и казаков. Приезд пугачевских отрядов в большинстве случаев служил побудительным стимулом для перерастания заводских волнений в восстание³, рассматривался на заводах как необходимое условие торжественной церемонии присяги «императору» Пугачеву.

Башкиры-повстанцы, исполняя поручения Пугачева по установлению новой власти на заводах, рассчитывали на возвращение им захваченных владельцами заводов вотчинных земель. Ведь они уже знали, что своими указами вождь восстания жаловал башкир «во первых, даже до последка землями, водами, лесами...»⁴

В течение первого периода Крестьянской войны не было случаев уничтожения заводов башкирами (исключение составляют сожженные бездействующий Покровский и строящийся Азяш-Уфимский завод). Посланцы Пугачева действовали на заводах в полном контакте с местным населением. Правительственные чиновники вынуждены были даже констатировать, что в отношении к работникам заводов «башкирцы их ничем не вредили, а из их пожитков ничего не брали»⁵. Есть сведения и о заботе, проявленной повстанческими отрядами в отношении семей поверстанных в «казаки» заводских людей. В декабре 1773 г. башкирский отряд, действовавший в районе Златоустовского завода, пополнился 256 работниками заводских рудников, а семьи новых повстанцев башкиры помогли разместить по дерев-

ням теплярей и бобылей у Карагайской и Верхояицкой крепостей⁶.

Отдавая должное роли казаков и башкир в процессе присоединения заводов к восстанию, нельзя не отметить проявления инициативы и активности заводских крестьян. Они группами и в одиночку бежали в Берду, а затем служили проводниками направляемых на заводы отрядов. Пугачевские команды, вступавшие в заводы, были немногочисленны именно потому, что целью их был не насильственный захват или осада заводов, а лишь проведение совместно с готовыми к восстанию работными людьми и приписными крестьянами ряда мероприятий по установлению новой власти. Заводское население прекращало работу. Вместе с пугачевскими отрядами, а иногда и самостоятельно они расправлялись с представителями заводской администрации, защищавшей интересы заводовладельцев, конфисковывали деньги, продовольствие, оружие, инструменты, сжигали канторские книги с долговыми расписками. На восставших заводах устанавливалась повстанческая власть в лице выбираемых атаманов, есаулов, урядников, которые несли ответственность за сохранение денежной казны, налаживание снабжения населения продовольствием, а также следили за охраной заводов и общим порядком.

По заключению Оренбургской секретной комиссии, расследовавшей причины успехов восстания, заводские люди с получением пугачевских указов, «сами раззоря многия помещиков своих заводы, забрав деньги, хлеб и скот, яви-

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 10. Л. 191—192; Д. 504. Ч. 2. Л. 284, 286—288; Д. 507. Ч. 3. Л. 440—441; Д. 627. Ч. 10. Л. 401 об.; Пугачевщина. Т. 1. С. 195.

² Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 256—291; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 234—274, 328—336.

³ По подсчетам А. И. Андрущенко из 66 уральских заводов с появлением повстанцев возстало 44 завода. — Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 289.

⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 27.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 2. Л. 146 об.

⁶ Там же. Ч. 3. Л. 212—213, 219, 220, 340.

лись к самозванцу и все нужное, касающееся до артиллерии, привезли»¹. Из всех других категорий крестьянства они были «к самозванцу усерднее»². Заводские люди дали много талантливых предводителей народного движения. Среди них крестьяне Воскресенского завода — атаман и повытчик повстанческой Военной коллегии Г. Туманов, походные атаманы — А. Д. Ерусланов и К. С. Микеров, крестьянин Авзяно-Петровских заводов полковник Д. М. Загуменнов и другие.

Участие в антифеодальном народном движении заводского населения придало Пугачевскому восстанию некоторые отличительные качества. Заводские люди, привычные к коллективной деятельности на крупных предприятиях, к дисциплине труда, вносили в действия повстанцев элементы организованности, слаженность. Заводы снабжали повстанческое войско пушками, боеприпасами, оружием. С начала ноября до конца марта на Воскресенском заводе было отлито 15 медных орудий, на Авзяно-Петровском заводе изготовлено 7 бомб и 3 куля ядер³. Повстанцы пытались организовать военное производство и на Белорецком, Кано-Никольском, Преображенском (Зилаирском) заводах. Выпущенная этими заводами продукция занимала значительное место в притоке артиллерии и боеприпасов в Главное повстанческое войско под Оренбург. Но наладить широкое производство орудий, бомб и ядер не удалось. Сказалось отсутствие на заводах специалистов по литью пушек и снарядов, небольшие запасы чугуна на Авзяно-Петровском заводе. На первом этапе Крестьянской войны у пугачевцев было по меньшей мере 150 орудий, поставленных заводами⁴. С заводов было получено 141929 руб., конфисковано продовольствия, фуража, скота на сумму 81329 руб.⁵

Чесноковский повстанческий центр. Постепенно в народное движение втягивается крестьянское земледельческое население края. К концу 1773 г. восстанием была охвачена вся Оренбургская губерния, смежные районы Казанской и Сибирской губерний. В блокаде ока-

зались крупные административные центры Оренбург, Уфа, Челябинск, Ставрополь, Мензелинск. Повстанцы захватили Яицкий городок (кроме городского укрепления, где оставался весь гарнизон) и Самару. Их отряды появились под Казанью, Кунгуром, Екатеринбургом.

В Уфимской провинции усилия повстанцев были направлены на захват Уфы. Уже в октябре первые отряды восставших подошли к городу и вскоре Уфа была полностью блокирована⁶. С конца ноября 1773 г. и до конца марта 1774 г. город фактически не имел связи с административными центрами губернии.

Предводителями отрядов, осаждавших Уфу, были вначале посланцы Пугачева Качкын Самаров и пятидесятник уфимских казаков И. В. Губанов⁷. 14 декабря под Уфу прибыл пугачевский атаман И. Н. Зарубин. С его именем связано создание и деятельность Чесноковского повстанческого центра, содействовавшего сплочению сил восставших на территории Приуралья, Урала (к северу от Уфы) и Западной Сибири. Решение Военной коллегии о создании второго повстанческого центра было вызвано трудностями в осуществлении руководства ходом восстания на огромном пространстве, где действовали многочисленные отряды, состоявшие из представителей разных народов и социальных слоев.

Ставка Пугачева поручила Зарубину добиться захвата Уфы, а также оперативно решать все вопросы военного характера и административного управле-

¹ РНБ ОР. Ф. IV. Д. 668. Л. 134 об.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 2. Л. 6.

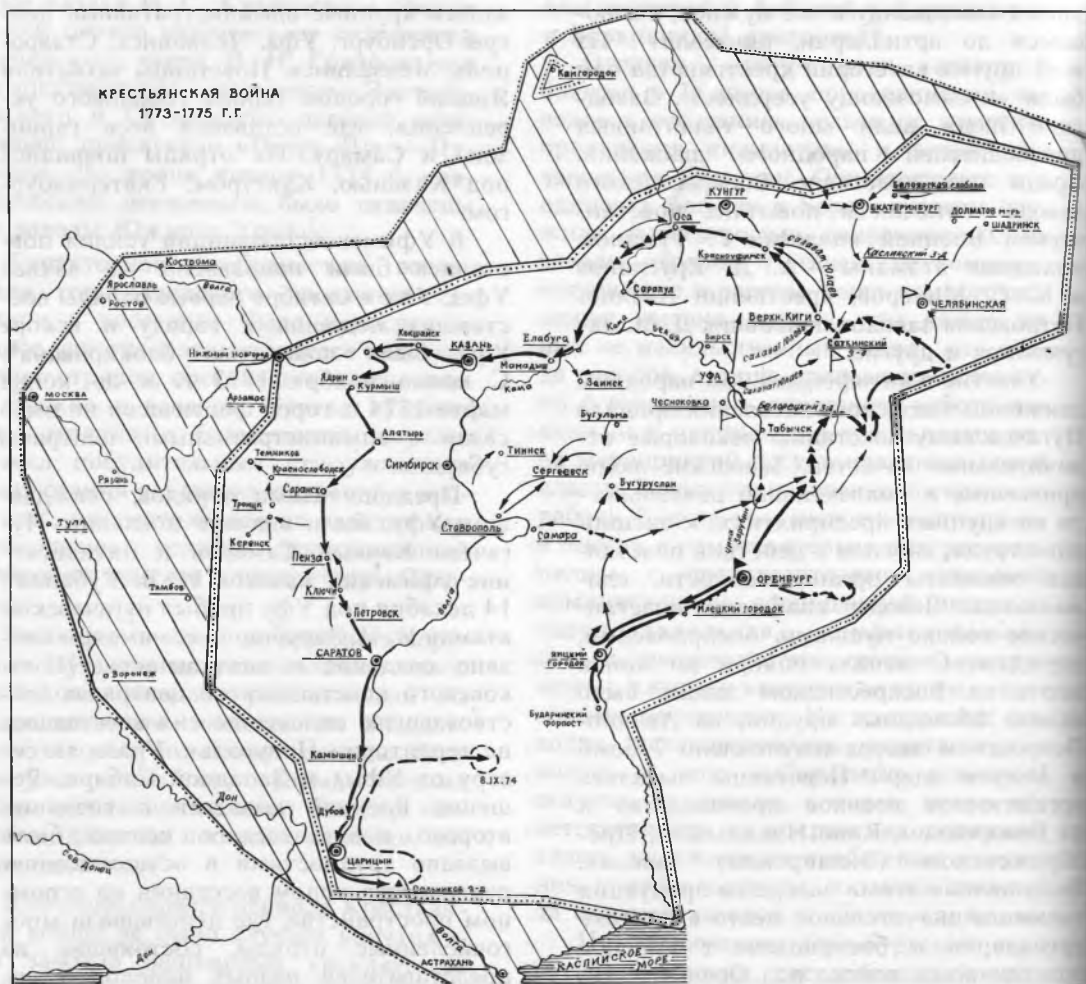
³ Пугачевщина. Т. 2. С. 135; Т. 3. С. 214; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 480—493.

⁴ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 492; Пруссак А. В. Заводы, работавшие на Пугачева // Исторические записки. 1940. Т. 8. С. 174—207.

⁵ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 328—337.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 1. Л. 168.

⁷ Там же. Д. 467. Ч. 7. Л. 335; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 114.

Карта № 8. Крестьянская война 1773—1775 гг.

ния. И вскоре названный Пугачевым «графом Чернышевым» И. Н. Зарубин (настоящий граф З. Г. Чернышев был президентом Военной коллегии) сделался общепризнанным предводителем

крупнейшего повстанческого центра. Его ближайшими помощниками были Качкын Самаров, И. В. Губанов, старшина ясачных татар Казанской дороги Ибраш Уразбахтин, башкирский похоб-

ый старшина Ногайской дороги Канбулат Елдашев, табынский казак И. С. Кузнецов, яицкий казак И. И. Ульянов.

И. Н. Зарубин и его сподвижники вели работу по расширению ареала повстанческого движения, занимались комплектованием отрядов в повстанческое войско под Уфу, заботились об обеспечении его оружием, боеприпасами, провиантом, фуражом. Успехи их деятельности были значительны: к концу года, по сведениям уфимских властей, под Уфой собралось не менее 10 тысяч повстанцев, а в январе их число возросло до 12 тысяч. С заводов и крепостей сюда были привезены 16 пушек¹.

Рассчитывая на мирные переговоры и «бескровный» переход города в руки повстанцев, предводители Чесноковского центра засылали в Уфу указы Пугачева и обращения Зарубина с требованием, чтобы «здешние командиры... город без всякого отпора и сопротивления отдали». В случае отказа они угрожали «с великим числом людей... сделать нападение..., а командиров, дворян и всех лутчих людей истребить»². Возглавивший оборону города полковник С. С. Мясоедов рассчитывал отстоять город до подхода правительственных войск. В Уфе была гарнизонная команда, 27 пушек, значительные запасы пороха. Удачное географическое расположение Уфы на холмах, окруженных глубоководными реками Белой и Уфой, укрепления города (земляной вал, палисад, 13 пикетов) служили ему хорошей защитой.

Не дождавшись добровольной сдачи города, повстанцы перешли к активным боевым действиям. Многотысячное повстанческое войско дважды — 23 декабря 1773 г. и 25 января 1774 г. штурмовало Уфу. Повстанцы даже ворвались в крепость, но под сильным оружейным и артиллерийским огнем вынуждены были отступить³. В последующие дни, вплоть до сражений с частями подполковника И. И. Михельсона 24 марта, повстанцы не предпринимали попыток штурмовать город, но держали его в осаде.

Повстанцам не удалось овладеть Уфой, как не были взяты ими Оренбург, Кунгур, Мензелинск и некоторые другие крепости. Среди причин, предопределивших такой исход событий, следует назвать слабую обеспеченность восставших артиллерией, ручным огнестрельным оружием и боеприпасами, недостаточную военную подготовку, почти полное отсутствие опыта ведения осадных боев. Значительной помехой служила тактика, рассчитанная на действенность «увещеваний», промедления в подготовке наступления, что давало возможность противнику выигрывать время для мобилизации резервов, укрепления городских оборонительных сооружений, усиления гарнизона за счет подходящих к осажденным городам войск. Сказывались, несомненно, и стихийность, присущая всем крестьянским выступлениям, недостаточная организованность действий восставших⁴.

Чесноковский повстанческий центр подчинялся Военной коллегии, откуда шли указы и распоряжения по организационным и военно-оперативным вопросам. Однако, вследствие удаленности от Берды, большинство решений Зарубин и его сподвижники принимали самостоятельно. Деятельность Чесноковского центра была направлена на сплочение действий многочисленных повстанческих отрядов в условиях исторически обусловленной стихийности и локальности народного движения с тем, чтобы направить их усилия на решение важных военных задач. Зарубин направлял своих эмиссаров в отдаленные районы восстания, поручая им формиро-

¹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 398—399; Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 321.

² Журнал Уфимской комендантской канцелярии... С. 309—316.

³ Там же. С. 316, 320—321.

⁴ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 228—229; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 63, 142—143.

вание отрядов, организацию контрольно-пропускных постов на дорогах, ведущих к Оренбургу, Уфе, Кунгуру, Челябинску, организацию отпора местным гарнизонным командам и правительственным частям, а также пополнение повстанческих армий в Берде и Чесноковке новыми отрядами, снабжение их боеприпасами, продовольствием, фуражом.

Чесноковский центр старался поддерживать военно-оперативную связь с Казанским, Осинским, Сарапульским, Кунгурским районами восстания в Казанской губернии, Исетским районом Оренбургской губернии и даже отдельными очагами повстанческого движения в Сибирской губернии. Особое значение Зарубиным придавалось охране от карателей северо-западных областей Оренбургской губернии, через которые шли дороги из центра страны через Казань на Оренбург и на Уфу. В районе Мензелинск — Бакалы — Нагайбак действовали отряды повстанческих полководцев Караная Мратова, Минлигула Кутлуметева под общим командованием атамана В. И. Торнова, которые вели наблюдение за передвижением правительственных войск¹. Из Чесноковки высылали отряды к атаману И. Н. Белобородову, вступившему в Исетскую провинцию², а под Кунгур в январе 1774 г. был послан бригадир И. С. Кузнецов с целью объединить там действия нескольких повстанческих отрядов³.

Руководители Чесноковского центра стремились направлять и регламентировать деятельность местных повстанческих властей и учреждений. Вместо правительственных учреждений повстанцы создавали свои органы управления и самоуправления — походные канцелярии повстанческих атаманов, станичные и земские избы, канцелярии в городах, крепостях, на заводах. На смену отрешенным от власти чиновникам и служителям правительственной администрации избирались или назначались должностные лица из среды повстанцев. Зарубин пояснял им, «что во всех-де местах будут таких чинов народные судьи, а воевод и канцелярии не будет»⁴.

Иногда Зарубин сам назначал приез-

жавших в Чесноковку повстанцев атаманами, сотниками, есаулами. Но чаще к нему являлись представители уже избранных населением местных органов власти. Они утверждались «графом Чернышевым» и получали наставления по организации новой власти в крепостях, деревнях, на заводах. Создание на всей территории, охваченной восстанием, органов повстанческой власти оказывало определенное организационное воздействие на ход восстания.

Челябинский повстанческий центр. К концу декабря 1773 г. в Исетской провинции возник Челябинский повстанческий центр во главе с пугачевским атаманом И. Н. Грязновым. Там действовали несколько повстанческих отрядов, состоявших в основном из башкир, заводских и государственных крестьян. Они осаждали крепости на юго-востоке Башкирии. В начале декабря сильные бои шли у стен Верхояицкой крепости, а 15 декабря башкирский повстанческий отряд, насчитывавший до 600 человек, напал на легкую полевую команду премьер-майора Я. Декастро-Лацеродо, направляющуюся к Уйской крепости⁵.

Не имела успеха попытка генерала И. А. Деколонга и воеводы сформировать отряды из государственных крестьян провинции в помощь правительственным войскам. «А желающих с крестьян для поиска и искоренения... башкирцов никого по произведенным публика[ция]м и вызывам у меня не явилось», — докладывал воевода. Такие же результаты были и у коменданта Верхояицкой дистанции крепостей Ступишина, рапортовавшего 28 декабря, что ни один крестьянин не пришел к нему, «да и впрямь быть не надеется»⁶. Тогда провинциальная канцелярия приступила

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 30—31; Д. 467. Ч. 10. Л. 309—311.

² Там же. Д. 507. Ч. 5. Л. 116 об.—117. Д. 512. Ч. 1. Л. 94.

³ Там же. Д. 439. Л. 16—17.

⁴ Там же. Д. 507. Ч. 3. Л. 449.

⁵ Там же. Ф. 6. Д. 627. Ч. 3. Л. 181, 199.

⁶ Там же. Л. 336, 337.

к набору команд, так называемых «выписных казаков» из крестьян, рекрутов и казаков. Однако часть крестьян открыто уклонялась от набора, а другие вступали в число «выписных казаков» с целью получить оружие, но сражаться на стороне восставших¹.

Развертыванию повстанческой борьбы способствовала широкая агитационная работа Грязнова и его эмиссаров, распространявших среди населения провинции указы Пугачева и воззвания руководителей повстанческого центра на тюрки и русском языках. Обращения Грязнова от 8 и 9 января 1774 г. к жителям Челябинска и к провинциальным властям являются одними из самых ярких антифеодальных документов. В них говорилось о тяжелом положении крестьян, которых помещики «хуже почитали», чем собак, «с которыми гоняли за зайцами», а заводчики так «работою удручили, что и в [с]сылках тово никогда не бывало, да и нет». От имени восставшего народа Грязнов выступил с требованием ликвидации феодального гнета и уничтожения эксплуататоров трудовых масс — дворянства и заводчиков. Воззвания Грязнова давали обоснование законности и справедливости Пугачевского восстания².

Направляемые из Челябинского центра небольшие отряды из русских крестьян, казаков и башкир без сопротивления жителей вступали в крепости и слободы. В начале января восстание охватило почти всю провинцию, а Челябинск был окружен 4-тысячным отрядом И. Н. Грязнова. Быстрому захвату города помешал приход команды секунд-майора Фадеева, посланной сюда сибирским губернатором, и корпуса Деколонга. Не располагая достаточной артиллерией, Грязнов не решился идти на штурм города. Блокировав Челябинск, он вынуждал Деколонга высылать войска на сражения³. Оценив боевую силу повстанцев и опасаясь оказаться надолго отрезанным от основных частей карательных войск, Деколонг и воевода приняли решение оставить Исетскую провинцию.

С уходом войск Челябинск и почти

вся провинция перешли в руки повстанцев. Административный центр провинции и его округу охраняли отряды пугачевского атамана Г. Туманова, башкирских старшин Базаргула Юнаева, Исы Токтагулова, Юламана Кушаева, старшины ясачных татар Мухамета Саферины, пугачевского атамана капрала чебаркульских казаков Т. Фалкова и др.

Исетские повстанцы оказывали военную помощь восставшему населению юго-западной части Сибирской губернии. Туда был направлен отряд из 300 (по другим данным — 600) башкир, мишарей, исетских (оренбургских) и яицких казаков под командой повстанческого есаула татарина д. Терсюкской Исетской провинции И. Алферова (Иликаева), а затем отряд атамана И. Ковалевского⁴. В ходе сражений с воинскими частями под началом майора Эртмана 6 марта у слободы Пуховой, а затем 19—22 марта у Иковской слободы пятитысячный отряд повстанцев потерпел поражение⁵. Вскоре восстание крестьян Западной Сибири было подавлено.

Крупные сражения с карателями весной 1774 г. происходили на территории Исетской провинции. Главкомандующий правительственными войсками А. И. Бибиков потребовал от Деколонга незамедлительно «обратить... силы на Башкирь»⁶. В помощь ему был направлен отряд премьер-майора Д. О. Гагрина. 8 апреля Гагрин встретился под Челябинском с пятитысячным отрядом повстанцев, состоявшим в основном из заводских и государственных крестьян, казаков и 2000 башкир⁷. После ожесточенного боя повстанцы

¹ Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962. С. 122.

² Документы ставки Е. И. Пугачёва. С. 271—272, 433.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 3. Л. 188—189.

⁴ Там же. Д. 627. Ч. 8. Л. 394 об.—397; Д. 467. Ч. 3. Л. 28—29; Пугачевщина. Т. 3. С. 33.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 3. Л. 19, 28, 29; Д. 627. Ч. 11. Л. 118—121, Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 83—84, 90—91.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 11. Л. 192.

⁷ РГВИА. Ф. 20. Д. 1237. Л. 313—316.

вынуждены были оставить Челябинск, но подавить народное движение в Исетской провинции карателям не удалось.

Башкирские повстанческие отряды в Прикамье и на Среднем Урале. Предводители восстания придавали большое значение развертыванию повстанческой борьбы в Пермской и Казанской провинциях. Переход их на сторону восставших создал бы благоприятные условия для похода на Казань, открыл бы путь к Екатеринбургу и далее в Зауралье. С целью вовлечения местного населения в восстание в южные и юго-восточные районы Пермской и Казанской провинций, прилегающие к Уфимской провинции, были направлены из Берды и Чесноковки отряды пугачевских полковников башкир Абдея Абдуллова и Караная Мратова¹. Там действовали также отряды под предводительством башкир Осинской дороги Батыркай Иткинина, Адыла Ашменева, Сайфуллы Сайдашева². Зарубин послал под Кунгур повстанческого бригадира табынского казака И. С. Кузнецова. В декабре из Берды в Пермскую провинцию прибыл пугачевский полковник мишарский сотник Ногайской дороги Канзафар Усаев. В конце декабря к выполнению задания Пугачева по формированию команд из жителей Сибирской дороги для помощи отрядам, действовавшим в Красноуфимско-Кунгурском районе, приступил повстанческий полковник Салават Юлаев.

Предводители восстания отводили башкирским повстанческим отрядам роль агитаторов и одновременно военной силы, призванной защищать от карателей присоединившиеся к восстанию заводы и деревни. В русских деревнях агитаторы из башкир-повстанцев объявляли крестьянам: «Что-де от государя будет им от государственных сборов обложение и будет всем вольность»³. Такого рода «обольщения», а также распространение известий о боевых успехах повстанцев способствовали вовлечению в восстание русских и нерусских крестьян Пермской провинции.

В декабре повстанческие отряды вступили в пригородки Осу и Сарапул,

центры двух обширных волостей. В последней декаде декабря к повстанцам присоединилось 12 заводов Камского бассейна, а в начале января восстание активно поддерживали мастеровые, рабочие люди, приписные крестьяне Ижевского, Воткинского и других заводов⁴.

Отряды, пришедшие из Башкирии, быстро росли за счет приписных крестьян местных заводов, дворцовых и экономических крестьян, пахотных солдат татар и тулвенских башкир. В начале января в Прикамье действовали отряды, насчитывавшие 3 тысячи вооруженных повстанцев⁵. В крепостях, на заводах и в деревнях повстанцы создавали местные органы военного и гражданского управления.

Основные боевые силы восставших были сосредоточены под Кунгуром. С 4 по 10 января город держали в осаде отряды Батыркай Иткинина и Канзафар Усаева. Трижды они пытались ворваться в город, но неудачи заставили их отступить. 19 января к Кунгуру подошла 4-тысячная «армия его императорского величества Петра III» — Пугачева, возглавляемая И. С. Кузнецовым и Салаватом Юлаевым. После неудавшихся попыток овладеть городом мирным путем 23 января пугачевцы пошли на штурм Кунгура. Местное начальство, укрываясь за стенами крепости, не отважилось выслать команду на открытое сражение и сдерживало атаки повстанцев интенсивным пушечным и ружейным огнем⁶.

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 208; Ч. 5. Л. 34, 37, 38, 41, 49, 51; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. документов. Ижевск, 1974. С. 86—89, 91, 132—134, 144—148.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 30, 37, 38. Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 38, 200, 201, 383.

³ Восстание Емельяна Пугачева. Сб. док. Л., 1935. С. 71.

⁴ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 251—260, 330—336.

⁵ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 322.

⁶ Материалы для истории Пугачевского бунта // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 4—20; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 1. Л. 323—324, Д. 439. Л. 13—20, 32—36; Д. 516. Ч. 2. Л. 107—108.

Несмотря на проявленное мужество, все их приступы были отбиты.

Повстанческими отрядам, отступившим от Кунгура, вскоре пришлось выдержать несколько сражений с карательными командами секунд-майора Д. О. Гярина и подполковника А. В. Папавы (30 января под с. Ильинским, 19 февраля и 14 марта у Красноуфимской крепости на границе Уфимской и Пермской провинций, 17 марта у д. Бугалыш). Измотав противника, повстанцы отходили в относительном порядке¹. Тем не менее весной 1774 г. повстанческое движение в Пермской провинции спало. Это было связано с большим числом карательных команд в провинции, недостаточной активностью жителей отдельных сел, защищавших только свою округу, разобщенностью действий повстанческих отрядов, слабой военной подготовкой пугачевцев, приближением к району восстания правительственных войск и возвращением башкирских отрядов на родину.

Под предводительством пугачевского атамана И. Н. Белобородова башкиры участвовали в повстанческой борьбе на Среднем Урале, в соседнем с Пермской провинцией Екатеринбургском горном ведомстве. В январе — феврале 1774 г. повстанцы склоняли на сторону «Петра III» население Билимбаевского, Нижнего и Верхнего Шайтанских, Уткинских, Ревдинского и Сылвенского заводов. Командиром отряда башкир и татар в корпусе Белобородова был повстанческий сотник башкир Егафар Азбаев². Повстанцам удалось блокировать Екатеринбург. 25 января член Главного правления заводов полковник В. Ф. Бибииков с тревогой сообщал генералу И. А. Деколонгу о том, что повстанцы стоят в 40 верстах от города, а попытки втянуть в бой с ними отряд из 500 мастеровых и крестьян, собранный властями, окончились безрезультатно³. После ряда неудачных для повстанцев боев с правительственными войсками Белобородов с частью своих отрядов ушел в Исетскую провинцию⁴.

На северо-западе Уфимской провинции и прилегающих районах Казанской

провинции русско-башкиро-татарские отряды под общим командованием Караная Мратова с декабря и до подхода правительственных войск в середине января 1774 г. держали в осаде Мензелинск и Елабугу. 28 декабря ими был «приклонен» Коринский медеплавильный завод, находившийся в 10 верстах от Елабуги. В ряды повстанцев влилось все годное к службе заводское население, состоявшее из крещеных башкир, татар и калмыков⁵. Двухтысячный отряд повстанческих старшин татарина Нагайбака Асанова и башкира Султаная Ахметова осадил пригородок Заинск. 15 января жители Заинска добровольно пустили повстанцев в крепость, но уже через день после сражения с командой полковника Ю. Б. Бибиикова пугачевцы вынуждены были оставить Заинск и отойти на восток⁶.

Командиры отдельных повстанческих отрядов при подготовке крупных боевых операций пытались действовать согласованно. Например, пугачевский полковник служилый татарин д. Псак Казанской провинции Мясогут Гумеров посылал к Караная Мратову полутысячный отряд под Мензелинск и отряд из 250 человек под Елабугу. На помощь отрядам, осаждавшим Мензелинск, в январе 1774 г. прибыл и отряд татарского мурзы Юскея Кудашева.

Повстанческая власть, установленная во многих районах Пермской и Казанской провинций, просуществовала недолго. Эти районы первыми подверглись

¹ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982. С. 139—147.

² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 288—292; Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 11. Л. 200.

⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 328—329; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 348—410; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 191—202, 320—321.

⁵ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 96—97, 116—117, 257; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 297—299, 300—302; РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 418; РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 372.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 3. Л. 235—237; Ч. 9. Л. 263—264; Д. 507. Ч. 4. Л. 135—137; РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 45—46.

нападению со стороны правительственных войск.

Наступление карательных войск. В январе 1774 г., когда восстание продолжало расти и набирать силу, против повстанцев по настоянию главнокомандующего карательными войсками генерал-аншефа А. И. Бибикова были направлены крупные силы. Срочно через Волгу перебросили 8 полков и 4 легкие полевые команды. Позднее к ним подошли 3 полка малороссийских и донских казаков. Кроме того, в состав армии А. И. Бибикова входили несколько дворянских ополчений, местные гарнизонные команды и войска под командованием генералов И. А. Деколонга и С. К. Станиславского, присланные в Башкирию из Сибирской губернии¹.

Главные карательные силы под началом генерал-майоров П. М. Голицына, П. Д. Мансурова и Ф. Ю. Фреймана были направлены к Оренбургу. Корпус генерал-майора А. Л. Ларионова получил приказ двигаться к Уфе, а Деколонгу было рекомендовано в конце января «зделать движение к Оренбургу, показывая вид, что идете к Башкирии, дабы тем зделать диверсию» восставшим².

22 марта правительственные войска численностью в 6500 человек при 22—25 орудиях встретились у Татищевой крепости с Главным повстанческим войском. Здесь Пугачевым было сосредоточено 7—9 тысяч восставших с 36 пушками. Шестичасовая кровопролитная битва закончилась тяжелым поражением пугачевцев. Две с половиной тысячи повстанцев погибли, около 4 тысяч попало в плен. Повстанцы потеряли всю артиллерию³. Пугачев вынужден был снять осаду Оренбурга и отступить к Сакмарскому городку. 1 апреля его пяти тысячной армии вновь пришлось вступить в бой с частями правительственных войск. Повстанцы были разбиты и рассеяны. Пугачев с остатками своих отрядов ушел в Башкирию. 16 апреля генерал-майор Мансуров вошел в Яицкий городок⁴. Так были разгромлены Оренбургский и Яицкий повстанческие районы.

Сломив сопротивление авангардных пугачевских отрядов, пытавшихся пре-

пятствовать продвижению карательных войск, 24 марта к Уфе подошел корпус под командованием подполковника И. И. Михельсона, сменившего на этом посту генерала А. Л. Ларионова. С целью окружения карателей И. Н. Зарубин разделил свое семитысячное войско на три группы, но его плану не суждено было осуществиться. Повстанческие отряды потерпели поражение. Около 500 чел. было убито, свыше 1000 попало в плен, остальные отступили в восточные районы Оренбургской губернии⁵.

Следует заметить, что по сравнению с предыдущими крестьянскими войнами в России пугачевцы добились значительных успехов в формировании повстанческого войска. Деятельность Военной коллегии, предводителей крупных центров восстания, повстанческих органов управления и самоуправления вносила заметные начала в военную и военно-административную организацию народного движения. Пугачев и Военная коллегия решали разнообразные вопросы по управлению и поддержанию боеспособности Главного повстанческого войска, старались поддерживать военную связь и направлять действия других боевых подразделений. Однако достичь единства командования и военных действий восставшим не удавалось. На огромной территории, объята народным движением, отдельные очаги восстания и повстанческие отряды не всегда были связаны друг с другом и с главными центрами восстания. Повстанцам же противостояли организованные, опытные в военном деле, хорошо вооруженные регулярные правительственные войска.

Первый этап Крестьянской войны завершился рядом крупных военных

¹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 180; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 95—96; *Дмитриев-Мамонов. А. И.* Указ. соч. С. 5—7.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 10. Л. 511.

³ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 23—27.

⁴ Там же. С. 32—35.

⁵ Там же. С. 111—117.

неудач восставших. Но это не привело, как ожидали военачальники Екатерины II, к скорому подавлению восстания. В апреле 1774 г. народное движение на Урале вспыхнуло с новой силой.

§ 2. Действия главных сил Е. И. Пугачева в Башкортостане в апреле — июне 1774 г.

Комплектование Главного повстанческого войска в апреле 1774 г. После поражения под Сакмарским городком Пугачев с остатками своих боевых сил направился в Башкирию. Возможность отступления туда была учтена заранее. Ближайшие сподвижники предводителя восстания полковники М. Г. Шигаев, Т. И. Падуров, секретарь Военной коллегии М. Д. Горшков рассказывали на допросах о намерении Е. И. Пугачева идти в Чесноковский лагерь к И. Н. Зарубину. В этом его поддерживали Кинзя Арсланов, Канзафар Усаев, другие старшины, обещавшие «набрать из Башкирии до 5 тысяч на первый случай вооруженных»¹. По свидетельству Шигаева, Кинзя уверенно заявил: «чрез десять дней хотя 10 тысяч башкирцов поставлю»² в Главное войско.

Но, направляясь в Башкирию, Пугачев вынужден был отказаться от движения к Уфе. В конце марта в Сакмарском городке он получил известие о поражении войска Зарубина под Уфой и о захвате его карателями в плен. Не теряя надежды на восстановление положения под Уфой, Пугачев отправил туда Алибая Мурзагулова, поручив ему возглавить повстанческое движение в центре Башкирии³, а сам взял курс на восток Башкирии, в Исетскую провинцию, к Челябинску.

Повстанцы во главе с Пугачевым в апреле 1774 г. шли через башкирские волости, останавливаясь на Вознесенском, Авзяно-Петровском, Белорецком заводах. Военная коллегия рассылала указы к башкирским и мишарским старшинам и по заводам о формировании повстанческих отрядов и отправлении

их в Главное войско для усиления его боевой мощи. Сообщая императрице о реакции народа на эти обращения, новый главнокомандующий карательными войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов констатировал, что в апреле башкиры, «в разных местах собираясь, бегут толпами в Уральския горы и знатную уже толпою присоединились к... Пугачеву, составляя при нем кучу с лишком четыре тысячи»⁴.

Из государственных приписных крестьян, мастеровых и вольнонаемных работников Вознесенского и Авзяно-Петровского заводов к 12 апреля был сформирован Авзянский полк во главе с заводским крестьянином Д. М. Загуменновым, получившим чин полковника. На Белорецком заводе в состав Главного войска влилось 300 работных людей⁵. 7 мая во главе «сибирского военного корпуса», в состав которого входило до полутора тысяч заводских и государственных крестьян, к Пугачеву прибыл атаман И. Н. Белобородов⁶. В это же время к повстанческому войску присоединился отряд атамана А. А. Овчинникова, прорвавшийся в Башкирию от Яицкого городка через Сакмарскую линию крепостей. Среди 400 бойцов его отряда были работные люди нескольких южноуральских заводов. Одновременно к Магнитной крепости подошел отряд из 300 златоустовских заводских людей⁷. В первых числах мая в составе Пугачевского войска было не менее двух с половиной тысяч заводских мастеровых и работных людей.

Весенний разлив рек, препятствовав-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 140. Л. 205.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 90 об.—91.

³ Там же. Ф. 1100. Д. 12. Л. 173—174.

⁴ Крестьянская война. С. 153.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 2. Л. 265; Ч. 4. Л. 41; Д. 507. Ч. 4. Л. 455, 457, 468; Д. 627. Ч. 9. Л. 116; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 41—42.

⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 262; Крестьянская война. С. 135, 137, 166; Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958. С. 38—44.

⁷ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 42; Пугачевщина. Т. 2. С. 349.

Емельян Пугачев

ший быстрому продвижению повстанческих отрядов, направлявшихся к Пугачеву, заставил его задержаться на Белорецком заводе. На три недели, с 14 апреля по 2 мая, Белорецкий завод становится ставкой Пугачева и повстанческой Военной коллегии. Отсюда было отправлено не менее 11 именных указов Е. И. Пугачева, несколько распоряжений Военной коллегии с целью вовлечения населения в восстание и мобилизации в повстанческие отряды¹.

Получаемые отовсюду известия помогали Пугачеву и Военной коллегии ориентироваться в создавшейся обстановке, определить новую тактику в отношении заводов. В условиях широкого наступления карательных войск заводы не могли уже служить, как прежде, опорными пунктами для повстанческих отрядов. К весне 1774 г. пугачевцами были увезены с заводов большая часть продовольственных запасов, деньги, оружие. Чтобы заводы не служили местом для квартирования карателей, а оставшихся на заводах крестьян не вынуждали служить проводниками в кара-

тельных войсках, повстанческое руководство приняло решение об уничтожении заводов и увозе их жителей².

Из Белорецка указы о сожжении заводов были направлены авзяно-петровским работным людям, старшинам Сибирской дороги Юлаю Азналину, Яхье Якшиеву и пугачевскому полковнику Салавату Юлаеву. Последним повелевалось «чинить раззорении состоящим на Сибирской дороге заводам и сожигать их»³. Приведение в исполнение подобных распоряжений ставки Пугачева возлагалось, как правило, на башкиро-казачьи команды. В большинстве случаев заводские крестьяне не только не противились этим акциям, но и выступали активными их проводниками⁴. Уничтожение заводов проводилось целенаправленно, было сознательным действием предводителей восстания, а не проявлением вражды башкир к заводскому населению, как это пытались доказать властям заводладельцы⁵.

Когда на Белорецкий завод дошли вести об оставлении после ряда боев Челябинска, Военная коллегия разработала план воссоединения повстанческих сил в районе крепости Магнитной и продвижения Главного войска по линии крепостей, где Пугачев рассчитывал получить артиллерию и оружие, необходимые для предстоящих сражений с правительственными войсками.

Все это время командование карательных сил и гражданские власти не располагали точными сведениями о местопребывании Пугачева. Правительственные войска, вступившие в край, были расположены в центре и по его границам с тем, чтобы быстро подавить здесь восстание и не допустить его распространения на, как казалось властям, при-

¹ Овчинников Р. В. Указ. соч. С. 213—221; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 67—68; Пугачевщина. Т. 2. С. 145.

² Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 55—56.

³ Крестьянская война. С. 124—125. На Сибирской дороге (в Уфимской и Исетской провинциях) было 14 заводов.

⁴ Крестьянская война. С. 191.

⁵ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачёва. Т. 3. С. 55.

веденные в повиновение районы Казанской и Сибирской губерний. Для преследования и разгрома Пугачева специально были предназначены отряды генерала Ф. Ю. Фреймана и подполковника И. И. Михельсона. Правительственные войска, разделенные на 23 отряда, «союзно» располагались по линии в 1,5 тысячи верст¹.

Как докладывал Екатерине II главнокомандующий карательными войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов, для подавления повстанческого движения и преследования Пугачева все «возможное зделано»². Однако ранняя весна после необычайно снежной зимы принесла полноводье и распутицу, сделавшие невозможным быстрое передвижение войск. Только 24 апреля выступил из Уфы к Саткинскому заводу Михельсон, а Фрейман, пробыв месяц в Стерлитамаке и Табынске, лишь 3 мая направился к Верхояицкой крепости. Туда же 23 апреля двинулся из Оренбурга коллежский советник И. Л. Тимашев, а отряд генерала Станиславского подошел к Верхояицкой дистанции 18 мая³.

Задержка в передвижении войск как нельзя была на руку Пугачеву, занимавшемуся комплектованием нового войска. Этим воспользовались и вожаки отдельных пугачевских отрядов, предпринимавшие попытки объединить разрозненные повстанческие силы.

Новый подъем повстанческого движения в Башкирии. Весной 1774 г. в Башкирии складываются четыре центра повстанческого движения, деятельность которых в значительной мере была связана с непосредственными целями и задачами, стоявшими перед повстанческим руководством и Главным пугачевским войском. Первый из них охватывал территорию Сибирской дороги, где повстанцев возглавляли Салават Юлаев и И. Н. Белобородов. С уходом Белобородова к Магнитной крепости Салават взял на себя руководство восстанием в северных и северо-восточных районах Башкирии. Главной задачей, стоящей перед его отрядами, являлось противодействие карательным операциям Михельсона. Четырехтысячный отряд Салавата состоял из башкир, русских за-

Салават Юлаев, с картины народного художника СССР Е. Широкова

водских и государственных крестьян, мишарей, татар, чувашей, мари.

В течение мая четыре раза (6, 8, 17 и 31-го) салаватовцы вступали в бои с карателями. Как военачальник, приобретший опыт в сражениях Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1770) войн, Михельсон не мог не выразить удивления по поводу мужества и стойкости повстанцев. Он привык смотреть на них, как на «кучи» и «толпы» непросвещенных в военном деле людей, поспешно разбежавшихся при первых ударах выстроившихся в боевой порядок регулярных войск. Здесь же, по его словам, повстанцы, «не уважая нашу атаку, прямо пошли к нам навстречу, однако, помощью божиею, по немалом от них супротивлении» все-таки были вынуждены отступить⁴. Михельсон признался в том, что ему пришлось

¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 134, 461—466; Д. 1238. Л. 365; РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 452; Д. 186. Л. 275 об.; Д. 188. Л. 2—6, 24, 60; Крестьянская война. С. 142—143.

² Крестьянская война. С. 142.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 9. Л. 273—274; Ф. 1274. Д. 174. Л. 650—652; Д. 175. Л. 452; Крестьянская война. С. 134—136.

⁴ Крестьянская война. С. 140.

иметь дело с неустрашимым и искусным военачальником, который отважился вступить в бой с хорошо вооруженным и обученным неприятелем. Отряды Салавата, хотя и терпели неудачи, но в относительном порядке отступали, сохраняя свою боеспособность. К тому же, салаватовцы изрядно потрепали команду Михельсона и ушли, оставив его в полном неведении относительно последующих действий. «Я ныне остановился в поле на месте сражения. Куда должен буду идти? — еще сказать не могу», — сообщал Михельсон Щербатову¹.

Последовательно выполняя приказы Пугачева, Салават заботился о пополнении Главного повстанческого войска новыми силами. Повстанцы контролировали значительные территории на севере Башкирии. Они создали сеть караульных постов, чтобы следить за передвижением карательных команд. Под особым присмотром была Уфимская дорога, связывающая Уфу с Екатеринбургом.

Салавату Юлаеву приходилось решать военно-организационные задачи (взаимодействие с другими повстанческими отрядами, назначения командного состава, борьба за дисциплину и т. п.). Он стремился сосредоточить в своих руках вопросы управления освобожденным краем². Во второй период Крестьянской войны Салават был одним из самых авторитетных вожаков повстанческого движения в Башкирии.

Вторым крупным повстанческим районом стали южные башкирские волости. Вести о продвижении Пугачева по деревням и заводам Уфимской провинции, распространение его воззваний способствовали тому, что Ногайская дорога в апреле 1774 г. явилась основным поставщиком боевых сил в новое повстанческое войско. Здесь образуется несколько крупных отрядов. С конца апреля ударной силой повстанцев выступали отряды Каранай Мратова. Он предпринимал попытки сплотить разрозненные отряды, координировать и направлять их деятельность. В мае под его началом действовали отряды таких крупных военачальников, как Канзафар Усаев и Качкын Самаров. Проводя агитацию

среди населения Ногайской дороги, Канзафар Усаев утверждал, что корпус Каранай состоит из 9 тысяч повстанцев да у Качкына — 3 тысячи бойцов³. Эти цифры явно завышены. Но все же к июню повстанческие силы юга Башкирии составляли несколько тысяч человек⁴.

Повстанческая борьба на юге Башкирии, как и в других регионах края, приобретает различные формы. Это — непрекращающееся многомесячное преследование карательных «деташаментов», нападение на отдельные части правительственных войск, отгон лошадей воинских команд и местных гарнизонов, осада административных и торговых центров, крепостей и заводов, нарушения регулярной связи между губернскими и провинциальными центрами, между командирами войсковых частей. Генерал Щербатов с возмущением писал Екатерине II, что башкиры «держат малыя команды окружать»⁵. В середине мая Каранай Мратов у д. Каркял напал на команду из 300 гусар из отряда подполковника И. К. Рылеева, а Качкын Самаров блокировал Бугульчанскую пристань, где располагался пост секунд-майора В. Юшкова⁶.

Во второй период Крестьянской войны повстанцы стремились вернуть утраченные с наступлением карательных войск позиции. Они вновь атаковали пригородки и крепости, многие из которых ранее были в их руках (Стерлитамак, Табынск, Бугульчан, Зилаир и др.). Наиболее успешно действовал отряд башкирского старшины Бурзянской волости Трухмен Янсеитова. 22 мая повстанцам удалось овладеть Уртазымской крепостью. Крепость была разорена и сожжена. Позднее такая же участь постигла Губерлинскую и Зилаирскую крепости⁷.

¹ Крестьянская война. С. 141.

² Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 151—164.

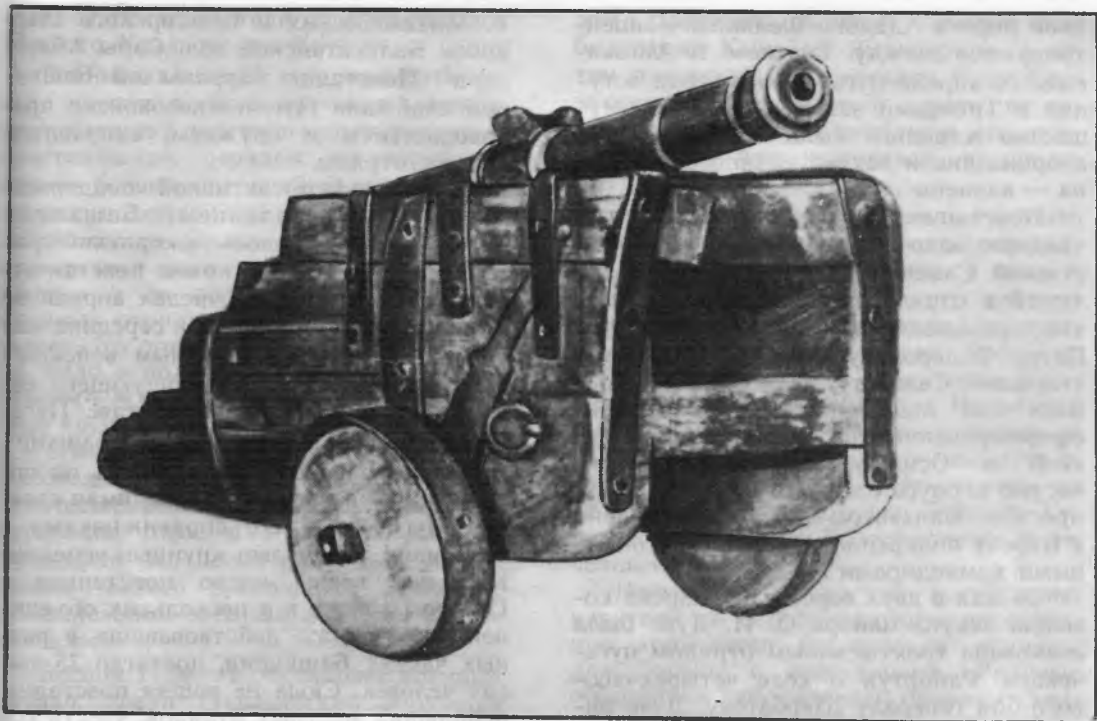
³ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 42.

⁴ Крестьянская война. С. 152, 156, 182. РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 477; Ф. 1274. Д. 175. Л. 456; Д. 186. Л. 275 об.

⁵ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 462.

⁶ Крестьянская война. С. 152, 156.

⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 288.

Пушка времен Крестьянской войны

Каранай Мратов стремился объединить усилия повстанцев юга Башкирии для овладения Уфой. Прямых указаний на то, что он получил такое задание от Пугачева — не обнаружено. Как отмечалось выше, в конце марта Пугачев отправил под Уфу Алибай Мурзагулова с приказом вновь попытаться захватить центр провинции. Но Алибай изменил Пугачеву, явился с повинной к Михельсону и на некоторое время отошел от восстания¹. Узнав об этом, Пугачев планы по овладению Уфой мог связывать с деятельностью своего полковника Караная Мратова. Во всяком случае, в разнообразных документах, поступавших в провинциальную канцелярию, сообщалось, что «главный... возмутитель в сей стороне Башкирии» Каранай Мратов собирается идти на Уфу, где к нему подойдут отряды Качкына Самарова, Канзафара Усаева и даже войско Пугачева². В начале июня отдельные команды повстанцев подходили к Уфе на расстоянии в 10—20 верст³. А 27 июня в 18 верстах от города трехтысячный повстан-

ческий отряд в ходе ожесточенного сражения был разбит войсками полковника А. Я. Якубовича. На поле боя осталось до двух тысяч убитых⁴.

В третьем центре народного движения — в северо-западной части Башкирии усилия повстанцев были направлены на то, чтобы препятствовать действиям карательных отрядов и войсковых постов. Основные силы этого повстанческого района под командованием пугачевского полковника башкира Осинской дороги Араслана Рангулова, татарина д. Байки Сибирской дороги Буляка Якупова, башкира Ирехтинской вол. Осин-

¹ В мае — июне Алибай Мурзагулов снова действовал в рядах восставших, а в июле принес повинную генералу П. М. Голицыну — Крестьянская война. С. 124, 217, 396.

² РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 28, 42; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 477; Ф. 1100. Д. 8. Л. 47—50; Д. 9. Л. 554, 806—807.

³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 215.

⁴ Там же. Л. 339, 376.

ской дороги Аладина Фелякова концентрируются между Бирском и Ангасяком. 26 апреля пугачевский отряд вступил в Троицкий завод. Заводское имущество и деньги были конфискованы, а приказчик и вахтер соляного магазина — казнены¹.

Повстанческое руководство центра поддерживало постоянную связь со ставкой Салавата Юлаева. При наборе людей в отряды повстанцы объявляли, что призывают «на службу государю Петру Федоровичу людей в команду к старшине Салавату Юлаеву»². Тем самым они подчеркивали, что отряды, сформированные на территории Казанской и Осинской дорог, являются частью корпуса Салавата Юлаева. По их просьбе Салаватом было направлено к Бирску подкрепление во главе с опытными командирами³.

26 мая в двух верстах от Бирска команда секунд-майора О. И. Дуве была атакована трехтысячным отрядом пугачевцев. Рапортуя о ходе четырехчасового боя генералу Шербатову, Дуве писал: «Я должен признаться, что никогда не воображал, чтоб так злодеи жестоко могли обороняться, как они поступали»⁴. И когда через несколько дней Дуве узнал, что пятитысячный пугачевский отряд приближается к Бирску, он отдал приказ об отступлении. 4 июня повстанцы ворвались в крепость и сожгли ее⁵. Вслед за Бирском был подожжен и Ангасякский завод, но хлебные амбары и некоторые производственные постройки были сохранены⁶.

Четвертым крупным очагом восстания был район зауральской Башкирии. В конце апреля отряды из башкир и русских вновь осаждали крепости, большие села, где с подходом карательных войск восстанавливалась старая власть. Они препятствовали продвижению корпуса генерал-поручика И. А. Деколонга, пытавшегося настичь Пугачева. Деколонг вынужден был дробить свои войска, направляя их к Каслинскому заводу, где располагался отряд Базаргула Юнаева, к району между Чебаркульской крепостью, Челябинском и Кыштымским заводом, контролируемому отрядом (из 1300 человек) под командованием пугачевских полковников исетского казака

В. Михайловских и башкирского старшины Балакатайской вол. Сары Абдулина⁷. Повстанцы зауральской Башкирии снабжали Пугачевское войско продовольствием и оружием, отправляли конные отряды.

В результате активной поддержки восстания населением Башкирии Е. И. Пугачеву удалось за короткий срок сформировать здесь новое повстанческое войско. В первых числах апреля он имел отряд из 500 чел., а к середине мая располагал 10—12-тысячным войском⁸. По сведениям главнокомандующего карательными войсками, в составе Пугачевского войска было 6 тысяч башкир⁹.

Таким образом, деятельность по организации боевых сил, проводимая ставкой Пугачева и его сподвижниками в Башкирии, увенчалась крупным успехом. К концу весны число повстанцев в Главном войске и в нескольких объединенных отрядах, действовавших в разных частях Башкирии, достигло 25 тысяч человек. Сюда не вошли повстанцы небольших местных отрядов, учесть которые невозможно.

Отряды состояли из представителей разных народов и сословий, но основным ядром повстанческих боевых сил как и на первом этапе восстания, были яички казаки, башкиры и заводские крестьяне. Многонациональным был и командный состав отрядов. Во главе крупных соединений стояли русские (И. Н. Белобородов, А. А. Овчинников, И. Н. Грязнов), башкиры (Салават Юлаев, Качкын Самаров, Каранай Мратов), мишари (Канзафар Усаев, Бахтияр Кан-

¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 273.

² Крестьянская война. С. 306.

³ Там же. С. 305—306, 315—316; РГАДА. Ф. 349. Д. 7248. Л. 27—30.

⁴ Крестьянская война. С. 162.

⁵ Там же. С. 182—184.

⁶ Там же. С. 250; РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 170, 284.

⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 9. Л. 109, 152, 182—183, 267, 276, 333—334; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 104, 286—288.

⁸ Архив ПФИРИ. Кол. 51. Оп. 1. Д. 33. Л. 22; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 1. Л. 323 об.—324; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 110; Крестьянская война. С. 181.

⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 72.

каев) и представители других народов Южного Урала.

Военная коллегия, крупные пугачевские военачальники стремились внести организацию в действия многочисленных повстанческих отрядов, в разработку планов боевых операций. В трудных условиях походной жизни Военная коллегия многое делала для подъема повстанческого движения в крае. Имеются данные о ее переписке с атаманами крупных отрядов, о прибытии их к Пугачеву. Но повстанческому штабу сложно было в полной мере управлять действиями всех отрядов, особенно тех из них, которые были отдалены десятками и сотнями верст от ставки Пугачева. Наблюдались попытки отдельных повстанческих вожakov координировать выступления отрядов в разных районах Башкирии. Но несмотря на все усилия повстанческого руководства «единство командования военных действий не достигалось»¹.

Весной 1774 г. в обстановке военных неудач, среди старшинской верхушки нерусского населения края усилились колебания. Беспokoясь за свое положение и в ответ на обещания Екатерины II «прощения вины и награждения» башкирам за поимку Пугачева² в апреле 1774 г. 38 башкирских и 10 татарских старшин, ранее принимавших участие в восстании, принесли повинную властям³. Такие старшины вместе со старшинами, которые «к бунту совсем причастны не были» составили больше половины общего числа «иноверческих» старшин.

Изменившие восстанию старшины всячески помогали карателям. По приказу генерала Щербатова с апреля по всей Башкирии собирались команды для борьбы с восставшими. В начале мая в отрядах Михельсона и Фреймана было 600 башкир и мишарей. Всего старшинам удалось откомандировать в помощь правительственным войскам около 2,5 тысячи человек⁴.

Другие старшины предпринимали самостоятельные карательные операции. Дело доходило до вооруженных столкновений между повстанческими отрядами из башкир, мишарей, татар и карательными «иноверческими команда-

ми». Например, Качкын Самаров разбил отряд Киикбая Ямансарина, а затем повстанцы блокировали Суун-Кипчакскую вол. Ногайской дороги, не давая возможности Киикбаю и его приверженцам присоединиться к правительственным войскам⁵.

Но чаще местные каратели трусливо нападали на небольшие группы повстанцев и отвозили захваченных в плен к царским офицерам, где под угрозой «искоренения» семей требовали от пугачевцев «покориться» властям. Всего, по неполным данным, на территории Башкирии (преимущественно на Ногайской и Казанской дорогах) самостоятельно действовало до 10 башкиро-мишарских карательных отрядов. Некоторые из них, как например, отряд Башира Тупеева, насчитывали до нескольких сотен человек.

Несмотря, однако, на все усилия, каратели не смогли получить достаточное количество башкирской конницы для борьбы с повстанцами. Рядовые общинники саботировали приказы старшин и отказывались служить в карательных отрядах. Как и в начале восстания, собранные в помощь карателям команды включились в борьбу со своими угнетателями. Так, 13 башкирских и мишарских старшин Ногайской и Казанской дорог жаловались в апреле 1774 г. генералу А. И. Бибикову, что пугачевцы «во всех жительствох богатых лю-

¹ Черепнин Л. В. Крестьянские войны в России периода феодализма // Коммунист, 1973. № 13. С. 86.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 208, 219, 230 об.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 435—437; Д. 592. Л. 129, 133, 181, 426, 427; Д. 593. Л. 161—163, 298; Ф. 1274. Д. 174. Л. 616—617; Крестьянская война. С. 122—124, 127, 128, 145, 146, 169, 170, 374, 375. В мае — июне 1774 г., в период нового подъема повстанческого движения, 11 старшин снова присоединились к повстанцам, но в июле явились с повинной к властям.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 51, 265 об., 271; Д. 627. Ч. 9. Л. 144—145 а, 356—359; Ф. 1100. Д. 8. Л. 242; Д. 9. Л. 560; Д. 11. Л. 1—2; Ф. 1274. Д. 174. Л. 261; Д. 185. Л. 34—39; Д. 188. Л. 20, 29, 32 об.—33, 151 об., 155 об.; РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 316—317, 352 а; Крестьянская война. С. 371, 374.

⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 91; Д. 9. Л. 385; ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 49; Крестьянская война. С. 124, 138, 167, 181.

дей ограбили... и находящихся в повиновении... крайне изобижали и привели в раззорение»¹.

Повстанцы сжигали дома, разоряли хозяйства представителей старшинской верхушки, принимавшей участие в карательных акциях против восставшего народа или призывавших к повиновению властям. У Кулья Балтачева было захвачено имущества на 5302 руб.; у ясачного татарина д. Амирово Оренбургской провинции отобрали скот, лошадей и товар на сумму в 6 тысяч руб.; сумма конфискованных повстанцами товаров челябинского купца Якупа Солтанаева исчислялась в 17 736 руб.; богатые мишари Исетской провинции лишились имущества на 21 680 руб.²

Боевые действия Главного повстанческого войска в Башкирии и его поход к Казани. С Белорецкого завода по горным тропам «через лес по указательству бывших в толпе башкирцов» армия Пугачева 5 мая подошла к крепости Магнитной³. На следующий день пугачевцы овладели крепостью. Повстанцы располагали теперь артиллерией, захваченной в крепости, и порохом, привезенным с Каслинского завода командой башкирского старшины Базаргула Юнаева⁴.

Не оставляя, видимо, надежды на захват центра Исетской провинции — Челябинска, Пугачев уклонялся от встреч с правительственными войсками. Он обошел Верхояицкую крепость, где были сконцентрированы крупные карательные силы, и направился к Карагайской крепости.

До 20 мая продолжалось победное шествие Главного повстанческого войска по крепостям Оренбургской линии. Петропавловская, Степная, Троицкая крепости были захвачены, а затем уничтожены повстанцами. Крепости, как и заводы, использовались карателями в качестве опорных пунктов для борьбы с восставшими и служили базами для снабжения войск продовольствием и боеприпасами. Уничтожение крепостей весной 1774 г. диктовалось обстановкой решительного наступления карательных частей на основные повстанческие районы.

21 мая карателям наконец удалось

настигнуть Пугачева. В сражении под Троицкой крепостью пугачевцы были разбиты корпусом генерала Деколонга. В своем сообщении оренбургскому губернатору Деколонг так описывает ход сражения: «и сколько сам [Пугачев] не усиливался свои отчаянные силы, развезжая наподобие ветра, удерживать и утверждать, однак осталса разсыпанным»⁵. Пугачев потерял около 4 тысяч убитыми, всю артиллерию, состоявшую из 28 орудий⁶.

Но отступление пугачевцев не было столь беспорядочным, как казалось генералу. По словам повстанцев, после сражения Пугачев «башкирским старшинам приказал же збиратца в скопы». И уже на следующий день к Пугачеву, отступившему к Нижне-Увельской слободе, «подоспели башкиры и собралось много охотников, ушедших от баталии, — всех стало до 2000»⁷. И когда на этот отряд 22 мая неожиданно вышел Михельсон, он не сразу понял, что навстречу ему шло войско Пугачева, за два дня до этого разбитое в сражении под Троицкой: следующие в боевом порядке команды подполковник принял за корпус Деколонга. Пугачевцы первыми атаковали врага, и Михельсону с трудом удалось перестроить свои войска. Главный удар Пугачева был направлен на артиллерию и конницу, состоявшую из верных правительству башкир и мишарей. Смяв конницу, Пугачев «считал себя победителем, бросился в разсыпку». Но введение в действие эскадрона изюмских гусар под началом Михельсона заставило пугачевцев отступить. В этом же сражении у Кундравинской слободы было убито до 600 и захвачено в плен 400 повстанцев. Однако Михель-

¹ Крестьянская война. С. 127—128.

² РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 395, 398; Д. 186. Л. 103 об.; ЦГИА РБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2. Л. 162—163; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. М., 1960. С. 552—554.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 2. Л. 181.

⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 288. РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 1. Л. 316. Ч. 6. Л. 169.

⁵ РНБ ОР Ф. IV. Д. 668. Л. 83 об.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 5. Л. 109—110; Ф. 1274. Д. 179. Л. 535—536; Дмитриев-Мамоннов А. И. Указ. соч. С. 108—111.

⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 9. Л. 315—316; Пугачевщина. Т. 2. С. 208.

сон понимал, что не разбил Пугачева и в отчете Щербатову о сражении писал: «Я не иначе считаю, что злодей вновь станет стараться усиливать по заводам и соединяться с бунтующими башкирами»¹.

Каратели опять потеряли Пугачева. Он остановился в д. Байгазино на р. Миасс, где его ждала «приготовленная толпа с 400 башкирцами». Здесь Пугачев получил известие о том, что к Челябинску подошли дополнительные карательные силы. Поэтому он не решился идти к Челябинску, а ездил по деревням, пополняя свой отряд новыми повстанцами².

Башкирские команды информировали Пугачева о всех передвижениях правительственных войск. Это позволило повстанческому руководству осуществить умелый тактический ход: пропустить карателей вперед и тем самым из преследуемых превратиться в преследователей³.

31 мая Пугачев вступил на Златоустовский завод, а через 2 дня — на Саткинский. Жители заводов были выведены, заводские строения сожжены. Отряд Пугачева пополнился за счет рабочих людей, на заводах было взято несколько пушек.

Вечером 2 июня у р. Ай неподалеку от д. Киги к Пугачеву присоединился отряд Салавата Юлаева. Пугачев так описал эту встречу: «Пришел он в башкирские селения, где нашел стоящих на конях башкирцев до трех тысяч человек. И из оных, увидя идущую его толпу, старшина Салават, подъехав к нему, Емельке, сказал: «Это стоит наше башкирское войско, и мы дождаемся ваше величество, а нас де старшин здесь трое». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую. Послужите мне!»⁴. И на следующий день в бой против корпуса Михельсона Пугачев бросил свой отряд, насчитывавший до 3500 человек⁵. После многочасового сражения в нескольких верстах от д. Киги, во время которого «происходила великая ружейная и пушечная пальба», войско Пугачева отступило⁶, но два дня спустя вновь напало на Михельсона. Пугачевцы переправились через р. Ай, где и устроили засаду, расположившись в ущельях гор. Как показывал Пугачев на допросе в Тайной

экспедиции Сената, в ходе этих сражений он «не мог... сломить» Михельсона, но и последний «так же его не разбил», и они «разошлись»⁷.

Вечером 5 июня Пугачев, удовлетворенный исходом боя и тем, что войско не понесло больших потерь, пожаловал группу верных ему предводителей повстанцев военными и гражданскими чинами. Среди награжденных были Салават Юлаев и Канзафар Усаев, удостоенные чинов бригадиров (или главных полковников). Юлая Азналина Пугачев, по собственному признанию Юлая, «для лучшего в народе разбирательства и учредил... над всеми в нашей стороне обитающими главным атаманом»⁸. Это было выражением признательности вождя Крестьянской войны башкирскому народу, с самого начала выступления представлявшего в ряды восставших своих лучших джигитов и не раз после крупных поражений (под Татищевой крепостью, Сакмарским городком, Троицкой крепостью и Кундравинской слободой) способствовавшего возрождению Главного войска.

На допросе в Яицкой секретной комиссии Пугачев показал, что после июньских боев с Михельсоном он провел в Башкирии около недели, где набрал «башкирцов тысяч десять и несколько заводских крестьян, и пошел на Красноуфимскую крепость»⁹. Из Башкирии Главное повстанческое войско двинулось к Казани. 10 июня оно беспрепятственно заняло Красноуфимск, затем, переправившись через р. Уфу, вступило в пределы Казанской губернии.

¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 146—147.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 2. Л. 279—281; Д. 627. Ч. 9. Л. 333—334, 340.

³ Там же. Ф. 1100. Д. 9. Л. 64; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 64.

⁴ Красный архив. 1935. № 2—3 (69—70). С. 211.

⁵ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 181.

⁶ Крестьянская война. С. 171—173.

⁷ Красный архив. 1935. № 2—3 (69—70). С. 211—212.

⁸ Крестьянская война. С. 317.

⁹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 120—121.

11 июня под Ачитской крепостью пугачевцы встретили выступившую из Кунгура карательную команду подполковника А. В. Папава. Охватив команду с флангов, повстанцы открыли сильный огонь и вынудили карателей к отступлению, преследуя их в течение 6 часов¹.

С распространением известий о движении Пугачевского войска в центральные районы страны повстанцы Башкирии стремились преградить путь карательным отрядам, гнавшимся за Пугачевым. Генералу Щербатову пришлось бросить «все войско на укрощение бунтующих башкирцов, дабы тем как наискорее уничтожить надежду самозванца на сей преданный ему народ»². Лишь после трех крупных сражений с пугачевцами выбрался за пределы Башкирии Михельсон. Отвлекая на себя внимание карательных команд, повстанческие отряды всячески мешали их продвижению. Они занимали перевозы, сжигали мосты, паромы, лодки и другие сплавные средства³. Спецившие в Поволжье, к районам действий Пугачева, войска только с 21 июня по 6 июля 11 раз вынуждены были вступать в сражения, навязанные им башкирскими повстанцами⁴.

Правительственные войска и местные карательные силы безуспешно пытались предотвратить массовое уничтожение повстанцами южноуральских заводов. Покидая Башкирию, Пугачев подтвердил свое распоряжение о сожжении заводов. В первых числах июня он выяснял у Юлая Азналина: «все ль заводы по ево повелению... истреблены?» и, получив отрицательный ответ, приказал ко всем сохранившимся «заводам делать приступы»⁵.

Многие заводы были сожжены или разрушены башкирскими повстанцами с добровольного согласия их работников и жителей. Боеспособная часть заводских крестьян пополнила ряды повстанческих вооруженных сил, приписные крестьяне разошлись по своим деревням, большинство работных людей с семьями ушли в горы или были отосланы в Пермскую провинцию.

Но выполнение решений повстанческого руководства о ликвидации за-

водов не всегда проходило гладко. Это было связано с ростом стихийности в выступлениях местного населения края. Участились случаи грабежей отрядами отдельных башкирских старшин не только заводского, но и личного имущества русского населения. Они громили и поджигали заводские деревни только за то, что те были построены на башкирской земле. Подобные акции использовались заводской администрацией для разжигания национальной вражды и организации сопротивления повстанцам. Отказ работников некоторых заводов участвовать в ликвидации производственных зданий можно объяснить и тем, что заводы и окружавшие их деревни были постоянным местом их жительства и единственным средством существования. Все же в своей основе уничтожение заводов было своеобразной формой классовой борьбы против феодального гнета. В течение мая — июня на территории Оренбургской губернии «до пошвы» сгорело 23 завода, «малое позжие» коснулось остальных 16 предприятий⁶.

21 июня Главное повстанческое войско овладело Осой. После этого часть повстанцев Башкирии вернулась в родные края. Как заявил на следствии Канзафар Усаев, его самого, Салавата Юлаева, Юлая Азналина и других «своих начальников таковых же... полковников» Пугачев отправил в Башкирию с указами для «возмущения спокойно живущих и набирания толп на разные дороги»⁷.

Другая часть башкирских повстанцев некоторое время оставалась на территории Казанской губернии, проводя мо-

¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 293.

² РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 145 об.

³ Там же. Д. 185. Л. 5—6; РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 491—494; Д. 1240. Л. 316—317. Л. 35 а и б.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 256.

⁵ Крестьянская война. С. 317.

⁶ *Кашинцев Д.* Указ. соч. С. 252—281; *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоладельцы. М., 1962; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—336.

⁷ Крестьянская война. С. 222.

биллизацию крестьян в Пугачевское войско и обеспечивая его тылы. Самым многочисленным и активным был отряд повстанческого полковника мишара д. Оки Уфимской провинции Бахтияра Канкаева¹. С Пугачевым ушел большой башкирский отряд под командованием повстанческого генерала Юламана Кушаева.

12 июля Главное войско Пугачева захватило Казань (кроме Кремля, где засел местный гарнизон), а 12, 13 и 15 июля под городом вело бои с корпусом Михельсона. Отважно сражались здесь башкирские команды и сформированные из жителей Башкирии Авзянский и Исетский полки². 15 июля Пугачев потерпел поражение.

С остатками войска Пугачев отступил к Кокшайску. Здесь 16—18 июля он переправился на правый берег Волги. Его отряд насчитывал около тысячи человек, среди которых было несколько сот башкир во главе с главным полковником Кинзей Арслановым. Остальные повстанцы, в том числе и башкиры, получили приказ «возвратитца обратно в свои селении»³.

С уходом из Башкирии Главного войска Пугачева народное движение здесь не угасло. В Башкирии оставался Салават Юлаев, который и взял на себя предводительство повстанческим движением в крае.

§ 3. Повстанческая борьба в Башкортостане после ухода Пугачева в Поволжье (сер. июля 1774—1775 г.)

Новый этап восстания. Салават Юлаев — предводитель повстанческого движения в Башкирии. Третий этап Крестьянской войны характеризуется перенесением центра движения в губернии правобережной Волги. В течение второй половины июля и в начале августа 1774 г. Пугачеву удалось овладеть в Поволжье рядом городов. Его войско насчитывало десятки тысяч повстанцев. Возникшая реальная угроза

юго-восточным районам Московской губернии и общий размах восстания заставили правительство и дворян принять экстренные меры по вооруженному подавлению народного движения.

29 июля Екатерина II назначила новым, четвертым по счету, главнокомандующим всеми карательными войсками генерал-аншефа П. И. Панина. В его распоряжение было отдано 16 кавалерийских и пехотных полков, 7 гусарских эскадронов, 4 легкие полевые команды, свыше 3500 донских и малороссийских казаков, а также весь состав гарнизонов Оренбургской, Казанской, Астраханской губерний и созданные там дворянские ополчения. Этой силой, которая, по мнению Екатерины II «едва ли не страшна... и соседям», т. е. соседним странам, правительство надеялось покончить с восстанием⁴. Крупные воинские части были направлены в повстанческие районы после поспешного заключения Кючук-Кайнарджиского мира с Турцией. С этими войсками Панин начал войну на истребление восставших.

Из Оренбургской губернии в погоню за Пугачевым ушла большая часть правительственных войск, но продолжавшаяся в крае повстанческая борьба удерживала значительные контингенты воинских сил. К тому же командование карательных сил и местные власти не без оснований рассматривали Башкирию как место, куда Пугачев мог вернуться за поддержкой. Ф. Ю. Фрейман в своих воспоминаниях, подводя итоги карательной службы летом и осенью 1774 г., записал: «На этом закончилась моя экспедиция в Башкирии, куда я был

¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 317—349; Возвзвания и переписка вожак Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988. С. 128—191.

² Пугачевщина. Т. 2. С. 340.

³ Рознер И. Г. Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966. С. 160; Пугачевщина. Т. 2. С. 275.

⁴ Сборник РИО. Т. 6. СПб., 1871. С. 85—86.

послан, чтобы Пугачев не получил отсюда помощи»¹.

Развитию повстанческого движения в Башкирии способствовало возвращение из-под Осы и Казани башкирских повстанческих отрядов, входивших в Главное войско Пугачева. И наиболее интенсивно оно протекало в июле—сентябре 1774 г., до переброски из Поволжья в Оренбургскую губернию крупных войсковых частей.

1 августа генерал-поручик Ф.Ф. Щербатов доносил императрице, что размах восстания в Башкирии «не уменьшается»². Вводя в курс событий в Оренбургской губернии П. И. Панина, генералы П. М. Голицын и И. А. Деколонг писали, что «здесь дела в ...разстройке состоят»³, и «башкирцы от бунта своего не отстают»⁴.

Основными формами народной борьбы оставались сражения с правительственными войсками и местными карательными отрядами, закрытие свободного проезда по главным дорогам, осада крупных населенных мест. Повстанческие отряды возглавляли те, кто, по наблюдениям властей, были «названы от ... Пугачева за их к нему принесенные услуги полковниками и свыше чинами». Среди них — башкиры Салават Юлаев, Юламан Кушаев, Базаргул Юнаев, мишар Канзафар Усаев, татарин Ермухаммет Кадырметев, чуваш Михаил Андреев, мари Байкей Тойкиев.

Главные события повстанческого движения на территории Башкирии в июле—ноябре 1774 г. были связаны с именем Салавата Юлаева. В приговоре оренбургского губернатора в вину Салавату и его отцу ставилось то, что они по уходе Пугачева «из пределов Оренбургской губернии», возглавив «башкирцев большую толпу», продолжали сражаться «с неудержанным ... стремлением»⁵. Командующий правительственными войсками П. И. Панин квалифицировал Салавата, как «главного между башкирским народом теперь возмутителя»⁶, а один из самых рьяных участников подавления восстания старшина Кулый Балтачев заявил во время следствия по делу Салавата в Москве, что

имя его, Салавата, по всей Башкирии «езде слышно было»⁷.

В июле и августе повстанческие отряды разъезжали «в самой Оренбурга близости», создавая угрозу административному центру губернии. И напуганный губернатор требовал незамедлительного возвращения из Исетской провинции войск генерала Ф. Ю. Фреймана «для прикрытия же города Оренбурга с окольными местами»⁸.

Во второй половине июля основные повстанческие силы сосредоточиваются около Уфы. Отряды Салавата Юлаева, Канзафара Усаева, Караяна Мратова и других пугачевских вожakov с разных сторон шли к городу, чтобы «зделать на Уфу нападение и разбивать везде воинские команды»⁹. В начале августа повстанцы действовали в 50—70 верстах от Уфы. Под Стерлитамаком 2,5-тысячный повстанческий отряд трижды вступал в бои с преграждавшим ему дорогу к Уфе полковником П. А. Шепелевым¹⁰.

Но повстанческое руководство не смогло обеспечить единства действий всех отрядов, а наступление регулярных частей и местных карательных отрядов сорвало планы повстанцев по овладению Уфой. К тому же в начале августа отрядом старшины Кидряса Муллакаева был захвачен в плен один из крупнейших вожakov народного движения в Башкирии Канзафар Усаев¹¹.

С августа 1774 г. основным районом повстанческой борьбы стали волости северной и северо-восточной Башкирии. Предводителем восстания в этом районе

¹ Neue Nordische Miscellaneen. Riga. 1794. N 7—8. S 407.

² Пугачевщина. Т. 3. С. 273.

³ Крестьянская война. С. 223.

⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 416.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 73.

⁶ Крестьянская война. С. 242.

⁷ Там же. С. 307.

⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 271—272.

⁹ Крестьянская война. С. 214—216; 221—222, 226; РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 2. Л. 311—312, 316—317; Ч. 4. Л. 207; Ф. 1274. Д. 186. Л. 302.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 187. Л. 260.

¹¹ Крестьянская война. С. 225, 401, 402.

был Салават Юлаев. Сюда каратели направили значительные воинские силы, здесь проходили самые крупные сражения. Повстанческие отряды, насчитывавшие до трех тысяч человек, неоднократно вступали в сражения с командами полковника А. Я. Якубовича, майоров И. Штерича, Ф. Жолобова, Д. О. Гагина и других¹.

Отдельные факты свидетельствуют о стремлении повстанческих командиров согласовать свои действия в борьбе с неприятелем. Как и ранее, в мае и июне, Салават Юлаев оказывал военную помощь своим соратникам — атаманам башкиру Аладину Бектуганову, татарину Ермухаммету Кадырметеву, мари Байкею Тойкиеву и другим, действовавшим на территории Казанской дороги.

В это же время башкирские повстанческие отряды вновь присоединились к отрядам русских «злодейских атаманов» из пограничных волостей Пермской провинции. По сведениям управителя Сарапульской волости С. Баранова, в конце июля в волости действовало три отряда, насчитывавших до 1500 пугачевцев из русских, башкир и мари. Пользуясь отсутствием в районе правительственных войск, они фактически держали волость в своих руках². В Осинской волости русско-башкирские отряды преграждали путь команде подполковника А. В. Папова и преследовали отдельные группы карателей³. 5 сентября пермские провинциальные власти получили сведения о том, что «за Уфую рекой башкирец Салаватко имеет в собрании башкирцов до тысячи, да пришедших к нему тулвенских татар две тысячи, и нападение де хочет иметь на Ачитскую крепость, тамож и Кунгур, в разсуждение — де того, что команд во оных никаких нет»⁴.

Активизация повстанческой борьбы на севере Башкирии крайне беспокоила провинциальные власти и, опасаясь за безопасность Уфы, они настаивали на отправлении в этот район команды подполковника И. К. Рылеева. 18 сентября в 90 верстах от Уфы вблизи д. Тимошкино авангардный отряд конников Са-

лавата внезапно напал на карателей, привел их в смятение и, наделав переполоху, быстро скрылся. Четыре дня спустя, 22 сентября, у д. Нуркино, извещая Рылеев, он с «башкирцом Салаваткою имел престокоое сражение, у котораго было злодейской толпы до трех тысяч человек»⁵. К этому времени Салавату Юлаеву удалось объединить под своим командованием несколько повстанческих отрядов. Сражение 22 сентября было долгим и трудным. Салаватовцы неоднократно атаковали неприятеля, но раз за разом интенсивный пушечный и ружейный огонь отбрасывал их на исходные позиции. Потеряв до 400 человек убитыми, повстанцы вынуждены были отступить.

Не затихает народное движение и в других частях Башкирии. На Ногайской дороге между д. Имангулово и с. Бугульчаном действовал двухтысячный отряд Качкына Самарова⁶. Башкирские отряды нападали на корпус генерала Ф. Ю. Фреймана, следовавший из Верхояицкой крепости к Зилаирской⁷.

В западных районах губернии каратели также не могли справиться с восставшим населением. Между Переволочкой и Сорочинской крепостями действовал отряд из 500 яицких казаков и башкир с 3 пушками⁸.

Одним из ярких примеров совместной борьбы трудовых масс разных национальностей было боевое взаимо-

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 490. Ч. 1. Л. 250. Д. 507. Ч. 5. Л. 199 об.; Д. 593. Л. 113—114; Ф. 1274. Д. 182. Л. 280; РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 101. Л. 66; Материалы для истории Пугачевского бунта // Грот Я. К. Труды. СПб.; 1901. Т. IV. С. 640—641.

² Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сборник документов и материалов. Ижевск, 1974. С. 231—237.

³ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 292—294.

⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 267.

⁵ Крестьянская война. С. 231.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 490. Ч. 1. Л. 251; Neue Nordische Miscellaneen. Riga. 1794. N. 7—8. S. 405—406. Крестьянская война. С. 399.

⁷ РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 49—51; Ф. 1274. Д. 174. Л. 635—638; Д. 186. Л. 293—296; Пугачевщина. Т. 2. С. 336—339.

⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 309.

действие жителей татарских деревень, расположенных по Ново-Московской дороге, с башкирскими повстанцами. Совместными усилиями они препятствовали сообщению между Оренбургом и Казанью, захватывали обозы с продовольствием и другие транспорты, убивали проезжавших офицеров. В июле против жителей придорожных деревень двинулись со стороны Оренбурга отряд секунд-майора В. Юшкова, а от Бугульмы — секунд-майора В. Меллина. Узнав об этой карательной операции, к дороге подошли башкирские повстанцы. 19 июля башкиро-татарский отряд напал на команду, расположившуюся в д. Юзеево. На помощь осажденным губернатор вынужден был срочно перебросить гусарский эскадрон, снаряженный для борьбы с казахскими повстанцами¹. Жители татарских деревень присоединялись к повстанцам. В погоне за ними Юшкову и Меллину пришлось выдерживать пять сражений². Но «усмирить» население им не удавалось. Как заявляли губернские власти, даже осенью 1774 г., когда Пугачев был разбит, татары «изо многих деревень... о проезжающих по дороге разного звания людей подавали... башкирцам известии и с ними вместе, выезжая на дорогу, оных убивали...»³.

Всего с середины июля по сентябрь 1774 г. на территории Уфимской провинции было 26 крупных сражений повстанцев с воинскими командами.

Напряженное положение сохранялось и в волостях Исетской провинции. Правда, в отличие от Уфимской провинции здесь оставались все войска, введенные из Сибирской губернии в конце 1773 года. Карателям удалось привести в повиновение почти все русское население провинции. Но повстанческие отряды, действовавшие в исетской Башкирии, не распались. Они вынуждены были изменить тактику и от открытых выступлений перейти к ведению партизанской войны. Располагаясь в труднодоступных местах, они внезапно нападали на отдельные воинские команды и тем держали карателей в постоянном напряжении.

Специально для «поиска» повстанческих отрядов и проведения карательных операций среди местного населения, в Зауральскую Башкирию был направлен отряд И. Л. Тимашева. Угрозами и силой оружия ему удалось привести в повиновение часть башкирских и мишарских дворов⁴. Но продолжению этой деятельности «возпрепятствовал... возвратившийся от ... Пугачева с толпою его наперстник, называемый генералом Юламаном»⁵.

Участник казанских боев Главного повстанческого войска с неприятелем Юламан Кушаев взял на себя задачу сплотить повстанческие силы в провинции. Подробных сведений об их борьбе не обнаружено. Оценку деятельности Юламана находим в рапорте Тимашева, сообщавшего, что Юламан свел на нет успехи карателей «по приведению в повиновение исецкой Башкирии ..., чего уже и многим трудом поправить невозможно»⁶. Известно также о двух августовских сражениях повстанцев с отрядом генерал-майора А. Д. Скалона, об осаде ими Уйской и Троицкой крепостей, о постоянных жалобах Деколлонга на недостаток войск, о «закрытых» повстанцами дорогах в провинции⁷.

В третий период Крестьянской войны из рядов участников народного движения фактически выбыла такая значительная сила как заводское население. После поражения повстанческого войска под Казанью приписные крестьяне и рабочие люди южноуральских заводов стали возвращаться в свои дерев-

¹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 475; Ф. 1274. Д. 188. Л. 216.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 259; РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 180 об.—181.

³ Пугачевщина. Т. 3. С. 362.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 8. Л. 221—223, 268; Ф. 1274. Д. 175. Л. 457—458.

⁵ Там же. Ф. 6. Д. 627. Ч. 8. Л. 219; Ф. 1274. Д. 175. Л. 462.

⁶ Там же. Ф. 1274. Д. 175. Л. 462.

⁷ Там же. Ф. 6. Д. 627. Ч. 7. Л. 377; Ч. 8. Л. 376; Ч. 12. Л. 14; Ф. 1100. Д. 10. Л. 356, 375; Д. 11. Л. 117—118; Д. 12. Л. 63; Ф. 1274. Д. 174. Л. 249 об.; Д. 179. Л. 285 об.—286.

ни. Военные и гражданские власти, заводская администрация приняли все меры, чтобы заводские люди вновь «в злодейские толпы не предались». П. И. Панин и И. А. Рейнсдорп отдавали распоряжения о введении на заводы «пристойных командь» и «об обороне ... заводов... войсками»¹. Так, в конце августа Ф. Ю. Фрейман направил отряд из 800 чел. «на покорение крестьян Преображенского завода». Силой оружия работные люди были приведены «в повиновение»². Команда Фреймана «усмиряла» и население Каноникольского завода³.

Осенью 1774 г. постоянные воинские посты были размещены на Авзяно-Петровском, Вознесенском, Ирнянском, Катав-Ивановском и Преображенском заводах. В зависимости от ситуаций карательные команды посылались для охраны других заводов⁴. С их помощью восстанавливалась власть заводчиков. Правительство дало разрешение владельцам заводов вернуть всех заводских людей, даже тех, кто принимал участие в восстании и был приговорен к различным наказаниям. К концу ноября Я. Б. Твердышев собрал до 8 тысяч мастеровых и работных людей с 10 заводов. К лету 1775 г. основная часть заводских людей южноуральских заводов была возвращена к месту своей работы⁵.

Размещение на заводах воинских команд, репрессии и запугивания властей, церкви и заводовладельцев способствовали тому, что основная масса заводского населения, хотя и оставалась, по отзывам карателей, «духом бунта зараженной», отошла от восстания.

Подобная позиция заводских работников не могла оставить равнодушными повстанцев. И вновь под восстанавливаемыми заводами появились пугачевские отряды, состоявшие из башкир и других нерусских народов края. Они шли на приступы к Ангасьякскому, Архангельскому, Каноникольскому, Кыштымскому, Саткинскому заводам, вступая в бой с расположившимися там воинскими командами⁶. В обороне заводов участвовали работные люди и мастеровые,

защищавшие теперь места своей жизни и труда.

В центре внимания повстанцев был Катав-Ивановский завод, занимавший удобное положение на дороге из Уфы к Челябинску и из Челябинска к Красноуфимску. С мая завод был блокирован отрядом пугачевского атамана Юлая Азналина, но выполнить приказ Пугачева о сожжении завода не удавалось. Приказчикам и священнику лживыми рассказами «о зверствах» башкир удалось запугать работных людей завода, разжечь национальную вражду и организовать сопротивление повстанцам.

Повстанцы неоднократно посылали своих представителей «на переговоры», предлагали заводским людям «жить союзно». 10 сентября на завод было отправлено обращение, подписанное Салаватом Юлаевым и Юлаем Азналиным. Оно содержало призыв к русским крестьянам «жить в мире» и заверение в дружелюбии. Салават и Юлай напоминали мастеровым и работным людям, что еще недавно они все вместе участвовали в народной борьбе, что они — «подданныя его величества Петра Федоровича»⁷. Отправляя письмо на завод, предводители повстанческого отряда просили передать заводской администрации, что поджечь завод им не трудно — «могут кругом всего завода стену завалить соломою и зажечь»⁸. Но на такой жестокий акт они не могли пойти: в огне пожара погибли бы сотни запуганных и обманутых заводских людей.

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 8. Л. 385; Ф. 1274. Д. 179. Л. 127.

² Там же. Ф. 1274. Д. 186. Л. 294.

³ Пугачевщина. Т. 2. С. 337.

⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 127; Д. 190. Л. 266, 268, 270; Ф. 6. Д. 627. Ч. 11. Л. 237, 240; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 163—164.

⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 45; *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. М.; Л., 1939. С. 154—155.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 2. Л. 169; Д. 627. Ч. 8. Л. 119 а; Ч. 11. Л. 237, 240.

⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 256—257.

⁸ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. 201—202.

Вопреки распространяемым властями слухам о «кровожадности» повстанцев данный факт, как и многие другие, свидетельствует о стремлении восставших овладеть городами, крепостями и заводами мирным путем, без кровопролитий. Осада длилась до конца ноября, но взять завод повстанцам так и не удалось¹.

Таким образом, повстанческая борьба в Башкирии велась в острой и активной форме, хотя с перенесением действий Главного повстанческого войска в Поволжье она не направлялась из единого центра, а отход от борьбы заводских приписных крестьян и работных людей привел к ослаблению антифеодального лагеря восстания, к снижению уровня совместной борьбы трудовых масс края.

Ударной частью повстанческих вооруженных сил была башкирская конница. В состав пугачевских отрядов входили также мишари, татары, мари, чуваш и другие народы края. Сведения об участии в восстании русских крестьян крайне малочисленны. Одной из причин, способствовавших приведению последних в повиновение, были участвовавшие случаи убийств и грабежей в русских деревнях, производимых отрядами башкирских старшин, изменивших восстанию, а также использование русских в качестве рабочей силы в хозяйствах этих старшин.

Наступление карательных сил, подавление восстания. Пугачевское восстание близилось к своему финалу. Преследуемый правительственными войсками, Пугачев был оттеснен в низовья Волги, где в сражении 25 августа под Черным Яром потерпел решительное поражение. С двумя сотнями казаков Пугачев бежал за Волгу. Здесь Кинзя Арсланов вновь звал Пугачева в Башкирию. Но поддержки от башкирских повстанцев, чего так опасались командиры правительственных войск, Пугачеву уже не суждено было получить. Вскоре он был арестован заговорщиками, доставлен ими 15 сентября в Яицкий городок и выдан властям.

После получения известий о захвате

в плен предводителя восстания Екатерина II потребовала от главнокомандующего карательными войсками обратить главное внимание на подавление выступлений башкир и казахов².

В конце сентября генерал-аншеф П. И. Панин принимает решение о переброске крупных воинских сил в Башкирию. В Оренбургской губернии была размещена 2-я дивизия под командованием П. М. Голицына. Панин запретил Деколонгу переброску Сибирских войск из Исетской провинции и потребовал для «надлежащего уральских башкирцев удержания» от восстания расположить команды так, чтобы они соединялись с постами 2-й дивизии³. Вместе с местными гарнизонными командами карательные силы насчитывали несколько тысяч человек. Большую часть перебронированных в Башкирию войск составляла кавалерия. Тем самым был учтен прежний опыт ведения боев против башкирской конницы.

Многие воинские подразделения имели при себе конные команды верных властям башкирских, мишарских, татарских старшин и сотников. Активизировалась деятельность самостоятельно действовавших «инородческих» карательных отрядов. На севере Башкирии повстанцев преследовал крупный отряд Кулыя Балтачева, на юго-западе — отряд Кидряса Муллакаева и др.⁴ В июле — августе 1774 г. башкирский старшина Катайской волости Исетской провинции Терегул Казанбаев выполнял роль проводника войск И. Л. Тимашева, помогая громить застигнутые врасплох повстанческие отряды⁵.

Отдельные старшины, не решаясь открыто выступить против повстанцев,

¹ РГАДА. Ф. 271. Д. 1339 б. Л. 340.

² Сборник РИО. Т. 6. С. 154.

³ Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 158—159, 171.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 2. Л. 256; Д. 593. Л. 15—16, 184; Ф. 1100. Д. 12. Л. 203; Ф. 1274. Д. 174. Л. 244; Д. 175. Л. 395, 398; Д. 179. Л. 380, 727; Крестьянская война. С. 226—229, 263, 269, 401, 402.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 8. Л. 221—223, 268.

призывали придерживаться нейтральной позиции: «Между собою нам никакого смятения делать не надобно, а жить спокойно»¹. Но определяющей стала иная тенденция, зародившаяся еще на первом этапе Крестьянской войны, — все больше старшин вступало в неприкрытую и яростную борьбу с восставшими.

В Казанской секретной комиссии старшины давали «подписки, что они впредь непоколебимы придут в должной верности»². 10 ноября начальник комиссии генерал-майор П. С. Потемкин извещал императрицу: «Из башкирского народа с повиновением явилось ко мне до 200 старшин»³. Участвовавшие прежде в восстании старшины любым способом, даже ценой предательства, участием в поимке повстанческих вожаков, стремились загладить свою вину перед правительством.

Повстанцы беспощадно расправлялись с представителями старшины, враждебными восстанию. Многие богатеи заплатились собственной жизнью или жизнью членов своих семейств, их имущество, скот конфисковывались, а дома сжигались. Зато за борьбу против повстанцев позднее они были вознаграждены властями: 26 человек получили золотые и серебряные медали Сената, семеро — офицерские звания⁴, остальные удостоились указов, похвальных аттестатов губернатора и командиров воинских частей. Их щедро награждали именным оружием, сукнами и деньгами⁵. Не обошли местных карателей и продвижением по службе. По рекомендации генерала П. М. Голицына башкирский сотник Абдулзялиль Султанов был определен старшиной Байлярской вол. Казанской дороги. За верную службу властям волостными старшинами стали башкиры Куват Хасанов, Кусяпай Аптряков, Ахмер Курмангулов, Ишали Якупов, Мишари Салимджевкер Тонкачев, Мустафа Байков, Амирхан Юсупов, другие получили должности походных старшин, сотников, есаулов⁶.

Наступление карательных войск, предательство и прислужничество им многих старшин и сотников, широкое опо-

вещение населения о захвате в плен Е. И. Пугачева привели к спаду восстания в Башкирии. Если в июле — сентябре Салават Юлаев, Юламан Кушаев и другие народные вожаки еще пытались объединить разрозненные повстанческие отряды, то в октябре — ноябре на территории Башкирии сохранялись лишь отдельные очаги восстания.

На севере и северо-востоке Башкирии продолжали действовать отряды Салавата Юлаева и его соратников. Уфимская провинциальная канцелярия 8 октября сообщала губернатору, что вынуждена была отправить в Екатеринбург захваченных в плен рабочих людей Саткинского и Златоустовского заводов не через Кунгур, а через Мензелинск «по притчине продолжающейся по прямому отсель до города Кунгура тракту» опасности от повстанцев⁷. В это время подполковник Папав получил известие о появлении в деревнях по р. Танып отряда повстанческого полковника Батыркая Иткинина, который делает «в башкирцах возмущение приглашением к собранию». Папав направил против Батыркая карательный отряд Рахмангула Иртуганова. В боевую готовность были приведены все карательные силы Пермской провинции⁸.

Повстанцы не оставляли намерений расширить сферу своих действий к северу от Уфимской провинции. Это заставляло полковника В. Ф. Бибикова принимать меры по охране границ и защите крепостей и заводов Екатеринбургского горного ведомства от повстан-

¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 122.

² РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 355; Д. 182. Л. 205.

³ Там же. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 185.

⁴ Там же. Ч. 3. Л. 156, 159, 217.

⁵ Гвоздика И. М. Указ. соч. С. 28, 42, 150—151.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 516. Ч. 3. Л. 217; Д. 592. Л. 194, 349; ГАОО. Ф. 3. Д. 140. Л. 23, 31—33; Д. 141. Л. 185—186, 190—191; Д. 148. Л. 21, 39, 92—93; Д. 155. Л. 57, 59, 67—68, 71; Д. 171. Л. 9, 16; Гвоздика И. М. Документы свидетельствуют//Поиски и находки. Уфа, 1984. С. 112—124.

⁷ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 81.

⁸ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 297—298.

цев¹. Даже в январе 1775 г. он не был уверен в безопасности пограничных с Башкирией районов.

Формой протеста и сопротивления был отказ пугачевцев от повиновения властям. Так, в ведомости, присланной Уфимской провинциальной канцелярией в Оренбург в начале ноября 1774 г., отмечалось, что старшины Сибирской дороги «с командами их и поныне находятся» в неповиновении и никто из них, за исключением «ясашного старшины Алексея Бекметева», не пришел с повинной и что из селений Сибирской дороги, где действует Салават Юлаев, «по сие время» также никто не явился к властям².

В волостях Осинской дороги стояли отряды соратников Салавата — Адила Азменева, Аладина Бектуганова, Сейфуллы Сайдашева и др.³. В ноябре П. М. Голицыну пришлось перебросить туда новые команды, поскольку, объяснял он генералу П. И. Панину, «главная теперь нужда состоит в успокоении бунтующих башкирцов, пребывающих поблизости городов Осы, Кунгура и Красноуфимска»⁴.

Показателем верности лозунгам Пугачевского восстания является письмо, направленное старшиной Кушинской вол. Сибирской дороги подполковником Ильчигулом Иткуловым в октябре 1774 г. временному коменданту Красноуфимской крепости Я. Г. Савинову об отказе принести повинную: «нам склониться невозможно, потому что присягу за Петра Федоровича приняли», а если Савинов с командой выступит «за реку Уфу... то будем противиться и с вами драться»⁵.

До зимы не было восстановлено прежнее правление в Бирске, Елдяке, Красноуфимске, Осе, Нагайбаке. Но территория активных действий повстанцев быстро сужалась и поздней осенью 1774 г. она ограничивалась лишь отдельными районами Сибирской дороги.

Власти и командование карательными войсками прилагали все усилия к окончательному подавлению восстания. Наряду с военными мерами применялась антиповстанческая агитация,

сдобренная угрозами, обещаниями прощения за участие в восстании. В октябре по Башкирии распространяли объявления П. И. Панина с сообщением о разгроме главных повстанческих сил, о захвате в плен Пугачева. Панин требовал сложить оружие и угрожал, что в случае неповиновения башкир «мужеск пол до самых младенцев будет растерзан лютейшими смертями, жены, дети и земли их все без изъятия розданы в рабство и владение пребывавшим в верности е. и. - в. российским подданным». И, наконец, он зывал к повстанцам «в знак своего истинного покаяния и подданнического повиновения» выдать Салавата и его отца «ближайшему из подчиненных мне войск военному начальнику»⁶.

В обстановке наступления карательных сил, ранней снежной зимы, а также голода, постигшего край вследствие общего разорения хозяйства в ходе военных действий и засухи 1774 г., продолжать открытую борьбу было невозможно. Салават и другие предводители повстанцев решили, видимо, пойти на роспуск отрядов. Повстанцы разъехались по своим деревням, но, как доносил перебежчик писарь Абдула Курманаев, они «намерены к миру склониться, но только с обманом тем, чтоб им зиму таким образом препроводить, а будущим летом по-прежнему бунтовать»⁷. Многие заранее договаривались о перекочевке в казахские степи в том случае, если власти прибегнут к репрессиям. Салават Юлаев также решил «уйтить прямо лесом и горами в киргисцы, к чему все ево товарищи согласны были»⁸, чтобы на будущий год вновь поднять свой народ на восстание. Намерение это не было осуществлено, так как 25 ноября Салават был схвачен карателями. В зимние месяцы

¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 183.

² Крестьянская война. С. 257.

³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 139—140; Ф. 1100. Д. 12. Л. 203; Крестьянская война. С. 269.

⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 218 об.

⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 242.

⁶ Крестьянская война. С. 242.

⁷ РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 379—380.

⁸ Крестьянская война. С. 320.

восстание на территории Башкирии почти полностью прекратилось.

Царские власти подавляли восстание с невероятной жестокостью. Тысячи повстанцев были казнены, сосланы на каторгу, на поселения, забраны в солдаты. 10 января 1775 г. по решению царского суда в Москве был четвертован Е. И. Пугачев, а через две недели, 24 января, в Уфе был обезглавлен И. Н. Зарубин-Чика. В конце ноября 1774 г. в походной канцелярии подполковника Н. Я. Аршеневского начался следственно-судебный процесс над Салаватом Юлаевым, продолженный затем в Тайной экспедиции Сената в Москве и в Уфимской провинциальной канцелярии и завершившийся вынесением приговора оренбургского губернатора в июле 1775 г. Двадцать пять лет провел Салават Юлаев в каторжном каземате Балтийского порта, где он и скончался 26 сентября 1800 г.

Верховные власти были озабочены тем, как особо наказать башкир за их всеобщее и активное участие в Крестьянской войне. Екатерина II лицемерно возмущалась «неверностью башкирцев, кои ничем на свете не отягощены были»¹. Панин оstanовился на проверенном «при прежних бунтах» способе наказания башкирского народа — «собираанием с него лошадей для службы войску»². 19 февраля 1775 г. последовал именной указ Екатерины II о сборе с башкир 4 тысяч лошадей «в наказание за их преступления», т. е. за участие в Пугачевском восстании³. Правительство отказалось от повторения зверской бойни в Башкирии, устроенной после восстания 1735—1740 гг. Башкирские команды были нужны царизму для проведения его внешнеполитических целей в Казахстане и Средней Азии, для несения охраны на западных и восточных границах империи.

Зная о крайнем разорении башкирского хозяйства, падеже лошадей, Панин рекомендовал Рейнсдорпу брать с башкир деньги по 25 руб. за каждую лошадь, определив самую высокую цену того времени. 18 августа 1776 г. губернатор сообщал в Сенат, что в Башкирии

«по неимению годных лошадей собрано 84 559 руб. 50 коп., да в натуре 12 лошадей», а оставшуюся сумму за 595 лошадей из-за «разорения и бедности» башкир «собрать не можно»⁴.

Несмотря на жестокие репрессии, обстановка в Башкирии оставалась напряженной. Порядок поддерживался только силой оружия. В 1775 г. к губернатору поступали сведения о «сборищах» башкир по дороге от Оренбурга к Уфе⁵, жалобы на старшину Карагай-Кипчакской вол. Ногайской дороги Тюзебека Якупова, который «в повиновении притти удержался» и не исполнял старшинские обязанности⁶, на старшину Салзаутской вол. Баязита Максютова и сотника Терсяцкой вол. Исетской провинции Махмута Калмакаева, «которые остались в упорстве и донине»⁷.

В Башкирии распространялись слухи о возможном новом подъеме восстания. Главными распространителями слухов были бывшие участники Крестьянской войны, те, кто не мог примириться с крушением своих надежд. Так, в июле 1775 г. И. А. Рейнсдорп занимался делом присланных от Ф. Ю. Фреймана и из Уфимской провинциальной канцелярии башкир, утверждавших, что Пугачев жив и стоит с войском под Черным Яром⁸.

Трудовые массы Башкирии не хотели верить ни в поражение восстания, ни в гибель его вождя. Свои надежды на возобновление борьбы башкиры связывали и с вымышленными именами братьев Пугачева⁹ и с его ближайшим сподвижником Кинзей Арслановым. Среди соратников Пугачева, находившихся рядом с ним и после окончательного разгрома Главного повстанческого войска

¹ Сборник РИО. Т. 6. С. 154.

² Там же. С. 195—196.

³ Там же. С. 207.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 6. Л. 303.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 44—45.

⁶ Там же. Д. 151. Л. 48—49.

⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 417.

⁸ ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 75.

⁹ Пугачевщина. Т. 3. С. 411.

под Черным Яром, Кинзя Арсланов был единственным верным ему человеком. Впоследствии ни заговорщикам из казачьей старшины, ни карательным командам не удалось разыскать Кинзю Арсланова. А в Башкирии еще долго ходили слухи о том, что Кинзя вернулся и собирает большие отряды, которые стоят «в вершинах рек Белой, Сакмары, Ашкадара и Демы»¹.

Значение Крестьянской войны. Крестьянская война 1773—1775 гг. была самым мощным антифеодальным движением угнетенных масс России. От всех других форм народных выступлений XVII—XVIII веков, в том числе от трех предшествующих крестьянских войн, она отличалась своим размахом, жесточечностью классовой борьбы, широким охватом антифеодальных сил, возросшим уровнем сознательности и организованности движения, глубиной антифеодальных требований. Речь шла не о борьбе за отдельные уступки со стороны дворянско-помещичьего государства, а о ликвидации крепостнических отношений, уничтожении дворянства, устранении старой администрации, передаче земли народу, т. е. объективно «Крестьянская война была направлена против феодализма как общественного строя, ибо подрывались его основы — феодальная собственность на землю и личная зависимость крестьян», хотя социально-экономические условия для ликвидации феодализма в это время еще не созрели².

Важной чертой Крестьянской войны 1773—1775 гг. являлось широкое участие в антифеодальной борьбе нового социального слоя трудовых масс страны — мастеровых и работных людей, а также приписанных к заводам крестьян. Именно они придавали восстанию особо упорный и стойкий характер. На службу восстанию были поставлены людские и материальные ресурсы всех заводов Южного Урала.

Особенностью Крестьянской войны явилось и то, что одной из главных движущих сил были нерусские народы юго-востока России. Здесь наиболее ярко выявилось боевое содружество русского

крестьянства и трудовых слоев башкирского, татарского, чувашского, марийского, калмыцкого, казахского и других нерусских народов в совместной борьбе против социального угнетения и национального неравенства. Лозунги восстания, носившие открытый социальный характер, объединили угнетенные массы разных национальностей и верований. В сложном переплетении социальных и национальных факторов классовой борьбы нерусских народов ведущим был социальный момент, в основе которого лежало осознание ими классовой несправедливости политики феодального государства, всего привилегированного класса — дворянства. Отмечая значение крестьянских войн в России, академик Л. В. Черепнин подчеркивал: «в ходе крестьянских войн крепили связи трудовых масс русского и других народов России... От одной войны к другой росла ненависть к угнетателям, накапливался боевой опыт, передавались традиции сопротивления, имена крестьянских вождей приобретали широкую известность»³.

Первое место среди нерусских народов по количеству участников Пугачевского восстания, силе выступления принадлежало башкирам. Классовая борьба башкирских народных масс поднялась на новую ступень. Вместе с яицкими и оренбургскими казаками башкиры составляли наиболее боеспособную и постоянную часть многонациональных отрядов повстанцев. Башкирский народ сыграл важную роль в распространении восстания, агитационно-

¹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 290.

² Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы)//Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 7—8, 18; Он же. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (Проблемы и характер)//Героические страницы истории народов нашей Родины. Челябинск, 1976. С. 5, 18, 22.

³ Черепнин Л. Крестьянские войны в России периода феодализма//Коммунист, 1973. № 13. С. 11.

мобилизационной работе по сплочению антифеодальных сил. Действия башкирских повстанческих отрядов в Казанской и Сибирской губерниях следует рассматривать как свидетельство наметившегося преодоления одного из источников слабости крестьянских движений — их локальности. Впервые в истории своей антифеодальной борьбы башкиры отстаивали права и свободу в одном ряду с русским и другими народами России.

Крестьянская война имела большое значение и в разворачивании социальной борьбы среди башкир. С ростом имущественного и социального неравенства в башкирском обществе, с углублением расслоения его на старшинскую верхушку и рядовых общинников росли рознь, сопротивление трудовых масс засилью старшин и разбогатевших общинников. А в дни Пугачевского восстания протест башкирского народа приобрел форму войны трудовых масс как против феодально-крепостнических порядков в стране, так и против всяческих притеснений со стороны башкирских богачей. Это было первое массовое вооруженное выступление трудовых слоев башкирского народа против старшинской верхушки, предавшей народные интересы и активно участвовавшей в карательных акциях против повстанцев. Башкирия дала много способных и беззаветно преданных народу повстанческих вожаков. Имя пугачевского бригадира Салавата Юлаева занимает видное место в летописи истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. и свято хранится в памяти народов нашей страны.

Несмотря на огромные успехи, самоотверженность и героизм народной борьбы, Крестьянская война потерпела поражение. Это было обусловлено стихийным характером движения, разобщенностью восставших, отсутствием единой программы, проникнутой поли-

тическим сознанием, и класса, способного выступить в роли руководителя. В этом была историческая ограниченность крестьянских войн.

Несмотря на поражение, Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева имела прогрессивное воздействие на ход исторического развития страны. Нанося удары феодально-крепостнической системе, крестьянские войны ослабляли и расшатывали ее и, ускоряя исторический процесс, в перспективе приближали гибель феодальной формации¹. Последовавшие вслед за разгромом пугачевского восстания меры по укреплению феодально-крепостнической системы, усиление позиций дворянства были не следствием народного сопротивления, а непосредственной реакцией на его поражение. В то же время правительство пошло на ряд уступок, пролагающих дорогу буржуазным отношениям².

Массовое крестьянское движение, развернувшееся в конце XVIII — первой половине XIX в., которое своими корнями уходило во времена последней крестьянской войны, и панический страх господствующего класса перед новой «пугачевщиной» явились одной из основных причин отмены крепостным правом в России.

Крестьянская война оказала определенное влияние на разворачивание освободительного движения в стране, на формирование передовой общественной мысли, на развитие классового самосознания угнетенных масс многонациональной Российской империи.

¹ Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы). С. 18—20.

² Мауродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 45—47.

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. УЧАСТИЕ НАРОДОВ КРАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

Первая половина XIX в. характеризуется кризисом феодально-крепостнической системы в России, возникшим в результате разложения феодальных отношений и развития капиталистического уклада. Процесс охватил и Башкирию. В крае расширяются товарно-денежные отношения, все больше проявляется социальное неравенство среди крестьян. В 40-х гг. на горных заводах начался промышленный переворот. Как в сельском хозяйстве, так и в промышленности растет значение вольнонаемного труда. Но развитие нового капиталистического базиса тормозилось старыми феодально-крепостническими отношениями.

Кризис феодально-крепостнического строя протекал в условиях дальнейшего заселения края и нахождения башкир, мишарей и других в военном сословии. Прежде всего обратимся к этим вопросам, чтобы лучше понять специфику хозяйственного развития Башкирии в рассматриваемый период.

§ 1. Территория и население

Территория. В первой половине XIX в. основная территория, населенная башкирами, входила в состав Оренбургской губернии. Вначале губерния включала 10 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский и Бузулукский. В 1802 г. были восстановлены упраздненные в 1796 г. Белебеевский и Бугурусланский уезды. Общая площадь губернии составляла 282 551 кв.

версту¹. В составе 12 уездов Оренбургская губерния просуществовала до 1851 г., когда Бугурусланский, Бузулукский и Бугульминский уезды были включены во вновь созданную Самарскую губернию².

Географические границы Оренбургской губернии охватывали Южный Урал, Приуралье и Зауралье, где наиболее компактно расселялась основная масса башкирского населения. За пределами Оренбургской губернии оставались северные башкиры, которые жили в Елабужском и Сарапульском уездах Вятской губернии и в Осинском, Пермском, Красноуфимском, Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губернии. Южные башкиры проживали на территории Хвалынского и Вольского уездов Саратовской губернии.

Уезды делились на волости, количество которых зависело от размеров уездной территории. С введением в 1798 г. кантонной системы управления территория, населенная башкирами, мишарями и оренбургскими казаками была разделена на кантоны и юрты (или команды), границы которых не совпадали с границами уездов и волостей. Таким образом, в первой половине XIX в. в Башкирии параллельно существовали и функционировали уездно-волостная и кантонно-юртовая системы управления.

Губернией управляли военный губернатор (генерал-губернатор) и подчи-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 8.

² ПСЗ II. Т. 25. Ч. 2. № 24708.

Башкиры. Народы России. СПб., 1880.

ненный ему гражданский губернатор. Резиденция первого находилась в Оренбурге, второго — в Уфе. Гражданский губернатор ведал делами гражданского управления в пределах Оренбургской губернии, а генерал-губернатор осуществлял военное управление всем Оренбургским краем¹. Последний включал территорию Оренбургской губернии, земли Уральского казачьего войска, приуральские кочевья внутреннего Казанского жуза (так называемой Букеевской Орды), территорию Ново-Линейского (от Орска до р. Уй) и Ново-Илекского (в междуречье Урала, Бердянки и Илека) районов, а также башкирские кантоны и юрты Пермской, Вятской и Саратовской губерний. Общая площадь края составляла 444 326 кв. верст². Гражданское население губернии находилось в ведении уездной и губер-

Русский крестьянин. С гравюры нач. XIX в.

ской гражданской администрации, военные сословия (башкиры, мишари, казаки, с 1855 г. тептяри и бобыли) подчинялись кантонной администрации и военному губернатору.

Население. В 1800—1850 гг. население Оренбургской губернии выросло с 884 787 до 2 393 628 чел.³, т. е. в 2,7 раза, в то время как по России в целом в

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 2. С. 9.

² Там же. Бальков О. Ф., Сергеев А. Д. О границах и территориальном составе Оренбургского края с 1744 по 1917 год // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII — начала XX вв. Свердловск, 1983. С. 91.

³ Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984. С. 126.

Русская крестьянка. С гравюры нач. XIX в.

1795—1850 гг. оно увеличилось лишь в 1,5 раза¹. В основе повышенного роста населения края лежали два фактора: естественный прирост и приток крестьянского населения из внутренних губерний России. Так, естественный прирост в губернии в 40-х — начале 50-х гг. составлял 1,4—1,7% в год². Остальной прирост осуществлялся за счет переселенцев. В 1800—1816 гг. в губернию ежегодно переселялось более 14 тыс. чел.; в 1816—1834 гг. — около 18 тыс. чел.; в 1835—1850 гг. — около 9 тыс. человек³.

Переселение шло по различным каналам. Продолжалось организованное (или правительственное) переселение государственных и удельных крестьян. В больших масштабах осуществлялся перевод помещичьих крестьян (в том числе дворовых людей). Значительное место в общей массе переселений занимала стихийная (или вольная) крестьянская миграция.

Татары. Народы России

Среди переселенцев преобладали государственные крестьяне из центрально-земледельческого района России (Воронежской, Рязанской, Курской, Тамбовской, Смоленской, Тульской, Орловской, Пензенской губерний и Слободской Украины). По данным местной администрации на их долю в конце 20-х — начале 30-х годов приходилось $\frac{3}{4}$ всех переселившихся крестьян. Из Среднего Поволжья прибыло 20,8% мигрантов⁴. Переселялись русские, татары, мишари и другие крестьяне.

¹ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971. С. 115, 163.

² Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 59. Л. 86; Д. 60. Л. 68; Д. 62. Л. 112 об.; См. также: Д. 61. Л. 74 об.; Д. 63. Л. 211, 370 об.

³ Тарасов Ю. М. Указ. соч. С. 89.

⁴ Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения России в XVIII — начале XIX века (Численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 50.

Мордва, чуваши, мари́йка. Народы России

Указом Сената от 22 сентября 1802 г. «О правилах наделения казенных крестьян Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний... землею» предписывалось строго соблюдать 15-десятинную пропорцию на душу мужского пола, освобождать переселенцев от платежей и рекрутской повинности в течение 3 лет¹. Однако казенные палаты губерний нередко относились к делу формально: отводили переселенцам неудобные для возделывания участки, не всегда сразу наделяли их землей. Устройство крестьян на новом месте осложнялось и тем, что Оренбургская казенная палата, хотя и произвела учет свободных земель в губернии, но не описала и не распределила их на участки². Поэтому в 1838 г. Министерством государственных имуществ в Оренбургскую губернию были отправлены топографы и землемеры.

8 апреля 1843 г. были изданы «Дополнительные правила», облегчавшие

Чуваши. Народы России

переселение и устройство крестьян на новом месте³. Это способствовало тому, что значительная часть государственных крестьян-переселенцев получила положенное количество земли и леса. Многие крестьянские хозяйства, имевшие достаточно рабочей силы, дополнительно покупали или арендовали землю в Палате государственных имуществ, у помещиков или обедневших крестьян. После правительственного указа 10 апреля 1832 г., разрешавшего продажу башкирских земель, зажиточные государственные крестьяне стали свободно покупать и башкирские земли. Всего к 1850 г. в Оренбургской губернии было

¹ ПСЗ. Т. 27. № 20426.

² Обзорение мер по переселению государственных крестьян // Журнал Министерства государственных имуществ. 1854. Ч. 52. Июль. С. 7.

³ Там же. С. 12—14.

Башкирка. Раскрашенная литография. Дж. Дадли. 1803

814 437 душ об. п. государственных крестьян¹.

В первой половине XIX в. регламентируется и порядок устройства в Оренбургской губернии удельных крестьян. Именным указом Александра I от 26 июня 1801 г. им также отводилось по 15 дес. земли на 1 душу м. п. Нередко удельные крестьяне дополнительно арендовали землю в удельной конторе, у помещиков, купцов и мещан². К 1850 г. в Оренбургской губернии насчитывалось около 77 тыс. удельных крестьян³.

Несмотря на все попытки правительства придать переселенческому движе-

Мещерячка. Его же

нию организованный характер, поставить его под контроль губернской администрации, стихийная миграция крестьянского населения из Центральной России не прекращалась. Самовольные переселенцы (как государственные, так и помещичьи крестьяне) устраивались на свободных землях или занима-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 368 об.—369 об.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 2. С. 25.

³ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 368 об.—369 об.

Марийка. Его же

ли казачьи, башкирские и даже помещичьи земли, если они оставались необработанными. Приток беглых крестьян особенно усилился в начале 20-х гг. XIX в. в связи со слухами о том, что переселенцам в Сибирь и Оренбургский край будет предоставлена земля и воля. Так, в 1825 г. в Оренбургской губернии было выявлено 5 тыс. беглых помещичьих крестьян из 21 губернии¹. Вопрос о самовольных переселениях был предметом специального обсуждения в Сенате в 1805 г., в Министерстве финансов в 1831—1832 гг., а также в Оренбургском генерал-губернаторстве². Однако

Чувашка. Его же

власти были бессильны приостановить бегство крестьян.

В первой половине XIX в. продолжался процесс насильственного переселения в Башкирию помещиками крепостных крестьян из Симбирской, Казанской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской и других губерний³. Земли

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 2. С. 60.

² ПСЗ. Т. 28. № 21941; РГИА. Ф. 379. Оп. I. Д. 1174. Л. 4—5, 82—83.

³ Выбор статей из «Оренбургских губернских ведомостей» за 1859 г. Уфа, б. г. С. 56.

Мордовка Эрзя. Её же

приобретались дворянами у башкир за бесценок или захватывались при размежевании башкирских земельных дач и заселялись крепостными. О размерах перевода их в Башкирию говорят следующие данные: в 1795 г. в Оренбургской губернии было 64 375 душ м. п. помещичьих крестьян, в 1850 г. их уже насчитывалось 238 876 душ об. п. (из них 15 737 душ об. п. дворовых людей)¹. Только в 1795—1816 гг. в губернии возникло 213 новых помещичьих деревень².

Горнозаводское население Оренбургской губернии в первой половине XIX в. состояло из приписных, посессионных,

Мордовка Мокша. Её же

крепостных, казенных и вольнонаемных рабочих. В 1807 г. приписные крестьяне были заменены непременно работниками. Набор в непременно мастеровые производился из расчета 58 человек с одной тысячи бывших приписных крестьян по последней ревизии. Ос-

¹ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 113; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 369 об.

² Любавский М. К. Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII—XVIII и первой четверти XIX в. (Свод и первоначальная обработка архивных материалов). /Уфа/, 1936 // РГБ ОР. Ф. 364. Картон 7. Д. 56. Л. 41.

тальная часть приписных к заводам работников «навсегда» освобождалась от заводских работ и поступала в разряд государственных крестьян¹.

Пополнение горнозаводского населения Оренбургской губернии осуществлялось в основном за счет естественного прироста. Лишь незначительная часть посессионных и крепостных рабочих частных заводов покупалась заводчиками за пределами губернии. В 1850 г. горнозаводское население насчитывало 110 492 чел.².

В 1800—1850 гг. в Оренбургскую губернию переселилось всего 694 тыс. человек³. Ими осваивались прежде всего юго-западная (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды) и юго-восточная (Оренбургский, Троицкий, Челябинский уезды) части губернии⁴. Плотность населения на 1 кв. версту выросла с 2,8 в 1811 г. до 8 чел. в 1863 г.⁵.

Переселенческое движение привело к существенным изменениям в национальном составе населения. В 1850 г. в Оренбургской губернии из 2 393 628 душ об. п. жителей русские составляли 1 306 299 чел., т. е. более половины всего населения, башкиры — 448 738 чел. (кроме того, в Пермской губернии насчитывалось 50 548, Вятской — 5 198, Саратовской — 3 280 башкир), тептяри — 246 753 чел., татары — 98 647, мишари — 97 743, мордва — 77 328, чуваша — 58 240, марийцы — 38 567, удмурты — 18 205, немцы — 1 034 человека и т. д.⁶

Произошли изменения и в социальном составе населения. В 1850 г. в Оренбургской губернии числилось дворян (потомственных и личных) 9 703 чел., духовенства различного вероисповедания — 17 053 чел., военнотружущих и членов их семей — 1 024 636 чел., крестьян — 1 240 796 чел., горожан — 50 422 чел. (в том числе купцов — 10 490 чел., мещан — 30 256 чел., разночинцев — 9 676 чел.) и т. д.⁷

Среди различных категорий крестьянства подавляющее большинство составляли государственные крестьяне (814 437 чел.), затем шли помещичьи (238 876), заводские (110 492) и удель-

ные крестьяне (76 991). Удельные и государственные крестьяне состояли из русских, татар, чувашей, марийцев и других народов; крепостные крестьяне — главным образом из русских.

По данным оренбургского генерал-губернатора в конце 1850 г. военнотружущее население Оренбургского края составляло 1 024 636 чел., в том числе в Башкиро-мещерякском войске числилось 546 481 чел. (без тептярей — 246 753 чел., включенных в Башкиро-мещерякское войско в 1855 г., после чего оно стало называться Башкирским), в Оренбургском казачьем войске — 166 690 чел., Уральском казачьем войске — 64 762 человека⁸. В Оренбургское казачье войско входили русские, украинцы, татары, в Уральское — русские, башкиры, татары и калмыки⁹.

В 1850 г. население губернии проживало в 12 городах, 24 слободах, 249 селах, 4 558 деревнях — всего в 4 844 населенных пунктах (кроме поселений оренбургских и уральских казаков). Из них в 1 576 жили русские, 1 327 — башкиры и мишари, 972 — татары, 502 — тептяри, 467 — мордва, марийцы, чуваша¹⁰. Городское население составляло 58 273 чел., или 2,4% всего населения губернии¹¹.

Из уездов наиболее населенными были Бузулукский — 246 671 чел., Бирский — 228 455 чел., Бугурусланский — 216 941 чел., Уфимский —

¹ ПСЗ. Т. 26. № 19641.

² ЦГИА РВ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 363—369.

³ Тарасов Ю. М. Указ. соч. С. 126.

⁴ РГИА СССР. Ф. 571. Оп. 9. Д. 26, 28—33.

⁵ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 79.

⁶ РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 50. Л. 179, 197, 233; ЦГИА РВ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 369 об.; Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4а. Л. 186—188 об.; Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 118.

⁷ ЦГИА РВ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 363—369 об.

⁸ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 118; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2340. Л. 51, 79, 155.

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 117. Л. 26, 100, 160.

¹⁰ ЦГИА РВ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 60. Л. 32.

¹¹ Тарасов Ю. М. Указ. соч. С. 127.

Башкир. С гравюры нач. XIX в.

208 051 чел., Мензелинский — 202 593 чел., Белебеевский — 178 098 чел., Оренбургский — 176 084 чел., Челябинский — 169 546 человек. Менее населенными были Стерлитамакский уезд — 144 825 чел., Бугульминский — 141 292 чел., Верхнеуральский — 86 249 чел., и Троицкий — 73 063 чел.¹

§ 2. Кантонная система управления

Реформа 1798 г. В Башкирии в 1798 г. была введена кантонная система управления, распространенная на башкир и мишарей, оренбургских и уральских казаков. Целью реформы являлось усиление эффективности внутренней и внешней политики феодального государства на юго-восточной окраине страны. Вводя новую систему управления, правительство рассчитывало окончательно «умиротворить» башкирский край, предупредить активные антифеодальные выступления народных масс. Вместе с тем оно стремилось переложить на плечи местного населения охрану восточных границ Российской империи, в слу-

чае необходимости привлекать его к военным действиям на западе, создать в крае плацдарм для завершения присоединения Казахстана и Средней Азии.

Кантонная система управления была введена не сразу. Как уже указывалось, в конце 80-х годов XVIII в. уфимский наместник генерал-поручик О. А. Игельстром приступил к переводу башкир и мишарей в военное сословие. В 1789 г. 20 908 башкирских дворов было разделено на 103 юрты (команды), которые управлялись назначенными Игельстромом 103 юртовыми старшинами и 52 их помощниками. Кроме того, для организации военно-сторожевой службы к юртовым старшинам были определены 63 походных старшины и 213 сотников. На 50 дворов приходилось в среднем по одному чиновнику, что в значительной степени облегчало «наблюдение за образом жизни и поведением населения»². Башкиры, неся военную службу, оставались в ведении гражданской администрации.

Игельстром подготовил проект закона о переводе башкирского населения в военное ведомство, новой системе управления в крае и порядке службы на границе между Россией и Казахстаном³. Проект был узаконен именным указом Павла I от 10 апреля 1798 г. о переводе башкир и мишарей в военное сословие и образовании 11 башкирских и 5 мишарских кантонов. Одновременно было объявлено о создании 5 кантонов оренбургских и 2 кантонов уральских казаков⁴.

При переводе башкир в военное сословие были учтены особенности их жизни и быта, многолетний опыт военно-сторожевой службы и участия в военных действиях русской армии. Царская администрация отмечала большую склонность башкир «к воинским упражнениям», их «сметливость, привычку к степ-

¹ Тарасов Ю. М. Указ. соч. С. 127.

² Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 569.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 3—6.

⁴ ПСЗ. Т. 25. № 18477.

ной местности, неутомимость в степных походах», «сносливость и крепость их лошадей»¹. Генерал-губернатор В. А. Перовский писал, что «относительно воинского духа они (башкиры — *Ред.*) не уступают оренбургским казакам, а в иных отношениях даже превосходят прочие нерегулярные войска»². Военная служба башкир и мишарей была выгодна правительству и в финансовом отношении, ибо они несли службу за свой счет.

Вначале башкирских кантонов было 11, в 1803 г. их стало 12. Они не имели особых наименований и различались только порядковым номером. 1-й кантон (кантонная квартира в 1835 г. находилась в дер. Елпачиха) состоял из башкир Осинского и Пермского уездов, 2-й (дер. Ибрагимово) — Екатеринбургского и Красноуфимского, 3-й (дер. Курманово) — Шадринского уездов Пермской губернии, 4-й (дер. Мало-Муйнаково) — Троицкого, 5-й (дер. Исянгильдино) — Челябинского, 6-й (дер. Хасаново) — Верхнеуральского, 7-й (дер. Мрясово) — Стерлитамакского, 8-й (дер. Юмран-Ибрагимово) — Уфимского, 9-й (дер. Бурангулово) — Оренбургского, 10-й (дер. Камилево) — Бирского уездов Оренбургской губернии, 11-й (дер. Челнанагат) — Мензелинского уезда Оренбургской губернии, Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии, 12-й (дер. Шландыкулево) — Белебеевского, Бугульминского и Бугурусланского уездов Оренбургской губернии³.

Таким образом, башкирские кантоны были образованы на основе территориального (уездного), а не родоплеменного (волостного) принципа. В состав кантонов обычно волости входили полностью, но немало было случаев, когда волость оказывалась разделенной между несколькими кантонами. Это вело к ликвидации родоплеменных волостей и нарушению принципа коллективной собственности вотчинников на волостную землю.

Мишарские кантоны находились на территории Оренбургской губернии. 1-й кантон (кантонная квартира в дер. Аджитарово) включал мишарей Троицкого

и Челябинского уездов, 2-й (дер. Бузовьязы) — Бирского и Мензелинского, 3-й (дер. Бузовьязы) — Стерлитамакского, 4-й (дер. Богданово) — Уфимского и 5-й (дер. Туркеево) — Бугульминского уездов⁴.

По размеру территории и численности населения кантоны были неодинаковы. По сведениям на 1826 г., в 12 башкирских кантонах насчитывалось 1 804 деревни с 47 480 дворами⁵, а в 5 мишарских кантонах — 356 деревень с 7 652 дворами⁶. Среди башкирских кантонов некоторые (1, 2, 3 кантоны) имели от 30 до 68 деревень, другие (4, 5, 6, 8, 10, 11) — от 102 до 202 деревень, третьи (9, 12) — от 242 до 284 деревень. Население в этих кантонах колебалось от 4 до 22 тыс. душ м. п., а в мишарских — от 1500 до 6600 душ м. п.⁷

Кантоны подразделялись на юрты, или команды, которые состояли из групп деревень. Количество юрт в кантонах было различным. 1, 2 башкирские, 1, 2, 4, 5 мишарские кантоны имели от 7 до 13 юрт, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 12 башкирские и 3 мишарский кантоны — от 19 до 31 юрты, 7, 9, 10 башкирские кантоны — от 35 до 48 юрт. В 1826 г. в башкирских кантонах было 375 юрт, а в мишарских — 67. Количество жителей в юртах колебалось от 100 до 1000 душ. Эти различия вызывали неудобства при выполнении натуральных повинностей и выплате денежных налогов. Поэтому генерал-губернатор Перовский 13 августа 1833 г. предписал кантонным начальникам уравнивать число душ в юртах таким образом, чтобы каждая из них состояла не менее чем из 750 душ м. п.⁸ К 1846 г. количество юрт в башкирских кантонах сократилось до 247, в мишар-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 32.

² Там же. Ф. 167. Оп. 1. Д. 45. Л. 5 об.

³ ПСЗ. Т. 25. № 18477; ПСЗ II. Т. 12. № 9242-а.

⁴ Там же.

⁵ РГВИА. Ф. 414. Д. 312. Л. 10—33.

⁶ Там же. Л. 34—39.

⁷ Там же. Л. 10—37.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3346. Л. 34.

Башкиры в походе. Худ. В. О. Орловский

ских — до 47¹. В юрте насчитывалось от 700 до 1000 душ м. п.²

С переводом в военное сословие жизнь башкир и мишарей была строго регламентирована. Ограничивалась свобода передвижения их в крае, а указом сената от 24 сентября 1806 г. был запрещен свободный переезд башкир на жительство в соседние губернии³. Тем самым был нанесен серьезный удар по экономическим интересам башкир, ведущих экстенсивное скотоводческое хозяйство, требующее свободы передвижения. Одновременно ограничение переездов было одним из средств усиления надзора властей за башкирским и мишарским населением.

Указ от 10 апреля 1798 г. подтвердил прежние узаконения о запрещении самовольных отлучек жителей из деревень. В 30-х годах XIX в. были разработаны правила увольнение башкир и мишарей по разрешению местных властей. Правом выдачи отпускных свидетельств в пределах данного уезда сроком до

28 дней пользовались юртовые старшины. Документы на отлучку из деревни в течение 1—6 месяцев в другие уезды губернии давали кантонные начальники. Для отпуска на более длительный срок, а также на поездку в другие губернии требовалось согласие командующего Башкиро-мещерякским войском⁴.

Получавшие разрешение на выезд обязаны были покупать специальные документы — билеты на увольнение, плакатные паспорта и др. Однако рост самовольных отлучек, вызванный высокой ценой оформления этих документов, вынудил администрацию отменить паспорта и разрешить с 1839 г. выдачу билетов при увольнении башкир и мишарей из войска «для промыслов

¹ ЦГИА РБ. Д. 4911. Л. 143.

² Там же. Д. 4873. Л. 139—189.

³ ПСЗ. Т. 29. № 22284.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—2; Д. 20. Л. 20—21; Д. 2018. Л. 382.

и работ» на дешевой бумаге¹. За утерю документов на увольнение грозило суровое наказание вплоть до тюремного заключения сроком до 3 лет.

Башкиры и мишари подвергались жестоким расправам за самовольные переселения или отлучки с места жительства и другие нарушения внутрикантонных порядков. Так, в 1799—1831 гг. в 3-м башкирском кантоне из 2281 служащего подвергнуты были телесному наказанию 1149 чел., т. е. каждый второй служащий². Помимо виновных в самовольных переселениях наказывали и жителей деревень, принявших «нарушителя». Их облагали денежным штрафом или направляли вне очереди на крепостные работы.

Администрация преследовала любые проявления самостоятельности или недовольства со стороны рядовых башкир и мишарей. Чиновники кантонного аппарата управления вместе с местными богачами выступали организаторами мирских сходов, выносивших решения о насильственном изгнании из деревень башкир и мишарей, жаловавшихся на своих начальников, а также оказывавших неповиновение властям и установленным порядкам.

Введение новой системы управления привело к полной ликвидации остатков башкирского самоуправления. Были запрещены традиционные башкирские праздничные йыйыны (съезды), служившие единственным местом для официальных встреч представителей различных деревень. Генерал-губернаторы П. К. Эссен и П. П. Сухтелен рассматривали йыйыны, на которые съезжалось по несколько тысяч башкир, мишарей, татар, тептярей, как недопустимые собрания многонационального населения края, не совместимые с регламентом военно-феодалного режима. В соответствии с мнением Государственного Совета от 29 февраля 1828 г. о ликвидации в стране «всяких непозволительных и соблазнительных сборищ, под каким бы видом и названием оные не существовали», губернское правление вынесло определение о запрещении йы-

йынов, о чем 17 ноября 1831 г. было сообщено кантонным начальникам³.

Для облегчения проведения своей классовой политики правительство и губернские органы власти различными средствами пытались разобщить народы Башкирии, сознательно натравливали и противопоставляли башкир казахам. Так, Игельстром считал, что «вражду, введенную Неплюевым в башкирах против киргиз-кайсаков (казахов — *Ред.*), по нынешним обстоятельствам не безнужно удерживать»⁴. С 1747 по 1846 гг. существовал запрет на брак башкир с казашками⁵. Распоряжением Перовского с 1853 г. было отменено увольнение башкир в Казахстан для обучения детей грамоте и «для отправления богослужения»⁶. Все это подтверждает слова В. И. Ленина: «Политика угнетения национальностей есть политика разделения наций»⁷.

Введение кантонной системы управления означало для башкирского и мишарского населения полное подчинение военно-административному контролю феодально-крепостнического режима.

Чиновники башкирских и мишарских кантонов. Управление населением кантонов находилось в руках чиновников. Большая часть из них занимала должности в кантонном административном аппарате. К ним относились кантонные начальники, их помощники, юртовые старшины, их помощники, деревенские начальники, юртовые сотники и десятники. Вторую группу составляли лица, отвечающие за несение военной и «рабочей» службы и не имеющие постоянных должностей: походные старшины, дистанционные начальники, походные есаулы, сотники.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 25; Д. 486. Л. 18; ПСЗ 2. Т. 14. № 12444.

² Там же. Д. 2888. Л. 72—167.

³ Там же. Д. 3016. Л. 363.

⁴ Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I. С. 837.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5059. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 7379. Л. 27.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 85.

Чиновники кантонного управления комплектовались из представителей башкирской и мишарской феодальной верхушки, которую царское правительство старалось привлечь на свою сторону. В соответствии с положением кантонные начальники избирались внутри кантонов администрацией с последующим утверждением их генерал-губернатором. Но на деле местные феодалы и богатеи путем подкупа и обмана выборщиков и представителей губернской администрации не только захватывали место начальника кантона, но и добивались превращения этой самой высокой в кантонном аппарате управления должности в наследственную. В течение трех-четырех десятилетий кантонными начальниками были семьи Биктимировых, Куватовых, Султановых и других.

До 1834 г. кантонные начальники непосредственно подчинялись генерал-губернатору, а позднее — командующему Башкиро-мещерякским войском. В круг их обязанностей входило обеспечение очередного набора на линейно-сторожевую службу, наблюдение за выполнением государственных, земских и других повинностей, за продажей и сдачей в аренду башкирских земель. Все это открывало перед ними широкие возможности для личной наживы. Кантонные начальники были наделены правами вмешиваться в хозяйственную жизнь населения. Указом от 10 апреля 1798 г. на них возлагалось «крепкое смотрение за подчиненными им людьми, дабы они прилежали к домостроительству, земледелию и всем прочим работам». Тех башкир и мишарей, которые «не радеют» в своем хозяйстве, кантонные начальники могли отправить «в работники хорошим хозяевам... до того времени, пока исправят свое поведение и найдутся сами хозяйствовать»¹. Это «право» открывало кантонным начальникам возможности для произвола, насилий и эксплуатации трудового населения.

Хотя башкиры и мишари в судебном отношении находились в ведении земской полиции и гражданских судебных учреждений, кантонные начальники самостоятельно решали многие вопросы,

касающиеся имущественных споров и воровства. По свидетельству генерал-майора Оренбургского казачьего войска И. В. Чернова, «земские исправники считались не более как номинальными начальниками, а действительная власть над народом сосредоточивалась у кантонных начальников. Они одни направляли действия его и руководили им»².

Юртовые старшины назначались кантонными начальниками из числа нескольких кандидатур, выбранных служащими от каждой юрты. Они были наделены достаточно широкими правами по управлению населением своих юрт.

Для сохранения «общего спокойствия, безопасности и порядка» в каждой деревне выбирались деревенские начальники — «аульные», сотские и десятские, подчинявшиеся становым приставам. В 1838 г. должности десятских и сотских были упразднены, а их обязанности возложены на деревенских начальников. В 1861 г. должность сотских была восстановлена. Сотские и деревенские начальники избирались из числа грамотных башкир, владеющих русским языком, ибо «знание башкирами русского языка делалось постепенно общим»³. Сотские и десятские отвечали за своевременное выполнение населением подводной повинности, решали некоторые спорные дела, делили земельные участки между домохозяевами.

В большинстве деревень имелись сборщики налогов, смотрители хлебных запасных и семенных магазинов, лесные надзиратели, дорожные смотрители. Все они избирались сельскими обществами, а затем утверждались юртовыми старшинами и кантонными начальниками⁴.

Для ведения текущего делопроизводства учреждались кантонные и юртовые штаб-квартиры (канцелярии), где служили назначавшиеся кантонными начальниками башкирские и русские пи-

¹ ПСЗ. Т. 25. № 18477.

² ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11669. Л. 88.

⁴ Там же. Д. 15156. Л. 2—3, 26—28.

Казак башкирских кантонов. 1829—1838. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск

Урядник и штаб-офицер башкирских кантонов. 1838—1845. Там же

саря. Кроме того, кантонные начальники имели, в зависимости от размера кантона, одного или двух помощников и двух ординарцев.

Таким образом, в кантонах был создан большой чиновничье-бюрократический аппарат. Содержание его тяжелым бременем ложилось на плечи трудовых масс. В 1819 г. губернские власти вынуждены были сократить число военных и гражданских чиновников в башкирских и мишарских кантонах. Генерал-губернатор Г. С. Волконский предписал на 25—30 дворов иметь одного, 50—60 дворов — двух, на 90 дворов — трех должностных лиц. В итоге на 100—200 дворов приходилось 1 юртовый старшина, два его помощника, два юртовых сотника и два юртовых есаула. Кроме того, на каждые 100 служащих полагались походный есаул, походный сотник и хорунжий, а на 250 служащих — походный старшина, сотник или есаул вместо квартирмейстера¹. Оставшиеся

свободными юртовые чиновники считались сверхкомплектными и использовались на одну должность ниже, чем прежде². В последующие годы продолжалось сокращение числа должностных лиц: в 1819 г. их было 5569 чел., в 1838 г. — 3657, в 1861 г. — 1160 чел.³

В башкирских и мишарских кантонах часть должностных лиц имела действительные (армейские) офицерские (подпрапорщик, прапорщик, поручик, капитан, майор и т. д.) и классные чины, а также казачьи офицерские звания (урядник, хорунжий, сотник, есаул и т. д.). Офицерские чины присваивались за боевые заслуги, долголетнюю службу, «за особые услуги» правительству. Основная масса кантонных чиновников

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 410. Л. 4—5.

² Там же. Д. 337. Л. 11, 121; Д. 1875. Л. 23.

³ РГВИА. Ф. 414. Д. 312. Л. 10—39; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 145. Л. 24; Ф. 2. Оп. 1. Д. 11279. Л. 4, 8, 21—22.

имела только зауряд-чины иррегулярных войск, присваиваемые генерал-губернатором (зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, зауряд-есаул). В 1819 г. в 17 башкирских и мишарских кантонах служило 139 обер-офицеров, 5430 унтер-офицеров и зауряд-чинов, что составляло около 10% от всего состава строевых¹. В 1837 г. обер-офицеров было только 88 человек, унтер-офицеров — 1582, а зауряд-чинов — 1987². В 1862 г. военные власти приняли решение о полном запрещении производства башкир в зауряд-чины.

Армейским офицерам и классным чиновникам (от 14 до 12 класса) давалось звание потомственных дворян. Личное дворянство присваивалось башкирам, получившим звание хорунжего, сотника, есаула, а до 1832 г. и заурядчина. Однако царское правительство всячески препятствовало росту башкирского дворянства. По указу Сената от 5 июля 1829 г. казачьи офицеры из башкир могли пользоваться только личным дворянством³. В статуте ордена св. Станислава от 28 мая 1839 г. специально оговаривалось, что чины Башкиро-мещерякского войска с пожалованием этого ордена не приобретают права потомственного дворянства, а пользуются лишь правом личного дворянства⁴. Сыновья потомственных дворян из башкир, не дослужившиеся до действительного чина, обязаны были нести денежные повинности. С 1847 г. освобождение от повинностей получили потомки дворян, утвержденных Герольдией. Но поскольку многие башкирские дворяне не смогли представить такого подтверждения, они были вынуждены платить денежные повинности⁵.

В 1850 г. среди башкир было 590, а среди мишарей — 69 дворян⁶. Все они служили кантонными чиновниками. Пожалованных царями поместий у башкирских дворян не было. Земли они покупали. К середине XIX в. в частном владении у башкир находилось 237 512 дес. земли⁷. Используя свою административную власть, дворяне по своему усмотрению распоряжались общинными землями и эксплуатировали рядовых

башкир. Помимо патриархальных форм эксплуатации населения, таких, как омэ (помочь) и саун, они широко практиковали другие способы использования труда рядовых башкир, применяя прямое насилие и опутывая их долговыми обязательствами.

Башкирские тарханы юридически не были приравнены ни к одному из видов дворянства. Будучи свободными от всех денежных и натуральных повинностей, они несли военную службу. В 1821 г. губернскими властями были собраны сведения о количестве тарханов. Оказалось, что большинство потомственных тарханов давно потеряли свои грамоты, пожалованные царями. К тому же в сохранившихся документах не было оговорено, что тарханы приравниваются к дворянам. Поэтому генерал-губернатор Эссен решил «оставить их на правах прежних в башкирском сословии». Большинство тарханов было переведено в разряд рядовых башкир и лишь часть тарханов получила действительные офицерские чины, добилась личного и потомственного дворянства. Таким образом, к середине XIX в. институт тарханства потерял свое юридическо-правовое значение. Однако многие тарханы и в новых условиях оказались в числе военных и гражданских начальников.

Царское правительство, ревниво оберегая права русских дворян, ограничивало, правда осторожно, права феодалов нерусских народов. Однако некоторое ущемление политического положения башкирской феодально-чиновничьей верхушки отнюдь не мешало ей наслаждаться за счет рядовых башкир.

Кантонные начальники фактически были полновластными хозяевами в своих кантонах. О злоупотреблениях

¹ РГВИА. Ф. 414. Д. 312. Л. 10—39.

² ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 145. Л. 24.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4523. Л. 133—134.

⁴ ПСЗ. II. Т. 14. № 12385.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5739. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 6959. Л. 20—33.

⁷ А—В—Д. О башкирах // Сборник статей из «Оренбургских губернских ведомостей» за 1863 год. Уфа, б. г. С. 277—278.

башкирских чиновников один из очевидцев событий писал, что русские «становые исправники и другие перед ними младенцы. Они, когда берут взятки, все-таки стараются прикрыть какими-нибудь, хотя и пустяковыми предложениями, наши же (башкирские чиновники) все это делают с какою-то наглостью, почти открыто, и, отнюдь, не боятся ответственности перед начальством...»¹. «Кантонный начальник, его помощники, юртовые старшины — должности, не дающие никакого жалованья, кроме способов беззаконного обогащения» — указывал в своем отчете флигель-адъютант полковник Игнатъев, будущий Петербургский генерал-губернатор, проверявший в 1830 г. жалобы на башкирских чиновников. Побывавший в Оренбургской губернии с той же миссией полковник Прянишников назвал кантонного начальника «бичом народа, за короткое время после получения должности становившегося «богачейшим человеком»². В 1867 г. чиновник канцелярии военного губернатора есаул Альмухамет Куватов в своей записке «О причинах обеднения башкирского народа» свидетельствовал, что «кантонные начальники брали у башкир одних подарочных лошадей целыми табунами»³.

Наглядным примером беззакония и произвола, царивших в кантонах, может служить «деятельность» начальника 6-го кантона (Верхнеуральский уезд) поручика Аккула Биктимирова. В 1811 г. с тысячной резервной команды он самовольно собрал для себя по 6 руб. с каждого, а с другой команды из 500 чел. взыскал по 16 руб. с рядового. И в последующие годы он неоднократно присваивал собранные с населения деньги. За отказ дать деньги Аккул подвергал людей жестоким пыткам — бил палками, до смерти засекал плетью. Подвальное помещение кантонной штаб-квартиры он превратил в тюрьму, где держал людей в цепях и кандалах. Аккул продавал башкир-байгушей казахским феодалам, устраивал для угона лошадей набеги на соседние народы. Злодеяния его продолжались в течение

22 лет. В конце концов власти вынуждены были предать Аккула суду. В 1820 г. указом Сената он был приговорен к лишению всех чинов, отстранению от должности и ссылке в Сибирь на поселение. Однако наказания Аккул так и не понес из-за престарелого возраста и болезни⁴.

Не отставали от кантонных начальников и другие должностные лица. Одним из распространенных способов эксплуатации рядовых башкир юртовыми старшинами было использование их в своей «домашней работе». Так, юртовой старшина 4-го башкирского кантона Байсара Кулбаков продержал у себя ординарца вместо одного месяца пять лет, используя его «в собственной своей работе... без всякой платы»⁵.

Беззащитным образом обирали рядовых зауряд-чиновники. Они постоянно требовали денежных подношений и, по выражению очевидцев, «драли с живого и мертвого». По утверждению бывшего кантонного начальника майора Сапеги-Ольшевского, «...все жили за счет башкир, все брали взятки: писаря, и юртовые старшины, и полиция, не отставали пристава, переводчики, помощники кантонных, кантонные, стряпчие, зачастую случалось, что и сами попечители, и даже само центральное управление не было в этом случае безупречно»⁶. Хотя многие должностные лица не избегали суда или следствия «за противозаконные дела», лишь в редких случаях они понесли заслуженное наказание.

Таким образом, поставленные в привилегированное положение и поддерживаемые губернскими властями кантонные чиновники использовали свою власть для эксплуатации рядовых башкир и

¹ Назаров П. С. Заметки башкира о башкирах // Современник. СПб., 1863. № 11. С. 73.

² РГВИА. Ф. 36. Оп. 71850, св. 50. Д. 22. Л. 7, 88.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 13.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—3; Д. 41. Л. 1—32; Д. 61. Л. 11—16, 23—32; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 28—52.

⁵ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 195.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13028. Л. 399.

Обер-офицер башкирских кантонов. 1845—1855
Там же

мишарей. Даже генерал-губернатор П. П. Сухтелен вынужден был констатировать: «неоспоримо и опытом достаточно доказано, что нужды и желания большинства башкирцев отнюдь не сходятся с видами, желаниями и пользою чиновников сего народа»¹.

Дальнейшая эволюция кантонного управления. Реформа 1855 г. в Башкирском войске. В 30—50-х гг. XIX в. кантонная система управления в Башкирии подверглась значительным изменениям. Это было продиктовано стремлением правительства к усилению среди башкир и мишарей военно-феодальных порядков и установлению над ними военно-полицейской опеки².

В 1834 г. по представлению оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского военным министром было образовано Башкиро-мещерякское войско³. С 1837 г. все дела, касающиеся башкирского и мишарского населения, решались через командующего войском и войсковую канцелярию с последующим

Обер-офицер и казак мещерякских кантонов. 1845—1855. Там же

утверждением генерал-губернатором. Штат канцелярии состоял из офицеров регулярных частей и Оренбургского казачьего войска. При командующем войском находились его помощник на правах начальника штаба, два военных чиновника и старший адъютант. По гражданским делам командующий имел особую канцелярию из правителя и четырех столоначальников. Для рассмотрения и решения военно-судебных дел при командующем войском находились обер-аудитор и шесть аудиторов⁴. Денежными суммами войска ведал особый стол из 5 чиновников⁵.

В 1835 г. Башкиро-мещерякское вой-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9837/11. Л. 16 об.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1. Ч. 2. С. 37.

³ ПСЗ II. Т. 12. № 9242/а.

⁴ ПСЗ II. Т. 25. № 24649; Т. 27. № 26249; Т. 30. № 30003; Т. 31. № 30129; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 372.

⁵ ПСЗ II. Т. 25. № 24538.

ско, состоящее из 17 кантонов, было разделено на 6 попечительств (округов). В первое попечительство с центром в Красноуфимске входили 1-й, 2-й, 3-й башкирские кантоны, во второе попечительство с центром в Челябинске — 4-й и 5-й башкирские и 1-й мишарский кантоны, в третье попечительство с центром в Оренбурге — 6-й и 9-й башкирские кантоны, в четвертое попечительство с центром в Стерлитамаке — 7-й башкирский, 2-й и 5-й мишарские кантоны, в пятое попечительство с центром в Уфе — 8-й и 10-й башкирские, 3-й и 4-й мишарские кантоны, в шестое попечительство с центром в Мензелинске — 11-й и 12-й башкирские кантоны¹.

Попечительства возглавлялись, как правило, русскими штаб-офицерами, непосредственно подчинявшимися командующему войском. Круг деятельности попечителей был определен специальной инструкцией. На них возлагалось «наблюдение за народом как в отношении нравственном, так и равно в хозяйственном и полицейском»². Они следили за выполнением предписаний губернских властей, доносили генерал-губернатору и командующему войском о преступлениях должностных лиц и о случаях открытого неповиновения начальству, выносили решения по следственным делам о хищениях в пределах от 15 до 30 руб. серебром.

По части военной попечители контролировали соблюдение очередности несения службы населением. В этих целях они проводили инспекторский осмотр при нарядах команд на службу, ежегодно осматривали тех лиц, которые числились отставными или неспособными к службе. Они же подвергали медицинскому освидетельствованию «малолетков», наблюдали за сбором и расходом «подможных» денег для командированных на службу людей, присутствовали на выборах кантонных начальников и юртовых старшин. Помимо этого, попечители следили за «земледельческими занятиями» башкир, за состоянием магазинов для хлебных запасов и исправным выполнением всех повинностей, налагаемых на население канто-

нов³. Введение попечительств явилось дополнительным звеном в системе «опеки» башкирского и мишарского населения края, рассчитанной на стеснение и регламентацию всякой их деятельности и превращение народных масс в послушных исполнителей воли начальства⁴.

Одновременно с попечителями были учреждены должности стряпчих, назначавшихся из числа русских чиновников⁵. В связи со сложностью земельных отношений между башкирами и другими категориями населения шла непрерывная тяжба по земельным делам, число которых возрастало по мере перехода башкир к оседлости и земледелию. Стряпчие должны были выступать ходатаями башкир в судебных учреждениях при разборе тяжбных дел и добиваться окончательного их разрешения. Присутствие стряпчего требовалось и при межевании башкирских земель для наблюдения «за справедливым и законным действием междующих». При отдаче земель в кортом они обязаны были следить, чтобы угоды отдавались в границах, указанных в договоре.

Однако введение института стряпчих не улучшило положение: число тяжбных дел не уменьшалось, земельные споры не прекращались. Стряпчие сами зачастую злоупотребляли своим служебным положением и требовали с вотчинников взятки за продвижение дел⁶.

В 30-е годы были внесены изменения и в судопроизводство в Башкиро-мещерякском войске. С 1834 г. все уголовно-следственные дела изымались из гражданского судопроизводства и передавались на рассмотрение военного су-

¹ ПСЗ II. Т. 12. № 9242—а; Т. 15. № 13684.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 167. Л. 1, 2, 5, 6, 31.

³ ЦГИА РВ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11310. Л. 12, 14—15.

⁴ Гвоздиков И. М., Асфандияров А. З. Публицистические работы М. Михайлова и Альмухамета Куватова о башкирах // Из истории башкирской литературы XIX в. Уфа, 1989. С. 82—84.

⁵ ПСЗ II. Т. 12. № 10281.

⁶ ЦГИА РВ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11310. Л. 5. 11; Д. 6675. Л. 6.

да¹. За земской полицией оставалось только производство следствий по преступлениям, совершенным в неслужебное время. Уголовно-следственные дела передавались ею в «военно-судные комиссии». За побеги со службы, например, аудиторы этих комиссий выносили приговоры о наказании виновных шпицрутенами сквозь строй от 500 до 1500 человек.

Как и в других гражданских и военных учреждениях, в комиссиях процветало взяточничество. Генерал от инфантерии Н. Г. Залесов, начинавший свою службу в бугульминской военно-судной комиссии, вынужден был признать, что личность аудитора «до такой степени искусная во взятках, что не было, кажется, того оборванца-голыша из башкир, с которого он не ухитрился бы взять хоть что-нибудь». Следствием такой коррупции было то, что почти всякий «зажиточный башкир выходил прав, а бедняка наказывали»².

В 40—50-х гг. произошли некоторые изменения в кантонном делении края. В связи с трудностями управления 4-й башкирский кантон, рассеченный географически Уральским горным хребтом на две части, еще в 1832 г. был разделен на два: 4-й Загорный и 4-й Западный, с отдельными кантонными начальниками в каждом. Но в 1835 г. был назначен общий начальник кантонов. В 1847 г. кантоны получили полную самостоятельность, кантонных начальников и свои порядковые номера (4-й и 5-й). В связи с этим башкирским кантонам была присвоена новая нумерация: первые три кантона сохранили прежние номера; 4-й Загорный и 4-й Западный имели, как сказано, 4-й и 5-й номера; прежний 5-й стал 6-м, 6-й—7-м, 7-й—8-м и т. д.³ В том же году был упразднен 1-й мишарский кантон. Входившие в него первые четыре юрты с одним кантонным помощником причислены к 5-му башкирскому кантону, 5-я юрта—к 4-му Загорному, а 6-я юрта—к 4-му Западному. В итоге и здесь были изменены порядковые номера кантонов. 2-й мишарский кантон назван 1-м, 3-й—2-м, 4-й—3-м, 5-й—4-м⁴.

Чтобы иметь «надлежащий надзор за населением», самые большие по территории и населению 7-й и 10-й башкирские кантоны в 1854 г. были разделены на шесть частей, названных отделениями. Каждое из них включало от 11 до 14 тыс. душ. Управление поручалось начальнику отделения и трем его помощникам⁵.

Все эти мероприятия способствовали усилению административного надзора за населением. Опираясь на башкирскую и мишарскую феодальную верхушку, многочисленный чиновничий аппарат, царским властям удалось добиться «умиротворения» края, учреждения в нем «духа покорности и повиновения»⁶. В 40-х годах XIX в. казахи Старшего жуза присоединились к России. В результате Башкирия превратилась в один из внутренних районов империи.

С разрешением военно-политических задач на юго-востоке России, поставленных правительством в начале XIX в., кантонная система утрачивает свое значение, отпадает надобность в пограничной службе Башкиро-мещеряцкого войска. В 1840 г. царь Николай I дал указание оренбургскому генерал-губернатору Перовскому обложить часть башкир и мишарей денежным сбором взамен несения военной службы. По приказу Перовского были обложены денежным сбором 6849 башкир и мишарей. Его приемник В. А. Обручев перевел в податное сословие в 1842 г. 30750 чел., а через два года еще 38807 чел.⁷

В конце 40-х гг. Башкиро-мещеряцкое войско было разделено на две части: в большей из них с населением в 200190 душ военную службу заменили денежными сборами, а во второй части, вклю-

¹ ПСЗ II. Т. 9. № 6852.

² Записки Н. Г. Залесова // Русская старина. 1903. № 4. С. 58, 59; № 5. С. 284.

³ ПСЗ II. Т. 22. № 21741.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИА РВ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7824. Л. 1, 3.

⁶ Там же. Д. 13022. Л. 91.

⁷ Там же. Д. 10077. Л. 10—11.

чавшей 101 126 ревизских душ, население оставили на прежнем положении. К служащим (внешним) кантонам были отнесены четыре прилинейных башкирских кантона — 4-й (5-й), 5-й (6-й), 6-й (7-й), 9-й (10-й). Остальные кантоны являлись резервными (внутренними). Вся тяжесть линейной службы легла на плечи служащих кантонов. Сумма денежных сборов с каждого жителя этих кантонов, включая и расходы на снаряжение башкир, составляла 4 руб. 20 коп. серебром¹, в то время как размер денежного сбора взамен воинской службы в резервных кантонах равнялся 2 руб. 11 коп. с души м. п.²

Дальнейший шаг по переводу башкир и мишарей в податное состояние был сделан в 1855 г., когда к войску были присоединены тептяри и бобыли³, проживавшие в Оренбургской, Пермской и Вятской губерниях. К этому времени в крае тептяро-бобыльское население в составе 99 команд находилось в ведении губернских правлений. Главное начальство над ним принадлежало оренбургскому генерал-губернатору, а дела по уголовным преступлениям решались специальным военным судом⁴. В 1849 г. указом Сената было решено передать тептярей и бобылей в ведение Министерства государственных имуществ, начав эту операцию с тептярей Сарапульского уезда Вятской губернии⁵. Однако оренбургское губернское начальство считало более целесообразным присоединить тептярей и бобылей к Башкиро-мещерякскому войску, поскольку в податном отношении они стояли ближе к неслужащим (резервным) башкирам, чем к государственным крестьянам. В 1790 г. на тептярей и бобылей было возложено комплектование особого казачьего пятисотенного полка, который в 1798 г. был разделен на 2 полка. Тептяри и бобыли должны были обеспечить их лошадьми и одеждой, а с 1804 г. провиантом и фуражом, для чего был установлен специальный сбор в размере 2 руб. 21 коп. с души, доведенный в 1819 г. до 3 руб. ассигнациями (86 коп. серебром). В 1835 г. полки были упразднены, а тептяри и бобыли привлечены к рекрут-

Урядник тептярских казачьих полков. 1829—1835. Там же

ской повинности. Денежный же сбор на содержание полков продолжался. Кроме того, тептяри и бобыли несли земские повинности. Все сборы их составляли по 2 руб. 24 коп. серебром с души в год⁶.

По проекту оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского было издано Положение Комитета министров от 22 февраля 1855 г. о присоединении тептярей и бобылей Оренбургской, Пермской и Вятской губерний к Башкиро-мещерякскому войску⁷. Они освобождались от военной службы и облагались вместо нее 60-копеечным сбором

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7151. Л. 1, 2.

² Там же. Д. 5652. Л. 45—46.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 40.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6332. Л. 124, 162.

⁵ Там же. Д. 6632. Л. 1, 74.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 44—45.

⁷ ПСЗ II. Т. 30. № 29060.

на душу мужского пола. Тептяро-бобьльское население, насчитывавшее 266 069 душ обоего пола, было включено по месту жительства в неслужащие башкирские кантоны. Выборных старшин заменили юртовыми старшинами, которые на общем основании подчинялись кантонным начальникам и попечителям. Суд, установленный для башкир, распространялся и на тептярей и бобылей¹.

После включения тептяро-бобьльского населения войско стало называться Башкирским. Было введено новое кантонное деление. Башкирское войско состояло из 9 попечительств, 28 кантонов и 394 юрт². Если раньше кантоны формировались по этническому признаку, то теперь они имели сплошную территорию и смешанное население: башкир, мишарей, тептярей и бобылей. Таким образом, правительство от политики обособления народов переходит к унификации их правового положения, объединению башкир с другими категориями населения в административном и финансово-хозяйственном отношениях.

В результате реформы 1855 г. новые башкирские волости оказались разделенными между различными кантонами. Это привело к окончательному нарушению границ башкирских родо-племенных волостей, сохранившихся кое-где после введения кантонной системы управления в 1798 г.³

Из 28 кантонов 9 (Стерлитамакский, Оренбургский и Верхнеуральский уезды) были объявлены служащими, а 19 неслужащими. В дальнейшем число служащих башкир продолжало сокращаться. В 1861 г. было прекращено назначение башкирских команд на линейную службу, ежегодные сборы башкирского учебного полка для лагерных занятий. В 1862 г. три кантона (Стерлитамакский уезд) были переведены в неслужащие, а жители их взамен службы обложены денежным сбором. Одновременно изменились наряды башкир шести служащих кантонов. Теперь они выполняли работы, не связанные с военной службой⁴.

Линейная пограничная служба башкир и мишарей. Основной обязанностью, возложенной на башкирское и мишарское население реформой 1798 г., была военная повинность. Вместе с оренбургскими и уральскими казаками они несли сторожевую службу на Оренбургской пограничной линии, тянувшейся от р. Тобол до Каспийского моря. Линия была разделена на 5 дистанций: первая включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до города Верхнеуральска (Звериноголовская, Усть-Уйская, Крутоярская, Каракульская, Троицкая, Степная, Петропавловская, Карагайская крепости), вторая — от Верхнеуральска до Орской крепости (г. Верхнеуральск, Магнитная, Кизильская, Уртазымская, Таналыцкая крепости), третья — от Орской крепости до Оренбурга (Орская, Губерлинская, Ильинская, Верхнеозерная, Красногорская, Оренбург), четвертая — от Оренбурга до Уральска (Чернореченская, Татищева, Нижнеозерная, Рассыпная) и пятая — от Уральска до Гурьева городка⁵.

Башкиры, мишари и оренбургские казаки несли службу на первых четырех дистанциях протяженностью в 1239 верст. На пятой дистанции служили уральские казаки.

Срок летней службы продолжался шесть месяцев, с 15 мая до 16 ноября. По истечении его команды возвращались домой, а на смену им приходили другие. Но число наряжаемых на зиму было втрое меньше, ибо тогда стычки

¹ ПСЗ II. Т. 30. № 29769.

² Там же. № 30008.; РГВИА. Ф. 483. Д. 68. Л. 5—6; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6333. Л. 101—106; Временное расписание Башкирского войска по новому разделению его на кантоны, юрты и попечительства и временный штат кантонных управлений Баш. войска. Б/м., 1856. С. 4—9.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6332. Л. 113; Д. 10618. Л. 33.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 139. Л. 11; Оп. 6. Д. 13762/1. Л. 15.

⁵ ПСЗ. Т. 25. № 18477; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 3—5.

на границе происходили гораздо реже, чем летом.

Регулярные и иррегулярные войска в крае входили в состав Отдельного оренбургского корпуса. Службу на пограничной линии они несли вместе. Башкирская и казачья конница признавалась наиболее способной для сторожевой службы и отражения неожиданных набегов соседних кочевников. Команды регулярных войск (линейные батальоны и артиллерийские роты) охраняли крепости и лишь в случае прорыва границы выходили на помощь конным частям.

Башкиро-мещерякское войско ежегодно направляло на пограничную службу от 5500 до 10500 воинов. Это составляло более половины от числа всех командированных из иррегулярных частей¹.

По существовавшим правилам в строевые части должны были поочередно направляться здоровые люди в возрасте от 20 до 50 лет². Башкиры и мишари старше 50 лет переводились на внутреннюю службу в качестве сторожей, посыльных и т. д. Однако на практике возрастных ограничений не придерживались. Многие служили до тех пор, пока имелась на то «физическая способность», нередко оставаясь в строю до глубокой старости. Только в 1847 г. Департаментом военных поселений на башкир был распространен общий для всех казачьих войск 30-летний срок службы³.

Наряд командированных на линию производился в зависимости от количества дворов или от числа подлежащих службе. В среднем 1 человек выставлялся от 4—5 дворов. Так, в 1798 г. было направлено на линейную службу 6519 человек (4485 рядовых, 492 десятника, 99 пятидесятников, 46 сотников, 7 старшин) из них — 5416 башкир и 1103 мишаря. Это означало, что один воин снаряжался от 4 (мишари) и 4, 5 (башкиры) дворов⁴.

Увеличение или уменьшение наряда зависело от внутренней и международной обстановки. Самые тяжелым периодом для войска были 1812—1814 гг., когда башкиры выставили 28, а мишари 2 пятисотенных полка для борьбы с нашествием наполеоновских войск. Од-

новременно на Оренбургской линии служило еще 12 тыс. башкир и мишарей⁵. В эти годы каждый третий взрослый башкир наряжался на службу. В 20—30-х гг. наряд на службу от башкир и мишарей несколько уменьшился. Наиболее обременительным был 1839 г., когда состоялась Хивинская экспедиция. На линейную службу тогда направили 6769 чел., а на казенные работы — 13161 чел., т. е. один воин командировался от 5,5 служащих⁶. С середины 40-х годов в связи с активизацией среднеазиатской политики царизма наряд на службу вновь увеличился. Так, с 1843 по 1850 год один воин командировался от 5—6 человек⁷. Очередность службы в мирное время наступала приблизительно через каждые 4—5 лет⁸.

Служба башкир и мишарей на Оренбургской линии отправлялась ими «на собственном иждивении», т. е. за свой счет. С 1791 по 1796 г. они получали на линейной службе по 50 коп. в месяц на каждого или провиант⁹, а с 1797 г. каждому воину на летней службе стали выдавать по 1 руб. в месяц. Эта сумма не покрывала и минимальной части расходов. Команды, выступавшие в дальние походы, переходили на содержание казны за 100 верст от сборного пункта¹⁰. На этапной службе башкирские коман-

¹ Кривошецов А. На Оренбургской пограничной линии // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. Вып. 1. С. 14—15; Шукшинцев И. С. Описи казачьи 1795—1800 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 19. С. 263.

² ПСЗ. Т. 25. № 18477; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 18.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6638. Л. 7.

⁴ ПСЗ. Т. 25. № 18477; Шукшинцев И. С. Указ. соч. С. 262.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 69.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2119. Л. 47.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 3725. Л. 248—296.

⁹ Архив Государственного Совета. Т. 1. С. 239—240.

¹⁰ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 137.

ды получали от казны провиант и фураж в натуре¹.

Вооружение башкир и мишарей состояло из пики или копья, сабли, лука и колчана со стрелами. Ружья и пистолеты были у них редкостью. У некоторых воинов имелись «проволочные латы или кольчуги», которые надевались перед боем и защищали их от вражеской стрелы и пики, а на дальнем расстоянии и от пули.

Обмундирование предписывалось иметь воинам «по их обычаю», «единообразия» в форме не требовалось. «Военный костюм» башкир состоял из следующих предметов: суконный кафтан синего или белого цвета, широкие шаровары такого же цвета с красными широкими лампасами, белая остроконечная войлочная шапка (колпак), которая с двух сторон на полях была разрезана и загнута, ременный пояс, кожаная португя и сабля, подсумок с патронами, сапоги из конской кожи, «некрасивые, но весьма прочные»².

Усиление социального расслоения общества вело к росту числа неимущих башкир и мишарей. Поэтому многие направляемые на службу не могли экипироваться за свой счет. К тому же, по замечанию генерал-губернатора Игельстрома, на службу высылались «по большей части бедные и неимущие, следовательно неисправные ни оружием, ни лошадьми, и часто вопче неспособные к военной службе, ибо богатые и лучшие откупаются»³. Кантонные чиновники, принимая «дары» от богатых башкир, освобождали их от службы. Именно за счет взяток и откупных начальник 12-го кантона сотник Шигингирей Нагайбаков «нажил хорошее состояние». Кроме посевов и скота он имел 3 поташных заводов, 2 мукомольные мельницы с общим годовым доходом в 20 тыс. руб.⁴

Снабжение оружием, лошадьми, одеждой и съестными припасами отправляемых на службу производилось в порядке общественной «подмоги», к которой привлекалось почти все башкирское и мишарское население, включая самих командированных на линию. Не принимали в ней участия, и то только лично,

представители мусульманского духовенства, кантонные начальники, их помощники и юртовые старшины.

При выезде на линию каждый воин должен был получить от общества 8 пудов муки и 1 пуд крупы⁵. До 20-х гг. размеры общественной помощи колебались в пределах от 25 до 37 коп. серебром с души, или от 4 до 25 руб. на каждого человека, назначенного на службу. Иногда размеры сбора доходили до 40—75 коп. или даже до 1—1,5 руб. с души, как это случилось в 1839—1841 гг.⁶ Командируемого на службу снаряжали один-четыре домохозяина в зависимости от имущественного состояния снаряжаемого⁷. По признанию командующего Башкирским войском Н. Беклемишева, полное снаряжение одного воина в 50-х годах XIX в. обходилось в 49—64 руб. серебром⁸. Помимо этого односельчане обязаны были оказывать помощь хозяйствам командированных на службу, особенно во время сенокоса и жатвы.

«Прием и отвод» команд, следуемых на линию и домой, производились походными старшинами или дистаночными начальниками из башкир и мишарей. Они назначались кантонными начальниками по 2—3 человека на кантон и утверждались генерал-губернатором. Командируемые на военно-сторожевую службу к назначенному сроку должны были прибыть на сборный пункт. Неявившихся в свои отряды людей наказывали «в страх другим» палками⁹. Юртовые старшины передавали по спискам свои команды кантонному начальнику, а те — походным старшинам. При этом обращалось внимание на то, чтобы прибывшие на службу люди были очередные, соответствовали установленному

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2046. Л. 13.

² Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 138.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 2119. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 2046. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 4024. Л. 254; ГАОО. Ф. 167.

Оп. 1. Д. 2; Оп. 2. Д. 8. Л. 18.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 46.

⁸ Там же. Д. 6555. Л. 14.

⁹ Там же. Д. 78. Л. 23.

возрасту и чтобы каждый был «о дву конь», с «исправным седельным прибором и с крепкой ременной упряжкой сбруей», а также с «исправными копыями, саблями, ружьями и сайдаком со стрелами», с «хорошей, не ветхой одеждой»¹. Поскольку служащие на линии нередко привлекались к различным казенным работам, то каждый должен был иметь по косе и топору².

По прибытии к месту назначения походные начальники распределяли воинов по редутам и крепостям. Они наблюдали за тем, чтобы служащие не отлучались с постов, занимались боевой подготовкой, исправно несли службу. В случае смерти одного из командированных или убыли лошади они требовали от кантонных начальников высылки замены. Во время марша и службы команд походные начальники вели учет и контроль над расходом продовольствия, фуража, «подможных» денег и отчитывались перед кантонными начальниками. Через каждые 7 дней походные старшины подавали кантонным начальникам рапорты о состоянии команд, а также коменданту крепости или главному дистаночному начальнику, в чьем непосредственном подчинении находились прибывавшие на службу башкиро-мишарские команды.

Ежедневные изнурительные учения, сопровождаемые физическими наказаниями за малейшую оплошность, денежными штрафами и взысканиями создавали невыносимые условия службы. Коменданты крепостей, главные дистаночные начальники, назначаемые из казачьих офицеров, а также башкирские и мишарские походные старшины расхищали средства, отпускаемые на содержание рядовых, использовали последних на различных своих работах. Полковник Прянишников, побывавший в 1829 г. в губернии по рекрутским делам, писал: «Башкирцы, наряжаемые для усиления караула на форпостах Оренбургской линии в каждую крепость до 200 человек, суть как бы рабы комендантов. (Последние — *Ред.*) Употребляют (их — *Ред.*) для собственных работ, как-то: рубка и возка дров..., заставляют

косить для себя сена и возить в назначенные места...»³ «После тяжелых работ, — продолжает Прянишников, — изнуренные башкирцы с наступлением зимы на тощих и чуть движущихся лошадях отправляются в свои улусы. Угнетение башкирцев неимоверно и я священным долгом считаю обратить внимание начальства на сих несчастных жертв корысти»⁴. Походные старшины часто не выдавали рядовым деньги за провиант. Так, дистаночный начальник Сабит Романов присвоил 3579 руб., предназначенных для башкир, служивших в Иркутской губернии⁵.

Кроме Оренбургской линии башкиры направляли тысячную команду на Сибирскую пограничную линию. Эта служба была наиболее обременительной, так как приходилось ехать на дальнейшее расстояние и оставаться там в течение года. В 1800 г. она была заменена этапной службой по Сибирскому тракту, которая также длилась один год⁶. Башкирские команды конвоировали ссыльных из Пермской губернии до Иркутска. Этапная служба по Сибирскому тракту продолжалась до конца 40-х гг. XIX в.⁷ Башкир и мишарей привлекали к несению этапной службы на дороге Уфа — Челябинск (через Златоустовский завод), а также к конвоированию ссыльных в центральных и западных губерниях страны.

Башкиро-мещерякское войско участвовало и в охране западных границ страны. Так, в 1828—1833 гг. два башкирских полка несли службу в Бессарабии⁸.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

² Там же.

³ РГВИА. Ф. 36. Оп. 7/850. Св. 50. Д. 22. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 81.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1214. Л. 1.

⁶ Пугинцев Н. Т. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С. 80; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 47.

⁷ ПСЗ. Т. 29. № 22487; Т. 39. № 29129.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4020. Л. 31—32; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4423. Л. 64.

Караван-Сарай в Оренбурге. Построен в 1846 г. Гравюра XIX в.

Башкирские и казачьи отряды использовали царским правительством для проведения карательных операций внутри Оренбургской губернии и в Казахстане. В большинстве случаев выступления трудовых масс одной народности подавлялись вооруженной силой другого народа. Так, выступление уральских казаков в 1805 г. было подавлено с привлечением башкирского полка. В 1823 г. отряд башкир из 3-го кантона участвовал «в усмирении» рабочих Каслинского и Кыштымского заводов¹. Восстание на Юрюзанском, Усть-Катавском и Катав-Ивановском заводах в 1829 г. было подавлено отрядами из 3-го мишарского и 8-го башкирского кантонов². В 1843 г. власти направили русских казаков и башкир на ликвидацию «картофельного бунта» крестьян Челябинского уезда. Восстание башкир, мишарей, тептярей и русских крестьян в 1834—1835 гг. было подавлено оренбургскими казаками при участии двух полков из южных башкирских кантонов. В 1825—1840 гг. силами казаков, башкир и мишарей военные власти организовали 15 карательных набегов на казахские степи³. Все это было связано с правительственной поли-

тикой противопоставления и разъединения трудовых масс различных народов.

Башкирские и мишарские отряды направлялись на полицейскую службу в Казань, Москву и Петербург, в ярмарочные города, а также для розыска и поимки беглых крестьян, казаков и башкир.

Таким образом, конные иррегулярные части края служили царизму одним из важных орудий в решении задач внутренней и внешней политики. Они использовались не только для охраны восточных и западных границ страны, но и в качестве карательной силы для подавления движения народных масс.

Трудовые и денежные повинности башкир, мишарей и тептярей. Кроме военной службы на Башкиро-мещерякское войско возлагалось выполнение различных казенных работ. С увеличением численности оренбургских казаков, которые во второй трети XIX в. стано-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3725. Л. 346, 349, 354.

² Там же. Д. 4044. Л. 18.

³ Середя Н. Бунт киргизского султана Кенисары Касимова (1837—1847) // Вестник Европы. 1870. Т. 4. С. 556.

вятся основной боевой силой иррегулярных войск в крае, призываемых на службу башкир и мишарей все больше включают в состав рабочих и транспортных команд. В конце 40-х гг. уже 86% ежегодного линейного наряда башкир и мишарей несло трудовую повинность. Они вели строительные работы, перевозили грузы внутри губернии и в укрепления, расположенные по линии и в Казахстане. В 1832—1834 гг. на строительстве дороги между Верхнеуральском и Стерлитамаком было занято 207 491 башкир и мишарей и 2689 солдат оренбургских линейных батальонов. Проложенная ими дорога протяженностью в 252 версты обошлась казне всего в 50 тыс. руб. ассигнациями². В дальнейшем дорога была продолжена до Бугульмы и стала важнейшим торговым трактом, связывавшим зауральскую часть Башкирии с Поволжьем.

Большой объем строительных работ выполнили башкирские и мишарские рабочие команды в 1835—1838 гг. во время прокладывания новой пограничной линии на участке Орск — Троицк. Было возведено пять новых укреплений (Императорское, Наследническое, Константиновское, Николаевское и Михаловское), между ними 9 редутов и 12 пикетов³. С середины 40-х годов тысячи башкир и мишарей посылались в казахские степи для сооружения там новых военных укреплений.

Не менее тяжелой повинностью была перевозка продовольствия и других грузов. Башкиры на своих лошадях «бесплатно» возили хлеб в Оренбург и крепости. С 1845 по 1863 гг. Башкирское войско обязано было ежегодно направлять транспортные команды по 3500—4000 подвод для доставки грузов в Сыр-Дарьинское, Уральское и Раимское укрепления в Казахстане⁴.

Башкирские и мишарские рабочие команды обеспечивали лесоматериалами и дровами Оренбург, Уральск и крепости Оренбургской линии. Ежегодно до тысячи человек направлялось на заготовку и сплав леса по рекам Сакмарю и Уралу⁵.

Башкиры и мишари привлекались

к работе по благоустройству Оренбурга, Уфы, Уральска и других городов. В Оренбурге они производили ремонт и строительство административных и культовых зданий, подвозили строительные материалы, работали на известковом и кирпичном заводах, заготавливали сено для казенных лошадей, ухаживали за садами и парками. Ими были построены городской водопровод, казармы (1838 г.), генерал-губернаторский дом (1840 г.) и другие здания⁶.

В 30-х гг. по всей Башкирии проводился сбор денег на сооружение в Оренбурге Караван-Сарая — гостиницы для приезжающих башкир. Башкирские рабочие команды принимали непосредственное участие в возведении замечательного архитектурного ансамбля, построенного в 1846 г. по проекту известного зодчего А. П. Брюллова. Но Караван-Сарай сразу же был занят под канцелярию Башкиро-мещеряковского войска, а затем генерал-губернатором⁷.

Башкирские и мишарские команды трудились на пашнях Оренбургского училища лесоводства и земледелия, девичьего училища, кадетского корпуса и фельдшерской школы при Оренбургском военном госпитале. Они работали в войсковом хозяйстве: на конном и пчелином заводах, на заготовке золы для производства шадрика на поташных заводах. В 1851—1860 гг. башкирами было заготовлено для лошадей генерал-губернатора 10 374 стога сена по 8 возов каждый. Из них по прямому назначению было употреблено лишь 590 стогов, а остальное сено пошло на продажу. Выру-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 50.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11082. Л. 43—44.

³ Рязанов А. Узказ. соч. С. 136—137.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5738. Л. 4; Д. 5937. Л. 2, 3, 11, 13, 14, 17, 18.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 139. Л. 45; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5854. Л. 24; Д. 6285. Л. 3—4.

⁶ Юдин П. Л. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. Кн. 6. С. 549.

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 517. Л. 7—9, 24, 70, 149, 163, 172, 186, 370.

ченные деньги в сумме 97 тыс. руб. поступили в распоряжение губернатора¹.

О тяжести рабочей службы для башкир и мишарей в середине XIX в. можно судить по следующим данным: только в 1850 г. по нарядам генерал-губернатора они поставили для выполнения натуральных повинностей, в том числе на казенную работу 35 тыс. человек и 311 013 лошадей². По замечанию генерал-губернатора А. А. Катенина, башкиры были превращены «в рабочую силу всего Оренбургского края»³.

Губернская администрация беспощадно эксплуатировала даровую рабочую силу башкирских и мишарских команд. Рабочая служба «как по обязанности, так и по издержкам на снаряжение была всегда самая трудная и дорогая» — писал генерал-губернатор Перовский⁴. Занятые на казенных работах получали ничтожную плату: пеший — 9,5 коп., конный — 12,5 коп. серебром в день⁵. В транспортных командах ежегодно погибало до 1000 лошадей, и эта убыль казной не возмещалась. Безлошадный башкир добирался до дома пешком, «питаясь мирским подаянием», так как с довольствия члены «рабочих» команд снимались сразу же по прибытии их в Орскую крепость⁶.

Были и другие повинности, которые башкиры и мишари несли наряду с тептярями и другими кретьянами. На содержание полицейских, судебных и административных органов, школ, больниц и пожарной охраны они платили земские сборы, раскладываемые губернскими гражданскими властями без участия башкирского войскового начальства. В 1856 г. земские сборы в Оренбургской губернии составляли 44,7 коп., Пермской — 21, Вятской — 28,5 коп. серебром с души мужского пола⁷. В 1857 г. башкиры, мишари и тептяри трех губерний были обложены земскими сборами на сумму 256 872 руб. серебром⁸. Их платили рядовые служащие, ибо должностные лица и представители мусульманского духовенства освобождались от земских сборов.

На башкирах и мишарах лежала дорожная повинность. В 1817—1818 гг.

с них взыскивали по 25 коп. с мужской души на ремонт и содержание почтовых и торговых дорог, мостов. В последующие годы эта повинность выполнялась в натуре⁹. Для ремонта дорог и мостов дважды в год направлялись команды из расчета по 1 чел. от десятирех жителей¹⁰. Например, в 1853 г. было послано 162 361 человек с 102 700 лошадьми¹¹.

Весьма обременительной была подводная повинность. Для этой цели в том же 1853 г. башкирами и мишарями было выставлено 453 068 лошадей и 260 659 проводников¹².

Продолжала существовать почтовая гоньба между крепостями Оренбургской линии, которая обходилась башкирам и мишарам в 80—100 тыс. рублей в год¹³. Именным указом от 2 апреля 1834 г. почтовая гоньба в натуре была заменена 80-копеечным почтовым сбором с души¹⁴. Ежегодный сбор составлял 180 тыс. руб. ассигнациями¹⁵.

До 40-х годов башкиры несли квартирную повинность¹⁶. Она лежала главным образом на жителях прилинейных деревень. Башкиры строили на свои средства лазареты, конюшни, предоставляли пастбища для лошадей расквартированных команд.

В 1842 г. освобожденные от воинской службы кантоны были обложены специальным денежным сбором из расчета по 3 руб. серебром с каждого человека призывного возраста и по 1 руб.

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 14. Д. 155. Л. 69.

² Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 136—137.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 32, 33.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 49.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 14. Д. 97. Л. 3, 7—9.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 52.

⁷ Там же. Д. 6959. Л. 13.

⁸ Там же. Д. 9631. Л. 20.

⁹ Там же. Д. 997. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 2203. Л. 1.

¹¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 377.

¹² Там же.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3532. Л. 6—12.

¹⁴ ПСЗ П. Т. 9. № 6947.

¹⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4410. Л. 30; Д. 5447. Л. 19.

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4907. Л. 12.

с отставных и малолеток. Впоследствии налог был уравнен, с каждого человека взималось по 1 руб. 30 коп. серебром. В 1852 г. эти сборы были объединены с почтовыми сборами¹. Сумма объединенного денежного сбора в 1854 г. составила 405157 руб.² Из них на 45 почт расходовалась третья часть. Остальные деньги шли на содержание канцелярии командующего войском, устройство постов и лагерей на Оренбургской линии, строительство дорог между кантонами, различные надобности башкирских должностных лиц. Лишь 10 тыс. руб. выделялось на обучение башкирских детей в разных учебных заведениях³.

На этом не исчерпывались поборы с населения. Согласно именному указу от 10 апреля 1832 г. одна треть денег, выручаемых за проданные или отданные в аренду земли, должна была вноситься башкирами-вотчинниками в общественный капитал. К 1845 г. таким путем было собрано 93 тыс. руб. серебром⁴.

До 1834 г. с башкир и мишарей взимались по 4—6 коп. с души на содержание писарей и на канцелярские расходы кантонных чиновников⁵. Производились единовременные сборы, связанные, например, с составлением и оформлением ревизских сказок. На наем переписчиков и на гербовую бумагу башкирами и мишарями только в 1859 г. было израсходовано 25 тыс. руб. серебром⁶.

Сборы денег на гербовую бумагу при подаче прошений и на оплату различного рода штрафов также служили компонентами фискального гнета. Лист гербовой бумаги стоил до 3 руб. ассигн. Количество различных прошений, оформленных на такой бумаге, из года в год росло. Так, в 1854 г. к кантонным начальникам поступило 50 713 прошений, а командующему войском — 60 484⁷.

Особо следует сказать о сборах на запасные хлебные магазины. В соответствии с именованным указом от 14 апреля 1822 г. и положением Комитета министров от 7 августа 1823 г. башкиры и мишари обязаны были платить особый налог по 25 коп. с души в особый денежный фонд для создания запасов продовольствия на случай неурожая⁸. С 1834 г.

Архитектор Караван-Сарая А. П. Брюллов

налог взимался хлебом по полчетвертику (14 л.) ржи или пшеницы, 2 гарница (7 л) овса или ячменя и деньгами по 10 коп.⁹ Продовольственные сборы продолжались до тех пор, пока запасы не составили по полторы четверти зерна и 1 руб. 60 коп. на душу населения¹⁰. Из-за слабости земледелия башкиры южных кантонов не могли выполнять эту натуральную повинность. Поэтому в 1837 г. для них взнос хлебом заменили денежным сбором по 1 руб. ассигн. с души. Сбор производился до получения суммы

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5652. Л. 45—46.

² Там же. Д. 6959. Л. 13—14.

³ Там же. Д. 4410. Л. 4, 9; Д. 5447. Л. 19.

⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. 291; ПСЗ II. Т. 27. № 20177.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2241. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 10618. Л. 4.

⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 374.

⁸ ПСЗ. Т. 38. № 29000, 29572.

⁹ ГАОО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7864. Л. 3.

*Обер-офицер Оренбургского казачьего войска.
1838—1840.*

в 20 руб. ассигн. (5 руб. 71 коп. серебром) на душу населения¹. До конца 1854 г. с башкир южных кантонов было собрано 653 362 руб. В связи с перекрытием определенной указом нормы дальнейший сбор денег прекратили².

В период кантонного управления от различных денежных сборов с населения образовался башкирский войсковой капитал в сумме 3 млн. руб. серебром. Он расходовался на правительственные мероприятия, мало отвечающие нуждам трудовых масс башкирского народа, а с упразднением кантонов в 1864 г. перешел в собственность казны.

Многочисленные повинности, военно-полицейские методы управления, жесткий регламент быта связывали общественно-политическую инициативу башкир и мишарей, тормозили их экономическое и культурное развитие.

Оренбургские казаки. При кантонной реформе 1798 г. уральские казаки составили 2 кантона, а территория Оренбургского казачьего войска была разделена

*Казак I Оренбургского казачьего полка.
1838—1845.*

на 5 кантонов: 1-й (исецкие казаки), 2-й (чебаркульские), 3-й (уфимские), 4-й (оренбургские), 5-й (самарские). Ставропольские крещеные калмыки вошли в особый кантон. Кроме того, в 1807 г. был сформирован оренбургский казачий тысячный полк, несший гарнизонную службу в Оренбурге.

Во главе Оренбургского казачьего войска находился атаман, который подчинялся генерал-губернатору. При атамане была войсковая канцелярия. По вопросам, не связанным с военной службой, казаки подчинялись местным органам гражданской власти.

Оренбургские казаки привлекались к охране юго-восточных границ империи, участвовали в войнах и походах, несли полицейскую службу в столичных городах, приволжских и уральских губерниях, использовались для подавления

¹ ПСЗ II. Т. 12. № 9938.

² ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7864. Л. 3—4, 15.

народных волнений и восстаний в различных губерниях страны и в Казахстане. Срок службы и порядок ее прохождения не был регламентирован, казаки служили почти всю жизнь, получая отставку лишь по болезням и старости. В 1803 г. казачьи офицерские чины были приравнены к армейским: войсковой полковник — майору, есаул — ротмистру, сотник — поручику, хорунжий — корнету¹.

Реорганизация войска началась после принятия в 1840 г. «Положения об Оренбургском казачьем войске». «Положение» предусматривало значительное увеличение войска и его территории, коренные изменения в военно-административном устройстве и управлении, вводило новые правовые нормы, охватывающие все стороны жизни казаков.

В состав оренбургского казачества были включены белопахотные и отставные солдаты, солдатские малолетки, Ставропольское калмыцкое войско, нижние чины четырех Оренбургских линейных батальонов с семьями, государственные крестьяне, татары, башкиры и мишари, живущие на войсковых землях. Войско почти полностью включало Троицкий и Верхнеуральский уезды, а также значительную часть Челябинского, Орского и Оренбургского уездов. Войсковые земли представляли собой сплошную территорию, площадью более 7,5 млн. десятин². Все население, живущее на этих землях и вновь прибывающее из других районов губернии, обращалось в казачье сословие.

Укрепляя гарнизоны прежней Оренбургской пограничной линии и построенной в 1835—1838 гг. новой линии крепостей между Орском и Троицком, правительство принудительно переселяло сюда казаков из внутренних станиц и крепостей. Красноуфимские, едыжские, уфимские, нагайбакские, бакалинские казаки были переведены на новую укрепленную линию, где они основали станицы с французскими и немецкими названиями в память о местах, где русское оружие одержало блестящие победы в Отечественной войне 1812-года. Такие названия станиц как Берлин, Дрезден,

Казак 1 Оренбургского казачьего полка. 1835—1838. Там же

Лейпциг, Париж и др. звучат и поныне как гимн ратным подвигам русских казаков, башкир, татар, мишарей и других народов края.

За 60 лет численный состав оренбургского казачества возрос в несколько раз. Если в 1798 г. в войске числилось 10 тыс. служащих казаков, то в 1861 г. их стало 39 502. Все население войска теперь составляло 222 тыс. душ обоего пола³. По количеству населения Оренбургское казачье войско занимало четвертое место среди 12 казачьих войск страны.

В соответствии с «Положением» 1840 г. кантоны были упразднены и вместо них образовано 10 полковых окру-

¹ ПСЗ. Т. 27. № 20786.

² Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 116—119.

³ Там же. С. 118; РГВИА. Ф. 414. Д. 312. Л. 10; Военный сборник. СПб., 1863. Т. 34. С. 541, 543, 548.

гов, охватывавших по 2500 семейств. Каждый округ формировал полк численностью в 870 чел. В связи с ростом казачьего населения в 1861 г. Оренбургское войско могло уже выставить 12 конных полков, 6 пеших батальонов, 3 конных батареи¹. Главной повинностью казаков оставалась военная служба, срок которой был ограничен 30 годами.

Оренбургское казачье войско вышло из подчинения губернским гражданским властям. Им по-прежнему командовал атаман, подчиненный генерал-губернатору. Свой функции атаман осуществлял через войсковое дежурство, войсковое правление, полковых командиров и станичные правления. Среди казаков насаждалась солдатская муштра, слепое повиновение начальству, жестокий военный режим, распространившийся на все стороны их жизни.

С 1840 г. и до конца 60-х гг. Оренбургское казачье войско являлось единственным замкнутым военно-феодальным сословием, призванным служить оплотом абсолютизма на юго-восточной окраине империи².

§ 3. Развитие сельского хозяйства

Основные направления. Резкое увеличение земледельческого населения в первой половине XIX в. способствовало развитию хлебопашества в крае. Если в 1800 г. в Оренбургской губернии было засеяно 1 млн. 298 тыс. четвертей* хлеба, то в 1849 г. посевы озимых и яровых хлебов составляли 3 млн. 197 тыс. четвертей³. В 1850 г. эти показатели несколько снижаются в связи с выходом из состава губернии Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов. Преобладающая часть посевов принадлежала крестьянскому населению. Помещичья запашка была незначительной.

Наибольшее развитие земледелие получило в Бузулукском, Бугурусланском, Бугульминском, Бирском, Мензелинском уездах. Успешно занимались хлебопашеством крестьяне Челябинского и Троицкого уездов. Гораздо слабее было

представлено земледелие в Оренбургском, Стерлитамакском и Верхнеуральском уездах.

В крае условия для земледелия были благоприятны. В начале XIX в. в Оренбургской губернии на одну душу мужского пола приходилось в среднем по 82,4 дес. земли, а в 30-е гг. XIX в. — по 45,9 дес.⁴. Это были наиболее высокие показатели по стране. В крае земля отличалась плодородием. В десяти из двенадцати уездов Оренбургской губернии преобладала черноземная почва, «не требующая, — по свидетельству губернатора И. Дебу, — ни малейшего удобрения»⁵. Много было целины и залежи. К середине XIX в. пашня составляла лишь 10% земельной площади губернии.

Наличие благоприятных факторов для экстенсивного роста земледелия не создавало стимулов для интенсификации земледельческого производства в крае. Прогресс в земледелии происходил не за счет использования улучшенных сельскохозяйственных орудий и применения более прогрессивных систем земледелия, а, преимущественно, за счет распашки новых земель и увеличения числа сельских производителей. И все же на севере и северо-западе края заметно расширилось трехполье. В центральных и южных районах по-прежнему господствовала переложная система. Почву обрабатывали сохой (однораль-

¹ Военный сборник. 1863. Т. 34. С. 534.

² Машин М. Д. Указ. соч. С. 115, 119—120.

* Старая русская мера объема сыпучих тел, содержащая в себе около 210 литров. Вес четверти овса составлял в среднем 5 пудов 20 фунтов, ячменя — 6 п. и более, ржи — 8 п. 10 ф., пшеницы — 8 п. 30 ф. и более. По количеству высеянного хлеба учитывались размеры посевов. Автором не произведен перерасчет четверти на десятины.

³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 58617. Л. 4 об., 5; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 60. Л. 65; Д. 63. Л. 136 об.

⁴ Ведомость Генерального межевания по губерниям и областям // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 25. Ведомость В.

⁵ Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837. С. 2.

ной, двуральной перекладной и так называемой «сибирской»), татарским сабаном и бороной. В зажиточных хозяйствах изредка встречался плуг. Хлеб убирали серпом и косой, молотили снопами, а также путем вытаптывания снопов лошадьми.

Наиболее распространенными культурами были рожь (озимая и ярица) и овес, отличавшиеся неприхотливостью и устойчивостью перед сорняками. Сеяли также пшеницу, ячмень, просо, полбу, гречиху и горох, небольшую площадь конопли и льна. Посевы яровых хлебов преобладали. Так, в 1844 г. было посеяно 2 млн. 268 тыс. четвертей (72,6%) яровых и 855 тыс. четвертей (27,4%) озимых культур¹. В урожайном 1844 г. было собрано 11 млн. 278 тыс. четвертей, а в неурожайном 1849 г. — 8 млн. 511 тыс. четвертей всего хлеба². Средняя урожайность зерновых составляла сам—4.

В отчете оренбургского гражданского губернатора за 1849 г. отмечалось, что количество хлеба, получаемого в губернии, «не только достаточно для внутреннего потребления, но довольно большой избыток его составляет предмет вывоза в другие смежные губернии»³. В первой половине XIX в. хлебный минимум, необходимый для питания одного человека, был определен в 2 четверти (16 пудов) в год⁴. В Оренбургской губернии в урожайные 1844 и 1845 гг. на душу населения было собрано соответственно $7\frac{3}{4}$ и $9\frac{1}{2}$ четвертей хлеба. Даже в неурожайном 1850 г. на душу населения приходилось в среднем по 3 четверти собранного хлеба⁵. В 1857 г. в губернии излишки хлеба составляли 4 млн. 100 тыс. четвертей, т. е. около 30% всего сбора. Из этого количества четвертая часть шла на винокуренные заводы и корм скота, а остальной хлеб поступал на продажу⁶.

Основная часть продаваемого хлеба доставалась купцам, которые скупали его у крестьян ниже себестоимости. Если в Нижнем Новгороде рожь продавалась по 33—43 коп. за пуд, то в Оренбурге и Уфе ее можно было купить по 13 коп. за пуд⁷. Отсутствие удобных средств коммуникаций, низ-

кие цены на хлеб сдерживали развитие зернового производства в крае.

Незначительным было овощеводство. В Оренбургской губернии высаживали картофеля в 4—9 раз меньше, чем в центральных и западных губерниях⁸. Население еще не привыкло к этой новой, трудоемкой культуре. Мало встречались и другие овощи. Лишь в южных районах выращивали на продажу огурцы, арбузы и дыни.

В хозяйстве важную роль играло скотоводство. По поголовью скота Оренбургская губерния занимала первое место в Европейской России. В 1845 г. в губернии насчитывалось 1 852 тыс. лошадей, 1 200 тыс. голов крупного рогатого скота, 2 649 тыс. овец и коз, 594 тыс. голов свиней. На двор приходилось в среднем по 7 лошадей, 4 головы крупного рогатого скота, 9 овец и коз⁹. Животноводству благоприятствовало наличие значительных пастбищных угодий и сравнительная малонаселенность края.

Наиболее распространенными породами лошадей были башкирская, киргизская, русская крестьянская. Постоянно росло число конных заводов, принадлежавших помещикам. В 1844 г. их было 13, в 1849 г. — 25¹⁰. На конных заводах разводили лошадей английской,

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 60. Л. 65.

² Там же. Д. 60. Л. 65; Д. 63. Л. 136 об.

³ Там же. Д. 63. Л. 360.

⁴ Сивков К. В. Некоторые итоги развития зернового хозяйства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 21.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 61. Л. 30. 46 об.; Д. 60. Л. 25; Д. 63. Л. 367 об.

⁶ Новиков В. А. Материалы для сельскохозяйственной статистики Оренбургской губернии // Записки императорского Казанского Экономического общества. 1859. Ч. 1. С. 108.

⁷ Он же. Указ. соч. С. 121.

⁸ Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства в первой половине XIX в. Таблица 1. // История СССР. 1959. № 2. С. 85.

⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 13.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 60. Л. 62; Д. 62. Л. 103; Д. 63. Л. 202.

арабской, датской и донской пород. Крупный рогатый скот состоял преимущественно из русской и киргизской пород. Наряду с простыми грубошерстными овцами разводились киргизские курдючные и тонкорунные. В 1856 г. в губернии насчитывалось 34 тыс. 880 тонкорунных овец¹.

Население занималось пчеловодством, местами — охотой. На севере и в центре края значительное развитие получили лесные промыслы.

Землевладение. В ходе колонизации сильно запутались земельные отношения в крае. С целью упорядочения их в 1798—1835 гг. проводилось генеральное межевание земель в Оренбургской губернии.

По данным Оренбургской межевой канцелярии, к 1833 г. в губернии было учтено 28 304 856 дес. земли. Из них 14 093 742 дес. находилось в башкирских дачах*, а остальная часть принадлежала казне, казачеству и помещикам². Следует заметить, что понятие «башкирская дача» было чисто номинальным, т. к. значительная часть земли в пределах дач принадлежала не башкирам, а другим владельцам. Например, восемь горных заводов владели в башкирских дачах 862 242 дес. земли³. Огромные земельные площади были захвачены помещиками, чиновниками и прочими расхитителями.

Во время генерального межевания земель одновотчинниками, т. е. коллективными владельцами башкирской дачи, признавались лица, происходившие из одного рода или племени. В условиях XIX столетия соблюдение указанного принципа имело регрессивное значение, т. к. консервировало отживающие связи и отношения. К тому же оно вызвало целый ряд осложнений в земельных отношениях башкир. Дело в том, что значительная часть башкир проживала за пределами своих коллективных вотчин. Число башкир, проживающих на правах припущенников, составляло более 66 тыс. человек⁴. Царская администрация требовала возвращения мигрантов на родовые вотчинные земли. Начался процесс обратной миграции.

Он сопровождался рядом трудностей. На прежних местах жительства башкир принимали неохотно, особенно в Западной Башкирии, где уже явственно ощущалась нехватка земель. В 1845 г. попытка группы башкир Гарейской волости вернуться на свои родовые земли вызвала упорное сопротивление их однокоренцев и привела к столкновениям между местными и возвращающимися башкирами⁵.

В ходе межевания башкирские вотчины, расположенные на границе двух уездов, делились на отдельные дачи. Это вело к деформации общины, ее искусственному расчленению на части. Например, земельное владение Тураевской тюбы Байлярской волости было поделено администрацией на две неравные по количеству земли дачи. В одной даче на 326 душ приходилось 11 тыс. дес. земли, в другой — на 352 души — около 4 тыс. дес.⁶ Подобного рода диспропорции вели к новым земельным спорам.

Много земельных споров было между вотчинниками и припущенниками. В процессе межевания выяснилось, что определенная часть пришлого населения осела на башкирских землях самовольно, не имея на руках договоров с вотчинниками, другая проживает сверх установленного договором срока. Большие трудности при межевании возникали из-за того, что башкиры при продаже или сдаче в аренду земель не пользовались официально принятыми мерами земельных площадей. Границы выделяемых участков часто определялись ими по

¹ Журнал МВД. 1857, ч. 23. С. 9.

* дача — единица владения.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 49.

³ Там же.

⁴ Асфандияров А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников // Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 197.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5560. Л. 4.

⁶ Материалы по истории землевладения башкир в XVIII—XIX вв. Сб. документов, подготовленный М. К. Любавским. РГБ ОР. Ф. 364. Кн. 9. Д. 1. Л. 188—210.

урочищам — холмам, речкам, лесам, до-рогам, старицам и т. д. Этим широко пользовались помещики, заводчики и купцы, незаконно присваивавшие себе большие участки башкирских земель. Генеральное межевание узаконивало эту несправедливость. Так, в 1827 г. при размежевании земель Урман-Кудейской волости из принадлежавших башкирам 160 295 дес. им было отмежевано всего 6 420 дес., остальные подлежали отчуждению¹.

В ходе генерального межевания земли некоторых припущеннических селений были отмежеваны особыми округами, но большинство селений припущенников осталось в общих с башкирами-вотчинниками дачах. Это послужило источником многочисленных земельных споров.

10 апреля 1832 г. царем был подписан указ «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае»². Указ признал башкир «владельцами всех тех земель, кои ныне бесспорно им принадлежат». В то же время вотчинники обязаны были бесплатно уступить часть своих земель припущенникам, живущим в башкирских дачах без законных актов на занимаемые участки. Земельный надел для припущенников, состоящих в Башкирском войске, был определен в 30 дес., а для гражданских припущенников — в 15 дес. на душу 7-й ревизии. При этом у самих вотчинников должно было оставаться не менее 40 дес. на душу той же ревизии; в случае нехватки земли наделы припущенников уменьшались.

Вслед за указом от 10 апреля 1832 г. появился ряд новых законов, которые развивали дальше положения указа и разъясняли недоразумения, возникавшие при наделении земель припущенников. Практическое же осуществление размежевания башкирских дач между вотчинниками и припущенниками шло крайне медленно. К 1869 г. из 135 башкирских дач было размежевано всего лишь 8³. Землевладение и землепользование башкир-вотчинников и припущенников оставались запутанными, вызывали бесконечные споры и тяжбы меж-

ду ними. В 1858 г. башкир-вотчинников насчитывалось 203 659 душ, припущенников 268 785 душ мужского пола⁴.

Хозяйство башкир. В первой половине XIX в. произошли заметные сдвиги в хозяйстве коренных жителей края. Они постепенно расширяли земледелие. К 50-м годам северные и северо-западные башкиры (Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии, Мензелинский и Бирский уезды Оренбургской губернии, Осинский и Пермский уезды Пермской губернии) жили оседло и занимались хлебопашеством⁵.

На западе, юго-западе, в центре и на северо-востоке края (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды Самарской губернии, Белебеевский, Уфимский и часть Троицкого уезда Оренбургской губернии, Красноуфимский и Екатеринбургский уезды Пермской губернии) основным занятием башкирского населения также стало земледелие. Вместе с тем во многих волостях сохранилось еще скотоводческое хозяйство и летние кочевки башкир. В Красноуфимском и Екатеринбургском уездах полукошевым скотоводством занимались 46%, в остальных уездах района — 17—22% башкир⁶.

Южные и восточные башкиры (Стерлитамакский, Оренбургский, Верхнеуральский, Челябинский, часть Троицкого уезда Оренбургской губернии, Шадринский уезд Пермской губернии) занимались преимущественно полукошевым скотоводством. Удельный вес таких хозяйств в Шадринском уезде составлял 60%, в остальных уездах — 78—

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 50.

² ПСЗ II. Т. 7. № 3287.

³ Усманов Х. Ф. Размежевание башкирских дач между вотчинниками и припущенниками по правилам 10 февраля 1869 г. // Из истории сельского хозяйства Башкирии. Уфа, 1976. С. 27.

⁴ Он же. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 36.

⁵ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 34—35.

⁶ Там же.

93%¹. В степных волостях скотоводство сочеталось с хлебопашеством. Но посевы были незначительны. Характеризуя образ жизни полукочевых башкир, В. А. Перовский в 1851 г. писал: с наступлением весны они «оставляют свои дома и целыми деревнями спешат отгонять стада и табуны на подножный корм, начиная всегда с мест, отдаленных от зимовок. Потом в течение лета по мере потравы пастбищ они опять приближаются к селениям. Здесь заблаговременно они накосили сена на зиму. Между тем те из них, которые занимаются хлебопашеством, обработали и убрали свои поля, но не вблизи деревни, а напротив того, около летних кочевков»².

В горно-лесных местностях наряду со скотоводством башкиры занимались лесными промыслами. Они рубили и сплавливали лес, гоняли смолу и деготь, снимали мочало, изготавливали телеги, сани, дуги, бочки и пр. С конца XVIII в. некоторые башкиры занялись поташным производством. Поташ (карбонат калия) получали из древесной золы путем выщелачивания и прокаливания в специальных горшках. Он использовался на стекольных, мыловаренных, кожевенных, суконных и других предприятиях³. В ряде волостей башкиры выполняли вспомогательные работы на горных заводах: рубка леса, углежжение, добыча руды и т. д. Распространен был извоз. Башкиры перевозили руду на заводы, хлеб на пристани, соль из Илецкой защиты. Только на перевозке руды было занято 5 тыс. человек⁴. Извоз и лесные промыслы получили развитие также в Мензелинском, Бирском, Белебеевском и других уездах.

Башкиры продолжали заниматься пчеловодством, которое особенно распространено было в лесных волостях. Там встречалось бортевое и колодное (пасечное) пчеловодство. В 6 и 7 кантонах некоторые хозяева содержали до 1000 ульев пчел⁵. Местами сохранилась охота.

Несколько увеличилась заготовка кормов. Зимой крупный рогатый, мелкий и рабочий скот башкиры содержали в помещениях и кормили сеном и соломой.

Правда, на юге и востоке скотные помещения были неудовлетворительны, но они имелись. Гулевой скот, состоящий из нерабочих лошадей, кормился в степи или в горах тебеневкой. Последняя начиналась с октября — ноября, смотря по погоде, и продолжалась до тех пор, пока лошади могли добывать корм из-под снега. В начале 60-х годов XIX в. в Башкирском войске гулевой или табунный скот составлял 39,2% всех лошадей⁶. Значение тебеневки не везде было одинаковым. На северо-западе, в центре и на северо-востоке края тебеневкой кормились 20—30%, а на юге и востоке — 40—54% лошадей⁷.

В полукочевом скотоводстве башкир царская администрация видела зло, мешающее отчуждению их земель и улучшению благосостояния коренного населения. Стремясь ускорить переход башкир к оседлому земледелию, власти стали прибегать к принудительным мерам. В 1845 г. оренбургский генерал-губернатор Обручев потребовал увеличения башкирами посевов⁸. В 1850 г. командующий Башкиро-мещерякским войском приказал кантонным начальникам, чтобы они имели «самое бдительное наблюдение за этою, совершенно необходимою отраслью сельского хозяйства и всемерно старались об увеличении подведомственными им башкирами засевов собственного хлеба, и, чтобы развить в них более трудолюбие к земледелию и вместе с тем удержать от праздно и ленивой жизни, приказать кочевым башкирам, в таком только случае выходить в лет-

¹ Асфандияров А. З. Указ. соч. С. 34—35.

² РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 100. Л. 17—18.

³ Асфандияров А. З. Указ. соч. С. 45.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 75 об.

⁵ Ябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. СПб., 1808. Кн. 2. С. 71.

⁶ Усманов Х. Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв. Уфа, 1973. С. 82.

⁷ Там же.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 55.

нее время на кочевку, когда каждым из них будет вспахана и засеяна хлебом земля»¹.

Выполняя указания генерал-губернатора и командующего войском, кантонные начальники запрещали башкирам выезжать на кочевки, заставляли их заниматься хлебопашеством. Нередко дело доходило до потравы на кочевьях, порки башкир за плохую обработку полей и огородов. Продолжались захваты башкирских земель помещиками, горнозаводчиками и казной. Все это привело к резкому сокращению поголовья скота. В середине XIX в. в крае на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем лишь по 5,2 лошади, 3,3 головы крупного рогатого скота и 6,3 гол. овец и коз².

Естественно, средние данные не могут дать полной картины состояния скотоводства. На юге и востоке башкиры имели скота больше, чем в других районах. Скот неравномерно распределялся и между отдельными хозяйствами. 10% башкирских дворов было вовсе бесскотным, многие башкиры имели только по 1—2 гол., а богатые хозяева содержали сотни голов. Правда, и у последних заметно уменьшилось количество скота. Если в конце XVIII в. встречались башкирские феодалы, имевшие по тысяче и более лошадей, то спустя 50 лет наиболее богатые хозяева содержали лишь по 100—300 лошадей³. «В настоящее время, — указывается в отчете о состоянии Башкирского войска за 1862 г., — скотоводство находится в лучшем состоянии в Оренбургском уезде по рр. Току и Чурану, в Белебеевском уезде по р. Деме, в Верхнеуральском в Бурзянской волости; самый большой табун во всей Башкирии — до 700 голов — принадлежит мулле Аллаберде Джаналину, в Оренбургском уезде на реке Ток»⁴.

Произошли социальные изменения в башкирском обществе, увеличились повинности коренного населения в пользу феодального государства. Об этом говорилось во втором параграфе главы.

Хозяйство пришлого крестьянского населения. Как и раньше, основным занятием пришлых крестьян было хлебо-

пашество. Животноводство играло вспомогательную роль в их хозяйстве. Лишь мишари, отчасти татары и прилинейные казаки имели значительное количество скота и по примеру башкир зимой выпускали лошадей на тебеневку. У русских, марийских, чувашских и других крестьян скота было несколько меньше и он в достатке обеспечивался кормами на зиму.

Наиболее многочисленную категорию пришлого сельского населения края составляли государственные или казенные крестьяне, в состав которых вошли также ясачные крестьяне. Землепользование государственных крестьян было различным. Часть из них проживала на казенных землях и несла в пользу государства феодальную ренту. Другая группа государственных крестьян состояла из припущенников. Они жили на арендованных за определенную плату башкирских землях. Третью группу государственных крестьян составляли крестьяне-собственники, купившие землю у башкир-вотчинников. В 1858 г. в Оренбургской губернии крестьян-собственников насчитывалось 12 830 душ м. п., государственных крестьян, живущих на арендованной земле — 51 514, на казенных землях — 150 709 душ м. п.⁵

Земельная обеспеченность государственных крестьян была довольно высокой. В конце 50-х гг. XIX в. в пользовании государственных крестьян Оренбургской губернии находилось в среднем по 12 дес. на душу мужского пола. В многоземельных Оренбургском и Челябинском уездах душевые наделы доходили до 15 дес., а в Мензелинском, Белебеевском и Уфимском уездах они были меньше среднего губернского показа-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 55.

² Асфандияров А. З. Указ. соч. С. 36.

³ Он же. Указ. соч. С. 37. Янузин Р. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 95.

⁴ Усманов Х. Ф. Указ. соч. С. 78.

⁵ Статистический обзор государственных имуществ за 1858 год. СПб., 1860. С. 352—353.

теля. При сравнении земельной обеспеченности различных групп государственных крестьян оказывается, что наибольшие душевые наделы были у крестьян-собственников (в среднем по 19,1 дес.), наименьшие душевые наделы имели припущенники (менее общегубернского среднего показателя). К тому же припущенники пользовались землей совместно с башкирами-вотчинниками, что приводило к частым спорам¹.

Государственные крестьяне несли многочисленные повинности. Основной из них являлась оброчная подать — феодальная рента в пользу казны. Ее платили все жители казенных селений, включая припущенников, живших на башкирских землях. Налоги состояли из подушной подати государству, земских и мирских сборов на местные нужды. В середине XIX в. денежные платежи государственных крестьян составляли в среднем 41 руб. 85 коп. серебром с ревизской души в год².

Тяжесть феодальной эксплуатации усугублялась произволом администрации. В 1837—1841 гг. П. Д. Киселевым была проведена реформа управления государственными крестьянами, приведшая к росту повинностей и увеличению численности чиновников, которые опекали и обирали крестьян. Последние подчинялись губернской казенной палате, а с образованием в 1838 г. Министерства государственных имуществ — губернской палате государственных имуществ. В уездах государственными крестьянами ведали окружные начальники, а в волостях и селах — старшины, старосты, сборщики податей, писари. «Казенная деревня, — писал Н. М. Дружинин, — фактически была отдана на поток и разграбление своекорыстному, развращенному и вооруженному всеми методами насилия государственному аппарату... Русским чиновникам труднее было эксплуатировать уральские деревни, рассеянные на огромных лесных и степных пространствах; но если чиновник подбирался к этим удаленным, а иногда скрытым, раскольничьим гнездам, новообразованным деревням, татарским и чувашским поселкам, то он

не знал удержу в проявлении своей начальственной власти...»³

Многочисленные повинности, злоупотребления властей тяжело отражались на хозяйстве крестьян. Об этом свидетельствует постоянный рост недоимок по платежам. В 1843 г. за государственными крестьянами Оренбургской губернии числилось 103 127 руб., а в 1854 г. — 193 005 руб. серебром недоимки⁴.

К государственным крестьянам были близки крестьяне удельного ведомства, образованного в конце XVIII в. для содержания царской фамилии. Удельные (до 1797 г. дворцовые) крестьяне жили на казенных, арендованных и купленных башкирских землях. Накануне реформы 1861 г. в губернии наделы удельных крестьян составляли в среднем по 5,1 дес. на душу мужского пола⁵, т. е. значительно меньше, чем у государственных крестьян.

Удельные крестьяне, включая и тех, кто жил на своих собственных и арендованных башкирских землях, платили в пользу Удела подушный оброк. В 1830 г. почти половина удельных крестьян была переведена с оброка на поземельный сбор⁶. Крестьяне платили также государственный налог, земские и мирские платежи. Все денежные сборы их доходили до 6 руб. серебром на душу мужского пола⁷. Удельные крестьяне несли также рекрутскую, подводную, квартирную и другие натуральные повинности.

Жители удельной деревни постоянно испытывали произвол и насилие администрации. «Удельные крестьяне в Оренбургской губернии находятся не в луч-

¹ Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983. С. 25—27.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 62.

³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 68, 225.

⁴ Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 29.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 23—24.

⁷ Там же. С. 24—25.

шем положении, — писал в 1828 г. жандармский полковник Маслов. — Начальник управления коллежский советник Дубецкий подвергает их непомерным поборам. И как сия часть подчинена непосредственно ему, то он поступает с ними по произволу. Нередко бывают сборы по рублю и по два и по три с человека. Сами крестьяне при каждом приезде Дубецкого с волости дарят ему значительными суммами. Знают о том головы и писаря. Все подчиненные его до столоначальников вынуждают у них подарки¹. Незаконные поборы нередко превышали сумму оброка. Много было злоупотреблений, связанных с рекрутской и другими повинностями.

Тем не менее положение удельных и государственных крестьян было лучше, чем у крепостного населения. Они имели относительную хозяйственную самостоятельность, большие земельные наделы (государственные крестьяне), могли покупать и арендовать казенные, помещичьи, башкирские земли, несли меньше повинностей, над ними не тяготел помещичий произвол. Все это положительно сказывалось на хозяйстве государственных и удельных крестьян. Но феодальная эксплуатация, злоупотребления чиновников серьезно ухудшали сравнительно благоприятные условия хозяйствования крестьян.

Помещичье хозяйство. По сведениям, подготовленным в 1831 г., в Оренбургской губернии «земли, принадлежавшие помещикам с припущенниками и заводчикам», составляли 4 795 018 дес.² Сколько десятин находилось в собственности помещиков, трудно сказать. Были крупные землевладельцы. Например, Тимашевы владели 156,3 тыс. дес., Мордвиновы — 43 тыс., Мезенцевы — 35,6 тыс. дес.³ и т. д. Основная же часть оренбургских дворян была беспоместной и мелкопоместной. Не хватало рабочих рук. В крае темпы роста помещичьего землевладения опережали рост численности крепостного населения. В результате большая часть дворянских земель пустовала, удельный вес помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве оставался невысоким. В 1845 г. в

губернии на долю помещиков приходилось всего лишь 5,2% посева⁴.

По далеко не полным данным, накануне реформы 1861 г. в губернии в беспорочном владении помещиков состояло 1 178,8 тыс. дес. земли. Из этой площади 920,9 тыс. дес. составляли господскую часть, а 247,9 тыс. дес. находилось в пользовании крепостных⁵. Последние в разных имениях и местностях имели разные душевые наделы. Например, в Мензелинском и Уфимском уездах помещики отводили своим крестьянам в среднем по 4,6 дес. на душу мужского пола, в Стерлитамакском — 5,2, Белебеевском и Троицком — по 5,8 дес.⁶ и т. д.

Помещичьи крестьяне несли в пользу владельца барщинную и оброчную повинности. Перед отменой крепостного права в Оренбургской губернии на барщине находилось 74% помещичьих крестьян, на оброке — 14,1% и на смешанной повинности — 11,9%⁷. Особенно тяжелым было положение барщинных крестьян. Каждое тягло* должно было работать на барина на паре лошадей 3 дня в неделю. Нередко барщина увеличивалась до 4—5 дней. Весной и летом крепостные выполняли барину полевые работы, а осенью и зимой молотили хлеб, доставляли дрова и сено, вывозили хлеб и животноводческие продукты на рынок за десятки и сотни верст.

Тяжелой была и оброчная повинность. В губернии на каждое тягло при-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 62—63.

² Зобов Ю. С. Проникновение товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство Оренбургской губернии в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 50.

³ Он же. К вопросу о формах эксплуатации помещичьих крестьян Оренбургской губернии (1 половина XIX века). // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975. Вып. V. С. 45.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 г. в Башкирии. М., 1983. С. 14.

⁶ Он же. Указ. соч. С. 14.

⁷ Там же.

* Барщинное тягло включало в среднем 2,5—3 души м. п., а оброчное — 2,3—2,6.

ходило в среднем 17,2 руб. оброка, что в три раза превышало денежные повинности государственных крестьян¹. Помимо оброка и барщины помещики часто прибегали к натуральным поборам, заставляли крепостных давать овец, птиц, яйца, масло и пр.

Помещичьи крестьяне выполняли также ряд казенных и общественных повинностей. Казенные повинности складывались из подушного оклада, земских и рекрутских денежных сборов, а также из натуральных повинностей — рекрутской, денежной, подводной, постойной, арестантско-караульной. К общественным повинностям относились денежные сборы на «общественный капитал продовольствия» и обработка общинной запашки. Накануне реформы казенные и общественные денежные сборы с помещичьих крестьян составляли 6 руб. 50 коп. с души муж. пола или 16 руб. 35 коп. с тягла в год². Это было не под силу крестьянскому хозяйству. В 1851 г. недоимки помещичьих крестьян губернии составили 10725 руб.³

Стремясь увеличить доходность своих имений, некоторые крупные помещики стали расширять посевы, применять сельскохозяйственные машины, улучшенные семена. Тимашев, Тевкелевы, Карамзин, Стрелков, Осоргин, Куроедов, Давлеткильдеев и другие завели конезаводы из породистых лошадей. В ряде имений появились тонкорунные овцы. В 1857 г. у Тимашева было 7 898 голов тонкорунных овец, Булгакова — 6 639, Бенардаки — 6 200 овец⁴, и т. д. Хлеб, породистый скот, продукты животноводства шли на продажу.

Развивалось помещичье винокурение. Оно приносило значительно больше прибыли, чем вывоз хлеба по бездорожью на дальние рынки. В первые три десятилетия XIX в. производство помещичьих винокуренных заводов увеличилось в 13,4 раза и в 1829 г. составило более 1,1 млн. ведер⁵.

В лесных местностях открывались поташные заводы. В середине 30-х гг. XIX в. в Оренбургской губернии действовали 58 помещичьих поташных заводов, которые производили 108 700 пу-

дов поташа в год⁶. Развитие поташного производства вело к хищническому истреблению лесов и нарушало природно-экономический баланс Оренбургского края.

Помещики заводили также мельницы, лесопильни и другие промышленные заведения. Например, в Бирском уезде в Анастасьинском имении генерала Жадовского имелись четыре мельницы, винокуренный и поташный заводы, лесопильня, мастерские для постройки барок и судов. Он содержал конный завод и овчарню на 2 тыс. тонкорунных овец⁷.

Расширение товарного земледелия и животноводства, появление промышленных заведений было связано с проникновением товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство. Это прежде всего проявлялось в крупных имениях. Мелкие и средние имения в большинстве своем сохраняли черты экономической замкнутости⁸.

В промышленных заведениях изредка применялся вольнонаемный труд. Но основой помещичьего хозяйства оставалось крепостное право. С целью получения высоких доходов помещики усиливали эксплуатацию своих крестьян, не останавливаясь перед самыми крайними, бесчеловечными формами принуждения. В указанном выше Анастасьинском имении генерала Жадовского крепостные находились на оброчной повинности, которая составляла 30 руб. серебром с тягла в год. Имея обширные земли, помещик отводил крестьянам в пользование лишь по 1 дес. земли. Он запрещал им уходить на заработки. Крестьяне вносили оброк, выполняя в

¹ Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 15.

² Зобов Ю. С. К вопросу о формах эксплуатации помещичьих крестьян Оренбургской губернии. С. 45.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 64. Л. 15 об.

⁴ Зобов Ю. С. Проникновение товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство Оренбургской губернии в первой половине XIX в. С. 59.

⁵ Там же. С. 53—54.

⁶ Зобов Ю. С. Указ. соч. С. 57.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Там же. С. 65.

хозяйстве барские работы. Расценки на них были крайне низкими. В счет оплаты труда помещик выдавал крепостным по высоким ценам хлеб, сапоги, овчины, рукавицы, лопаты и пр. Так, ржаную муку он отпускал из расчета 80 коп., в то время как рыночные цены в округе были 25—30 коп. за пуд¹. По любому поводу и без повода Жадовский штрафовал крепостных, избивал их, растлевал крестьянских девушек. Таких самодуров было немало.

Жестокая эксплуатация вела к разорению крестьян. Упадок наблюдался и в хозяйстве помещиков. Крепостничество переживало глубокий кризис.

Развитие буржуазных отношений. Товарно-денежные отношения проникают не только в помещичье, но и в крестьянское хозяйство. Оно поставляло основную массу товарного хлеба на местный рынок и за пределы края. В деревне все отчетливее проявлялось имущественное и социальное неравенство. Зажиточные крестьяне, не довольствуясь своими наделами, прибегали к аренде и покупке казенных, помещичьих и башкирских земель. Как уже говорилось, в губернии перед реформой 1861 г. около 13 тыс. душ м. п. государственных крестьян владели землей на праве собственности. Земельные собственники встречались также среди удельных крестьян².

Прослойка зажиточных крестьян особенно значительной была среди государственных крестьян. Они засевали по 30 и более десятин хлеба, содержали десятки голов скота, прибегали к наемному труду. «Есть некоторые крестьяне, — писал В. М. Черемшанский, — которые, оброча казенные земли, делают значительную запашку десятин по 30, 50, 100 и более — таковые бывают в необходимости обрабатывать землю работниками наемными, как это можно встретить в уездах Бузулукском, Стерлитамакском, Челябинском и Уфимском»³.

В то же время в крае имелись маломощные крестьяне, вынужденные продавать свою рабочую силу. Часть из них батрачила у богатых односельчан

и соседей, другая уходила на отхожие промыслы: золотые прииски, рудники, лесоразработки, лесосплав и т. д.

Если в центральных губерниях отход крестьян на заработки вызывался излишком рабочих рук в сельском хозяйстве вследствие прогрессирующего малоземелья, то в Башкирии этот процесс происходил на фоне многоземелья и нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве. Отхожими промыслами занимались преимущественно государственные крестьяне и припущенники. В 1858 г. в Оренбургской губернии государственных крестьян, получивших паспорта и билеты для ухода на заработки, было 17 971 чел. Подавляющая часть из них уходила на 1—2 месяца и только 1 213 человек занимались отхожими промыслами от 6 месяцев до года⁴.

§ 4. Промышленность и торговля. Рост городов

Горная промышленность. Ведущей отраслью промышленности края была горнозаводская. Производственная и социально-экономическая структура ее сложилась в виде окружной системы. Горнозаводской округ включал связанные по хозяйственной необходимости заводы, рудники, вспомогательные производства, имел свою территорию, на которой проживало заводское население. Этот хозяйственно-территориальный комплекс принадлежал либо частному лицу, либо казне.

В начале XIX в. в Оренбургской губернии было 18 горнозаводских округов, в состав которых входило 29 заводов. К 1861 г. в губернии осталось 16 округов с 26 заводами. Они располагали 2 205 тыс. дес. земли, 128 действовавшими и 2 142 запасными рудниками⁵.

¹ Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 16—17; Зобов Ю. С. Указ. соч. С. 56.

² Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 22.

³ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 271.

⁴ Статистический обзор государственных имуществ за 1858 год. С. 363.

⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5998. Л. 1; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277. Л. 21—24.

Добыча руды в Златоусте в 20-х годах XIX в.

В отличие от остального Урала, где большинство заводов были посессионными, на Южном Урале преобладали вотчинные заводы. В 30-х гг. XIX в. из 27 горных заводов 19 были вотчинные, 4 — посессионные, 3 — казенные¹. Посессионные заводы принадлежали владельцам на праве условной собственности. Они владели заводами от имени государства, которое помогало им людьми, земельными угодьями, рудниками или позволяло «владеть заводами и крепостными людьми, не имея права дворянства»². Вотчинные заводы пособий от казны не получали. Они принадлежали частным лицам, владевшим людьми и землей на правах неограниченной собственности.

Выплавка металлов не была равномерной по годам. В черной металлургии края можно выделить три периода: первые два десятилетия (точнее, до 1818 г.) — период застоя и сокращения производства; второй период (1819—1840 гг.) — годы стабилизации и медленного роста производства; третий период (1841—1860 гг.) — годы быстрого

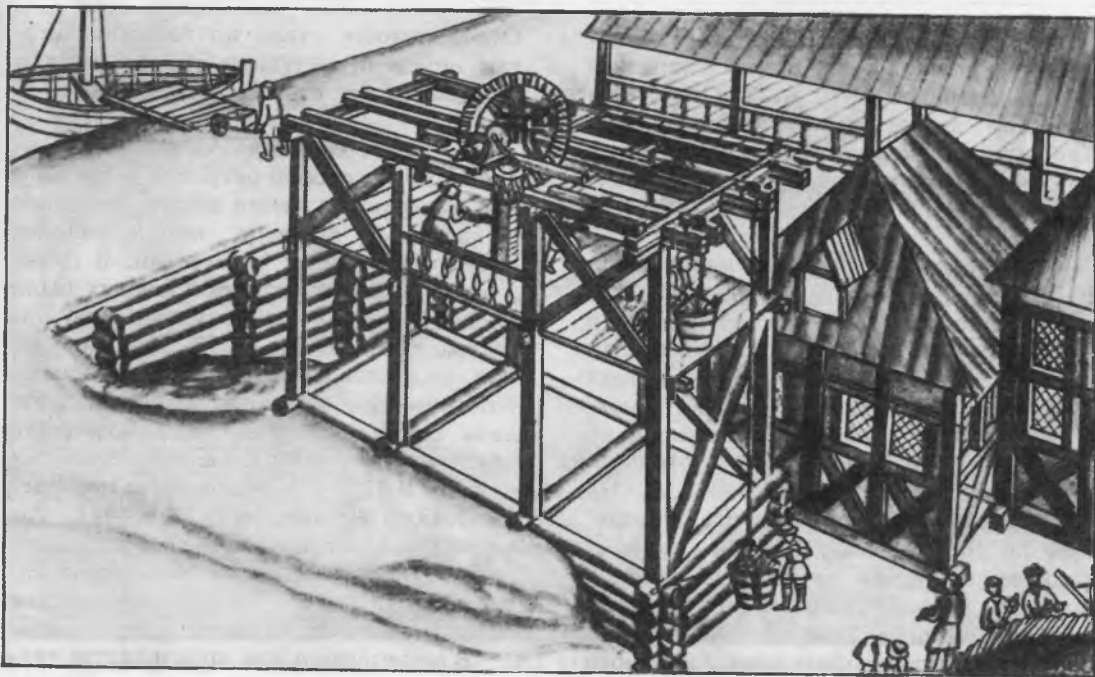
роста производства. В медеплавении также выделяются три периода: в 1801—1810 гг. шел рост производства, в 1811—1835 гг. наблюдалось падение, а затем восстановление производства, следующие 15 лет были годами подъема производства.

В рассматриваемое время на частных заводах Южного Урала производство чугуна выросло на 74% — с 4 619 283 пуд. в 1801—1805 гг. до 8 042 945 пуд. в 1856—1860 гг., железа — на 94%, с 2 962 746 пуд. до 5 755 920 пуд., меди — на 43%, с 358 686 пуд. до 512 348 пуд³. Производительность посессионных заводов была сравнительно небольшой. В 1801 г. они дали 195 250 пуд. чугуна и 140 315 пуд. железа, а в 1860 г.

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5898. Ч. 2. Л. 13—19.

² Свод законов Российской империи: Устав Горный. СПб., 1857. Т. VII. № 5, 6 (далее С 3).

³ Мударисов Р. З. Развитие горнозаводской промышленности Южного Урала в первой половине XIX в. Дис... канд. ист. наук. Уфа, 1987. С. 95—96.

Подъемная шахта на Уральском руднике

их продукция составила соответственно 210 704 и 135 615 пудов¹. Динамика выплавки черных металлов на Златоустовском, Саткинском, Кусинском заводах после передачи их в 1811 г. в казенное ведомство имела тенденцию роста, хотя и неравномерную. За 50 лет выплавка чугуна на этих заводах увеличилась на 75%, с 1 560 758 пуд. в 1811—1815 гг. до 2 725 803 пуд. в 1856—1860 гг.²

Наряду с господством феодально-крепостнических отношений, тормозивших промышленное развитие страны, причиной производственных спадов было резкое сокращение в первой половине XIX в. экспорта металлов. Внутренний же рынок еще не был в состоянии поглотить ту промышленную продукцию, которая до конца XVIII в. шла за границу, в основном в Англию. В этих условиях происходит снижение цен на металл из-за его перепроизводства, что вынуждало заводчиков сокращать выплавку или на некоторое время закрывать заводы, как это случилось с Воскресенским, Верхоторским, Каноникольским и Благовещенским медеплавильными заводами в 1812—1813 гг.³

Казенные заводы выполняли правительственные заказы с гарантированным сбытом изделий по твердым ценам. Поэтому, несмотря на ограничение и регламентирование государством их производственной деятельности, развитие Златоустовского округа в 1811—1860 годах происходило без значительных экономических потрясений.

Большое значение для подъема горнозаводской промышленности имел начавшийся в стране в 40-х гг. промышленный переворот, вызвавший техническую перестройку предприятий, модернизацию производства. Увеличение емкости домен, усовершенствование способов литья повысило производительность чугунолитейного производства и привело к сокращению расходов на единицу продукции. Так, на заводах Катав-Ивановского округа до 1841 г. в каждой доменной печи выплавлялось в сутки

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277. Л. 455; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1033. Л. 19—26.

² Мударисов Р. З. Указ. соч. С. 98—99.

³ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 45. Л. 6—9.

по 500 пуд. чугуна. После сооружения усовершенствованной домны производительность возросла до 750 пуд¹. На Симском заводе из 100 пуд. руды в 1806 г. получали 50 пуд. чугуна, в 1851 г. — 60; одним коробом угля в 1806 г. выплавляли 11 пуд. чугуна, в 1851 г. — 20 пуд².

Определенный прогресс наблюдался и в железоделательном производстве, где постепенно внедрялись контуазский и пудлинговый способы выплавки. Контуазский способ производства железа впервые был введен в Юрюзань-Ивановском округе в 1840 г. В дальнейшем он получил развитие на Симском, Миньярском, Белорецком и других заводах. На Златоустовском заводе мастера, работавшие по контуазскому способу, выделывали за семь дней до 120 пуд. железа, тогда как старым кричным способом они могли дать лишь 78 пуд³. Более чем в два раза производительнее кричного было пудлингово-сварочное производство железа. К 1860 г. в крае 45% железа вырабатывалось этим способом, хотя его внедрились только 5 частных железоделательных заводов из 12⁴. Повышалось качество металла.

Технический переворот происходил и на казенных заводах Златоустовского горного округа. Все внимание здесь было направлено на улучшение технологии выплавки стали, производство которой началось в 1802 г.

Разработка новых способов получения высококачественной литой стали была связана с именами выдающихся русских ученых-металлургов П. П. Аносова и П. М. Обухова, работавших на златоустовских заводах. В 1828 г. Аносовым была успешно разрешена задача получения литой стали в тиглях из рафинированной стали, а затем восстановлен утраченный секрет производства булата⁵. Производство литой стали для промышленных целей началось на Златоустовской оружейной фабрике в 1830 г. В следующем году было получено 245 пуд. литой стали, а в 1834 г. уже 1 438 пуд⁶. Сталь шла на изготовление холодного оружия, сельскохозяйственных орудий, различных инструментов.

Отечественная сталь по своим качествам ничем не уступала лучшим сортам английской и стоила в два раза дешевле.

После поражения России в Крымской войне с особой остротой встал вопрос о перевооружении армии, переходе к нарезному оружию, замене медных и чугунных пушек стальными. В связи с этим на златоустовских заводах были продолжены опыты по улучшению качества литой стали и способов получения ее в больших количествах. Разработанные под руководством П. М. Обухова сорта и марки стали позволили приступить к изготовлению стальных орудий. В 1859 г. в округе была построена Князе-Михайловская фабрика, где через год были отлиты первые стальные пушки, превосходившие по своим качествам лучшие западноевропейские образцы военной техники.

В медеплавильном производстве технический прогресс состоял в увеличении высоты плавильной печи и силы вдуваемого в нее воздуха. Это способствовало повышению производительности труда и снижению нормы расхода угля и флюса. Так, в 1840 г. на Воскресенском медеплавильном заводе на одной усовершенствованной печи в сутки проплавлялось до 360 пуд. руды, при этом на плавку 100 пуд. руды тратилось 3,4 короба угля и 20 пуд. флюса. В старой же печи в сутки проплавлялось только 245 пуд. руды и затрачивалось на плавку 100 пуд. руды, 3,7 короба угля и 30 пуд. флюса⁷.

Главный начальник уральских горных заводов после осмотра оренбург-

¹ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 1895. Л. 5.

² Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 828. Л. 23; Д. 843. Л. 9; Ф. 46. Оп. 1. Д. 14. Л. 164.

³ Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 859. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 162. Л. 43—45.

⁵ Аносов П. П. Собр. соч. М., 1954. С. 118—151.

⁶ Ведомость о количестве литой стали, приготовленной с начала производства при Златоустовской оружейной фабрике с февраля 1830 по май 1836 г. // Горный журнал. 1836. № 11. С. 468.

⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 381. Л. 63; Там же. Оп. 2. Д. 1718. Л. 1,34.

Углежжение на Златоустовском заводе в 20-х годах XIX в.

ских медеплавильных заводов отметил преимущество их «пред подобным производством в Пермских горных заводах»¹ и рекомендовал внедрить указанные новшества на всех заводах Урала. Улучшение медеплавильного производства шло также за счет обогащения руды, которое на Южном Урале было введено на рудниках Воскресенского, Преображенского и Богоявленского заводов².

На заводах появились паровые машины. «Применение паровых двигателей к производству является одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии», — писал В. И. Ленин³. В 1849 г. для Катав-Ивановского завода были выписаны из-за границы паровой молот и прокатная машина, приводимая в действие паром, а также токарный, сверлильный, винторезный и строгальный станки с особую для них паровой машиной. В 1854 г. на заводе пять паровых котлов обслуживало 8 пудлинговых, 2 сварочных, 1 подогревательную печь. Две трети пудлингового производства на заводе работало при помощи пара⁴. Паровая машина при-

водила в действие пудлинговые и сварочные печи, прокатные устройства на Узянском заводе⁵. В 1859 г. Симский завод заказал за границей паровую машину высокого давления в 60 л. с., 2 паровых котла, 31-пудовый паровой молот. Прибытие и установка этого оборудования намечались на зиму 1860 г.⁶

Несмотря на значительные сдвиги, технический переворот был еще далек от своего завершения. На горных заводах паровые двигатели применялись незначительно. В 1859 г. на частных заводах на паровые машины приходилось около 5,6% мощностей всех двигателей, на казенных — 17,5%. Основной двигательной силой оставались водяные колеса. На фоне успехов миро-

¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1718. Л. 1,34.

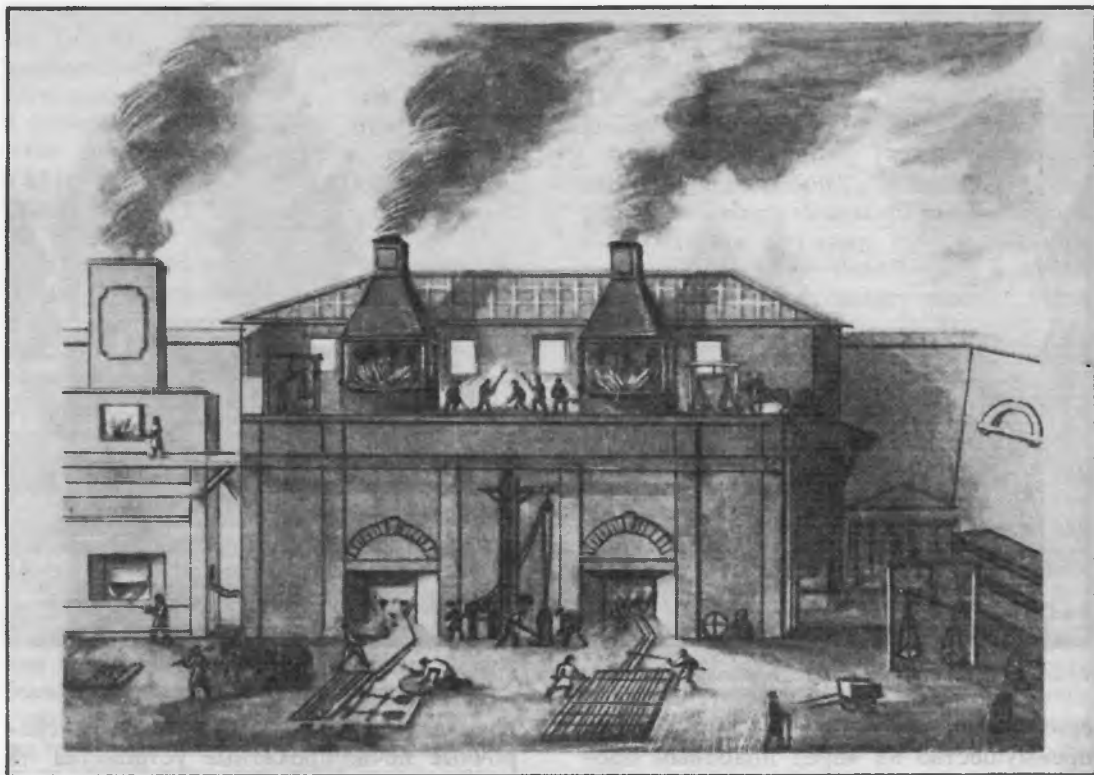
² Там же. Оп. 1. Д. 381. Л. 63.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 506.

⁴ Кривоногов В. Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Вопросы народного хозяйства. М., 1962. С. 315.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 625. Л. 27.

⁶ Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 845. Л. 5 об.

Общий вид доменной фабрики по рисунку Бояршиновых

вой металлургии технический прогресс уральской металлургии был крайне замедленным. Главной причиной сравнительно низких темпов развития горнозаводской промышленности являлось, как отмечал В. И. Ленин, «крепостное право, горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»¹.

Рабочая сила горных заводов состояла из крепостного населения, вывезенного из центральных губерний в XVIII в. Правда, и в первой половине XIX в. покупка и перевод крестьян не прекращалась. Например, владельцы Симского горного округа в 1785—1819 гг. купили в Саратовской, Нижегородской, Симбирской, Московской и Калужской губерниях 3 249 душ, в 1842 г. перевели из своей тувльской вотчины 353 души крестьян². Но основным источником

комплектования и пополнения рабочих кадров в первой половине XIX в. становится естественный прирост самого горнозаводского населения.

В начале XIX в. на горных заводах Оренбургской губернии числилось свыше 23 тыс. душ м. п. населения, из них на заводских работах было занято 15 тыс. человек, или 63%. В 1860 г. заводское население составляло уже 70 тыс. душ м. п., из которых 37 тыс. душ (53%) работало в горнозаводском производстве. По социальному составу это были крестьяне, специально купленные для работы на заводах и не подлежащие отчуждению от них, владельческие крепостные, купленные на помещичьем пра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 485—486.

² РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 821. Л. 26—об.—27; Д. 813. Л. 10 об., 28—30, 65.

ве, приписные, казенные и другие крепостные. Среди этих категорий большинство составляли заводские и владельческие крепостные. Многие из них были потомственными рабочими, основным средством существования которых являлась заводская работа. Приписка государственных крестьян к заводам не имела существенного значения. В 1807 г. институт приписных крестьян был ликвидирован. Из их числа выделились неприменные работники, которых на Южном Урале в 1816 г. было всего 418 человек.

Работы на горных заводах состояли из основных и вспомогательных. Основные работы выполнялись мастеровыми и поторжными рабочими (плотники, столяры, каменщики, веревочники, бондари, колесники, скорняки). К вспомогательным рабочим относились дроворубы, углежогои, рудокопы. Эта группа составляла большинство рабочих. Так, в 1858 г. в Симском горном округе из 2 483 рабочих 801 (32,2%) было занято на цеховых работах, 334 (13,5%) — на поторжных, 1348 (54,3%) — на вспомогательных работах¹. Такое соотношение рабочих по роду занятий с некоторыми отклонениями было характерно для большинства заводов Южного Урала.

Основную заводскую рабочую силу составляли крепостные. В трудоемких вспомогательных работах применялся и вольнонаемный труд окрестного населения. Да и заводские рабочие после исполнения обязательных урочных работ стали выполнять по найму дополнительные работы. Например, кричные мастера Юрюзань-Ивановского завода в свободное время занимались «добровольно возкою руды»². В Златоустовском округе в 40-х годах на добыче и перевозке железной руды, жжении угля работали «по вольной плате» около 600 женщин и мастеровых³. В 1858 г. владелец Симского округа предписывал окружной конторе использовать рабочих, выполнивших свои задания, при перевозке руды, камня, железа по договорным ценам⁴. Таким образом, заводские рабочие эксплуатировались двояко: феодально-крепостническими методами

внеэкономического принуждения по обязательным урокам и методами капиталистическими, как вольнонаемные, продающие свою рабочую силу в свободное от обязательных работ время.

На горных заводах основную массу рабочих составляли русские. Среди вольнонаемных рабочих были также башкиры, татары и представители других народов. Для башкир работа на горных заводах являлась существенным источником денежных поступлений, шедших на уплату налогов. Об этом свидетельствуют жалобы башкир на заводские конторы, задерживающие выдачу заработной платы, в то время как они «имеют крайнюю нужду в деньгах»⁵.

Большое значение труда башкир для заводов признавали горнозаводчики. В 1813 г. владелец Белорецкого завода И. А. Пашков отмечал, что «к числу способов, облегчающих производство заводского действия, должно относиться и то, что живущие в окрестностях башкирцы каждую зиму по найму принимают на себя перевозку с рудника в завод руды весьма в значительном количестве»⁶. Владелец Благовещенского медеплавильного завода Д. Полторацкий одну из главных причин падения производства на заводе в 1817 г. видел в том, что башкиры перестали доставлять руду⁷. Башкиры занимались также добычей руды, заготовкой дров и углежжением для заводов.

На работу башкиры нанимались поодиночке или артелями по контрактам с заводскими конторами или по договорам с заводскими крестьянами. Эти документы затем утверждались кантонным начальством.

Оплата труда рабочих производилась в денежной и натуральной форме. Размер заработной платы рабочего зависел от его квалификации. В середине 30-х

¹ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 841. Л. 133 об.

² Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 170, ч. 2. Л. 45.

³ Там же. Ф. Оп. 11. Д. 473. Л. 19—20, 22, 30, 487—489.

⁴ Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 841. Л. 12.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5228. Л. 1 об.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 42. Л. 2197.

⁷ Там же. Д. 78. Л. 61.

Дом Дворянского собрания в Оренбурге. Построен в 30-х гг. XIX в. Реконструирован в 1880-х гг. Фото конца XIX в.

годов мастеровой получал от 82 до 170 руб. в год, подмастерье — от 64 до 89 руб., конный рабочий — 56—75 руб., пеший рабочий — 41—71 руб.¹

В первой половине XIX в. размер заработной платы номинально увеличился, но реальное значение ее, в связи с инфляцией и повышением цен на продукты питания и первой необходимости, уменьшилось. Так, в 20—40-х годах прирост заработной платы рабочих составил примерно 50%, тогда как цены на хлеб и фураж выросли в среднем на 81%². Поэтому неудивительно, что мастера Кагинского и Узьянского заводов жаловались главному начальнику Уральских горных заводов на «недостаток плат, которые столь малы, что ими не окупается и хлеб»³. В 1829 г. в Катав-Ивановском округе из 1168 семей значилось «достаточного состояния» 180 (15%), «посредственного» — 669 (57%), бедного — 319 (27%)⁴. Зажиточные рабочие стремились к самостоятельной промышленной и торговой дея-

тельности, открывали кустарные и ремесленные заведения, производившие на продажу кузнечные изделия, сундуки, подносы, дрожки, колеса и др. В Златоусте в 1821 г. было 30, а в 1831 г. — 42 таких заведения; в 1852—1856 гг. открылись 3 завода по обработке кожи⁵. Современники отмечали, что в Оренбургской губернии среди заводского населения имеются люди с «капитальцем, которые ведут торговые обороты, скупая преимущества сырые продукты — кожи, сало, медь, вощину и рогатый скот»⁶. Например, в лавках мастерового

¹ Ханьков Я. Обзорение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 г. // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 69—70. (Подсчеты автора).

² Мударисов Р. З. Указ. соч. С. 146.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 501. Л. 37.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 170, ч. 1. Л. 100, 165.

⁵ Мударисов Р. З. Указ. соч. С. 124.

⁶ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 269.

Дом военного губернатора в Оренбурге. Построен в 40-х гг. XIX в. Фото конца XIX в.

Саткинского завода И. Варламова в 1839 г. было товаров на сумму 1121 руб., мастерового Златоустовского завода Егорова — на 1257 руб.¹ и т. д. Таким образом, среди горнозаводского населения шел процесс имущественного и социального расслоения.

Натуральная оплата труда осуществлялась в виде выдачи провианта. Месячная норма провианта на работника и его жену составляла по 2 пуда, на мальчиков до 15 лет — 1 пуд., с 15 до 18 лет — 1,5 пуда, на детей женского пола до 18 лет — 1 пуд хлеба². На казенных заводах провиант выдавался бесплатно, на частных заводах его выдавали либо за наличные деньги, либо высчитывали стоимость провианта из заработка рабочего. Закон обязывал заводладельцев продавать хлеб не выше заготовительных цен, что однако постоянно ими нарушалось. Например, на заводах Авзяно-Петровского округа в 1838 г. пшеница закупалась по 80 коп. за пуд, а отпускалась рабочим по 1 руб.

80 коп., соль покупалась по 1 руб. 50 коп. за пуд, продавалась по 2 руб.³

Накануне крестьянской реформы в Оренбургской губернии на 25 заводах рабочие имели земельные наделы. Размеры их были неодинаковы. 42% рабочих имели от 1 до 5 дес. земли, 44% — от 5 до 9 дес. и 14% — свыше 8 дес. на душу м. п. Земельные наделы состояли большей частью из выгонов и сенокосных участков, необходимых для содержания скота и прежде всего лошадей, используемых в горнозаводских работах. Пашни было мало. На горных заводах хлебопашеством занимались преимущественно вспомогательные рабочие, мастеровые сеяли мало.

И все же часть рабочих имела посе- вы. В этом отношении особенно выделялись Воскресенский, Преображенский,

¹ РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1302. Л. 15; Д. 1332. Л. 9, 10, 22, 23.

² С. 3. Т. VII. № 1451.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 219. Л. 266.

Дом надворного Советника А. И. Еникуцева. В 1852 г. перестроен под канцелярию Оренбургского генерал-губернатора. Ныне Оренбургский областной краеведческий музей. Современный вид

Верхоторский и Богоявленский медеплавильные заводы. На 40% заводов края рабочие не занимались хлебопашеством¹. Да и на остальных заводах его роль в обеспечении продовольствием населения была незначительной. Наличие земельного надела не превращало горнозаводского рабочего в крестьянина и было закономерным явлением. В. И. Ленин писал, что «...капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом»². Однако наделение заводчиками рабочих земель отрицательно сказывалось на их положении, понижая денежную часть заработной платы.

Рабочие жестоко эксплуатировались заводоладельцами. С целью увеличения своих доходов они систематически повышали нормы выработки, удлинляли рабочий день. Представители горного ведомства не имели права контролировать нормирование заводских работ на частных заводах. Это вело к злоупотреблениям со стороны владельцев частных заводов. Так, на Шилвинском медеплавильном заводе урочные задания по добыче руды были в 2,5 раза выше, чем

¹ Рутман Р. Е. Земельное пользование рабочих горнозаводского Урала накануне реформы 1861 года // Вопросы аграрной истории Урала Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 240.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 214.

на казенных заводах¹. На белорецком заводе в 1837 г. заводчики увеличили нормы выработки на кричных работах с 6 криц в неделю до 8, что вынуждало рабочих работать даже в воскресные дни². На частных заводах продолжительность рабочего дня целиком зависела от предпринимателя и не регулировалась законами. На большинстве горных заводов края рабочий день составлял 10—12 час.

На заводах использовался труд детей и женщин. Правительственными указами разрешалось привлекать в случае необходимости на горно-заводские работы подростков с 12-летнего возраста. При этом закон оговаривал, что работа для них должна быть «легкая, дневная и продолжаться не более восьми часов в сутки»³. Однако положение это повсеместно нарушалось. Так, на рудниках Шилвинского завода в 1859 г. работало 83 подростка. Их рабочие нормы превышали нормы взрослого рабочего на казенных заводах⁴. Подростковый труд применялся также на рудниках Симского завода, где ежегодно работало за одно лишь пропитания до 300 мальчиков⁵.

Условия жизни и труда подростков на рудниках были очень тяжелыми. По признанию главного начальника горных заводов Уральского хребта В. А. Глинка, на рудниках Златоустовского горного округа «малолетки питаются большей частью одним хлебом с водюю, за ними нет никакого присмотра в казармах после работы, часто в сыром платье и грязи, остаются без всякого об них попечения»⁶. На заводах этого же округа 600 женщин было занято на кузнечных работах и промывке руд. На Белорецком заводе женщины работали в цехах, занимались вытаскиванием бревен из пруда, ремонтировали дороги⁷. Широкое применение женского и детского труда свидетельствовало о процессе пролетаризации значительной части рабочих, так как на заводские работы шли прежде всего женщины и дети из бедных семей, для которых жалкие гроши за их труд были заметным подспорьем в жизни.

Тяжелый труд, отсутствие техники

безопасности, плохие санитарно-гигиенические условия на заводах приводили к многочисленным несчастным случаям и различным профессиональным заболеваниям. В 1815 г. управляющий заводами Златоустовского округа писал, что среди мастеровых многие от «огненных и других работ заводских потерпели разные увечья и лишены некоторых членов тела»⁸. На заводах этого округа только в 1855—1856 гг. получили увечья и травмы 234 человека или примерно один из 39 работающих⁹.

Медицинское обеспечение на заводах было неудовлетворительным. Хотя горное законодательство предусматривало обязательное учреждение на заводах госпиталей, но это не везде выполнялось. В середине 30-х годов XIX в. в Башкирии из 23 частных заводов больницы имели 11. Больничные помещения, как правило, не отвечали своему назначению. На Катав-Ивановском заводе больные принимались во флигеле, предназначенном для кухни, а на Верхне-Троицком и Усень-Ивановском заводах два маленьких дома с четырьмя и шестью койками считались уже «важными госпитальными заведениями»¹⁰. Среди горнозаводского населения была высока детская смертность. Например, в Златоустовском горном округе в 1854 г. родилось 2305, умерло 1181 чел., в том числе 1038 детей¹¹. На других заводах положение было не лучше.

Значительное место в экономике края занимала золотодобывающая промышленность, возникающая в 20-х годах XIX в. После открытия в 1823 г. богатых месторождений золота в Миасской даче

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 305. Ч. 1. Л. 15, 18.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 252. Л. 16 об.

³ ПСЗ. Т. 15. № 18965; Т. 7. № 307.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 305. Ч. 1. Л. 69—72.

⁵ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 780. Л. 50.

⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1872. Л. 1.

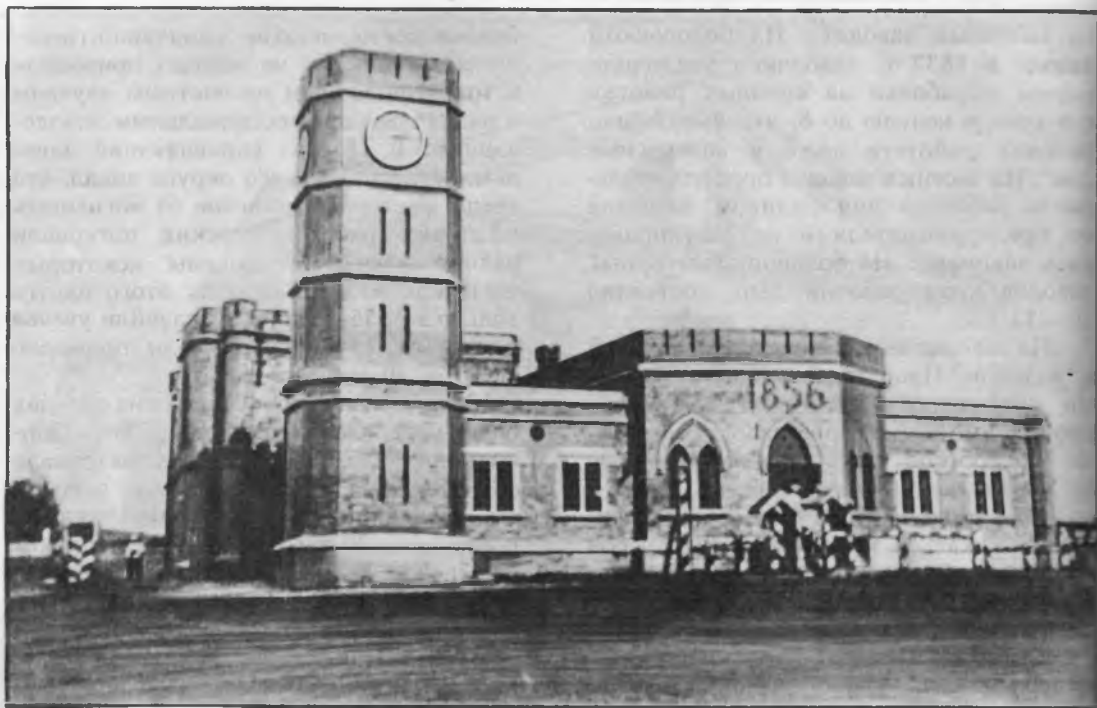
⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 252. Л. 154, 284; Д. 124. Л. 181, 186, 190.

⁸ Там же. Ф. 560. Оп. 3. Д. 66. Л. 28.

⁹ Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 311. Л. 14—15, 48, 74; Д. 344. Л. 10, 48, 70.

¹⁰ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 222. Л. 86, 89.

¹¹ Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 291. Л. 72—73.

Здание архива и денежных кладовых в Оренбурге. Открыто в 1856 г. Ныне краеведческий музей города Оренбурга. Фото конца XIX в.

Златоустовского горного округа началась их интенсивная разработка. Уже в 1827 г. здесь было добыто 64 пуд. золота¹. Быстро росла частная золотодобыча. Этому способствовал указ от 28 мая 1812 г., предоставивший право «всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды»². В 1860 г. в Оренбургской губернии на башкирских, тептярских и казачьих землях действовали 174 частных прииска. Годовая добыча золота на всех приисках, включая казенные, составила 172 пуда³.

В золотодобывающей промышленности края широко использовался вольнонаемный труд. В 1824 г. на казенных Миасских золотых промыслах из 1199 рабочих 755 чел. (62,9%) были наемными⁴. На частных приисках подневольный труд почти не применялся. Правда, значительная часть нанимающихся были крепостными в местах своего жительства. Это — излишки рабочей силы горных заводов и помещичьи оброчные

крестьяне, пришедшие на прииски. В 1860 г. в золотодобывающей промышленности губернии было занято 14406 рабочих⁵. Преобладающую часть их составляли русские и башкиры.

Действовали казенные Илецкие соляные промыслы, находившиеся в 72

¹ Севастьянов. Нынешнее положение Миасских золотых промыслов. Горный журнал. 1863 Кн. I. С. 156.

² ПСЗ. Т. 32. № 25119.

³ Краткий очерк развития частной золотодобывающей промышленности, с начала допущения ее в Россию по настоящее время // Горный журнал. 1861. № 7. С. 102; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1865. С. 12.

⁴ Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860) // Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Свердловск, 1964. С. 133.

⁵ Краткий очерк развития частной золотодобывающей промышленности, с начала допущения ее в Россию по настоящее время // Горный журнал. 1861. № 7. С. 102; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. С. 12.

Уфимское дворянское собрание. Построено в 1856 г. Фото нач. XX в.

верстах к югу от Оренбурга. Здесь ежегодно добывалось более 1 млн. пудов соли. В 1860 г. на соляных промыслах работало 2380 чел., в т. ч. 1503 солеруба и 260 землекопов. 84% всех рабочих были вольнонаемными¹.

Расширение вольного найма в горной промышленности было связано с ростом рынка рабочей силы в связи с социальным расслоением среди крестьян. Обезземеливающаяся и разоряющаяся часть крестьян, в поисках дополнительных средств существования, шла работать по найму в промышленность. Своеобразие комплектования наемных рабочих из оброчных крестьян состояло в том, что они, сохраняя свою феодальную зависимость от помещика или государства, одновременно вступала в независимые от них капиталистические отношения с предпринимателем².

Обрабатывающая промышленность. Промыслы. В крае несколько оживилась обработка сельскохозяйственных и животноводческих продуктов. В 1860 г. в Оренбургской губернии насчитывалось

22 винокуренных завода с годовой продукцией на сумму 567 319 рублей³. На них было занято 792 рабочих. Часть заводов имела паровые машины.

Появились суконные предприятия. В 1819 г. в Бугульминском, Бугурусланском и Белевском уездах действовали 5 фабрик. В них работало 1119 рабочих⁴. В 1838 г. суконными фабриками края было произведено 320 тыс. аршин армейского сукна на сумму 640 тыс. руб.⁵ Сукно поставлялось в основном в казну.

Суконные и винокуренные предприятия представляли собой помещичьи мануфактуры с крепостным трудом. Вместе с тем в них постепенно начинают

¹ Черемшанский В. И. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 431.

² Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 116.

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1447. Л. 457; ф. 18. Оп. 2. Д. 1770. Л. 137.

⁴ Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 287. Л. 552, 603.

⁵ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1331. Л. 179.

применять труд наемных рабочих, а Зимненская суконная фабрика (Бузулукский уезд) основывалась исключительно на вольнонаемной рабочей силе¹.

Наемный труд стал применяться на кожевенных заводах. В 1817 г. на 20 кожевенных заводах края работало 236 вольнонаемных и только 8 крепостных рабочих². В дальнейшем значительно увеличилось количество предприятий. В 1840 г. в губернии 93 кожевенных завода дали продукции на 328 тыс. руб.³, т. е. в среднем по 3527 руб. на предприятие. Чуть крупнее были салотопенные заведения. В 1860 г. на 50 салотопенных заводах губернии было выработано продукции на 382 тыс. руб.⁴, или в среднем по 76 430 руб. на предприятие. В крае действовали также овчинные, мыловаренные, свечные и прочие заведения. Все они, как и предыдущие предприятия, были мелкими, технически отстающими, полукустарными.

В лесных местностях получило распространение производство поташа. Его получали из древесной золы путем выщелачивания ее, выпаривания щелока и прокаливания остатка в горшках. Поташ широко применялся при изготовлении ценных сортов стекла, красок, выделке кож, производстве сукна и т. д., на мыловарение шли растворы из шадрика (прокаленная древесная зола), выщелоченного горячей водой⁵.

В 1817 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 86 поташных заводов. На них работало 1100 человек, в т. ч. 771 (70%) наемный рабочий⁶. Заводами владели помещики, купцы, богатые башкиры, особенно кантонные чиновники. В том же 1817 г. башкирам принадлежало 23 поташных завода, на которых работали 204 вольнонаемных рабочих⁷. Башкиры занимались также приготовлением шадрика. По производству поташа и шадрика Оренбургская губерния занимала первое место в России. В крае ежегодно производилось 120—135 тыс. пудов поташа и до 130 тыс. пудов шадрика. Однако постепенно поташное производство сокращалось. Это было связано с уменьшением лесных богатств из-за хищнического истребления. В 1840 г. в

крае работал 61 поташный завод. Годовая продукция их составила 958 тыс. руб.⁸

Некоторое распространение получили заготовка строевого и дровяного леса на продажу, смолокурение, производство лубков, мочала, дуг, колес, ползьев, распилов досок, выделка деревянной посуды, плетение коробов и т. д. В 40-х годах XIX в. в губернии ежегодно производилось 40—50 тыс. колесных скатов для телег на сумму 34—42 тыс. руб. серебром, 100—200 тыс. пуд. мочала на 20—30 тыс. руб., до 1 млн. штук бочарных дубовых досок на 70—80 тыс. руб. серебром и т. д. Вся эта продукция шла на продажу: часть реализовывалась внутри губернии, а другая вывозилась⁹.

На речных пристанях вблизи от горных заводов и лесоразработок ежегодно строились суда (коломенки, барки) для сплава заводских и лесных изделий в приволжские рынки. В 1849 г. по рекам губернии прошло 634 судна, стоимостью без груза примерно в 478 353 руб.¹⁰ После распродажи груза суда продавались на дрова.

Лесными промыслами занимались местные башкиры, а также пришлые государственные и помещичьи оброчные крестьяне. По неполным данным, в 1850 г. лесными промыслами было охвачено 26 936 человек¹¹. На плотках и судах в 1849 г. работало 18 317, а в 1858 г.— свыше 27 тыс. судорбочих¹².

¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 223. Л. 13—14.

² Там же. Л. 13 об.—14.

³ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1460. Л. 110.

⁴ Там же.

⁵ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 45.

⁶ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 223. Л. 15—18.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1331. Л. 179.

⁹ Там же. Д. 2018. Л. 382 об.; Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 26; Черемшанский В. И. Указ. соч. С. 343.

¹⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2104. Л. 708. Подсчеты автора.

¹¹ Черемшанский В. И. Указ. соч. С. 283—284.

¹² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2104. Л. 708. Д. 2767. Л. 193; Д. 2340. Л. 198; Д. 1637. Л. 560.

Уфимская соборная мечеть. Построена в 1830 г., реконструирована в 1890-е гг. Фото нач. XX в.

Производство лесных изделий оставалось в основном на стадии крестьянских промыслов. В то же время в отдельных предприятиях обрабатывающей промышленности края в 40—50-х годах замечен процесс перерастания мелкотоварного производства в капиталистическое.

Торговля. Постепенно рос торговый обмен, край все больше втягивался в общероссийский рынок. Внутри Башкирии продавались скот, хлеб, мед, железные и лесные изделия, меха, а также привозные товары: шелковые, хлопчатобумажные и суконные ткани, фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда, чай, сахар, бакалейные изделия и прочее.

Значительным был вывоз товаров в другие регионы страны. Горные заводы края отправляли в Казань, Нижний Новгород, Петербург, Москву, Тулу и другие города и районы различные сорта железа, медь, слесарные инструменты, посуду, замки, лопаты, косы, топоры и другие металлические изделия. Заводы

Златоустовского горного округа, являвшиеся основным производителем холодного оружия в стране, поставляли армии сабли, клинки, палаши, саперные ножи, кирасы, артиллерийские снаряды.

Важное место в вывозе занимал хлеб. Из Челябинского и Троицкого уездов хлеб шел в сибирские города, на горные заводы и золотые прииски Оренбургской и Пермской губерний. Хлеб, выращенный в Оренбургском, Бугурусланском и Бузулукском уездах, продавался казахам и уральским казахам, сплавлялся в Астрахань. Из Стерлитамакского, Уфимского, Бирского и Мензелинского уездов по реке Белой хлеб направлялся в Нижний Новгород и Рыбинск¹. Вывозились также пушнина, лесные и прочие изделия. В 1833 г. торговый оборот Оренбургской губернии составлял 5 194 550 руб.²

Ведущую роль в торговле играли ярмарки, сеть которых постоянно расширялась. Если в 1836 г. в Оренбургской губернии действовало 27 ярмарок, то в 1850 г. их стало 124³.

Ярмарки устраивались в городах и больших селах, расположенных вблизи торговых трактов и по берегам рек. Крупнейшими по торговым оборотам были мензелинская, бугульминская и уфимская ярмарки. На них производились большие оптовые операции, заключались сделки между русскими и иностранными купцами. Мензелинская ярмарка действовала с 26 декабря по 8 января. В 1849 г. туда было привезено 400 купцами товаров на сумму 762 тыс. руб. и продано на 453 тыс. руб. В Бугульме действовали две ярмарки: Казанская — с 8 по 11 июля и Воздвиженская — с 14 по 22 сентября. В том же 1849 г. на них торговали 95 русских и 85 иностранных купцов, которыми было привезено товаров на сумму 817 640 руб. и продано на 381 тыс. руб. Бугульмин-

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1858. Л. 1248.

² Там же. Ф. 1409. Оп. 4. Д. 12634. Л. 8.

³ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1477; Л. 460 об.; Д. 1858. Л. 1248; Д. 1556. Л. 22; Д. 2184. Л. 80.

ские ярмарки были примечательны тем, что на них торговали купцы, направлявшиеся в Казахстан и Среднюю Азию с товарами, закупленными на Нижегородской ярмарке¹. В Уфе ярмарка проводилась с 19 по 31 января. В 1849 г. сюда было доставлено товаров на сумму 292 640 руб., продано на 107 320 руб.

Наиболее крупные сельские ярмарки с оборотом до 70 тыс. руб. находились в деревнях Березовка, Бакалы, Абдуллино Бирского уезда, дер. Буздяк Белебеевского уезда, дер. Ярославка Уфимского уезда, слободе Куртамышевской Челябинского уезда. На сельских ярмарках осуществлялся преимущественно мелочный торг между торговцами и крестьянами ближайших селений, менявших продукты своего хозяйства на предметы, необходимые в крестьянском быту.

По далеко не полным данным, в Оренбургской губернии в 1859 г. на ярмарки было привезено товаров на сумму 7 805 598 руб. и продано на 5 303 224 руб.² Ярмарки привлекали значительную массу людей. В 1849 г. в губернии посетили ярмарки 245 018 человек, торговали на них 4 176 человек³ из числа приезжих и местных купцов и крестьян. В 1850 г. в Оренбургской губернии было 692 гильдейских купца, около трети из них составляли мусульмане, главным образом татары и частично башкиры. Кроме того, торговлей занимались 4 302 человека без объявления своего капитала⁴. Это были преимущественно русские и татарские крестьяне и башкиры, ведшие мелкую торговлю в городах и деревнях.

В Оренбурге и Троицке торговля сосредоточивалась на меновых дворах. Они играли важную роль в торговле России с Казахстаном и Средней Азией. Из Казахстана сюда поступали многочисленные стада овец и лошадей, из Средней Азии — хлопок, хлопчатобумажные и шелковые ткани, ковры, мерлушка, фрукты. Из России вывозились в эти районы хлеб, металлы, шерстяные и кожевенные изделия, сукно, сахар, краски. В 1853 г. торговый оборот Оренбурга и Троицка с южными соседями состав-

лял 3 398 тыс. руб., а в 1861 г. — 7 332 тыс. руб.⁵

Таким образом, в предреформенное шестидесятилетие в Башкирии продолжал развиваться капиталистический уклад, расшатывавший феодальную систему. На мануфактурной стадии развития промышленности происходила подготовка рабочих для крупной машинной индустрии. Башкирия все больше втягивалась в общероссийское общественное разделение труда. Однако господство крепостничества накладывало отпечаток на генезис капитализма в крае. Утверждение нового способа производства протекало медленно в борьбе со старым феодальным укладом.

Города. В первой половине XIX в. в Оренбургской губернии было 12 городов, в том числе военный центр края — Оренбург, губернский город Уфа и 10 уездных городов⁶. Многие из них заметно выросли. С конца XVIII в. до 1861 г. количество домов в Оренбурге увеличилось с 1396 до 1821, в Уфе — с 900 до 1750, Троицке — с 425 до 751, Мензелинске — с 392 до 773, Челябинске — с 500 до 704, Бирске — с 287 до 412, Стерлитамаке — от 400 до 449⁷ и т. д.

Строительство городов велось стихийно, без единого плана. В начале XIX в. Уфа занимала территорию дли-

¹ Небольсин П. И. Очерки торговли России с Средней Азией. — Записки императорского русского географического общества. СПб., 1855 г. Кн. 10. С. 165; РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 481. Л. 90, 91, 96.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 481. Л. 82—100 об. Подсчитано автором.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 18.

⁵ Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 216; Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 9. С. 39—40.

⁶ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840. С. 30.

⁷ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 г. СПб., 1863. Ч. 2. С. 4—24; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 19.

Уфимская Троицкая церковь. Построена в конце XVII в. Фото нач. XX в.

ной в 1200 и шириной в 500 сажень*, имела 32 улицы, переулки и слободы. В 1840 г. в городе было 31 каменный и 1567 деревянных домов, 12 церквей, 120 ларок, 3 трактира, 9 питейных домов, 3 исправительных заведения¹. Промышленные заведения встречались редко. В 1861 г. в городе действовали 6 салотопенных, 2 мыловаренных, 4 кожевенных, 1 изразцовый, 21 кирпичный заводы². Все они были мелкими. Еще меньше предприятий функционировало в других городах.

В 1850 г. городское население в губернии насчитывало 58 273 души обоего пола. В Уфе проживало 13 419 человек, Оренбурге — 9 882, Бугуруслане — 5 888, Стерлитамаке — 5 113, Бузулуке — 4 514, Бугульме — 4 123, Мензелинске — 4 022, Челябинске — 3 476, Бирске — 2 702, Белебее — 1 984, Верхнеуральске — 1 892, Троицке — 1 256³. Горожане состояли из дворян, чиновников и духовенства, владевших домами в городах, купцов и мещан, составлявших городское сословие, а также военнослужащих, государственных и удельных крестьян.

Города края, особенно Уфа и Оренбург, в значительной степени сохраняли характер военно-административных центров. Так, в 1861 г. в Уфе из 8 573 душ м. п. жителей 2 118 человек, или 25%, были военнослужащими, в Оренбурге из 14 022 душ м. п. на воинской службе состояло 4 746, или 34%⁴. Заметно выросло торговое население. В 1850 г. в городах края купцы составляли 8 507 человек, или около 18% городского населения⁵. В то же время слишком мало было ремесленников и квалифицированных рабочих. В 1861 г.

* 1 сажень — 2 м 34 см.

¹ История Уфы. Уфа, 1976. С. 63; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. С. 31.

² Экономическое состояние городских поселений Российской империи. С. 3, 14, 15.

³ Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984. С. 127—128.

⁴ Экономическое состояние городских поселений Российской империи. С. 3, 14, 15.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 20.

Покровская церковь в Уфе. Построена в 1817—1823 г. Фото нач. XX в.

в Уфе насчитывалось всего лишь 82 ремесленника¹.

Городообразовательные процессы в крае шли в общем русле этих процессов в стране и являлись одним из проявлений разложения крепостнической системы и становления капитализма.

§ 5. Народы Башкортостана в Отечественной войне 1812 г. Участие башкирских, мишарских, тептярских и казачьих полков в военных действиях русской армии

Башкирские, тептярские и казачьи полки в военных действиях в начале XIX в. Войска, формировавшиеся в Оренбургском крае, привлекались в рас-

считываемое время к военным действиям на западе. Они участвовали в войне 1805—1807 гг. с наполеоновской Францией и русско-турецкой войне 1806—1812 гг. В декабре 1805 г. к западным границам на подкрепление русской армии направились из края 600 калмыков, 1 тысяча оренбургских и челябинских казаков и 7 тыс. башкир². Некоторые полки приняли участие в военных действиях на территории Пруссии и Польши.

Два башкирских полка вместе с 1-м и

¹ Экономическое состояние городских поселений Российской империи. С. 15.

² Государственный исторический музей (ГИМ). ОПИ. Ф. 450. Д. 708. Л. 40; *Матвеевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Оренбург, 1962. С. 128—129.

2-м оренбургскими казачьими полками под командованием полковника В. А. Углицкого, находясь в составе армии генерал-лейтенанта Л. Л. Беннигсена, с 10 мая 1807 г. участвовали в боевых операциях¹. В корпусе атамана М. И. Платова с 4 июня 1807 г. находились два других башкирских полка и ставропольский калмыцкий полк под командованием князя Уракова². После Фридляндского сражения башкирские полки прикрывали отход русских войск, участвовали в боях при Веллау у дер. Гросс-Егерсдорф, Таплакенской плотины, при местечках Битенен и Юргайген. Несмотря на превосходящие силы наступающих, французская кавалерия — авангард войск Наполеона «везде была отбита и прогнана с большим уроном»³. В рапорте главнокомандующему М. И. Платов отмечал мужество и храбрость башкирской конницы и особо выделил искусство поручика Бурангула Куватова, сотников Карагузи Кадаргулова, Айчувака Узенбаева и прапорщика Кагармана Бурангулова⁴.

После подписания Тильзитского мира в июле 1807 г. все башкирские полки возвратились на родину. Оренбургские казачьи полки были переведены в Бессарабию и в 1809—1811 гг. в составе Дунайской армии участвовали в русско-турецкой войне.

Участие полков, сформированных на территории Башкирии, в Отечественной войне 1812 г. С нарастанием угрозы нападения на Россию со стороны наполеоновской Франции правительство было вынуждено принять меры по увеличению численности и укреплению армии. В апреле 1811 г. оренбургскому генерал-губернатору Г. С. Волконскому было приказано сформировать два пятисотенных полка из башкир и один полк из ставропольских калмыков. Они должны были иметь «употребляемое по их обыкновению» оружие и по два коня⁵. К началу Отечественной войны на западной границе находились 1-й и 2-й башкирские полки, 1-й тептярский, 1-й и 2-й уральские казачьи полки, 1-й и 2-й оренбургские казачьи полки.

После вторжения наполеоновской ар-

мии в пределы России оглашали в церквах, мечетях и на деревенских сходках Манифест царя Александра I и предписание генерал-губернатора с призывом об обороне Отечества. Многие жители Башкирии добровольно просились в ряды действующей армии. В своем прошении на имя губернатора крещеный башкир Илья Фертов, отданный в холопы, писал о «неусыпном и ревностном» желании сражаться за независимость Родины⁶. Тогда же братья Абдулхалик и Назир Абдулвахитовы просили губернатора «по ревностному... желанию к службе» включить их «для оказания Отечеству услуги» в состав башкирского полка, сформированного в 9-м кантоне⁷. Юртовой старшина 10-го кантона Абуталиб Абдрахманов с сыном Сагитом выразили желание служить в армии «без всякой от войска подмоги»⁸. Так было и среди других народов. В Уфимский пехотный полк явился юноша Яким Домашнев и заявил о своем желании следовать за братьями в район боевых действий. Атаман Нагайбацкой станицы Серебряков полностью вооружил за свой счет 53 казака⁹.

Отмечая патриотический подъем среди населения, участник войны 1812 г. писатель С. Н. Глинка писал, что «не только стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, веюро и образом жизни, народы кочующие — и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую. Мордва, тептяри, мешчеряки, черемисы ревностно и охотно шли на

¹ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1904. Вып. 5. С. 151.

² Асфандияров А. З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 75—78.

³ Чуйкевич П. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810. С. 113.

⁴ Там же. С. 117, 119.

⁵ ПСЗ. Т. 31. № 24583.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 306—а. Л. 1—2.

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3668—а. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 11182. Л. 14; Оп. 3. Д. 3757/1. Л. 1.

⁹ Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 103, 138.

Уфимский Воскресенский собор. Построен в 1838 г. Фото нач. XX в.

службу; башкирцы оренбургские сами собой вызывались и спрашивали у правительства: не нужны ли их полки»¹.

В первые недели войны по инициативе башкир были сформированы 3-й, 4-й и 5-й полки. 8 августа последовал именной указ о сформировании от 10 до 30 пятисотенных полков из башкир и мишарей, а также Оренбургского атаманского тысячного полка². Каждый башкирский кантон в зависимости от численности населения выставлял от одного до двух полков, которые по мере формирования отправлялись на запад. Полк состоял из 500 рядовых и 30 человек командного состава. Командирами полков назначались башкиры и офицеры русских казачьих войск. За короткий срок, с августа по октябрь, кроме ранее сформированных пяти полков, башкирские кантоны отправили на фронт 15 полков. В конце 1812—1813 гг. было сформировано еще 8 полков. В общей сложности башкирские кантоны направили в действующую армию 28 полков³.

Кроме того, 12 тысяч башкир несло линейно-сторожевую службу на восточных границах России. Всего в 1811—1813 гг. башкирские кантоны мобилизовали и выставили для защиты страны от наполеоновских войск и для охраны юго-восточной границы около 27 тыс. воинов.

Мишарские кантоны снарядили на фронт два полка. Из национальных частей в рядах действующей армии находились еще два тептярских и один полк ставропольских калмыков. В 1812 г. были созданы оренбургский драгунский, 3-й, 4-й и 5-й оренбургские казачьи полки, из которых два последних составили атаманский тысячный полк. Пять полков

¹ Прибавление к русской истории Сергея Глинки или записка и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов, им самим изданные. М., 1818. С. 113.

² ПСЗ. Т. 40. № 25201-а. Приложение.

³ Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 57—58.

Уфимский мужской монастырь. Первая каменная церковь построена в 1860 г., вторая в 1852 г. Фото нач. XX в.

было сформировано и уральскими казаками¹. Горожане выставили Уфимский пехотный полк. Таким образом, в действующую армию Оренбургский край выставил 45 полков. Помимо того, в 1812—1813 гг. по четырем рекрутским наборам на защиту Родины ушло свыше 10 тысяч солдат из крестьян и горожан губернии².

Проявляя чувство ответственности за судьбу страны, население края собирало деньги на нужды войны. Уже к 15 августа 1812 г. башкиры, тептяри и мишари пожертвовали в пользу армии 500 тыс. рублей³. Добровольные взносы продолжались и в сентябре. Следует отметить, что денежный вклад оренбургских дворян и купцов, по сравнению с народной помощью, был весьма скромным. Дворяне губернии внесли 65 тыс. руб., при этом почти вся сумма была собрана ими с 60 тыс. крепостных крестьян. Верхнеуральское купечество передало на нужды армии только 163, а троицкое — 210 рублей⁴. Башкирский народ собрал и подарил армии 4139 лучших строевых лошадей⁵.

В начальный период войны в боевых

операциях принимало участие несколько полков из Башкирии. 1-й башкирский полк воевал в составе II армии генерала П. И. Багратиона, 2-й башкирский полк — в составе III армии генерала А. П. Тормасова, 1-й тептярский полк — в составе I Западной армии генерала М. Б. Барклая де Толли. 1-й и 2-й оренбургские и 1-й и 2-й уральские казачьи полки находились в составе Дунайской армии, которой командовал адмирал П. В. Чичагов.

Под натиском превосходящих сил противника русские войска с боями вынуждены были отступать в глубь страны. В ходе арьергардных боев конница и пехота не раз демонстрировали мужество и воинское мастерство. 15 июня в боях под Гродно отличились воины

¹ Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 135, 141.

² Там же. С. 90—93.

³ Бабкин В. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 108; Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 118.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 134. Л. 9, 19, 22, 34.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11182. Л. 13—14.

1-го башкирского полка рядовые Узбек Акмурзин, Буранбай Чувашбаев, хорунжий Гильман Худайбердин, есаул Ихсан Абубакиров и др.¹ 16 июня в боях под Вильно участвовал 1-й тептярский полк майора Темирова. Прикрывая отход главных сил, тептяри вместе с другими частями сожгли мост через р. Вилию и уничтожили виленский арсенал².

2-й башкирский полк майора Курбатова находился в составе авангарда III армии, давшего 16 июля бой противнику под г. Кобриним, восточнее Брест-Литовска. В этом бою было убито 2 тыс. воинов противника, взято в плен 2382 солдата, 76 офицеров и 2 генерала. Потери русских составили 77 человек убитыми и 182 человека ранеными. Это была первая крупная победа русских войск над противником³. За храбрость и отвагу в бою башкир д. Сапяшево Белебеевского уезда Аюп Каипов и полковой старшина Аралбай Акчулпанов из д. Кучербаево Стерлитамакского уезда были награждены орденами св. Анны 4-й ст.⁴

В конце июля, после соединения двух отступающих русских армий, башкирская конница вела боевую разведку в районе Смоленска. 26 июля она участвовала в наступлении русских войск на местечко Рудни⁵. 27 июля в сражении между деревнями Лошня и Молево Болото кавалерия атамана Платова, в составе которой находился 1-й башкирский полк, нанесла поражение дивизии Себастиани⁶.

Во время Бородинского сражения 26 августа 1812 г., когда французам в ходе ожесточенных и кровопролитных схваток удалось захватить батарею Н. Н. Раевского, генерал А. П. Ермолов с одним батальоном Уфимского пехотного полка и Оренбургским драгунским полком остановил покинувшие батарею части и повел их в контратаку. Батарея была освобождена от врага. За участие в этой операции 9 офицеров-драгун получили награды «За храбрость и неустранимость»⁷.

Применяя обходный маневр с целью отвлечь внимание противника и оттянуть его силы от оказавшегося в тяжелом положении центра и левого фланга

русских войск, М. И. Кутузов отдал приказ казачьим частям атаковать левый фланг и тыл французов. Конница Платова, выйдя в тыл французов у д. Валуево на Новой Смоленской дороге, посеяла панику на левом фланге французских войск. Наполеон вынужден был направить туда сильную группу войск в 28 тыс. человек. Рейд русской конницы сыграл большую роль в ходе Бородинского сражения. Он обеспечил выигрыш времени для перегруппировки войск⁸. В Бородинском сражении участвовал также 1-й тептярский полк.

В период подготовки контрнаступления русской армии башкиры, мишари, тептяри, оренбургские и уральские казаки входили в состав подвижных конных отрядов, действовавших в тылу наполеоновских войск. В сентябре 1812 г. 1-й башкирский полк находился в армейском партизанском отряде полковника И. Е. Ефремова, который отвлекал конницу Мюрата под видом прикрытия отступающих русских войск на Рязанской дороге. Отряд Ефремова действовал успешно и на Серпуховской дороге. 20 сентября он нанес поражение французским частям и захватил 500 пленных. Затем Ефремов перешел на Коломенскую дорогу, передав башкирский полк полковнику Н. Д. Кудашеву, отряды которого контролировали Калужскую дорогу, держали под ударами коммуникации противника, блокируя Москву⁹. Когда 7 октября отступающие

¹ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 27.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1911. Т. XV. С. 3.

³ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 333.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4023. Л. 93—94; Д. 4523. Л. 27, 77.

⁵ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 31.

⁶ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, С. 308; Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 145.

⁷ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 387; Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 146.

⁸ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 389.

⁹ Отечественная война 1812 года. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 95, 152.

из Москвы французские войска двинулись по Калужской дороге, они сразу же попали под удары конницы Кудашева¹. Среди воинских частей, вступивших в Москву, были подразделения 1-го башкирского полка и 1-й мишарский полк, который был оставлен в Москве и нес гарнизонную службу с октября 1812 по 1814 год².

В развернувшейся «малой войне» отличился и 1-й тептярский полк майора Темирова. В начале сентября он действовал в составе Калужского ополчения. С 11 по 24 сентября полк находился в партизанском отряде Дениса Давыдова, участвуя в смелых налетах на неприятеля. Затем воевал в особом корпусе, составленном из ополченцев и регулярных частей, задачей которого было нанесение ударов по войскам противника в Рославльском и Ельнинском уездах Смоленской губернии³.

В октябре русская армия перешла в контрнаступление с целью окружения и уничтожения армии Наполеона. За счет башкирских и казачьих полков фельдмаршал М. И. Кутузов восполнил недостаток кавалерии в отдельном корпусе генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна, прикрывавшем дорогу на Петербург и препятствовавшем отходу армии маршала Макдональда. В боевых операциях корпуса принимали участие уральские казачьи полки, 3-й, 4-й, 5-й башкирские полки. 1-й тептярский полк входил в ополчение I округа, 2-й тептярский полк был направлен в состав ополчения III округа⁴.

После поражения под Малоярославцем 12 октября армия Наполеона была вынуждена отступить по разоренной Смоленской дороге. Иррегулярные конные полки, в том числе башкирские и тептярские, совершали атаки на фланги отступающих французов и наносили им чувствительные удары. 12—13 октября в районе Малоярославца отряд Кудашева, преследуя противника, отбил много трофеев и пленных⁵. 1-й тептярский полк отличился под Рославлем. За проявленную храбрость майор Темиров был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, прапорщик Мунасы-

пов и зауряд-хорунжий Ибрагимов — орденом св. Анны 3-й степени⁶.

В корпусе генерал-лейтенанта П. К. Эссена башкирская конница преследовала отступающих французов, вела наблюдение за неприятелем в районе Дропчина по обоим берегам р. Буг. 23 октября один из башкирских полков вместе с 4-м Уральским и калмыцким полками был прикомандирован к авангарду корпуса генерал-майора Мелисино. Через два дня части корпуса заняли местечки Клещели и Орлю, а 28 октября башкиры и уральские казаки выбили врагов из местечка Свислочь⁷.

2-й башкирский полк, входивший в войска генерала Е. И. Чаплица, 8 октября принимал участие в разгроме отрядов польского генерала Конопки. В результате жестоких схваток с неприятелем полк понес большие потери. Так, в октябре 1812 г. в нем насчитывалось всего 9 офицеров и 393 рядовых⁸. В ноябре 1812 г. полк находился уже в корпусе генерал-майора Булатова, входившем в Молдавскую армию П. В. Чичагова⁹.

С ноября 1812 г. пятнадцать башкирских полков, с 6-го по 20-й, в составе Поволжского ополчения прикрывали от неприятеля Украину. В составе Дунайской армии находился 3-й уральский казачий полк. Оренбургские казаки составляли личный конвой М. И. Кутузова, охранявший штаб главнокомандующего¹⁰.

¹ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 45—46.

² ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3798. Л. 8, 23.

³ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 40—44.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 66—67; Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 128; Усманов А. Н. Указ. соч. С. 64—66.

⁵ Отечественная война 1812 года. СПб., 1912. Т. XIX. С. 63.

⁶ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 71—72.

⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3449. Л. 12—19; Усманов А. Н. Указ. соч. С. 72—73.

⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3639. Л. 3—6.

⁹ Там же. Л. 7; Д. 3424. Л. 3—6.

¹⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 67.

В ходе преследования противника башкирская и казачья конницы действовали смело и решительно, часто использовались для глубокой разведки. Сообщая оренбургскому военному губернатору Г. С. Волконскому о победоносном наступлении русской армии и бегстве французов, М. И. Кутузов восклицал: «Вы не можете представить, ваше сиятельство, радости и удовольствия, с каким все и каждый из русских воинов стремится за бегущим неприятелем и с какою храбростью наши воины, в том числе и казаки и некоторые башкирские полки, поражают их»¹.

Воины из Башкирии участвовали в заграничных походах русских войск в 1813—1814 гг. Многие башкирские, два тептярских, 2-й мишарский, ставропольский калмыцкий, оренбургские и уральские казачьи полки вошли в состав так называемой «польской» армии генерал-лейтенанта Л. Л. Беннигсена, действовавшей на территории Польши и Германии². 2-й башкирский полк в составе корпуса генерал-лейтенанта П. М. Волконского 27 января 1813 г. вступил в Варшаву³. В конце мая он сражался в корпусе генерал-лейтенанта Ф. В. Остен-Сакена (Сакена) на подступах к Бреславлю⁴.

С января 1813 г. в осаде и штурме Данцига участвовали 2-й тептярский, калмыцкий, оренбургский атаманский казачий и восемь башкирских полков. Своим воинским искусством здесь особо отличился 1-й башкирский полк, внесенный в правительственный журнал выдающихся военных событий⁵. Хусейн Кучербаев был награжден орденом св. Анны 4-й степени, Ихсан Абубакиров — тем же орденом 3-й степени. Боевые подвиги Ирناзара Давлетчурина, Байбулата Турсунбаева, Исянгула Ишкузина были отмечены Военным орденом⁶. Военные ордена получили 14 воинов из атаманского казачьего полка⁷.

Вскоре 1-й башкирский полк был переброшен в другой корпус и с марта 1813 г. принимал участие в сражениях под Берлином и Дрезденом⁸. Остальные семь башкирских полков и 2-й тептярский полк оставались в составе блокад-

ного корпуса и участвовали в сражениях вплоть до капитуляции Данцига 21 декабря 1813 г. В конце 1813 г. 3-й оренбургский и 5-й уральский казачьи полки были направлены в Чехию, а 8-й, 12-й, 13-й и 16-й башкирские, 2-й мишарский и 3-й оренбургский казачий полки совместно с регулярными частями осаждали хорошо укрепленную крепость Глогау⁹.

4—7 октября 1813 г. 1-й, 4-й, 5-й, 9-й и 14-й башкирские полки участвовали в сражении под Лейпцигом, известном под названием «битвы народов». Наполеоновский генерал де Марбо в своих мемуарах писал об огромном впечатлении, произведенном на французскую армию башкирскими воинами, которых за мастерское владение луками французы прозвали «амурами». «Эти новички, — отмечал генерал, — еще совсем не знавшие французов, были так воодушевлены своими предводителями, что, ожидая превратить нас в бегство при первой встрече в самый день своего появления, в виду наших войск кинулись на них бесчисленными толпами, но встреченные залпами из ружей и мушкетов, оставили на месте битвы значительное число убитых. Эти потери вместо того, чтобы охладить их исступление, только его подогрели. Они носились вокруг наших войск, точно рои ос, прокрадываясь всюду. Настигнуть их было очень трудно»¹⁰. В честь подвигов рус-

¹ Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 150.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 67.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3424. Л. 16; Д. 3449. Л. 24.

⁴ Там же. Д. 3424. Л. 17.

⁵ Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 154.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2075. Л. 31; Д. 4021. Л. 29—30, 36—37, 74—75.

⁷ Матвиевский П. Е. Указ. соч. С. 154.

⁸ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 82.

⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 68.

¹⁰ Соколов Д. Н. Башкирское войско в походе русских против Наполеона. Из мемуаров французского генерала Марбо // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897. Вып. 3. С. 2; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 68.

ских войск на месте сражения под Лейпцигом был сооружен памятник. За проявленную отвагу и мужество многие воины были награждены орденами. Хорунжий 5-го башкирского полка Нигметулла Газеев получил Военный орден¹, войсковой старшина этого полка Бикчурин, есаул 9-го полка Кутлугильде Ишимгулов и походный сотник 9-го полка Анкусюк Темирбаев — ордена св. Анны 3-й степени². Были отмечены орденами боевые заслуги воинов 14-го полка Насыра Абдуллина, Галикея Ташбулатова, Абдуллы Сурагулова и многих других³.

В начале октября 1813 г. в составе Поволжского ополченного корпуса генерала П. А. Толстого, осаждавшего Дрезден, действовали 2-й, 13-й и 15-й башкирские полки. После разгрома наполеоновских войск под Лейпцигом сюда подошли еще 1-й, 4-й, 5-й и 14-й башкирские полки. 31 октября 1813 г. после упорных боев гарнизон Дрездена капитулировал. Сдались в плен 2 маршала, 32 генерала, 1759 офицеров и 33 744 солдата. В дни последних сражений под городом особенно отличились 4-й и 14-й башкирские полки, воины которых Кильдияр Баудуллин, Багиров, Назарбай Тляпов, Насыр Наурузов и другие были награждены орденами⁴.

Башкирская и казачья конница вместе с армейской кавалерией помогали русским войскам в изгнании французов из Гамбурга, Эрфурта, Берлина, Веймара, Франкфурта-на-Майне⁵. 1-й, 2-й, 5-й, 8-й, 9-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 19-й башкирские полки, 2-й тептярский, 2-й мишарский, 3-й оренбургский казачий и Уфимский полки победоносно вступили в Париж⁶. Воины этих полков получили серебряные медали «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» и другие знаки отличия. Все участники Отечественной войны 1812 г. были награждены серебряными медалями «В память войны 1812—1814 гг.»⁷.

В Отечественной войне 1812 г. ярко проявилось братское содружество народов нашей страны, выступивших на защиту Родины. Выполняя свой патрио-

тический долг, в боевых операциях русской армии приняли участие многочисленные полки из Башкирии. Население края своими добровольными жертвованиями оказало значительную материальную помощь армии и население освобожденных от французских захватчиков районов России. Башкиры всегда гордились своим массовым участием в Отечественной войне 1812 г., где, по их словам, «доказали преданность и усердие Отечеству»⁸. В боях за свободу Родины крепла дружба башкирского народа с другими народами страны.

Участие башкирских и казачьих частей в последующих военных действиях русской армии. Во второй четверти XIX в. башкирские и казачьи полки участвовали в нескольких войнах и походах России. С самого начала Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в г. Тирасполь были отправлены 9-й оренбургский, 4-й уральский казачьи и два башкирских полка. В июле 1828 г. 1-й башкирский полк нес пограничную службу на левом берегу Днестра между Ямполем и Григориополем, а 2-й — между Григориополем и Днестровским лиманом⁹.

С августа 1828 г. до конца марта 1829 г. все четыре полка Оренбургской губернии находились на австрийской границе в составе 2-й армии. Казачьи полки участвовали в боях у Козлуджи,

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4021. Л. 23—24.

² Усманов А. Н. Указ. соч. С. 84; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4021. Л. 62—64.

³ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 83.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4021. Л. 62—64; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 69.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2075. Л. 20—29; Д. 3724. Л. 22, 30, 31—32, 36, 45, 63—64, 66—67, 94—95; Д. 3828. Л. 9, 13, 17; Д. 3829. Л. 40; Д. 4019. Л. 3; Д. 4021. Л. 33—56, 74—77, 91—102; Д. 4022; Л. 3, 10—13, 20—28; Д. 4023. Л. 90—91, 93—94, 109—110; Д. 6093. Л. 184—186; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 69; Усманов А. Н. Указ. соч. С. 95.

⁷ ПСЗ I. Т. 32. № 25505.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 47.

⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4380. Л. 13, 14—19; Д. 4423. Л. 61, 64.

Кулевчи и осаде крепости Варны¹. В октябре — декабре 1-й и 2-й башкирские полки действовали в составе резервного корпуса генерал-лейтенанта Витте². В середине декабря 1-й полк был дислоцирован в крепости Измаил, а 2-й — в крепости Килия. Там они несли пограничную службу до 1831 г.³

Иррегулярные войска Оренбургской губернии постоянно использовались царизмом в военных операциях на территории Казахстана и Средней Азии. Царское правительство стремилось завершить присоединение Казахстана к России, завоевать среднеазиатские ханства и тем самым приобрести новые земли, рынки сбыта товаров, источники сырья, обезопасить свои восточные государственные границы⁴.

Среднеазиатская политика Российской государственной особенно активизировалась в 30-х годах XIX в. в связи с укреплением позиций Англии в Афганистане и проникновением ее агентуры в Среднюю Азию. В 1839 г. состоялся хивинский поход оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского. Целью выступления было определено «ограждение русских торговых интересов в Азии, обеспечение спокойствия русских киргизов (казахов — *Ред.*) и освобождение русских пленников»⁵.

Для подготовки маршрута похода через казахские степи в начале мая из Оренбурга была выслана съёмочная партия. В ее задачу входил также выбор места для нового укрепления на полувинные пути к Хивинскому ханству. Конвойный отряд подполковника Геке состоял из двух рот пехоты и двух сотен башкир. Для транспортировки грузов башкирское и мишарское население обязано было поставить 7750 троеконных телег и саней с возчиками⁶. Первый транспорт из 1200 башкирских подвод двинулся с конвойным отрядом. Остальные подводы должны были отправляться по мере заготовления продовольствия и фуража. На пути следования у урочища Чушка-куль вблизи родника Ак-Булак отряд Геке заложил Акбулакское укрепление. Второе укрепление было основано при впадении

р. Аты-Якши в р. Эмбу и названо Эмбенским. Оно находилось в 500 верстах от Оренбурга и в 170 верстах от Акбулакского укрепления.

Основной отряд генерал-губернатора состоял из трех с половиной линейных батальонов, дивизиона оренбургских казаков, двухсот башкир, двухсот уральских казаков, дивизиона коннорегулярного Уфимского полка и казачьей артиллерии при 14-ти орудиях. Всего в отряде Перовского насчитывалось 5 тыс. человек, разделенных на 4 колонны. Продовольственный транспорт состоял из 12 тысяч вьючных верблюдов и нескольких тысяч башкирских подвод⁷.

Выступление колонн из Оренбурга продолжалось с 15 по 18 ноября. Вскоре пошел сильный снег, температура воздуха упала до 27°. 6 декабря отряд еле дошел до урочища Биш-Тамак. Не хватало топлива, от простуды и обморожения умерло много солдат, казаков и башкир. По словам очевидца, башкиры «сеяли свои кости от Урала до Чушка-куль»⁸.

Перовский предполагал пройти расстояние от Оренбурга до Эмбенского укрепления за 15 дней, но он подошел туда лишь 19 декабря. Войска две недели простояли на Эмбе. Продолжать поход было невозможно. За короткий срок Перовский потерял 11 офицеров, до 2 тыс. солдат, казаков и башкир, а также весь вьючный транспорт⁹. Коман-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 71.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4380. Л. 59, 110, 168.

³ Там же. Д. 4591, ч. 1. Л. 19, 49.

⁴ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 183—188.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5026. Л. 9.

⁶ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1910. Вып. IX—X. С. 653.

⁷ Игнатович А. В. Хивинский поход в 1839—1840 г. по записке полковника Зеленина // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 30. С. 109.

⁸ Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839—1840 гг. Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873. С. 70.

⁹ Рязанов П. А. Оренбургский край. Оренбург, 1928. С. 107.

дующий вынужден был отступить. Но тем не менее, по словам Ф. Энгельса, «официальная цель похода была достигнута»¹. Хивинский хан отпустил на свободу всех русских пленных и отправил в Петербург посольство просить о мире.

После первой неудачи царское правительство изменило тактику продвижения в Среднюю Азию и начало подготовку военного плацдарма путем строительства новых крепостей на территории Казахстана. В 1845—1849 гг. были построены укрепления Уральское, Раим (Аральское), Оренбургское. В 1852 г. вновь назначенный оренбургским генерал-губернатором Перовский «взялся за осуществление давних планов Петра Великого, направленных против Хивы»². Разработанный им план предусматривал захват ряда крепостей Кокандского ханства, расположенных по Сыр-Дарье и, в первую очередь, хорошо укрепленной крепости Ак-Мечеть, где жил кокандский бек. Помня свою неудачу в Хивинском походе 1839 г., Перовский был крайне осторожен и вникал лично во все детали подготовки новой экспедиции. Большую часть его конницы составляли башкиры и казаки. Башкирские команды использовались также для перевозки грузов.

4 мая 1853 г. войска выступили из Оренбурга через Карабутацкий форт, Уральское и Аральское укрепления, 5 июня они подошли к Ак-Мечети. В течение двух недель шли осадные работы. Используя траншеи, доведенные до крепостного вала, удалось взорвать стены. Через образовавшиеся проломы 28 июня 1853 г. колонны ворвались в крепость³. Ак-Мечеть была переименована в форт Перовск, ставший опорным пунктом России на Сыр-Дарье. Вместе с другими крепостями форт Перовск вошел в состав вновь образованной Сырдарьинской военной линии.

Башкирские полки использовались во время Крымской войны 1853—1856 гг. В апреле 1855 г. 1-й башкирский полк был включен в Рижский подвижной корпус, а 3-й полк — в Эстляндский наблюдательный отряд, служивший подкреплением корпусу. Каждый полк насчитывал по 872 человека⁴. В течение года они охраняли Балтийское побережье с целью предупреждения высадки англо-французского десанта. Башкирская кавалерия неоднократно отражала попытки неприятеля перейти границу. Так, воины 1-го полка, встретившись с десантом противника в Курляндии, «сразились с ним мужественно и храбро, за что более отличившиеся удостоились получить награды»⁵. Личному составу полка была объявлена благодарность командующего Балтийским корпусом⁶. Защитники Балтийского побережья были награждены медалями. Бронзовой медалью на Владимирской и Андреевской лентах «В память войны 1853—1856 гг.», по неполным данным, было награждено 30 башкир из 6-го кантона⁷.

Участие башкир в военных действиях правительственных войск, несение ими пограничной службы на восточных границах страны обогащало боевые традиции народа. В борьбе с внешними врагами Российского государства крепло содружество башкирского, татарского и других народов края с великим русским народом.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 616.

² Там же.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10272. Л. 7.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 5599. Л. 1; Д. 25599, ч. 2. Л. 79, 80, 95.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 66, 76.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10272. Л. 7, 11, 17, 23, 27, 39, 43—175.

БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС БАШКОРТОСТАНА ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНО- КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА. ОТРАЖЕНИЕ ДВОРЯНСКОГО ЭТАПА ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КРАЕ.

§ 1. Движение среди башкир-вотчинников, припущенников и казаков

Жестокое подавление Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева не могло приостановить антифеодальное движение в России. Классовая борьба крестьянства оставалась единственным фактором, ограничивавшим безудержный помещичий и чиновничий гнет.

В первой половине XIX в., в условиях усиления административно-полицейской опеки, открытые выступления народных масс (восстания, волнения) уступали повседневному проявлению их социального протеста (отказы от несения феодальных повинностей, побег, прошения и т. п. акты). Но относительно мирные формы борьбы отнюдь не свидетельствовали об ослаблении антикрепостнического движения. Широкие масштабы, повсеместный и повседневный характер этих форм протеста создавали напряженную обстановку, нарушая нормальное функционирование феодального производства.

Реальнее и конкретнее становились крестьянские требования. В условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений крестьяне стремились добиться не только свободы личности, но и свободы хозяйствования. Не случайно, наиболее крупные выступления против попыток государства ограничить юридические права и относительную хозяйственную самостоятельность развернулись в государственной деревне Урала, не знавшей помещичьего гнета

и добившейся в ходе освоения новых земель более сносных условий существования. В волнениях государственных крестьян принимали активное участие башкиры-вотчинники и припущенники, страдавшие от жесткой военно-феодальной системы управления. Острыми были выступления горнозаводского населения, испытывавшего тяжелый крепостнический гнет.

Жалобы и протесты башкир-вотчинников и припущенников. В первой половине XIX в. наиболее распространенным средством протеста крестьянства являлись жалобы и прошения. Такая форма движения исходила из веры в справедливость верховной власти. Монархические иллюзии были свойственны и нерусскому крестьянству. Так, вера в справедливость царской власти укреплялась у башкир сознанием добровольного подданства России, личной свободой и правом вотчинного землевладения.

Жалобы башкир-вотчинников и припущенников вызывались злоупотреблениями войскового начальства и чиновников местных органов управления и захватами общинных земель помещиками, горнозаводчиками, купцами. Подавляющее большинство прошений было адресовано оренбургскому генерал-губернатору, пользовавшемуся неограниченной властью в крае и осуществлявшему политический надзор за его нерусским населением. Только в 1800—1820 гг. зарегистрировано 395 коллективных прошений.

Войсковое начальство имело огромную власть над рядовыми башкирами и мишарями. В отличие от русских помещиков оно не имело прав потомствен-

ного дворянства. Кантонным чиновникам запрещалось закрепощать людей, присваивать в частную собственность земли. Но получив военно-административную власть, они прибегали к варварским формам насилия над бесправным населением ради собственного обогащения: ограблению, вымогательству, незаконным денежным поборам, внеочередной отдаче на службу, употреблению в работники, ложным обвинениям и т. п. Вот некоторые примеры. Башкир 12-го кантона Белебеевского уезда Меимбет Муртазин в 1826 г. принес жалобу на старшину Ахмера Саперова, который избил его и жену, отобрал 30 руб., трех лошадей и женский нагрудник стоимостью в 130 руб.¹ Чуваш из новокрещен д. Чуюнчи того же уезда Гаврила Григорьев безуспешно протестовал против юртового старшины Бахтияра Каныбекова, который, требуя денег, жестоко избил его кулаками и ружейным шомполом, а затем на сутки привязал к колесу. Он вынужден был «откупиться», отдав 300 руб. Но на этом издевательства не кончились. Старшина и пять его сподручных заперли Григорьева в сарай, надругались над его женой, увезли лошадь с телегою, отняли оставшиеся деньги².

Особо злоупотребляли своим служебным положением кантонные начальники и их помощники. Жизнь рядовых масс полностью зависела от их воли. Жители 4-го мишарского кантона Бирского уезда неоднократно жаловались на кантонного начальника Абдуляппара Максютова, который заставлял их бесплатно работать на себя. Он наказывал недовольных, посылая их на службу вне очереди в Тобольскую губернию. Кроме того, Максютов захватил лучшие общинные земли, занимался ростовщичеством, взимая с людей «непомерное количество процентов»³.

Из жалобы башкир Троицкого уезда видно, что начальник 4-го башкирского кантона Муйнаков за взятки деньгами и лошадьми освобождал от службы «достаточных» и посылал вместо них неугодных ему людей. Он присваивал общественные деньги, по своему усмотрению пользовался лошадьми башкир,

переводил мечети из одного селения в другое, отнимал жен у мужей и выдавал их насильно «за кого рассудит»⁴. В том же уезде башкиры Дуванской и Тырнаклинской волостей протестовали против неправильного избрания на должность кантонного помощника Губайдуллы Абдрашитова, разжалованного перед этим за злоупотребления. Однако прошения башкир не рассматривались властями, а Губайдулла пользовался их попустительством. В 1807 г. под видом розыска беглых и воров он разъезжал по Троицкому и Уфимскому уездам, захватывал невинных людей и угрозами заставлял их «откупаться» за деньги⁵.

В 1833 г. жители дд. Старокулево и Новокулево 8-го башкирского кантона Уфимского уезда подали коллективное прошение, требуя удалить кантонного начальника Абдулнасыра Абдрашитова. Истязаниями до «беспамятства» он отбирал у рядовых башкир деньги и мед, гонял их, раздетых догола, по крапиве, держал невинных людей в заключении, назначал юртовыми старшинами лиц, отрешенных ранее от этой должности за злоупотребления⁶.

Много жалоб на незаконные денежные поборы начальника 6-го кантона Аккула Биктимирова поступало от башкир Бурзянской волости Верхнеуральского уезда. Аккул присвоил более 14 тыс. руб. Вместе с ним в грабеже народных масс участвовали юртовые старшины, а также русские чиновники. Прапорщик Соколов собрал с 1000 человек 6 тыс. руб., пообещав освободить их от военного похода. Кроме того, он вытребовал у Аккула Биктимирова еще 4 тыс. руб. собранных им с башкир⁷.

Резкое возвышение кантонных начальников и их помощников над рядовыми массами вызывало в народе чувство протеста. В 1844 г. от имени баш-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1786. Л. 8.

² Там же. Д. 308.

³ Там же. Д. 807, 845, 865, 885.

⁴ Там же. Д. 361. Л. 1—39.

⁵ Там же. Д. 179, 303. Л. 1—4.

⁶ Там же. Д. 3389, 3394, 3400.

⁷ Там же. Д. 25, 61, 62, 415, 424, 975.

кир 12-го кантона указной имам д. Рысаево Белебеевского уезда Муслихэддин Абдулнасыров обратился с письмом на имя главного начальника III отделения е. и. в. канцелярии А. Х. Бенкендорфа с просьбой лишить должности кантонного начальника есаула Шагмардана Сыртланова, который довел их до полного разорения. В жалобе перечислялись 15 видов злоупотреблений, благодаря которым Шагмардан Сыртланов за шесть лет пребывания в должности управляющего кантоном «обогатился так, как никто в Оренбурге и Самаре». А во время следствия имам умер и разбирательство по делу Шагмардана прекратилось¹.

О незаконном использовании своих прав кантонными начальниками писал герценовский «Колокол». В корреспонденции «Из Сибири», опубликованной 1 мая 1862 г., говорится: «Перешагнув Оренбург, невольно скажешь о другом полукочевом, полуоседлом бедном народе башкирах. Известно, что это самые бедные люди из всех в Европейской России, кроме разве витебских и белорусских крестьян... Разоряют их кантонные начальники да войсковое правление»².

Значительное количество прошений башкир-вотчинников и припущенников было вызвано насилиями и злоупотреблениями представителей царской администрации.

Из зафиксированных в 1800—1820 гг. 395 жалоб башкир-вотчинников и припущенников около половины было направлено против захватов общинных земель горнозаводчиками, помещиками, губернской администрацией, башкирским войсковым начальством. Наиболее упорный характер носили земельные тяжбы башкир и припущенников с владельцами заводов. Эта борьба усилилась в конце XVIII — начале XIX в., когда по многим договорам истек срок аренды земель и в крае развернулось Генеральное межевание.

Много жалоб башкир-вотчинников и припущенников направлено против Верхне- и Нижне-Троицких и Усень-Ивановского заводов Г. И. Осокина в Белебеевском уезде, проданных в 1837 г.

Д. Е. Бенардаки. Во время Генерального межевания за заводами было отмежевано свыше 100 тыс. дес. земли, в том числе и земли, на которых жили башкиры-вотчинники и припущенники. В 1855 г. еще 20 тыс. дес. общинных земель отошли в пользу заводовладельцев. Многочисленные просьбы башкир о наделении их узаконенным количеством земли не удовлетворялись. В ответ на это жители окружающих заводы селений начали вторгаться в заводские дачи, вырубая лес и заготавливая сено. Дело доходило до столкновений с заводской администрацией, во время которых трое служащих были убиты, многие избиты. «Стачкой 30 деревень» называл это движение заводовладелец³.

Жители Тамьянской и Тангаурской волостей Верхнеуральского уезда вели борьбу против хозяев Авзяно-Петровских заводов, незаконно державших в своем владении 90 тыс. дес. башкирских земель. По истечении срока аренды в 1819 г. эти земли были присвоены заводом, несмотря на многочисленные протесты башкир-вотчинников⁴. Башкиры Каратабынской, Кудейской, Кубеляцкой и Телевской волостей жаловались на горнозаводчиков Пашковых, владевших их землями «на 300 верст вокруг» и причинявших немало стеснений в землепользовании⁵. На захват земель Пашковыми жаловались также башкиры деревень Верхне- и Нижнеташево Чанким-Кипчакской волости Стерлитамакского уезда. За подачу прошений их держали в колодках, заключали в тюрьму. «Били безмилосердно»⁶.

Башкиры Шайтан-Кудейской волости Уфимского уезда продолжали борьбу против дальнейших захватов их земель

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5319. Л. 1—50.

² Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. Лондон; Женева, 1857—1867. Факс. изд. В 11-ти вып. М., 1962. Вып. 5. С. 1091.

³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 804, 7343, 7978, 8600, 9312, 9626 и др.

⁴ Там же. Д. 3489, 3490.

⁵ Там же. Д. 1275, 1284.

⁶ Там же. Д. 1167.

Симским заводом. Администрация завода насильственными мерами вынуждала их заключить земельные сделки¹. Жители деревень Инзелга, Кутлугузино, Сасыкуль и казаки Табынской крепости в 1812 г. оказали сопротивление межевым чинам при попытке отмежевать их земли к Богоявленскому заводу². Упорная борьба башкир-вотчинников и припущенников за свои земли велась и в других местах, где имелись горные заводы.

Весьма острыми были земельные споры башкир-вотчинников и припущенников с помещиками. Много жалоб направлено против земельных захватов дворян Тевкелевых в Белебеевском уезде. Во время Генерального межевания в 1803 г. они сумели нарезать себе «70 верст в окружности» лучших земель, а в 1813 г. начали сгонять с этой территории башкир-вотчинников и припущенников и переводить сюда своих крепостных. Когда башкиры дер. Дуван — Сакат — Тамаково и Ахуново отказались уйти со старых мест, Тевкелев приказал разрушить эти деревни. На их месте была основана помещичья дер. Новое Килимово. В 1854 г. представитель башкир Саят-баттал Кинзябаев поехал в Оренбург к генерал-губернатору для принесения жалобы на Тевкелева. Но там его ждала тюрьма³.

Упорно боролись против Тевкелевых башкиры-вотчинники и припущенники Вятской губернии, где в ходе Генерального межевания помещики закрепили за собой обширные территории, включавшие крестьянские пашни, покосы и даже усадьбы и кладбища жителей. В 1851 г. началось выселение крестьян, но население 12 деревень упорно сопротивлялось. Оно не выдало властям своего вожака Мунасыпа Мухаметаминева. Для усмирения крестьян была введена сотня вооруженных казаков. Выживая крестьян, Тевкелев травил их посевами, не давал заготавливать сено. Окончательно разорившиеся башкиры-вотчинники и припущенники вынуждены были покинуть обжитые места⁴.

О драматической судьбе башкир-вотчинников дер. Айтуганово Слымин-

ской волости поведал писатель-публицист Н. В. Ремезов⁵. В 1835 г. компания из представителей местной администрации во главе с чиновником генерал-губернаторской канцелярии Н. Дурасовым завладела 64 тыс. дес. земли слыминских башкир, не соглашавшихся на продажу своих угодий. Башкиры оказали сопротивление преступным действиям Дурасова. Но «гроза края» генерал-губернатор В. А. Перовский усмирил их военной силой: деревню Айтуганово «разбросали по бревешку, часть жителей положили на месте, частью рассажали по острогам и сослали в Сибирь, оставшихся выгнали в другие места к соседям, а поверенному их Ягафару Кинзябаеву положили метку — отрезали правое ухо»⁶. Дурасов, по словам автора, «быстро разбогател, повел роскошную жизнь, сделался истинным магнатом». Однако башкиры не переставали искать правды. В 1872 г. Сенат (в четвертый раз) признал их собственниками своих земель, но всеильные помещики не обращали на это никакого внимания.

В первой половине XIX в. участились захваты помещиками тептярских и мишарских земель. Подобных случаев было особенно много в Уфимском уезде, где жалобы на притеснения помещиков Топорнина, Аксакова, Матвеевой, Яшнева, Моисеева, Тургенева, Квашнина-Самарина и других поступали от жителей деревень Курмашево, Новое и Старое Тимкино, Токмаклы, Мусино, Кишки, Салзегутово, Дюсметево и многих других⁷. Помещики насильно выживали тептярей и мишарей с обжитых земель, подвергая их жестоким наказаниям, отбирая посевы, скот и имущество, разрушая жилые дома и мечети⁸.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1215, 6772.

² Там же. Д. 284.

³ Там же. Д. 525, 7293, 12467, 12558.

⁴ Там же. Д. 6773.

⁵ Бесконечное дело // Волжский вестник, 1890. № 154.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 51. Оп. 6. Д. 12. Л. 61—66.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80, 84, 89, 375, 552, 7792 и др.

⁸ Там же. Д. 84, 89, 138, 375 и др.

Немало жалоб башкир-вотчинников и припущенников направлено против нарушений их земельных прав войсковым начальством. Жители Булярской, Енейской, Ирехтинской и Киргизской волостей Бирского, Мензелинского, Белебеевского уездов жаловались на действия кантонного начальника Б. Султана, который хищнически истреблял башкирские леса, захватывал пашни, посевы, мельницы, отдавал общинные угодья посторонним лицам¹. Недовольство вызывало самовольное незаконное распоряжение общинными землями кантонными начальниками Ш. Сыртлановым, К. и Ш. Нагайбаковыми, А. Максютковым, Шарыповым, Кутлубаевым и др.²

В отличие от русских дворян, кантонные чиновники не могли закреплять захваченные общинные земли в свою собственность. Поэтому войсковое начальство, превосходя помещиков во взяточничестве и вымогательствах, уступало им в поземельных отчуждениях. В совокупности 44% всех жалоб и прошений населения было направлено против национальной эксплуататорской верхушки, а 56% — против помещиков, заводовладельцев, чиновников³. Следовательно, в первой половине XIX в. движение среди башкир-вотчинников и припущенников характеризуется преобладанием протеста против колонизаторской политики царских властей.

За жалобы местное начальство мстило башкирам-вотчинникам и припущенникам. Прибегая к ложным доносам и обвинениям в «худом поведении» жалующихся, оно добивалось высылки их из родных мест, нередко в Сибирь, заключало в тюрьму, не останавливалось перед физической расправой над неугодными ему лицами.

Тяжелые испытания выпадали на долю ходатаев по крестьянским жалобам. Борьбу башкир дер. Бечурино, Чермет, Черметбаш, Ярьково и других Гайнинской волости Осинского уезда с 1802 г. возглавлял отставной заурядсотник Яунасып Муталлапов. Пытаясь отстоять вотчинные земли, Яунасып вместе с другим вожакom башкир зауряд-хорунжим Габдрашитом Яппаровым

ездил в Петербург и добился решения Сената о размежевании спорных земель. Но помещицы Голицына и Шаховская при помощи солдат и членов Осинского земского суда выгнали башкир с их места жительства. Осталось 120 домов, 3 мечети. Скот и имущество башкир были проданы за нанесенные якобы помещикам убытки. В новой жалобе в 1834 г. Яунасып Муталлапов подтверждал право башкир на земли копией «владенной записи 7104 года 23 июня (т. е. 1596 года), выданной их прадедам царем». Однако башкиры так и не добились удовлетворения требований. За свои ходатайства Яунасып был не раз судим, наказан палками, а затем лишен чинов и сослан на чужбину, где и умер⁴.

Приведем еще один пример драматической судьбы людей, пытавшихся довести голос народа до верховных властей. В 1839 г. башкир д. Абишево 9-го кантона Гулистан Ильчибаев обратился к Николаю I с просьбой разрешить переселиться на «пустопорожние места» Северного Кавказа. Поводом к этому послужил указ Саратовского губернского правления, которым русские государственные крестьяне приглашались к поселению на черноморское побережье с освобождением от всех податей. За подачу прошения царю Гулистан был закован по рукам и ногам и заключен в инженерный замок в Оренбурге, где содержался в ожидании военного суда. 3 ноября 1839 г. Гулистан бежал из тюрьмы, жил среди казахов и туркмен. От них он перебрался к кавказским горцам, содержался у них ясырем (пленником). Наконец, пройдя весь Кавказ, Гулистан оказался в Турции. В 1845 г. он прислал оттуда прошение на имя царя, в котором рассказал о тяжелом поло-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 965, 969, 973, 5319, 7036, 7572, 7778, 7813, 9691, 10547, 12443.

² Там же. Д. 889, 977, 1038, 6725, 6732, 7369, 9267, 10522, 10667, 11088 и др.

³ Давлетбаев Б. С. К методике анализа жалоб и прошений крестьян Башкирии (начало XIX в.) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 60.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3553. Л. 1—164.

жении трудовых масс Башкирии. Беглец был хитростью вызван из Турции: ему обещали полное прощение. Но по прибытии в Одессу он тотчас был схвачен и отправлен в Оренбург. «Здесь получил шпицрутены в спину, сослан на Камчатку и так погиб лучший из башкир, достойный другой участи», — завершает свой рассказ о Гулистане бывший председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев, сохранивший нам эту историю¹.

Массовый характер подачи прошений свидетельствовал о накоплении недовольства в народе, которое временами выливалось в открытое выступление. Так было в 1834—1835 гг., когда волнения государственных крестьян Пермской губернии были подхвачены государственными крестьянами башкирами, мишарями и тептярями Оренбургской губернии. Активными участниками и вожаками этого восстания явились многие из тех, кто задолго до открытого выступления народных масс протестовал против насилия и произвола, обращаясь к властям с жалобами и прошениями.

Движение среди казаков. Социальный протест охватил и казачество. В 1804—1807 гг. произошли крупные волнения уральских казаков в ответ на реформу 1803 г., вводившую так называемый очередной порядок службы, значительно ухудшавший положение рядового казачества. Для подавления волнений был послан крупный карательный отряд с артиллерией и пять оренбургских казачьих сотен².

В 1805 г. значительное количество уральских казаков было переселено на Оренбургскую пограничную линию. «Начальство...—вспоминал один из современников,—вследствие приказа свыше, поступало с ними не только в отношении службы, но и в их домашнем быту, как с ссыльно-каторжными. Разделив на десятки, приставляли капрала... смотреть за каждым 5—7 домами. Ни квашни замесить, ни арбуза снять самовольно не смей! Бабы были в полном подчинении у капралов, прислуживали, качали в снях, как в зыбке. Порка была за всякую малость по жалобе капрала». Не-

удивительно, что казаки, как писалось позднее генерал-губернатору П. К. Эссен, были заражены «тем опасным духом недовольства, который, как тлеющая искра, лишь ожидает мановения ветра», так как «недавно еще возмущение уральского казачьего войска и опасный пример им чрез то поданный, все сие служит к воспламенению духа мщениия и безначалия, скрываемого до удобного времени»³.

На Оренбургскую пограничную линию правительство переселяло также казаков-старожилов из внутренних крепостей. Люди не хотели бросать обжитые места. К тому же все расходы по переселению возлагались на станичные общества. На этой почве в 1804—1805 гг. отмечались значительные волнения оренбургских казаков, переселяемых на новую линию Орск — Березовск. В 1822 г. казаки Красноуфимской крепости отказались переселяться на Новоилецкую линию. Борьба продолжалась четыре года.

В начале 40-х гг. XIX в. государственные крестьяне Троицкого, Челябинского и Оренбургского уездов протестовали против перевода их в казачье сословие. Угрозами и силой их принуждали к присяге на казачью службу⁴. Имело место брожение среди казаков-раскольников, недовольных запретами старых обычаев. Они отказывались от ношения мундира. Например, казак Кундравинской станицы Троицкого уезда Пшеничников явился на смотр в обыкновенной одежде и со «священной» книгой в руках. По приказанию Перовского Пшеничников и другие казаки были наказаны тремя тысячами ударов шпицрутенами. Телесное наказание староверов противоречило закону, и Перовский обратился к Николаю I с просьбой об отмене его. На представлении генерал-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4413. Л. 1—8; РГИА. Ф. 853. Оп. 2, 1860. Д. 42. Л. 59—60 об.

² Казачьи войска. СПб., 1912. С. 260.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 75.

⁴ Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 114, 116—118.

губернатора царь наложил резолюцию: «Зло нужно уничтожить в начале и бород казакам не носить...»¹ И другие формы социального протеста казаков жестоко карались властями. Многих из них судили военным судом.

§ 2. Политическая ссылка. Оренбургское тайное общество

Политическая ссылка в первой четверти XIX в. В первой половине XIX в. Оренбургская губерния стала одним из мест ссылки деятелей дворянского этапа революционно-освободительного движения в России, организаторов и наиболее активных участников массовых народных выступлений против царизма. Политическая ссылка имела два вида — ссылка на службу в воинские части Оренбургского корпуса и ссылка на жительство.

Большинство политических ссыльных, отправленных в наш край на основании судебных приговоров, было принудительно отдано в солдаты, разжаловано в рядовые или переведено из других полков «на исправление». Военная служба в Оренбургском корпусе, охранявшем юго-восточные границы страны и участвовавшем в постоянных изнурительных походах в Казаштан и Среднюю Азию с целью утверждения там позиций России, даже правительством признавалась тяжелой и опасной. Революционеры, сосланные в административном порядке, размещались по городам губернии под надзором местных властей и с запрещением отлучек. Необъятная территория губернии, удаленность от центра страны давали возможность определить местожительство ссыльных с таким расчетом, чтобы лишить их возможности общаться друг с другом и с остававшимися на свободе участниками освободительного движения.

Первые потоки политических ссыльных в край состояли из военных. В 1817—1819 гг. по стране прошли волнения военных поселенцев, самым крупным из которых было Чугуевское восстание 1819 г. на Украине. По приговорам военных судов из Новгородской,

Курской и Харьковской губерний в Башкирию было сослано 20 отставных офицеров и чиновников, принимавших участие в этих массовых народных движениях или проявивших сочувствие к военным поселенцам. Трое из них были разжалованы в солдаты, 9 офицеров переведены в корпус, семеро определены на жительство. После жестокого физического наказания в солдаты Оренбургского корпуса был зачислен 261 чел. из «зачинщиков» Чугуевского восстания².

В 1820 г. в Петербурге вспыхнуло восстание солдат Семеновского полка — первое открытое выступление солдат против крепостнических порядков в армии. По распоряжению императора полк был расформирован, а солдаты 1-го батальона преданы военному суду. 276 семеновцев в 1821 г. отправили на службу в Оренбургский корпус³. Восстание семеновцев получило широкую огласку в стране, оказало революционизирующее воздействие на передовую дворянскую интеллигенцию. Бывшие семеновцы стали опасным для царизма элементом брожения в войсках, «возбуждая в своих товарищах ненависть и презрение к правительству»⁴.

В Оренбургской губернии оказались также участники национально-освободительного движения на Украине, в Белоруссии, Литве. В 1821—1824 гг. под надзором местных властей в разных городах губернии жили шестеро членов тайного общества «Этерия», боровшегося за свержение османского ига в Греции⁵. В конце 1824 г. были высланы семеро членов польских конспиративных об-

¹ Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 110, 166—167.

² ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 4. об.—6; Д. 40. Л. 16—17, 33—34; *Евстафьев П.* Восстание военных поселян в 1817—1831 гг. М., 1935. С. 15, 16, 23; *Федоров В. А.* Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 320—323.

³ *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов. М., 1963. С. 73—161.

⁴ Там же. С. 186—190, 198—199.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8592. Л. 1—16.

ществ «филоматов» и «Черные братья», созданных молодежью Виленской губернии¹. Всего в 1817—1824 гг. в губернию было сослано свыше 600 участников антифеодальных и антиправительственных выступлений.

Декабристы в Оренбургской губернии. Движение декабристов открыло дворянский этап революционно-освободительного движения, охватившего почти четыре предреформенных десятилетия. По словам А. И. Герцена, «...люди 14 декабря, фаланга героев... вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение...»². Выступление декабристов оказало огромное воздействие на развитие революционного движения в Российской империи.

В 1826—1840 гг. в батальоны Оренбургского корпуса было сослано 11 офицеров-декабристов. Среди них лейтенанты Гвардейского морского экипажа Ф. Г. Вишневский и Е. С. Мусин-Пушкин, мичман 27-го флотского экипажа П. А. Бестужев, подпоручики лейб-гвардии Измайловского полка Н. П. Кожевников и А. А. Фок, прапорщик 9-й артиллерийской бригады А. В. Веденяпин, принявшие участие в восстании.

П. А. Бестужев стал членом Северного общества в 1825 г., Е. С. Мусин-Пушкин и, вероятно, Ф. Г. Вишневский входили в состав тайной политической организации, возникшей в Гвардейском морском экипаже и присоединившейся к Северному обществу накануне восстания³. В дни подготовки к восстанию и в ходе выступления 14 декабря 1825 г. моряки-декабристы проявили большую активность. Материалы следственной комиссии называют Бестужева, Мусина-Пушкина и Вишневского среди тех, кто вышел со своими ротами на Сенатскую площадь и вел агитацию среди матросов не присягать Николаю. Рота Вишневского «имела боевые патроны и стреляла по кавалерии», наступавшей на восставших⁴. В соответствии с приговором Верховного уголовного суда все трое были разжалованы в рядовые и отправлены в Оренбургский корпус: Бестужев — в Кизильский гарнизонный батальон,

Вишневский — в Троицкий, Мусин-Пушкин — в Звериноголовский⁵.

Подпоручики Н. П. Кожевников и А. А. Фок были в числе девяти офицеров Измайловского полка, связанных с Северным обществом. На допросах они решительно отрицали свою принадлежность к тайной организации. Но следственному комитету на основании показаний других декабристов удалось установить, что Кожевников был принят в Северное общество, а Фок, хотя формально не был его членом, знал о его существовании, был связан с видными деятелями декабристского движения⁶. Накануне восстания от имени измайловцев Кожевников писал: «Нас несколько человек решили прежде умереть, нежели присягнуть» Николаю⁷. Декабристы знали, на что они идут, и в прощальном письме Фока к отцу, написанном в ночь на 14 декабря, проходит мысль о правоте поднятого революционерами дела: он просил отца не огорчаться, «ибо ежели падет, то за отечество»⁸. По приговору Верховного уголовного суда Кожевников был лишен чинов и дворянства и сослан рядовым в Оренбургский гарнизонный

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 6, 21; Д. 40. Л. 7. об.—8, 107, 149; Д. 59. Л. 40 об.—41, 82—83, 87—88; *Модестов Н.* Магистр философии Ф. К. Зан в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. 35; Записки Песляка. Сообщены М. В. Лоссиевским // Исторический вестник. 1883. Т. 13, ч. 9. С. 577—585.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 255.

³ Восстание декабристов. Документы. М., 1976. Т. 14. С. 313—329; *Шешин А. Б.* Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 94. С. 107—122.

⁴ Восстание декабристов. М., Л., 1926. Т. 2. С. 86; Т. 14. С. 313—339; М., 1975. Т. 15. С. 7—13, 62—63, 41—50, 302—305.

⁵ Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. СПб., 1906. С. 61.

⁶ Восстание декабристов. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 246, 386; Т. 15. С. 130—146, 150—153, 163, 165, 229—231, 312—315.

⁷ Там же. Т. 15. С. 167.

⁸ Там же. Т. 2. С. 85; Т. 14. С. 238, 243, 269, 293.

полк, Фок — разжалован в солдаты и направлен на службу в Устькаменогорский батальон, а позднее переведен в Оренбургский корпус¹. В июле 1826 г. в Верхнеуральскую крепость был отправлен разжалованный в солдаты прапорщик А. В. Веденяпин, один из активных деятелей Общества соединенных славян².

Около полугода прослужили П. А. Бестужев, А. В. Веденяпин, Ф. Г. Вишнеvский, Н. П. Кожевников, Е. С. Мусин-Пушкин и А. А. Фок в определенных им «дальних гарнизонах». В своем коронационном манифесте от 22 августа 1826 г. Николай I, демонстрируя «милосердие» к этим декабристам, разрешил перевести их на Кавказ к фронтам русско-иранской войны «до отличной выслуги». В январе 1833 г. за храбрость в сражениях против турецких войск А. А. Фок получил звание прапорщика и был направлен в Оренбургский корпус. Два года Фок служил в Уфе в 10-м линейном батальоне. Приказом от 2 января 1835 г. Николай I уволил его «от службы за ранами» в звании подпоручика, но здесь же распорядился об установлении за своим «политическим врагом» постоянного надзора и запретил въезд в обе столицы³. Около 20 лет прожил Фок с семьей в д. Андреевке Бирского уезда Оренбургской губернии. Несмотря на неоднократные прошения Фока, ежедневный оскорбляющий человеческое достоинство «контроль» властей не был снят до самой смерти декабриста⁴.

Вскоре после вынесения приговора Верховным уголовным судом была определена участь тех декабристов, о которых власти приняли решение, «не предавая их строжайшему наказанию по суду, определить им исправительные меры наказания». В Оренбургский корпус были переведены офицеры А. С. Горожанский, Д. А. Искрицкий, Е. Е. Франк и И. М. Черноглазов⁵.

Член Северного общества поручик Горожанский четыре года провел в Петропавловской крепости, а затем был переведен в Кизильский гарнизонный батальон. В декабре 1830 г. оренбургский генерал-губернатор П. П. Сухтелен направил в Петербург донос на А. С. Го-

рожанского с обвинением в том, что он произносил «разные дерзкие слова на особу его величества» и заявлял, что не признает над собой власти царя. Об этом стало известно шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу и Николаю I. Горожанского выслали в Соловецкий монастырь, где в течение 15 лет он содержался в нечеловеческих условиях, приведших его к психическому расстройству⁶.

Член Соверного общества поручик Д. А. Искрицкий, ротмистр Е. Е. Франк, участвовавший в деятельности Южного общества, в 1827 г. из корпуса были переведены на Кавказ. Подпоручик И. М. Черноглазов после двух лет заключения в крепости в 1828—1840 гг. служил в Верхнеуральском гарнизонном батальоне⁷. В 1830 г. по приговору военного суда в Оренбургский корпус был определен рядовым член Общества соединенных славян отставной прапорщик Н. П. Красницкий⁸.

Среди сосланных в наш край декабристов были не только офицеры, но и рядовые. В инвалидную команду Оренбургского полка были отправлены матросы Гвардейского морского экипажа С. Зайцев и О. К. Кононов. 14 декабря на Сенатской площади в ходе перестрелки они получили серьезные ранения.

¹ Государственные преступления в России в XIX веке. С. 60—62; Восстание декабристов. Л. 1925. Т. 8. С. 326, 410.

² Восстание декабристов. Т. 8. С. 293; М. 1975. Т. 13. С. 231—246, 438—439.

³ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 113. Л. 1—4; Восстание декабристов. Т. 8. С. 326, 410.

⁴ Там же. Л. 5—36; Д. 180. Л. 6—7, 16—17, 29—30; Д. 222. Л. 2—3; Д. 333. Л. 14—15; ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 103. Л. 1—100 Д. 303. Л. 10—11.

⁵ Государственные преступления в России в XIX веке. С. 68—69.

⁶ Восстание декабристов. Т. 8. С. 307; *Большаков Л.* Отчеству драгие имена. Триптих о декабристах на Урале. Челябинск, 1975. Ч. 3. С. 23—26.

⁷ Восстание декабристов. Т. 8. С. 51, 131—132, 145, 185, 196, 197, 203, 204, 321, 382, 419; Т. 15. С. 109—111, 113, 115, 166, 173, 176, 178.

⁸ Там же. Т. 8. С. 81, 101, 136, 143, 332; Т. 13. С. 172, 384, 387.

В 1826 г. из Петропавловской крепости их выслали в Оренбург¹.

С 1826 по 1833 г. в оренбургском военном госпитале служил штаб-лекарь Финляндского полка Н. Г. Смирнов, высланный из Петербурга по обвинению в предоставлении «убежища» участникам восстания 14 декабря².

Командование Оренбургского корпуса, опасаясь влияния политических ссыльных на солдат и офицеров, держало их под особым контролем³. Но вопреки этому ссыльные декабристы, семейские офицеры и солдаты, организаторы народных выступлений в военных поселениях способствовали усилению революционного движения в крае, пополнили ряды противников крепостнических порядков и самодержавия в батальонах корпуса и среди местного населения.

Оренбургское тайное общество. Политическая ссылка конца 20—30-х гг. XIX в. После разгрома декабристских организаций, в условиях жесточайшей правительственной реакции наиболее типичной формой революционной деятельности были небольшие по составу тайные общества и кружки, в которых велись «мучительные поиски правильной революционной теории, формировались кадры будущих самоотверженных борцов с самодержавием»⁴. К ним относилось Оренбургское тайное общество.

Предшественником Оренбургского тайного общества был масонский кружок, созданный офицерами и местными служащими приблизительно в 1813 г. Он был ответвлением московского Новиковского общества, названного так по имени известного русского просветителя Н. И. Новикова. В 1822 г. правительство запретило масонские ложи, опасаясь, что они могут служить прикрытием для тайных революционных организаций. С этого времени оренбургское общество стало конспиративным. В 1823 г. его возглавил выходец из бедной солдатской семьи делопроизводитель-юрист канцелярии оренбургского коменданта и Кизильского гарнизонного батальона П. М. Кудряшов⁵. Целью общества в это время были: «братство, равенство, ис-

кренность, взаимное вспомоществование, распространение чтения полезных книг и вообще свободомыслие»⁶.

Расправа над декабристами и последовавшее за этим торжество реакции, правительственный террор и репрессии, преследование любого проявления свободной мысли «напугало старших и осторожных» членов оренбургского общества и заставило их отказаться от общественно-политической деятельности⁷. Но общество не распалось. Проникший в общество провокатор И. Завалишин писал в доносах о «воспламенении ума присшествованиями 14 декабря 1825 года» у передовой молодежи Оренбурга⁸. Известие о разгроме восстания и казни его руководителей «огорчило и ожесточило пылких юношей»⁹. Они искали контакты с ссыльными декабристами. В своих «Памятных записках. 1828—1829 гг.», сделанных в конспиративной форме во время солдатской службы на Кавказе, П. А. Бестужев упоминает о дружбе на Оренбургской линии с молодым человеком, наполненным «благородными идеями». «Нельзя не уважать, нельзя позабыть его», — вспоминал Бестужев¹⁰. Возбужденные вестями из Пе-

¹ Штрайх С. Я. Моряки-декабристы. М.; Л., 1946. С. 298, 300.

² Восстание декабристов. Т. 2. С. 357, 371; Т. 8. С. 178, 397; Холера 1829—1833 годов в Оренбургском крае. Историческое исследование врача А. В. Попова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. 21.

³ Гвоздикова И. М. Против крепостничества и самодержавия (Ссыльные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988. С. 150—164.

⁴ Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958. С. 46—47.

⁵ Матвеевский П. Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та. Серия ист.-филол. наук. Вып. 6. 1952. С. 230, 243.

⁶ Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. СПб., 1914. С. 6.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Колесников В. П. Указ. соч. Приложение. С. 110.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 360.

тербурга, оренбуржцы в лице бывшего семеновского солдата Мягкова обращались с расспросами к спекулирующему именем брата-декабриста И. Завалишину: «Точно ли, как слышали они, Матвей Муравьев-Апостол сказал пред смертью: «...что засеено, то и вырастет, хотя бы и дождя не было»¹.

Откликом на движение декабристов был раскол в обществе и переход его на позиции дворянской революционности. В 1827 г., к моменту разгрома, оно насчитывало свыше 30 членов. В своем подавляющем большинстве это были молодые офицеры и чиновники среднего и низшего звена из мелкопоместных дворян. Некоторые из них не имели «никакого движимого и недвижимого имущества»².

В сохранившихся документах — уставе и инструкции членам общества о подготовке и проведении восстания в крае, изложены цели и задачи, основные принципы его деятельности. Революционные замыслы членов строились на решении главной, определяющей задачи — свержение царского самодержавия и завоевание политических свобод. В документах указан и ряд конкретных мер, предусматривающих улучшение положения трудовых масс России. Устав начинался со следующего определения задач: «I. Оренбургское тайное общество составлено с целью политической. II. Цель его — есть изменение монархического правления в России и применение лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа для составления истинного его благополучия»³.

Некоторые сведения о программных положениях общества содержат пять пунктов прокламации, которую собирались распространить в дни восстания: «Объявить в изданной прокламации: 1) Россию Свободною. 2) Уменьшение годов службы нижним чинам и удвоение их жалования. 3) Освобождение крестьян помещичьих. 4) Прощение налогов и недоимок государственных. 5) Избавление нижних чинов [от] телесного наказания»⁴.

Документы общества помогают выяснить его организационную структуру.

Оно имело устав, печать, присягу и свой ритуал присяги. Устав состоял из десяти параграфов. В них подчеркнут конспиративный характер общества. Прием в члены осуществлялся в три этапа. Полнота власти была сосредоточена в руках у председателя, который переизбирался ежегодно «по большинству голосов членов»⁵.

Обществом был разработан план вооруженного восстания. Оренбургские революционеры, глубоко воспринявшие освободительные идеи декабристов, отказывались от их тактических расчетов на узкий заговор, опирающийся на армию, и обращали свое внимание на возможность привлечения к «бунту» «простого народа» — солдат, казаков, башкир, жителей городов, деревень. В инструкции подчеркивалась важность политической агитации среди народных масс края: «I. Через членов Оренбургского тайного общества внушать рядовым Оренбургского гарнизонного полка, казакам войска Оренбургского, равно и простому народу, те мысли о свободе и равенстве, которые неизбежно влекут за собою волнение умов и приготовление их к перемене правления... IV. Внушать им чувства ненависти к правлению и царствующему поколению. Говорить о том и другом с презрением и давать изредка чувствовать, что перемена и улучшение их состояния уже недалеки»⁶.

Подобное решение о необходимости широкой пропаганды революционных идей среди «простого народа» было новым явлением по сравнению с декабристскими планами. Это свидетельствовало об определенных сдвигах в рево-

¹ Колесников В. П. Указ. соч. Приложение. С. 128.

² Из истории общественно-политического движения в России первой четверти XIX века. Документы // Советские архивы. 1970. № 17 С. 79.

³ Там же. № 1. С. 89.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Там же. С. 90.

люционной идеологии, о неизбежном развитии революционной мысли в стране¹.

Осуществление планов «политического переворота» общество наметало начать с Оренбурга, где оно должно было «поднять знамя бунта», обратиться к народу с прокламацией; «лишить свободы военного губернатора и чиновников, ему преданных, равно и тех людей, которые могут иметь влияние, противное для пользы Общества, на народ или войска». Вслед за свержением губернатора революционеры собирались «отправить на Оренбургскую пограничную линию достойных поверенных, равно и в Уральское казачье войско, для присоединения их к Обществу»². Оренбуржцы рассчитывали и на поддержку башкир. По воспоминаниям оренбургского старожила генерал-майора И. В. Чернова, «современники событию говорили, что в бумагах общества найдены были приготовленные предписания башкирским кантонным начальникам о высылке в Оренбург нескольких полков с оружием под предлогом посылки в армию, причем подпись (генерал-губернатора) Эссена была прекрасно подделана. С прибытием полков полагали начать бунт против правительства и перебить своих начальников»³. Общество также располагало сведениями о том, «что войско Уральское и киргизы были согласны при поднятии их знамени приступить к бунту»⁴.

Члены тайного общества были так уверены в поддержке «бунта» полками солдат, казаков, башкир и казахов, что специальным пунктом инструкции предусмотрели выборы «из среды своей достойного и храброго предводителя войсками», с которыми намеревались двинуться из Оренбургского края «к Казанской губернии и поднимать все лежащие на пути своем населения»⁵.

Практическая деятельность общества свелась к тому, что его члены были постепенно внедрены во все важнейшие звенья управления краем: в штаб отдельного Оренбургского корпуса, Оренбургский гарнизонный полк, Оренбургский казачий полк, артиллерийские части, несколько гарнизонов Оренбургской

пограничной линии, а также в канцелярию генерал-губернатора, пограничную комиссию, Оренбургский уездный суд и городскую полицию. Общество поддерживало связи с политическими ссыльными⁶. Но руководители общества не отважились на открытое выступление. Как вспоминал позднее секретарь общества В. П. Колесников, при прощании с осужденными на каторгу членами общества унтер-офицер Федоров и бывший семеновский солдат Мурзин укоряли их в нерешительности, отказе от активных действий. На слова Колесникова Федорову: «Раскаиваться нам не в чем: бесчестного ничего не сделали; тебе все известно». — Федоров ответил: «Знаем и тем-то более жаль. Поздно спохватились. Да вы все сами виноваты. Отговорили. Помните, приходил к Вам! Ведь умирать же когда-нибудь».

— Да, мы кусаем теперь локти, — промолвил молодцеватый семеновский солдат Мурзин, — напрасно все послушались: вы бы даром не пропали»⁷.

В апреле 1827 г. общество было раскрыто властями с помощью провокатора И. Завалишина. Ряд фактов свидетельствует о том, что разжалованный в солдаты за доносы и высланный в декабре 1826 г. из Петербурга в Оренбург Завалишин имел негласное поручение Николая I «О дальнейшем розыскании тайных обществ, имевших и имеющих целью ниспровержение коренных постановлений России»⁸. Завалишину удалось

¹ Федосов И. А. Указ. соч. С. 57, 58.

² Из истории общественно-политического движения в России первой четверти XIX века. С. 90.

³ Записки генерал-майора И. В. Чернова. С. 54.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 85.

⁵ Из истории общественно-политического движения в России первой четверти XIX века. С. 90.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 85—86.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Там же. С. 87—88.

войти в доверие к двум членам Оренбургского тайного общества, а затем раскрыть общество. К своему доносу на имя генерал-губернатора П. К. Эссена Завалишин приложил копии с устава и инструкции общества, список членов и оригиналы клятв. О поступившем доносе сообщил П. М. Кудряшову сочувствующий обществу секретарь канцелярии губернатора. Кудряшову был передан и список лиц, названных провокатором в доносе. Поэтому до массовых арестов оренбургские революционеры сожгли все «тайные» бумаги, и многие члены общества остались нераскрытыми.

По распоряжению генерал-губернатора было арестовано до 80 человек, но у подавляющего большинства не было обнаружено компрометирующих материалов, и они были освобождены. Среди них был П. М. Кудряшов, который через несколько дней скончался от разрыва сердца.

Под арестом остались семеро членов общества, против которых власти располагали достаточными уликами. Во время расследования они утверждали, что виновником является «обольстивший» их провокатор Завалишин. Такая версия устраивала и генерал-губернатора, т. к. давала возможность переложить на Завалишина ответственность за создание тайного общества. За год до раскрытия общества П. К. Эссен заверял правительство, что никаких политических организаций в Оренбурге нет: «Сюда тень понятия о подобных злоумышлениях никогда не досягала»¹. И теперь, опасаясь гнева императора и стремясь избежать ответственности за то, что прогледел давно существовавший антиправительственный кружок, Эссен предпочел детальному расследованию объявить Завалишина создателем общества. В таком духе в течение месяца велось расследование дела, а с 4 по 13 мая шел корпусный суд. К судебной ответственности были привлечены И. Завалишин и семеро членов общества, чьи клятвы удалось заполнить провокатору: В. Ветошников, Х. Дружинин, С. Дыньков, В. Колесников, И. Старков, Д. Таптиков, А. Шестаков.

По решению Военного министерства, утвержденному Николаем I 12 августа 1827 г., Завалишину назначили пожизненную ссылку на каторжные работы. Колесников, Дружинин, Таптиков были лишены прав дворянства и приговорены к ссылке на каторгу от 3 до 6 лет с последующим поселением в Сибири. Остальных разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ. Различным наказаниям были подвергнуты несколько офицеров и солдат корпуса, причастных к обществу или сочувствующих его деятельности².

Оренбургское тайное общество существовало более десяти лет. Оно не имело каких-либо организационных связей с основными центрами декабристского движения, а идейное воздействие последнего на Оренбургское тайное общество ограничивалось подцензурными текстами и через личные контакты членов общества с временно размещенными в батальонах корпуса декабристами. Но Оренбургское общество примыкает к декабристским организациям типологически, «идейная эволюция дворянских революционеров Оренбуржья шла примерно так же, как и у основной массы участников движения декабристов»³. От мирного просветительства оренбуржцы пришли к признанию необходимости революционного переустройства общества.

27 сентября 1827 г. осужденные революционеры вышли из Оренбурга. Они не испытывали раскаяния, оставаясь уверенными в правоте своего дела, и призывали друг друга «быть выше всего этого и с гордостью переносить всякое уничижение»⁴. Закованных попарно в кандалы, надетые на железный прут, их в течение месяца пешком гнали через всю Башкирию до Красноуфимска. На

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 89.

² Колесников В. П. Указ. соч. Приложение. С. 105—145; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 89—91.

³ Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979. С. 87—88.

⁴ Колесников В. П. Указ. соч. С. 19.

всем протяжении своего пути они встречали проявления сочувствия, а иногда и поддержки со стороны местных жителей. В своих «Записках несчастного...» В. П. Колесников писал, что в Стерлитамаке, Уфе, Бирске многие чиновники, офицеры и солдаты выражали свою симпатию к осужденным, оказывали им материальную помощь. Когда они на пароме переправлялись через р. Белую у Уфы, «народ со всех сторон спешил к пристани. Не успели мы сойти на берег, как все почтительно сняли шляпы и поклонились нам. Мы со своей стороны сделали то же»¹. В Уфе осужденные ощущали внимание со стороны военной молодежи и некоторых чиновников. По выходе из города Колесникова и его товарищей вновь «нанизали» на цепь, что доставляло им большие физические муки. Видевший это унтер-офицер, командир конвойной команды, «с прямо русской отвагой» отдал приказ сбросить цепь. «Итак, этот, и как говорится маленький человек поправил бесчеловечие и жестокость больших»². В Бирске оренбуржцы встретили «самое живое и непритворное участие» со стороны служивших там бывших семеновских солдат³. Подобные факты свидетельствовали о том, что население Башкирии сочувствовало судьбе осужденных царским судом участников революционно-освободительного движения в крае.

Вслед за Оренбургским тайным обществом были раскрыты еще несколько последекабристских революционных кружков. В августе 1827 г. власти разгромили московский кружок братьев Критских, в 1831 г. — московский кружок Н. П. Сунгурова, которые ставили своей целью свержение самодержавия и принятие конституции⁴. В 1827 г. в солдаты Оренбургского корпуса был зачислен член кружка братьев Критских А. П. Салтанов, канцелярист 7-го департамента Сената. Через год он был принят на гражданскую службу и до 1839 г. работал в канцеляриях генерал-губернатора в Оренбурге и гражданского губернатора в Уфе, находясь под надзором властей⁵. После семилетнего заключе-

ния в крепости и службы в армии в 1839 г. в Оренбургский корпус был переведен другой член этой революционной организации Н. Ф. Лушников. В 1847 г. он был уволен с воинской службы «за болезнь... с обязательством безвыездно жить в том месте, где состоял на службе»⁶. В батальонах корпуса служили отданные в солдаты студенты московского университета сунгуровцы Ю. П. Кольрейф и А. Кноблох⁷.

В 1830-х годах политическая ссылка в Башкирии численно выросла за счет репрессированных деятелей революционных обществ, антиправительственно настроенных военнослужащих и чиновников, участников польского национально-освободительного движения. В составе линейных батальонов Оренбургского корпуса и под надзором гражданских властей числилось более трех тысяч политических ссыльных⁸.

Новая волна ссыльных в 40—50-х гг. XIX в. Эти годы характеризуются активизацией освободительного движения в связи с обострением социально-экономических и классовых противоречий в стране. Происходят изменения в составе революционеров, их идеологии и политической программе. Если в 20—30-е годы среди участников освободительного движения преобладали высшие и средние слои поместного дворянства, то в последующие годы шел активный процесс демократизации участников революционной борьбы. К моменту падения крепостного права разночинцы составляли половину деятелей освободительного

¹ Колесников В. П. Указ. соч. С. 60—61.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 81.

⁴ Куклин Г. А. Материалы к изучению революционного движения в России (1800—1854). Женева, 1905. Т. 1. С. 166—173; Федосов И. А. Указ. соч. С. 93—103; Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии с 1826 по 1859 гг. М., 1964. С. 103—110.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1495. Л. 1—89. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 333. Л. 63, 72; Д. 334. Л. 4—7; Д. 437. Л. 48; Оп. 2. Д. 111. Л. 27, 39.

⁷ Вержбицкий В. Г. Указ. соч. С. 110; ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 136. Д. 4—12.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 80; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 47, 125.

движения. От общедемократических принципов, связанных с задачами буржуазного преобразования общества, дворянские революционеры переходят к освоению и распространению идей утопического социализма¹.

Политическая ссылка в нашем крае пополнилась деятелями двух самых крупных в эти годы тайных революционных объединений в стране — кружка М. В. Петрашевского (1844—1849 гг.) и Кирилло-Мефодиевского общества (1845—1847 гг.), а также участниками нескольких польских конспиративных организаций.

В апреле 1849 г. с помощью агента, проникшего в кружок, жандармам удалось арестовать наиболее активных петрашевцев. На основании заключения военно-судной комиссии 21 подсудимый, обвиненный «в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка», приговаривался к смертной казни, замененной по «высочайшей конфирмации» от 19 декабря 1849 г. ссылкой на каторгу и в воинскую службу рядовыми. Четверо из них были лишены прав состояния и зачислены в солдаты Оренбургского корпуса. Это были выпускник училища правоведения титулярный советник департамента Министерства юстиции В. А. Головинский, известный революционный поэт А. Н. Плещеев, слушатель Петербургского университета А. В. Ханыков, «ужасный пропагандист» по отзыву Н. Г. Чернышевского, и московский мещанин П. Г. Шапошников².

В начале 1850 г. петрашевцев доставили в Оренбург. Через год Головинский был переведен на Кавказ. Ханыков, служивший в Орске, умер, по официальной версии, от холеры в 1853 г. Плещеев служил рядовым в Уральске, Оренбурге, в форте Перовский и лишь в 1856 г. получил чин прапорщика. Шапошников до 1855 г. был в оренбургской арестантской роте, а затем переведен в инвалидную команду. В 1856 г. Плещееву и Шапошникову было разрешено оставить военную службу. Плещееву запрещался въезд в столицы. До августа 1859 г. он оставался «на гражданской службе»

в Оренбурге под секретным надзором полиции. Шапошников в 1856 г. вернулся в Москву³.

Отражением подъема освободительного движения на Украине было создание Кирилло-Мефодиевского общества. Революционное крыло общества возглавлял выдающийся украинский поэт и художник Т. Г. Шевченко, все творчество которого носило революционный антикрепостнический характер. Члены общества мечтали о создании Славянской республиканской федерации, где будут торжествовать равенство и свобода всех славянских народов, проведены принципы буржуазной демократии⁴. В марте 1847 г., когда деятельность общества только начинала развертываться, оно было разгромлено. Шевченко сослан рядовым солдатом в Оренбургский корпус. На тексте приговора Николай I сделал приписку: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать». Это было жестоким наказанием для Шевченко.

Десять лет провел в ссылке Т. Г. Шевченко. С июня 1847 г. и до весны 1848 г. он служил в 5-м линейном батальоне в Орске, затем в течение полутора лет участвовал в экспедиции капитан-лейтенанта А. И. Бутакова по описанию Аральского моря, а с ноября 1849 г. по 23 апреля 1850 г. занимался обработкой экспедиционных материалов в Оренбурге. С конца апреля и по сентябрь 1850 г. Шевченко находился под следствием за нарушение «высочайшего» повеления о запрете создавать стихи и заниматься живописью (вначале на оренбургской гауптвахте, а затем в Орске). По распоряжению царских властей Т. Г. Шевченко был выслан в Гурьев, а с октября

¹ Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979. С. 37—38, 246.

² Государственные преступления в России в XIX веке. С. 106—109; Куклин Г. А. Указ. соч. С. 307—309; Федосов И. А. Указ. соч. С. 303—362.

³ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 472. Л. 27 об.—28, 134—135; Д. 475. Л. 1, 3, 5—9.

⁴ Федосов И. А. Указ. соч. С. 208—210; Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976. С. 101—104.

1850 г. и до увольнения с военной службы в 1857 г. находился в Новопетровском укреплении, расположенном на Каспийском море¹.

В Оренбургскую губернию были посланы активные участники одного из наиболее разветвленных и радикальных подпольных обществ — Сдружества польского народа, охватившего в 1835—1838 гг. западную Украину, Белоруссию и Литву; крупнейшего революционного объединения 40-х годов XIX в. на территории Северо-Западного края — Союза литовской молодежи, а также участники волнений в Киевском, Дерптском университетах, Минской, Слуцкой гимназиях, Виленском училище правоведения². Среди ссыльных поляков были такие последовательные революционеры, как З. Сераковский, Э. Ю. Желиговский, Я. Станевич, И. Завадский, С. Круликевич, Э. Пожерский.

По данным командира Оренбургского корпуса на 1850 г., в батальонах корпуса числилось 1667 «штрафованных нижних чинов», многие из которых были определены на службу за «политические преступления»³. Среди политических ссыльных были и офицеры, переведенные в корпус из других воинских частей. Количество сосланных на жительство в 40—50-е годы XIX в. не превышало 20 человек⁴. Хотя точные сведения о численности политической ссылки в эти годы не обнаружены, приведенные цифры дают представление об общем количестве ссыльных в губернии.

Политическая ссылка была неразрывной частью революционно-освободительного движения. Вопреки расчетам царского правительства трудности солдатской службы не только не сломили волю и мужество большинства репрессированных революционеров и активных участников массовых народных выступлений, но еще более укрепили их ненависть к самодержавно-крепостническому строю. И на новом месте, в условиях ссыльного режима и солдатской каторги они продолжали борьбу против самодержавия. Формы и приемы ее были различны: от нарушения предписаний властей и побегов со службы

до подготовки заговора и создания тайных политических кружков.

В годы ссылки складывались интернациональные связи между русскими революционерами и участниками национально-освободительных движений в Польше, Белоруссии, Литве и на Украине. Яркими примерами русско-польско-украинских связей являлись тайные политические кружки ссыльных, созданные в конце 40-х годов XIX в. в Оренбурге и Орске. В их состав входили А. Н. Плещеев, Т. Г. Шевченко, А. В. Ханыков, И. Завадский, З. Сераковский, а также оппозиционно настроенные офицеры корпуса. Деятельность кружков была направлена на идейно-политическое развитие его членов. Установление личных контактов между репрессированными революционерами вело к взаимному ознакомлению с политическими взглядами и практикой антиправительственной борьбы. И, несмотря на выявляющиеся при этом разногласия, большинство ссыльных становились сторонниками объединения революционных сил в борьбе против самодержавия и крепостничества⁵.

Кружки и различные объединения ссыльных возникли в Уфе, где в 1854—1857 гг. отбывал ссылку известный польский поэт и революционный деятель Э. Ю. Желиговский, и в местах дислокации линейных батальонов Оренбургского корпуса. Хотя кружки не были

¹ Юдин М. К биографии Т. Г. Шевченко // Русский архив. 1898. № 3.

² Смирнов А. Ф. Указ. соч. С. 87—143; Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов. (Библиографический словарь). М., 1967; Федосов И. А. Указ. соч. С. 250; История Белорусской ССР. М., 1977. С. 110.

³ Очерки революционных связей народов России и Польши. С. 125.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 437. Л. 72—83; Д. 472. Л. 126—138; Д. 526. Л. 67—76.

⁵ Очерки революционных связей народов России и Польши. С. 125; Дьяков В. А. Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847—1850 гг. // Славянская историография и археография. М., 1969. С. 232—251.

настоящими революционными организациями, но способствовали выработке и распространению революционных взглядов, сближению между российским и польским освободительным движением.

Замечательные революционные поэты Т. Г. Шевченко, А. Н. Плещеев и Э. Ю. Желиговский находили в себе силы писать и в период ссылки. Их творчество было не только потребностью души, но и протестом против произвола царских властей. Годы, проведенные в оренбургской ссылке, способствовали установлению дружеских отношений и творческих взаимосвязей этих поэтов.

Политическая ссылка оказала определенное влияние на общественно-политическое движение в крае, на умонастроение жителей, многие из которых относились к ссыльным сочувственно, рассматривая их как жертвы царского произвола, и пытались облегчить их участь. Взаимоотношения с политическими ссыльными воздействовали на настроения либерально-демократических слоев местного общества и администрацию края. Особенно наглядно это проявилось в 50-е гг. XIX в., когда постепенно укреплялись контакты между репрессированными революционерами и так называемой «либеральной бюрократией». Дружеские отношения со многими политическими ссыльными связывали гражданского губернатора Е. И. Барановского, чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе В. Д. Дандевиля, дежурного офицера штаба корпуса Л. Ф. Эккельна, председателя Пограничной комиссии известного ученого-востоковеда В. В. Григорьева. Поддержку и некоторые послабления ссыльные получали даже от генерал-губернатора В. А. Перовского.

Отдельные чиновники помогали ссыльным поддерживать связь с центрами страны и между воинскими гарнизонами. Известно, например, что башкирский сотник Ахмет Хаиров в течение двух лет доставлял из Новопетровского укрепления в Оренбург «незаконно» написанные картины и рисунки Т. Г. Шевченко и его письма членам

оренбургского тайного кружка, которые содействовали сбыту этих работ¹.

Политические ссыльные принимали непосредственное участие в изучении края, в развитии народного образования, здравоохранения, культурно-просветительной работы. Многие из них добились разрешения работать в качестве домашних учителей. Значительна роль ссыльных в создании первых уральских музеев и библиотек.

Ссыльные революционеры проявляли большой интерес к жизни коренного населения края. Много сведений по истории башкирского народа собрал организатор и смотритель природоведческого и этнографического музея при Неплюевском кадетском корпусе Т. Зан, один из организаторов общества «филомаатов». Он был в числе первых собирателей башкирского песенного фольклора. Политические ссыльные внесли свой вклад в изучение природных богатств Башкирии и Казахстана. Ими были собраны богатейшие минералогические, зоологические и ботанические коллекции, часть из которых была отправлена в Виленский, Берлинский, Казанский университеты, в варшавский и оренбургский музеи.

Поскольку образованных людей в губернии было мало, местные власти привлекали ссыльных к работе в губернских и уездных учреждениях. И нередко ссыльные занимали довольно значительные посты в органах управления краем. Так, Я. Виткевич изучил несколько восточных языков и с успехом выполнял дипломатические поручения губернатора в Средней Азии, был первым российским посланником в Кабуле².

В конце 50-х годов XIX в. количест-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6084; Гаско М. О чем рассказывают рисунки Тараса Шевченко. Киев, 1970. С. 33,36—40 (на укр. яз.).

² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39, 40, 59, 180, 191, 222, 223, 229, 333, 335, 337, 427, 437, 472, 538; Записки Песляка. Сообщены М. В. Лоссиевским // Исторический вестник. 1883. Т. 13, ч. 9. С. 577—585; Модестов Н. Указ. соч. С. 9—55; Сапаргалшев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971.

Карта № 9. Восстание 1835 г. в Башкортостане

во политических ссыльных в крае резко сократилось. Новый император Александр II под влиянием общественного мнения вынужден был объявить об амнистии «политическим преступникам». В соответствии с положениями коронационного манифеста от 26 августа 1856 г. в течение нескольких последующих лет были освобождены от военной и гражданской службы и получили разрешение вернуться на родину все оставшиеся в живых репрессированные деятели первого этапа революционно-освободительного движения.

§ 3. Восстание 1835 года

Причины восстания. В 30—40-х годах XIX в. по всей стране прокатилась волна массовых антифеодальных вы-

ступлений трудящихся масс. Наиболее крупным из них было восстание 1834—1835 гг. государственных крестьян, башкир, теплярей и мишарей Пермской и Оренбургской губерний.

Главной причиной недовольства государственных крестьян явился закон от 16 января 1830 г. об обмене обедневших удельных крестьян центральных губерний на государственные селения многоземельных губерний, в том числе Пермской и Оренбургской¹. Этот акт означал превращение достаточно свободных в хозяйственном отношении государственных крестьян края в царские крепостных, близких по своему положению к помещичьим крестьянам.

¹ ПСЗ П. Т. 5. № 3427.

Башкиры и мишари были недовольны безмерным увеличением трудовых повинностей. В этом они видели стремление перевести их в податное сословие, лишить личной свободы и вотчинного права на землю. В начале 1835 г. уфимский земский исправник Тимашев сообщал командующему Башкиро-мещерякским войском полковнику Т. А. Циолковскому о том, что башкиры боятся потерять личную свободу и вотчинные права, проявляя особое недовольство тем, что их заставляют работать даром или за низкую плату на общественных поташных заводах, обременяют требованиями о поставке подвод¹ и т. д.

Недовольство заменой «службы на коне» казенными работами чувствовалось и среди войсковых чиновников. В апреле 1835 г. началось следствие, а затем и военно-судное дело над начальником 12-го башкирского кантона сотником К. Нагайбаковым, который при осмотре командиремых на земляные работы в Сергиевск на Бердянскую линию и в Уфу говорил в кругу юртовых старшин, что «люди те не на службу, но на каторжную работу командируются..., что служба лопатошная есть каторга, башкирцы нынче стали плохи, не умеют от оной избавиться»². Тревога башкир за свою свободу особенно усилилась после введения в 1835 г. института попечителей из русских штаб-офицеров и стряпчих, названных в народе «полицейскими».

Участились случаи религиозных притеснений и насильственного крещения мусульманского населения. Строительство мечетей, открытие школ при них, назначение духовных лиц всячески затруднялось. Из обязанностей духовенства были изъяты почти все гражданские и судебные дела³. Мулл заставляли выполнять трудовые повинности, подвергали телесному наказанию. Возмущение населения вызвало законоположение от 13 мая 1830 г. о погребении умерших мусульман только через три дня после смерти, тогда как по существующим обычаям умерший предавался земле в день смерти. Распространенным явлением стало крещение сирот и обед-

невших членов башкирских сельских обществ. Для желающих принять православие правительство создавало значительные льготы, зато смертная казнь ожидала тех крещенных, которые вздумали вернуться в магометанство⁴.

Начало и ход восстания. Массовое народное движение на Урале началось с волнений государственных крестьян Пермской губернии осенью 1834 г. Поводом к выступлению послужило ужесточение сбора недоимок, воспринятое крестьянами как начало перевода их в удельное ведомство. Были также слухи о продаже крестьян помещику Медведеву. Первыми выступили крестьяне Златоустовской волости Красноуфимского уезда, а затем движение перекинулось в соседний Кунгурский уезд. Крестьяне требовали от местных властей «бумаг о поступлении их в удел», угрожали им, отказывались от несения повинностей в пользу казны⁵.

К февралю 1835 г. волнения несколько утихли, но с апреля вновь усилились. К движению присоединились башкиры, мишари, служилые тептяри. Мощным возбудителем их явилось распоряжение властей о строительстве запасных хлебных магазинов и заполнении их зерном. В тогдашних условиях это было прогрессивным мероприятием, но бюрократические методы его проведения вызвали недовольство крестьян. С одной стороны, у них появилась дополнительная нелегкая повинность, особенно в районах со слабо развитым земледелием. С другой стороны, распространились слухи о том, что под видом амбаров власти строят церкви, чтобы мусульман насильно обратить в христианскую веру, а затем превратить в крепостных. В подкрепление этих слухов приводились разосланные на места чертежи запасных хлебных магазинов, где

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 118. Л. 1—12.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 1—2.

³ ПСЗ II. Т. 7. № 5500.

⁴ ПСЗ. Т. 38. № 28891; Там же. Т. 40. № 30584.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 96.

перекладина и стойки в поперечном разрезе здания образовывали форму креста¹. В русских же селениях утверждали, что устраиваемые магазины будут «домами сенатора Медведева»².

Крестьяне стали переходить к более решительным действиям, вооружаться копьями и косами. Они захватывали речные переправы, не пускали в свои деревни чиновников, грозили им расправой. 12 июня у дер. Байкино Кунгурского уезда произошло столкновение 3—4 тыс. крестьян с правительственными командами. Восставшие потерпели поражение, потеряв 5 человек убитыми и 34 ранеными. В правительственных командах были легко ранены 1 прапорщик и 6 солдат³.

Начались волнения в Оренбургской губернии. В апреле 1835 г. между Оренбургом и Самарой казачье население 4-го и 5-го кантонов выступило против общественной запашки. Их примеру последовали казаки Елдякской станицы, расположенной к востоку от Бирска. Однако выступление казаков было быстро подавлено карательным отрядом. За участие в волнении 170 казаков предстали перед судом и получили различные наказания⁴.

В июне власти приступили к реализации положения о строительстве запасных хлебных магазинов. Повсеместно на сходах жителей войсковые чиновники объясняли содержание нового закона и обязывали население выносить приговоры в знак согласия приступить к исполнению его положений. Одновременно распространились слухи об отмене царем распоряжений о строительстве хлебных магазинов и его приезде в Кунгурский уезд для решения волнующего крестьян вопроса⁵.

Население сопротивлялось властям. В Бирском уезде решительный отказ строить магазины последовал в 7,9 и 11 юртах 4-го мишарского кантона. В дер. Тимкино мишари не стали даже слушать приказ кантонного начальника Абдулфеттаха Максютова и «бросились все со двора старшины, куда были собраны, бежав некоторые в ворота, другие через заборы, так что ни одного че-

ловека не оставалось... Схватить возмутителей не было возможности»⁶. В дер. Подлубово рядовые и низшие войсковые чины спасли от ареста своих предводителей, избив чиновников, прибывших вместе с Максютовым. Кантонный начальник вынужден был выдержать «облакаду» рядовых мишарей, которые угрожали убить его, приговаривая: «От нас на крыльях не улетишь». Явное неповиновение начальству оказало население деревень Арбашево, Верхнее и Нижнее Карышево, Ялязикулево, Чишмино, Иштеряково, Нуркино, Чертанлыкулево и др.⁷

В июле волнения охватили тептярские селения уезда. В дер. Бабаево в ответ на требование земского исправника Лепковского о строительстве магазина тептяр Карачим Иштыганов говорил жителям: «Не верьте, нет никакой высочайшей воли, объявление обманчиво!». Исправник арестовал его, но тептяри освободили Карачима⁸. Отказ подчиниться новым требованиям властей последовал в дер. Байгузино, где собралось до 300 тептярей. Они не позволили исправнику арестовать своих вожakov. Повстанцы схватили и заперли в избу нескольких старшин и мулл и угрожали лишить их жизни. Тептяри, собравшиеся возле дер. Вотский Тазлар, предупредили прибывшего сюда чиновника особых поручений при генерал-губернаторе А. И. Веригина, что они «высочайшей воли знать не хотят, что им ни Сибирь, ни смерть не страшны». В волнениях участвовали удмурты, марийцы, татары деревень Тугаево, Касярово, Явметево, Старое и Новое Кизганово, Старое и Новое Дюртюкеево, Усманово, Старое Кангильдино, Сейтяково, Бикзяново⁹.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835. Д. 387. Л. 24.

² ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 55.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 97.

⁴ Там же. С. 97—98.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 4—5.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 23—27, 255—257.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 92—93, 108—109; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 204, 298—299.

Волновалось население соседнего 10-го башкирского кантона. Башкиры дер. Кусюково, Янаулово, Баряшево, Артаулово, Кугиманакново, Бикметево призывали тептярей к стойкости в борьбе и «быть заодно» с ними. Как и в других местах, в 10-м башкирском кантоне среди активных зачинщиков волнений были муллы и представители низового звена кантонной администрации — зауряд-есаулы. Кантонный начальник Сафаров «главным подстрекателем» волнений называл указного муллу дер. Султеево башкира Абубакира Абдулхаирова, который разъезжал по уезду и «заставлял их (тептярей) переменить свое решение строить магазины», обещал исходатайствовать в Кунгуре «освобождение от постройки сельских магазинов и от крещения их в христианскую веру»¹. Башкиры деревень Улуг-Бадрака, Тукрана, Кинкаш, Силясу и других, возглавляемые указными муллами Хисматуллой Кушугуловым, Байгузой Якиевым и зауряд-есаулом Исмагилом Абдыковым, отказались от постройки магазинов и запретили юртовому старшине Нугуману Кутлубаеву разъезжать «с уговорами», угрожая ему физической расправой².

В середине июля в Бирский уезд прибыл командующий Башкиро-мещерякским войском полковник Циолковский. По его распоряжению в 4-м мишарском и 10-м башкирском кантонах были схвачены и отправлены в бирскую тюрьму по 14 наиболее активных участников волнений, другие «возмутители» подвергнуты телесному наказанию казачьими нагайками³.

Но расправы не сломили крестьян. После отъезда Циолковского волнение в уезде усилилось. Волновались и те селения, которые уже составили приговоры о согласии строить магазины. Так, жители 17-й тептярской команды отказались от приговора, избивли старшину, а в дер. Большое и Малое Качаки выдернули столбы с надписями о числе дворов и полевые ворота. Они не позволяли арестовывать своих вожаков, «стоя у их домов на карауле»⁴. Повстанческий отряд тептярей 1-й команды из

300 человек, прискакав в дер. Янтузово, потребовал от старшины Тойкина возвращения приговора. Когда исправник схватил троих повстанцев, вооруженные рычагами и ружьями жители деревни бросились отбивать их. Восставшие избивали смотрителя магазина и угрожали смертью всем повинующимся начальству⁵.

Волнения распространились на Уфимский уезд. 9 июля на мирской сходке русских государственных крестьян в с. Месягутово Сикиязской волости были объявлены указ оренбургской казенной палаты и предписание уфимского земского исправника Тимашева о постройке хлебных запасных магазинов. Но собравшиеся заявили, что магазины строить не согласны, так как указ и прочие документы «не сам царь подписал, что общество продано господину Медведеву». Крестьяне решили «в удел не идти», а если придет исправник, встретить его «грудью шеренгою..., стоять одному за другого»⁶.

На следующий день в Месягутово прибыл земский исправник Тимашев. Он потребовал к себе «первого возмутителя» Моисея Верздакова, но тот заявил, что «завтра придет (со) всем миром»⁷. Предвидя волнение крестьян, Тимашев вызвал на помощь мишарский отряд. В ответ на это месягутовцы заключили с башкирами, мишарями и тептярями, собравшимися в башкирской деревне Дуван-Мечетлино, «условие на общие действия с приложением к оному тамог и рук». По свидетельству исправника, «казенные крестьяне послали на почтовых двух нарочных в Златоуст для покупки оружия и даже самих пушек»⁸.

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 23а, 261, 297.

² Там же. Л. 58.

³ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 267 об.

⁴ Там же. Л. 162 об.

⁵ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 299.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 57 об.

⁸ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 75, 80, 82, 242—244, 289.

Утром 11 июля народ заполнил церковную площадь Месягутова. Здесь собралось около 2000 русских государственных крестьян, башкир и тептярей из близлежащих деревень. Над площадью стоял большой шум. Тимашев велел своим представителям объявить народу, что «совещаний никаких делать не следует и чтобы все разошлись по домам». Но как только показались высланные им уговорщики, башкиры и крестьяне начали их бить. К бунтующей массе присоединились мишари, приехавшие сюда по требованию исправника. Башкиры «с диким гайканьем» бросились на небунтующих крестьян села Сикиязя и дер. Озерской и плетью погнали их к исправничьей квартире. Последняя оказалась в плотном окружении. «Опасаясь выдти к освирепевшему многолюдству, — писал позже Тимашев в своем рапорте, — я растроил окно и только лишь начал их увещивать..., как башкиры закричали, что магазины строить не хотят... Крестьянин Василий Никитин полез в окошко и, схватив за ногу с помощью других неизвестных мне крестьян, вытащил меня в народ, который начал бить меня кулаками, а башкирцы плетью»¹.

Восставшие били всех, кого только подозревали в знании царского указа о передаче их в Удел. Они разобрали все бумаги и вещи Тимашева, желая обнаружить «печать сенатора Медведева». Не обнаружив ее, «ожесточенные буяны» вновь начали ругать и бить Тимашева, угрожая подвесить его к кровельному желобу. До 15 июля пробыл исправник под строгим караулом и лишь при помощи соглашательской части крестьян ему удалось освободиться из заключения и бежать из Месягутова². Во главе восставших стояли крестьяне Леонтий Васев, Алексей Крыласов, Моисей Верздаков, башкиры — разжалованный сотник Абдулгагир Кущугулов, зауряд-есаул Нигматулла Мещеров, урядник Адначуря Султамратов и азанчей дер. Улькунды Зейнулла Абдулкадыров³. Выступления крестьян произошли также в близлежащих селениях Дуване, Ярославке и Тастубе.

Одновременно с государственными крестьянами волновались соседние башкиры, мишари и тептяри. По приказу начальника 8-го башкирского кантона Тикеева 11 июля в деревне Дуван-Мечетлино собрались юртовые чиновники, чтобы отчитаться о ходе заготовки леса для строительства магазинов. В тот же день туда направились жители окрестных деревень, обеспокоенные слухами о предстоящем крещении. К собравшимся обратился дважды разжалованный зауряд-офицер из дер. Абдрешитово 8-го кантона Валиша Аккушев со словами: «Решайтесь защищать нашу веру и свободу! Возьмите пример с русских, коим по единоверчеству дела русского правительства лучше известны; они решились на все, чтобы охранить свою прежнюю независимость»⁴. Тут в село прибыла делегация из дер. Большая Ока 2-го башкирского кантона. Посланцы призвали население ко всеобщему сопротивлению созданию сельских хлебных магазинов. Ответ был положительный. Собравшимся дали письмо о готовности к совместному выступлению, подписанное представителями Большекущинской, Мурзаларской, Тырнаклинской, Дуванской и Сартовской волостей⁵.

Последовали и действия. Старшина 11-й юрты Муса Султамбеков был избит толпой за согласие строить магазины⁶. 12 июля отряд восставших настиг и арестовал в дер. Сальзегутово кантонного начальника Тикеева и пятерых сопровождавших его башкир. Служебные документы Тикеева оказались в руках у повстанцев. Они уничтожили все приговоры о раскладке сборов на постройку запасных магазинов⁷. Затем восставшие выбрали поверенными «представителей народных, защитников их прав и свободы» — старшину 13-й юрты Исламгула Клысбаева, зауряд-сотника

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 75—76.

² Там же. Л. 79.

³ Там же. Л. 309—311, 117.

⁴ Там же. Л. 243.

⁵ Там же. Л. 346—347.

⁶ Там же. Л. 115.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 130—131.

Ишкиню Ирмакова, Валишу Аккушева и Абдулбасыра Хайбуллина и потребовали от кантонного начальника выдачи билетов для их свободного проезда по всем губерниям. Тикеев вынужден был удовлетворить это требование. Восставшие составили новые общественные приговоры, в которых указывалось «магазины не строить», «стоять против власти». Приговоры были закреплены тамгами жителей и печатью кантонного начальника¹.

Движение перекинулось на Красноуфимский уезд Пермской губернии. «Второй башкирский кантон виновнее всех прочих, — писал генерал-губернатор военному министру. — Здесь не было еще сделано никакого распоряжения по предмету постройки магазинов, но жители, узнав о возмущении 8 кантона, посылали туда осведомиться о происходившем, вызывались быть заодно с бунтовщиками, разъезжали вооруженными толпами и потом отправили возмутительные грамоты в другие кантоны, в особенности стараясь привлечь к себе башкирцев 6 и 9 кантонов»².

В начале июля сельский сход дер. Большая Ока Кушинской волости, населенной башкирами, мишарями и тептярями, решил «общим советом противиться распоряжениям начальства вооруженною рукою»³. Началось постепенное вооружение повстанческих отрядов, ковалось оружие. Представители старшинской верхушки, отказывавшиеся участвовать в сопротивлении властям, подвергались физическим наказаниям. Был избит бывший юртовой старшина Канзафар Амиров, который запретил делать копыя в своей кузнице⁴. Указной мулла Абдулбахит Бакиев призывал население к сопротивлению властям. Предводителями повстанцев стали Абдулвагап Каримов, его сын Абдулмежит Абдулвагапов, урядник Динмухамет Сагадиев, Курбангали Ишменев, Сайбаттал Абдулгафаров, братья Габделзалил и Габделзабир Аптикаевы. Энергичными мерами они мобилизовывали население «на службу». В Оку стекались вооруженные пиками, ружьями и луками жители соседних деревень⁵.

По примеру повстанцев 8-го кантона было решено найти и арестовать начальника 2-го башкирского кантона Салиха Кустугильдинова и уничтожить документы о предполагаемой передаче населения удельному ведомству. 15 июля отряд восставших в 800 человек настиг кантонного начальника в дер. Шокурово. Повстанцы обстреляли дом, где скрывался Кустугильдинов, потребовали у него выдачи документов. Осада дома была снята лишь тогда, когда кантонный начальник на Коране принес клятву об отсутствии у него предписаний о переводе народа в Удел и о крещении магометан⁶.

18 июля взбунтовалось тептярское население уезда. Отряд, состоявший из татар, башкир, марийцев дер. Еманзелга, Устьбугалыш, Средний Бугалыш, Сарсазы, явился в старшинское правление и заставил старшину Забирова и писаря Голенищева составить приговор об избрании поверенных по общественным делам и скрепить его старшинской печатью. Предводителями восставших были Ардашир Баширов, Мухаметдин Бакиев, Хисаметдин Мухаметкаримов. Будучи «в азартном положении ожесточены», тептяри избивали всех, кто отказывался от участия в восстании. Они захватили в правлении служебные документы и добивались от старшины Забирова подписки об отсутствии у него указов о переводе в Удел⁷.

Неспокойно было в Троицком уезде. В июле самовольные сходки тептярей и мишарей состоялись в деревнях Верхние и Нижние Киги и Еланлино. Башкиры 4-го кантона собирались в деревнях Тогузлы и Самерово. Население не соглашалось строить общественные

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 294.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 387. Л. 22 об.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 340.

⁴ Там же. Л. 342.

⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 235.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 45, 334—338.

⁷ Там же. Л. 59—60, 87.

магазины, готовилось к обороне «силой оружия», запасалось стрелами, луками, ружьями, готовило телеги для отправки семейств с имуществом в леса и горы¹.

Башкиры стремились вовлечь в движение русских крестьян соседних волостей. Старшина Емашинской волости Троицкого уезда П. Мусихин рапортом от 16 июля просил гражданского губернатора удержать башкир, которые, «беспрерывно проезжая через русские селения, принуждают примкнуть (к ним), возмущая и угрожая...»². В волостное правление поступали сведения о том, что 18 июля отряд вооруженных пиками, саблями и ружьями башкир дер. Малая Ока подошел к дер. Устыкинское и призывал крестьян «быть вооруженными с ними сообщниками»³.

Происходили волнения и в деревнях Белебеевского уезда. Тептяри 6-й и 11-й команд прекратили строительство хлебозапасных магазинов. С призывом отказаться от постройки магазинов по деревням разъезжал старшина 5-й тептярской команды Арслан Сыртланов, за что немедленно был отрешен начальством от должности⁴. Но решительных выступлений в уезде не было.

Таким образом, движение охватило юго-запад, север и северо-восток края. По словам генерал-губернатора Перовского, в крае против властей восстало всего «40 тысяч душ мужского пола»⁵.

Подавление восстания. С получением первых известий о волнениях в Бирском уезде генерал-губернатор Перовский направил туда командующего Башкиро-мещерякским войском Циолковского. К местам, охваченным восстанием, выехал и оренбургский гражданский губернатор А. П. Гевлич. В ночь на 14 июля он узнал о бунте в Месягутове, а на другой день прибыл в с. Тастуба. По просьбе Перовского оренбургский муфтий Габдусалам Габдрахимов обратился к мусульманам края со специальным посланием — фетвой, осуждающей восстание⁶.

Против повстанцев были двинуты крупные воинские силы. Перовскому удалось изолировать от движения 6 и 9 кантоны, населенные компактными

массами башкир, и даже создать для подавления восстания специальный добровольческий отряд из 1000 хорошо вооруженных башкир. Затем было сформировано еще два карательных отрядов. Первый под командованием подполковника Геке состоял из 850 оренбургских казаков, двух рот солдат при двух орудиях и тысячи башкирских конников; второй, под началом полковника Н. А. Мансурова, — из 500 оренбургских казаков, роты солдат при 4-х орудиях и конной казачьей артиллерии. Командирам было приказано «уничтожать в самом начале всякого рода неблагонмеренные скопища... вначале убеждением, затем, в случае упорства, силою оружия»⁷.

Отряд Мансурова, направившийся из Оренбурга в Уфу, был возвращен обратно вследствие ослабления движения в Уфимском уезде. Отряд Геке, к которому присоединились 1000 башкирских «охотников», вышел из Оренбурга 18 июля и «усиленными маршами» следовал через Верхнеуральск и Троицк на Златоустовский завод⁸. Сам Перовский, обогнав главные воинские части, через Златоуст направился в 4-й башкирский кантон, находившийся в Троицком уезде. Собрав башкир дер. Кулбаково, он арестовал зачинщиков волнений для предания их суду, а менее виновных наказал публично. После прибытия войска Перовский произвел экзекуцию крестьян с. Месягутово и окружающих башкирских деревень. 4 августа им было отправлено в Уфимский тюремный замок «в ножных железах» 12 предводителей восставших крестьян⁹. Окончательное усмирение населения в Уфимском и

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 28—30.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 90.

³ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 157 об.—158.

⁴ Там же. Л. 171—172, 183.

⁵ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 383.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 144 об.; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 67—73, 267.

⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 111; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 140.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 178.

⁹ Там же. Л. 54.

Бирском уездах генерал-губернатор поручил Циолковскому, предоставив в его распоряжение половину отряда. С другой частью отряда во главе с Геке Перовский отправился в Пермскую губернию.

Перед лицом неминуемых репрессий жители 8-го кантона заявили о своей покорности Циолковскому. Многие повстанцы ушли в леса. На них устраивались облавы. В 8-м башкирском, 3-м мишарском кантонах и 9-й тептярской команде Циолковский арестовал 43 «зачинщика». Он обязал население приступить к строительству хлебных магазинов.

5 августа Перовский вместе с командой Геке вступил в пределы Красноуфимского уезда и расположился военным лагерем у дер. Большая Ока. «Произведенное мною здесь исследование было удачно, — сообщал Перовский Чернышеву. — Найдены подлинные письма, писавшие их и подписавшие известны и взяты»¹. 7 августа окинцы, согнанные на мирскую сходку, объявили генерал-губернатору о своем «раскаянии». Подвергнув их жестокой порке, Перовский арестовал 21 «зачинщика» во главе с указным муллой Абдулбахитом Бакиевым. В других деревнях уезда карателями было арестовано 10 башкир и 28 тептярей, наиболее активных участников выступлений в Озерках, Шокурово и Еманзелге². Чтобы посеять взаимную вражду между башкирами, исполнение физических наказаний повстанцев поручалось башкирам, включенным в состав карательных частей. «Междоусобную ненависть, долженствующую произойти из сего в башкирских кантонах, — сообщал Перовский военному министру, — почитаю я важнейшим залогом будущего спокойствия для здешнего края»³.

В середине августа Перовский прибыл в Бирский уезд. Началась жестокая расправа над участниками волнений. 239 человек из главных «тептярских зачинщиков» были брошены в бирскую тюрьму.

К концу августа восстание было окончательно подавлено. Пристально

следивший за ходом событий в губернии Николай I выразил генерал-губернатору «особенную признательность» за «пламенное отличное усердие... в водворении строгой дисциплины и порядка в башкирских кантонах»⁴. В начале сентября в полное повиновение были приведены государственные крестьяне Пермской губернии.

Активные участники восстания были преданы военному суду. Главная военная комиссия под председательством Перовского заседала в здании уфимской тюрьмы. Суд носил чисто формальный характер.

В сентябре — октябре 1835 г. в Уфу были доставлены заключенные из переполненной бирской тюрьмы. В начале 1836 г. началось судебное разбирательство над 12 государственными крестьянами Уфимского уезда, которые после наказания были сосланы в Сибирь или отданы в солдаты⁵. Одновременно в военно-судных комиссиях при 7 и 11-м линейных батальонах Оренбургского корпуса разбирались дела башкир и тептярей Красноуфимского уезда. Суд приговорил 10 башкир и 28 тептярей уезда к телесному наказанию шпицрутенами и ссылке в Сибирь на поселение⁶. 21 января 1836 г. в Кизильской крепости состоялся суд над заключенными из дер. Большая Ока. Из 21 осужденного семеро, после наказания шпицрутенами через 500 человек, были сосланы в Сибирь на поселение, остальные отданы в солдаты⁷.

Суд над башкирами, тептярями и мишарями Уфимского, Бирского и Троицкого уездов состоялся в Уфе осенью 1836 г. Наиболее виновными были признаны башкиры 8 и 4-го кантонов, принявшие участие в Месягутовском восста-

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 181.

² Там же. Л. 352, 372.

³ Там же. Л. 181.

⁴ Там же. Л. 214.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. Л. 216 об.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 372—374.

⁷ Там же. Л. 334—357; ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 573.

нии. 18 из них были наказаны шпицрутенами до 4 раз через 500 человек и отправлены на каторгу в Сибирь¹. Остальные осужденные после наказания шпицрутенами были сосланы в Сибирь на поселение и отданы в солдаты. По неполным данным, в Сибирь было сослано более 75 человек. В декабре 1836 г. в уфимской тюрьме была произведена экзекуция осужденных, в ходе которой скончалось 16 человек². Еще до экзекуции 26 октября умер Абдулкагир Кушугулов. Всего было осуждено 370 человек.

Среди осужденных немало было участников военных кампаний в 1805—1815 гг., проявивших воинскую доблесть в защите родины. Например, заурядесаул 6-й юрты 4-го башкирского кантона Рахметулла Юлдашев в 1812—1815 гг. находился в действующей армии и был награжден медалью в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Такую же награду имел башкир дер. Бикметево 10-го башкирского кантона Бахтияр Альмухаметов³. Урядник дер. Четырманово 17-й тептярской команды Бирского уезда Сабит Сартыков за участие в блокаде и осаде города Данцига, где был неоднократно «в сражениях против французских войск», удостоен ордена св. Георгия⁴. Тептяр дер. Гублюкучуково 3-й команды того же уезда Абдулмезит Мусагитов имел медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.».

Многие из «зачинщиков бунта» 1835 г. имели опыт классовых выступлений. Так, в формулярном списке того же Абдулмезита Мусагитова указано: «наказан шпицрутенами через 500 человек один раз и за подстрекание нижних чинов к несправедливым жалобам оставлен в подозрении»⁵. Дважды преследовались за уличения кантонного начальника и юртовых старшин во взяточничестве и злоупотреблениях башкиры Нигаматулла Мещеров и Абдулкагир Кушугулов. Предводитель восставших дер. Большая Ока 64-летний Абдулгагап Каримов был судим и наказан палками «за расстройство башкирцев, командированных на службу»⁶. Еще до 1835 г.

подвергались наказанию властями за выступления против несправедливостей и угнетения башкиры 8-го кантона Имай Исякаев, Ишкиния и Жюмадил Ермаков, Ишим Ажуков, Ихсан Карабаев, 4-го кантона Баймухамет Мендияров, 2-го кантона Абдулмезит Абдулгагапов, Сеитбаттал Абдулгафаров, 4-го мишарского кантона Габдулгани Амирханов⁷. Именно эти люди выступали в роли «бродила», а с началом восстания приняли в нем самое активное участие.

Среди осужденных было 29 заурядчиновников и 9 духовных лиц. Это свидетельствует о том, что часть войсковой верхушки башкир и мишарей стала на сторону восставшего народа. Будучи грамотными и обладая более высоким, чем рядовые, кругозором, они оказывали на движение большое идеологическое воздействие. Не случайно, царизм считал их наиболее опасными преступниками. Основная же масса заурядчиновников, мулл и ахунов не рисковала своим служебным положением и благополучием и воздержалась от участия в волнениях.

Восстание 1835 г. явилось последним крупным антифеодальным движением трудящихся масс Башкирии. В нем совместно боролись народы различных национальностей. Хотя в целом движение носило стихийный характер, в действиях повстанцев прослеживается стремление к объединению сил, взаимной поддержке. Об этом свидетельствуют письменно оформленные союзы между башкирами 8-го кантона и русскими крестьянами государственных селений Месягутово, Сартово, Дувана, а также между башкирами, мишарями и тептярями Красноуфимского уезда. Именно такое содружество придавало силы и

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 90. Л. 358—371.

² Там же. Л. 294.

³ Там же. Л. 365—366.

⁴ Там же. Л. 367.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 352.

⁷ Там же. Л. 352, 364—366.

уверенность восставшему населению в решающие моменты борьбы. Хотя восставшие башкиры, тептяри и мишари, среди которых были и представители мусульманского духовенства, выступали также против христианизации и национального гнета, в бурных событиях 1835 г. не было никаких конфликтов между восставшими русскими крестьянами и нерусскими народами края. Наиболее активные выступления проходили в местах, расположенных в районе боевых действий Салавата Юлаева в 1774 г.

Восстание не распространилось на всю территорию края. Причины этого следует искать в политике властей, направленной на быструю изоляцию повстанческого района и военное подавление движения, разобщение и натравливание друг на друга различных народов, а также в различиях в социально-экономическом положении отдельных сословных групп населения. Земельная неустроенность недавних русских переселенцев, их боязнь обострять отношения с властями в то время, когда истекали сроки аренды башкирских земель, явились причиной воздержания многих крестьян от участия в восстании.

Несмотря на локальность и слабую организованность, восстание 1835 г. имело большое значение. Своей самоотверженной борьбой русские государственные крестьяне, башкиры, мишари и тептяри сохранили личную свободу. Царизму пришлось отказаться от планов передачи жителей Приуралья в удельное ведомство и более осмотрительно проводить политику в отношении нерусского населения края.

§ 4. Антикрепостническая борьба крестьян и горнозаводского населения

Движение в помещицкой и удельной деревне. Большую активность в антикрепостнической борьбе проявляли помещицки крестьяне, испытывавшие наиболее деспотические формы гнета.

Нравы оренбургских помещиков правдиво описаны русским писателем С. Т. Аксаковым. В «Семейной хронике» под фамилией Куролесова выведен белебеевский помещик Куроедов, жестокость которого не знала границ: он истязал, калечил и убивал людей.

Особенно частым притеснениям и унижениям подвергались дворовые крестьяне. Например, дворовый Семенов просил губернатора отдать его на военную службу, чтобы избавиться от своего господина уфимского помещика Шильникова, истязавшего его «до беспомощности»¹. Жалобы крепостных, как правило, не рассматривались. И лишь в конце 50-х годов в ходе подготовки крестьянской реформы местные власти иногда проводили расследования по жалобам на злоупотребления помещиков. Так, в 1859 г. стало известно о жестокостях, которым подвергались дворовые бирского помещика Федоровича. От него бежал в Уфу 14-летний Федот Прокофьев, потому что «не имел сил оставаться у барыни по случаю частых побоев». Его отец показывал на следствии, что даже не помнит, сколько раз и за что бил его барин. Однажды он был наказан полицейскими розгами до 100 ударов только за то, что пытался защитить своих детей от частых побоев. 78-летний дворовый Роман Матвеев рассказывал, что он также «почти ежедневно был сечен при полиции за самую малую вину и вовсе безвинно». Дворовые Дарья, Наталья, Аксинья, Федосья жаловались на самодурство барыни. Когда они просили у нее хлеба, то в ответ она плевала им в лицо, если же посторонние давали им хлеб, госпожа отнимала его и бросала собакам².

В 50-е годы XIX в. широкую известность получило «дело Жадовского»³. Бывший председатель Петербургской казенной палаты генерал А. Е. Жадовский

¹ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 332. Л. 1—2.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3100. Л. 1—34.

³ Там же. Д. 432. Л. 8—224; РГИА. Ф. 1286. Оп. 12, 1850 г. Д. 657. Л. 1—145.

владел имением в Бирском уезде¹. Его крепостные были переведены сюда из Пензенской, Костромской и других губерний и поселены в дер. Ангасяк, где проживали татары — государственные крестьяне и марийцы-тептяри. По имени Жадовского место стало называться Анастасьино. Испытывая неопишуемые издевательства барина, доведенные до крайней степени разорения, крестьяне в ночь на 20 января 1854 г. избили Жадовского. Участники этой экзекуции были арестованы и отданы в рекруты. Весной 1855 г. 50 крестьян двумя партиями явились к губернатору с жалобами на злодеяния помещика. Зарвавшийся владелец решил отомстить своим крестьянам за жалобу: он разделил 378 душ крепостных на три группы и приказал одну треть отдать в солдаты, другую — в ополчение (шла Крымская война), третью выслать в Сибирь. В пылу гнева помещик сжег лес на протяжении 5 верст, и огромный пожар был потушен государственными крестьянами и тептярями.

Слухи о «подвигах» генерала дошли до царя. Была назначена следственная комиссия, которая, проверив положение крепостных помещика, представила правительству «Особую записку о системе управления в имении помещика Жадовского»². Положение крепостных, как отмечалось в ней, ничем не отличалось от положения рабов. На 750 душ крестьян имелось лишь 79 дворов, на две семьи был один дом и двор. Жадовский не выделял своим крестьянам земельных наделов, и многие крестьяне вынуждены были сеять хлеб на своих дворах. Несмотря на это, генерал обязывал каждое крестьянское тягло платить по 30 руб. серебром оброка в год. По заключению комиссии, крестьяне Жадовского были «более нежели бедны». На каждую крестьянскую семью приходилось по 500 руб. недоимок. Крестьяне Жадовского страдали от его жестокостей. Он собственноручно избивал всякого, «кто попадется ему навстречу». В столярной мастерской ежедневно делались особые граненые палки вместо ломавшихся при избииении крестьян. В 1859 г. Жадовский

был сослан в Вятку, а затем отправлен в смиренный дом. Материалы следственной комиссии под названием «Дело плантатора Жадовского в Оренбургской губернии» были опубликованы в герценовском «Колоколе»³.

Основным требованием крестьянского движения в первой половине XIX в. было освобождение от помещичьей власти, которое представлялось крепостным как переход в разряд лично свободных казенных поселян (государственных крестьян, казаков и т. п.). Чтобы получить свободу, крепостные использовали любой удобный повод — незаконное, по их мнению, закрепощение, свое нерусское происхождение, смерть или смену владельца, обещание помещика (чаще всего устное) отпустить их на волю «за верные услуги» и т. д.

Против «рабственного повиновения» помещикам Тевкелевым боролись жители дер. Ахуново, Старое и Новое Балтачево и других, закрепощенные еще в ходе жестокого подавления башкирских восстаний XVIII в. Летом 1799 г. отряд вооруженных повстанцев дер. Новое Балтачево напал на помещичью усадьбу. Тевкелев и его приказчик спаслись бегством. Восставшие схватили старосту и одиннадцать крестьян, оставшихся верными помещику, избили их и заключили под стражу. Для усмирения бунтующих с командой башкир и мишарей прибыл заседатель Булатов. Конные повстанцы с криком бросились на карателей, стреляя из ружей и луков. Отряд Булатова обратился в бегство. Подавление бунта было поручено уфимскому уездному судье Самойлову, который прибыл в Новое Балтачево в сопровождении казачьей сотни. «Убирайся, куда цел, и никогда не езди, а то худо будет», — заявили ему крестьяне. Команде удалось арестовать 8 «зачинателей бунта», остальные крестьяне отсту-

¹ Ныне в Дюртюлинском районе Республики Башкортостан.

² РГИА Ф. 1286. Оп. 12, 1850 г. Д. 657. Л. 1—145.

³ Колокол, 15 января 1860 г. Факсимильное издание. М., 1964. Вып. 10. Л. 4.

пили и разбежались по лесам. Вожаки восставших были преданы суду. Неповиновение крепостных Тевкелеву продолжалось и в последующие годы, причем в их выступлениях участвовали и жители соседних селений, которые также страдали от бесчинств Тевкелевых¹.

Жители мордовских деревень Багряш и Касаклы (Исаклы) Бузулуцкого уезда до 1801 г. принадлежали дворцовому ведомству, а затем были куплены бригадиром Н. Дурасовым. Помещик заставлял крестьян выполнять барщину и, кроме того, посылал на работу за 700 верст на Юрюзанский железоделательный завод, чем довел их до крайнего разорения. Крестьяне требовали восстановить их в удельном ведомстве. По просьбе Дурасова для умирения крестьян в имение был введен казачий отряд калмыков. Летом 1806 г. состоялся суд над неповиновущимися крестьянами. 28 «зачинщиков» были наказаны плетью до 75 ударов, после чего 6 человек были отданы в рекруты, 22 — сосланы в Сибирь².

Нерусское происхождение крепостных также было поводом для иска свободы. Крестьяне деревень Коптяжевки и Кинельчаны помещицы Нагаткиной, требуя освобождения от крепостной неволи, утверждали, что их предки были люди разных наций — русские, «природные башкирцы», калмыки, карелы, «из польской нации», «персияне»³. Их борьба носила упорный и продолжительный характер.

В Бузулукском уезде известный поэт Г. Р. Державин обещал крестьянам вольную после своей смерти, но впоследствии изменил свое намерение. В 1817 г. после его кончины жители с. Державино категорически отказались подчиняться наследникам помещика, избрали бурмистра, а их поверенный Васильев обратился к оренбургскому генерал-губернатору. Для прекращения волнений в имение была введена воинская команда. Но борьба за свободу не прекращалась. В 1843 г. крестьянский посланник ездил в Петербург для подачи прошения царю. Затянувшееся дело по иску крестьян было рассмотрено в 1850 г. в уездном

суде. Крепостные получили отказ, их поверенные были сурово наказаны⁴.

Крестьяне с. Богородского Мензелинского уезда принадлежали Е. С. Мусину-Пушкину, участнику декабристского движения, осужденному по суду к лишению чинов и разжалованию в солдаты. Крепостные перешли к его сестре А. Еселевой и невесткам. Однако крестьяне не признавали тех законными владелицами и писали в своем прошении: «По бытности помещика... Мусина-Пушкина в числе мятежников по бунту 1825 года они подлежат причислению в казенное ведомство». Богородцы выбрали своим поверенным крестьянина Михея Александрова, человека самоотверженного и мужественного, готового пострадать за общее дело. Александров отправился в Петербург и 27 мая 1844 г. с подробным описанием «несчастной истории» односельчан обратился к царю. В 1845 г. он был арестован и переслан в Мензелинский земский суд, но 17 мая 1845 г. Александров убежал из-под караула. В ноябре его нашли в Петербурге и вновь отправили по этапам в Оренбургскую губернию. Александрову удалось второй раз сбежать от властей. В 1846 г. он обратился с двумя прошениями в Министерство юстиции. После поимки Александров был закован по рукам и ногам и в таком виде содержался в тюрьме два года. 26 апреля 1848 г. земляки-крестьяне освободили его, отбив у караульных во время препровождения к месту следствия. И в третий раз он тайком отправился в Петербург в поисках крестьянской воли. Но горячее стрем-

¹ Трифильев Е. П. Очерки по истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904. С. 231—237; Зобов Ю. С. Крестьянское движение в Оренбургской губернии в последней четверти XVIII — начале XIX в. // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1974. Вып. IV. С. 12—13.

² РГИА. Ф. 1582. Оп. 1. 1809. Д. 15. Л. 1—56 об.; Ф. 1341. Оп. 15. Д. 1538. Л. 1—19; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 506. Л. 309—311; Зобов Ю. С. Указ. соч. С. 12, 14.

³ Зобов Ю. С. Указ. соч. С. 14.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1817. Д. 73. 1—4; Ф. 1405. Оп. 48. 1850. Д. 5726. Л. 5—22 об.

ление к свободе не могло увенчаться успехом¹.

Одной из решительных форм антикрепостнической борьбы являлись побег крестьян от помещиков — групповые, массовые, одиночные. Массовые бегства внушали страх дворянам и администрации. Им предшествовало распространение слухов, вызванных, как правило, каким-нибудь правительственным указом о заселении окраинных земель. В 1825 г. пришло в движение крепостное население Саратовской, Симбирской и многих центральных губерний. «Все крепостное крестьянство тронулось со своих мест; тамошние власти не могли ничего поделать; народ валил тысячами в Оренбург, — писал очевидец, — несколько казачьих... полков... выставлены были по дороге возвращать переселенцев в прежние места их жительства»². Переселенцы стремились «пробраться на Верхнеуральскую линию», где, по слухам, крепостные получали волю и казенные земли для поселения. Поводом для подобных слухов явились указы правительства о разрешении государственным крестьянам селиться в Сибири и положение от 23 февраля 1823 г. о поселении там бродяг, не имеющих постоянного места жительства. До двух тысяч беглецов скопилось в Уфе, куда они проходили через Стерлитамакский уезд, оставляя, по словам современника, «во всяком господском селении... пагубные семена неповиновения». Всего в течение весны и лета 1825 г. в Оренбургской губернии было зарегистрировано свыше 6 тысяч беглых крестьян из 21 губернии. В поток беглых включились и местные крестьяне и заводские рабочие. Побег наблюдался более чем в 140 имениях Оренбургской губернии. На подавление массового движения были брошены полки Башкиро-мещерякского, Уральского и Оренбургского казачьих войск³.

Следующая волна массовых побегов была вызвана указом 5 апреля 1832 г., который разрешал «желающим людям свободного состояния» селиться на северо-восточном побережье Черного моря⁴. Хотя в указе говорилось лишь о

свободных людях, в июле 1837 г. в Оренбургском, Стерлитамакском, Белебеевском, Бугурусланском и Бузулукском уездах начались волнения помещичьих крестьян, которые готовились к переселению и предварительно отправили поверенных от разных деревень в Причерноморье. Военному губернатору Перовскому удалось в самом начале парализовать движение. Были схвачены и преданы суду наиболее активные крестьяне⁵.

Таким образом, борьба крепостных за освобождение от помещичьей власти принимала разнообразные формы. Они добивались личной свободы и лучших условий хозяйствования на своих наделных землях. Поскольку крестьяне больше всего страдали от злоупотреблений помещичьей властью, главное требование движения в помещичьей деревне сводилось к уничтожению власти крепостников. И лишь в самый канун реформы 1861 г., когда участь крепостного права была уже решена, в крестьянских требованиях значительно сильнее стали звучать экономические мотивы (активный протест против захватов наделных угодий, отказ от переселений на новые земли, несения повинностей и т. п.).

Удельные крестьяне считались царскими крепостными и не знали частнофеодального гнета. Относительная самостоятельность этой категории крестьянства и доступные к аренде плодородные башкирские земли способствовали быстрому хозяйственному утверждению удельной деревни. Именно поэтому всякое посягательство удельного ведомства на благополучие крестьян вызывало с их стороны резкий протест. Так,

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1844 г. Д. 345. Л. 1—35; Ф. 1405. Оп. 46. 1846 г. Д. 6783. Л. 1—15 об.

² Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 46.

³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 26. 1825. Д. 1531. Л. 1—36; Ф. 797. Оп. 3. 1825 г. Д. 10604. Л. 2; Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. М., 1961. С. 907; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 75—77.

⁴ ПСЗ II. Т. 7. № 5275.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1837 г. Д. 327. Л. 369—450.

в июле 1810 г. жители с. Касево и шести деревень Касевского приказа в Бирском уезде категорически отказались от взноса дополнительного оброка. В волнующиеся селения были введены четыре башкирские и мишарские сотни. 17 крестьянских вожаков были арестованы и преданы суду¹.

Значительные волнения среди удельных крестьян произошли в 1828 г. в связи с введением общественной запашки вместо подушного сбора хлеба и денег для хлебозапасных магазинов. Новая повинность была воспринята крестьянами как переход к барщине и посягательство на их относительную самостоятельность. Крестьяне Мысовочелнинского приказа Мензелинского уезда при объявлении нового закона отказались от общественной запашки полей. Волнение было подавлено воинской командой².

Протестами крестьян было встречено и очередное нововведение Департамента уделов — замена в 1830 г. подушного оброка поземельным сбором, что привело к значительному росту оброка. Лишь с помощью воинской команды было сломлено сопротивление 832 крестьян деревень Добрино, Сходнево и Михайловки Бугульминского уезда при взыскании с них денежного оброка³.

Волнения государственных крестьян в 1843 г. Реформа П. Д. Киселева и связанные с ней рост повинностей, усиление вмешательства администрации в хозяйственную жизнь и быт крестьян вызвали их недовольство. Они отрицательно отнеслись к закону 1840 г. об обязательных посадках картофеля. Эта культура уже была известна жителям Приуралья, но принудительная ее посадка на полевых наделах с соблюдением всех правил по инструкции вызвала дополнительные затруднения для крестьян. «Во многих казенных деревнях, — писал А. И. Герцен, — «земляные яблоки» саживались гораздо прежде картофельного террора. Но русскому правительству то-то и противно, что делается само собой. Все надобно, чтобы все делалось из-под палки»⁴.

Обязательная посадка картофеля, а также общественные запашки, введен-

ные в государственных селениях по примеру удельного ведомства, рассматривались крестьянами как перевод их на крепостную барщину. Среди государственных крестьян распространялись слухи о передаче их в помещичье владение.

Волнения начались в 1842 г. в Вятской губернии, затем перекинулись на уезды Пермской и Оренбургской губерний. Зачинщиками движения были составлены подложные указы от имени Николая I и Министерства государственных имуществ, которые должны были восстановить крестьян против власти и вызвать массовые выступления.

С наступлением весны 1843 г. волнения охватили почти 40-тысячное население государственных крестьян Челябинского уезда Оренбургской губернии. На массовых сходках проходили бурные обсуждения предполагаемой передачи их помещикам. Крестьяне требовали отменить общественные запашки и посадку картофеля, отказывались платить подушные денежные сборы на содержание сельского начальства, считая, что эти деньги передают в какое-то «господское управление».

Открытые выступления начались в 20-х числах марта в дер. Толстопятовское Каменской волости. Крестьяне отстранили сельского старшину и писаря, отобрали у них печать и бумаги сельского правления, конфисковали у сборщиков собранные деньги и раздали их обратно крестьянам. Среди населения волости распространялись воззвания к народу «о поголовном восстании на защиту свободы» и о сборе всех, начиная от 15 до 60-летнего возраста, в слободу Каменную. И вскоре в слободу стали сходить тысячи людей, вооруженных дубинами, ружьями, топорами. По

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1810 г. Д. 21. Л. 1—35.

² Там же. Ф. 515. Оп. 18. 1828 г. Д. 26. Л. 2. 45 об.; Ф. 797. Оп. 3. Д. 13787. Л. 4—7; Ф. 796. Оп. 109. 1848 г. Д. 388. Л. 1—66.

³ Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961. С. 734.

⁴ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1931. Т. 1. С. 218.

распоряжению земского исправника в волость были двинуты казаки, но они оказались бессильными перед напором многочисленных крестьянских отрядов. Крестьяне арестовали самого исправника, пытали его, требуя указа об отдаче жителей помещику. Были схвачены также и закованы «в железа» волостной старшина И. Дедюхин и его писарь.

Волнения охватили и другие волости. В Куртамышевской слободе собралось свыше 4 тыс. человек. Они напали на волостное правление, арестовали и избили заседателя, сборщика податей, сельского писаря, разгромили канцелярию станového пристава, угрожали жизни священника, подозреваемого в соучастии с властями. Повстанцы охраняли слободу, контролируя дороги и разъезды, перехватывали нарочных местной администрации. 7 апреля крестьянские отряды, насчитывавшие до 6 тыс. жителей Куртамышевской слободы и прилегающих селений, заставили отступить казачью команду и преследовали ее на протяжении 25 верст. Восставшие захватили окружного начальника, а ненавистного им земского исправника Деграве «обнаженного посадили на шелудивую кобылу лицом к хвосту и прокатили его по слободе, заплывая и забрасывая грязью»¹. В движении крестьян участвовали также отставные солдаты и отставной поручик Шихов. Подобные события происходили в Воскресенской, Кочердыкской, Таловской, Кислянской, Чумляцкой волостях. Вооруженные ружьями, пиками, кистенями конные и пешие повстанцы арестовали и подвергли пыткам наиболее ненавистных волостных и сельских начальников.

Небольшие казачьи отряды, направленные против восставших крестьян, отступили. Крестьяне блокировали башкирскую команду в 500 человек, расположенную в селении Песчанское, лишили ее фуража и продовольствия, после чего команда вынуждена была уйти. Помощник начальника 5-го башкирского кантона Рамазанов был арестован повстанцами.

В начале апреля волнения переки-

нулись на соседний Шадринский уезд Пермской губернии. Здесь произошли кульминационные события восстания 1843 г., сопровождаемые ожесточенными схватками повстанцев с карательными войсками. Знаменательно, что крестьяне двух губерний стремились поддерживать друг друга. 18 апреля многочисленные отряды крестьян из Челябинского уезда направились к Верхнетеченской слободе Шадринского уезда, чтобы соединиться там с восставшими государственными крестьянами Пермской губернии. Сознывая всю опасность этого предприятия, в пограничную дер. Галкину с ротой солдат выехал пермский губернатор И. И. Огарев. Ему удалось очистить Шадринский уезд от «челябинских возмутителей».

Одновременно оренбургский генерал-губернатор В. А. Обручев прибыл в Челябинск, чтобы руководить военными действиями по подавлению восстания. В уезд было стянуто 10 тысяч конницы и пехоты при 10 артиллерийских орудиях. 26 апреля войска полковника Радена и подполковника Н. В. Балкашина окружили 5 тысяч конных и пеших повстанцев близ слободы Каменной. Крестьяне отступили и рассеялись. Было схвачено и жестоко наказано более 200 человек. Затем каратели двинулись в Воскресенскую волость. 27 апреля отряд генерал-майора Цукато прибыл в дер. Гагарьево Таловской волости — место сбора повстанцев из близлежащих деревень. Окружив крестьян, казаки начали их выталкивать на площадь тупыми концами пик. 500 крестьян вступили в рукопашную схватку с казаками и солдатами. Взобравшись на огромную повесть, они дубинами отражали неприятеля. В это время повесть обвалилась, и крестьяне были схвачены. На следующий день состоялась публичная экзекуция бунтовщиков.

В течение нескольких дней отряды карателей усмиряли крестьян. Во всех

¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. II. М., 1958. С. 484.

селениях от основной массы восставших отделяли «зачинщиков», оказавших вооруженное сопротивление властям и воинским командам, и подвергали их публичному наказанию. Расправа была столь жестока, что, по свидетельству современников, крестьяне «почти обезумели». «Казаки своими нагайками с шеи до ног отпластывали кожу с мясом... несчастные после наказания ползали по лугу; одни бессознательно ртом рвали траву и жевали, другие ползли к Боровлянке утолить жажду»¹. Было арестовано и заключено в тюрьмы свыше 700 человек. По решению военно-судной комиссии, учрежденной в Челябинске, свыше 30 вожаков восстания были наказаны шпицрутенами от 500 до 1500 ударов, после чего шестерых отправили на каторгу, остальных — в рекруты или ссылку в Сибирь².

Поражение восстания тяжело переживалось крестьянами. В Челябинском уезде ходили волнующие слухи о неугасимой свече, горящей на могиле забитого насмерть крестьянина Постовалова³. Разочаровавшись в царствующем монархе, крестьяне ожидали помощи со стороны других членов императорской фамилии. В этой обстановке вновь ожила константиновская легенда. Вспомнили, что «цесаревич Константин лет 17 назад проехал на иртышскую линию». В мае 1845 г. в дер. Закоулово Каменской волости объявился и сам «Константин Павлович». По свидетельству очевидцев, он был «высокого роста, сутулый и широкий в плечах... нос имел горбом, взгляд уверенный, голос зычный» и для доказательства царского происхождения показывал крестьянам грудь, «заросшую волосами в виде правильного креста». Самозванец разъезжал по окрестным селениям, обещая истребить все начальство за притеснения черни. Говорил, что имеет «войско нерусское» в казахских степях, которое должно прибыть в Челябинск. Уезд вновь охватили слухи и волнения. Крестьяне созывали сходы, собирали деньги в помощь «государю» и составляли приговоры о согласии «быть в единодушии».

Николай I приказал немедленно разыскать самозванца. Но ему удалось скрыться. Чтобы не вызвать гнев царя, властями был схвачен 70-летний бывший весьма известный каторжник К. Калугин. Хотя старик отказывался от обвинений, его заключили в острог, где он и умер⁴. В Челябинском уезде и позже появлялись личности, выдававшие себя за «принца» императорского дома⁵.

Массовые антикрепостнические выступления 30—40-х годов оказали воздействие на формирование теории крестьянской революции как наиболее радикального способа ликвидации феодально-крепостнической системы в России. «Как только пахнет свежим воздухом, здоровым, обещающим весну, то это, наверное, с Урала или с Казани, из Киева или из Харькова, — писал герценовский «Колокол»... — пока деревня, село, степь, Волга, Урал покойны, возможны одни олигархические и гвардейские перевороты...»⁶.

Борьба горнозаводского населения. В первой половине XIX в. борьба заводских людей имела уже свои специфические черты и во многом отличалась от крестьянских выступлений. Мастерские боролись за повышение заработной платы, уменьшение уроков, против штрафов и вычетов, работы в праздничные дни. Вместе с тем выступления горнорабочих как составная часть антикрепостнической борьбы народных масс, была направлена прежде всего против крепостнических порядков — принудительного труда и произвола заводчиков. Борьба против крепостничества

¹ Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. II. С. 488.

² Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. С. 482—508, 682; Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. II. С. 481—490; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203, 241.

³ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 489.

⁴ Серeda Н. Позднейшие волнения в Оренбургском крае // Вестник Европы. 1868 г. Т. IV. Кн. 8. С. 632—638; Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 489—490; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 248. Л. 1—33.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14563. Л. 1.

⁶ Колокол, 1 февраля 1861 г. № 91; 15 августа 1862 г. № 141. Факсимильное издание. М., 1962. С. 1166—1167.

была тем общим звеном, которое соединяло рабочее движение с крестьянским и направляло его в общее русло антифеодальной борьбы.

Формы борьбы заводских людей были различны. Широкое распространение получила подача коллективных прошений властям с различного рода жалобами на злоупотребления предпринимателей. С 1801 по 1860 г. в документах отмечается 42 случая подачи прошений. Сам факт подачи коллективной жалобы считался преступлением и был уголовно наказуем. Поэтому при подаче прошения мастеровые обычно выбирали из своей среды доверенных, которые подписывали документ от имени всех рабочих. Но иногда прошение подписывалось всем миром, чтобы следствию трудно было выявить зачинщиков выступления. Прощения подавались на местах лицам, приезжавшим для осмотра или ревизии завода, или же представители мастеровых направлялись для подачи прошения губернскому или горнозаводскому начальству в Уфу и Екатеринбург.

Другой формой классового протеста было бегство рабочих. Как правило, они самовольно уходили с плохооплачиваемых и тяжелых рудничных работ на заводские работы или бежали с заводов в поисках работы по вольному найму. Например, только в январе 1844 г. с заводов Златоустовского округа ушли 10 человек¹. 20 августа 1858 г. с рудников Юрюзань-Ивановского завода самовольно ушли на вольные заработки 80 крестьян². За побег заводских людей строго наказывали. В том же 1844 г. мастеровой Златоустовского завода Леонтий Ростовских и мастеровой Саткинского завода Д. Мурыгин, бежавший дважды, были приговорены к шпицрутенам соответственно до 500 и 800 ударов³. Тем не менее бегство с заводов продолжалось.

Происходили волнения, сопровождавшиеся неповиновением рабочих администрации и остановкой заводского производства. В первой половине XIX в. на заводах губернии произошло 27 открытых выступлений, часть из которых по своей форме приближалась к эконо-

мической стачке, т. е. чисто пролетарской форме борьбы, когда рабочие прекращали работу с целью принуждения администрации удовлетворить их требования⁴.

Первое крупное волнение рабочих произошло в мае 1806 г. на Авзяно-Петровском заводе. Более половины из недавно переведенных сюда 719 приписных крестьян «вышли из послушания и оказывают грубость, делают скопища толпами, один раз остановили заводское молотовое действие...»⁵. Рабочие пытались расправиться с управляющим завода Наумовым. Для подавления волнения на завод прибыл карательный отряд. Активные участники выступления были подвергнуты порке и отданы в рекруты⁶. В марте 1810 г. 144 неперенных работника завода отказались от работы, требуя выдачи им жалования и провианта без всяких вычетов. После «внушений» исправника волнение прекратилось⁷. В мае 1821 г. мастеровые вновь взбунтовались. Они избрали доверенного и отправили в Стерлитамак с жалобой на злоупотребления управляющего заводами Путилова. Волнение было подавлено, семеро его зачинщиков во главе с Ф. Гаевым, активным участником выступления 1806 г., были отданы под суд⁸.

Продолжительные волнения заводских людей происходили на Белорецком и Тирлянском заводах. Они не прекращались в течение нескольких лет, с 1813 по 1817 гг., и охватили до 5 тыс. мастеров, подмастерьев, внезаводских

¹ РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1332. Л. 30 об.—36; Д. 291. Л. 73.

² Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 584. Л. 27.

³ Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1332. Л. 30—36; Д. 291. Л. 73.

⁴ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 147.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955. Т. 1. Ч. 1. С. 180—181.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 72.

⁷ Архив истории труда в России. Петроград, 1922. Кн. 5. С. 2.

⁸ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 1. С. 595.

рабочих. Первые признаки неповиновения рабочих стали проявляться еще в 1812 г. с началом Отечественной войны. Владелец Белорецкого горного округа И. А. Пашков писал, что «вторжение неприятеля в Москву, распространившийся слух о даремой им свободе... весьма скоро достигли отдаленного здешнего края и оказали пагубное свое действие»¹. Рабочие отказывались возить руду, уголь, сократили выковку железа со 120 до 90 пуд. в неделю. Для «поправки» дел на завод был направлен новый управляющий Е. Полянский, который увеличил рабочие нормы и штрафы за недоковку железа и пережог угля, уменьшил выдачу хлеба и т. п. Эти меры переполнили чашу терпения заводских людей. 20 и 25 мая 1813 г. до 200 человек обратились к священнику с жалобой на тяжесть своего положения и прекратили работу².

Выступление с самого начала приобрело организованный характер. Мастеровые создали контору для руководства своим движением, направили тирлянским рабочим письма с призывом к совместному выступлению, избрали представителей для подачи прошений начальству. 13 июня 1813 г. прошение было подано в Верхнеуральский земский суд, а 15 июня — оренбургскому гражданскому губернатору³. В конце июня на завод прибыла воинская команда. Проявляя упорство, мастеровые препятствовали аресту своих руководителей.

В августе белорецкие заводские люди вынуждены были приступить к работе. Но борьба продолжалась. Мастеровые начали перестраивать машины. Был уменьшен диаметр маховых колес, что, с одной стороны, облегчило труд рабочих, с другой — увеличило расход воды в 2 раза, угрожая остановкой производства, к чему, в конечном итоге, и стремились мастеровые⁴.

Через год активные выступления белорецких рабочих возобновились. 24 мая 1814 г. их представители явились к управляющему заводом Полянскому и потребовали увеличить число работников на молотовых операциях. Зачин-

щики подачи прошения были наказаны. 1 ноября мастеровые остановили действие Белорецкого завода, а 2 ноября к ним присоединились рабочие Тирлянского завода. Посланные ими в Верхнеуральский земский суд представители были арестованы. Узнав об этом, 386 рабочих пошли в Верхнеуральск и предъявили в земский суд иск с требованием убрать управляющего Полянского и нескольких приказчиков, перевести белорецчан в ведение казны. Без удовлетворения этих требований они отказывались приступить к работе. В Верхнеуральске постепенно собралось до 700 заводских людей, которые, пробыв там около 3 недель, вернулись в Белорецк⁵. Только после ввода на заводы военного отряда численностью в 1600 человек волнение было подавлено, и 8 февраля 1815 г. мастеровые возобновили работу. Но их борьба не осталась безрезультатной. Рабочие добились удовлетворения части своих требований. Наиболее ненавистные им приказчики были заменены людьми, рекомендованными самими мастеровыми. Отменялись вычеты из заработной платы рабочих на покрытие заводских расходов, аннулировались штрафы, наложенные на них в течение четырех лет за пережог угля и железа⁶.

В 1815—1816 гг. горнорабочие Белорецкого округа отказывались засеивать хлеб, полагая, что без хлебопашества заводчик «должен будет всех кормить и завода не в силах будет держать»⁷. Они назначили даже своего управляющего заводом, препятствовали аресту руководителей рабочих. Волнение было подавлено военной силой. 14 мастеровых публично наказали плетью, 16 — сослали в Сибирь.

Движение на заводах Белорецкого

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 39. Л. 125.

² Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 29. Л. 10—11 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 29. Д. 61. Л. 54 об., 59 об.; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 37. Л. 71.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 44. Л. 110.

⁵ Там же. Д. 45. Л. 33—36, 170, 181—182, 185.

⁶ Там же. Д. 46. Л. 125—126.

⁷ Там же. Д. 37. Л. 40.

округа заставило правительство обратить внимание на положение заводских людей. Специально созданная комиссия составила в 1817 г. положение для заводов округа, в котором регламентировались нормы выработки, предусматривалось незначительное увеличение оплаты труда отдельными категориям мастеровых. Однако положение постоянно нарушалось администрацией заводов.

Волнения происходили и на других заводах. 15 мая 1813 г. до 400 мастеровых Благовещенского медеплавильного завода явились в Уфу и подали прошение на имя гражданского губернатора с жалобой на управляющего заводом, который отобрал у них покосы и выгоны под господскую пашню. 21 июля 200 мастеровых завода вновь прибыли в Уфу «с изъяснением ропота на непокормление их, неудовлетворение за работу деньгами». Многие горнорабочие отказывались от заводских работ и уходили на вольные заработки. На завод прибыла воинская команда. 49 активных участников волнения были наказаны, 8 из них сосланы на Нерчинские заводы¹.

На Шилвинском медеплавильном заводе 26 ноября 1817 г. 67 рабочих предъявили управляющему заводом С. Ильину требование увеличить выдачу хлеба. 2 декабря 115 человек объявили через наряжчика, что они на старых условиях работать не хотят, «и учинили договор к бунту»².

Низкая заработная плата, обшчеты и тяжелые условия труда вызывали недовольство вольнонаемных рабочих на золотых приисках края. Так, 30 июня 1827 г. на Миасских золотых промыслах 500 человек, работавших по вольному найму, явились к златоустовскому горному начальнику с требованием выдать паспорта и отпустить их домой. Получив отказ, часть вольнонаемных рабочих не вышла на работу. На прииск прибыл вице-губернатор с воинской командой. 10 зачинщиков волнения были жестоко наказаны, и работы возобновились³.

В 1828—1829 гг. волнения происходили на Катав-Ивановских заводах Бе-

лосельской — Белозерской. Они начались с посылки мастеровыми в Пермское горное правление своего поверенного И. Тараканова с жалобой на злоупотребления заводской конторы. Они обвиняли управляющего в несвоевременной выдаче заработной платы, непомерных вычетах и штрафах, увеличении рабочих норм, отпуске провианта по высоким ценам, привлечении к работам инвалидов и т. д.⁴ Тараканов был арестован и доставлен на Катав-Ивановский завод. 19 сентября 1828 г. мастеровые подали прошение об освобождении Тараканова, но оно не было удовлетворено. Инициаторы выступления Осип и Семен Базановы, Е. Шерстнев, И. Карабанов, А. Строев и другие в июне 1829 г. организовали подачу заводскому исправнику новой коллективной жалобы. Многие рабочие, не видя никакого облегчения в своем положении, перестали являться на работу. При попытке арестовать Е. Шерстнева мастеровые отобрали у троих солдат ружья, заковали их в железные кандалы и держали под арестом в качестве заложников. Затем мастеровые отправили 8 поверенных в Уфу для получения ответа на свои жалобы. Но там они были арестованы и отправлены на завод. Во время наказания поверенных более 500 заводских людей пытались выручить своих товарищей⁵.

Для подавления волнения на завод прибыл оренбургский вице-губернатор Безобразов. 29 июля ему было подано от имени 2571 рабочего прошение с жалобой на заводского исправника. Напуганный размахом движения вице-губернатор вызвал воинскую команду и 4 августа подавил волнение. Николай I лично утвердил меры по наказанию активных участников волнения. 9 человек были

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 1. С. 349, 351, 355.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1122. Л. 10, 13, 17, 18.

³ Шушканов Н. Крепостной Златоуст. Челябинск, 1959. С. 102—107.

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 2. С. 29, 30, 38.

⁵ Там же. С. 44—46.

приговорены к 1000 шпицрутенам и ссылке в арстантские роты Новофинляндского округа, 8 человек — к 500 шпицрутенам¹.

В начале декабря 1829 г. на Кусинском заводе произошло волнение углежогов, вызванное введением новых штатов, в которых понижались расценки за работу, устанавливались большие вычеты за невыполнение норм. 9 декабря углежогой отправились в Златоуст для выяснения точности штатов. По приказанию начальника горного округа они были арестованы и после наказания отправлены на завод².

Новый подъем борьбы горнозаводского населения против феодально-крепостнического гнета относится к середине XIX в. Несмотря на усиление репрессивного аппарата, горнорабочие продолжали отстаивать свои интересы. 19 ноября 1847 г. заводской исправник Ждаль-Пушкин, прибывший на Шилвинский медеплавильный завод, «нашел здесь между крестьянами совершенное отсутствие порядка и повиновения властям»³. Рабочие не выходили на работу, а при попытке арестовать зачинщиков волнения И. Водянова и других оказали сопротивление. «Беспорядки» были вызваны слухами об освобождении заводских людей от крепостной зависимости. С помощью воинской команды волнение было подавлено⁴.

На Кагинском железодобывающем заводе 18 января 1853 г. рабочие-углежогой обратились к управляющему Трегеру с требованием увеличить заработную плату, но получили отказ. На следующий день, при попытке наказать зачинщика выступления Н. Лотохина, углежогой заступились за него с криками: «Стой, ребята, заодно, не дадим наказать нашему злодею»⁵. 26 января от имени 121 углежогой было написано новое прошение. При попытке арестовать писавшего, рабочие не отдали его властям, «поснянув при этом на жизнь заводского надзирателя»⁶. Тем не менее инициаторы волнения оказались под арестом. 8 марта рабочие разогнали караул и, выломав двери, пытались выволнить своих товарищей. В это время приехал

исправник, который, побоявшись вооруженного нападения горнорабочих, освободил арестованных⁷. Волнение было подавлено 29 марта.

13 мая 1857 г. на Авзяно-Петровском заводе горнорабочие собрались на площади у заводской конторы и заявили управляющему, что отказываются работать на прежних условиях. Они требовали снижения нормы уроков и отмены штрафов, оказали сопротивление полицейским. Выступление было подавлено военной силой⁸.

В волнениях горнорабочих участвовали также башкиры, работавшие по найму и контракту на рудниках и золотых приисках. 27 июня 1856 г. 91 рабочий из нанятых по контракту башкир 8-го кантона сбежали с Александровского прииска. По дороге они были задержаны и возвращены на прииск. Но 8 июля «вооружившись рычагами», башкиры бежали снова. На уговоры горного исправника приступить к работе они «с криком и ругательством делали ему угрозы»⁹.

29 июля 1856 г. 185 башкир 8-го кантона Верхнеуральского уезда прекратили работу на Мариинском золотом прииске. Причиной недовольства их «были злоупотребления промыслового управления, заключающиеся... в том, что их дурно и недостаточно кормили, жестоко обращались с ними, заставляя... работать в сырых и темных местах, не платили по условию заработанных денег»¹⁰. 167 человек были возвращены на

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 2. С. 60.

² Шушканов Н. Беглые. Свердловск, 1936. С. 36—38.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 359. Т. 1. Л. 132.

⁴ Там же. Л. 132 об., 133 об.

⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1910. Л. 1, 2 об.; Оп. 1. Д. 183. Л. 7.

⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1910. Л. 14 об., 15—16 об.

⁷ Там же. Л. 21—24; Оп. 1. Д. 183. Л. 13 об.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 111—112.

⁹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 2. С. 443.

¹⁰ Там же. С. 444.

прииск, но работать они отказались, пока не будет разобрана их коллективная жалоба на притеснения со стороны владельца прииска, поданная командующему Башкирским войском. Прибывший на место происшествия горный ревизор Чупин стал уговаривать рабочих приступить к работе. Но артельный староста Ильяс Ибрагимов от имени всех рабочих ответил, что «как он, так и вся артель его работать более не будет». При попытке карательного отряда арестовать Ильяса толпа рабочих, «с криком и ожесточением бросаясь на них, казаков, смяла их и Ибрагимова выхватили»¹. Запершись в казарме, башкиры не подчинялись приисковому начальству, угрожая при этом «имеющимися у них несколькими ружьями». Только после прибытия на прииск попечителя 8-го кантона майора Бародовицкого «упорствующие башкирцы... приведены в повиновение»². 5 зачинщиков волнений были арестованы и в кандалах отправлены в Троицкую тюрьму.

В 1857 г. самовольно оставили работу 47 башкир 26-го кантона Стерлитамакского уезда, нанявшихся на золотые прииски советника Болотова. Причиной побега, как и в предыдущих случаях, были тяжелые условия труда, низкая заработная плата, жестокое обращение подрядчиков³.

Выступление наемных рабочих-башкир было стихийным. Но оно уже имело существенное отличие от выступлений крепостных и подневольных рабочих, поскольку речь шла не только о борьбе

«за свободу найма, но и за свободу увольнения с работы, если условия найма не соблюдались нанимателем»⁴. Чтобы справиться с волнениями среди наемных рабочих из башкир, золотопромышленники прибегали к помощи Башкирского войскового начальства.

Борьба горнозаводского населения Южного Урала вливалась в общее русло антикрепостнического движения народных масс и содействовала краху старого строя. Рабочие выступали самостоятельно со своими профессиональными экономическими требованиями, но их борьбе, как и любому демократическому движению периода феодализма, были свойственны стихийность, разрозненность выступлений, отсутствие четкой программы. «Это была первая, начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталу всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления к защите себя»⁵.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 2. С. 441.

² НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 102. Л. 13, 32.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860) // Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Свердловск, 1964. С. 221.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 102—103.

§ 1. Материальная культура башкир

Определяющим фактором в развитии культуры башкир во второй половине XVI — первой половине XIX в. явилось присоединение Башкирии к Русскому государству. Этот исторический акт создал предпосылки интенсивного экономического развития края, способствовал преобразованию культуры башкир, оказавшихся в тесном взаимодействии с русскими, татарами, чувашами, марийцами и другими земледельческими народами, расселившимися на Южном Урале и в Приуралье.

Поселения и жилища. Изменения в хозяйственно-бытовом укладе башкир в связи с постепенным переходом их к полукочевому скотоводству, а затем и к земледелию коснулись прежде всего поселений и жилищ. Началось формирование постоянных поселений — аулов, или деревень. Логично предположить, что возникновение аулов на севере и северо-западе Башкирии произошло раньше, поскольку процесс оседания башкирских племен начался с Прикамья и нижнего Прибеля.

До середины XVII века сведения о башкирских деревнях в документах единичны. Около 1600 г. в Уфимском уезде упоминаются деревни Телевая и Челчеуцкая¹. С 60-х годов названия деревень встречаются все чаще. В наказной памяти уфимского воеводы А. М. Волконского, относящейся к 1664 г., приводится длинный список аманатов с указанием места их жительства². Обращает внимание тот факт, что наз-

вания деревни и волости совпадают: они соответствуют наименованию рода или родового подразделения («Юрматынские волости и деревни»; «Булярские волости и деревни»; «Табынские волости и деревни» и т. д.). В башкирском языке, как и в ряде других тюркских языков, термин «аул (*ауыл*)» первоначально обозначал кочующих и живущих вместе родственников, возможно, этим и объясняется совпадение названий населенных пунктов с родо-племенной номенклатурой.

Деревни возникали преимущественно в местах прежних зимовок (*кышлау*) — в условиях, многократно проверенных на случай непогоды. Судя по некоторым документальным свидетельствам, в народных представлениях понятия «зимовка» и «аул» долгое время сосуществовали. «А той де Ногайской дороги все башкиры пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят», — зафиксировано в 1675 г.³ В одной из деловых бумаг, поданных в Уфимскую провинциальную канцелярию в 1737 г., есть сообщение, что башкирский предводитель Сеит-бай «имеет зимовье свое за Пшейдяком-горою над Белоюрекою в 20 дворах»⁴.

Ранние деревни продолжали многие традиции кочевых поселений: их характеризовали родственный состав населения, патронимическое начало в органи-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 151. По-видимому, это деревни башкир — телевцев и сальютов.

² Там же. С. 191—193.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же. С. 348.

зации внутриаульной жизни, немногочисленность жилищ. Пережитком прошлого был и кустовой принцип расселения. В народной памяти надолго сохранилось название наиболее старой, основной деревни (*тәп ауыл*), от которой отделялись другие. На новое место обычно переезжали подросшие сыновья основателя деревни. Иногда группы родственных деревень возникали на базе опорного аула и хуторов-зимников (*угар*).

«Кустовой» принцип размещения башкирских деревень нашел отражение во многих документах. На берегу Белой рядом с поселением вышеупомянутого Сеит-бая было зафиксировано 10 деревень по 20 дворов¹. Группа родственных деревень имелась в виду и в сообщении башкир местным властям от 1663 г.: «Сидим деревнями, на лошадах переезжать и пешком ходить дальняя деревня 2 версты, а то по версте»².

Первые поселения отличались непрочностью. Даже в 70-е годы XVIII в. И. Г. Георги отмечал: «Ежели им какое место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую»³. Но переселение было связано не только с полукочевыми традициями. Зачастую оно объяснялось конкретными социальными и экономическими обстоятельствами: продажей части вотчинных земель, постройкой заводов, отчуждением земель под крепости и др.

Долгое время башкирские деревни характеризовались небольшими размерами. Авторы документов XVII в., говоря о численности хозяйств в деревне, называют чаще всего цифру 20. В середине XVIII в., по сообщению уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова, башкирские деревни были «большие и малые, а не больше ста дворов»⁴. И. Г. Георги при описании аулов называет крайние пределы численности дворов — от 10 до 50⁵. Статистические данные 20—30-х годов XIX в.⁶ показывают, что сравнительно однородными (от 25 до 50 дворов) были населенные пункты горнолесной, предгорной и зауральской зон. Редкие деревни насчитывали здесь 70—

75 хозяйств. На крайнем севере (в частности, в Осинском уезде Пермской губернии) наряду с аулами в 15—40 дворов (они составляли около половины общего числа деревень) было немало поселений, превышавших 100, а в отдельных случаях и 200 хозяйств. Большие селения располагались вдоль почтовых трактов. Особенностью, связанной с условиями ведения скотоводческого хозяйства, было основание поселений по берегам рек и озер. Колодцы на улицах башкирских деревень были явлением редким.

Источники XVII—XVIII вв. отмечают несобранность аулов, отсутствие благоустройства в усадьбах и жилищах. В записке П. Д. Аксакова «О состоянии башкирского народа», подготовленной в 1743 г., сообщалось, что башкиры «избы имеют небольшие», «дворов не городят, больше любят свежий воздух»⁷.

Сохранилась докладная кунгурского бургомистра Юхнева, составленная в 1726 г. после поездки по башкирским волостям. О башкирах Сибирской дороги в ней сообщалось: «...дворы у них худы и маленькие, в которых они живут только зимой, а летом кочуют в степи». То же было на Ногайской дороге. У башкир Казанской дороги «дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи». В северных краях, по Осинской дороге «живут башкиры все в домах... и летом не кочуют в степи»⁸. Эти сведения представляли не только

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 348.

² Там же. С. 172.

³ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. 2. С. 89.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. III. С. 527.

⁵ Георги И. Г. Указ. соч. С. 89.

⁶ Сведения опубликованы: Янгузин Р. З. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX века // АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 141, 145; Мурзабулатов М. В. Архивные источники по этнографии зауральских башкир // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2. С. 131.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 527.

⁸ Там же. С. 486—487.

степень оседлости башкир, но и неодинаковый уровень развития поселений, в зависимости от образа жизни и характера хозяйственной деятельности населения.

Н. Попов, характеризуя быт северо-восточных башкир конца XVIII в., писал, что «в деревнях их нет никакого порядка и улиц, как и у других башкирцев»¹. В середине XIX в. П. Небольсин отмечал: «Прежде башкирские деревни в степных кантонах были совсем не такие правильные, какие мы теперь видим. Избы лепились по направлению ручьев и речек вдоль их течения, как бы оно извилисто не было... Улиц почти не было, а существовали какие-то закоулки, неровные и кривые, вроде лабиринтов»².

Начало нового этапа в организации башкирских селений, связанного с перестройкой их по уличным планам, относится к 40-м годам XIX в. В 1843 г. вышел указ оренбургского генерал-губернатора, предписывавший перестроить деревни, расположив улицы «прямыми и правильными линиями, одна от другой от 10 до 15 сажень». Между домами должны были быть оставлены промежутки около 12 сажень. Бани и кузницы, во избежание пожаров, переносились за пределы усадьбы — на берег реки или озера³.

Одновременно в целях облегчения управления краем правительство избавлялось от мелких поселков и хуторов. По случаю перестройки деревень жителям разрешалось выбирать для поселения более удобные места. Уже в 1847 г. было перенесено «согласно желанию жителей с неудобных на лучшие места 515 деревень». То же продолжалось и в последующие годы⁴.

Административные меры способствовали обновлению деревень. В 1846 г. в башкирских и мишарских кантонах было выстроено 3622 дома, в 1847—13950, в 1849—2625⁵. По сведениям П. Небольсина, в начале 50-х гг. в башкирских и мишарских селениях насчитывалось около 90 тыс. вновь построенных домов. Жилой фонд обновился почти на 1/3⁶. В результате перестройки

аулы приблизились к селениям европейского облика с характерным для них архитектурным устройством.

За три столетия, прошедшие со времени присоединения Башкирии к Русскому государству, в устройстве аульных жилищ успели сложиться определенные традиции. Это не исключало присутствия в них многих локальных особенностей. Местная специфика в выборе строительного материала, в способах сооружения жилищ, в их внутреннем устройстве в значительной мере была обусловлена конкретной природно-географической средой, направленностью социально-экономического развития той или иной территориальной группы. На формирование строительных навыков башкир оказывали влияние и расселившиеся на Южном Урале русские, татары, чуваша, марийцы и другие народы, имевшие в домовом строительстве большой опыт.

В горно-лесных волостях основным материалом при сооружении деревянных изб и хозяйственных построек был лес. Особенно ценились хвойные породы. Осина была главным строительным материалом в Приуралье. Береза преобладала в постройках восточного Зауралья. Избы, клети, бани, летние кухни, сараи рубили из бревен распространенной в восточной Европе техникой «в чашку»; кое-где в горах и в зауральской Башкирии использовали пазовую столбовую технику, более характерную для территории Сибири. Крыли на два ската ручным тесом, корой, дранкой. В лесостепи, наряду с деревом, для стен применяли камень-плитняк, глину, приречный тальник (из него делали плетневые стены и изгороди). Для крыш использовали солому. В степных райо-

¹ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813. Ч. 3. С. 8.

² Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 250—251.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 275.

⁴ Там же. Л. 319, 349.

⁵ Там же. Л. 283, 319, 350.

⁶ Небольсин П. Указ. соч. С. 248.

нах, наряду с бревенчатыми, строили глинобитные, саманные, дерновые, засыпные каркасные избы; в редких случаях жили в землянках. Зависимость строительной техники от природных условий особенно наглядно проявлялась в оренбургских и приволжских степях. По описанию И. И. Железнова, у оренбургских и иргиз-камеликских башкир $3/4$ изб и даже мечети были сложены из дерна или воздушного кирпича. Редкие бревенчатые избы представляли собой «невысокие срубы, покрытые дерном»¹.

В устройстве крыш находил применение опыт всего разноэтничного населения края: основа крыши могла быть стропильной, бревенчатой костровой, столбовой, самцовой. Некоторые из этих конструкций (в частности, костровая) башкирам были известны давно, они встречались на летних избышках в горной местности.

Корой, тесом крыли безгвоздевым способом, распространенным на всем восточноевропейском севере: свясла и гнеты удерживали покрытие на деревянном каркасе; нижний его край закреплялся в желобе, лежавшем на деревянных крюках или штырях. Однако в деталях покрытия у башкир прослеживались свои особенности. Обычными для горных районов были нависающие по коньку один над другим скаты. Часто встречались незакрытые с обеих сторон фронтоны. Много общего у башкир с другими народами края обнаруживалось в покрытии изб соломой. Для засушливого Зауралья были привычными земляные крыши.

В условиях плотно заселенной лесостепи и степи на юго-западе Башкирии распространился характерный для этих мест тип жилища — плетневые мазанки с соломенной крышей и земляным полом.

Жилища у башкир были невысокими. П. Небольсин, посетивший башкир в отрогах Уральских гор, писал, что дома в этих местах складываются всего в 13 венцов, при этом высота комнат составляет три аршина (2,1 м)². В горах срубы могли иметь 15—17 венцов. Особенностью, находящей объяснение в

прошлом кочевом быту, являлось расположение подоконников низко над полом (около 0,5 м.).

В 70-х гг. XVIII в. И. Георги писал о затягивании в башкирских деревнях окон рыбьими кожами или «окунутыми в масло тряпицами»³. По мере распространения оконного стекла случаи использования рыбьих кож, брюшины (*карындык*), бычьих пузырей стали восприниматься как экзотическое явление. Однако и в XIX в. П. Небольсин встречал бедные избы, где вместо разбитых стекол были натянута «брюховицы или пузыри с рубцов»⁴.

Башкирские избы (*өй*) были однокамерные с пристроенными сеними. На севере сени имели бревенчатые стены и мощный пол, перед входом сооружалось высокое крыльцо со ступеньками. На юге пол в сенях оставался земляным, а крыльцо заменяла каменная плита или настил из досок.

Как прежде в юрте, внутреннее пространство избы разграничивалось занавесом на «чистую» и кухонную половины. У передней стены выделялось почетное место (*тур*) для приема гостей и угощения. Некоторые состоятельные семьи имели две избы, соединенные сеними: одна была «чистой», гостевой, другая — хозяйственной. Мебели в башкирских домах часто не было. Нары во всю переднюю стену и печь у входа являлись основными элементами традиционного интерьера.

В жилищах сооружали печи-камины — «чувалы» (*сыуал*) с прямой трубой и высокой топкой. Внутри печи была перекаладина, к которой на цепи подвешивали иногда котел. Чаще же готовили в котле, наглухо вмазанном в очажок (*усақ*), сложенный сбоку чувала. На окраинах Башкирии встречались и другие очаги, где вмазанный в топку котел и хлебная печь были объединены сложной системой дымоходов.

¹ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. С. 229, 252.

² Небольсин П. Указ. соч. С. 251.

³ Георги И. Г. Указ. соч. С. 89.

⁴ Небольсин П. Указ. соч. С. 251.

Этническое своеобразие ярко проявлялось в декоративно-художественном оформлении жилища. Нары покрывались кошками и паласами. Поверх них вдоль окон и по бокам располагались узкие стеганные подстилки, на которые рассаживались гости и члены семьи во время трапез. Посередине расстилалась тканая или вышитая скатерть. В правом углу нар, ближе к кухонной части на специальной деревянной подставке устанавливался сундучок, в котором хранились дорогие для хозяйки вещи: платья, отрезы ткани, платки, украшения. Поверх сундука горкой складывали постель: стеганные и сшитые из декоративных клинышков одеяла, ковры, кошмы, подушки. Над нарами по стенам были развешаны тканые и вышитые полотенца и другие художественные изделия. Через жердь под потолком (*урза*) перебрасывали праздничную одежду, цветастые шали, яркие скатерти, столовые полотенца. Иногда в избе специальным пологом отгораживали постель для молодых.

Украшением гостевой части дома служило оружие: ружья, сабли, лук и стрелы в колчане. На вбитых в стены гвоздях висела праздничная упряжь: посеребренные стремена, уздечки, инкрустированные седла. Выразительной деталью старого жилища была подвешенная к потолку колыбель. В хозяйственном углу, кроме котла, находился самовар, на припечье и на лавках стояли деревянные кадочки, лоток для муки, чаши, ковши и другие кухонные принадлежности. На стене висел шкафчик для посуды. Пристрастие к чайной посуде П. Небольсин объяснял особым гостеприимством, свойственным башкирскому народу¹.

Длительное время избы в аулах выполняли многие функции кочевого жилища. Под нарами в жилой комнате и в сенях хранилась многочисленная утварь, были сложены съестные припасы. В закуток около печи в морозы помещали новорожденных ягнят, теленка. Это объяснялось небольшим числом хозяйственных построек, отсутствием огороженного двора.

Переход населения к оседлости и

особенно перестройка деревень по планам способствовали развитию у башкир усадеб. Постепенно сложились определенные традиции в сооружении хозяйственных служб, в их размещении относительно дома².

Типичным для башкирских дворов было обособление дома от хозяйственных строений и особенно от скотного двора. Н. Попов на рубеже XVIII—XIX веков писал о башкирах Екатеринбуржского уезда: «Юрты (т. е. избы — *Авт.*) их находятся посреди двора или ограды... Против юрты строят амбар, иные два; скотные дворы отдалены от них на 30 и более сажень». У перешедших к оседлости пермских башкир, по сведениям Н. Попова, кроме обычных изб имелись летние дома, для содержания хлеба и имущества — «амбары и житницы, стоящие в довольно отдалении от юрт, а для скота — дворы, хлева и стайки». За скотными постройками находились огороды, а в них — бани. И, наконец, в отдаленности от всего строения располагались овины с пристроенным к ним гумном³.

Амбары (клетки) и бревенчатые бани были связаны у башкир с оседлой жизнью; в их конструкции прослеживались общеуральские традиции. Напротив, летние кухни появились под влиянием кочевого быта, они служили на усадьбах жилищем в теплую погоду. Некоторые хозяйственные сооружения (бани, хлебные открытые печи, погреба) зачастую строили и затем использовали по договоренности несколько родственных семей; их выносили за пределы усадеб.

В местностях, где кочевание продолжалось, хозяйственных построек в аулах было немного. Чаще всего это были помещения для содержания скота в зимнее время: хлева, овчарни, землянки для молодняка.

Длительные выезды на летние пастбища обусловили существование, наряду

¹ Небольсин П. Указ. соч. С. 250.

² Этот вопрос подробно рассмотрен в работе: Шигова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984.

³ Попов Н. Указ. соч. С. 7, 9—11.

с аулами, летних поселений и традиционных кочевых жилищ. У каждой кочевой группы, обычно объединявшей родственников, было несколько летовок, в большей или меньшей мере удаленных от деревни. В горах на каждом из стоящих имелись избушки (*бурама*). В степях и лесостепях башкиры пользовались переносными жилищами. Давние, преимущественно таежные традиции, видны в устройстве не только летних бревенчатых избушек, но и крытых корой или берестой конических и двускатных шалашей, корьевых аласыков. В степи использовались юрты и крытые кошмой полусферические и прямоугольные балаганчики.

С прекращением кочевания некоторые из этих архаичных построек продолжали применяться для временного укрытия и жилья на лесоразработках, рудниках, золотых приисках, на охоте и рыбной ловле. Немало элементов, характерных для кочевого быта, было перенесено в приусадебные хозяйственные постройки.

Народный костюм. Первые письменные свидетельства о башкирской одежде относятся ко второй половине XVIII в. Они связаны с естественно-научными экспедициями, работавшими под руководством И. Г. Георги, П. С. Палласа, И. И. Лепехина.

Одной из особенностей башкирского быта XVIII века, обратившей на себя внимание путешественников, было широкое использование при изготовлении одежды материалов преимущественно животного происхождения. Из овчин башкиры шили шубы, тулупы, наплечные покрывала. Домашнее сукно было незаменимым материалом для теплых халатов. Для шляп и зимней обуви употреблялся войлок. Из обработанных копчением кож шили туфли, глубокие башмаки и сапоги, делали пояса, сумки и ремни.

Охота, издревле являвшаяся подсобным занятием в скотоводческо-земледельческом хозяйстве башкир, давала дополнительное сырье для одежды. Особенно ценились лисьи и волчьи шубы, шапки из меха лисы, выдры, бобра. Меха

использовались для оторочки верхней одежды.

Домашний крапивный или конопляный холст, сотканный на горизонтальном деревянном станке, употреблялся для рубах, нагрудных повязок, штанов, головных платков, покрывал. В северной Башкирии получило развитие выборное многоцветное тканье. Из нарядного холста здесь шили праздничные платья, мужские рубахи, жениховские штаны.

По-прежнему большое применение в быту башкир находили покупные, в первую очередь среднеазиатские, персидские, китайские ткани. С присоединением к Русскому государству через общероссийский рынок в Башкирию стала поступать продукция западноевропейских мануфактур. Развитие текстильной промышленности в России с XVIII в. обеспечивало население края хлопчатобумажными тканями. Особенно большой спрос на фабричную и кустарную продукцию испытывали южные башкиры, занимавшиеся ткачеством в ограниченных масштабах. О распространении в первой половине XIX в. на юге Башкирии импортных и российских тканей говорят А. Игнатович, В. Черемшанский, П. Небольсин¹.

Характеристика башкирского костюма в трудах путешественников XVIII в. представляет собой фрагментарные зарисовки одежды отдельных территориальных групп населения. Состав мужского и женского костюма в целом был одинаков. Мужчины и женщины носили рубахи туникообразного, слегка расклешенного в подоле покроя, широкие в шагу штаны, распашную верхнюю одежду, на ногах — туфли или сапоги. Верхней мужской одеждой были шелковые или бархатные халаты и суконные чекмени, полы которых придерживались поясом или сабельной портупеей. На-

¹ Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1863. Кн. V. С. 61; Черемшанский В. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 154; Небольсин П. Указ. соч. С. 275.

ряд мужчин дополняла тюбетейка, меховая шапка с оторочкой или головной убор с высокой тульей — малахай.

Длиннополоый халат, скрывающий нижнее платье, и остроконечный малахай — черты, которые отличали башкир от соседних народов. В таком облике запечатлены башкирские всадники, участники Отечественной войны 1812 г. и русских военных походов первой половины XIX в. в произведениях русских и зарубежных художников¹.

Женская верхняя одежда из тонкого сукна или шелка украшалась позументом, серебряными подвесками, перламутром, кораллами, аппликацией и вышивкой. Возрастные различия подчеркивались формой головных уборов, характером украшений. Девушки, вплетая ленты и косички с «бренчащими подвесками», ходили простоволосые или носили покрытые монетами шапочки с «заостренным, длиною в пядень, затыльником». Женщины покрывали голову различными платками и носили тяжелые и плотные головные уборы в виде шлема с длинной наспинной полосой, украшенного кораллами и монетами. У зауральских башкир до начала XIX в. сохранялся высокий головной убор, сплошь зашитый кораллами и серебром².

Территориальные различия в народной одежде башкир во второй половине XVIII — начале XIX вв. были существенными. Ученые и путешественники особо выделяют костюм башкир Исетской провинции, высокохудожественный и красочный, изобилующий серебряными и коралловыми украшениями. Праздничный костюм этих мест состоял из длинного холщового платья с вышивкой по вороту и на рукавах, тонкого кафтана и яркого суконного халата, расшитого по полам и на груди цветным бисером. Головным убором женщин была меховая шапка, надетая поверх белого покрывала *тастар*. В праздники женщины носили коралловые «чепцы» со множеством монет и блях. Главным украшением женского костюма служили массивные нагрудники с кораллами и серебром. Исетские башкирки надевали

нагрудник с наспинником; поверх располагалась перевязь — «спереди через плечо как будто орден висящее украшение». Общераспространенной обувью были сапоги домашней выделки — «упоки»; исетские же башкиры носили «бахилы» — высокую обувь, у которой «только койма у голов кожаная, а прочее все суконное»³.

Местными обычаями объясняются некоторые разногласия очевидцев в описаниях башкирского традиционного костюма. И. Г. Георги в качестве обуви бедной части башкирского населения называет лапти с онучами. И. И. Лепехин же решительно утверждает, что «лаптей ни башкирки, ни башкирцы никогда не употребляют»⁴. Однако И. Г. Георги был на севере Башкирии: об этом говорит упомянутая им девичья сведочка с монетами, а также отсутствие шапечки о женском головном уборе «кашмау» и массивных нагрудниках, описанных в дневниках П. С. Палласа и И. И. Лепехина. Последние вели исследования в юго-восточной Башкирии и Зауральских районах. Действительно, на этой территории обувь была в основном кожаной, тогда как у северных башкир еще столетие назад для работы в лесу или в поле надевали обувь, плетеную из лыка, а порой и из бересты.

Своеобразие костюма северных башкир определяло применение узорного холста. Появление нарядных тканых рубах и штанов привело к формированию на севере нового праздничного костюмного комплекса, из которого

¹ В фондах Государственного исторического музея в г. Москве хранятся картины Бейера («Башкирские конники в походе»), Хюбейля («Башкирский воин, показывающий детям Берлина лув и стрелу») и др.; башкирские всадники в походном снаряжении изображены на полотнах русского художника А. О. Орловского.

² Георги И. Г. Указ. соч. С. 102; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... Ч. 3. С. 169; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Русского государства. СПб., 1773. Ч. 1. С. 651; СПб., 1786. Ч. 2. кн. 1. С. 98.

³ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2, кн. 1. С. 98; Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 169, 172.

⁴ Георги И. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 102; Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 169.

были исключены халаты (они остались сезонной одеждой). Одновременно у северных башкир особую популярность приобрели короткие безрукавки — камзолы.

Использование кустарных и фабричных тканей усилило цветовую гамму народной одежды, намного расширило возможности декоративного оформления костюма. Яркие ткани поначалу находили применение в одежде молодых женщин и девушек; на протяжении XIX в. по мере вытеснения домотканины фабричными материалами, интенсивная окраска стала определяющей в костюме массы населения, захватив в какой-то мере и одежду мужчин. Особенно колоритно выглядела одежда состоятельных башкир, сшитая из атласа, бархата, богатых среднеазиатских шелков.

Социальный признак одежды — характерная черта классового общества. Она определяла башкирский костюм с момента выделения родо-племенной знати. Разница в одежде усиливалась по мере углубления имущественной дифференциации, роста состояния одних слоев и обнищания других. Немногие семьи покупали искусные ювелирные украшения, дорогие ткани, имели большие запасы обуви и одежды. Дошедший до нас документ 70-х гг. XVIII в. — перечень имущества, похищенного у старшины Кулья Балтачева, — свидетельствует о благосостоянии богатого башкирского дома. В числе унесенного добра (денег, драгоценностей, домашнего скарба) — 8 цветных плисовых и суконных кафтанов с золотым позументом, 8 бархатных и атласных бешметов с золотыми пуговицами и позументом, персидский шелковый кушак с золотом, 5 женских халатов, 4 шубы (2 — на лисьем меху, 2 — на мерлушке), 55 женских рубах, обложенных позументом вокруг ворота — всего одежды на 777 рублей, да кроме того запас дорогих тканей (плиса, бархата, атласа, сукна) — на 843 рубля¹. В то же время у большинства трудящихся башкир одежда шилась из домашнего холста и грубого сукна.

XIX век явился временем значительных изменений в форме и покрое баш-

кирской одежды. Зачисление башкир в нерегулярные войска привело к распространению среди них новых, сильно приталенных глухих кафтанов казачьего покроя (*кэзэкей*). В исторической литературе можно найти немало упоминаний о введении среди башкир казачьего обмундирования, об открытии в г. Оренбурге специальной «аммуниционной лавки»². Эти меры не привели к внедрению в башкирском войске единой формы: вместе с кафтаном служилые башкиры по-прежнему носили длиннополые чекмени, вместе с казачьими круглыми шапками с красным верхом — меховые малахаи и войлочные колпаки с разрезанными по бокам полями. Тем не менее казачья одежда вошла в башкирский быт, оказав влияние на покрой гражданской одежды не только мужчин, но и женщин.

Исторически на протяжении столетий складывались сложные культурные взаимоотношения башкир со многими, в первую очередь близкими по языку и религии, народами. Этому в большей мере способствовал разноэтничный состав Башкирии. Непосредственным источником распространения нового среди башкирского населения была торговля. Мелкая торговля в значительном объеме сосредоточивалась в руках предпринимателей — татар. Татарские торговцы и ремесленники (портные, сапожники, шапочники, ювелиры) перемещались из аула в аул, предлагая свою продукцию: приталенные камзолы и бешметы, расшитые тюбетейки, узорные ичиги, туфли без задников, ювелирные украшения. На местных ярмарках приобреталась также лыковая обувь чувашского, мордовского, русского изготовления. Среди северных башкир пользовались спросом марийские катаные шляпы, удмуртские (кукморские) валенки.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 552—554.

² Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 138; Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. Составлен под руководством П. Кеппена. СПб., 1861. С. 49, 57.

Следует заметить, что культурные взаимодействия с финно-пермскими народами и с русским населением края в области народного костюма проявлялись более сдержанно, чем в сфере хозяйственной деятельности или даже в домовом строительстве. Вместе с тем, длительное общение разных народов в пределах Волго-Уральского региона было плодотворным в плане развития народной одежды, обогащения ее состава и связанных с ней художественно-декоративных навыков. Одним из результатов сотворчества явились общие традиции узорного ткачества, использовавшиеся в праздничной одежде башкир, татар, приуральских чувашей, южных удмуртов, восточных марийцев и других этнических групп, оказавшихся в тесном соседстве.

§ 2. Образование и здравоохранение

Просвещение. Во второй половине XVI — первой половине XIX в. просвещение в Башкирии носило феодально-сословный характер. Большое влияние на него оказывала религия. Школа была достоянием лишь узкого круга лиц, в основном дворян и духовенства, и способствовала укреплению идеологии крепостнического государства. Однако по мере вызревания в недрах феодального строя буржуазных отношений, народное образование теряло элитарность и оторванность от жизни. Оно приобретало светскость, становилось относительно доступным для демократических слоев населения. Число учебных заведений и учащихся возрастало, распространялась грамотность.

Первые учебные заведения в Башкирии для башкирских и татарских детей возникли в XVII в. Это были мектебы (начальная школа) и медресе (школа повышенного типа). В конце XVIII в. в Оренбургской губернии их насчитывалось около 100¹. Наиболее крупными были медресе деревни Суюндуково (открыто в 1709 г.), дер. Четырманово (1713 г.), дер. Стерлибашево (1720 г.),

Сеитовского посада (Жаргала) — 1745 г., дер. Бураево (1755 г.), дер. Тазларово (1767 г.), дер. Балыклино (1771 г.), дер. Курмантаево (1786 г.) и др.²

Мектебы и медресе находились в руках мусульманского духовенства. Учеба в мектебе начиналась с изучения арабского алфавита и наиболее употребляемых молитв. Затем ученик приступал к чтению части Корана (Афтияк), написанного на арабском языке, а также книг духовно-назидательного содержания на тюрки («Ахыр-заман китабы» С. Аляяра, «Мухаммадия» М. Челеби, «Кисса-и Юсуф» Кол Гали и др.). В некоторых мектебах проходили письмо и счет.

После 3—4-летнего пребывания в мектебе ученики могли продолжить образование в медресе, традиционная программа которого включала грамматiku арабского языка, логику, философию, мусульманское богословие и право. По усмотрению заведующих школами — мударрисов — в некоторых из них дополнительно преподавались риторика, правила стихосложения, астрономия, математика, каллиграфия и другие предметы. Основным языком преподавания был арабский. Крупные медресе обладали богатыми библиотеками, где имелись не только религиозные, но и светские книги.

Мусульманские школы предназначались только для мальчиков. Девочки ходили к жене муллы (абыстай), которая за определенную плату обучала их чтению и правильному исполнению религиозных обрядов. Формально считалось, что медресе открыты для всех желающих учиться мальчиков. На самом деле там преимущественно обучались дети феодально-байской знати и мулл. Учеба в медресе продолжалась около десяти лет, после чего его выпускники могли занять духовные должности или стать учителями.

¹ Фархшатов М. Н. Народное образование на Южном Урале во второй половине XIX века: Дис... канд. ист. наук. Уфа, 1987. С. 115.

² ЦГИА РБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 959. Л. 12 об.— 13, 17 об.—18, 30 об.—32, 57.

Нефлюевский кадетский корпус в Оренбурге. Открыт в 1825 г.
Фото конца XIX в.

Мусульманские школы не имели постоянных источников существования. Большинство мектебов и медресе содержались за счет добровольных пожертвований родителей учащихся. Лишь некоторые медресе имели вакуфы — недвижимое имущество (землю, мельницы и т. п.). Школы в большинстве случаев ютились в непригодных помещениях, не хватало простейших учебных принадлежностей.

Деления учащихся на классы не было. Новый материал учителем не объяснялся, ученик должен был разбираться в нем самостоятельно. Единственным способом усвоения далеких от реальной жизни религиозно-схоластических знаний была зубрежка. Поощрялось применение телесных наказаний, и розга являлась необходимым атрибутом мусульманской школы.

Несмотря на узость программы и несовершенство учебного процесса, мектебы и медресе сыграли определенную

роль в распространении грамотности среди населения. Из них выходили не только духовные лица, но и образованные люди (абызы), которые нередко выступали в роли вольных учителей. Переходя из одной деревни в другую, они обучали детей чтению и письму¹.

Первые русские учебные заведения в крае появились в XVIII в. В 20-х гг. в Уфе работала арифметическая (цифирная) школа². Когда в 1734 г. прибыла Оренбургская экспедиция, по инициативе ее начальника И. К. Кирилова в Уфе была открыта вторая арифметическая и словесная (подготовительная к первой) школы. Они давали начальное образование. В арифметической школе главное внимание уде-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 285.

² Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831. Кн. 2. С. 22.

Уфимская духовная семинария. Построена в 1828 г. Фото нач. XX в.

лялось арифметике, основам геометрии и алгебры, в словесной — чтению и письму. В 1739 г. в этих школах было 37 учеников¹.

С середины столетия важным центром просвещения в крае становится Оренбург. По указу Елизаветы Петровны в 1744 г. здесь открылась школа «татарских учеников». Из детей военных чиновников ежегодно набиралось 10 учеников, которые обучались главным образом русскому и восточным языкам. «Татарская школа», удовлетворявшая потребности местной администрации в кадрах писарей и переводчиков, просуществовала до середины 20-х годов XIX в.²

В 1745 г. в Оренбурге была основана инженерная школа³, являвшаяся первым привилегированным учебным заведением в крае. В школе обучалось всего 10 учащихся. Они изучали арифметику, геометрию, фортификацию, инженерное дело и выпускались кондукторами (мастерами-строителями)⁴.

В 1748 г. при Оренбургской губернской канцелярии для детей ссыльных была открыта «особливая школа», которая давала начальное образование и имела целью ослабить «дурное влияние» родителей на своих детей. Учащиеся безотлучно жили в казармах, получая казенное содержание. В конце XVIII в. в школе обучался 21 ученик⁵.

В XVIII в. стали открываться правительственные школы и для нерусских народностей. Власти намеревались использовать их для усиления христиани-

зации и русификации населения края. Но несмотря на это русские учебные заведения становились важным средством светского просвещения башкир, татар, чувашей, мари, мордвы, приобщения их к русской культуре.

В 1735 г. в первоначальном Оренбурге (Орская крепость) для «иноверцев» учредили «арабскую» и «калмыцкую» школы. Они должны были готовить преданных царизму чиновников, а также содействовать тому, чтобы местные народы «христианский закон приняли». В 1741 г. эти школы перевели в Самару⁶. В 1738 г. было принято решение об устройстве в Уфе специальной школы «для обучения иноверцев русскому языку»⁷. Но следов деятельности этой школы не сохранилось.

В начале 70-х гг. по инициативе известного рудознатца Исмаила Тасимова в столицу было подано прошение об открытии для башкир горной школы. Поддерживая это ходатайство, Сенат 31 октября 1773 г. докладывал Екатерине II: «Башкиры — Исмаил Тасимов с товарищами, прося Берг-Коллегию в 1771 г. о поставке своих руд на Юговские медеплавильные заводы и об отдале им казенных рудников в содержании, изъявляя между прочим, что хотя они опытом и научаются и в горную экономию вникают, но, дабы промысел сей усовершенствовать, а горную экономию упрочить и через то, как себя и

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 286.

² Вольфсон М. М. Из истории школ в Оренбургском крае в XVIII в. // Педагогический сборник. Оренбург, 1960. С. 204.

³ Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874. Ч. 1. С. 288.

⁴ Там же; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1895 год. Оренбург, 1894. С. 14.

⁵ ПСЗ. Т. 12. № 9553; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 286.

⁶ Модестов Н. Основание г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург. 1917. Вып. 35. С. 63.

⁷ Материалы по истории Башкирии. М., 1936. Ч. 1. С. 366.

потомков своих, так и для общества сделаться возможно более полезными, имеют свою нужду в сведущих руководителях. А потому просят о заведении офицерской школы на том же основании, на каком учреждены и кадетские корпуса¹. На содержание школы башкиры соглашались выделять из доходов от продажи добываемой ими руды по 2250 руб. ежегодно. Горная школа в Башкирии не была открыта, но инициатива башкир не осталась безрезультатной. Она послужила толчком для основания в 1773 г. в Петербурге горного училища, преобразованного затем в горный институт.

С конца XVIII в. просвещение в Башкирии, как и во всей стране, делает значительный шаг вперед. Сдвиги в экономике, растущие потребности края в грамотных кадрах способствовали появлению новых учебных заведений, более широкому распространению грамотности и знаний. Правительство приступило к организации школьного образования в общегосударственном масштабе.

В соответствии с уставом 1786 г. о народных училищах, в 1789 г. в Уфе было учреждено главное училище с пятилетним сроком обучения, а в Оренбурге, Мензелинске, Челябинске открылись двухклассные малые училища, учебный курс которых соответствовал начальным классам главного училища и включал письмо, чтение, арифметику, рисование и «закон божий». В старших классах главного училища преподавались геометрия, физика, география, естествознание и др. Желавшие могли изучать язык тюрки. В 1797 г. главное училище было переведено в Оренбург, откуда в свою очередь в Уфу переехало малое училище.

Материальное положение городских училищ было тяжелым. Не хватало подготовленных учителей, а также учебников, классной мебели, наглядных пособий. Учащихся было немного. В конце XVIII в. в Оренбургском главном училище числилось 52 ученика, а в Уфимском, Мензелинском и Бузулукском малых училищах — 134². Среди учащихся преобладали выходцы из податных

сословий. В 1802 г., например, в Уфимском малом училище из 50 учеников к дворянскому сословию принадлежали всего двое³.

К середине 20-х годов XIX в. народные училища края были преобразованы в уездные. В малых училищах сроки обучения были увеличены до 5 лет и введена расширенная программа. В связи с передачей училищ из ведения приказа общественного призрения в Министерство просвещения постановка учебного дела и материальное положение в школах несколько улучшились. Уездные училища должны были «открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразно состоянию их и промышленности»⁴. При уездных училищах были открыты приготовительные классы. В 1839 г. в Уфе, Оренбурге, Мензелинске, Бирске, Стерлитамаке, Троицке, Челябинске и Бузулуке Министерством просвещения были открыты двухгодичные приходские училища. В 1850 г. в министерских школах обучалось 983 учащихся, из них дети дворян и чиновников составляли 32,5%, купцов и мещан — 38%, разночинцев и крестьян — 29,5%⁵.

В сельской местности школы открывались Министерством государственных имуществ и ведомством уделов. В 50-х гг. в Оренбургской губернии действовало 56 таких школ, в которых было 2 062 ученика и 58 учителей⁶.

Рост потребности в грамотных работниках и специалистах вынуждал и другие ведомства открывать свои школы. В 1797 г. в Оренбурге, Орской, Верхнеуральской, Кизильской, Троицкой и

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 288.

² Там же. С. 287.

³ История Уфы. Уфа, 1976. С. 83.

⁴ ПСЗ. Т. 28. № 21501.

⁵ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 243—244; ЦГИА РБ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 238. Л. 45.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 240.

Звериноголовской крепостях военное ведомство основало для солдатских и казачьих детей гарнизонные школы. Через год эти учебные заведения были реорганизованы в военно-сиротские отделения, а в 1827—1828 гг. — в батальоны военных кантонистов. Воспитанники получали начальное образование и военную подготовку. Жили они под бдительным надзором офицеров в казарменных условиях. После выпуска определялись в писари, редко — в унтер-офицеры. В школах царил жесткая дисциплина, широко применялись телесные наказания. Принудительный набор обеспечивал военным школам значительный контингент учащихся. Так, в 1834 г. в Оренбургском батальоне обучался 881 кантонист, в Верхнеуральском и Троицком полубатальонах и Звериноголовской роте — 584¹.

Заботу об учреждении учебных заведений стало проявлять и командование Оренбургского казачьего войска. В 1819—1824 гг. оно открыло 18 станичных школ², учебный курс которых включал чтение, письмо, арифметику и «закон божий». Преподавание в них велось методом взаимного обучения.

Со второй половины XVIII в. в крае начали функционировать горнозаводские школы. Сначала они были открыты при Верхотурском (1752 г.), Усть-Катавском и Катав-Ивановском (1780 г.) заводах. В первой половине XIX в. школы появились на Юрюзанском, Миасском, Златоустовском, Саткинском, Кусинском, Авзяно-Петровском, Архангельском, Белорецком, Благовещенском, Богоявленском, Воскресенском и других заводах. В 1847 г. во всех этих школах числилось 1123 учащихся из детей заводских работных людей и нижних чинов горного ведомства³. Горнозаводские школы имели профессиональное направление. Помимо общеобразовательных дисциплин в них изучали специальные предметы, в том числе черчение, топографию, счетоводство. Окончившие курс обучения определялись на должности чертежников, письмоводителей и пр.

К началу 60-х гг. XIX в. в Оренбург-

ской губернии насчитывалось всего 240 начальных школ различных ведомств с 7609 учащимися (7060 м.п. и 549 ж.п.)⁴. Это было значительным шагом в развитии народного образования в крае. Тем не менее школ не хватало. Одна начальная русская школа приходилась примерно на 8,5 тыс. жителей. Школьники по отношению ко всему населению губернии составляли не более 0,4%.

Постепенно появились средние учебные заведения. 11 октября 1828 г. в Уфе открылась мужская гимназия с 18 учениками. В 1836/37 учебном году гимназистов стало 115, в 1846/47—225, в 1860/61—187⁵. Это были преимущественно дети дворян. В 1828—1860 гг. из 4522 обучавшихся к дворянам относились 3277 (72,5%) гимназистов⁶.

Курс обучения в гимназии был сначала четырехгодичный, а с 1835 г. — семилетний. Гимназия готовила учащихся к поступлению в университет и гражданской службе. В ней преподавались древние и новые языки, русская словесность, математика, физика, география, история и др. С 1853 г. изучался также язык тюрки. Царское правительство держало под контролем учебно-воспитательный процесс в гимназиях страны. В 40-е годы в них было отменено преподавание статистики и логики, признанных «науками политическими»; курс математики был сокращен. Одновременно усилилось внимание к древним языкам. Эти перемены были направлены на то, чтобы молодежь «не заразилась вольнодумством».

В 1832 г. в Оренбурге открылась на-

¹ Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838. С. 38.

² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. 8. С. 443, 488.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 242.

⁴ Фархиагов М. Н. Указ. соч. С. 207.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 272. Л. 1; Ф. 119. Оп. 1. Д. 198. Л. 63; Оренбургские губернские ведомости. 1864. 26 сент.

чальная женская школа для дочерей военных и гражданских чиновников. В 1848 г. она была преобразована в привилегированное среднее учебное заведение, а в 1855 г. — в закрытый институт благородных девиц. В 1861 г. в институте обучалось 70 дочерей дворян, 2 — почетных граждан и 3 — духовных лиц¹.

Всесословная женская средняя школа появилась в крае лишь накануне отмены крепостного права. Министерство просвещения учредило в 1860 г. в Уфе шестиклассное училище I разряда. При открытии в него поступило 25 учениц, в следующем учебном году их число выросло до 70².

В 1800 г. в Уфе начала работать духовная семинария, из которой в 1818 г. выделено духовное училище. Это были закрытые сословные учебные заведения, куда принимались почти исключительно дети духовенства. В 1801 г. в семинарии обучалось 269, в 1805 г. — 391 ученик. С выделением духовного училища количество семинаристов сократилось: в 1834 г. их было 146, в 1853 — 176³. Основное внимание в духовных учебных заведениях уделялось преподаванию богословских дисциплин. Вместе с тем в них изучались математика, физика, история, новые и древние языки. Кругозор выпускников был довольно широким, и некоторые из них выбирали себе светскую карьеру, становились учителями, поступали в университеты и т. д. В 1830 г. в Уфимской семинарии в миссионерских целях было введено обучение татарскому, башкирскому, чувашскому разговорным языкам.

Существенное развитие в крае получило специальное образование. 2 января 1825 г. в Оренбурге открылось Неплюевское военное училище. По определению генерал-губернатора П. К. Эссена, оно должно было, с одной стороны, «доставлять этому отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и гражданской службы», а с другой — «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушить первым любовь и доверие к русскому правительству»⁴. Наряду с детьми русских офицеров и чиновников, в учили-

ще принимались и дети башкирской, мишарской, татарской и казахской знати. В 1844 г. училище было преобразовано в кадетский корпус. В соответствии с учебной программой он делился на два эскадрона. В первом преобладали военные дисциплины, во втором — восточные языки и предметы, связанные с земледелием и лесным хозяйством. К середине 50-х гг. в кадетском корпусе обучалось около 200 человек, из них нерусских детей было около 60, в том числе 30 башкир⁵.

В Оренбурге в 1836 г. открылось училище земледелия и лесоводства, а в 1841 г. — фельдшерская школа при военном госпитале. В них будущие смотрители общественных заповесей, лесничие, фельдшера и оспопрививатели получали начальное образование и некоторые специальные познания.

В соответствии со «Штатами Главного правления Уральских горных заводов» 1847 г. в Златоусте с 1848 г. начало работать окружное училище, в котором обучались дети мастеровых и чиновников горной службы. Выпускники училища определялись в писцы, чертежники, цеховые ученики, а дети инженерно-технического персонала обычно направлялись для продолжения образования в Екатеринбург, в Уральское горное училище⁶.

В русских учебных заведениях детей нерусских народов обучалось немного. С целью подготовки чиновников для Башкирского войска в 30—50-е годы было выделено для башкир 20 вакансий в Казанской гимназии и университете, 30 — Оренбургском кадетском корпусе, 40 — фельдшерской школе, 32 — ба-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7731. Л. 18.

² История Уфы. С. 85.

³ Столетний юбилей уфимской духовной семинарии. Уфа, 1901. С. 48; История Уфы. С. 86.

⁴ Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913. С. 5.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 232. Д. 100. Л. 18 об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6955. Л. 10 об.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 242.

Г. УФА. Мужская гимназия

Уфимская мужская гимназия. Построена в 1847 г. Ныне административный корпус медицинского института
Фото нач. XX в.

тальоне военных кантонистов, 10 — Петербургском повивальном институте¹. Из русских учебных заведений вышли такие прогрессивные общественные деятели и просветители как М. Уметбаев, С. Кукляшев, М. Бикчурин, оставившие заметный след в культуре и общественной мысли дореволюционной Башкирии.

В конце 30-х — начале 40-х гг. около 300 башкирских юношей были отправлены в Петербург, Москву, Казань, Ижевск и Оренбург для обучения различным ремеслам. Условия были тяжелыми. Многие из посланных юношей не выдерживали и бежали, 97 человек умерли от различных болезней².

В конце 50-х гг. башкир стали принимать в городские приходские и уездные училища, а с 1860 г. для них были учреждены кантонные школы, работавшие по программе русских приходских училищ. В них обучали чтению, письму, арифметике, а в некоторых и мусульманскому вероучению. К отмене кантонной системы управления в 9 городских

приходских и уездных и 32 кантонных (4 из них женские) училищах училось свыше 600 башкирских детей (из них 30 девочек)³.

Но основным типом школ для башкирского и татарского населения оставались мектебы и медресе. К началу 60-х гг. в Оренбургской губернии насчитывалось до 600 мусульманских школ, в которых было более 20 тыс. учащихся⁴.

В конце XVIII — начале XIX в. в деятельности мусульманских школ произошли перемены. В 1789 г. в Уфе было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание, в функции которого входил надзор за мектебами и медресе.

¹ ПСЗ II. Т. 11. № 8774; Т. 27. № 26282; Т. 35. № 35485; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10097. Л. 10; Д. 10855. Л. 1,4—9.

² А. В. Д. Образование в Башкирии // Экономист. 1862. Кн. 9. С. 54.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14000. Л. 50 об.; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13088. Л. 25—26.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1122. Л. 2 об.—3; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8275. Л. 20.

Чтобы облегчить наблюдение за их работой, школы дозволялось открывать «только при мечетях» и лишь муллам, имеющим официальный указ о назначении на должность. Обучение башкир и татар частными учителями запрещалось¹.

Подчинение мектебов и медресе Духовному собранию усилило в них позиции ислама и идеологии господствующих классов, внесло в школьную жизнь формализм. Содержание и методика обучения были консервативны. Но благодаря усилиям передовых учителей, в учебный процесс вносились изменения, ведущие к улучшению результатов обучения. Так, в медресе д. Куганакбашево Стерлитамакского уезда мударрис Тимурбек Вильданов составил расписание занятий, ввел классно-урочную систему и устраивал экзамены после прохождения каждого курса². В том же уезде мударрисы Харис Биктимиров, Шамсутдин Заки (д. Стерлибашево) и Хуснутдин Жданов (д. Балыклекулево), в Бирском уезде Давлетшах Валиев (д. Москово), Хасан Мажитов (д. Иркеево), в Верхнеуральском уезде Зайнулла Ульмаскулов (д. Калкан) и др. расширили преподавание светских дисциплин. Они отстаивали свободомыслие и стремились привить учащимся любовь к знаниям³.

Важным событием в развитии просвещения башкир и татар стало книгопечатание в Казани на арабском шрифте. С 1801 г. началось издание учебников для мусульманских школ, которые распространялись и в Башкирии. Наряду с религиозными книгами, печаталось немало полусветских и светских произведений: «Магрифэт намэ» («Книга знаний»), «Бадавам китабы» («Книга Бадавам»), «Киссаи Юсуф илэ Зулэйха» («Сказ о Юсуфе и Зулейхе») и др.⁴ Были изданы также «Русско-татарская азбука» Г. Вагабова (1852 г.), хрестоматия и словарь татарского языка С. Кукляшева (1859 г.), самоучитель арабского, персидского и татарского языков М. Бикчурина (1859 г.).

Народное образование в Башкирии, как и по стране в целом, было направ-

лено на удовлетворение нужд господствующих классов. Трудящимся массам доступ к знаниям был ограничен. В середине 60-х гг. грамотные составляли лишь 2—3% населения Оренбургской губернии⁵.

В крае возникли и другие культурно-просветительные учреждения. В 1836 г. в Уфе открылась первая в Башкирии публичная библиотека⁶. Она была частной и за пользование книгами взимала плату. В 1850 г. в библиотеке насчитывалось 968 книг. Позднее была создана библиотека при канцелярии оренбургского генерал-губернатора⁷. В 1831 г. в Оренбурге при военном училище открылся первый краеведческий музей⁸. В его организации приняли деятельное участие магистр философии Т. К. Зан из ссыльных поляков и писатель, лексикограф и этнограф В. И. Даль, состоявший чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Музей, включающий в себя разнообразные «предметы естественной истории» края, а также «коллекции одежд и оружия и других предметов домашнего быта и промышленности разных здешних народов и других стран», быстро рос. В 1837 г. там хранилось свыше 7 тыс. экспонатов⁹.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 566.

² Фахретдинов Р. Асар. Т. 3. НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.

³ Фахретдинов Р. Асар. Оренбург, 1904. Т. 1. Кн. 9. С. 73, 93; Оренбург, 1907. Т. 2. Кн. 13. С. 420—421; Оренбург, 1908. Кн. 14. С. 471, 480; Оренбург, 1909. Кн. 15. С. 504—505; и др.

⁴ Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги. Казань, 1971.

⁵ Фархитов М. Н. Указ. соч. С. 167.

⁶ История Уфы. С. 87; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2184. Л. 734.

⁷ Столянский П. Н. Город Оренбург. Оренбург, 1908. С. 342—343.

⁸ Лобысович Ф. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник. 1872. № 5. С. 58.

⁹ Модестов Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. 35. С. 17—22, 47—52; Столянский П. Н. Указ. соч. С. 139—143.

Здравоохранение. Организация медицинских учреждений в Башкирии началась в XVIII в. Первыми были открыты военные госпитали. В 1850 г. их насчитывалось 18¹. На горных заводах возникли лазареты. В 1835 г. они имелись на 12 из 23 частных южноуральских горных заводов². На казенных заводах Златоустовского горного округа в начале 60-х гг. XIX в. было 4 больницы³.

В 1791 г. приказ общественного призрения открыл больницу в Уфе⁴. Кроме того, на средства приказа в первой половине XIX в. в Оренбурге, Стерлитамаке, Бирске, Белебее, Мензелинске и Челябинске были учреждены уездные больницы, куда принимались как городские, так и сельские жители. При больницах имелись аптеки — казенные или частные. Башкирам, мишарям, а с 1855 г. и тептярям, медицинская помощь оказывалась в госпиталях Башкирского войска. В 60-е гг. войсковые лечебные учреждения размещались в 5 населенных пунктах (д. Селясово Бирского у., д. Салихово Уфимского у. и др.)⁵. Некоторую заботу о здоровье населения проявляли также ведомства Министерства государственных имуществ и Департамента уделов, Оренбургское казачье войско, Илецкое соляное правление.

С начала XIX в. большое внимание стало уделяться борьбе с оспой. В уездных городах были открыты оспенные комитеты, принимались меры по подготовке кадров оспопрививателей, в том числе из башкир. В 1850 г. в крае насчитывалось 476 оспопрививателей⁶. Среди населения велась разъяснительная работа о пользе прививок. В 50-е гг. в Оренбургской губернии, по официальным данным, более половине новорожденных детей уже прививалась оспа⁷.

Постепенно формировался отряд медицинских работников. В 1860 г. в крае работало 35 врачей, 107 фельдшеров, 17 лекарских учеников, 14 повивальных бабок, 801 оспопрививатель⁸. Среди дипломированных медиков были и представители башкирского народа: доктор медицины А. Авдиев, врачи А. Субханкулов, С. Нигматуллин, фельдшер Г. Муллагулов и другие⁹. В труднейших усло-

виях большинство врачей самоотверженно трудились во имя укрепления здоровья населения, улучшения жизни народа. Одним из них был выпускник Петербургской медико-хирургической академии А. Д. Бланк — дед В. И. Ленина по материнской линии. В 1846—1848 гг. он работал врачом, а затем медицинским инспектором в Златоусте. Знание своего дела, демократизм, чуткость снискали ему любовь и признание заводских рабочих¹⁰. Немалую роль в развитии здравоохранения в Башкирии в этот период сыграли политические ссыльные — врачи по образованию Н. Г. Смирнов, М. А. Дзетовецкий, С. С. Килькович и другие¹¹.

Несмотря на определенные сдвиги служба здравоохранения была еще не в состоянии оказать населению действительную медицинскую помощь. Сеть лечебных учреждений оставалась негустой. Врачей было мало. К отмене крепостного права в крае 1 врач или фельдшер приходился на 14 310 жителей обоего пола. К тому же, медперсонал часто отвлекали на другие работы. На него возлагалось проведение судебно-медицинских экспертиз, борьба с эпидемиями, освидетельствование больных дворян, солдат и священнослужителей и т. д. Поэтому

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 243; Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 251.

² Мударисов Р. З. Состояние медицинского обслуживания горнозаводского населения Южного Урала в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале. Свердловск, 1986. С. 122.

³ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 71. Л. 114.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 243.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 71. Л. 13; Скачилов В. А. Люди подвига и долга. 2-е изд., испр. и доп. Уфа, 1979. С. 8.

⁶ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 256.

⁷ Там же.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 71. Л. 9, 12.

⁹ Асфандияров А. З. Первые медики из Башкир // Агидель, 1967. № 4. С. 91—93 (на башк. яз.).

¹⁰ Скачилов В. А. Указ. соч. С. 10—12.

¹¹ Гвоздиков И. М. Борцы // Агидель. 1987. № 7. С. 104—105 (на башк. яз.).

население предпочитало обращаться к знахарям, курыза, повитухам и пользовалось средствами и приемами народной медицины. Нехватка больниц, аптек, врачей не могла не сказаться на высоком уровне заболеваемости, общей и детской смертности. В крае периодически вспыхивали эпидемии. Так, в 1829—1831 гг. 671 селение Оренбургской губернии было поражено холерой¹. Эпидемии уносили сотни человеческих жизней. В 1847—1848 гг. от холеры, вновь поразившей губернию, умерло 33441 человек².

§ 3. Изучение края. Печать

Изучение края. Первые письменные сведения о Башкирии и населявших ее племенах содержатся в описаниях путешественников, побывавших в крае в X—XIV вв. (Ибн-Фадлан, Юлиан, Плано Карпини и др.) и в написанных по их

В. Н. Татищев. Рисунок и литография Н. Бризе

рассказам сочинениях ученых (Ал-Масуди, Гардизи, В. Рубрук и др.), а территория ее изображалась на общих картах, охватывавших обширные пространства Русской равнины, Урала и Сибири (Птолемей, Аль-Идриси, Герберштейн, Де-Росси, Фра-Мауро и др.)³.

После присоединения Башкирии к Русскому государству сведения о крае включались в «Подорожники» — путеводители для служилых людей. В них давались описания дорог, рек, озер и других географических объектов, указывались расстояния между ними. Материалы собирались служилыми людьми. Постепенно сведения о крае начали включаться в общие описания и карты страны. Данные о Башкирии имеются в «Книге Большому чертежу» (1627 г.), «Чертеже всей Сибири» (1667 г.), составленном тобольским воеводой П. И. Годуновым «с товарищи», «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (1701 г.)⁴. В этих работах указывались дороги, гидрографическая сеть, города, остроги, слободы края, приводились, хотя и отрывочные, сведения о полезных ископаемых, населении, хозяйстве и быте.

Интересные историко-краеведческие материалы содержат башкирские шежере — родословные. Сохранившиеся в записях XVIII—XIX вв. шежере показывают, что башкиры накопили ценные наблюдения о своем крае, знали географию, природно-климатические условия, флору и фауну, месторождения полезных ископаемых и использовали их в своей хозяйственной деятельности⁵. Однако ввиду того, что шежере долгое время не записывались, а передавались из уст в уста, содержащиеся в них све-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 243—244.

² Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 107.

³ Соловьев А. И., Абзалов Р. М. Основные этапы географического познания и картографирования Южного Урала и Приуралья в связи с хозяйственным освоением территории // Охрана природы Южного Урала. Уфа, 1979. С. 93—94.

⁴ Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 5.

⁵ Башкирские шежере. Уфа, 1960.

дения оставались недоступными для исследователей.

С 30-х гг. XVIII в. начался качественно новый этап в истории изучения Башкирии. Он был связан с ускоренным развитием экономики, науки и техники России, а также с активизацией политики царизма на юго-восточных окраинах страны. Сведения о лесных и водных ресурсах, богатстве недр Южного Урала вызывали повышенный интерес правительства. В 1720 г. на основе сенатского указа были начаты инструментальные съемки территории Уфимского уезда, а к 1723 г. подготовлена карта этого огромного региона¹. В этот период начались и систематические съемки лесных угодий.

Важный вклад в научное изучение Башкирии внесла Оренбургская экспедиция, возглавляемая в 1734—1737 гг. известным географом и картографом И. К. Кириловым, а после его смерти крупным ученым-географом и историком В. Н. Татищевым. Кроме военно-политических задач на экспедицию возлагалась организация научно-исследовательских работ в крае. В состав экспедиции входили опытные геодезисты, которые проделали огромную работу по топографической съемке и картографированию Башкирии и прилегающих к ней территорий. В результате их деятельности в Академию наук была представлена первая карта Южного Урала².

И. К. Кириловым и В. Н. Татищевым была организована разведка месторождений железных и медных руд, драгоценных камней, соли. При этом члены экспедиции часто прибегали к помощи башкир, «приохочивая» башкирских старшин «к прииску и указанию рудных и минеральных мест». Так, в 1740 г. по указанию башкир Сибирской дороги были обнаружены залежи железной руды на горе Уртыш, в верховьях речки Ак-балык, притока реки Сатка. В том же году старшина Кубелякской волости той же дороги тархан Баим Кидраев показал штейгеру Маркову и переводчику Уразлину месторождение железной руды на горе Атач, названной впоследствии Магнитной. В 1743 г. тархан

Надыр Уразметов показал властям месторождение медной руды около Карабашевской крепости, а в 1754 г. со своим сыном Юсуфом нашел нефть на Казанской дороге по рекам Сок и Сургут. По сообщению башкир Кара-Табьинской волости Сибирской дороги были открыты Миасские золотые россыпи. Разведкой, разработкой и поставкой руды на Мотовилихинский, Верхний и Нижний Юговские заводы занимались башкиры дер. Куяново Сибирской дороги Исмаил и Мухаметрахим Тасимовы³. Таких примеров было много. Открытия башкир носили не научный, а прикладной характер. Тем не менее их сообщения служили надежной основой для дальнейших изысканий.

На основе собранных Оренбургской экспедицией данных, в 1740 г. была подготовлена карта полезных ископаемых Южного Урала⁴. Участниками экспедиции были собраны гербарии, проведены работы по географии и истории края. Так, И. К. Кирилов на основе сведений, полученных в Уфимской провинциальной канцелярии и от «знатных и лучших» башкирских старшин, подготовил труд о «Разделении Башкирии по волостям и родам»⁵. Им был также организован сбор данных об остатках древних культур на территории края. Материалы, собранные В. Н. Татищевым в Башкирии, были использованы им при составлении «Общего географического описания всей России» и других работ.

¹ Соловьев А. И., Абзалов Р. М. Указ. соч. С. 95.

² Новлянская М. Г. Научные работы Оренбургской экспедиции // Труды института истории, естествознания и техники. М., 1959. Т. 27. С. 30—32, 36.

³ Асфандияров А. З. Башкирские рудоискатели и рудопромышленники в XVIII в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 19—23.

⁴ Соловьев А. И., Абзалов Р. М. Указ. соч. С. 95.

⁵ Впервые опубликовано П. И. Рычковым (История Оренбургская. СПб., 1759. С. 120—123), другой вариант см.: «Материалы по истории Башкирской АССР». Т. III. С. 495—498.

П. И. Рычков

В 40—50-х гг. продолжалась работа по обобщению данных, накопленных Оренбургской экспедицией, и дальнейшему изучению края. В 1741 г. при Оренбургской губернской канцелярии был учрежден географический отдел, который уже в 1744 г., за год до выпуска Академического атласа Российской империи, подготовил атлас Оренбургской губернии, состоявший из одной генеральной и 11 частных карт¹.

В 1752—1755 гг. геодезист И. Красильников по поручению Оренбургской канцелярии, на основе «прежних ландкарт, журналов и рапортов», «иностранных карт» и устных сообщений составил новый атлас, включавший одну генеральную, 10 частных карт Оренбургской губернии и одну карту Средней Азии². Эти работы отличались тщательным исполнением и богатством содержащихся в них сведений.

Неоценимый вклад в научное изучение Башкирии внес выдающийся уче-

ный П. И. Рычков. Он прибыл в край в составе Оренбургской экспедиции в качестве бухгалтера, затем был личным секретарем начальником экспедиций И. К. Кирилова и В. Н. Татищева. Под их влиянием Рычков приобщился к научно-исследовательской работе. Сорок три года (1734—1777) провел Рычков в Оренбургском крае, посвятив себя изучению его географии, истории, экономики.

Заслуженную известность П. И. Рычкову принесло его сочинение «Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии», опубликованная в 1762 г. в двух частях. На основе тщательного изучения литературы, обработки богатейших материалов, накопленных Оренбургской экспедицией, а также собственных наблюдений Рычков дал комплексное описание Оренбургского края. В книге нашли отражение геологическое прошлое края, его природные богатства, животный и растительный мир, население и хозяйство. Своим сочинением П. И. Рычков положил начало региональному направлению в экономической географии России.

Наиболее крупным историческим исследованием П. И. Рычкова является «История Оренбургская», посвященная истории организации и деятельности Оренбургской экспедиции. Продолжением этой работы было «Прибавление к Оренбургской истории», охватывавшее события с учреждения Оренбургской губернии в 1744 г. по 1751 г. Впервые эти работы были опубликованы в 1759 г. в академическом журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие».

П. И. Рычков был ученым с широким кругозором и разносторонними интересами. Его перу принадлежит более

¹ Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований 1725—1765 гг. М., 1960. С. 270.

² Он же. Указ. соч. С. 271; Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. М., 1971. С. 228.

60 работ разнообразной тематики. Среди них «Переписка между двумя приятелями о коммерции» (1755), «Письма о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» (1758), «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой» (1760), «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии» (1766), «О сбережении и размножении лесов» (1767) и др. Он много занимался сбором минералогических и палеонтологических коллекций для Академии наук, пересылал туда гербарии, семена диких и культурных растений, чучела редких животных. С осени 1759 г. П. И. Рычков организовал в Оренбурге постоянные метеорологические наблюдения и результаты их ежемесячно сообщал в Академию наук.

Работы П. И. Рычкова отличались исследовательским характером, тонкой наблюдательностью и большой точностью. Научные заслуги П. И. Рычкова были высоко оценены. В 1759 г. при Академии наук по инициативе великого русского ученого М. В. Ломоносова специально для Рычкова было учреждено почетное звание члена-корреспондента. В 1765 г. П. И. Рычков был избран членом Вольного экономического общества. Труды его несколько раз переиздавались в России, печатались на иностранных языках.

Огромный вклад в изучение Башкирии внесли так называемые «астрономические и физические экспедиции» Академии наук в 1768—1774 гг. Толчком к их организации послужило ожидавшееся редкое астрономическое явление — прохождение Венеры через диск Солнца. Первую астрономическую экспедицию в Оренбургскую губернию возглавлял поручик Х. Л. Эйлер, вторую — адъютант Академии наук В. Л. Крафт. Они вели наблюдения в Орске и Оренбурге. Члены экспедиции проделали также большую работу по определению долготы и широты Уфы, Оренбурга, Орска и ряда других крупных населенных пунктов, производили географические и метеорологические работы¹.

Перед «физическими экспедиция-

П. С. Паллас. Литография, середина XIX в.

ми» ставилась задача изучения страны в естественно-историческом, этнографическом и экономическом отношениях. Три из них были направлены в Оренбургскую губернию и назывались «оренбургскими». Их возглавляли крупные ученые — профессор П. С. Паллас, доктор медицины И. И. Лепехин, доктор ботаники И. П. Фальк².

Оренбургские экспедиции в 1768—1774 гг. обследовали огромную территорию России, объехав Поволжье, Урал, Сибирь и Север Европейской России. В 1769—1770 гг. они работали на территории Башкирии. Главный маршрут отряда П. С. Палласа проходил через Оренбург—Илецк—Орск—Уфу—Челябинск³, И. И. Лепехина — по реке Яик—Орен-

¹ Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 112—113.

² Там же. С. 95—96.

³ Окрокверцхова И. А. Путешествие Палласа по России. Саратов, 1962. С. 21, 25; Муравьев В. Б. Дорогами российских провинций. Путешествие Петра Симона Палласа. М., 1977. С. 40—47.

бург—Орск, по верховьям рек Белой, Миаса, Ая и Уя и по горным заводам Оренбургской губернии¹, И. П. Фалька—через Яицкий городок—Оренбург—Орск—Верхнеяицк—Челябинск. Кроме того, члены экспедиции совершали самостоятельные путешествия. Так, Н. П. Рычков в 1769—1771 гг. обследовал территорию между реками Камой и Малый Черемшан. Посланный Академией наук в 1770 г. в помощь И. П. Фальку химик И. И. Георги, также совершал самостоятельные поездки².

Исследования академических экспедиций носили комплексный характер. Ими был собран и накоплен огромный фактический материал. Путевые дневники и записки Палласа, Лепехина, Фалька, Георги, Рычкова были изданы Академией наук во многих томах³. В них содержатся разнообразные сведения о природе нашего края, населении, состоянии промышленности и сельского хозяйства, быте, народных обычаях и обрядах, религиозных верованиях, приводятся местные легенды, суеверия и т. д. Эти труды внесли большой вклад в развитие экономики и культуры Башкирии.

В первой половине XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений усиливается изучение природных богатств края. В 20-х гг. на Урале работали экспедиции члена Петербургского минералогического общества И. Н. Менге, казанского ученого А. Я. Купфера и молодых геологов, выпускников Дерптского университета, Э. К. Гофмана и Г. П. Гельмерсена. По результатам их исследований был опубликован ряд научных работ, включавших сведения по геологии и географии Южного Урала⁴.

В 1829 г. известный немецкий натуралист и путешественник А. Гумбольдт в сопровождении минералога Г. Розе и биолога Х. Эренберга совершил путешествие по маршруту Урал—Алтай—Каспийское море. По материалам экспедиции были подготовлены и изданы крупные монографические работы, содержавшие ценные сведения по геологии и географии Южного Урала⁵. По предложению А. Гумбольдта в России была основана сеть метеорологических и маг-

нитных станций. Первые станции на Южном Урале появились в 30-х годах XIX в. В Казанской, Оренбургской и Симбирской губерниях метеорологические и магнитные наблюдения производились под руководством члена-корреспондента Академии наук ректора Казанского университета И. М. Симонова.

Профессор Московского университета Г. Е. Шуровский опубликовал в 1841 г. обширный труд «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношении». В нем были систематизированы и обобщены как разносторонние наблюдения самого автора, произведенные в 1838 г., так и материалы, содержащиеся в многочисленных литературных источниках по географии и геологии Урала.

¹ Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М., Л., 1965. С. 27.

² Труды Архива АН СССР. Вып. 4. С. 97, 100, 106, 107.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773—1788; Ч. 1—3. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 1768, 1769 и 1770 годах. СПб., 1795; Ч. 1. СПб., 1802; Ч. 2. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорскою Академиею наук, по предложению ея президента. СПб., 1824—1825; Т. VI, VII. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799; Ч. 1—2. Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770.

⁴ Минералогические наблюдения, сделанные И. Н. Менге во время путешествия его по Уральским горам // Труды С.-Петербургского минералогического общества. 1830. № 1; Купфер А. Я. Путешествие по Уралу в 1828 году. Париж, 1833 (на франц. яз.); Гельмерсен Г. П., Гофман Э. К. Геогностическое исследование Южного Урала. Берлин, 1831 (на нем. яз.); Есаков В. А. География в России в XIX — начале XX века. М., 1978.

⁵ Гумбольдт А. Путешествие барона А. Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 г. по Сибири и Каспийскому морю. СПб., 1837; Он же. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. М., 1915; Розе Г. Геогностико-минералогическое путешествие по Уралу, Алтаю и Каспийскому морю. Берлин, 1842. Т. 2. (на нем. яз.)

И. И. Лепехин

В 1841 г. на Урале работала экспедиция английского геолога Р. И. Мурчисона, в состав которой входили французский ученый Э. Вернейль, русские ученые А. А. Кейзерлинг, Н. Кокшаров и другие. Экспедиция собрала много новых данных по геологии, географии и палеонтологии, составила геологическую карту Европейской России и Урала¹. В трудах участников экспедиции были определены основные черты геологического строения Урала и Европейской части страны, выделена новая «пермская система» палеозойской группы слоев.

Южный Урал исследовали геологи А. И. Антипов и Н. Г. Меглицкий. Их монография «Геогностическое описание южной части Уральского хребта, исследованной в течение 1854 и 1855 гг.» (1858), стала крупным событием в истории геологического изучения Южного Урала. Она была отмечена в 1859 г. Демидовской премией Академии наук. Ученые впервые наметили орографическую схему района и дали его физико-географическое описание, привели данные о расположении водораздельных хребтов и их высотах, направлении речных до-

лин и др. А. И. Антипов в ряде статей описал обнаруженные им залежи бурого угля у с. Ермолаево (ныне Кумертауский р-н), медных руд и золотоносных россыпей в Башкирии².

Золотоносным россыпям Урала посвящен ряд трудов профессора Горного института Д. И. Соколова³. Под его научным руководством молодые горные инженеры приступили к геологической съемке горных округов. Так, геолог Н. П. Барбот де Марни, обследовавший Южный Урал в 1854—1859 гг., составил геогностико-геологическое описание Катав-Ивановского горного округа, а в 1860 г. в «Горном журнале» опубликовал статью об уральских железных рудниках. П. В. Еремеев в 1858—1859 гг. исследовал и описал месторождения медных руд восточной части Южного Урала.

В изучении геологии и географии Южного Урала деятельное участие принимали инженеры горных округов и отдельных заводов. Поиски месторождений золота вел Н. А. Шленев. Н. С. Меньшинин проводил разведку каменного угля в Уфимском уезде⁴. В 1832 г. горный инженер И. И. Редикорцев открыл залежи каменного угля в Челябинском уезде. А. П. Аносов, И. Р. Лисенко, Я. К. Нестеровский и многие другие вели регулярные гипсометрические и геогностические наблюдения в Златоустовском горном округе.

¹ Мурчисон Р. И., Вернейль Э., Кейзерлинг А. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского. Перевод с англ. с примеч. и доп. А. Д. Озерского. СПб., 1849. Ч. 1—2.

² Антипов А. И. Разведки бурого угля на юго-восточном склоне южной части Уральского хребта и открытия в этой местности пластов каменноугольного песчаника // Горный журнал. 1856. Часть 4. № 12. С. 377—390; *Его же*. Характер рудоносности и современное положение горного дела, то есть рудного дела на Урале // Горный журнал. 1860. № 1. С. 1—71; № 2. С. 225—315; № 3. С. 465—539.

³ История естествознания в России. Т. 3. М., 1962. С. 129.

⁴ Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII—начала XX века. Свердловск, 1981. С. 9, 66, 80, 87, 114, 170; Труды Геологического комитета. СПб., 1889. Т. III. № 4. С. 7—8.

Начиная с 1830 г., в Оренбургской губернии непрерывно велись полевые топографические работы, целью которых была подготовка физико-географической карты края. В 1851 г. увидела свет Генеральная карта Оренбургского края, составленная при штабе Отдельного Оренбургского корпуса.

Большой вклад в изучение животного и растительного мира Башкирии внес профессор кафедры ботаники и зоологии Казанского университета Э. А. Эверсман. Он собрал богатейшую коллекцию насекомых из 50420 экземпляров, представлявших 11252 вида, интересный и многовидовой гербарий¹. В 1840 г. Эверсман опубликовал первую часть своего труда «Естественная история Оренбургского края» — «Вступление в подробную естественную историю Оренбургского края». Спустя 10 лет вышла вторая часть книги под названием «Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края, их образ жизни, способы ловли и отношение к промышленности». Последняя, третья часть исследования «Естественная история птиц Оренбургского края» была издана уже после смерти автора в 1866 г. В своем капитальном труде Э. А. Эверсман дал подробную географическую характеристику губернии, выделил особенности орографии, климата, почв, растительного и животного мира. Гербарный материал, собранный Эверсманом, был обработан профессором Казанского университета К. К. Клаусом².

Активное участие в изучении флоры и фауны Башкирии принимал ссыльный офицер Г. С. Карелин, впоследствии известный естествоиспытатель и путешественник. В 1822—1830 гг., сопровождая научные экспедиции по Южному Уралу и Казахстану, он собирал коллекции и гербарии и отправлял их в Московское общество испытателей природы. К сожалению, Г. С. Карелин не успел опубликовать свои материалы и наблюдения. Подготовленный им 11-томный труд, два тома из которых были посвящены нашему краю, сгорел во время пожара в Гурьеве³. Но часть материалов Карелина, сохранившаяся в Мос-

ковском обществе испытателей природы и Ботаническом саду, впоследствии использовалась многими учеными.

Летом 1832 г. в Башкирии вел ботанические исследования Х. Ф. Лессинг. Он прошел по маршруту Оренбург—Бирск—Златоуст—гора Таганай—Юрма—Оренбург, совершил восхождение на гору Иремель⁴. Обобщив собранные материалы, он привел 20 новых для края видов растений. В 1839—1840 гг. растительный мир Башкирии изучал известный русский ботаник А. Леман. В 1839 г. он проехал по маршруту Оренбург—Каноникольский и Вознесенский заводы—долина реки Нугуш—Воскресенский завод—Табынск—Уфа—Бирск—долины рек Танып и Ай—Саткинская пристань—Златоуст—гора Таганай, посетил гору Ямантау. На следующий год его маршрут проходил через Оренбург—Златоуст—Саткинский завод—гору Иремель—Симский завод—Уфу—Стерлитамак—Бузулук. Преждевременная смерть помешала А. Леману завершить обработку собранной им богатой коллекции растений. Но его сборы остаются ценными до сих пор, так как снабжены записями, фиксирующими точные места обнаружения каждого растения.

Весной 1843 г. Башкирию посетил известный систематик-флорист Ф. И. Базинер, сотрудник Петербургского ботанического сада. Он пересек наш край с юга на север и накопил значительную коллекцию растений, которую передал для обработки К. Ф. Мейнсгаузену. В следующем году последний сам совершил экскурсию на Южный Урал. В восточной части Оренбургской губернии и в районе г. Уфы он производил сборы и

¹ Мильков Ф. Н. Естествоиспытатели Оренбургского края. Чкалов, 1948. С. 31.

² Клаус К. К. Флоры местные приволжских стран. СПб., 1852.

³ Липский В. И. Григорий Силыч Карелин (1801—1872). Его жизнь и путешествие. СПб., 1905. С. 138.

⁴ Федченко Б. А., Федченко О. А. Материалы для флоры Уфимской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отдел ботанический. М., 1894. Вып. 2. С. 65.

составил гербарий из 394 видов цветковых и папоротникообразных растений.

Ботанические исследования проводили и местные любители-естествоиспытатели. Так, помощник начальника Златоустовского горного округа Ф. И. Герман в 1827 г. опубликовал список растений (92 вида)¹. Ботанические исследования вели горный инженер Я. К. Нестеровский² и др. Собранные местными исследователями гербарии поступали для обработки к известным ученым Казанского, Дерптского и других университетов.

В первой половине XIX в. появляется ряд работ по экономике, истории, этнографии и культуре Башкирии. Развитие горной промышленности в конце XVIII — начале XIX в. получило освещение в работах академика И. Ф. Германа³. Хозяйство и занятие населения северной и зауральской Башкирии подробно описаны в книге директора Пермской гимназии Н. С. Попова⁴, известного уральского экономиста и историка.

Большой вклад в изучение географии, хозяйства и истории края внесли И. Дебу, И. Ф. Штукенберг, офицеры Генерального штаба Герн и Васильев⁵. В их трудах приводится подробная характеристика почвенных условий, землевладения, зерновых культур, животноводства, сельскохозяйственного рынка, кустарных занятий и быта населения края.

Работали и местные ученые-краеведы. Чиновник особых поручений при Оренбургском военном губернаторе И. Жуковский в 1832 г. опубликовал два исследования — «Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии» и «Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края с 1246 по 1832 год». Вторая книга содержит важные сведения о добровольном присоединении Башкирии к Русскому государству, об основании городов и заселении Южного Урала, башкирских восстаниях XVII—XVIII вв. Разносторонним исследователем края был секретарь Русского географичес-

кого общества, оренбургский гражданский губернатор Я. В. Ханьков. Составленное им географическое описание Оренбургской губернии было опубликовано в 1839 г. в Петербурге, а затем переиздано в Лондоне. Ханькову принадлежат первые обобщающие работы о частных заводах Южного Урала⁶.

В 1859 г. преподаватель духовной семинарии В. М. Черемшанский опубликовал в Уфе свой труд — «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении». В этом капитальном исследовании широко освещены многие проблемы, касающиеся географии, экономики, истории, этнографии, просвещения и здравоохранения Башкирии. Работа В. М. Черемшанского была удостоена малой золотой медали ученого комитета Министерства государственных имуществ. Фактические материалы, содержащиеся в книге В. М. Черемшанского, до сих пор не утратили своей исторической ценности. Подробные сведения о развитии земледелия в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. собраны в работе В. А. Новикова.

¹ Герман Ф. И. Список растений Златоустовского завода // Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии. 1827. Кн. 4. № 1. С. 89—92.

² Клер О. Е. О гербарии и каталоге (1852 г.) Златоустовской флоры Я. К. Нестеровского // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1873. Т. I. Вып. 1. С. 46—88.

³ Герман И. Ф. Описание заводов хребта Уральского. СПб., 1807; Он же. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих. Екатеринбург, 1808.

⁴ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 3.

⁵ Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837; Штукенберг И. Ф. Описание Оренбургской губернии с Уральско-Оренбургской линией. СПб., 1857; Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии, изданное департаментом Генерального штаба. СПб., 1848.

⁶ Ханьков Я. В. Географическое обозрение Оренбургского края // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Т. I. Отд. 2. С. 1—37; Он же. Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 году // Там же. М., 1841. Т. II. Отд. 4.

изданной в Оренбурге в 1859 г. На основании статистических источников автор приводит данные о посевных площадях, об урожайности и продаже хлеба¹.

Появляются первые публикации об археологических памятниках Башкирии². В них сообщались сведения о нескольких городищах и группе курганов в районе с. Благовещенское, по истории мечети Хусейн-бека и др.

Важный вклад в изучение духовной культуры, фольклора и языка башкирского народа внесли преподаватели Оренбургского неплюевского военного училища (с 1844 г. кадетский корпус) Мартиниан Иванов, Салихьян Кукляшев и Мирсалих Бикчурин. М. Иванов опубликовал в 1842 г. в Казани «Татарскую грамматику» и «Татарскую хрестоматию», представлявшие ценные памятники по истории литературы Урало-Поволжья и литературного языка тюрки. В них автор обращает пристальное внимание на изучение башкирского разговорного языка, показывает специфические особенности его фонетики и морфологии, указывает на необходимость понятного башкирским и татарским народным массам литературного языка³. В свою хрестоматию Иванов включил образцы башкирского и татарского устного народного творчества.

За сближение литературного языка с разговорными башкирским и татарским языками выступал С. Кукляшев — автор изданных в 1859 г. в Казани учебных пособий «Татарская хрестоматия» и «Словарь к татарской хрестоматии». В них опубликованы собранные автором среди башкирского и татарского населения произведения устного народного творчества, а также материалы по литературе, языку и истории⁴.

М. Бикчурин интересовался проблемами общественного развития своего времени, вопросами культуры и литературы, истории и языка. Его перу принадлежит учебное пособие «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбург-

ском крае наречий башкир и киргизов» (Казань, 1859)⁵. По мнению автора, одной из главных причин отсталости мусульманских народов России являлась национальная обособленность и ограниченность. Дальнейшее развитие культуры башкир и татар он тесно связывал с освоением ими восточной и европейской, в особенности передовой русской культуры.

М. Бикчурин одним из первых среди башкир начал сбор фольклорных произведений своего народа. Еще в 40-х годах им было собрано большое количество песен, сказок, сказаний, преданий, поговорок, значительная часть которых вошла в вышеупомянутое пособие⁶. В 1870 г. на страницах «Записок Оренбургского отдела Русского географического общества» (Вып. 1) под редакцией М. Бикчурина увидели свет 215 башкирских песен-четверостиший, записанных И. Покровским от башкира 2-й Усерганской волости Ю. Аминова и переведенных на русский язык Сулейманом Батыршиным. За большой вклад в изучение языка, материальной и духовной культуры народов Востока М. Бикчурин был избран членом-сотрудником Русского географического общества и действительным членом его Оренбургского отдела.

Важную роль в развитии краеведения сыграла местная печать. В 1801 г.

¹ Новиков В. А. Материалы по земледельческой статистике в Оренбургской губернии. Оренбург, 1859.

² Кочуев А. А. Древности Оренбургской губернии // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1853. Кн. 16-я. Отд. 3. С. 29—32; Павловский П. Мечеть Хусейн-бека // Москвитянин. 1843. № 3. Ч. 2. С. 232.

³ Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981. С. 39.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Второе издание книги вышло под названием «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана». Казань, 1869.

⁶ Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Указ. соч. С. 45.

в Уфе была открыта первая типография, принадлежавшая Оренбургскому губернскому правлению. Следующая типография появилась четверть века спустя в Оренбурге при канцелярии генерал-губернатора; в 1848 г. была заведена типография в Оренбургском казачьем войске¹. В типографиях печатались распоряжения центральных и местных властей. В 1832 г. для типографии Оренбургского генерал-губернатора были приобретены арабские шрифты, и она начала выпускать приказы и наставления на турки².

1 января 1838 г. в Уфе вышел первый номер газеты «Оренбургские губернские ведомости». Она печаталась в типографии губернского правления, выходила один раз в неделю, по субботам. Газета состояла из двух частей — официальной и с 1843 г. неофициальной. В первой части печатались правительственные известия и разнообразные сообщения губернских учреждений, в том числе извещения о назначении и увольнении чиновников, о лицах, отыскиваемых для взыскания казенных недоимок, беглых, арестантах и т. д. Официальная часть выходила за подписью вице-губернатора. В неофициальной части газеты публиковались губернские новости, статистические материалы о состоянии экономики и народонаселении, а также статьи местных краеведов. Газета не имела постоянных сотрудников. Редактирование ее поручалось по совместительству одному из преподавателей русского языка Уфимской гимназии.

«Оренбургские губернские ведомости» не имели средств для оплаты труда своих добровольных корреспондентов. Учителям, врачам, чиновникам, принимавшим участие в выпусках газеты, объявлялась благодарность. Внешний вид и оформление газеты были весьма неприглядными. Печаталась она ручным станком на жесткой оберточной бумаге в 12—16 страниц, текст давался только на одной стороне листа и изобиловал опечатками. В первые годы тираж газеты был небольшим, всего 240 экземпляров, и распространялся он по обязательной подписке по местным госу-

дарственным и сословным учреждениям. Количество частных подписчиков было незначительным, но с появлением неофициальной части газеты число подписчиков стало расти. Так, в 1847 г. их было 395, а в 1855 г.—477 человек³.

Наиболее активными корреспондентами газеты были уфимский судья В. С. Юматов, учитель духовной семинарии В. С. Зефилов, оренбургский гражданский губернатор Я. В. Ханьков, служащие различных учреждений И. Казанцев, В. А. Вельяминов-Зернов, В. В. Завьялов, П. Н. Чеглоков и другие местные краеведы.

В. С. Юматов интересовался историей края. В его статьях «Мысли об истории Оренбургской губернии» (1847, № 15—18), «Краткий исторический взгляд на первобытных жителей Оренбургского края» (1849, № 12—17) приведены ценные сведения, подтверждающие добровольный характер присоединения Башкирии к Русскому государству. В статьях «Древние памятники на земле башкирцев Чубалминской волости» (1848, № 1, 25), «О названии башкирцев» (1847, № 2), «Салават Юлаев, башкирец Шайтан-Кудейской волости» (1847, № 4), «Несколько известий о службе башкир» и др. Юматов поднимал вопросы об этногенезе башкир, о народных восстаниях XVII—XVIII вв., военной службе башкир и т. п.

Исследованию жизни, быта, занятий и обычаев башкирского народа посвящены статьи В. С. Зефилова «Соколиная охота в Башкирии» (1847, № 27), «Взгляд на семейный быт башкирцев» (1851, № 3, 4), а также замечательная работа И. Казанцева «Описание баш-

¹ Попов А. В. К истории типографского искусства в г. Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Т. 12. С. 123, 127.

² Там же. С. 125—126.

³ Столянский П. Н. Официальная и неофициальная пресса в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. 12. С. 1—2; Попов А. В. Указ. соч. С. 123; История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1976. С. 87.

кирцев» (1850, № 10, 15, 16, 19—20). Я. В. Ханьков опубликовал в газете статью «О народонаселении» края, к которой были приложены статистические таблицы. В. В. Завьялов поместил интересный обзор разнообразных источников по истории Башкирии и прилегающих областей (1853, № 1, 2, 33—34). П. Н. Чеглоковым опубликована «Историческая записка о крепостном населении Оренбургской губернии» (1859, № 18, 19, 20, 22). В 50-х гг. на страницах газеты регулярно публиковались материалы по истории Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Большую источниковую ценность представляют публикации статистических данных и обзоров о состоянии горной промышленности и отдельных ее отраслей, сельского хозяйства, промыслов, торговли.

§ 4. Башкирское народное творчество. Литература

Устное народное творчество. С присоединением Башкирии к русскому государству содержание башкирского народного творчества существенно меняется, наполняясь новыми мотивами, идеями и образами, обусловленными социально-экономическими и культурными изменениями в жизни народа. В фольклорных произведениях наблюдается ослабление прежнего, господствовавшего на протяжении многих веков, эпического мышления и усиление исторического сознания народа. Основная масса ныне известных фольклорных материалов с исторической тематикой относится именно к периоду XVI—XIX вв. В недрах традиционных жанров появились новые направления, новые жанровые разновидности, что подтверждается содержанием исторических песен, байтов, наличием межжанровых образований, смешанных форм сравнительно поздней этиологии. В художественной форме в них нашли отражение основные события в жизни края.

В произведениях устнопоэтического

народного творчества высвечены как положительные, так и негативные явления нового этапа истории башкирского народа. Сам акт вхождения Башкирии в состав России оценивается народом как положительное явление. Целый ряд преданий («Род Кубалаяк-Тиляу», «Тамьянцы»¹ и др.), а также некоторые исторические предания-песни («Семирод»²) констатируют добровольный характер присоединения. Достоверность фольклорных сюжетов, запечатлевших народную оценку этого важнейшего события в жизни башкирского народа, подтверждается данными письменных памятников — шежере. Так, имена послов башкирских племен (бурзянцев, тамьянцев, усерганцев, кыпсаков), прибывших к «белому царю» с челобитьем, в произведениях фольклора и в шежере идентичны.

Преобладающее большинство фольклорных сюжетов посвящено изображению общественно-социальных явлений. Усиление феодального и национального гнета вело к ухудшению положения народных масс, что вызывало у них недовольство, принимавшее различные формы, вплоть до вооруженных выступлений против своих эксплуататоров.

Политика грабежа башкирских земель, осуществляемая царским правительством, становится одной из важнейших тем преданий, исторических песен, байтов, эпических сказаний, пословиц. В них в своеобразной художественной форме показываются мошенничество, обман, подкуп, насилие горнозаводчиков, помещиков, купцов и чиновников при «покупке» и «аренде» башкирских земель. Таковы предания «Как боярин землю покупал», «Мурзагул»³ и др. Из традиционных сюжетов о расхищении башкирских земель особый интерес представляет предание о гибели жадного купца, пытавшегося обежать с восхода до заката солнца как можно боль-

¹ БНТ. Уфа, 1987. Т. 2. С. 124—126.

² БНТ. Эпос. Уфа, 1982. Кн. 3. С. 149—153 (на башк. яз.).

³ БНТ. Т. 2. С. 125, 214, 217.

шее пространство земли, чтобы овладеть ею («Продажа земли»)¹.

Глубоко эмоционально, психологически насыщено воспроизводят трагические события, связанные с изъятием земель, исторические песни и байты. Таковы, например, песня «Разорение»², байты-песни «Долины реки Юрми», «Уйзурак»³.

Центральное место в фольклоре занимают произведения о народных восстаниях. Многие сюжеты преданий, песен, эпоса, байтов утратили конкретные реалии и наполнились легендарными мотивами (например, предание-легенда об одном из предводителей башкирского восстания 1735—1740 гг. Акай-батыре), некоторые из них носят противоречивый характер (предания о Карасакале)⁴.

Тема башкирского восстания 1735—1740 гг. нашла отражение в эпосе «Карасакал и вороной конь»⁵ (запись Мухаметши Бурангулова), вобравшем в себя художественные приемы эпических сказаний — кубаиров, исторических песен и преданий. Заложенный в основу произведения заряд конкретного историзма прежде всего идет от поэтики исторических песен и преданий, образует новое качество в жанровом развитии эпоса. Трагические события, связанные с подавлением восстания, связали к жизни песню «Тевкелев» («Тәфтиләү»⁶), ставшую одним из шедевров башкирского музыкально-поэтического творчества. В этой песне народ клеймил позором и проклятием имя царского сатрапа, полковника А. И. Тевкелева, организатора зверских расправ над башкирами-повстанцами:

*Наш край полковник Тевкелев палил,
Долины Ак-Идели выжег он.
Ему за то, что грабил он башкир,
Легло на плечи золото погон.*

*Покрыв лицо утеса черный лес,
Под ветром он ревет порой ночной.
Слова проклятья врезал я в скалу,—
Пусть же их прочтет потомок мой»⁷.*

Едкой сатирой звучит «Байт о Тевкелеве» («Тәфтиләү бәйете»)⁸, где чувства ненависти и презрения народа выражены предельно четко.

В то же время народ увековечил славою имена своих заступников — предводителей восстаний. Об этом свидетельствует высказывание И. И. Лепехина, относящееся к XVIII в.: «Он (башкирский сэсэн — Ф. Н.) пел славные дела своих предков, которых они батырями называют, между коими Алдар, Карасакал, Кильмят, Кучим и проч. были первенствующие. Певун наш припевал не только все их жизни достопамятные; но голосом и телодвижениями выражал все их действия, как они увещевали своих товарищей, как выступали в бой, как поражали противников, как обремененные ранами ослабевали и последний испускали дух. Все сие так живо выражал старик, что многие из собеседников плакали...»⁹.

В фольклорном наследии башкирского народа сохранился цикл преданий о восстании 1755 года. В художественной форме народные повествования донесли до нас сведения о бесчинстве в юго-восточной Башкирии (нынешний Баймакский район) начальника горно-изыскательной партии Брагина («Кузнец Амин и начальник Брагин», «Двенадцать батыров и Брагин», «Дорога Канифы», «Камень Брагина»¹⁰ и др.). Многие события, отразившиеся в преданиях (убийство Брагина, расправа карателей над восставшими, уход части населения и активных участников движения в казахские степи) исторически достоверны, подтверждаются письменными источниками.

¹ БНТ. Т. 2. С. 212.

² БНТ. Песни. Уфа, 1974. Кн. 1. С. 53—55 (на башк. яз.).

³ БНТ. Байты. Уфа, 1978. С. 83—85 (на башк. яз.).

⁴ БНТ. Т. 2. С. 222—225.

⁵ Октябрь, (Уфа), 1939. № 8—9. С. 79—82; Агидель, 1987. № 6. С. 126—132.

⁶ БНТ. Песни. Кн. 1. С. 55—57. (на баш. яз.).

⁷ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 280.

⁸ БНТ. Байты. С. 48—51 (на башк. яз.).

⁹ Лепехин И. И. Полное собрание ученых путешествий по России. В 5-ти томах. СПб., 1822. Т. 4. С. 129—130.

¹⁰ БНТ. Т. 2. С. 226—231.

Грандиозная по своим масштабам Крестьянская война 1773—1775 гг., совместная борьба русского, башкирского и других народов против гнета царского самодержавия оставили глубокий след в башкирском народном творчестве. Вопреки стараниям царского правительства представить Крестьянскую войну «злодейским бунтом», «мятежом черни», а ее участников «злодеями», «преступниками», фольклор утверждает справедливый характер этой войны, а ее участников и предводителей изображает благородными борцами за справедливость, заступниками всех угнетенных.

Центральное место в башкирском фольклоре занимают произведения о Е. И. Пугачеве и его ближайшем сподвижнике Салавате Юлаеве. В условиях жестокого преследования нелегко было носителям устнопоэтического, музыкального творчества (сэсэнам, певцам и кураистам) рассказывать о богатырях Пугачевского восстания, передавать из уст в уста фольклорные произведения, особенно такие монументальные художественные полотна, как эпос. Очевидно поэтому эпические кубаиры о Салавате Юлаеве, национальном герое башкирского народа, дошли до нас только в отрывках¹. Созданные на основе древних фольклорных традиций эти кубаиры наделяют образ Салавата чертами идеального эпического богатыря (кубаир «Салават-батыр»²).

Фольклор о Крестьянской войне 1773—1775 гг. наиболее богато представлен легендами и преданиями. В них выражено непоколебимое стремление народа к свободе, его решимость уберечь родную землю от насилий и грабежа. Весьма показательна в этом отношении «Легенда о Салават-батыре», в основу сюжета которой положен традиционный мотив — «продажа земли с бычьей шкурой». Большая смысловая и эмоциональная нагрузка лежит в той части предания, где описывается встреча аксакалов с Салаватом:

— Не дадим врагу грабить нашу землю, — сказали аксакалы. — Нету больше сил терпеть. Ты наша единственная опора, Салават!

— Судьба батыра в руках страны, судьба страны в руках батыра. Где народ, там моя судьба! — С этими словами Салават вскочил на коня и поднял грозный меч³.

С указанным произведением перекликается предание «Речь Салавата»⁴, насыщенное свободолюбивыми мотивами. Идея нерасторжимого единства народа и героя находит здесь яркое поэтическое выражение. Но самым важным в предании является эпизод, в котором Салават, поняв необходимость объединения с русским народом в общей борьбе против угнетения и несправедливости, призывает башкирское войско присоединиться к Е. Пугачеву и достигает цели.

В преданиях отражено широкое участие народных масс в повстанческом движении под предводительством Салавата Юлаева. Таково, например, предание «Юлай и Башаргул»⁵, рассказывающее о борьбе табынских башкир за свободу. Эта же идея лежит в основе предания «Салават и Балтас»⁶. Сюжет интересен тем, что в нем звучат социальные мотивы, особенно в сцене столкновения Салавата с богатым старшиной Кульем Балтачевым — пособником царских властей.

Предания о Крестьянской войне лишены творческого домысла. Он проявляется в изображении богатырских подвигов Салавата, наделенного чертами эпического героя, а также в описании его личных качеств (богатырский сон, неуязвимость...). В этом плане предания перекликаются с кубаирами:

¹ Записанное же в начале XX в. М. Бурангуловым от Габит-сэсэна эпическое сказание «Юлай и Салават» — целостное многоплановое произведение, посвященное широкому освещению событий Крестьянской войны, имеет сравнительно позднее происхождение и в известной степени подвергнуто влиянию художественной литературы.

² БНТ. Эпос. Кн. 3. С. 124.

³ БНТ. Т. 2. С. 271—273.

⁴ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Составитель — А. Н. Лозанова. М., 1935. С. 212—215.

⁵ БНТ. Т. 2. С. 253—256.

⁶ Там же. С. 267—270.

...В грудь стрела ли попадет,
«Муха», — говорил батыр,
Кровь ли из груди течет,
«Пот мой», — говорил батыр¹.

Горе народа, тяжелые переживания, вызванные пленением Салавата, переданы в некоторых рассказах также в вымышленной форме. Этот поэтический прием придает повествованиям художественность, яркую эмоциональную окраску. Такова, например, легенда «Почему в горах хрустала много»: «Когда Салавата поймали и сослали на каторгу, вся Башкирия плакала. Плакали и в одиночку, и семьями, и всем аулом. Плакать уходили в горы. Слезы были чистые, горькие. Падая на скалу и просачиваясь в землю, они превращались в хрусталь. И теперь, когда найдут один маленький хрусталик, говорят, что здесь один человек плакал втихомолку, побольше — семья плакала, много хрустала — аул плакал»².

Поражение Крестьянской войны, казни вождей восставших масс, жесточайшие репрессивные меры карателей послужили материалом для создания байтов о Салавате Юлаеве («Салават», «Не забудем тебя, Салават»³ и др.). Для байтов характерно сплетение трагических и оптимистических мотивов. С одной стороны, трагедия героя и боль, тоска народа по нему, а с другой — готовность продолжать борьбу, начатую Салаватом, вера в торжество правого дела.

Тема Крестьянской войны довольно широко представлена в жанре исторических песен. Большой популярностью пользовалась песня «Бүгәсәү» («Пугачев»), или «Оло юл» («Большая дорога»)⁴, исполняемая маршевым напевом. Войско Е. И. Пугачева изображено грозной и непреодолимой силой, сметающей все на своем пути, сам Пугачев выступает защитником интересов народа. Особо ярко в исторических песнях запечатлен образ Салавата — талантливого военачальника и поэта. Народ и Салават неразделимы — такова одна из главных идей башкирского песенного фольклора («Салават-батыр», «Салават»)⁵. Песни и мелодии о Салавате

Юлаеве создавались еще при жизни героя. Известный историк-краевед, собиратель башкирского фольклора Р. Г. Игнатъев, ссылаясь на письменные источники и устные предания, писал, что «песни про Салавата воспламеняли мужество воинов, которые радостно шли на бой и не чувствовали ран»⁶.

Тема освободительной борьбы, проявляясь в разных аспектах, оставалась одной из главных тем фольклора и в последующие периоды.

В XVI—XVIII вв. очень сложными были башкиро-казахские отношения. С одной стороны, проявлялась духовная близость двух родственных народов, укреплялись дружественные связи между ними. Это нашло отражение в общности мотивов башкирского и казахского фольклора, сюжетах, рассказывающих о мирных контактах между двумя народами: взаимное участие казахов и башкир в празднествах, состязания сэзэнов и акынов, брачные связи (предания «Аман», «Киньябай», сказание-предание «Баик-Айдар сэсэн»⁷ и др.). Но, с другой стороны, постоянные феодальные набеги (барымта) казахов и башкир друг на друга порождали недружелюбное отношение между ними. Это также отразилось в устно-поэтическом творчестве. В фольклоре юго-восточных башкир есть немало преданий, которые повествуют о приносимых набегами бедствиях и сурово осуждают кровавые межплеменные распри. Герой предания «Баяс-батыр», одолев в поединке казахского батыра Аластайму, говорит: «Эй, Аластайма, оберегать

¹ БНТ. Эпос. Кн. 3. С. 124 (на башк. яз.).

² БНТ. Т. 2. С. 271.

³ БНТ. Байты. С. 50—52 (на башк. яз.).

⁴ БНТ. Песни. Кн. 1. С. 67—68 (на башк. яз.).

⁵ Там же. С. 58—62.

⁶ Игнатъев Р. Г. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. Т. II. С. 79—80.

⁷ БНТ. Т. 2. С. 302, 405—406; БНТ. Эпос. Кн. 3. С. 82—91 (на башк. яз.).

скот — одна забота, оберегать страну — тысяча. Больше сюда не приходи»¹.

Гуманистическим пафосом проникнуто волнующее повествование о Ерэнсэ-сэсане и его мудрой жене Бэндэбикэ. Стремление к мирной жизни, идеалы народа выражены в обращении Бэндэбикки к Ерэнсэ-сэсану, задумавшему ради потехи сходить к казахам с барымтой: «Ты на своей земле обрел имя батыра. Но батыру мало смелости, нужна еще и мудрость». «Защитник страны — в сердцах людей, зачинщик войны — худший злодей», — говорили в старину... Захват чужой страны не входит в наши обычаи. Не позорьте себя и имя нашего рода. Одумайтесь, пока не поздно». Трагическая развязка событий усиливает идейный накал этого произведения. Не выдержав позора поражения, Ерэнсэ-сэсан «поднялся на вершину горы Каншат, и вместе с конем прыгнул с крутой скалы»². Не чуждые некоторой тенденциозности в изображении подвигов своих батыров, народные башкирские предания в основном правдиво повествуют о былом.

Историчны в своей основе предания и песни о набегах калмыков и стычках с татарами («Такагашка-батыр», «Умбет-батыр»³, «Аюка»⁴ и др.).

Конкретную жизненную основу имеют фольклорные произведения, повествующие об участии башкир в войнах и походах России. Особенно ярко в песнях, преданиях-песнях, легендах-преданиях отразился патриотический подъем, охвативший народные массы башкир в связи с нападением на страну наполеоновских полчищ. Роль народных масс наиболее образно показана в своеобразном произведении под названием «Вторая армия» («Икенсе эрме») ⁵, сочетающем в себе элементы эпических сказаний — кубаиров, песен, легенд и преданий. С исключительным мастерством в нем описывается, как в ответ на призыв русского народа, Родины — России башкиры поднялись на борьбу с иноземными захватчиками: когда донеслась весть о войне, «словно от удара молнии вздрогнул и воспрянул народ на Урале».

Изображению общенародного подь-

ема посвящены и предания-песни о военном предводителе башкире Кахым-туре («Кахым-туря»), хотя, судя по названию, эти сюжеты, казалось бы, нацелены на прославление доблести отдельной героической личности. Огромную идейно-эстетическую нагрузку в предании несет образ «заговорившего» Уралтау, обращение которого к батырам, собравшимся на войну, воспринимается как священный наказ Родины:

*Эй, дети! Не горюйте понапрасну,
Когда есть кормилица-мать.
Французов прочь гоните громогласно
И возвращайтесь к матери опять.
Пока есть Урал-земля, враг не страшен.
На место одного родит она
Батыров тысячу — и сильней, и краше,
Им даст благословение страна.
Или о том не знают на чужбине,
Что есть страна могучая Урал?
Сыны его горят отвагой львиной,
Их острый меч любых врагов карал»⁶.*

Фольклорные материалы об участии башкир в Отечественной войне 1812 г. освещают события в их развитии. В них рассказывается о боях с войском Наполеона, о победном вступлении русской армии и находившихся в ее рядах башкирских воинов в Париж и о возвращении их в 1815 г. на родину («Кахым-туря», «Башкиры на войне с французами», «Абдрахман Акъегетов», «Янсары-батыр»⁷, «Баик»⁸). Наделенные во многом чертами легендарных героев персонажи песен и преданий были реальными людьми: Кахым-туря (Касим-туря) — башкирский сотник Касим Мырдашев, уроженец дер. Аюсы Стерлитамакского уезда, погибший в 1813 г.⁹

¹ БНТ. Т. 2. С. 202.

² Там же. С. 204—206.

³ Там же. С. 191—194.

⁴ История песни «Аюка» («Әйүкә») сообщена автору кураистом Ю. Гайнетдиновым.

⁵ БНТ. Т. 2. С. 289—293.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ Там же. С. 293—299.

⁸ БНТ. Песни. Кн. 1. С. 83. (на башк. яз.).

⁹ Асфандияров А. Кахым-туря // Совет Башкортостаны. 1986. 4 фев.

Абдрахман Акъегетов — есаул из дер. Утяганово Стерлитамакского уезда¹ и т. д. Реальную основу имеет «Рассказ башкирца Джантюры», сообщающий об участии в боевых действиях башкирской женщины².

Совместная борьба русского и башкирского народов против иноземного врага укрепила дружбу между двумя народами. Башкирская песня «Кутузов» прославляет великого русского полководца, а в песне «Любизар» рассказывается о признательности русского полководца башкирским воинам³.

Произведения башкирского устно-поэтического творчества об Отечественной войне 1812 г. проникнуты возвышенным героическим пафосом. Этот пафос присутствует даже в байтах — жанре, художественная природа которого основана на изображении трагического («Байт о дереве», «Байт о русско-французской войне», «Байт о француззе», «Байт о Кутузове»⁴). Патриотический лейтмотив фольклорных сюжетов, их мажорные интонации связаны со значительным вкладом башкир в разгром наполеоновской армии.

В рассматриваемый период традиционный репертуар фольклора пополнился новыми сюжетами о социальных противоречиях в башкирском обществе. Классовая дифференциация, жестокость имущих классов, бесправное положение угнетенных, нищета — все это нашло яркое отражение в устно-поэтическом творчестве трудового народа. «Богатым каждый день праздник, бедному каждый день горе и заботы», «Бедный открывает рот — видны легкие» (ср. русск.: «Гол как сокол»), «У мулы брюхо из семи овчин сшито» — гласят, например, пословицы⁵. Сатирический образ жадных богачей, служителей культа создают социально-бытовые сказки («Бай и пастух», «Ирендик»⁶), кулямасы («Бай и глупец», «Жадный богач», «Какова еда, такова работа», «Жадный мулла»⁷).

Деспотизм, самодурство кантонных начальников, назначаемых царскими властями из числа башкирских феодалов и богачей, вызвали к жизни целый

ряд исторических песен, гневно осуждающих произвол кантонных чиновников. Среди них — «Кулуй-кантон» о начальнике 5-го кантона в Челябинском уезде Кулуе Кучукове и «Тухват-кантон» — о начальнике 4-го кантона в Троицком уезде Тухвате Утявове.

Широкое развитие получили фольклорные произведения о быте, семейно-брачных отношениях. Весьма познавательны предания и предания-песни, в которых повествуется о старинном бытовом укладе и обычаях башкир. Характеры героев проявляются здесь в драматических обстоятельствах, обусловленных феодально-патриархальными отношениями. Исходной сюжетной ситуацией чаще всего является насильственная выдача девушки замуж (обычно за богатого старика). Классический образец данного сюжетного типа — предание-песня «Таштугай» («Каменный луг»)⁸: героиня выдана замуж не по любви и томится на чужбине в семье слабоумного мужа; ее переживания; возвращение в отчий дом, где она узнает о гибели возлюбленного; трагическая ее смерть — все это передано с глубоким драматизмом. Хотя драматический конфликт в таких преданиях ограничен сферой семейного быта, их направленность против социальной несправедливости выражена очень остро.

Стремление к лучшей доле, надежда на избавление от несправедливостей связывается в фольклорных произведениях с утопическими иллюзиями о «хорошем» царе. Таково, например, предание «Пеший Махмут»⁹, повествующее

¹ Уметбаев М. Ядкар. Уфа, 1984. С. 182 (на башк. яз.).

² Зефилов В. Рассказ башкирца Джантюры // Оренбургский листок, 1847. № 47.

³ БНТ. Песни. Кн. 1. С. 83 (на башк. яз.).

⁴ БНТ. Байты. С. 52—57 (на башк. яз.).

⁵ БНТ. Пословицы, поговорки. Уфа, 1980. С. 97 (на башк. яз.).

⁶ Башкирское народное творчество. Уфа, 1959. Т. 2. С. 165—167, 171—173 (на башк. яз.).

⁷ БНТ. Кулямасы. Уфа, 1985. С. 28—30 (на башк. яз.).

⁸ БНТ. Т. 2. С. 360—365.

⁹ Там же. С. 416—419.

о том, как пастух-кураист пешком дошел до «белого царя», и тот одарил его дорогой одеждой и конями.

В целом ряде преданий-песен опозитивированы образы героических свободлюбивых женщин, подчеркнута их нравственная чистота, верность в любви, решительность действий, красота не только внешнего, но и внутреннего облика («Гильмияза», «Ауазбика», «Махуба»¹ и др.). Например, юная Гильмияза, героиня одноименного предания-песни, отличается не только чудесной красотой, но и поэтической одаренностью. Она участвует в певческих состязаниях на празднествах рода. Согласно преданию, песня «Гильмияза», получившая весьма широкую популярность, была сложена самой героиней. Судьба девушки, насильно увезенной еще в раннем детстве на чужбину, ее страдания и боль, чувство невыносимой тоски по Родине переданы в этой песне в высшей степени художественно.

*Река Сакмара по весне проснулась,
Голубеет вдалеке хребет Урал.
Если б отказали ноги, я б вернулась
Хоть ползком в родной свой отчий край*².

Мелодия песни — классический образец озон-кюй (озон кёй) — протяжная песня. Напев, изобилующий «мелодическими взлетами и спадами, выразительными паузами и сопоставлением контрастирующих регистров», доводит содержание словесного текста-песни до высочайшего накала³.

Итак, в фольклоре нашли художественное отражение важнейшие исторические события и социально-бытовые коллизии, имевшие место в жизни башкирского народа.

Народная хореография. В XVII — первой половине XIX вв. с изменением хозяйственно-экономической жизни, ломкой традиционного быта, а также под влиянием мусульманской религии происходят изменения и в традиционной хореографии башкир.

С постепенной трансформацией или исчезновением языческих обрядов древние башкирские пляски утрачивают

свое прежнее значение. Пляски — подражания животным и птицам, освобождаясь от обрядового содержания, как бы вновь возвращались к первоначальному смыслу, отражавшему тонкую наблюдательность человека, умение мастерски передавать повадки животных и птиц. Такие пляски как «Тунэрэк уйыны», «Кэкук», «Кугэрсен», «Аккош», «Кара тауык» исполнялись теперь на всех праздниках. В танцевальном искусстве продолжает жить прогрессивное начало, выражающее мечты народа о преобразовании жизни, о светлом будущем, о мире, о победе добра над злом.

Вовлечение в экономическую и культурную жизнь России, тесное общение с русским народом в быту, совместные военные походы подготовили почву для восприятия башкирами русских плясок. Это находит своеобразное выражение в музыке, текстах песен, плясовых мелодиях, а также в народных плясках. Под влиянием русских и украинских (казачьих) танцев у башкир возникают пляски «Терпэкэ» (Трепак), «Сижик» (Чижик), Казачий, «Пулька нова» (Новая полька), «Барина» (Барыня), «Иске Барина» (Старая барыня). Отдельные движения в трансформированном виде вошли в башкирские пляски (маршевый шаг, широкие взмахи рук, движения «голубец», «веревочка», русские дроби с прыжка, присядки и др.). Заимствованные движения, как правило, видоизменялись в соответствии с традициями башкирских танцев. Куплеты песен, сопровождавшие подобные танцы, подчеркивали игровой характер исполнения. Иногда пляски исполнялись под русские мелодии.

История башкирского народа полна героическими событиями, связанными с борьбой против феодального и колониального гнета. В памяти народа бережно хранятся устные предания о Са-

¹ БНТ. Т. 2. С. 347, 355—359, 381—384.

² Там же. С. 357.

³ Лебединский Л. Предисловие к сборнику: Х. Ахметов. Башкирские протяжные песни. М., 1978. С. 4.

лавате Юлаеве. В легендах, песнях он предстает как бесстрашный воин, готовый погибнуть за счастье народа, с другой стороны — это мечтательный поэт, влюбленный в красоту родного края, в жизнь. Эти наиболее типичные черты башкирского мужского характера — воинственность, смелость в сочетании с поэтичностью, жизнелюбием нашли пластическое выражение в мужском танце. Реконструируя танец, можно предположить, что в условиях нарастающей феодальной эксплуатации и национального гнета охотничьи и воинственные танцы слились воедино, получили новую окраску. Они воплощали собирательный образ башкирского воина-джигита, борца-освободителя, безгранично любящего свой народ, родину. Таково образное восприятие башкирских воинственных танцев («Һунарсы», «Егеттәр бейеүе», «Султанов» и др.).

Заемствованные движения изменялись в соответствии со структурой, ритмическим рисунком, двигательными особенностями национальной хореографии. Это обстоятельство и является причиной сохранения национального своеобразия плясок различных народов.

В процессе развития, участия в создании хореографического фонда многих поколений выработалась самобытная, богатая в идейно-художественном, эстетическом и этическом отношении хореографическая культура башкир.

Письменность. Литературным языком башкирского и татарского населения оставалось тюрки Урало-Поволжья. На этом языке пишут поэты, ведется делопроизводственная документация и частная переписка. Среди документов, написанных или переведенных на тюрки, следует отметить челобитную башкир Петру I, указы Екатерины II, манифесты Емельяна Пугачева, воззвания Салавата Юлаева, письмо Батырши Алеева к Елизавете Петровне, многочисленные родословные (шежере), рапорты, указы, приказы, ордера и т. п.

Тюрки Урало-Поволжья постепенно освобождается от отдельных архаических форм и слов, некоторых непонятных арабо-персидских заимствований и

сложных синтаксических конструкций и т. п. В литературный язык проникают элементы башкирского разговорного языка (*бер хум* в м. *бер сум* 'один рубль', *хыгыр* в м. *сыгыр* 'корова', *башк* — *кунәк* 'кадка, изготовленная из кожи головы или шеи лошади, коровы' и т. д.).

По мере роста влияния русской культуры на общественное сознание людей в тюрки начинают использоваться заимствования из русского языка (а через него и западно-европейская лексика). В языке документов выделяются просторечная лексика (*нарыз* 'нарез', *мижа* 'межа', *буп* 'поп' и т. п.), общественно-политические и военные термины (*грамут* 'грамота', *челобитнай* 'челобитная', *бриказ* 'приказ', *балкауник* 'полковник', *бахут* 'поход', *сутнә* 'сотня', *юртауай ыстаршина* 'юртовой старшина' и др.).

Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. явились заметным этапом в формировании общественного мировоззрения и языкового самосознания башкирского народа. Литературное мышление и язык этого периода приступают к освоению наиболее важных для народа проблем и сюжетов, среди которых ведущее место отдается теме любви к Родине и защите её, призывы к единению и дружбе с русским народом, свободе, просвещению. В тюрки наблюдается параллельное употребление отдельных традиционных и устно-поэтических приемов, что наиболее ярко проявляется в творчестве поэтов Абдельманиха Каргали, Шамсетдина Заки и сэзэнов Буранбай-Яркея, Ишмухамета и др. В письменном литературном языке определяются летописный, актовый (деловой), художественный, публицистический, эпистолярный и другие стили.

На литературный язык тюрки XVI—первой половины XIX вв. продолжает оказывать влияние язык древнетюркских письменных источников и литературно-художественных памятников средневековья. Объясняется это тем, что очень сильны были еще традиции ислама, наложившие определенный отпечаток на тюрки, в частности на его лексику, в которой по-прежнему часто употребляется арабо-персидское заим-

ствование. Примером тому является язык произведений поэтов Абдрахима Усмана, Габдельжаббара Кандаля и других, который ориентировался не на разговорно-бытовую речь, а на тюрки средневековья. Из-за отсутствия внутреннего грамматического и семантического единства между тюрки и башкирским разговорным языком продолжали еще существовать значительные различия.

Литература. После присоединения Башкирии к Русскому государству в тюрко-язычной литературе Урало-Поволжья, наряду с региональными вопросами, появляется тематика, связанная с жизнью и бытом башкир, усиливается связь литературы с устно-поэтическим творчеством, возникают новые жанры.

В крае продолжает развиваться народнопоэтическая традиция, свободная от исламских канонов. Носителями ее выступают народные певцы-сэсэны (импровизаторы-сказители эпических стихотворных произведений). История сохранила имена выдающихся сэсэнов Эрэнсэ (XVI в.), Кубагуша (XVI в.), Караса (XVII в.), Баика (XVIII в.) и других. Острый социальный характер носили кубаиры (стихотворные произведения эпико-философского характера), поэтические обращения сэсэнов. Их глубоко волнует судьба башкирского народа, его свобода и независимость.

Импровизаторское искусство сэсэнов, так же как йырау (певцы-импровизаторы), носило синкретический характер. Они сочетали в себе качества поэта-композитора и исполнителя. Их репертуар отличался разнообразием. Баик, например, был автором айтыш (состязания), кубаиров и песен. Широко известны его поэтическое состязание с казахским акыном Бухар-жырау, речитативное обращение к Салавату Юлаеву, песня «Баик» и др. Творчество башкирских йырау и сэсэнов было близко по своему демократическому духу и направленности к творчеству казахских и каракалпакских жырау и акынов, узбекских и туркменских баши, азербайджанских и дагестанских ашугов.

Башкирские йырау и сэсэны Куба-

гуш, Карас, Ерэнсэ, Баик, Ишмухамет и другие в своем поэтическом искусстве сочетали фольклорные и литературные традиции. Их изустное творчество переходит в письменное или же бытует параллельно. Сэсэны XIX в. создают свои произведения как путем импровизации, так и в письменной форме. Например, Буранбай Яркей, участник и герой Отечественной войны 1812—1815 гг., одновременно был кураистом-кубаиром, сэсэном-песенником, поэтом-писменником.

В 1812 г. в Казани было издано на русском языке в переводе Тимофея Беляева поэтическое сказание под названием «Куз-Курпяч, башкирская повесть, написанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года»¹. В русском переводе до нас дошел и другой большой эпический памятник — «Алдар и Зухра», повествующий в том же стиле о жизни и нравах башкирского народа, о подвигах его батыров»². Это рукописное произведение по масштабу близкое к народному роману, синтезирует в себе традиции древней мифологии, дастанов, кубаиров и хикаят. С этих письменных памятников фактически начинается перевод произведений башкирского фольклора и литературы на русский язык, своеобразная поэтическая переработка и интерпретация литературных памятников башкир.

Традиции башкирского устного народного творчества и древней тюркской литературы присущи романтической поэме Багави «Бузъегет», созданной в 1842 г. в Уфе. По своему типу и сюжету она близка к трагическим любовным поэмам «Кисса-и Юсуф», «Тагир и Зухра», «Лейля и Меджнун».

Своеобразны бытование, функция, жанровая природа и эволюция формирующейся башкирской письменной литературы. В рукописной литературе су-

¹ Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1. С. 346—422.

² БНТ. Эпос. Уфа, 1987. Т. 1. С. 335—463.

ществовали два основных направления: светское и религиозно-мистическое. Светская поэзия, в свою очередь, делилась на две группы: дидактические и любовные стихотворения¹. Их поэтика в основном связана с традиционной поэтикой древнетюркской литературы и литературой стран Востока. В системе жанров преобладают религиозно-дидактические формы: насихат (поучение), марсия (элегия), мунажат (стихи религиозно-бытового содержания).

Во многих поэтических произведениях, распространенных в рукописном виде среди башкир, превалирует традиционное коллективное начало. Это — анонимная поэзия. Сочинитель или не указывает свое имя (для него главное довести до читателя определенные идеи, наставления, поучения), а если и указывает, то впоследствии много раз переписанное и переделанное произведение постепенно утрачивает имя автора и фактически превращается в коллективное творчество. Поэтому текст большинства произведений имеет несколько вариантов и редакций. Эта поэзия по творческому методу и направлению абстрактно-символическая. Она состоит из больших собраний диванов, тескире, рисаля, т. е. из своеобразных поэтических сборников.

Анализируя рукописную литературу, краевед Р. Г. Игнатьев указывает, что среди башкир существовала целая корпорация книгопереписчиков. Они «при переписке начали даже по-своему переименовывать арабские и татарские сказания, переводя их на свое наречие»². Каллиграфист из башкир дер. Альмен Челябинского уезда Габден-Насыр (умер в 1841 г.) в одной из переписанных им книг сообщает о своей работе: «Всего переписано мной 223 тома книг. Начал переписывать книги с двадцати лет. Сейчас мне девяносто пять. Все еще очки не надеваю. Писал при свете лучины. Сейчас придумали свечи, но у меня нет денег даже на одну, для одного вечера»³.

Среди рукописных памятников XVI—XIX вв. особое место занимают башкирские шежере — родословные. Большие

по объему шежере племен юрматы, кыпчак, табын, усерген своеобразно сочетают фольклорные и литературные начала. В них генеалогия племени или рода нередко переплетается с яркой летописью исторических событий, преданиями и легендами, описанием жизни и деятельности исторических личностей. Так, в шежере усерген прославляется основоположник рода Муйтен, рассказывается о его сыне, внуках, правнуках и т. д. Многим из них дана краткая и меткая поэтическая характеристика. Шежере составлено в стихотворной форме и очень легко запоминается. Его язык близок к современному башкирскому разговорному языку⁴.

На основе шежере и их традиций возникают литературные произведения. Таковы, в частности, «Таварих Усерган», «Дафтар Сынгызнаме» и «Повесть об Амате», где традиции шежере переплетаются с эпическими традициями башкирского фольклора. К ним примыкает и «Таварих-и Болгария» писателя Тажетдина Ялсыгула аль-Башкорди, созданный в конце XVIII в. В этих произведениях мифолого-легендарный сюжет соединяется с историко-биографическим сюжетом шежере, обогащается историческими и бытовыми реалиями башкирской действительности.

Из рукописных произведений, распространенных среди башкир, показательно «Сказание о Чингиз-хане и Аксак-Тимуре», осуждающее опустошительные походы Тамерлана на Урал и русские земли. В нем прослеживаются не только идейно-тематическое единство и типологическое сходство с русской «Повестью о Тимире-Аксаке» XVI в., но и совпадение в деталях сюжета (например, описание похода на г. Владимир). Сюжетная общность другого эпи-

¹ Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 1973. С. 188—217.

² Записки Оренбургского отд. Русского географического общества. Оренбург, 1875. Вып. 3. С. 185.

³ Фахретдинов Р. Асар. Оренбург, 1904. Т. 1. Кн. 8. С. 457.

⁴ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 81—84.

ческого произведения «Таргын и Ку-жак» с древнерусским литературным памятником «Девгениево деяние» также говорит не только о типологическом, но и о каком-то генетическом сходстве.

Большой интерес вызывает «Таварих Усерган» (XVIII в.) — памятник исторической литературы, представляющий версию «Истории башкир» («Таварих-и башкорт»). В нем образно, в художественной форме изображаются события добровольного вхождения башкир в состав Русского государства, русско-башкирские дружественные отношения.

В XVIII в. зарождается публицистика. Общественная мысль находит свое выражение в таких письменных памятниках как фарманы (приказы), воззвания, грамоты предводителей башкирских восстаний, послания царям, вакигнаме (записи об исторических событиях). В них выражались национально-освободительные устремления народных масс, идеи дружбы между различными народами. Ряд фарманов и распоряжений Салавата Юлаева, Кинзи Арсланова в период крестьянской войны призывают русских, башкир, татар и других народов к совместной борьбе за освобождение¹.

Ярким публицистическим документом является письмо идеолога башкирского восстания 1755 г. Батырши императрице Елизавете Петровне². В нем остро поставлены социально-экономические, правовые и политические вопросы, выражен протест башкирского народа против национально-колониальной политики царизма. В публицистически-художественной форме в письме рассказывается о многострадальной жизни башкир, притеснениях со стороны чиновников, заводчиков и помещиков, непомерных налогах, ставших причиной народного восстания 1755 г.

В традиционных башкирских йыйынах принимались решения по общественным, военным, повстанческим, общинным, бытовым вопросам. Решения эти затем распространялись в письменном виде, представляя собою произведения своего рода публицистического жанра. Такой разновидностью публи-

цистики явились указы башкир 1767 г. в Уложенную Комиссию от Уфимской и Исетской провинций.

Башкирские восстания XVII—XVIII вв. против феодального и национального гнета активизировали развитие общественного сознания и литературы, способствовали выдвижению в ней на первый план освободительных идей. В общественно-политической жизни края того времени большую роль сыграли абызы³, представители образованной части башкирского общества. В мирное время они работали учителями, писарями, переводчиками, выполняли различные дипломатические функции. В период народных движений абызы нередко возглавляли эти движения. Так, во главе башкирского восстания 1735—1736 г. стоял Кильмяк-абыз Нурушев, идейным руководителем движения 1737 г. был Бепеня-абыз. В период Крестьянской войны 1773—1775 г. идеологом башкирских, татарских, чувашских повстанцев был знаменитый Кинзя-абыз Арсланов, главный полковник повстанцев. К этой же плеяде абызов принадлежал идеолог восстания 1755 г. Батырша Алеев.

Яркой страницей башкирской поэзии является творчество Салавата Юлаева (1752—1800), легендарного героя-поэта, сподвижника предводителя Крестьянской войны Емельяна Пугачева. Впервые в истории башкирской литературы Салават приравнял поэтическое слово к боевому оружию, скрепил воедино лучшие поэтические традиции устной и письменной поэзии. В своих стихах и песнях Салават воспевае родной край, Урал-тау, прославляет война-батыра, заступника народа³. «И снова в бой готовлюсь идти — свободу и право

¹ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975.

² Вопросы башкирской текстологии. Уфа, 1979. С. 131—159 (на тюрки). Оригинал рукописи: РГАДА. Ф. 7. Д. 1881.

³ Абыз — грамотный, образованный человек.

³ Библиотека всемирной литературы. Поэзия народов СССР. IV—XVIII вв. М., 1972. С. 543—547.

в бою найти!» — говорит Салават, выражая главный смысл и цель своей жизни.

*Обращаясь к воину-батыру, он писал:
Будь как этот беркут, славный воин,
Будь друзьям опорой стальной,
Выходи на бой с врагом отважно,
Жизни не щадя, бросайся в бой!*¹

(Перевод Б. Турганова)

Стихотворное обращение Салавата, известное под названием «Соединившись с Пугачевым, встав плечом к плечу с батыром»², выдержано в духе и стиле патетического призыва-орана башкирских сэзнов к вооруженной борьбе против угнетателей. Анализируя песню о Салавате, Р. Г. Игнатъев подметил в ней следующие слова: когда Салават «пел песни, люди с охотой шли в бой, не чувствовали боли от ран, не боялись голода, холода, ни даже смерти от пули, сабли и штыка, и умирали с радостью»³.

Открытие в Уфе в конце XVIII в. Оренбургского магометанского духовного собрания во главе с муфтием положило начало широкой пропаганде идеологии ислама в Башкирии, Поволжье и Сибири. Край наводнили религиозные книги, что оказало влияние и на художественную литературу. В первой половине XIX в. в башкирской литературе преобладают религиозно-мистические произведения суфийского толка. Именно в этот период из среды башкир вышли поэты-суфии, такие, как Тажетдин Ялсыгул аль-Башкорди (1767—1838), Менди Кутуш-Кыпсаки (1761—1849), Абельманих Каргалы, Хибатулла Салихов, Шамсетдин Заки и др.

Суфизм, пронизанный проповедью аскетизма, мистицизма и пессимизма, проник в Урало-Поволжье еще раньше с книгами суфиев Средней Азии Ахмета Ясави, Сулеймана Бакыргани и оказал определенное влияние на поэзию башкир и татар. Традиции суфийской литературы отразились и в известной книге Тажетдина Ялсыгула «Рисала-и Газиза» («Книга Газизы», 1806 г.), носившей религиозно-героический и дидактический характер.

В то же время в первой половине XIX в. отмечаются проблески реалистической литературы, тенденции столкновения прогрессивных взглядов с консерватизмом и мистикой суфизма. Здесь привлекает внимание литературное наследие Абдрахима Усмана (1752—1836), последователя татарского ученого-философа Габденнасыра Курсави.

А. Усман прошел большой и трудный жизненный путь. Родился в Чистопольском уезде в дер. Утыз Иман (ныне Новая Кади Чирмешанского района Татарстана). Окончив медресе в Каргалах под Оренбургом, Усман долго скитался по Средней Азии и Афганистану, учился и преподавал в медресе Бухары, Самарканда. В 1798 г. возвратился в Башкирию и около сорока лет жил в башкирской деревне Мрясово Стерлитамакского уезда⁴. Из написанных им свыше ста произведений сохранилось около шестидесяти. Большинство из них художественные произведения. Имеются труды по лингвистике, философии, геологии. А. Усман свободно владел арабским, персидским и тюркским языками и свои произведения создавал на этих языках.

В творчестве А. Усмана, основанном преимущественно на догмах ислама, постепенно вырисовываются светские мотивы и реалистические элементы. В таких произведениях, как «Башкирский мунажат», «Странствия по странам», «Образованные люди своего времени» нашло отражение социально-классовое расслоение внутри башкирского общества, звучит критика в адрес кантонных и других начальников, служителей ислама. Однако путь к установлению социальной справедливости, оздоровлению общества и нравственному

¹ Библиотека всемирной литературы. Поэзия народов СССР. IV—XVIII вв. С. 546.

² Антология башкирской поэзии. Уфа, 1971. С. 83—85 (на башк. яз.).

³ Башкирия в русской литературе. В 5-ти томах. Уфа, 1964. Т. 2. С. 81.

⁴ Хусаинов Г. Утыз Имани в Башкирии // Литература. Фольклор. Литературное наследие. Уфа, 1976. С. 163—172. (на башк. яз.).

совершенствованию личности автор видит лишь в просвещении и образовании. Это определило в целом дидактический и просветительский характер его творчества.

Поэзия А. Усмана характеризуется восточным полифонизмом, многообразием жанров и форм. Он ввел и закрепил в башкирской поэзии такие жанры как газель, хикмет, марсия, баит. Усманом созданы большие циклы стихов: «Образованные люди своего времени», «Тюркские стихи о пользе образования», «Благородные наставления». В стихах и мунажатах чувствуется влияние восточной поэзии, мотивы и поэтика произведений «Гулистан» Саади, «Маснави» Руми, дастанов Атгар.

Литературное наследие Абельманиха Каргалы (1784—1824) значительно меньше, но оно отражает характерные черты поэзии своего времени. Начальное образование Абельманих получил в медресе родного села Каргалы Оренбургского уезда, затем учился в Бухаре. Он много путешествовал, бывал в Стамбуле, Каире, Мекке, Медине.

В 1845 г. в Казани была издана автобиографическая книга поэта «Переводы Хаджия Сеитовского посада Абельманиха». В нее вошли переводы на тюрки рассказов из мусульманских произведений «Полное толкование Корана», «Источник света» Мухаммеда Газали, а также легенды о древних мусульманских святых, об аскетах и суфиях. Кроме них в сборнике помещены стихи поэта, его путевые заметки. В стихах о природе и любви имеются реалистические элементы.

Поэт Хибатулла Салихов (1794—1867) идет дальше, углубляя это направление. Он родился в башкирской деревне Нижние Чебенли, недалеко от Оренбурга, окончил медресе, был муллой в родной деревне, а затем в Сеитовском посаде (Каргалы).

В основном произведении Хибатуллы «Сборник благовоспитанности» (1856), посвященном религиозной этике и морали, нередко высказываются трезвые мысли, приводятся поучительные рассказы, басни, афоризмы. Местами

высмеиваются представители администрации Башкирского войска. М. В. Лоссиевский писал, что «между башкирами были поэты-сатирики, как Хибатулла. Его перу принадлежат многие сатиры на современных ему начальников башкирского войска и других лиц, как башкир, так и русских»¹.

Салихов не мог проходить мимо взыточничества и других злоупотреблений начальства. Вот его меткие слова из сборника «Благовоспитанность»: «Народу несут начальники бедствия, а сами кутят и наслаждаются», «Властитель века на змею похож», «Давая взятку, откармливают начальника» и т. д. Сатира поэта была социальной. Хотя Хибатулла Салихов приближается к реальной жизни, в его поэзии преобладают суфийские взгляды.

Поэтом-философом суфийского толка был Шамсетдин Заки (1822—1865), уроженец башкирской деревни Ишмет Оренбургского уезда. Несмотря на слепоту от рождения, он упорно учился. Был шакирдом медресе деревень Атысово и Ашкадар-Балыклы, обучался в Казани в медресе Мухамедкарима. Возвратившись в Башкирию, преподавал в медресе родной деревни и в знаменитом Стерлибашевском медресе.

Заки обладал исключительной памятью на прочитанное и услышанное. Он хорошо знал произведения восточных поэтов и мыслителей, испытал их влияние на свое творчество. Его поэзия отличается философской глубиной. Заки все связывает с Богом, считает существующий мир временным, а потусторонний вечным. В стихотворении «Будет—не будет» он призывает людей, пока они живы, творить только добро, быть милосердными, не гнаться за богатством.

Значительное место в поэзии Заки занимает любовная лирика. Но она посвящена прежде всего Богу. Богат и разнообразен язык поэта, его стихот-

¹ Лоссиевский М. В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книга Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 378.

ворениям присуща поэтическая образность. Он хорошо владел литературным языком турки, широко пользовался персидским и арабским языками, обращался к лексическому арсеналу башкирского разговорного языка, опирался на традиции устного народного творчества.

Таким образом, в первой половине XIX в. в башкирской литературе ведущим направлением была суфийская поэзия. Вместе с тем начинают проявляться реалистические тенденции.

§ 5. Русские писатели о Башкортостане. Театр

Башкирия в русской литературе. Прогрессивными русскими писателями первой половины XIX в. создано немало произведений о Башкирии. В них отражены история и культура башкирского народа, его героическая борьба против царизма и иноземных захватчиков. Творчество А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, В. И. Даля, П. М. Кудряшева, М. Л. Михайлова и других пронизано глубоким сочувствием и симпатией к башкирскому народу.

«Пушкин у нас — начало всех начал», — писал М. Горький. А. С. Пушкин положил начало демократическому показу жизни народов России и был одним из первых русских писателей, обративших внимание на жизнь башкирского народа. Запоминающиеся образы башкир — борцов за свободу и справедливость Пушкин создал в произведениях «История Пугачева» и «Капитанская дочка», посвященных изображению Крестьянской войны 1773—1775 годов. Их написанию предшествовала большая работа по изучению печатных источников и архивных документов по истории Пугачевского восстания, а также поездка осенью 1833 года в Оренбургский край с целью сбора фольклорно-этнографических материалов.

«Оренбургские записи» преданий и рассказов о Пугачевском движении, встречи с современниками «славного мятежника» — старой казачкой

И. А. Бунтовой в Бердах и старожилыми Уральска, — дали А. С. Пушкину дополнительный материал для его трудов.

Показывая в «Истории Пугачева» роль народных масс в восстании, значительное место Пушкин уделяет башкирам во главе с их вождем Салаватом Юлаевым. Причину активного участия башкир в народном движении поэт-историк видит в усилившемся в XVIII в. феодальном гнете. Он с гневом писал о расправе над участниками восстания 30—40-х годов: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений... «Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши». — Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта»¹. Не случайно в произведениях Пушкина встречаются «прощенные», но не смирившиеся башкиры-пугачевцы, у которых отрезаны уши и носы.

В «Истории Пугачева» Пушкин изображает Крестьянскую войну как совместную борьбу народов России против самодержавия и феодализма. Башкирская конница, как показывает Пушкин, в составе повстанческих войск действовала на обширной территории Оренбургской губернии, участвовала во взятии Пугачевым Казани.

В повести «Капитанская дочка» созданы яркие образы Пугачева и его сподвижников. Выразительными красками рисует писатель образ безымянного «башкирца», схваченного с «возмутительными» листами Пугачева. Первое же предложение настраивает на тревожный лад: «Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей». Облик «башкирца» обрисовывается через восприятие Гриневы, не сочувствующего повстанцам, что намного усиливает воздействие этого образа на читателя. «Я взглянул на него и со-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 252.

А. С. Пушкин

дрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита, вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сторблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»¹.

В штурме Белогорской крепости, как и во многих других боевых операциях, участвовали и башкиры. «По стенам, не в дальнем расстоянии от крепости, — пишет Пушкин, — разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам... вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне

ехал человек в красном кафтане с обнаженной саблей в руке: это был сам Пугачев»². Не оставались башкиры в стороне и при расправе над защитниками крепости, сохранившими верность царице. Знаменательно, что безымянный, изуродованный карателями «башкирец», выведенный в главе «Пугачевщина», показан вольнолюбивым и смелым. Этот образ далеко не основной, скорее эпизодический, башкир даже лишен возможности говорить, потому что у него отрезан язык за участие в прежних восстаниях против царизма, тем не менее это активный, непримиримый борец за свободу и счастье народа. «Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком, — говорится в главе «Приступ» устами Гринева. — Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку»³.

Казалось бы, Пушкин должен этот случай представить в трагическом свете, но симпатии автора на стороне «изувеченного башкирца», совершившего справедливое возмездие.

Образ безъязыкого, изувеченного «башкирца» имеет широкое обобщающее значение: в нем отразилось свободлюбие угнетенного народа, народа, лишённого прав, не имеющего «языка», но продолжающего борьбу за лучшую жизнь. Образом безымянного башкира-пугачевца Пушкин как бы утверждает мысль о невозможности убить стремление народа к свободе и счастью.

Ближайшим продолжателем пушкинской традиции доброжелательного отношения к народам и народностям России, в том числе и к башкирам, выступил М. Ю. Лермонтов. Особого внимания заслуживает интерес Лермонтова к пугачевскому восстанию и работа в 1833—1834 гг. над романом, который остался незавершенным и условно, по

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1978. Т. 6. С. 300—301.

² Там же. С. 305—306.

³ Там же. С. 308.

имени главного героя, называется «Вадим».

В романе говорится о смелости башкир, казахов, татар. В арсенале художественных средств автора Урал, уральские степи использованы неоднократно. Здесь действует «отряд вольных людей Урала». Если учесть, что в башкирском традиционном фольклоре Урал обычно выступает как синоним Башкирии, то мотивы нашего края окажутся еще более ощутимыми. Думается, что и строка «степей башкирских сын счастливый» в поэме Лермонтова «Монго» появилась отнюдь не случайно. Это выражение олицетворяет степного вольного коня, верного спутника башкирского джигита. Изобразив себя скачущим на вольном башкирском коне, поэт, очевидно, индизаторски хотел передать свою жажду свободы и счастья.

Большой интерес к истории и культуре башкирского и других народов Оренбургского края проявил видный русский лексикограф, этнограф и писатель В. И. Даль. Во время службы в Оренбурге с 1833 по 1841 гг. в качестве чиновника особых поручений при генерал-губернаторе В. А. Перовском он вдоль и поперек изъездил Башкирию, Казахстан, земли оренбургских и уральских казаков. Здесь создал большинство своих беллетристических произведений: «Были и небылицы», «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа», «О русских пословицах» и много других повестей и рассказов из жизни русских, башкир и казахов. Даль записал и опубликовал «Рассказ Верховонцева о Пугачеве», в котором 85-летний старик, бывший пугачевец, вспоминает отдельные эпизоды Крестьянской войны 1773—1775 годов.

Интересуясь фольклором народностей обширного края, Даль собирал также произведения башкирского устно-поэтического творчества. Любознательно описывает он природу Башкирии, особенно восхищаются его загадочные пещеры и овеянные легендами башкирские озера Асли и Кандры. Башкирские мотивы встречаются во многих его произведениях: в повести из жизни казахского народа

«Бикей и Мауляна», в рассказах «Майна», «Охота на волков», «Серенькая» и других. Но самым замечательным произведением Даля на башкирскую тему является творческая обработка эпического сказания о Зая-Туляке и Хыу-хылу — «Башкирская русалка» (1843).

В произведении повествуется о большой любви легендарного батыра Зая-Туляка и русалки, дочери владыки озер Асли и Кандры. Это один из древнейших эпических памятников, относящийся к эпохе распада первобытно-общинного строя. С поразительной яркостью здесь описывается период, предшествующий присоединению Башкирии к Русскому государству, крушение чингизидов, распад Ногайской орды, междоусобицы ногайских ханов и освобождение башкир из-под их власти.

Во вступлении к «Башкирской русалке» писатель дает краткое историко-этнографическое описание края, рассказывает о происхождении, быте, нравах, обычаях, поверьях и преданиях башкир. Ссылаясь на сказки и песни, он приводит различные версии о происхождении башкир. Рассказывая о современном ему положении башкир, Даль отмечал, что к началу XIX в. заводчики и другие переселенцы «переполосовали и испятнали уже почти всю Башкирь» и «уже оттягали сотни тысяч десятин богатейших земель, расквитавшись с вотчинниками-башкирами или десятилетнею давностью владения или полюбовною сделкою, тремя головами сахару, фунтом чаю...». Положительно оценивая добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству, Даль рассматривает это событие как закономерный шаг в историческом процессе развития башкирского народа. Писателя привлекают и другие вопросы. Он довольно точно охарактеризовал национальную специфику башкирского музыкально-песенного искусства, дал восторженное описание уникального

¹ Даль В. И. Повести и рассказы. Уфа, 1981. С. 19.

В. И. Даль

мастерства певцов — «певчих особого рода», поющих горлом, отметил также, что «у кочевых башкиров осталось еще много поверий и преданий».

Наличие в Оренбургском крае большого количества переселенцев из центральных русских губерний чрезвычайно благоприятствовало работе Даля по изучению диалектов русского языка. Башкирия для него явилась как бы живой лабораторией по работе над лексикографией. По утверждению биографа Даля П. И. Мельникова-Печерского, именно в Оренбургском крае В. И. Даль сделал главнейшее пополнение своего монументального «Толкового словаря живого великорусского языка».

Особенно много писал о Башкирии замечательный русский писатель уроженец Уфы С. Т. Аксаков (1791—1859). Детство его прошло в Башкирии, и в последующие годы он был тесно связан с родным краем. В двух трилогиях — охотничьей («Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Рассказы и воспоминания охотника») и автобиографической («Семейная хрони-

ка», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания») Аксаков дал превосходное описание башкирской природы и реалистически отразил быт провинциального русского дворянства.

Современники восторженно отзывались о произведениях Аксакова. Так, о «Записках ружейного охотника» И. С. Тургенев писал: «Эту книгу нельзя читать без какого-то отрадного, ясного и полного ощущения, подобного тем ощущениям, которые возбуждает в вас сама природа; а выше этой похвалы мы никакой не знаем»¹. Появление в печати «Семейной хроники» стало событием в русской культуре. «Издание «Хроники» встречено было с таким восторгом, — отмечал Н. А. Добролюбов, — какого, говорят, не бывало со времени появления «Мертвых душ». Все журналы наполнились статьями о С. Т. Аксакове»².

Написанная на материале семейных преданий, рассказов отца и матери, «Семейная хроника» начинается с повествования о том, как дедушке Багрову (его прототип — дед самого писателя) стало тесно в своих поместьях Симбирской губернии и он переселился в Башкирию. Писатель показал, как огромные земельные угодья приобретались у башкир помещиками и заводчиками за угощение, за «два-три жирных барана». В произведениях Аксакова большое внимание уделяется описанию социальных отношений. Писатель показывает жизнь и нравы жителей Уфы, дает правдивые картины быта помещиков-крепостников. Именно на «фактическую правду мемуаров Аксакова» обратили внимание Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Непревзойденный мастер в описании природы, Аксаков не был равнодушным созерцателем красивого пейзажа: писатель показал, каким резким контрастом на фоне пышной природы казались «исхудалые, как зимние мухи,

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. М., 1980. Т. 4. С. 508.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в девяти томах. М., 1962. Т. 4. С. 168.

башкирцы» и их «наполовину передохшие от голода табуны и стада». Несмотря на то, что Багров имел немало положительных качеств, он, как и всякий помещик, привык к неограниченной власти, был жесток с крестьянами и дворовыми и требовал безропотного повиновения всех членов своей семьи. С беспощадной правдивостью пишет Аксаков об обычаях уфимского дворянства XVIII века: «В те времена в Уфимском наместничестве было самым обыкновенным делом покупать киргизят и калмычат обоюго пола у их родителей и родственников; покупаемые дети делались крепостными слугами покупателя»¹.

В «Детских годах Багрова-внука» много страниц посвящено изображению дворянских поместий. Вот как описывает Аксаков имение отца: «Превосходная земля с лишком семь тысяч десятин, в тридцати верстах от Уфы по реке Белой, со множеством озер, из которых одно было длиною около трех верст, была куплена за небольшую цену». Не умалчивает автор и о том, что с этой земли согнали две деревни, чтоб сделать ее дворянским поместьем. Правдиво изобразил Аксаков самодура-помещика Куролесова (его реальный прототип — Куроедов), который издевался над крепостными, избивал и беззаконно убивал их, придумывая специальные орудия пыток. Имение помещика находилось в нынешнем Белебеевском районе Республики Башкортостан, недалеко от железнодорожной станции Аксаково.

Правдивое изображение помещичьего быта было большой заслугой писателя. В период острой борьбы за освобождение крестьян Н. А. Добролюбов написал о мемуарах Аксакова большую статью «Деревенская жизнь помещика в старые годы», в которой отмечал, что описание Аксаковым помещика-крепостника стоит «степенью выше» обличительных книг. Вместе с тем великий критик указывал и на слабые стороны творчества писателя, вытекающие из его субъективизма, который мешал ему понять, что жестокость помещиков — это не только их личные ка-

С. Т. Аксаков

чества, что произвол «был общим неизбежным следствием тогдашнего положения землевладельцев»².

Одним из первых собирателей башкирских преданий и других фольклорных источников по истории Башкирского края был известный писатель и переводчик, революционный демократ М. Л. Михайлов (1829—1865). Он родился в Уфе в семье чиновника, вышедшего из среды крепостного крестьянства. Детство Михайлова прошло в Уфе и Илецкой Защите, учился он в уфимской гимназии. В 1846 г. Михайлов уехал в Петербург для учебы в университете. Здесь он познакомился с Н. Г. Чернышевским, дружеские отношения и идейную близость с которым сохранил на всю жизнь. С 1852 г. Михайлов стал сотрудником некрасовского «Современника». В своих произведениях («Адам Адамыч», «Кружевница», «Перелетные птицы», «Голубые глазки», «Стрижовые норы» и дру-

¹ Аксаков С. Т. Собр. соч. в четырех томах. М., 1955. Т. 1. С. 87—88.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в девяти томах. М., 1962. Т. 2. С. 304.

гие) он разоблачал пошлость провинциального дворянства и чиновничества, осуждал крепостническую действительность.

В 1856 г. Михайлов приехал в Оренбургскую губернию в качестве члена литературно-этнографической экспедиции, работавшей по заданию Морского министерства. Обследование края он начал с Уфы, откуда 5 апреля писал своему другу поэту Я. П. Полонскому: «Теперь я в Уфе и пробуду здесь до весны. Потом поеду по Белой, потом по Уралу. А там хочу в Киргизскую степь и в Акмечеть»¹. Еще в детские и юношеские годы Михайлов изучал татарский язык, а во время экспедиции совершенствовал свои знания. Это позволило ему собрать много произведений устно-поэтического творчества башкирского народа.

Михайлов объехал Башкирию, побывал в Оренбурге, Илецкой Защите, в Гурьеве, Уральске и его окрестностях. Изучая быт и обычаи населения, живущего в бассейнах рек Белой и Урала, он собрал богатые историко-этнографические сведения о башкирах и уральских казаках. Как видно из ответа Михайлова на запрос Морского министерства, посланного 22 января 1857 г., во время экспедиции он работал над большим сочинением «Очерки Башкирии». Ему также удалось «собрать много памятников башкирской народной поэзии и преданий о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. «Про кровавую пору пугачевщины, — писал он, — между уральцами ходят еще разные рассказы и не редкость встретить старика или старуху, которые вполне убеждены, что Пугачев не был Пугачевым»².

Но значительная часть ценнейшего материала, собранного за период экспедиции, как и опасался Михайлов, «застряла в цензуре». В письме к Н. В. Шелгунову он признавался: «Везде стараюсь, по мере возможности, говорить откровенно, без прикрас, о положении края. Гадостей несть числа». Усиленный интерес Михайлова к острым социальным проблемам предрешил судьбу его сочинений. Бесследно исчезли и

«Очерки Башкирии». Писателю удалось опубликовать только «Уральские очерки» (они вышли в журнале «Морской сборник» в 1859 году).

В 1847—1857 гг. в Оренбургском крае в ссылке находился великий украинский поэт и художник Т. Г. Шевченко, отданный за революционную деятельность в солдаты Оренбургского корпуса. Он общался с башкирами и казаками, несшими линейную службу, интересовался жизнью и бытом местного населения. Несмотря на строгий запрет царя, вел дневники, рисовал, писал стихи, рассказы и очерки, в которых нашла отражение тяжелая жизнь угнетенных народов края.

Сочувственно изображал жизнь нерусских народностей — башкир, татар, казахов оренбургский поэт и революционер П. М. Кудряшев (1797—1827). Зная языки и фольклор многих народов края, он написал несколько поэм, повестей, историко-этнографических очерков, а также большое количество стихотворений.

Творческий метод Кудряшева-поэта — романтический, но в фольклорно-этнографических произведениях его заметны реалистические тенденции. Стремясь прежде всего довести до читателя идею, мысль, он довольно свободно обращается с поэтической формой, хотя произведения свои, обильно одобренные как русским, так и иноязычным фольклорным материалом, именует «башкирскими», «татарскими», «киргизскими». В произведениях, созданных по фольклорным мотивам («Абдряш», «Абдрахман», «Искак» и другие), Кудряшев прославлял народных героев, борющихся против социальной несправедливости и национального гнета. Интересовался он личностью поэта и воина Салавата Юлаева. По сведениям оренбургского историка И. Казанцева, на слова песни о Салавате в переводе Кудряшева написал музыку композитор А. Алябьев,

¹ Шестидесятые годы. М., 1940. С. 455.

² *Прянишников Н. Е.* Писатели-классики об Оренбургском крае. Чкалов, 1951. С. 97.

находившийся в 30-х годах XIX в. в ссылке в Оренбурге.

В произведениях Кудряшева рисуется широкая панорама жизни народов, населяющих Башкирию. В частности, это имеет место в повести «Искак», навеянном башкирским и татарским фольклором. Но главный пафос его творчества — воспевание дружбы и равноправия всех народов России. Так, рассказывая в повести «Абдряш» о столкновениях, имевших место в середине XVIII в. между башкирами и казахами, писатель осудил связанное с политической царизма натравливание одного народа на другой. Вместе с тем он видел большое прогрессивное значение добровольного присоединения Башкирии к России, писал о дружбе русского и башкирского народов: «Мудрость, правота и человеколюбие России показали башкирцам путь к спокойствию и благоденствию: они добровольно покорились Российской державе»¹.

Идея дружбы народов утверждается также в повести «Сокрушитель Пугачева, илецкий казак Иван», отразившей мужественную борьбу угнетенных масс за свои права. Теме мира и дружбы народов посвящены и другие произведения Кудряшева, в частности, цикл стихотворений о совместной борьбе русских и башкир в Отечественной войне 1812 года.

Этот цикл объединяет три стихотворения: «Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «Песнь башкирца после сражения», представляющие собой вольный перевод башкирских народных песен. Следует отметить, что Кудряшев выступил первым собирателем и публикатором башкирских песен².

В стихотворении «Песнь башкирца после сражения» повествуется о том, как спасая родную землю, защищая родных и милых, «питомцы быстрого Урала, башкирские богатыри» отличились на поле битвы. Поэт взволнованно восклицает:

*Друзья! Гордитесь: целый мир
Узнает, сколь могуч башкир³.*

Все три стихотворения Кудряшева объединяет единый лирический герой — воин-рассказчик, в образе которого воплощены лучшие народные черты. Но главным героем песен выступает весь народ, поднявшийся в едином порыве на защиту своей родины. Повествуя о грозных событиях, поэт достигает в цикле стихотворений о войне 1812 года значительной обобщающей силы: крепостной мужик и «дикие сыны степей» вершат судьбу России, оказывают влияние на весь ход истории.

Тема участия башкир и других народов Южного Урала в Отечественной войне 1812 года занимает заметное место и в творчестве других писателей. Так, в военных мемуарах поэта-партизана Д. В. Давыдова немало страниц посвящено башкирам-воинам. В произведении «Тильзит в 1807 году» Давыдов пишет о пополнении русской армии несколькими башкирскими полками. Он подчеркивает удальство лихих степных наездников: «...тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, могли привести в трепет неприятеля. Их многолюдство, наружность, обычаи, необузданность, приводя на память гуннов и Атиллу, могли сильно поразить европейское воображение...»⁴. В «Дневнике партизанских действий 1812 года» Давыдов описал успешную операцию одного батальона Уфимского полка, который по приказу генерала Ермолова бросился в атаку на французов, захвативших редут Раевского, и выбил их оттуда.

О смелости и решительности башкирских конников писал также участник Отечественной войны писатель С. Глинка. А. Раевский в «Воспоминаниях о походах 1813—1814 годов» отметил, что «башкирцы, калмыки, тептяри... разделяли святой подвиг брани народной;

¹ Отечественные записки. СПб., 1827. Ч. 29. № 81. С. 130.

² Вестник Европы. М., 1822. № 9; 1823. № 15; 1828. № 21.

³ Там же. 1828. № 15. С. 199.

⁴ Давыдов Д. В. Соч. в трех томах. СПб., 1893. Т. 1. С. 294.

и они смиряли дерзость просвещенных французов»¹.

Автор ряда художественных очерков об Оренбургском крае В. Зефиров посетил в 1847 г. деревню ветерана Отечественной войны Джантюри, расположенную «в лесу на берегу Белой». Встреча дала ему материал для «Рассказов башкирца Джантюри», которые были напечатаны в том же году в «Оренбургских губернских ведомостях» с подзаголовком «Из воспоминаний о войне с французами». Из этих рассказов вырисовывается колоритный образ самого Джантюри — кавалера боевой медали, остролова, любителя и знатока старины. Джантюри рассказал Зефирову о подвиге своей жены, участвовавшей с ним в военных походах. Башкирка-воин, проявив находчивость и смелость, спасла от неминуемой гибели конный отряд, окруженный французами. За геройский поступок командованием русской армии она была награждена медалью.

Театр. Зарождение сценического искусства в крае относится к 70-м годам XVIII в. Организаторами первых спектаклей были ссыльные поляки. В 1772 г. в Уфе в доме мензелинского воеводы Никиты Можарова они дважды поставили на польском языке оперетту «Пан Бронислав». Но вскоре ссыльным было запрещено давать представления². В 90-х гг. в домах уфимской знати ставились комедии силами приезжих немецких трупп³.

В 1841—1843 гг. в Уфе выступала первая русская профессиональная труппа под управлением известного провинциального антрепренера и актера Н. А. Соколова. Она прибыла из Казани и состояла из 14 чел. Своей игрой выделялись Н. А. Соколов, талантливая актриса, бывшая крепостная Е. А. Иванова, актер и певец Головинский, дядя и воспитатель знаменитого русского актера Прова Садовского — Садовский и другие. Музыкальное оформление спектаклей осуществлял небольшой оркестр, которым дирижировал способный молодой капельмейстер Немвровов⁴.

В репертуаре труппы преобладали водевили Д. Т. Ленского, Ф. А. Кони, А. А. Шаховского, П. А. Каратыгина и др., не сходившие со столичной и провинциальной сцены в то время. Вместе с тем Н. А. Соколов на уфимской сцене осуществил постановку нескольких опер, в том числе «Аскольдовой могилы» А. Н. Верстовского, проникнутой героико-романтическим духом. Из драматических произведений дважды с большим успехом прошел знаменитый «Ревизор» Н. В. Гоголя⁵. Артисты, прежде всего Н. А. Соколов, сыгравший «весьма умно и отчетливо» роль Городничего, сумели довести до зрительного зала антикрепостническую направленность комедии. По словам рецензента, «рукоплескания были оглушительны»⁶. В первый сезон публика охотно посещала театр, а во второй ей наскучило однообразие репертуара, и сборы стали падать. Осенью 1843 г. Соколов «для поправления своих финансов» вынужден был выехать в Екатеринбург.

И в дальнейшем время от времени в Уфе шли спектакли приезжих трупп. Так, в 1845 г. в городе выступила труппа Маркевича, в 1849—1850 гг. — труппа Иванова, в 1856 г. — уже известная уфимскому зрителю труппа Н. А. Соколова⁷. Основной их репертуар составляли водевили развлекательного характера. Местная публика отметила высокое сценическое мастерство артистов

¹ Раевский А. Воспоминания о походах 1813—1814 гг. М., 1822. Ч. 2. С. 36.

² НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 58; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 256.

³ Дневник уфимского дворянина М. Я. Ребелинского. Ч. 1. Рукопись хранится в Книжной палате РБ под шифром 1/1792.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 256.

⁵ Там же.

⁶ Бельский-Суголак. О временном уфимском театре // Репертуар и Пантеон. 1843. Кн. 12. С. 127.

⁷ Руднев И. Театр в Уфе // Репертуар и Пантеон. 1845. Кн. 9. С. 94; Оренбургские губернские ведомости. 1849, 12 дек.; 1850, 11 марта; 1856, 10 ноября.

Гуткопфа, Головинского, актрис Петровой, Немвровой, сестер Соколовых.

В городе шли и любительские спектакли. В 1859—1860 гг., например, их состоялось 17¹. Играли любители в зале Дворянского собрания, куда демократический зритель попадал редко. Тем не менее предреформенная публика, уже чувствовавшая неизбежный крах крепостничества, тепло восприняла постановку ими пьес А. Н. Островского «Домашнее место» и «Ревизор» Н. В. Гоголя.

В уездных городах, кроме Оренбурга, в рассматриваемый период театра не было. В Оренбурге до середины XIX в. играли только любители, представления которых шли в зале Благородного собрания. В 1856 г. в городе впервые высту-

пила профессиональная труппа видного провинциального антрепренера Б. И. Соловьева. Труппа в составе 7 актеров и 5 актрис, по признанию самого Соловьева, была «зело слабенькая»². Однако она успешно провела сезон и осталась на второй. С тех пор в Оренбурге профессиональные труппы выступали регулярно, и театр стал важным компонентом культурной жизни города.

Так постепенно расширялась и обогащалась культура народов Башкирии.

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 27; История Уфы. С. 90.

² Правдухина Е. Театр в Оренбурге // Чкаловский областной драматический театр им. А. М. Горького: 100 лет. Чкалов, 1957. С. 9: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 256.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К середине XIX в. Башкирия прошла долгий и сложный путь развития. Об этом свидетельствует настоящий труд, который знакомит читателя с многообразными явлениями прошлого.

В суровых условиях Южного Урала первобытный человек тысячелетиями вел тяжелую борьбу за существование, упорным трудом добивался удовлетворения своих насущных потребностей. Постепенно совершенствовались орудия труда, хозяйственные занятия людей, росла их духовная культура. Изменения происходили крайне медленно, но тем не менее они обеспечили эволюцию древних обществ в крае.

Через Южный Урал проходили различные племена в эпоху Великого переселения народов и позже. Часть из них навсегда оседала здесь и участвовала в формировании башкирской народности. Зарождение феодальных отношений, систематические опустошительные нашествия чужеземцев, межплеменная борьба усиливали неравномерность в социально-экономическом и культурном развитии населения. Общество стало классовым, патриархально-феодальным.

Исследователи пока не разобрались в государственных образованиях ран-

них башкир. Но ясно, что у них были племенные союзы. Они могли быть самостоятельными, могли входить в более крупные образования. Длительное время башкиры испытывали влияние Булгарского государства, затем находились в составе Золотой Орды, а с ее распадом подпали под власть Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств. Политическая раздробленность, гнет чужеродных поработителей, междоусобные войны тормозили развитие производительных сил, подрывали хозяйство.

Переломным моментом в истории Башкортостана явилось его присоединение к Русскому государству. Это глубоко прогрессивное событие освободило башкир от гнета ногайских, казанских и сибирских феодалов, покончило с политической раздробленностью края и междоусобными войнами.

Вхождение в состав единого государства благоприятствовало хозяйственным и культурным связям между башкирскими племенами, их этнической консолидации. К началу XVII в. завершился длительный и сложный процесс формирования башкирской народности.

В составе Русского государства башкиры вступили в контакты с русским,

татарским, чувашским, марийским и другим пришлым населением. Это содействовало прогрессивному развитию края, вовлечению в хозяйственный оборот обширных земельных угодий, лесных и минеральных богатств.

Как видно из книги, весомый вклад в развитие хлебопашества внесли пришлые крестьяне. Под их влиянием усилился переход башкир от кочевого и полукочевого скотоводства к оседлому земледелию. Трудом местного и пришлого населения распахивались вековые степи и лесостепи. К концу XVIII в. земледелие в Башкирии достигло уровня, необходимого для обеспечения потребностей края в продовольствии.

Значительное развитие получили переработка сельскохозяйственных продуктов и другие промыслы. В XVIII в., особенно во второй его половине, в Башкортостане развернулось строительство медеплавильных и железоделательных заводов, которые оказали большое влияние на хозяйственный уклад населения горно-лесных районов. Здесь формировалось горнозаводское население, состоявшее преимущественно из русских мастеровых и работных людей.

Освоение природных богатств Башкирии имело положительное значение не только для местных нужд, но и для экономического развития страны в целом.

Башкортостан был вовлечен в сферу господствующего в России феодально-крепостнического строя. Вместе с тем в общественных отношениях края имелись и свои особенности, связанные с его окраинным положением, колонизацией и сохранившимися у башкир патриархально-феодальными отношениями. Все это нашло отражение в книге. Изучены также разложение феодальных отношений и развитие капиталистического уклада.

Башкиры не имели автономии. Царское правительство насадило в крае общероссийское территориально-административное устройство и управление. Основными проводниками политики правительства были царские воеводы и губернаторы, пользовавшиеся неограни-

ченной властью. Наряду с феодальным гнетом население испытывало произвол и насилие администрации. Особенно болезненными для коренных жителей были систематические захваты их земель колонизаторами. Как и другие нерусские народы, башкиры терпели национальный гнет.

В работе подробно освещена борьба народных масс Башкортостана за социальное освобождение, против колониаторской политики царизма и национального гнета. Восстания жестоко подавлялись. Тем не менее они сковывали и в какой-то мере ограничивали действия правительства. Восставшие вынудили его отказаться от политики насильственной христианизации башкир и татар, сохранить вотчинное право башкир на землю, не особенно форсировать распространение крепостничества в крае.

Борьба многонационального крестьянства и горнозаводских рабочих Башкирии вливалась в общероссийское движение народов против самодержавия и господствующего строя. Кризис феодально-крепостнической системы, резко обострившийся к середине XIX в., привел к падению крепостного права.

Авторами большое внимание уделено истории культуры народов Башкирии. Несмотря на угнетательскую политику царизма, самобытная культура башкир продолжала развиваться. В этом важную роль играло культурно-бытовое общение коренного населения с русским, татарским и другими пришлыми народами. Башкиры имели богатый фольклор, совместно с татарами открывали мусульманские школы, создали литературу. Постепенно появились русские учебные заведения и медицинские учреждения, началось научное изучение края, жизнь и быт башкир отражались в русской литературе. В крае сосуществовали различные религиозные верования: ислам, христианство, язычество. Хозяйственно-культурные связи, совместная борьба против внешних врагов и феодального гнета способствовали расширению сотрудничества и укреплению дружбы между народами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические
АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БНТ — Башкирское народное творчество
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА УНЦ РАН — Научный архив Уфимского научного центра Российской Академии наук
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПФИРИ — Санкт-Петербургский филиал Института российской истории
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Российское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека
сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
РНБ — Российская национальная библиотека
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЗ — Свод законов Российской империи
ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан
ЧОИДР — Чтение в обществе истории и древностей российских

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдей Абдулло, башкир Ногайской дор., участник Крестьянской войны 1773—1775 гг.—310
Абдельманих (Абельманих) Каргали (Каргалы), татаро-башкирский поэт — суфий — 472, 476, 477
Абдрак, башкир Ногайской дор.—241
Абдрахим Усман, татаро-башкирский поэт — суфий и тюрколог, прогрессивный общественный деятель — 473, 476
Абдрахман Акъегетов, башкир д. Утяганово Стерлитамакского у., участник Отечественной войны 1812 г.—470
Абдук Козягулов, башкирский старшина Гайнинской вол. Осинской дор.—256
Абдулла Курманаев, писарь в отрядах повстанцев в Крестьянской войне — 330
Абдулбасыр Хайбуллин, участник восстания 1835 г.—422
Абдулбахит Бакиев, имам Красноуфимского у., активный участник восстания 1835 г.—422, 424
Абдулагап Каримов, башкир д. Большая Ока Кущинской вол., один из предводителей восстания 1835 г.—422, 425
Абдулзапяр Максютов, начальник 4-го мишарского кантона — 401
Абдуляиль Султанов, башкирский сотник, затем старшина Байлярской вол. Казанской дор.—301, 329
Абдулкабир Кушугулов, башкирский сотник, активный участник восстания 1835 г.—421, 425
Абдулла Акаев (Акайнин), башкир, один из предводителей восстания 1735—1736 гг. на Казанской дор., в 1738 г. перешел на сторону правительства — 240
Абдулла Алеев (Алиев, Батырша), мулла, идеолог и предводитель восстания 1755 г.—253, 260, 475
Абдулла Вагап, башкирский старшина Бурзянской вол.—255
Абдулла Муслимов-Даушев, ахун Исетской пров., депутат Уложенной комиссии 1767 г.—301
Абдулла Сурагулов, башкир, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г.—397
Абдулла Тленчев, староста Гайнинской вол. Осинской дор.—199
Абдул Люсюеллеев, мишар Осинской дор., участник восстания 1747 г.—250, 251
Абдулмазит Ахмеров, мишарский сотник — 301
Абдулмежит Абдулагапов, один из предводителей восстания 1835 г. в Красноуфимском у.—422, 425
Абдулмезит Мусагитов, тептяр д. Гублюкучуково Бирского у., участник восстания 1835 г.—425
Абдулнасыр Абдрашитов, начальник 8-го башкирского кантона — 401
Абдул Сырметев, башкирский сотник Байлярской вол. Казанской дор.—301

Абдулфеттах Максютов, начальник 4-го мишарского кантона — 419
Абельманих Каргалы, см. Абдельманих Каргали
Аблаи (Албай), сибирский царевич — 182
Абубакир Абдулхаиров, указной мулла д. Султеево, один из предводителей восстания 1835 г.—420
Абу-Долеф (Абу Дулаф), арабский путешественник и писатель — 87, 88
Абулхаир, хан Младшего казахского жуза — 241
Абуталиб Абдрахманов, юртовой старшина 10-го башкирского кантона — 391
Авдиев А., выпускник Казанского университета, первый доктор медицины из башкир — 454
Агеев Б. Б., археолог — 7,15
Аднагул Авязбакиев, башкирский походный старшина — 301
Адначура Султамратов, урядник д. Абдрашитово Уфимского у., один из предводителей восстания 1835 г.—421
Адыл (Адил) Ашменев (Азменев), башкир д. Елпачихи Осинской дор., повстанческий полковник в Крестьянской войне — 310, 330
Азнабай Тлевулов (Тлеугулов), башкир Айлинской вол., один из предводителей восстания 1735—1740 гг.—244, 246
Азнагул Урускулов, башкир, один из предводителей восстания 1662—1664 гг.—210
Азнай, вождь племени Юрматы — 141, 147
Азнакай Явильдин, один из предводителей восставших башкир на Ногайской и Казанской дорогах в 1735 г.—233
Аиткул, башкир-заложник Табынской вол. Ногайской дор.—202
Аиткул (Аиткул Емантаев), башкир Куваканской вол., один из предводителей восстания 1735—1740 гг.—245
Аиттер Исенбетев, башкир Минской вол. Ногайской дор.—199
Айбика Муратова, башкирка Табынской вол. Ногайской дор.—202
Айгильда, участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г. на Осинской дор.—250
Айзуак-бий, вождь племени Гайна — 138
Айчувак Узенбаев, башкирский сотник — 391
Акай-батыр, см. Акай Кусюмов
Акай Зюбеилов, башкирский феодал — 288
Акай Кусюмов (Акай-батыр), башкирский старшина Тамьянской вол. Казанской дор., один из предводителей восстания 1735—1740 гг.—231—235, 238, 242, 466
Акбас Аказин, мари д. Секияз Осинской дор. Уфимского у.—202
Акбаш Андрушев, башкир д. Кызыл Яр Гайнинской вол. Осинской дор.—256
Акимова М. С., антрополог — 100
Аккул Биктимиров, начальник 6-го кантона, поручик — 349, 401
Акманов И. Г., историк — 11, 12, 13, 15

- Акназар Салтан, мурза Ногайской Орды — 131, 132
- Аксак-Килембет, мурза Ногайской Орды — 139
- Аксаков, помещик Уфимского у.—403
- Аксаков П. Д., бригадир, вице-губернатор Уфимской пров.—188, 189, 227—231, 439
- Аксаков С. Т., писатель — 426, 478, 481, 482
- Актулуш-бий (Ак-Тулуш, Актуш), мурза Ногайской Орды — 141
- Аладин Бектуганов, башкир, атаман повстанцев в Крестьянской войне — 325, 330
- Аладин Феляков, башкир Ирехтинской вол. Осинской дор., атаман повстанцев в Крестьянской войне — 318
- Алдар Исекеев (Алдар-батыр), башкирский старшина Бурзянской вол., один из предводителей восстания 1705—1711 г., 1735—1740 гг.—130, 150
- Александр I, царь — 388, 391
- Александр II, царь — 417
- Александров М., поверенный крестьян с Богородское Мензелинского у.—428
- Алексей Бекметев, старшина ясачных татар и мари Сибирской дор., участник Крестьянской войны — 330
- Алексей Михайлович, царь — 211
- Али (Алей, Авлей), сибирский хан из династии Кучумовичей — 146
- Алибай Мурзагулов, башкирский старшина Ногайской дор., участник Крестьянской войны — 299, 313, 317
- Аллаберда Джаналин, башкир, помещик Оренбургского у., мулла — 369
- Аллагул, башкир Китайской вол. Сибирской дор.—213
- Аллазиангул Кутлугузин, башкирский старшина Айлинской вол. Сибирской дор., предводитель восстания 1735—1740 гг.—241, 243—245
- Алмет Аднагулов, башкир Гирейской вол. Казанской дор.—149
- Алтакар, мурза Ногайской орды — 131
- Алферов И. (Иликаев), татарин д. Терсюцкая Исетской пров., активный участник Крестьянской войны — 309
- Альмухамет Куватов, башкир, кантонный начальник, чиновник канцелярии генерал-губернатора — 349
- Алябьев А., композитор — 483
- Аминев Ю., башкир 2-й Усерганской вол.—463
- Амирхан Юсупов, мишарский старшина — 329
- Андреев М., каторжанин из Илецкой защиты, участник Крестьянской войны — 324
- Аникиев А. И., участник восстания 1662—1664 гг.—210
- Анкусок Темирбаев, походный сотник 9-го башкирского полка, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 397
- Анна Ивановна (Иоанновна), императрица — 222
- Аносов П. П., русский металлург, инженер Златоустовского горного округа — 376
- Антипов А. И., горный инженер, геолог, исследователь Урала — 460
- Апас Тетеев, мулла Енейской вол. Казанской дор.—232
- Апраксин П. М., казанский губернатор — 218
- Аралбай Акчулпанов, башкир д. Кучербаево Стерлитамакского у., за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 394
- Араслан Рангулов, башкир Осинской дор., полковник повстанцев в Крестьянской войне — 317
- Ардашир Баширов, татарин д. Еманзелги, один из предводителей восстания 1835 г.—422
- Аристов Д. А., казанский сотенный голова — 211
- Аристов Л., уфимский воевода — 207, 218
- Аристов С., командир драгунского полка — 218
- Арсеньев, полковник — 233, 236, 237, 242, 245, 246
- Арслан, татарин Казанского у., участник восстания 1735—1736 гг.—233
- Арслан Сыртланов, старшина 5-й тептярской команды Белебеевского у.—423
- Аршеневский Н. Я., подполковник — 331
- Асан, брат сибирского царевича Кучука — 211
- Асфандияров А. З., историк — 11, 15
- Аттар (Фарид дин Аттар), средневековый персоязычный поэт-суфий — 477
- Атыгеш Токалов, башкир, один из предводителей восстания 1662—1664 гг.—211
- Ахмед Ясави, среднеазиатский суфийский поэт и проповедник — 476
- Ахмер Курмангулов, башкир, есаул Чуби-Минской вол. Ногайской дор.—329
- Ахмет, мулла Казанской дор.—232
- Ахмет-Гирей, мурза Ногайской Орды — 131
- Ахметовы, уфимские дворяне — 185
- Ахмет Хаиров, башкирский сотник — 416
- Аюка, калмыцкий тайша — 210, 214
- Аюп Каипов, башкир д. Сапьяшево Белебеевского у., за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 394
- Аязбай Кызылов, башкирский сотник Чирлинской вол. Исетской пров., активный участник Крестьянской войны — 300
- Багиров, башкир 8-го кантона, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 397
- Багратион П. И., русский полководец, генерал от инфантерии — 393
- Багрянородный Константин, византийский император — 88
- Бадер О. Н., археолог — 7
- Базановы, Осип и Семен, бр., инициаторы выступления рабочих Катав-Ивановского завода в 1828 г.—435

- Базаргул Юнаев, башкирский старшина Мякотинской вол. Сибирской дор., депутат Уложенной комиссии 1767 г., фельдмаршал повстанцев в Крестьянской войне — 309, 318, 324
- Базинер Ф. И., ученый-ботаник — 461
- Баик, башкирский сэсэн — 473
- Баим Кидраев (Кидряев), башкирский старшина Кубелякской вол. Сибирской дор., тархан — 245, 456
- Баим Тархан, башкирский феодал Тамьянской вол. — 255
- Байбулат Турсунбаев, рядовой 1-го башкирского полка, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 396
- Байкей Тойкиев, старшина ясачных марийцев Осинской дор., активный участник Крестьянской войны — 324, 325
- Баймухамет Мендияров, башкир 4-го кантона, один из предводителей восстания 1835 г. — 425
- Байсара Кулбаков, юртовой старшина 4-го башкирского кантона — 349
- Балкашин Н. В., подполковник — 431
- ал. Балхи, арабский путешественник и географ (X в.) — 108
- Бапени (Бепеня) Трупбердин (Труппердин), башкирский старшина Куваканской вол., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 240, 241, 243, 475
- Барак, султан Среднего казахского жуза — 241
- Баранов С., управитель Сарапульской вол. — 325
- Барановский Е. И., оренбургский гражданский губернатор — 416
- Барбот де Марни Н. П., русский геолог, профессор — 460
- Бардегул (Бердегул, Бердыгул) Тлевкеев (Клевкеев), тархан, старшина Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дор. — 241
- Бардукевич И., полковник — 228
- Барклай де Толли М. Б., русский полководец, генерал-фельдмаршал — 393
- Бародовицкий, майор, попечитель 8-го башкирского кантона — 437
- Барятинский Д. А., князь, московский окольный — 213, 214
- Барятинский П. И., князь, московский стольник — 213
- Баскаков Н. А., тюрколог — 103, 107
- Басман, мурза Ногайской Орды — 130, 131
- Батый, монгольский хан, основатель Золотой Орды — 121, 122
- Батыркай Иткинин, башкирский сотник Гайнинской вол. Осинской дор., атаман повстанцев в Крестьянской войне — 310, 329
- Батырша, см. Абдулла Алеев (Алиев)
- Бахметов, бригадир, комендант Оренбурга — 255
- Бахметов, подполковник — 250
- Бахметов, сотник из д. Мелегес Сибирской дор. — 249
- Бахтияр Каныбеков, юртовой старшина д. Чуюнчи Белебеевского у. — 401
- Бахтияр Альмухаметов, башкир д. Бикметево 10-го кантона, один из предводителей восстания 1835 г. в Красноуфимском у., за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден медалью — 425
- Бахтияр Канкаев, мишар д. Оки Уфимской пров., полковник повстанцев в Крестьянской войне — 318, 323
- Бахтияр Янышев, мишарский сотник — 301
- Башир Тулеев, мишар Казанской дор. — 319
- Башкир, мурза — 108
- Башкирд, военачальник из хазар — 108
- Башкирд, мамлюк, живший приблизительно в XIII—XIV вв. — 108
- Башкорд (Башкурд, Башкард, Башкърт), половецкий хан — 108
- Башкурт Жеуэт Фехми, турецкий писатель — 108
- Бачман, предводитель восстания кыпчаков в XV в. — 121
- Баяурас Енурусов, башкир Тюбелякской вол. Сибирской дор., предводитель повстанческого отряда в 1735—1736 гг. — 233
- Баязид, турецкий султан — 134
- Баязит Максют, башкирский старшина Салзаватской вол. Исетской пров., участник Крестьянской войны — 331
- Баян, болгарский князь — 121
- Безобразов, оренбургский вице-губернатор — 435
- Бекзян (Бекзан) Токтамышев (Тухтамышев), башкир, один из предводителей восстания 1662—1664 гг. в западных вол. Сибирской дор. — 210
- Беклемишев Н., полковник, командующий Башкирским войском — 356
- Бектемир Нурсаев, чуваш Казанского у. — 201
- Бектемир Уразаев, наемный работник — 202
- Белков Г. А., житель г. Кунгура — 191
- Белобородов И. Н., крестьянин Пермской пров., атаман и полковник повстанцев в Крестьянской войне — 308, 311, 313, 315, 318
- Белосельская-Белозерская, кн., владелица Катав-Ивановских заводов — 435
- Бельская Т. Б., историк — 11
- Беляев Т., переводчик — 473
- Бенердаки Д., владелец Авязно-Петровских заводов — 372, 402
- Бенкендорф А. Х., граф, главный начальник III отделения, шеф жандармов — 402, 408
- Бенингсен Л. Л., генерал-лейтенант — 391, 396
- Берке, хан Золотой Орды — 122
- Бестужев, майор — 284
- Бестужев П. А., офицер-декабрист, член Северного общества, политический ссыльный — 407, 409
- Бибиков А. И., генерал-майор — 302, 309, 312, 319
- Бибиков В. Ф., полковник, член Главного управления заводов — 311, 329

- Бибиков Ю. Б., полковник — 311
 Бишиев А. Г., тюрколог — 106
 Бикбау, князь племени Усерган — 142, 147
 Бикбов, историк-краевед — 148, 150
 Бикбулатов Н. В., этнограф — 15
 Биккиня Бектемиров, наемный работник — 202
 ал-Бикри, арабский географ — 88
 Биктимиров А., см. Аккул Биктимиров
 Биктимировы, кантонные начальники — 346
 Бикчурин, войсковой старшина 5-го башкирского полка, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 397
 Бикчурин М., см. Мирсалих Бикчурин
 Бланк А. Д., врач — 454
 Бланк В., подполковник — 210
 Бокшурга Назаров, башкир Ногайской дор., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 240
 Болотов — золотопредприниматель — 437
 Брагин, начальник горно-изыскательской партии — 254, 466
 Брюллов А. П., русский архитектор и художник — 359
 Буканова Р. Г., историк — 11
 Букей, ногайский султан — 140
 Булавин К. А., предводитель Крестьянской войны 1707—1709 гг. — 217, 220
 Булат Зиликеев, башкирский феодал Ногайской дор. — 245
 Булатов, заседатель — 427
 Булатов, генерал-майор — 395
 Булгаков Н., предводитель уфимского дворянства — 268, 372
 Булгаковы, крупные помещики — 372
 Буляк Якупов, татарин д. Байки Сибирской дор., повстанческий старшина в Крестьянской войне — 317
 Бурагул Емекеев, башкир Сибирской дор., участник восстания 1735—1740 гг. — 246
 Буранбай Чувашбаев, рядовой Башкирского войска — 394
 Буранбай-Яркей, башкирский сэсэн, герой Отечественной войны 1812 г. — 472
 Бурангул Куватов, поручик — 391
 Бурангулов М., башкирский сэсэн — 167, 466
 Бурнак-бий, вождь племени Юрматы — 141
 Бусай (Бурсай), ногайский мурза — 141
 Бутаков А. И., капитан-лейтенант — 414
 Бухар-жырау (Бухар-Жырау Калмаканов), казахский акын — 473
 Вагабов Г., см. Габдеш (Габдулла) Вагабов
 Вагина П. А., историк — 12
 Валиша Аккушев, зауряд-офицер 8-го кантона — 421
 Вараксин С., комиссар правительственных войск в Казани — 218
 Варламов И., мастеровой Саткинского завода — 381
 Васев Л., русский крестьянин, один из предводителей движения 1835 г. в Месягутово — Мечетлинском районе — 421
 Васильев, поверенный крестьян Бузулукского у. — 428
 Васильев, офицер Генерального штаба — 462
 Васильев И. Б., археолог — 15
 Васильев П., крепостной помещика Тимашева — 275
 Васильев С. М., историк — 10
 Ваталин А., дворянин — 275
 Веденяпин А. В., прапорщик, член Общества соединенных славян, политический ссыльный — 407, 408
 Вельяминов-Зернов В. А., губернский чиновник, историк — 464
 Вельяминов Н. Д., уфимский воевода — 198
 Веревкин А. П., исетский воевода — 299, 300
 Верздаков М., русский крестьянин, один из предводителей восстания 1835 г. — 420, 421
 Веригин А. И., чиновник особых поручений — 419
 Вернейль Э., французский ученый, геолог — 460
 Ветошников В., член Оренбургского тайного общества — 412
 Вениус А. А., думный дьяк — 193
 Вергенштейн П. Х., генерал-лейтенант — 395
 Витевский В. Н., историк — 10
 Виткевич Я., польский революционер, политический ссыльный — 416
 Витте, генерал-лейтенант — 398
 Вишневецкий Ф. Г., офицер-декабрист, политический ссыльный — 407, 408
 Владимир, князь — 90
 Водянов И., зачинщик волнения на Шилвинском медеплавильном заводе — 436
 Воейков А., сибирский (тарский) воевода — 145
 Волков Д., оренбургский губернатор — 268, 269, 287
 Волков Ф., тобольский дворянин — 214
 Волков-Кривуша С. В., историк-театровед — 16
 Волконский А. М., князь, уфимский воевода — 207—211, 438
 Волконский Г. С., оренбургский генерал-губернатор — 347, 391, 396
 Волконский П. М., генерал-лейтенант — 396
 Волконский Ф. Ф., казанский воевода — 209
 Волюнский А. П., казанский губернатор — 221
 Воронцовы, русские дворяне — 283
 Выборнов А. В., археолог — 15
 Габделзабир и Габделзалил Аптикаевы, бр., предводители восстания 1835 г. — 422
 Габдельжаббар Кандалий, башкирский поэт-тюрколог — 473

- Габденнасир Курсави, татарский ученый-философ XVIII в. — 476
- Габден-Насыр, известный башкирский каллиграф XIX в. — 474
- Габдеш (Габдулла) Вагабов, татарский ученый-лингвист — 453
- Габит Аргынбаев, башкирский сэсэн — 167
- Габдрашит Япаров, зауряд-хорунжий, зачинщик волнения крестьян Гайнинской вол. Осинского у. в 1825 г. — 404
- Габдусалям Габдрахимов, оренбургский муфтий — 423
- Габдулгани Амирханов, мишар 4-го кантона, один из предводителей восстания 1835 г. — 425
- Гагрин Д. О., премьер-майор — 309, 311, 325
- Гаев Ф., рабочий Авзяно-Петровского завода — 433
- Галикей (Галикай) Ташбулатов (Тажбулатов), башкир, есаул 6-го башкирского кантона, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 397
- Гардизи, хазарский хан — 88, 108
- Гардизи (Абу Абд-аль-Хайи), древне-иранский историк — 455
- Гаур Акбулатов, предводитель восстания 1662—1664 г. — 208, 209
- Гвоздиков И. М., историк — 15
- Гевлич А. П., оренбургский гражданский губернатор — 423
- Геке, подполковник — 398, 423
- Гельмерсен Г. П., геолог и географ, академик — 459
- Генинг В. Ф., археолог — 7, 84
- Геннин В. И., начальник горного управления Уральских заводов — 188
- Георги И. Г., ученый-натуралист, этнограф, участник академических экспедиций — 10, 106, 439—444
- Герасимов М. М., антрополог — 29
- Герберштейн (Зигмунд), немецкий дипломат и путешественник — 455
- Герман И. Ф., горный инженер, начальник Екатеринбургского горного ведомства, академик — 462
- Герман Ф. И., ботаник, любитель-естествоиспытатель, помощник начальника Златоустовского горного округа — 462
- Герн, офицер Генерального штаба — 462
- Геродот, древнегреческий историк и путешественник — 8, 49, 57
- Герцен А. И., русский революционер, философ, писатель и публицист — 407, 430
- Гильман Худайбердин, хорунжий 1-го башкирского полка, участник Отечественной войны 1812 г. — 394
- Гильметдин Санджар аль Башкорди, поэт из башкир — 177
- Гладышев, прапорщик — 235
- Гладышевы, помещики Оренбургской губ. — 284
- Глазов Г., заводовладелец — 277
- Глебов А. И., заводовладелец — 277
- Глинка В. А., главный начальник Уральских горных заводов — 383
- Глинка С. Н., русский писатель и журналист, участник Отечественной войны 1812 г. — 391, 484
- Гоголь Н. В., писатель-сатирик — 485
- Годунов П. И., тобольский воевода — 455
- Голенищев, писарь из Красноуфимского у. — 422
- Голицын П. М., генерал-майор — 312, 324, 328—330
- Голицына, помещица из Пермской губ. — 404
- Головинский, актер и певец — 485, 486
- Головинский В. А., революционер-петрашевец, политический ссыльный — 414
- Голчин, капитан — 238
- Горбунов В. С., археолог — 7
- Городцов В. А., археолог — 41
- Горожанский А. С., офицер-декабрист, член Северного общества, политический ссыльный — 408
- Горшков М. Д., илецкий казак, секретарь Военной коллегии повстанцев в Крестьянской войне — 313
- Гофман Э. К., ученый-геолог и географ — 459
- Гречкин И., уфимский служилый человек — 190, 195
- Григорьев В. В., ученый-востоковед — 405, 416
- Григорьев Г., чуваш-новокрещен д. Чуюнчи Белебеевского у. — 401
- Громыхалов И., верхотурский стрелец — 210
- Грязнов И. Н., симбирский купец, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 304, 308, 309, 318
- Губайдулла Абдрашитов, помощник кантонного начальника в Дуванской и Тырнаклинской волостях — 401
- Губин М., заводовладелец — 278
- Гудковы Г. Ф. и З. И., краеведы — 12
- Гулистан Ильчибаев, башкир д. Абишево Гайнинской вол. Осинского у. — 404
- Гумбольдт А., немецкий ученый-биолог, географ и путешественник — 459
- Гуткопф, артист — 486
- Гуюк, монгольский хан — 121
- Давлетбаев Б. С., историк — 16
- Давлеткильдеев, помещик Оренбургской губ. — 372
- Давлетшах Валиев, мулла, заведующий медресе в д. Москово Бирского у. — 453
- Давыдов Д. В., генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., поэт — 395, 484
- Дайчин, калмыцкий тайша — 210
- Даль В. И., писатель, лексикограф и этнограф — 453, 478, 480, 481
- Дандевиль В. Д., чиновник по особым поручениям — 416
- Дарий, персидский царь — 58, 63
- Дебу И., оренбургский гражданский губернатор — 364, 462

- Девлет-Гирей (Давлет-Гирей), крымский хан — 135, 143
- Деграве, земский исправник из Куртамышевской слободы Челябинского у. — 431
- Дедюхин И., волостной голова Каменской вол. Челябинского у. — 431
- Декастро-Лацеродо Я., премьер-майор — 308
- Деколонг И. А., генерал-майор — 299, 308—312, 318, 328
- Демидов Ак. Н., заводовладелец — 194, 226
- Демидов Е. Н., заводовладелец — 265, 278
- Демидов Н. Н., заводовладелец — 265
- Демидова Н. Ф., историк — 10, 11, 12
- Державин Г. Р., поэт, государственный деятель — 428
- Джайхани, арабский географ — 88
- Джалык-бий, башкир Сартаева рода — 125
- Джами, персидский поэт и ученый — 177
- Джантюри, рядовой башкир-воин, за участие в Отечественной войне награжден медалями — 470, 485
- Дженкинсон (Антони), английский путешественник — 139
- Джика, болгарский князь — 121
- Джилян Иткул, башкир, один из предводителей восстания 1755 г. в Бурзянской вол. — 254
- Джучи, хан Золотой Орды — 96
- Дзетовецкий М. А., врач, ссыльный польский революционер — 454
- Динмухамет Сагадиев, урядник, один из предводителей восстания 1835 г. в Красноуфимском у. — 422
- Дмитриев П. Д., археолог — 6
- Добролюбов Н. А., литературный критик — 481
- Добросмыслов А. И., историк — 10
- Долгорукий Ю., князь — 108
- Домашнев Я., казачий малолеток — 391
- Дружинин Н. М., историк — 370
- Дружинин Х., член Оренбургского тайного общества — 412
- Дубецкий, коллежский советник — 371
- Дуве О. И., секунд-майор — 318
- Дурасов Н., чиновник губернской канцелярии — 403, 428
- Дыньков С., член Оренбургского тайного общества — 412
- Дюмей Ишкеев, башкирский старшина, предводитель повстанцев Казанской дор. в 1705—1706 гг. — 215
- Егафар Азбаев, сотник повстанцев в Крестьянской войне — 311
- Егоров, мастеровой Златоустовского завода — 381
- Едигар, см. Ядкар
- Едигей, темник Золотой Орды — 125
- Едигер (Едигар, Етикар, Етикер, Етигор, Итогир), сибирский хан — 143
- Екатерина II, императрица — 262, 269, 297, 313—331, 448, 472
- Елецкий А., князь, тарский воевода — 145
- Елизавета Петровна, императрица — 253, 258, 448, 472, 475
- Ембердин, писарь д. Мелегес Сибирской дор. — 249
- Еремеев П. В., ученый-геолог — 460
- Еренсэ, башкирский сэсэн — 473
- Ермак (Василий Тимофеевич Аленин), казачий атаман — 144
- Ермолаев А. П., генерал — 394
- Ермухаммет (Еркей) Кадырметев, ясачный татарин Осинской дор., полковник повстанцев в Крестьянской войне — 324, 325
- Ерусланов А. Д., крестьянин Воскресенского завода, походный атаман повстанцев в Крестьянской войне — 305
- Ерыкалины В. Д. и Г. Д., дворцовые крестьяне с. Юрмашкий Починок Сибирской дор. — 284
- Еселева А., оренбургская помещица — 428
- Ефремов И. Е., полковник, командир партизанского отряда в 1812 г. — 394
- Жадовский А. Е., помещик Бирского у., генерал — 372, 373, 426, 427
- Ждаль-Пушкин, заводской исправник — 436
- Железнов И. И., писатель — 441
- Желиговский Э. Ю., польский поэт и революционер, политический ссыльный — 415, 416
- Жидков, капитан — 228
- Жолобов Ф., премьер-майор — 325
- Жуков М. Г., поручик — 191, 228
- Жуковский И. В., чиновник особых поручений при Оренбургском военном губернаторе, краевед — 10, 462
- Жумадил Ермаков, башкир 8-го кантона, активный участник восстания 1835 г. — 425
- Забиров, тептярский старшина Красноуфимского у. Пермской губ. — 422
- Завадский И., ссыльный поляк-революционер — 415
- Завалишин И., юнкер, провокатор, раскрывший Оренбургскую организацию революционеров — 409, 411, 412
- Завьялов В. В., служащий, краевед — 464, 465
- Загуменов Д. М., крестьянин Авзяно-Петровского завода, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 305, 313
- Зайнулла Ульмаскулов, мулла, заведующий медресе в д. Калкан Верхнеуральского у. — 453
- Зайсан (Яйсан, Зайсян) Карабышев (Карабашев), башкир Сызгинской вол. Сибирской дор. — 245
- Зайцев С., декабрист, канонир Гвардейского морского экипажа, политический ссыльный — 408
- Залесов Н. Г., генерал от инфантерии — 352

- Замса, калмыцкий тайша — 213
- Зан Т. К. (Фома Карлович), ссыльный поляк-революционер — 416, 453
- Зарубин-Чика И. Н., яицкий казак, атаман повстанцев в Крестьянской войне — 298, 299, 305—331
- Збруева А. В., археолог — 7
- Звенцов И., воевода — 133
- Зданович Г. Б., археолог — 40
- Зейнулла Абдулкадыров, азанчей д. Улькундов Уфимского у., один из предводителей восстания в 1835 г. — 421
- Зефилов В. С., учитель духовной семинарии, краевед — 464, 485
- Ибак-Ибрагим, сибирский хан — 133
- Ибак Умиров, сотник Каршинской вол. Казанской дор. — 233
- Ибн-ал-Хордадбех, арабский географ — 91
- Ибн-Руста, арабский историк — 108, 120
- Ибн-Фадлан (Ахмед ибн Аббас), арабский путешественник и писатель — 85, 91, 107, 120, 163, 173, 455
- Ибн Фадлах аль Омари, арабский историк — 109
- Ибрагим, оренбургский ахун — 258
- Ибрагимов, зауряд-хорунжий, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 395
- Ибраш Уразбахтин, старшина ясачных татар Казанской дор., активный участник Крестьянской войны — 306
- Иван III, московский князь — 133, 134
- Иван IV (Иван Васильевич, Иван Грозный), царь — 135, 137, 138—143, 148, 151, 196, 248
- Иванов В. А., археолог — 8, 9, 15, 84
- Иванов Мартиниан, преподаватель Оренбургского военного училища, просветитель-демократ — 463
- Иванов М., дворовый человек — 275
- Иванова Е. А., актриса — 485
- Игельстром О. А., уфимский наместник, оренбургский генерал-губернатор — 264, 342, 345, 356
- Иглин В., дворянин Оренбургской губ. — 275
- Игнатович А., краевед — 443
- Игнатьев, флигель-адъютант, полковник, позже петербургский генерал-губернатор — 349
- Игнатьев Р. Г., историк-краевед — 6, 131, 468, 474, 476
- Идриси (ал Идриси, Абу Абдуллах Мухаммед ибн Мухаммед), средневековый арабский географ и путешественник — 93, 455
- Измаил, ногайский хан — 131
- Изяслав Мстиславич, князь — 108
- Иликей Бикбаев, башкир Сызгинской вол. — 191
- Ильин С., управляющий Шилвинским медеплавильным заводом — 435
- Ильчектимер (Ильчекейтимер), старшина Юрматынской вол. — 141
- Ильчигул Иткулов, башкирский старшина Куштинской вол. Сибирской дор., активный участник Крестьянской войны — 330
- Ильяс Ибрагимов, артельный староста Мариинского золотого прииска — 437
- Имай Исаякаев, башкир 8-го кантона Дуван-Мечетлинской вол., активный участник восстания 1835 г. — 425
- Иман-батыр, башкир Ногайской дор. — 216
- Имперт Телебаев, мари, активный участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г. — 249
- Иноземцевы Н. Е. и С., заводовладельцы — 265
- Иофа Л. Е., историк — 12
- Ирناзар Давлетчури, башкир 1-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 396
- Исаев Р., новокрещен Табынской вол. Ногайской дор. — 253
- Иса Токтагулов, башкирский старшина Каратабынской вол. Исетской пров., участник Крестьянской войны — 309
- Исаков, подполковник — 255
- Искеби (Искебей, Иске-бий), князь башкирского рода Бурзян — 142, 147
- Искрицкий Д. А., офицер-декабрист, член Северного общества, политический ссыльный — 408
- Исламгул Клысбаев, старшина 13-й юрты, поверенный восставших в 1835 г. — 421
- Исламгул (Ислангул, Истамгул) Юлдашев (Елдашев), башкир Каратавлинской вол., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 245, 246
- Исмагил Абдыков, зауряд-есаул 10-го кантона, участник восстания 1835 г. — 420
- Исмагил Исхаков, татарин, активный участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г. — 249
- Исмагил Мундунов, тархан Кыр-Кудейской вол. Сибирской дор. — 246
- Исмаил (Исмаилан), башкир — 201
- Исмаил, мурза, князь Большой Ногайской Орды — 134, 139
- Исмаил и Мухаметрахим Тасимовы, братья-рудознатоцы, башкиры Сибирской дор. — 448, 456
- Истахри (ал Истахри Абу Исхак ал Фариси), арабский путешественник — 89, 93, 94, 108
- Исянгул Ишкузин, рядовой 1-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 396
- Исянгул Мамбетов, башкир Сибирской дор., один из предводителей восстания в 1735—1736 гг. — 237, 240
- Ихсан Абубакиров, есаул 1-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 394, 396
- Ихсан Карабаев, башкир 8-го кантона, активный участник восстания 1835 г. — 425

- Ишaley Кайдалин, один из предводителей восставших башкир Ногайской и Казанской дорог в 1735 г.— 233
- Ишали Якупов, старшинский помощник Канлинской вол. Казанской дор.— 329
- Ишбердин Э. Ф., тюрколог — 15
- Ишим Ажуков, башкир 8-го кантона, участник восстания 1835 г. — 425
- Ишкиня Ирмаков (Ермаков), башкир, зауряд-сотник 8-го кантона, участник восстания 1835 г.— 422
- Ишмухамет, башкирский сэсэн — 472
- Ишмухамет Давлетбаев, тархан Ногайской дор.— 209, 210, 213
- Ишмухамет Сулейманов, мишарский старшина Ногайской дор. — 300
- Кагарман Бурангулов, прапорщик — 391
- Казанцев И., краевед — 464, 483
- Калимуллин Б. Г., архитектор — 158
- Калмакуль, башкир Гайнинской вол. Осинской дор., торговец — 195
- Каловский, поручик — 284
- Калугин К., ссыльный каторжанин Челябинского у. — 432
- Канбулат Елдашев, башкирский походный старшина, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 306
- Канзафар Амиров, бывший юртовой старшина Красноуфимского у.— 422
- Канзафар (Казанфар) бий, старейшина башкир-минцев — 139, 140, 147
- Канзафар Усаев, мишарский сотник Ногайской дор., главный полковник повстанцев в Крестьянской войне — 310, 313, 316—321, 324
- Кар В. А., генерал-майор — 297—299
- Карабанов И., один из инициаторов выступления рабочих на Катав-Ивановском заводе в 1828 г.— 435
- Карагузя Кардагулов (Кадыргулов), башкирский сотник — 391
- Кара-Килимбет (Каракулумбет), казанский князь — 132, 139
- Карамзин Н. М., историк и писатель — 137
- Карамзин, помещик Оренбургской губ.— 275
- Каранай Мратов, башкирский походный старшина, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 301, 308—311, 316, 317, 318, 324
- Карасакал (Салтан-Гирей, Мандигул, Миндигул, Черная Борода), башкир Юрматынской вол. Ногайской дор., предводитель повстанцев в 1735—1740 гг., самозванный хан — 244, 246
- Карас, башкирский сэсэн — 473
- Каратыгин П. А., русский водевилист — 485
- Карачим Иштыганов, тептяр д. Бабаево Бирского у.— 419
- Карелин Г. С., естествоиспытатель и путешественник, ректор Петербургского университета, проф.— 461
- Кармыш (Карамыш), вождь племени Юрматы — 141, 147
- Касим Мырдашев (Касим-туря, Кахым-туря), башкир, сотник д. Аюсы Стерлитамакского у., участник Отечественной войны 1812 г.—469
- Касьянов М. И., краевед — 6, 45
- Катенин А. А., оренбургский генерал-губернатор— 360
- Качкын Самаров, башкирский походный старшина Тамьянской вол. Ногайской дор., полковник повстанцев в Крестьянской войне — 299, 305, 316—325
- Квашнин-Самарин, помещик Уфимского у.— 403
- Кейзерлинг А. А., русский ученый-геолог, географ и палеонтолог — 460
- Кидряс (Кидрас) Муллакаев, башкирский старшина Кара-Табынской вол. Ногайской дор.— 130, 131, 138, 151, 324, 328
- Киикбай Ямансарин, походный старшина Суун-Кипчакской вол. Ногайской дор.— 319
- Килей Таникеев, предводитель восставших башкир Казанской дор. в 1663 г.— 211
- Кильдияр Баудуллин, башкир, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 397
- Килмят-батыр, см. Кильмяк Нурушев
- Килькович С. С., врач, политический ссыльный— 454
- Кильмет Иделев, тептярский старшина Осинской дор.— 250
- Кильмухамет, башкир Гайнинской вол. Осинской дор., торговец — 195
- Кильмяк Нурушев (Кильмек Хафиз, Кильмяк, Келмек, Кильмяк абыз), башкир Юрматынской вол. Ногайской дор., один из предводителей восстания в 1735—1736 гг.—231—235, 238—242, 475
- Кинешемцев Я., уфимский служилый человек — 190, 195
- Кинзэбай Ильбарисов, мари, активный участник восстания 1747 г.— 249
- Кинзя Арсланов, башкирский старшина Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дор., главный полковник повстанцев в Крестьянской войне — 298, 303, 313, 323, 331, 332, 475
- Киржацкие, уфимские дворяне — 185
- Кирилов И. К., обер-секретарь Сената, начальник Оренбургской экспедиции в 1734—1737 гг.— 150, 195, 198, 204, 221—226, 230—240, 447, 456, 457
- Киселев П. Д., граф, русский государственный деятель — 370, 430
- Клаус К. К., ученый-ботаник и химик, профессор Казанского университета — 461
- Кноблех А., член Московского тайного революционного кружка Сунгурова, политический ссыльный — 413

- Ковалевский И., атаман повстанцев в Крестьянской войне — 309
- Кожевников Н. П., офицер-декабрист, член Северного общества, политический ссыльный — 407
- Кокшаров Н. И., исследователь Урала, минералог, академик — 460
- Кол Гали (Кул Гали), болгарский поэт — 175, 446
- Колесников В. П., секретарь Оренбургского тайного общества — 411—413
- Кольрейф Ю. П., член Московского тайного революционного кружка Сунгурова, политический ссыльный — 413
- Кони Ф. А., русский водевиллист — 485
- Кононов О. К., декабрист, матрос 2-й статьи Гвардейского морского экипажа, политический ссыльный — 408
- Конопки, польский генерал — 395
- Корелины И. и Гр., тульские купцы — 275
- Коркодинов А., князь — 207, 213, 214
- Коробков Я., купец — 277
- Красильников И., геодезист и картограф — 457
- Красильников Гр., заводоладелец — 277
- Красницкий Н. П., декабрист, член Общества соединенных славян, политический ссыльный — 408
- Крафт В. Л., руководитель 2-й астрономической экспедиции, адъютант Петербургской АН — 458
- Кривоногов В. Я., историк — 12
- Кригер В. А., археолог — 9
- Крижевская Л. Я., археолог — 7
- Критские, бр.-революционеры, организаторы Московского тайного кружка — 413
- Круликевич С., ссыльный поляк-революционер — 415
- Крыласов А. (Бабаенок), участник крестьянских волнений 1835 г. в Уфимском у.—421
- Крылов, помещик Уфимского у.—187
- Кубагуш, башкирский сэсэн — 473
- Кублицкий, капитан — 244, 245, 250, 251
- Кублицкий, прапорщик — 284
- Куват Кинзегулов, башкирский старшина Усерганской вол.—255, 257
- Куватов А., см. Альмухамет Куватов
- Куватовы, кантонные начальники — 346
- Куват Хасанов, башкирский старшина Казанской дор. — 329
- Кудашев Н. Д., полковник — 394, 395
- Кудрявцев Н. А., комендант г. Казани — 216, 218
- Кудряшов П. М., руководитель Оренбургского тайного общества, поэт — 409, 412, 478, 483, 484
- Кузеев Р. Г., этнограф — 8, 11, 84, 91, 105, 187
- Кузнецов И. С., табынский казак, атаман и бригадир повстанцев в Крестьянской войне — 304, 307, 308, 310
- Кузьяш (Козьяш) Рахмангулов (Рахманкулов), тархан, старшина Кушинской вол. Сибирской дор.— 241, 245
- Кукдай, военачальник монголов в XIII в.— 121
- Кукляшев С., см. Салихъян Кукляшев
- Кулуй Кучуков, начальник 5-го башкирского кантона Челябинского у.—470
- Кулуй Балтачев, башкирский старшина Кара-Табынской вол. Сибирской дор.— 324, 328, 445, 467
- Купфер А. Я., русский ученый-географ и путешественник — 459
- Кураман, житель Ногайской дор.— 195
- Куракин С. Г., казанский князь, воевода — 211
- Курбатов, майор — 394
- Курбский А. М., князь — 132, 137
- Курис И. О., оренбургский гражданский губернатор — 268
- Курманай Актермышев, мари Осинской дор.— 202
- Куроедов, крупный помещик Белебеевского у.— 372, 426, 482
- Курпяс-бий, вождь племени Табын — 142, 147
- Курчевые, уфимские дворяне — 185
- Кусюм Тюлекеев, башкирский феодал, один из предводителей восстания 1705—1711 гг.— 216
- Кусяп Султангулов (Кусяп Салтангулов, Кусяп-батыр, Кусяп), башкирский старшина, один из предводителей восставших Казанской и Ногайской дорог в 1737 г.— 241, 243
- Куспай (Кусякай) Аптрыяков (Аптраков), башкирский старшина Бушмас-Кипчакской вол.— 329
- Кутба, золотоордынский поэт — 176
- Кутлин И., саратовский купец — 275
- Кутлубаев, башкирский кантонный начальник, владелец поташных заводов — 404
- Кутлугильде Ишимгулов, есаул 9-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г.— 397
- Кутузов М. И., русский полководец, генерал-фельдмаршал — 394, 395, 396
- Кутукай-батыр, башкир, один из предводителей повстанцев Сибирской дор. в 1735—1740 гг.— 237
- Кутушев Р. Р., историк — 16
- Кучук, сибирский царевич — 209—212
- Кучукбай, башкир Бурзянской вол., один из предводителей восстания 1755 г.— 255
- Кучук Юлаев, выборный от башкир — 213
- Кучум, сибирский хан — 143—146, 151, 181, 209
- Кучумовичи, царевичи, сыновья и внуки последнего сибирского хана Кучума — 181, 209
- Кюль Тегин, тюркский хан — 92
- Ларионов А. Л., генерал-майор — 312
- Лебедев В. И., историк — 13
- Леман А., русский ботаник — 461

- Ленин В. И. — 284, 345, 377, 378, 382
 Ленский Д. Т., водевиллист — 485
 Лепехин И. И., академик, доктор медицины, ученый и путешественник, руководитель 2-й Оренбургской физической экспедиции — 10, 173, 443, 458, 466
 Лепковский, земский исправник Бирского у. — 419
 Лермонтов М. Ю., великий русский поэт — 479, 480
 Лессинг Х. Ф., ученый-ботаник — 461
 Либединский Л. Н., фольклорист-музыковед — 15
 Лисенко И. Р., инженер Златоустовского горного округа, геолог и металлург — 460
 Лихачев Д. С., литературовед — 175
 Лопатин В. И., уфимский дворянин — 215
 Лопухин И. В., сенатор — 267, 268, 270, 273, 283
 Лоссиевский М. В., краевед — 169, 477
 Лотохин Н., зачинщик волнения рабочих на Кагинском заводе в 1853 г. — 436
 Лугинин Л., тульский купец, заводовладелец — 278
 Лука Конашевич, казанский архиепископ — 259
 Лушников Н. Ф., один из руководителей Московского тайного кружка бр. Критских, ссыльный революционер — 413
 Любавский М. К., историк — 10
 Люткин, майор — 242, 249
- Мажитов Н. А., археолог — 8, 84, 93, 159
 Макдональд Ж.-С., французский генерал — 395
 Мамай, темник — 125
 Мандар (Мендияр) Карабаев, старшина Сибирской дор., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 241, 243—246
 Мансуров И., воевода — 144
 Мансуров П. Д., генерал-майор — 312
 Марбо, французский генерал — 396
 Марван, арабский полководец — 82
 Маркевич, актер — 485
 Марков, штейгер — 456
 Маркс К. — 134, 151
 Мартаков, полковник — 236, 238
 Марцеллин Аммиан, римский историк — 73
 Маслов, полковник — 371
 Масуди (ал Масуди, Абу-ль-Хасан Али ибн ал-Хусейн), арабский историк и путешественник — 455
 Матвеева, помещица Уфимского у. — 277, 403
 Матвеева Г. И., археолог — 84
 Матвеев Р., дворовый человек помещика Федоровича — 426
 Матюшин Г. Н., археолог — 7, 15
 Махмут Зиянгулов, башкирский феодал Тамьянской вол. — 255
 Махмут Калмакаев, правящий старшинскую должность в Терсяцкой вол. Исетской пров., участник Крестьянской войны — 331
 Махмут Кашгарский (Махмуд Кашгари, Махмуд Кашгарий), среднеазиатский ученый, поэт и музыкант — 103, 162
- Махмут Мемеделин, абыз д. Максимово Ногайской дор. — 193
 Машин М. Д., историк — 11
 Меглицкий Н. Г., геолог, исследователь Урала — 460
 Мезенцевы, оренбургские помещики — 371
 Мембет Муртазин, башкир 12-го кантона — 401
 Мейнсгаузен К. Ф., ученый-ботаник — 461
 Меллин В., секунд-майор — 326
 Мелисино, генерал-майор — 395
 Мельников-Печерский П. И., писатель — 481
 Менге И. Н., ученый-геолог — 459
 Менгли-Гирей, крымский хан — 133
 Менгу, монгольский хан — 121
 Мендиар Аркаев, башкирский старшина Дуванской вол. Сибирской дор., участник Крестьянской войны — 201, 245
 Менди Кутуш-Кипсаки, башкирский поэт-суфий, каллиграф — 476
 Менен (Меннан) Сартов, башкир Байлярской вол., один из предводителей восстания 1662—1664 гг. — 211
 Меньшенин Н. С., горный инженер-полковник — 460
 Микеров К. С., крестьянин Воскресенского завода, походный атаман повстанцев в Крестьянской войне — 305
 Миндигул Юлаев, см. Карасакал
 Минлигул Кутлуметев, татарин, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 308
 Мирсалих Бикчурин, башкирский ученый-тюрколог, публицист — 10, 452, 453, 463
 Михайлов М. Л., писатель и переводчик, революционный демократ — 478, 482, 483
 Михайловских В., исетский казак, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 318
 Михельсон И. И., подполковник — 307, 312—323
 Мигильников В. А., археолог — 84
 Можаров Н., мензелинский воевода — 485
 Моисеев, вахмистр — 249
 Моисеев, помещик Уфимского у. — 403
 Моисеева Н. Н., этнограф — 15
 Мордвиновы, оренбургские помещики — 371
 Морозов Ю. А., археолог — 7, 15
 Мосоловы (Максим, Иван Большой и Иван Меньшой), тульские купцы, заводовладельцы — 277, 278
 Мударисов Р. З., историк — 12, 15, 16
 Муйнаков, начальник 4-го башкирского кантона — 401
 Муйтен, вождь племени Усерген — 474
 Муксин Абдусалямов, мишарский старшина Ногайской дор. — 300
 Муктадир, багдадский (абиссидский) халиф — 91
 Мунасил Мухаметаминев, вожак крестьянского волнения в Вятской губ. — 403
 Муллагулов Г., башкир, фельдшер — 454
 Мунасыпов, прапорщик, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 395

- Муравьев-Апостол М. И., декабрист, член Южного общества — 410
- Мурат, активный участник восстания 1705—1711 гг. — 216
- Мурза Карабашев, татарин Сибирской дор., активный участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г. — 249
- Мурчисон Р. И., английский геолог, географ и палеонтолог — 460
- Мурыгин Д., мастеровой Саткинского завода — 433
- Муса Султамбеков, старшина 8-го кантона — 421
- Мусин-Пушкин Е. С., офицер-декабрист, политический ссыльный — 407, 408
- Мусихин П., волостной голова Троицкого у. — 423
- Муслихэддин Абдулнасыров, указной имам д. Рысаево Белебеевского у. — 402
- Муслюм Аширов, мишар Сибирской дор. — 202
- Муслюм Кудабердин, мишар д. Калтаево Казанской дор. — 238
- Мустай Теребердин, башкир д. Кызыл Яр Гайнинской вол., один из предводителей восстания 1755 г. — 256
- Мустафа Байков, мишар — 329
- Мухаммед Газали, арабский философ-богослов — 477
- Мухаммедьяр Махмуд Хаджи углы, татарский поэт — 177
- Мухаметдин Бакиев, татарин д. Еманзелги Красноуфимского у., один из предводителей восстания 1835 г. — 422
- Мухаметкарим, мударрис казанского медресе — 477
- Мухаметсалим Уметбаев, башкирский просветитель, ученый, общественный деятель — 452
- Мухамет Саферов, старшина ясачных тептярей и бобылей Исетской пров., участник Крестьянской войны — 309
- Мухаммед (Мохаммед, Могомет, Магомед), религиозный и политический деятель, основатель ислама — 162, 165
- Мухаммед-Эмин, казанский хан — 132
- Мухамметшарип Мряков, см. Шарып Мряков
- Мушавали Каракузяк, князь Кыпчакского рода — 142, 147
- Мырсаков Н., мари Сибирской дор., наемный работник — 191
- Мюйтен-бий, князь Усерганского рода — 151
- Мюрат, французский маршал — 394
- Мягков, солдат Семеновского полка, политический ссыльный — 409
- Мясюгут Тятимов, башкир Гирейской вол. Казанской дор. — 149
- Мясников И. С., симбирский купец, заводоладелец — 277, 278, 285, 286
- Мясников М., симбирский купец, заводоладелец — 277
- Мясюгут Гумеров, служилый татарин Казанской пров., полковник повстанцев в Крестьянской войне — 311
- Мясоедов С. С., полковник, уфимский комендант — 307
- Навои Низамаддин Мир Алишер, узбекский средневековый поэт, мыслитель, государственный деятель — 177
- Нагаева Л. И., этнограф — 15, 16
- Нагайбак Асанов, татарский старшина Казанской пров. — 311
- Нагайбаков К., начальник 12-го башкирского кантона, сотник — 404, 418
- Нагаткина, помещица Оренбургской губ. — 428
- Нагой М., первый уфимский воевода — 180
- Надршина Ф. А., фольклорист — 15, 16
- Надыр Уразметов, старшина, позже сотник Надырской вол. Казанской дор. — 232, 241, 280, 456
- Назарбай Тляпов, есаул 14-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 397
- Назир и Абдулхалик Абдулвахитовы, башкиры 9-го кантона — 391
- Наполеон I (Бонапарт), император — 391, 394, 469
- Нармацкий П., помещик — 204
- Насретдин ан-Насри, средневековый поэт из башкир — 177
- Насыр Абдуллин, есаул 14-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 397
- Насыр Наурузов, башкир 14-го башкирского полка, награжден орденами — 397
- Наумов, заводоуправляющий — 433
- Небогатов Н., заводоладелец — 194
- Небольсин П., этнограф и путешественник — 440, 443
- Немвровов (Немвродов), капельмейстер — 485
- Немвროзова, актриса — 486
- Неплюев И. И., первый губернатор Оренбургской губ. — 223, 228, 250, 257—262, 267, 276, 345
- Нестеровский Я. К., инженер Златоустовского горного округа — 460, 462
- Нефедов Ф. Д., писатель, краевед — 6
- Нигаматулла Мещеров, зауряд-есаул, участник восстания 1835 г. — 421, 425
- Нигматулла Бакиров, башкирский походный старшина, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 301
- Нигматуллин С., башкир, врач — 454
- Нигматуллин С. Н., историк — 13
- Нигметулла Газеев, хорунжий 5-го башкирского полка, награжден орденом за участие в Отечественной войне 1812 г. — 397
- Низами Гянджеви, азербайджанский средневековый поэт и мыслитель — 177
- Никитин В., крестьянин, участник восстания 1835 г. в с. Месягутово — 421

- Николай I, император — 352, 404, 408, 411, 414, 424, 432, 435
- Новиков В. А., краевед — 10, 462
- Новиков Н. И., русский писатель и просветитель — 409
- Ногайбика Бимашева, башкирка Гайнинской вол.— 199
- Нугуман Кутлубаев, юртовой старшина 10-го кантона — 420
- Нуралы (Нур Али), хан Младшего казахского жуза — 259
- Нурка Борисов, мари, предводитель объединенного отряда тептярей и бобылей Осинской дор. в восстании 1747 г. — 249, 251
- Обручев В. А., оренбургский генерал-губернатор — 352, 368, 431
- Обухов, помещик Оренбургской губ.— 283
- Обухов П. М., металлург, изобретатель — 376
- Обуховы, помещики — 283
- Обыденнов М. Ф., археолог — 7
- Овчинников А. А., яицкий казак, атаман повстанцев в Крестьянской войне — 298, 299, 313, 318
- Огарев И. И., пермский губернатор — 431
- Окладников А. П., археолог — 20
- Орда, золотоордынский хан — 122
- Осокины П. и Г., заводовладельцы — 277, 402
- Осоргин, помещик Оренбургской губ.— 372
- Останков, майор — 190, 237
- Останковы, помещики — 283
- Остен-Сакен (Сакен) Ф. В., генерал-лейтенант — 396
- Островский А. Н., писатель — 486
- Павел I, император — 342
- Павленко Н. И., историк — 11
- Павлуцкий, подполковник — 245, 246
- Падуров Т. И., сотник оренбургских казаков, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 313
- Паллас П. С., ученый-естествоиспытатель и путешественник, академик — 269, 275, 288, 443, 458, 459
- Панин П. И., генерал-аншеф — 323—331
- Папав А. В., подполковник — 311, 322, 325, 329
- Парфентьев, полковник — 218
- Пашков И. А., заводовладелец — 379, 434
- Пашковы, заводовладельцы — 402
- Пегов Д. А., дворцовый крестьянин с. Юрмашский Починок Уфимского у.— 284
- Пегов И. Ф., дворцовый крестьянин с. Юрмашский Починок — 284
- Пегов С. А., дворцовый крестьянин с. Юрмашский Починок — 284
- Пекарский, уфимский дворянин — 250
- Пемпоний Мела, древнеримский историк — 52
- Перовский В. А., оренбургский генерал-губернатор — 343, 345, 350, 352, 353, 360, 368, 398, 399, 403, 405, 423, 429, 480
- Петр Алексеевич (Петр I), император — 150, 193, 213, 216, 217, 221, 399, 472
- Петрашевский М. В. (Буташевич-Петрашевский), русский революционер — 414
- Петров А., дворовый человек помещика Карамзина — 275
- Петрова, актриса — 486
- Пеутлинг А. А., генерал-поручик, правитель Уфимского наместничества — 269
- Плано Карпини (Джованни да Плано Карпини), итальянский путешественник — 455
- Платов М. И., граф, генерал от кавалерии — 391
- Плещеев А. Н., поэт и революционер, политический ссыльный — 414—416
- Пожерский Э., польский революционер, политический ссыльный — 415
- Покровский И., краевед — 463
- Полонский Я. П., поэт — 483
- Полторацкий Д., заводовладелец — 379
- Полуэктов, полковник — 209—211
- Полянский Е., управляющий Белорецким и Тирляным заводами — 434
- Попов Н. С., уральский экономист и историк, директор Пермской гимназии — 440, 442, 462
- Попов Ф., крестьянин Казанского у.— 186
- Порошин, казак д. Мелегес Сибирской дор.— 249
- Постовалов, крестьянин Челябинского у. — 432
- Потемкин П. С., генерал-майор — 329
- Приезжев Н., помещик Оренбургской губ.— 275
- Прокофьев Ф., дворовый помещика Федоровича — 426
- Прянишников, полковник — 349, 357
- Псевдо-Гиппократ, древнегреческий историк—57
- Путилов, управляющий Авзяно-Петровским заводом — 433
- Пугачев Е. И., донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. (самозванный «император Петр III — Федорович») — 13, 293, 298—324, 326—333, 400, 465, 467, 472, 475, 483
- Пулягин А. А., подполковник — 245, 246
- Пушкин А. С., великий русский поэт — 478, 479
- Пшеничников, казак Кундравинской станицы Троицкого у.— 405
- Пшеничник А. Х., археолог — 7, 15
- Пыхачев И., дворянин Оренбургской губ. — 275
- Рабай, башкир Уфимской пров.— 241
- Раден, полковник — 431
- Раевский А., поэт, участник Отечественной войны 1812 г. — 484
- Раевский Н. Н., генерал-лейтенант — 394
- Рамазанов, помощник начальника 5-го башкирского кантона — 431
- Рахимкулов М. Г., литературовед и писатель — 14, 16
- Рахмангул Иртуганов, походный старшина Ногайской дор., активный участник Крестьянской войны — 329
- Рахмангул Кильмяков, татарин Табынской вол.— 202

- Рахмангул Рахмангулов, сотник служилых татар — 301
- Рахматуллин У. Х., историк — 11, 15
- Рахметулла Юлдашев, старшинский помощник 6-й юрты 4-го башкирского кантона, один из предводителей восстания 1835 г., за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден медалью — 425
- Редикорцев И. И., горный деятель — 460
- Рейнсдорп И. А., генерал-майор, оренбургский губернатор — 269, 279, 282, 288, 297, 327, 331
- Ремезов Н. В., писатель-публицист — 403
- Ремезов С. У., картограф, географ и историк — 455
- Ремнин П., купец — 277
- Розе Г., немецкий минералог и геолог — 459
- де Росси, географ и путешественник — 455
- Ростовских Л., мастеровой Златоустовского з-да — 433
- Рубрук В., фламандский путешественник, монах — 455
- Руденко С. И., этнограф, археолог — 9, 100, 113
- Рудо, русский воевода — 133
- Рукавишников, уфимский служилый человек — 190
- Руми Джелалетдин, персоязычный поэт-суфий — 177, 477
- Румянцев А. И., генерал-лейтенант — 234—239
- Рыбаков С. Г., фольклорист, музыковед, этнограф — 172
- Рылеев И. К., подполковник — 316, 325
- Рысай (Рысайбак, Ризай) Игембетов (Игимбетов), старшина Бурзянской вол. Ногайской дор., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 241, 243
- Рычков Н. П., капитан, географ и путешественник — 10
- Рычков П. И., ученый, первый член-корреспондент Петербургской Академии наук, чиновник Оренбургской губернской канцелярии — 130, 133, 138, 148, 151, 185, 188, 195, 224, 226, 228, 235, 242, 244, 267, 268, 275, 457, 459
- Саади (Садий, ибн-Мослиходдин Ширазский), средневековый персидский поэт — 177, 477
- Сабан Севергулов, башкир, один из предводителей восстания 1735—1740 гг. в Зауралье — 237, 240
- Сабан Ураев, активный участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г. — 251
- Сабит Романов, походный старшина — 357
- Сабит Сартыков, тептяр д. Четырманово Бирского у., участник восстания 1835 г. За участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 425
- Сагит, башкир 10-го кантона — 391
- Садовский П., русский актер — 485
- Сайфулла (Сейфулла) Сайдашев, башкир Осинской дор., атаман повстанцев в Крестьянской войне — 310, 330
- Салават Юлаев, башкир Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дор., пугачевский полковник и бригадир в Крестьянской войне, национальный герой и поэт — 297, 310, 314—316, 320—330, 333, 426, 464, 467, 472, 475, 478, 483
- Салимджевхер Тонкачев, мишарский старшина — 329
- Салих Кустутильдинов, начальник 2-го башкирского кантона — 422
- Салихьян Кукляшев, просветитель, преподаватель восточных языков в Оренбургском кадетском корпусе — 452, 453, 463
- Саллам ат-Тарджуман, арабский купец и путешественник — 91
- Салтанов А. П., член Московского тайного кружка братьев Критских, политический ссыльный — 413
- Сальников К. В., археолог — 6, 38
- Сапегин-Ольшевский, начальник 4-го башкирского кантона — 349
- Сара Абдуллин, башкирский старшина Белокаитской вол. Исетской пров., участник Крестьянской войны — 318
- Сараи С., золотоордынский писатель — 176
- Сары Мерген, башкир, один из предводителей восстания 1662—1664 гг. в Зауралье — 208—210
- Сатлык Кузеев, башкир д. Кейгазы Сибирской дор. — 191
- Сафаров, начальник 10-го башкирского кантона — 420
- Святослав Владимирович, князь — 90, 108
- Себастиани (де-ла Порта, Орас), граф, маршал Франции — 394
- Сеит, один из предводителей восстания в 1681—1684 гг. — 212, 213
- Сеитбай (Сеит-бай) Алкалин, башкирский старшина Тамьянской вол. Ногайской дор., один из предводителей восстания в 1737—1739 гг. — 241, 243, 438, 439
- Сеитбаттал Абдулгафаров, башкир 2-го кантона, один из предводителей восстания 1835 г. — 425
- Сеит Хаялин, татарский купец Сеитовской (Каргалинской) слободы — 225
- Семенов, дворовый человек помещика Шильникова — 426
- Семенов С., активный участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г. — 251
- Сераковский З., польский революционер, политический ссыльный — 415
- Сергеев А., комиссар правительственных войск — 215, 218
- Серебряков, атаман Нагайбацкой станицы — 391
- Сильвестр Гловацкий, тобольский митрополит — 259
- Симонов И. М., метеоролог, член-корреспондент Петербургской АН, ректор Казанского университета — 459
- Сираев З. И., историк — 13
- Скалон А. Д., генерал-майор — 326
- Смирнов К. Ф., археолог — 60
- Смирнов М. С., краевед — 6

- Смирнов Н. Г., штаб-лекарь Финляндского полка, политический ссыльный — 409, 454
 Сниттер, майор — 210
 Соймонов Л. Я., генерал-лейтенант, начальник Оренбургской комиссии по башкирским делам — 190, 226, 228, 241, 242—245
 Соколов, прапорщик — 401
 Соколов А. Т. (Хлопуша), крестьянин, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 303
 Соколов Д. И., геолог, академик — 460
 Соколов Н. А., антрепренер и актер — 485
 Соколовы, сестры-актрисы — 486
 Сокуровы, уфимские дворяне — 185
 Соловьев В. И., антрепренер — 486
 Сомов Ф. И., стольник, уфимский воевода — 211
 Спиридов М. Г., сенатор — 267, 268, 270, 273, 283
 Станевич Я., польский революционер, политический ссыльный — 415
 Станиславский С. К., генерал-майор — 312, 315
 Старков И., бугульминский купец — 275, 412
 Стрелков, помещик Стерлитамакского у. — 372
 Стрижевский, капитан — 244
 Строгановы, заводовладельцы — 191, 207, 212, 238
 Стров А., один из инициаторов выступления рабочих на Катав-Ивановском заводе в 1828 г. — 435
 Ступишин Е. А., комендант Верхнеяицкой крепости, полковник — 308
 Субедей, монгольский военачальник — 121
 Субханкулов А., башкир, врач — 454
 Сулейман Батыршин, переводчик — 463
 Сулейман Бакыргани, среднеазиатский поэт-суфий — 476
 Сулейман Деваев, мишарский старшина Казанской дор. — 250, 260
 Султаналей Ахметов, башкир д. Сарали Казанской дор., активный участник Крестьянской войны — 311
 Султан (Салтан, Солтан) Арасланбеков, предводитель восстания башкир Дуван-Табынской вол. Ногайской дор. в 1737—1739 гг. — 245
 Султанмурат (Салтан-Мрат) Дюскев, один из предводителей восстания башкир Юрминской вол. в 1735—1740 гг. — 239, 240
 Султановы, кантонные начальники — 346, 404
 Сурабан-бий, первый аманат от усерганцев — 151
 Суфи Аллаяр, среднеазиатский тюркский поэт суфийского толка — 446
 Сухтелен П. П., оренбургский генерал-губернатор — 345, 350, 408
 Сыртланов Ш. Ш., депутат от башкир в I Государственной Думе — 147, 404
 Сюндюк Кикпашев, башкир Табынской вол. — 202
 Сююш Абзяков, старшина д. Мелегес Сибирской дор. — 249
 Тажетдин Ялсыгул (Ялсыгулов), башкирский поэт-суфий — 176, 474, 476
 Таймас Шаимов, тархан, старшина Кара-Табынской вол. Сибирской дор. — 150, 241
 Тайчин, калмыцкий тайша — 209
 Тамерлан, см. Тимур
 Таптиков, член Оренбургского тайного общества — 412
 Тараканов И., поверенный рабочих Юрюзань-Ивановского и Минского заводов в волнениях 1828—1829 гг. — 435
 Тарасов Ю. М., историк — 11
 Татигас-бий, вождь племени Юрматы, мурза — 141, 147
 Татищев В. Н., начальник Оренбургской экспедиции, горный деятель, географ и первый отечественный историк — 107, 108, 201, 221, 223, 230, 232, 236, 237, 238, 240, 241—243, 248, 253, 456, 457
 Твердышев И. Б., симбирский купец, заводовладелец — 226, 227, 278, 285, 286
 Твердышев Я. Б., заводовладелец — 327
 Тевеней, предводитель отряда башкир Казанской дор. в восстании 1735—1740 гг. — 232
 Тевкелев А. И., полковник, член Оренбургской экспедиции — 196, 222, 223, 228, 234, 235—238, 252, 259, 285, 466
 Тевкелев О., заводовладелец — 427
 Тевкелевы, уфимские дворяне — 185, 372, 403, 427
 Тевкель, сибирский царевич — 182
 Тевяк, один из предводителей восстания башкир Ногайской и Казанской дор. в 1735 г. — 233
 Темир-Кутлуга, хан Золотой Орды — 176
 Темиров, майор, командир 1-го тептярского полка в 1812 г. — 394, 395
 Тенекей, родовой старейшина башкир-минцев — 140
 Терегул Казанбаев, мишарский старшина Катайской вол. Исетской пров. — 328
 Тикеев, начальник 8-го башкирского кантона — 421
 Тимашев, уфимский земский исправник — 418, 420, 421
 Тимашев И. Л., коллежский советник — 315, 326, 328
 Тимашевы, помещики Оренбургского края — 371, 372
 Тимур (Тамерлан), среднеазиатский эмир — 125, 474
 Тимурбек Вильданов, мулла, заведующий медресе в д. Куганакбаш Стерлитамакского у. — 453
 Тлевкей (Тилевкей) Улатемиров, предводитель восставших башкир Ногайской дор. в 1740 г. — 245
 Тогонаевы, уфимские дворяне — 185
 Тойгильде Жуляков, крещеный башкир Айлинской вол. Сибирской дор. — 253
 Тойкин, старшина 1-й тептярской команды Бирского у. — 420
 Токаревы, бр., заводовладельцы — 281
 Ток-Саба, бий, вождь племени Усерган — 118
 Токта (Тохта), хан Золотой Орды — 124
 Толбузин, полковник — 218
 Толстой П. А., генерал — 397
 Топорнин, помещик Уфимского у. — 403
 Тормасов А. П., граф, генерал от кавалерии — 393
 Торнов В. И., атаман повстанцев в Крестьянской войне — 301, 302, 308
 Тотагуша, башкирка Табынской вол. — 202
 Тохтамыш, хан Золотой Орды — 125, 176
 Тререр, управляющий Кагинским заводом — 436

- Трухмень Янсеитов, башкирский старшина Бурзянской вол. Ногайской дор., участник Крестьянской войны — 316
- Туман, родовой старейшина башкир-минцев — 140
- Туманов Г., крестьянин Воскресенского завода, переводчик, атаман повстанцев в Крестьянской войне — 305, 309
- Тургенев, помещик Уфимского у. — 403
- Тургенев И. С., писатель — 481
- Тухват Утявов, начальник 4-го башкирского кантона Троицкого у. — 470
- Турия Баба Тукляс (Турэ Баба Тукляс, Турия Бабату Ключов), ногайский наместник в Башкирии — 131, 139
- Тюзбек Якупов, башкирский старшина Карагай-Кипчакской вол. Ногайской дор., участник Крестьянской войны — 331
- Тюксолтанай, мари Осинской дор. — 202
- Тюлкучуря Алдагулов (Тюлкучуря Аллагулов), башкирский старшина Кудейской вол. Сибирской дор., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 235, 236, 238, 240—244
- Тюря-хан (Турэ-хан), один из первых ногайских мурз в Башкирии — 130, 131
- Угедей, монгольский хан — 121
- Узбек, золотоордынский хан — 175
- Узбек Акмураин (Юзбек Акмураинов), хорунжий Башкирского войска — 394
- Улей (по прозвищу Кривой), один из предводителей восстания 1662—1664 гг. — 208, 209
- Улиф Тохтаров, предводитель отряда башкир Казанской дор. в восстании 1735—1740 гг. — 232
- Ульянов И. И., яицкий казак, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 307
- Уммикамал, средневековый турецкий поэт — 177
- Уразгильда Ивашкин, башкир Минской вол. — 199
- Уразлин, прапорщик — 245, 284
- Уразлин Р., переводчик Оренбургской губернской канцелярии — 227, 244, 285, 456
- Уразмет Баймашев, татарин д. Калтаево Казанской дор. — 202
- Уракай Юлдашбаев, один из предводителей восстания 1705—1711 гг. — 218
- Ураков, князь, командир Ставропольского калмыцкого полка — 391
- Ураков К., переводчик Уфимской провинциальной канцелярии — 223, 252
- Ураковы, уфимские помещики — 185
- Урасланбек Баккин, башкирский старшина Сибирской дор., один из предводителей восстания 1662—1664 гг. — 210
- Урдас-бий, родовой вождь племени Мин — 140
- Уржумцевы, уфимские помещики — 185
- Урман, родовой старейшина минцев — 140
- Урсай Баскунов, башкир Илкей-Минской вол. — 227
- Урус, князь Ногайской Орды — 143, 179
- Урусов В. А., князь, генерал-лейтенант, начальник Оренбургской комиссии — 246, 478
- Урусов Ю. С., князь, казанский воевода — 214
- Усманов А. Н., историк — 9, 11, 15, 106
- Усманов Х. Ф., историк — 11, 16
- Устюгов И. В., историк — 6, 13
- Утяган Нурмухаметов, башкирский походный старшина — 301
- Фадеев, секунд-майор — 309
- Фалков Т., капрал чебаркульских казаков, атаман повстанцев в Крестьянской войне — 309
- Фальк И. П., шведский естествоиспытатель и историк, руководитель 3-й Оренбургской физической экспедиции — 10, 268, 458, 459
- Ал Фаргани, арабский географ — 93
- Фархшатов М. Н., историк — 16
- Фасеев Ф. С., тюрколог — 103
- Федоров А., унтер-офицер — 411
- Федоров Б., мари, наемный работник — 191
- Федорович, бирский помещик — 426
- Фертон И., крещеный башкир — 391
- Филоненко В. М., историк, краевед — 108
- Фирдоуси, средневековый персидский поэт — 177
- Фок А. А., офицер-декабрист, политический ссыльный — 407, 408
- Франк Е. Е., декабрист, член Южного общества, политический ссыльный — 408
- Фрейман Ф. Ю., генерал-майор — 299, 312, 315, 319, 323—325, 327, 331
- Хазы Аккусаров, башкир Ногайской дор., самозванный хан в восстании 1705—1711 гг. — 219
- Халиков А. Х., археолог — 7, 84
- Халикова Е. А., археолог — 8, 84
- Халикова Р. Х., тюрколог — 15, 16
- Халиль Якупов, башкирский старшина Сунларской вол. Сибирской дор., участник Крестьянской войны — 300
- Ханыков А. В., революционер-петрашевец, политический ссыльный — 414
- Ханыков Я. В., оренбургский гражданский губернатор, автор трудов по географии, истории, экономике — 10, 462, 464, 465
- Харис Биктимиров, мулла, заведующий медресе в д. Стерлибаш Стерлитамакского у. — 453
- Харисов А. И., литературовед, фольклорист, писатель — 14
- Хасан Мажитов, мулла, заведующий медресе в д. Иркеево Бирского у. — 453
- ал Хваризми, арабский географ — 93
- Хибатулла (Гибатулла) Салихов, татаро-башкирский поэт-суфий — 476, 477
- Хисаметдин Мухаметкаримов, татарин д. Еманзелги Красноуфимского у., один из предводителей восстания 1835 г. — 422
- Хисами Кятиб., золотоордынский поэт — 176
- Хисматулла Кушугулов, указной мулла 3-й юрты 10-го кантона Бирского у., участник восстания 1835 г. — 420
- Хованский П. И., князь, начальник карательной экспедиции по подавлению восстания в Башкирии в 1708 г. — 217—219
- Хорезми, средневековый узбекский поэт — 176
- Хрущев М. С., бригадир, начальник карательной экспедиции по подавлению восстания в Башкирии в 1736 г. — 239, 240

- Худайберды, мулла, один из предводителей восстания 1755 г.— 254
- Худу-ал-Алам (Худуд-ал-Алем), средневековый арабский путешественник — 87, 89
- Хусаинов Г. Б., литературовед, писатель — 14, 15, 16
- Хусеин Кучербаев, башкир, за участие в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом — 396
- Хуснутдин Жданов, мулла, заведующий медресе в д. Балыкликуль Стерлитамакского у.— 453
- Циолковский Т. А., генерал-майор, командующий Башкирским войском — 418, 420, 423, 424
- Цукато, генерал-майор — 431
- Чаплица Е. И., генерал — 395
- Челюков П. Н., краевед — 464, 465
- Чербай Катикеев, чуваш, активный участник восстания тептярей и бобылей в 1747 г.— 249
- Черемшанский В. М., историк, этнограф и статистик, преподаватель Уфимской духовной семинарии — 10, 373, 443, 462
- Черепнин Л. В., историк — 332
- Черкасов, жандармский полковник — 243
- Черкасова А. С., историк — 12
- Черкасский Г. С., князь, астраханский воевода — 209
- Черниговский В. З., князь — 108
- Чернов И. В., генерал-майор — 346, 411
- Черноглазов И. М., офицер-декабрист, член Общества соединенных славян, политический ссыльный — 408
- Черноухов А. В., историк — 12
- Чернышев М. Д., кунгурский крестьянин — 191
- Чернышев П. М., полковник — 299, 424
- Чернышевский Н. Г., писатель-революционер, философ-материалист и социал-утопист — 414, 481
- Чингис (Темучин), монгольский хан, полководец — 121, 151
- Чичагов П. В., адмирал — 393, 395
- Чублюк, родовой старейшина минцев — 140
- Чуко М. Ф., краевед — 6
- Чулков (Чюлков) Д., сибирский воевода — 144
- Чулошников А. П., историк — 10, 12, 13
- Чупин К. И., горный деятель, чиновник ведомства Уральского горного правления — 437
- Чурагул Минлибаев, житель д. Тюнгак Гайнинской вол., предводитель повстанческого отряда в восстании 1755 г.— 256
- Чурагул Уразметев, сотник служилых татар — 301
- Чуртмак, казанский хан — 132
- Чучалей, брат сибирского царевича Кучука — 211
- Шагали — Шакман-бий, князь Тамьянского рода — 142, 147
- Шагимардан Сыртланов, начальник 12-го кантона, есаул — 402
- Шакурова Ф. А., историк — 15
- Шамсетдин Заки, татаро-башкирский поэт-суфий — 453, 472, 476, 477
- Шапошников П. Г., революционер-петрашевец, политический ссыльный — 414
- Шарип (Шарып, Шерип) Мряков, старшина Каршинской вол. Казанской дор. — 231, 233, 256, 288
- Шарып Каипкулов, башкирский сотник — 301
- Шарып Килеев, наемный работник — 202
- Шарыпов, кантонный начальник — 404
- Шафей Еназаров, чиновник Оренбургской губ. — 285
- Шафей Янайдыров (Енайдыров), уфимский переводчик — 228, 250
- Шаховская, помещица Гайнинской вол. Осинского у. — 404
- Шаховский А. А., водевилист — 485
- Шевченко Т. Г., украинский поэт, политический ссыльный — 414, 416, 483
- Шелгунов Н. В., публицист, литературный критик и общественный деятель — 483
- Шемякин С. В., уфимский воевода — 228
- Шепелев П. А., полковник — 324
- Шереметев Б. П., фельдмаршал — 216
- Шереметев, главный казанский воевода — 214
- Шериф-ад-Дин Йезди, среднеазиатский историк — 125
- Шерстнев Е., зачинщик выступления рабочих Катав-Ивановского завода в 1828 г.— 435
- Шестаков А., член Оренбургского тайного общества — 412
- Шигаев М. Г., яицкий казак, полковник повстанцев в Крестьянской войне — 313
- Шигалей, казанский хан — 138
- Шиганай Бурчаков, башкирский феодал Сибирской дор. — 245
- Шигингирей Нагайбаков, начальник 12-го кантона — 356
- Шильников, уфимский помещик — 426
- Шитова С. Н., этнограф — 16
- Шихов, отставной поручик Куртамышевской слоб. Челябинского у.— 431
- Шишковский В., уфимский купец — 275
- Шкапский, капитан — 255
- Шленев Н. А., горный инженер — 460
- Шмидт А. В., археолог — 16
- Штерич И., майор — 325
- Штокман, генерал-майор — 250
- Штукенберг И. Ф., историк и статистик — 462
- Шувалов П., граф, заводоладелец — 277, 286
- Шуйский П. И., князь, казанский воевода — 143
- Шуровский Г. Е., минералог, геолог и географ — 459
- Щербатов Ф. Ф., генерал-поручик — 313, 315, 319, 324
- Эверсман Э. А., проф. зоологии и ботаники Казанского университета, член-корреспондент Петербургской АН — 461

- Эйлер Х. Л., руководитель 1-й астрономической экспедиции Российской АН — 458
Эккельн Л. Ф., офицер штаба Оренбургского корпуса — 416
Энгельс Ф. — 26, 45, 119, 151, 399
Эртман, майор — 309
Эссен П. К., оренбургский генерал-губернатор — 149, 345, 348, 395, 405, 411, 412
- Юлай Азналин, башкирский старшина Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дор., атаман повстанцев в Крестьянской войне — 303, 314, 327
Юламан Кушаев, башкирский походный старшина Кара-Табынской вол. Ногайской дор., генерал повстанцев в Крестьянской войне — 309, 323, 326, 329
- Юлдаш (Елдаш) Суярембетев (Суярымбетов), башкирский старшина Кудейской вол. Сибирской дор., один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 243
Юлиан, венгерский монах — 86, 455
Юматов В. С., уфимский судья, краевед — 170, 464
Юскей Кудашев, мулла д. Терси Казанской губ., активный участник Крестьянской войны — 311
Юсуп (Юсуп-батыр) Арыков, башкир, один из предводителей восстания 1735—1740 гг. — 146, 233, 235, 237
Юсуп Болтин, башкир Енейской вол. — 193
Юсупов Г. В., археолог, эпиграфист — 158
- Юсупов Р. М., этнограф-антрополог — 16
Юсуф, главный князь Ногайской Орды — 135
Юхнев, кунгурский бургомистр — 188, 189, 439
Юшков В., секунд-майор — 316, 326
- Ягафар Кинзэбаев, поверенный крестьян д. Айтуганово Сльминской вол. — 403
Ядигар, казанский хан — 135, 136
Ядкар (Едигер, Едигар), ногайский мурза — 141
Языков, секунд-майор — 246
Языковы, дворяне — 283
Якоби И. В., оренбургский генерал-губернатор — 268
Якубович А. Я., полковник — 317, 325
Якуп Чинмурзин, командир отряда башкир Унларской вол. в восстании 1735—1740 гг. — 238
Ялсыгул Тажетдин, см. Тажетдин Ялсыгул
Янгузин Р. З., этнограф — 11
Янмурзин А., башкир Гайнинской вол. Осинской дор. — 191
Ярмухамет Хаджиев, башкир, один из предводителей восстания 1736—1740 гг. — 246
Яунасып Муталлапов, отставной зауряд-сотник Гайнинской вол. Осинского у. — 404
Яхимович Е. Л., геолог — 22
Яхья Якшиев, башкирский старшина Куштинской вол. Сибирской дор., участник Крестьянской войны — 314
Яшнев, помещик Уфимского у. — 403

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Сокращенные обозначения:

вол. — волость
г. — город
губ. — губерния
гос-во — государство
д. — деревня
дор. — дорога
з-д — завод
кант. — кантон
креп. — крепость
обл. — область

оз. — озеро
о. — остров
п-ов — полуостров
пров. — провинция
р. — река, речка
р-н — район
с. — село
слоб. — слобода
у. — уезд

Абашево, с. в Чувашии — 38
Абдрешитово, д. Уфимского у. — 421
Абдуллино, д. Бирского у. — 388
Абдуловское, поселение в Ермакеевском р-не — 36
Абзаково, д. Баймакского р-на — 36
Абзелиловский р-н Башкортостана — 7, 19, 24, 30, 52
Абиулган (Ануйлган), р. — 285
Абишево, д. Оренбургского у. — 404
Авзян, р. — 190
Авзянопетровские (Верхний и Нижний) з-ды — 251, 265, 277, 286, 294, 303, 313, 327, 402, 433, 436, 450
Аджитарово, д. Троицкого у. — 343
Азия — 5, 47, 225, 398
Азметьевский, могильник в Актанышском р-не Татарстана — 86
Азов, креп. — 151
Азовское море (Меотийское озеро) — 49
Азых, стоянка на Кавказе — 17
Азяк, д. Осинской дор. — 260
Азяш-Уфимский (Уфимский), з-д — 304
Аитовское, поселение в Бижбулякском р-не — 36, 37
Ай, р. — 29, 31, 43, 126, 131, 144, 190, 214, 269, 320, 459, 461
Айдос, стоянка в Караидельском р-не — 19
Айлинская (Айская) вол. Сибирской дор. — 191 — 194, 209, 240, 246, 253
Айская, см. Айлинская
Айтуганово, д. Слыминской вол. Ногайской дор. — 403
Ак-Балык, р. — 456
Ак-Булак, родник в Казахстане — 398
Акубулакское, укрепление — 398
Аклушево, д. Гайнинской вол. Сибирской дор. — 256
Ак-Мечеть, креп., позже г. Перовск, современный г. Кызыл-Орда — 399, 483
Аксаково, ж-д. станция в Белебеевском р-не — 482
Актанышский р-н Татарстана — 44

Актюбинская обл. — 89
Алексеевск, креп. — 184
Алексинский у. Тульской губ. — 265
Алтай, горы — 98, 106, 122, 459
Алтынбаево, д. Осинской дор. — 249
Альмен, д. Челябинского у. — 474
Альмухаметово, д. в Абзелиловском р-не — 52
Альшеевский р-н Башкортостана — 35
Амударья, р. — 92
Ананьино, д. в Татарстане — 61, 68
Анастасьино, с. Бирского у. — 372, 427
Аначевское, городище в Илишевском р-не — 69
Ангасьяк, д. Бирского у. — 318, 427
Ангасякский з-д — 327
Англия — 280, 375, 398
Андреевка, д. Бирского у. — 408
Арал, Аральское (Джурджан) море — 92, 106, 414
Арамашевская, слоб. Верхотурского у. — 210
Арамильский, остров, позже слоб. Тобольского у. — 189, 214
Арбашево, д. Бирского у. — 419
Аральское, укрепление, см. Раимское
Аркаим, древнее поселение — 40, 41
Арктика — 22
Артаулово, д. Бирского у. — 420
Архангельский з-д — 251, 277, 327, 450
Архангельское, с., см. Бирск
Астраханская губ. — 293, 323
Астраханская обл. — 89
Астраханское, см. Каспийское море
Астраханское, ханство — 134, 136, 148
Астрахань, г. — 122—134, 136, 151, 209, 216, 220, 387
Аты-Якши, р. — 398
Асли, оз. — 480
Атач (Магнитная), гора — 456
Атигский з-д — 278
Атясово, д. Оренбургского у. — 477
Афганистан — 398, 476
Ахметовское 1, поселение в Чекмагушевском р-не — 43

- Ахуново, д. Гарейской вол. Белебеевского у.— 403, 427
- Ачитская, креп. Кунгурского у.— 321, 325
- Ашапский з-д — 226
- Ашик-Темир, р.— 285
- Ашкадар, р.— 126, 130, 140, 235, 332
- Ашкадар-Балыклы, д. Оренбургского у.— 477
- Ашкадарская пристань, см. Стерлитамак
- Аюсы, д. Стерлитамакского у.— 469
- Аятская, слоб. Верхотурского у.— 214
- Бабаево, д. Бирского у.— 419
- Багаряк, р.— 43
- Багарятский, острог — 184
- Багряш, д. Бугурусланского у.— 428
- Баженово, д. Осинской дор.— 185
- База, р.— 131
- Базитамак, д. Надыровой вол.— 55
- Байгазино, д. Сибирской дор.— 320
- Байгильдино, д. Сибирской дор.— 249
- Байки, д. Сибирской дор.— 317
- Байкино, д. Кунгурского у.— 419
- Байлярская (Байларская, Балярская, Болярская), вол. Казанской дор.— 186, 191, 194, 329
- Баймакский р-н Башкортостана — 35, 42, 52, 84, 101
- Бакалы, д. Бирского у.— 308, 388
- Бакр-Узяк, рудник — 34
- Бакшигул, оз.— 162
- Бала-Катайская (Балы-Катайская), вол. Сибирской дор.— 318
- Балтийский порт (Рогервик), г. в Эстляндии — 331
- Балыклеулево, д. Стерлитамакского у.— 453
- Балыклино, д. Оренбургской губ.— 446
- Балыкчинская (Балахчинская) вол. Сибирской дор.— 191, 194, 209, 235, 236
- Банов, могильник Древней Венгрии — 84
- Барабинская степь — 133
- Барды, д. Гайнинской вол. Осинской дор.— 256
- Баренцево море — 22
- Барын-Табынская вол. Сибирской дор.— 191, 244
- Баряшево, д. Бирского у.— 420
- Бахмутино, д. в Нуримановском р-не — 75
- Бахчи, д. в Стерлибашевском р-не — 36
- Бачкитау II, стоянка в низовьях р. Белой — 31
- Башапово, д. Гайнинской вол. Осинской дор.— 256
- Башкортостан (Башкирия, Башкирская АССР) — 5, 6, 9—14, 16, 36, 41, 49, 52, 62, 68, 76, 79, 80, 85, 93, 99, 119, 121—125, 128, 131, 138, 143, 146—148, 151, 179—188, 192—196, 204—214, 216—218, 221—231, 235, 238—243, 248—259, 261, 264, 269, 274, 277—280, 283, 285, 293, 298—302, 308, 312—317, 319, 321, 325, 328, 330—334, 339, 350, 359, 369, 373, 383, 388, 393, 397, 405, 406, 412, 413, 416, 425, 438, 440—447, 453—457, 460—464, 466, 473, 476, 478, 480, 481, 484
- Башхалом, древненгенгерский могильник — 84
- Бедеево, д. Сибирской дор.— 249
- Бекешевские I, II, могильники в Баймакском р-не — 101
- Белая (Ак-Идель, Белая Воложка), р.— 24, 29, 31—34, 43, 50, 55, 62, 67, 74, 81, 86, 93, 98, 121, 126, 130, 138, 143, 183, 188, 190, 210, 232, 238, 269, 276, 278, 281, 307, 332, 387, 413, 423, 439, 458, 482, 483
- Белгородский у.— 220
- Белебей (Белебеево), с. Ногайской дор., с 1781 г.— г.—12, 267, 281, 389, 454
- Белебеевский р-н Башкортостана — 36, 482
- Белебеевский у. Оренбургской губ.— 262, 264, 274, 334, 341, 367—371, 385, 401—404, 423, 429
- Белекей-Кудейская (Белкей-Кудейская, Булекей-Кудейская) вол. Сибирской дор.— 142, 246
- Белокатайская вол. Уфимского у.— 183
- Белорецкий з-д — 278, 303, 313, 376, 383, 433, 434, 450
- Белорецкий р-н — 31
- Белослудская слоб. Исетской пров.— 208
- Белоярский острог, позднее слоб. в Зауралье — 184, 218
- Белый Яр, креп.— 184
- Бельская I, II, стоянки на р. Белой — 27, 31
- Бельско-Уфимское междуречье — 98
- Беляковская слоб. в Зауралье — 211
- Бендеры, креп.— 295
- Берда, р.— 130, 478
- Бердская, креп.— 223, 297—299, 303, 304, 310
- Бердянка, р.— 335
- Бердянская линия — 418
- Береговский I, могильник в Мелеузовском р-не — 36, 81
- Березовка, д. Бирского у.— 388
- Берлин, г.— 396, 397
- Берлин, станция в Оренбургской губ.— 363
- Бессарабия — 357, 391
- Бечурино, д. Гайнинской вол. Осинского у.— 404
- Бешаульская (Бешеульская) вол. Ногайской дор.— 190
- Бешаулинская вол. Ногайской дор.— 189
- Бешкильский острог в Зауралье — 184
- Бижбулякский р-н Башкортостана — 35, 36, 37
- Бикзяново, д. Бирского у.— 419
- Бикметево, д. Бирского у.— 420, 425
- Билар, г., столица Волжской Булгарии — 121
- Биларск, креп.— 184, 214, 217
- Бирск, г. (Бирь, креп., Архангельское, с., с 18 в. г.) — 12, 63, 74, 184, 187, 204, 208, 235, 251, 262, 281, 318, 330, 388, 413, 449, 454, 461
- Бирская вол. Уфимской пров.— 186
- Бирский у. Оренбургской губ.— 262, 274, 334, 341, 367, 387, 401, 419, 420, 423, 424
- Бирский могильник — 81
- Битенен, местечко в Германии — 391
- Биш-Тамак, урочище в Казахстане — 398

- Бишунгаровский, могильник в Кармаскалинском р-не — 52, 55
 Благовещенский з-д — 277, 375, 435, 450
 Благовещенское, с. в Оренбургской губ. — 463
 Благодатское I, городище в Удмуртии — 81
 Ближний Восток — 114, 120
 Богдан Коши, д. Сибирской дор. — 236
 Богдановская, креп. — 343
 Богородская вол. Уфимской пров. — 186
 Богородское, с. Мензелинского у. — 185, 215
 Богословский з-д — 277
 Богоявленский з-д — 251, 277, 303, 377, 382, 403, 450
 Болгар, г., столица Волжской Булгарии — 120
 Болгарка I, могильник в Актюбинской обл. — 89
 Большая Ока, д. Кушинской вол. Красноуфимского у. — 421, 422, 424, 425
 Большеземельская тундра — 21
 Больше-Кушинская вол. Уфимского у. — 421
 Больше-Тиганский, могильник в Алексеевском р-не Татарстана — 83, 84
 Большие Качаки, д. Бирского у. — 420
 Большие Шилны, см. Шилна Большая
 Большой Инзер, р. — 190
 Большой Кизил (Б. Кизылов), р. — 50, 52, 190
 Большой Узень, р. — 149
 Большой Черемшан, р. — 78, 94
 Боровлянка, р. — 432
 Борская, креп. — 223
 Бреславль, г. — 396
 Брест-Литовск, г. — 394
 Бродо-Калмацкий острог в Зауралье — 184
 Буг, р. — 395
 Бугалыш, д. Красноуфимского у. — 311
 Бугульма, г. — 267, 281, 298, 326, 359, 387, 389
 Бугульминский у. Оренбургской губ. — 262, 274, 281, 334, 341, 343, 364, 367, 385
 Бугульминско-Белебеевская возвышенность — 76, 90, 93, 109
 Бугульчан, урочище — 232
 Бугульчан (Бугульчанская соляная пристань), с. Ногайской дор. — 316, 325
 Бугуруслан, слоб., с. 1781 г. заштатный город — 267, 281, 389
 Бугурусланский у. Оренбургской губ. — 262, 274, 335, 341, 364, 385, 429
 Буздяк, д. Белебеевского у. — 388
 Бузовьязова, д. Оренбургской губ. — 343
 Бузулк (Бузулукская креп.), г. — 223, 281, 389, 461
 Бузулукский у. Оренбургской губ. — 262, 273, 281, 334, 341, 364, 373, 386, 428, 429
 Булярская (Булярская, Билярская, Белярская) вол. Казанской дор. — 186, 191, 404
 Бураево, д. Ельдяцкой вол. Бирского у. — 446
 Бурангулово, д. Оренбургского у. — 343
 Бурзянская (Бурзенская, Бузянская, Бургенская) вол. Ногайской дор. — 189, 254, 255, 259, 316
 Бурзянская вол. по Ику Казанской дор. — 259, 369, 401
 Буруново, д. Осинской дор. — 185
 Бухара, г. — 92, 106, 476, 477
 Бушман (Бушмас) — Кипчакская вол. Ногайской дор. — 255, 298
 Быково I, могильник в Волгоградской обл. — 89
 Бымовский, з-д — 194, 226
 Быстрый Танып, р. — 74, 76, 132
 Валуево, д. на Новой Смоленской дор. — 394
 Варзиятинское, городище в Удмуртии — 81
 Варна, креп. — 398
 Варшава, г. — 396
 Веймар, г. — 397
 Великая Пермь — 136
 Веллау (Велау), г. — 391
 Венгерское королевство на Дунае, см. Дунайская Венгрия
 Верхнее Карышево, д. Бирского у. — 419
 Верхнее Прикамье — 30, 33, 83
 Верхнее Притоболье — 24
 Верхнее Тавлыкаево, д. Баймакского р-на — 35
 Верхне-Миасский, острог в Зауральской Башкирии — 184
 Верхнеозерная, креп. — 223, 354
 Верхнеташево, д. Чанкимпчакской вол. Стерлитамакского у. — 402
 Верхнетеченская, слоб. Шадринского у. Пермской губ. — 431
 Верхне-Троицкий, з-д — 383
 Верхнеуральск, г. — 12, 141, 267, 354, 359, 369, 389, 408, 434, 449
 Верхнеуральский у. Оренбургской губ. — 262, 273, 334, 343, 349, 354, 363, 364, 367, 436
 Верхнеутчанское, городище в Удмуртии — 81
 Верхняяицкая (Верхояицкая, с 1775 г. Верхнеуральская), креп. — 222, 233, 252, 298, 325, 342, 459
 Верхние Киги, д. Троицкого у. — 422
 Верхотурский з-д — 277, 303, 375, 382, 450
 Верхотурский у. — 146, 180
 Верхотурье, креп. — 144, 200, 210
 Ветлуга, р. — 62
 Виляи, р. — 394
 Владимир, г. — 22, 474
 Владвиженская пустынь в Кунгурском у. — 208
 Вознесенский з-д — 251, 255, 303, 313, 327, 461
 Вознесенский монастырь близ Соловарного городка — 214
 Вознесенское (Чесноковка), с. Уфимской округи — 234, 308
 Волга, р. — 78, 82, 90—94, 120, 135, 139, 219, 312, 323, 432
 Волго-Камье (Волго-Камский), регион — 61, 64, 83, 98
 Волгоградская обл. — 87, 89

- Волго-Уральский (Волго-Урал, Волго-Яицкое междуречье, Урало-Волжский), регион — 32, 73, 82, 87, 90, 92, 175, 182, 446, 455, 460, 469, 472, 476
- Волжская Булгария (Великая Булгария), ханство — 86-91, 109, 114, 120, 122, 158, 163, 176
- Волчанский, курган в Куйбышевской обл.— 87
- Вольский у. Саратовской губ.— 334
- Воронежская губ.— 294, 336
- Воронежская обл.— 36
- Воскресенская вол. Челябинского у. Оренбургской губ.— 431
- Воскресенский з-д — 303, 305, 375, 377, 381, 450, 461
- Воскресенское, с.— 218
- Восток — 132, 136, 139, 151, 179, 224, 225, 463, 474
- Восточная Африка — 17
- Восточная Европа — 22, 41, 85, 94, 96, 122, 134
- Восточный Казахстан — 9
- Воткинский, з-д — 310
- Воткинский Тазлар, д. Бирского у.— 419
- Вятка (Нукрат), р.— 62, 131
- Вятская губ.— 335, 341, 353, 360, 403, 430
- Гагарьево, д. Таловской вол.— 431
- Гайнинская (Гайнская) вол. Осинской дор.— 149, 191, 194, 195, 199, 226, 256, 404
- Галицкий у.— 265
- Галкино, д. Пермской губ.— 431
- Гамбург, г.— 397
- Гари II, стоянка в Среднем Зауралье — 21
- Гарева, р.— 62
- Гарейская (Гирейская) вол. Казанской дор.— 149, 191, 192, 366
- Германия — 295, 396
- Гибралтар, пролив — 134
- Гирей-Кипчакская (Гирей-Кыпсакская) вол. Ногайской дор.— 190, 255
- Глогау, креп. в Чехии — 396
- Гомель, г.— 295
- Горново, стоянка в Приуралье — 21
- Греция — 38, 406
- Григориополь, местечко — 397
- Гродно, г.— 393
- Гросс-Егерсдорф, д. в Германии — 391
- Губерлинская, креп. — 223, 316, 354
- Гублюкучуково, д. Бирского у.— 425
- Гурьев, г.— 354, 414, 461, 483
- Давани, см. Фергана
- Давлеканово I—II, стоянки на р. Дема — 21, 27, 29, 32
- Давлекановский р-н Башкортостана — 36, 37, 45
- Далматов Успенский (Долматова пустынь), монастырь Исетской пров.— 187, 205, 208, 294
- Данциг, г.— 396, 425
- Державино, д. Бузулукского у.— 428
- Дешт-и-Кипчак (перс.), степи между Алтаем и Карпатами, заселенные кыпчаками — 96, 121
- Джукетау, г. Волжской Булгарии — 120
- Джунгария — 245
- Днестр, р.— 87, 397
- Днестровский лиман — 397
- Добрино, д. Бугульминского у.— 430
- Добрынино, д. Бирской вол.— 185
- Долгий Ельник, стоянка в Зауралье — 24
- Долматова пустынь, см. Далматов монастырь
- Дон (Танаис), р.— 38, 49, 50, 87, 92, 121, 122
- Драخنлох, пещера в Альпах — 20
- Древняя (Великая) Венгрия — 84
- Дрезден, г.— 396, 397
- Дрезден, станица в Оренбургской губ.— 363
- Дуван, с. Дуванской вол. Уфимского у.— 421, 425
- Дуванейская вол. Казанской дор.— 186
- Дуван-Мечетлино, д. Дуванской вол. Уфимского у.— 420, 421
- Дуван-Сакат-Тамаково, д. Белебеевского у.— 403
- Дуванская вол. Уфимского у.— 201, 238, 401, 421
- Дуван-Табынская вол. Ногайской дор.— 190, 245
- Дунай, р.— 84, 122
- Дунайская Венгрия, королевство на Дунае — 84
- Дусметево, д. Канлинской вол. Уфимского у.— 403
- Евразия, Европа и Азия — 19, 47, 72, 73, 80, 87, 164
- Европа — 17, 47, 134, 440
- Екатеринбург, г.— 225, 253, 305, 316, 329, 433, 485
- Екатеринбургский у. Пермской губ.— 334, 367, 442
- Елабуга, г.— 61, 126, 216, 217, 311
- Елабужский у. Вятской губ.— 334, 343, 367
- Еланино, д. Троицкого у.— 422
- Елбулак-Тамак, д. Бижбулякского р-на — 50
- Елдяк (Елдякская, Елдяцкая), креп.— 330, 419
- Елдякская (Елдяцкая, Елдятская, Елдяцкая), вол. Казанской дор.— 186, 191, 223
- Елпачиха, д. Пермской губ.— 343
- Елтемир, д. Казанской дор.— 187
- Ельнинский у. Смоленской губ.— 395
- Еманзелга, д. Красноуфимского у.— 422, 424
- Емашинская вол. Троицкого у.— 423
- Енасеево, д. Сибирской дор.— 249
- Енейская вол. Казанской дор.— 191, 193, 212, 232, 404
- Ермекеевский р-н Башкортостана — 36
- Ермолаево, д. Кумертауского р-на — 460
- Ерыклинск, креп. — 184
- Жигулевские (Жигули, Печенежские), горы — 87
- Забайкалье — 49, 73
- Заволжская Печенегия — 87, 93
- Заволжье — 85—90, 92, 94, 109, 125

- Заинск, креп. — 184, 216, 233, 311
 Зай, р.— 120, 186
 Закавказье — 27
 Закамская линия (Черта) — 210, 232
 Закарпатье — 17
 Закоулово, д. Каменской вол.— 432
 Замза (Замзя, Санза, Санзе), р.— 285
 Западная Башкирия — 366
 Западная Печенегия — 87
 Западная Сибирь — 49, 52, 81, 86, 133, 143, 185, 281, 305
 Западный Казахстан — 50
 Западный Урал — 143
 Заплавное, могильник в Волгоградской обл.— 89
 Зауралье — 24, 31, 34, 38, 40, 49, 81, 85, 98, 121, 130, 136, 187, 205, 218
 Зауральская Башкирия — 133, 180, 186, 224, 262, 318, 462
 Звериноголовская, креп.— 252, 354, 407, 450,
 Зеравшан, р.— 92
 Зилаирская (Зелаирская, Зилаир), креп.— 252, 316, 325
 Зилаирский з-д, см. Преображенский
 Зимненская суконная фабрика в Бузулукском у.— 386
 Златоуст, г.— 380, 423, 436, 451, 454, 461
 Златоустовский (Косотурский) з-д — 278, 303, 320, 329, 357, 375, 381, 423, 450
 Золотая Орда (Золотоордынское), ханство — 5, 9, 120, 122, 126, 133, 163, 175, 177

 Ибрагимово, д. Красноуфимского у.— 343
 Ибраевский, могильник в Мелеузовском р-не — 81
 Иж, р.— 74, 81
 Ижевск, г. — 452
 Ижевский з-д — 310
 Измаил, креп.— 398
 Ик, р., приток р. Сакмары — 35, 81, 93, 125, 190, 278
 Ик, р., приток р. Камы — 29, 32, 66, 186, 213
 Иковская, слоб. Сибирской дор.— 218, 309
 Иланская (Еланская) вол. Казанской дор.— 186, 195
 Илбахтин Рождественский монастырь (Илбахтина Рождественская пустынь) — 205, 208
 Илек, р.— 90, 335
 Илецкая Защита, креп., позже г. Соль-Илецк — 290, 368, 458, 482
 Илецкие соляные промыслы — 384
 Иллей-Минская вол. Ногайской дор.— 189
 Ильинская, креп.— 354
 Ильинское, с. Кунгурского у.— 311
 Ильмураино, стоянка в Приуралье — 21, 24
 Имангулово, д. Ногайской дор. — 325
 Имендшевское городище в Гафурийском р-не— 77
 Именьково, с. в Лаишевском р-не Татарстана — 78

 Императорское укрепление — 359
 Инва, р.— 145
 Ингалинский острог Исетской пров.— 184
 Инзелга, д. Шайтан-Кудейской вол. Уфимского у.— 403
 Иран — 22, 124
 Ирбит, р.— 210, 211
 Ирбит, оз. — 210
 Ирбитская слоб. в Зауралье — 210
 Ирбитская ярмарка — 281
 Иргиз, р.— 93, 190, 295
 Иремель, гора — 461
 Ирень, р.— 278
 Ирехтинская вол. Осинской дор.— 189, 192, 317, 404
 Иркеево, д. Бирского у.— 453
 Иркутск, г.— 357
 Иркутская губ.— 357
 Ирнянский (Ирлянский) з-д — 327
 Иртыш, р.— 129, 133, 145, 146, 190
 Иртышская линия — 252
 Иртыш, оз.— 208, 209
 Исеть, р. — 85, 126, 133, 144, 186, 194, 218, 278
 Исетская линия — 224
 Исетская (Исецкая) пров. — 200, 262, 288, 298, 300, 311, 313, 324, 328, 444, 475
 Исетский округ Исетской пров.— 229
 Исетский острог — 184
 Исетский р-н — 308
 Испания — 22
 Исянгильдино, д. Челябинского у. — 343
 Ишим, р.— 146, 190
 Ишмет, д. Оренбургского у.— 477
 Иштерьяково, д. Бирского у.— 419
 Иштерьяковский з-д — 265

 Йенчу, см. Сыр-Дарья

 Кавказ — 17, 47, 58, 135, 404, 408, 409, 412, 414
 Кага, стоянка в Белорецком р-не — 31
 Кагинский з-д — 278, 303, 380, 436
 Кадомцево, д. Уфимского у.— 185
 Казакларовский могильник в Дюртюлинском р-не — 86
 Казангуловское поселение в Давлекановском р-не — 36
 Казанка 1, поселение в Татарстане — 62
 Казань, г.— 132, 135—138, 148—151, 179, 184, 195, 212—218, 252, 296, 305, 310, 320, 324, 358, 387, 432, 451, 463, 477, 478, 485
 Казанская губ.— 209, 258, 280, 320, 339, 411
 Казанская дор. Уфимского у., позднее Уфимской пров.— 150, 183—189, 202—219, 231—245, 250, 268, 280, 288, 306, 318, 325, 439, 456
 Казанская пров.— 303, 310, 311
 Казанский край — 132, 137, 138, 211, 216
 Казанский р-н — 308

- Казанский у. Исетской пров.— 179, 219, 233, 265, 285
 Казанское ханство — 5, 125, 131—137, 146, 148, 177
 Казахский жуз, Букеевская Орда — 335
 Казахский жуз, Младший — 241, 259
 Казахский жуз Средний — 241, 243, 254
 Казахский жуз Старший — 352
 Казахстан — 35, 92, 151, 163, 182, 221, 260, 281, 342, 359, 388, 406, 416, 461, 480
 Казлаир (Кузлаир), р.— 285
 Казово, д. Осинской дор.— 249
 Казырбаково, пещера в Дуванском р-не — 21
 Каир, г.— 477
 Кайпанская вол. Сибирской дор.— 191
 Калкан, д. Верхнеуральского у.— 453
 Калнинская (Канлинская) вол. Казанской дор.— 185
 Калтаево, д. Казанской дор.— 202
 Калужская губ.— 378
 Калужская дор.— 394, 395
 Калужский у.— 265
 Кама (Чулман), р.— 31, 62, 74, 83, 98, 131, 145, 185, 207, 212—219, 247, 276, 459
 Каменная, слоб. Челябинского у.— 430, 431
 Каменский (Нижний) з-д — 194
 Камилево, д. Бирского у.— 343
 Камский бассейн — 310
 Камчатка — 405
 Камышлы-Тамакский, могильник в Бакалинском р-не — 71
 Кандры, оз. — 480
 Кано-Никольский з-д — 251, 277, 303, 327, 375, 461
 Кара-Абыз, городище в Благовещенском р-не — 63, 86, 123, 177
 Карабалыкты, оз.— 19, 30
 Карабалыкты V, стоянка в Абзелиловском р-не — 24, 30
 Карабутакский форт — 399
 Карагай-Кипчакская вол. Ногайской дор.— 190, 255, 331
 Карагайская (Уклы-Карагайская, Уклы), креп. Уйской укрепленной линии — 250, 354
 Каракулино, с. Каракулинской вол.— 212, 216
 Каракулинская вол. Уфимской пров. — 186
 Каракульская, креп. Уйской дистанции — 354
 Карамалы (Кармалы), р.— 280, 285
 Каранаевский, могильник в Дуванском р-не — 85
 Кара-Су, могильник в Уральской обл. — 89
 Кара-Табынская (Каратабынская) вол. Сибирской дор.— 190, 222, 244, 402, 456
 Кара-Тавлинская (Кара-Таулинская) вол. Сибирской дор.— 191
 Кара-Тау, стоянка в Таджикистане — 17
 Караякупово, с. Чишминского р-на — 81
 Караякуповская, стоянка (городище) в Чишминском р-не — 32, 81, 83
 Каргала (Каргалинская), слоб. см. Сеитов посад
 Каргала Верхняя, р. — 285
 Каргала Средняя, р. — 285
 Каргалинское меднорудное месторождение в Оренбургском у.— 35
 Каргинский починок Осинской дор.— 185
 Каркяли, д. Ногайской дор.— 316
 Карлесан (Кармасан), р.— 131, 139
 Кармалы, р. — 280, 285
 Кармаскалинский р-н Башкортостана — 36, 37
 Карт-Таныпская вол. Сибирской дор.— 236
 Каршинская вол. Казанской дор.— 191, 231, 285, 288
 Карышево Верхнее (Карыш), д. Бирского у.— 254, 256
 Касаклы (Исаклы), д. Бугурусланского у.— 428
 Касаево, д. Каршинской вол.— 288
 Касево, с. Бирского у.— 430
 Касевский приказ Бирского у.— 430
 Касиярово, д. Бирского у.— 419
 Каслинский з-д — 265, 277, 294, 318, 358
 Каспийское (Хазарское) море — 17, 129, 245, 354, 459
 Касьяновское, городище в Гафурийском р-не — 69
 Катавские з-ды, см. Катав-Ивановский и Усть-Катавский з-ды
 Катав-Ивановский з-д — 277, 303, 358, 377, 435, 450
 Катайская вол. Ногайской дор.— 191, 213, 252, 255
 Катайский, острог — 208, 214
 Кашлык (Искер), г., столица Сибирского ханства — 133, 144
 Кейгазы, д. Сибирской дор.— 191
 Кеolimский, см. Кыштымский (Нижний) з-д
 Киги, д. Сибирской дор.— 320
 Киев, г.— 94, 432
 Кизил, р.— 130
 Кизильская, креп. Уйской укрепленной линии— 354, 407, 408, 424, 449
 Киик-Коба, пещера в Крыму — 20
 Кишки, д. Уфимского у.— 403
 Киля, креп.— 398
 Кимакский каганат, гос-во угров в Западной Сибири — 86
 Кинель, р. — 32, 93, 240
 Кинельчаны, д. Бугурусланского у.— 428
 Кинкаш, д. Бирского у.— 420
 Кипчакская (Кыпсакская) вол. Ногайской дор.— 190
 Киргизская вол. Казанской дор.— 186, 191, 404
 Киргиз-Табынская вол. Сибирской дор.— 233
 Киргинская, слоб. Ирбитского у.— 210
 Кислянская вол. Челябинского у. Оренбургской губ.— 431
 Кичуевск, креп. — 184, 233
 Кичуй, р.— 278
 Кишерский, острожек Осинской дор.— 212
 Кишзомбор, могильник Древней Венгрии — 84

- Клещели, местечко — 395
 Князе-Михайловская фабрика — 376
 Кобрин, г. — 394
 Козлуджи, местечко — 397
 Кок-Орда (Синяя Орда), улус — 122, 125
 Кокшайск, г. — 323
 Коломенская дорога — 394
 Колчеданский, острог — 184, 213, 214
 Кольчевские курганы в Оренбургской обл. — 87
 Кондурчу (Кундурчу, Кюнджюлю), р. — 91, 125
 Конецгорское, селище в Пермской обл. — 62
 Константиновское, укрепление — 359
 Коптяжевка, д. Бугурусланского у. — 428
 Коринский з-д — 311
 Королево, стоянка в Закарпатье — 17
 Косва (Косьва), р. — 145
 Косогурский з-д, см. Златоустовский
 Костромская губ. — 427
 Кочердынская вол. Челябинского у. Оренбургской губ. — 431
 Красная Гора, урочище — 223
 Красногорская креп. (Красногорский острог) — 184, 354
 Красногорский могильник в Мелеузовском р-не — 44, 81
 Краснокамский р-н Башкортостана — 68, 81
 Красносамарская креп. — 223
 Краснопольская, слоб. в Зауралье — 211
 Красноуфимск (Красноуфимская), креп. — 223, 245, 311, 330, 351, 405, 412
 Красноуфимский у. Пермской губ. — 334, 367, 424
 Красноярская, д. Осинской дор. — 185
 Красный Яр (Кызыл Яр), с. Гайнинской вол. Осинской дор. — 185, 238, 256
 Крутихинская, слоб. — 237
 Крутойрская, креп. — 354
 Крым — 58, 122, 134, 135, 139, 190, 216
 Крымское ханство — 134, 139, 151, 208
 Кси-Табынская вол. Ногайской дор. — 233
 Кубань — 139, 141, 147, 295
 Кубаул (Кубово), д. Ногайской дор. — 269
 Кубеляцкая (Кубелякская) вол. Ногайской дор. — 190
 Кубелякская вол. Сибирской дор. — 402, 456
 Кубовская (Куповская) вол. Сибирской дор. — 191
 Куваканская (Куванская) вол. Сибирской дор. — 190, 246
 Куганак, р. — 130, 140
 Кугарчинский р-н Башкортостана — 159
 Кугиманак, д. Бирского у. — 420
 Кугуш, р. — 141
 Кудейская (Кудеевская) вол. Сибирской дор. — 191, 209, 235, 240, 402
 Кузубаевское, городище в Удмуртии — 81
 Куйбышевская обл. — 91
 Куганакбашево, д. Стерлитамакского у. — 453
 Кулбаково, д. Троицкого у. — 423
 Кулевчи, местечко в Австрии — 398
 Кульминская (Кулим-Минская, Кульили-Минская, Кулили-Минская, Кульяминская) вол. Ногайской дор. — 189, 190, 232
 Куль-Оба, курган в Причерноморье — 70
 Кума, р. — 130
 Кумакский, могильник в Оренбургской обл. — 89
 Кумбеть (Курбеть), р. — 285
 Кумрук-Табынская вол. Ногайской дор. — 189, 190
 Кунгур, г. — 195, 216, 247, 305, 311, 330, 420
 Кунгурский р-н — 308
 Кунгурский у. Пермской губ. — 208, 219, 418, 419
 Кундравинская, слоб. Троицкого у. — 320, 405
 Кундурча, см. Кондурчу
 Кургаза, р. — 285
 Курган, г. — 24, 308
 Курган, поселение в Татарстане — 62
 Курганская обл. — 24, 186
 Курляндия — 399
 Курманово, д. Шадринского у. Пермской губ. — 343
 Курмантаево, д. Оренбургской губ. — 446
 Курман-тау, селище в Гафурийском р-не — 69
 Курпеч-Табынская (Куперч-Табынская) вол. Ногайской дор. — 189
 Курская губ. — 336, 406
 Куртамышевская, слоб. Челябинского у. — 431
 Кусимовская, стоянка в Зауралье — 24
 Кусинский з-д — 278, 375, 436, 450
 Кусюково, д. Бирского у. — 420
 Кутлугузино, д. Шайтан-Кудейской вол. Уфимского у. — 403
 Кучербаево, д. Стерлитамакского у. — 394
 Кушулевский III, могильник в Дюртюлинском р-не — 67, 86
 Кушинская вол. Сибирской дор. — 191, 330
 Кушнареново, с. — 80, 81
 Куяще, р. — 131
 Куяново, д. Сибирской дор. — 456
 Кызыл, р. — 246
 Кызылташ, оз. — 238
 Кызыл Яр, см. Красный Яр
 Кыр-Кудейская вол. Сибирской дор. — 191, 246
 Кыркули-Минская вол. Ногайской дор. — 299
 Кыр-Унларская вол. Сибирской дор. — 191
 Кыпсакская вол., см. Кипчакская
 Кыргызская вол., см. Киргизская
 Кыштымский Верхний з-д — 265, 278, 294, 318, 327, 358
 Кыштымский Нижний (Кеолимский) з-д — 265, 278, 294, 300, 318, 327, 358
 Кюнь, стоянка в Красноуфимском р-не — 29
 Лагеровский, могильник в Салаватском р-не — 81, 83
 Лапас, дюна-могильник в Астраханской обл. — 89
 Латинское (Масленный мыс), с. Казанской дор. — 186

- Лейпциг, г.— 396, 397
 Лейпциг, станица в Оренбургской губ.— 363
 Лошня, д. в Смоленской обл.— 394
- Магнитная, см. Атач
 Магнитогорск (Магнитная креп.), г.— 34, 313, 354
 Мазино (Старый Шуран), д. Казанской дор.— 186
 Макарьевская (Нижегородская) ярмарка — 281
 Максимовка, д. Уфимской округи — 185
 Максютово, д. Кугарчинского р-на — 159
 Малая Азия — 134
 Малая Ока, д. Троицкого у.— 423
 Мало-Кизильское, поселение близ г. Магнитогорска — 36
 Мало-Муйнаково, д. Троицкого у.— 343
 Малые Качаки, д. Бирского у.— 420
 Малый Инзер, р.— 190
 Малый Кизылов, р.— 190
 Малый Узень, р.— 149
 Малый Черемшан, р.— 78, 121, 459
 Маслянский, острог Шадринского у.— 184
 Медина, священный г. мусульман — 162, 244, 477
 Межовка, д. Челябинской обл.— 43
 Мекка, священный г. мусульман — 158, 162, 244, 477
 Мелегес, д. Сибирской дор.— 249, 250
 Мелеузовский р-н Башкортостана — 36, 44, 84
 Мензелинск, г.— 184, 208—215, 227, 238—245, 262, 281, 305, 329, 351, 389, 428, 454
 Мензелинский у. Оренбургской губ.— 262, 281, 334, 342, 364—371, 387, 404
 Меотийское оз., см. Азовское море
 Меркит-Минская (Миркит-Минская) вол. Ногайской дор.— 189
 Меркитская вол. Ногайской дор.— 233
 Месягутово, с. Сикиязской вол. Уфимского у.— 420, 423, 425
 Мехонский (Мехонск), острог Шадринского у.— 184, 211
 Миасс, р.— 126, 180, 218, 237, 251, 278, 320, 459
 Миасская, креп.— 223
 Миасский з-д — 278, 450
 Миасские рудники — 384
 Миловка, д. под г. Уфой — 36
 Миниус, р.— 285
 Минская вол. Ногайской дор.— 183, 189, 190, 199, 232
 Минский з-д — 278
 Миньярский з-д — 278, 376
 Михайловка, д. Бугульминского у.— 430
 Михайловское, укрепление — 359
 Младший жуз, см. Казахский жуз Младший
 Молево Болото, д. Смоленского у.— 394
 Монастырские Дуваней, с. Уфимского у.— 187
 Монголия — 73
 Московское (Московия), гос-во — 134
 Москва, г.— 14, 132—144, 211—222, 296, 358, 395, 414, 461
 Москово, д. Бирского у.— 453
 Московская губ.— 323, 378
 Мосоловка, поселение Воронежской губ.— 36
 Мотовилихинский з-д — 456
 Мрсяимовский, могильник в Караидельском р-не — 85
 Мрясово, д. Стерлитамакского у.— 343, 476
 Муллино I, I I, стоянки в Туймазинском р-не — 19, 32
 Муракаевский, могильник в Абзелиловском р-не — 85
 Мурат, стоянка в Зауралье — 24
 Мурзаларская вол. Уфимского у.— 235, 421
 Мурзинская, слоб. Исетской пров.— 208, 211, 214
 Мусино, д. Уфимского у.— 403
 Мыс Безымянный, стоянка в Зауралье — 24
 Мысовая (Урта-тюбе), стоянка на восточном склоне Уральских гор — 19, 20, 30
 Мысовочелнинский приказ Мензелинского у.— 430
- Нагайбак (Нагайбацкая, Ногайбакская), креп.— 223, 268, 308, 330, 391
 Невьянский монастырь в Зауралье — 210, 211
 Нейва, р.— 211
 Нижегородская ярмарка, см. Макарьевская
 Нижегородский у. Нижегородской губ.— 265, 293
 Нижнее Карышево, д. Бирского у.— 419
 Нижнее Поволжье — 49, 52, 73, 93, 96, 97, 281
 Нижнее Тирмэ, д. Чишминского р-на — 157
 Нижнеозерная, креп. — 354
 Нижнеташево, д. Стерлитамакского у.— 402
 Нижнеяицкая линия — 224
 Нижние Киги, д. Троицкого у.— 422
 Нижние Куваты, д. Казанской дор.— 186
 Нижний Новгород, г.— 365, 387
 Нижний Тагил, г.— 24, 35
 Нижний Сардык, с. в Туймазинском р-не — 35
 Нижние Чебенли, д. Оренбургской губ.— 477
 Николаевское, укрепление — 359
 Николо-Березовка, с.— 213
 Нимислярово, д. Сибирской дор.— 249
 Новая Слобода, с.— 185
 Новгородская губ.— 406
 Новое-Балтачево, д. Кар-Таныпской вол. Бирского у.— 427
 Новое Дюртиюкеево, д. Бирского у.— 419
 Новое Кизганово, д. Бирского у.— 419
 Новое Килимово, д. Белебеевского у.— 403
 Новое Тимкино, д. Уфимского у.— 403
 Ново-Илекский р-н Оренбургской обл.— 335
 Новоилецкая линия — 405
 Ново-Ишимская линия — 252
 Ново-Кабановское, городище в Красноуфимском р-не Татарстана — 68, 69
 Новокулево, д. Уфимского у.— 401
 Новопесчанский, острог Исетской пров.— 184

- Новопетровское, укрепление — 415, 416
 Ново-Сасыкульский, могильник в Бакалинском р-не — 67, 69, 71
 Ново-Турбаслы, д. в Благовещенском р-не — 79
 Ново-Турбаслинское I I, поселение — 78, 79
 Ново-Турбаслинский, могильник — 80
 Новошешминск, креп. — 184, 233
 Новые Атикеевы, д. Осинской дор. — 185
 Новые Ябалакы, д. в Чишминском р-не — 38
 Новый Ибракай, д. в Стерлибашевском р-не — 36
 Новый Уфимский могильник — 64
 Ногайская (Нагайская) дор. Уфимского у., (Уфимской пров.) — 150, 183—195, 208—219, 231—247, 306, 439
 Ногайская Большая Орда — 5, 125, 143, 177, 239, 480
 Ногайская Малая Орда — 139, 239
 Ногайская Средняя Орда — 239
 Нугуш, р.— 140, 141, 461
 Нуркино, д. Бирского у.— 325, 419
 Нязе-Петровский (Назе-Петровский, Уфимский) з-д — 252, 277
- Обва, р.— 145
 Обдеево, д. Сибирской дор.— 249
 Обь, р.— 145
 Одесса, г.— 405
 Озерская, д. Уфимского у.— 421
 Озерки, д. Красноуфимского у.— 424
 Ока (Ака), д. Сибирской дор.— 323, 422
 Окуневский дистрик — 229
 Окуневский, острог — 237
 Оренбург, г.— 12, 130, 141, 222—235, 246—264, 291, 296, 312, 326, 335, 351, 385, 399, 402—423, 445—454, 464, 476, 486
 Оренбургское укрепление — 399
 Оренбургская губ.— 188, 262, 274—282, 293, 312, 328, 334—343, 353, 364, 370, 380, 397, 405, 419, 430, 446—465, 478, 483
 Оренбургский край — 269, 335, 393, 411, 457, 478, 485
 Оренбургская линия — 273, 290, 354—360, 405, 411
 Оренбургская обл.— 55, 87, 98, 262
 Оренбургская пров.— 262, 274, 276
 Оренбургский район — 312
 Оренбургский у.— 262, 273, 274, 334, 341, 342, 354, 363, 364, 367, 369, 387, 405, 429
 Оренбуржье — 50, 412
 Орловка, д. Сибирской дор.— 186
 Орловская губ.— 336
 Орлю, местечко — 395
 Орск, г.— 12, 223, 335, 363, 414, 448, 458, 459
 Орь, р.— 22, 130, 222, 223, 225, 231—234
 Орский у. Оренбургской губ.— 363
 Оса, пригород — 184, 216, 238, 250, 310, 321, 330
 Осиновка, д. Осинской дор.— 185
- Осинская вол. Пермской пров.— 325
 Осинская дор. Уфимского у. (Уфимской пров.)— 150, 183, 185, 186, 188, 189, 191, 192, 202, 207, 210, 216, 232, 250, 268, 317, 318
 Осинский район — 308
 Осинский у. Пермской губ.— 334, 343, 367, 439
 Осинское, городище в Пермской обл.— 68
 Остров, д. в Пермской обл.— 19
 Охлебинино, с.— 64
 Охлебининское II (Ак-Таш), городище в Иглинском р-не — 64, 69, 86
 Ошель, г. Волжской Булгарии — 120
- Париж, г.— 397, 469
 Париж, станция Оренбургской губ.— 363
 Пелым, г.— 295
 Пензенская губ.— 336, 339, 427
 Переволоцкая, креп.— 325
 Переволочанский, могильник на юго-востоке Башкортостана — 52
 Передняя Азия — 27, 135
 Пермская губ.— 279, 335, 357, 387, 405, 424, 431
 Пермский край — 145
 Пермская обл.— 19, 62, 100
 Пермская пров.— 303, 310, 311, 321, 325, 329
 Пермский у.— 334, 343, 367
 Песчанское, с. Челябинского у. Оренбургской губ.— 431
 Петербург (Санкт-Петербург, Ленинград), г.— 218, 243, 254, 297, 358, 387, 395, 404, 411, 428, 449, 454, 462, 482
 Петропавловская, креп. — 354, 408, 409
 Петряево, д. Чишминского р-на — 38
 Пещерный Лог, стоянка в Пермской обл.— 19
 Поволжье — 38, 86, 97, 131, 175, 185, 196, 257, 327
 Подлубово, д. Бирского у.— 419
 Поднепровье — 38
 Покровский курган в Куйбышевской обл.— 87, 124
 Покровский з-д — 251, 255, 303, 304
 Покровское, с. Осинской дор.— 185
 Полевской з-д — 194, 237
 Польша — 299, 390, 396, 415
 Постальское, городище в Удмуртии — 74
 Предуралье — 32
 Преображенский (Зилаирский) з-д — 251, 255, 256, 303, 305, 327, 377, 381
 Преполовенковский курган в Куйбышевской обл.— 87
 Приазовье — 93, 169
 Приаралье — 54, 86, 91, 108
 Прииртышье — 98
 Прикамье — 24, 29, 33, 70, 75, 79, 83, 233, 310, 438
 Прикаспий — 21, 24, 73, 108
 Прикубанье — 139
 Приуралье — 24, 30—43, 73—80, 83—93, 95, 131, 175, 212, 275, 334, 426, 438, 440

- Причерноморье — 73, 79, 92, 97, 125, 429
 Псак, д. Казанского у.— 311
 Пухова, слоб. Сибирской дор.— 309
 Пышма, р.— 208
 Пьяный Бор, с. Мензелинского у.— 212
 Раимское, укрепление в Казахстане — 359, 399
 Рассыпная, креп.— 354
 Рахинка, могильник в Волгоградской обл.— 89
 Ревдинский з-д — 194, 242, 311
 Регурдю, местечко на юге Франции — 21
 Режь, р.— 210
 Рим, г.— 47
 Рогервик, см. Балтийский порт
 Рождественская пустынь, см. Илбахтин монастырь
 Рождественское (Печенкино), с. Бирского у.— 185
 Романовка, д. в Уфимском р-не — 78
 Романовка II и III, стоянка в Приуралье — 24
 Рославль, г.— 395
 Рославльский у. Смоленской губ.— 395
 Россия (Русь, Русское государство) — 5, 120, 132—139, 179—183, 220, 221, 257, 276, 282, 295, 312, 334—338, 352, 365, 376, 388, 399, 400, 432, 438, 455—464, 471, 480, 484
 Рось, р.— 94
 Рудни, местечко — 394
 Ростовский у.— 220
 Рут, р.— 108
 Рыбинск, г.— 387
 Рысаево, д. Белебеевского у.— 402
 Рязанская губ.— 336
 Рязанская дор.— 394
 Сабакай III, пещера в Дуванском р-не — 21
 Сабольч-Вонгатапарт, могильник древней Венгрии — 84
 Сакмара, р.— 43, 50, 185, 190, 285, 332
 Сакмарская линия — 224, 313
 Сакмарск, городок — 185, 226, 234, 247, 312, 313, 320
 Салаватский р-н Башкортостана — 123
 Салжаутская (Салжеутская, Салзаутская, Салжугутская) вол. Сибирской дор.— 191, 194, 331
 Салзаутская вол., см. Салжаутская
 Сальзегутово, д. Уфимского у.— 403, 421
 Салихово, д. Уфимского у.— 454
 Салмыш (Саилмыш), р.— 130, 285
 Самара, р.— 32, 34, 87, 93, 97, 125, 143, 190, 223, 251
 Самара, г.— 212, 216, 305, 402, 419, 448
 Самарканд, г.— 476
 Самарская губ.— 334
 Самарская линия — 224
 Самарская Лука, р.— 120
 Самерово, д. Троицкого у.— 422
 Сантас, гора — 89
 Сапашево, д. Белебеевского у.— 394
 Сарай-Бату, г., первая столица Золотой Орды — 122
 Сарай-Берке, г., столица Золотой Орды в XIV в.— 122
 Сарайчик, г.— 130
 Саралиминская (Сарайли-Минская, Саралинская) вол. Казанской дор.— 186
 Сарапул, пригород, а затем г.— 216, 310
 Сарапульская вол. Казанского у.— 325
 Сарапульский у. Вятской губ.— 334, 343, 353, 367
 Саратов, г.— 216, 217
 Саратовская губ.— 335, 337, 339, 341, 378, 429
 Саратовская обл.— 87, 93
 Саратовский у.— 149
 Сарашево, д. Гайнинской вол.— 256
 Саркела (Белая Вежь), креп.— 87, 92
 Сарсазы, д. Красноуфимского у.— 422
 Сартминская вол. Ногайской дор.— 189
 Сартово, с. Троицкого у.— 425
 Сартовская вол. Уфимского у.— 421
 Сарысу, р.— 122
 Сасыкуль, д. Уфимского у.— 403
 Саткинский з-д — 278, 303, 315, 320, 327, 375, 381, 450
 Сауз II и III, стоянки в низовьях р. Белой—29, 32
 Свердловская обл.— 186
 Свислочь, местечко на берегу р. Буг — 395
 Свяга, р.— 135
 Свяжск, г.— 135
 Свяжский у. Казанской губ.— 284, 285
 Северная Африка — 135
 Северное Приаралье — 73, 86
 Северное Причерноморье — 32, 37, 50, 52, 58
 Северный Донец, р.— 41
 Северный Кавказ — 79, 82, 97, 122, 163, 216
 Северный Казахстан — 34, 40, 46
 Северный Китай — 22
 Северный Прикаспий — 32
 Северный Урал — 17, 86
 Сеитов Посад (Каргала), слоб. Оренбургской губ.— 225, 281, 282, 291, 446, 476, 477
 Сейтаково, д. Бирского у.— 419
 Селясово (Сиясу), д. Бирского у.— 420, 454
 Семирежье — 86
 Сергиевск, креп.— 184, 217, 262, 418
 Сергиевский у. Оренбургской губ.— 262, 264, 274
 Серпуховская дор.— 394
 Серьга, р.— 214
 Сеянтусы, д. Балыкчинской вол.— 235
 Сибай, г.— 59
 Сибайский, могильник в Баймакском р-не — 52
 Сибирь — 130, 151, 163, 249, 339, 403, 425, 440, 455, 476
 Сибирская дор. Уфимского у. (Уфимской пров.) — 146, 150, 183, 202, 218, 235, 237, 240—248, 269, 288, 302, 330, 439, 456
 Сибирская губ.— 258, 259, 275, 293, 305, 312, 333

- Сибирская линия — 300
 Сибирское ханство — 5, 125, 131, 133, 136, 145, 148
 Сива, р.— 74
 Сикияз, с. Уфимского у.— 421
 Сикиязская вол. Уфимского у.— 420
 Сияласу, см. Селясово
 Сим, р.— 126, 246
 Симбирская губ.— 337, 339, 378, 429, 459, 481
 Симбирский у. Казанской губ.— 265, 284, 285
 Симский э-д — 278, 303, 376, 377, 383, 403, 461
 Синташта, могильник в Челябинской обл.— 40, 41, 45
 Смоленск, г.— 394
 Смоленская губ.— 336
 Смоленская дор.— 395
 Сок, р.— 278, 456
 Сокол, р.— 130
 Соликамск, пригород, затем г.— 192
 Соликамский у.— 210
 Соловарный городок (Табынск) Ногайской дор.— 190, 214, 215, 216, 217
 Соловецкий монастырь — 408
 Солоха, курган в Причерноморье — 70
 Соль-Илецк, см. Илецкая Защита
 Сорочинская, креп.— 325
 Союз Советских Социалистических Республик (СССР), гос-во — 17
 Спасский монастырь в Кунгурском у.— 208
 Средиземноморье — 38
 Среднее Зауралье — 26
 Среднее Поволжье — 24, 62, 78, 133, 207, 228, 259
 Среднее Прикамье — 30, 33, 76, 83
 Средне-Миасский, острог в Зауралье — 184
 Средний Бугалыш, д. Красноуфимского у.— 422
 Средний жуз, см. Казахский жуз средний
 Средний Урал — 21, 24, 311
 Средняя Азия — 27, 49, 79, 91, 101, 122, 133, 151, 163, 182, 199, 221, 259, 331, 342, 399, 406, 457, 476
 Ставрополь, г. — 305
 Стамбул, г.— 477
 Старое Балтачево, д. Бирского у.— 427
 Старое Дюргюкеево, д. Бирского у.— 419
 Старое Кангильдино, д. Бирского у.— 419
 Старое Кизганово, д. Бирского у.— 419
 Старое Тимкино, д. Уфимского у.— 403
 Старо-Кабановское, поселение в Калтасинском р-не — 43
 Старокулево, д. Уфимского у.— 401
 Старо-Нагаевская, стоянка в Южном Приуралье— 33
 Старо-Халиловский, могильник в Салаватском р-не — 83, 101
 Старо-Киишкинский, могильник в Кармаскалинском р-не — 52, 55
 Старо-Яппарово, могильник в Давлекановском р-не — 45
 Старые Атикеевы, д. Осинской дор.— 185
 Старые Ябалаклы, д. в Чишминском р-не — 45
 Степановский, острог в Кунгурском у.— 208
 Степная, креп.— 354
 Стерля, р.— 126, 140
 Стерлибашево, д. Стерлитамакского у.— 446, 453, 477
 Стерлибашевский р-н Башкортостана — 36
 Стерлитамак (Ашкадарская соляная пристань), г.— 12, 290, 324, 351, 388, 413, 433, 449, 454, 461
 Стерлитамакский у.— 262, 343, 364, 373, 387, 429, 437
 Сувар, г. Волжской Булгарии — 120
 Сувун-Кипчакская (Суун-Кыпсакская) вол. Ногайской дор.— 255, 319
 Султанаево, д. Гайнинской вол.— 256
 Султаново, д. Бирского у.— 420
 Сунгирь, стоянка во Владимирской обл.— 20, 22
 Сунларская вол. Сибирской дор.— 300
 Сунь, р.— 213
 Сура, р.— 120
 Сургут, р.— 456
 Суртанды VI, VIII, стоянки в Абзелиловском р-не — 24, 33
 Суюндуково, д. Оренбургской губ.— 446
 Сухозы д. Осинской дор.— 249
 Сходнево, д. Бугульминского у.— 430
 Сызгинская вол. Сибирской дор.— 191
 Сылта, р.— 145, 208, 212, 278
 Сылвенский э-д — 311
 Сырнянская (Сырнянская, Сянгринская, Сырлянская) вол. Казанской дор.— 191
 Сыр-Дарья (Йенчу), р.— 86, 89, 92, 399
 Сырдарьинская линия — 399
 Сюнь (Сюн), р.— 66, 67, 76, 131, 278
 Сюндюково, д. Сибирской дор.— 204
 Табынск (Соловарный городок) — 63, 184, 202, 204, 226, 238—246, 269, 315, 403, 461
 Табынская вол. Ногайской дор.— 190, 202, 233
 Тавда, р.— 81, 86
 Тавлыкаевский, могильник в Баймакском р-не— 42
 Тагаево, д. Осинской дор.— 249
 Таганай, гора — 461
 Таджикистан — 17
 Тазларово, д. Оренбургской губ.— 249, 446
 Такталачукский, могильник в Актанышевском р-не Татарстана — 44, 81, 86
 Талицкий, стоянка на р. Чусовой — 21
 Таловская вол. Челябинского у. Оренбургской губ.— 431
 Тамбовская губ.— 336, 339
 Тамьянская вол. Казанской дор.— 190, 231
 Тамьянская вол. Ногайской дор.— 226, 234, 255, 299
 Танаис, см. Дон
 Таналык, р.— 50, 130
 Таналыцкая, креп.— 354

- Тангаурская (Тингаурская, Тюнгаурская) вол. Ногайской дор.— 190, 255, 256
Тангаурская вол. Верхнеуральского у.— 402
Танкеевский, могильник в Куйбышевском р-не Татарстана
Танып, р.— 98, 126, 251, 269, 329, 461
Таныпская вол. Сибирской дор.— 191
Таптыковское, городище близ Уфы — 83
Тара, р.— 145
Тара, г.— 145
Тастуба, с. Уфимского у.— 421, 423
Татарстан — 61, 62, 80, 94
Татищева, креп.— 312, 320, 354
Таш-Елга, д. в Янаульском р-не — 63, 71
Таш-Казган, рудник в Учалинском р-не — 34, 38
Ташкент, г.— 225
Ташлинский рудник — 255
Ташлы (Ташла, Тошлы), р.— 285
Тверской у. — 265
Телевая, д. Уфимского у.— 438
Телевская (Тялевская) вол. Ногайской дор.— 190, 402
Терси, д. Исетской пров.— 311
Терсюцкая, д. Исетской пров.— 309
Терсяцкая (Терсятская) вол. Сибирской дор.— 191, 331
Терсятский острог — 184
Теча, р.— 186, 218, 237
Теченская, слоб. — 229, 233, 235, 237
Тешик-Таш, грот в Средней Азии — 20
Тибрюк, р.— 140
Тиинск, креп. — 184
Тильзит, г. — 484
Тимкино, д. Бирского у.— 419
Тимошкино, д. Бураевской вол.— 325
Тирасполь, г. — 397
Тобол, р.— 24, 85, 110, 133, 190, 218, 237, 247, 354
Тобольск (Чердынь), г.— 144, 145, 146, 180, 209, 212, 214
Тобольская губ.— 401
Тобольский у. Сибирской губ.— 183, 209
Тогузлы, д. Троицкого у.— 422
Ток, р.— 240, 369
Токмаклы, д. Уфимского у.— 403
Толстопятовское, с. Каменской вол. Челябинского у.— 430
Тор, р.— 140
Тра-Тауское, городище в Краснокамском р-не— 69
Трикольское (Серенькино), городище — 69
Троицк (Троицкая креп.), г.— 12, 267, 281, 320, 354, 363, 388, 407, 423, 437, 449
Троицкие (Верхний и Нижний) з-ды — 277, 318, 402
Троице-Саткинский см. Саткинский з-д
Троицкий у. Оренбургской губ.— 262, 334, 343, 364, 371, 387, 401, 405, 424
Тубангас, р.— 141
Тугаево, д. Бирского у.— 419
Туймазинский р-н Башкортостана — 35
Тукран, д. Бирского у.— 420
Тула, г.— 387
Тульская губ.— 336
Тулава, р.— 187, 278
Тура, р.— 86, 144
Тураевская губа Байлярской вол. — 366
Турат (Илясово), д. в Хайбуллинском р-не — 170
Туринск, г. — 195, 208
Туркеево, д. Бугульминского у.— 343
Турналы (Турнали), городище в Салаватском р-не — 123
Турция — 134, 216, 240, 323, 404, 405
Тырнаклинская вол. Троицкого у.— 401, 421
Тышкы-Иланская вол. Казанской дор.— 191
Тюбелясская (Тюбелякская) вол. Сибирской дор.— 190, 233
Тюмень, г.— 144, 146, 195, 209
Тюнгак, д. Гайнинской вол.— 256
Увак, могильник в Оренбургской обл.— 89
Удмуртия — 69, 81
Узеной, р.— 90, 93
Узень, р.— 190
Узянский з-д — 278, 377, 380
Уйская, креп. — 223, 250, 308, 326
Уйская линия — 252
Уйско-Тобольская линия — 224
Укарлино, д. Сибирской дор.— 249
Уклы-Карагайская, см. Карагайская креп.
Украина — 92, 395, 406, 414, 415
Улуг-Бадрак, д. Бирского у.— 420
Улукулевское, селище в Кармаскалинском р-не— 79
Унларская вол. Сибирской дор.— 191, 204, 236, 238
Ураимский з-д, см. Нязе-Петровский
Урал (Яик), р.— 26, 94, 121, 251, 335, 432, 483
Урал (Уральские, Уральский), горы, хребет — 17, 24, 35, 50, 93, 106, 133, 188, 313, 352, 398, 441, 459, 475, 483
Урал, регион — 11, 14, 22, 38, 69, 72, 188, 193, 257, 275, 280, 305, 374, 377, 400, 432, 474, 484
Урало-Волжский регион (Урало-Поволжье), см. Волго-Уральский
Уральская обл.— 60, 89
Уральск (Яицкий городок), г.— 281, 354, 359, 414, 451, 483
Уральское укрепление — 359, 399
Уранская вол. Осинской дор.— 186, 191, 192
Ургенч, г.— 96
Уркуш, р.— 141
Урман-Гирейская вол. Осинской дор.— 191, 192
Урман-Кудейская вол. Уфимского у.— 367
Уртазымская, креп.— 316, 354
Уртыш, гора — 456
Уршак, р.— 98, 139
Усва, р.— 145

- Усень, р.— 139
 Усень-Ивановский з-д — 277, 383, 402
 Усерганская вол. Ногайской дор.— 190, 255, 463
 Усманов, д. Бирского у.— 419
 Успенский, монастырь — 205
 Устюрт, плато — 54
 Усть-Айская, стоянка на р. Ай — 29, 31
 Устьбугалыш, д. Красноуфимского у.— 422
 Устьикинское, д. Троицкого у.— 423
 Усть-Ирбитская, слоб. в Зауралье — 208, 210
 Усть-Катавский з-д — 277, 303, 358, 450
 Усть-Миасский, острог — 184
 Усть-Суерская, слоб.— 218
 Усть-Уйская, креп. — 354
 Усть-Юрюзанская, стоянка на р. Юрюзань — 29, 31
 Уткинская, слоб.— 214, 217
 Уткинский з-д — 311
 Утыз Иман, д. Чистопольского у., ныне д. Новая Кади Чирмешанского р-на Татарстана — 476
 Утяганов, д. Стерлитамакского у.— 470
 Утяцкая, слоб.— 237
 Уфа, г.— 36, 55, 63, 78, 86, 139, 145, 179, 183, 192, 202—215, 222, 231—240, 252, 260, 268, 275, 281, 300, 312—317, 327, 335, 351, 365, 387, 413, 424, 433, 447—454, 464, 476, 481—485
 Уфа, городище — 79
 Уфа, р.— 31, 76, 98, 126, 139, 143, 180, 214, 238, 269, 278, 281, 307, 320, 325
 Уфалейский з-д — 278
 Уфимская вол. Сибирской дор.— 195
 Уфимская пров. (уезд) Казанской губ.— 149, 180, 198, 203, 210, 228, 229
 Уфимский полуостров — 179
 Уфимский у. Оренбургской губ.— 262, 274, 334, 343, 367, 373, 387, 401, 420, 424, 438, 456, 460
 Уфимский Христорожественский монастырь — 205
 Уфимское (Чертово) городище — 86, 123, 131
 Уфимское наместничество — 262, 280, 288, 482
 Учалинский р-н Башкортостана — 7, 24, 34
- Фергана (Давани), г.— 92
 Филипповка, с. Илекского р-на Оренбургской обл.— 60
 Фридланд (Фридланд), местечко — 391
 Франкфурт-на-Майне, г. в Германии — 397
 Франция — 390, 391
- Хазарский каганат (Хазария) — 82, 90, 91
 Хазарское, см. Каспийское море
 Харьков, г.— 122, 432
 Хасаново, д. Верхнеуральского у.— 343
 Хвалынский у. Саратовской губ.— 334
 Хивинское (Хива) ханство — 398, 399
 Хорезм (Харазм, Хуваризм), ханство — 57, 122, 124
- Хусаиновский, могильник в Абзелиловском р-не — 83
- Царево-Городище (Царево), слоб. Тобольской губ.— 218, 237
 Целинный, пос. в Абзелиловском р-не — 52
 Центральная Азия — 73, 151
 Цивильский у. Казанской губ.— 284
- Чалнинский Богородицкий монастырь — 205
 Чалны, р.— 186
 Чалны (Челны), село Мензелинской округи — 186
 Чанким (Чинким) — Кипчакская вол. Ногайской дор.— 255
 Чебаркуль, оз.— 24, 218, 237
 Чебаркульская, креп. — 223, 229, 237, 238, 242, 318
 Чебенки, с. Оренбургской губ.— 291
 Чебоксарский у.— 284, 285
 Чеганда I и II, городище в Удмуртии — 66, 69
 Челнарат, д. Сарапульского у. Вятской губ., с. 1802 г.— Мензелинского у. Оренбургской губ.— 343
 Челчеуцкая, д. Уфимского у.— 438
 Челябинск (Челябинская креп.), г.— 12, 223, 242, 250, 267, 281, 305, 318, 327, 351, 388, 431, 449, 454, 459
 Челябинская обл.— 24, 45, 50, 81, 98, 100, 186
 Челябинский у. Оренбургской губ.— 262, 274, 341, 358, 364, 373, 387, 405, 431, 460
 Чердын, г., см. Тобольск
 Черемшан, р., см. Большой и Малый Черемшан
 Черкасово, стоянка в Приуралье — 24
 Чермасан, р.— 97, 126, 139
 Чернигов, г.— 295
 Черное море — 151, 429
 Черноземье, стоянка на р. Иртыш — 21
 Чернореченская, креп.— 354
 Черный Яр., креп.— 328, 331, 332
 Чертанлыкулево, д. Бирского у.— 419
 Чесноковка, р.— 184, 230, 249, 250
 Чесноковка, см. Вознесенское
 Четырманово, д. Бирского у.— 425, 446
 Чехия — 396
- Чибила (Чибилна) Верхняя, Средняя и Нижняя, р.— 285
 Чимга-Тура (Тюмень), г., столица Сибирского ханства — 133
 Чинин, могильник в Волгоградской обл.— 89
 Чирлинская вол. Сибирской дор.— 300
 Чишмино, д. Бирского у.— 419
 Чишминский р-н Башкортостана — 32, 38, 45
 Чишминское, поселение в Кармаскалинском р-не — 36, 37
 Чиялик, с. в Актанышском р-не Татарстана — 86
 Чубиминская (Чуби-Минская, Субы-Минская) вол. Ногайской дор.— 189, 464
 Чукраклинское, городище в Чишминском р-не — 83

- Чумлякская (Чумляцкий острог), слоб. Верхотурского у. Исетской пров.— 184, 217, 218
 Чумляцкая вол. Челябинского у. Оренбургской губ.— 431
 Чуран, р.— 369
 Чусовая (Чюсовая), р.— 19, 62, 98, 145, 180, 208, 213
 Чушка-куль, урочище в Казахстане — 398
 Чуюнчи, д. Белебеевского у.— 401
- Шадринский дискрикт Исетской пров.— 229
 Шадринский у. Исетской пров., затем Пермской губ.— 339, 343, 367, 431
 Шайтан (Шейтан)-Кудейская вол. Сибирской дор.— 297, 402, 464
 Шайтанский (Верхний и Нижний) з-ды — 311
 Шалкар (Челкар), оз. в Западном Казахстане—87
 Шамшадинская (Шемшадинская) вол. Казанской дор.— 185, 186, 191
 Шаран, р.— 278
 Шаранский, см. Архангельский з-д
 Шаревский, могильник в Кармаскалинском р-не— 80
 Швеция — 134
 Шемша, р.— 94
 Шермяитский (Шермяикский, Шермеицкий) з-д— 277
 Шешминская, креп.— 232
 Шиды, д. Сибирской дор.— 249
 Шикаевка II, стоянка на р. Тобол — 24
 Шилвинский з-д — 194, 382, 383, 435, 436
 Шилна Большая, с. Казанской дор.— 186
 Шиповский, могильник в Иглинском р-не — 63, 64
 Шкадра, р.— 130
 Шланлыкулево, д. Елабужского у. Вятской губ.— 343
 Шлиссельбургская, креп.— 260
 Шокурово, д. Красноуфимского у.— 422, 424
 Шульган-Таш (Каповая), пещера на р. Белой в Бурзянском р-не — 7, 21, 22
- Эмба, р.— 398
 Эмбенское, укрепление в Казахстане — 398
 Эрфурт, г. — 397
- Юговские (Верхний и Нижний) з-ды — 194, 448
 Южная Африка — 17
 Южное Зауралье — 76, 30, 38, 40, 96
 Южное Прикамье — 76
- Южное Приуралье — 30, 53, 85—89, 92, 94, 96, 124
 Южный Прикаспий — 24
 Южный Урал — 10, 12, 18, 27, 32, 36, 48, 52, 67, 74, 87, 96, 101, 121, 141, 167, 181, 224, 286, 293—296, 318, 332, 334, 374, 379, 437, 438, 459—462, 487
 Юзеево, д. Недыровой вол. Уфимского у.— 298, 326
 Юкаликулевское, поселение в Кигинском р-не — 43
 Юмран-Ибрагимово, д. Уфимского у.— 343
 Юлдашевский, могильник в Илишевском р-не — 67, 71
 Юргайген, местечко в Германии — 391
 Юрма, д.— 461
 Юрматынская (Юрматинская) вол. Ногайской дор.— 190, 231, 233, 234, 238, 244
 Юрмаш, д. Осинской дор.— 185
 Юрюзань, р.— 21, 29, 31, 43, 190, 246
 Юрюзань-Ивановский (Юрюзанский) з-д — 277, 303, 358, 379, 428, 450
 Юшатырь (Куюргаза, Нашатырка, Юшатырка), р.— 130, 285
- Явметево, д. Бирского у.— 419
 Яик (Урал), р.— 129, 136, 147, 190, 195, 219, 222, 246, 255—259, 297, 303, 458
 Яицкая линия — 296
 Яицкий городок (г. Уральск) — 195, 252, 295, 305, 312, 328, 459
 Яицкий р-н — 312
 Яйва, р.— 145
 Якты-Куль, стоянка в Зауралье — 24
 Ялязикулево, д. Бирского у.— 419
 Ямал, полуостров — 31
 Ямантау (Ямак, Еман-тау), гора — 461
 Ямполь, г. — 397
 Янаулово, д. Бирского у.— 420
 Янаульский р-н Башкортостана — 63, 138
 Янгелька, стоянка в Зауралье — 24
 Янгиз (Янгыз), р.— 285
 Янгикент, г., столица Огузского гос-ва — 89
 Янтузово, д. Бирского у.— 420
 Ярославово, д. Осинской дор.— 185
 Ярославка, с. Уфимского у.— 421
 Ярославский у.— 220
 Ярьяково, д. Гайнинской вол. Осинской дор.— 404

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		5
Глава I. Первобытнообщинный строй		
§ 1. Древнейшее население Южного Урала		17
§ 2. Переход к производящим формам хозяйства		27
Глава II. Эпоха бронзы и раннего железа		
§ 1. Скотоводческо-земледельческие племена эпохи бронзы		35
§ 2. Ранний железный век. Древние кочевники на Южном Урале		46
§ 3. Оседлые скотоводческо-земледельческие племена эпохи раннего железа		61
Глава III. Разложение первобытнообщинного строя		
§ 1. Южный Урал в эпоху Великого переселения народов		71
§ 2. Полукочевые племена Южноуральской лесостепи		78
§ 3. Кочевники в степях Южного Приуралья и Заволжья		86
Глава IV. Зарождение феодальных отношений. Башкирские племена в X—XV вв.		
§ 1. Происхождение башкир		91
§ 2. Хозяйство		109
§ 3. Общественные отношения		114
§ 4. Политическое устройство		120
Глава V. Присоединение Башкортостана к Русскому государству		
§ 1. Башкортостан под властью Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств		126
§ 2. Присоединение Башкортостана к Русскому государству		134
§ 3. Значение присоединения Башкортостана к России		146
Глава VI. Культура башкир		
§ 1. Материальная культура		154
§ 2. Народные знания и религиозные верования		161
§ 3. Народное творчество		166
§ 4. Письменный язык и литература		175
Глава VII. Башкортостан во второй половине XVI — первой трети XVIII вв.		
§ 1. Административное устройство. Колонизация края		179
§ 2. Хозяйство		188
§ 3. Развитие феодальных отношений		196
§ 4. Народные движения		205
Глава VIII. Активизация политики царизма в Башкортостане. Борьба народных масс против феодального и национального гнета в 30—50-х годах XVIII в.		
§ 1. Оренбургская экспедиция (1734—1744 гг.)		221
§ 2. Башкирское восстание 1735—1740 гг.		231
§ 3. Восстание тептярей и бобылей в 1747 г.		248
§ 4. Восстание в Башкортостане в 1755—1756 гг.		251
Глава IX. Социально-экономические отношения в Башкортостане во второй половине XVIII в.		
§ 1. Административные преобразования. Дальнейшее заселение края		251
§ 2. Сельское хозяйство и промыслы		251
§ 3. Промышленность и торговля		251
§ 4. Социальные отношения		251
Глава X. Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева на территории Башкортостана		
§ 1. Начало Крестьянской войны. Боевые действия в Башкортостане на первом этапе народного движения (17 сентября 1773 — март 1774 гг.)		251
§ 2. Действия главных сил Е. И. Пугачева в Башкортостане в апреле — июне 1774 г.		251
§ 3. Повстанческая борьба в Башкортостане после ухода Пугачева в Поволжье (середина июля 1774—1775 гг.)		251
Глава XI. Экономика и социальные отношения в Башкортостане в первой половине XIX в. Участие народов края в Отечественной войне 1812 г.		
§ 1. Территория и население		251
§ 2. Кантонная система управления		251
§ 3. Развитие сельского хозяйства		251
§ 4. Промышленность и торговля. Рост городов		251
§ 5. Народы Башкортостана в Отечественной войне 1812 г. Участие башкирских, мишарских, тептярских и казачьих полков в военных действиях русской армии		251
Глава XII. Борьба народных масс Башкортостана против феодально-крепостнического гнета. Отражение дворянского этапа освободительного движения в крае		
§ 1. Движение среди башкир-вотчинников, припущенников и казаков		251
§ 2. Политическая ссылка. Оренбургское тайное общество		251
§ 3. Восстание 1835 г.		251
§ 4. Антикрепостническая борьба крестьян и горнозаводского населения		251
Глава XIII. Культура народов Башкортостана во второй половине XVI—первой половине XIX вв.		
§ 1. Материальная культура башкир		251
§ 2. Образование и здравоохранение		251
§ 3. Изучение края. Печать		251
§ 4. Башкирское народное творчество. Литература		251
§ 5. Русские писатели о Башкортостане. Театр		251
Заключение		251
Список сокращений		251
Именной указатель		251
Географический указатель		251

Подпись под иллюстрацией на стр. 358
следует читать: “Златоуст. 1840 г.”

Научное издание

**ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО 60-Х ГОДОВ XIX в.**

ИБ № 5213

Редактор
Л. О. Хаирова

Художник
И. С. Файрушин

Художественный редактор
А. Р. Мухтаруллин

Технический редактор
Н. Г. Пятаева

Корректоры
И. П. Пастушкова,
Л. И. Семенова

Сдано в набор 11.01.96.
Подписано к печати 15.11.96.
Формат бумаги 70x100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Тип. Таймс.
Печать высокая.
Условн. печ. л. 41,92.
Усл. кр.-отт. 41,92.
Учетн.-издат. 48,65.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 2. Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап».
450001, Уфа-1, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001,
Уфа, проспект Октября, 2.